

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 08190607 9

*QCA

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВИЧЪ

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЯТЫЙ

МОСКВА

ВЪ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

1883

2
6078.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ*

ОЧЕРКИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ЭПОХА НАЦИОНАЛЬНАГО СОБРАНІЯ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Состояніе Франціи въ первую эпоху революціоннаго „возрожденія“. Великодушная ночь четвертаго августа.

I.

Выйдемъ изъ Собранія на улицу.

Есть любопытное свидѣтельство очевидца прямо переносащее насъ въ среду возбужденнаго населенія на другой день послѣ революціонной побѣды. Начало августа 1789 года. Революція торжествуетъ. Судьбы ужасовъ первыхъ дней послѣдовавшихъ за взятіемъ Бастиліи лопутихи. Непостовства смѣшались широкимъ своевоіемъ и общею неурядицей. Всюду шумное ликованіе, но и зловѣщіе признаки. Предчувствуются и подготавлиются новыя событія. Всюду слышно: Французы, мы свободны! Но крушеніе только-что начинается.

Очевидецъ о которомъ мы говоримъ — нѣмецкій писатель Кампе (*Briefe aus Paris zur Zeit der Revolution, von Campe. Braunschweig. 1790*). „Онъ прибылъ въ Парижъ въ началѣ

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 7 и 12 1882 и № 2 1883 года.

августа, въ эпоху упоенія революціонною побѣдой, самъ исполненный восторженнаго свободолюбія * въ революціонномъ смыслѣ. „Неужели въ самомъ дѣлѣ правда что я въ Парижѣ, начинаетъ Кампе свое описаніе въ письмѣ отъ 4 августа 1789 года, что новые Греки и Римляне коихъ вижу здѣсь вокругъ и подлѣ меня нѣсколько недѣль тому назадъ въ самомъ дѣлѣ были еще Французами; что великое представленіе исполненное здѣсь на дняхъ и ежедневно исполняемое не есть созданіе моей фантазіи, не сонъ, а дѣйствительность?“ Тѣмъ поучительнѣе картина написанная сочувственнымъ перомъ. Факты сами говорятъ за себя.

Еще приближаясь къ границѣ Франціи путешественникъ уже видѣлъ слѣды мятежныхъ волненій. Въ Тирлемонѣ „домовъ двѣнадцать принадлежавшихъ владѣльцамъ которые обнаружили нелатріотическія чувствованія стояли разграбленныя съ заколоченными окнами и дверями“. Въ Лувенѣ онъ видѣлъ площадь занятую войсками. „Въ срединѣ стояли пушки, возлѣ нихъ зарядные ящики, а на заднемъ планѣ видѣлись висѣлицы“.

Путешественникъ переѣхалъ наконецъ границу „ставшей свободною Галлію“. „Не въ силахъ описать чувство объявленное меня когда увидѣлъ я здѣсь на шалкахъ и шляпахъ всѣхъ кого только встрѣчалъ,—гражданъ и крестьянъ, старцевъ и дѣтей, священниковъ и нищихъ,—символъ счастливо достигнутой свободы, французскую кокарду. А изъ-подъ шалоковъ и шляпъ сіяли добрыя лица, гордые такимъ преимуществомъ предъ другими народами“. При въѣздѣ въ Валаансье въ стояла гражданская стража и въ сторонѣ военная, „но подъ командой гражданской“. Изъ караульной вышелъ солдатъ съ привычнымъ штыкомъ. „Долой штыкъ! закричалъ ему гражданинъ повелительнымъ голосомъ. И солдатъ мгновенно повиновался голосу гражданина, какъ прежде гражданинъ долженъ былъ повиноваться голосу солдата“. На углахъ прибиты объявленія заключающія въ себя „законы, которые вооруженные граждане сами себѣ дали“. Кампе

* Въ предисловіи Кампе высказываетъ благодарность своему правителю (Карлу-Вильгельму-Фердинанду) за дозволеніе издать въ свѣтъ эти письма. „Только въ странѣ гдѣ деспотизмъ неизвѣстенъ дозволено такъ писать о деспотизмѣ и свободѣ, какъ писалъ я“, говоритъ Кампе.

поразилъ одинъ „законъ“, запрещавшій наливатьсѣ подѣ строгимъ строгима наказанія. „Какого? спрашиваетъ онъ. Заключенія? Розогъ, или чего подобнаго? Нѣтъ; много болѣе. Если кто-нибудь напьется, то будетъ лишень чести служить своимъ согражданамъ“. Какое дѣйствіе произвелъ трогательный законъ, мимоѣзжій путешественникъ знать конечно не могъ. Но его все восхищаетъ. Ямщики любезны, почтовые смотрители предупредительны, станціи въ родѣ маленькихъ дворцовъ, хозяева постоялыхъ дворовъ честны. Вещи остаются среди улицы безъ присмотра; у дверей нѣтъ ни замковъ, ни ключей, о воровствѣ ни помину. Всѣ эти черты должны, очевидно, служить къ изображенію блаженнаго состоянія страны „оставшей свободною“. Увлеченный путникъ мимо ушей пускаетъ замѣчаніе хозяина постоялаго двора: „тридцать лѣтъ живу въ этомъ мѣстѣ и никогда ничего не залпралъ“, и не замѣчаетъ что идиллію потому едва ли можно было ставить на счетъ двѣ недѣли назадъ свершившагося переворота. Не смутило восторженнаго путешественника и то что видѣлъ онъ въ Валансьенѣ на Большой площади. „Здѣсь только-что привязали двухъ бѣдныхъ крестьянъ. Они съ нѣсколькими сотнями другихъ, въ чаду радости по поводу непривычной для нихъ свободы, побѣжали въ сосѣднее аббатство чтобы принудить прелатовъ уплатить имъ издержки процесса о десятинѣ, который они вели нѣскольکو лѣтъ и прошерали на судѣ. Несчастные (?) позволили себѣ при этомъ нѣкоторыя насильственныя дѣйствія и осмѣлились сопротивляться вооруженнымъ гражданамъ Валансьена, прибѣжавшимъ чтобъ утишить волненіе. Граждане захватили наиболѣе бушевавшихъ и двое изъ нихъ должны теперь, для устрашающаго примѣра другимъ, поплатиться жизнью.“

При вѣздѣ въ предмѣстье Парижа со стороны Монмартра, первое что бросилось въ глаза путешественнику были толпы „оборванныхъ героевъ... тѣхъ которые, по крайней мѣрѣ частію, взяли Бастилію“. Число этихъ „спартавскихъ героевъ“ простиралось до 15.000. Ихъ вывели „прельщеніемъ“ изъ города на Монмартръ и Мениальмонтанъ чтобы выравнять дороги подѣ наблюденіемъ вооруженныхъ гражданъ и пріобрѣтать такимъ образомъ хлѣбъ и заработокъ.

На утро путешественникъ вышелъ на улицы Парижа. Толпы народа стоятъ предѣ караульными домами національ-гардовъ, предѣ булочными и предѣ зданіями на стѣнахъ конхъ

наклеены афиши. „Этихъ афишъ и объявленій можно увидать на всѣхъ улицахъ, особенно на двухъ сторонахъ угловыхъ домовъ, на всѣхъ стѣнахъ общественныхъ зданій, на набережныхъ и на площадяхъ, такое безчисленное множество что быстрый ходокъ и ловкій чтець едва ли бы могъ въ теченіе дня, съ утра до вечера, успѣть прочесть хотя бы тѣ афиши которыя новыя наклеены въ этотъ день. Афиши заключаютъ въ себѣ или распоряженія и извѣщенія отъ думскаго управленія, отъ вооруженныхъ гражданъ вообще, отъ отдѣльныхъ участковъ, или объявленія отъ имени разныхъ общинъ, обществъ, отдѣльныхъ лицъ, оловѣщающія гражданъ о томъ что произошло или что предстоитъ. Посудите какъ такая публичность, такое участіе всѣхъ во всемъ должны вліять на развитіе силъ человѣческой души и образованіе ума и разума людей (auf die Entwicklung des menschlichen Seelenkräfte, besonders auf die Verstand-und Vernunftausbildung!). Предъ каждымъ домомъ уклеенномъ афишами, напечатанными крутымъ шрифтомъ на большихъ листахъ, стоитъ пестрая, смѣшанная публика носильщиковъ и франтовъ (feinen Herrn), рыбныхъ торговцевъ и разодртыхъ дамъ, солдатъ и священниковъ. Стоять плотными, но дружественными кучками, съ поднятыми головами, жадно устремляя взоръ на афишу, читая то про себя, то громко вслухъ, обсуждая и споря. Десять или двадцать шаговъ далѣе, наталкиваешься на такую же пеструю кучку окружающую присловенный къ стѣнѣ подъ навѣсомъ небольшой столикъ со сложенными газетами и брошюрами. Такіе же листки разносятся по всѣмъ улицамъ разнощиками выкликающими не только ихъ заглавіе, но и главное содержаніе. Часть этихъ летучихъ произведеній содержитъ новости взятая прямо съ вѣтру. Раскупаются тысячами прежде чѣмъ ложь обнаружится. При насъ въ теченіе восьми дней разнощики выкликали о происшествіяхъ будто бы бывшихъ съ г. де-Калоннъ и гжою де-Полиньякъ. Во всемъ не было слова правды. Сегодня кричатъ: высылка г. Калонна Англичавами; завтра: прощаніе англійской націи съ г. Калонномъ; затѣмъ: благодарственныя заявленія Французовъ англійской націи за высылку г. Калонна; потомъ: прибытіе г. Калонна въ Кале и т. д. А между тѣмъ Mr. de Calonne все время находился и теперь находится въ Лондонѣ.“ Въ массѣ книжонокъ и листовъ Камле попалась гравюра съ изображеніемъ народной

расправы надъ одною дамою въ Пале-Рояль, осмѣлившейся лизнуть на портретъ Неккера и немедленно *высѣченной* присутствовавшими. При гравюрѣ объяснительный ламфаетъ: „Разговоръ между вѣкиимъ дворяниномъ и его женой, которая была высѣчена въ Пале-Рояль за то что осмѣлилась ослѣзнуть изображеніе г. Неккера, исторіюка служащая продолженіемъ таковой же съ вѣкиимъ аббатомъ (Dialogue entre un noble et sa femme qui fut fessée au Palais Royal pour avoir osé conspuer le portrait de Mr. Necker, historiette faisant suite à celle de l'abbé). Вотъ слова мужа: „Да, сударыня, съ вами поступили какъ съ нашими привилегіями—безъ церемоніи. Этотъ народъ сильно измѣнился. Какъ хотите вы чтобъ онъ уважалъ женщинъ, когда онъ толчетъ ногами шпалу дворянина и крестъ духовенства, когда, подъ какимъ-то предлогомъ думать и разсуждать, безумство доводить до того что утверждаютъ будто государство отлично можетъ существовать безъ поповъ и дворянъ, будто благоденствіе милліона Французовъ исключаящее собою благоденствіе 23 остальныхъ милліоновъ противо-конституціонно и противо-націоально; когда, о лагубная превратность понятій! говорятъ только о гуманности, о свободѣ, о природѣ, разумѣ. Да, сударыня, государство это погибаетъ.“ Кампе находитъ сцену комическою.

Между карриатурами можно было видѣть изображеніе короля. Онъ нездоровъ и корчитса. Франція подноситъ ему лѣкарство изъ стклянки съ надписью: „французская конституція“. Онъ съ рѣшимостью принимаетъ микстуру. Она подѣйствовала. Король отдаетъ изъ себя „деспотизмъ“. Немедленно чувствуетъ облегченіе; глаза сіяютъ и все лицо изображаетъ полное удовольствіе. Характеристична также гравюра, изображающая авглійскую и французскую конституціи. * „Авглійская представлена въ образѣ министра Питта толчущаго ногами королю Англійи и держащаго въ одной рукѣ знамя деспотизма, а въ другой цѣпи за которыя прикованы за горло лорды и члены палаты общинъ, на колѣнахъ предъ министромъ. Въ глубинѣ весь аппаратъ пытокъ. Французская конституція изображена въ образѣ г. Неккера, поставленнаго на пьедесталѣ поддерживаемомъ герцогомъ Орлеанскимъ и г. Лафайетомъ. Министръ поддерживаетъ одною рукою корону Франціи,

* Кампе не упоминаетъ объ этой гравюрѣ. О ней говорится въ *Révol. de Paris*, отъ 5—12 сентября (№ IX, 33).

а другою поднимаетъ кверху шалочку свободы (*bonnet de liberté*)“.

Уличное броженіе умилаетъ нашего путешественника и кажется ему признакомъ великаго шага на пути политическаго воспитанія націи, сдѣланнаго въ нѣсколько недѣль. Авторъ не замѣчаетъ пропіи собственныхъ похвалъ. „Для иностранца, говори ты оны, поразительно видѣть какъ здѣсь самые простые люди изъ низшаго класса, напримѣръ водовозы, не умѣющіе въ большинствѣ читать и писать, принимаютъ горячее участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Разъ двадцать останавливаютъ они свои кадушки на улицѣ чтобы послушать что выкликаютъ разнощики, узнать что читаютъ, о чемъ говорятъ. Я много разъ видѣлъ какъ пять, шесть такихъ бѣдныхъ лоденщиковъ входятъ въ союзъ съ какимъ-нибудь своимъ товарищемъ, имѣющимъ рѣдкое преимущество умѣть читать полечатвому; дѣлаютъ складчину и обща покупаютъ газету или брошюру. И слушаютъ, между кадушками и всякимъ грузомъ, чтеца, наостривъ уши, вылуча глаза и раскрывъ ротъ. Съ удивленіемъ на дняхъ замѣтилъ я что брошюра, которую читали въ подобномъ уличномъ клубѣ водовозовъ, савояровъ и иной парижской черни, заключала въ себѣ одинъ изъ проектовъ „*Déclaration des droits des hommes.*“ Видѣть носильщиковъ толкующихъ между собою о правахъ человѣка: какое зрѣлище!“ Путешественникъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по улицѣ. „Не дойдешь, говоритъ оны, до конца—непремѣнно встрѣтишь какую-нибудь процессію. Проходить команда вооруженныхъ гражданъ; идетъ съ парада или на парадъ отрядъ національ-гардовъ въ смѣшеніи съ французскими гардами и другими перешедшими къ народу солдатами, въ разныхъ мундирахъ. Встрѣчается какая-нибудь праздничная процессія. То участковыя дѣвицы, *filles de district*, то рыночныя дамы, *dames de la Halle*, то ветошницы или цыны „дамы“, въ бѣлыхъ платяхъ, съ цвѣтами, съ развѣвающимися знаменами, сопровождаемыя трубачами, подъ прикрытіемъ „солдатъ отечества“, у которыхъ въ дула ружьевъ воткнуты букеты подаренныя дамами. Процессія идетъ къ церкви Св. Женевьевы, патронессы города, чтобы принести вѣнокъ въ благодареніе за „освобожденіе отечества“ и очастливо свершившуюся революцію. То какое-нибудь общество, напримѣръ „*les garçons de perguiquiers*“ или „*garçons de tailleurs*“, идетъ съ музыкой,

ходъ прекратилъ гардовъ и вооруженныхъ гражданъ къ дому г. Лафайета и къ думѣ чтобы привести какую-либо жалобу, просить объ отъѣздѣ чего-либо. * По временамъ цѣлыя торжественныя процессіи всего участка, при колокольномъ звонѣ и громѣ лупекъ, сопровождаемыя тысячею и болѣе вооруженныхъ людей, отправляются въ приходскую церковь чтобы отслужить, при траурныхъ звукахъ военной музыки, лавшиду по лавшимъ при взятіи Бастиліи, прослушать рѣчь проповѣдника, сдать скромный сборъ въ пользу вдовъ и сиротъ погибшихъ.“

„Въ этомъ мѣсяцѣ, говорится въ *Révolutions de Paris* (№ VIII, 29 августа 1789, стр. 2) произнесено было въ Парижѣ болѣе двухъ тысячъ привѣтственныхъ рѣчей, весьма длинныхъ, въ которыхъ Французы поставляютъ превыше народовъ Греціи и Рима... Каждый день видимъ священныя знамена, дѣвъ въ процессіяхъ и военные парады“ (VIII, 31).

Камле былъ въ приходской церкви участка les petits Augustins, на заупокойной обѣднѣ въ память лавшихъ при взятіи Бастиліи. Эти заупокойныя торжества тогда вошли въ моду. Въ первое время послѣ пресловутаго „взятія“ о лавшихъ никто и не помышлялъ. *Парижскія Революціи* себя приписываютъ честь (№ VI, 6) что „обратили вниманіе общества на убитыхъ и раненыхъ при Бастиліи, на ихъ семейства и дѣтей.“ Начали разыскивать. Лафайетъ не успѣлъ посѣтить нѣкоторыя изъ такихъ семействъ въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ. Не обошлось, впрочемъ, безъ значительныхъ недоразумѣній. Оказалось что орденъ снятый съ несчастнаго коменданта Бастиліи Делоне, и тутъ же „пожалованный народомъ“ солдату его захватившему, очутился на двухъ особахъ. Изъ нихъ *Révolutions de Paris* взяли подъ свое покровительство храбраго гренадера Арне (Hagné), а участокъ Барнабитовъ (de Barnabites) за то же воздавалъ почести фузелеру (fusilier) Анри Дюбуа и возилъ его съ триумфомъ по улицамъ. Одинъ очевидецъ „подвиговъ Арне“ помѣстилъ на страницахъ *Революцій* свою рекламацию (№ X, 44).

* Эти сборища, обыкновенно съ какими-нибудь претензіями и требованіями, не мало безпокоили усерднаго мера Бальи. Сборище даже съ требованіемъ чтобы выгнали изъ Парижа Савойяровъ, портные требовали увеличенія платы и запрещенія продавцамъ стараго платья торговать готовымъ новымъ.

„На третій день (послѣ того какъ видѣлъ Арне на „самомъ театрѣ побѣды“), пишетъ онъ, я услышалъ что по улицамъ воятъ героя Бастиліи и мнѣ сказали что это былъ фузилеръ. Черезъ нѣсколько дней я прочелъ въ одномъ журналѣ что Арне умеръ отъ ранъ. Но скоро изъ общественнаго голоса узналъ я что извѣстіе ложно и что герой Бастиліи находится въ участкѣ Барнабитовъ. Одни называли его Арне, другіе Арё (Agen), третіи Аври. Я полагалъ что могла быть ошибка въ имени и радовался со всѣми добрыми гражданами что храбрый воинъ живъ и получилъ изъясненія нашей признательности. Когда выбирали офицеровъ въ гарды съ жалованьемъ (troupe soldée), я справился получилъ ли герой Бастиліи награду за свой патріотизмъ и узналъ что участокъ Барнабитовъ, глухой къ голосу интриги и честолюбія, почтилъ *Аври*, по фамиліи Дюбуа, фузелера, званіемъ капитана. Не могъ я понять какимъ образомъ гренадеръ котораго я видѣлъ при Бастиліи съ гранатами и въ гренадерской шалкѣ сталъ простымъ фузелеромъ. Старался разъяснить недоумѣніе и узналъ что нѣтъ ничего общаго между Арне и Аври Дюбуа. Представилъ себѣ что имѣемъ, значитъ, однимъ героемъ больше, но послѣ розысковъ у побѣдителей Бастиліи узналъ только одно: что г. Дюбуа украшенъ орденомъ *св. Лудовика* съ коменданта Делоне. Но когда арестовали коменданта, на немъ не было ордена *св. Лудовика*, а только ленточка. Значитъ тотъ кто украшенъ этимъ крестомъ не тотъ кто арестовалъ коменданта и отпачился при Бастиліи.“ Очевидецъ описываетъ далѣе удивительную скромность Арне, оказавшагося отличнымъ сыномъ. „Все чего желаю, желаю для отца и матери“, говорилъ онъ своему покровителю. И такъ между „героями“ были несомнѣнно самозванцы. Это не помѣшало чествовать, награждать и призывать въ церемоніи цѣлый классъ „побѣдителей Бастиліи“.

Во время заулокійаго служенія на которомъ присутствовалъ Камле, со священникомъ, который долженъ былъ говорить проповѣдь, сдѣлалось дурно при вступленіи на кафедру. Его послѣдшилъ замѣнить одинъ аббатъ, изъ свѣтскихъ, г. Оселевъ (ein Laie, obgleich Abbé). Священникъ воспротивился было, говоря что не должно священное мѣшать съ несвященнымъ. Ему отвѣтили: „священное теперь одно: свобода, въ ней одинаковое участіе и духовныхъ и свѣтскихъ.“ Аббата привѣтствовали рукоплесканіями. Рѣчь онъ началъ словами: *граждане*

(citoyens), а не *братіе*, какъ принято было въ проповѣдахъ, и зывалъ къ тѣни Вольтера въ той самой церкви гдѣ тѣлу Вольтера отказано было въ погребеніи.

На служеніи въ церкви Св. Роха, въ участкѣ St. Jacques de l'hôpital, громадное впечатлѣніе произвела, по словамъ Кампе, проповѣдь аббата Фоме (abbé Fauchet, prédicateur ordinaire du roi). Аббать самъ былъ изъ числа участниковъ прославлявшагося событія. Онъ былъ въ числѣ депутатовъ посланныхъ предложить гарнизону крѣпости сдаться, которымъ однако не удалось вступить ни въ какіе переговоры: ихъ съ крѣпости повидимому и не замѣтили, хотя они и описывали (слова аббата Фоме) будто „на ихъ мирныя увѣщанія трижды (непремѣнно трижды!) выходилъ отвѣтъ изъ гремящихъ жерлъ“. Въ изданіи *L'esprit des journaux* (Paris. Octobre 1789, стр. 25) мы встрѣтили извлеченіе изъ этой характеристичной проповѣди. Вотъ нѣсколько отрывковъ дѣющихъ помятіе о родѣ краснорѣчія тѣхъ дней. „Слава Всевышнему! Вы призваны къ свободѣ, братіе. Vos enim ad libertatem vocati estis, fratres! Она предписывается природою, религіею, отмѣчена въ плавахъ Провидѣнія... Какую оскорбляетъ природа деолотизмомъ! Это угнетающее родъ человѣческой чудовище дѣлало народы стадомъ рабовъ; тираниствовало надъ умами и сердцама, запрещало мысль, повелѣвало любовью... Громко слѣдуетъ сказать и въ самыхъ храмахъ: философія воскресила природу, философія возсоздала умъ человѣческой, философія возвратила сердце обществу. Мы будемъ—такова наша доля въ плавахъ Провидѣнія—и самымъ свободнымъ и самымъ магкимъ, самымъ храбрымъ и самымъ любезнымъ изъ всѣхъ народовъ... Да здравствуетъ природа и всѣ ея добрыя чувствованія! Да здравствуетъ миръ и всѣ добрые граждане! Да здравствуетъ государство и его добрый король которому мы вѣкъ останемся вѣрными! Да здравствуетъ правительство и благодѣтельные министры навсегда возвращенные нашему пламенному пожеланію! Да здравствуютъ парижскія общины и ихъ добрый глава, владѣющій и геніемъ свободы и геніемъ науки! Да здравствуютъ національ-гарды и всѣ добрые солдаты отечества! Да здравствуетъ герой освободитель Америки, тамъ испытывавшій себя дабы стать освободителемъ Франціи! Да здравствуетъ религія братьевъ! Да здравствуютъ добрыя нравы! Да здравствуютъ Французы! Да здравствуетъ

свобода! Славу Богу содѣлавшему насъ свободными! Тако да будетъ!“

Кампе уломинаетъ что особый эффектъ произвела фраза: „братіе, я умру довольный сказавъ это единое слово: аристократія распяла Сына Божія“. Восхваленіе философіи въ храмѣ произвело однако неблагопріятное впечатлѣніе на нѣкоторыхъ духовныхъ. Черезъ нѣсколько дней, одинъ „фаматическій“ монахъ, ein fanatischer Mönch, какъ называетъ его Кампе, возражалъ съ той же каедры: „не философія, а католическая религія—родоначальница французской свободы! Буду кричать со всѣхъ крышъ: религія, одна религія произвела революцію содѣлавшую насъ свободными“.

Чтобы разнообразить процессіи, національ-гарды участковъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстія, въ предшествіи „двухъ дѣвицъ“ тѣхъ же участковъ, торжественно отнесли 14 сентября въ церковь Св. Женевьевы для освященія большую модель Бастиліи, около четырехъ футовъ высотой. „Модель съ точнымъ изображеніемъ оружія, людей, знаменъ, пушекъ производила иллюзію какой только можно было ожидать.“ (*Rév. de Paris*, № X, 12). „Итакъ, прибавляетъ журналъ, отъ страшнаго вертела, дивившаго Европу, заставлявшаго содрогаться мудреца, вынѣ осталась только хрулкая модель, предметъ забавы нашихъ дѣтей и женъ. Чѣмъ разрушимъ этотъ ужасающій вертепъ? Мужествомъ и свободой.“

Восторговъ приносилось много на алтарь отечества, но когда дѣло доходило до дѣйствительныхъ пожертвованій, декоратія сильно измѣнялась. По случаю плачевнаго состоянія финансовъ Неккеръ предложилъ внутренній заемъ въ тридцать милліоновъ. Собраніе вздумало разчитывать на патриотизмъ и сократило предложенныя Неккеромъ условія, уменьшивъ процентъ до 4 $\frac{1}{2}$ %. *Парижскія Революціи* приписываютъ Собранію слѣдующее размышленіе: „Поставимъ условія займа не по биржевому курсу Парижа, а согласно пожеланіямъ сердца нашего достигъ конституціи. Тогда совершенно все равно какой будетъ процентъ. На величину его не посмотрятъ Французы“. Но увы! посмотрѣли. Заемъ потерпѣлъ крушеніе. За то жены и дочери нѣкоторыхъ артистовъ, въ числѣ двадцати дамъ и дѣвицъ, привесли въ даръ отечеству какія имѣли драгоценности и были съ торжествомъ приняты въ Собраніи. Депутаты пожертвовали пражки отъ башмаковъ. Болѣе всѣхъ подлатился король, пожертвовавшій богатое коронное серебро.

Путешественникъ былъ въ Тюльрийскомъ саду и въ Пале-Рояль. Замѣчательно, говоритъ онъ, какъ тѣ же люди являются иными въ Тюльри, куда приходятъ погулять, и въ Пале-Рояль, куда идутъ узнать политическія новости и поспудить объ общественныхъ дѣлахъ. Тамъ тихія общественныя чувствованія, здѣсь „заботы объ общемъ благѣ и о сохраненіи, утвержденіи и умноженіи добытой свободы.“ „Тѣ люди которыхъ часъ назадъ вы видѣли тамъ съ тихою ясностію на челѣ, здѣсь стоятъ предъ вами съ озабоченными лицами, напряженными мускулами и глазами сверкающими республиканскими и патріотическими искрами... Ничего не можетъ быть поучительнѣе и интереснѣе какъ вмѣшаться въ какую-нибудь толпу изъ нѣсколькихъ сотъ латно сомкнутыхъ людей, стоящую тутъ съ утра въ теченіе всего дня до глубокой ночи, кажущуюся все тою же, несмотря на непрерывный притокъ и отливъ. Любопытно прослѣдить какъ составляются такія группы. Остановились двое или трое и говорятъ между собою. Голоса повышаются. Тѣлодвиженія становятся живѣе и живѣе. Проходящіе останавливаются изъ любопытства; нѣкоторые, знакомые или незнакомые, вмѣшиваются въ бесѣду. Бучка растетъ и чрезъ нѣсколько минутъ обращается въ толпу изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Только стоящіе въ срединѣ могутъ слышать о чемъ идетъ рѣчь и вмѣшаться въ разговоръ. Между остальными какъ огонь пробѣгаетъ вопросъ: que dit-on? и остается безъ отвѣта. Понемногу въ общемъ кругѣ образуются отдѣльные центры, около которыхъ толкуютъ совсѣмъ не о томъ что подало поводъ къ образованію толпы. Тамъ часто можно видѣть на томъ же мѣстѣ въ теченіе всего дня, какъ вкопанную, одну толпу, хоть отдѣльныя лица ее составляющія мѣняются чуть не каждыя полчаса и предметы бесѣды въ разныхъ ея частяхъ безконечно различны между собою.“ Камле, повидимому, полагааетъ что такое „участіе публики къ общественнымъ интересамъ“ должно очень помогать правильному теченію государственныхъ дѣлъ. Кому оно было несомнѣнно слодручно, такъ это ворамъ. „Отъ времени до времени, говоритъ Камиль Демуэль, нѣкоторые граждане пользуются свободой *тисменія* (*liberté de la presse*) для личныхъ выгодъ, такъ что иной патріотъ нерѣдко не досчитывается часовъ или платка.“

Вообще въ сужденіяхъ Камле можно видѣть примѣръ какъ предвзятая мысль мѣшаетъ уразумѣвать весьма простыя вещи.

Подобно Мишле, Кампе называетъ побѣду народа въ июльскіе дни *чудою*. Свершили его, оказывается, „лодонки Парижа, войско изъ оборванныхъ и голодныхъ нищихъ“. А между тѣмъ на Марсовомъ полѣ было десять тысячъ отборнаго войска подъ начальствомъ опытнаго генерала, стараго де-Броль (Broglie), не отважившагося де ничего сдѣлать противъ безпорядочной, кое-какъ вооруженной толпы. Почему? По неспособности слабаго и ничтожнаго правительства прибѣгнуть къ какой-либо послѣдовательной и рѣшительной мѣрѣ? Нисколько. По мнѣнію Кампе, потому что „народъ стремящійся вновь завоевать лохощенныя у него права человѣка внушаетъ почтеніе и ужасъ даже самымъ рѣшительнымъ слугамъ деспотической власти.“

Кампе стоитъ за свободу печати и, на примѣръ Франціи, хочетъ доказать что мѣрами стѣсненія свободу эту нельзя остановить. Но въ подтвержденіе приводитъ случаи никакъ не вѣжущіеся съ такимъ заключеніемъ. „Гдѣ, говоритъ онъ, бдительнѣе чѣмъ во Франціи правительство слѣдило за печатью? Но помогали ли всѣ инквизиторскія учрежденія къ тому назначенныя? Нисколько.“ Черезъ строчку самъ рассказываетъ что въ Парижѣ на глазахъ полиціи печатались и распространялись тысячи запрещенныхъ книгъ. „Дрова для Парижа, говоритъ онъ, складывались на опредѣленныхъ къ тому площадяхъ громадными складами, въ длину, ширину и высоту не уступавшими большимъ зданіямъ. Внутри одного изъ такихъ складовъ оставлено было мѣсто и тамъ была устроена тайная типографія. Наборщики приходили одѣтые дровосѣками и дровамиками.“ Слѣдили, значить, не особенно бдительно. Тутъ же приводится случай съ Дидро уже прямо разрушающей гипотезу о бдительности (Кампе ссылается на книжку *Année de Diderot*). Когда послѣдовало запрещеніе *Энциклопедіи*, главный начальникъ полиціи (Oberpolizeidirector) самъ извѣстивъ Дидро что у него будетъ завтра обыскъ и будутъ отобраемы бумаги. Дидро отвѣтилъ что рѣшительно не знаетъ куда въ такой короткій срокъ скрыть рукописи. „Пришлите ихъ ко мнѣ, писалъ свисходительный полицейскій начальникъ. У меня въ домѣ никто не будетъ ихъ искать“. Дидро послѣдовалъ совѣту.

II.

Камле былъ въ театрѣ. Играли *Весталку* (*Ericie ou la Vestale*) г. Фонтанела (Fontanelle). Ходульная игра актера Семъ-При и гжи Вестрисъ не произвела большого впечатлѣнія на путешественника. Представленіе трагедіи прошло безъ особыхъ событій. Только при стихѣ,

Est-ce un crime en ce lieu d'aimer la liberté?

весь театръ закричалъ: non! non! à Dieu ne plaise! Но въ антрактѣ до новаго поднятія занавѣса начался такой шумъ, такіе крики и смѣхъ что Камле не слышалъ оркестра, хотя сидѣлъ отъ него въ шести или восьми шагахъ. Почему такой шумъ—онъ уяснить себѣ еще не могъ. Поднимается занавѣсъ. Должна была идти пьеса *École des pères* Мольера. „Вышли два старика, дѣйствующія лица пьесы. Хотятъ начинать, но тщетно. Крики не даютъ имъ произнести слова. Поднимаются сразу нѣсколько сотъ голосовъ. Многіе кричатъ: *автора, автора!* Всѣ остальные: *Карлъ IX, Карлъ IX!* Шумъ продолжается. Актеры стоятъ съ повисшею головою, выжидая минуты когда наконецъ гвалтъ уймется и имъ можно будетъ начать. Но гвалтъ не унимается, становится сильнѣе, дѣлается общимъ. Крикъ *Карлъ IX, Карлъ IX!* раздается отъ партера до галлерей, произносится тысячею голосовъ, такъ что у меня трещить въ ушахъ. Актеры наконецъ повертываются и уходятъ за кулисы. Этимъ временемъ я пользуюсь чтобы спросить сосѣда что все это значитъ, особенно крики *Карлъ IX*. Онъ отвѣтилъ мнѣ что нѣсколько уже лѣтъ какъ г. Шенье написалъ трагедію этого названія имѣющую предметомъ Вареоломеевскую ночь. Характеръ королевы Екатерины изображенъ де такъ что многія черты могутъ быть приложены къ другой вышѣ живущей высокой особѣ. Вслѣдствіе того, а также потому что выводится архіепископъ въ полномъ облаченіи, цензура до сихъ поръ не позволяетъ представленія этой пьесы. Теперь публика требуетъ эту трагедію и именно главнымъ образомъ по поводу этихъ обстоятельствъ прелютствовавшихъ ея представленію. Какъ только сосѣдъ мой сдѣлалъ мнѣ это сообщеніе, на сцену вышелъ любимецъ публики, актеръ г. Фабри. Шумъ

доголъ непрерывно дившійся смѣнился вдругъ тишиной. Флэри выступилъ съ такимъ выраженіемъ лица и такою по-ступью которыя представляли совершеннѣйшее соединеніе достоинства со скромностію и уваженіемъ къ публики, какое мнѣ когда-либо случалось видѣть. Обычные три реверанса, выражавшіе тѣ же чувстваванія, удались ему на этотъ разъ, по сужденію Парижанъ, въ такомъ совершенствѣ что въ лартерѣ, при общихъ руколясканіяхъ, кто-то громко воскликнулъ: *voilà une révérence comme il faut!* Затѣмъ Флэри остановился въ полусогбенномъ положеніи, выжидая пока шумъ уляжется, и затѣмъ заговорилъ тихимъ, почтительнымъ и вмѣстѣ чрезвычайно внятнымъ голосомъ: „*Messieurs, est ce l'auteur que vous demandez?*“—„*Non, non,*“ отвѣчала публика, *nous demandons Charles IX, Charles IX.*“ Актеръ олустилъ голову еще ниже, потупилъ съ нѣкоторою грустію взоръ долу и возразилъ, когда умолкли крики: „Имѣю честь, милостивые государи, завѣрить васъ что мы готовы исполнить ваше приказаніе какъ только получимъ на то позволеніе цензуры.“ При словѣ *цензура* всѣ доселѣ сидѣвшіе вскочили съ мѣста какъ будто на нихъ палъ ударъ молніи, и сотни людей съ выраженіемъ крайняго неудовольствія и разными тѣлодвиженіями кричали что протестуютъ противъ всего что именуется цензурою. Но такъ какъ замѣтили что изъ безпорядочныхъ криковъ ничего не выйдетъ, то съ разныхъ сторонъ стали раздаваться голоса: „*Silence, asseyez vous messieurs, silence pour l'orateur!*“

„Всѣ ловивовались, сѣли, но кто-то одинъ въ лартерѣ остался стоя и *ipso facto* явился въ роли оратора. Выражая кратко мнѣніе публики, онъ сказалъ, обращаясь къ актеру: „Милостивый государь, въ свободномъ государствѣ, какъ наше нынѣ, нѣтъ цензуры, не можетъ быть, не должно быть никакой цензуры. Публика отнынѣ единственный цензоръ, другаго нѣтъ“. Руколясканія, крики *bravo* дали актеру, который между тѣмъ не выходилъ изъ своего почтительнаго, а вмѣстѣ спокойнаго и твердаго положенія, возможность обдумать отвѣтъ. Когда шумъ утихъ, онъ сказалъ: „Милостивые государи, я увѣренъ что вы не потребуете чтобы Французская Комедія евоевольво, не будучи къ тому уполномочена, нарушила законы которые со дня ея основанія были для нея священны“. И этотъ отвѣтъ показался всѣмъ разумнымъ. Хлопали. Затѣмъ ораторъ возразилъ: „Милостивый государь,

законы о которыхъ вы говорите не существуютъ болѣе. Нація ихъ отбѣждала“. Новое хлопанье, новое одобреніе. Актеръ отбѣждалъ: „Государи мои, если вамъ угодно относительно этого предмета сообщить намъ подлиннымъ образомъ (auf eine authentische Weise) волю націи, то никто охотѣе насъ не окажетъ ей почтенія и повиновенія“.—„О, возразилъ ораторъ, со стороны націи нѣтъ надобности ни въ какомъ новомъ выраженіи ея воли. Она достаточно высказалась объ этомъ, такъ какъ представители ея объявили что свобода мысля принадлежитъ къ числу неотъемлемыхъ правъ человѣка. Но если мы можемъ думать какъ хотимъ, то намъ должно быть позволено и увеселяться какъ мы желаемъ. А потому мы сами должны опредѣлять тѣ произведенія которыя доставляютъ намъ наиболѣе удовольствія.“ Заключеніе, какъ видите, не совсѣмъ свободное отъ софистики. Это не ускользнуло ловидимому и отъ здѣшней образованной лубки. Хлопали мало. Послѣ новаго обмѣна съ обѣихъ сторонъ возраженій, которыя пропускаю чтобы не слишкомъ распространяться, Флѣри сдѣлалъ наконецъ слѣдующее предложеніе: Не угодно ли господамъ чтобы завтра утромъ лѣса была послана въ управленіе думы и было спрошено, дозволяется ли, безъ дальнѣйшихъ цензурныхъ формальностей, ея представленіе на сценѣ Французской Комедіи“. Предложеніе понравилось. Всѣ, и ораторъ въ томъ числѣ, закричали: да!—„Но, прибавилъ ораторъ, подѣ непремѣннымъ условіемъ чтобы завтра или не позже послѣзавтра здѣсь же былъ сообщенъ отвѣтъ.“ Актеръ удалился за кулисы при общихъ рукоплесканіяхъ.“

Разрѣшеніе послѣдовало, но не совсѣмъ скоро. Балль былъ противъ свободы театральныхъ представленій. Отказать однако не рѣшился, но придумалъ передать вопросъ на разсмотрѣніе Национальнаго Собранія. „Собранія, не безъ основательности замѣчаетъ ояъ (II, 225), представляютъ удобство: отвѣтственность въ нихъ такъ раздѣляется что равна нулю.“ Первое представленіе *Карла IX* состоялось 4 ноября 1789 года.

Былъ Камле во Французской Академіи на годичномъ собраніи. Академія помѣщалась въ Луврѣ. Надъ дверьми залы засѣданія надпись: „à l'immortalité“. Отсюда названіе les immortels. Тѣснога и давка были невѣроятныя. „Я видѣлъ тутъ, пишетъ ояъ, до чего доходить у французскихъ дамъ любовь если не къ

науку, то къ красивымъ и остроумнымъ рѣчамъ. Когда начались чтенія, я съ изумленіемъ видѣлъ какъ эти мученицы остроумія и учености, среди пытки своего положенія, при каждой ловкой фразѣ, какими господа академики тщательно усаждаютъ свои рѣчи, громко вскрикивали отъ удовольствія и приходили отъ восторга почти въ конвульсивныя движенія. Мускулы лица, и отъ давки, и отъ жары, и отъ испытываемаго участія, сильно напрягались; щеки пылали, глаза плавали, казалось, въ восторгѣ, хотя тѣло испытывало мученія. Руки почти непрерывно были заняты хлопаніемъ и изъ хорошенькихъ ротиковъ вылетали: bravo! ah, que cela est bien dit! ah, charmant! и т. д. Присходилъ приемъ въ Академію аббата Бартеlemi, автора *Путешествія Анаварсиса*. Новый академикъ говорилъ вступительную рѣчь; ему отвѣчалъ отъ имени Академіи кавалеръ Буфлеръ (Boufflers). Затѣмъ читано было стихотвореніе г. Фонтана, предметомъ котораго былъ изданный въ пользу не-католиковъ эдиктъ 1787 года. Особенный восторгъ произвело восхваленіе Неккера въ стихахъ:

Ce ministre

Que les complots des cours ont trois fois exilé,
Et que le voeu publique a trois fois rappellé.

Премія за добродѣтель была выдана служанкѣ г. Ревельсона. Извѣстно что разграбленіе дома этого фабриканта, въ концѣ апрѣля 1789 года, было прелюдіей революціонныхъ безпорядковъ. Семидесятилѣтняя служанка самоотверженно охраняла добро своего господина. Затѣмъ объявлены предметы преній на будущій годъ. „Какъ перемѣнились времена!“ замѣчаетъ Камле... „При Лудовикѣ XIV Академія объявляла на премію вопросъ: какаа изъ добродѣтелей этого короля величайшая и удивительнѣйшая? — короля который отмѣнилъ Нантскій эдиктъ. Сегодня увѣнчано стихотвореніе въ которомъ Лудовикъ XVI похваляется именно за то что возстановилъ если не вполнѣ, то хотя частію этотъ эдиктъ. Двадцать, даже двѣнадцать лѣтъ тому назадъ эти академики, по крайней мѣрѣ значительная часть ихъ, были горячими противниками Руссо; не признавали, ненавидѣли его, старались низвести его съ высоты на которую онъ поднялся. Нынѣ та же Академія на будущій годъ назначила премію за лучшее похвальное слово Жанъ-Жаку Руссо!“

Но дни и этой Академіи, и этой наполнявшей ее блестящей публики, чуткой къ литературнымъ красотамъ, но въ суще-

отъ своемъ легкомысленной, были изочтены. Завистливая посредственность не выносящая превосходства, прирожденный противникъ всего, аристократическаго въ смыслѣ отборнаго, пользуясь девизомъ времени: мы всѣ равны, заявляла уже: „долой Академіи!“ Камне приводитъ въ своей книжкѣ содержаніе небольшого летучаго листка *Объ уничтоженіи всѣхъ академій королевства (Suppression de toutes les Académies du royaume, comme onéreuses à l'état et nuisibles aux sciences, à la littérature et aux arts)*. Эпиграфъ листка: „nunquam scientia reperitur cum ventro crasso. S. Chrysostome“. Вотъ отрывокъ изъ листка:

Долой Академіи!

Национальное Собраніе постановило уничтожить канониковъ (chanoines); академики тѣ же каноники наукъ и искусствъ. Не надо оплачиваемыхъ академикомъ пока есть еще рабочіе требующіе вознагражденія, бѣдные которыхъ надо накормить, кредиторы которыхъ надо удовлетворить! Одинъ академикъ съѣдаетъ на своемъ бархатномъ креслѣ пищу сорока деревенскихъ семей. Ну, господа умники (allons, messieurs les beaux esprits)! Вы строите красивые планы. Время бы перейти къ практикѣ. Докажите что вамъ обязаны мы революціей (!?). Откажитесь отъ вашихъ дипломовъ, какъ духовенство и дворянство въ одну ночь отказались отъ своихъ десятинъ и привилегій. Долой академіи! Слишкомъ долго служили оны къ тому чтобы подлоровать и золотить цѣпи деспотизма. *Королевскія академіи! Какъ это пахнетъ рабствомъ! А мы наконецъ вѣдь свободны!*“

III.

Былъ Камле и въ Национальномъ Собраніи. Отправился для этого въ Версаль, гдѣ услышалъ что наканунѣ „народъ“ освободилъ силой отъ казни отцеубійцу, взявъ на себя право помилованія, и тутъ же чуть не повѣсилъ женщину усомнившуюся въ справедливости такого вердикта. Путешественникъ нашелъ что въ галереяхъ королевскаго дворца продавались брошюры и газеты съ рѣзкими выходками противъ членовъ королевской фамиліи. Развернулъ одну изъ газетъ и прочиталъ: „Гдѣвъ народный ужасенъ, во хладнокровіе деспотизма жестоко. Какая громадная пропорція между числомъ жертвъ закланныхъ въ теченіе вѣковъ этимъ гнуснымъ чудовищемъ и числомъ головъ снесенныхъ мечомъ народа! Аристократы—на колѣна предъ народнымъ судилищемъ!“ Провалъ въ Собраніе. „То, лишеть оны, что увидѣлъ и услы-

шалъ я при входѣ въ Собраніе, меня смутило. Я было подумалъ что собственно засѣданіе вѣрно еще не начиналось. Такъ сидѣлъ и беспорядоченъ былъ шумъ, или точнѣе—непріятно мнѣ это говорить, а долженъ сказать—крикъ, который просто оглушилъ меня со всѣхъ сторонъ. То слышались отдѣльные голоса, то съ той или другой стороны срывались цѣлые взводы изъ сотни и болѣе голосовъ, перекрещивались между собою и производили такой громкій, смѣшанный гулъ что я по крайней мѣрѣ десять минутъ стоялъ какъ оглушенный, не въ силахъ будучи угадать о чемъ идетъ рѣчь. Предсѣдатель неустанно звонилъ, призывалъ къ порядку; со всѣхъ сторонъ слышалось, не производя дѣйствія, приглашеніе: *silence, messieurs*. Все это только увеличивало шашать и обращало Собраніе въ настоящую жидовскую школу. Въ первыя минуты моего пребыванія входили на трибуну одинъ за другимъ два священника. Одинъ хотѣлъ повидимому говорить рѣчь, другой что-то прочесть. Но сколько ни простирали они руки, испрашивая молчанія и вниманія, сколько ни звонилъ предсѣдатель, поддерживая ихъ просьбу, имъ не удалось кончить ни одного періода. Крики: *en poche, en poche!* или *à bas, à bas!* не прекращались, и ораторы, покоряясь судьбѣ, вынуждены были сойти съ трибуны. Затѣмъ выступали одинъ за другимъ другіе ораторы, то съ мѣста, то входя на трибуну. Но только немногимъ, обладавшимъ гигантскимъ голосомъ, удавалось перекричать общій шумъ и докончить рѣчь. Да и эти при каждомъ періодѣ были прерываемы то возраженіями, то возгласами одобренія, то рукоплесканіями, то общимъ смѣхомъ. Нѣкоторые, истинные атлеты, стояли въ воинственной позѣ, съ поднятыми кулаками, напряженными мускулами лица и гнѣвными взорами, и помощію нечеловѣческаго напряженія завоевывали вниманіе, достичь котораго мягкими средствами были не въ состояніи. Истинное несчастье для національнаго дѣла что Собраніе состоитъ изъ 1.200 головъ, и какихъ притомъ головъ!—французскихъ. Такое многочисленное собраніе людей изъ коихъ каждый имѣетъ не только право, но и зудящее желаніе говорить, даже и въ другой странѣ, гдѣ флегма есть отличительная черта національнаго характера, встрѣтило бы въ многолюдствѣ своихъ членовъ большія затрудненія и прелатствія къ правильному веденію дѣла. Представьте же себѣ что это многоголовое собраніе все сплошь состоитъ изъ Французовъ, то-есть изъ

людей которые по національному характеру своему такъ склонны кляпаться". Молчаніе впрочемъ водворилось и въ залѣ, и въ галлерейхъ когда президентъ Шалель объявилъ что г. Тарже (извѣстный адвокатъ, членъ Французской Академіи) имѣетъ прочесть проектъ адреса при которомъ, согласно постановленію Собранія состоявшемуся въ ночь на 4 августа, долженъ быть поднесенъ королю титулъ возстановителя французской свободы и испрошено его согласіе на присутствіе при благодарственномъ молебствіи по случаю счастливо свершившейся революціи. При общей тишинѣ г. Тарже взошелъ на трибуну. „Но едва онъ открылъ ротъ, какъ начались, точно по уговору, громкіе крики направленные противъ оратора. Онъ началъ адресъ словами: *Sire, l'Assemblée Nationale a l'honneur*. При словѣ *honneur* сотня и болѣе голосовъ закричали: *point d'honneur, point d'honneur: effacez ce mot!* Тарже просилъ позволенія дочесть по крайней мѣрѣ первый періодъ. Тишина водворилась. Онъ началъ слова: *Sire, l'Assemblée nationale a l'honneur de mettre aux pieds de votre Majesté...* Здѣсь начался общій страшный крикъ, такъ что стѣны дрожали и окна звенѣли. *A bas les pieds! à bas les pieds!* А одинъ членъ прибавилъ: *l'Assemblée Nationale ne met rien aux pieds de qui que ce soit.* Тарже хотѣлъ защищаться, сласти то „принести къ ногамъ“, то „честь“. Но несмотря на всѣ просьбы и моленія ему не дали говорить. И онъ наконецъ съ нѣкоторымъ отчаяніемъ началъ слова: *Sire, l'Assemblée Nationale porte à Votre Majesté l'offrande.* Слова крики: „не хотимъ слова *offrande*“.— „Это слово можно употребить, восклицаетъ Мирабо, только по отроченію къ Богу или къ нищимъ“, и прибавляетъ: „*le roi n'est ni l'un, ni l'autre*“. Со слѣдующими періодами было не лучше. Ихъ находили слишкомъ длинными и обильнословными.— „*Mon Dieu, воскликнула дама сидѣвшая у меня предъ носомъ, combien de phrases, ça ne finit pas.*“ Тарже хотѣлъ было опять защищаться, но тщетно. Вынужденъ былъ сойти съ трибуны и передѣлывать адресъ. А пока занялись другими дѣлами. Черезъ четверть часа Тарже вернулся, но имѣлъ ту же участь. Каждый слѣдующій періодъ разбирался съ тѣмъ же ожесточеніемъ и отвергался. Въ одномъ встрѣтилось слово *ivresse*. Мирабо поймалъ его и воскликнулъ: *messieurs, le corps legislatif ne peut jamais être ni ivre, ni enivré!* Всѣ засмѣялись и захолопали. Академику пришлось вторично сойти

съ трибуны. Я, и мальчикомъ и взрослымъ человекомъ, много видѣлъ какъ поправляютъ школьныя тетради и самъ не мало ихъ поправлялъ. Но мнѣ не случилось встрѣчать такой безжалостной критики какъ та какую услышалъ бѣдный г. Тарже со своимъ несчастнымъ адресомъ. Когда онъ снова вернулся, то не вошелъ уже на трибуну, а сталъ на возвышеніи предъ большою доскою. Можетъ быть боялся мѣста гдѣ дважды потерпѣлъ неудачу. Адресъ вышелъ теперь, согласно волѣ Собранія, такой гладкій и простой что вѣчего уже было выкидывать. Онъ былъ принять.“

IV.

Послѣ дней страшныхъ событій, когда дикая толпа носила на ликахъ воткнутыя головы Фулона и Бертье, явленія разнузданнаго неистовства не прекращались, хотя и не въ столь рѣзкой формѣ. Стали дѣломъ зауряднымъ. Дѣти на улицахъ Парижа играли въ революцію и носили на ликахъ кошачьи головы въ подражаніе безсердечной жестокости революціонной толпы. Революціонныя изданія старались прикрывать неприглядность картины.

Въ концѣ іюля въ Версалѣ (Bertr. de Moleville, II, 67) въ то засѣданіе когда депутаты сопровождавшіе короля въ поѣздкѣ въ Парижъ докладывали Собранію о происходившемъ въ думѣ, меръ изъ Пуасси, допущенный къ рѣшеткѣ собранія, сообщилъ о волненіи въ Пуасси и Севъ-Жерменѣ, возникшемъ „подъ предлогомъ преслѣдованія монополіи богатаго мѣстнаго фермера Томассена“. Собраніе отнеслось къ явленію равнодушно и постановило „прелпроводить дѣло къ исполнительной власти“. „*Это renvoi au pouvoir exécutif* было тогда, говоритъ Молевилль, равносильно съ декретомъ амнистіи“. Такое рѣшеніе пускали въ дѣло когда внутренно были не прочь чтобы беспорядокъ продолжался. На слѣдующій день волненіе усилилось, пришло извѣстіе что гражданская милиція хочетъ ловить Томассена. Собраніе опредѣлило послать въ Пуасси депутацію изъ двѣнадцати членовъ съ епископомъ Шартрскимъ во главѣ. Депутаты исполнили порученіе. „Томассень былъ спасень, то-есть отведенъ въ тюрьму, такъ какъ тюрьма была тогда единственнымъ убѣжи-

цемъ гдѣ невинность могла еще укрыться отъ ярости свободы (le seul asyle qu'eut l'innocence contre les fureurs de la liberté). И не безъ труда и опасностей добились для этого совершенно безупречнаго фермера великой милости: быть судимымъ прежде чѣмъ повѣшеннымъ. Его было вытащили изъ тюрьмы, несмотря на патетическія увѣщанія епископа, бывшаго ораторомъ депутаціи. Ждали только чтобы прибылъ духовникъ и чтобы принесли висѣлицу, за которой уже послали. Въ это время Томассъ, епископъ Шартрскій и его товарищи бросились на колѣна предъ разъяренною толпою и со слезами умоляли чтобы обвиняемый былъ опять отданъ въ руки правосудія. Его отпустили наконецъ; но депутатамъ пригрозили что ихъ самихъ повѣсятъ если не будетъ повѣшенъ Томассъ. Депутаты окольными дорогами едва добрались до Версаля. Собраніе, выслушавъ докладъ депутаціи, отозвалось съ великою похвалою о ихъ „мужестве, благоразуміи и патриотизмѣ“. Епископу Шартрскому рѣшено поднести гражданскій вѣнокъ — „une couronne civique“.

Въ день ликованія по случаю рѣшеній четвертаго августа произошелъ слѣдующій казусъ. „5 августа, вечеромъ, пишетъ Бааль (II, 222), услышали мы въ комитетѣ что у Port St.-Paul нагрузили изъ арсенала на барку десять тысячъ пороху (фунтовъ?) чтобы вывезти его изъ Парижа. Это, сообщали намъ, взволновало народъ. Обезпокоились и мы. Посоветовался я съ г. Лафайетомъ, и мы, такъ какъ не были предувѣдомлены объ этой выгрузкѣ казавшейся совсѣмъ странною, предписали чтобы барка была задержана и охраняема въ теченіе ночи съ тѣмъ чтобы на другой день порохъ былъ перегруженъ въ арсеналь.“ Въ четвергъ, 6 марта, утромъ, дѣло разъяснилось. Магазины въ арсеналѣ вмѣщали въ себя большое количество пороху разнаго сорта: военного, для царской охоты, продажнаго и т. п. Последняго было очень много; завѣдывавшіе порохомъ дѣломъ порѣшили вывезти часть этого пороха въ Эссонъ. Приказъ подписалъ за Лафайета помощникъ его по командованію національ-гардами, де-ла-Салль (de la-Salles), не успѣвъ сообщить ему объ этомъ. Праздная толпа, вида что вывозятъ порохъ, пришла въ волненіе и остановила барку. „Старались, говорить Бааль, разсѣять безлокойство народа (?), дѣлали предъ

нимъ испытаніе этого пороха чтобы показать его негодность (для военныхъ дѣлей); водили гражданъ въ арсеналъ. Ни что не помогло. Барку охраняла стража изъ французскихъ гардовъ. Многіе участки желали поставить своихъ солдатъ. Пришлось согласиться: въ то время о порядкѣ, правилахъ нечего было думать, все было въ томъ чтобы сохранить спокойствіе.“ Арестовали двухъ завѣдующихъ пороховымъ дѣломъ, Лавуазье и Фомшѣ, повели ихъ въ думу. Они объяснили дѣло, ихъ отпустили. Это возбудило ярость толпы. Народъ, несмотря на стражу, вломился въ залу Думы. Лафайетъ спрашиваетъ чего хотятъ. Требуютъ выдачи де-ла-Салля (благоразумно не явившагося въ думу). Лафайетъ поясняетъ что обвиняемаго надлежитъ выслушать. За нимъ снаряжаютъ пятьдесятъ вооруженныхъ человекъ. Лафайетъ клонитъ въ ту сторону чтобъ онъ отведенъ былъ въ тюрьму. „Народъ“ требуетъ чтобы былъ приведенъ въ Думу. Лафайетъ предлагаетъ поклясться что на обвиняемаго не бросатся. Подняли руки, но не веѣ. Явилось подозрѣніе не скрывается ли де-ла-Салль въ Думѣ, шарили, перерыли бумаги такъ что многія пропали. Подымали сукно покрывавшее столъ, чтобы заглянуть не находится ли ла-Салль подъ ногами присутствовавшихъ. * На площади готовили виѣлицу. Одивъ „гражданинъ“ ужъ взобрался на перекладину фонаря. Лафайетъ употребилъ особую стратегему. Поставилъ солдатъ кружкомъ у входа въ Думу, и кругъ этотъ постепенно расширялъ присоединеніемъ новыхъ такъ что мало-по-малу толпа была вытѣснена съ площади. Достоинно замѣчанія что маркизъ де-ла-Салль, неожиданно сдѣлавшійся предметомъ такого ожесточеннаго преслѣдованія и только по счастливой случайности избѣжавшій смерти, не только не былъ врагомъ революціи, но былъ ея усерднымъ прислужникомъ, командовалъ толпой во время взятія Бастиліи и Дома Инвалидовъ, въ силу полномочія даннаго ему постояннымъ комитетомъ думы (moi qui commandait les troupes en chef d'après un brevet qui m'avait été donné le 14 au matin par le comité permanent, какъ выражается онъ въ письмѣ въ редакцію *Révol. de Paris*, № VII, 33); былъ прежде Лафайета провозглашенъ начальникомъ національ-гардовъ, а потомъ принялъ званіе его помощника. Не помогло и это все.

* Этотъ фактъ дополняющій описаніе Бальи упоминается въ *Histoire révolutionnaire de deux amis de la liberté*.

Около того же времени (*Rév. de Paris*, № X, 8) толпа удалила мера въ Семъ-Дени и затѣмъ отрубала ему голову. 28 июля въ Вильно (*Villenaux*) арестовали бывшего военного начальника въ Парижѣ, Безанваля. Продолжавшій Неккеръ написалъ въ каретѣ письмо къ мѣстному городскому управленію и свидѣтельствовалъ что Безанваль имѣетъ королевское разрѣшеніе отправиться въ Швейцарію, его отечество. Но и письмо „обожаемаго министра“ (*ministre adoré*) не подействовало. Постановили что судьба лѣвника должна быть рѣшена въ Парижѣ. Національное Собраніе въ виду враждебнаго настроенія массъ не рѣшилось освободить Безанваля, хотя къ задержанію не было никакого повода, и опредѣлило чтобъ онъ содержался въ тюрьмѣ, въ Бри-Комте-Робертъ (*Brie-Comte-Robert*) пока будетъ разобрано его дѣло. „Увѣраютъ, сказано въ *Rév. de Paris* (IV, 2), что хотѣли разрѣзать его на тринадцать кусковъ въ честь тринадцати швейцарскихъ кантоновъ, но гражданская стража заставила отказаться отъ такого плана.“

Мемуары Балли, записывавшаго съ большою дозой благодушія со дня на день текуція событія, тревоги своего усердія по снабженію хлѣбомъ голодавшей столицы и всаческія заботы среди общей неурядицы и ежеминутно грозившаго мятежа, представляютъ обильный матеріалъ для исторіи первой эпохи революціи. Изъ нихъ узнаемъ, между прочимъ, какъ сложилось городское управленіе Парижа. Сложилось оно экспромтомъ. Тогда все основывалось по случайности, захватѣ и произволѣ. 13 июля, когда Парижъ вооружался и готовились событія слѣдующаго дня, собралась Дума еще прежняго состава. Пожелали соединиться съ избирателями (тѣми кто избирали депутатовъ въ Собраніе). Кулеческій старшина Флессель (потомъ убитый) отказывался отъ предсѣдательства, какъ лицо назначенное, а не выборное. Его немедленно выбрали. Составили *comité permanent* изъ нѣкоторыхъ избирателей съ присоединеніемъ членовъ муниципалитета. Такимъ образомъ главную роль получили избиратели. Ихъ общее собраніе стало высшею инстанціей. Они назначили Балли и Лафайета въ должности мера и командующаго національ-гардами. Дума стала центромъ куда отовсюду обращались. Въ то же время участки обнаруживаютъ свою дѣятельность и свои претензіи, каждый полагая что онъ есть высшая инстанція надъ избирателями, уполномоченными де для выбора

депутатовъ въ Собраніе, а не для управленія городомъ. Поднялся вопросъ о болѣе правильной организаціи городского управленія. 18 іюля Бальи разослалъ по участкамъ циркуляръ съ предложеніемъ выбрать отъ каждаго по два представителя для городского управленія и составленія новой муниципальной организаціи. А пока и меръ, и корпусъ избирателей, продолжавшій собираться въ Думѣ, дѣйствовали, какъ свидѣтельствуеъ Бальи, каждый самъ по себѣ; своситься было некогда, замѣчаетъ онъ. 25 іюля состоялось собраніе 120 новыхъ выборныхъ. По предложенію Бальи, выбраны въ помощь ему два вице-президента, въ протоколѣ названные впрочемъ президентами (протоколы составлялись, говоритъ Бальи, кое-какъ). Между тѣмъ собраніе избирателей этимъ не упряднилось. Избиратели эти продолжали сходиться. Образовалось, если принять во вниманіе еще разные комитеты, нѣсколько центровъ власти, дѣйствовавшихъ случайнымъ образомъ. Когда возвращенный Неккеръ, въ улоеніи отъ овацій, прибылъ въ Думу, онъ прежде посѣтилъ собраніе 120 представителей и говорилъ трогательную рѣчь. Потомъ перешелъ въ собраніе избирателей и повторилъ ту же рѣчь. (Онъ ходатайствовалъ объ освобожденіи Безаввала и вообще объ амнистіи: амнистія была дана и провозглашена въ окна Думы, но потомъ сдѣлалась предметомъ валадокъ, какъ превышеніе думскими собраніями своихъ правъ.) Въ послѣдній разъ избиратели собирались 30 іюля, но уже вмѣстѣ со 120 представителями и по приглашенію послѣднихъ.

Участки распорядились каждый по своему произволу, выдавали обязательныя постановленія, обыскивали, арестовывали. Въ качествѣ новой власти, оказались ревнито чувствительны къ печатной похвалѣ и печатному порицанію. Тамъ и самъ обнаружили попытки обуздять печать. Печать въ свою очередь отвѣтила рѣзкимъ разоблаченіемъ участковыхъ неурядицъ. „Раздоръ, читаемъ въ № V (отъ 9 — 15 августа 1787, стр. 31) *Révol. de Paris*, царствующій между участками, противорѣчія началъ, постановленій, полицейскихъ распоряженій, несогласія съ муниципальнымъ корпусомъ представляютъ вынѣ, послѣ того какъ минула первая опасность, зрѣлище ужасающей анархіи. Представьте себѣ человека котораго каждая нога, каждая рука, каждый членъ имѣють свои отдѣльные разуміе и волю,

у котораго одна нога хочетъ идти, когда другая желаетъ остаться въ покоѣ, глотка закрывается когда желудокъ требуетъ пищи, ротъ поетъ когда глаза смыкаются ото сна,—и вы будете имѣть поразительно вѣрный образъ печальнаго состоянія столицы... Любовь къ власти заняла мѣсто любви къ свободѣ. Все идетъ къ тому чтобы аристократія дворянъ сдѣлалась аристократіей богатыхъ, худшему изъовъ сѣхъ.“ (V, 31.)

„Если что можетъ заставитьъ сожалѣть о старой полиціи, полиціи шпіоновъ, lettres de cachet, Бастиліи, такъ это насильственное и анархическое управленіе участковъ... Каждый присваиваетъ себѣ законодательную власть, а ихъ комитеты власть исполнительную, каждый по своей части... По подозрѣніямъ самымъ неосновательнымъ, помощію патрулей, схватываютъ честныхъ гражданъ и тащатъ по улицамъ въ такомъ униженномъ состояніи; большихъ мужчинъ и женщинъ стаскиваютъ съ постелей во исполненіе нечеловѣческихъ и несправедливыхъ приказовъ участковаго комиссара. Честныя женщины и дѣвицы схватываются на улицахъ и у дверей и уводятся въ заключеніе съ проститутками, не производя возмущенія квартала. Многие граждане были ранены штыками патрульныхъ которые ихъ арестовывали, между прочими одинъ парижскій книгопродавецъ. Многие участки не позволяютъ продавать на ихъ территоріи сочиненій съ печатью города, другіе схватываютъ тѣ на которыхъ нѣтъ этой печати, но стоитъ имя типографщика или книгопродавца. Одинъ участокъ распорядился отобрать всѣ книги у одного книгопродавца въ Пале-Ройяль; начали отбирать, но остановились, такъ какъ патруль увидѣлъ что будетъ разогнанъ толпой гражданъ возмущенныхъ такимъ насиліемъ. Анархія участковъ въ пятнадцать дней низвергла насъ на ту точку униженія къ какой аристократическое правленіе привело насъ въ три вѣка... Мы были свободны одинъ день. Скоро участки будутъ населены только рабами, а комитеты будутъ состоять только изъ тирановъ.“ (VII, 6.) Вину учрежденія участковъ газета безъ церемоніи возлагаетъ на правительство и сожалѣетъ о раздѣленіи на приходы, отъ котораго это самое правительство въ свое время отказалось, очевидно во имя „либеральныхъ идей“. „Когда созывали сословныхъ представителей, то министерство хотѣло имѣть депутатовъ голосомъ и совѣстью коихъ могло бы располагать: требовалось значить избирать помощію имтриги. Созывать жителей

Парижа по приходамъ значило пресѣчь пути интриганамъ, ибо помощію метрическихъ, свадебныхъ и погребальныхъ списковъ легко было провѣрить имѣеть ли кандидатъ законныя права. Вотъ и придумали участки или дистрикты, а *distrahendo*, то-есть раздѣлили столицу на шестьдесятъ отдѣленій, такъ чтобы въ каждомъ гражданине встрѣчались съ новыми лицами и вынуждены были подавать голосъ на слово въ пользу тѣхъ кого подставляла интрига.“ Такъ печать благодарила правительство за исполненіе ея же рекомендацій. Чего нельзя было бы наговорить въ свою очередь о давленіи на выборы духовенства и аристократовъ, еслибы сохраниено было раздѣленіе на приходы!

V.

Неурядица и революціонныя неистовства изъ Парижа распространились по провинціямъ, съ присоединеніемъ сожженія и разграбленія замковъ. Революціонныя изданія, умаляя значеніе безпорядковъ, имѣли смѣлость утверждать что было де это только тамъ гдѣ владѣльцы дурно обращались съ народомъ. Камле приводитъ выдержку изъ одного журнала не называя его (это были *Révolutions de Paris*, составлявшія вмѣстѣ съ *Курьеромъ* Мирабо главный источникъ свѣдѣній Камле, который имѣлъ рекомендацію къ Мирабо и былъ ему представленъ). „Разграбленія, сказано тамъ, коимъ подверглись многіе замки суть послѣдствія старыхъ притѣсненій господъ и злобы ихъ управляющихъ. Пусть назовутъ намъ хоть одного справедливаго, гуманнаго, благотѣльнаго помѣщика который подвергся бы подобнымъ неистовствамъ, и мы заранѣе, не справляясь, гарантируемъ что его крестьяне или вассалы были убиты предъ его замкомъ прежде чѣмъ разбойники успѣли туда проникнуть“. Въ болѣе правдивомъ органѣ печати, *Французскомъ Меркуріи*, Камле могъ прочесть иное описаніе. „Отъ береговъ Роны до береговъ Рейна, отъ Мозеля до Луары (№ отъ 12 августа) провинція представляетъ картину достойную размышленія и сожалѣнія: двѣ недѣли разграбленій и пожаровъ въ замкахъ и аббатствахъ; убійства, опустошенія на много лѣтъ разворвали помѣщиковъ и фермеровъ, доходы государственныя и частныя.“

Состояніе революціоннаго броженія, охватившаго въ нѣсколько дней Францію, живо изображено въ любопытномъ письмѣ принадлежащемъ перу писателя Риварола (оно помѣщено въ *Исторіи революцій* Бертрама де-Моллевиля, II, 100). Полушутаивый тонъ письма и презрительно скентическое отношеніе къ возбужденному „движенію“ не исключаютъ тонкой наблюдательности и серіознаго пониманія грустнаго положенія дѣлъ. Письмо писано 28 іюля 1789 года до случая задержанія въ Пероннѣ аббата Мори, покинувшаго было Національное Собраніе послѣ событій 14 іюля.

„Пикарды народъ добрый, во свое дѣло знаютъ (sont bons, mais ils sont exacts). Чтобы скорѣе достигъ совершенства, передѣлываютъ во всемъ себя по парижскому образцу. Есть у нихъ и собранія, и кокарды, и оружіе, и благія намѣренія. Какъ въ Парижѣ, играютъ партію гдѣ каждый ходъ есть шахъ королю. Сожгли таможи, бросили въ воду таможенныхъ чиновниковъ, перехватили государственные доходы, вылустили на волю преступниковъ, заперли въ тюрьму начальство. И считаютъ что это еще сущіе пустяки пока не захватили въ руки архіепископа Камбрейскаго. Пероннѣ центръ этого сходства со столицей.

„Мы пріѣхали сюда сегодня 28 іюля, рано утромъ. Аббатъ Мори прібывшій сюда переодѣтымъ 26 числа, въ воскресенье, и узнаваемый когда спрашивалъ о проселочной дорогѣ, находится въ эту минуту окруженный пероннскою національною милиціей на гаултахтѣ позади Думы. Мы прежде всего спросили какъ онъ былъ задержанъ, на что ссылается въ свою защиту и какіе виды имѣеть на него Пикардія. Тысячи ртовъ разверзлись заразъ, и мы и теперь бы еще слушали, не понимая что хотять сказать эти сорѣки обоего пола (de Perronnels et de Perronnelles) еслибы не попросили священника въ кокардѣ стоявшаго противъ насъ говорить одного и говорить по-французски, буде это его не затруднитъ. „Господа, закричалъ онъ намъ, человекъ котораго *отечество* сочло нужнымъ арестовать и котораго мы препроводимъ къ *нации* сидящей въ Думѣ въ Парижѣ, истиннѣ заслужилъ такое наложеніе рукъ. Онъ хотѣлъ потихоньку пробраться за границу безъ воротника (sans gabat) и безъ кокарды и спросилъ обходную дорогу. Это не показалось достаточно прямымъ нашей милиціи, и его привели сюда. Мы узнали что это аббатъ Мори: нѣсколько времени тому

казады намъ прислали его примѣты; онѣ пришлись точь-въ-точь. Мы сказали ему: „Вы аббатъ Мори, мы отошлемъ васъ въ Думу въ Парижъ, по столамъ гг. Фулона и Бертъе.“ На это аббатъ Мори отвѣчалъ: „Если уже переодѣванье и страхъ не измѣнили фигуры какую далъ мнѣ небо, то признаюсь—какъ сдѣлалъ бы всякій на моемъ мѣстѣ—что я аббатъ Мори. Чтобы признаться въ этомъ доселѣ требовалась только искренность, теперь требуется вѣкоторое мужество. Я вашъ лѣвнникъ. Если пошлете меня въ Парижъ, въ окруженіи патриотическихъ штыковъ, то увѣренъ что чернь постулитъ со мною какъ съ Фулономъ и Бертъе. Но я особеннаго желанія не имѣю увеличить мартирологъ аристократовъ. Прошу васъ, пошлите на мой счетъ курьера къ ихъ превосходительствамъ господамъ Національному Собранію (*messieurs de l'Assemblée Nationale*). Не сомнѣваюсь что многіе изъ нихъ сильно будутъ настаивать на моемъ освобожденіи, опасаясь не пришлось бы мнѣ протянуть ноги. Теперь же, господа, пока я въ вашихъ рукахъ, представьте меня начальнику милиціи, г. меру города и всѣмъ предержащимъ властямъ“. Ни чего не могло быть справедливѣе, и мы отвели его и посадили при Думѣ. Ожидая отвѣта Національнаго Собранія, онъ находится посреди господъ думскихъ и привыкаетъ понемножку къ своему положенію.“

„Восхищенные такими подробностями, мы пожелали чтобы почтенный священникъ еще увеличилъ бремя нашей благодарности, доставивъ намъ случай увидать аббата Мори среди Пероннакаго непремѣннаго комитета. Онъ доставилъ намъ это безъ затрудненія, и посудите какъ обрадовался аббатъ Мори свиданію съ нами! Хотя онъ ожидалъ удовлетворительныхъ вѣстей изъ Національнаго Собранія, но все-таки не безъ безлокоиства представилъ насъ господамъ его окружающимъ: начальнику милиціи, городскому головѣ и всѣмъ избирателямъ. Пикардскій Лафайетъ—старый сержантъ, хромоу и кривоу, отличился въ двухъ или трехъ народныхъ мятежахъ, гдѣ и потерялъ недостающій ему глазъ. Онъ разказалъ намъ съ большою готовностью какихъ трудовъ стоило ему составить команду изъ ста двадцати Пикарцевъ и добыть имъ кôкарды и ружья. Съ этою-то эскортоу надѣется онъ проводить аббата Мори въ столицу. Городскоу голова города Перонна не членъ трехъ академіи, какъ Баальи, но выбранъ какъ и Баальи аккламаціей. Онъ заслуженный церковный

староста и школьный учитель. Мы спросили у этихъ господъ и у всѣхъ избирателей почему „нація“ не убиваетъ своихъ лѣвашиковъ въ Перонахъ, какъ она дѣлаетъ это въ Парижѣ, и почему городъ лишень здѣсь зрѣлища этихъ экзекуцій, доставляющихъ, волевыми, столько удовольствія, а затѣмъ и столько чести Парижанамъ. „Ибо, прибавили мы, аббатъ Мори, что вы ни говорите; былъ бы достоинъ вашего патриотическаго гя́ва. Зачѣмъ посылать его въ Парижъ? Или вы ждете лучшаго случая?“—„Господа, господа, внушительно возразилъ голова, Парижъ имѣетъ право казни во всемъ королевствѣ, а мы любимаемъ только Пикардцевъ, ибо мы не вполнѣ нація какъ Парижъ. Аббатъ Мори бѣглець изъ Собранія. Это деликатное дѣло. Ждемъ приказанія Національнаго Собранія. Оно выведетъ насъ изъ затрудненія. Здѣсь и такъ намъ много дѣла. Въ эту ночь, по извѣщенію пришедшему изъ Парижа, Геннегау (Hainault), Фландрія и вся Пикардія были подъ ружьемъ; въ городахъ и деревняхъ били въ набатъ. Триста человѣкъ гражданской стражи были на ногахъ. Это все чтобы встрѣтить отрядъ изъ двухъ тысячъ разбойниковъ которые должны были разойтись по нашимъ полямъ и жечь жатву.“—„Да и мы замѣтили проѣзжая вашу провинцію, отвѣчали мы, большое движеніе. Но не имѣя свѣдѣній, полагали что это естественное состояніе Пикардіи. Гражданскіе патрули вооруженные вилами, палками съ желѣзными наконечниками, косами, нѣсколькими ружьями, останавливали насъ на каждомъ шагу и заставляли клясться что мы любимъ отечество вообще и сверхъ всего ту деревню гдѣ проѣзжали. Отъ поста къ посту намъ давали провожатаго. Онъ садился на козлы нашей кареты съ листолетами за поясомъ, дула которыхъ торчали по направленію къ намъ. Въ этомъ видѣ мы прибыли въ Руа (Roüe). Тутъ насъ спросили прибыли ли г. Неккеръ. Мы сказали что скоро прибудетъ. *Въчине скоро прибудетъ!* закричалъ одинъ изъ видныхъ членовъ толпы. *Я рѣшилъ арестовать перваго кто не скажетъ мнѣ что Неккеръ уже прибылъ и отправлю молодца, связавъ по ногамъ и рукамъ, въ Дужу къ націи, въ Парижъ.* Благо предувѣдомленные на этотъ разъ, мы далѣе во всю дорогу говорили что г. Неккеръ уже прибылъ и готовы то же сказать и вамъ, милостивые государи, буде то требуется. Позвольте только спросить васъ по поводу необычайной, но ложной тревоги среди васъ возбужденной, какая можетъ быть цѣль тѣхъ что васъ пугаютъ

ложными слухами и заставляютъ день и ночь проводить подъ оружіемъ. Откуда могли взяться двѣ тысячи разбойниковъ должествовавшихъ жечь вашу жатву? Развѣ король не въ согласіи съ націей? Развѣ солдаты не несутъ службы вмѣстѣ съ гражданами?“— „То что вы говорите, государь мой, сказалъ меръ, поглядывая на насъ искоса,—очень подозрительно. Счастливы вы что мы слушаемся разсудка. Намъ хочется думать что мы въ опасности. Кто насъ разувѣряетъ—врагъ нашъ. Чѣмъ, кромѣ тревогъ и слуховъ, можно было бы держать на ногахъ армию изъ трехъ милліоновъ гражданъ и крестьянъ отъ одного края королевства до другаго, а такая армія есть въ настоящую минуту?“

„Аббатъ Мори подмигнулъ намъ глазомъ, и мы перемѣнили разговоръ, какъ послышался на улицѣ сильный шумъ. Прибылъ курьеръ Национальнаго Собранія. Онъ явился требовать не особу, а свободу аббата Мори, объявляя его священнымъ и неприкосновеннымъ. Очень это огорчило городъ Пероннъ; и сказать трудно до какой степени. Потратились, сварились вести его въ Парижъ, ласкали себя надеждой дать Думѣ великое свидѣтельство усердія и можетъ-быть изгладить воспоминаніе о казни гг. Фулона и Бертъе, немножко поджаривъ на кострѣ аббата Мори. И вотъ пришлось отказаться отъ сладкихъ надеждъ и выпустить добычу.

„Не добрымъ глазомъ смотрѣли на насъ, когда мы поздравляли аббата Мори съ освобожденіемъ. И счастье еще что аббату не пришло въ голову назвать насъ друзьями и обнять, а то лобили бы насъ камнями. Не знаю, усмотрѣлъ ли онъ это новое средство губить враговъ, но вышелъ онъ изъ рукъ своихъ тюремщиковъ очень довольный и сильно измѣнившійся за эти три дня.“

Р. S. „Пожалуста остерегайтесь печатать это письмо, развѣ если желаете вздернуть на висѣлицу какого-нибудь честнаго книгопродавца въ Пале-Рояль. Когда у насъ былъ одинокъ глава, писателю можно было уйти отъ него, но теперь безопасно писать только противъ него. Ибо съ тѣхъ поръ какъ народъ сталъ королемъ—чернь стала королевой, и легко провиниться въ оскорбленіи величества отъ Поршерона до Куртиля и отъ Рале до Грева (depuis les Porcherons jusqu'à la Courtille et de la Rapée jusqu'à la Grève). Надо надѣяться съ *Парижскими Журналами* (*Journal de Paris*) что mesdames de la halle приведутъ въ разсудокъ королей и королевъ ихъ квартала. Хорошо кабы онѣ ввухили всѣмъ этимъ царст-

веннымъ особамъ что милость есть царская добродѣтель удивительно приличествующая въ началѣ царствованія.“

Ничто подобное разказываетъ Монлозьё о своемъ путешествіи изъ Парижа въ свою провинцію около того же времени. Онъ ѣхалъ до Клермона съ полутчиномъ, который оказался ему полезнымъ... „Повсюду гдѣ насъ останавливали, а это повторялось на каждомъ шагу, слутникъ мой кричалъ изо всѣхъ силъ: „да здравствуетъ нація, да здравствуетъ третье сословіе, къ чорту дворянство!“ Затѣмъ обращался ко мнѣ, говоря потихоньку: „проклятые канальи!“ Въ Кювѣ (Сбне), видя на моемъ паспортѣ подпись Лафайета, меня сочли другомъ этого генерала и революціи, и стали спрашивать о взятіи Бастиліи 14 іюля. Вопросы мнѣ надоѣли, и скука выразилась на моемъ лицѣ. Это показалось подозрительнымъ. Мой слутникъ извинилъ меня и отведя въ сторону мера, просилъ пощадить меня вопросами, такъ какъ я былъ де въ горѣ по случаю потери жены. Помощію подобныхъ изворотовъ, которые онъ не переставалъ придумывать, а также благодаря въ особенности паспорту отъ Лафайета, который онъ постоянно предъявлялъ, мы прибыли въ Оверь безъ неприятныхъ приключеній“ (Montlosier, I, 215).

Обозрѣвая событія перваго мѣсяца революціи, англійская газета *Daily Advertiser* пришла къ такому заключенію (слова приведены въ № IX, 47, *Révol. de Paris*). „Нельзя вѣрить, говоритъ эта газета, чтобы жестокости совершаемыя Французскимъ народомъ могли быть терлимы долѣе и чтобы европейскія державы оставались равнодушными зрителями этого нарушенія всѣхъ законовъ. Каждый день становится яснѣе и яснѣе что народъ Французскій движется не любовью къ свободѣ, а отвращеніемъ ко всякому долгу и труду и чувствомъ ненависти къ его высшимъ... Явленіе Французской революціи наиболѣе удивительное есть равнодушіе Национальнаго Собранія къ безпорядкамъ все опрокидывающимъ въ королевствѣ и не пресѣкаемымъ никакою государственною властью. Въ то время какъ частныя лица вынуждены соединяться чтобы защищать свою жизнь и свое имущество, господа члены Собранія занимаются обсужденіемъ отвлеченныхъ началъ, не думая о томъ великомъ началѣ что общее благо зависитъ отъ блага частнаго и какъ скоро отдѣльныя лица не находятъ болѣе локровительства во власти законодательной и исполнительной, общество необходимо разлагается.“

VI.

Между органами печати того времени было официальное издание *Gazette de France*, составлявшее собственность министерства иностранныхъ дѣлъ. Это старѣйшій политическій журналъ во Франціи. * Его объемъ и составъ напоминаетъ наши *Московскія* и *Петербургскія Вѣдомости* стараго времени, во многомъ копировавшія свой французскій образецъ. Газета выходила два раза въ недѣлю. Любопытно прослѣдить какъ отразились событія революціонной эпохи въ этой официальной летописи.

Ближайшій номеръ къ событіямъ 14 іюля есть № 57, отъ лѣтницы 17 іюля 1787 года. Въ немъ, какъ и въ слѣдующихъ, о взятіи Бастиліи не встрѣчаемъ ни единого слова, какъ будто такого происшествія не было, хотя сообщаются подробности о какомъ-то пожарѣ въ Анжервѣ случившемся въ іюль мѣсяцѣ. Изъ слѣдующихъ номеровъ узнаемъ о нѣкоторыхъ правительственныхъ распоряженіяхъ: закрытіи военнаго совѣта по исполненіи имъ возложеннаго порученія (№ 58); отиѣнѣ наказанія въ войскѣ ударами саблей плашмя (*cours de plat de sabre*, № 59); о приѣмѣ во дворцѣ кардинала Монморанси (№ 60). О дѣятельности Национальнаго Собранія не упоминается: она по видимому не считалась подлежащею официальному обнародованію. Въ № 61 (31 іюля) говорится о собраніи депутатовъ отъ 60 городскихъ участковъ, подтвердившемъ выборъ Лафайета и Бальи, составившемъ продовольственную и другія коммиссіи; говорится что предполагаемый планъ муниципальнаго устройства будетъ разосланъ по участкамъ и всѣ граждане приглашаются сообщать свои идеи. Наконецъ въ № 62 есть сообщеніе о неурядицахъ и разбояхъ, во съ успокоительною дѣлю. „Съ нѣкотораго времени общественная молва только и сообщаетъ что объ ущербахъ причиненныхъ разбойниками въ большомъ числѣ разсѣяншимися по деревнямъ.“ Слухи эти во многихъ де мѣстахъ не подтвердились и преувеличены. „Надежить въ настоящихъ обстоятельствахъ тщательно собирать факты слобные

* Въ Императорской Публичной Библиотекѣ есть полный экземпляръ *Gazette de France*, которымъ мы и пользуемся.

вѣсти усложненіе; но стремясь оживить довѣріе, должно вѣстѣ съ тѣмъ постоянно рекомендовать благоразуміе и осторожность.“ Въ № 63 возмѣщается о назначеніи новыхъ министровъ (епископа Бордосскаго хранителемъ печати, Неккера министромъ финансовъ). Говорится что имѣлось въ виду назначить Неккера первымъ министромъ, но онъ, „прямъ знакъ довѣрія монарха, просилъ чтобы знакъ сей не сопровождался никакимъ рангомъ или титуломъ“. Замѣтно,—особенно по сравнительному обилію помѣщавшагося о его рѣчахъ и дѣланіяхъ,—что Неккеръ, такъ заботившійся о популярности, не упускалъ случая пользоваться услугами официального листка.

Въ № 65 (пятница 14 августа 1789) опубликована рѣчь произнесенная въ Национальномъ Собраніи, 7 августа, хранителемъ печати и идущая въ разрѣзъ съ усложнительною замѣткой № 62. „Мы присланы къ вамъ королемъ, говоритъ хранитель печати, чтобы сложить въ нѣдра Собранія безлокойство волнующее отеческое сердце его величества. Оттого ли что мстительное воспоминаніе о разныхъ злоупотребленіяхъ, которыя король стремится устранивъ преобразованіями и которыя вы желаете уничтожить навсегда, ввело въ заблужденіе народъ; оттого ли что возмѣщеніе объ общемъ имѣющемъ наступить перерожденіи поколебало различныя силы на которыхъ покоится общественный порядокъ; оттого ли что враждебныя нашему благополучію страсти распространили въ странѣ свое пагубное вліаніе,—*истина est talem* (la vérité est) что порядокъ и общественное спокойствіе потрясены во всѣхъ частяхъ королевства. Вамъ извѣстно что собственность въ провинціяхъ подвергается разграбленію. Рука поджигателей опустошаетъ жилища гражданъ; формы правосудія не признаются и замѣняются самоуправствомъ, преслѣдованіемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грозилъ жатвѣ, преслѣдуя народъ даже въ его надеждахъ. Куда не могли послать грабителей туда слыли ужасъ и смутеніе. Своеволіе безъ узды, законъ безъ силы, судъ безъ дѣйствія; отчаяніе овладѣло частью Франціи, ужасъ охватилъ ее всю. Торговля, промышленность въ застоѣ, даже убѣжища благочестія не безопасны отъ убійственныхъ увлеченій.“

Таково правительственное изображеніе состоянія Франціи въ первую эпоху революціи. Парализованной въ своихъ дѣятельностяхъ власти оставалось только сѣтовать и молить Собраніе

о помощи. „Вы справедливо полагаем, продолжаетъ министръ, что прекрасная и мудрая конституція есть и должна быть вѣрнѣйшею и плодотворнѣйшею основой этого государства. Его величество съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ждетъ результата вашихъ трудовъ. Онъ особенно поручилъ намъ побудить васъ къ ихъ ускоренію. Но обстоятельства требуютъ мѣропріятій коихъ дѣйствіе было бы болѣе настоятельно и дѣятельно.“

Въ свою очередь Неккеръ въ рѣчи приведенной въ № 66 *Французской Газеты* указываетъ на плачевное состояніе финансовъ и на то что поступленіе налоговъ почти прекратилось. Онъ впрочемъ утѣшаетъ націю... цѣлѣю своего краснорѣчія. „Несмотря на наши бѣдствія, цѣлость королевства не поколеблена, и соединеніе вашихъ знаній и талантовъ способою оплодотворить всѣ зародыши благосостоянія. Да не теряетъ же никто ни здѣсь въ собраніи, ни въ націи мужества. Король желаетъ истины, король желаетъ добра. Подданные сохранили приверженность къ его особѣ, приверженность сія съ возвратомъ спокойствія въ королевствѣ еще процвѣтетъ и возрастетъ. Предадимся же счастливой перспективѣ какая можетъ намъ открыться. Придетъ быть-можетъ день когда французская нація, среди сладостей мудрой свободы и безоблачнаго довѣрія, изгладитъ изъ своей памяти воспоминанія вынѣшняго бѣдственнаго времени и, наслаждаясь благами какія дадутъ ей ваши великодушныя усилія, навсегда сохранитъ въ своей признательности имя монарха, которому любовь ваша только что даровала столь прекрасный титулъ.“ Какою фальшивою риторикой теперь, послѣ событій, звучатъ эти самоусладительныя фразы!

9 августа король вынужденъ былъ издать прокламацію (напечатанную въ томъ же № 66) изображающую печальный фактъ какъ революціонеры пользовались именемъ короля чтобы мутить народъ (вспомнимъ „золотыя грамоты“ и другіе подвиги нашихъ революціонеровъ). „До свѣдѣнія его величества дошло что шайки разбойниковъ разсыпавыя въ королевствѣ стараются обмануть жителей многихъ мѣстъ, увѣряя ихъ будто они могутъ, не уклоняясь отъ намѣреній его величества, наладать на замки, расхищать архивы и совершать и иныя неистовства по отношенію къ жителямъ и господскимъ владѣніямъ. Посему его величество находитъ въ необходимости объявить что подобныя насилія возбуждаютъ все его негодованіе (еще бы не возбуждали! куріозно-деи-

катное выраженіе по отношенію къ разбойникамъ). Его величество особенно приглашаетъ всѣхъ на чьей обязанности лежитъ исполненіе его повелѣнійъ всѣми находящимися въ ихъ распоряженіи средствами предупреждать подобныя преступленія и заботиться чтобы таковыя не оставались безъ строгаго наказанія. Его величество съ великимъ огорченіемъ взираетъ на смуту водворившуюся въ королевствѣ, смуту съ нѣкотораго времени возбуждаемую злонамѣренными людьми, посвящающими ложные слухи съ цѣлью побудить жителей деревень взяться за оружіе.“

Печалованія правительства не произвели большаго дѣйствія. Собраніе, руководимое вожаками, отклоняло принатіе какихъ-либо серьезныхъ мѣръ къ подавленію беспорядковъ и болѣе заботилось о томъ чтобы парализовать правительственную власть чѣмъ о томъ чтобы преслѣдовать злоумышленниковъ. Король, впрочемъ, выдалъ указъ предписывавшій войскамъ оказывать, по требованію гражданскихъ и муниципальныхъ властей, содѣйствіе военной силы для прекращенія матажей. Но при этомъ пришлось заботиться не столько о томъ чтобы успокоить мирныхъ гражданъ, сколько о томъ чтобъ не обидѣть разбойниковъ. Офицеры должны были, согласно желанію Собранія, давать присягу въ такой формѣ: „Клянемся оставаться вѣрными націи, королю и закону, и никогда не направлять подчиненныхъ нашихъ противъ гражданъ, кромѣ какъ по требованію гражданскихъ и муниципальныхъ властей“. Солдаты клялись „никогда не покидать знаменъ, быть вѣрными націи, королю и закону и повиноваться правиламъ военной дисциплины“.

Указъ былъ выданъ согласно декрету Национальнаго Собранія. Это не удержало привязчивую критику революціонной печати. „Есть, читаемъ въ *Révol. de Paris* (N° VI, 3), между королевскимъ указомъ и декретомъ Собранія разница на которую каждый гражданинъ имѣетъ право обратить вниманіе.“ Въ первомъ параграфѣ указа значитса: „Войска окажутъ содѣйствіе національной милиціи и объездной стражѣ (*marchésauzée*, родъ урядниковъ) *екакій разъ* когда будутъ призваны гражданскими или муниципальными властями (*toutes les fois qu'elles en seront requises par les officiers civils ou les officiers municipaux*)“. А если приглашеніе этихъ властей будетъ противно закону, соблюдать который клялся во-сслымъ офицеръ—что сдѣлаетъ онъ? Послушается? Будетъ

нарушителемъ клятвы. Не послушается? Нарушить законъ требующій чтобъ онъ оказывалъ содѣловіе *сакій разъ* какъ требуется. Небо справедливое! значить увѣрены что муниципальные чины не злоупотребятъ своею властію, не захотятъ никогда нарушить законъ, прикрыть пагубные происки, поддержать несправедливость, господствовать, захватывать, притѣснять, обращать государственную силу на служеніе своимъ частнымъ интересамъ? Какая слѣпота! Да развѣ богатая семья не захватитъ муниципальных мѣстъ и не найдутъ средства на нихъ укрѣдиться? А муниципальная аристократія, сдѣлавшись насѣдственною, хотя повидимости и выборная, не обѣщаетъ ли намъ столько же бѣдъ какъ аристократія военная? Не все развѣ мнѣ равно кто меня угнетаетъ и хватаетъ за горло, гражданская или военная власть. Если я задыхаюсь подъ муниципальной тогой, народъ не услышитъ моего крика, не увидитъ моей текущей крови, а только зрѣющимъ несправедливостей пробуждается любовь къ свободѣ. Если солдатъ долженъ обращать оружіе противъ гражданина *сакій разъ* какъ того потребуетъ муниципальная власть, то мы только смѣнили одніи цѣли другими. Скипетръ аристократіи не сломать, а лишь перешелъ въ другія руки.“ Это стремленіе парализовать самое простое, необходимо вызванное обстоятельствами заявленіе намѣреній власти—одно изъ тысячи свидѣтельствъ того какъ революціонная печать съ самаго возникновенія своего постоянно была прикрытою проповѣдью мятежа.

Король со своей стороны въ письмѣ къ офицерамъ и солдатамъ, опубликованномъ въ 67 номерѣ *Gazette de France*, убѣждаетъ ихъ „соединиться со всѣми добрыми гражданами дабы отразить разбойниковъ, которые, не довольствуясь тѣмъ что сѣять безпорядки въ моемъ королевствѣ, стремятся смутить умы моихъ добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ чтобы сдѣлать ихъ соучастниками своихъ насилій и вовлечь въ свои вѣроломныя планы.“ Очевидно, дѣло идетъ не объ обыкновенныхъ разбойникахъ, а подразумеваются вожаки мятежа.

Въ присягѣ солдатъ на первомъ мѣстѣ поставлена клятва что не будутъ покидать своихъ знаменъ. Это вызвало было дезертирствомъ солдатъ, при общемъ одобреніи переходившихъ изъ рядовъ арміи въ „солдаты отечества“ съ жалованьемъ изъ городскихъ суммъ. Въ началѣ это поощрялось

и приветствовались. Не скоро дали себя почувствовать неудобства напыва разнузданнаго элемента. И когда королевскимъ приказомъ (обнародованнымъ въ томъ же номерѣ Газеты) дозволено было дезертирамъ возвратиться въ свои дома „съ полнымъ забвеніемъ прошлаго“, то Дума сдѣлала объявленіе (№ 68 Газеты) слѣдующаго содержания:

„Собраніе представителей общины, принимая во вниманіе письмо короля къ маркизу Лафайету, полагаетъ что отнынѣ прибытіе солдатъ изъ разныхъ полковъ въ Парижъ не можетъ уже быть приписываемо патриотическому желанію сражаться вмѣстѣ съ нами за дѣло свободы, а есть только подданіе знаменъ, подъ коими они должны защищать отечество, тѣмъ болѣе что новая присяга установленная Национальнымъ Собраніемъ навсегда освобождаетъ ихъ отъ опасенія быть вынужденными служить противъ гражданъ. Посему постановило что съ сего числа кавалеристы, солдаты, драгуны и т. д. болѣе приниматься не будутъ. Противъ вторженія примутся мѣры.“

Въ рядахъ національной гвардіи случилось неудобство другаго рода: пропали мундиры. Въ *Révol. de Paris* (IX, 14) читаемъ. „Многіе молодые люди вступившіе въ національную гвардію были сегодня (5 сентября) безъ мундировъ. Упреки товарищей заставили ихъ признаться что они заложили свои мундиры въ *Mont-de-piété*. Мы бы умолчали объ этомъ фактѣ еслибъ онъ не сдѣлался слишкомъ гласнымъ. Говоримъ съ дѣлю побудить полицейскій комитетъ сдѣлать распоряженіе чтобъ управленіе *Mont-de-piété* не принимало такіа вещи въ залогъ. Запрещеніе должно быть направлено не на тѣхъ кто закладываетъ, а на тѣхъ кто принимаютъ.“

VII.

Въ теченіе дня 5 августа въ Парижѣ, и прежде всего конечно въ Пале-Рояль, разнесся слухъ что въ послѣднюю ночь въ Версаль въ Собраніи состоялись важныя рѣшенія, заложены основанія конституціи во всемъ касающемся феодализма. Скоро пришли печатные листки возвѣщавшіе о состоявшихся постановленіяхъ, разрушавшихъ основанный на феодализмѣ государственный строй страны. „Ольгавеніе

радости, сказано въ *Révol. de Paris* (№ IV, 28), тотчасъ сообщилось всѣмъ сердцамъ. Всѣ поздравляли одинъ другаго, съ энтузіазмомъ именуя депутатовъ отцами отечества. Какъ бы новый день просіялъ надъ Франціей. Хотя отъ мудрости Собранія и ждали всякихъ благъ, казалось однако что получили неожиданное благодѣяніе. Образовались группы на всѣхъ почти главныхъ улицахъ. Около мостовъ поджидали проходящихъ чтобы сообщить имъ новость, которую они можетъ-быть не узнали бы до завтра. Такъ пріятно было раздѣлить и распространить общую радость. *Братство*, сладкое братство царствовало повсюду. * Выраженія радости были особенно живы при встрѣчѣ съ французскими гардами. Ихъ душили въ объятіяхъ. Да, есть минуты въ жизни народовъ, какъ и въ жизни людей, которыя заставляютъ забывать года горя и страданій.“

Что же произошло въ ночномъ засѣданіи 4 августа? Ночь эта нерѣдко изображается какъ самое свѣтлое событіе революціонной эпохи. И въ этомъ есть доля правды. Чувство объявшае большинство Собранія въ эту ночь энтузіазма было дѣйствительно великодушное. Свершемъ подвигъ пожертвованія или точнѣе разрушенія; и подвигъ этотъ надлежитъ всецѣло поставить на счетъ дворянству. Депутатамъ средняго сословія оставалось только рукоплескать; дѣйствовавшія лица изъ духовенства по происхожденію принадлежали къ дворянскому же сословію. Рѣшенія „великодушной“ ночи были дѣйствиельно не новой, а старой Франціи. Это былъ послѣдній актъ, а именно актъ самозакланія Франціи стараго порядка. Классъ людей носившихъ ненавистное наименованіе аристократовъ, который въ качествѣ класса правительственнаго своими руками подготовилъ и сдѣлалъ революцію, явился въ этомъ актѣ самозакланія со своимъ главнымъ характеристическимъ качествомъ — государственною неспособностію и политическимъ легкомысліемъ. Въ младшихъ

* Описывая впечатлѣніе ночи 4 августа въ Парижѣ, Кампе, не называя источника, перефразируетъ слова *Révol. de Paris*, и говоря о царствовавшей всюду *Brüderlichkeit*, прибавляетъ „wenn es erlaubt ist für ein so neues Schauspiel ein neues Wort zu prägen.“ Свидѣтельство что слово *fraternité*, вступившее потомъ въ союзъ съ *liberté* и *égalité*, было тогда еще весьма новое.

рядяхъ класса господствовало, безо всякаго серьезнаго логикова, увлеченіе идеями казавшимися либеральными и гуманными, съ присоединеніемъ разчетовъ молодого честолюбія; въ старшихъ—узкое дворянское чванство съ кастовою бражливостію и неспособностью къ дѣйствительному отпору; въ серьезнѣйшихъ—доктринерство. Въмѣстѣ съ тѣмъ ярко проявлялись высоко поднятое чувство чести, способность возвыситься надъ требованіями матеріальныхъ выгодъ, презрѣніе къ божееству среднего класса—девелиному интересу; наконецъ раздраженная чувствительность. Въ ночь 4 августа революція предстала міру въ аристократическихъ формахъ. Оттого быть-можетъ ночь эта такъ и симпатична демократическимъ писателямъ, какъ извѣстно, особенно ладкимъ ко всему аристократическому. Ночное засѣданіе прошло безъ грубыхъ столкновеній, съ нѣкоторымъ участіемъ виванныхъ ларовъ и при крайнемъ, первомъ возбужденіи энтузіазма. Какъ актъ политическій, ночь 4 августа была актомъ въ высшей степени легкомысленнымъ. Тѣ преобразованія какія требовались въ государственномъ строѣ интересами страны были давно дѣломъ рѣшеннымъ. Дворянство и духовенство еще ида на собраніе народныхъ представителей, торжественно заявили готовность отказаться отъ привилегій несправедливо отягчавшихъ народъ. Фактически феодальное что прекратилось давно. Послѣднее нагроможденіе рѣшеній въ ночь 4 августа породило только страшную путаницу и усалило смуту въ народѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ самопожертвованіе дворянства не спасло его отъ ожесточеннаго истребленія. Дворянское самоотверженіе занесено въ списокъ заслугъ революціи истребившей дворянство.

Засѣданіе 4 августа было предметомъ безчисленныхъ восхваленій. „Это засѣданіе, оказано въ *Mercure de France* (августъ 1789 года, 193), составить эпоху въ исторіи Европы и въ исторіи сердца человѣческаго“. „Феодальный строй, пишетъ Бальи (I, 116), вѣка тяготѣвшій надъ народомъ былъ разрушенъ однимъ ударомъ въ одно мгновеніе. Національное Собраніе въ нѣсколько часовъ одѣлало болѣе для народа чѣмъ сколько одѣлало въ теченіе вѣковъ мудрѣйшія и просвѣщеннѣйшія націи. Прекрасныя минуты! Что сталося съ нами!“ „Иностранцы, сказано въ журналѣ *Мирабо* (*Courr. de Prov.*, XXIII, 18), Англичане, сознавались съ удивленіемъ

что Франдузы въ нѣсколько часовъ этой памятной ночи сдѣлали больше чѣмъ другія націи въ цѣлое столѣтіе.“ „Ночь 4 августа,—пишетъ Кампе, подъ впечатлѣніемъ разказовъ и чтенія,—по слѣдствіямъ какія могутъ отъ нея произойти для Французской націи, я почти могу сказать для всего человѣчества, есть одна изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ между печами заслуживающими быть отмѣченными въ новѣйшей исторіи. Тутъ было составленіе великодушія съ великодушіемъ, патриотизма съ патриотизмомъ. Оно разомъ, безъ приготовленія, какъ электрическою искрой подняло духъ представителей народа до высшаго энтузіазма. Послѣдствіемъ было то что цѣлое собраніе, какъ бы увлеченное неотразимымъ очарованіемъ, вылинуло съ глазъ колебанія и соображенія, которыя можетъ быть своевременно было бы не забывать; забыло и себя, и всѣ личные интересы; и единогласно, при громкихъ кликахъ принесло несмыслимыя жертвы націи и человѣчеству съ такою быстротою что записывавшіе протоколъ писцы слѣжили перья и оставили до сѣдующаго утра изложеніе двадцати великихъ рѣшеній принятыхъ въ этотъ бурный ночной часъ. Все старое зданіе феодальной системы со всѣми его блестящими преимуществами для властвующихъ и удручающими тяготами для подданныхъ было въ нѣсколько часовъ разрушено и испровергнуто. Дворянство, духовенство, цѣлыя провинціи потупились своими унаслѣдованными правами и привилегіями. Всѣ пожелали напередки пользоваться лишь общими правами гражданъ и Французовъ и подобно каждому гражданину и Французу нести обща государственныйя тяготы, принося свою долю при равномерномъ раздѣленіи. Никакая должность, никакое почетное положеніе не должны отнынѣ приобретаться за деньги. Для каждого гражданина, изъ какого бы онъ ни былъ состоянія, долженъ быть отнынѣ открытъ доступъ ко всякому положенію въ государствѣ, гражданскому или военному, если онъ того достоинъ и къ тому способенъ. Надлежитъ ли сказать что въ эту ночь разрушено все французское дворянство, или слѣдуетъ выразиться что вся французская нація возведена въ дворянство? Дѣло остается то же самое такъ ли, иначе ли выразиться. Наконецъ, королю отъ котораго пошло все это рѣшено поднести почетный титулъ Восстановителя французской свободы.“

Дале нельзя назвать совсѣмъ не подготовленнымъ, какъ выразился Камле. Мирабо поясняетъ (*Courrier de Provence*, № XXIII, 8) что „вечернее засѣданіе 4 августа поджидалось съ нетерпѣніемъ. Противники (предложенной въ Собраніи) прокламаціи къ народу привесли новое оружіе на борьбу; они ласкали себя надеждой увлечь всѣ голоса, давъ уразумѣть что патриотизмъ требуетъ жертвъ и что вмѣсто пустыхъ увѣщаній, на которыя никто и вниманія не обратитъ, надлежитъ привести жертвы на алтарь мира.“ Первыми дѣятелями „великодушныхъ“ предложеній были тѣ молодые демократы со знатными именами, о которыхъ мы уже говорили. Они пришли на засѣданіе, какъ свидѣтельствуется Бертрамъ де-Молевиль, разгоряченные вкуснымъ обѣдомъ и сопровождавшими его возгласаніями. О вліяніи обѣда намекаетъ и Мирабо. То же подтверждаетъ Мюлозье. О стелени политическаго смысла этихъ титулованныхъ революціонеровъ можно судить по разговору виконта де-Ноайя, открывшаго кампанію 4 августа, съ англійскимъ посланникомъ герцогомъ Дорсетомъ вскорѣ послѣ взятія Бастиліи. „Знаете ли, милордъ, говорилъ либеральный виконтъ (*Korresp. Grimma*, іюль 1789 года) что благодаря этому дѣлу и ваша страна также можетъ сдѣлаться свободною.“ *

„Засѣданіе, читаемъ въ *Mercur de France*, продолжалось отъ 8 часовъ вечера до 2 пополуночи. Собраніе имѣло предъ глазами картину ужасовъ, жертвой коихъ было королевство отъ края до края. Рѣшили попробовать сдѣлать объявленіе которое бы остановило потокъ этихъ разрушеній, жесточайшихъ молчаніемъ законовъ и полнымъ отсутвіемъ власти способной пресѣчь безпорядки. При началѣ засѣданія Тарже прочелъ проектъ прокламаціи составленной редакціоннымъ комитетомъ. Въ ней напоминалось народу объ уваженіи къ собственности, взносовъ оброковъ и уплатѣ податей впредь до того времени когда состоятся новыя постановленія Собранія

* Это напоминаетъ разговоръ Мюлозье съ Лафайетомъ (*Mém. de Montlosier* I, 214). „На меня дуются тамъ, говорилъ Лафайетъ показывая на дворецъ, ибо я иногда говорю языкомъ которому научился Востокъ и которымъ скоро будутъ говорить въ Европѣ.“— „Если можно на сравненіе, замѣтилъ Мюлозье, то сошлюсь на Англію, гдѣ есть по крайней мѣрѣ память лордовъ.“ Онъ отвѣтилъ имъ: „Память лордовъ въ Англіи? Да чрезъ шесть мѣсяцевъ ее не будетъ.“— „Вы думаете?“— „Это такъ же вѣрно какъ то что сейчасъ пойду обѣдать къ madame de Tessé.“—И онъ оставилъ меня.“

относительно этихъ предметовъ.“ Не услѣавъ Собраніе приступить къ разсмотрѣнію проекта, какъ попросилъ слова молодой виконтъ де-Ноайль (de Noailles). „Не увѣщаніями, сказавъ онъ, можно остановить возникшія волненія, обезпечить общественную свободу и оградить собственность, а лишь удовлетвореніемъ народныхъ ожиданій; слокотство возродится, какъ скоро народъ получитъ облегченіе и узнаетъ о жертвахъ принесенныхъ для улучшенія его бѣдственнаго положенія. Въ разногласіяхъ обнаружившихся между представителями націи жители деревень усмотрѣли борьбу между дѣятелями стремящимися къ ихъ благу и сильными людьми тому противущимися. Что вышло изъ такого положенія? Они сочли обязанностію вооружиться противъ силы и нынѣ не знаютъ болѣе узды. Странѣ предстоитъ выборъ: или испытать общественное разложеніе, или образовать правительство которое послужитъ предметомъ удивленія всей Европы. Какъ образовать такое правительство? Помощію общественнаго слокотства. Успокоимъ же народъ, показавъ что ему сопротивляются лишь въ томъ что слѣдуетъ сохранить въ его же интересѣ. (*Merc. de Fr.*)... Послѣдимъ довершить революцію которую принесло время; сдѣлаемъ въ духѣ справедливости то что народъ пытается сдѣлать со слѣпою страстью. У насъ одно средство: удовлетворить немедленно всѣмъ его жалобамъ и освободить его отъ послѣднихъ остатковъ продолжительнаго притѣвленія!“ (*Montl.*, I, 239). Онъ предложилъ Собранію объявить, прежде всякой прокламаціи, что налоги будутъ платиться всѣми гражданами королевства пропорціонально ихъ доходамъ; что феодальныя права уничтожаются, одни чрезъ выкупъ, другія—а именно разныя личныя повинности—чрезъ непосредственную отѣну.

„Эта рѣчь и это предложеніе, сказано въ *Mercur de France*, были электрическою искрой почувствованною всѣмъ собраніемъ. Толчекъ великодушнаго энтузіазма подвѣлъ души выше всякихъ расчетовъ и всякихъ даже соображеній. Въ рядахъ дворянства и духовенства началось состязаніе пожертвованій. Предложенія жертвъ слѣдовали одно за другимъ, толкали одно другое съ увлеченіями слова. Изъ общаго порыва въ результатъ вышло уничтоженіе правъ, какъ тѣхъ которыя были злоупотребленіемъ и угнетеніемъ, такъ и тѣхъ кои были правами чести. Нѣсколькихъ часовъ было достаточно чтобы разрушить дѣло десяти вѣковъ.“

Герцогъ д'Эгильионъ первый присоединился къ предложенію предупредившаго его де-Ноайя. Не имѣаетъ замѣтить что тогда какъ виконтъ де-Ноайя не имѣлъ почти ничего, герцогъ д'Эгильионъ обладалъ четырьмястами тысячь ливровъ годового дохода (фактъ встрѣченъ нами въ политическомъ листкѣ той эпохи, *Courrier du Bas Rhin*, не полный экземпляръ коего есть въ Импер. Публ. Библ.). Жалѣвъ и герцогъ де-Шателе что не первый выступилъ на арену жертвованій. Маркизь Фуко (de Foucaud, homme de sens, по опредѣленію Монаозье) увлеченный потокомъ воскликнулъ: „пусть не подумаютъ что тщетно обратилась къ нашему великодушію“ (*Montl.*, I, 239).

Нѣкоторые депутаты сочли нужнымъ рисовать ужасы феодальныхъ правъ. По разказу де-Феррьера (*Mém.* I, 180), на трибуну взошелъ депутатъ изъ Бретани (*La Guen de Kangal, propriétaire, cultivateur et député de Bretagne*), въ костюмѣ крестьянина и не безъ труда прочелъ довольно длинную рѣчь составленную на этотъ случай (новое свидѣтельство что дѣло было подготовлено).

„Вы бы предупредили, господа, читалъ бретонскій депутатъ, пожары замковъ еслибы не замедлили объявленіемъ что скрытыя тамъ страшныя орудія утѣсненія, мучающія въ теченіе вѣковъ народъ, немедленно имѣютъ быть уничтожены помощію выкупа назначеннаго вами. Народъ въ своемъ нетерпѣніи добиться справедливости, измученный притѣсненіями, самъ слѣшитъ истреблять эти пергаменты, памятники варварства нашихъ отцовъ. Будьте справедливы, господа. Пусть принесутъ намъ эти постыдныя грамоты оскорбляющія человечество, унижающія родъ людской требованіямъ чтобы люди прилагались къ плугу какъ рабочій скотъ. Пусть принесутъ сюда эти грамоты заставляющія людей проводить ночи въ томъ чтобы бить по водѣ пруда дабы лягушки не нарушили покоя сладострастнаго помѣщика (*seigneur voluptueux*). Кто изъ насъ не сложилъ бы искупительнаго костра изъ этихъ пергаментовъ и не зажегъ бы его чтобы привести жертву на алтарь отечества? Вы не восстановите спокойствія въ возмущенной Франціи пока не дадите обѣщанія народу сдѣлать подлежащими добровольному выкупу всѣ феодальныя права и не уничтожите помощію новыхъ законовъ до послѣднихъ слѣдовъ этотъ утѣснительный порядокъ.... Согреваюсь отъ негодованія, видя какъ вы хладно-

кровно приняла предложеніе отремившееся къ наказанію злоупотребленій ученыхъ въ замкахъ.“

Мирабо, вообще отнесшійся къ энтузіазму ночи 4 августа съ проглаголюющею промѣй, несмотря на фразистыя похвалы, говоритъ о рѣчи бретонскаго депутата: „г. Карангаль разказывалъ какъ вассалы обязаны были бить по водѣ болота чтобы освободить рожающую помѣщицу отъ докучливаго крика лягушекъ. Но шумъ еще болѣе сильный поднялся въ самомъ Собраніи и прервалъ его рѣчь.“ *Французскій Меркурій* объ этомъ эпизодѣ не упоминаетъ.

Другой депутатъ, Лалуль изъ Фриваншъ Конте, „осмѣлился“, по выраженію де-Феррьера, увѣрять будто въ нѣкоторыхъ округахъ существуетъ право уполномочивающее владѣльца, по возвращеніи съ охоты, вскрыть животъ у двухъ своихъ вассаловъ дабы согрѣть ноги въ ихъ окровавленныхъ внутренностяхъ. Дворяне возстали противъ этой грубой выдумки, требовали доказательства существованія такого безумнаго права и тѣмъ болѣе свидѣтельства что оно когда-нибудь практиковалось. Эти эпизоды нѣсколько замутили засѣданіе которое шло съ единодушіемъ энтузіазма.

Виріі предложилъ уничтожить голубятни. „Я только бѣдный Катулазъ, сказалъ онъ, и прошу о позволеніи пожертвовать моего воробья“. Все Собраніе засмѣялось. Кто-то вскрикнулъ: „здѣсь не мало Лесбій которыя охотно его примуть“. (Галереи были наловлены дамами). (Кампе, 87). „Всѣ предложенія (де-Феррьеръ I, 182) принимаются съ шумною аккламаціей. Нѣтъ надобности, говорили, ихъ точно редактировать. Достаточно установить начала: права законной собственности можно будетъ гарантировать подробными охранительными законами. Ропотомъ прерываютъ тѣхъ кто пытаются представить какія-либо соображенія о послѣдствіяхъ и легкости съ какою рѣшаютъ участь и имущественное положеніе множества лицъ всѣхъ сословій. Депутаты, поднявшись съ мѣстъ, перемѣшиваются въ общей толпѣ среди залы, мечутся и говорятъ всѣ разомъ. Депутаты третьяго сословія, съ налускнымъ энтузіазмомъ апплодируя каждой новой уступкѣ, стараются продлить безуміе. Собраніе имѣетъ видъ толпы пьяныхъ людей вошедшихъ въ магазинъ драгоцѣнной мебели ломающихъ и разбивающихъ все что попадетъ подъ руку. Лалли Толаудаль, пассивный свидѣтель этихъ сумасбродствъ, пересылаетъ записку предсѣдателю Шалелье въ которой говоритъ: „Никто не владѣетъ собою, закройте

засѣданіе.“ Вдругъ раздаются голоса что если заставили лицъ поступиться своими правами и привилегіями, то оправедливо чтобъ и провинціи и города сложили свои привилегіи, тяготѣющія надъ значительною долей королевства и вносящія непропорціональность въ распредѣленіе налоговъ. Города слѣдуютъ за провинціями. Колеблющихся торопятъ повелительными приглашеніями.

VIII.

Мирабо не принималъ участія въ засѣданіи 4 августа и кажется даже въ немъ не былъ. Рѣшенія „великодушной“ ночи, укрѣпляя побѣды революціи, отвѣчали его намѣреніямъ и были имъ привѣтствованы, но онъ слишкомъ ловималъ тщету и опасность легкомысленныхъ увлеченій. „Возбужденіе Собранія шумныя, даже гремящія рукоплесканія (говоритъ Мирабо по поводу энтузіазма обнаружившагося въ Собраніи при преніяхъ о займѣ чрезъ два дня послѣ знаменитаго ночнаго засѣданія), предложеніе г. Клаермонъ-Лодева (Clermont-Lodève) вотировать заемъ аккламаціей въ присутствіи министровъ, заявленіе г. Фуко предложившаго шестьсотъ тысячъ ливровъ собственнаго обезпеченія на случай если онъ не убѣдитъ своею провинцію вотировать заемъ; это кипѣніе, столь прилипчивое и которое въ концѣ концовъ есть не болѣе какъ раздраженная физическая чувствительность, — все это суть свидѣтельства что требуется много времени дабы привыкнуть къ сознательному пользованію правами, оградить себя отъ инстинкта догѣрчивости и податливости, слѣбую вѣру въ лица замѣнить уваженіемъ къ началамъ, возвысить многолюдное собраніе до спокойнаго величія и не ослабляющагося достоинства, сдерживающаго порывы и аккламаціи и которое одно въ законодательномъ корпусѣ можетъ согласить выгоды многочисленности съ требованіями мудрости и зрѣлости.“ (№ XXV, 2.)

О засѣданіи 4 августа Мирабо въ своемъ журналѣ выражается такимъ образомъ (№ XXIV): „Многочисленные приношенія отечеству сдѣланныя въ ночномъ засѣданіи 4 августа возбудили общее удивленіе, но не безъ примѣси нѣкоторой критики. Одни порицаютъ постановленія которыя, говорятъ они, принесли собственность многихъ тысячъ семействъ въ жертву суетному исканію популярности. Другіе жалуются что

были пренебрежены правила и формы обязательныя для каждаго собранія стремящагося къ зрѣлости рѣшеній. Порицають и выборъ послѣобѣденнаго времени для засѣданія, и быструю смѣну предметовъ, по необходимости оставшихся не взвѣшенными, нагроможденными одинъ на другой, и сплошной гулъ прिवѣтственныхъ возгласовъ, физически не допускавшій правильнаго обсужденія. Какъ, говорятъ они, неужели вѣчно будемъ мы важнѣйшія дѣла трактовать съ такою легкостію, какою мы отличались когда не были на самомъ дѣлѣ націей? Вѣчная игрушка нашей живости, неужели будемъ мы всегда однимъ махомъ рѣшать труднѣйшія задачи, остроумными выходками замѣнять аргументы, безумно (follement) свершать мудрѣйшія дѣла и самый разумъ нашъ нѣкоторою нитью связывать съ непослѣдовательностію. Долго упрекали мы Собраніе въ томъ что оно налегаетъ на мелочи и недовольно дѣлаетъ для общаго блага. И вдругъ оно въ одну ночь, аккламаціей, рѣшаетъ двадцать важнѣйшихъ законовъ. Столько дѣла совершеннаго въ нѣсколько часовъ насъ удивляетъ. Это кажется намъ смѣло.

„Мы не скрыли эти возраженія, продолжаетъ Мирабо, такъ какъ считаемъ существеннымъ привести нѣсколько мыслей слособныхъ ихъ ослабить. Несомнѣнно что засѣданіе 4 августа представляло наблюдателю странное зрѣлище: Люди высшаго ранга предлагаютъ уничтоженіе феодальнаго строя и возстановленіе первыхъ правъ народа (не они обезчестили этотъ актъ справедливости наименованіемъ *жестокъ*). Возбуждаютъ общія рукоплесканія. Эту дань всякій день приносятъ звонкимъ фразамъ: не могли же отказать въ ней патріотическимъ чувствованіямъ. Кто знаетъ большія собранія, драматическія увлеченія къ какимъ они слособны, обольстительность рукоплесканій, соревнованіе чтобы перегнать товарища, честь личнаго безкорыстія, наконецъ то ольпаненіе какое сопровождаетъ пылъ великодушія; кто приметъ въ соображеніе стеченіе такихъ причинъ — для того все кажущееся необыкновеннымъ въ этомъ засѣданіи войдетъ въ колею обыкновенныхъ вещей. Собраніе было объято электрическимъ вихремъ, и удары слѣдовали безъ перерыва одинъ за другимъ.

„Зачѣмъ обсуждать когда согласны? Требованія общаго блага не обнаружилась ли съ очевидностію? Чтобы доказать все эти патріотическія предложенія не довольно ли было ихъ

выразить? Можно бы дѣйствовать въ формахъ болѣе методическихъ, но результатъ не былъ бы выгоднѣйшимъ.“

„Надо призваться, лишить въ свою очередь Камле, что ночная сцена 4 августа была въ то же время одна изъ самыхъ великихъ и самыхъ страшныхъ, одна изъ самыхъ серьезныхъ и самыхъ потѣшныхъ; одна изъ самыхъ чувствительныхъ и самыхъ увеселительныхъ, достоинѣйшихъ похвалы и достоинѣйшихъ порицанія, какая только была дана на сценѣ этой страны. Ее можно назвать высокою, трогательною, слезокопическою драмой... Кипящая бурливость и свойственная этой націи смѣсь энергіи и легкомыслія, возвышенности и пошлости, серьезнаго и потѣшнаго, достоинства и шутовства—эти основныя черты французскаго національнаго характера никогда не обнаруживались съ такою яркостію какъ при свѣчахъ этого замѣчательнаго ночнаго засѣданія. Не говорили, а кричали, такъ что стѣны залы дрожали. Ни одно изъ двадцати важныхъ постановленій, которыя неудержимымъ экспромптомъ съ изумительною быстротою слѣдовали одно за другимъ, не подвергалось обсужденію, хотя исключительная важность предметовъ заслуживала бы того; голоса не отбирали, предложеніе въ ту самую минуту какъ дѣлалось обращалось общимъ шумнымъ приглашеніемъ въ безповоротное рѣшеніе... Когда извѣстіе разнеслось въ Парижѣ, люди положительные, холодные, смотрящіе черезъ настоящую минуту въ будущее, раздумчиво покачивали головой и не присоединялись къ общему ликованію (Камле перефразируетъ и дополняетъ Мирабо). Они сожалеютъ что Собраніе которое, если не хочетъ провиниться въ послѣдствіи, должно во всѣхъ важныхъ случаяхъ строго держаться правилъ и формъ, на этотъ разъ обошло ихъ. Они не одобряютъ что для такого важнаго дѣла было избрано неудобное ночное время вмѣсто утреннихъ часовъ наибольшей умственной трезвости. Громко порицаютъ послѣдствіе и шумный способъ рѣшенія при неумолкавшихъ крикахъ, дѣлавшихъ физически невозможнымъ обсужденіе. Какъ? спрашиваютъ эти люди: неужели мы всегда будемъ важнѣйшія дѣла рѣшать съ дѣтскимъ легкомысліемъ, которое характеризовало насъ когда мы еще не были на самомъ дѣлѣ націей? Неужели всегда остроумныя выходки и ловкія фразы будутъ у насъ рѣшать важнѣйшія дѣла, замѣняя аргументы. Неужели разумнѣйшее что мы дѣлаемъ должны мы всегда дѣлать шутовскимъ

образомъ? Опасаются и, кажется, справедливо—что исполненіе рѣшеній встрѣтитъ трудности, никому изъ представителей народа не приходившія въ голову въ ночь патриотическаго ольяненія. Содрагаются, и думаю—основательно, предъ страшною разнузданностью всякаго рода, которая будетъ того послѣдствіемъ.“

И благодушный Балли признаетъ что рѣшенія ночи 4 августа были необдуманно послѣшвы, но не рѣшается допустить что она были плодомъ политическаго легкомыслія, а не серьезныхъ политическихъ соображеній. „Нельзя сказать, замѣчаетъ онъ, чтобы рѣшенія этой ночи были свободны отъ неудобствъ. Они приготовили не мало золь. Предложенія были послѣшмо нагромождены одно на другое. По нѣкоторымъ вовсе не постановлялось рѣшенія, многія были рѣшены крайне послѣшмо. Вышло въ результатъ раслущеніе всѣхъ связей, ослабленіе всѣхъ пружинъ. Умы не видѣли предѣловъ добра которое хотѣли сдѣлать; расчетъ и интересы расширяли ихъ. Все было разомъ разрушено, и фактически даже то что желали сохранить. Эта ночь стоила мнѣ въ моей администраціи много трудовъ и хлопотъ. Однако всѣ ея рѣшенія были полезны и даже необходимы. Время было облегчить деревенскій людъ, слишкомъ долго остававшійся въ забвеніи. Безъ сомнѣнія, благоразуміе требовало сдѣлать это со временемъ и мѣрою. Надо бы подождать чтобы состояніе финансовъ, количество долговъ и доходовъ были приведены въ ясность. Но съ другой стороны требовалось обезпечить революцію, укрѣпить новый порядокъ вещей. А для этого было одно средство: привлечь народъ.“

Рѣшительнѣе всѣхъ относится къ послѣшвымъ рѣшеніямъ Собранія Мондозье. Онъ называетъ дѣло 4 августа разбоемъ: „Когда, говоритъ онъ (I, 234), разложеніе государства доведено было насиліями, пожарами и убійствами до крайней степени, Собраніе, вѣрно своей системѣ не свершать прямо преступлений, а пользоваться ими, послѣшмо оформить преступления, давъ имъ видъ законовъ. Дѣло разбойниковъ было санкціонировано новымъ грабежомъ, называемымъ ночью 4 августа. Въ эту ночь члены народнической партіи прямо не предписывали убійствъ; они только выставляли дворянъ какъ стадо негодяевъ, которые, въ силу старыхъ своихъ пергаменовъ, лили лоть бѣднака, собирали и пожирали плоды его трудовъ и бдѣнія.“ Они восторгались величіемъ „новаго народа“ явившагося

во Франціи: народа Гревской площади 14 іюля и всяческихъ бандъ съ топоромъ и факеломъ въ рукахъ. Какъ только декреты ночи 4 августа сдѣлались извѣстны во Франціи, не было здравомыслящаго человѣка который не содрогнулся бы. Не говорю уже о дворянахъ; говорю о томъ что видѣлъ среди самой буржуазіи и въ судейскихъ кругахъ, что видѣлъ между тѣми кто въ началѣ обнаруживали наиболѣе рвенія къ свободѣ и демократіи. Могъ бы привести свидѣтельства моихъ собственныхъ друзей, въ другихъ отношеніяхъ наиболѣе расходившихся со мною во мнѣніяхъ. Я видѣлъ ихъ поверженными въ смущеніе... Вскорѣ по прибытіи моемъ, находясь, какъ депутатъ, въ собраніи членовъ правой стороны, уже оказывавшихъ мнѣ дружбу, я спросилъ что могло заставить ихъ раздѣлать безумное увлеченіе. Казалось и Морю нечего было мнѣ отвѣтить: они не участвовали въ этомъ дѣлѣ. Не то другіе. Виконтъ де Ноайль сказалъ мнѣ: „надо довершить революцію которой пришло время, сдѣлать въ духѣ справедливости то что народъ стремится свершить со слѣпою яростію. У насъ нѣтъ другаго средства, какъ удовлетворить немедленно всѣ его жалобы и освободить его отъ послѣднихъ сѣдловъ продолжительнаго утѣсненія.“ Эти слова были въ согласіи съ другими мнѣніями Виконта де Ноайля. Но я никакъ не могъ понять какимъ образомъ разсудительный маркизь Фуко могъ власть въ такое заблужденіе и присоединиться къ предложеніямъ говоря: „пусть не подумаютъ что тщетно обратился къ нашему великодушію!“; какъ Виріе могъ выступить со своимъ воробьемъ; какъ еписколъ могъ предложить отмѣну права охоты. Когда я спрашивалъ ихъ объ этомъ, они отвѣтили мнѣ: „когда народъ находится въ безуміи (délire), есть только два средства его успокоить: доброта или сила. Силы мы не имѣемъ; добротой надѣялись его обезоружить. Люди вліятельные при дворѣ и въ парламентѣ имѣли ту же надежду и склоняли насъ.“ Скоро обнаружилось какъ пуста была эта надежда. Это и не трудно было предвидѣть.“

Наиболѣе непосредственное и немедленное дѣйствіе произвели постановленія относительно свободы охоты. „Никогда сенаторы державшіе въ своихъ рукахъ судьбы Франціи, читаемъ въ *Монитеръ* (*Collection complète de Moniteur Univers.* T. VI, 261. Milan, 1802), не уничтожили бы такимъ рѣшительнымъ образомъ голубятни, загородки для

кроликовъ (garennes), право охоты и рыбной ловли, есабы предвидѣли тѣ злоупотребленія какія вытекли изъ такого рѣшенія. Народъ, по своему перетолковавшій рѣшенія прежде еще ихъ опубликованія, смѣшалъ собственность съ почетными правами. Законъ не будучи ни точно выраженъ, ни извѣстенъ, подвергъ множество частныхъ лицъ ограбленію со стороны другихъ таковыхъ же лицъ. Рѣшеніе это было сигналомъ войны тотчасъ объявленной крупнымъ и мелкимъ владѣльцамъ ихъ вассалами и всякимъ кто имѣлъ возможность приобрести ружье. Въ одинъ день поля были покрыты вооруженными людьми; не пощадили жатву. Вся дичь была перебита; влѣзали на стѣны ларковъ. Зайцы, кролики, олени, лани, кабаны были перебиты, голубятни разрушены. Когда истребили послѣднихъ изъ лугавыхъ обитателей ларковъ и снесли самыя стѣны, залали гумна и замки.“

Большое значеніе имѣла отмѣна десятинной подати, наиболѣе легкомысленное изъ рѣшеній 4 августа. Рѣшено собственно было подвергнуть ее выкулу и замѣнѣ, но не дожидаясь того, ее, помято, немедленно перестали платить. „Съ незапамятныхъ временъ (A. Dugu—*L'instruction publique et la révolution*, Paris. 1882, стр. 56) во Франціи десятинный налогъ (les dîmes) былъ главнымъ источникомъ для содержанія школъ. Часть его прямо опредѣлялась на народное образованіе. Имѣло большое число семинарій, коллежей и даже университетовъ. Словомъ, серьезный интересъ требовалъ удержать его по крайней мѣрѣ въ части назначенной для среднихъ заведеній или замѣнить другимъ равносильнымъ источникомъ. Национальное собраніе въ послѣдности своей не замѣтило этого. Оно уничтожило десятину всякаго рода вмѣстѣ съ другими привилегіями „съ тѣмъ чтобы, сказано въ декретѣ, приискать средства инымъ способомъ помочь различнымъ заведеніямъ, семинаріямъ, школамъ, коллежамъ и т. д. на содержаніе коихъ вынѣ идетъ этотъ сборъ.“ Правда, въ качествѣ переходной мѣры постановлено было что налогъ долженъ быть собираемымъ впредь до того какъ вступить въ силу новый порядокъ, согласно закону, и установится пользованіе тѣмъ что должно замѣнить десятину. Но это охранительное распоряженіе скоро было отмѣнено. Декретомъ 20 апрѣля 1790 года рѣшено было что начиная съ 1 января 1791 года прекращается сборъ десятиннаго налога всякаго рода... Къ концу 1791 года, прибавляетъ Дюрюи, школы были если не въ развалинахъ, то въ нищетѣ, какъ видно изъ документовъ.“

IX.

Въ засѣданіяхъ 6, 7, 8, 11 августа былъ редижированъ текстъ постановленій 4 августа. Въ окончательной формѣ они были сведены къ двадцати пунктамъ. Національное Собраніе, сказано въ первомъ изъ нихъ, всецѣло уничтожаетъ феодальный режимъ. Постановляетъ что личныя феодальныя повинности отменяются безъ вознагражденія, остальные объявляются подлежащими выкулу. Исключительное право имѣть голубятни отменяется. Отменяется право охоты, уничтожается вотчинная юстиція. Отменяется десятинный налогъ (*dîmes*). Отменяется продажность должностей. Открывается для всѣхъ доступъ ко всѣмъ должностямъ. Отменяются привилегіи провинцій. Отменяются ленсіи отъ кабинета, привилегіи по отношенію къ налогамъ, разные сборы именуемые *авнатомъ*, *дваріемъ* Св. Петра и т. д. Постановленія были представлены на утвержденіе короля.

Въ письмѣ отъ 18 сентября 1789 года король отвѣчалъ Собранію (*Assemblée Nationale ou Collection de discours, mémoires etc; redigée par un député. Paris, 1789. Т. III, 215; эпитафья: post tenebra lux*): „Одобрѣя общій духъ постановленнаго вами, усматриваю однако небольшое число пунктовъ на которые могу дать только условное согласіе. Но желая по возможности отвѣтить ожиданіямъ Собранія и стремясь въ отношеніяхъ моихъ къ нему сохранить полную искренность я сообщу результатъ первыхъ размышленій моихъ и мои совѣты.“ Осторожная, почти опасливая критика короля (точнѣе его министровъ) лучше всего указываетъ слабыя стороны необдуманныхъ рѣшеній 4 августа.

„Я первый, пишетъ король, уничтожилъ безо всякаго вознагражденія право именуемое *de main morte* на всемъ продаженіи моихъ личныхъ владѣній. Но есть личныя повинности, которыя, висколько не оскорбляя человѣческаго достоинства и не неся никакой печати униженія, имѣютъ весьма важное значеніе для поземельныхъ владѣльцевъ. Не сашкомъ ли, значить, далеко идти, если отменить ихъ безо всякаго вознагражденія. Наконецъ, есть личныя повинности издавна, вѣка тому назадъ обращенныя въ денежныя. Онѣ укрѣплены договорами и давностію обычая, представляя собою собственность передаваемую, продаваемую и покупаемую. Далѣе, въ Альзасѣ

есть обширныя владѣнія иностранныхъ принцевъ, находящіяся подъ гарантiей самыхъ торжественныхъ трактатовъ. Услыхавъ о проектахъ Собранiя, эти владѣльцы уже дѣлаютъ свои заявленiя, достойныя всякаго вниманiя.“ Главное вниманiе короля останавливается на томъ же десятинномъ налогѣ. „Принимаю, говоритъ онъ, съ особымъ чувствомъ признательности великодушную жертву духовенства. Но сомнѣваюсь относительно употребленiя какое сдѣлаетъ изъ нея сдѣлать. Извѣстна ли Собранiю числовая оцѣнка десятиннаго сбора духовенства? Его можно оцѣнить въ 60—80 миллионовъ. Еслибы прямо отмѣнить этотъ сборъ въ пользу тѣхъ кто его вносятъ, то этотъ щедрый даръ достался бы исключительно поземельнымъ собственникамъ, пропорционально количеству владѣнiй. На тѣхъ же кто не землевладѣлецъ благодѣянiе не пало бы. А между тѣмъ состоянiе финансовъ нашихъ крайне неудовлетворительно. Пусть бы еще благодѣянiе коснулось главнымъ образомъ бѣдняковъ. Между тѣмъ не мало землевладѣльцевъ которымъ отмѣна десятины дастъ приращенiе дохода, можетъ-быть, въ 10, 20, 30 тысячъ ливровъ въ годъ. Какiя, спрашивается, у нихъ права на такое неожиданное пожалованiе?“

Надо замѣтить что въ числѣ депутатовъ было очень много землевладѣльцевъ того разряда на который указываетъ король, и для кармана которыхъ новый законъ былъ очень выгоденъ. Великодушiе однихъ соединилось съ жадностию другихъ. Это было разоблачено однимъ изъ главныхъ вождей революцiи перваго перiода, аббатомъ Сiесомъ, и разоблачено съ великою ясностию. Дѣло вообще было такъ.

Въ засѣданiи 4 августа было рѣшено что десятина подлежить выкупу. При обсужденiи, 10 августа, редакцiи соответствующаго параграфа стали высказывать мнѣнiе что вѣтъ надобности подчинять десятину выкупу, и она должна быть просто отмѣнена; для удовлетворенiя же общественныхъ потребностей на какiя она шла надлежитъ де изыскать другiе источники. Сiесъ возсталъ противъ такой перемѣны.

„Не знаю, сказалъ онъ въ засѣданiи 11 августа, быть-можетъ нѣкоторые найдутъ что замѣчанiя какiя имѣю вамъ представить были бы умѣстны въ иныхъ устахъ чѣмъ въ моихъ. Но руководюсь болѣе высокимъ соображенiемъ: каждый членъ Собранiя обязанъ сообщать свое мнѣнiе если оно справедливо и онъ считаетъ его полезнымъ. Потому я

выскажу что думаю. Собраніе постановило 4 августа что десятина подлежитъ выкулу. Нынѣ дѣло идетъ о редакціи соотвѣтствующаго параграфа и вамъ предлагаютъ высказать что десятина не подлежитъ выкулу. Неужели станутъ увѣрять что это только легкая перемѣна въ редакціи? Это слишкомъ львиная шутка. Она свидѣтельствуетъ откуда идетъ неправильное движеніе съ недавняго времени обнаружившееся въ Собраніи, которому враги наши рукоплещутъ и которое можетъ привести насъ къ гибели. Если уже надо восходить къ тайнымъ мотивамъ насъ направляющимъ и въ которыхъ вы безъ сомнѣнія не дали себѣ отчета, то я раскрою ихъ. Если десятина духовенства будетъ отмѣнена безъ вознагражденія, то что произойдетъ изъ этого? То что десятина эта останется въ рукахъ тѣхъ кто должны были ее внести вмѣсто того чтобы поступать въ руки тѣхъ кому она слѣдуетъ. Остерегитесь, не скрывается ли жадность подъ маской усердія. Нѣтъ земли которая не была бы продана и перепродана со времени установленія десятины. Но спрашиваю я, когда вы покупаете землю, развѣ не покупаете вы ее за вычетомъ повинностей на ней лежащихъ, а слѣдовательно и за вычетомъ десятины, платимой съ незапамятныхъ временъ? Десятина не принадлежала ни одному изъ владѣльцевъ которые нынѣ ее платятъ. Повторяю, ни одинъ не купилъ, не приобрѣлъ въ собственность эту часть дохода съ его имѣнія. Потому ни одинъ собственникъ не долженъ ее получать. Спрашиваю а себя, почему среди столькохъ мнѣній, свидѣтельствующихъ повидимому единственно о заботѣ объ общемъ благѣ, ни одно однако не переходитъ за предѣлы частныхъ интересовъ. Хотятъ исторгнуть десятину изъ рукъ духовенства? На государственную пользу что ли? На какое-нибудь полезное учрежденіе? Нѣтъ, а потому что владѣльцы желаютъ перестать ее платить. Это должники жаждущіеся что имъ приходится платить и стремящіеся сдѣлать себя судьями въ собственномъ дѣлѣ. Если можно еще пробудить любовь къ справедливости,—не слѣдовало бы имѣть нужды въ такомъ пробужденіи, — то спрошу васъ не о томъ удобно ли и полезно ли вамъ захватить десятину, но о томъ справедливо ли это. Я доказывалъ съ очевидностію что несправедливо, ибо, какъ я только что показалъ, десятина, какая бы то ни была ея участь въ будущемъ, вамъ не принадлежитъ. Если она должна быть отнята у кредитора, она не должна попасть въ руки должника. Время сказать, господа, что движеніе энтузіазма

поставило насъ вдругъ въ положеніе на какое мы не смѣли надѣяться. Сдѣдуетъ рукоплескать результату, но форма была дурная. Не дадимъ повода Франціи и Европѣ сказать что мы самое добро дѣлаемъ дурно. Мы сами удивлены быстротой нашего хода, почти испуганы крайностію къ которой могло привести насъ необдуманное чувство. И вотъ въ эту ночь, столь часто упоминаемую, когда нельзя было упрекнуть васъ въ недостаткѣ усердія, вы объявили что десятина подлежитъ выкулу. Вамъ не казалось еще возможнымъ идти далѣе въ минуту когда вы обнаружили наиболѣе энергіи чтобъ идти впередъ. А теперь вы не можете болѣе себя сдерживать. Десятина, говорите вы, не заслуживаетъ быть выкупленною, даже не должна быть источникомъ дохода для государства. Вы предполагаете увеличить ею ваше частное имущество въ минуту когда всѣмъ другимъ латальщикамъ налоговъ грозитъ уменьшеніе ихъ имущества. Я долженъ сказать что если вы не ограничитесь тѣмъ чтобы формулировать постановленія 4 августа и будете ихъ мало-по-малу перемѣнять, какъ хотите сдѣлать относительно десятины, то ни одно постановленіе ваше не будетъ крѣпкимъ. Достаточно будетъ небольшого числа между вами чтобы потребовать пересмотра всѣхъ параграфовъ и предложить ихъ измѣненіе. Ничего не будетъ сдѣлано, и провинція съ изумленіемъ услышитъ что мы непрестанно вновь дѣлаемъ вопросомъ предметы нашихъ сужденій... Пожертвованія должны быть дѣлаемы въ національномъ интересѣ, а не въ интересѣ частныхъ лицъ, поземельныхъ собственниковъ, то-есть вообще наиболѣе достаточнаго класса общества“ (*Courr. de Prov.* № XXVI, 17). Сіесъ приводилъ что слышалъ какъ одинъ владѣлецъ высказывалъ благодарность собранію за то что оно своимъ постановленіемъ прибавило ему тридцать тысячъ дохода. „Хотятъ быть свободными и не умѣютъ быть справедливыми“, прибавилъ аббатъ Сіесъ.

Х.

Мы прослѣдили лишь первые шаги революціи въ событіяхъ первыхъ двухъ съ половиною мѣсяцевъ. Дѣло разрушенія, какъ видимъ, началось съ дворянства. Гибель аристократамъ, какъ въ смыслѣ правительственныхъ лицъ, „слугъ деспотизма“, такъ и въ смыслѣ помѣстныхъ владѣльцевъ, живущихъ де

привилегіями: таковъ былъ девизъ этой первой эпохи крушенія. Не стѣсняясь правдой, революціонная печать самая преступленія революціи сваливала на аристократовъ. „Бѣгите, читаемъ въ *Révol. de Paris* (III, 14), безчеловѣчные аристократы! Идите обитать между дикими звѣрями, не надѣйтесь быть допущенными въ среду людей, такъ какъ вы обезчестили челоѣчество. Что сдѣлали вы? Вы взяли себѣ на жалованіе разбойниковъ, возбуждали дерзость тѣхъ кто еще не были таковыми. Теперь мы должны бороться съ ними, истреблять этихъ самыхъ разбойниковъ которые такіе же какъ вы дурные граждане.“

„Народъ“ грабилъ и жегъ замки. Всякіе договоры и обязательства по отношенію ко владѣльцамъ, а кстату и по отношенію къ государству потеряли силу. А дворянство, въ засѣданіи 4 августа, въ энтузіазмѣ пожертвованія, само наложило на себя руки, затѣмъ довершило самоубійство, проваливъ мысль объ учрежденіи верхней палаты. Дѣло истребленія было исполнено послѣдовательно и настойчиво. Разграбленіе шло не прерываясь. Дворянъ разоряли, изгоняли, они бѣжали, эмигрировали массами. Не забудемъ что отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ въ предреволюціонную эпоху были самая мягкія. Феодальный деспотизмъ былъ жертвою формой, притѣсненія, тиранства были только въ выдумкахъ революціонной риторики. Не мало было случаевъ что ближайшіе крестьяне защищали помѣщиковъ; сволочь приходила со стороны. Тѣмъ не менѣе развужданные визшіе инстинкты проявлялись въ невѣроятныхъ ужасахъ. И такъ шло не мѣсяць, не два, а цѣлые годы до конечнаго изгнанія и истребленія цѣлаго сословія.

Редакторъ *Французскаго Меркурія*, Малле-дю-Панъ, велъ скорбную лѣтопись ужасовъ провинціальной анархіи, о которыхъ революціонныя газеты въ большинствѣ умалчиваютъ. Къ концу существованія Національнаго Собранія (октябрь 1791 года) Малле дю-Панъ такъ описываетъ состояніе помѣстнаго дворянства. „Нѣтъ ничего преувеличеннаго въ корреспонденціи изъ Брюсселя о громадной эмиграціи Французовъ непрерывно продолжающейся. Принятіе королемъ конституціи не уменьшило потока: напротивъ. Прежде бѣжали, скрываясь, чиновные и знатные люди, испуганныя семья. Теперь эмиграція происходитъ толпами и состоитъ изъ лицъ всякаго состоянія. Такъ мало было лощады къ интересамъ

личнымъ и цѣлыхъ классовъ, съ такимъ тиранскимъ ожесточеніемъ преслѣдовались они, если не поддавались революціонному теченію; столько отнято средствъ и потрачено состояній; общественныя должности перешли къ такой презрительной толпѣ людей злоупотребленіями власти мстящихъ за испытанное презрѣніе что наконецъ утомилось терпѣніе массы мирныхъ гражданъ, тщетно ожидавшихъ возвращенія порядка, полезныхъ трудовъ, промышленнаго оживленія требующаго капиталовъ и безопасности. Цѣлый классъ провинціальнаго дворянства былъ безжалостно пораженъ,—дворянства которое съ возмутительною несправедливостію смѣшивали съ тѣмъ что осаждало переднія Версаля, и которое болѣе чѣмъ какой-либо другой классъ страдало отъ злоупотребленій стараго порядка, никогда ими не пользуясь. Дворянство это, разсадникъ нашихъ армій и флотовъ, нашихъ хозяевъ привязанныхъ къ обрабатываемой ими землѣ покидаетъ свои очаги и присоединяется къ принцамъ. 1.200 дворянъ этого рода и гражданъ, какъ они страдающихъ отъ тирановъ, выѣхали изъ одного Пуату. Овернь, Ламузенъ, десять другихъ провинцій покидаются собственниками. Есть города гдѣ остались только ремесленники низшаго разряда, клубъ да туча жадныхъ чиновниковъ (fonctionnaires) созданныхъ конституціей. Дворянство Бретани выѣхало поголовно. Эмиграція началась и въ Нормандіи. Ко мнѣ приходили многіе изъ дворянъ сельскихъ хозяевъ, которые въ своей жизни никогда не покидали своихъ домашнихъ очаговъ гдѣ родились. Они благодарили меня, со слезами на глазахъ, за слабыя усилія мои съ какими я старался охранить ихъ существованіе и ихъ наслѣдства, неутомимо выставляя на общественный ужасъ злодѣевъ и ихъ вожаковъ, оживляя въ людяхъ слабыхъ и соблазненныхъ мужествомъ человѣчности и духъ умѣренности. Чувствованія этихъ простыхъ и искреннихъ людей вознаградили меня за испытанія посреди которыхъ я приобрѣлъ честь заслужить ихъ сочувствіе. Когда эти дворяне сообщили мнѣ что хотятъ послѣдовать за соотечественниками въ Нидерланды, я старался возбудить въ нихъ надежду на лучшія времена и отклонить ихъ рѣшеніе. „Ахъ, отвѣтили они, вы еще мало знаете весь ужасъ нашего положенія. Не о привилегіяхъ, не о дворянствѣ мы жалѣемъ. Но какъ перенести всѣ притѣвленія какимъ насъ подвергаютъ! Нѣтъ болѣе безопасности ни для насъ, ни для

нашего имущества, ни для нашихъ семействъ. Каждый день должники наши, мелкіе фермеры, расхищающіе наши средства, грозятъ намъ поджогами и висѣлицей. Нѣтъ для спокойнаго, нѣтъ вочи которую мы провели бы въ увѣренности что она пройдетъ безъ волненія. Мы подвергаемся жесточайшимъ оскорбленіямъ, наши жилища обыскиваются толлою вооруженныхъ тирановъ, доходы расхищаются, собственность подвергается открытымъ нападениамъ. Мы одни платимъ налоги несправедливо налагаемые; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не хватаетъ всего дохода чтобъ ихъ уплатить. Жаловаться не смѣемъ, рискуя быть убитыми. Администрація, суды, ставшіе орудіями толпы, выдаютъ насъ каждодневно всяческому нападениамъ. Само правительство боится повидимому компрометтировать себя оказавъ намъ покровительство законовъ. Достаточно быть обозваннымъ аристократомъ чтобы лишиться безопасности. Тогда какъ наши крестьяне вообще еще сохранили больше честности, болѣе вниманія и привязанности къ намъ—каждый буржуа сколько-нибудь замѣтный, каждый яростный клубистъ, худшее человѣческое отродье, присвоиваютъ себѣ право насъ оскорблять. Эти негодяи остаются безнаказанными, покровительствуются. Мы не свободны даже въ своей вѣрѣ и домъ одного изъ насъ былъ разрушенъ за то что онъ далъ прибѣжище восьмидесятилѣтнему приходскому священнику не принесшему присяги. Ужасенъ, умремъ если нужно, но какъ жить среди этой ужасающей анархіи! Если не прекратится она, ноги нашей не будетъ во Франціи.“ Вотъ слово въ слово что говорили мнѣ эмигранты. Я строки не прибавилъ!“ (*Merc. de France*, № 42, 1791 годъ, стр. 200.)

Въ сентябрѣ 1791 года, вдова отставнаго военнаго Гиллея де-Монтеля (*Guillin de Montel*), жившаго въ департаментѣ Ромы и Луары, принесла жалобу Собранію на звѣрское убійство ея мужа, тѣло коего было разрублено на куски и *сожжено* новыми камибалами. Въ засѣданіи 10 сентября явилась депутація изъ департамента съ цѣлью опровергнуть жалобу. Нечего и говорить что жертва невѣроятнаго преступленія выставилась въ самомъ ненавистномъ свѣтѣ. Г. Гиллея стрѣлялъ де въ людей и въ звѣрей, вырывалъ дымящіяся труны (*cadavres encore fumants!*) для удобренія своихъ полей, позволялъ женѣ танцовать отъ радости при слухѣ о бѣгствѣ короля и т. д. Мѣстныя муниципальныя

власти порѣшили одѣлать обыскъ по подозрѣнiю не имѣть ли г. Гиллеъ можетъ-быть (?) плана помочь вторженiю цноземцевъ (dont le projet était peut être de favoriser l'invasion des étrangers). Г. Гиллеъ принялъ комиссаровъ вѣжливо, даже съ угощенiемъ. Ce qui prouve la familiarité avec le crime (!) говорилъ ораторъ депутати. Въ кабинетѣ нашли только битыя бутылки, кинжалъ, индiйскiя ядовитыя стрѣлы (?), два ружья, стклянку съ ядомъ (?). Но набатъ уже звонилъ. Сбѣжались толпы неизвѣстныхъ людей (des milliers d'inconnus). Шестидесятилѣтнiй старикъ защищался будто бы отчаянно, какою-то машиной бросалъ массу камней, стрѣлялъ, пускалъ стрѣлы. Но толпа приноситъ лѣствацы, вторгается въ домъ, разбивая окна, ломая двери, разрушая и поджигая. Власти употребляютъ де всякiя усилiя остановить толпу, но тщетно. „Толпа бросается на нихъ; удары вилами и прикладами кончаютъ существованiе преступнаго (?) Гиллеа, въ возмездiе за злодѣянiя какими онъ (?) осквернилъ этотъ страшный день. Послѣ смерти этого человѣка его трупъ былъ *разрѣзанъ на куски*...“ Тутъ уже не выдержало и Собранiе; посылаема ропоть прiостановившiй удивительнаго оратора. Несмотря на это явное слетенiе лжи, Собранiе постановило что такъ какъ обыскъ съ цѣлью открыть оружiе (le recherche des armes) не воспрещается закономъ, то нѣтъ основанiя обвинять мѣстныхъ муниципальныя власти и національ-гардовъ. О главномъ преступленiи, какъ совершенномъ неизвѣстными людьми, не было и рѣчи (*Mercur de France*, № 38, 1791 года, стр. 224).

Неистовства свершались во имя свободы и равенства. Въ *Révolutions de Paris* поставлено элиграфомъ: „великiе мира кажутся намъ великими потому что мы стоимъ на колѣнахъ. Встанемъ“. (Les grands ne nous paraissent grands que parce que nous sommes à genoux... Levons nous). Въ этой фразѣ высказалось одно изъ главныхъ революционныхъ „открытiй“ которыя казались раскрывающими глаза толпѣ умышленно де держимой высшими классами въ обманѣ и невѣдѣнiи. Открытiя эти въ совокулности сводились къ тому что всѣ обязательства налагаемыя на волю человѣка религiей и нравственностью и исполнять которыя требуется не за страхъ только но и за совѣсть, суть человѣческiя выдумки, имѣющiя лишь условное значенiе. Требовать

безусловнаго имъ повиновенія одинъ обманъ. Мой разумъ есть верховный судья чему я долженъ тутъ повиноваться и что отбросить. А еслибы „свободное отъ предрасудковъ“ дѣйствіе мое повредило интересамъ ближнихъ, то на этотъ случай есть высшая мнѣ сила, именуемая закономъ, которая должна поставить мнѣ предѣлъ. Такимъ образомъ, или резонирующее сознаніе гибкое на всякія самооправданія, или высшее принужденіе. Это казалось чрезвычайно ясно. Не замѣчено одно обстоятельство. Люди въ громадномъ большинствѣ случаевъ дѣйствуютъ не въ силу размышленія, а въ силу инстинктовъ. „Выдумки“ создавшія совѣсть породили инстинкты высшаго порядка. То что составляетъ крѣпкія нравственныя правила, совѣсть въ обширномъ смыслѣ, это—высшіе инстинкты, дорогое приобрѣтеніе человечества сохраняющееся и наследственно передающееся въ смѣнѣ поколѣній. Истребленіе этихъ инстинктовъ есть предоставленіе человеческой природы исключительно инстинктамъ низшимъ, хотя бы съ богатою разукраской резонирующаго сознанія. Хорошія слова и низкія дѣянія. Мнимое торжество разума—на дѣлѣ оказывается торжествомъ низшихъ инстинктовъ. Нѣкоторые историки видятъ въ этомъ замѣну иллюзій искусственной декораціи голою правдою дѣйствительности. Къ ихъ числу принадлежатъ англійскій писатель Карлейль, исторія революціи коего относится къ тому же разряду какъ исторія Мишле, но съ меньшимъ запасомъ восторженности и большою долей провицательности. Карлейль изображаетъ событія революціи какъ темный ураганъ несущій демоновъ адархіи со сверкающими факелами, при свѣтѣ которыхъ мелькаютъ блѣдныя фигуры революціонныхъ дѣятелей выдѣляющихся на общемъ фонѣ мнущейся толпы. Вихрь уноситъ ихъ, разрушаетъ стѣны, срываетъ крыши зданія, оказавшагося картоннымъ, но въ концѣ концовъ замѣняетъ иллюзію искусственной декораціи голою правдою дѣйствительности. „Революція показываетъ намъ, говоритъ Карлейль, какъ анархія разбиваетъ свою темницу, вырывается изъ безконечныхъ глубинъ и несетъ свои бури, не подчинясь расчету, несоизмѣримая, охватывающая міръ, переходящая рядомъ припадковъ отъ лихорадки къ бѣшенству. Бѣшенство пожираетъ самого себя, но развиваются основы новаго порядка, заключающіяся во всякой силѣ. Безконтрольная анархія, если и не залитается опять въ темницу, то взмываетъ, и ея разбродныя

силы направляются къ исполненію цѣли, какъ силы правильныя. Всякія іерархіи, династіи, теократіи, аристократіи, автократіи, порнократіи всё въ свою очередь господствовали надъ міромъ; въ декретахъ Провидѣнія рѣшено было чтобы пришелъ чередъ и этой побѣдительной анархіи, якобинства, голоштанства (*sans-culottisme*), французской революціи—назовите какъ хотите. Разрушительный гнѣвъ голоштанства вотъ что предстоитъ мнѣ разказать, такъ какъ къ несчастію не имѣю голоса чтобы его вослѣть... Когда Божій міръ обратилася въ дѣло портныхъ и обойщиковъ, люди сдѣлались масками съ улыбочкой и гримасами, земля вдругъ разверзается и среди адскаго дыма и заовѣщихъ сверканій подымается голоштанство со множествомъ головъ и огненнымъ дыханіемъ, кричащее: какъ вы меня находите?... Пламя все охватываетъ: это смерть, но и рожденіе новаго міра.“ Историкъ не поясняетъ какой это новый міръ и изъ якобинства ли онъ народился.

Изображеніе революціи какъ вихря сорвавшейся съ цѣли анархіи, безъ сомнѣнія, весьма благодарный сюжетъ для картины. Много труднѣе доказать тождество этой охватившей страну анархіи съ голоштанствомъ, сидѣвшимъ будто бы какъ нѣкоторая страшная готовая сила въ нѣдрахъ страны, поджидая своей исторической очереди. Наконецъ уже явно фальшиво сказать какъ говоритъ Карлейль: „Французскую революцію мы находимъ въ сердцѣ и головѣ всякаго Француза способнаго къ увлеченію словомъ и увлеченію мыслию. Задача историка указать какъ дѣйствуютъ и противодѣйствуютъ въ своихъ сложныхъ движеніяхъ двадцать лѣтъ миліоновъ такихъ Французовъ, порождая событія; какія событія главныя и съ какой точки должны быть обсуждаемы.“ Ничего нѣтъ фальшивѣе какъ сказать что французскую революцію сдѣлалъ Французскій народъ, если подъ словомъ народъ разумѣть массу управляемыхъ въ противоположность меньшинству правящихъ. Мы имѣли не мало случаевъ видѣть что французскую революцію сдѣлало само Французское правительство въ соединеніи съ правящими классами страны. Не въ сознаніи двадцати лѣтъ миліоновъ рождались и свершались событія. Ихъ сердце и голова были не источникъ, а страдательный матеріалъ событій.

Н. ЛЮБИМОВЪ.

ЗЛОЙ ДУХЪ *

РОМАНЪ

XVI.

Вечеромъ квартира Пахтаева наполнилась чемоданами, сумдуками, бѣготней прислуги, жеманными голосами горничныхъ и шуршавьемъ ихъ накрахмаленныхъ юбокъ. Девочки и лакеи тоже какъ будто повеселѣли отъ этого шуршавья, и изъ-за дверей иногда вдругъ врывался пискъ или хохоть, тотчасъ подавляемый въ виду болѣзни Додо и озабоченно-тихого вида Антонины Павловны.

Послали немедленно за врачомъ. Болѣзнь Додо была какая-то странная, съ очень сбивчивыми признаками. Онъ все слабѣлъ, жаловался на боль головы и спины, калризначалъ и во снѣ обливался холоднымъ потомъ. Профессоръ отозвался очень уклончиво, сказалъ что надо производить наблюдения и потребовалъ къ завтрашнему дню такую массу инструментовъ и приспособленій какъ будто собирался „демонстрировать“ большаго предъ клиническою аудиторіей. Антонина Павловна сначала напряженно вслушивалась какъ онъ объяснялъ какіе должны быть приборы и гдѣ ихъ достать, но наконецъ убѣдилась что все страшно перепуталось у нея въ головѣ.

* См. *Русск. Вѣст.* 1881, №№ 4, 5, 7, 9, 10, 11, 1882, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8, 10 и 1883, №№ 1 и 2.

— Господи, да какъ же это все заломить! воскликнула она въ отчаяніи.— Вы не будете ли такъ добры выбрать сами и приказать прислать?

Но профессоръ рѣшительно и какъ бы даже съ гордостью отказался, и принялся методически объяснять употребленіе прописаннаго имъ весьма сложнаго лѣкарства.

— Мнѣ кажется, это все гаулости, эти измѣренія... сказалъ по уходѣ его Пахтаевъ.

Антонина Павловна укоризненно подняла на него глаза.

— Мы должны довѣрять наукѣ, отозвалась она, и распорядившись послать въ аптеку, придвинула къ постели сына кресло и олустилась въ него съ выраженіемъ озабоченной задумчивости. Во встревоженной головѣ ея еще звучали загадочные, не то страшные, не то успокоительные термины сылавшіеся съ устъ молодаго профессора. Ребенокъ, утомленный продолжительнымъ изслѣдованіемъ, лежалъ въ поту, съ открытыми глазами и капризною миной на лицѣ.

Пахтаевъ стоялъ у его изголовья и смотрѣлъ на жену. Ему было совсѣмъ ново видѣть ее опять въ этой дѣтской спальнѣ, въ той самой шерстяной блузѣ которую она носила еще до разрыва. Въ деревнѣ она вѣроятно ничего себѣ не сшила. Эта мысль вызывала въ Пахтаевѣ какое-то сострадательное умиленіе, и въ то же время онъ думалъ: „Но какъ она не хороша... и какъ стара!.. а вѣдь другія въ ея годы еще могутъ нравиться... отчего это она такаа!“

Его взглядъ скользилъ по ея дурно причесаннымъ, какъ будто грязнымъ волосамъ, по некрасивому фасону воротничка, по широкимъ и плоскимъ формамъ выступавшимъ изъ-подъ скудныхъ складокъ. Онъ словно со злостью остановился на шрамѣ бывшемъ на ея шеѣ отъ разрѣзаннаго еще въ дѣтствѣ нарыва. „Ни у кого нѣтъ этихъ шрамовъ, развѣ у дяковицъ какихъ-нибудь,“ сказалъ онъ себѣ.

Онъ припоминалъ какая она была когда выходила замужъ и старался убѣдить себя что тогда ее находили почти хорошенькою. Онъ лгалъ. но ему пріятно было думать что жена подурнѣла уже послѣ замужества: это какъ будто снимало съ него часть отвѣтственности.

— Давно онъ заболѣлъ? спросилъ онъ чтобы чѣмъ-нибудь начать разговоръ.

— Вѣдь я уже объясняла когда мы вѣхали съ вокзала, отвѣтила неохотно Антонина Павловна.

Въ самомъ дѣлѣ онъ уже спрашивалъ объ этомъ, и вторичный вопросъ выходилъ очень глупъ. Но онъ рѣшительно не зналъ что еще сказать. Томъ какимъ отвѣтила жена ясно показывалъ что она не довѣряетъ его интересу къ болѣзни ребенка. И Пахтаевъ сознавалъ что эта болѣзнь какъ-то мало его заботитъ и что онъ видитъ въ ней больше всего причину внезапнаго возвращенія семьи. Онъ даже считалъ умѣстнымъ нѣкоторый скептицизмъ со своей стороны, такъ какъ могло быть что жена только воспользовалась предлогомъ для возвращенія и примиренія. Но заговорить объ этомъ въ присутствіи ребенка было невозможно. Пахтаевъ рассчитывалъ что Додо заснетъ, но мальчикъ не хотѣлъ спать и просилъ чаю. Автонова Павловна приказала лодать и расположилась сама пить больнаго. Пахтаевъ потерялъ терпѣніе.

— Мнѣ кажется это могла бы нянюшка сдѣлать, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, я сама, кротко возразила мать.

Пахтаевъ повернулся къ дверямъ.

— Вамъ ни о чемъ не нужно переговаривать со мною? спросилъ онъ какъ бы значительнымъ тономъ.

— Ни о чемъ! отвѣтила Автонова Павловна и спокойно взглянула на него.

Онъ потянулъ усами и вышелъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь раздраженный противъ жены и противъ тагостной зависимости, которую ея внезапный прїездъ заставилъ съ особенною силой почувствовать.

Полина, узнавшая отъ него въ тотъ же вечеръ эту новость, слегка измѣнилась въ лицѣ.

— Этого надо было ожидать! сказала она съ прозвучавшею въ голосѣ досадою.

Пахтаевъ пожалъ плечами.

— Какъ я была умна что не позволила себѣ увлечься разными фантазіями! прибавила Полина, и брови ея сблизились, и въ прозрачныхъ глазахъ раскрылась темная глубина.

— Когда ребенокъ поправится, она вѣроятно олять уѣдетъ, сказалъ Пахтаевъ.

— Напрасно ты такъ думаешь, она или останется здѣсь, или уѣдетъ вмѣстѣ съ тобой, возразила Полина.

— Ну, это лустаки, я вовсе не намѣренъ похорониться съ нею въ деревнѣ, отвѣтилъ Пахтаевъ.

— Почему же непременно въ деревнѣ? теперь въ большой модѣ проводить медовый мѣсяцъ за границей, продолжала съ улыбкой Полина.— Вы наймете хорошенькій шале въ Швейцаріи или на Lago di Como, ребенку нуженъ теплый воздухъ, вамъ будетъ такъ отрадно слѣдить какъ онъ поправляется на глазахъ любящихъ родителей... Не шута, это очень миленькая картина: мужъ и жена разлученные преступною страстью и вновь соединенные у изголовья больного дитяти. Это трогательно. Какъ жаль что у насъ нѣтъ преміи за добродѣтель. Впрочемъ, въ ней самой заключается высшая награда, она даетъ тихое, чистое счастье... Но мы съ вами давно уже не писали съ пролисей, Владиміръ Михайловичъ.

Она засмѣялась, глаза и зубы ея сверкнули.

— Какая ты злая! оказалъ Пахтаевъ.

— Сдѣлали меня такой! отвѣтила Полина, и выраженіе ея прозрачныхъ глазъ стало еще злѣе.— Но шутки въ сторону, я за васъ очень рада что вы наконецъ возвращаетесь къ тихимъ радостямъ семейнаго очага. Желаю чтобъ отъ этого очага вамъ было очень, очень тепло и свѣтло!...

Она отвернулась, переставила какую-то вещьцу на столѣ, взглянула въ окно, отошла и олустилась на кушетку. Пахтаевъ молча думалъ, и отъ этого думанья лицо его разгоралось.

— Ты сама знаешь что это одни слова, и прѣздъ жены вовсе не имѣетъ такого значенія, сказалъ онъ.

Полина вдругъ съ признакомъ раздраженнаго нетерпѣнія повернула голову.

— Ахъ, не говори пожалуйста лоплостей! перебила она его.— Неужели надо непременно играть эту комедію? Я понимаю твое затруднительное положеніе и очень охотно избавляю тебя отъ всякаго объясненія, но я не хочу чтобъ ты считалъ меня такой душой для которой годятся всѣ эти жалкія фразы. Ты помнишь нашъ послѣдній разговоръ? Я сказала прямо, безъ маски, безъ этого оскорбительнаго лукавства. Я не хотѣла обманывать, притворяться будто смотрю на наши отношенія серьезно чѣмъ они на самомъ дѣлѣ. Имѣй же мужество поступить точно также.

— Но я не понимаю тебя, я и тогда не могъ понять... проговорилъ Пахтаевъ.— Развѣ я виноватъ что вдругъ заболѣлъ ребенокъ? развѣ я могъ не пустить жену?

— А развѣ я виновъ тебя? возразила Полина.—Я подчиняюсь тому что сильнѣе насъ, и ты подчинившись, и мы оба примемъ обыкновенную и неизбежную развязку. Только я смотрю ей прямо въ глаза, я уже приняла ее, а ты хочешь себя обмануть и меня тоже. Это уже глупо. Не мы первые, не мы послѣдніе кончаемъ такимъ образомъ. Дайте руку, Владиміръ Михайловичъ, и простимся друзьями.

Она взглянула на него ласковыми, влажными глазами и протянула руку. У него сердце вдругъ скоро, скоро забилось и замерло.

— Вы прогоняете меня? сказалъ онъ, мигая рѣсницами.

— Ахъ, опять слова! произнесла съ тоскливымъ нетерпѣніемъ Полина, и отвернулась. Но въ ту же минуту она подвинулась на кушеткѣ и сжавъ на колѣняхъ руки, взглянула на него серьезными, строгими и холодными глазами.

— Послушайте, вѣдь не всегда же мы говоримъ только для того чтобы лгать, вѣдь случается же иногда называть вещи прямо своимъ именемъ, продолжала она.—Я вамъ сказала что когда вернется ваша жена, мы должны будемъ разстаться. Если вы имѣете ко мнѣ немножко уваженія, вы поймете почему я не могу рѣшить иначе. Проходитъ одинъ день, жда ваша прѣзжаетъ... Я не ожидала такъ скоро, но что же дѣлать! А когда я вамъ говорю что эта развязка неизбежна, что я не хочу ждать отъ вашихъ отношеній больше того что они могутъ дать, вы называете это мнительностью, хотите маскировать, тянуть, обманывать себя и меня... Я не хочу, не стану!

— У васъ нѣтъ любви, вотъ въ чемъ вся причина... проговорилъ Пахтаевъ.—Вамъ такъ легко сказать: разстанемся, простимся, тогда какъ мнѣ... а... я не могу разстаться съ вами!

Голосъ его оборвался, онъ любилъ дѣлать. Полина встала и близко взглянула ему въ глаза холодными и ледяными взглядами.

— Видите какъ вы несправедливы, Владиміръ Михайловичъ, заговорила она:—вы упрекаете меня, вамъ мало моей любви... Я ни въ чемъ ни упрекаю, ничего отъ васъ не требую. А еслибъ я спросила васъ: сколько любви выразилось въ томъ что вы пришли съ кислою гримасой объявить мнѣ о прѣздѣ жены, не подумавъ о нѣкоторой боли какую я должна была почувствовать... и за которую я опять-таки не упрекаю васъ? А еслибъ я сказала вамъ что немножко больше любви научило бы васъ что дѣлать, какъ поступить?

— Но что же, что? вѣдь вы знаете, это такая была неожиданность для меня... въ смущеніи проговорилъ Пахтаевъ.— Я не могъ залереть двери предъ большимъ ребенкомъ. Жена пріѣхала къ себѣ, это ея домъ...

— Вотъ видите, вы растерялись, не напаясь, ваше чувство ко мнѣ ничего не показало вамъ... а найтись было такъ легко! Вамъ стоило только самому выѣхать изъ этого дома, куда ваша жена пріѣзжаетъ „къ себѣ!“ объяснила Полина.— Это было бы довольно существеннымъ доказательствомъ... а любовь требуетъ доказательствъ, Владиміръ Михайловичъ. Для меня было бы очень важно убѣдиться что вы действительно серьезно смотрите на наши отношенія и хотите сразу показать вашей женѣ что всѣ попытки вновь сойтись съ вами будутъ напрасны.

— Еслибъ я могъ догадаться что ты придаешь этому такое значеніе... проговорилъ Пахтаевъ.

— А надо было догадаться! сказала Полина и опять холодно, почти насмѣшливо взглянула на него.— Но къ чему теперь этотъ ненужный разговоръ? продолжала она съ грустью;— всему на свѣтѣ приходитъ конецъ, и намъ пришла пора разстаться... Покоримся безъ жалобъ, безъ новыхъ обмановъ. Мнѣ хочется сохранить хорошую, добрую память объ этихъ двухъ годахъ...

Она отвернулась и не глядя на него протянула ему руку.

XVII.

Пахтаевъ не двинулся съ мѣста, не взялъ ея руки. Тоска сдавила ему сердце, ощущеніе какого-то противнаго холода пробѣжало по нервамъ. Онъ вдругъ почувствовалъ себя глубоко и несправедливо несчастнымъ, въ немъ подымалась ядовитая горечь и злоба противъ внезапно и грубо нанесеннаго удара. И такое же ядовитое раскаяніе примѣшалось къ этой горечи и злобѣ и заставляло его обращать къ самому себѣ мучительные тайные упреки.

„Я не умѣлъ, я недостойнъ былъ... я легкомысленно разрушилъ свое счастье! Я не понималъ этого гордаго сердца“... плакалъ онъ незримыми слезами.

— Вы хотите сказать что я больше... не смѣю видѣть васъ? произнесъ онъ робко.

Полина черезъ силу улыбулась.

— Но вѣдь такъ лучше! отвѣтила она.—Лучше разомъ... переболѣть... Мнѣ было бы труднѣе еслибъ я продолжала видѣть васъ. Вѣдь это больно... больно, Владиміръ Михайловичъ!

Онъ весь похолодѣвъ, блѣдыя щеки его какъ-то странно дрогнули. И вдругъ онъ порывисто схватилъ ея руки и въ сматеніи олустился къ ея ногамъ, обнимая ея колѣна и зашебывалась непролившимися слезами.

— Нѣтъ, я не могу... не будетъ силы... я вижу что не могу! говорилъ онъ трепещущими губами.—Это какое-то изувѣрство, истязаніе... вотъ какъ раскольники кидаются на костеръ, самосожигатели. Въ этомъ смысла нѣтъ! Я тебя люблю каждою каплей крови, я не могу жить безъ тебя. И когда же? Когда ты одна, когда кромѣ меня никого нѣтъ у тебя. Полина, жизнь моя, прости меня! Я былъ ничтожемъ, жалокъ, недостойнъ своего счастья. Я не зналъ какъ я люблю тебя и что ты для меня...

Полина, пожимая плечами, пробовала оттолкнуть его.

— Это малодушіе, Владиміръ Михайловичъ! говорила она.

— Не прогоняй меня! позволь мнѣ любить тебя, повторилъ Пахтаевъ, не смѣя взглянуть на нее.

По ея губамъ скользила задумчивая улыбка, похолодѣвшія руки не защищались. Она какъ будто рѣшилась ждать пока пройдетъ этотъ истерическій капризъ.

— Развѣ я хочу потерять тебя? Это судьба которая сильнѣе насъ, сказала она.—Ты не виноватъ что не свободенъ, а а... что жъ я могу сдѣлать! Мнѣ еще надо отстоять свою собственную свободу.

Пахтаевъ вспоминалъ что онъ еще ничего не разказалъ ей о послѣдней сценѣ съ Кoko. Онъ подумался, сѣлъ, старался успокоить себя.

— У меня было объясненіе съ вашимъ мужемъ, и я чуть-чуть не задушилъ его собственными руками, сказалъ онъ; и подробно передалъ весь происшедшій между ними разговоръ.

— Можно ли было горячиться съ такимъ господиномъ какъ онъ! упрекнула Полина.

— Прости меня, я понимаю что можетъ-быть порчу все дѣло, но это было выше моихъ силъ, продолжалъ Пахтаевъ.— Впрочемъ, ничего въ сущности не испорчено, а напротивъ даже все къ лучшему. Онъ самъ себя губить. Ты знаешь,

если онъ будетъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія, бракъ расторгается.

Полина закрыла глаза рукой.

— Но это ужасно... я не хочу купить свою свободу такою цѣной! сказала она.—Я хочу только чтобъ онъ оставилъ меня въ покоѣ.

— Вѣдь я предлагалъ ему всѣ способы спастись, пожалъ плечами Пахтаевъ.—Онъ точно ошалѣлъ совсѣмъ, я понять не могу на что онъ надѣется.

— Надѣется что его оправдаютъ, сказала Полина.

— Но это невозможно, это было бы издѣвательство какое-то, возразилъ Пахтаевъ.

— Бываетъ же! отвѣтила Полина.—Нѣтъ, но самый судъ, публика, газеты... весь городъ соберется, вся Россія будетъ читать... продолжала она, въ отчаяніи ломая руки.—Вѣдь мы больше его будемъ страдать, весь скандалъ и позоръ не на него, а на насъ ляжетъ. Господи, за что же? какъ же никто не понимаетъ этого? Я уйду, убѣгу, я ни за что не останусь въ Петербургѣ.

Пахтаевъ всталъ и тяжелыми шагами прошелъ по ковру. Нервы его были напряжены до послѣдней степени.

— Тебѣ дѣйствительно лучше всего будетъ уѣхать за границу, сказалъ онъ.—А тамъ, какъ только кончится судъ, я приѣду къ тебѣ. Или можетъ-быть я даже самъ уйду отъ процесса. Мнѣ вѣроятно все равно придется бросить службу.

Онъ разсуждалъ такъ какъ будто между ними вовсе не было предыдущаго разговора. Въ его первомъ голосѣ чувствовалось убѣжденіе, глухо звучала роковая, побѣждающая страсть.

— Мечты, Владиміръ Михайловичъ, олять мечты! Вы забываете что у васъ семья, сказала Полина тономъ ласковаго упрека.—Я не хочу быть лишнимъ бременемъ для васъ. Я уйду и можетъ-быть навсегда поселюсь въ какомъ-нибудь маленькомъ городкѣ за границей, а вы... останетесь здѣсь и постараетесь поправить все что такъ неудачно нарушено и испорчено въ вашей жизни...

Пахтаевъ нетерпѣливо дернулъ плечами.

— Ты все еще хочешь увѣрить себя? Я уйду къ тебѣ. Я буду тамъ съ тобой пока здѣсь все кончится, пока о насъ забудутъ; мы останемся тамъ годъ, два года, десять лѣтъ... говорилъ онъ то блѣднѣя, то волнуемая взволнованнымъ румянцемъ.—Ты видишь, жизнь сама толкаетъ, требуетъ... этотъ

пріездъ жены, и твой разрывъ съ мужемъ, и исторія оъ векселемъ, и судъ—все насъ связало и залуцало, тутъ нечего разсуждать, тутъ покоряться надо. Ты не знаешь жены, она сама первая потребуетъ развода. И всѣ они, Бекашцевъ, Таисія Ивановна—они не простятъ, съ ними у меня кончено. Полина, чрезъ нѣсколько дней кромѣ тебя у меня никого не будетъ!

Полина, точно защищаясь, оттолкнула его рукой.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу быть для тебя причиной всѣхъ этихъ катастрофъ! сказала она.—Я бы не простала себѣ. Ты такъ много, такъ много долженъ потерять ради меня... Милый, оставь меня. Развѣ ты не понимаешь что эти мечты, эти искушенія отнимаютъ рѣшимость, дѣлаютъ разрывъ труднѣе и тяжелѣе... а вѣдь и безъ того больно...

Она залрокинула голову и закрыла глаза руками. Плечи ея вздрагивали, непослушная волна волосъ вылила изъ-подъ гребенки, золотистая и пахучая. Пахтаевъ спряталъ лицо въ этихъ волосахъ. Охватившее его страстное чувство все разрасталось въ немъ, охватывало его, напрягало нервы. Онъ самъ не узнавалъ себя, ему казалось что онъ впервые живетъ всюю полнотою жизни, страсти, свободы, мужества. Да, именно ощущеніе какой-то мужественной воли примѣшалось къ наслажденію мучительно-страстного чувства. Онъ, жившій до сихъ поръ какъ живутъ всѣ люди одного съ нимъ круга и воспитанія, спокойно дѣлавшій въ этомъ кругѣ карьеру, добивавшійся связей и положенія, привыкшій постоянно укладывать самого себя въ определенную строгую рамку и даже не таготившійся этою рамкою, потому что она была по себѣ представляла нѣчто привлекательное, нѣчто такое чѣмъ всѣ обязательно дорожатъ,—съвѣ вдругъ почувствовалъ себя вырваннымъ изъ этихъ предустановленныхъ условій и брошеннымъ въ какой-то новый для него свободный просторъ. На этотъ просторъ выходятъ люди съ независимымъ умомъ и горячимъ сердцемъ, презирающіе жалкую мелкоту интересовъ которыми онъ жилъ. И ему казалось что самъ онъ сталъ больше, круннѣе, что съ него свалилась какая-то дрянная шелуха, и какъ отлущенный на волю рабъ онъ испытывалъ охватывающее наслажденіе свободы.

„Надо перерости самого себя, подняться надъ тѣмъ что маствуется въ силу привычки и общаго давленія...“ думалъ онъ волнуясь валоплавшею его жуткою радостью освобожденія и трепетомъ страсти.

— Полна, ты не знаешь какъ ты всецѣльна надо мной... для меня ничего, ничего нѣтъ кромѣ тебя... говорилъ онъ.

Она не отвѣчала, потомъ вдругъ нервно засмѣялась.

— Ты меня съ ума сведешь, Владиміръ... сказала она съ истерическими перерывами въ голосъ.— Мнѣ плакать хочется, мнѣ больно, а ты... когда ты говоришь... тутъ счастье, такъ много счастья...

И она схватилась обѣими руками за сердце.

Пахтаевъ уѣхалъ отъ нея возбужденный и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто усложненный. Въ немъ выросло сознаніе какого-то совершеннаго подвига. Какъ всѣ безхарактерные люди, онъ готовъ былъ придать особое значеніе усложнительной рѣшимости отдаться на волю судьбы, двигаться туда куда толкаетъ болѣе сильное въ настоящую минуту впечатлѣніе. Повиноваться всецѣльной страсти, подчиниться нравственному долгу связующему его съ любимой женщиной, пріести въ жертву этой женщинѣ все что такъ важно въ глазахъ обыкновенныхъ, буржуазныхъ или свѣтскихъ людей—тутъ было героизмъ. А главное—это однимъ разомъ все распутывало и все устраивало, и съ Полиной, и съ векселемъ, и съ судомъ, и съ женой. Въ нѣсколько безнадежномъ видѣ представлялась только вопросъ денежный, но Пахтаевъ надеялся что и это какъ-нибудь устроится.

Онъ рѣшилъ поутру за чаемъ объясниться съ женой. Но Антонина Павловна встала гораздо раньше его и пила чай въ дѣтской. Пахтаевъ послалъ сказать что просить ее пожаловать къ нему въ кабинетъ. Она пришла нескоро, имѣла удивленный и явно недовольный видъ.

— Что вамъ угодно? спросила она кисло.

— Вы можете догадаться что въ виду вашего неожиданнаго пріѣзда и всего предыдущаго мнѣ о весьма многомъ надо переговорить съ вами, сказалъ Пахтаевъ.

— Додо кажется немного лучше, отвѣтила какъ бы не желая его Антонина Павловна.

— Очень радъ, но я не о томъ. Я полагаю что намъ прежде всего необходимо выяснитъ наши собствѣнные отношенія, перебилъ ее мужъ;—признаюсь, вся эта комедія мнѣ немножко наскучила и я не желалъ бы продолжать ее.

— Вы видите, я пріѣхала, сказала Антонина Павловна.

— Да... но развѣ вы намѣрены остаться?

— Я не знаю сколько времени продолжится болѣзнь Додо.

— И я не знаю; вотъ это первое неудобство. Вы извѣстили меня всего за нѣсколько часовъ до вашего прїѣзда, такъ что я не имѣлъ возможности выѣхать изъ квартиры.

Антонина Павловна раскрыла изумленные глаза.

— Зачѣмъ же вамъ было уѣзжать съ квартиры? я вовсе не требовала этого, сказала она.

— Я тоже не требовалъ чтобы вы уѣзжали изъ Петербурга и производили скандалъ, однакожь вы уѣхали, отвѣтилъ Пахтаевъ.

— Вы принудили меня вашимъ оскорбительнымъ поведениемъ.

— Не смѣю спорить, но такъ какъ вы однажды рѣшили разорвать со мной, то я подчинился этому рѣшенію, принявъ его за окончательное. Сходиться намъ опять значило бы играть комедію очень недостойную и смѣшную въ глазахъ свѣта. А я рѣшительно не желаю никого смѣшить.

Антонина Павловна постаралась придать своему лицу выраженіе оскорбленнаго достоинства, соединенное съ покорностью.

— Когда докторъ позволитъ, я могу опять уѣхать, сказала она.—Я отъ васъ ничего не требую и не питаю къ вамъ никакого враждебнаго чувства. Я живу для дѣтей, а отъ остальнаго навсегда отказалась.

„Ты живешь для своего самолюбія и злости“, подумалъ Пахтаевъ.

— Но эта жизнь врозь, когда люди называются мужемъ и женой, всегда ставить ихъ въ смѣшное положеніе, и вообще.. вообще это очень неудобно, сказалъ онъ.

— Вы же сами требуете чтобы я поскорѣе уѣжала! возразила какъ бы не понавъ Антонина Павловна.

Пахтаевъ пожалъ плечами.

— Вы вотъ прїѣхали когда вамъ понадобилось, а не подумали о томъ что для меня вовсе неудобно платить за эту квартиру и вообще держать тутъ прежнюю обстановку, несмотря на то что вы отдавали ваши средства отъ моихъ, напомнилъ онъ.—Мнѣ лично вѣдь ничего этого не надо.

— Я прїѣхала сюда потому что эта квартира у насъ имѣется, объяснила Антонина Павловна, сдѣлавъ опять видъ что и новый намекъ мужа остался ей непонятенъ.

— Вотъ именно я и хочу обратить ваше вниманіе что такое неопредѣленное положеніе для меня крайне неудобно,

продолжалъ Пахтаевъ.—Пока я женатъ, я не могу переѣхать въ какія-нибудь три комнаты, а поддерживать всю эту семейную обстановку, когда въ сущности у меня нѣтъ никакой семьи...

Антонина Павловна подняла на него печально укоризненный взглядъ.

— У васъ есть дѣти, Владиміръ Михайловичъ, сказала она.

— Вѣдь вы отобрали ихъ у меня! возразилъ онъ.

— Но они здѣсь, и одинъ изъ нихъ опасно боленъ, въ свою очередь возразила Антонина Павловна.

— Однако вы ихъ опять увезете.

— Вы сами требуете чтобъ я уѣзжала, а я не могу съ ними разстаться.

Лицо Пахтаева обнаруживало нетерпѣніе. „Это какая-то сказка про бѣлаго бычка“, подумалъ онъ раздражительно. Онъ рѣшился высказаться прямо.

— Вопросъ о дѣтяхъ мы пока оставимъ въ сторонѣ, такъ какъ намъ надо сначала опредѣлить наши собственныя отношенія, сказалъ онъ.—Мнѣ кажется что если мы... окончательно разошлись, то незначимъ намъ и называться мужемъ и женой, и только стѣнать другъ друга. Гораздо проще и честнѣе въ такомъ случаѣ искать формальнаго развода.

Антонина Павловна чуть-чуть поблѣднѣла, но сохранила спокойное лицо.

— Такъ идите! сказала она съ едва замѣтной ироніей.

— Вы знаете что развода можно добиться только при обоюдномъ согласіи, напомнилъ Пахтаевъ.

— Да, я это знаю; но такъ какъ мнѣ разводъ вовсе не нуженъ и я никогда не позволю себѣ играть святымъ установленіемъ церкви, то помогать вамъ въ этой мерзости я не буду, отвѣтила она.— Но если вы считаете себя въ правѣ требовать развода, то требуйте, обвиняйте меня, вы знаете что мнѣ нечего бояться!

И бросивъ на мужа торжествующій взглядъ, Антонина Павловна повернулась, встряхнувъ своею огромною лряческой, дѣлавшею ее похожею на старыя ябмеккія картинки, и медленно, величаво вышла изъ кабинета.

XVIII.

Послѣ визита врача, она приказала привести извозчицью карету, такъ какъ не хотѣла воспользоваться экипажемъ мужа, и поѣхала къ Таисіи Ивановнѣ. Кромѣ исполненія родственнаго долга, она имѣла въ виду кое-что узнать, испытать еще разъ степень участія на которое могла разчитывать, и вообще поговорить о своемъ положеніи и о безсовѣстности мужа.

Предложеніе развода, высказанное такимъ „подлымъ“, по ея мнѣнію, образомъ, очень ее встревожило. Она два года жила мечтой что мужъ ужасно боится развода, даже въ Петербургѣ пріѣхала только потому что разчитывала на подавляющее дѣйствіе этой невысказанной угрозы, и почувствовала къ наказанному продолжительною разлукой мужу некоторое состраданіе. И вдругъ онъ самъ первый заговариваетъ о разводѣ! Это заставляло Антонину Павловну подозревать что въ ея отсутствіе что-то случилось, что дѣлаши не совсѣмъ такъ какъ она предполагала, и что едва ли она хорошо сдѣлала предоставивъ ихъ собственному теченію.

Таисія Ивановна при видѣ ея ахнула и протянула ей съ кресла обѣ руки.

— А я хотѣла телеграммой тебя вызвать! сказала она, цѣлуя ее въ голову. — Что это муженекъ-твой съ ума сошелъ что ли? Какихъ это онъ дѣлъ надѣлалъ? Миѣ князь Роро сейчасъ чудеса рассказывалъ, вѣрить нельзя! Ты какъ же допустила?

У Антонины Павловны отъ страха сердце задрожало.

— Я жила въ деревнѣ и пріѣхала только потому что мой Додо очень заболѣлъ. Я и не знаю ничего!

— Помилуй, это такой срамъ и ужасъ что я хотѣла тотчасъ ко всѣмъ министрамъ ѣхать, продолжала очень взволнованная Таисія Ивановна. — Съ тѣхъ поръ какъ исторія знаетъ Веклицевыхъ, этого еще никогда у нихъ въ роду не случалось. Въ самую грязную шайку попалъ, судиться будетъ, и еще затѣялъ жениться на какой-то авантюрьеркѣ.

Антонина Павловна поблѣднѣла и опустилась на стулъ. Ей представилось что мужъ, оставленный ею безъ денегъ, вступилъ въ какой-нибудь клубъ Червонныхъ Валетовъ, что

его одѣнуть въ арестантскую куртку и сошлютъ въ Сибирь. Даже неслыханная новость о женитьбѣ не произвела на нее такого впечатлѣнія какъ то что онъ „судиться будетъ“.

— Я ничего не знаю, промолвила она лобѣзными губами.

Таисія Ивановна раскрыла золотую жалованную табатерку и быстро, держа щепоть подъ ладонью, полюхала.

— Онъ себя ведетъ какъ армейскій поручикъ, продолжала она.—Представь себѣ что у него была любовница, какая-то мѣщанская или чиновничья дочка, которую онъ обольстилъ, и теперь ее родня представила на него претензію, такъ что уголовное дѣло... Уже производится слѣдствіе, и вся эта исторія скоро попадетъ на судъ — гласный судъ, ты знаешь, на который весь городъ соберется смотрѣть, и потомъ напечатается во всѣхъ газетахъ. Тебя тоже позовутъ, и ты будешь давать показанія какъ свидѣтельница. Это съ ума надо сойти... когда мнѣ князь разказалъ, я думала что со мной ударъ сдѣлается.

Автомина Павловна достала изъ кармана платокъ и поднесла его къ глазамъ.

— Онъ всегда былъ безразвѣстный человѣкъ! сказала она оквозь слезы, которыми немедленно разрѣшалось у нея всякое сильное потрясеніе.

— Но ты не знаешь всего что онъ затѣваетъ, продолжала Таисія Ивановна:—онъ эту госпожу съ которой знался въ послѣднее время развелъ съ мужемъ и намѣренъ самъ на ней жениться.

Автомина Павловна заплакала громче.

— Дура! вдругъ съ гортаннымъ хриломъ прокричалъ полугай.

Таисія Ивановна на этотъ разъ разсердилась на своего любимца и хлопнула его платкомъ. Полка обозлился и схватилъ ее за палецъ.

— Варенька, посади его въ кѣтку! распорядилась старуха, вызвавъ изъ другой комнаты приживалку. — И отбери у него сахаръ, надо его наказать. Закрой его скатертью, пусть въ темнотѣ сидитъ. Мерзкій, вѣдь какъ схватилъ!

Полку наконецъ усмирил.

— Я еще два года назадъ предвидѣла что такъ кончится и просила васъ принять участіе, но вы почти со смѣхомъ отнеслись къ этому! припомнила Автомина Павловна.

— А ты, матушка, сама виновата, вздумала мужа бросить, вотъ онъ и надѣлалъ такихъ дѣлъ, возразила тетка. — Мерзавка-то безъ тебя совсѣмъ его къ рукамъ прибрала. Да что, видѣла ты ее когда-нибудь? Красивая что ли?

— Для мужчинъ вѣрно красивая! отвѣтила тономъ отвращенія Антонина Павловича, убѣжденная что у мужчинъ есть свой особенный вкусъ, заставляющій ихъ относиться равнодушно къ настоящей красотѣ и увлекаться чортъ знаетъ чѣмъ.—Такія всегда имъ кажутся красивыми.

Таисія Ивановна взглянула на нее, какъ бы вникая въ ея мысль, и пожевала губами. Обѣ женщины съ минуту помолчали, и въ комнатѣ слышно было только какъ сердито позвизгивало въ клеткѣ и долбилъ носомъ полугай.

— Я Леонида поджидала посоветываться, заговорила наконецъ Таисія Ивановна. — Ты съѣзди къ нему, потюкай. Надо какъ-нибудь устроить чтобы дѣло-то замали. Неужто въ самомъ дѣлѣ такой скандалъ допустить? Правду мой покойный Сергѣй говорилъ что съ новыми порядками въ Россіи жить нельзя будетъ. Я всѣхъ министровъ лодыму, кричать буду. Онъ виноватъ, а мнѣ-то столько сраму за что? Пусть бы его потихоньку сослали въ деревню, на церковное покаяніе, или за границу пусть вышлютъ. А если въ судъ, да въ газетахъ... вотъ какъ сижу на этомъ креслѣ, веваю перенести себя въ вагонъ и уѣду въ Римъ, и кости свои запрещу сюда перевозить.

Антонина Павловна принялась опять плакать.

— И подумать что все произошло отъ той негодной женщины! проговорила она сквозь слезы.—Мы съ Вольдемаромъ жили такъ счастливо... Но развѣ возможенъ бракъ если закономъ позволяеть подобнымъ авантюристамъ завлекать чужихъ мужей!

— Да, старыя времена нынче всѣ хулятъ, а тогда этого не было, сказала Таисія Ивановна.—Тогда отъ кого развратъ-то шелъ? Отъ крѣпостныхъ дѣвокъ, да отъ Цыганокъ. Ну, позовешь ее къ себѣ, она тебѣ въ ноги, руки цѣлуетъ. А не то отклевастаешь по щекамъ, дѣло-то какъ будто и поправишь. А теперь вѣдь не то что этакая барыня, а Француженка кака-нибудь или балетная провѣдетъ мимо тебя въ коляскѣ, грязью забрызгаетъ, да еще въ лицо разсмѣется. Въ мое время актеровъ-то сѣкли. Не изъ благородныхъ вѣдь онѣ.

Антонина Павловна, занятая своими горестными мыслями, почти не слушала отаруху и поднялась чтобы проститься.

— Я заѣду къ Леониду, объявила она.

Но цѣлуясь съ теткой, она опять расплакалась.

— Вѣдь онъ рѣшительно всѣмъ, всѣмъ обязанъ намъ, сказала она,—и вы, и Леонидъ его постоянно за уши тащали. Что онъ такое будетъ если разведется со мною? Ему даже жить нечѣмъ.

— Ты, мать моя, о разводѣ и думать ему не позволяй, отвѣтила Таисія Ивановна.—Кто его разведетъ-то? Будто такъ взялъ да и развелся? Если онъ тебя подговаривать будетъ чтобы ты согласилась, скажи что и слышать не хочешь. А притѣснять не станетъ, руки коротки. Пахтаевымъ съ Беклицевыми не тягаться. Онъ еще не знаетъ какъ я сама поговорю съ нимъ.

— А я, ma tante, еще не видала его жены, сказала Антонина Павловна, думая о братѣ.—Мнѣ нельзя было прѣхать на свадьбу.

— Вотъ лоѣзжай, увидишь.

— Я слышала что она очень хороша собой и что братъ счастливъ, продолжала Антонина Павловна.

— Некогда еще ему нечастнымъ-то быть, отвѣтила Таисія Ивановна, изъ чего племянница заключила что невѣстка не пользуется полнымъ благорасположеніемъ старухи.

— Вѣдь и ты говоришь что была счастлива со своимъ муженькомъ, прибавила тетка.

— Oh, ma tante, неужели есть что-нибудь ложее? съ неудержимымъ любопытствомъ спросила Антонина Павловна.

— А почему мнѣ звать! Я такихъ какъ она не умѣю ложимать. Не нашего круга, вотъ что.

— Но Волчець-Соколицскіе кажется очень хорошая фамилія, замѣтила Антонина Павловна.

— Мало ли какая фамилія, да ихъ въ нашемъ кругу никто не знаетъ, возразила Таисія Ивановна.—Соколицскіе никогда при дворѣ не были. Ну, лоѣзжай, увидишь.

У Леонида Сергѣевича кто-то былъ, и Антонину Павловну попросили къ Ларисѣ.

— Я съ нетерпѣніемъ ждала обнять васъ и лознакомиться, сказала она, входя въ будуаръ.

Лариса отвѣтила такою же любезностью. Обѣ женщины быстро, но внимательно оглядѣли одна другую, и обѣ

кажется разомъ почувствовали что никогда не поправятся другъ другу.

Между ними завязался обыкновенный въ такихъ случаяхъ, совершенно незначительный и ненужный разговоръ. Антонина Павловна довольно безцеремонно разсматривала и Ларису, и ея туалетъ, и комнату, стараясь провѣрить замѣчаніе тетки, и совершенно соглашалась съ нимъ. Все, начиная съ изящной роскоши убранства будуара, представлялось ей несоответствующимъ тому вкусу который она считала обязательнымъ для дамъ своего круга. Она при выходѣ замужъ тоже старалась устроить себѣ изящный будуаръ, но не умѣла, а телерь даже считала что такая кокетливая обстановка неприлична для порядочной женщины. Сама Лариса, несмотря на очень простой домашній туалетъ, тоже показала ей слишкомъ кокетливою, слишкомъ свободою и лишевною той особой кислотой которую Антонина Павловна любила въ женщинахъ хорошаго общества. Она даже нашла въ Ларисѣ какое-то сходство съ ужасною женщиной составлявшею ея злополучіе.

Она чувствовала что тѣмъ не менѣе ей надо быть любезною, но ей хотѣлось сказать такую любезность которая вмѣстѣ съ тѣмъ была бы неприята невесткѣ.

— Я рада что братъ сдѣлался семейнымъ человекомъ, онъ всегда былъ такъ серіозенъ и такъ тяготился безсодержательною свѣтскою жизнью, сказала она.—Я увѣрена что онъ нашелъ тихое домашнее счастье къ которому стремился.

Лариса, не замѣчавшая чтобъ ея мужъ тяготился свѣтскою жизнью и стремился къ тихому домашнему счастью, не могла скрыть маленькой улыбки. Антонина Павловна поведя глазами вокругъ себя и продолжала почти проповѣдническимъ тономъ:

— Онъ счелъ нужнымъ окружить молоденькую жену всею этою роскошью, но самъ онъ необычайно простъ и серіозенъ въ своихъ привычкахъ. И притомъ онъ выросъ въ томъ кругу который стоитъ выше этихъ новыхъ модныхъ вкусовъ. Въ модной роскоши всегда есть что-то буржуазное. Но вы сами это поймете когда ближе сойдетесь съ нашимъ обществомъ.

„Что это—грубость или глупость?“ спросила себя Лариса.

— Я боюсь что это не скоро случится, сказала она,—я очень мало выѣзжаю.

— Да? не повѣрила Антонова Павловна, и подумала: „она хочетъ разыгрывать примѣрную жену... какъ это идетъ къ ней!“—Вы не любите общества? спросила она вслухъ.

— По крайней мѣрѣ не всякое, отвѣтила Лариса.

— Но я говорю про тотъ кругъ въ который вы вступили выходя замужъ за брата.

„Она положительно хочетъ дать понять что смотреть на меня какъ на рагвепце...“ подумала Лариса, и глаза ея еще веселѣе улыбулись.

— Вотъ именно этотъ кругъ мнѣ совсѣмъ не нравится, сказала она.

Антонова Павловна сдѣлала такіе глаза какъ будто ее ударили по головѣ, и даже какъ-то пригнулась.

— Но почему же? чтѣ вы хотите этимъ сказать? воскликнула она, почти теряясь отъ изумленія.

Улыбка на лицѣ Ларисы быстро смѣнилась выраженіемъ скуки.

— Не привыкла, не присмотрѣлась... отвѣтила она.

— Вы находите это общество слишкомъ стѣснительнымъ для васъ? спросила съ возрастающею и почти бессознательною наглостью Антонова Павловна.

Лариса слегка пожала плечами.

— Да, оно меня стѣсняетъ... слишкомъ даже стѣсняетъ! отвѣтила она.

Мне Пахтаева не почувствовала прозвучавшаго въ этихъ словахъ недобраго смѣха и взглянула на Ларису съ соотрадательною укоризной.

— Я понимаю васъ... но приходится иногда жертвовать чѣмъ-нибудь ради своего положенія, сказала она и взглянула внизъ и потомъ вверхъ, какъ бы измѣряя высоту на которую вознесъ Ларису бракъ съ Беклицевымъ.

Брови Ларисы сдвинулись. Разговоръ, дѣйствовавшій на нее пока только утомительно, начиналъ раздражать ее. Она не могла понять по какому праву эта или очень глупая, или очень наглая кузина мужа третируетъ ее такимъ образомъ.

— Вы кажется не совсѣмъ меня поняли: для общества о которомъ мы говоримъ я ничѣмъ не стала бы жертвовать, сказала она;—я почти никуда не выѣзжаю, неохотно у себя принимаю—и такъ для меня лучше... да и для нихъ кажется тоже.

— Вы хотите держать себя въ сторонѣ отъ круга въ который васъ ввелъ мужъ? но по какому же праву? почему? спросила все болѣе удивленная Антонова Павловна.

— Потому что этотъ кругъ не внушилъ мнѣ ни уваженія, ни охоты сблизиться съ нимъ, отвѣтила Лариса.

Мше Пахтаева глядѣла на нее въ узоръ, точно усиливаясь прочесть на ея лицѣ поясненіе того что она слышала.

— Я боюсь что вы сдѣлали слишкомъ послѣднее заключеніе... вы не имѣли еще времени узнать наше общество... сказала она. — Я въ немъ выросла, я его знаю...

— Но вы можете любить и уважать одно, а я—другое, отвѣтила коротко и сухо Лариса.

XIX.

Появленіе Беклищева прервало этотъ разговоръ. Онъ тотчасъ увелъ кузину въ кабинетъ и съ озабоченнымъ видомъ спросилъ:

— Ты уже знаешь эти неприятныя новости? Мнѣ сейчасъ все рассказали. Возможно ли это?

— Я только вчера пріѣхала, мой Додо очень боленъ... та tante говорила мнѣ... отвѣтила Антонова Павловна.

— Но Владиміръ Михайловичъ? что жъ онъ говорить?

— Ахъ, я не знаю; наши отношенія такъ испорчены... Я принуждена искать защиты у родныхъ.

И Антонова Павловна вернулась къ слезамъ. Беклищевъ предоставилъ ей плакать, задумчиво собирая бронзовымъ ножомъ разсыпанный на столѣ пепелъ.

— Если женитьба не измѣнила твоихъ родственныхъ чувствъ, я разчитываю на твое братское участіе, проговорила Мше Пахтаева.—Сама я что могу сдѣлать? Я несчастная женщина, у которой отнимаютъ мужа, какъ отняли его любовь и домашнее счастье.

Беклищевъ поднял голову.

— Это чортъ знаетъ что такое: какая-то грязно-романическая исторія, процессъ съ разною сволочью, скандалъ... И еще новая исторія съ этою барыней... ловидимому онъ дѣйствительно хочетъ на ней жениться, потому что разводить ее съ мужемъ... Этого невозможно допустить! говорилъ онъ,

хлопая ножомъ по колѣну.—Надо переговорить съ твоимъ мужемъ. Я заѣду сейчасъ же, а?

— Пожалуста! обрадовалась Антонина Павловна.

Она вспомнила что еще не видала брата послѣ женитьбы, и слохватилась поздравить его.

— Я молю Бога чтобы несмотря на эту перемѣну наши отношенія полпрежнему остались совершенно братскими, прибавила она зачѣмъ-то. — Обыкновенно забываютъ прежнюю семью для новой, но я извѣдала на собственномъ опытѣ что старыя кровныя связи прочнѣе брачныхъ.

Беклицевъ въ отвѣтъ на это поцѣловалъ ей руку, и велѣлъ подавать карсту, а Антонина Павловна, не желая прѣихать съ нимъ домой въ одно время, отправилась въ магазины вознаграждать продолжительное деревенское воздержаніе.

Пахтаева не было дома. Беклицевъ поѣхалъ за нимъ къ Полинѣ и приказалъ вызвать его на дѣйствицу.

— Извините, но мнѣ необходимо нѣсколько минутъ разговору съ вами, сказалъ онъ, когда Пахтаевъ, удивленный и не совсѣмъ довольный, вышелъ къ нему въ одномъ сюртукѣ.

— Но гдѣ же? вы не зайдете ли въ комнаты? я васъ оставляю.... предложилъ онъ нѣсколько конфузясь.

— Нѣтъ, я попросилъ бы васъ надѣть пальто и пройти со мной немного предъ домомъ, сказалъ Беклицевъ.

Пахтаевъ вернулся въ комнаты, извинился и взялъ фуражку.

— Я бы очень хотѣла присутствовать при этомъ разговорѣ, потому что это должно-быть очень забавно! сказала немного вздрогнувъ Полина. — Надѣюсь вы не будете стрѣляться? Но ты пожалуста попроси своего beau-frère не искать тебя въ другой разъ у меня. Это невѣжливо.

Беклицевъ, отойдя нѣсколько шаговъ отъ подъѣзда, прямо обратился къ Пахтаеву со словами:

— Вы насъ всѣхъ очень встревожили. Какъ же можно доводить подобныя дѣла до суда? Надо это все тотчасъ замать.

— Какъ же замать? уже производится слѣдствіе, возразилъ Пахтаевъ.

— Я вамъ сказалъ еще тогда на балѣ у татап что не слѣдовало заявлять о подлогѣ! припомнилъ съ досадою Беклицевъ.—Надо подать новое заявленіе, и прежде всего выкупить вексель.

— Я вовсе не намѣренъ выкупать подобныя мошенническіе документы, возразилъ довольно спокойно Пахтаевъ.

— Но нельзя же иначе! вѣдь судебный процессъ — это скандалъ, котораго мы никакъ не можемъ допустить, сказалъ Беклицевъ. — Я не отказываюсь принять всевозможныя мѣры, тамап тоже употребить все свое вліяніе. Я вамъ долженъ откровенно сказать что она очень огорчена и раздражена, тѣмъ болѣе что до нея дошли еще другіе слухи... относительно этой близкой вамъ особы....

И Беклицевъ черезъ плечо покосился на домъ гдѣ жила Полина.

— Мнѣ казалось бы что при подобныхъ обстоятельствахъ вамъ слѣдовало бы держать себя крайне осторожно чтобы положить конецъ всѣмъ этимъ слухамъ, прибавилъ онъ.

Пахтаевъ покраснѣлъ.

— Меня очень мало занимаютъ всѣ такіе слухи! сказалъ онъ. — И вообще что касается этихъ отношеній, я полагаю что это мое личное дѣло.

— Но у вашей жены есть родные, наломилъ Беклицевъ.

— Относительно моей жены я имѣю причины считать себя свободнымъ, возразилъ Пахтаевъ и повернулъ назадъ къ подъѣзду.

Беклицевъ былъ очень оскорбленъ этимъ тономъ, и голубые глаза его какъ будто позеленѣли.

— Я долженъ дать вамъ дружескій совѣтъ — взглянуть на дѣло благоразумнѣе и взвѣснить всѣ невыгодныя послѣдствія, произнесъ онъ почти надменно.

— Благодарю васъ и прошу вѣрить моему сожалѣнію если я причинилъ столько непріятностей вамъ и вашей тамап, но у меня есть своя личная точка зрѣнія отъ которой я не могу отступить, отвѣтилъ очень твердо Пахтаевъ и, дойдя до подъѣзда, сѣлалъ подъ козырекъ.

Беклицевъ пожалъ плечами и очень злой сѣлъ въ карету.

Таусія Ивановна, выслушавъ его разказъ, пришла въ крайнее негодованіе и послала тотчасъ за Пахтаевымъ. Тотъ не отвѣчалъ и не явился. Это походило на бунтъ. Отправили карету за Антониной Павловной и составили вѣчто въ родѣ семейнаго совѣта. Ничего новаго, впрочемъ, никто не придумалъ, и кончилось тѣмъ что Беклицевъ обѣщалъ вызвать къ себѣ Кoko и переговорить съ нимъ. Но Кoko находился еще подъ впечатлѣніемъ послѣдней сцены съ

Пахтаевымъ и подумалъ что изъ него хотятъ „выжать ма-сло“; поэтому явиться на приглашеніе отказался, а пред-ложилъ сойтись у Бореля. Беклицевъ съ досадою согла-сился, и въ отдѣльномъ кабинетѣ состоялся очень интим-ный завтракъ. Коко, зная что за него заплатятъ, нашелъ умѣстнымъ обнаружитъ самый тонкій гастрономическій вкусъ, и такъ какъ событія послѣднихъ дней сообщили ему нѣкоторое возбужденіе, то онъ охотно предался наслажденію трапезы. Онъ, по его словамъ, ужасно любилъ дѣловые завтраки.

— Не знаю почему всякія такія непріятности всегда воз-буждаютъ во мнѣ жажду, говорилъ онъ, хлопая стаканъ за стаканомъ.

„Чортъ его знаетъ когда теперь еще удастся пить шам-панское“, предусмотрительно думалъ онъ про себя.

Беклицевъ, по присущей ему практической складкѣ, умѣлъ разговаривать съ такими людьми. Но Коко тоже чувство-валъ сегодня родъ вдохновенія. На безцеремонный вопросъ Беклицева: сколько возьметъ за вексель, онъ лизнулъ язы-комъ стаканъ, вытянулъ шею и отвѣтилъ:

— Видите ли, зачѣмъ намъ отдѣльно говорить объ этой мелочи? лучше условиться обо всемъ разомъ!

— То-есть о чемъ же еще?

— Пс, будто вы не понимаете! Вашъ beau-frère настаи-ваетъ чтобъ я далъ разводъ женѣ. Онъ и о подлогѣ заявилъ только для того чтобы меня сослали въ Сибирь.

— Едва ли; во всякомъ случаѣ мнѣ совѣтъ этого не нужно.

— Но можетъ-быть вамъ нужно чтобъ я не давалъ разво-да, пояснилъ Коко, и держа стаканъ обѣими руками, мед-ленно втянулъ сквозь зубы глотокъ шампанскаго.

— Все-таки, мнѣ кажется, можно сначала рѣшить относи-тельно векселя. Сколько мнѣ извѣстно, онъ написанъ на де-сять тысячъ? продолжалъ Беклицевъ.

— Пс, съ тѣхъ поръ цѣна очень поднялась, отвѣтилъ Ко-ко.— Тутъ оказалась complicacія.

— Напримѣръ?

— Ну, это очень ясно. Если меня засудятъ, нашъ бракъ будетъ расторгнутъ. А вмѣсто того я могъ бы ухъать... по-ложимъ въ Парижъ... и формально требовать жену къ себѣ. Неп? Понимаете почему я предпочитаю округлить все это?

Беклицевъ съ минутой подумалъ. Планъ Коко представ-лялъ извѣстныя удобства. Будь только законное требованіе

отъ мужа, Полину при вліяніи Беклицевыхъ можно было усадить куда угодно.

— Хорошо, будемъ, какъ вы говорите, округлять. Какое нособіе вы сочли бы достаточнымъ чтобъ устроиться въ Парижѣ, или вообще гдѣ-нибудь подальше... я разумѣю семейнымъ образомъ? спросилъ онъ.

Коко поставилъ оба локтя на столъ, и поднявъ стаканъ, смотрѣлъ черезъ него на Беклицева.

— Пс! произнесъ онъ.—Сказать вамъ настоящую цифру? Сто тысячъ.

Беклицевъ какъ бы привскочилъ на мѣсто.

— Вы шутите, или вы кажется пьяны, сказалъ онъ.

— Ну, это не много—сто тысячъ. Вѣдь одинъ разъ за все!

И Коко сталъ основательно доказывать что устроиться въ Парижѣ семейнымъ образомъ съ меньшею суммой нельзя, и даже сослался на невыгодный курсъ. Въ ресторани онъ чувствовалъ себя въ полной безопасности и притомъ сознавалъ что обстоятельства дѣйствительно сложились въ чрезвычайно крѣпкій узелъ, концы котораго у него въ рукахъ. Наконецъ, онъ былъ и немножко пьянъ.

— Вы забываете что у меня тоже есть нѣкоторыя карты въ рукахъ, прервалъ его Беклицевъ.—Во первыхъ... вы, кажется, служите?

— Разумѣется, служу.

— Васъ выгоняютъ.

— Пс! теперь постоянно однихъ выгоняютъ, другихъ назначаютъ. И притомъ я долженъ вамъ сказать что вовсе не дорожу своимъ мѣстомъ. Гораздо лучше когда я былъ въ обществѣ ассенизаціи... знаете, Каричъ и Безбѣдный?

— Вотъ выхъ, васъ сошлютъ въ Сибирь.

— Ну, это оставьте. Вы никогда не читали процессовъ, а это расширяетъ кругозоръ. Я знаю что такое судъ. Публика будетъ рукоплескать моей защитѣ. Поговорите объ этомъ съ моимъ другомъ Безбѣднымъ, или съ моимъ другомъ Каричемъ. Я вамъ вотъ что скажу: мнѣ совершенно все равно!

И онъ со стукомъ поставилъ стаканъ на столъ.

Беклицевъ предъ этою наглостью терялъ свою увѣренность. Очевидно съ Коко не стоило тратить время, надо было дѣйствовать другими путями. Онъ спросилъ счетъ, заплатилъ и вышелъ.

— Мы когда-нибудь повторимъ этотъ хорошенькій tête-à-tête, hein? процѣдилъ на подѣздѣ Коко, вѣжливо поднявъ руку къ шляпѣ.

Беклищевъ вмѣсто отвѣта грозно крикнулъ кучера.

„Чортъ знаетъ что такое!.. Но вѣдь не можетъ же въ самомъ дѣлѣ быть чтобы мы оказались беззащитны предъ какою-то мошенническою шайкой... Вѣдь что-нибудь значуть же вліяніе, положеніе, связи“, думалъ онъ сидя въ каретѣ. „Надо приняться за дѣло съ другой стороны.“

Онъ высунулся въ окно и далъ кучеру адресъ одного очень важнаго лица, вліятельнаго въ судебной сферѣ.

Сановникъ принялъ его съ крайнею любезностью и заранѣе предложилъ свои услуги. Но когда Беклищевъ объяснилъ въ чемъ дѣло и спросилъ нельзя ли какъ-нибудь устроить чтобы избѣжать судебного процесса, юридическій сановникъ значительно поднялъ брови и принялъ даже строгій видъ.

— Вы хотите вынуть изъ-подъ насъ камень на которомъ мы стоимъ... это противорѣчило бы самому принципу нашей дѣятельности! сказалъ онъ.—Мы представляемъ собою строго-законный, такъ-сказать, правовой порядокъ; мы въ своемъ родѣ математическая формула. Дѣло направленное судебнослѣдственнымъ порядкомъ уже не можетъ отклониться отъ этого направленія.

— Я благоговѣю предъ математическою формулою, но иногда она неудобна для живыхъ людей, замѣтилъ Беклищевъ.

— Такъ-съ, но организація нашего суда тѣмъ и превосходитъ что при строгой точности формъ она представляетъ просторъ, такъ-сказать, невѣсомымъ нравственнымъ вліяніямъ и фактамъ, возразилъ сановникъ.—Въ неприкосновенный процессуальный обрядъ вставлена человѣческая совѣсть присяжныхъ, свобода которой безграницна. Она можетъ оправдать вопреки уликамъ и обвинить вопреки очевидной невинности.

Беклищевъ не хотѣлъ спорить, онъ только спросилъ вѣтъ ли какого-нибудь способа ограничить по крайней мѣрѣ дѣло его существеннымъ содержаніемъ, не допуская на судъ обстоятельствъ касающихся частной жизни и интимныхъ отношеній.

— Помилуйте, вы хотите посягнуть на независимость суда которую мы должны напротивъ всячески охранять! восклик-

нулъ савонникъ, и опять заговорилъ о невѣсомыхъ нравственныхъ фактахъ укладывающихся въ процессуальную формулу и объ абсолютномъ совершенствѣ судебной организаціи.

Беклищевъ пожалъ плечами.

— Мнѣ трудно съ этимъ согласиться, сказалъ онъ со сдержаннымъ озлобленіемъ.

Савонникъ въ видѣ утѣшенія замѣтилъ что такъ какъ дѣло будетъ выдающееся по общественному положенію сторонъ, то въ немъ примутъ участіе лучшія силы, и въ процессуальномъ отношеніи это будетъ одна изъ образцовыхъ causes célèbres.

„Очень утѣшительно!“ подумалъ Беклищевъ откладываясь.

XX.

Вторженіе Антонины Павловны неприятно нарушило удивленіе молодой Беклищевой: Точно холодъ остался послѣ нея въ комнатѣ которую Лариса одну только и любила въ дѣломъ дѣмѣ. Изъ этой комнаты она почти не выходила. Тутъ у нея было собрано все что принадлежало ей одной, что напоминало ея прежнія дѣвическія привычки и симпатіи. Тутъ были ея книги, ея дѣтскія работы и тетради, ея шкатулки съ письмами. Немного писемъ собственно къ ней—и то почти все отъ Насти, на клочкахъ плохой бумаги, захватанныя руками деревенскаго разсылнаго, носившаго по сосѣдямъ пакеты и повѣстки отъ мирового судьи. Но за то большая связка писемъ къ ея отцу. Эту связку она еще дѣвочкой выпросила у матери, сама хорошенько не зная зачѣмъ, повинувшись какому-то смутному и страстному желанію приблизиться къ этому загадочному образу, исчезнувшему прежде ея появленія на свѣтъ. Марья Ивановна, уступая непонятной просьбѣ ребенка, отдала ей эту связку словно какой-нибудь фетишъ, но просила ее не читать пока не выростетъ „совѣтъ большая“. Однако понемногу запрещеніе было свято раньше назначеннаго времени. Въ длинные деревенскіе зимніе дни Марья Ивановна, сидя въ дѣтской, перебирала иногда эти уже желтѣвшіе листы и прочитывала что-нибудь вслухъ. Потомъ Лариса сама стала читать что позволяла мать, потомъ прочла все, понимая еще очень немного, но испытывая каждый

разъ странное, какъ будто до боли жуткое и вмѣстѣ радостное волненіе. Письма все были женскія, писанныя въ разное время и разными почерками. Вмѣсто подписи стояла какая-нибудь буква, или коротенькое полуимя, или совсѣмъ ничего. Вѣроятно отъ того отецъ и не заботился предусмотрительно уничтожить ихъ. Лариса получила ненасытную страсть къ этому чтенію. Она знала всю переписку наизусть, но самый видъ этихъ изматыхъ листковъ, этихъ мелкихъ строкъ выведенныхъ взволнованною слабою рукою, разнообразный запахъ сохраняемый бумагой—все дѣйствовало на нее съ непонятною силой. Ей казалось что она начинаетъ знать отца, и невыразимо сладостное, разнѣженное чувство, полное невысказанной любви, входило въ душу, и долго потомъ оставалось въ ней томленіе, и грусть, и удовлетвореніе...

Она испытывала это чувство еще тогда когда смыслъ переписки не былъ вполнѣ ясенъ для нея. Образъ отца, доходившій до нея въ передачѣ тѣхъ которыя любили его, становился все больше, все прекраснѣе по мѣрѣ того какъ понятнѣе дѣлался ей языкъ страсти, взволнованный ропотъ счастливаго или измученнаго сердца. Въ Волчьемъ Долѣ о немъ сохранялась странная, почти подозрительная память. Но Лариса знала его по-своему, она больше вѣрила этимъ письмамъ обереженнымъ въ ея шкатулкѣ. Его любили. Его любили такъ какъ немногихъ любятъ. И онъ былъ такой какъ немногіе—это самое главное.

Въ шкатулкѣ былъ еще одинъ листокъ, писанный собственною рукою отца. Лариса нашла его въ какомъ-то французскомъ романѣ. Всего нѣсколько словъ, набросанныхъ въ видѣ замѣтки вызванной чтеніемъ. Смыслъ этой замѣтки не обратилъ на себя вниманія Ларисы, она берегла ее какъ единственныя строки писанныя рукою отца. Но сегодня, перечитывая ихъ въ сотый разъ, она остановилась надъ словами:

„Нѣтъ ничего ужаснѣе связи соединяющей тѣхъ кто разединенъ внутренно. Эта кара слишкомъ велика чтобъ искупить самый тяжкій грѣхъ. Кто не сумѣетъ разорвать такую связь въ самомъ началѣ, тотъ никогда потомъ не подыметъ головы. Насиліе требуетъ насилія.“

Къ кому относились эти мрачныя слова? Было ли это впечатлѣніе только-что прочитаннаго Жоржъ-Сандовскаго романа, или въ нихъ вырвалось что-то личное... можетъ-быть

зловѣщее предсказаніе насильственной развязки, такъ рано разорвавшей его собственную семейную связь?

Мысли эти вызвали невольныя слезы на глаза Ларисы. Опустивъ голову, она сидѣла надъ пожелтѣлымъ листкомъ и не чувствовала какъ на тонкой блѣдной кожѣ ея щеки начинали пылать наплаканныя красныя пятна. Богъ вѣсть отчего именно сегодня было ей такъ невыразимо тяжело. Раздражающій ли разговоръ Автоныны Павловны, или легкое физическое недомоганье, или эти загадочныя строки написанныя много лѣтъ назадъ отцемъ—только на сердце ея разомъ легла тоска и оледенила его какимъ-то противнымъ холодомъ. Но Лариса не думала о себѣ, и это не была эгоистическая печаль. Она мучительно, наперекоръ неохотѣ, викала въ смыслъ давно извѣстныхъ словъ, и этотъ смыслъ все безпощаднѣе раскрывался предъ нею и заставлялъ ее думать о томъ, о чемъ она никогда не хотѣла думать.

„Бѣдный отецъ... бѣдная мама“... шептали ея разгорѣвшіяся нездоровою яркою краской губы.

Вдругъ она услышала осторожный шорохъ и какъ бы сдержанное дыханіе. Она вздрогнула, подняла голову, оглянулась. За ея стуломъ, вытянувъ шею и напряженно сощуривъ близорукіе глаза, стоялъ Беклицевъ, очевидно стараясь затаить свое присутствіе и разобрать что-нибудь на вынутыхъ изъ шкатулки листкахъ. При внезапномъ оборотѣ Ларисы онъ кашлянулъ, встряхнулъ аксельбантомъ и постарался овладѣть выразившимся на лицѣ замѣшательствомъ.

— Что ты такое читала? ты плакала? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

Лариса, оскорбленная, негодующая, глядѣла на него широко раскрытыми и мгновенно обсохшими глазами.

— Вы кажется хотѣли подсмотреть что я читала? выговорила она съ трудомъ.

— Я вхожу, вижу что ты сидишь надъ какими-то таинственными письмами, и вдобавокъ оказывается еще что ты плачешь... объяснилъ какъ бы шутливымъ тономъ мужъ.— Въ самомъ дѣлѣ, что это такое? Можно полюбопытствовать?

И онъ протянулъ руку къ улавшему на столѣ листку. Лариса въ одно мгновеніе собрала все въ шкатулку, захлопнула ее и залерла на ключъ.

— Вы заставите меня на будущее время принимать предосторожності противъ вашихъ внезапныхъ посѣщеній, сказала она холодно и почти презрительно.

Беклицеву странною показались и послѣдствіе съ какою Лариса спрятала письма, и этотъ раздраженный тонъ. Онъ не понималъ что она была оскорблена и предполагалъ только досаду женщины застигнутой врасплохъ. Нелѣпное по дознанію представилось его уму.

— Значить ты находишь необходимыми такого рода предосторожности? произнесъ онъ съ напряженною ироніей.— Я бы предпочелъ чтобы тебѣ нечего было заперать отъ мужа.

Лариса, блѣдая, молча стояла предъ нимъ, какъ бы заслоняя собой шкатулку. Ей казалось недостойнымъ себя отвѣчать на его слова.

— Въ самомъ дѣлѣ, что это за письмо? повторилъ Беклицевъ, и какъ бы легкая судорога пробѣжала по его обыкновенно спокойному лицу.

— Эти письма принадлежатъ мнѣ и не имѣютъ никакого отношенія къ тебѣ, отвѣтила Лариса.

— Въ такомъ случаѣ ничто не мѣшаетъ показать ихъ мнѣ, продолжалъ Беклицевъ.

— Я никогда не покажу ихъ, отвѣтила Лариса.

Беклицевъ посмотрѣлъ на нее своими свѣтлыми, съ какимъ-то стекляннымъ блескомъ глазами, и вдругъ напряженно разсмѣялся.

— Не удивляйся, пожалуйста, моему любопытству, это такъ романнично—сидѣть надъ какими-то старыми письмами и заливаться слезами... проговорилъ онъ со своею дѣланною ироніей.— Это вѣроятно полевые цвѣты изъ Волчьего Дола, подвешенные какимъ-нибудь идилическимъ сосѣдомъ... въ родѣ Зимовьева... хотя я не предполагалъ въ немъ такого романтика... да и признаюсь, это совсѣмъ не къ лицу ему, ma foi...

Онъ сдѣлалъ видъ что выхаетъ воздухъ.

— Мнѣ даже кажется что тутъ запахло фіалками... У васъ росли въ саду фіалки?

Лариса не отвѣтила и продолжала смотрѣть на него спокойными, холодными глазами. Эти глаза какъ будто измѣряли его, подводили ему итогъ. Беклицеву дѣлалось неловко, онъ злился.

— Я все-таки очень обязанъ этому маленькому открытію, продолжалъ онъ, стараясь сохранить все тотъ же ироническій тонъ.— По крайней мѣрѣ я понимаю теперь почему ты такъ полюбила уединеніе и почему у тебя иногда такой

мечтательно-меланхолическій видъ. И я бы даже ничего не имѣлъ противъ этого, еслибы не явились нѣкоторыя неудобства. Мы, къ сожалѣнію, должны принадлежать обществу въ которомъ живемъ сегодня, а не воспоминаемъ объ отсутствующихъ.

Лариса все молчала, все смотрѣла на него. На лицѣ ея лежало такое холодное спокойствіе, какъ будто она еще раньше, еще незамѣтно для себя, пережила настоящую минуту.

Беклищеву показалось что онъ выдалъ свое ревнивое чувство, что онъ смѣшонъ. Это его ужасно раздражало.

— Мнѣ бы только хотѣлось чтобы ты не поняла мои слова превратно, какъ обыкновенно дѣлаютъ женщины... объяснилъ онъ съ новымъ, не совсѣмъ вѣрно зазвучавшимъ смѣхомъ.—Надѣюсь, я не очень похожъ на ревниваго мужа... я изъ тѣхъ пустыхъ людей которые берегутъ только les apparences. Въ этомъ, мнѣ кажется, есть своего рода удобство..

Лариса поняла что онъ хочетъ оскорбить ее. Но только послѣдніе остатки краски медленно сбѣжали съ ея лица. Она молчала. Это было безпощадное молчаніе. Беклищевъ пошелъ по комнатѣ глазами, взялъ какую-то вещь со стола, какъ будто она привлекла его любопытство, посмотрѣлъ ее, поставилъ назадъ, встряхнулъ плечами и проговорилъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ:

— Я и забылъ что пришелъ звать тебя обѣдать.

За столомъ онъ нѣсколько успокоился и старался показать видъ что не придаетъ значенія происшедшей размолвкѣ. Онъ поддерживалъ незначительный разговоръ, пробовалъ небрежно шутить, расточалъ маленькія услуги. Ему хотѣлось задобрить жену, потому что именно въ настоящее время ссора съ ней была бы крайне неудобна: въ большемъ свѣтѣ, въ той группѣ гдѣ сосредоточивались теперь все вліяніе и власть, затѣвался благотворительный базаръ. Получить роль на этомъ базарѣ составляло въ нѣкоторомъ родѣ карьеру. Распорядительницей была та самая, блиставшая красотой, положеніемъ и властью, княгиня Боярская которая покровительствовала Mlle Ольской. Беклищевъ хотѣлъ во что бы то ни стало чтобы Лариса продавала на этомъ базарѣ. Но для этого надо было не только чтобы она согласилась продавать, а еще чтобы съ ея стороны употреблены были нѣкоторыя старанія получить приглашеніе.

Когда обѣдъ кончился и Лариса хотѣла встать, Беклищевъ удержалъ ее и приказалъ подать сюда кофе.

— Ты кажется не на шутку разсердилась на меня? оказалъ онъ, улыбаясь и наклоняясь поцѣловать ея руку.

— Мнѣ бы не хотѣлось возобновлять этого разговора, отвѣтила Лариса.

Беклицевъ насупился и повелъ усами.

— Это, конечно, доказываетъ характеръ, проговорилъ онъ.— Но согласишься что ты не совсѣмъ права въ настоящемъ случаѣ: со стороны мужа все-таки лоятно маленькое любопытство знать чьи письма заставляютъ его жену плакать. И когда этому любопытству не хотятъ удовлетворить, то вызываютъ разные предположенія.

— Вѣроятно они возникли раньше, потому что ты начала съ подсматриванья. Мнѣ не трудно было бы сказать какія это письма, но теперь я не скажу, отвѣтила Лариса.

— Очень удобная отговорка! произнесъ Беклицевъ.

Его глаза опять блеснули стеклянвымъ блескомъ.

— Никогда? спросилъ онъ.

— Никогда! отвѣтила Лариса.

— А если я возьму эту таинственную шкатулку?

— Вы не возьмете ее, сказала Лариса, и такъ спокойно, такъ увѣренно взглянула на него что онъ почувствовалъ холодъ.

Она долила кофе, встала и прошла къ себѣ. Онъ не смѣлъ пойти за ней.

XXI.

Заѣхавъ на другое утро къ матери, Лариса застала тамъ Милованова. Она очень обрадовалась ему, какъ радовалась теперь всему что наломивало ей печальное и все-таки дорогое прошлое. Притомъ она вспомнила что хотѣла получить отъ бывшаго управляющаго нѣкоторыя свѣдѣнія.

— Голубушка, Лариса Григорьевна! Вотъ счастье-то Богъ посылаетъ! Вѣдь не смѣлъ бы самъ къ вамъ зайти, ей-Богу не смѣлъ бы... воскликнулъ Миловановъ, распустивъ по всему лицу радостную улыбку и обтирая губы чтобы подойти къ ручкѣ.— Матушкѣ Марьѣ Ивановнѣ рѣшаюсь коимъ часомъ наскучить, а вамъ нѣтъ.

— Да что, онъ вѣдь теперь не заглядываетъ въ ваши мѣста, ничего новаго, отъ него не узнаешь, сказала Марья Ивановна.— Слышала я, въ обороты пустился, богатѣеть...

— Бхе! откашлялася Миловановъ.—Гдѣ ужь богатѣть, перебиваемся только. Вѣку мало осталось, о спасеніи думать надо. Оно, конечно, сѣдуетъ каждому заботиться чтобы не расточить, а приумножить достояніе, трудами стяжаемое... А особливо имѣющему потомство.

— Потомство-то у васъ какое же? полюбоблѣтствовала Марья Ивановна.

— А сынокъ-то у меня! отвѣтилъ Миловановъ.—Какъ же, привелъ Господь возрастить на утѣшеніе остатнихъ дней. Умный молодой человекъ, ученый. Въ газетахъ пишетъ. Со временемъ, я полагаю, имя ваше прославить долженъ. И теперь уже большою извѣстностью пользуется. Бойкое перо, острое. Я прочитываю, такъ вѣрите ли, иной разъ даже страхъ прошибетъ: ахъ, думаю, да какъ же ты такъ дерзашь! Вѣдь вдругъ начальство усомнится... Страшно дѣлается, ей-ей! Ну, да теперь это очень свободно стало. И хорошо, право хорошо. Иной разъ такъ это напишетъ, такъ напишетъ... Вотъ, думаешь, малый человекъ, а и князьямъ и властителямъ съ дерзновеніемъ говорить можетъ. Это у насъ теперь по заграничному стало.

— Скажите, Илья Петровичъ, вы князя Ретвизанова знаете? перебила его Лариса.

— Знаю, сударыня, знаю, отвѣтилъ Миловановъ.— Очень даже къ нимъ захожъ и благорасположеніемъ пользуюсь. Добріе они ко мнѣ, могу сказать, питаютъ отнѣнное.

— Объясните мнѣ пожалуйста, какъ это онъ вдругъ раззорился? вѣдь его всѣ очень богатымъ считали? спросила Лариса.

Миловановъ кракнулъ, досталъ изъ кармана каемчатый фуляръ, встряхнулъ имъ и обтеръ губы.

— И правильно считали, потому состояніе дѣйствительно презрядное, отвѣтилъ онъ.—А только по нѣкоторымъ причинамъ сѣдовало ему для видимости показать якобы дѣла склонились къ разстройству.

— Но съ какою же цѣлью? разспрашивала Лариса.

Миловановъ снова откашлялася.

— Цѣль тутъ, смекаю я, была тонкая... объяснилъ онъ.— Баязь, изволите знать, ума оборотливаго, и дѣло это они повели хитро. Мнѣ, признаться вамъ, они доподлинно не открылись, однако полагаю что я все это мысляю обаялъ.

— Вы сами претовкій человекъ, Илья Петровичъ, сказала въ поощреніе ему Лариса.

На лицѣ бывшаго управляющаго появилась блаженная улыбка.

— Смекаемъ и мы кое-что, это точно! подтвердилъ онъ.— Князю-то случай выходилъ имѣнье въ казну продать, а въ другомъ мѣстѣ казенную землю въ родѣ какъ въ награду получить. А его, знаете, любить... Ну, какъ тутъ, знаете, подошло еще это его раззоренье, публикаціи, да стали на него векселя по малости представлять, дѣлу-то оно и пособило. Умѣючи вѣдь все надо тоже!

— Ахъ, Боже мой, какія однако хитрости! воскликнула Марья Ивановна.

— Хе-хе, то ли еще бываетъ! Я тутъ въ Петербургѣ наглядѣлся... продолжалъ Миловановъ.— Истинно вамъ скажу что еслибы, напримѣръ, я перомъ владѣлъ какъ сочинителя, да рассказалъ бы кое-какія исторіи, въ своемъ родѣ *Мистѣръ де-Пари* вышло бы.

— Чтò вы! обнаружила крайнее любопытство Марья Ивановна.— Исторіи-то у васъ все про деньги да про дѣла.

— Деньги нынѣче, матушка Марья Ивановна, всѣмъ на свѣтѣ ворочаютъ, возразилъ Миловановъ.— Иной разъ такіе съ деньгами романы разыгрываются... Вотъ хоть бы этотъ самый князь Ретвизановъ. Вы корнета Хлестова не изволите знать?

— Нѣтъ, отвѣтила Марья Ивановна.

— А про актрису Подкорякову, въ опереткѣ, тоже не слыхали?

— Нѣтъ.

Миловановъ махнулъ по полу платочкомъ, какъ бы нерѣшаясь, рассказывать или нѣтъ.

— Ну что же? любопытствовала Марья Ивановна.

— Собственно сказать, дѣло это весьма тайное, но вѣдь и то правда что мнѣ кромѣ какъ съ благодѣльницами мими и поговорить-то по душѣ не съ кѣмъ, продолжалъ Миловановъ, сильно польщенный возбужденнымъ имъ вниманіемъ.— Исторія, изволите видѣть, характера самаго романческаго, такъ что хоть бы въ книгѣ напечатать. Надо вамъ знать что Подкорякова эта хоть и актриса, но происхожденія благороднаго и воспитаніе получила самое тонкое, а собой тоже весьма привлекательна. Видѣлъ я ее въ театрѣ, не скрою. Въ *Периколъ* играла, и вѣрите ли, какъ вышла это она, съ инструментомъ черезъ плечо, и костюмъ на ней какъ

бы уличной лѣвицы испанской, пестрый такой, и какъ онъ сдѣланъ, не разберешь... На головѣ шалочка-не шалочка, а точно конфетка какая. Плечи кругленькія, головка маленькая, а юбочка книзу-то все уже, уже. Вмѣсто того чтобы шире книзу-то, а у нея уже... ловко этакъ шельма!... Матушка Лариса Григорьевна, простите, слово-то сорвалось такое! вдругъ спохватилась Миловановъ и разомъ согнала съ лица расплывшуюся улыбку.—Кхе! я вѣдь и смотрѣть пошелъ собственно потому что къ дѣлу этому близокъ былъ, такъ любопытво.

— Ну ужъ, не оправдывайтесь, слышала я тоже про васъ еще въ Волчьемъ Долѣ! смисходительно замѣтила Марья Ивановна.

— Пустое, сударыня, болтали, лустое. А что къ красотѣ женской я всегда благоговѣніе имѣлъ, это правда. Такъ вѣдь и красота къ возвеличенію дѣлъ Создателя служить... продолжалъ Миловановъ.—Такъ вотъ-съ, между этою Подкорниковой и господиномъ Хлестовымъ любовь была. Люди молодые: чтò жь! Разумѣется, по строгости суда, преступно это; только вѣдь не они первые, не они послѣдніе. Слабы мы всѣ, кхе! А князь Ретвизановъ въ эту самую Подкорникову и влюбился. Ну, гдѣ жь ему противъ Хлестова! Тотъ молодой, изъ себя красивый, да бойкій такой. Однако князь тоже привыкъ эти дѣла дѣлать. Сообразилъ онъ что Хлестовъ лутается, потому денегъ большихъ ему отецъ не давалъ, и тутъ ловко подъ него подвелъ. Стали мы съ княземъ вексела его скулять, да этимъ способомъ такъ его сжали что онъ не то что изъ полка, а изъ Петербурга вылетѣлъ. Оно конечно... да вѣдь какъ такое дѣло разсудить? Хорошаго какъ будто мало, а съ другой стороны молодой человекъ еще больше запутался бы... а тутъ его придержали...

На возбужденномъ лицѣ Ларисы мелькнуло болѣзненное выраженіе.

— И чтò же? спросила она.

— А вотъ какъ Хлестова убрали съ дороги, дѣвушка-то видитъ что любовь у нихъ кончилась, посмотрѣла туда, сюда... Да какъ вамъ сказать? Привыкають вѣдь онъ тоже къ этому. Князь только того и ждалъ, и по сей день влюбленъ еще въ нее.

— Ну хорошъ вашъ князь, да и вы тоже! сказала съ тяжелымъ чувствомъ Марья Ивановна.

— А я чтò же? услужить хотѣлъ... произнесъ Миловановъ и какъ бы стыдливо встрахнулъ платочкомъ.

Лариса смотрѣла на него сжавъ на колѣнахъ руки и сблизивъ хмурыя брови.

— Напрасно вы выдали мнѣ этотъ секретъ, Илья Петровичъ, сказала она.—Достанется вамъ отъ Ретвизанова.

Миловановъ обомлѣлъ.

— Голубушка, Лариса Григорьевна, такъ неужто вы ему скажете? воскликнулъ онъ даже мѣняясь въ лицѣ.

— Очень можетъ быть: щадить не стану, отвѣтила она.

— Меня-то не станете? Вѣдь я, старый дуракъ, разболталъ въ простотѣ ума... Съѣсть онъ меня, ей Богу же съѣсть...

— Кто же виноватъ что вы такія подлости дѣлаете?

— Я-то? Лариса Григорьевна, что я такое предъ ними? Какой съ меня отвѣтъ можно требовать? Они вонъ гдѣ надо мной... продолжалъ Миловановъ, взмахнувъ къ потолку фуляркомъ.—Я только и могу что прислужиться. Самъ я развѣ эти дѣла завожу? Моя забота только чтобы не расточить, а приумножить. А какъ? что спросать, то и дѣлаешь. Около нихъ вѣдь кормишься, такъ ужъ что тутъ!

— Оставьте, перестаньте, слушать васъ гадко, съ безглазымъ нетерпѣніемъ сказала Лариса. — А вѣдь предъ всѣми будетъ виновата она, эта дѣвчонка, у которой „юлочка князу все уже“... Послушайте, Илья Петровичъ, если вы не хотите чтобы я васъ считала совершенною дрянью...

— Лара! остановила ее укоризненнымъ тономъ мать.

— Полноте, мама, что тутъ еще лгать! нетерпѣливо отозвалась Лариса и стремительно повернулась къ Милованову.— Я вамъ дамъ средство загладить эту гадость, слышите! Идите сейчасъ къ этой дѣвушкѣ, къ Подкорниковой, и расскажите ей всю исторію. Объясните ей почему ее бросилъ Хлестовъ и какую роль разыгралъ во всемъ этомъ Ретвизановъ. Чтобы она все узнала, всю эту подлую интригу. Вы лгали, Миловановъ? Я требую! Съ нея вы можете взять слово не выдавать васъ, а если вы не сдѣлаете, то я прямо скажу князю что узнала отъ васъ.

Миловановъ въ смятеніи махалъ платочкомъ и глядѣлъ умоляющими глазами на Марью Ивановну.

— Притѣсненіе... видитъ Богъ, притѣсненіе! бормоталъ онъ.—Благодѣтельница, Лариса Григорьевна, за что же старика погубить хотите? Я кажется вѣрой и правдой, сколько лѣтъ... маленькими еще на руки бралъ. И портретецъ вашъ что въ деревнѣ позабыли въ точности сохранилъ. Кажется

всѣмъ готовъ былъ. Ипполиту Сергѣевичу, какъ увѣжали, какихъ тогда коней заложилъ...

Лариса брезгливо отвернулась.

— Я хочу дать вамъ средство сколько-нибудь загладить скверное дѣло, поймите это, сказала она.— Мнѣ вѣдь не нужна ваша услуга, я могу другими путями объяснить этой несчастной дѣвушкѣ что вы съ ней сдѣлали. Но мнѣ изъ жалости къ вамъ хочется чтобы вы сами ей сказали, чтобы у васъ хватило мужества одинъ разъ поступить честно.

— Маль я, маль! чувствую что маль! лепеталъ Миловановъ, отрицательно махая платочкомъ.— Воля ваша, не могу, не отверзятся уста.

Бывшій управляющій сообразилъ очень вѣрно что если его выдастъ Лариса, то князь прогибается только за неосторожную болтовню, а если онъ исполнитъ ея приказаніе, то такой поступокъ будетъ приваѣтъ уже за явное предательство; и поэтому онъ благоразумно рѣшилъ изъ двухъ золъ выбрать меньшее...

— Вы отказываетесь? презрительно спросила Лариса.

— Радъ бы всею душой, но не могу: превышаетъ! отвѣтилъ Миловановъ и воздѣлъ руки, какъ бы изображая насколько требуемый отъ него подвигъ мужества не соответствуетъ его ничтожеству.— Истинно говорится: языкъ мой— врагъ мой.

И онъ сокрушенно вздохнулъ, опустилъ платокъ въ карманъ, склонилъ голову и не ступая, а чоклясь по ковру, подошелъ къ Марьѣ Ивановнѣ къ ручкѣ. Та по благодушію своему не отказала.

— Вы еще не знали какой она у меня стала порохъ, сказала она какъ бы нѣсколько извиняясь за дочь.

Миловановъ опять глубоко вздохнулъ, но къ Ларисѣ подойти не посмѣлъ, и только издали, сложивъ руки крылышками и подшаркнувъ ножкой, отдавалъ ей почтительный поклонъ.

Лариса не глядя на него присѣла къ письменному столу, взяла листокъ бумаги и написала нѣсколько строкъ къ Южатову.

— Можно, мама, послать съ кѣмъ-нибудь? спросила она и дернула за советку.

Марья Ивановна, не совсѣмъ довольная происшедшею сценой, смотрѣла на нее какъ бы вопросительными глазами.

— Охота тебѣ чужія дѣла къ сердцу принимать, сказала она.

Лариса съ утомленнымъ видомъ опустила на стулъ.

— Ахъ, опротивѣло мнѣ это... силъ больше нѣтъ... проговорила она, и вдругъ порывисто выпрямилась.

— Мама, развѣ можно такъ разсуждать? воскликнула она съ потемнѣвшими глазами.—Развѣ васъ не возмутило? Такъ почему же я должна... Помните, я весь прошлый годъ твердила что мнѣ стало все равно, что я деревянная... Это какалто болѣзнь на меня находила. Не такая я, прошло это...

Она вдругъ прижалась къ матери, пряча лицо.

— Мама, какъ же вы тогда не поняли, какъ вы могли поверить! прошептала она и вся затрепетала отъ охватившаго ея чувства слабости, сокрушенія и стыда.

XXII.

Южатовъ, нѣсколько удивленный полученною имъ запиской, пріѣхалъ на другой день къ Беклицевымъ.

— Мнѣ надо было васъ видѣть, я вспомнила ваше обѣщаніе, встрѣтила его Лариса,—вы не забыли нашъ разговоръ на раутѣ у Таисіи Ивановны?

— А вы помните? удивился Южатовъ.

— Мнѣ валомили, я узнала всю эту исторію, безсовѣстную, наглую... Вѣдь не можетъ быть чтобъ она любила Ретвизанова?

Южатовъ пожалъ плечами.

— Какая жь это любовь! сказалъ онъ.

— У нея былъ романъ съ какимъ-то Хлестовымъ. Ретвизановъ воспользовался тѣмъ что тотъ дѣлалъ долги, скупилъ его векселя и такимъ образомъ принудилъ его выйти изъ полка и уѣхать изъ Петербурга. Она безъ сомнѣнія ничего не подозреваетъ.

— Это очень возможно со стороны Ретвизанова, сказалъ Южатовъ.

— Я знаю это отъ того чѣмъ руками все дѣлалось, продолжала Лариса:—нашъ бывший управляющій, онъ тутъ теперь чѣмъ-то въ родѣ фактотума у разныхъ подобныхъ господъ. Вы часто видите эту Подкорякову?

— Нѣтъ, теперь я ее не вижу, отвѣтилъ Южатовъ, и его „тихіе“ глаза блеснули.

— Какая досада! воскликнула Лариса.—Почему?

— Разучился, усмѣхнулся Южатовъ.— Вѣдь смотрѣть и молчать, молчать до конца, пока все такъ пригладится что и сказать нечего будетъ—это тоже умѣть надо. А я вотъ глупость сдѣлалъ.

И онъ разказалъ о столкновеніи которое у него произошло съ Ретвизановымъ.

— Ужасно, ужасно это глупо вышло, потому что вѣдь я же въ концѣ концовъ виноваты оказался. Къ чему? люди сами себя обмануть хотятъ, потому что такъ веселѣе, ну и лускай. Какая ей польза знать что такое она для Ретвизанова? Она разсердилась на меня, очень понятно.

— Но вѣдь она такая молоденькая, и кто знаетъ почему она сбилась съ толку? Мнѣ отчего-то кажется что она совсѣмъ, совсѣмъ не такъ виновата. Во всякомъ случаѣ—Ретвизановъ, это ужасно. Я не могу перенести этой мысли. Знаете, мнѣ хочется... это не очень васъ удивить? Мнѣ хочется ее видѣть.

Южатовъ равнодушно улыбнулся.

— Нисколько не удивляюсь, но не совѣтую. Однимъ разочарованіемъ больше будетъ, вотъ и все, сказалъ онъ.

— Вы о ней такого дурнаго мнѣнія? Изъ вашихъ словъ тогда на раутѣ я напротивъ замѣтила что вы относитесь къ ней съ большимъ участіемъ, и именно вы сами виноваты что я съ тѣхъ поръ все думала о ней... сказала Лариса.

Южатовъ въ затрудненіи повелъ глазами.

— Какого я о ней мнѣнія? повторилъ онъ, вопросъ.— Вотъ это ужасно трудно сказать. Люди такіе странные стали. Зло сдѣлалось такъ откровенно что начинаешь спрашивать себя: ладно, дѣйствительно ли это зло? Вѣдь дурное скрываютъ, а что выражаютъ вслухъ того не считаютъ дурнымъ. А если не считают, если въ огромной массѣ умовъ произошла перестановка всѣхъ понятій, то какъ же судить? И какъ имѣть смѣлость сказать что я одинъ сохранилъ чистоту мысли и нравственнаго чувства? Можетъ-быть а просто не понялъ совершившейся революціи, какъ французскіе Бурбоны.

Онъ вопросительно взглянулъ на Ларису, какъ будто ожидая ея помощи. Она молчала.

— Я знаю, напримѣръ, многіе удивляются что часто видятъ меня съ барономъ Клейномъ, продолжалъ Южатовъ.

У него дурная репутація. Это больше отъ того что онъ откровененъ: сдѣлаетъ какую-нибудь гадость и самъ мнѣ разкажетъ. Я чѣмъ угодно отвѣчаю что иныхъ гадостей онъ даже не сознаетъ совсѣмъ, а про другія прямо говорить: да кто теперь на это смотритъ? Вѣдь и тотъ, и другой, и третій чортъ знаетъ что дѣлаютъ и ничего—всѣ имъ руки жмутъ, да еще умными людьми считаютъ: умѣютъ молъ устроиться. А женщины такихъ ужасно любятъ.

— Какія же женщины! воскликнула Лариса.

— Да обыкновенныя. Вѣдь кто не брезгливъ и не останавливается предъ разными нравственными соображеніями, которыя впрочемъ для большинства очень спорными стали, тотъ всегда будетъ имѣть больше успѣха въ жизни. А успѣхъ—это все. Успѣхъ выше таланта, выше правды, выше души. Имѣть успѣхъ значитъ стать героемъ. А женщины всегда принадлежали героямъ.

— Какая безотрадная философія! сказала Лариса.—Но развѣ можно быть правымъ и не сознавать этого? Полноте, Юрій Николаевичъ, не приводите меня въ отчаяніе. Я увѣрена что люди не такъ гадки какъ вамъ кажется. Мнѣ хочется произвести маленькій бунтъ. Возьметесь исполнить мою просьбу? Повидайтесь съ этою Подкоряковой и сообщите ей то что я вамъ рассказала.

Южатовъ пожалъ плечами.

— Если вы требуете, я исполню, отвѣтилъ онъ.

— Какимъ тономъ вы это говорите! улыбнулась Лариса,—какъ будто вы не чувствуете наслажденія испортить немножко благополучіе князя Роро, пріобрѣтенное такими милыми способами...

— Очень опасное наслажденіе, потому что оно развиваетъ аллетитъ борьбы, а для борьбы я не гожусь. Да и вы не годитесь, добавилъ онъ тоже съ улыбкой.

— Борьба слишкомъ громкое слово, возразила Лариса;—но быть самою собой, любить то что любишь и ненавидѣть что ненавистно, развѣ это такъ трудно? Во всякомъ случаѣ сдѣлайте непремѣнно о чемъ я васъ прошу. Обѣщаете?

И она протянула ему руку. Южатовъ далъ слово.

— А все-таки это не нужно, сказалъ онъ чрезъ минуту.—Люди по большей части живутъ среди призраковъ, и каждый создаетъ себѣ именно такіе призраки какіе ему нравятся. Съ какой стати разрушать ихъ? Мнѣ даже кажется что когда

человѣкъ добровольно бросается съ моста въ воду, очень глупо дѣлають тѣ которые кидаются спасать его. Я бы не выдавалъ за это медалей. Хотите топиться—значить ему такъ лучше. Вѣдь вытаскивая вы не избавите его отъ того что заставило его кинуться въ воду. Вотъ если кто столкнетъ кого—тогда другое дѣло. А впрочемъ и тутъ много стараться не стоить.

— Что вы такое наконецъ говорите! прервала его Лариса.

— То-есть я хочу сказать что можно кое-кому помочь и хорошо когда поможешь, но общаго закона жизни не измѣнить, а этотъ законъ такой что для счастья одного требуется пожертвованіе другими, объяснил Южатовъ.—Люди сбились въ такую тѣсную кучу что пустыхъ мѣстъ больше нѣтъ, чтобы протискаться впередъ надо раздавить кого-нибудь.

Лариса покачала головой.

— Я не знала что вы такой пессимистъ, сказала она.

— Мнѣ кажется что я скорѣе просто... натуралистъ, возразилъ Южатовъ.—Я наблюдаю естественную исторію человѣка. Теперь это какъ будто ново, а современемъ вся философія обратится къ этой наукѣ. Вѣдь *духъ* все болѣе упраздняется, слѣдовательно остаются только задачи физиологии и естествознанія. Я эту точку зрѣнія уже установилъ въ себѣ. Но не въ этомъ дѣло. Главное что счастье требуетъ жертвы на каждомъ шагѣ; вы видите какъ жизнь затягивается въ такіе узлы въ которыхъ кто-нибудь долженъ найти себѣ петлю для того чтобы другой вынулъ счастливый фантъ. Вотъ и на вашихъ глазахъ, подлѣ васъ, одинъ такой узелъ затанулса...

Богъ вѣсть почему Лариса неволью вздрогнула при этихъ неожиданныхъ словахъ.

— Что вы хотите сказать? спросила она.

— Вы конечно знаете исторію Пахтаева и Мше Луховецкой, отвѣтилъ Южатовъ.—Она уже разошлась съ мужемъ, и понятно съ какою цѣлью. А вѣдь тутъ жертва есть. У Пахтаева семья.

Южатовъ былъ убѣжденъ что Лариса все это знаетъ; поэтому онъ очень удивился, замѣтивъ по выраженію ея лица какъ будто она ничего не понимаетъ. Для нея дѣйствительно это было новостью. Она что-то слышала объ интригѣ Пахтаева и о неладахъ съ женой, но не интересуясь этимъ, не могла даже сразу припомнить.

— Неужели я сдѣлалъ нескромность? смутился Южатовъ.— Впрочемъ, объ этомъ толкуеть весь городъ, и все равно до васъ дошло бы. Я заговорилъ только потому что мнѣ представился такой близкій примѣръ. Жертва готовая, даже не одна.

— Вы знаете эту Луховецкую? Я никогда не видала ее, сказала Лариса, и припоминая недавнее знакомство съ Антониной Павловной, подумала какъ трудно представить ее себѣ въ роли жертвы.

— Тоже очень странная женщина... отвѣтилъ Южатовъ.— Она была не совсѣмъ счастлива съ мужемъ, онъ совершенная дрянь. Кажется, она вышла за него только потому что очень тяжело было жить съ отцомъ. И сразу началось фальшивое положеніе: она красивая, самлюбивая, не глухая, а онъ совсѣмъ чортъ знаетъ что такое. Ни положенія, ни средствъ, ни домашнего счастья... Какъ обыкновенно, начались романы. Пахтаевъ—это вѣдь второй уже. Теперь обстоятельства мѣняются: Луховецкая прогнала мужа, и безъ сомнѣнія потому что Пахтаевъ также разчитываетъ приобрести свободу. Но вѣдь надо пожертвовать женой. Чтобы сласти одну жертву нужна другая. А сколько теперь такихъ разрывовъ и сочетаній! И вездѣ драма, нѣсколько драмъ...

Выраженіе лица Ларисы дѣлалось все серіознѣе, въ немъ приступило что-то страдающее. Тонкая блѣдная рука ея вертѣла черепашковый ножикъ который она вынула изъ книги.

— Люди платятся за свои собственные ошибки... сказала она, и рѣсницы ея замѣтно дрогнули.

— Вотъ научите же ихъ не дѣлать ошибокъ, пожалъ плечами Южатовъ.— Или рѣшите что долженъ дѣлать Пахтаевъ?

Лариса молча глядѣла на пестрый узоръ ковра, и въ глазахъ ея сияла темная и печальная глубина.

— Онъ любитъ? спросила она чрезъ минуту.

— Повидимому... а Впрочемъ это слово сдѣлалось такъ неопредѣленно, отвѣтилъ Южатовъ.

— Если любитъ, тогда легко рѣшить... любовь сама рѣшить... сказала Лариса, и рѣсницы ея опять дрогнули и опущенные глаза стали еще темнѣе.

Въ эту минуту въ дверяхъ появился слуга и доложилъ что Леонидъ Сергѣевичъ спрашиваетъ можно ли придти съ княземъ Ретвизановымъ.

Лариса вслыхнула. Она уже предупредила мужа что не хочет принимать Роро, и въ послѣднее время князь, бывая у нихъ въ домѣ, обыкновенно не переступалъ предѣловъ кабинета. Первымъ движеніемъ Ларисы было отказать. Еслибъ она была одна, она бы такъ и сдѣлала. Но и мужъ, и Роро вѣроятно знали что у нея Южатовъ. Выходило неловко, и можетъ-быть со стороны Бекашцева былъ даже расчетъ на эту неловкость. Лариса, подчиняясь, приказала просить. Но ея лицо приняло такое холодное, гордое выраженіе что Южатовъ невольно и какъ бы радостно усмѣхнулся...

XXIII.

Бекашцевъ дѣйствительно схитрилъ. Онъ замѣчалъ что Роро обижаютъ, а въ настоящее время ему болѣе чѣмъ когда-нибудь казалось важнымъ имѣть его на своей сторонѣ, и на это было нѣсколько причинъ. Прежде всего неприятная исторія съ Пахтаевымъ его серьезно озабочивала. Пожалуй въ самомъ дѣлѣ не избѣжать процесса, а скандалъ долженъ сильно поколебать его шансы. Потомъ этотъ благотворительный базаръ, отъ котораго такъ много зависѣло. Лариса такъ неслозвительно держала себя на послѣднемъ раутѣ у Таисіи Ивановны что не только не поддержала его политическое положеніе, а напротивъ чуть ли не уронила; ему казалось что могущественная княгиня стала даже невнимательна къ нему съ того вечера. Не далѣе какъ вчера тапан сообщила неприятную подробность. Княгиня была у нея и завела рѣчь о базарѣ. Таисія Ивановна имѣла тайную надежду что у нея попросятъ помѣщеніе; въ прежніе годы такъ бывало. Тогда она становилась бы почти распорядительницей. Но оказалось что базаръ будетъ въ новомъ великолѣпномъ домѣ самой княгини. И это еще не все. Когда разговоръ коснулся выбора дамъ-продавицъ, Таисія Ивановна очень ловко, такимъ тономъ какъ будто это само собою разумѣется, назвала свою невестку. Княгиня сдѣлала видъ будто не обратила вниманія. Таисія Ивановна повторила. Брови княгини приподнялись съ выраженіемъ нѣкотораго недоумѣнія.

— Но я не имѣю удовольствія ее знать, сказала она по-французски.

Таисія Ивановна напомнила что невестка была представлена ей у нея на раутѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? но я не замѣтила, не помню... отвѣтила княгиня и перешла къ другимъ.

Это равнялось большой, очень большой неудачѣ. А время было чрезвычайно важное. Нѣчто опредѣленное, уже совсѣмъ выяснившееся, окончательно одолевало. Неясность положенія уступало мѣсто спокойной увѣренности, почва твердела. Самый осторожный и беззаботный человѣкъ не могъ сомнѣваться гдѣ помѣстилась власть. Не было надобности въ Ньютоу и Кеплеру чтобъ объяснить механику планетъ и созвзздій петербургскаго горизонта. Беклицеву казалось что настало такое время когда можно идти зажмуря глаза, когда даже слѣпой не собьется съ дороги. И что до него лично касается, онъ шелъ совершенно твердо, предоставляя нести себя двумъ могущественнымъ теченіямъ. Онъ даже сдѣлалъ нѣчто рискованное. Въ одномъ интимномъ разговорѣ онъ выразился что никто не знаетъ что будетъ завтра, и выразился такимъ тономъ который давалъ подозрѣвать что онъ въ сущности ничѣмъ не связанъ, что онъ смотритъ на вопросъ долга и убѣжденія очень свободно. Онъ чувствовалъ что это его подвинуло, дадо ему шагъ впередъ предъ другими. Роро, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, взглянулъ на него проникательно и какъ бы весело... Роро былъ вездѣ свой человѣкъ. Не занимая слишкомъ опредѣленнаго положенія, щеголяя иногда какъ бы даже шутовскою ролью, онъ могъ помочь и повредить. Съ нимъ во что бы то ни стало слѣдовало сохранить самыя дружескія отношенія. Поэтому Беклицевъ рѣшился переломить непонятную антипатію жены, и узнавъ что у нея Южатовъ, счелъ случай очень удобнымъ чтобы ввести къ ней Роро.

— Ревнивецъ, вѣдь онъ меня цѣлый мѣсяцъ не пускалъ къ вамъ, все сочинялъ что вамъ нездоровится, или дома нѣтъ, весело заговорилъ Роро, входя съ присущимъ ему скрипомъ и звономъ въ будуаръ и почти насильно поднося къ губамъ руку Ларисы.

— Вѣчный шутикъ! сказалъ Беклицевъ, тоже болѣе обыкновеннаго звеня шпорами, какъ будто нарочно хотѣлъ сдѣлать больше шуму. Онъ шелъ въ ногу, слегка пристукивая каблуками, и даже плечами какъ-то двигалъ, точно выражая и этимъ шумомъ, и этою походкой что вотъ они пришли, и сами знаютъ какіе они молодцы, и какъ должно быть весело и оживленно когда они такъ входятъ.

Лариса предложила състь, и послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ фразъ обратилась къ Южатову.

— Помните же, Юрій Николаевичъ, что вы обѣщали непременно исполнить мою просьбу, сказала она, какъ бы продолжая прерванный разговоръ.

— Я исполню, отвѣтилъ Южатовъ.

— И скоро? когда?

— Сегодня же.

— Мерси. И пожалуйста не такъ равнодушно какъ вы привыкли, положите немножко души въ это маленькое порученіе. Вы видите что оно меня очень занимаетъ.

— А вотъ меня вы никогда не удостоиваете никакимъ порученіемъ, шутливо сказалъ Роро,—тогда какъ это въ нѣкоторомъ родѣ моя специальность. Я всю жизнь только и дѣлалъ серьезнаго что служилъ дамамъ.

— Не имѣю никакого права обращаться къ вамъ съ порученіями, князь, отвѣтила Лариса, мелькомъ скользявъ по нему взглядомъ.

Роро оперся рукой въ бедро и слегка покачался на стулѣ; у него какъ и у Беклицева начинала проявляться потребность выразить во всѣхъ движеніяхъ какъ можно больше самоувѣренной развязности.

— Я всегда уважаю превосходство правъ, сказалъ онъ и какъ бы комически наклонилъ голову въ сторону Южатова.

— Въ настоящемъ случаѣ преимущество Юрія Николаевича заключается въ томъ что онъ можетъ исполнить мое порученіе, а вы не могли бы, отвѣтила Лариса.

Роро, повернувшись къ Беклицеву, замѣтилъ тѣмъ же шутливымъ тономъ:

— Здѣсь особенную ликантность имѣетъ выраженіе: „въ настоящемъ случаѣ“! Предполагается что въ остальныхъ преимущества Мг Южатова гораздо серьезнѣе. Я склоняюсь.

И онъ слегка захохоталъ, щуря свои красныя и мокрыя вѣки.

Беклицевъ тоже сдѣлалъ видъ что ему хочется смѣяться.

— Я ужасно люблю видѣть васъ съ женой: вы вѣчно между собой ликуете, сказалъ онъ и бросилъ на Ларису многозначительный взглядъ.

Но взглядъ этотъ пропалъ даромъ: Лариса уже снова повернулась къ Южатову и возвращаясь къ прежнему разговору сказала:

— Ваша теорія меня положительно безпокоитъ; мнѣ бы хотѣлось найти опроверженіе...

И въ теченіе нѣсколькихъ минутъ между ними продолжался споръ, во время котораго Бекащевъ нервно подергивалъ плечами и постукивалъ шпорами, а Роро, то наклоняясь, то откидываясь на спинку стула, щурился и дѣлалъ видъ что съ большимъ интересомъ слушаетъ.

Бекащевъ наконецъ не выдержалъ и воспользовавшись короткою паузою сказалъ:

— Ну, это все философія; попроси лучше князя разказать какой великолѣпный базаръ устраиваетъ на той недѣлѣ княгиня Боярская.

— Ничто дѣйствительно колоссальное! тотчасъ отозвался Роро.—Представьте себѣ что оба этажа ея дома цѣликомъ будутъ отведены для базара. Гостиныя со всею обстановкою будутъ открыты для публики—развѣ только ковры снимутъ чтобы не затоптали. Продавать будутъ разумѣется всѣ наши дамы, вся *fine-фенг* большого свѣта.

— Это очень интересно, сказала до комичности безразличнымъ тономъ Лариса.

— Вы разумѣется тоже! утвердительно добавилъ Роро.— Вамъ надо взять мѣсто въ буфетѣ, такъ какъ тамъ будутъ самыя молодыя и красивыя изъ нашихъ дамъ.

— Я не буду, вскользь отвѣтила Лариса и снова обратилась къ Южатову.

Бекащевъ не выдержалъ и тотчасъ перебилъ ее:

— Но тамъ надо быть! Это не возможно что ты вдругъ вздумала залереться и кромѣ театровъ никуда не выѣзжать! сказалъ онъ съ худо скрытою досадою.—Ты и такъ виновата предъ княгиней что до сихъ поръ не была у нея.

Лариса спокойно взглянула на мужа.

— Ты знаешь что я не дѣлаю новыхъ знакомствъ, возразила она.

— И даже старыхъ не умѣешь поддержать, тономъ упрека добавилъ Бекащевъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, васъ такъ рѣдко видятъ; вы лишаете общество одного изъ лучшихъ его украшеній, сказалъ Роро.

Лариса не взглянула на него, только немножко повернула къ нему лицо.

— Вы второй разъ уже, князь, говорите мнѣ комплименты; а ихъ не люблю, сказала она.

Сухость этого отвѣта была такъ выразительна что Роро вспыхнулъ. Но онъ призвалъ на помощь всю свою самоуверенность.

— Какъ вы могли принять за комплиментъ такіа искреннія слова! воскликнулъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ я попрошу васъ быть со мною мнѣ искреннимъ, отвѣтила Лариса.

Беклицевъ то игралъ аксельбантомъ, то кусалъ ногти. При послѣднихъ словахъ жены онъ напряженно расхохотался.

— Знаете, князь, я просто не узнаю ее, она сдѣлалась невѣроятно зла; вы не можете себѣ представить что отъ нея достается всѣмъ! сказалъ онъ со смѣхомъ.

— Всѣмъ? подчеркнул Роро.

— Начиная съ меня самого. Скажи пожалуйста, это на тебя надолго находить?

— Ну, милѣйшій, вамъ по дѣломъ, потому что вы мужъ, а мужъ всегда виноватъ въ дурномъ расположеніи духа жены, сказалъ съ натянутою развязностью Роро и взялся за фуражку. Узенькіе глаза его были совсѣмъ зеленые отъ злости.

Беклицевъ, провожая его, все пожималъ плечами, стараясь дѣлать видъ будто самъ не понимаетъ что такое съ женой.

— А между тѣмъ ей положительно слѣдовало бы быть на базарѣ, сказалъ онъ.—Да она будетъ, невозможно же отказаться если княгиня пригласить. А впрочемъ жену телерь такъ мало видать, она такъ улорно скрывается что ее и забыть могутъ. Было бѣ очень жаль еслибъ ей въ самомъ дѣлѣ забыли прислать приглашеніе. Вы не знаете?..

— Мм!.. не знаю... очень, очень можетъ быть что забудутъ, отвѣтилъ небрежно Роро.

Беклицева передернуло.

— Надо немощко растормозить жену, сказалъ онъ.—И для этого очень простое средство есть: я на дняхъ самъ устрою маленькій балъ.

— А! протянулъ Роро.—Но знаете, вѣдь это нѣсколько рискованное средство: такъ какъ Лариса Григорьевна сама ни гдѣ не бываетъ, то пожалуй многіе не придутъ. Это выйдетъ печально! А впрочемъ, какъ знаете, mon cher.

И онъ торопливоложилъ руку. Но въ передней онъ на минуту остановился и добавилъ по-французски:

— Знаете почему а между прочимъ не совѣтовалъ бы вамъ? Между нами говоря, въ обществѣ ходятъ такіе странные слухи насчетъ Пахтаева... мнѣ кажется, лучше бы дать забыть объ этомъ, привыкнуть. Разказываютъ Богъ знаетъ что, о какой-то' обольщенной дѣвушкѣ, о какомъ-то векселѣ, и будто дѣло поступило въ судъ.

— Какое же мнѣ дѣло еслибы даже Пахтаевъ дѣйствительно компрометтировалъ себя? возразилъ Бекащевъ, лоявъ что Роро теперь первый будетъ вездѣ распускать изъ-подъ руки самые скверные слухи.

— Родственникъ, mon chér, родственникъ! отвѣтилъ какъ бы тономъ соболѣзнованія Ретвизановъ. — Вы знаете какъ у насъ боятся этихъ судовъ. И въ самомъ дѣлѣ, вдругъ напечатываютъ во всѣхъ газетахъ: „свидѣтель такой-то показалъ что въ домѣ у Бекащевыхъ встрѣчался съ графиней' такой-то и слышалъ какъ она говорила то-то и то-то“... Представьте себѣ, положеніе этой графини! Вѣдь у насъ фамиліи печатаются en toutes lettres. И притомъ какой-нибудь прокуроръ или адвокатъ могутъ потребовать чтобы вызвали свидѣтелями кого угодно. И непременно потребуютъ, потому что процессъ dans le grand monde, это ликантно. Нѣтъ, по моему, лучше переждать и пока поменьше наломивать о себѣ. Я теперь отдаю справедливость Ларисѣ Григорьевнѣ; а понимаю почему она не хочетъ выставляться. Это очень, очень благоразумно.

Бекащевъ все больше блѣднѣлъ. Онъ понималъ что Ретвизановъ все это говоритъ потому что разошлся, что все это онъ придумалъ сейчасъ тутъ же въ передней. Но эту импровизацію онъ немедленно пустить въ ходъ, не исключая и коварнаго соображенія почему Лариса такъ мало показывается въ свѣтѣ.

Онъ сдѣлалъ надъ собою чрезвычайное усиліе.

— Все это доказываетъ что я непременно долженъ дать балъ и положить конецъ подобнымъ слухамъ, сказалъ онъ съ дѣланною улыбкой. — Кто не прѣдетъ — какъ ему угодно, но по крайней мѣрѣ я буду знать своихъ друзей.

Роро, уже въ шивеліи и фуражкѣ, сдѣлалъ замысловатое лицо и близко наклонился къ Бекащеву:

— Знать друзей необходимо, но не слѣдуетъ обнаруживать число ихъ предъ нашими врагами, сказалъ онъ, прищуриваясь и мигая.

XXIV.

Беклицевъ и этотъ намекъ поправлялъ. Въ немъ заключалось угрожающее предсказаніе. Роро очевидно ручался за успѣхъ своей пропаганды. И онъ успѣеть...

Большими шагами, смущенный и злой, Беклицевъ ходилъ изъ угла въ уголъ по кабинету. Онъ не привыкъ къ неудачамъ. Въ первый разъ въ жизни на большой и ровной дорогѣ на которую онъ ступилъ прямо со скамьи Пажескаго корпуса встрѣтилось препятствіе. И какое глупое препятствіе! Неудовимое, неосязаемое, почти неловчатое. Жена не желаетъ поддержать его общественныхъ отношеній. Почему? во имя чего? развѣ кругъ въ который онъ ее ввелъ былъ ниже среды изъ которой онъ ее взялъ? развѣ онъ заставлялъ ее водиться съ какими-нибудь разночинцами, съ дамами не имѣющими положенія? Онъ въ этой сферѣ былъ всегда выше ея. У нея сохранились какія-то глупыя связи съ этимъ несноснымъ Зимовьевымъ, который ни въсть что о себѣ думаетъ, тогда какъ ему даже губернаторскаго мѣста теперь не дадутъ, или съ этимъ старымъ дырявымъ мѣшкомъ княземъ Ладожскимъ котораго просто-на-просто выгнали изъ службы. А у него, у Беклицева, всѣ отношенія были въ высшемъ обществѣ, онъ еще на школьной скамьѣ ловилъ относительную цѣнность людей и положеній. И вдругъ жена дѣлаетъ видъ что этотъ кругъ не достоинъ ея.

Вообще все это ужасно глупо. Онъ женился въ высшей степени благоразумно. За Ларисой большія деньги, она замѣчательно хороша собой и воспитана... воспитана положимъ не по-петербургски, но все-таки недурно. Въ ней вѣтъ этого... чего-то особеннаго, пріобрѣтаемаго постояннымъ обращеніемъ въ тѣсномъ кругу high life, но это еще могло явиться. И между тѣмъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ резонабельный бракъ губилъ его. Замѣшалось что-то постороннее, какая-то невѣдомая сила съ которой надо считаться.

Что это за сила? Беклицевъ не понималъ. Наибольшую правдоподобность представляло предположеніе что у жены сохранилась какая-то романтическая любовь которую она скрываетъ выходя за него замужъ. Ея странная слеза надъ тай-

ответными письмами подтверждали догадку. Но кто же? Зимовьевъ? Да, больше никому быть. Ясно что она любила Зимовьева, но предпочла выйти за Беклицева чтобы не уступить блестящей партіи. Но если такъ, то она должна по крайней мѣрѣ стать на высотѣ положенія которымъ ему обязана.

Во всякомъ случаѣ это надо переломить. Обстоятельства складывались такъ серьезно что онъ не могъ уступать романтическому калрису. Онъ прошелъ въ комнату жены.

— Скажи пожалуйста, для чего тебѣ надо было окончательно вооружить противъ себя Ретвизанова? Онъ ушелъ въ бѣшенствѣ и теперь одѣлается злѣйшимъ нашимъ врагомъ, сказалъ онъ довольно сдержанно.

— Я тебя предупреждала что не желаю его видѣть у себя, отвѣтила Лариса.

— Но вѣдь нельзя такъ желать или не желать когда дѣло идетъ о человѣкѣ всюду принятомъ и такомъ вліятельномъ!

Лариса вопросительно взглянула на мужа.

— Мнѣ кажется, ты могъ бы не нуждаться въ покровительствѣ подобныхъ людей, сказала она.—Еслибы ты былъ ничтожный бѣдный чиновникъ, я еще могла бы понять; но вѣдь ты поставленъ совершенно независимо.

— Ты думаешь? Вотъ въ томъ-то и дѣло что ты очень ошибаешься. Тутъ не покровительства ищутъ, а поддержанія взаимныхъ отношеній. Ретвизановъ не одинъ, ихъ тысяча—и всѣ держатся взаимными связями. Потеряй я эти связи, и завтра же обращусь въ ничто. Ты думаешь богатство само по себѣ что-нибудь значить? Вѣдь вотъ и Зимовьевъ богатъ, а что онъ такое? Отставной статскій совѣтникъ и можетъ быть земскій гласный или предводитель дворянства... Меньше чѣмъ старый Ладожскій: у того хоть титулъ остался.

Въ глазахъ Ларисы отразилось что-то мучительное. Она не злилась, она терзалась. Еслибы мужъ высказалъ все это сгорая, со злобы, съ желаніемъ оскорбить ее, она тоже вслыхнула бы и наговорила бы ему рѣзкостей. Но въ его словахъ звучала такая искренность, такая невозможность никакой другой точки зрѣнія, онъ такъ убѣжденно былъ правъ и такъ чистосердечно сокрушался что Лариса испытывала тулое, бессильное отчаяніе.

— Леонидъ, ты вѣрно не знаешь что такое Ретвизановъ; но мнѣ о немъ такіа мерзости передавали... сказала она,

чувствуя припадокъ какой-то тоскливой жалости и къ себѣ, и къ мужу.

И она, волнуясь, рассказала ему все что знала: и про комедию фальшиваго разоренья, и про Хлестова, и про Желчку Подкорникову. Беклицевъ слушалъ съ большимъ любопытствомъ, но въ заключеніе только подвѣвалъ брови.

— Ну и что жь изъ всего этого слѣдуетъ? Что мы съ тобой за цензоры нравовъ? возразилъ онъ.—Что Роро умѣлъ что-то выпросить себѣ... экая важность! у насъ кто богаче тотъ и жаднѣе. Или что онъ завелъ цитрижку съ какою-то актрисой и подставилъ ногу мальчишкѣ гусару... Ты совсѣмъ дитя, въ тебѣ провинція сидитъ. Это конечно дѣлаетъ тебѣ честь что ты такая ригористка, но повѣрь что съ этимъ невозможно выступать. Вотъ еслибы Ретвизанова къ суду притянули, или Хлестовъ далъ бы ему пощечину, тогда другое дѣло. А ты знаешь что мой beau-frère Пахтаевъ сдѣлалъ? Никакого мошенничества, просто неосторожность или несчастіе, а ему предстоитъ скандалъ, такой скандалъ съ которымъ вся его карьера рухнетъ и который даже на мнѣ отразится если не удастся предупредить его. Ты слышала что-нибудь?

— Да, что-то такое...

— Это ужасно, въ самомъ дѣлѣ ужасно. И вотъ поэтому твое обращеніе съ Ретвизановымъ просто возмутительно. Я можетъ-быть больше чѣмъ когда-нибудь нуждаюсь въ друзьяхъ, а ты дѣлаешь ихъ моими врагами.

Лариса опять вопросительно взглянула на него.

— Мнѣ кажется, это двѣ совершенно различныя вещи, сказала она.— Можно Богъ знаетъ съ кѣмъ встрѣчаться въ свѣтѣ, но быть близкимъ другомъ князя Ретвизанова, требовать чтобъ я отвѣчала любезностью на его ухаживанье... а этого представить себѣ не могу! Знаешь, Леонидъ, есть вещи которыхъ мы очевидно не поймемъ другъ въ другъ. Но мы можемъ предоставить себѣ взаимно маленькую нравственную свободу. Ты дорожишь своими отношеніями въ свѣтѣ, у тебя тамъ есть интересы... мнѣ этотъ свѣтъ, эти люди, эта жизнь нестерлимы, а эти интересы неопытны. Предоставь мнѣ быть въ сторонѣ, а больше ничего не требую.

Беклицевъ, спокойно поправляя усы.

— Но вѣдь это фразы! сказалъ онъ.—Ты молодая женщина, о насъ чортъ знаетъ что подумаютъ если ты будешь какою-то затворницей сидѣть.

— Кто подумаетъ! пожалала плечами Лариса.

— Наконецъ всѣ замѣтатъ что ты какъ будто презираешь ихъ, нарочно удаляешься... Этого не простятъ ни тебѣ, ни мнѣ. И можешь быть увѣрена что очень скоро догадаются о настоящей причинѣ и не пощадятъ.

— О какой причинѣ? не поняла Лариса.

Бекаищевъ, при этой необходимости назвать по имени то что онъ считалъ такимъ оскорбительнымъ для своего самолюбія, покраснѣлъ.

— Вотъ о той причинѣ надъ которой вы плакали... сказалъ онъ, бросивъ вслыхнувшій взглядъ на шкатулку.

Лариса посмотрѣла по направленію его взгляда и разсмѣялась.

— Опять воскликнула она.—Успокойся, пожалуйста, тутъ нѣтъ и тѣни того что ты подозреваешь. Это письма къ моему покойному отцу, отъ лицъ которыхъ я не знаю даже имени. Если ты меня засталъ въ слезахъ надъ ними, то потому что... это письма отъ тѣхъ которыхъ онъ любилъ. Я бы объяснила это тебѣ тогда же еслибы ты... иначе обнаружилъ свое любопытство.

Бекаищевъ помолчалъ, какъ бы не совсѣмъ довѣря, потомъ нагнулся и поцѣловалъ жемъ руку. Но выраженіе лица его оставалось озабоченное и разсѣянное.

— Главное впрочемъ не въ этомъ, главное... вотъ что: мнѣ необходимо дать балъ, и большой, и въ самомъ скоромъ времени! сказалъ онъ, вкладывая руки въ рукава, какъ будто ему стало холодно.—Мнѣ надо собрать, соединить все наше общество и показать что я вниманія не обращаю на всѣ эти глупые толки. Пусть видятъ что мы живемъ открыто... что у насъ собираются... И Нина тоже будетъ, и Пахтаевъ... это положить конецъ! Ты вѣдь позволишь, не правда ли? У насъ до сихъ поръ не было большого бала, а сезонъ ужъ кончается, и это будетъ послѣдній въ нынѣшнюю зиму.

Глаза и уголки губъ Ларисы выразили досаду.

— Ты непременно хочешь? но вѣдь это такъ скучно... я должна буду сдѣлать тысячу визитовъ... проговорила она.

— Что тебѣ стѣитъ! ты не можешь себѣ представить какъ это важно! убѣждалъ Бекаищевъ.

Лариса пожала плечами.

— Если это такъ нужно, пусть будетъ балъ! согласилась она.

Беклицевъ оживился, всталъ, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ. Онъ очевидно находился въ сильномъ волненіи.

— Я докажу что балъ удастся, что всё прійдутъ... продолжая онъ, возбужденно двигая плечами и руками. Я имъ нуженъ, они те посмѣютъ. Имъ тоже важно чтобъ я былъ на ихъ сторонѣ. У меня связи, има... богатство... это вѣдь поддержать ихъ! Беклицева можно выставить... Беклицевъ что-нибудь значить... Кто у нихъ? на половину выскочки, случайные люди. Какой-то Безбѣдный... Когда же прежде что-нибудь давали такимъ людямъ?

Лариса, привыкшая видѣть мужа такимъ сдержаннымъ, облаченнымъ не то въ придворную, не то въ дипломатическую непроницаемость, слѣдила за нимъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Какъ ты волнуешься! сказала она.—Ты такъ честолюбивъ?

Онъ глядѣлъ мимо нея и кусалъ ногти.

— Ты не понимаешь въ какую минуту мы живемъ, отвѣтилъ онъ,—это одна изъ тѣхъ минутъ когда можно разомъ достигнуть того на что обыкновенно нужны десятки лѣтъ.

Онъ подошелъ къ зеркалу и съ минуту стоялъ предъ нимъ, сосредоточенно вглядываясь, потягивая плечами и шеей, втягивая движеніемъ тѣла раслуцанный по груди аксельбантъ.

— Дѣйствовать, дѣйствовать надо! вдругъ произнесъ онъ, круто повернувшись на каблукахъ, и вышелъ изъ комнаты, высоко поднявъ голову.

Лариса осталась одна. Недоумѣвающее выраженіе понемногу сбѣжало съ ея лица; въ сжатыхъ безъ улыбки губахъ, въ глазахъ потерявшихъ прозрачность, въ нехорошей складкѣ прорѣзавшейся между сдвинутыми бровями, залегло что-то томительное, какъ безысходная печаль. Она поставила оба локтя на столикъ, и залустивъ пальцы въ густую и мягкую массу небрежно зачесанныхъ волосъ, сжала ладонями виски и олустила вѣки. Она не думала, а какъ бы только переживала подвѣшную въ умѣ тоскливую сумятицу неотвязныхъ, неразрѣшимыхъ, безжалостныхъ мыслей. Нѣсколько минутъ она оставалась въ этомъ положеніи, потомъ нетер-

лѣливо откинулась на подушку дивана, уронила руки на колѣна и раскрыла большіе, сивѣвшіе темнымъ блескомъ глаза. Эти глаза спрашивали. И все о чемъ она думала, что наполняло ее безысходною печалью и мукой безсильнаго стремленія, все выразилось въ одномъ вопросѣ: „Какъ же дальше?“

Вопросъ совсѣмъ не новый. Когда она разговаривала съ мужемъ, ей казалось что она уже слышала каждое его слово, и что повторенное опять, оно только больше царяло уже растравленную рану. Да и даже боль съ какою воровался въ умъ самый вопросъ была оттого такъ мучительна что терзала уже готовую рану. День назадъ, недѣлю, мѣсяцъ назадъ, она уже чувствовала эту рану, предъ нею уже стоялъ этотъ вопросъ. Зловѣщимъ призракомъ, точно злая сказочная птица, онъ заслонялъ отъ нея свѣтъ взмахами черныхъ крыльевъ, и она ощущала навѣваемыи ими холодъ.

Какъ отвѣтить? Отвѣта нѣтъ. Отвѣтъ заключается въ той трагической повседневности факта, изъ-за которой его почти не видно. Что-то ужасно простое, физическое, какъ дурная погода, съ чѣмъ нельзя бороться.

Мужъ занятый интересами честолюбія, того спеціальнаго честолюбія которое развивается только на петербургской почвѣ, только въ извѣстномъ кругу. Это такъ обыкновенно. У всѣхъ этихъ дамъ такіе же мужья, и имъ очень нравится ихъ честолюбіе, ихъ виды на министерскій портфель, ихъ интересы производствъ, перемѣщевій, подготовленныхъ за спиною оллалъ и внезапныхъ возвышеній. Онѣ сами считаются рангами и шансами своихъ мужей. Мужъ—это дѣло, форма, легальная и разумная проза жизни; а для потребностей сердца и воображенія существуютъ привилегированные кавалерійскіе полки и аристократическія канцеляріи. Вольно же не умѣть раздѣлать этихъ ролей!

Что онъ такое говорилъ о Зимовьевѣ? „Отставной статскій совѣтникъ, которому теперь даже губернаторскаго мѣста не дадутъ.“ Губернаторское мѣсто—это все-таки подставка на которой человекъ хоть что-нибудь значить. Какъ просто и даже невинно! А что бы онъ сказалъ о Жѣдровскомъ?

Лариса упала лицомъ на подушку, обхватила ее горячими руками. Сухіе, зажмуренные глаза тоже горѣли.

Ей вдругъ пришли на память мрачныя строки, писанныя рукой отца. „Нѣтъ ничего ужаснѣе связи соединяющей тѣхъ

кто разъединенъ внутренно. Эта кара слишкомъ велика чтобы искупить самый тяжкій грѣхъ. Кто не сумѣетъ разорвать такую связь въ самомъ началѣ, тотъ никогда не подыметъ головы.“

Разорвать! Но развѣ можно разорвать только потому что нѣтъ любви, нѣтъ счастья? Нѣтъ, просто отказаться отъ этого счастья, привыкнуть, застыть...

А молодость? а возможность?•

XXV.

Южатовъ былъ озабоченъ даннымъ Ларисѣ обѣщаніемъ исполнить ея порученіе въ тотъ же день. Съ родными Женечки онъ не былъ знакомъ, а къ Раисѣ Николаевнѣ ему не хотѣлось опять показываться. Наконецъ онъ вспомнилъ что вечеромъ былъ назначенъ маскарадъ въ Дворянскомъ Собраніи и подумалъ что она непременно тамъ будетъ. Но для вѣрности онъ послалъ къ ней анонимную записку такого содержания:

„Васъ ждутъ сегодня въ маскарадѣ чтобы сообщить вѣчто очень для васъ важное. Надѣньте банты Жирофлѣ-Жирофлѣ чтобы васъ узнали.“

Съ одиннадцати часовъ онъ уже ходилъ по громадной залѣ, вытягивая шею, щурясь, бросаясь за каждыиъ домиго въ которомъ что-нибудь наломивало Женечку. Маскарадъ былъ очень многолюденъ. Ему поминутно встрѣчались знакомые, подсмѣивавшіеся надъ его озабоченнымъ видомъ, какія-то маски лискливо спрашивали гдѣ онъ будетъ уживать. Онъ улыбаясь, отвѣчалъ одно и то же и смотрѣлъ по сторонамъ. Наконецъ онъ увидѣлъ Женечку, схватилъ ее подъ руку и хотѣлъ провести въ гостиную.

— Нѣтъ, оставьте, я тутъ жду кого-то, объявила Женечка.

— Того, кто вамъ писалъ анонимную записку?

— А вы почему знаете?

— Потому что это я писалъ.

Глаза Женечки широко раскрылись подъ маской, выражая совершенно не дѣльное для Южатова изумленіе.

— Вы?! воскликнула она тономъ полнѣйшаго разочарованія, и добавила мысленно: „Южатовъ! штатскій! цылаенокъ этакій! на что онъ мнѣ нуженъ?“

— Съ какой стати вы позволяете себѣ подобныя мистификаціи! сказала она вслухъ.—Мнѣ и въ голову не пришло чтобъ это были вы.

— А то бы не пріѣхали?

— Конечно не пріѣхала бы!

— Но вѣдь я не предлагалъ за вами ухаживать, я общалъ сообщить нѣчто важное для васъ, напомнилъ Южатовъ, очень мало задѣтый откровенностію артистки.

— Чтѣ вы можете сообщить!? усомнилась она.—Ну, пойдемте.

Южатовъ усадилъ ее на диванчикъ.

— А вотъ послушайте. Когда вы познакомились съ княземъ Ретвизановымъ, у васъ былъ романъ съ Хлестовымъ.

— А вамъ какое дѣло!

— Никакого. Но можетъ-быть вамъ любопытно знать почему этотъ романъ такъ неудачно окончился?

Женечка вздернула своимъ коротенькимъ носикомъ.

— Вотъ вздумала кенчить, такъ и кончила, сказала она.

— Конечно. Но Хлестовъ запутался въ долгахъ и вылетѣлъ, продолжалъ Южатовъ.—А знаете кто его залучалъ и для чего? Это все была интрига Ретвизанова. Онъ хотѣлъ непременно его слупить чтобы свободнѣе за вами ухаживать, и черезъ разныхъ ростовщиковъ сталъ скупать его векселя и затыгивать въ новые долги.

Женечка недовѣрчиво и задумчиво взглянула изъ-подъ маски.

— Откуда вы все это знаете? спросила она.

— Я знаю навѣрное и ручаюсь вамъ честнымъ словомъ, отвѣтилъ Южатовъ.—А вамъ я рѣшился сказать для того чтобы вы видѣли чтѣ такое Ретвизановъ и какое коварство онъ себѣ позволялъ чтобы разстроить ваши отношенія съ Хлестовымъ.

Женечка задумчиво наклонила голову и играла вѣеромъ.

— Хлестовъ ничего этого не подозрѣвалъ! сказала она съ отѣнкомъ внезапнаго навѣянной печали.—Онъ вѣдь такой ребенокъ.

— Вотъ этимъ-то и воспользовался Ретвизановъ.

— Подлость какая! произнесла Женечка и даже вслыхнула подъ маской.—Пусть же я увижу его!

— Можетъ-быть вамъ лучше было бы даже совсѣмъ не видать его послѣ всего этого, сказалъ Южатовъ.

— Нѣтъ, я непременно буду объясняться съ нимъ. Я ему все это вычитаю. Я ему глаза выдаражаю.

И Женечка теребила вѣрзь и болтала ногами.

— Это оны такъ влюбился въ меня! вдругъ прибавила она какъ будто совсѣмъ другимъ тономъ.

— Хороша Ретвизановская любовь! возразилъ Южатовъ.

— Конечно любовь. Оны вотъ ни предъ чѣмъ не хотѣлъ отступить, даже на подлость пошелъ. Вольно же было Хлестову дать подвести себя. Да куды ему Полошку перехитрить!

И Женечка почти весело разсмѣялась.

„О, Лариса Григорьевна, развѣ я не предупреждалъ васъ, и развѣ не вѣрна моя теорія?“ подумалъ Южатовъ.

— Вѣдь вы этому Полошкѣ сейчасъ хотѣли глаза выпаралать, сказалъ оны не то со злостью, не то со смѣхомъ.

— Ему и достанется. А все-таки оны меня любить... Ахъ! вдругъ вскрикнула Женечка и вскочила.—Пустите, прощайте.

И она быстро побѣжала на встрѣчу Роро, толстоносый профиль котораго выставился изъ-за лортьеры.

Публика продолжала прибывать. Сегодня точно всѣ сгорячились тутъ быть. Неизбѣжный Каричъ на одномъ концѣ залы и столь же неизбѣжная Софья Александровна на другомъ; маленькая и сильно начинавшая полнѣть, но все также шикарная Аннетъ Безбѣдная, пріѣхавшая потихоньку отъ мужа, потому что Евгенийъ Савичъ хотя и не унижался до ревности, но въ виду своего новаго положенія обнаруживалъ некоторую взыскательность относительно хорошаго тона. Клеопатра Михайловна Хвощева, хотя и задралпированная въ густую массу кружевъ, но убѣжденная что ее тотчасъ узнаютъ по необычайному блеску глазъ; Раиса Николаевна, пріѣхавшая интриговать кого бы то ни было и во что бы ни стало; долговазый Кокко, лившійся просто потому что сегодня былъ маскарадъ. Еще полонже пріѣхалъ Пахтаевъ съ Полиной; а за ними вошелъ въ залу, кидая боковые взгляды и какъ бы стѣсняясь своею всеобщою извѣстностью, самъ Безбѣдный.

Полина, какъ только увидѣла его, подошла къ нему и просувала руку подъ рукавъ его фрака.

— Здравствуй! съ какимъ сожалѣніемъ я на тебя смотрю! сказала она.

— Вотъ мило! отозвался Безбѣдный, заглядывая подъ капюшонъ и не узнавая ее.

— Я хочу сказать какъ я жалѣю что ты больше не адвокатъ, объяснила Полина;—я увѣрена что ты взялъ бы мое дѣло.

— Ну, я не могу раздѣлять твоихъ сожалѣній, отвѣтилъ довольнымъ тономъ Безбѣдный;—что хорошо вначалѣ, то не годится когда человѣкъ кое-чего достигаетъ. Но постой, а кажется узнаю тебя.. этотъ голосъ и эта маленькая, узенькая ручка на которой такъ удивительно сидитъ перчатка... и эти глаза цвѣта морской воды, ядовитые... Ну, я знаю зачѣмъ тебѣ нуженъ адвокатъ. Ахъ, эти старыя ошибки довольно трудно поправлять!

— Знаю. Но ты можеть-быть не имѣешь права такъ равнодушно говорить объ этой ошибкѣ. Ты немножко самъ виновать въ ней.

По располѣвшему лицу Безбѣднаго расплылась улыбка.

— Я? притворно удивился онъ.

— Какъ будто ты не догадывался тогда! продолжала Полина.—Мнѣ кажется ты лучше всѣхъ долженъ знать настоящую причину моего замужества, которому всѣ удивлялись. Но объ этомъ немножко тяжело вспоминать (голосъ Полины какъ будто даже дрогнулъ). Поговоримъ о другомъ. Я хочу просить твоего совѣта. Мнѣ очень, очень нуженъ совѣтъ опытнаго друга. Я не знаю ни одного изъ адвокатовъ, никому не вѣрю, вѣрю только тебѣ. Ты конечно уже слышалъ? Говорять, дѣла нельзя остановить.

— Да, маѣ передавали... но все-таки разкажи подробности.

Полина усѣлась съ нимъ въ углу и между ними завязался продолжительный разговоръ. Безбѣдный подтвердилъ что избѣжать процесса невозможно, но обѣщалъ прислать адвоката на котораго можно положиться.

— Только я самъ буду руководить всѣмъ дѣломъ и ужъ не уступлю изъ виду ни одного обстоятельства, добавилъ онъ.— А кромѣ того можно похлопотать и о томъ чтобы освободить отъ узъ гюменей нашего милѣйшаго генерала. На потерю права вступать въ бракъ нечего обращать вниманія. потому что всегда можно найти священника который обвѣнчаетъ, а потомъ въ случаѣ доноса все ограничивается церковнымъ покаянiемъ.

Полина крѣпко пожала ему руку, и вдругъ, завидѣвъ мужа, послѣднимъ залахнула свое изящное домино и проскользнула въ толлу. Но Коко, отличавшiйся способностью проникать подо всѣ маски, уже узналъ ее и безцеремонно заступилъ ей дорогу.

— Ну, вы меня славно спустили! сказалъ онъ какъ бы даже съ удовольствіемъ.—Пусть мнѣ Гашка не попадается на глаза! Съ чего вы взяли что я буду жить у отца? У нихъ теперь каждый день макароны. Послушайте, это глупо что ваши генералы не хотятъ купить векселя. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ судъ будетъ.

— Я ничего не знаю. У насъ было условіе чтобы вы никогда ни съ какими объясненіями ко мнѣ не обращались... проговорила нѣсколько оробѣвшая Полина, оглядываясь по сторонамъ.

— Пс, я не виноватъ что Пахтаевъ не хочетъ достать денегъ. Какія же условія если я ничего не получилъ? Вы имъ скажите! Если меня въ самомъ дѣлѣ будутъ судить, то я никого изъ васъ щадить не стану. Ко мнѣ пристають съ разными ловѣтками и подлисками... чортъ знаетъ что такое, а никогда въ такую грязь не ваѣзалъ. Нѣтъ, вы въ самомъ дѣлѣ скажите имъ. О чемъ это вы говорили съ Безбѣднымъ? Онъ свинья; мнѣ передавали что меня увольняютъ отъ службы. Кажется, ему не трудно было бы похлопотать. Онъ забылъ что еслибъ я женился на Анетъ, то у него былъ бы только длинный носъ вмѣсто Каричевскихъ милліоновъ.

Коко прерывительно потянулъ губами, вылетилъ горловую косточку и направился къ Безбѣдному.

— Ну, это вовсе не остроумно что они тамъ придумали уволить меня отъ службы, сказалъ онъ, дѣлая видъ какъ бы забылъ подать руку.

Онъ вообще никому первый не протягивалъ руку, во избежаніе тѣхъ случаевъ когда этого не замѣтять. Выходило это у него очень ловко.

— Въ самомъ дѣлѣ? отозвался Безбѣдный, крайне недовольный встрѣчей.—Впрочемъ, чего же вы могли ожидать когда попали подъ уголовное слѣдствіе?

— Пс, что такое слѣдствіе? это на кого угодно можно завести подозрѣніе, возразилъ Коко.—Мнѣ кажется, вы могли бы похлопотать чтобы меня не выгоняли.

— Нѣтъ-съ, никогда не сталъ бы хлопотать, сухо отвѣтилъ Безбѣдный, раздраженный и фамильярнымъ тономъ Коко, и тѣмъ что ихъ видѣли вмѣстѣ.

— Ну, мнѣ въ сущности это рѣшительно все равно! проѣдилъ Коко.—Вы еще послушаете что я буду на судѣ говорить.

Онъ повернулся, подбросилъ монокль и пошелъ по заѣздъ, заглядывая подо всё калошоны и нѣсколько удивляясь что его сегодня маски совсѣмъ не интригуютъ. Онъ, напротивъ, думалъ что при настоящихъ условіяхъ долженъ представлять болѣе острый интересъ. Но если къ нему не подходили, то онъ могъ самъ подойти. Замѣтивъ что Мше Безбѣдная оставила красиваго офицера съ которымъ сѣла у стѣны, онъ перехватилъ ее на дорогѣ и предложилъ руку.

— Я васъ тотчасъ узналъ, сказалъ онъ.

— Очень сожалѣю, отвѣтила Аннетъ.

— Вы вѣрно слышали что обо мнѣ рассказываютъ, продолжалъ Коко.

— Меня вовсе не занимаетъ что о васъ рассказываютъ.

Коко наклонился и сѣлалъ внимательное обзорѣніе всей ея фигуры.

— Знаете что я вамъ скажу: вы очень полнѣете. Но у меня перемѣнилася вкусъ; я теперь рѣшительно предпочитаю полныхъ женщинъ. Я ужъ говорилъ женѣ, но она очень зла и поэтому никогда не можетъ половѣть. Вы знаете, я разошлася съ ней.

— То-есть она бросила васъ, поправила Аннетъ.

— Пс, мы никогда не могли сойтись характерами. Помните, вѣдь я хотѣлъ жениться на васъ? Это было бы гораздо лучше.

— Не для меня.

— И для васъ. Вашъ мужъ совсѣмъ старѣеть. Старѣеть, hein? Вы привѣжайте въ судъ, это будетъ очень интересно. Меня будутъ судить, вы знаете. Я вамъ пришла билетъ. Вѣдь мнѣ должны дать нѣсколько билетовъ для моихъ знакомыхъ, я думаю? Вы услышите какъ я буду обо всѣхъ говорить.

— Pardon, прощайте, проговорила Аннетъ, и высвободивъ руку, послѣдняя исчезла въ толгѣ.

XXVI.

Коко опять вставилъ монокль, и вспомнивъ что видитъ тутъ одну знакомую Француженку, намѣревался ее разыскивать, какъ вдругъ стоакнулся лицомъ къ лицу съ Бекашцевымъ. Это его очень удивило

— Пс, я никакъ не ожидалъ васъ здѣсь встрѣтить, оказалъ онъ.

Посѣщеніе маскарадовъ дѣйствительно вовсе не входило въ привычки Бекашцева. Онъ имѣлъ какъ бы растерянный видъ, какъ человѣкъ который пришелъ за извѣстнымъ дѣломъ и не знаетъ какъ его сдѣлать. При встрѣчѣ съ Кoko онъ почти радостно взмахнулъ глазами.

— Очень радъ что вы тутъ, я даже такъ и предполагалъ, я имѣлъ въ виду... проговорилъ онъ, но вдругъ сообразивъ что ему совсѣмъ не удобно показываться въ публикѣ съ Кoko, отвелъ его въ сторону.—Мнѣ ужасно некогда, я эти дни по уши въ хлопотахъ, но я имѣю въ виду непременно съ вами переговорить. Мы тогда, кажется, не кончили нашего разговора?

— Пс, я говорилъ что мы еще увидимся! признаюсь Кoko, чрезвычайно обрадованный и даже удивленный такою неожиданною любезностью.—Признаюсь вамъ, это очень скучно когда долго нельзя продать свой маленькій товаръ. Вы знаете, дѣло идетъ, hein? меня каждый день таскаютъ къ судебному слѣдователю.

Бекашцева передернуло.

— Вотъ потому я и хотѣлъ съ вами потолковать... Вы тогда были очень возбуждены, я помню... Вѣдь надо же какъ-нибудь устроить, не правда ли? продолжалъ онъ.—Здѣсь Владимиръ Михайловичъ, я его видѣлъ. Я поговорю съ нимъ. Съ этимъ надо слѣзшиться.

Въ его голосѣ и движеніяхъ выражалась совсѣмъ не свойственная ему ажитация. Онъ то оглядывался по сторонамъ, то быстро переносилъ на Кoko упорный, сосредоточенный взглядъ, имѣвшій выраженіе человѣка думающаго совсѣмъ о другомъ.

— Ну, только я вамъ скажу что теперь мнѣ все равно, прощай Кoko.—Я пойду на большія деньги, а иначе—по! Меня уже выгнали изъ службы.

— Выгнали? переспросилъ Бекашцевъ.—Вотъ видите, видите чтѣ значитъ что вы не хотѣли меня послушать. Вы не разсудили хорошенько съ кѣмъ имѣете дѣло. У меня положеніе, связи... я могъ бы предупредить! Бекашцевы что-нибудь значутъ. Они теперь пользуются обстоятельствами, интригуютъ, но я не уступаю. Я самъ умѣю интриговать. Вы увидите какъ это все разыграется. Но мы съ вами еще

потолкуемъ объ этомъ, здѣсь неудобно, вы понимаете. И потому у меня бездна хлопотъ; я бы хотѣлъ чтобы сутки состояли изъ двухсотъ сорока часовъ. Тутъ какъ-то жарко, кровь въ голову бьетъ...

Онъ обернулся; въ эту минуту нарядное черное домино окаликнуло его по фамиліи.

— Ты здѣсь съ женой? спросила маска.

— Если ты ее знаешь то пощщи, отвѣтилъ съ досадою Бекаищевъ.

Маска уже повисла на его рукѣ.

— Знаю ли я ее? раньше чѣмъ ты и можеть-быть больше чѣмъ ты, отвѣтила она.—Но почему ты сюда пріѣхалъ? развѣ въ первый годъ женитьбы ѣздить по маскарадамъ?

— А ты вѣрно уже счетъ потеряла сколько лѣтъ замужемъ?

Великолепные черные глаза Клеопатры Михайловны яростно блеснули изъ-подъ маски.

— Я вижу что вы меня узнали, сказала она, дѣйствительно убѣжденная что по этимъ глазамъ ее нельзя не узнать.— Но ваше замѣчаніе пролало даромъ, потому что я не имѣю ни привычки, ни надобности скрывать свои года. Скажите мнѣ лучше почему ваша жена нигдѣ не показывается? На ея мѣстѣ я не обращала бы вниманія на всѣ эти слухи. Прятаться значитъ давать имъ новую лицу.

— Да кто же ты? я тебя не узналъ... пробормоталъ Бекаищевъ, котораго точно ножомъ ударило отъ послѣднихъ словъ.—Про какіе слухи ты говоришь? Какіе могутъ быть слухи о моей женѣ? Она въ субботу балъ даетъ, а не скрывается.

— Въ самомъ дѣлѣ ты не узналъ меня? переспросила какъ бы съ нѣкоторымъ разочарованіемъ Клеопатра Михайловна.—Но тѣмъ лучше, мы можемъ быть откровеннѣе. Правда это что твой beau frèге разошелся съ женой и женится на Полиѣ Луковецкой? И что будетъ скандальное дѣло въ судѣ въ которомъ вы всѣ какъ-то замѣшаны? Я такъ была поражена когда мнѣ объ этомъ рассказали. Представляю себѣ какъ это должно подѣйствовать на Таисію Ивановну.

Бекаищевъ все больше блѣднѣлъ. Не узнавая Клеопатры Михайловны, онъ догадывался что это должна быть дама изъ ихъ общества.

— Кто вамъ это рассказывалъ? спросилъ онъ съ нервнымъ подергиваніемъ губъ.

— Не все ли равно? завтра весь городъ будетъ говорить объ этомъ, отвѣтила Хвощева.

— Но это вздоръ, слетая... никогда этого не будетъ! воскликнулъ Беклицевъ.—Я знаю откуда идетъ вся эта интрига. Подъ меня подкапываются, меня хотятъ отгнать какъ разъ въ ту минуту когда на моей сторонѣ всѣ шансы. Но это не удастся, не удастся. Я умѣю бороться. Я имъ даю генеральное сраженіе!

Хвощева, не ожидавшая со стороны Беклицева такой ажитации, сочла благоразумнымъ поскорѣе его оставить.

Онъ дотронулся рукой до горячаго лба и оглянулся. Глаза его приняла прежнее разсѣянное и озабоченное выраженіе.

— Да, Пахтаевъ! произнесъ онъ самъ съ собой, словно вспомнивъ что-то, и пошелъ торопливыми шагами по залу. Черезъ минуту онъ нагналъ Владиміра Михайловича и положилъ руку ему на плечо.

— Два слова, сказалъ онъ значительно.

Пахтаевъ смутился, растерялся и выпустилъ руку Полицы.

— Чтѣ вамъ угодно? произнесъ онъ, отходя всторону.

— Bonjour. Видите ли, я можетъ-быть завтра не застаю васъ, а мнѣ надо чтобы вы непременно, непременно были на нашемъ вечерѣ. Вы получите приглашеніе. Ника тоже будетъ. Это необходимо, это само собою положить конецъ всѣмъ слухамъ... Когда васъ увидать вмѣстѣ, всѣ поймутъ что это вздоръ... объяснялъ Беклицевъ, пожимая ему руку горячею рукой.

Пахтаевъ въ затрудненіи переминиваясь на мѣстѣ.

— Я теперь рѣшительно нигдѣ не бываю; мнѣ самому ужасно опротивѣла всѣ эти толки и слетни, и я стараюсь ни съ кѣмъ не встрѣчаться, сказалъ онъ, слегка вспыхивая и опять блѣднѣя.

— Но вы напрасно такъ дѣлаете, это ложная система, возразилъ Беклицевъ.—Гораздо лучше дѣйствовать наоборотъ. Это надо наконецъ взять въ руки. Положитесь на меня, а все устрою. Я заставаю ихъ замолчать!

— Но мнѣ рѣшительно вѣтъ никакого дѣла, и повтораю вамъ что я никого не хочу видѣть, отвѣтилъ Пахтаевъ, и пользуясь тѣнотой ускользнулъ.

Беклицевъ вспыхнулъ, поднималъ голову, бросилъ растерянный взглядъ по сторонамъ. Что-то странное происходило съ нимъ. Онъ чувствовалъ необычайное возбужденіе и вмѣстѣ

бездѣрную слабость. Ему казалось что эта тѣснившаяся, безпорядочно двигавшаяся толпа, нарочно для него собралась, что онъ испытываетъ ея давящую тяжесть, какъ будто эти тысячи ногъ толчутъ его. Онъ ощущалъ порывы страшной злобы смѣнявшіеся чувствомъ угнетенія. Машинально онъ двинулся вслѣдъ за Пахтаевымъ, видѣлъ какъ стройное черное домино быстро подошло къ нему и какъ чрезъ минуту ихъ снова раздвинула толпа.

Вдругъ не приходившее раньше соображеніе мгновенно озарило его мысль. Онъ разомъ догадался что это черное домино должна быть никто иная какъ та самая женщина изъ-за которой все обрушилось на него. „Да, да, она и раньше ходила съ Пахтаевымъ. Она объяснялась съ Кoko и убѣжала отъ него. Это она.“

Онъ бросился въ ту сторону гдѣ мелькалъ ея голубой бантъ, нагналъ ее, и наклоняясь надъ ухомъ произнесъ:

— Я знаю васъ.

Полина вздрогнула. Она знала его въ лицо. Выраженіе страха мелькнуло въ ея прозрачныхъ глазахъ; она оглянулась кругомъ, ища кого-нибудь изъ знакомыхъ, но въ толпѣ никого нельзя было различить. Бекащевъ уже держалъ ее лодъ руку.

— Я васъ знаю: вы жена Луховецкаго, повторилъ онъ.

— Что же вамъ угодно? спросила теряясь Полина.

— А мнѣ угодно вамъ сказать... что вы напрасно думаете достигнуть вашихъ цѣлей! отвѣтилъ Бекащевъ.—Напрасно! Этого никогда не будетъ! повторилъ онъ наклоняясь и машинально прижимая къ себѣ ея руку.—Я вамъ совѣтую подумать объ этомъ, потому что вы затѣваете слишкомъ неравную борьбу. Я не долущу, я употребляю всѣ средства какія у меня въ рукахъ.

— Пожалуста оставьте меня. Я не понимаю о чемъ вы говорите, сказала Полина.

— Вы думаете что если вы влюбили въ себя Пахтаева, то можете дѣлать съ нимъ что вамъ угодно? продолжалъ все болѣе волнуясь Бекащевъ.—Ошибаетесь. Пахтаевъ не принадлежитъ себѣ. Онъ женатъ на Бекащевой. Вы знаете что такое Бекащевы? Вы скоро услышите! Вы почувствуете какими вліаніями я располагаю!

— Я васъ не знаю и не понимаю. Оставьте меня! повторила Полина и почти силой вырвалась отъ него.

На встрѣчу шелъ Роро подъ руку съ Жемецкой. Оба оживленно и со смѣхомъ разговаривали. Полина бросилась къ нимъ.

„А, она знакома съ нимъ. Они всѣ знакомы между собою“, подумалъ Бекалицевъ, услышывая что-то похожее на головокруженіе. „Но я понимаю ихъ планы... я все разстрою“.

Онъ сдѣлалъ видъ что не замѣчаетъ Роро и бокомъ пробрался въ толпу.

На другомъ концѣ залы знакомое намъ общество понемногу сгруппировалось около тучной фигуры Карича.

— А что жь, господа, не поѣхать ли куда-нибудь ужинать? какъ бы заранѣе смакуя проговорилъ онъ. — Кажется, все своя компанія.

Въ эту минуту среди „компаніи“ вдругъ появился Нестужевъ, съ лицомъ пылавшимъ радостнымъ оживленіемъ.

— Ну, господа, какія я новости собралъ! завтра печатаю лишникъ пять тысячъ экземпляровъ для розничной продажи, возвѣстилъ онъ.

— А вотъ поѣжайте съ нами ужинать, тамъ и разкажете, предложилъ Каричъ.

— Чѣмъ вы, я прямо въ типографію! отвѣтилъ чуть не обидѣвшись Нестужевъ.

— Пе, гдѣ же мы сегодня ужинаемъ? раздался голосъ внезапно откуда-то появившагося Кюко.

Ему никто не отвѣтилъ. Онъ презрительно выпятивъ нижнюю губу.

„Мнѣ нравится что они теперь дѣлаютъ мины“, подумалъ онъ. — „И въ особенности эта свинья Каричъ. Какъ будто его не судили? Имъ началось, а мной кончится“.

XXVII.

Нестужевъ сдержалъ обѣщаніе: газета въ которой онъ принималъ такое дѣятельное участіе сообщила на другой день что въ непродолжительномъ времени предстоитъ новый скандальный процессъ въ окружномъ судѣ. „Участіе лицъ занимающихъ видное положеніе въ большомъ свѣтѣ—говорилось въ газетѣ—привлекаетъ къ этому процессу общее вниманіе. Печальная хроника нравовъ такъ-называемаго хорошаго общества обогатится новою яркою иллюстраціей. Судъ долженъ

пралодать уголокъ занавѣси, за которою это раззолоченное общество является въ своемъ неопратномъ неглиже. Мы увидимъ грубый развратъ прикрытый полированными лицемеріемъ, бездушный эгоизмъ подъ утонченными формами, корыстную жадность и наглую эксплуатацію своего привилегированнаго положенія. Мы увидимъ нашу русскую *золотую музу*, еще болѣе страшную чѣмъ французская Нава, потому что у насъ она является подъ маской порядочной женщины. “Извѣвъ затѣмъ немножко гражданской скорби по поводу стѣснительныхъ условій нашей печати, газета продолжала: „Оба героя этой скандальной исторіи хорошо извѣстны петербургскому обществу. Одинъ, благодаря положенію и связямъ, пользуется даже репутаціей порядочнаго человѣка; но правосудіе скоро сорветъ съ него эту личину. Къ крайнему нашему сожалѣнію мы еще не можемъ назвать его по имени. Другой принадлежитъ къ категоріи тѣхъ раззолоченныхъ хлыщей, нравственныя требованія которыхъ не идутъ далѣе шикарнаго французскаго языка и свѣжихъ перчатокъ. Его всѣ знаютъ, не столько подъ фамиліей Д—дкаго, сколько подъ кличкой Коко. Хотя въ предстоящемъ процессѣ они являются врагами, но вражда ихъ возникла изъ отношеній крайне интимнаго характера, такъ какъ г. П. развлекался потихоньку романами съ бѣдными дѣвушками, въ то же время открыто пользовался расположеніемъ цыцной супруги Коко, рожденной княжны ***. Но скандальная исторія не ограничивается этими лицами: къ процессу привлечены (къ сожалѣнію только въ качествѣ свидѣтелей) нѣкоторыя особы большаго свѣта, герои и героини того круга который у насъ почти недосыгаемъ для правосудія и всеозаряющаго, всеотрезвляющаго свѣта гласности. Говорятъ, употреблены были невѣроятныя усилія для того чтобы спасти дѣло отъ гласнаго суда и разрѣшить его домашнимъ образомъ, по примѣрамъ добраго стараго времени. Къ счастью всѣ эти усилія не привели ни къ чему. Но эти господа не унываютъ, и мы слышали что на дняхъ одинъ изъ нихъ намѣренъ дать блестящій балъ чтобы выразить свое полное презрѣніе къ общественному мнѣнію.“

Бекашцевъ, прочитавъ эти строки, вскочилъ, схватился рукой за голову и тотчасъ же опять опустился въ кресло. Въ глазахъ у него стоялъ туманъ, всѣ предметы представлялись вверхъ ногами, въ нервахъ чувствовалось какое-то

зѣбкое вытье. „Все погибло... пропало...“ шепталъ онъ вздрагивавшими губами. Поставивъ локти на столъ и поддерживая голову руками, онъ съ четверть часа сидѣлъ неподвижно, съ сосредоточеннымъ и потерявшимъ выраженіе взглядомъ; нижняя губа его все больше отвисала, и все лицо казалось осунувшимся и постарѣвшимъ. Странное ощущеніе томило его; ему хотѣлось забыть, какъ будто болѣзнь разрѣшила бы это тупое, раздражающее недомоганье, мучительно отяготившее надъ нимъ. Потомъ онъ зѣвнулъ, потянулъ къ себѣ газету, сложилъ ее и нѣсколько разъ безпокойно прошелся назадъ и впередъ по комнатѣ, оглядывая стѣны, словно соображая что-то; затѣмъ осторожно засунулъ газету за каминное зеркало и прошелъ къ женѣ.

Лариса только-что окончила туалетъ и собиралась выѣхать.

— Ты не утомляй себя, завези только карточки... этого совершенно достаточно. Всѣ будутъ, вотъ увидишь. Это вздоръ... сказалъ Беклищевъ, бросая разсѣянные взгляды. — Мнѣ тоже надо многихъ объѣхать, я еще не успѣлъ... Я зову рѣшительно всѣхъ. Я убѣжденъ что всѣ прійдутъ, что балъ будетъ блестящій. Это даже поможетъ, потому что любопытство будетъ болѣе возбуждено.

— Что такое поможетъ? спросила Лариса.

Беклищевъ неожиданно смутился.

— Нѣтъ, я хотѣлъ сказать.. я имѣлъ въ виду... знаешь, всѣ эти толки о которыхъ я тебѣ говорилъ... объяснилъ онъ, избѣгая встрѣтиться взглядами. — Стараются распространить эти слухи, можетъ-быть тебѣ даже будутъ намекать... но ты вѣдь не потеряешься, не правда ли?

— Я такъ мало заинтересована во всемъ этомъ что мнѣ не отъ чего теряться, сказала Лариса.

Беклищеву вдругъ какъ будто жалко ее стало. Ему показалось что онъ отдаетъ ее этому обществу, которому она такъ мало принадлежитъ и которое такъ враждебно ей. „Но это такъ сначала... это пройдетъ“, тотчасъ успокоилъ онъ себя.

Ему доложили что Таисія Ивановна прислала просить его немедленно прійхать. „Газета“, подумалъ Беклищевъ, блѣднѣя.

Онъ засталъ мать въ неопisanномъ волненіи. Статейка была прочитана лютру всѣми приживальцами и приживалками и повергла ихъ въ смутеніе. Послѣ долгаго перешептыванья и колебанья рѣшено было что объ этомъ надо

доложить. Таусія Ивановна приказала прочесть вслухъ, и въ первую минуту какъ бы даже не поняла въ чемъ дѣло. Ей представлялось совершенно невѣроятнымъ чтобъ это говорилось о ея племянницѣ, о ея зятѣ, наконецъ о ея сынѣ. Выходило какъ будто похоже, но вѣдь не можетъ же быть чтобы смѣли въ самомъ дѣлѣ писать такъ о Беклищевыхъ! Она побагровѣла, въ груди поднялся кашель.

— Леонидъ... за Леонидомъ Сергѣичемъ пошлите! приказала она.

Заслышавъ его шаги, она еще издали закричала:

— Чтѣ жъ это наконецъ такое? Въ лашквиль попали? ты читалъ? Да это преставленіе свѣта приходитъ... скоро на улицѣ по щекамъ бить будутъ!

Беклищевъ старался ее усложнить, увѣряя что нынче обо всѣхъ лишутъ и что на это надо смотрѣть какъ на необходимую принадлежность либеральнаго режима. Таусія Ивановна не хотѣла слушать.

— Не смѣютъ, не смѣютъ они такъ писать, и правитель-ство не имѣетъ права позволить имъ этого. Мы дѣла имѣтъ до вашихъ режимовъ, а такого режима не бываетъ чтобы можно было кого угодно по щекамъ бить, говорила она все больше волнуясь.

Она приказала подать бумаги и собственноручно написала нѣсколько любезныхъ словъ къ одному вліятельному лицу, прося его заѣхать къ ней на минутку по весьма важному дѣлу.

Таусія Ивановна еще сохраняла такое положеніе что записка отъ нея имѣла значеніе. Вліятельное лицо явилось и выслушало ея жалобы съ тѣмъ свисходительнымъ выраженіемъ съ какимъ знаменитый докторъ слушаетъ капризнаго, но очень важнаго или богатаго пациента.

— Чтѣ будете дѣлать; такой теперь духъ въ вашей печати! сказалъ самовникъ и какъ бы съ сожалѣніемъ пожалъ плечами.

— Стало-быть по вашему пусть такъ и будетъ! воскликнула оскорбленная Таусія Ивановна.

— Но чтѣ же мы можемъ сдѣлать? снова пожалъ плечами вліятельный человекъ.—Въ статьѣ никто не названъ, одни только намеки... бываетъ хуже, гораздо хуже! Нынче такое время, общественное мнѣніе требуетъ чтобъ ему предоста-вили нѣкоторый просторъ.

— Хорошо это общественное мнѣніе которое какіе-то лашквильяты составляютъ! возразила Таисія Ивановна.

— Вотъ подите жь, эти господа приобрѣли чрезвычайную силу! сказалъ самовникъ, котораго „эти господа“ ежедневно подхвалявали во всѣхъ газетахъ.

— А кабы на васъ такой лашквиль сочинили, небось вы первый закричали бы что надо прижать ихъ, откровенно высказала Таисія Ивановна.

Государственный человѣкъ выразилъ въ лицѣ своемъ достоинство.

— Я никогда не сдѣлалъ бы того что противорѣчить моимъ принципамъ, возразилъ онъ.—Моя политика заключается въ томъ чтобы построить золотой мостъ къ тому что васъ неизбежно ожидаетъ. Надо предоставить благоразумный просторъ общественнымъ силамъ, если не хотимъ чтобъ онѣ задавили насъ.

Затѣмъ онъ всталъ, любезно наклонился къ ручкѣ и уѣхалъ, оставивъ Таисію Ивановну на жертву смятенію и недоумѣнію.

У Пахтаевыхъ тоже статейка произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Антонина Павловна прежде всего расплакалась и плакала очень горько и долго; потомъ взяла газету и отнесла ее въ кабинетъ къ мужу.

— Вы читали? спросила она, остановившись въ довольно дальнемъ разстояніи и оттуда протягивая рукой листокъ.—Этого только не доставало ко всему чѣмъ я вамъ обязана!

И послѣшнно вытравувъ изъ кармана платокъ, она снова ударилась въ слезы.

Пахтаевъ, и безъ того очень раздраженный и смущенный, отвѣтилъ съ несвойственною ему рѣзкостью:

— Чтѣ же вамъ отъ меня угодно? Я самъ вижу что написали про меня разные мерзости. Все что я могу предложить, я уже предлагалъ вамъ. Отъ васъ зависитъ не носить моего имени и не компрометтироваться тѣмъ что я дѣлаю и что обо мнѣ говорятъ.

— Вамъ объ этомъ раньше надо было подумать! сказала сквозь слезы Антонина Павловна.—Ваше имя не я одна ношу, но и дѣти ваши также.

Пахтаевъ нетерпѣливо кусалъ усы.

— Ахъ, оставьте меня пожалуйста! раздражительно отозвался онъ.—Чтѣ сдѣлано вы не поправите, а отъ вашихъ упрековъ и слезъ никому кажется не легче.

Антонина Павловна ушла, и проплакавъ цѣлый день лѣзла вечеромъ къ теткѣ. Тамъ ее встрѣтили не очень ласково.

— А никто какъ ты во всемъ виновата: не умѣла своего дурака въ рукахъ держать, сказала Таусія Ивановна.—Какъ это можно было оставлять его два года на всей волѣ? Вотъ и начудилъ, прекрасно очень. Не знаешь, матушка, что хотъ бы мужъ за дверь толкалъ, жена не должна уѣзжать. А то вздумала еще сама уѣхать—напугала его очень! Мужья-то только того и жадутъ!

— Но, ма tante, я такъ была оскорблена... вѣдь я любила его! возразила Антонина Павловна.

Старуха посмотрѣла на нее такимъ взглядомъ который какъ бы выражалъ: „вотъ то-то и дѣло что этакія какъ ты любить охотницы... да ихъ-то не всякій любить“. Но вслухъ она этой мысли не высказала, а только раскрыла табатерку и тайкомъ понюхала.

— Какъ у тебя съ нимъ насчетъ денегъ было устроено? ты ему давала что-нибудь? спросила она.

Мше Пахтаева отвѣтила что при отъѣздѣ она всѣ калиталы положила на свое имя въ банкъ и мужу ничего не послала.

— Ну такъ онъ долговъ надѣлалъ, а все это что онъ толкуетъ о разводѣ—пустое; первый будетъ къ тебѣ подлаживаться, какъ прижмутъ, сказала Таусія Ивановна.

Въ глазахъ Антонины Павловны явилось почти злое выраженіе.

— Но это будетъ поздно, потому что теперь я уже сама не хочу съ нимъ сблизаться, отвѣтила она, и прижала платокъ къ лицу.—Я уже столько, столько перенесла отъ него что съ моей стороны просто глупо было бы... Съ какой стати? Онъ тутъ Богъ знаетъ чего надѣлалъ, осрамилъ меня, и впереди еще сколько сраму предстоитъ... а я вдругъ стала бы сласать его... да никогда на свѣтѣ! говорила она сквозь слезы, и голосъ ея становился тверже, какъ будто она приобрѣтала силу въ накопившемся въ ней мстительномъ чувствѣ.—Я не хотѣла развода чтобъ избѣжать скандала, я дѣтей щадила, а теперь выходитъ что еще больше скандала будетъ называться его женой. Я теперь сама первая буду хлопотать о разводѣ.

Таисія Ивановна снова задумчиво и угрюмо понюкала изъ табатерки.

— А какъ знаешь, такъ и дѣлай; надоѣли вы мнѣ всѣ; противно на свѣтъ Божій глядѣть, сказала она досадливо.

XXVIII.

Въ день бала Беклицевъ съ утра обнаруживалъ крайнее волненіе. Онъ то метался по всему дому, отдавая и повторяя приказанія, то уѣзжалъ куда-то на короткое время, возвращался, сбивалъ прислугу съ толку новыми распорядками и потомъ, уйдя въ кабинетъ, останавливался или садился въ состояніи странной задумчивости. Лариса, увидавъ его въ одну изъ такихъ минутъ, въ недоумѣніи повела глазами и спросила съ неопредѣленнымъ чувствомъ безпокойства:

— Ты очень усталъ? ты здоровъ?

Беклицевъ повернулъ къ ней голову, и въ первое мгновеніе во взглядѣ его Лариса поймала такое утомленное, робкое и мрачное выраженіе что ее точно кольнуло.

— Можно ли волноваться изъ-за такихъ лустаковъ! сказала она.

Беклицевъ рѣзко повернулся вмѣстѣ съ кресломъ.

— А вдругъ не пріѣдутъ! проговорилъ онъ, и лицо его приняло бурый отливъ.

— Но еслибы всѣ пріѣхали, то мы не знали бы что дѣлать съ такимъ множествомъ гостей, сказала Лариса.

— Да, но кто? мнѣ не всѣхъ нужно! возразилъ Беклицевъ.

— Вотъ если тѣ-то и не пріѣдутъ кого нужно.

Вечеромъ, пока Лариса переодѣвалась, онъ все ходилъ по залѣ, заглядывалъ въ окна, прислушивался, смотрѣлъ на часы. Повемногу начали сѣзжаться. Но все это были люди довольно безразличныя, предназначенныя составлять фонъ. А тѣ для кого давался балъ, пріѣздъ которыхъ составлялъ для него весь вопросъ минуты, тѣхъ еще не было. Беклицевъ видимо терялся, въ его суетливой любезности выражалось что-то тревожное. Онъ безпрестанно говорилъ всѣмъ:

— Какъ поздно собираются! Но еще многіе будутъ, вѣроятно будутъ... я не думаю чтобы что-нибудь помѣшало.

Ему то и дѣла подавали записочки. Это были извиненія со ссылками на внезапную зубную боль, на болѣзнь ребенка,

на сломанную карету, на непредвидѣнную помѣху. Изъ нѣкоторыхъ домовъ явились только такіе члены семейства которыхъ приглашаютъ заурядъ, изъ вѣжливости, какаа-нибудь старая тетушка, которой поручено извиниться за другихъ, или дядя изъ провинціи съ сыномъ армейскимъ юнкеромъ, или не вышедшая замужъ старшая дочка, совершенно счастливая что ее сегодня взяли. Къ концу вечера обнаружилось съ очевидною ясностью что балъ не удался. Это замѣтила даже Лариса и сказала стоявшему подлѣ нея князю Павлу Платоновичу:

— Нашъ „свѣтъ“, кажется, недоволенъ мною: къ намъ не хотять ѣздить!

Князь, который уже кое-что слышалъ и о Коко, и о Пахтаевыхъ, но не придавалъ этому особеннаго значенія, пожалъ плечами.

— Тѣмъ хуже для тѣхъ которые забываютъ васъ, сказалъ онъ.

Лариса повела уголкою губъ.

— Едва ли; имъ со мной скучно, и мнѣ тоже, отвѣтила она. — Но къ сожалѣнію это совсѣмъ разстроиваетъ мужа, изъ-за меня на него начинаютъ коситься, я ему порчу отрошенія...

— Какое дѣло вашему мужу косятся на него или нѣтъ: онъ кажется пользуется совершенно независимымъ положеніемъ, возразилъ князь.

— Мнѣ тоже всегда такъ представлялось, но онъ имѣеть свои виды, у него есть честолюбіе, продолжала Лариса;—это очень грустно что я не только не умѣю помогать ему, но еще мѣшаю.

— Честолюбіе его, я полагаю, уже довольно удовлетворено, сказалъ князь;—его карьерѣ всегда завидовали.

— Вы не знаете въ какую это обращается страсть, возразила Лариса.

Павелъ Платоновичъ повторилъ движеніе плечами.

— Я думалъ что тотъ кому выпало счастье быть вашимъ мужемъ не можетъ имѣть никакой другой страсти и никакихъ цѣлей внѣ этого личнаго счастья, сказалъ онъ.

— Вы всегда были пристрастны ко мнѣ, улыбнулась Лариса.

— Я всегда считалъ васъ лучшею женщиной какую встрѣтилъ въ нашемъ обществѣ, совершенно просто подтвердилъ князь.

— Переставьте, вы заставите меня думать о себѣ больше чѣмъ я стою, перебила его Лариса. — А вы не принимали во вниманіе что для счастья надо чтобы люди были нравственно близки между собою, чтобы они могли одному и тому же сочувствовать? Нѣтъ, я знаю что я очень плохая жена для моего мужа; я никогда не сумѣла бы замѣнить ему то что онъ теряетъ. Я убѣждена что съ каждою женщиной которую вы тутъ видите онъ былъ бы счастливѣе чѣмъ со мной. Онъ, чужія, гораздо ближе къ нему...

Павель Платоновичъ вскинулъ на нее глазами, потулился и снова съ задумчивою внимательностью посмотрѣлъ на нее. Лариса разглядывала свой вѣеръ.

— Объясните, пожалуйста, что такое вашъ мужъ можетъ терять чрезъ васъ? спросилъ онъ какъ бы уже съ досадою.

— Ахъ, очень много. Я вамъ говорила—честолюбіе. Онъ ищетъ власти, значенія, ему для его цѣлей нужна поддержка этого самаго свѣта къ которому я никакъ не могу себя приладить, объяснила Лариса. — Онъ находитъ что теперь именно такое время когда можно всего достигнуть. Онъ знаетъ эту среду, это его стихія. Сегодняшній балъ вѣдь затѣванъ съ разными серьезными разчетами. Мужъ очень много разчитывалъ на него, и вы видите какая неудача. Мнѣ все это скучно, но я сдѣлала что могла, была у всѣхъ, приглашала... Меня или не принимали, или встрѣчали съ какою-то удивленною гримасой. Вотъ видите какъ я все испортила.

Павель Платоновичъ все больше хмурился и выражалъ нетерпѣніе.

— Не могу я равнодушно слушать что вы говорите, перебила онъ ее. — Во первыхъ, если многіе не пріѣхали, то вовсе не вы виноваты, а тутъ есть другія причины. А во вторыхъ, позвольте мнѣ нѣсколько иначе понимать этотъ вопросъ о честолюбіи. Въ смыслѣ обыкновенной карьеры, повторяю, вашъ мужъ можетъ быть вполне удовлетворенъ. А если онъ ищетъ исключительной власти... ги! мало ли кто чего ищетъ. Онъ вамъ объяснялъ что онъ думаетъ сдѣлать съ этою властью? Вы знаете его планы, убѣжденія которыя онъ внесетъ въ государственную жизнь? вы можете опредѣлить что должна выиграть страна если онъ будетъ стоять у власти? Я думаю что ни вы, ни онъ ничего этого не знаете. Вашъ мужъ для меня неприкосновенъ какъ всякое близкое вамъ лицо, но простите меня

если я не умѣю сочувствовать подобному честолюбію. Это очень личное стремленіе, въ родѣ того какъ банкиръ стремится еще больше разбогатѣть, а кокетка похорошѣть или сдѣлать себѣ помрачающій туалетъ. Разница только въ носителемъ *вредѣ, и эта разница не въ пользу честолюбцевъ.

Лариса, отвернувшись, молча смотрѣла на мелькавшія въ залѣ танцующія пары.

— Всѣ здѣсь такіе! сказала она какъ бы незначительнымъ тономъ.

— Здѣсь? что значитъ здѣсь? переспросилъ Ладожскій.— Въ этомъ самомъ свѣтѣ вы встрѣчали другихъ людей. Еслибы вы заговорили о честолюбіи Глѣба Дмитрича, я бы поваялъ васъ. Онъ зналъ бы что сдѣлать съ властью. Но такіе люди не ищутъ ея... по крайней мѣрѣ въ наше печальное время.

Лицо Ларисы немного поблѣднѣло.

— Я всегда уважала Глѣба Дмитрича, и еслибы вы знали какъ мучительно, какъ ужасно что онъ... именно онъ... убилъ... проговорила она, и голосъ ея вдругъ оборвался, губы вздрогнули и замерли.

„Надо мнѣ было напомнить!“ съ упрекомъ подумалъ князь. Но разговоръ о Беклицевѣ всегда такъ раздражалъ его что онъ непремѣнно высказывалъ больше чѣмъ хотѣлъ.

Въ эту минуту Ретвизановъ, только что пріѣхавшій, пробирался между танцующими и оглядывалъ всѣхъ въ левые. Завидѣвъ Ларису онъ еще издали поклонился и направился прямо къ ней.

— Простите что такъ поздно, меня задержали у княгини. Ей вздумалось собрать вить: вы знаете, она теперь пристрастилась, извинялся онъ.—Я послѣ трехъ роберовъ наломывалъ о вашемъ балѣ, но она такъ увлеклась что сѣла опять играть, добавилъ онъ съ очевидною цѣлью объяснить какъ мало княгиня желала быть на этомъ балѣ.

Лариса спокойно взглянула на него и ничего не сказала. Рорд снова набросилъ левые и вытянулъ шею.

— Но у васъ очень оживленно... очень, очень оживленно, произнесъ онъ какъ бы добродушно, оборачиваясь къ Ларисѣ.—Много молодежи. Странно, я не вижу нѣкоторыхъ нашихъ общихъ знакомыхъ. Удивительно сколько незнакомыхъ лицъ. Что это за юнкеръ въ армейской формѣ? Онъ на всѣхъ

натыкается. Но я совсѣмъ слѣлъ, никого не вижу. Кто это дирижируетъ?

Лариса назвала. Рорд сдѣлаъ легкое движеніе плечами, выразившее что онъ не только не слышалъ такой фамиліи, но даже не совсѣмъ понимаетъ какъ это могло случиться что поручили дирижировать лицу такъ малю извѣстному въ большомъ свѣтѣ. Онъ продолжалъ дорнировать залу, поминутно спрашивая: во гдѣ же такая-то? гдѣ такіе-то? Ларисѣ это показалось настолько забавнымъ что ей не хотѣлось даже отвѣтить какою-нибудь колкостью.

— Ахъ, кстати: графъ Бухтасовъ вѣроятно играетъ въ карты? Мнѣ надо бы сказать ему два слова, опять заволовался Рорд.

— Его нѣтъ, отвѣтила Лариса.

— Можетъ ли быть! Я разчитывалъ непременно его встрѣтить. Но все равно, я переговорю съ Берглевымъ.

— И Берглева нѣтъ.

— И его нѣтъ! удивился Рорд.—Такъ я отыщу Владиміра Михайловича, онъ вѣрно видѣлся съ ними сегодня и знаетъ что мнѣ нужно.

Лариса наконецъ разсмѣялась.

— Представьте себѣ что и Владиміра Михайловича нѣтъ, сказала она.— Вы потеряли свой вечеръ пріѣхавши къ намъ.

Рорд быстро повернулся на каблукахъ и придалъ своему лицу преувеличенно любезное выраженіе.

— Я не могу считать потеряннымъ вечеръ который имѣю удовольствіе проводить у васъ, сказалъ онъ какъ-то хитро моргая глазами.— Но меня удивляетъ что такъ много не пріѣхавшихъ. Это непростительно съ ихъ стороны. Меня какъ ни удерживала княгиня, а ни за что не позволилъ себѣ мажировать.

— Мужъ вполне оцѣнитъ ваше вниманіе, сказала Лариса. Ретвизановъ немножко покривился.

— Кстати, я вѣдь еще не видалъ хозяина; пойду его отыскивать, объявилъ онъ и направился въ другія комнаты.

Но Беклищева нигдѣ не было. Рорд обошелъ рядъ гостиныхъ, заглянулъ въ кабинетъ и вернулся къ Ларисѣ.

— Гдѣ же Леонидъ Сергѣичъ? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

Лариса тоже удивилась. Съ внезапною и еще необъяснимою тревогой она прошла на половину мужа и вдругъ увидѣла его въ маленькой и сегодня совсѣмъ пустой столовой, освѣщенной одною свѣчкой. Онъ сидѣлъ предъ столомъ, опустивъ голову на руки, какъ бы въ глубокой задумчивости. При входѣ жены онъ подыалъ на нее растерянный взглядъ.

— Что съ тобой? Что ты здѣсь одинъ дѣлаешь? спросила почти испуганная этимъ взглядомъ Лариса.

Бекаищевъ провелъ рукой по лбу и потянулся.

— Тамъ шумъ ужасный... музыка гремитъ Богъ знаетъ что... а на минутку ушелъ отдохнуть, объяснилъ онъ.

— Ты нездоровъ? спросила съ возрастающею тревогой Лариса.

— Нѣтъ, здоровъ; съ чего ты воображала что я нездоровъ! отвѣтилъ какъ бы съ досадою Бекаищевъ и всталъ.

Лариса не сводила съ него внимательнаго, тревожнаго взгляда.

— Ты вернешься въ залу? спросила она.

— Конечно вернусь. Иди, иди, а сейчасъ за тобой.

Онъ потянулся, зѣвнулъ и пошелъ впередъ. Лариса, смущенная, обошла съ другой стороны. Странное выраженіе его лица не выходило у нея изъ головы, и она издали продолжала наблюдать за нимъ. Къ ней подошелъ Южатовъ. Онъ не видалъ ее послѣ маскарада и хотѣлъ сообщить ей о результатахъ даннаго ему порученія. Она слушала разсѣянно, оглядываясь по сторонамъ.

— Ахъ, пусть они какъ хотятъ! сказала она тономъ скучающаго равнодушія.

Южатовъ взмахнулъ своими тихими глазами и сконфузился.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

В. АВСѢНКО.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ СЪВЕРНОЙ АМЕРИКѢ *

V. Религіозная свобода и вліяніе ея на положеніе церквей и сектъ.

Взаимное отношеніе церкви и государства.—Постановка дѣла въ Соединенныхъ Штатахъ.—Первое измѣненіе законодательства и Мормоны.—Джефферсонъ.—Католицизмъ и протестантизмъ, какъ двѣ противоположности относительно религіозной независимости.—Церковь сто лѣтъ тому назадъ.—Статистика народонаселенія по расамъ.—Статистика исповѣданій.—Близорукость протестантовъ.—Статистическая таблица церквей и сектъ.—Опредѣленіе благосостоянія церквей и сектъ.—Неполнота опредѣленій и нужда въ дополнительной таблицѣ.—Разъясненіе и болѣе широкое опредѣленіе.—Таблица числа членовъ.—Активный членъ и членъ церкви вообще.—Неполнота и невозможность восполнить ее лежитъ въ своеобразіи жизни.—Распаденіе протестантизма на деноминаціи.—Сепаратизмъ и примѣры его.—Католическая экскоммуникація.—Выводы.

Въ Сѣверной Америкѣ со времени провозглашенія независимости Штатовъ положено въ основу общегосударственной, а съ нею вмѣстѣ и церковной жизни до той поры еще нигдѣ не примѣнявшееся начало совершенной независимости церкви отъ государства и абсолютной религіозной свободы. Принципъ этотъ послужилъ краеугольнымъ камнемъ особаго

* См. Русскій Вѣстникъ 1883 г., №№ 2 и 3.

положенія церкви въ Соединенныхъ Штатахъ. Имъ объясняются всѣ особенности и отличія ея отъ церквей въ другихъ странахъ и государствахъ, и слѣдовательно на него именно должно быть прежде всего обращено вниманіе при изслѣдованіи современнаго ея положенія.

Чтобы яснѣе представить всю своеобразность и значеніе этого принципа, считаемъ необходимымъ въ возможно-короткихъ чертахъ изобразить картину взаимнаго отношенія церкви и государства въ Западной Европѣ, то-есть тѣхъ государствахъ гдѣ, какъ и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, исторически сложились два вѣроисповѣданія: римскій католицизмъ и германскій протестантизмъ.

Въ Западной Европѣ вопросъ о взаимномъ отношеніи церкви и государства имѣетъ за собою цѣлую исторію. Можно безъ преувеличенія сказать что почти вся истекшая историческая жизнь Европы такъ или иначе можетъ быть сведена къ этому вопросу. Начиная съ первыхъ вѣковъ христіанства, когда на развалинахъ языческой Римской имперіи сталъ утверждаться папскій престолъ, всѣ важнѣйшія событія исторической жизни западно-европейскихъ государствъ вращаются около вопроса о томъ или иномъ отношеніи между Римско-Католическою церковію и властію государственною. Власти римско-церковныя и свѣтско-государственная ведутъ непримиримую борьбу, и эта борьба то усиливалась, то ослабѣвая продолжается до самаго возникновенія протестантизма. Реформація, давъ исторической жизни Европы новое направленіе, не прекращаетъ вѣковой борьбы; она усиливаетъ и усложняетъ ее. Во первыхъ, подымается исключительно религіозная борьба между обветшавшимъ католицизмомъ и вновь народившимся протестантизмомъ; во вторыхъ, государства взявшія подъ свою защиту протестантизмъ ведутъ борьбу съ государствами взявшими на себя охрану интересовъ Католической церкви; втретьихъ, какъ католицизмъ такъ и протестантизмъ, каждый по своимъ силамъ и средствамъ, ведутъ борьбу противъ государственной власти чтобы возможно упрочить свое положеніе; вчетвертыхъ, государственная власть, взявъ подъ свою защиту интересы одной церкви, въ силу историко-логической необходимости прокидается началами этой церкви и ведетъ борьбу противъ другой или другихъ церквей, хотя бы эти послѣднія находились въ предѣлахъ одного и того же государства съ господствующею.

И вотъ эта борьба, то явно, то тайно, непрерывно продолжается съ первыхъ дней реформаціи до настоящаго времени. Войны Европы изъ-за стратегическихъ или національныхъ причинъ суть порожденія недавняго времени. Что же касается войнъ эпохи болѣе отдаленной, то ихъ въ томъ или иномъ отношеніи почти всѣ можно признать войнами религіозными. Люди религіи, науки и политики пытались построить новыя теоріи для обоснованія взаимнаго отношенія церкви и государства на новыхъ началахъ чтобы тѣмъ самымъ навсегда прекратить пагубное братоубійство, возстановить миръ въ смыслѣ христіанской религіи. Но теоріи не помогали дѣлу; жизнь шла своимъ чередомъ, и борьба не прекращалась.

Такъ какъ вопросъ о взаимномъ отношеніи церкви и государства въ Западной Европѣ складывался путемъ исторической борьбы и улаживался на основаніи взаимныхъ уступокъ, соглашеній и компромиссовъ, то въ своемъ рѣшеніи онъ всегда носилъ слѣды дѣланности, искусственности и разнообразія, зависѣвшихъ отъ мѣстныхъ условій и вліяній. Тѣмъ же характеромъ отличается онъ и въ настоящее время, то-есть каждое государство рѣшаетъ его по своему. Но какъ бы ни была разнообразна его постановка, въ рѣшеніи его можно установить нѣкоторыя общія сходныя черты. И прежде всего государственная власть во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ оставляетъ за собою право опредѣлять закономъ постановку церковнаго вопроса въ своихъ предѣлахъ. Исходя отсюда, она неодинаково относится къ различнымъ церквамъ и сектамъ. За одними она признаетъ полное право гражданства, за другими признаетъ только право на существованіе, а третьи запрещаетъ въ своихъ предѣлахъ. Въслѣдствіе этого тройкаго отношенія, во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ существуютъ три рода церквей: во-первыхъ, господствующая, государственная, которая пользуется какъ сравнительно большими правами, такъ и всестороннею нравственною (и матеріальною) поддержкой отъ государственной власти; во-вторыхъ, дозволенная закономъ или терпимая, за которыми признается право свободы культа, но которыя лишены поддержки отъ правящей власти и должны существовать и развиваться на свой собственный страхъ; въ-третьихъ, запрещаемыя, которыя

преслѣдуются закономъ, и если существуютъ, то не иначе какъ контрабандой. При этомъ порядкѣ вещей государственная власть беретъ подъ свою защиту, строго говоря, только одну государственную церковь и оставляетъ на произволъ судьбы церкви терлимыхъ. Такимъ образомъ государственныя церкви имѣютъ наибольшіе просторъ, возможность и средства для своего внутренняго развитія. Онѣ существуютъ какъ государство въ государствѣ, приобретаая себѣ и сохраняя за собою особыя права и преимущества. Мало этого, онѣ проникаютъ общегосударственныя законоположенія и чрезъ законы имѣютъ вліяніе на постановку религіознаго дѣла въ церквахъ терлимыхъ. При существованіи государственной церкви избѣжать этого почти невозможно; оно постоянно будетъ давать себя чувствовать церквамъ терлымымъ, пока на общегосударственныя законоположенія будетъ имѣть вліяніе церковь государственная. Между тѣмъ принципъ взаимопроникновенія церкви и государства вошелъ такъ глубоко въ плоть и кровь европейскихъ государствъ что отъ него не въ силахъ отрѣшиться какъ ни одна государственная церковь, такъ равно и ни одна власть государственная.

Законы ново-англійскихъ колоній по ту сторону Атлантическаго Океана были составлены почти исключительно по образцу европейскихъ, съ тѣмъ впрочемъ различіемъ что смѣшанный, религіозно-гражданскій характеръ ихъ доводился ревнителями религіозныхъ идей до крайности. При всей шаткости постановки они примесли Сѣверной Америкѣ несомнѣнную пользу, хотя польза эта, особенно на первыхъ порахъ поселеній, сознавалась очень слабо. Неся въ себѣ залогъ терпимости внѣшней и внутренней, эти законы вызвали, поддерживали и какъ бы санкціонировали взаимную вражду разнородныхъ религіозныхъ партій, обстоятельство которое собственно и служило причиной быстрого заселенія Америки. Оспаривать ихъ пользу въ этомъ отношеніи невозможно. Но эта польза не искупала того зла которое водворалось въ жизни колоній тѣми же законами вслѣдствіе смѣшаннаго ихъ характера. Въ главѣ о религіозномъ пробужденіи мы показали уже до какой степени сильно вывелася ими въ обитателяхъ колоній духъ недовольства. Оставлять поэтому эти законы въ полной силѣ послѣ провозглашенія независимости и связывать ими получившихъ политическую свободу гражданъ Союза значило бы сдѣлать

Америку полемъ непримиримой и нескончаемой борьбы для религіозныхъ партій и въ то же время дать этимъ партіямъ наилучшій поводъ не прекращать взаимной вражды. Съ другой стороны, политическая мудрость лобуждала основателей республики дѣйствовать въ этомъ отношеніи крайне осторожно и осмотрительно. Вотъ почему при самомъ провозглашеніи независимости вопросъ о взаимномъ отношеніи церкви и государства не былъ затронуть, и рѣшеніе его отлагалось до другаго, болѣе спокойнаго и благопріятнаго времени. Такимъ образомъ ни одна изъ семи первыхъ статей (artikel) конституціоннаго уложенія которыя полагались въ основу будущаго государственнаго зданія Соединенныхъ Штатовъ ни слова не говорила о положеніи церкви и отношеніи къ ней власти государственной. Тѣмъ не менѣе, потребность выяснить взаимоотношеніе церкви и государства послѣ провозглашенія независимости ощущалась такъ сильно что изъ всѣхъ 15 поправокъ (amendements, точнѣе говоря, приложений или дополненій), внесенныхъ въ уложеніе до 1873 года, первая, то-есть 1789 года, касается именно этого вопроса. Это обстоятельство всего лучше обнаруживаетъ какъ настоятельна была необходимость рѣшить данный вопросъ законодательнымъ порядкомъ.

Первое дополненіе конституціоннаго уложенія отъ 4 марта 1789 года гласитъ такъ: *„Конгрессъ не долженъ издавать законовъ касающихся установленія религіи или воспрещающихъ свободное отправленіе ея“* (Congress shall make no law respecting an establishment of religion or prohibiting the free exercise thereof). Этимъ дополненіемъ разъ навсегда провозглашался для Соединенныхъ Штатовъ принципъ полной независимости церкви отъ государства и абсолютной религіозной свободы. Отдѣльные штаты, которые, какъ извѣстно, имѣютъ въ Америкѣ собственное мѣстное законодательство, должны были послѣдовать за обще-союзнымъ правительствомъ въ признавіи этого принципа и ввести его въ свои мѣстныя уложенія. При этомъ нѣкоторые изъ штатовъ формуловали самый законъ нѣсколько точнѣе и опредѣленнѣе, какъ напримѣръ Нью-Йоркскій штатъ, уложеніе коего по данному пункту гласитъ слѣдующее: *„Свобода религіозныхъ исповѣданій и богослуженій безо всякаго различія и предпочтенія навсегда должна считаться въ сѣмъ штатѣ дозволенною для всего населенія“* (The free exercise and enjoyment of religious profession

and worship, without discrimination or preference, shall forever be allowed in this state to all mankind. Art. I, sec. 3). Скажемъ здѣсь для полноты очерка что отдѣльные штаты, при вполнѣ самостоятельномъ составленіи мѣстныхъ уложеній придерживаясь только духа обще-союзной конституціи, допустили нѣкоторое разнообразіе относительно упоминанія о Богѣ. Нѣкоторые изъ нихъ вовсе не упоминаютъ имени Божія (например Арканзасъ, Калифорнія, Кентукки, Мичиганъ, Миссиссипи, Сѣверная Каролина, Южная Каролина, Пенсильванія и Западная Виргинія); другіе же напротивъ упоминаютъ, но только краткою формулою: „вознося славу всемогущему Богу за нашу свободу“... (всѣ новоанглійскіе штаты, то-есть Мень, Нью-Гампширъ, Вермонтъ, Массачузетсъ, Родъ-Эйландъ, Коннектикутъ, и за ними: Нью-Йоркъ, Делаваръ, Джорджія, Иллинойсъ, Индіана, Айова, Кавзасъ, Миссури, Миннесота, Небраска, Невада, Нью-Джерси, Огайо, Техасъ, Виргинія, Висконсинъ). Только одинъ штатъ, а именно Мериландъ, своимъ уложеніемъ поставляетъ получение почетной или служебной должности въ зависимость отъ исповѣданія христіанской вѣры или вѣры отъ вѣры въ бытіе Бога и загробное состояніе блаженства и мученія. *

Приведенныя статьи закона обнимаютъ собою весь кругъ свѣдѣній которыя возможно извлечь изъ американскаго законодательства по вопросу о положеніи церкви и религіи въ Соединенныхъ Штатахъ. Сколько бы мы ни перерыли уложеній какъ обще-союзное, такъ и всѣхъ отдѣльныхъ штатовъ, мы не въ силахъ будемъ прибавить къ сообщенному ни одной новой черты. Эта краткость такъ поразительна что пріѣзжему изъ Западной Европы иностранцу поведоль приходитъ мысль не игнорируетъ ли законодательная власть Союза и штатовъ преднамѣренно данный вопросъ чтобы выставить полный контрастъ его рѣшенія съ рѣшеніями законодательствъ западно-европейскихъ. Но преднамѣренности здѣсь нѣтъ никакой. Рѣшеніе вопроса о религіи и церкви ставится законодательствомъ Новаго Свѣта такъ прямо и просто что не требуетъ большей обстоятельности, кажущейся необходимою на первый взглядъ. Оно устанавливаетъ совершенно точныя и опредѣленныя

* См. *Deutsch-amerikanisches Conversations-Lexicon*, von Prof. A. J. Schenck. *New-York*, т. XI, стр. 194.

границы для жизни церкви и религіозной дѣятельности и, по помятымъ Американда, вполнѣ исчерпываетъ или обнимаетъ предметъ. И дѣйствительно, анализъ приведеннаго выше закона свидѣтельствуетъ что оное вполнѣ соотвѣтствуетъ потребностямъ жизни, началамъ государственности и церкви, и слѣдовательно обладаетъ достаточною полнотою содержанія.

Прежде всего по этимъ законамъ всѣ церкви и секты въ Соединенныхъ Штатахъ пользуются одинаковыми правами. Между ними нѣтъ ни разбора, ни предпочтенія, и потому европейское дѣленіе церкви на государственную, терпимую и запрещаемую не имѣетъ мѣста въ Америкѣ. Каковы бы ни были ихъ основныя принципы, всѣ онѣ на протяженіи американской республики существуютъ совершенно свободно и безконтрольно со стороны государственной власти. Ни одна церковь не можетъ подняться до значенія государственной церкви какъ бы ни было велико число ея послѣдователей, и въ то же время ни одна церковь или секта не можетъ подлежать запрещенію какъ бы шатко и даже безнравственно ни было ея ученіе. Слѣдовательно равенство между ними полное, абсолютное. Всѣ онѣ имѣютъ законное право существовать, развиваться, увеличиваться численно, конкурировать между собою, измѣняться въ ученіи, обрядности и администраціи, ладать въ жизненномъ значеніи или совсѣмъ вымирать,—и до всего этого правительству страны нѣтъ ровно никакого дѣла. Далѣе, въ глазахъ правительства всѣ церкви и секты, каковы бы онѣ ни были сами въ себѣ, не болѣе какъ частныя общества, и потому въ дѣла церкви, какъ дѣла частныя, правительство не мѣшается. Сама церковь должна заботиться о себѣ во всѣхъ сферахъ своей дѣятельности. Ученіе, обрядъ, дисциплина, администрація и содержаніе церквей—все это дѣла безразличныя для правительства и зависяція исключительно отъ самихъ церквей. Церковь сама должна устанавливать ученіе, вырабатывать обрядъ, издавать свои правила и постановленія и своими мѣрами и средствами исполнять ихъ, избирать, назначать и утверждать священно-и церковно-служителей, блюсти за исполненіемъ ими церковныхъ законовъ, награждать и наказывать ихъ, строить и содержать храмы, молитвенныя дома, семинаріи, приходскія школы, больницы и другія благотворительныя заведенія, изыскивать мѣры для пріобрѣтенія церковныхъ капиталовъ, вѣдать ихъ по-своему и т. д., и т. д.; словомъ,

она вполнѣ самостоятельна и ничѣмъ не связана со стороны правительства; но въ то же время, какъ частное общество, она не можетъ требовать отъ государства никакой, ни нравственной ни матеріальной поддержки. Наконецъ, церковь въ глазахъ закона не есть юридическое, правоспособное и правомѣняемое лицо. Она поэтому не можетъ ни приобрѣтать собственность (въ Америкѣ вся церковная собственность должна принадлежать опредѣленному лицу, духовному или свѣтскому представителю церкви), ни пользоваться правомъ голоса, ни обнаруживать вліяніе на общественныя и общегосударственныя дѣла. Что касается въ частности священно- и церковно-служителей, то предъ закономъ они суть простые граждане. Они живутъ подъ покровительствомъ общегосударственныхъ законовъ, подлежатъ всѣмъ государственнымъ повинностямъ и отвѣтственны предъ закономъ, какъ и всѣ остальные граждане союза,— отвѣтственны даже за дѣйствія и поступки которые хотя и разрѣшаются и санкціонируются церковными законами, но предусматриваются общегосударственными или штатными законоположеніями какъ преступленія. Обстоятельство это отнюдь не противорѣчитъ общему законоположенію о церкви, а напротивъ еще болѣе подтверждаетъ его.

Выше мы сказали что на почвѣ Америки могутъ спокойно существовать секты, какъ бы ни были шатки и даже безнравственны ихъ принципы. Въ доказательство сошлемся на секту Мормоновъ, которая возстановила въ своей средѣ древне-восточную полигамію. Сами Мормоны выводятъ полигамію какъ естественную, логическую необходимость изъ всего вообще своего вѣроученія и потому находятъ что Союзное правительство не имѣетъ права на основаніи самой конституціи преслѣдовать ихъ, строгихъ исполнителей установленій своей религіи. Правительство, не имѣя дѣла вообще съ религіей и церквами, не касается и религіозныхъ воззрѣній Мормоновъ; оно преслѣдуетъ только многоженство, предусмотрѣнное закономъ какъ преступленіе противъ нравственности и брака. Еслибы полигамія была только мертвою буквой въ вѣроученіи Мормоновъ, то правительству никогда бы не пришло на мысль заняться дѣлами Мормоновъ. Но такъ какъ у Мормоновъ догматическое ученіе о „множественности жёнъ“ не остается только буквой, а переходитъ въ дѣйствіе, въ поступки, то правительство

преслѣдуетъ эти послѣдніе. Чтобы еще болѣе выяснить этотъ пунктъ, считаемъ умѣстнымъ уломянуть о существованіи въ Соединенныхъ Штатахъ Америки кромѣ просто мормонской секты еще реорганизованной секты Мормоновъ. Начало ей было положено сыномъ основателя первой секты, который такъ же какъ и его отецъ называется Джозефомъ Смитомъ. Отрицая введеніе полигаміи въ среду Мормоновъ Джозефомъ Смитомъ-отцомъ и осуждая Брайгама Юнга за самовольное извращеніе вѣроученія секты „святыхъ“ и омраченіе доброй памяти основателя мормонства, Джозефъ Смитъ-сынъ основалъ новую реорганизованную секту „святыхъ“, въ которой будто бы возстановилъ примитивную чистоту ученія своего отца. И вотъ эта секта, отрекшицающаяся отъ многоженства, имѣетъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки всѣ права на существованіе и никому не приходится въ голову преслѣдовать ее. Исходя отсюда, можно сказать что правительство преслѣдуетъ въ Америкѣ не полигамію, а только однихъ полигамистовъ, то-есть людей явно не подчиняющихся прямымъ и точнымъ узаконеніямъ о единомъ бракѣ.

Внесенное при первомъ дополненіи конституціи новое законоположеніе о церкви было проводимо въ жизнь главнымъ образомъ третьимъ президентомъ Союза, Томасомъ Джефферсономъ (род. 1743 года, умеръ 1826; президентомъ съ 1800 по 1808). Крайній приверженецъ американской независимости, сотрудникъ Георга Вашингтона въ великомъ дѣлѣ основанія американской республики и выработки новаго государственнаго строя, ученый и талантливый писатель, этотъ замѣчательный человекъ своимъ политическимъ гениемъ предугадалъ, какое великое благо для церкви и государства должно породить въ будущемъ новое законоположеніе о церкви и потому съ полнымъ сознаніемъ правоты дѣла и теплою вѣрой въ близкій успѣхъ принялся всѣми зависѣвшими отъ него мѣрами проводить его въ дѣйствіе. Столѣтній историческій опытъ доказалъ, какъ велика была его политическая прозорливость. Не такъ посмотрѣли на дѣло религиозные представители. И замѣчательно что изъ всѣхъ религиозныхъ исповѣданій противъ Джефферсона вооружаются именно тѣ которыя своимъ благосостояніемъ въ Америкѣ болѣе всего обязаны закону объ отдѣленіи церкви отъ государства. Разумѣемъ здѣсь римскихъ католиковъ. До чего можетъ доходить ихъ религиозная нетерпимость и преданнѣ-

ренное желаніе обходить и не видѣть истину, хотя бѣ и доказанную исторіей и статистикой, можно заключить изъ того, напримѣръ, что передовые вожди римско-католической учености считаютъ себя въ правѣ обзывать Джефферсона человѣкомъ невѣрующимъ и безбожнымъ. Такъ поступилъ маститый ученый и докторъ богословія и исторіи Деллигеръ, * а за нимъ профессоръ Невъръ ** и другіе. Мы сейчасъ увидимъ, имѣютъ ли дѣйствительно католики поводъ жаловаться на безбожіе Джефферсона и насколько именно это безбожіе повліяло на благосостояніе католицизма въ Америкѣ.

Принятый Союзнымъ правительствомъ и проводимый Джефферсономъ въ жизнь Американскаго народа новый законъ о полной независимости церкви отъ государства и совершенной религіозной свободѣ съ конца прошлаго столѣтія ложится въ основу новаго склада религіозно-церковной жизни по ту сторону Атлантическаго Океана. Законъ этотъ имѣлъ наложить на весь ходъ дальнѣйшей жизни церкви свой неизгладимый отпечатокъ. Уравнивая всѣ религіозныя исповѣданія въ отношеніи правъ и положенія, онъ сообщалъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и одинаковую возможность внутренняго развитія и процвѣтанія. Тѣмъ не менѣе на дѣлѣ онъ долженъ былъ повліять неодинаково на различныя церкви и секты Америки. Для однихъ онъ долженъ былъ оказаться благодѣтельнымъ, для другихъ пагубнымъ. Однѣмъ онъ имѣлъ открыть широкое поле дѣятельности и давалъ возможность обнаружить внутреннюю состоятельность и полноту жизни; другимъ онъ долженъ былъ послужить камнемъ преткновенія и соблазна, обнаруживая ихъ внутреннюю несостоятельность и безсиліе. Эта неодинаковость вліянія зависѣла не отъ него самого и не отъ какихъ-либо случайныхъ или стороннихъ причинъ, а отъ самихъ же церквей, отъ того какъ примутъ онѣ и примѣнятъ его къ дѣлу. Словомъ, положеніе церкви послѣ провозглашенія новаго закона должно было сложиться изъ взаимодѣйствія самаго закона съ основными началами и принципами церквей.

Если обратимся въ частности къ римскому католицизму и германскому или вѣрнѣе англо-саксонскому протестантизму,

* См. *Kirche und Kirchen*, München, 1861, стр. 318.

** См. *Kirchliche Geographie und Statistik*, Regensburg, 1868, т. III, стр. 32.

то-есть тѣмъ исповѣданіямъ которымъ законъ о независимости церкви открывалъ въ Америкѣ новое обширное поле дѣятельности, то получимъ слѣдующій результатъ. Церковь Рима по преимуществу есть церковь централизаціи. Она отличается отъ протестантской церкви общастью жизни, тождествомъ стремленій и цѣлей и, вслѣдствіе сего, единствомъ дѣйствія. Она представляетъ строго замкнутую и вѣками окрѣпшую корпорацію, внутреннюю стойкость и жизнєнность которой не въ силахъ сломить ни вѣшняя вѣкорпоративная жизнь, ни такъ-называемые услѣхи просвѣщенія, ни наконецъ власть государственная. Настоячиво игнорируя всѣ преграды, она живетъ своею особою жизнью и все болѣе и болѣе развивается, централизируясь около Палскаго престола какъ своего единственнаго и притомъ непогрѣшимаго средоточія. Уложеніе Соединенныхъ Штатовъ, въ существѣ своемъ развязывая каждому исповѣданію руки, естественно должно было способствовать расширенію границъ ея дѣятельности, быстрому численному увеличенію и накопленію богатствъ. Вѣковая централизація отъ провозглашенія независимости пострадать не могла; будучи предоставлена самой себѣ, она должна была крѣпнуть и развиваться. Выводъ этотъ такъ естественъ что его можно было предусмотрѣть сто лѣтъ тому назадъ. Но, съ другой стороны, можно было предсказать и противоположный выводъ о церкви протестантской. Въ основномъ своемъ принципѣ она есть церковь религіозной независимости въ дѣлѣ вѣры. Въ протестантствѣ независимы не только церкви и секты, но и частные приходы и всѣ вѣрующіе. Въ немъ нѣтъ и не можетъ быть началъ сдерживающихъ вѣру и свободу христіанъ. Въ немъ каждый вѣритъ такъ какъ ему хочется или кажется лучшимъ. Отсюда вытекаетъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе постановки началъ, разложеніе протестантизма на секты и деноминаціи. Нѣтъ силы которая бы вновь могла связать протестантизмъ въ одно цѣлое, какъ равно нѣтъ и преградъ чтобы предотвратить дальнѣйшее его разложеніе. Процессъ его саморазложенія будетъ продолжаться въ безконечность. Единственное средство избѣжать этой крайности есть выходъ изъ протестантизма. Провозглашенная въ Америкѣ независимость церкви должна была принести протестантизму одно зло. Развязывая ему руки, она религіозную свободу въ дѣлѣ вѣры протестанта обращаетъ въ крайнюю безконтрольность и своеволие

Отсюда процессъ саморазложенія Протестантской церкви въ Америкѣ долженъ былъ дойти до крайности. Церкви и секты дробятся на болѣе мелкія секты и деноминаціи, которыя въ свою очередь вновь распадаются на нѣсколько подраздѣленій, и наконецъ дѣло доводится до единицы дробленія, до прихода. Приходъ въ нѣкоторомъ отношеніи представляетъ изъ себя единицу. Члены прихода построили храмъ, содержатъ его, содержатъ священно-и церковно-служителей, значить у нихъ есть начало, то-есть матеріальный, совершенно внѣшній для религіи интересъ связующій ихъ воедино. Но и приходъ, эта кажущаяся единица дѣленія, не останавливаетъ дробленія протестантизма. Не имѣя иныхъ объединяющихъ началъ кромѣ матеріальныхъ, онъ самъ дробится, такъ какъ оставляетъ мѣсто полной независимости въ чисто духовно-религіозномъ отношеніи для всѣхъ своихъ членовъ. Вотъ почему люди бѣгутъ отъ церкви и живутъ вдали отъ нея. Въ Америкѣ, какъ увидимъ ниже, есть нѣсколько милліоновъ людей которые не причисляютъ себя ни къ одной изъ существующихъ протестантскихъ церквей и сектъ, хотя и называютъ себя протестантами. Они не ходятъ въ церковь или ходятъ во всѣ безразлично, не совершаютъ никакихъ церковныхъ обрядовъ и постановленій, не приобщаются, не крестятся сами-и не крестятъ своихъ дѣтей, словомъ, живутъ внѣ церкви, какъ бы не нуждаясь въ ней.

Повторяемъ, эти два вывода можно было безошибочно предсказать сто лѣтъ тому назадъ. Католицизмъ и протестантизмъ суть двѣ крайности, на которыя независимость церкви отъ государства, провозглашенная въ Новомъ Свѣтѣ, должна была повліять совершенно разнородно. Одному она должна была дать силу къ развитію, другому предоставить всѣ средства къ саморазложенію. Иначе говоря, американская независимость въ дѣлѣ религіи должна была дать каждому религіозному исповѣданію возможность довести свои начала до крайности, до послѣдняго обнаруженія.

Взглянемъ теперь на дѣло нѣсколько подробнѣе.

Сто лѣтъ тому назадъ въ Сѣверной Америкѣ господствовали прежде всего три пуританскія секты: конгрегационалистская, баптистская и пресвитеріанская, и затѣмъ церковь Епископальная, называвшаяся въ то время „Англійскою церковію въ колоніяхъ“. За отсутствіемъ положительныхъ стати-

стическихъ данныхъ почти невозможно опредѣлить численное отношеніе ихъ другъ къ другу. Тѣмъ не менѣе признано что по количеству членовъ эти деноминаціи располагались въ слѣдующемъ порядкѣ. Конгрегаціонализмъ стоялъ во главѣ; у него было наибольшее число послѣдователей, церковнослужителей, храмовъ, церковныхъ сѣдѣній и наибольшее количество церковнаго имущества. За нимъ слѣдовалъ балтизмъ, почти также окрѣпшій въ Америкѣ какъ и конгрегаціонализмъ. Сравнительно меньшимъ числомъ послѣдователей отличалась слѣдовавшая далѣе церковь Епископальная; будучи признана государственною церковію въ колоніяхъ, она вводилась англійскими властями посредствомъ привудительныхъ мѣръ, что впрочемъ мало способствовало ея распространенію; она никогда не могла стать во главѣ деноминацій, и провозглашеніе независимости застало ее на третьемъ мѣстѣ. Наконецъ, самымъ меньшимъ значеніемъ изъ всѣхъ поименованныхъ деноминацій пользовалась секта пресвитеріанъ; несмотря на это, строго отображая идеи пуританства, она пользовалась въ Новомъ Свѣтѣ такими же правами и положеніемъ какъ и конгрегаціонализмъ, балтизмъ и церковь Епископальная. Что касается другихъ протестантскихъ сектъ, то онѣ были ничтожны по количеству послѣдователей и находились въ заговѣ у большихъ сектъ. Римско-Католическая церковь съ первыхъ временъ колонизаціи не пользовалась популярностью въ Америкѣ. Эмигранты перенесли изъ Европы чувство нерасположенія и неуваженія къ ней, и потому она распространялась въ Ново-Англійскихъ колоніяхъ очень слабо и медленно. Она слагалась почти исключительно изъ католиковъ переселенцевъ. Во время провозглашенія независимости, на все народонаселеніе Соединенныхъ Штатовъ, состоявшее изъ 3.929.214 душъ, католиковъ было всего около 40 или 50.000 человекъ, то-есть не болѣе 1,11⁰/₀.

Но вотъ прошло сто лѣтъ и взаимное отношеніе деноминацій измѣняется совершенно.

Чтобы представить вполнѣ вѣрную картину современнаго положенія церкви и взаимнаго отношенія деноминацій въ Америкѣ, считаемъ необходимымъ перейти теперь къ статистическимъ даннымъ.

По послѣднему официальному статистическому изчисленію произведенному въ 1870 году, на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ насчитывалось слѣдующее количество миліоновъ

обитателей обоого пола. Цифра эта по расамъ распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

Бѣлыхъ.....	33.586.989	душъ.
Черныхъ	4.880.009	"
Краснокожихъ.....	295.269	"
Китайцевъ и Японцевъ.....	63.254	"

Итого..... 38.825.521 душа.

По выдѣленіи Индійцевъ, Китайцевъ и Японцевъ, которые придерживаются своихъ собственныхъ религіозныхъ воззрѣній, все населеніе Штатовъ по религіознымъ исповѣданіямъ представляло въ 1870 году слѣдующія группы: протестантовъ было отъ 21 до 23 милліоновъ душъ обоого пола; католиковъ около 6 милліоновъ; Евреевъ отъ 200 до 300 тысячъ душъ; мормоновъ отъ 100 до 130 тысячъ; спириттовъ отъ 1 до 5 милліоновъ, а не принадлежащихъ ни къ одному опредѣленному исповѣданію, или вѣщцерковниковъ отъ 6 до 9 милліоновъ душъ.

Правда, сообщаемыя здѣсь данныя весьма общи, неопредѣленны и условны. Онѣ указываютъ только суммы, итоги счисленій, а потому по нимъ еще нельзя составить себѣ сколько-нибудь полной и даже приблизительно вѣрной картины взаимнаго отношенія церквей въ Америкѣ. Тѣмъ не менѣе на эти общія данныя любятъ ссылаться нѣкоторые близорукіе протестанты, утверждающіе что на ихъ сторонѣ громадное большинство населенія Америки и что поэтому имъ нѣтъ необходимости опасаться такой, напримѣръ, сравнительно ничтожной силы, какою по статистикѣ оказывается церковь Римско-Католическая. Болѣе благоразумные протестанты давно уже перестали увлекаться вышеприведенными данными; они очевидно испуганы настоящимъ и опасаются за будущее протестантизма въ Америкѣ. Страхъ и опасеніе ихъ не безосновательны и не безпричинны. Дѣло въ томъ что протестантизмъ не существуетъ въ Америкѣ какъ одно вполнѣ сложившееся религіозное исповѣданіе, какъ одна опредѣленная церковная корпорація или какъ отдѣльный и вполнѣ слотившійся церковный организмъ. Подъ протестантизмомъ разумѣется совокупность религіозныхъ воззрѣній, сектъ и деноминацій, которыя въ цѣломъ или вовсе не имѣютъ, или имѣютъ весьма мало объединяющихъ началъ. Можно сказать что протестантизмъ характеризуетъ

только направленіе въ дѣлѣ религіознаго мышленія или основ-
ной принципъ религіозныхъ сектъ, но самъ по себѣ не имѣ-
етъ опредѣленнаго реальнаго проявленія, то-есть что онъ не
воплощается всецѣло въ одной какой-либо опредѣленной
церкви и сектѣ. Въ виду этого, при обзорѣ вышеприведенной
статистики исповѣданій Америки, сами собою возникаютъ
вопросы: возможно ли сравнивать протестантизмъ съ други-
ми исповѣданіями, какъ величину соизмѣримую? изъ какихъ
сектъ слагается американскій протестантизмъ? въ какой мѣрѣ
секты эти, какъ отдѣльныя единицы, могутъ подлежать сли-
ченію какъ сами между собою, такъ равно и съ другими
исповѣданіями? какъ относятся онѣ одна къ другой по
численности? какимъ характеромъ запечатлѣны ихъ взаимныя
жизненныя отношенія? и т. д., и т. д. Для разрѣшенія всѣхъ
этихъ и подобныхъ вопросовъ обращаемся къ слѣдующей таб-
лицѣ въ Америкѣ за 1870 годъ.

**Сравнительная статистическая таблица церквей и сектъ въ
Соединенныхъ Штатахъ Америки за 1870 годъ.**

Наименованіе церквей и сектъ.	Количе- ство об- щинъ.	Количе- ство хра- мовъ и молеельн. домовъ.	Количество сдѣлнй въ храмахъ.	Количество церковнаго имущества на доллары.
Адвентисты.....	225	140	34.555	306.240
Баптисты.....	15.829	13.962	4.860.135	41.608.198
Геррагутеры.....	72	67	25.700	709.100
Евангелическая ассоціація	815	641	193.796	2.301.650
Епископальная церковь....	2.835	2.601	991.051	36.514.549
Квакеры.....	692	662	224.664	3.939.560
Комгрегаціоналисты.....	2.887	2.715	1.117.212	25.069.698
Лютеране.....	3.032	2.776	977.332	14.917.747
Методисты.....	25.278	21.337	6.528.209	69.854.121
Пресвитеріане.....	7.824	7.071	2.698.244	53.265.256
Реформатская церковь...	1.727	1.613	658.928	16.134.570
Сведельборгіане.....	90	61	18.755	869.700
Соединенные во Христѣ				
братія.....	1.445	937	265.025	1.819.810
Унитская секта.....	409	552	153.202	965.295
Универсалисты.....	719	602	210.884	5.692.325
Унитаріане.....	331	310	155.471	6.282.675
Христиане.....	3.578	2.822	865.602	6.425.137
Шекеры.....	18	18	8.850	86.900
Остальные.....	53	44	18.860	823.450
Всего у протестантовъ....	67.859	58.931	19.506.475	287.585.881

Римско-Католическая церковь.....	4.127	3.806	1.990.514	60.985.546
Евреи.....	189	152	73.265	5.155.234
Мормоны.....	189	171	87.838	656.750
Спириты.....	95	22	6.970	100.050
Всего у трехъ посажд- ныхъ.....	473	345	168.073	5.912.134
Итого.....	72.459	63.082	21.665.062	354.483.581

Таблица эта составлена статистическимъ бюро въ Вашингтонѣ и потому имѣеть какъ бы нѣкоторую officialную санкцію. Тѣмъ не менѣе свѣдѣнія для нея собирались не самимъ бюро, а тѣми церквами и сектами которыя обозначены въ таблицѣ. Статистическое бюро, какъ учрежденіе правительственное, не имѣеть законнаго права собирать церковныя данныя. Оно пользуется готовымъ матеріаломъ, который доставляется ему различными церквами и сектами и публикуеть церковно-статистическія свѣдѣнія только для полноты и всесторонности статистическихъ отчетовъ вообще. Въ виду этого обстоятельства, оно очевидно не можетъ нести отвѣтственности за вѣрность сообщаемыхъ цифръ, оно продаетъ товаръ по той же цѣнѣ по какой покупаетъ. Отвѣтственность за свѣдѣнія ложится исключительно на церкви и секты, коимъ собственно и принадлежитъ честь составленія статистическихъ церковныхъ отчетовъ. Обстоятельство это необходимо имѣть въ виду при тѣхъ или иныхъ выводахъ изъ таблицы. Дѣло въ томъ что церкви и секты въ Америкѣ склонны иногда преувеличивать цифровыя данныя чтобы тѣмъ самымъ возвысить свое значеніе въ ряду другихъ сектъ и церквей. Мы помнимъ, напримѣръ, какъ на съѣздѣ спиритовъ въ Чикаго въ сентябрѣ 1873 года кто то изъ ораторствовавшихъ лицъ заявлялъ свою радость что имѣеть право говорить отъ имени десяти милліоновъ американскихъ спиритовъ. Нѣтъ сомнѣнія что Новый Свѣтъ доставляетъ спиритизму благодарную почву для распространенія сумасбродныхъ идей и что въ настоящее время число спиритовъ въ Америкѣ простирается въ среднемъ выводѣ до двухъ съ половиною милліоновъ; но отъ этой цифры до десяти милліоновъ болѣе чѣмъ далеко. Вообще въ Америкѣ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ сферахъ общества, принято подсмѣиваться надъ церковными статистическими таблицами, которыя по временамъ публикуются

въ органахъ ежедневной печати. Намъ не разъ приходилось по поводу ихъ слышать слѣдующій, напрямѣрь, далеко вѣстный отзывъ: „если довѣрить безусловно церковно-статистическимъ таблицамъ, то въ Соединенныхъ Штатахъ Америки окажется народонаселенія ровно вдвое болѣе противъ официальныхъ отчетовъ статистическаго бюро въ Вашингтонѣ“ Насколько подобный отзывъ отвѣчаетъ дѣйствительности—сказать мудрено. Еще труднѣе сказать, насколько онъ приложимъ къ цифровымъ даннымъ приведенной нами таблицѣ церквей и сектъ за 1870 годъ, вышедшей, какъ сейчасъ видно, подъ нѣкоторою санкціей официального статистическаго бюро. Тѣмъ не менѣе склонность церквей и сектъ преувеличивать свои цифровыя данныя настолько общеизвѣстна въ Америкѣ что даетъ поводъ относиться ко всевозможнымъ церковнымъ статистическимъ отчетамъ по крайней мѣрѣ съ осторожностію и разборчивостію, а въ иныхъ случаяхъ даже съ прямою оговоркою. Что касается вышериведенной таблицы, она помѣщалась по нѣскольку разъ, то in extenso, то въ сокращенномъ видѣ, чуть во всѣхъ американскихъ газетахъ и журналахъ и перешла затѣмъ во всѣ новѣйшія изслѣдованія объ американской церкви. На нее въ теченіе послѣдняго десятилѣтія ссылались отчеты разнородныхъ религіозныхъ митинговъ, конвенцій и конференцій, какъ, напримѣрь, отчеты генеральной конференціи Евангелическаго Союза въ Нью-Йоркѣ за 1873 годъ и т. п. Словомъ, таблица эта въ извѣстной долѣ стала вполне надежнымъ документомъ. Должно замѣтить при этомъ что въ Америкѣ болѣе достовѣрной таблицы нѣтъ.

Приведенная таблица имѣетъ много неотъемлемыхъ достоинствъ, если конечно воспользоваться ея цифровыми данными въ должной мѣрѣ. Группируя и сличая данныя, по ней можно установить безошибочно вѣрную характеристику внутреннего положенія различныхъ церквей и сектъ Америки, или, выражаясь иначе, можно свести балансъ ихъ благосостоянія. Чтобъ облегчить сличенія расположимъ прежде всего церкви и секты по порядку цифровыхъ величинъ; это не только облегчитъ, но и уяснитъ, а слѣдовательно и упроститъ дѣло.

ТАБЛИЦА РАСПОЛОЖЕНИЯ ЦЕРКВЕЙ И СЕКТЬ ПО ПОРЯДКУ ЦИФРОВЫХЪ ВѢДЕНИЙ.

Количество общинъ.	Количество храмовъ.	Количество оуднй.	Количество церковнаго имущества.
1. Методисты..... 25,278	1. Методисты..... 21,387	1. Методисты... 6,528,209	1. Методисты... 69,854,121
2. Баптисты..... 15,829	2. Баптисты..... 13,982	2. Баптисты... 4,360,135	2. Кароликъ... 60,985,565
3. Пресвитериане... 7,824	3. Пресвитериане... 7,071	3. Пресвитериан. 2,698,244	3. Пресвитериан. 53,265,265
4. Кароликъ..... 4,127	4. Кароликъ..... 3,806	4. Кароликъ... 1,990,514	4. Баптисты... 41,608,198
5. Христiane..... 3,578	5. Христiane..... 2,822	5. Конгрег... 1,117,212	5. Епископалы... 36,514,549
6. Лютеране..... 3,032	6. Лютеране..... 2,776	6. Епископалы... 991,051	6. Конгрег... 25,069,698
7. Конгрегационна. 2,887	7. Конгрегацион. 2,715	7. Лютеране... 977,332	7. Реформаты... 16,134,570
8. Епископалы..... 2,835	8. Епископалы..... 2,601	8. Христiane... 865,602	8. Лютеране... 14,917,747
9. Реформаты..... 1,727	9. Реформаты..... 1,613	9. Реформаты... 658,928	9. Христiane... 6,425,137
10. Соед. братья... 1,445	10. Соед. братья... 937	10. Соед. братья.. 265,025	10. Унитарiane... 6,282,675
11. Еванг. ассоциат. 815	11. Кнакеры..... 662	11. Кнакеры..... 224,664	11. Унитарiane... 5,692,325
12. Унитарiane... 719	12. Еванг. ассоц. 641	12. Унитарiane... 210,884	12. Еванг. ассоц. 5,155,234
13. Кнакеры..... 692	13. Унитарiane... 602	13. Еванг. ассоц. 193,796	13. Кнакеры... 3,939,560
14. Унитарiane... 409	14. Унитарiane... 562	14. Еванг. ассоц. 155,471	14. Еванг. ассоц. 2,301,650
15. Унитарiane... 331	15. Унитарiane... 310	15. Унитарiane... 153,202	15. Соед. братья... 1,819,810
16. Авантусты... 225	16. Мормоны... 171	16. Мормоны... 87,838	16. Унитарiane... 985,295
17. Еванг. ассоц. 189	17. Еванг. ассоц. 152	17. Еванг. ассоц. 73,265	17. Унитарiane... 869,700
18. Мормоны..... 189	18. Авантусты... 140	18. Авантусты... 34,545	18. Реформаты... 709,100
19. Сипурты..... 95	19. Реформаты... 67	19. Реформаты... 25,700	19. Мормоны... 656,750
20. Унитарiane... 90	20. Унитарiane... 61	20. Унитарiane... 18,755	20. Авантусты... 306,240
21. Реформаты... 72	21. Сипурты... 22	21. Сипурты... 8,850	21. Сипурты... 100,090
22. Шекеры..... 18	22. Шекеры..... 18	22. Шекеры... 6,970	22. Шекеры... 86,900
23. Остальныя..... 53	23. Остальныя..... 44	23. Остальныя... 18,860	23. Остальныя... 823,450

Итакъ, мы видимъ что церкви и секты относительно мѣста занимаемаго въ рубрикахъ то повышаются, то понижаются, то остаются въ равновѣсіи; очевидно что и внутреннее состояніе ихъ должно отвѣчать этимъ колебаніямъ. Напримѣръ методисты и пресвитеріане остаются въ равновѣсіи; это значитъ что у нихъ на количество общинъ достаточно храмовъ и церковныхъ сидѣній и что ихъ церковное имущество повидимому вполне отвѣчаетъ религіознымъ потребностямъ и цѣлямъ. Баптисты въ первыхъ трехъ рубрикахъ стоятъ на второмъ мѣстѣ, а относительно церковнаго капитала на четвертомъ; это значитъ что имѣя на количество общинъ соответствующее количество храмовъ и церковныхъ сидѣній, они не располагаютъ достаточными средствами для религіозныхъ цѣлей. Католики въ первыхъ трехъ рубрикахъ стоятъ на четвертомъ мѣстѣ, а относительно церковнаго имущества на второмъ; это ясно говоритъ что католицизмъ въ Америкѣ очень богатъ, что онъ владѣетъ болѣе чѣмъ достаточными матеріальными средствами для осуществленія своихъ задачъ. Христиане въ первыхъ двухъ рубрикахъ занимаютъ пятое мѣсто, въ третьей—осьмое, а въ четвертой девятое; слѣдовательно, на число общинъ храмовъ у нихъ достаточно, но храмы эти малы, такъ какъ вмѣщаютъ въ себѣ малое число сидѣній; средствъ же у нихъ еще меньше, такъ какъ относительно церковнаго имущества опускаются разомъ на четыре рубрики внизъ. Епископалы въ первыхъ двухъ рубрикахъ занимаютъ осьмое мѣсто, въ третьей поднимаются на шестое, а въ четвертой даже на пятое мѣсто; очевидно они имѣютъ достаточное количество храмовъ, храмы эти обширны, такъ какъ вмѣщали въ себѣ большое количество сидѣній, а средства ихъ очень блестящи. Слѣдуя этому руководству, по приведенной таблицѣ можно прослѣдить всѣ церкви и секты Америки и получить приблизительно вѣрную характеристику каждой изъ нихъ.

Но характеристики эти будутъ все-таки не полны, общи и условны. Слова „достаточное“ и „недостаточное количество“ хотя и даютъ нѣкоторое опредѣленіе предмета, но опредѣленіе само нуждающееся въ дальнѣйшихъ цифровыхъ данныхъ. Въ виду этого обстоятельства вновь обращаемся къ вышешприведенной таблицѣ и на основаніи ея постараемся добыть дополнительныя свѣдѣнія. Вопервыхъ, если извѣстно количество общинъ и храмовъ у различныхъ церквей

и сектъ, то чрезъ простое вычитаніе возможно получить количество общинъ оставшихся у церквей и сектъ въ 1870 году безъ храмовъ. Вторыхъ, если извѣстно количество сидѣній въ храмахъ и количество самихъ храмовъ, то чрезъ простое дѣленіе возможно установить среднюю вместимость храмовъ, то-есть сколько въ среднемъ выведъ сидѣній въ храмахъ различныхъ церквей. Третьихъ, если извѣстно количество церковнаго имущества и число храмовъ, то чрезъ дѣленіе можно вывести среднюю стоимость храмовъ у различныхъ сектъ. * Четвертыхъ, если известны средняя стоимость храма и среднее количество сидѣній въ храмѣ, то чрезъ дѣленіе можно опредѣлить среднюю стоимость единичнаго сидѣнія въ храмахъ различныхъ американскихъ сектъ. Но всѣ эти свѣдѣнія не имѣли бы надлежащей цѣны еслибъ изъ вышеприведенной таблицы нельзя было извлечь другихъ, болѣе существенныхъ для сличенія данныхъ. Дѣло въ томъ что при дальнѣйшей помощи дѣленія можно установить: первыхъ, нормальную вместимость американскаго храма; вторыхъ, нормальную стоимость единичнаго американскаго храма, и третьихъ, нормальную же стоимость одного церковнаго сидѣнія въ Америкѣ. Для общій итогъ количества сидѣній на общій итогъ количества храмовъ, получимъ первое; для общій итогъ церковнаго имущества на общій итогъ числа храмовъ, получится второе, и для общую стоимость единичнаго храма на число сидѣній въ храмѣ, получимъ третье. Всѣ эти данныя группируются въ слѣдующей таблицѣ:

* Строго говоря, церковное имущество обнимаетъ собою не одни только храмы, но и поземельную собственность, церковно-служительскіе дома, семинаріи, благотворительныя заведенія, капиталы и т. д. Но такъ какъ предметы эти имѣютъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ вѣроученію церквей, центромъ котораго служатъ храмы, то мы приурочиваемъ его спеціально ко храму.

Дополнительная таблица церквей и сектъ въ С. Ш. Америкѣ за 1870 годъ.

Наименованіе церквей и сектъ.	Сколько остав- шихъ осва- дителей безъ хра- мовъ.	Сколько оидъ- ній приходе- ловъ на каж- дый храмъ.	Сколько сто- ялъ въ сред- нѣ выво- дъ каждаго храма на дол.	Сколько стоило единичное сидѣнье на доллары.
Адвентисты	85	246	2.187	отъ 8 до 9
Баптисты.....	1.867	312	2.980	" 9—10
Геррагутеры	5	868	10.583	" 28—29
Евангел. ассоціація	174	302	3.590	" 11—12
Епископальная цер- ковь.....	234	381	14.086	" 36—37
Квакеры	30	389	5.950	" 11—12
Комгрегациональ- ны	172	411	9.233	" 22—23
Лютеране	256	352	5.373	" 15—16
Методисты	3.941	305	3.273	" 10—11
Пресвитеріане.....	753	383	7.532	" 19—20
Реформатская цер- ковь	114	408	10.002	" 24—25
Сведенборгіане	29	307	14.257	" 46—47
Соединенная во Христѣ братья...	508	282	1.942	" 6— 7
Униатская секта...	143	277	1.748	" 6— 7
Универсалисты	117	350	9.455	" 27—28
Уаичаріане	21	501	20.263	" 40—41
Христиане	756	306	2.276	" 7— 8
Шекеры	—	491	4.827	" 9—10
Остальные	9	428	18.714	" 43—44
Всего у протестант.	8.928 средн.	331 средн.	4.880 средн.	отъ 14—15
Римскіе католики...	321	523	16.023	" 30—31
Евреи.....	37	482	33.916	" 70—71
Мормоны.....	18	513	3.840	" 7— 8
Спириты.....	73	317	4.547	" 14—15
Всего у трехъ пос- лѣднихъ.....	128 средн.	487 сред.	17.136 средн.	отъ 35—36
Общій итогъ	9.377 средн.	341 сред.	5.619 средн.	отъ 16—17

Таблица эта проливаетъ на внутреннее состояніе амери-
канскихъ церквей и сектъ совѣтъ иной свѣтъ чѣмъ первая
и вторая таблицы. Если тѣ обрисовывали только общій кон-
туръ ихъ положенія, то эта набрасываетъ на контуръ тѣмъ
и отбѣлки, отчего самый предметъ картины выступаетъ съ

большою рельефностию. Словомъ, она даетъ возможность произвести сличеніе церквей и сектъ въ возможно широкомъ размѣрѣ. Прежде всего она устанавливаетъ необходимый для сличенія масштабъ и затѣмъ опредѣляетъ подлежащій сличенію предметъ, т.-е. даетъ детали. Что касается масштаба, то имъ служатъ: вопервыхъ, нормальная вмѣстимость американскаго храма, 341 сидѣнье; во вторыхъ, нормальная стоимость американскаго храма, 5.619 долларамъ, и втретьихъ, нормальная стоимость американскаго церковнаго сидѣнья, отъ 16 до 17 долларовъ. Съ этимъ масштабомъ разобрать и разоблачить цифровыя детали таблицы уже не трудно.

По первой и второй таблицѣ оказывалось что у секты методистовъ на число общинъ было по видимому достаточное количество храмовъ и сидѣній и что матеріальныя средства вполнѣ отвѣчали ихъ религіознымъ потребностямъ. Такъ ли это въ дѣйствительности? Нѣтъ. Въ 1870 году у методистовъ 3.941 община (болѣе чѣмъ одна треть сравнительно съ общинами итогомъ всѣхъ церквей и сектъ) оставалась безъ храмовъ; храмы по своей вмѣстимости стояли далеко ниже нормы американскаго храма (только 305 сидѣній); по стоимости храмы стояли также ниже нормы (всего 3.273 доллара), а единичное сидѣнье стоило на одну треть ниже нормальной цѣны (т.-е. 10—11 долларовъ). Занимая первое мѣсто среди цифровыхъ итоговъ другихъ церквей и сектъ, секта методистовъ должна сознаться что у нея слишкомъ много (одна изъ шести) общинъ оставалось безъ молитвенныхъ зданій, что храмы у остальныхъ общинъ были сравнительно малы по вмѣстимости, что храмы эти были очень дешевы, т.-е. не имѣли надлежащаго благолѣпія и что конгрегациі ихъ не богаты, иначе онѣ построили бы болѣе просторныя и цѣнные храмы, въ которыхъ сидѣнья стоили бы не ниже нормы. При такихъ выводахъ очевидно что все видимое богатство методистовъ оказывается иллюзіей. Методизмъ въ Америкѣ бѣдѣнъ.

Балтизмъ по первымъ таблицамъ оказывался несостоятельнымъ со стороны матеріальнаго обезпеченія. Дополнительная таблица даетъ тотъ же результатъ. Въ 1870 году у него 1.867 общинъ оставалось безъ храмовъ; вмѣстимость и стоимость храмовъ и стоимость сидѣній были у него не только ниже нормы, но и ниже чѣмъ въ сектѣ методистовъ. Очевидно что въ Америкѣ баптизмъ бѣдѣнъ методизма. Его шансы очень слабы.

Секта пресвитеріанъ по первымъ таблицамъ была въ условіяхъ благопріятныхъ. Тотъ же результатъ извлекается и изъ дополнительной таблицы. У пресвитеріанъ въ 1870 году на 7.824 общины только 753 оставались безъ храмовъ; храмы другихъ общинъ были просторны (по 383 сидѣнья въ каждомъ), стоили они довольно дорого (по 7.532 доллара) и стоимость сидѣнья немногимъ превышала норму (отъ 19—20 долларовъ каждое). Словомъ, у пресвитеріанъ цифровыя данныя находились въ полной гармоніи.

Занимая по числу общинъ, храмовъ и сидѣній четвертое мѣсто во второй таблицѣ, Римско-Католическая церковь относительно церковнаго капитала переходитъ на второе мѣсто. Обстоятельство это ясно говоритъ что церковь Рима владѣетъ въ Америкѣ болѣе чѣмъ достаточными средствами. И дѣйствительно, въ 1870 году у нея оставалось всего 321 община безъ храмовъ, храмы были очень просторны (по 523 сидѣнья въ каждомъ), стоили они въ три раза дороже противъ нормы (по 16.023 доллара каждый), приходы были богаты, такъ какъ могли построить дорогія молитвенныя зданія, въ которыхъ каждое сидѣнье стоило вдвое дороже противъ нормальной цѣны (отъ 30 до 31 доллара каждое). Очевидно что въ 1870 году Римско-Католическая церковь въ Америкѣ находилась въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ; ея настоящее положеніе было обезпечено, и въ будущемъ ей улыбался громадный успѣхъ.

Продолжая по указанному способу сличать цифровыя данныя таблицъ, мы могли бы охарактеризовать по порядку всѣ церкви и секты Америки, еслибъ это было необходимо. Но намъ кажется что подобная работа совершенно излишняя для нашей цѣли. Намъ хотѣлось охарактеризовать только главныя американскія церкви и секты чтобы въ послѣдствіи установить картину взаимнаго отношенія ихъ между собою. Церкви и секты по цифровымъ даннымъ второстепенныя, усложняя работу, не выясняютъ современныхъ животрепещущихъ церковныхъ вопросовъ Америки, а потому ихъ лучше всего обходить, гдѣ возможно, молчаніемъ. По пословицѣ: большимъ кораблямъ большое и плаваніе; малыя суда и ладьи играютъ въ дѣлѣ мореходства второстепенную, вспомогательную роль при тѣхъ же большихъ корабляхъ.

При всѣхъ неоспоримыхъ достоинствахъ таблица статистическаго бюро въ Вашингтонѣ имѣетъ и свои недостатки.

Она прежде всего не указываетъ числа членовъ въ различныхъ деноминаціяхъ Америки. Повидимому бюро опускаетъ этотъ отдѣлъ вслѣдствіе его неопредѣленности и условности. Намъ казалось невозможнымъ приводить таблицу съ подобнымъ вопиющимъ пробѣломъ и потому мы постарались восполнить его сами по свѣдѣніямъ разбросаннымъ преимущественно въ обширномъ (одиннадцать томовъ) американскомъ изданіи *Deutsch-amerikanisches Conversations-Lexicon* профессора Александра Шема. Всѣ собранныя свѣдѣнія мы помѣщаемъ въ слѣдующей таблицѣ:

**ТАБЛИЦА ЧИСЛА ЧЛЕНОВЪ ВЪ ЦЕРКВАХЪ И СЕКТАХЪ СЪ-
БЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТОВЪ ЗА 1870 ГОДЪ.**

Наименованіе церкви и сектъ.	Число актив- ныхъ членовъ.	Число членовъ вообще.
Адвентисты.....	36.000	—
Балтисты.....	2.806.000	—
Геригутеры.....	8.000	—
Евангелическая ассоціація.....	83.000	—
Епископальная церковь.....	220.000	—
Квакеры.....	14.000	—
Комгрегационалисты.....	319.000	—
Лютеране.....	539.000	—
Методисты.....	2.060.000	—
Пресвитеріане.....	757.000	—
Реформатская церковь.....	196.600	—
Сведенборгіане.....	4.000	—
Соединенные во Христѣ братія....	125.000	—
Униатская секта.....	10.000	—
Универсалисты.....	60.600	—
Унитаріане.....	30.000	—
Христиане.....	57.000	—
Шекеры.....	6.000	—
Всего у протестантовъ.....	6.830.000	22.000.000
Римско-Католическая церковь.....	6.000.000	6.000.000
Евреи.....	250.000	250.000
Мормоны.....	115.000	115.000
Спириты.....	—	2.500.000

Здѣсь слова „активный членъ“ требуютъ поясненія, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ далеко не полное и не однородное опредѣленіе. Дѣло въ томъ что представители различныхъ протестантскихъ церквей и сектъ соединяютъ съ ними

совершенно разнородныя представленія. Епископалы и лютеране активными членами считаютъ тѣхъ членовъ церкви вообще которые конфирмованы по обряду ихъ исповѣданія. Балтисты качество активности придаютъ къ тѣмъ членамъ церкви которые въ зрѣломъ возрастѣ подверглись крещенію ихъ секты. Нѣкоторые методисты и пресвитеріане, а равно конгрегационалисты, то-есть секты допускающія участіе мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ наименованіе активнаго члена усваиваютъ тѣмъ мірянамъ которые пользуются правомъ голоса на церковныхъ собраніяхъ. Другія секты присваиваютъ это наименованіе лицамъ заявившимъ о своемъ желаніи принадлежать къ извѣстному приходу и нести опредѣленныя церковныя повинности. Еще иныя придаютъ его тѣмъ прихожанамъ которые арендуютъ на тотъ или иной срокъ сидѣнья въ церкви. Католики активными членами называютъ всѣхъ кто не только крещенъ по обряду Римской церкви, но и рожденъ отъ католическихъ родителей. Такимъ образомъ оказывается что въ то время какъ католики наименованіе активнаго члена присваиваютъ всѣмъ членамъ церкви вообще (то же должно сказать о Евреяхъ и мормонахъ), безъ различія возраста и пола, церковь протестантская дѣлаетъ строгое разграниченіе между членами церкви вообще и активными членами въ частности. По понятію послѣдней, въ составъ активныхъ членовъ не входятъ прежде всего дѣти, не имѣющія ни полнаго сознанія для полученія крещенія (какъ это требуется у балтистовъ) или конфирмаціи (какъ того требуютъ епископалы и лютеране), ни правъ собственности для аренды сидѣній, ни правъ свободнаго выбора секты, ни естественнаго развитія и зрѣлости для участія въ дѣлахъ церковныхъ (у методистовъ и другихъ сектъ). Съ другой стороны, наименованіе это не переносится нѣкоторыми сектами на женщинъ, напримѣръ нѣкоторыми пресвитеріанскими, методистскими и другими сектами. Наконецъ, по понятію нѣкоторой части деноминацій, активнымъ членомъ не можетъ быть человекъ явно не заявившій на то своего желанія, хотя бы онъ и посѣщаль аккуратно богослуженіе и исполняль всѣ обряды церкви. Различіе это отнюдь нельзя опускать изъ виду при сличеніи статистическихъ данныхъ Протестантской и Католической церквей. Оно ясно указываетъ что активный членъ величина вовсе не тождественная и не соизмѣримая въ противоположныхъ лагеряхъ. Въ Католической

церкви это всѣ члены церкви, въ Протестантской только часть. При сличеніи къ цифрамъ протестантскихъ сектъ слѣдовало бы прибавлять по крайней мѣрѣ библейскую формулу „разъ жень и дѣтей“. Чтобы получить сумму членовъ въ той или иной протестантской церкви и секты необходимо прибавить къ числу активныхъ членовъ число жень и дѣтей, а равно и число лицъ колеблющихся, то-есть умножить первое на четыре, на пять и даже на шесть, какъ это и дѣлаютъ исслѣдователи американскихъ церквей и сектъ *. Имѣя въ виду это обстоятельство легко понять что между приведенными выше таблицами, то-есть между числомъ активныхъ членовъ и числомъ церковныхъ сидѣній нѣтъ противорѣчія. У методистовъ — активныхъ членовъ 2.060.000, а сидѣній 6.528.209; у баптистовъ—активныхъ членовъ 2.306.000, а сидѣній 4.360.135; у пресвитеріанъ — активныхъ членовъ 757.000, а сидѣній 2.698.244; у католиковъ—членовъ церкви 6.000.000, а сидѣній 1.990.514. Это значитъ, конечно, не то чтобы на каждаго методиста необходимо было имѣть въ церкви три сидѣнья, на баптиста два, на пресвитеріанина три съ половиною, а для трехъ католиковъ только одно церковное сидѣнье и не то чтобы протестанты построили себѣ храмовъ въ два или три раза болѣе чѣмъ необходимо для удовлетворенія потребности, а просто то что число членовъ церкви далеко превосходитъ число активныхъ членовъ и что методистовъ въ Америкѣ около восьми милліоновъ душъ, баптистовъ около семи, пресвитеріанъ около четырехъ и т. д.

Второй и болѣе существенный недостатокъ таблицы статистическаго бюро состоитъ въ томъ что первая графа ея, то-есть „наименованіе церквей и сектъ“, отличается крайнею неполнотою. Въ свое время Деллацгеръ ** утверждалъ что въ Соединенныхъ Штатахъ Америки насчитывается по крайней мѣрѣ до семидесяти разнородныхъ сектъ и деноминацій; въ таблицѣ же ихъ указано менѣе половины этого

* См. *Deutsch-amerikanisches Conversations-Lexicon*, т. XI, стр. 196, гдѣ говорится слѣдующее: Nach den im 71.873 von den verschiedenen Kirchen veröffentlichten statistischen Berichten, zählten die sämtlichen protestantischen Kirchen ungefähr 6.800.000 erwachsene Mitglieder, was auf eine protestantische Gesamtbevölkerung von 21 bis 23 Mill. schließen lässt.

** См. *Kirche und Kirchen*, стр. 314.

числа. Неполнота эта происходитъ, какъ кажется, отъ ограниченности задачи коею задается статистическое бюро. Оно очевидно желаетъ дать возможно общія статистическія данныя о различныхъ сектахъ Америки, не заботясь о томъ какъ распадаются эти секты на частныя деноминаціи и въ какой мѣрѣ распределяются между ними общія цифровыя данныя. Съ этой стороны, бюро исполняетъ свое дѣло вполне добросовѣстно. Но задачи этой для изслѣдователя современнаго религіознаго положенія Соединенныхъ Штатовъ Америки очевидно недостаточно; она не вводитъ читателя въ кругъ тѣхъ идей которыя составляютъ средоточіе религіозной жизни Америки. Что касается самаго бюро, то оно при всемъ желаніи не въ силахъ дать болѣе подробныхъ цифровыхъ данныхъ относительно деноминацій. Дѣло въ томъ что церкви и секты живутъ въ Америкѣ особою, почти непонятною для Европы жизнью. Онѣ то дробятся, то соединяются, то вновь распадаются, то сливаются съ другими, повидимому, противоположными сектами, — и все это совершается не вслѣдствіе только религіозныхъ причинъ, религіозныхъ разногласій и единомысліи, — нѣтъ, на дробленіе и сліаніе сектъ имѣютъ вліяніе причины иногда вовсе не религіозныя, а иногда и совершенно стороннія для религіи. Напримѣръ, вопросъ о рабствѣ въ свое время раздѣлилъ всѣ главныя секты Америки на два враждебные лагеря: одинъ шелъ за рабство, другой противъ него. Теперь, когда этотъ вопросъ разрѣшенъ междуусобною войною и общегосударственнымъ законоположеніемъ, секты опять сближаются, примиряются и сливаются въ одно цѣлое, такъ какъ нѣтъ болѣе предлога для раздѣленія. Вопросъ о представительствѣ мірянъ въ дѣлахъ церковнаго управленія произвелъ также какъ и вопросъ о рабствѣ сильное измѣненіе въ численномъ составѣ деноминацій. Наибольшее распаденіе вызвалъ онъ въ сектѣ методистовъ. Но съ тѣхъ поръ какъ вопросъ этотъ нѣкоторыми методистскими деноминаціями рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, расколъ утихъ и миръ возстановился, съ тѣмъ однако отащивъ что секта методистовъ навсегда распалась на двѣ крайнія партіи, изъ коихъ одна за мірянами призываетъ въ принципѣ нѣкоторыя права на представительство въ церкви, другая же — ортодоксальная — отрицаетъ ихъ совершенно. Далѣе, секта „учениковъ Христа“ возрасла въ 1872 году разомъ чуть ли ни на двѣнадцать тысячъ чело-

вѣкъ, благодаря присоединенію къ ней одного лица, бывшего унитаріанскаго министра, г. Гелворта, за которымъ послѣдовала большая часть его бывшего прихода. Но за то секта унитаріанъ съ выходомъ Гелворта разомъ лишилась двѣнадцати тысячъ послѣдователей. Итакъ, обращеніе одного лица производить значительное измѣненіе въ численномъ составѣ двухъ разнородныхъ сектъ одновременно. Иногда секта удерживается въ извѣстномъ численномъ равновѣсїи только благодаря личнымъ качествамъ и талантамъ своихъ представителей. Конгрегационализмъ, напримеръ, давно и сильно сократился бы еслибы къ числу его вождей не принадлежалъ Генри Уардъ Бичеръ, одно изъ выдающихся проповѣдническихъ свѣтилъ Америки. Смѣло можно сказать что со смертію Бичера станетъ вымирать и конгрегационализмъ. Мы знаемъ наконецъ еще и такой фактъ. Въ одномъ мѣстечкѣ Нью-Йорккаго штата, Бабилонъ, конгрегація пресвитеріанъ устроила лѣтомъ 1871 года танцевальный вечеръ съ тѣмъ чтобы на вырученные деньги приобрести церковный колоколъ. Конгрегація, не видя грѣха въ увеселеніи, приняла дѣятельное участіе въ танцахъ, тѣмъ болѣе что сильно желала услышать звонъ со своей приходской колокольни. Приходскому министру не понравилась самая идея приобретенія колокола посредствомъ танцевъ,—не даромъ секта пресвитеріанъ до сихъ поръ остается вѣрною пуританскимъ традиціямъ. Въ ближайшій послѣ названнаго вечера воскресный день имъ была сказана сильная обличительная рѣчь съ церковной кафедры, которая закончилась эскоммуникаціей лицъ принимавшихъ участіе въ танцахъ. Приходъ, какъ и слѣдовало ожидать, возмущенъ поступкомъ пастора, и часть его безо всякаго сожалѣнія бросила пресвитеріанъ и перешла къ сектѣ баптистовъ. Церковь же пресвитеріанъ въ Бабилонѣ такъ и осталась безъ колокола.*

Эта своеобразность жизни американской церкви до такой степени часто и сильно измѣняетъ численный составъ деноминацій и усложняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ статистическія исчисления что сами министры затрудняются иногда сказать какъ велико число послѣдователей ихъ прихода и ихъ секты. Съ точностію они могутъ указать, во первыхъ, число сидѣній какъ въ ихъ собственной церкви, такъ и во всѣхъ

* См. *N.-Y. Journal*, отъ 19 іюня 1871 года, № 143.

храмахъ той секты къ которой принадлежать и, восторыхъ, число лицъ арендующихъ эти сѣдѣнья на тотъ или иной срокъ. Но тѣмъ и ограничиваются ихъ статистическія указанія. Само собою понятно что такой порядокъ вещей долженъ отражаться главнымъ образомъ на численіяхъ статистическаго бюро въ Вашингтонѣ, которое, какъ мы сказали выше, не имѣетъ ни правъ, ни возможности производить самостоятельную церковную псчисленія. На кого бы, впрочемъ, ни падала вина за неполноту приведенной таблицы, вѣрно то что во многихъ отношеніяхъ таблица эта положительно недостаточна. По ней нельзя составить себѣ полнаго, а потому и вѣрнаго понятія ни о внутреннемъ разложеніи протестантизма въ Америкѣ, ни о той изумительной силѣ которою отличается въ настоящее время церковь Римско-Католическая въ Соединенныхъ Штатахъ. Между тѣмъ пункты эти настолько существенны и важны что ихъ слѣдуетъ освѣтить въ той именно мѣрѣ какъ они того заслуживаютъ. Не слѣдуетъ забывать что на этихъ именно пунктахъ сосредоточивается въ настоящее время вся жизнь Американской церкви, та борьба которая ведется нынѣ между различными деноминаціями. Итакъ дабы вполнѣ понять современное положеніе религіозныхъ дѣлъ въ Америкѣ необходимо дополнить первую графу таблицы, — указать по крайней мѣрѣ тотъ фактъ *какъ обозначенныя въ ней церкви и секты подразделяются на мелкія деноминаціи.*

Въ этомъ отношеніи мы видимъ здѣсь слѣдующее:

I. *Адвентисты* (Adventists), которые называются также *Миллеритами* (по имени основателя секты Уильяма Миллера), распадаются на двѣ деноминаціи:

- 1) на *адвентистовъ* въ собственномъ смыслѣ;
- 2) на *седмидневныхъ адвентистовъ* (The seventh-day Adventists).

II. *Баттисты* (Baptists) распадаются на цѣлыхъ десять деноминацій; на:

1) *Баттистовъ регулярныхъ* (Regular Baptists), которые называются также *соединенными баттистами* (Associated Baptists), или *миссіонерствующими баттистами* (Missionary Baptists), или *баттистами строгаго причащенія* (Strict communion Baptists); ихъ въ 1870 году было 1.490.000 активныхъ членовъ.

2) *Баттистовъ свободной воли* (Free-will Baptists); ихъ было 70.000 акт. членовъ.

3) *Баттистовъ шести принциповъ* (Six-principle Baptists) до 3.000 акт. членовъ.

4) *Анти-мисіонерствующаѣ баттистовъ* (Anti-mission Baptists), они называются также *баттистами старой школы* (Old-School Baptists) и *антиномными баттистами* (Antinomian Baptists), до 105.000 акт. членовъ.

5) *Семидневнаѣ баттистовъ* (Seventh-day Baptists), до 7.000 акт. членовъ.

6) *Германскіѣ баттистовъ* (German Baptists); они называются также *братьями* (Brethren) и *тѣнкерами* (Tunkers), до 50.000 акт. членовъ.

7) *Германскіѣ семидневнаѣ баттистовъ* (German Seventh-day Baptists), до 1.000 акт. членовъ.

8) *Учениковъ Христа* (Disciples of Christ); они называются также *камбеллитами* или *камбеллитскими баттистами* (Campbellites), *церковію Христа* (the Church of Christ) и *христіанскою церковію* (Christian Church), до 500.000 акт. членовъ.

9) *Церковь Бога* (Church of God); сочлены этой общины называются также *Уайнбреннеріанами* (Winebrennerians), до 30.000 акт. членовъ.

10) *Меннонитовъ* (Mennonites), до 50.000 акт. членовъ.

III. *Гернгутеры* или *Моравскіѣ братья* (Moravians), сколько намъ извѣстно, не дробятся на деноминаціи.

IV. Не распадается также и *Евангелическая ассоціація* (Evangelical Association), иначе называемая еще и общиной *Германскіѣхъ Методистовъ* (German Methodists) и общиной *Альбрехтовѣхъ людей* (Albrechtsleute).

V. *Епископальная протестантская церковь* (Protestant Episcopal Church) распадается на пять направленій (формальнаго раздѣленія между четырьмя первыми еще не произошло).

1) На *высокую церковь* (High Church).

2) На *широкую церковь* (Broad Church).

3) На *низшую церковь* (Low-Church).

4) На *ритуалистовъ* (Ritualists).

5) На *реформатскую протестанто-епископальную церковь* (Reformed Protestant Episcopal Church), получившую начало въ ноябрѣ 1873 года и основанную подъ руководствомъ епископа Cunnins изъ Кентуки, въ Америкѣ.

- VI. *Квекеры* (Quakers) или *друзья* (Friends) распадаются на:
- 1) *Либеральныя квекеры* (Liberal Quakers) или *Hicksites*.
 - 2) *Ортодоксальныя квекеры* (Orthodox Quakers).
 - 3) *Прогрессивныя друзья* (Progressive Friends).

VII. *Конгрегационалисты* (Congregationalists), или *индипенденты* (Independents) не дробятся на деноминацію.

VIII. *Лютеранская церковь* (Lutheran Church) распадается на 54 известныя синода и вѣскольکو другихъ неизвѣстныхъ. Всѣ эти синоды только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ могутъ быть объединены въ слѣдующія группы:

- 1) *Общее церковное собраніе* (General Council).
- 2) *Общій церковный синодъ* (General Synod).
- 3) *Обще-церковный синодъ Лютеранской церкви въ конфедеративныхъ штатахъ* (General Synod of the Church in the confederate States).
- 4) *Обще-синодальную конференцію* (Allgemeine Synodal Conferenz).

Что касается синодовъ, не входящихъ въ эти группы, то они остаются въ разобщеніи.

IX. *Методисты* дробятся на одиннадцать деноминацій; на:

- 1) *Методисто-епископальную церковь* (Methodist-Episcopal Church), 1.272.000 акт. членовъ.
- 2) *Южно-методисто-епископальную церковь* (Methodist-Episcopal Church South), до 654.000 акт. членовъ.
- 3) *Африканскую методисто-епископальную церковь* (African Methodist-Episcopal Church), до 200.000 акт. членовъ.
- 4) *Африканскую методисто-епископальную церковь Сиона* (African Methodist-Episcopal Zion Church), до 164.000 акт. членовъ.
- 5) *Методисто-епископальную церковь Негровъ* (Coloured Methodist-Episcopal Church), до 68.000 акт. членовъ.
- 6) *Американское Уэслейское соглашеніе* (American Wesleyan Connection), до 20.000 акт. членовъ.
- 7) *Методисто-протестантскую церковь* (Methodist-Protestant Church), до 70.000 акт. членовъ.
- 8) *Церковь методистовъ* (Methodist Church), до 50.000 акт. членовъ.
- 9) *Свободно-методистскую церковь* (Free Methodist Church), до 6.000 акт. членовъ.
- 10) *Примитивно-методистскую церковь* (Primitive Methodist Church), до 2.900 акт. членовъ.

11) *Методисто-конгрегационалистов* (Methodist-Congregationalists), до 8.000 акт. членовъ.

X. *Пресвитерианская сѣтва* распадается на:

1) *Пресвитерианскую церковь* (Presbyterian Church), до 471.000 акт. членовъ.

2) *Южно-пресвитерианскую церковь* (Presbyterian Church South), до 93.000 акт. членовъ.

3) *Соединенных пресвитерианъ* (United Presbyterians), до 73.000 акт. членовъ.

4) *Кумберландских пресвитерианъ* (Cumberland Presbyterians), до 100.000 акт. членовъ.

5) *Реформатских пресвитерианъ* (Reformed Presbyterians), до 14.000 акт. членовъ.

6) *Объединенных реформатских пресвитерианъ* (Associated Reformed Presbyterians).

7) На нѣсколько *малыхъ общинъ*, всего до 5.000 акт. членовъ.

XI. *Реформатская церковь* распадается на двѣ отдѣльныя церкви:

1) *Реформатскую церковь въ Америкѣ* (Reformed Church in America), прежде называвшуюся *реформато-протестантскою голландскою церковью* (Reformed Protestant Dutch Church), до 64.000 акт. членовъ.

2) *Реформатскую церковь въ Соединенныхъ Штатахъ* (Reformed Church in United States), прежде называвшуюся *германскою реформатскою церковью* (German Reformed Church), до 132.000 акт. членовъ.

XII. *Сведенборгиане* (Swedenborgians) или *Новая церковь* (New-Church), или еще *Церковь новаго Иерусалима* (Church of the New-Jerusalem), не дробится.

XIII. Также не дробятся и *соединенные во Христа братья* (United Brethren in Christ).

XIV. *Униатская церковь въ Соединенныхъ Штатахъ* (Die unierte Kirche in den Vereinigten Staaten) или *Германскій евангелическій синодъ Запада* (Deutsch-Evangelische Synode des Westens) объединилась только въ началѣ 1872 года изъ прежнихъ своихъ составныхъ частей:

1) Собственно *Германскаго евангелическаго синода Запада* (Deutsch-Evangelische Synode des Westens).

2) *Соединеннаго евангелическаго синода Северо-Запада* (Vereinigte Evangelische Synode des Nordwestens).

3) *Соединеннаго евангелическаго синада Востока* (Vereinigte Evangelische Synode des Ostens).

XV. *Универсалисты* (Universalists) образуютъ одну нераздѣльную общину.

XVI. *Унитаріане* (Unitarians) также не распадаются на деноминаціи.

XVII. *Христіане* (Christians) или *Христіанское согласіе* (Christian Connection) распадаются на двѣ вѣтви:

1) *Христіанское согласіе* въ собственномъ смыслѣ.

2) *Южное христіанское согласіе* (Southern Christian Connection).

XVIII. *Шекеры* (Shakers) или *Соединенное общество вѣрующіихъ во второе пришествіе Христова* (United Society of Believers in Christ's Second Appearing) не дробятся на вѣтви.

XIX. Въ рубрику „остальные“ входятъ всѣ *малочисленныя, малоизвѣстныя и малоуважаемыя протестантскія общины*, которымъ по тому не отводится самостоятельнаго мѣста, какъ напримѣръ *игвингиты, библейскіе коммунисты, гармонисты* и т. п.

Такимъ образомъ Протестантская церковь въ Америкѣ дробится въ настоящее время по крайней мѣрѣ на шестьдесятъ разнородныхъ и болѣе видовыхъ деноминацій. Деноминаціи эти носятъ отличительныя наименованія, живутъ особою, вполнѣ самостоятельную жизнь и вичуть не зависятъ одна отъ другой. Каждая изъ нихъ представляетъ, строго говоря, одну опредѣленную единицу, которую отнюдь нельзя смѣшивать или сливать и отождествлять съ другими подобными же однородными единицами. Каждая изъ нихъ, какъ бы ни была ова малочисленна по числу послѣдователей и незначительна по жизненному проявленію, выдѣляется вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ причинъ въ особый церковный организмъ, отличается отъ остальныхъ то пунктами вѣроученія, то своеобразиемъ обряда, то внутреннею организаціей и дисциплиной и имѣетъ самостоятельную исторію. Рознь между ними такъ велика что у иностранца волей-неволей возникаетъ мысль что въ Америкѣ существуютъ не исповѣданія, не церкви и секты, а однѣ только деноминаціи.

Рука объ руку съ распаденіемъ протестантизма на деноминаціи идетъ сепаратизмъ. Духъ религіознаго сепаратизма развитъ среди американскихъ сектъ и деноминацій до чрезвычайности. Замѣчательно что наибольшая нетерпимость

обнаруживается у нихъ къ тѣмъ именно родственнымъ деноминаціямъ съ которыми онѣ связаны единствомъ ученія и отъ которыхъ разобщены разнохарактерностію обряда, администраціи и дисциплины, то-есть предметами второстепенной важности въ дѣлѣ религіи. Напримеръ, высокоцерковникъ и низкоцерковникъ въ церкви епископальной—это такіе враги которые отзываются другъ о другѣ только съ презрѣніемъ и озлобленіемъ. Я спросилъ однажды принадлежавшую къ высокой церкви даму, въ какую церковь она ходитъ, въ ту ли которая стоитъ около ея дома, или въ какую-либо иную. На этотъ повидимому простой и совершенно безъ задней мысли заданный вопросъ дама обидчиво отвѣтила: „нѣтъ, я не хожу въ соседнюю церковь,—она слишкомъ высока для меня. Я ненавижу высокую церковь. Помоему лучше вовсе не ходить въ церковь чѣмъ ходить въ эту; я ни за что не пойду туда.“ Далѣе; выдѣлившійся изъ высокоепископальной церкви ритуализмъ поселилъ между послѣдователями двухъ направленій такую вражду. изъ-за обрядовыхъ мелочей,—цвѣта облаченій, куренія оуміама, католическихъ присѣданій и т. д., что они не могутъ говорить другъ о другѣ въ спокойномъ тонѣ.

Приведемъ еще одинъ, очень пикантный примѣръ.

Осенью 1873 года въ Нью-Йоркѣ происходила генеральная конференція Евангелическаго Союза. Она имѣла цѣлю установить для Протестантской церкви Америки нѣчто въ родѣ видимаго единства, чтобы совокупными силами дѣйствовать противъ общаго врага—католицизма. Чтобы придать конференціи большее значеніе, главные ревнителѣ дѣла постарались раздуть ее въ необычайное событіе; религіозная, а за нею и политическая ежедневная печать, конечно, съ голоса ревнителѣ, утверждала что по своимъ практическимъ результатамъ конференція Союза будетъ играть для Протестантской церкви ту же роль какую для церкви Римско-Католической играетъ теперь послѣдній Ватиканскій соборъ. Дѣйствительно, въ Протестантской церкви замѣчалось въ то время необычайное движеніе. Большая часть сектъ и деноминацій была увлечена одною мыслию—соединиться, слиться въ одинъ организмъ во имя взаимной любви къ Господу Иисусу. Какъ и слѣдовало ожидать, практическихъ результатовъ конференція не добилась никакихъ. Члены ея наговорили цѣлую бездну комплиментовъ другъ другу,

потоковали о состоявшемся будто бы объединеніи, погнали гимны чудному единенію и разѣхались въ разныя стороны, счастливые тѣмъ что подъ прикрытіемъ американской свободы имъ пришлось остаться при прежнихъ религіозныхъ возрѣніяхъ, вѣрованіяхъ, обрядахъ, предразсудкахъ и предубѣжденіяхъ. Конференція происходила между 2 и 12 числа октября. Въ теченіе этого времени были два воскресные дня. Кому-то изъ делегатовъ еще на предварительныхъ засѣданіяхъ пришла въ голову счастливая мысль воспользоваться однимъ изъ этихъ воскресныхъ дней для видимаго обнаруженія единства Протестантской церкви. Онъ предложилъ устроить что-то въ родѣ универсальной мессы, и притомъ въ виду того предположенія что делегатамъ различныхъ вѣтвей Союза, т.-е. представителямъ разнородныхъ протестантскихъ церквей и сектъ, всего приличнѣе собраться въ это время около одного алтара Господня и, отложивъ поочередно о всемъ мірскомъ, временномъ и преходящемъ и забывъ всѣ прежніе споры, несогласія и раздоры, приступить къ общей вечери любви. Дѣйствительно, они имѣли бы здѣсь наилучшій случай заявить міру о своемъ видимомъ единствѣ во Христѣ. „Но, по словамъ *N. Y. Herald*, отъ 25 августа 1873 года,—Союзу не удалось совершить подобное богослуженіе; утверждаютъ что виной этой неудачи послужило его боязливое уваженіе и опасеніе балтистовъ, совѣсть коихъ не дозволила бы приступить къ общей трапезѣ съ христіанами крещеными не чрезъ погруженіе.“ Итакъ, въ то время когда вся Протестантская церковь пламенно стремилась объединиться для дѣйствія противъ общаго врага и когда повидимому ей надлежало забыть всѣ прежніе споры, несогласія, распри и противоборства, Союзу приходилось изворачиваться на всѣ лады чтобы предотвратить выраженіе несогласія и вражды даже на кратковременныхъ засѣданіяхъ его конференціи. Что же стало бы съ делегатами Союза еслибы конференція вмѣсто десяти дней растянула свои засѣданія на цѣлый мѣсяць?

Религіозное разложеніе и религіозный же сепаратизмъ до такой степени присущи атмосферѣ Новаго Свѣта что почти нельзя указать ни одной американской церкви, секты и деноминаціи которая избѣгла бы ихъ вліянія. Самыя закоренѣлыя въ религіозномъ консерватизмѣ секты, готовыя въ Европѣ кровію отстаивать свои вѣрованія и вѣками нажитые обряды, въ Америкѣ увлекаются общимъ потокомъ

жизненной рѣки и начинаютъ разлагаться. Евреи, эти столпы религіознаго консерватизма въ Европѣ дробятся въ Америкѣ прежде всего на двѣ главныя вѣтви: на ортодоксальныхъ Евреевъ и Евреевъ реформатствующихъ, и затѣмъ каждая изъ этихъ вѣтвей распадается на нѣсколько толковъ. Съ другой стороны, секты специально-американскаго происхожденія, которыя болѣе всего усвоили себѣ послѣднее слово религіи янки и могли бы поэтому удовлетворить и успокоить пылливый духъ религіознаго мышленія Американца, и тѣ не въ силахъ уберечься отъ разложенія и стремленія къ обособленію. Мы видѣли выше что мормоны дробятся на просто-мормоновъ и на реорганизованныхъ мормоновъ, а между тѣмъ вѣроученіе ихъ секты есть послѣднее слово религіи янки. Строго говоря, только одна Римско-Католическая церковь не подвергается въ Америкѣ дробленію и разложенію. Но фактъ этотъ еще не доказываетъ того чтобы среди нея не нарождалось людей недовольныхъ; вѣтъ, людей недовольныхъ Католическая церковь производитъ болѣе чѣмъ достаточно, но Римская церковь всегда умѣла и умѣетъ отлично справляться съ ними. Разъ установивъ вѣроученіе и сдѣлавъ его безусловно-обязательнымъ для всѣхъ вѣрующихъ, она людей недовольныхъ или заставляетъ молчать, то-есть дѣлаетъ ихъ безвредными для себя, или же, въ крайнемъ случаѣ при помощи экскоммуникаціи выбрасываетъ за бортъ своего корабля въ бурное море протестантизма. Этимъ простымъ средствомъ она парализуетъ недовольный элементъ въ самомъ корнѣ, а съ другой стороны достигаетъ еще и иной, весьма существенной пользы. Сберегая себя отъ разложенія, она всѣхъ религіозныхъ энтузіастовъ спроваживаетъ въ протестантскій лагерь, напередъ увѣренная что эти люди не успокоятся въ немъ и своею горячею дѣятельностію причинять ему существенный вредъ. Словомъ, въ рукахъ Рима экскоммуникація такая оца съ которой можно и должно драть двѣ шкуры; она убергаетъ отъ разложенія католицизмъ и вноситъ въ протестантизмъ наилучшее средство къ разложенію.

Итакъ, общій выводъ изъ этой главы слѣдующій:

Вопервыхъ, протестантизмъ на почвѣ Америки разлагается на деноминаціи и въ виду этого превращается въ такую величину которая лишена какъ реальнаго воплощенія, такъ равно и необходимаго численнаго опредѣленія.

Восторжась, въ протестантизмѣ каждая отдѣльная деноминація является опредѣленною единицей, которая представляетъ величину несоизмѣримую въ сличеніи какъ съ другими протестантскими деноминаціями, такъ и другими не-протестантскими исповѣданіями.

Втретьихъ, католицизмъ на почвѣ Новаго Свѣта растетъ и крѣпнеть.

Вчетвертыхъ, ни одна деноминація въ Америкѣ не выдерживаетъ параллели при сличеніи успѣховъ за послѣднее столѣтіе съ Римско-Католическою церковію. Противъ 6 миліоновъ католиковъ стоитъ въ настоящее время протестантскій лагерь, правда, очень многочисленный, состоящій изъ 6.830.000 активныхъ членовъ или 22 милліоновъ членовъ вообще, но лагерь этотъ распадается по крайней мѣрѣ на 60, а то и болѣе, отдѣльныхъ, самостоятельныхъ и даже враждебныхъ другъ другу деноминацій. На сторонѣ католиковъ вышнее единство, внутреннее единодушіе, лояльность корпораціи, матеріальныя средства; на сторонѣ деноминацій крайняя рознь, взаимное недоброжелательство, недовѣріе, стремленіе къ отдѣльному, сепаративному существованію и сравнительный недостатокъ средствъ въ главныхъ его представителяхъ (т.-е. у методистовъ и баптистовъ). Очевидно что въ жизненномъ значеніи ни одна деноминація не въ силахъ конкурировать съ церковію Рима.

Впятыхъ, католицизму предстоитъ бороться противъ разобщенныхъ, а потому и незначительныхъ силъ; сладить съ ними порознь несравненно легче. Нужно только время—и дѣло Католической церкви будетъ сдѣлано, то-есть религіозное поле въ Америкѣ будетъ принадлежать въ будущемъ католицизму.

Вшестыхъ, если принять во вниманіе быстроту роста Католической церкви въ Америкѣ за послѣднее столѣтіе, то можно сказать что будущее преобладаніе ея въ Соединенныхъ Штатахъ отдѣлено отъ насъ сравнительно незначительнымъ періодомъ времени; оно стоитъ уже при дверяхъ.

Итакъ, все прошло и ста лѣтъ со времени провозглашенія въ Новомъ Свѣтѣ независимости церкви отъ государства какъ уже картина взаимнаго отношенія церквей и сектъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки измѣнилась совершенно. Что же будетъ съ этою картиной если каууть въ вѣчность

еще сто лѣтъ и если развитію католицизма за это время не будетъ противолоставлено серьезныхъ преградъ? Вотъ вопросъ надъ которымъ задумываются теперь воѣ мыслящіе люди Америки.

VI. Римско-Католическая церковь въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.

Куда устремлены взоры Рима? — Положеніе дѣлъ въ Германіи, Бельгіи и Англійи. — Католицизмъ спавнѣе протестантизма. — Конституціонализмъ развязываетъ руки католицизму. — Лордъ Боатморъ и колонія Мериландъ. — Toleration Act of 1649. — Англійская революція и гоненіе папизма. — Провозглашеніе независимости измѣняетъ положеніе дѣлъ. — Прибытіе іезуитовъ. — Проложенный путь. — Статистика роста Католической церкви въ Америкѣ. — Эмиграція и статистика переселенцевъ. — Congregatio de propaganda fide и миссіонерскія резиденціи. — Tombs на Centre Street и католическая капелла. — Островъ Ward и постройка католической церкви на общественный счетъ. — Смѣшанный бракъ. — Общество взаимной помощи. — Католическій воюющей союзъ креста. — Орденъ соединенныхъ Американцевъ.

Въ странахъ католическаго міра, какъ Австрія, Италія, а тѣмъ болѣе Франція и Испанія, Римскому престолу приходится нынѣ или вести борьбу стремясь удержать власть и вліяніе, завѣщанная прошлымъ, или со скорбію въ сердцѣ видѣть какъ урѣзываются крайнія проявленія его силы и вліянія. Римъ говоритъ вѣрующему: ты обязанъ прежде всего быть католикомъ, а затѣмъ уже тебѣ предоставляется право быть Французомъ, Испанцемъ, Италіянцемъ и т. д.; интересы твоего духовнаго отечества, Рима и Католической церкви, должны быть у тебя во всѣхъ обстоятельствахъ твоей жизни на первомъ планѣ; хорошій католикъ долженъ вѣрить въ палу и безусловно подчиняться его волѣ. Власть государственная говоритъ гражданину: ты обязанъ прежде всего быть Французомъ, Италіянцемъ, Австріянцемъ, а затѣмъ тебѣ въ болѣшей или меньшей мѣрѣ дается право распоряжаться религіозными потребностями; ты обязанъ быть хорошимъ гражданиномъ, а для этого прежде всего долженъ быть патріотомъ, будешь ли ты католическимъ или протестантскимъ патріотомъ для насъ, власти государственной, это безразлично, — намъ нужно чтобы ты былъ

патріотомъ. Само собою помнато что государства эти не особенно веселятъ сердце палы; онъ получаетъ изъ нихъ извѣстія о постоянныхъ притѣсненіяхъ Католической церкви, объ ограниченіяхъ и уничтоженіяхъ прежнихъ ея привилегій, о разнаго рода принудительныхъ мѣрахъ относительно клира, ордена іезуитовъ, католическаго образованія и воспитанія и т. д., а потому испытываетъ все новыя и новыя разочарованія. По временамъ ему такъ надоѣдаютъ эти страны что онъ готовъ вовсе не заниматься ими.

Заботы Рима за послѣднія десятилѣтія направлялись къ другимъ государствамъ, гдѣ подъ покровительствомъ религіозной свободы ему была открыта возможность къ самой широкой дѣятельности. Здѣсь церковь Католическая развивалась въ полномъ смыслѣ этого слова; она пріобрѣтала новыхъ прозелитовъ, денежныя богатства и вліяніе на общественныя и даже государственныя дѣла. И какъ было ей не развиваться когда въ этихъ странахъ государство почти отдѣлило отъ себя церковь, когда предоставило церкви независимость, когда всѣмъ гражданамъ дана была свобода совѣсти, то-есть когда каждому исповѣданію развязаны были руки для дѣятельности? Дѣятельность при новыхъ условіяхъ была заманчива, тѣмъ болѣе что обѣщала богатые результаты. И вотъ эти-то результаты даютъ себя знать въ Германіи, Бельгіи и Англии.

Въ Германіи Католическая церковь разрослась такъ сильно и вліяніе ея на общественныя и государственныя дѣла пустило такіе глубокіе корни что для ея обузданія издааны были желѣзнымъ канцлеромъ майскіе законы. Борьба между Бисмаркомъ и папой ведется и до сего дня; ни тотъ, ни другой не обнаруживаютъ особой склонности къ компромиссу и примиренію; воѣ „*modi vivendi*“, принимаемые одною стороною, отвергались другою. Никто не въ силахъ предугадать когда и какъ разрѣшится тотъ поединокъ въ которомъ уиорство Римскаго престола оказывается вполнѣ достойнымъ противникомъ желѣзной воли князя Бисмарка. Уиорство палы не безпричинно; за нимъ стоитъ болѣе чѣмъ одна треть Германской имперіи, признающая себя прежде всего католиками, а потомъ уже гражданами объединенной Германіи. Опираясь на подобную силу, Римскому престолу не трудно вести единоборство съ имперскимъ канцлеромъ. Дальновидные политики предсказывали въ свое

время при обнародованіи майскихъ законовъ что игра Бисмарка не стоить свѣчь, что Римъ прибѣгаетъ къ наивѣрнѣйшему лѣчебному средству, то-есть времени, политикѣ выжиданія и что въ концѣ концовъ онъ одержитъ верхъ. Одна часть этихъ предсказаній сбылась; сбудется быть-можетъ и вторая—последняя.

Въ Бельгіи Католическая церковь приобрѣла такую силу что контролируетъ и регулируетъ выборы сельскихъ общинъ и чрезъ общины обнаруживаетъ вліяніе на палату представителей, а слѣдовательно и на правительство страны. Опасаясь за будущность своей страны, одинъ изъ творцовъ бельгійской конституціи говорилъ Эмилю de Laveleve: „Мы полагаемъ что для обоснованія свободы достаточно провозгласить и гарантировать ее и отдѣлить церковь отъ государства. Я вижу къ глубокому сожалѣнію что мы ошиблись. Церковь опираясь на поддержку сельскихъ общинъ склонна абсолютно сомкнуть свои силы. Большіе города, увлеченные новѣйшими идеями, безъ борьбы не хотятъ уступить свое мѣсто. Подобно Франціи мы вовлекаемся въ междуусобную войну. Уже и теперь мы находимся въ состояніи революціи. Будущее предъ моими глазами полно бурь“. Привода эти слова по поводу бельгійскихъ выборовъ 1872 года, de Laveleve продолжаетъ: „Недавніе выборы весьма ясно обнаружили опасность. Выборные для палаты усилили клерикальное большинство, благодаря голосамъ крестьянъ. Коммунальные же выборы дали силу либераламъ во всѣхъ большихъ городахъ. Антагонизмъ между городами и уѣздами сказывается такимъ образомъ все болѣе и болѣе.“ * Въ заключеніе своей превосходной статьи de Laveleve говоритъ: „Примѣръ Бельгіи доказываетъ что въ католической и религіозной странѣ духовенство въ концѣ концовъ наследуетъ контроль надъ выборомъ, а слѣдовательно также и надъ правительствомъ“. **

Въ самой Англіи, странѣ по преимуществу протестантской, гдѣ церковь Протестантская считалась и по сей часъ считается церковію государственною, но гдѣ въ силу гражданской свободы предоставлена Римской церкви

* См. *Fortnightly Review* за ноябрь 1872 года, статью „The clerical party in Belgium“, стр. 503.

** Тамъ же, стр. 516.

довольно широкая возможность развитія, католицизмъ такъ успѣлся въ послѣднее время что вызываетъ опасеніе въ лучшихъ представителяхъ страны. Видя необычайные успѣхи римской пролаганды въ Альбіонѣ, папа далъ англійскимъ католикамъ двухъ кардиналовъ. И замѣчательно что и тотъ, и другой, и Маннингъ, и Ньюманъ оба прозелиты изъ Епископальной церкви; они родились отъ протестантскихъ родителей и только въ зрѣломъ возрастѣ присоединились къ церкви Рима. Чтобъ еще болѣе упрочить свои успѣхи въ Великобританіи Римъ задумывается уже надъ устройствомъ униі съ англійскими ритуалистами. Самъ по себѣ, въ своей основѣ, англійскій ритуализмъ не имѣетъ смысла; его нельзя назвать ни опредѣленнымъ исповѣданіемъ, ни самостоятельной сектой, ни даже направленіемъ среди другихъ направленій Епископальной церкви. Онъ выродился изъ высоко-церковнаго направленія Англиканской церкви и имѣетъ значеніе только какъ стулечъ для постепеннаго перехода протестантствующаго Англичанина въ лоно Католической церкви. Чтобы переманить ритуализмъ постепенно въ лоно Католической церкви, папа готовъ вступить съ нимъ въ унию, конечно подъ условіемъ взаимныхъ уступокъ.

Успѣхи католицизма доказываютъ какъ съ одной стороны несостоятельна въ своихъ основныхъ началахъ церковь Протестантская и какъ съ другой, обильна внутреннею силою и живучестью церковь Римско-Католическая. Протестантская церковь имѣетъ за собою всѣ внѣшнія выгоды для роста: и обаяніе свободы совѣсти, и независимость отъ церковнаго авторитета, и крайняя безпретензійность относительно жизни пасомыхъ, и притягательная сила религіознаго либерализма, и гармонія съ изысканіями науки и т. д., все это за протестантизмомъ и между тѣмъ, сравнительно съ католицизмомъ, онъ растетъ мало, медленно и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе дробится на секты и выдѣляетъ прозелитовъ въ пользу Рима. Съ другой стороны, всѣмъ извѣстно что католицизмъ считается представителемъ религіознаго абсолютизма, тираниі, инквизиціи, что онъ обезличиваетъ челоѣка и т. д., и несмотря на все это онъ быстро растетъ численностію членовъ и количествомъ богатствъ. Вовторыхъ, замѣчательно то обстоятельство что католицизмъ процвѣтаетъ въ тѣхъ именно государствахъ гдѣ ему предоставляются

одинаковыя права съ протестантизмомъ, гдѣ предъ закономъ они сравнены другъ съ другомъ, гдѣ провозглашена свобода совѣсти и гдѣ слѣдовательно, предоставленныя самимъ себѣ, они находятся въ одинаковыхъ соціальныхъ условіяхъ для конкуренціи. Мы неизбѣжно приходимъ къ тому выводу что государства провозгласившія политическую, то-есть гражданскую и религиозную, свободу и отдѣлившія церковь отъ власти государственной, служатъ наилучшею почвой для развитія и процвѣтанія католицизма. Побѣдителемъ является тотъ кто лучше сумѣетъ пользоваться свободой, кто несетъ въ себѣ наибольшую энергію къ развитію и жизненности къ обнаруженію себя и подавленію стороннихъ элементовъ. Если процвѣтаетъ католицизмъ, значитъ онъ сильнѣе протестантизма, живучѣе его.

Перейдемъ теперь къ Америкѣ.

Послѣ того какъ за Атлантическимъ Океаномъ образовались ново-англійскія колоніи (New-Plymouth, New-Hampshire, Massachusetts, Rhode-Island и Connecticut), населенныя главнымъ образомъ пуританами, квакерами и другими диссидентами Англиканской Епископальной церкви, на почвѣ Америки возникаетъ наконецъ и Католическая церковь. Исторія ея возникновенія и ея жизни за первые полтора столѣтія не многосложна и не обильна событіями. Въ 1632 году король Англійскій Карлъ I подарилъ католическому лорду Балтимору патентъ на владѣніе громаднымъ пространствомъ земли въ Сѣверной Америкѣ, которое въ честь королевы Гарриеты-Маріи было названо сначала *Mary's Land*, а потомъ *Maryland*. Въ томъ же 1632 году лордъ Балтиморъ съ двумястами католическихъ семействъ переселился въ новыя свои владѣнія, которыя должны были служить ему и его единомышленникамъ убѣжищемъ отъ гоненій воздвигнутыхъ въ Англіи противъ католиковъ и диссидентовъ церковію Епископальною. Слабыми, безпомощными прибыли новые эмигранты въ Америку, но желаніе устроить свою жизнь на новый ладъ преодолѣло всѣ трудности, всѣ лишения, неизбѣжныя на первыхъ порахъ поселеній, и колонія получила свое начало. По игрѣ случайности Мерилендъ на первыхъ же порахъ обратилъ на себя серіозное вниманіе всѣхъ сосѣднихъ колоній. Онъ возникъ въ смутное время америкаанской исторіи, полное всевозможныхъ начинаній, наплыва разнохарактерныхъ эмигрантовъ изъ Европы,

невъяснившихся стремленій къ чему-то лучшему, постоянныхъ броженій и измѣненій въ жизни, словомъ, въ тотъ періодъ времени, когда переселенцы Америки переживали трудную эпоху которой предстояло явить на свѣтъ Божій американскую республику. Каждая возникавшая колонія переносила изъ Европы что-нибудь новое для гражданскаго строя жизни, но всѣ ново-англійскія колоніи сходились между собою въ религиозной нетерпимости. Всѣ онѣ, по примѣру Епископальной церкви въ Англіи, преслѣдовали и подавляли съ необычайною строгостію и суровостію проявленія религиозной свободы; луритане преслѣдовали квакеровъ, квакеры индепендентовъ, индепенденты балтистовъ и т. д. Мерилендъ первый осмѣлился провозгласить наряду съ гражданскою свободою принципъ религиозной независимости. Такимъ образомъ, на долю Католической церкви выпало быть въ Америкѣ провозвѣстницею того начала которое въ Европѣ сама она подавала огнемъ, мечомъ, инквизиціей и тому подобными средствами. Католики Мериленда однимъ изъ первыхъ своихъ законодательныхъ мѣропріятій издали знаменитый *Toleration act of 1649*, коимъ даровалась „всѣмъ вѣрующимъ во Христа“ религиозная свобода, и стали принимать въ число равноправныхъ гражданъ колоніи всѣхъ отщепенцевъ изъ другихъ сектъ и колоній. Религиозными дѣлами Мериленда, подъ верховнымъ руководствомъ апостольскаго викарія въ Лондонѣ, завѣдывалъ патеръ P. White и нѣсколько іезуитовъ, прибывшихъ въ Америку вмѣстѣ съ первыми колонистами. Около 1686 года въ Мерилендѣ было уже 7 или 8 священниковъ, а въ другихъ колоніяхъ по одному. Жизнь за все это время не нарушалась никакими тревожными событіями, шла тихо и покойно; правда, католикамъ дозволялось селиться не во всѣхъ колоніяхъ, но за то тамъ гдѣ дозволялось они жили спокойно.

Тихій ростъ Католической церкви въ Америкѣ былъ нарушенъ англійскою революціей 1688 года. Присланные изъ Англіи новые губернаторы привезли въ колоніи патенты и дарственные письма, которыми религиозная свобода давалась „всѣмъ христіанамъ за исключеніемъ палистовъ“. Въ силу особыхъ полномочій губернаторы издали строго-карательные законы имѣвшіе цѣлью остановить ростъ пализма. Католическій священникъ, рѣшавшійся читать мессы или отправлять какія-либо цныя духовныя требы, наказывался пожизненнымъ

тюремнымъ заключеніемъ. Тому же наказанію подвергались католики-міряне, открывавшіе школы и учившіе дѣтей. Достигшіи совершеннолѣтія католикъ обязывался принести противную своей вѣрѣ присягу; если въ теченіе шести мѣсяцевъ по наступленіи совершеннолѣтія присяга не была принесена имъ, то онъ объявлялся неспособнымъ владѣть поземельною собственностію, и она переходила къ ближайшему протестантскому родственнику. Католики были лишены права приобрѣтать землю локулкой. Преслѣдуемые всевозможными мѣрами, они не рѣшались открыто исполнять религіозныя обязанности, скрывали священниковъ въ тайныхъ убѣжищахъ, тайкомъ совершали таинства и обряды, словомъ, вели жизнь подъ постояннымъ опасеніемъ лишиться вмѣстѣ съ религіей своего имуществва, отечества и гражданской свободы. Въ Мерилендѣ, вслѣдствіе провозглашенной въ немъ религіозной свободы, число диссидентовъ возрасло необычайно быстро и скоро уже превзошло количество католиковъ. Протестанты колоніи созвали на митингъ народныхъ представителей, обжаловали предъ королемъ лорда Балтимора и порѣшили испросить себѣ новаго губернатора. Лордъ Балтиморъ былъ смѣненъ, въ Мерилендѣ назначили новаго уполномоченнаго. Созванный имъ въ 1692 году сенатъ объявилъ Англиканскую Епископальную церковь государственною церковію колоніи и призналъ католиковъ неспособными занимать должности въ ея предѣлахъ. Въ другихъ колоніяхъ было не лучше. Губернаторъ и совѣтъ Пенсильваніи въ 1734 и 1736 годахъ запретили католическое богослуженіе, въ Джорджіи въ 1740 году послѣдовало воспрещеніе католикамъ селиться въ предѣлахъ колоніи. Нѣкоторая доля религіозной и гражданской свободы была возвращена католикамъ незадолго до начала войны за независимость. Тогда какъ съ 1688 года католикамъ разрѣшалось имѣть капеллы только по частнымъ жилищамъ, въ 1763 году имъ разрѣшено было уже воздвигнуть крестъ на церкви Св. Маріи въ Филадельфіи, а въ 1770 году открыть храмъ Св. Петра въ Балтиморѣ. Въ это время въ Америкѣ на духовно-католическомъ поприщѣ подвизалось всего 16 патеровъ-іезуитовъ; что же касается числа католиковъ, то оно было такъ незначительно что въ самомъ Мерилендѣ ихъ насчитывалось не болѣе одной десятой всего народонаселенія. Въ 1785 году будущій еписколъ Католической церкви въ Америкѣ Carroll полагалъ что во всѣхъ тогдашнихъ 13 штатахъ католиковъ было не болѣе 30 тысячъ человѣкъ.

Съ провозглашеніемъ независимости Штатовъ положеніе Римской церкви въ Сѣверной Америкѣ измѣнилось совершенно. До 1783 года всѣ поселившіеся въ Мериландѣ и Пенсильваніи католики были подчинены апостольскому викарію въ Лондонѣ, за отсутствіемъ коего всѣми религіозными дѣлами Католической церкви въ колоніяхъ управлялъ мѣстный генеральный викарій. Теперь, въ виду того что дальнѣйшая зависимость отъ Лондона могла вызывать затрудненія, католики обратились въ Римъ съ просьбой о дарованіи имъ самостоятельнаго управленія. Папа Піі VI приказалъ имъ избрать достойнаго кандидата изъ среды своего духовенства. Выборъ палъ на Карролла, который въ 1784 году получилъ должность апостольскаго префекта въ Америкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ обширныя полномочія отъ Папскаго престола. Строго говоря, Католическая церковь, какъ особая церковная организація, стала существовать въ Новомъ Свѣтѣ съ этого именно времени. Черезъ шесть лѣтъ католическое духовенство Америки вновь обратилось въ Римъ съ просьбой дать имъ самостоятельнаго епископа. Избранный ими по порученію папы префектъ Карроллъ въ 1790 году получилъ епископскую хиротонію въ Лондонѣ, а въ 1791 году возвратился въ Америку на свою епархію, обнимающую все пространство новой республики и имѣвшую катедру въ Балтиморѣ. Въ 1808 году Балтиморскій епископъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа, а въ 1847 году, когда въ Америкѣ получили начало нѣсколько другихъ архіепископій, на степенъ примата. *

Отправляясь изъ Лондона на свою катедру въ Америку, епископъ Карроллъ взялъ съ собою до сорока изгнанныхъ изъ Франціи вслѣдствіе революціи и бѣжавшихъ въ Англію іезуитовъ. Прибывъ въ Соединенные Штаты, ученики Лобблы вложили въ дѣло католической пропаганды всю свою душу.

Прибывъ въ Соединенные Штаты, они нашли Римскую церковь въ самомъ безотрадномъ положеніи. Разбросанная по громадному пространству тринадцати тогдашнихъ штатовъ, она была малочисленна, бѣдна, слаба, угнетена недавними гоненіями, не пользовалась симпатіями прежнихъ коло-

* Всѣ вышеприведенныя свѣдѣнія заимствованы изъ *Deutsch-amerikanisches Conversations-Lexicon*, von Prof. A. I. Schem, u *Kirchliche Geographie und Statistik*, von S. J. Neher, Regensburg“ 1868, т. III.

нистовъ и не обнаруживала вліянія на общество; о вліяніи ея на дѣла государственныя не могло быть даже рѣчи. Присматриваясь къ новому складу жизни молодой республики, іезуиты увидѣли что въ Америкѣ не могутъ быть пущены въ ходъ тѣ средства какими они пользовались въ Европѣ. Въ Европѣ Католическая церковь изстари держалась монархіи. Она всегда и вездѣ проповѣдывала что вѣдъ монархіи нѣтъ и не можетъ быть власти угодной Богу и церкви. Въ Новомъ Свѣтѣ подобныя воззрѣнія были неприменимы; неприменимы, слѣдовательно, были и тѣ приемы, тотъ образъ и способъ дѣйствія съ которыми относительно поддерживающей власти сложилась въ Европѣ церковь Рима. Чтобы разчитывать на вѣрный успѣхъ въ американской республикѣ, странѣ новой жизни, новыхъ людей и учрежденій, нужно было примѣниться къ новымъ мѣстнымъ условіямъ жизни. Въ новые сосуды слѣдовало влить новое вино. Съ другой стороны, дѣйствовать на-обумъ, очерта голову, или отдаться политикѣ выжиданія оказывалось невозможнымъ чтобы не дать уже усилившимся протестантскимъ церквамъ и сектамъ разростись и окрѣпнуть еще болѣе и чтобы, такимъ образомъ, окончательно не лишиться религіознаго поля конкуренціи. Все указывало іезуитамъ что Католической церкви слѣдуетъ примкнуть къ какой-нибудь политической партіи. Но и въ этомъ отношеніи надлежало соблюсти строгую разборчивость чтобы не раскаться въ будущемъ. Нужно было предугадать, которая изъ партій имѣетъ наиболѣе шансовъ на стойкость въ будущемъ, которая изъ нихъ скорѣе добьется популярности и способна перенести долю популярности на церковь, которая изъ нихъ будетъ болѣе склонна, податлива на уступки въ пользу церкви, можетъ судить ей въ будущемъ матеріальныя выгоды и т. д. Ошибка въ этомъ отношеніи могла быть пагубна; измѣняя одной и переходя къ другой партіи, церковь неизбежно поселила бы вражду въ первой и недовѣріе въ послѣдней. Іезуиты порѣшили примкнуть къ партіи демократической, партіи по преимуществу народной, гордой политической свободой и всегда всѣми средствами готовой отстаивать эту свободу. Что расчетъ іезуитовъ былъ вѣренъ, это доказываетъ столѣтній опытъ.

По временамъ приходилось примыкать къ самымъ яркимъ поборникамъ демократизма, имѣя въ виду извлечь какую-

явудь выгоду. Пользуясь союзомъ съ Tammany Ring * крайнимъ лагеремъ демократической партіи, Католическая церковь въ короткій промежутокъ времени приобрѣла почти даромъ изъ недвижимаго имуществва Нью-Йорка и Нью-Йорскаго штата, т.е. изъ общественной собственности, нѣсколько громадныхъ участковъ земли, оцененныхъ въ послѣдствіи въ 3.500.000 долларовъ, и получила изъ общественнаго казначейства того же города въ теченіе трехъ лѣтъ 1.396.388 долларовъ 51 центъ, и того, слѣдовательно, на сумму 4.896.388 долларовъ и 51 центъ. Разоблачившій подробности этого дѣла, министръ Hawkins, въ ралортѣ представленномъ имъ членамъ Standing Committee on Political Reform of the Union League Club, говорить: „Въ дѣломъ свѣтъ я не знаю ни одного города который бы въ такой краткій промежутокъ времени (три года) вылаатиалъ государственной церкви столь большую сумму. При подобной легкости приобрѣтенія общественныхъ земель и денегъ, церковь, не бывъ ограничена закономъ, скоро станетъ заправлять всѣмъ въ городѣ, какъ это было столѣтіе тому назадъ въ Мексикѣ и Испаніи“. ** Выстъ съ тѣмъ іезуиты понимали что богатство и вліяніе Католической церкви въ Америкѣ придуть сами собою, когда численность ея членовъ возрастетъ, когда своихъ послѣдователей она станетъ считать милліонами которые превзойдутъ число послѣдователей раздробленныхъ протестантскихъ церквей и сектъ, и вслѣдствіе этого все свое вниманіе сосредоточили на умноженіи послѣдователей церкви. Вся исторія католицизма въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ со времени провозглашенія независимости группируется около этой дѣли.

Чтобы представить возможно полную и вѣрную картину развитія Римско-Католической церкви въ Сѣверо-Американской

* Таммани, одинъ изъ индійскихъ вождей, жилъ сначала въ теперешнемъ штатѣ Делаваръ и повдѣе на берегахъ Огайо. Онъ славился мудрыми наставленіями, которыя подавалъ всѣмъ, иногда издалека обращающимся къ нему за совѣтомъ. Его именемъ одна вѣтвь демократической партіи въ штатѣ Нью-Йоркѣ назвала свою организацію и мѣсто своихъ собраній въ городѣ Нью-Йоркѣ, т.е. въ Таммани Hall. Администрація этой вѣтви получила прозвище Таммани Ring.

** См. N.-Y. Herald, отъ 23 февраля 1872 года.

республикѣ за послѣднее столѣтіе, обращаемся теперь къ цифровымъ даннымъ ея возрастанія. Католическій богословъ Невэръ * всѣ собранныя имъ громадныя свѣдѣнія группируетъ въ слѣдующей таблицѣ:

Сравнительно-статистическая таблица возрастанія Римско-Католической церкви въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.

Годы.	Число епархій.	Число епископовъ.	Число священниковъ.	Число на-станцій.	Число на-го-тольниковъ.	Число все-го насе-ленія.	% на-го-толь-ковъ.	
1790	1	1	50	10	—	40—50.000	1,15	
1800	1	2	68	80	—	60.000	1,18	
1810	5	6	—	—	—	150.000	2,08	
1820	7	8	—	—	—	280.000	2,98	
1830	11	10	232	230	—	450.000	3,15	
1835	13	14	327	272	—	580.000	—	
1840	16	17	482	454	258	960.000	5,08	
1845	22	26	709	675	592	1.100.000	—	
1850	31	27	1.081	1.073	505	2.150.000	23.191.876	8,70
1855	41	40	1.704	1.824	878	2.700.000	—	
1860	47	45	2.215	2.385	1.200	3.430.000	31.443.322	9,08
1863	47	42	2.550	2.760	—	4.000.000	—	
1866	47	45	2.850	3.052	—	4.500.000	43.000.000	13,08

Шемъ въ своемъ капитальномъ *Deutsch - Amerikanisches Conversations-Lexicon* ** приводитъ слѣдующую таблицу, вполне согласную съ предшествующею:

Годы.	Число католиковъ.	% католиковъ.
1790	Отъ 40 до..... 50.000	1,15.
1810	150.000	2,08.
1830	450.000	3,15.
1850	2.150.000	8,70.
1860	3.430.000	9,08.
1870	6.000.000	15,70.

По исчисленіямъ извѣстнаго *Sadliers' Almanack* за 1873 годъ, къ началу этого года у Католической церкви въ Соединенныхъ Штатахъ было: 7 архіепископій, 49 епископій, 6 апостольскихъ викариатствъ, 4.456 священниковъ, 5.057 церквей, капеллъ и станцій, и 5.079.000 членовъ. Вѣроятно, вслѣдствіе опечатки, число католиковъ уменьшено здѣсь на цѣлый миллионъ—фактъ очевидный изъ предшешей таблицы.

* См. *Kirchliche Geographie und Statistik*, т. III, стр. 35.

** См. id. т. XI, стр. 196.

Итакъ, во время провозглашенія независимости католики относились къ народонаселенію Штатовъ какъ одинъ ко сту; въ 1808 году какъ одинъ къ 68; въ 1830 году какъ одинъ къ 29; въ 1840 году какъ одинъ къ 18; въ 1850 году какъ одинъ къ 11; въ 1860 году какъ одинъ къ 7; въ 1870 году какъ одинъ къ 6. Слѣдовательно въ то время какъ народонаселеніе Штатовъ увеличилось въ десять разъ, число католиковъ увеличилось во сто разъ; затѣмъ, народонаселеніе Штатовъ удвоится только чрезъ каждыя двадцать лѣтъ, между тѣмъ какъ населеніе католическое удвоится каждыя десять лѣтъ. Результатъ этотъ дѣйствительно поразительный.

Для желающихъ ближе познакомиться съ церковными цифровыми данными въ Америкѣ, приводимъ здѣсь еще двѣ сравнительно-статистическія таблицы: первая * изъ нихъ касается количества храмовъ, судѣній и церковнаго имущества у различныхъ исповѣданій за 1850, 1860 и 1870 годы; вторая **—количества храмовъ за тѣ же годы у различныхъ церквей, сектъ и деноминацій.

Сравнительно-статистическая таблица возрастанія исповѣданій въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

	1. Количество храмовъ.			2. Количество судѣній.		
	1850 г.	1860 г.	1870 г.	1850 г.	1860 г.	1870 г.
У протестантовъ...	36.787	51.841	58.931	13.537.911	17.670.127	19.506.475
У католиковъ.....	1.222	2.550	3.806	667.863	1.404.437	1.990.514
У Евреевъ.....	36	77	152	18.371	34.412	73.265
У Мормоновъ	16	24	171	10.890	13.500	87.838
У спиритовъ.....	—	17	22	—	6.275	6.970
Итого.....	38.061	54.009	63.082	14.235.025	19.128.751	21.665.062

3. Количество церковнаго имущества на доллары.

	1850 г.	1860 г.	1870 г.
У протестантовъ.....	77.568.663	142.590.013	287.585.881
У католиковъ.....	9.256.758	26.774.119	60.985.566
У Евреевъ.....	418.600	1.135.800	5.155.234
У Мормоновъ.....	84.780	891.100	656.750
У спиритовъ.....	—	7.500	100.050
Итого.....	87.328.801	171.398.132	354.483.431

* D. A. C. Lexicon, т. XI, стр. 195 и 196.

** N. Y. Staatszeitung, отъ 2 января 1873 года, № 2.

Сравнительно-статистическая таблица возрастанія церквей, сектъ и деноминацій въ С.-А. Штатахъ относительно ихъ храмовъ.

	1850 г.	1860 г.	1870 г.
Баттисты.....	9.563	12.150	18.962
Евреи.....	86	77	152
Епископалы.....	1.459	2.145	2.601
Католики.....	1.222	2.550	3.806
Квakers.....	726	726	662
Конгрегационалы.....	1.725	2.234	2.715
Лютеране.....	1.231	2.128	2.776
Методисты.....	13.302	19.883	21.337
Мормоны.....	16	24	171
Пресвитеріане.....	4.858	6.406	7.071
Реформаты.....	341	676	1.145
Универсалисты.....	530	664	602
Унитаріане.....	245	264	310
Храстіане.....	875	2.068	2.822
Всего.....	36.129	51.996	60.232

Въ началѣ этой главы мы замѣтили что свобода религиозныхъ исповѣданій оказывается наиболѣе благопріятною католицизму. Соединенные Штаты Америки представляютъ наилучшее тому подтвержденіе. Съ провозглашеніемъ полной церковной независимости и абсолютной религиозной свободы исповѣданія очутились въ совершенно новомъ положеніи. Потерявъ надежду на стороннія покровительство и помощь матеріальную и нравственную, они должны были сосредоточиться въ своемъ собственномъ кругѣ и въ себѣ самихъ искать какъ внутренней силы и энергіи для развитія, такъ равно и поддержки въ дѣлѣ достиженія той или иной цѣли. Правительство страны отказалось отъ нихъ и ввело ихъ въ рядъ предметовъ для него безразличныхъ. Выдѣливъ ихъ изъ своей сферы, власть государственная повела съ ними такую рѣчь: „Дѣлайте что хотите, живите какъ знаете; мы до васъ нѣтъ никакого дѣла; вы для меня—частныя общества, частныя предпріятія, а потому приложите къ себѣ американскую поговорку: help yourself. Если сумѣете устроиться въ моей странѣ—ваше счастье; не сумѣете—не лезайте на меня и не ждите отъ меня ни покровительства, ни помощи; я навсегда останусь глуха къ вашимъ мольбамъ и индифферентна къ вашей судьбѣ. Но съ другой стороны я и препятствовать

вамъ не буду ни въ какомъ отношеніи. Помогайте сами себѣ какъ знаете." Такимъ образомъ религіозная свобода Америки открывала Католической церкви возможность къ самой широкой, не стѣсняемой ограниченіями и прелятствіями дѣятельности. Самъ законъ развязывалъ руки ея служителямъ, по принципу считающимъ дозволенными ради цѣли всѣ средства. Словомъ, Соединенные Штаты Америки оказались для Римско-Католической церкви тою завѣтной почвой о которой въ былые дни она не смѣла и мечтать. Лучшей почвой для дѣятельности, болѣе благопріятныхъ условий для развитія найти было трудно, даже невозможно. Церковь эта всегда отличалась эластичностью и упрямостью, тонкою способностью примѣняться къ разнороднымъ условіямъ жизни, крайнею неразборчивостью въ выборѣ средствъ, силой корпоративной замкнутости, то-есть тѣми качествами которыя особенно вѣски въ практическомъ, жизненномъ отношеніи. Тѣмъ легче было для нея ориентироваться въ только что возникшей республикѣ. Были и другія причины благопріятствовавшія росту католицизма на американской почвѣ.

Вопросъ объ американской эмиграціи принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ и серьезныхъ вопросовъ для изученія. Къ сожалѣнію, на него до послѣдняго времени мало обращали вниманія представители европейской науки и политики. Онъ выясняетъ многіе существенные недуги соціальнаго положенія Европы и указываетъ на вѣрнѣйшія средства для ихъ излѣченія. Что касается Американцевъ, то они давно уже занялись вопросомъ объ эмиграціи; но для нихъ онъ имѣетъ совершенно иное значеніе чѣмъ для Европейца. Каждый выражающійся на почвѣ Америки эмигрантъ представляетъ собою живую рабочую силу, оцѣниваемую на вѣсь долларовъ. Не удивительно поэтому что заатлантическая республика встрѣчаетъ каждаго новаго эмигранта съ распростертыми объятіями; онъ дорогъ для нея не только какъ будущій производитель страны, но и какъ цѣнный капиталъ даваемый ей задаромъ, за ничто. Мѣста и хлѣба у нея много, — слѣдовательно и въ этомъ отношеніи эмигрантъ всегда былъ и навсегда останется желаннымъ гостемъ. Изъ Европы эмигрантовъ гонитъ голодъ, религіозныя неурядицы, политическія смуты, войны, всеобщая воинская повинность, болѣзни, неимѣніе земли и другія

подобныя причины. Въ Америку ихъ манитъ хлѣбъ, земля, общее благосостояніе, раздолье жизни, гражданская и религіозная свобода и т. д. Туда же зовутъ ихъ и миссіонеры американскихъ церквей и сектъ. Мормоны, напримѣръ, поставили своею задачей уловлять новыхъ прозелитовъ въ большихъ, столичныхъ и густонаселенныхъ городахъ Европы въ лодонкахъ европейскаго общества, въ отвратительныхъ захолустьяхъ и грязныхъ трущобахъ, въ пристанищахъ нищеты и притонахъ разврата. Рисуя картины всеобщаго довольства и счастья обитателей Новаго Свѣта и обѣщая чуть не золотыя горы, мормонскіе миссіонеры цѣлыми сотнями сваниваютъ голодныхъ, оборванныхъ бѣдняковъ и везутъ ихъ въ блаженную страну Сіона, территорію Утаха, долину Великаго Соленого озера. Америка встрѣчаетъ эмигрантовъ гостепріимно. Нью-Йоркскій Castle Garden даетъ имъ кровъ и лицу, сортируетъ ихъ и отправляетъ внутрь страны, гдѣ требуются рабочія силы; больныхъ отвозятъ на эмиграціонный островъ въ лазареты для излѣченія и т. д. Религіозныя общества, со своей стороны, слѣшаютъ удовлетворить религіозныя потребности переселенцевъ и помочь имъ матеріально по возможности. Во всемъ этомъ католики стоятъ на первомъ планѣ. Сравнивая цифровыя указанія статистическихъ таблицъ эмиграціи, мы находимъ что главный контингентъ эмиграціи идетъ изъ католическихъ странъ Европы и что въ общемъ итогъ эмигрантовъ католиковъ обыкновенно насчитывается не менѣе двухъ третей. Выводы эти отнюдь не преувеличены; они вполнѣ отвѣчаютъ дѣйствительности, въ чемъ легко убѣдиться изъ нижеслѣдующей таблицы.

Статистическая таблица эмиграціи.

Годы:	Общее число эмигрантовъ:	Число эмигрантовъ изъ Ирландіи:	Число эмигрантовъ изъ Германіи:
1847.....	234.968	52.946	53.180
1848.....	226.527	98.061	51.973
1849.....	297.024	112.591	55.705
1850.....	369.980	117.038	45.535
1851.....	379.466	163.306	69.919
1852.....	371.603	118.131	118.611
1853.....	368.645	113.164	119.644
1854.....	427.833	83.302	176.986
1855.....	200.877	43.043	52.692
1856.....	200.436	44.276	56.113

Годы:	Общее количество эмигрантовъ:	Число эмигрантовъ изъ Ирландіи:	Число эмигрантовъ изъ Германіи:
1857.....	251.306	57.119	80.974
1858.....	123.126	25.075	31.874
1859.....	121.282	32.652	28.270
1860.....	153.640	47.330	37.899
1861.....	65.539	25.784	27.131
1862.....	76.700	32.217	27.740
1863.....	155.223	91.157	35.002
1864.....	185.208	89.399	57.446
1865.....	200.009	70.462	83.451
1866.....	238.717	68.047	106.716
1867.....	241.854	65.134	117.591
1868.....	211.359	47.571	101.989
1869.....	257.523	66.204	99.605
Итого *	5.353.845	1.664.009	1.635.254

За то же время изъ другихъ католическихъ странъ Европы въ Нью-Йоркскую гавань прибыло:

Изъ Франціи	77.200 эмигрантовъ.
„ Италіи	14.712 „
„ Бельгіи	7.943 „
„ Испаніи	6.411 „
„ Польши	4.622 „

И т. д.

Итого: болѣе..... 110.888 эмигрантовъ.

Въ 1870 году на общее число 212.190 эмигрантовъ Ирландцевъ было 65.168, а Нѣмцевъ 72.368; въ 1871 году на 271.067 эмигрантовъ Ирландцевъ было 62.600, а Нѣмцевъ 83.609; въ 1872 году на 294.581 эмигрантовъ Ирландцевъ было 68.747; а Нѣмцевъ 132.705 человекъ.

* См. *Immigration and the Commissioners of Emigration of the State of New-York* by F. Карр. Нью-Йоркъ. 1870 года, стр. 232, 233 и 227; *N. Y. Staatszeitung* отъ 26 февраля 1872 г., № 49; *D. A. C.-Lexicon*, т. XI, стр. 163, приводитъ слѣдующую таблицу:

до 1820 года всѣхъ эмигрантовъ прибыло изъ Европы	250.000
съ 1821 по 1830 годъ	106.507
„ 1831 „ 1840	495.688
„ 1841 „ 1850	1.597.502
„ 1851 „ 1860	2.452.660
„ 1861 „ 1870	2.180.409
въ 1871 и 1872 гг.	678.216

Итого отъ начала эмиграціи до 1873 года. . . 7.760.982

Итакъ, болѣе чѣмъ двѣ трети всѣхъ эмигрантовъ принадлежатъ къ числу послѣдователей Римско-Католической церкви.

Можетъ показаться страннымъ, даже невѣроятнымъ что изъ протестантской Германіи въ Америку переселяются главнымъ образомъ католики, а между тѣмъ это фактъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ одиннадцати католическихъ епархіяхъ, именно: Harrisburgh, Cincinnati, Cleveland, Covington, Fort Wayne, Vincennes, Alton, Green-Bay, La Crosse, Milwaukee и St. Paul, большинство священниковъ были Нѣмцы; что же касается остальныхъ епархій, то тамъ нѣмецкихъ священниковъ было почти наполовину съ англійскими. Въ 1869 году въ Соединенныхъ Штатахъ издавалось десять нѣмецкихъ католическихъ газетъ, а въ 1872 году изъ всѣхъ католическихъ епископовъ девяттеро были Нѣмцы. * Все это такіе факты которые указываютъ на чрезвычайно сильный нѣмецко-католическій элементъ въ американской республикѣ возросшій исключительно чрезъ эмиграцію.

Не малое значеніе для роста Римской церкви въ Америкѣ имѣла и миссія, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Католическая церковь въ Соединенныхъ Штатахъ состоитъ по настоящее время въ непосредственномъ вѣдѣніи учрежденія извѣстнаго подъ именемъ „Congregatio de propaganda fide“ и основаннаго папою Григоріемъ XV въ Римѣ въ 1622 году съ цѣлю проповѣди католицизма среди индѣйцевъ и язычниковъ. Уже изъ одного этого обстоятельства можно заключить что Римъ считалъ и считаетъ пропаганду однимъ изъ главныхъ средствъ для распространенія своего вліянія по ту сторону Атлантическаго Океана. Какъ бы то ни было, но католическіе епископы въ Америкѣ состоятъ и до настоящаго времени на правахъ только миссіонерскихъ епископовъ. Они лишены самостоятельности и подчинены непосредственно Риму, отъ котораго получаютъ инструкціи и приказанія. Строго говоря, это простые миссіонерскіе резиденты, при посредствѣ коихъ Congregatio de propaganda fide разстилаетъ по Американской республикѣ нити своей паутины. Это—верные центры позвоночнаго столба католицизма гдѣ сходятся двигательные нервы всего римско-церковнаго организма. Нѣтъ сомнѣнія что при такомъ

* См. *D. A. C. Lexicon*, т. IX, стр. 437 и 438.

положеніи дѣла католическая миссія получаетъ чрезвычайно важное значеніе относительно возрастанія числа членовъ Римской церкви въ Новомъ Свѣтѣ. Вслѣдствіе религіозной свободы, миссія проникаетъ въ Америкѣ всюду: въ школы, тюрьмы, пріюты, больницы, богадѣльни и другія общественныя учрежденія и вездѣ стремится пріобрѣсти надежную точку опоры. Излшне описывать здѣсь пріемы коими руководятся миссіонеры въ странѣ свободы; они тѣ же что и въ Европѣ. На первомъ планѣ стоитъ обыкновенно всѣмъ извѣстный, знаменитый принципъ Лойолы: цѣль оправдываетъ средства, которому католическіе миссіонеры по преимуществу воздавали и воздаютъ дань уваженія. Несравненно важнѣе обратить здѣсь вниманіе на практическіе результаты до которыхъ доработалась римская миссія въ теченіе столѣтій на сѣверо-американской почвѣ. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы спеціально поговоримъ о вліяніи ея на общественныя школы; теперь же скажемъ нѣсколько словъ о тюрьмахъ и эмиграціонномъ учрежденіи, гдѣ сходятся интересы всѣхъ исповѣданій, церквей и сектъ, а гдѣ, по смыслу американскаго законодательства, не можетъ быть мѣста для религіознаго преимущества однихъ предъ другими.

Живя нѣсколько лѣтъ въ Америкѣ и пожелавъ ближе ознакомиться со складомъ мѣстной жизни, я употребилъ не малую долю времени на посѣщеніе и осмотръ разнородныхъ общественныхъ учрежденій, какъ-то: учебныхъ и благотворительныхъ заведеній, музеевъ, библіотекъ, фабрикъ, заводовъ и т. д. Мнѣ удалось, между прочимъ, проникнуть и въ извѣстную, построенную въ египетскомъ стилѣ нью-йоркскую тюрьму Tombs на Centre Street. Обойдя всѣ этажи тюрьмы и взглянувъ на физиономіи нѣкоторыхъ воровъ и убійцъ, я спросилъ моего проводника, тюремнаго чиновника, есть ли церковь при тюрьмѣ.

— Есть, отвѣтилъ онъ.

— Какая именно?

— Католическая.

— Почему же католическая? Развѣ тюрьма эта спеціально предназначена для преступниковъ римскаго исповѣданія?

— Нѣтъ, было мнѣ отвѣтомъ, — тюрьма предназначена вообще для крупныхъ преступниковъ безъ различія ихъ исповѣданій.

— Чѣмъ же объяснить что именно католики, а не методисты, пресвитериане, епископалы или другія секты устроили здѣсь церковь?

— Это, отвѣтилъ мой проводникъ,—объясняется очень просто... Католики въ Соединенныхъ Штатахъ проникаютъ всюду, вездѣ претендуютъ на особыя помѣщенія для своего богослуженія и стараются эти помѣщенія, свои церкви и капеллы, устроить даже на общественный счетъ. Они дѣйствуютъ такъ настойчиво что почти всегда достигаютъ цѣли, конечно, не безъ предварительной борьбы.

— Но неужели они не позволяютъ пользоваться своею капеллой протестантскимъ министрамъ? Нельзя же при такомъ заведеніи, какъ тюрьма, дать всѣмъ сектамъ право строить свои особыя церкви!

(Считаемъ долгомъ замѣтить здѣсь что церковная практика выработала въ Америкѣ особый, такъ-сказать, нейтральный типъ капеллы, гдѣ каждой сектѣ разрѣшается отправлять богослуженіе по-своему. Такія капеллы существуютъ почти при всѣхъ общественныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ. Въ одной изъ такихъ капеллъ, а именно въ устроенной при военно-морскомъ госпиталѣ въ Бруклинѣ, при насъ было совершено въ 1872 году православное отпѣваніе надъ однимъ изъ умершихъ офицеровъ.)

— Конечно, нѣтъ. Но въ этомъ-то и заключается вся сущность дѣла. Правительство съ полною готовностію отводило бы католикамъ помѣщеніе для капеллъ еслибъ они хоть въ какой-нибудь мѣрѣ были либеральны относительно не-католиковъ. Правительство очень хорошо знаетъ что устроивъ церковь въ общественномъ заведеніи, гдѣ соприкасаются интересы всѣхъ гражданъ и всѣхъ религіозныхъ исповѣданій, католики ни подъ какимъ видомъ не разрѣшатъ протестантскому служителю алтара совершать въ ней богослуженіе, а потому всячески старается отклонять притязанія католиковъ. Но, при всемъ желаніи держаться буквы закона, органы правительственной власти не всегда способны бывать противиться интригамъ католиковъ, какъ случилось и у насъ, прибавилъ чиновникъ, указывая на капеллу къ которой мы подходили.

Мы вошли въ нее. Это вполнѣ законченная католическая домовая церковь. На некоторомъ возвышеніи утверждень постоянный престолъ со всѣми необходимыми для богослуженія принадлежностями; тутъ же находится небольшой

органъ и неизбежная монахиня-сестра съ бѣлымъ безобразнымъ челдомъ на головѣ, въ качествѣ прислужницы. Выйдя изъ капеллы, я старался узнать отъ моего проводника нельзя ли доставить устройство католической церкви въ Tombs въ зависимость отъ демократическаго Tammany-Ring, но на этотъ вопросъ онъ не могъ дать положительнаго отвѣта.

Черезъ нѣсколько дней послѣ посѣщенія Tombs, мнѣ пришлось прослѣдить въ газетахъ преинтересный обмѣвъ писемъ между католическими гражданами Нью-Йорка и президентомъ нѣмецкаго отдѣла эмиграціоннаго общества. Дѣло касалось владѣнія вновь отстроенною церковію на эмиграціонномъ островѣ Ward. Лежащій около Нью-Йорка на East river, островъ Ward въ 1847 году былъ переданъ Союзнымъ правительствомъ въ спеціальное вѣдѣніе эмиграціонной комиссіи. Въ этомъ году изъ Европы прибывало такое громадное количество больныхъ эмигрантовъ что всѣ больницы, госпитали и лѣчебницы Нью-Йорка оказались переполненными. Правительство было вынуждено прибѣгнуть къ экстремнымъ мѣрамъ. Оно поручило эмиграціонной комиссіи устроить на островѣ Ward сначала временные бараки, а затѣмъ и постоянные госпитали для эмигрантовъ. Случайно начатое дѣло вызвало общее сочувствіе, и островъ Ward быстро сталъ застраиваться разнородными благотворительными заведеніями. На немъ помѣщаются теперь нѣсколько госпиталей, пріютовъ, родовспомогательное заведеніе, домъ умалишенныхъ, заведеніе для дѣтскихъ игръ, читальня, домъ для сирѣтокъ, помѣщеніе для суперъ-интендента, врачей и т. д. Всѣ заведенія острова устроены и содержатся на общественный счетъ, то-есть на суммы отлускаемыя государственнымъ казначействомъ и составляющіяся изъ добровольныхъ пожертвованій. „Чтобы показать всю важность и значеніе этого учрежденія,—такъ говоритъ въ своей книгѣ объ эмиграціи Фридрихъ Калль*, спеціалистъ по вопросу объ американской иммиграціи,—достаточно замѣтить здѣсь что въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ его существованія въ немъ находили себѣ пристанище, столъ и уходъ 207.862 человека, или ежегодно около 9.000 человекъ, и что на каждое лицо расходовалось въ недѣлю круглымъ счетомъ по 1 доллару и

* См. Immigration and the Commissioners of Emigration of the State of New-York, стр. 140.

85 центовъ. На островѣ при этомъ учрежденіи въ 1870 году имѣлось 88 чиновниковъ, клерковъ, судѣлокъ и другихъ служащихъ, которые въ совокупности получали 32.581 долларъ жалованья.“ Конечно, на первыхъ же порахъ тамъ была построена и церковь, открытая для всѣхъ исповѣданій въ виду того что благотворительныя заведенія предназначены служить эмигрантамъ всѣхъ исповѣданій безразлично. Этотъ порядокъ вещей очень не нравился ревнителямъ католицизма. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ возникла мысль построить на островѣ новый храмъ. Кому принадлежала инициатива этого дѣла, какъ и кѣмъ велась постройка храма, намъ неизвѣстно, да это впрочемъ и не важно для насъ. Извѣстно только что храмъ отстроился и притомъ на средства эмиграціонной комиссіи, но когда построение его оканчивалось, католики заявили притязаніе взять его совершенно въ пользу своей церкви. Однако неумѣренные ревнители, повидимому, плохо разчитали свои шансы. Если гдѣ, такъ именно въ Америкѣ иногда бываетъ очень трудно расходовать общественныя денежныя суммы на дѣла частнаго лица, частнаго учрежденія или церкви. Эмиграціонная комиссія, заботясь объ интересѣ всѣхъ эмигрантовъ, очевидно не могла уступить притязаніямъ католиковъ, несомнѣнно наносящимъ ущербъ всѣмъ остальнымъ церквамъ и сектамъ. Что же касается Общества, то оно посмотрѣло на эти притязанія какъ на вступленіе къ дѣлому ряду дальнѣйшихъ притязаній въ томъ же родѣ и потому отвеслось къ нимъ крайне враждебно. Вышеупомянутый обмѣвъ писемъ между католико-нѣмецкими гражданами Нью-Йорка и президентомъ нѣмецкаго эмиграціоннаго общества въ началѣ 1873 года находитъ разъясненіе въ этой внутренней борьбѣ съ общественнымъ благосостояніемъ.

Господину Сигизмунду Кауфману, президенту нѣмецкаго эмиграціоннаго общества.

Принятое въ послѣднее время нѣмецкими комиссарами эмиграціоннаго общества штата Нью-Йорка положеніе относительно построенія католической церкви на островѣ Ward возбуждаетъ нижеподписавшихся нѣмецкихъ католическихъ гражданъ Нью-Йорка просить васъ, президента нѣмецкаго эмиграціоннаго общества, дать официальное разъясненіе по вопросу о томъ намѣрено ли нѣмецкое эмиграціонное общество признать и закрѣпить за католическими Нѣмцами тѣ права какія оно признаетъ за другими иновѣрцами.

Эмиграціонная комиссія штата Нью-Йоркъ съ самаго учрежденія своего постоянно отличалась либеральнымъ направлеиіемъ, слѣдуя коему она въ полной мѣрѣ обезпечивала за новыми эмигрантами всѣхъ исповѣданій право религіозной свободы, даруемой конституціей Соединенныхъ Штатовъ. Еще первая хартія уполномочивала ее не только воздвигать капеллы, но строить зданія всякаго рода которыя она сочла бы полезными и необходимыми для блага эмигрантовъ. Слѣдуя духу американской религіозной свободы, она полномочія эти обратила на то чтобы послѣдователямъ всѣхъ религій, безъ учиненія кому бы то ни было насилія, доставить по мѣрѣ силъ возможность служить Богу по указанію своей совѣсти.

Лица посѣщавшія съ тѣхъ поръ островъ Ward и видѣвшія что католики и протестанты имѣють тамъ свои собственные капеллы, всѣ безъ исключенія рачительно вполнѣ заслуженную похвалу мудрости и осторожности комиссаровъ, тому устройству которое во всей своей сферѣ направлено ко благу и довольству эмигрантовъ и которое могло бы служить примѣромъ для другихъ общественныхъ учреждений.

Далѣе; еще не было примѣра чтобы сочлены комиссіи считали противозаконнымъ дѣломъ необходимымы траты на удовлетвореніе религіозныхъ потребностей эмигрантовъ. Если лежащій въ госпиталѣ больной требовалъ священника своего вѣроисповѣданія и такого священника не было на островѣ, то старались отыскать его въ городѣ и привести къ больному. Если бываетъ необходимо совершить обрѣзаніе надъ еврейскимъ младенцемъ, то по просьбѣ матери посылають за тѣмъ именно лицомъ которое по еврейскому закону имѣеть право совершать эту операцію. Когда лѣтъ десять тому назадъ въ гавани Нью-Йорка зимовалъ русскій флотъ и заболѣвшіе русскіе матросы были помѣщены на островѣ Ward, то комиссія послѣшила признать за русскимъ священникомъ для отправления религіозныхъ обязанностей тѣ же права какими пользуются тамъ священники католическіе и протестантскіе.

Не далѣе какъ въ прошломъ году на островѣ Ward было помѣщено около ста польскихъ Евреевъ, и господа комиссары съ уваженіемъ отвѣсались къ основнымъ положеніямъ ихъ религіи; они предоставили имъ на счетъ комиссіи особыя жилища, кухню, посуду и вообще все что по ихъ обряду было необходимо для жизни.

Вы можете себѣ представить, какъ больно нѣмецкимъ католикамъ послѣ всѣхъ указанныхъ примѣровъ видѣть что нѣмецкими комиссарами, которые въ то же время стоятъ во главѣ нѣмецкаго эмиграціоннаго общества, дѣлаются предложенія направленные къ тому чтобы не только лишить большинство осѣдлыхъ жителей острова Ward давно уже практикуемаго права имѣть свою собственную, устроенную по ихъ культу церковь, но вмѣстѣ съ тѣмъ воспретить

католическія художественныя произведенія пластики и живописи и благодаря произволу комиссаровъ окончательно подорвать религіозную свободу Америки,—предложенія, которыя были бы приличны временамъ Перона, Юліана, Льва Исаврянина и т. д., но которыя въ нашемъ столѣтіи и притомъ въ свободной Америкѣ могутъ считаться смертельными ударами для цивилизаціи и свободы. Это кивчалы, наносящіе раны нѣмецкимъ сердцамъ, но отнюдь не объединяющіе ихъ. Послѣдствія докажутъ насколько нѣмецкіе граждане Нью-Йорка могутъ дарить на будущее время своимъ довѣріемъ нѣмецкое общество коего президентомъ вы имете честь состоять и не слѣдуетъ ли имъ подумать о защитѣ католическихъ Нѣмцевъ помощію своихъ собственныхъ средствъ.

Мы надѣемся что и вы, гослдинъ президентъ, питаете полное уваженіе къ принципу вашего незабвеннаго предшественника, который, бывъ лютераниномъ по вѣрѣ, первый подалъ свой голосъ за постройку новаго католическаго молитвеннаго дома на островѣ Ward, говоря: „я настолько же президентъ католическихъ нѣмецкихъ эмигрантовъ, насколько и протестантскихъ, и потому я долженъ для однихъ дѣлать то же самое что сдѣлалъ бы и для другихъ.“

Въ ожиданіи скорого отвѣта съ полнымъ почтеніемъ и т. д.

Слѣдуетъ болѣе пятидесяти подписей.

Отвѣтъ г. Кауфмана гласить:

Письмо ваше, въ которомъ вы требуете разъясненія относительно моего участія въ эмиграціонной комиссіи по дѣлу о построеніи католической церкви на островѣ Ward, я получилъ.

Не взирая на то что изъ пятидесяти одной подписи адреса только три принадлежатъ сочленамъ нѣмецкаго общества, коихъ интересы на меня возложено представлять среди эмиграціонныхъ комиссаровъ, я ни на минуту не колеблюсь отвѣтить на вопросъ: „намѣрено ли нѣмецкое эмиграціонное общество признать и закрѣпить за католиками-Нѣмцами тѣ права какія оно признаетъ за другими иновѣрцами“ въ положительномъ смыслѣ. Я постоянно былъ защитникомъ самой широкой терпимости въ религіозномъ дѣлѣ и никогда не измѣнялъ моимъ убѣжденіямъ состоя президентомъ нѣмецкаго общества; вмѣстѣ съ тѣмъ я никогда не позволялъ себѣ заблуждаться относительно моихъ собственныхъ воззрѣній, во многомъ уклоняющихся отъ воззрѣній другихъ лицъ. Но именно какъ другъ религіозной свободы, которую вы съ полною справедливостію называете красною сей страны, я не могу допустить чтобы въ ущербъ всѣмъ другимъ сектамъ было оказываемо предпочтеніе одной какой-нибудь. Хотя я никогда не подавалъ бы своего голоса за постройку церкви на островѣ Ward, потому

что законъ, по-моему убѣжденію, не допускаетъ подобнаго образа дѣйствій для эмиграціонныхъ комиссаровъ, тѣмъ же менѣе теперь, когда молитвенный домъ уже существуетъ и деньги на него уже израсходованы, я того мнѣнія что его слѣдуетъ сдѣлать доступнымъ для всѣхъ обрѣтающихся на островѣ Ward исповѣданій. Вы конечно согласитесь съ тѣмъ что еслибы даже эмиграціонные комиссары и имѣли право—чего однако я не допускаю—строить молитвенные дома, было бы совершенно невозможно для всѣхъ исповѣданій устроить особыя храмы, а потому, чтобы не обижать никого изъ осѣдлыхъ жителей острова Ward, имъ всѣмъ дозволяется служить Богу по-своему.

Нѣмецкіе комиссары требуютъ только того чтобы всѣмъ религіознымъ обществамъ воздана была одинаковая честь. Такъ какъ вы стремитесь къ тому же принципу то, полагаю, между нами нѣтъ и не можетъ быть никакихъ разногласій.

Въ заключеніе позволяю себѣ довести до вашего свѣдѣнія что распорядительный совѣтъ нѣмецкаго общества, которому я предъявлялъ ваше письмо, одобряетъ совершенно поведеніе своего президента.

Съ почтеніемъ

Сигизмундъ Кауфманъ,
Президентъ нѣмецкаго общества. *

Итакъ, отсроенный храмъ сталъ нейтральнымъ храмомъ для всѣхъ исповѣданій.

Одною изъ причинъ роста Римской церкви въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ служатъ смѣшанные, католико-протестантскіе браки. Строго говоря, это та же миссія, направленная порознь къ каждому отдѣльному домашнему очагу, въ каждое отдѣльное семейство. Для ревностнаго патера здѣсь представляется обширное поле дѣятельности, почти всегда обѣщающее обильную жатву. Подъ покровительствомъ мужа или жены—католиковъ по вѣрѣ, онъ проникаетъ въ домъ и пропагандируетъ до тѣхъ поръ пока всѣ члены семьи не примкнутъ къ лону Римской церкви. По самому свойству своему, вопросъ этотъ принадлежитъ къ разряду малодоступныхъ для изслѣдованія. На него и по настоящее время не обращается должнаго вниманія, вслѣдствіе трудности рѣшенія задачи. Но замѣчательно что на ряду съ этимъ пренебреженіемъ въ Америкѣ чуть ли не среди всего общества господствуетъ убѣжденіе что смѣшанные католико-протестантскіе браки неизбѣжно влекутъ за собой окатоличеніе всей семьи. Непосредственныя наблюденія надъ жизнью

* См. N.-Y. *Staatszeitung*, отъ 31 января 1873 года, № 27.

доказываютъ что сложившееся естественнымъ путемъ убѣжденіе американскаго общества имѣть за собою глубокое основаніе. Съ одной стороны, всѣмъ извѣстенъ тотъ фактъ что браки смѣшаннаго характера Римско-Католическою церковію разрѣшаются лишь подѣ условіемъ крещенія дѣтей по ея обряду. Съ другой стороны, не менѣе общеизвѣстно и то обстоятельство что относительно исполненія церковныхъ обрядовъ и установленій римскіе католики отличаются несравненно большею ревностію чѣмъ послѣдователи всѣхъ другихъ исповѣданій и сектъ. Ревность ихъ доходитъ иногда до фанатизма, чего почти никогда не бываетъ съ сочленами протестантскихъ деноминацій. Въ жизни эти причины вызываютъ слѣдующій результатъ: родитель католикъ (отецъ или мать) требуетъ чтобы дѣти были крещены по обряду Римской церкви, протестантъ же къ вопросу о крещеніи дѣтей относится равнодушно. Въ Америкѣ протестанты зачастую вовсе не крестятъ дѣтей своихъ, желая предоставить имъ по достиженіи не только полнаго сознанія, но и зрѣлаго возраста возможность самимъ избрать любую секту. Католическіе патеры пользуются этимъ неустановившимся положеніемъ семьи и энергично склоняютъ католическую брачную половину совершать крещеніе дѣтей по установленію Римской церкви. Мы сами знали нѣсколько католическихъ семействъ, которыя перешли въ католицизмъ только благодаря смѣшанному браку. Напримеръ: отецъ-католикъ, вступая въ бракъ съ протестанткой, поставилъ условіемъ вѣнчанія безусловную принадлежность его будущихъ дѣтей къ церкви Рима. Жена его, послѣ долгихъ колебаній, сама перешла въ эту церковь, какъ церковь ея мужа и шестерыхъ дѣтей. Такимъ простымъ способомъ окатоличилась вся семья. Католичка жена служить для патера наилучшею помощницей для обращенія семьи.

Развивъ ближайшія причины необычнаго роста католицизма въ Америкѣ, мы для вѣрности характеристики положенія религіозно-церковныхъ дѣлъ по ту сторону Атлантическаго Океана должны обратить вниманіе и на тотъ фактъ что церковь Рима ежегодно теряетъ сравнительно очень большое количество своихъ послѣдователей, отпадающихъ отъ нея вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ побужденій. Мы однако отнюдь не хотимъ сказать будто католики въ Америкѣ массами бѣгутъ въ протестантизмъ, какъ склонны утверждать нѣкоторые:

Изъ Римской церкви въ Америкѣ дѣйствительно бѣгутъ ея сочлены, особенно вновь прибывшіе изъ Европы эмигранты,—но бѣгутъ не массами, а единицами или много что десятками. На эмигрантовъ въ этомъ отношеніи оказываютъ свое вліяніе миссіи протестантскихъ сектъ, а еще болѣе обаяніе американской религіозной свободы. Вступая на новую почву, эмигрантъ расправляетъ свои крылья и стремится сбросить съ себя оковы европейской опеки. Нѣтъ ничего удивительнаго если и въ религіозномъ отношеніи онъ жаждетъ нѣкоторой свободы. Но свобода эта обманчива и жажда ея не долговременна. Предъ нимъ развертывается жизненная дилемма, требующая немедленнаго и рѣшительнаго отвѣта. Его встрѣчаютъ съ одной стороны увлекательная на видъ гражданская и религіозная свобода и неизбѣжное слѣдствіе ея: одиочество съ нищетой, съ другой—подчиненіе Католической церкви и логически вытекающія изъ этого подчиненія прибѣжище въ корпораціи и вѣрный кусокъ хлѣба. Корпоративный духъ Католической церкви въ Америкѣ тотъ же что и въ масонствѣ. Масонство въ Соединенныхъ Штатахъ превратилось въ социальное учрежденіе взаимной помощи. Того же придерживается и американскій католицизмъ. Въ извѣстномъ отношеніи Римская церковь въ Соединенныхъ Штатахъ есть не что иное какъ общество взаимной поддержки при эксплуатаціи духовенства. Само собою понятно что бѣдный католикъ-эмигрантъ при всемъ обаяніи свободы изберетъ не ее, не нищету, а вѣрный кусокъ хлѣба, корпоративную поддержку и приверженность къ прежней своей церкви. Онъ можетъ отласть отъ нея на время вслѣдствіе ольяненія заманчивою свободой, но отрезваясь пойдетъ туда гдѣ его встрѣчаютъ какъ брата по вѣрѣ, гдѣ ему окажутъ предпочтеніе предъ схизматикомъ-протестантомъ и гдѣ ему готовы дать работу, поддержку и ободреніе.

Не всегда конечно католическому духовенству удается обуздывать духъ религіознаго своеволія и вольномыслія во вновь прибывающихъ изъ Европы переселенцахъ и людяхъ вообще недовольныхъ ученіемъ, обрядомъ и складомъ внутренней жизни церкви. Такихъ людей трудно удержать лакомою приманкой или угрозой въ будущемъ. Они рвутся впередъ. Америка въ этомъ отношеніи представляетъ много соблазновъ, и потому вѣрующихъ здѣсь необходимо воспитывать и даже закалять для жизни чуть ли не съ пеленокъ. Като-

лическая церковь, какъ заботливая мать, на все, на всякую потребность жизни находить свои средства, свои мѣры. Изобрѣтательность иезуитовъ неистощима. Католическое духовенство съ полнымъ успѣхомъ вывертывается тамъ гдѣ духовенство другихъ церквей и сектъ стало бы въ туликъ, потерялось и добровольно отказалось бы отъ борьбы.

Въ началѣ 1872 года мы были крайне удивлены узнавъ изъ газетъ что на югѣ Соединенныхъ Штатовъ, въ Ново-Орлеанѣ, обосновался новый quasi-рыцарскій союзъ, *Католическій воюющийъ союзъ креста* (Catholic Militant Union of the Cross), членами коего могли быть всѣ католики безъ различія пола и возраста, даже несовершеннолѣтніа дѣти и грудные младенцы. Познакомясь ближе съ новымъ учрежденіемъ, мы перестали дивиться его возникновенію; мы дивились не тому уже что подобный союзъ получалъ свое начало, а тому какъ могло случиться что римскіе католики не основали его раньше. Названный союзъ былъ организованъ архіепископомъ Perche вечеромъ 19 февраля 1872 года въ церкви Св. Маріи на Chartres Street, куда по предварительной повѣсткѣ собрались сочлены различныхъ католическихъ обществъ и ферейновъ. Изъ напередъ заготовленнаго статута „католическаго воюющаго союза креста“ открылось, во первыхъ, что всѣ католики-мужчины свѣше пятнадцатилѣтняго возраста постулають въ новое учреждение въ качествѣ дѣйствительныхъ его членовъ; во вторыхъ, что женщины-католички свѣше пятнадцатилѣтняго возраста встулають въ союзъ какъ сочлены „общества женщинъ-помощницъ католическаго воюющаго союза креста“ (Society of the Ladies Auxiliaries of the Catholic Militant Union of the Cross); въ третьихъ, что дѣти начиная съ перваго причастія до пятнадцати лѣтъ—мальчики и до девятнадцати лѣтъ—дѣвочки принимаются въ союзъ въ качествѣ аспирантныхъ членовъ (Aspirant Members of the C. M. U. of the Cross); и въ четвертыхъ, что дѣти, начиная отъ рожденія до перваго причастія, признаются содѣйствующими, кооперативными членами союза (Cooperating Members of the C. M. U. of the Cross). Архіепископъ Perche оказалъ по этому поводу довольно пространную рѣчь въ которой, между прочимъ, указывалъ что онъ сносился уже съ Римомъ, что отъ кардинала Вагнано, префекта пропаганды, имъ полученъ совѣтъ организовать союзъ возможно скорѣе и что подобные союзы уже орга-

названы въ Нью-Йоркѣ, во Франціи, Бельгіи и вообще повсюду въ Европѣ. Судя по первому параграфу статута, цѣль союза состоитъ въ томъ чтобы бороться со всѣми явными и тайными некатоліческими сообществами и защищать интересы церкви, Св. престола и вообще католическаго общества. Для достиженія этой чрезвычайно темно формулированной цѣли союзъ; по второму параграфу статута, не долженъ щадить никакихъ усилій, никакихъ средствъ. Сюда принадлежатъ молитвы, проповѣди, цѣлострукціи и вообще всѣ мѣры, всѣ дѣйствія одобряемыя папой. „Посмотрите, говорилъ въ рѣчи архіепископъ,—на интернаціональное общество!.. Какой громадности, какой силы достигло оно вслѣдствіе союза и единодушія! Что касается католиковъ, то они, поддерживаемые плодотворнымъ вліяніемъ религіи, должны сплотиться и содѣйствовать силѣ возрастанія своей церкви всѣми католическими мѣрами“. Заключившая рѣчь, архіепископъ указалъ на быстрый ростъ Католической церкви въ Ново-Орлеанѣ въ теченіе тридцати послѣднихъ лѣтъ, зависѣвшій главнымъ образомъ отъ единодушія католиковъ, и потому убѣждалъ слушателей отложить въ сторону національные и индивидуальныя взгляды и интересы и ото всей души способствовать успѣху великаго дѣла.*

Установивъ новый союзъ, архіепископъ Регше разослалъ духовенству своей епархіи окружное посланіе коимъ требовалъ введенія „воюющаго союза креста“ во всѣхъ приходахъ и убѣждалъ духовенство для распространенія союза приложить все свое стараніе и вліяніе чтобы сочлены всѣхъ частныхъ конгрегацій вошли въ его составъ.** Другіе католическіе епископы въ Соединенныхъ Штатахъ послѣдовали примѣру Ново-Орлеанскаго архіепископа; одинъ за другимъ они стали заводить въ своихъ епархіяхъ подобныя же союзы. Что же касается католической печати, то она пріѣтствовала новому учрежденію шумными одобреніями и великорѣчивыми похвалами. Иначе, впрочемъ, и не могло быть: всѣ католическія газеты состоятъ въ Новомъ Свѣтѣ подъ патронатствомъ мѣстныхъ епископовъ и получаютъ отъ нихъ легальныя субсидіи.

* Подробности этого дѣла см. *Ново-Орлеанскую нѣмецкую газету* отъ 20 февраля 1872 года и *N.-Y. Staatszeitung* отъ 26 февраля 1872 года, № 49.

** См. *Kath. Volkszeitung* отъ 4 мая 1872 года, № 2.

Мы остановились на „воюющемъ союзѣ креста“ съ тою цѣлю чтобы выяснитъ дѣйствительныя побужденія имѣвшіяся при его учрежденіи. Побужденія эти отвѣчали совершенно интересамъ усиливающагося католицизма въ Америкѣ. Союзъ имѣлъ слатить католическій элементъ и слить воедино разрозненныя единицы вѣрующихъ; онъ долженъ былъ людямъ колеблющимся въ вѣрѣ дать религіозное упражненіе, людей шаткихъ, легкомысленныхъ поставить подъ легку общины, слабыхъ поддержать, малолѣтнихъ воспитать въ известномъ направленіи, словомъ, всѣхъ безъ различія возраста и пола католиковъ закалить въ вѣрѣ и приготовить къ борьбѣ съ искушеніемъ, то-есть съ протестантскою миссіей и конституціоною свободой. Такова дѣйствительная цѣль Союза. Строго говоря, это ловкій миссіонерскій приемъ въ духѣ отца Лойолы.

Итакъ, Римско-Католическая церковь въ Соединенныхъ Штатахъ Америки не охотно упускаетъ изъ своихъ рукъ даже единичныхъ отщепенцевъ; она изыскиваетъ мѣры и средства чтобы предотвратить выходъ своихъ чадъ изъ вѣдра церкви; она готова допустить какіе угодно компромиссы съ совѣстію, но вѣшняя осанка должна быть соблюдена неварушимо, вѣрующій долженъ принадлежать римскому исповѣданію. И замѣчательно, чѣмъ долѣ живетъ католицизмъ въ Америкѣ, чѣмъ бѣольшую пріобрѣтаетъ онъ силу въ странѣ свободы, тѣмъ рѣже и рѣже совершаются отпаденія отъ него. Словомъ, онъ самъ начинаетъ производить обаяніе на вѣрующихъ Американцевъ. Они видятъ въ немъ не столько носителя истины сколько представителя могучей социальнѣй и политической силы и потому, примкнувъ къ нему, держатся его твердо.

Итакъ, римскій католицизмъ въ Америкѣ растетъ:

Впередъ, потому что ему приходится развѣртывать свои силы въ классической странѣ свободы;

Восторжѣ, потому что отбросивъ европейскія традиціи, онъ опирается на новыя начала, отвѣчающія требованіямъ страны;

Втретьихъ, потому что чрезъ эмиграцію онъ получаетъ изъ Европы постоянный громаднѣй притокъ новыхъ силъ;

Вчетвертыхъ, потому что внутреннія, руководимыя іезуитами миссіи его набросили сѣть пропаганды на всю страну;

Важныя, потому что смѣшанные, католико-протестантскіе браки, часто встрѣчающіеся въ американской жизни, ведутъ къ окатоличенію семьи;

Висестыя, потому что ставя своихъ сочленовъ подъ олеку своей корпораціи и религіознаго союза, оны ограждаютъ ихъ отъ возможности увлеченія и измѣны вѣрѣ и церкви.

Заканчивая настоящую главу, считаемъ необходимымъ сказать что необычайно быстрый ростъ римскаго католицизма въ Соединенныхъ Штатахъ Америки вызывалъ и вызываетъ серіозное опасеніе въ лучшихъ представителяхъ страны. Они все болѣе и болѣе убѣждаются что дальѣйшее распространеніе его грозитъ не только религіозною, но и политическою опасностію. Ожидать отпора со стороны протестантизма они, очевидно, не могутъ. Они видятъ что протестантскія церкви и секты при всемъ желаніи объединиться и предпринять какіа-либо мѣры противъ общаго ихъ врага съ каждымъ днемъ все болѣе дробятся и удаляются другъ отъ друга каждая въ свою сторону. Надѣяться на протестантизмъ—это значить терять понапрасму дорогое время и дать католицизму возможность еще болѣе окрѣпнуть. Съ другой стороны, печаль съ постоянствомъ и настойчивостію лобуждаетъ Американцевъ обратить немедленно же серіозное вниманіе на грозящую въ будущемъ опасность и убѣждаетъ для обузданія католицизма принять мѣры гражданскаго свойства и характера. Нельзя сказать чтобы въ этомъ отношеніи ничего не было сдѣлано. Мы знаемъ, напримѣръ, одну очень рѣшительную попытку, которая впрочемъ пока не привела еще къ желаемой цѣли

Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ въ Америкѣ образовалось съ цѣлію обузданія католицизма тайное общество подъ названіемъ *орденъ соединенныхъ Американцевъ*. Общество это облечено таинственностію въ противовѣсъ обществу іезуитовъ, которое если и не можетъ быть названо вполнѣ тайнымъ, то несомнѣнно преслѣдуетъ тайныя цѣли или идеть къ цѣлямъ таинственными путями. „Орденъ соединенныхъ Американцевъ“ въ быстромъ ростѣ католицизма усматриваетъ политическую опасность для американской республики и потому всѣ свои усилія направляетъ къ тому чтобы ввести нѣкоторыя дополнительныя статьи въ конституціонныя уложенія Соединенныхъ Штатовъ, то-есть желаетъ предотвратить грозящую бѣду коренною реформой, направленною главнымъ

образомъ противъ католицизма. Стремленія свои орденъ сводить къ слѣдующимъ пунктамъ:

вопервыя, къ запрещенію на всѣ грядущіе вѣка спеціальныхъ законодательствъ въ пользу церквей и религіозныхъ обществъ;

во вторыя, къ запрещенію какихъ бы то ни было пожертвованій изъ общественнаго и государственнаго достоянія въ пользу церквей или религіозныхъ учрежденій;

въ третьи, къ требованію чтобы собственность церквей и всѣхъ вообще религіозныхъ обществъ и учрежденій всегда числилась за опредѣленнымъ юридическимъ лицомъ;

въ четвертыя, къ требованію обложить эту собственность налогомъ;

въ пятыя, къ поощренію исключительно свѣтскаго обученія, которое должно быть признано обязательнымъ для всѣхъ гражданъ;

въ шестыя, къ исключительному покровительству даровымъ общественнымъ школамъ;

и *въ седьмыя*, къ строгому воспрещенію вмѣшательства церквей и сектъ въ общественныя и государственныя дѣла.

Пункты эти, по мнѣнію „ордена“, такъ или иначе должны быть внесены въ качествѣ дополненій въ конституціонныя уложенія.

Е. К. С.

ВЪ ЧУЖДОЙ СРЕДѢ

ПОВѢСТЬ. *

ІХ.

Нелли Булатова уже болѣе двухъ недѣль изнывала въ безвыходной тоскѣ и мучительной тревогѣ. Ивченко нерѣдко появлявшійся прежде въ гостиной баронессы, всегда открытой для молодежи, почти вовсе пересталъ заглядывать за исключеніемъ случаевъ формальныхъ приглашеній. Въ эти рѣдкія появленія онъ старательно держался въ сторонѣ отъ дамскаго общества или подсаживался къ общему кружку избѣгая прежнихъ а parte съ Нелли. Ненависть романтической дѣвы къ Настасьѣ Александровнѣ возрастала съ каждымъ днемъ. Она считала ее единственною виновницею рѣзкой перемѣны послѣдовавшей въ ея кумирѣ вскорѣ послѣ знаменательнаго вечера когда онъ „такъ явно“ обнаружилъ свой восторгъ. Въ силу обоюднаго соглашенія, музыкальныя занятія Настасьи Александровны съ Ивченкоу продолжали оставаться тайной для двурѣченскаго общества. Курбскій, въ качествѣ близкаго человѣка, былъ въ послѣдствіи ею самою же въ нихъ посвященъ, но, какъ мы замѣтили выше, онъ

* Окончаніе. См. № 4 Русскаго Вѣстника.

въ послѣднее время сталъ показываться все рѣже и наконецъ совершенно исчезъ. На милые призывы и посланія Настасья Александровны пояснилъ что страдаетъ подагрическими припадками и ревматизмомъ, а потому по совѣту доктора избѣгаетъ холода и вечерней сырости. Невозможно было и по видимому не предстояло даже надобности окружать таинственностью почти ежедневныя встрѣчи или прогулки съ Ивченкомъ. Настасья Александровна была убѣждена что эти „случайности“ не могутъ подать ни малѣйшаго повода къ злословію, упуская изъ вида что почти ежедневное ихъ повтореніе привлечетъ праздное вниманіе двурѣченскаго „свѣта“.

Между особенностями провинціи, едва ли не самую отличительною является полнѣйшее отсутствіе уваженія къ частному быту людей. Волей-неволей всѣ живутъ словно въ стеклянной банкѣ, не столько вслѣдствіе чистоты нравовъ сколько по физической невозможности укрываться отъ всевидящаго ока провинціальной нескромности и любопытства. При нѣкоторой охотѣ и настойчивости можно развѣдать въ весьма непродолжительномъ времени не только семейныя отношенія, имущественныя и другія частныя дѣла каждаго, но чуть ли ни точное количество потребляемаго имъ сахара или керосина. Нѣтъ ничего удивительнаго что при этихъ даныхъ „увлеченіе“ Настасьи Александровны Ивченкомъ для многихъ было дѣломъ окончательно порѣшеннымъ уже въ то время когда она сама еще не создавала значенія и свойствъ зарождавшагося чувства. Отголоски этихъ толковъ упали словно капли масла въ пылавшую ревность Нелли. Ей сразу стали понятны и разсѣянная холодность, и тѣ рѣзкія выходки какими Ивченко встрѣчалъ послѣднее время ея признанія. Она болѣе не сомнѣвалась что обольщенія опытной, бездушнѣйшей кокетки, какъ она опредѣляла въ своемъ гнѣвѣ Настасью Александровну, ослѣпили его „первобытную впечатлительность“ и въ ослабленіи заставили повернуться спиной къ тому счастью которое онъ былъ способенъ найти съ ней. Вырвать, спасти его отъ этихъ коварныхъ чаръ, „заковать вновь“ показалось ей прямымъ долгомъ, тяжелою, но послышною задачей.

Ивченко только очнулся отъ послѣобѣденнаго сна на укускомъ клеенчатомъ диванѣ. Утромъ была офицерская ѣзда, и крѣпкая, здоровая натура юности восстановила

нѣсколькими часами отдыха запасъ растраченныхъ силъ. Въ маленькой, низкой комнаткѣ съ бревенчатымъ потолкомъ было совершенно темно. Сквозь щель притворенныхъ дверей прихожей пробивалась тонкая полоска свѣта и слышалось монотонное лѣніе закипавшаго самовара. Ивченко громко клякнулъ дѣвщицу, но отвѣта не послѣдовало. „Ушелъ за булками“, сообразилъ онъ, и снова предался набѣгавшей дремотѣ. Чей-то голосъ и шорохъ словно женскаго платья заставили его очнуться. „Это ты, Маня?“ пробормоталъ онъ, потягиваясь и протягивая руку къ едва обозначившейся въ темнотѣ фигурѣ. Отвѣта не послѣдовало. „Что за чортъ?“ произнесъ онъ громко, отыскивая спички. Зажегши свѣчу, онъ не безъ удивленія очутился предъ женщиной въ богатой бархатной шубкѣ, съ головой совершенно закутанною густымъ чернымъ вуалетъ, сквозь который невозможно было разглядѣть черты лица. Фигура и нарядъ таинственной незнакомки сразу разсѣяли его первоначальное предположеніе. Сердце его дрогнуло не столько отъ страсти, сколько отъ внезапно озарившей самолюбивой мысли: что одно его слово сломало волю и помутило разумъ этой женщины. „Настасья Александровна!“ произнесъ онъ не твердо, приближаясь къ черной фигурѣ.

— Это я, Ивченко! съ жестомъ достойнымъ оскорбленной Норы, продекламировала Нелли Булатова, отбрасывая свои кружева.

— Что вамъ угодно? не столько озадаченный сколько взбѣшенный своимъ промахомъ проговорилъ Ивченко. Въ головѣ его рисовались неприятыя послѣдствія этой сумасбродной выходки влюбленной дѣвы еоли, уласи Воже, провъздуеть о ней баронесса, командовавшая мужемъ въ такой же мѣрѣ какъ сей послѣдній дивизіей. Отдѣлаться какъ можно скорѣе отъ Нелли, предупредить всякую огласку и случайность, озабочивало его въ данную минуту несравненно болѣе всего что могла она ему сказать. Онъ послѣдно вышелъ въ прихожую, набросилъ крючокъ на двери и опустилъ календары стору на окнахъ. Елена Федоровна, свѣзъ на плетенымъ стулѣ, съ проницескою улыбкой поглядывала на эти тревожныя припопособленія, объясняя конечно нѣсколько иначе ихъ значеніе.

— Къ чему всѣ эти пустыя предосторожности, Ивченко? проговорила она наконецъ, — еслибъ я боялась идти къ вамъ —

я бы не пришла. Пусть хоть цѣлый свѣтъ узнаеть что я люблю васъ... что мнѣ до того! Я не связана никакими обязательствами и могу не красясь выказывать свои чувства. Вы конечно не меня ждали!

— Я никого не ждалъ, рѣзко перебилъ Ивченко,—и по истинѣ удивленъ вашимъ поствщеніемъ.

— Вы сами принудили меня избрать этотъ способъ съ вами объясниться. Ваша внезапная холодность, ваши нелюбятныя выходки довели меня до этого необычнаго, по мнѣнію свѣта, а можетъ-быть и вашему, неприличнаго шага; теперь вы обязаны меня выслушать.

Ивченко былъ какъ на угольяхъ. Онъ мысленно проклиналъ свои прошлыя заигрыванія съ этою сорокалѣтнею весталкой и чуть не готовъ былъ ее прибить на мѣстѣ чтобъ отнять у ней охоту къ высокопарнымъ изліаніямъ.

— Какіхъ объясненій и въ чемъ именно вы отъ меня желаете, Елена Федоровна? спросилъ онъ ее стараясь по возможности сдерживаться,—говорите Бога ради скорѣе, того и глады вернется ординарецъ, зайдетъ кто-либо изъ товарищей и при всемъ желаніи уберечь вашу репутацію, а не могу отвѣчать за огласку и сплетни если вы здѣсь долѣе останетесь.

— Вы меня выгоняете? нервно перебила она,—хорошо, успокойтесь, я буду по возможности не многорѣчива. Ивченко, продолжала она владая въ мнѣнорный тонъ,—я пришла васъ откровенно спросить, хотите ли вы чтобъ я была вашею женой?

Ивченка словно обухомъ ударили по лбу.

Развязка объясненія въ такой категорической формѣ являлась для него совершенною неожиданностью. Онъ готовъ былъ заподозрить какую-нибудь ловушку въ этомъ неслостижимомъ предложеніи и недоумѣвая не находилъ отвѣта.

Елена Федоровна видимо наслаждалась успѣхомъ произведеннаго эффекта.

— Вѣроятно, продолжала она, выдержавъ соотвѣтственную паузу,—я первая женщина своего круга дѣлающая такое откровенное предложеніе мужчннѣ; свѣтъ неумелімо бы меня осудилъ, но я презираю его мелкіе предрасудки и вѣчную ложь. Я люблю васъ и не считаю нужнымъ, какъ видите, этого скрывать. Вы можете отвергнуть, прогнать меня, но презирать не имѣете права.

Ивченко продолжалъ оставаться холоднымъ среди всей этой сентиментальной трескотни, сквозь которую тѣмъ не менѣе слышался ему голосъ искренняго чувства, льстившій его самолюбивымъ инстинктамъ. Яркій, болѣзненный румянецъ выступившій пятнами на блѣдныхъ, влажныхъ щекахъ Нелли, захорабочный блескъ ея глазъ и красивый кончикъ тонкаго носа, слишкомъ чувствительнаго къ стужѣ, не придавали ничего поэтичнаго ея наружности. Ему становилось и жалко, и смѣшно глядѣть на ея волненіе, въ немъ шевелилась досада что несмотря на такую беззаветную отрасть и выгоды подобнаго брака онъ все-таки не въ силахъ рѣшиться на развѣску и заключить ее тутъ же въ свои объятія.

— Вы увлекаетесь собственнымъ воображеніемъ, Елена Федоровна, отвѣчалъ онъ уклончиво смягчая тонъ, — вамъ не партія бѣдный, ничтожный офицеръ безо всякихъ средствъ, безъ положенія. Вы бы потомъ стали сами жалѣть и раскаиваться.

— Предоставьте мнѣ лучше знать мое сердце! восторженно перебила она. — Средства тутъ не причемъ, я достаточно богата, положеніе еще менѣе значить... Я пришла не торговаться, Ивченко!... или пожаауд, я хочу васъ купить цѣной той любви которую вы вѣроятно бы оцѣнили и не отвергли еслибы не попался въ когти лустой, бездушнаго кокетки...

Ивченко сдвинулъ брови и хотѣлъ возражать.

— Успокойтесь, продолжала Нелли, — я не намѣрена ее здѣсь оскорблять; каковы бы ни были ваши къ ней отношенія мнѣ до нихъ нѣтъ дѣла. Я повѣрю одному вашему слову въ убѣжденіи что вы честный человѣкъ. Истинное чувство, Ивченко, слободно все простить, все позабыть! Вы любите искусство, — я сама ему всю жизнь служила; мы могли бы унести наши идеалы, можетъ-быть наше счастье, далеко отъ этихъ мѣстъ. Вы знаете, я давно собираюсь посѣтить Италію, отъ васъ теперь зависитъ совершить эту поѣздку вмѣстѣ. Миланская консерваторія — первая въ мірѣ.

Ивченко задумался; соблазны беззаботной, обезпеченной жизни мелькнули предъ нимъ

— Ваша сестра... баронъ... никогда не допустятъ васъ до подобнаго брака, проговорилъ онъ не твердо, словно отвѣчая на собственную мысль.

— Я ни отъ кого и не въ какомъ смыслѣ не завишу, послышала Елена Федоровна, — порвите только ваши связи здѣсь;

все остальное устроится безъ труда. Мы можемъ обвинять-ся въ Петербургѣ или за границей; мѣсячный отпускъ вы получите отъ полковаго командира, затѣмъ, смотря по желанію, возьмете отсрочку или вовсе оставите службу.

— Я ровно ничемъ здѣсь не связанъ, и вы глубоко ошибаетесь въ вашихъ предположеніяхъ, съ удареніемъ замѣтилъ Ивченко.

Онъ соображалъ все время какимъ способомъ удержать пылкую дѣву на той восторженной точкѣ какой она достигла, но вмѣстѣ съ тѣмъ отстранить дальнѣйшую возможность всякихъ неосторожныхъ, компрометирующихъ выходовъ, стараясь при этомъ ничѣмъ себя не обязывать. Протаяла минута молчанія.

— Вы все же не отвѣтили на мой вопросъ, Ивченко, заговорила Нелли.

— И пока ничего не въ состояніи отвѣтить, удачно владая въ ея томъ возразилъ онъ,—сердце мое, даю вамъ слово, свободно ото всякаго серьезнаго чувства, но я рѣшусь связать себя только при убѣжденіи что всегда останусь предъ вами честнымъ человѣкомъ. Не требуйте пока отъ меня большаго. Елена Федоровна и располагайте своею судьбой какъ знаете, такъ какъ отвѣтъ мой ни въ чемъ васъ не связываетъ.

Онъ остался вполне доволенъ придуманною тирадой, признавая ея верховъ дипломатіи въ данную минуту.

Нелли вздохнула и поднялась съ мѣста.

Вы честный человѣкъ, съ печальною покорностію произнесла она,— я вамъ вѣрю и буду ждать. Моя судьба въ вашихъ рукахъ... каковъ бы ни былъ вашъ приговоръ, я безропотно ему подчиняюсь. Вотъ простой и молчаливый способъ сообщить мнѣ ваше рѣшеніе: возьмите это кольцо—оно мнѣ дорого, въ немъ волосы моей покойной матери; если вы мнѣ возвратите его лично—это будетъ знакомъ вашего желанія обвинить его на другое, если съ посланнымъ... то... (голосъ ея дрогнулъ) я пойму что мы болѣе не увидимся!

Съ этими словами она подала ему, предварительно поцѣловавъ, старомодное золотое колечко на которомъ по черной полустертой эмали видѣлась еще надпись „pour la vie“. Ивченко машинально протянулъ за нимъ руку и не успѣвъ еще отвести какъ горячія губы Нелли страстно къ ней прильнули.

— Вы съ ума сошли! сорвалось у него неволью.

— Прощайте, и слушайте только сердца— оно не обманет! проговорила она у дверей прихожей и скрылась кабриравъ свои кружева.

— Вотъ шальная! чуть не вслухъ произнесъ онъ ей вслѣдъ. Внимательно осмотрѣвъ колечко, онъ съ самодовольною усмѣшкой спряталъ его въ старый кожаный портфель съ бисерною собакой, мысленно присовокупивъ: „этотъ резервъ можетъ и пригодится!“

Х.

Настасья Александровна была не столько встревожена сколько озадачена когда на другой день послѣ неудавшейся попытки вызвать Ивченка на прямое объясненіе онъ не явился въ обычное время урока. Первно слѣдила она за часовой стрѣлкой, ожидая появленія юноши или по крайней мѣрѣ извѣстія объясняющаго этотъ необычный пропускъ. Когда пробило три часа, она успокоилась. Очевидно Ивченко, внезапно призванный какими-либо служебными обязанностями, не нашелъ даже возможности ее оповѣстить. Она заранѣе извинила его, и покоряясь необходимости рѣшила вооружиться терпѣніемъ на сутки. Проломившая мельчайшія подробности вчерашняго разговора, она остановилась на убѣжденіи что Ивченко не только осознаетъ ея чувство, но и вполне его раздѣляетъ. Его ровная сдержанность, отсутствіе всѣхъ лошлыхъ приемовъ ухаживанія, самое нежеланіе высказаться, объяснялись для нея не равнодушіемъ или пустымъ самолюбіемъ а серьезнымъ, возвышеннымъ отношеніемъ къ чувству. Самое требованіе отъ женщины безусловнаго признанія хотя бы подъ страхомъ отверженія и даже смерти перестало ей казаться неумѣстной шуткой, фатовскою бравадой юноши; теперь оно представлялось ей какимъ-то проявленіемъ душевной мощи и несокрушимой силы. Въ этихъ исключительныхъ свойствахъ она находила словно оправданіе своего увлеченія, и она придавала новый отблескъ прелести любимому существу. Желанное „завтра“ привнесло только новое разочарованіе. Ивченко не явился ни въ этотъ день, ни въ слѣдующіе. Изъ собранныхъ свѣдѣній оказалось что онъ находится въ своемъ эскадронѣ, расположенномъ верстахъ въ двадцати отъ города въ слободѣ Ивановкой. Чѣмъ была вызвана эта внезапная повѣзка, долго ли продол-

жится его отсутствіе, почему онъ уѣхалъ не только не простясь, но и не предупредивъ ее хотя бы словомъ—эти вопросы оставались для нея загадками. Непреодолимая робость не позволяла ей обращаться за разъясненіями къ полковымъ товарищамъ Ивченка, которые безъ сомнѣнія могли бы сообщить какія-либо опредѣленныя свѣдѣнія. Отъ всевѣдущей почтмейстерши Сивековой она случайно узнала будто, вслѣдствіе какого-то секретнаго распоряженія по войскамъ округа, съ молодые офицеры получили приказаніе находиться при своихъ частяхъ, но вѣдь ей невозможно было безусловно вѣрить.

Въ такой мучительной, безотрадной неизвѣстности прошла недѣля, за ней и другая. Свѣтлый околышъ Ивченки не мелькнулъ ни разу по неизбѣжному бульвару, брачаніе его всегда слущенной сабли не тревожило его Двурѣченскихъ улицъ,—словомъ, будто въ воду какуль. Истомленная ежедневно разлетавшеюся надеждой снова его увидѣть, лутаясь и теряясь въ противорѣчіяхъ своихъ догадокъ и заключеній, Настасья Александровна находила отраду лишь въ одномъ предположеніи что внезапный отъѣздъ Ивченки былъ логическимъ послѣдствіемъ ихъ послѣдняго разговора. Онъ любилъ ее, и вотъ, изъ оласевія вымолвить это признаніе, оградила себя невозможностью поддаться вліянію случайнаго порыва или увлеченія, которые бы выдали его безвозвратно. Можетъ-быть онъ страдаетъ не менѣе ея въ этой добровольной разлуцѣ и полагаетъ этимъ искусомъ надломить ея волю, а самъ ищетъ въ немъ возможности забыть и забыться. Образъ его, хотя и отсутствующаго, сталъ переполнять ея внутренній міръ до поглощенія всего остальнаго. Она не тяготилась внѣшнею стороною ежедневной жизни, но исполняла ея обязанности какъ-то бессознательно, по одной силѣ привычки. Въ окружающихъ явленіяхъ и людяхъ предъ нею стала теперь выступать неприглядная, оборотная сторона, которой она прежде не примѣчала. Добрый, любящій Максъ верѣдко представлялся сухимъ эгоистомъ и деспотомъ, Павлуцъ—своевольнымъ и капризнымъ ребенкомъ, прислуга—безтолковою, Двурѣченскъ—невыносимою труппой. Она подумала отправить мужа за Курбскимъ, но тотчасъ же отказалась отъ этого намѣренія, сознавая что его ѣдка, всепроникающая насмѣшка скорѣе раздражитъ нежели усложнитъ ее. Не находя ни въ себѣ, ни кругомъ ничего что могло бы заглушить натискъ неотвязчивыхъ думъ, она бѣшено отда-

лась музыкѣ. Искусство доставило ей возможность бесѣдовать цѣлыми часами съ любимымъ существомъ на томъ сокровенномъ, божественномъ языкѣ, который, мнилось ей, долженъ былъ донестись до него чрезъ предѣлы пространства и найти откликъ въ его могучей душѣ. Но и этого туманнаго служенія чувству вскорѣ стало недостаточно. Звуки были бессильны передать весь наплывъ ощущеній перелопачившихъ душу. Нужно было слово, живое слово. Она рѣшилась ему написать. Предлогъ нашелся подъ рукой. Во время ихъ музыкальныхъ занятій она передала ему кое-какія ноты. Со своей стороны, онъ оставилъ или забылъ на ея роли свои упражненія и этюды. Обиѣнъ этихъ слѣдовъ недавняго прошлаго можетъ-быть вызоветъ въ немъ какой-либо откликъ. Переслать было не трудно чрезъ полковаго товарища. Долго не могла она выбрать окончательную редакцію своей записки къ нему. Одна, казалось ей, горчила слишкомъ много, другая—ничего. Ей хотѣлось чтобъ этотъ повседневный поступокъ былъ понять Ивченкомъ именно въ томъ значеніи какое она сама ему придавала, чтобы между незначущими строками молодой человѣкъ прочелъ не только волновавшія ея мысли, но и самыя ощущенія. Наконецъ, послѣ многихъ колебаній она почти удовлетворилась слѣдующимъ: „Пользуясь любезностью Мг Славина, посылаю вамъ забытыя у меня упражненія въ надеждѣ что ваше внезапное исчезновеніе не означаетъ окончательнаго разрыва съ искусствомъ. Мнѣ было бы слишкомъ больно придти къ подобному закаюченію и потому я его не допускаю. Когда рѣшитесь заглянуть въ городъ, захватите съ собою мои ноты“. Для чрезъ три возвратившійся изъ эскадрона офицеръ доставилъ ей аккуратно увязанную палку съ нотами. Въ этомъ заключался весь отвѣтъ Ивченка. Надежда вызвать его въ Двуръченокъ не оправдалась. Оставалось только подчиниться силѣ обстоятельствъ и ожидать пока капризъ этого непонятнаго существа побудитъ его вернуться. Тупое безвыходное уныніе стало овладѣвать Настасьей Александровною. Она можетъ-быть впервые ясно сознала „какое значеніе“ Ивченко пріобрѣлъ въ ея существованіи. Обманывать себя долѣе было немыслимо и безцѣльно—это не капризъ, не случайное, проходящее увлеченіе, но глубокая, неизгладимая страсть. Его очевидное равнодушіе обрушивалось на нея чѣмъ-то подавляющимъ, словно свинцовая крышка гроба

надъ живымъ существомъ. Послѣднїй притокъ воздуха, послѣдняя струя свѣта исчезли, оставалось бороться въ непроглядной тьмѣ съ неотразимымъ страданіемъ. Все окружающее становилось еще болѣе чуждымъ и безразличнымъ, умирало, будто уходило въ даль, между тѣмъ какъ образъ Ивченка прїобрѣталъ грандіозные размѣры. Мѣста гдѣ бывало они гуляли цѣлыми часами, церковь гдѣ встрѣчались, магазины куда заходили, все это теперь позлащалося безконечною прелестью воспоминаній. Сознавая суежность всякихъ усилій отогнать прочь милый образъ наполнявшій все ея существо, она свободно отдавалась мучительному блаженству вызывать его поминутно предъ собой.

Максимъ Павловичъ не могъ не замѣтить тѣхъ странностей которыя все рѣзче стали проглядывать въ настроеніи жены. Внезапныя проявленія желчной раздражительности, смѣняемая припадками безучастной апатїи или истерической веселости казались ему несомнѣнными съ прежнею ровностію ея характера: Эти наглядные признаки тревожнаго психическаго состоянія не ускользнули отъ его любящаго сердца. Природенная скромность претїла ему допытываться признаній, вторгаться непрошеннымъ въ завѣтную область душевнаго строя. Не усматривая вѣдшихъ поводовъ для этой перемены, онъ сталъ объяснять ее невольною тоскою по Петербургу и свѣту. Онъ не могъ сочувствовать подобной слабости, и сердце его сжималось при одной мысли что семейная среда, то-есть онъ и сынъ, не могла наполнить существованія жены, оставляеть въ немъ мѣсто для постороннихъ интересовъ и привязанностей. Проклиная этотъ свѣтъ, это эфемерное прошлое, которое, какъ ему казалось, стояло между ними неразрѣшимымъ, раздѣляющимъ диссонансомъ, онъ тѣмъ не менѣе по мягкому складу души рѣшился предложить Настасьѣ Александровнѣ отправиться въ Петербургъ погостить у матери, побывать въ свѣтѣ, полагая вызвать въ ней прежнее настроеніе. Она была нѣсколько озадачена, не лоявъ сразу значенія его предложенія; одна мысль разстаться съ Двурѣченскомъ ее испугала. Настасья Александровна отклонила поѣздку подъ предлогомъ значительности издержекъ, тяжести разлуки съ домомъ и наконецъ совершенной неохоты. Причину проявлявшейся за послѣднее время безотчетной тоски и нервозностей она отвела къ состоянію своего здоровья, наслед-

ствленному, по всей вѣроятности, страдаю почками; просма
 нуть не тревожиться, такъ какъ все это можетъ-быть прой-
 деть само собою, если же нѣтъ, то лучше весной поѣхать
 за границу. Мысль объ уваженіи Ивченкомъ даже не мель-
 кула въ умѣ Максима Павловича. Его прямая, честная
 натура была не способна отыскивать поводы къ ревности.
 Молодой гусарь, за исключеніемъ определенныхъ часовъ для
 музыкальныхъ занятій, весьма рѣдко показывался въ домѣ,
 уклонялся отъ приглашеній и вообще держалъ себя крайне
 сдержанно. Физическая красота юноши, нѣсколько оценчи-
 наго пошиба, казалась Максиму Павловичу весьма зауряд-
 ной, и онъ не могъ допустить чтобъ эта ничтожная приманка
 могла породить серьезное чувство въ женщинѣ развитой, чуж-
 дой сентиментальныхъ пошлостей. Правдивое содержаніе
 Ивченка было ему неизвѣстно и по правдѣ мало интересовало.
 Для него онъ просто былъ „кавалеристъ съ хорошимъ голо-
 сомъ“. Самое прошедшее Стаси казалось устраивало возмож-
 ность подобныхъ предположеній. Какой особенный интересъ
 могъ представлять неизвѣстный армейскій офицеръ для жен-
 щины солрикасавшейся болѣе десяти лѣтъ со времени что
 только было извѣстнаго и блестящаго въ столицѣ. Максимъ
 Павловичъ не допускалъ возможности не только серьезнаго,
 но и какого бы то ни было увлеченія жены въ двурѣчевой
 средѣ, забывая по общечеловѣческой слабости что этотъ
 приговоръ средѣ могъ быть въ извѣстной мѣрѣ отнесенъ къ
 нему самому. Одинъ Курбскій, при извѣстныхъ условіяхъ,
 могъ бы, пожалуй, пробудить въ немъ сомнѣнія, но Дмитрій
 Алексѣевичъ не только не помышлялъ зачислиться въ Домъ-
 Жуаны, а даже второй мѣсяцъ не заглядывалъ въ домъ, ледь
 предложомъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ недруговъ.

XI.

Ивченко укрывался въ Ивановскомъ подъ вліаніемъ вовсе
 не тѣхъ побужденій какія рисовались въ болѣзненно на-
 строенномъ воображеніи Настасьи Александровны. Сума-
 сбродная выходка Нелли побудила его времени удалитъ-
 ся изъ города дабы устроить самую возможность всякихъ
 новыхъ попытокъ пламенной дѣвы въ томъ же направле-
 ніи. Не рѣшаясь сразу поковчить такъ или иначе съ

поставленнымъ ею вопросомъ о бракѣ, онъ опасался чтобы дальнѣйшіе извороты при ея възможной натурѣ не скомпрометтировали его служебнаго положенія. Служба была для него пока единственнымъ источникомъ не только нѣкотораго общественнаго положенія, но и самаго существованія. Практическая сторона женитьбы конечно соблазняла его своими выгодами, но при возможности инаго похода этотъ отчаянный скачокъ сухаго разчета казался преждевременнымъ и тяжелымъ. Настасья Александровна сама того не зная заронила въ его душу этотъ непрощенный разладъ, указавъ на искусство какъ на вѣрный способъ проложить себѣ блестящую дорогу. Онъ повѣрилъ ей. Ея одѣлка, ея доводы показались ему весьма вѣскими и вполнѣ безпристрастными. По какому лобужденію стала бы она сбивать его съ толку относительно степени его силъ и таланта? Ея семейное и общественное положеніе, въ связи съ блестящимъ прошлымъ, устранили сначала въ его умѣ всякій помыселъ объ „интригѣ“, въ которой онъ только весьма смутно могъ представить себѣ значеніе чувства. Поглощенный всецѣло заботой „пробиться въ люди“ при помощи дарованнаго природой таланта, обладаемый первыми услѣхами, онъ добросовѣстно и вполнѣ серьезно отнесся къ занятіямъ подъ умѣлымъ руководствомъ Настасьи Александровны. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшее постыдное уклоненіе ея отъ чисто менторскихъ отношеній въ началѣ нѣсколько озадачило и стѣсняло его. При иныхъ условіяхъ и обстановкѣ онъ можетъ-былъ бы не прочь воспользоваться случаемъ, но онъ освоился уже съ мыслию что сближеніе съ Настасьей Александровной должно имѣть несравненно большее значеніе для его судьбы, и потому старательно избѣгалъ всего посторонняго. Когда овладѣвшее ею чувство стало высказываться настолько ясно что сомнѣваться въ немъ было невозможно, Ивченко не столько былъ польщенъ сколько разсерженъ этимъ открытіемъ. Оно становилось ему внезапно полперекъ дороги, какъ нѣчто непрощенное и совершенно лишнее. Вѣрзъ въ возможность достиженія при такой обстановкѣ какихъ-либо серьезныхъ результатовъ при содѣйствіи Настасьи Александровны совершенно въ немъ рушилась, и онъ не прощалъ ей этого недочета.

Досада и озлобленіе на нее возрастали въ немъ съ каждою новою попыткой вызвать его на объясненіе. Настасья Александровна влюбленная, голавшаяся за нимъ подобно увѣд-

нымъ чиновникамъ и кулчикамъ, по его грубо реальному пониманію, исходила съ того высокаго пьедестала на который онъ привыкъ было ставить ее мысленно и становилась почти въ одну шеренгу съ ними, умалаясь до ихъ размѣровъ. Чуждый пониманію происходившей въ ней нравственной борьбы, онъ усматривалъ въ самой стремительности съ которою она къ нему „льнула“ знакомые признаки легкой любви и пресыщенный подобными развязками равнодушно отвертывался. Холодная злоба обманутыхъ ожиданій, невольный разладъ возникшій въ душѣ послѣ предложенія Нелли, побудилъ его удивиться на время въ Ивановское гдѣ былъ расположенъ эскадронъ. Здѣсь, подъ вліяніемъ физическаго утомленія, въ ежедневномъ соприкосновеніи съ грубою житейскою дѣйствительностью, ему легче показалось обдумывать свои дальнѣйшія намѣренія.

Мартъ подходитъ къ концу. Веселая прелесть первыхъ теплыхъ дней, разливаясь надъ Дворѣченкомъ, вызвала его обитателей на непрсохшій еще бульваръ. Въ и каждый, начиная отъ штабныхъ писарей и заканчивая его превосходительствомъ Петромъ Петровичемъ Владыкинымъ, украсившимъ пышною розой свою бутоньерку какъ бы для сообщенія ко всеобщему свѣдѣнію что въ предѣлахъ вѣрнопой губерніи наступила весна, вылазали изъ своихъ трущобъ и чертоговъ, слѣдша пріѣтствовать томную богиню цвѣтовъ и любви. Для Настасьи Александровны эта пора общаго возрожденія являлась непрощенною и нежеланною гостьей. Яркій блескъ весенняго солнца, пѣвущая истома разлитая въ воздухъ, веселое щебетаніе птицъ и словно просвѣтавшія лица людей, въ эти наглядныя проявленія жизни отзывались для нея чѣмъ-то грубымъ, бессмысленнымъ, оскорбительнымъ. Дисгармонія этой ликующей природы съ ея внутреннимъ міромъ звучала въ ней болѣзненно, раздражала до изступленія. Зачѣмъ такъ ярко блестятъ голубое солнце, такъ громко трещать несносные воробьи, чему радуются проходящіе люди когда на душѣ у нея только мракъ и тоска? Она почти двѣ недѣли уже не раскрывала рояля.

Въ нагрѣтой полуденными лучами гостиной становилось жарко. Сильный ароматъ желтофіолей, гіацинтовъ и ландышей, валолававшихъ жардиньерку, раздражительно дѣйствовалъ на нервы, навѣвая неопредѣленное чувство усталости и бессознательной тревоги. Отложивъ въ сторону недо-

читавшую книгу, Настасья Александровна рѣшила протиснуться. На бульварѣ ожидали ее поминутно встрѣчи знакомыхъ съ праздными вопросами о здоровьи, о мужѣ и сынѣ. Ей стало противно, закотѣлось бѣжать ото всѣхъ этихъ ласковыхъ, довольныхъ людей, остаться одной и она повернула въ городской садъ, обыкновенно еще пустой и не припараженный въ это время года. Тамъ действительно никого не было кромѣ двухъ нянекъ съ поддужной золотушныхъ дѣтей. Разогрѣтая грязь мѣстами образовала лужи, подернутыя радужными отбѣнками; воробьи весело чирикали, вертаяво перепрыгивая по оголеннымъ вѣткамъ, деревянные скамьи почернѣли отъ зимней мокроты и растатались словно старые инвалиды; у гилсовой Гебы, украсившей среднюю клумбу, обулился носъ. Мѣстами свѣжая, яркая травка, едва пробивавшаяся по краямъ куртинъ и дорожекъ, оживляла своими свѣтлыми бликами неприглядность общей картины. Настасья Александровна направилась въ одну изъ боковыхъ аллей. Тутъ подъ густо-разрошшимся кустомъ сирени ютилась скамейка, гдѣ она не разъ отдыхала зимой во время своихъ прогулокъ съ Ивченкомъ. Она присѣла на ея мокрая доски и стала припоминать мельчайшія обстоятельства одной изъ этихъ далекихъ встрѣчъ. Былъ какъ и теперь ясный солнечный день, игольчатый иней окутывалъ деревья хрустальнымъ лугомъ, снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами, морозный воздухъ весело подымалъ грудь. Онъ былъ въ веселомъ настроеніи, мило шутилъ, отражая ея попытки вызвать его на признаніе, порой словно о чемъ-то задумывался... во сколько теплоты, сколько счастья свѣтилось въ его, то мягко ласкающемъ, то мужественно могучемъ взорѣ. Тогда бы цвѣсти цвѣтамъ и ликовать природѣ!...

Внезапное бряцаніе сабли заставило Настасью Александровну очнуться. Невольно вздрогнувъ отъ этого неожиданнаго звука, словно продолжавшаго на яву прерванное видѣніе, она оглянулась.. и рука ея крѣпко ухватилась за край скамьи какъ бы ища опоры. Ей показалось что земля опускается подъ ногами, что жизнь въ ней замираетъ и вотъ, вотъ оставить ее советѣмъ. На поворотѣ аллеи, въ нѣсколькихъ шагахъ показался Ивченко. Лицо его было совершенно покойно. Поровнявшись съ Настасьей Александровной, онъ почтительно приподнял фуражку и остановился. Она взглянула на него измученнымъ, вопрошающимъ взглядомъ и

рѣшилась протянуть руку. Придуманная фраза замерла въ ея судорожно сжавшемся горлѣ.

— Какъ ложиваете, Настасья Александровна? началъ онъ первый, совершенно развязно.

— Живу какъ видите! съ болѣзненнымъ усмѣшкой проговорила она, — а вы все въ Ивановскомъ, перестали совѣтъ сюда заглядывать....

— Обстоятельства не позволяли...

Онъ продолжалъ предъ ней стоять не присаживаясь на скамью. Она предположила что онъ опасается объясненій и сейчасъ же уйдетъ, уйдетъ безжалостно не проронивъ единого слова. Ей вдругъ стало совѣстно что она какъ наводнивая ящя выманиваетъ у него нѣсколько лишнихъ секундъ снисканія, удерживаетъ его противъ воли.

— Вы кажется торопитесь, съ рѣшимостью отчаяннѣя проговорила она, — пожалуйста не стѣсняйтесь, а не разчитывала на чье-либо общество заглядывая сюда.

Ему стало невольно ее жаль. Онъ улыбаясь, словно желая укротить всю эту имъ же поданную въ ея души тревогу, и прислонясь къ дереву началъ закуривать палиросу.

— Нѣсколько, а прошеялся по бульвару, но тамъ такъ мало интереснаго что завернулъ сюда — здѣсь привольнѣе.

На Настасью Александровну пошла то согрѣвающимъ отъ его улыбки, а она сама улыбнулась, какъ улыбается большое дитя подъ нѣжною лаской матери.

— Извините за нескромный вопросъ, уже нѣсколько оживившись спросила она, — но предоставляю вамъ право мнѣ не отвѣчать: вѣроятно какой-нибудь особенный интересъ привлекаетъ васъ въ Ивановскомъ?

— Почему вы такъ полагаете?

— По всему. Вы цѣлыми мѣсяцами не заглядываете въ городъ, бросили прежнія занятія, отвернулись отъ знакомыхъ: всему этому должна же быть какая-либо причина.

— Можетъ-быть, но и помимо того служебныя занятія занимаютъ много времени, того и гледи, не сегодня, завтра двинемся въ походъ.

— Тѣмъ страннѣе прятаться отъ добрыхъ знакомыхъ, друзей... Или вамъ все такъ здѣсь опротивѣло что вы раньше отъ насъ уходите?

— Нѣтъ этого не могу сказать. Мнѣ удалось встрѣтить здѣсь нѣсколько симпатичныхъ личностей, память о которыхъ

будеть всегда пріятна и по всей вѣроятности не легко изгладится.

— У васъ своеобразная логика, замѣтила Настасья Александровна, обладающая нѣсколько туманнымъ смысломъ этихъ словъ,—обыкновенно всѣ люди стремятся и тяготеютъ къ тому что имъ пріятно или мило въ какомъ-либо отноше-
ніи, вы же... словно убѣгаете.

— Совершенно вѣрно, въ этомъ случаѣ я не такой какъ всѣ.

— Изъ духа противорѣчія или оригинальности?

— Нѣтъ-съ, по самому складу своей натуры. Я сторонюсь ото всякихъ бесполезныхъ и безцѣльныхъ увлеченій, которыя способны только портить жизнь ничего не давая взаменъ.

— Вы практикъ! съ горькой усмѣшкой возразила она,—но мнѣ кажется что вся эта осторожность не устоитъ противъ серьезнаго чувства; можетъ-быть, присовокупила она многозначительно взглянувъ на него съ привѣтливою улыбкой,—самое проявленіе ея указываетъ на близость его, можетъ-быть сами того не сознавая вы уже любите... готовые полюбить..

Ивченко засмѣялся холоднымъ, нѣсколько лешаватымъ смѣхомъ.

— Смѣю васъ заверить, отвѣчалъ онъ, спокойно встрѣчая ея взглядъ,—что я никого не люблю въ томъ смыслѣ какъ вы предполагаете и едва ли даже способенъ полюбить.

Съ этими словами онъ приподнял спущенную саблю. Настасья Александровна замѣтивъ это движеніе тоже подвинулась со скамьи.

— Становится сыро, замѣтила она. Они молча дошли до калитки сада.

— Вамъ направо? спросила она какъ бы желая проститься.

— Нѣтъ, я въ ту сторону, если позволите доведу васъ, спокойно отвѣтилъ Ивченко.

Разговоръ болѣе не клеился; они обмѣнивались незначущими фразами чтобъ избѣжать неловкаго молчанія. У дверей ея квартиры онъ сталъ откланиваться.

— Зайдите, нерѣшительно, точно виноватая пригласила она.

— Не могу, уже поздно, пора обѣдать.

— Оставайтесь съ нами, Максъ будетъ очень радъ, у меня много музыкальныхъ новинокъ, убѣждала Настасья Александровна.

— Весьма благодаренъ, но я уже обѣщалъ Синековымъ, извинился Ивченко.

Она болѣе не настаивала и судорожно дернула ручку звонка.

XII.

Ивченко снова водворился въ городъ и казалось отрекся отъ таинственныхъ исчезновеній въ Ивановское. Двуръченскъ представлялъ необычайное оживленіе: всѣ замѣтно суетились, волновались, горячо спорили или многозначительно помалчивали, между военными замѣтна была озабоченная дѣятельность. Высочайшій манифестъ о войнѣ съ Турціей только-что былъ обнародованъ. Хотя части войскъ входившія въ составъ Двуръченскаго округа не были еще мобилизованы, но каждая дивизія ожидала что случайности кампаніи могутъ вызвать ее для на день распоряженіе о выступленіи въ походъ, и это сознаніе „жизни на чеку“ словно проглядывало на лицѣ всякаго офицера. Полковая молодежь, охваченная жаждой подвиговъ и славы, рвалась душой и помыслами за Дунай, тяготась своимъ бездѣйствіемъ въ виду предстоящаго праздника побѣды; люди положительные, женатые, вздыхали при мысли о необходимости разстаться съ хорошею стоянкой, семьями и привычками еобдѣлой жизни. Дамы были не менѣе озабочены. Дѣятельность по Красному Кресту, мѣстное отдѣленіе коего начинало организоваться, изготовленіе табачныхъ кигетовъ, щипаніе корлиц, все это вносило новый интересъ въ ихъ жизнь. Одна Настасья Александровна оставалась словно непричастною къ патриотическому пробужденію Двуръченскаго beau monde. Нежданная встрѣча съ Ивченкомъ казалась убилла въ ней всѣ вѣрованія. Онъ очевидно былъ неспособенъ понять и оцѣнить высокое значеніе ея чувства, поддаться надъ пошлымъ уровнемъ вульгарнаго представленія объ „интригѣ“. „Бездѣльные увлеченія портать жизнь“, высказалъ онъ ей прямо съ дивическою откровенностью. „Бездѣльные“!.. какъ иначе понять значеніе этого слова. Развѣ была какая-либо цѣль въ ея беззащитной, безпредѣльной къ нему любви; кромѣ снисканія его взаимности—никакой! Развѣ она не принесла уже ему въ жертву лучшія сокровища души, свое спокойствіе, не измѣнила нравственно своему долгу, не отвернулась ото всего и ото всѣхъ чтобы вполнѣ принадлежать только ему? Неужели однимъ грубымъ фактъ „паденія“ способенъ убѣдить его, разорвать невыно-

симую печать загадочнаго молчанія которою онъ упрамо себя окувалъ? Допуская одну мысль о возможности подобнаго исхода, онъ уже тѣмъ самымъ извергаетъ ее въ грязь, приравниваетъ къ „всѣмъ“. Она не должна и не можетъ остаться въ немъ этого заблужденія. „Такой“ любви она не желаетъ, и онъ самъ не былъ бы способенъ долго примириться съ ея пошлостью; но какимъ образомъ его образумить, слета отъ поруганія то чувство, которое какъ своеправный ребенокъ онъ хочетъ въ припадкѣ дикаго кайриза потоптать ногами, самъ не сознавая значенія его утраты?

Вскорѣ послѣ своеобразно ею помятаго разговора въ саду, Настасья Александровна могла убѣдиться наглядно что Ивченко рѣшился ея избѣгать. На прогулкѣ, при случайныхъ встречахъ на улицахъ или бульварѣ онъ внезапно исчезалъ за уголъ перваго появившагося переулка, входилъ въ магазинъ или въ ворота, едва успѣвъ ее завидѣть. Въ частныхъ домахъ, у знакомыхъ, достаточно было ея появленія чтобы спугнуть его, заставить удалиться подъ какимъ-либо плохо вымысленнымъ предлогомъ. Какъ ни обидны, какъ ни тяжелы казались ей порой эти слишкомъ явныя выходки Ивченка, онъ все-таки являлись ничтожными сравнительно съ муками причиняемыми его отсутствіемъ. Настасья Александровна не задумывалась относить ихъ къ той внутренней борьбѣ которая, по ея мнѣнію, непременно должна была происходить въ его душѣ. Онъ служилъ осязательнымъ признакомъ его небезучастнаго отношенія къ ней. Объяснять ихъ иными причинами или лобужденіями она не могла и не хотѣла. Его холодность, злоба, ненависть, даже презрѣніе, все было лучше и предпочтительнѣе совершеннаго равнодушія. Въ этихъ чувствахъ, хотя повидимому и противоположныхъ тому которое она такъ стремилась вызвать въ немъ, ей все-таки чулась какая-то таинственная связь съ нимъ, словно частичка его „я“ неотъемлемо ей принадлежавшая, съ утратой которой порвется послѣдняя нить на которой еще держится ея счастье.

Наступившій конецъ мая былъ восхитителенъ. Тонція лилки бульвара казались роскошными подъ перистымъ покровомъ первой свѣжей листвы, не утратившей еще своихъ вѣтвистыхъ головъ. Погода установилась и предвѣщала рядъ хорошихъ дней. Однажды послѣ обѣда Максимъ Павловичъ предложилъ жевѣ пройтись въ городской садъ послушать

музыку. Публики было много. Ивченко съ кучкой полковыхъ товарищей стоялъ по ерединѣ площадки, предъ втрадой гдѣ помѣщались музыканты. Разговоръ былъ оживленный и по-видимому веселаго свойства—онъ смѣялся. Въ то время какъ Настасья Александровна подъ руку съ мужемъ проходила мимо, Ивченко ловкимъ оборотомъ отвернулся въ сторону съ явнымъ намѣреніемъ уклониться отъ неизбежнаго поклона. Она отлично примѣтила этотъ маневръ, и краска оскорбленнаго самолюбія бросилась ей въ лицо. Они усѣлись вмѣстѣ съ Курбскимъ, выползшимъ съ наступленіемъ теплыхъ дней изъ своего продолжительнаго закаюченія. Вышній видъ двурѣченскаго Мефистофеля былъ попрежнему спокойно-изящень, но наблюдательный глазъ подмѣтилъ бы нѣскольکو серебрястыхъ нитей въ его длинныхъ и рѣдкихъ дипломатическихъ бакенбардахъ и лишайхъ складочекъ по угламъ глазъ, прикрытыхъ бортомъ сѣрой лоярковой шляпы. Максимъ Павловичъ сталъ подтрунивать надъ его затворничествомъ, увѣряя въ шутку что онъ скоро совершенно одичаетъ и подобно Навуходоносору станетъ питаться травой.

— Знаешь ли, отвѣчалъ въ томъ же тонѣ Курбскій,—твоя мысль вовсе не дурна и требуетъ примѣненія на опытѣ; оно пожалуй окажется удобоваримѣ клубныхъ обѣдовъ.

Настасья Александровна полрбовала принять участіе въ разговорѣ, но онъ какъ-то не клеился, словно у каждаго изъ бесѣдовавшихъ навертывалась посторожная назойливая мысль которую онъ опасался высказать и не имѣлъ силы отогнать прочь. Дерзкая, непомятая выходка Ивченка не выходила у нея изъ головы. Онъ могъ не отвѣчать ей взаимностию, могъ избѣгать, ненавидѣть ее, но такъ явно, такъ наглядно отказывать ей въ уваженіи не имѣлъ никакого права. Мѣра терпѣнія оказалась переполненною. Ей хотѣлось во что бы не стало высказать ему тутъ же всю мелочность и неприличіе его поступка; ея достоинство требовало этого объясненія. Сквозь олущенную вуалетку она пристально слѣдила за площадкой гдѣ продолжали толпиться гусары.

— Прикажи мнѣ подать содовой воды, пить хочется, обратилась Настасья Александровна къ мужу, примѣтивъ что Ивченко отстаетъ отъ общаго разговора съ товарищами, словно собираясь уйти. Едва Максъ направился къ буфетному павильйону, она торопливо, словно боясь одуматься, сказала Курбскому:

— Окажите мнѣ услугу, Дмитрій Алексѣевичъ. Вы знаете Ивченка, онъ вонъ тамъ, около музыки, потрудитесь попросить его подойти на минутку сюда... я желала бы сказать ему два слова.

Словно внезапная боль отразилась на лицѣ Курбскаго; не трогаясь съ мѣста, онъ волпросительно глядѣлъ на нее помутившимися глазами, стараясь уловить ея взглядъ сквозь темный газъ вѣдетки.

— Вамъ это трудно? нервно замѣтила она, не примѣчая его смущенія за своимъ собственнымъ.

— Сію минуту, отвѣтилъ онъ, послѣшню подымаясь, будто оломившись, и направился къ группѣ офицеровъ, отъ которой какъ разъ отходилъ въ то же время Ивченко. Они обмѣнялись обычнымъ рукожатіемъ.

— Я къ вамъ посланнымъ отъ Настасьи Александровны, стараясь улыбнуться началъ Курбскій,—она желаетъ вамъ что-то передать.

Ивченко замаялся, въ чертахъ его мелькнула какая-то холодная, злая усмѣшка, не ускользнувшая отъ Дмитрія Алексѣевича.

— Извините меня предъ Настасьей Александровною, проговорилъ онъ послѣшню,—но мнѣ, право, крайне необходимо сейчасъ же вѣхать по очень слѣшному дѣлу.

— Полагаю, вамъ самимъ несравненно удобнѣе и приличнѣе это ей передать, совершенно покойно, но съ нѣкоторымъ удареніемъ возразилъ Курбскій, едва примѣтнымъ движеніемъ корпуса какъ бы заслоняя луть готовому устремиться отъ него офицеру,—подобныя порученія я привыкъ передавать до сихъ поръ отъ дамъ, но не обратно.

— Въ такомъ случаѣ, съ усмѣшкой сострилъ Ивченко,—вамъ придется отстудить на этотъ разъ отъ вашего права, такъ какъ полагаю что на арканѣ меня не лотащите!

— Упаси Боже! я этимъ способомъ еще никогда не охотилась, невозмутимо и медленно, словно размѣрля каждое слово, отчеканилъ Дмитрій Алексѣевичъ,—но не считаю нужнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ васъ скрывать что подобная выходка противъ порядочной женщины неприлична, и на языкѣ того общества къ которому я принадлежу называется непорядочною.

Смутное лицо Ивченка мгновенно покрылось зеленоватою блѣдностью, тонкія губы его искривились судорожною усмѣшкой и правая рука зашевелилась какъ бы отыскивая оружіе.

— Да это дерзости! прошилъвъ онъ, весь задыхался отъ злости,—вы дадите мнѣ за нея отвѣтъ!

— Когда и какой хотите, равнодушно отвѣчалъ Курбскій, и съ легкимъ поклономъ возвратился обратно къ своей дамѣ.

— Ивчею просить извиненія что на полчаса ослушается вашего приказанія; онъ слѣшитъ къ полковому командиру по какому-то экстренному дѣлу, объяснилъ онъ первымъ придуманнымъ предлогомъ неудачу своего порученія въ надеждѣ что Настасья Александровна скоро оставитъ садъ.

Максимъ Павловичъ не замедлилъ вернуться въ сопровожденіи офиціанта съ содовою водою.

— Не пора ли домой, замѣтилъ онъ слуха немного,—ровно въ девять мнѣ нужно быть въ комитетъ, Владыкинъ продержитъ насъ вѣроятно по обыкновенію за полночь.

— Вечеръ такъ дивно хорошъ что, право, жаль запираеться въ комнатахъ! возразила Настасья Александровна, — не стѣняйся, мой другъ, и отправляйся въ свой комитетъ, а еще здѣсь останусь полчаса или часъ. Дмитрій Алексѣвичъ вѣроятно не откажетъ меня проводить; он prends son bien où on le trouve, привѣтливо обратилась она къ Курбскому,— а мнѣ слѣдуетъ наверстать хотя частичку того времени которое онъ у насъ такъ безжалостно отнял за послѣдніе мѣсяцы.

— Не по винѣ наказаніе! любезно отозвалась Дмитрій Алексѣвичъ.

Максимъ Павловичъ удалился. Настасья Александровна, словно усталая, уютно прижалась въ уголъ скамьи. Курбскій остался на стулѣ, противъ нея, машинально выводилъ кончикомъ трости какой-то узоръ на песокъ. Оба молчали. Начивало смеркаться. Элегантная лублика мало-помалу разходилась. Въ боковыхъ аллеяхъ слышались по временамъ таинственный шелотъ, лискливыя взвизгиванія и взрывы пошлаго смѣха. Изъ освѣщеннаго лавальёна доносилось отчетливое стуканіе биллиардныхъ шаровъ, хапаніе пробокъ откулориваемаго вина или содовой воды, бряцанье офицерскаго оружія и шпоръ о стуленьки. Тѣни сгустились. Какая-то хромая, неуклюжая фигура стала развѣшивать по протянутымъ проволокамъ тусклые фонари изъ промасленной бумаги. Эта фигура колошмилась и словала по всѣмъ направленіямъ олуствѣвшей площадки, оставая по себѣ слѣдъ въ видѣ арко-краснаго или мутно-синяго латва, грубо выдѣ-

лавшагося на темной листвѣ. Въ воздухѣ потянуло ароматомъ сирени и дикаго жасмина, слышалось монотонное жужжаніе хлопнувшагося о землю жука... Настасья Александровна продолжала сидѣть неподвижно, словно задремала. Внутренній міръ поглотилъ ее всецѣло, унесъ такъ далеко ото всего пошлаго что окружавшая обстановка словно утрачивала свой непріятный колоритъ. Борьба тѣней и свѣта, возбуждающіе ароматы весенней ночи, самые звуки избитыхъ, но страстныхъ мелодій отражались на ея ослабѣвшихъ нервахъ чѣмъ-то фантастическимъ, подавляющимъ. Словно внезапная боль заставила ее очнуться. Лицо ея болѣзненно исказилось, станъ выпрямился и отдѣлился отъ спинки скамьи. Курбскій, внимательно за нею наблюдавшій, невольно оглянулся по направленію ея взгляда, пристально устремленнаго въ противоположную аллею. Ивченко, подъ руку съ какою-то молоденькою женщиной въ незатѣливомъ, но приличномъ туалетѣ, вышелъ оттуда на освѣщенную площадку. Наружность его дышала самодовольствомъ; склонясь весьма близко къ своей дамѣ, онъ съ улыбкой что-то ей нашептывалъ.

— Пойдемте отсюда, внезапно подымаясь проговорила Настасья Александровна,—мы кажется засидѣлись и теперь намъ здѣсь не мѣсто; я такъ стала слаба что живой воздухъ на меня подѣйствовалъ... я кажется задремала?

Она узнала въ незнакомкѣ старшую мастерицу своей портнихи, не разъ приходившую къ ней съ посылками или за полученіемъ приказаній по заказамъ.

Курбскій молча предложилъ ей свою руку, и они вышли изъ сада по направленію къ ея квартирѣ. Онъ чувствовалъ какъ рука ея вздрагивала и по временамъ крѣпко налегала, словно искала опоры.

— Я кажется простудилась! извинялась Настасья Александровна.

— Не мудрено, въ саду довольно сыро.

У подѣзда она стала предъ нимъ оправдываться въ своей вялости и нелюбезности.

— Мнѣ что-то нездоровится, дорогой мой Дмитрій Алексѣевичъ, крѣпко пожавъ его руку простилась Настасья Александровна,—вы не сердитесь?.. *sans gaupine, n'est ce pas?*... теперь вы здоровы и не должны насъ забывать.

Курбскій одно мгновеніе нервно задержалъ ея похолодѣвшую руку въ своей, словно желая что-то сказать, но тотчасъ

же выпустилъ и почтительно приподнявъ шляпу, молча повернулъ назадъ и пошелъ быстрою поступью.

XIII.

Настасья Александровна осталась одна. Павликъ давно спалъ, и все въ домѣ было спокойно. Безсознательно отвѣтивъ на вопросъ прислуги о чаѣ что „ей ничего не надо“, она сбросила пальто и шляпку, и направясь въ уютную гостиную, полуосвѣщенную одною лампой подѣ молочно розовымъ козлакомъ, открыла окно и стала смотрѣть на улицу. Полная луна наполняла небо фосфорическимъ сіяніемъ, сквозь которое мерцали звѣзды. Нѣсколько тополей разсаженныхъ у дома перекидывали темныя, косыя полосы тѣней поперекъ улицы залитой свѣтомъ. Все было тихо кругомъ, только порой откуда-то, съ вѣжною лаской теллаго вѣтерка, доносились отрывистые звуки гармоникки, слившейся возпроизвести фантастическое подобіе польки. Объятая дивною красотой ночи, Настасья Александровна словно забыла горечь и униженіе испытаннаго въ этотъ вечеръ. Мысль ея, подчинясь красотѣ вѣшнихъ воспріятій, уходила въ прошлое, отыскивала въ немъ соответственныхъ образовъ и впечатлѣній. Ей приломивались такія же ночи на берегахъ Адриатики, у подошвы Пиренеевъ, среди виноградниковъ Монтрѣ и Лозанны. „Тамъ бы и растилаться имъ въ дивномъ блескѣ своихъ ослѣпительныхъ покрововъ для тѣхъ кому легко живется, чувствуется, любитя.... а здѣсь къ чему, для кого онѣ?....“ Ей стало невыносимо тяжело, точно гнетъ вжималъ усталую грудь. Она поднялась съ подоконника и уже взялась за скобку чтобы затворить окно, какъ отчетливый звукъ приближавшихся шаговъ по деревянной панели привлечь ея вниманіе. Ожидая увидѣть возвращавшагося Макса, она вновь наклонилась и взглянула на улицу. На противоположной сторонѣ ея, весь облитый луннымъ свѣтомъ, рѣзко отдѣлявшимся его стройную фигуру на яркомъ фонѣ бѣлой стѣны, медленно проходилъ Ивченко рука объ руку со своею спутницей. Настасья Александровна замерла у окна, и долго удерживая дыханіе смотрѣла во слѣдъ удаляющимся. Когда наконецъ они скрылись за перекресткомъ, судорожныя рыданія огласили мирную тишину уютной гостиной, гдѣ

горѣвшая лампа продолжала разливать сквозь розовый шаръ свой мягкій полусвѣтъ.

Слезы только временно облегчили надорванные продолжительнымъ лихорадочнымъ напряженіемъ нервы Настасьи Александровны. Пошлая дѣйствительность, такъ внезапно, такъ грубо представшая еще разъ предъ нею, разрушала причудливыя созданія воображенія, пробуждала не умиленіе, а злобу. Появленіе Ивченка у ея порога объ руку съ „этою женщиной“ представлялось ей какимъ-то чудовищнымъ измышленіемъ неумолимой мести, комоуъ грязи брошеннымъ въ нее. Кто виноватъ!... Не она ли сама! Онъ не искалъ, не добивался ея любви, напротивъ, видимо сторонился, даже бѣжалъ отъ нея. Развѣ она не сама повергла предъ нимъ всю лучшую, свѣтаую сторону души, свое женское достоинство и стыдливость которыя онъ цинично толчетъ ногами. Иначе не могло и случиться въ „этой средѣ“, гдѣ она погрязла словно въ тинномъ болотѣ. Этотъ полубогъ разбивающій теперь ея существованіе и вѣрованія, кто онъ?—Армейскій офицеръ, безъ ума, безъ души, даже безъ прикрасъ декоративной мишуры, какъ у тѣхъ что она встрѣчала цѣлыми десятками въ Петербургѣ. И послѣ этого она еще смѣла гордиться своею частотой, смѣла ставить себя выше прочихъ, считать избраннымъ существомъ, способнымъ къ воспріятію только высокаго и изящнаго. Нѣтъ, все это была лишь казета и ложь. Она обманывала себя. Она не любила его, не могла любить. Грубый капризъ, вотъ разгадка всего. Презирать, ненавидѣть Ивченка, даже совершенно забыть его ей казалось возможнымъ, но чѣмъ же жить потомъ? Какъ наполнить пустоту всего существа проликутаго доселѣ имъ однимъ. Не должна ли она торжественно омыть ту грязь которой позволила себя коснуться, „доказать ему“ воочію до какихъ чувствъ онъ не способенъ былъ подняться, кулить какою бы то ни было цѣной, хотя моментъ полнаго торжества надъ нимъ? Мысль о смерти мелькнула въ ея умѣ. Да, одна смерть только и можетъ очистить ее отъ прикосновенія этой недостойной страсти, доставить желанный покой, отомстить „ему“ вѣчнымъ упрямомъ за его грубыя, пошлыя оскорбленія. Религіозное чувство не было въ ней развито. Исполняя обряды, она бывала въ церкви въ извѣстные дни, постилась и говѣла, служила молебны и лавнахиды, столько же въ силу свѣтскихъ

причинъ сколько приобретенныхъ съ дѣтства привычекъ, во внутренней смыслъ религіознаго чувства была для нея открыта. Смерть ея, думала она, никому не причислить положительнаго вреда и только разрѣшить навсегда эту безконечную ложь и этотъ разладъ, среди которыхъ у нея не хватаетъ силъ оставаться долѣе. Она виновата, слѣдовательно должна понести наказаніе, но только „она сама“ имѣетъ право и силу себя казнить, никакъ не „онъ“ и никто другой. Перебирая въ умѣ различные способы лишенія жизни, она инстинктивно отвергла всѣ тѣ которые причиняютъ увѣчья или неоправданы по внѣшней обстановкѣ. Ей хотѣлось умереть изящно не вселяя ни въ комъ даже послѣ смерти ни ужаса, ни отвращенія. Одинъ ядъ, какъ ей казалось, могъ удовлетворить ея требованіямъ, къ тому же ядъ не мучительный, наркотическаго свойства; но гдѣ и какъ его добыть? Она знала что безъ подписи медика не дадутъ. „Хлороформъ“! внезапно вспомнилось ей. Между различными старыми лѣкарствами сберегаемыми „на всякій случай“, въ одномъ изъ ящичковъ туалетнаго стола хранился цѣлый пузырекъ его оставшійся послѣ родовъ. Предусмотрительный врачъ прописалъ его дабы имѣть подъ рукой въ случаѣ слишкомъ тяжелыхъ страданій. Она безъ труда его разыскала. Тутъ же находилась и вата для влитыванія разрушительной жидкости. Настасья Александровна порѣшила крѣпко привязать ее въ тончайшемъ батистовомъ платкѣ къ дыхательнымъ отверстіямъ, не сомнѣваясь что этимъ способомъ весьма легко и незаметно перейдетъ въ вѣчность. Начинало свѣтать. Максъ не возвращался: вѣроятно проголодался послѣ комиссіи и зашелъ поужинать въ клубъ, гдѣ заигрался на билліардѣ до котораго былъ охотникъ. Нужно было торопиться; откладывать—малодушно; вѣдь она рѣшилась! Писать, объяснять что-либо о причинахъ побуждающихъ ее оставить жизнь показалось ей излишнимъ. Всякая ложь была бы недостойна ея въ эти послѣднія торжественныя минуты, а правда могла лишь оставить неизгладимый слѣдъ горечи въ душѣ Макса. Пусть лучше онъ объяснитъ ея непонятную рѣшимость болѣзненнымъ разстройствомъ, скрытымъ психическимъ недугомъ. Отъ мужа мысль ея невольно перешла къ сыну. Павлуикъ еще такъ малъ что жалѣть о ней не будетъ, скоро привыкнетъ къ ея отсутствію и забудетъ ее. Его по всей вѣроятности и не допустить къ ея гробу: скажутъ просто что „мама уѣхала“ или

что „Богъ ее взялъ“! Нужно съ нимъ проститься, благословить его въ послѣдній разъ. Она направилась въ дѣтскую. Ночная лампочка бросала тусклый кругъ свѣта на клеенчатую покрывку стола, и было нѣчто неопредѣленно тоскливое въ борьбѣ ея словно усталого пламени съ пробивавшеюся сквозь опущенныя бѣлыя занавѣси оконъ утреннею зарей. Нѣмкая няня крѣпко спала, вытянувшись во всю длину постели. Стѣнные часы съ гирами мѣрно отчеканивали свое монотонное „тикъ-такъ“. Проснувшіеся воробьи весело чирикали за окномъ. Настасья Александровна тихо подошла къ уютной кроваткѣ сына, и осторожно раздвигувъ кисейныя занавѣски, заглянула въ нее черезъ высокій бортъ обтянутый русскими вышивками. Мальчикъ разметался въ крѣпкомъ утреннемъ свѣ; изъ полураскрытаго ротика чуть слышалось ровное покойное дыханіе здороваго ребенка. Темноватые пряди волосъ смѣшались въ прелестномъ безпорядкѣ на бѣлой подушечкѣ и спускались на лобъ причудливыми завитками, щечки разгорѣлись, обнаженная ножка граціозно обрисовывалась на красной фуларовой подкладкѣ сбившагося одѣяла. Настасья Александровна невольна наклонилась и прикоснулась къ ней своими сухими, воспаленными губами. Тихая, едва ею самую замѣтная слеза скользнула въ эту чистую, безмятежную кроватку. Слово прикованная неведомою силой стояла у нея Настасья Александровна, и мирное, благодатное чувство осыпало ее помутившуюся душу. Ребенокъ пошевелился, отбросивъ въ сторону прижатую головой ручку... Мать притаила дыханіе въ опасеніи его разбудить, но онъ продолжалъ крѣпко спать. Прикрывъ осторожно сына одѣяльцемъ, Настасья Александровна задула догоравшій ночникъ и вернулась въ спальню. Пузырекъ съ лорформомъ и вата были брошены обратно въ туалетный ящикъ. Взглянувъ въ зеркало Настасья Александровна невольна улыбнулась грустною улыбкаю при видѣ своего измученнаго, блѣдно-желтоватаго лица, обрамленнаго тонкими прядями растрепавшихся волосъ. Лихорадочныя ознобы пробѣгали по сливѣ, словно прикосновенія оледенѣлыхъ рукъ. Она улеглась, крѣпко окутавшись одѣяломъ и теплою шалью, но сонъ не являлся. Черезъ полчаса Максимъ Павловичъ осторожно вошелъ въ спальню, уже въ халатѣ и туфляхъ, и подоѣдя къ постели поцѣловалъ жену въ лобъ. Она вздрогнула и уткнулась лицомъ въ подушку.

XIV.

Пикантная почтмейстерша, Madame Сивеюкова, два три послѣ описанныхъ событій, обязала многочисленный кругъ своихъ знакомыхъ въ „собственной“ каретѣ на лучшей парѣ почтовыхъ лошадей съ цѣлью „prendre congé“ предъ отъѣздомъ въ деревню. Настасья Александровна, читавшая у раствореннаго окна, поставлена была въ необходимость подчиниться требованіямъ общежитія и принять этотъ окучный визитъ. Хвастливая болтовня и всевозможныя небывальцы изъ сферъ придворной и великосвѣтской жизни составляли излюбленный предметъ рѣзговора двурѣчеческой львицы. Какъ и всегда, она тотчасъ разразилась цѣлымъ потокомъ петербургскихъ новостей, распространяясь особенно о какой-то дуэли будто бы только что послѣдовавшей между княземъ Мытищенскимъ и графомъ Найденовымъ изъ-за сеledки, которую каждый хотѣлъ припрятать по-своему.

— И представьте себѣ, сердобольно вздохнула она,—что изъ-за такой глупости этотъ прелестный Никита Найденовъ смертельно раненъ!

Настасью Александровну коробило.

— Вы кажется ошибаетесь, сѣге Ольга Панкратьевна, перебила она;—эта дуэль случилась еще третьяго года и притомъ вовсе не изъ-за приправы, а потому что графъ положилъ сеledку въ коробку конфетъ которому князь везъ къ предмету своего обожанія. Никита Найденовъ совершенно здоровъ и находится при главной квартирѣ за Дунаемъ.

— Нѣтъ, ужъ позвольте, горячилась Сивеюкова,—я вамъ ручаюсь что это „фактъ“. Мери Трубочкина, вы вѣрно ее знаете—она всегда dans le grand monde, лишеть мнѣ что слышала объ этомъ отъ Коли Мурашкина, знаете что женатъ на княжнѣ Шанхаевой, онъ самъ былъ секундантомъ.

Настасья Александровна предпочла не возражать. Разумѣется что ни Мери Трубочкиной, ни какого-либо Мурашкина женатаго на княжнѣ Шанхаевой она не только не знавала въ Петербургѣ, но даже сильно сомнѣвалась въ ихъ существованіи.

— Вы были у баронессы? спросила она.

— Была; но у нея мигрень, видѣла только „художницу“,

то-есть Нелли, но та въ себя отъ приключенія Ивченка: бѣднѣйка кажется въ него не на шутку „вторилась“.

— Какое приключеніе?... недоумѣвая и съ невольнымъ страхомъ спросила Настасья Александровна.

— Какъ, неужели вы не знаете! словно обрадовалась Синеокова,—да вѣдь объ этомъ только и разговора со вчерашняго дня: онъ застрѣлился, то-есть не совѣмъ, а тяжело ранилъ себя, разряжая револьверъ.

— Чтò вы говорите? вся ошѣмѣвшая отъ ужаса и не помня себя почти вскричала Настасья Александровна,—неужто это правда!...

— Ахъ, Боже мой, обидѣлась Синеокова,—неужели вы предполагаете что я способна лгать изъ-за господина Ивченка, который никогда меня особенно не интересовалъ и не интересуется.

Послѣ этого намека лущеннаго какъ бы невзначай, Синеокова удалилась влопая собою довольная. Настасья Александровна проводила ее почти безсознательно. Неожиданная вѣсть поразила ее. Она ошибалась, мелькнуло у ней въ головѣ не виновать. Дикія, оскорбительныя выкладки его были только предсмертными конвульсіями потемненнаго страстію разсудка. Ей ли было обвинять его въ томъ! Очевидно онъ не любилъ, не могъ любить „этой женщины“ и лишь заручился ею какъ первымъ попавшимся орудіемъ для вызова того страшнаго кризиса изъ котораго она вышла хотя и надломленною, но не побѣжденною. Теперь онъ самъ дорогою цѣной расслачивается за свои „шутки“, кто знаетъ, можетъ-быть даже умираетъ призывая ее. Картина его страданій и раскаянія живо мелькнула предъ ней. Неужели она не увидитъ его, не скажетъ живаго слова еще способнаго можетъ-быть призвать его къ жизни? Какой долгъ, какія приличія будутъ нарушены если она пойдетъ къ нему! Онъ для нея теперь не мушкетеръ, не любовникъ, а только страдалецъ требующій быть-можетъ умѣлаго ухода любящей руки чтобы спокойно умереть или возвратиться къ жизни. Послѣшню набросивъ шпалку и манталю, она вышла изъ дому вся поглощенная этими тревожными мыслями, и только очутившись на концѣ длиннаго бульвара, припомнила что не знаетъ ни улицы, на дома гдѣ квартируетъ Ивченко; живетъ ли онъ одинъ или съ кѣмъ-либо изъ подковыхъ товарищей. Это невѣдѣніе ее испугало. Конечно можно будетъ какъ-нибудь разузнать черезъ

знакомыхъ или прислугу, но время можетъ уйти, не хватить болѣе силъ пережить хотя часъ въ неизвѣстности; нѣтъ, „ей нужно“ во чтѣ бы то ни стало сейчасъ же его найти. Ей вспомнилось что можно справиться въ лодковой канцеляріи. Тамъ безъ сомнѣнія укажутъ, но какъ объяснить значеніе подобнаго вопроса если она натолкнется на знакомыхъ офицеровъ? Возникнутъ непремѣнно толки и слетви, пожалуй клевета которая дойдетъ до мужа. Эти соображенія предстали ей во всей своей неприглядности у самыхъ воротъ длиннаго деревяннаго дома, гдѣ по синему фону вывѣски изображалась бѣлыми буквами надпись: „Канцелярія Вышеградскаго гусарскаго полка“. Сознывая невозможность иного способа, Настасья Александровна готовилась уже пройти въ низкую калитку какъ разсылный-гусаръ съ лалкой бумагъ едва не сшибъ ее съ ногъ. Она обрадовалась счастливой случайности.

— Не знаете ли гдѣ квартируетъ поручикъ Ивченко? спросила она его.

— Это, примѣрно, будетъ чтѣ въ первомъ эскадронѣ состоитъ?

— Да, кажется... точно не знаю, смущаясь и тревожно озиралась по сторонамъ чтобъ убѣдиться не идетъ ли кто изъ знакомыхъ, продолжала она.—Такой высокій, стройный, съ курчавыми волосами, помнила она полагая что по этимъ примѣтамъ скорѣе добьется желаемаго указанія.

— Это вамъ должно-быть Шнитова требуется, сообразилъ гусаръ;—онъ, значить, въ третьемъ эскадронѣ, чтѣ на слободкѣ стоитъ.

Настасья Александровна невольно вся покраснѣлась.

— Не Шмидта, нетерпѣливо настаивала она,—а Ивченка, понимаете, того эскадрона чтѣ расположенъ въ Ивановскомъ; онъ теперь тутъ въ городѣ, большой, изъ револьвера себя равилъ.

— Такъ бы и сказали, отвѣтилъ ординарецъ,—этотъ будетъ по Провіантской, какъ пройдетъ учебную команду, за каменнымъ домомъ на дворѣ; тамъ онъ и есть.

— Благодарю васъ! проговорила Настасья Александровна, не сомнѣваясь что разыщетъ по этимъ нѣсколько неопредѣленными указаніямъ. Солнце сильно пекло. Пройдя назадъ и впередъ по зыбучему песку составлявшему природную мостовую Провіантской, она безуспѣшно обозрѣвала всѣ дома, стараясь отыскать признаки указанныя гусаромъ. У дверей

одного визенькаго надворнаго флигеля она рѣшилась даже позвонить, но на ея вопросъ о поручикѣ Ивченкѣ, выглядывавшая баба сердито отвѣтила что „поручика никакого нѣтъ, а проживаетъ штабсъ-капитанъ Ершквичъ“. Измученная жарой и волненіемъ Настасья Александровна завернула на сосѣдній дворъ. „Обойду хоть всё дома, перезвоню у всѣхъ подъѣздовъ, но найду его“, мысленно досадовала она. Дворъ былъ пустой—справиться не у кого. Нѣсколько невзрачныхъ покосившихся построекъ разбросаны были по его закоулкамъ. Невѣроятно-грязная, вся покрытая золотухой дѣвочка, лѣтъ семи-восьми, пріютившись въ тѣни изгороди не то огорода, не то лапсидника, плела нѣчто въ родѣ вѣвка изъ какой-то дрями. Настасья Александровна попробовала обратиться къ содѣйствию этого единственнаго живаго существа.

— Ты здѣшная? спросила она ее.

Дѣвочка медленно подняла голову отъ своей работы и посмотрѣла на нее молча задумчивымъ, сосредоточеннымъ взглядомъ больныхъ дѣтей, причемъ Настасья Александровна невольно примѣтила безобразныя изъязвленія на шеѣ ребенка, и стараясь не глядѣть на него, добавила: „не живетъ ли тутъ офицеръ-гусаръ?“

— Офицеровъ много, отвѣчала видимо смышленная малютка,—тамъ офицеръ, вонъ офицеръ, тутъ офицеръ, указывала она рукой въ различныхъ направленіяхъ.—вамъ котораго нужно?

— Ивченка! произнесла Настасья Александровна понижающаго голоса, словно опасаясь быть услышанною.—Ивченка, такого красиваго, съ золотыми шнурками вотъ тутъ, пояснила она указывая на грудь.

— Красивый, хорошій... со шнурочками... тамъ! не задумалась дѣвочка указывая на флигелекъ въ глубинѣ двора,—тамъ красивый со шнурочками! повторила она еще разъ вновь принимаясь за прерванную работу.

Настасья Александровна нагнулась и погладила взерошенные блѣсоватые волосы малютки. „Какой милый и разумный ребенокъ!“ подумала она, забывая поразившее ее безобразіе дѣвочки, и рѣшительно направилась къ указанному домику. Звонка не было. Досчатая наружная дверь могла быть и не залертою. Она занесла уже было руку на желѣзную скобу, но сердце ея такъ застучало что она присловилась къ косяку чтобы нѣсколько оправиться. Мысль что „эта

женщина* можетъ-быть тутъ же, подлѣ него, и она съ ней сейчасъ же столкнется у его изголовья представилась ей впервые. „Что за бѣда если она дѣйствительно его любитъ; мы будемъ ухаживать за нимъ вѣсть... Этимъ можно дѣлиться со всѣмъ“, порѣшила она и подавила заржавленную скобу. Темная, маленькая прихожая, раздѣленная грязною перегородкой, была пуста. Справа, на вѣшалкѣ у крошечнаго окошка, висѣло только форменное пальто. Настасья Александровна вздохнула свободнѣе. Изъ-за перегородки слышалось движеніе сопровождаемое всхрипываніемъ. Она невольно вздрогнула и подобдя къ узенькой двери заглянула туда. Молодой гусарь-ординарецъ или денщикъ крѣпко спалъ, упершись ногами въ спинку узкой досчатой кровати. Настасья Александровна предпочла его не будить и приблизясь ко внутреннимъ дверямъ стала прислушиваться не доносится ли изъ-за нихъ движеніе или говоръ постороннихъ. Все кругомъ оставалось невозмутимо спокойнo. Она осторожно толкнула половинку двери и очутилась въ низенькой, опрятной комнатѣ въ два окошка, той самой гдѣ нѣкогда мы встрѣтили Нелли Булатову. Комната была пуста. Сквозь полурастворенныя двери направо отъ входа доносилось чье-то тяжелое дыханіе, прерываемое порою слабыми стонами. „Она тамъ!“ подумала Настасья Александровна, вновь вся замирая отъ набѣжавшаго волненія. Всего нѣсколько шаговъ отдѣляли ее отъ этой двери, но она не могла рѣшиться ихъ пройти, опасаясь увидѣть искалѣченнаго, можетъ-быть обезображеннаго страдальца. Наконецъ она превозмогла эту робость и приблизилась. Прямо, напротивъ, въ двухъ шагахъ отъ нея, на походной желѣзной кровати, полуоткрытый форменною шинелью, лежалъ дремавшій въ лихорадочномъ забытьѣ Ивченко. Похудѣлое, слегка осунувшееся лицо юности казалось еще изящнѣе, еще привлекательнѣе подлѣ легкимъ оттѣнкомъ истомы, сглаживавшимъ обычную рѣзкость выраженія. Олуценыя вѣки, окаймленныя словно бахромой длинными рѣсницами, скрывали безлокойный, нерѣдко злобный блескъ его карихъ глазъ и сообщали чертамъ отпечатокъ той страдальческой прелести которая лѣбляетъ въ нѣкоторыхъ обликахъ Гвидо Рени. Сквозь густой, золотистый загаръ просвѣчивала учащенная пульсація тонкихъ синеватыхъ жилокъ на вискахъ. Ночная сорочка съ малороссійскими вышивками широко распахнулась на могучей груди, выдѣленной

словно академическій торсъ. Правая рука, сбивованная и увязанная, покоилась на подложенной кожаной подушкѣ. Настасья Александровна безсознательно, инстинктивнымъ побужденіемъ приподняла край соскользнувшей шивели и осторожно прикрыла спящаго по самый воротъ. Словно испуганная своею смѣлостью, она отступила отъ изголовья постели и стала жадно вглядываться въ эти дорогія, любимыя черты. Мало-по-малу всѣ душевныя силы ея замерли, будто куда-то отлетѣли; вся горечь и злоба, всѣ страданія и недочеты прошлаго таяли въ ней, разносились какъ впечатлѣнія тяжелаго сна при яркомъ свѣтѣ утренняго солнца. Разлука, страданія, смерти!—Всѣ эти ужасныя призраки ея болѣе не страшили: „онъ живъ и невредимъ!“ „Онъ“, то-есть жизнь, радость, счастье... Невольно склонясь на колѣна, она закрыла лицо руками. Сама не сознавая она молилась предъ нимъ и о немъ!...

Звукъ отворяемой двери возвратилъ ей сознание. Она послѣшью поднялась и вышла въ первую комнату. Нелли Будатова стояла предъ ней въ театральной позѣ, сверкая или точнѣе прыгая своими разбѣжавшимися отъ волненія глазами.

— Я не знала, madame Древланская, сказала она съ презрительно ядовитою улыбкой,—что вы поступили въ сестры милосердія; впрочемъ, въ наше время оно вполнѣ естественно. Полагаю тѣмъ не менѣе что ваши услуги за Дунаемъ были бы несравненно полезнѣе.

Настасья Александровна мигомъ оправилась отъ перваго замѣшательства.

— Оставьте неумѣстныя шутки, Елена Федоровна, съ достоинствомъ и строго взглянувъ на нее отвѣчала она;—я настолько же сестра милосердія сколько вы сами, и мнѣ не приходится въ голову спрашивать васъ у постели больного по какому поводу вы здѣсь, что конечно можетъ показаться еще страннѣе со стороны свѣтской дѣвушки чѣмъ замужней женщины, которую все прошлое достаточно ограждаетъ отъ всякой клеветы.

-- Vous avez la morale facile, madame, съ прежнею усмѣшкой продолжала Нелли, между тѣмъ какъ красныя пятна все ярче выступали на прозрачной бѣлизнѣ ея лица,—c'est du reste la morale de votre monde! Я вамъ сейчасъ объясню зачѣмъ „я здѣсь“, но прежде позвольте мнѣ высказать зачѣмъ и почему „вы“ здѣсь.

Настасью Александровну начиналъ не на шутку раздражать поучительно-самонадѣянный томъ этой неожиданной нежданной Эрмионы.

— Увольте меня отъ вашихъ тайнъ, mademoiselle Булатова, нетерпѣливо и нѣсколько свысока замѣтила ей она, дѣлая движеніе къ дверямъ;—въ своихъ поступкахъ я никому не привыкла давать отчета и ни отъ кого не желаю ихъ скрывать.

Неожиданное появленіе старой дѣвы не столько встревожило сколько раздосадовало ее. Нелли несомнѣнно должна будетъ хранить молчаніе объ этой встрѣчѣ, подъ опасеніемъ одновременно скомпрометтировать и себя. Настасья Александровна не могла допустить мысли чтобъ это, по ея мнѣнію, безобразное и нѣсколько комичное существо могло привлечь на себя чѣмъ-либо взоры Ивченка. Настоящее присутствіе Нелли она объяснила просто романтическимъ побужденіемъ безважно влюбленной дѣвы.

— Нѣтъ, вы должны выслушать меня, Настасья Александровна, спадая на низшій регистръ шилъла Нелли, ласково прижимаясь къ выходной двери,—должны выслушать чтобы понять что ваши посященія неумѣсты и невозможны. Вы пришли чтобы взглянуть на плоды вашего бездушнаго, холоднаго кокетства, пришли полюбоваться на довершеніе вашего славнаго дѣла, что жь, полюбуйтесь! Но любуйтесь скорѣе потому что вамъ болѣе этого не удастся!

Несмотря на весь комизмъ этого напыщеннаго моведога, Настасья Александровна встревожилась загадочнымъ смысломъ его послѣднихъ словъ.

— Развѣ положеніе его опасно? невольно сорвалось у нея.

Это восклицаніе казалось еще болѣе взорвало Нелли.

— Не настолько по счастью, продолжала она,—чтобы до-
ставить полное торжество вашему самолюбію и кокетству; я спасла его, но конечно не для васъ!

— C'est très méritoire de votre part! не могла не улыбнуться Настасья Александровна, — хотя я тутъ вовсе не причѣмъ.

— Я спасла его, владая въ мелодраматическій шепотъ, медленно продекламировала Нелли,—потому что три дня тому назадъ вручая мнѣ это кольцо, она указала надѣтый на рукѣ черной эмалевый ободокъ,—онъ обручился со мною предъ Богомъ и не замедлитъ скоро стать моимъ мужемъ предъ

людьми! Понятно ли вамъ теперь, madame Дрѣвянская, мое присутствіе и почему вамъ неудобно и неумѣстно здѣсь болѣе со мною сталкиваться? Son passé ne m'appartient pas mais son présent est bien à moi et je saurai le défendre, madame, même contre vos atteintes! заключила она почему-то по-французски, окончательнo раздавливая недоумѣвавшую и вопросительно смотрящую на нее соперницу.

— Какъ, онъ женится на васъ!... могла только проговорить Настасья Александровна.

Елева Федоровна не примѣтила всей грустной ироніи прозвучавшей въ этомъ восклицаніи.

— Вы не ожидали конечно такого исхода? отвѣтила она жеманясь и отходя отъ дверей.

— Почему же! Желаю вамъ счастья! покойно, нѣсколько покровительственнo поздравила Настасья Александровна, — отъ моихъ посвѣщеній вы тѣмъ болѣе обезпечены что и настоящее, прошу васъ вѣрить, было вызвано однимъ простымъ, общечеловѣческимъ чувствомъ участія. Знай я что онъ находится подъ охраной вашихъ попеченій и заботъ, а бы конечно не почла себя въ правѣ являться.

Она сухо поклонилась и спокойно вышла. Ей стало вдругъ невыносимо гадко, словно отъ какого-то невидимаго нечистаго прикосновенія. Не подлежало сомнѣнію что Ивченко рѣшила себя продать въ тотъ именно день когда отвернулась отъ нея въ саду. Она припомнила значительное состояніе Нелли.

XV.

Неудача второй Плевны, 30 августа, отозвалась удручающимъ, тяжелымъ чувствомъ во всѣхъ уголкахъ гдѣ билось русское сердце. Послѣ славной переправы за Дунай и элическаго перехода за Балкамы, эта вторичная неудача, значеніе которой смутно сознавали даже не специалисты военнаго дѣла, не только оскорбляла народное самолюбіе, но при своей способности поддаваться впечатлѣніямъ минуты, заставляла почти отчаяваться за успѣхъ кампаніи. Всѣ ходили ловясь голову въ тревожномъ ожиданіи дальнѣйшихъ событій, сообщая другъ другу разнамя невѣроятныя извѣстія, словно дѣти лугающія другъ друга страшными разказами отъ которыхъ самимъ не будетъ спать вночь, лишь бы произвести впечатлѣніе на слушающихъ.

Настасья Александровна встрѣтила довольно равнодушно игогомъ размещеся по городу извѣстіе о мобилизаціи кавалерійской дивизіи и неотложномъ выступленіи въ походъ Вышеградскихъ гусаръ. Со дня своей достопамятной встрѣчи съ Нелли Булатовой, то-есть болѣе трехъ мѣсяцевъ, она не имѣла и не искала случая видѣться съ Ивченкомъ. Городская молва оловѣстила ее что онъ недѣль шесть спустя послѣ несчастнаго случая, какимъ объяснилъ довольно правдоподобно неудачный исходъ дуэли съ Курбскимъ ранившимъ его въ руку, совершенно оправился и увѣзжалъ въ отпускъ на родину въ Малороссію. Въ психическомъ мірѣ ея за все это время послѣдовала значительная перемѣна. Послѣ длиннаго ряда тревогъ, сомнѣній, ежечасныхъ переходовъ отъ призрачнаго счастья къ безотрадной дѣйствительности, ею овладѣло то безразличное состояніе которое нерѣдко является результатомъ сильныхъ нравственныхъ напряженій безуспѣшно направленныхъ къ какой-либо недостигнутой цѣли. Ясность сознанія безцѣльности и унизительности всякихъ новыхъ проявленій своего чувства не могла конечно его уничтожить, а лишь отодвинула куда-то далеко, въ самую глубь души, словно чтобы скрыть отъ себя самой эту наболѣвшую, безобразную рану. Ивченко-дичокъ, чуждый всѣхъ свѣтскихъ пріемовъ и тонкостей, но изящный по своей природѣ, Ивченко-гусарь-кутило, губитель горничныхъ и модистокъ, былъ ей понятенъ и пожалуй даже вполне извинителенъ; но тотъ же Ивченко хладнокровно и послѣдовательно свискивающей любовью зрѣлой смѣшной дѣвы изъ-за денегъ, рѣшившійся закрѣпить этотъ постыдный торгъ цѣной своей молодости, красоты и таланта изъ-за одной приманки нѣкоторыхъ жизненныхъ удобствъ, становилась чѣмъ-то въ высшей степени достойнымъ презрѣнія. Менѣе всего прощала она ему именно то что онъ за деньги „пожертвовалъ ей“. Она не сомнѣвалась что доходы Нелли, брошенные имъ на чашку жизненныхъ вѣсовъ, перетянули свою положительную тяжесть нравственныя сокровища ея любви, которую безсердечный и хитрый юноша (онъ теперь такимъ ей представлялся) не только вполне понималъ, но „по-своему“ даже раздѣлялъ. Но какъ ни умалился Ивченко въ ея представленіи тѣмъ не менѣе мысль о немъ не оставляла Настасью Александровну и оскорбительно ее подавляла. Не взираа на призрачное спокойствіе, новое душевное настроеніе

отразилось на ея физическихъ силахъ еще неблагоприятнѣе лихорадочныхъ тревогъ предшествовавшего.

Послѣ продолжительнаго періода нервныхъ возбужденій насталъ всеобщій упадокъ силъ, вялость жизненныхъ функций, припадки истеріи и меланхоліи. Призванные по настоянію Максима Павловича, мѣстныхъ „знаменитости“ констатировали разстройство литанія соединенное съ нервными аффектами, причемъ одинъ изъ медиковъ стоялъ за мышьякъ, другой за кали-броматъ, и въ концѣ-концовъ многозначительно пошелтавшись и поспоривъ, порѣшили попробовать того и другого. Болѣзнь не испугала Настасьи Александровны. Она весьма охотно преувеличивала себѣ ея значеніе, считала себя безвозвратно приговоренною. Ей казалось совершенно естественнымъ умереть отъ своего чувства, не проронивъ ни слова жалобы на „непоявшихъ ее“ міръ и людей. Она умереть съ гордымъ презрѣніемъ къ земнымъ слабостямъ, чистая и незалатанная, оставляя по себѣ память „отлетѣвшаго ангела“.

Въ такомъ настроеніи засталъ ее однажды Курбскій, лежащею на кушеткѣ съ ногами укутанными старинною турецкою шалью несмотря на теплое сентябрьское утро. Заштатный дипломатъ казался, какъ всегда, спокойнымъ, наблюдательный взглядъ могъ бы примѣтить признаки нѣкотораго возбужденія въ оживленіи его усталаго лица и бодрости проглядывавшей во взглядѣ.

— Я пришелъ вамъ откланяться, проговорилъ онъ послѣ нѣсколькихъ участливыхъ вопросовъ о состояніи ея здоровья, съ нервною заливкой въ голосѣ, противорѣчившей его развязному тону.

— Куда это вы собрались? не безъ нѣкотораго удивленія спросила Настасья Александровна, подымая глаза отъ полочки съ вышивкой, „une contenance“, какъ принято называть на свѣтекомъ жаргонѣ.

— Туда же куда и всѣ—за Дунай!

— Волонтѣромъ?... лицо ея выразило недоумѣніе.

— Уласи Боже! какой же я воинъ съ моими ревматизмами и катарромъ, улыбулся Дмитрій Алексѣевичъ,—вѣтъ, я просто отправляюсь въ качествѣ уполномоченнаго отъ Краснаго Креста; сегодня получилъ извѣстительную телеграмму.

— Вотъ неожиданная новость! владея въ прежній равнодушный тонъ и принимаюсь опять за свою вышивку замѣ-

тила Настасья Александровна,—значить вы совершенно настъ покидаете.

— Полагаю что нѣтъ, такъ какъ только буду считаться въ командировкѣ и сохраняю настоящую должность.

— Тѣмъ лучше. Вы конечно сами хлопотали объ этомъ и потому излишне спрашивать довольны ли вы. Вотъ видите, Дмитрій Алексѣевичъ, улыбнулась она,—жизнь еще далеко не все въ васъ убилла, какъ вы какъ-то увѣрали, и вы сами откликнулись на ея призывъ едва только представился случай быть истинно полезнымъ.

Курбскій неопредѣленно усмѣхнулся.

— Не стану предъ вами рисоваться, отвѣчалъ онъ,—хотя вы и предоставляете мнѣ возможность; я просто домогался этой побѣдки въ виду неудовлетворительнаго состоянія моей печени. Движеніе, перемѣна образа жизни, хорошій климатъ, все вмѣстѣ взятое можетъ оказать благотворное вліяніе; къ тому же я совершенно незнакомъ со Востокомъ и, сознаюсь, онъ меня интересуеть.

— Перестаньте, Дмитрій Алексѣевичъ, а то я въ самомъ дѣлѣ подумаю что вы рисуетесь, ввусительно замѣтила Настасья Александровна,—зачѣмъ желать казаться хуже чѣмъ вы есть и сваливать на печень то что идетъ прямо отъ сердца.

Курбскій внезапно вслыхнулъ и почти испуганно на нее взглянулъ. Она спокойно продолжала намечивать свои крестики по нашитой на полотнѣ канвовай полоскѣ. Протѣла минута молчанія.

— Съ которыхъ поръ вы такъ пристрастились къ этимъ *travaux de main*, началъ онъ лервый, убѣдась по ея болѣзненно-разсѣянному виду что смутившія его слова не имѣли никакого затаеннаго значенія,—прежде, кажется, вы ихъ не особенно долюбивали?

— Это правда, олуская работу, отвѣчала она,—когда я была здорова мнѣ казалось скучнымъ и утомительнымъ всякое усидчивое механическое занятіе, но съ тѣхъ поръ какъ стала хворать, я нахожу какую-то успокоительную прелесть продѣлывать цѣлыми часами иглаку ивъ одной кавточкѣ въ другую, словно безконечное повтореніе этого автоматическаго приѣма убаюкивая мысль успокоиваетъ и душу. Я начинаю понимать всю прелесть созерцательнаго отрѣшенія факировъ.

— Этому никакъ не слѣдуетъ поддаваться.

— Почему же?

— Потому, серьезно продолжалъ Курбскій,—что всякое завлѣчѣе искусственно убаюкивающее проявленіе въ насъ жизни—тоже своего рода морфивъ или гашишъ, то-есть, яслие говоря, услакаивая возбуждаетъ, а въ концѣ концовъ разрушаетъ. Не думать ни о чемъ! Можете вы представить себѣ такое состояніе мысли въ разумномъ существѣ? Это иллюзія разстроенныхъ нервовъ, нужно имѣть силу воли страхнуть этотъ наплывъ, заставить себя хотѣть жить.

— Жить или только существовать? съ грустною улыбкой спросила она.

— Нѣтъ, жить, именно жить, пока есть еще чѣмъ и для кого.

— Жить „такъ“ не вѣзмъ дано! тихо вздохнула Настасья Александровна.

— Жизнь есть право! философски замѣтилъ Курбскій.

— Не всегда! Могутъ представиться случаи когда она, является только обязанностью относительно другихъ.

— Это софизмъ, возразилъ Дмитрій Алексѣевичъ,—допускаемая даже что найдется существо способное жить единственно въ силу сознанія что жизнь его необходима для другихъ. Но развѣ это не значитъ что эти другіе настолько милы и дороги что сами по себѣ могутъ составить цѣль жизни. Мнимое геройство жить при такомъ соображеніи есть просто тигис, какъ говорятъ Французы.

— Вы скоро разчитываете вѣхать? перемѣнила разговоръ Настасья Александровна.

— Завтра вечеромъ, вмѣстѣ съ гусарами, отвѣтилъ подымаясь Дмитрій Алексѣевичъ,—благодаря Штоку мнѣ удалось пристроиться къ нимъ до Бреста—будетъ веселѣе. Оттуда я сверну на Москву, гдѣ и присоединюсь къ санитарному полку Принцессы.

— Ну дай вамъ Богъ услѣха! нѣсколько взволнованнымъ голосомъ проговорила она, наклоняясь чтобы поцѣловать его въ проборъ,—завтра вечеромъ приѣду съ Максомъ васъ проводить и привезу напутственное благословеніе. У меня хранится небольшая родовая икона вашего „ангела“, великому-челюка Дмитрія Солунскаго; семейное преданіе приписываетъ ей чудодѣйственную силу. Возьмите ее съ собой и держите ее все время кампаніи; она была съ однимъ изъ Аладивыхъ еще при взятіи Казани; когда вернетесь возвратите мнѣ обратно.

— А коль не вернусь?

— На это не хочу и отвѣчать, проговорила она старая съ уныбнутьемъ, между тѣмъ какъ слезы выступали на глазахъ.

Курбскій исчезъ, горячо поцѣловавъ еще разъ протянутую ему руку.

На слѣдующій день, вечеромъ, Двурѣченскій вокзалъ желѣзной дороги представлялъ необычное зрѣлище. Толпы народа тѣснившася кругомъ, шкалики разставленные вдоль павила и по ступенькамъ крыльца и озабоченныя лица полицейскихъ чиновъ свидѣтельствовали объ особенномъ событіи. Дѣйствительно, городъ провожалъ выстулавшихъ въ походъ гусаръ, и по патріотическому почину начальника губерніи, на станціи былъ приготовленъ прощальный „банкетъ“ для офицеровъ и „угощеніе“ для нижнихъ чиновъ. Въ обширной залѣ перваго класса, перпендикулярно къ буфетному прилавку, расположены были два длинные стола, разукрашенные со всею причудливою роскошью желѣзнодорожной сервировки безвкусными канделябрами и мельхиоровыми вазами съ пустыми бутылками отъ шампанскаго, чередовавшимися съ букетами сушеныхъ цвѣтовъ и горшками чахлыхъ запыленныхъ пальмъ, обернутыми вырѣзанными бумажками. Офиціанты въ кургузыхъ фракахъ, съ нѣсколько растеряннымъ выраженіемъ лица, свойственнымъ буфетной прислугѣ, прохаживались вокругъ столовъ, помахивая сомнительной свѣжести салфетками. Въ одномъ изъ уголковъ любимый чинovníкъ особыхъ порученій губернатора вразумительно объяснялъ содержателю буфета опредѣленный и одобренный его превосходительствомъ порядокъ сервировки кушаній и напитковъ. Полицеймейстеръ суетился, мелькая то въ залѣ, то на платформѣ или у подвѣзда. Весь „высшій кругъ“ находился въ наличности уже къ восьми часамъ; поѣздъ долженъ былъ отходить въ одиннадцать. Петръ Петровичъ Владыкинъ, всегда аккуратный, памятуя о Лудовикѣ XIV, во вмѣстѣ съ тѣмъ строго оберегающій административное достоинство, явился въ началѣ девятого, по обыкновенію съ мелко завитыми и слегка валудренными волосами, въ видѣ мундира, при звѣздѣ. Кивнувъ головой на докладъ полицеймейстера, шелтавшего ему что-то почтительно на ходу, онъ направился прямо въ „царскія комнаты“. Въ числѣ собравшихся здѣсь даиъ и губернскихъ совѣтниковъ находилась Настасья Александровна и Нелли Булатова съ

баронессой. Гусарскіе офицеры въ полной походной формѣ весело шваляли по всѣмъ направленіямъ, побракивая оружіемъ, кто распорядился по выступленію, кто такъ себѣ въ лихорадочномъ состояніи нервного возбужденія. Ивченко промелькнулъ и куда-то скрылся. Настасья Александровна, утомленная шумомъ и суетней тяжело отъывавшимися на ослабѣвшихъ нервахъ, задумчиво сидѣла въ уголкѣ, поджидая Курбскаго. Нелли Булатова, вооруженная роскошнымъ букетомъ, неожиданно подошла къ ней.

— Какъ ваше здоровье, madame Древлянская? съ развязностью спросила она.

— Благодарю васъ, я здорова, коротко отвѣтила Настасья Александровна.

— Vous ne m'en voulez pas, n'est ce pas? быстро проговорила старая дѣва, протягивая внезапно свою костлявую руку удивленной собесѣдницѣ, — разставаясь съ вами по всей вѣроятности навсегда, я не хочу оставлять по себѣ дурной памяти, простите коли въ чемъ согрѣшила!

— Въ чемъ вы можете быть виновны предо мною, mademoiselle Булатова, сухо отвѣчала Настасья Александровна, дѣлая видъ что не ловимаешь ея довольно прозрачнаго намека на послѣднее свиданіе, — намъ кажется дѣлать было нечего, а слѣдовательно не изъ чего и соротиться. Вы уѣзжаете за вашимъ женихомъ?

— Время ли теперь „гадать о свадьбѣ“? задумчиво отвѣчала Нелли, и некрасивое лицо ея освѣтилось отъѣнкомъ неподдѣльной грусти, — я пока просто ѣду въ дѣйствующую армію сестрой милосердія; что будетъ затѣмъ — одному Богу извѣстно.

Настасья Александровна взглянула на нее вопросительно, словно желая убѣдиться въ дѣйствительной возможности услышаннаго.

— Помогай вамъ Господь! Дѣло не легкое! замѣтила она серьезно, — гдѣ же вашъ нареченный, monsieur Ивченко? онъ, надѣюсь, поправился?

— Совершенно! Онъ хлопочетъ и распорядится по отпавкѣ полковаго обоза, вѣроятно сейчасъ явится.

Въ это время подошелъ Курбскій, веселый и бодрый, словно преобразившійся. Цвѣтная рубашка, клѣтчатый лиджакъ какого-то особаго покроя со множествомъ кармановъ и дорожныхъ приспособленій, словомъ все, начиная отъ изащдо

повязаннаго „морскимъ узломъ“ фуляроваго галстука до шотландскаго плеча и кожанаго туалетнаго мѣшка, соответствовало тѣлу страстующаго джентльмена.

— Вотъ обѣщанное, сказала Настасья Александровна, протягивая ему тщательно завернутый небольшой футляръ съ иконой,—берегите и вѣруйте!

Дмитрій Алексѣевичъ молча поцѣловалъ ея руку и опустил икону въ боковой карманъ на груди. Полковые трубы заиграли маршъ *За Дунай*, и вся лубанка по приглашенію губернатора двинулась въ залу къ закускѣ.

Въ то же время у самого конца платформы, подлѣ невысокой изгороди примыкавшаго къ ней темнаго садика стоялъ облокотясь Ивченко съ ухарски надвинутой на бекрень фуражкой. Прижавшись къ его плечу, словно выросшая изъ кустовъ жидкой сирени и жимолости, тихо всхлипывала молодая женщина, судорожно цѣловавшая по временамъ его тонкую, мускулистую руку.

— Не плачь же, Маня, небрежно утѣшалъ онъ ее,—Богъ дастъ еще свидимся.

— Прощайте, Владиміръ Николаевичъ... прощайте, ненаглядный мой... вырывалось изъ ея груди. — Не видать мнѣ больше радостей!...

Свистокъ маневрировавшаго паровоза заглушилъ ея слова. Ивченко, слышавъ трубачей, торопливо обнялъ ее.

— Прощай, Манячка, не кручись... изъ Бобруйска напишу!.. и вырвавшись изъ охватившихъ его объятій послѣдшилъ въ ярко освѣщенную залу, гдѣ уже часть лублики усаживалась за столы, между тѣмъ какъ другая налегала на закуски, пользуясь удаленіемъ высокоставленныхъ лицъ.

За полчаса до отхода поѣзда, Настасья Александровна попросила мужа проводить ея домой, такъ какъ „чувствовала себя нехорошо“, и крѣпко пожавъ послѣдній разъ руку Курбскому, незамѣтно скрылась, пользуясь общею сумятицей выхода изъ-за стола.

XVI.

Прошло болѣе трехъ лѣтъ. Великія дѣянія послѣдней войны перешли изъ области событій въ лѣтописи исторіи вмѣстѣ съ безсмертными именами ея героевъ. Зимній сезонъ 1881 года былъ, какъ выражаются, весьма оживленъ въ

петербургскомъ „свѣтѣ“. Никто не предугадывалъ ужасающихъ событій близкаго будущаго. Эгоизмъ и легкомысліе большинства съ отрадой успокоивались на призванныхъ охранителей государственнаго и общественнаго зданія. Послѣ двухъ тяжелыхъ годовъ, исполненныхъ дерзкими проявленіями крамолы, всѣмъ хотѣлось вѣрнуть въ болѣе спокойное будущее. Пока въ высшихъ административныхъ сферахъ помышляли объ „увѣнчаніи зданія“, веселящійся свѣтъ возвращался мало-по-малу къ своимъ приемамъ, чашкамъ чая, шарадамъ и провербамъ. Все это производилось *soi-disant* не гласно, en petit comité, такъ какъ еще не окончившійся трауръ по покойной Государынѣ не дозволялъ, согласно этикету, открытыхъ приемовъ. У графини Шлейцъ, одной изъ остроумнѣйшихъ представительницъ неполицитиковавшаго столичнаго high life былъ маленькій „кретомовый балъ“, или точнѣе une sauterie для молодежи. Эта англійская новинка впервые прививалась графиней на родной почвѣ и потому интересовала многихъ. Съ полсотни свѣтскихъ дебютантокъ и болѣе или менѣе молодыхъ женщинъ, кулю съ таковымъ же приблизительно количествомъ полныхъ представителей „золоченой молодежи“, единообразно облеченные въ костюмы изъ всевозможнаго кретона (иной матеріи на подобныхъ празднествахъ не допускалось) услѣшно воспроизводили словно оживленную коллекцію саксонскихъ куколъ. Общій эффектъ выходилъ прелестный. Казалось, причудливыя пасторали Ватто и Буше воскресали въ лицахъ изъ пыли и праха минувшаго вѣка со всѣми его изящными причудами. Цвѣты вездѣ и всюду: на курткахъ и камзолахъ кавалеровъ, на юлкахъ, шлейфахъ и корсетахъ дамъ. Цвѣты вѣжные, поблеклые, словно выцвѣтшія акварели, среди окружающаго моря живыхъ, могучихъ, яркихъ цвѣтовъ: махровыхъ глянцетовъ, пестрыхъ азалий, пышныхъ камелій и благоухающихъ ландышей. Хозяйка дома любила, какъ она выражалась, „les débauches de fleurs“, и ея праздники олустошали столичная теляцы. Только черные фраки и мундиры нѣсколькихъ савонниковъ и „серіозныхъ людей“, да темныя атласныя или бархатныя платья „мамашъ“, нарушали порой веселую гамму свѣтлыхъ тоновъ.

Графиня, обладавшая замѣчательнымъ умѣньемъ разнообразить свои приемы, вслѣдствіе чего многіе безлощадно

ее бравадныя тѣмъ не менѣе усердно добивались ея пригласеній, дабы пожать и на этотъ разъ своимъ гостямъ что программа удовольствій не исчерпывается однимъ созерцаніемъ оживленныхъ куколокъ. Дѣйствительно, въ началѣ перваго часа, когда все общество было въ полномъ сборѣ, двери одной изъ боковыхъ гостиныхъ распахнулись и представили глазамъ любопытныхъ нѣкоторое подобіе маленькой сцены, искусно импровизованной съ помощью старинныхъ расплывшихся ширинъ и массы роскошныхъ растений. На разставленныхъ рядами золоченыхъ стульчикахъ разложены были изящныя программы гласившія: „*Les marons et les barons Proverbe en 1 acte. Par Mme D...*“

Въ числѣ невараженныхъ гостей, расположившихся любоваться столь много обѣщавшимъ произведеніемъ, находилась нашъ старый знакомый, Дмитрій Алексѣевичъ Курбскій. Слегка постарѣвшій, но бодрый и попрежнему спокойно-изящный, онъ видимо чувствовалъ себя здѣсь совершенно своимъ и не считалъ нужнымъ скрывать легкій отбѣнокъ приличной скуки, на который имѣлъ несомнѣнное право въ качествѣ „отжившаго“.

— Что это у васъ за стыдливая муза? указывая на программу, небрежно спросилъ онъ красиваго, еще молодаго генералъ-адъютанта, съ которымъ видимо былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ,—и кто будетъ „интерпретировать“ ея произведенія? я такъ отсталъ отъ свѣта что эти точки не me disent rien.

— Vous m'en demandez trop, отвѣтилъ тотъ пожимая плечами,—я самъ послѣднее время мало выѣзжаю.

Въ это время скрытый рояль проигралъ игривую интродукцію, и на сценѣ появились двѣ молодыя женщины въ мужскихъ костюмахъ временъ террора. Сквозь вставленную одноглазку, въ одной изъ нихъ Курбскій несомнѣнно призналъ Настасью Александровну.

— Да это Madame Древянская! почти воскликнулъ онъ.

— Qui c'est Madame Drevliansky?, спросилъ видимо озадаченный его возгласомъ генералъ.

— Рожденная Аладина, спокойно отвѣчалъ Дмитрій Алексѣевичъ,—вотъ не ожидалъ ея сегодня здѣсь встрѣтить, добавилъ онъ какъ бы въ оправданіе обнаруженнаго удивленія.

Да, это была дѣйствительно Настасья Александровна въ

сидимъ робельеровскомъ фракѣ и кофейномъ трико обрисовывшемъ ноги. Немного раздобрѣвшая, но все еще интересная, она казалась рѣзвымъ мальчуганомъ подъ своимъ бѣлокурымъ ларикомъ съ кошачьей, благодаря искусному макильажу. Она изображала вмѣстѣ съ княгиней Ягужинской молодыхъ герцогинь, укрывшихся подъ заимствованнымъ рядомъ отъ ужасовъ революціи въ какомъ-то заброшенномъ замкѣ, между тѣмъ какъ ихъ мужья спасаютъ отечество въ арміи Конде. Для утоленія своего изящнаго голода герцогини начинаютъ жарить набранные въ ларкѣ каштаны:

Les maris
Sont partis!..
Les maris
Sont partis!..

раздается вмѣстѣ съ драматическимъ аккордомъ жалобное восклицаніе „соломенныхъ вдовъ“, за которымъ, по выдержаніи соответственной паузы, послѣдовалъ эффектный переходъ къ канканному темлу подъ припѣвъ:

Les marons, ron, ron,
Les marons, ron, ron
Les marons nous sont restés!

сопровождаемый потряхиваніемъ оковородокъ съ каштанами. Зала огласилась сдержанными рукоплесканіями. Затѣмъ появились два молодые барона, владѣльцы замка, переодѣтые крестьянками. Равно скрывающіеся и голодные, они съ наслажденіемъ поѣдаютъ испеченные, какъ полагаютъ, „патріотами“ каштаны, пользуясь временнымъ отсутствіемъ герцогинь отправившихся на поиски за масломъ и солью. Общее смѣтеніе и путаница при возвращеніи. Бароны угадываютъ по изящнымъ ножкамъ съ кѣмъ имѣютъ дѣло, развертываются и не прочь полюбезничать съ пріготовительницами каштановъ, чѣмъ конечно выдаютъ себя. Герцогини защищаются какъ могутъ и добродѣтель торжествуетъ. Въ концѣ концовъ все открывается: провинціальныя бароны оказываются куземами одной изъ герцогинь и охотно берутъ ихъ подъ свое покровительство для благополучнаго доставленія мужьямъ. Все закачалось куллетами съ игривымъ припѣвомъ, съ тою только разницей что вмѣсто утраченныхъ мужей скорбятъ объ утраченныхъ каштанахъ и утѣшаются обрѣтеніемъ бароновъ:

Les marons
Sont partis! (bis)
Les barons, ron, ron,
Les barons, ron, ron,
Les barons nous sont restés!

Все это было весьма мило и остроумно, насколько могутъ быть остроумны подобныя попытки нашего тяжелаго сѣвернаго ума воспроизвести соль французскаго веселья. Вскорѣ всѣ узнали что „преlestный proverbe“ и куплеты къ оному были сочинены талантливою madame Древланскою, рожденною Аладиною. Нѣкоторымъ это имя припомнило давно забытую музу N—скаго дворца, для другихъ оно прозвучало чѣмъ-то невѣдомымъ. Большой свѣтъ скоро забываетъ своихъ мимолетныхъ баловней и любимцевъ: кто не предъ глазами, тотъ словно канулъ въ вѣчность. Когда Настасья Александровна, облекшись въ кретовъ, появилась въ гостиныхъ, она едва могла придти въ себя отъ удивленія при видѣ Курбскаго. Разспросамъ, казалось, не предстояло конца, и какъ всегда бываетъ при внезапныхъ встрѣчахъ людей съ которыми было много общаго въ жизни, спрашивалось именно не то что болѣе интересовало, мелочи и подробности отгоняли на второй планъ главнѣйшее. Дмитрій Алексѣевичъ едва успѣвалъ удовлетворить ея любопытство, разказавъ какимъ образомъ вслѣдъ за окончаніемъ кампаніи онъ встрѣтился въ Букурештѣ со своимъ старымъ пріателемъ и сосуживцемъ княземъ П., пристроившимъ его на временную должность по гражданскому управленію въ Болгаріи, какъ какой-то кретоновый юноша подумелъ валомнить что пора усаживаться для кадрили.

— Минутку, графъ, небрежно отозвалась Настасья Александровна,—сейчасъ я ваша.

— Mais on va commencer! попробовалъ протестовать юноша, видимо обидѣвшись ея равнодушіемъ къ его появленію.

— Eh bien, on commence sans nous! отрѣзала не глядя на него Настасья Александровна. — Вы должны непременно танцовать или хоть просидѣть котильонъ, продолжала она, обращаясь къ Курбскому,—у меня къ вамъ тысяча вопросовъ; пожертвуйте собою, иначе насъ разлучатъ за ужиномъ когда удобнѣе всего поболтать.

Онъ почтительно поклонился въ знакъ согласія и удалился въ „курительную“, гдѣ просидѣлъ остальную часть вечера въ ожиданіи заключительнаго танца.

— А вы какими судьбами превратились вновь въ петербургскую „птичку лѣвчую“ и порхающую? спросилъ онъ въ свою очередь Настасью Александровну, когда они усѣлись въ кругъ.

— Увы, только перелетную, отвѣчала она. — Максъ съ годъ тому назадъ получилъ назначеніе въ Москву, гдѣ мы и поселились. Я пріѣхала сюда повидаться съ татап, которая послѣ смерти батюшки окончательно здѣсь водворилась. Надѣюсь вы заглянете; она будетъ особенно рада съ вами познакомиться.

Она назвала номеръ дома на Кирочной.

— А вы неужто опять въ Двурѣченскъ?

— Представьте себѣ что нѣтъ, весело засмѣялся онъ, — моя олека какими-то чудесами не только распутала Гордіевъ узелъ моихъ долговъ, но, благодаря какому-то совершенно невѣдомому мнѣ лѣсу, за покрытіемъ ихъ, нашла возможнымъ сласти мнѣ пять, шесть тысячъ дохода. Я разчиталъ что съ этимъ почти могу не умереть съ голоду и въ Римѣ, а потому временно удаляюсь изъ сага patria. Буду на будущей недѣлѣ.

— Счастливецъ! задумчиво проговорила Настасья Александровна.

— А вамъ, спросилъ онъ, — въ Москвѣ развѣ дурно живется?

— Нѣтъ... Максъ доволенъ своимъ положеніемъ, но вы знаете Москву, все не то что здѣсь; мы хлопочемъ съ татап перетащить его сюда.

Подомедшій кавалеръ увлекъ Настасью Александровну въ какую-то фигуру. За уживомъ разговоръ оживился и принялъ болѣе интимный характеръ: стали вспоминать прошлое, перебирать двурѣченскихъ знакомыхъ. Съ намѣреніемъ или случайно Настасья Александровна ни словомъ не уломянула объ Ивченкѣ. Курбскій не выдержалъ:

— Кстати о Двурѣченскихъ, проговорилъ онъ самымъ естественнымъ тономъ, — знаете съ кѣмъ мнѣ пришлось довольно часто встрѣчаться во время кампаніи? Помните Ивченка, гусара который такъ хорошо лѣлъ? пояснилъ онъ какъ бы желая помочь ей памяти.

— Ахъ да! словно припоминая слыхватилась Настасья Александровна, — гдѣ онъ теперь? женился на этой смѣшной Нелли?

— Нелли Булатова въ ту же зиму умерла заразившись тифомъ въ Спировскомъ госпиталѣ, ухаживая за нимъ, серьезно отвѣтилъ Дмитрій Алексѣевичъ.

— А оны?

— Выжила и снова вернулась въ полкъ въ Двурѣченскъ.

— Бѣдный, вотъ не повезло! разсѣянно замѣтила Настасья Александровна и разсмѣялась какой-то шуткѣ своего сосѣда.

Курбскій уѣхалъ съ вечера недовольный и грустный. На слѣдующій день оны, по обычаю, завернули около часа позавтракать къ „Медвѣдю“. Длинная зала была биткомъ набита разношерстною публичкой. Пробираясь по узкому проходу къ одному изъ немногихъ свободныхъ столиковъ, Дмитрій Алексѣевичъ былъ окликнутъ по имени и обернувшись не безъ удивленія увидѣлъ Ивченка. Встрѣча въ дѣйствующей арміи случайно ихъ сблизила. О двурѣченской стычкѣ не было и помину. Подчиняясь рыцарскимъ правиламъ дуэли, Курбскій еще на мѣстѣ боя протянулъ руку равному сопернику и просилъ извиненія за свою рѣзкую выходку. Весь вопросъ, словно по обоюдному молчаливому соглашенію, былъ ими поставленъ на счетъ слишкомъ щекотливаго взаимнаго самолюбія. Молодой гусарь значительно возмужалъ. Густая, вьющаяся борода словно черное руно облегла его все еще красивое, но уже нѣсколько пошешенное лицо; слишкомъ рѣзкія черты утратили нѣжный контуръ первой молодости и начинали принимать грубоватый обликъ, свойственный въ известномъ возрастѣ почти всемъ южнымъ типамъ.

— Какими судьбами? спросилъ Курбскій, пожимая руку молодому человѣку.

— Да вотъ урвался кой о чемъ поразвѣдать и похлопотать! какъ-то не твердо, словно конфузаясь, проговорилъ Ивченко.

Дмитрій Алексѣевичъ отвесъ эти слова къ служебнымъ заботамъ:—Въ гвардію вѣрно помышляете или въ академію порѣшили? Что же, дѣло хорошее.

— Нѣтъ! развязно разсмѣялся Ивченко весь покраснѣвъ,— а все думаю объ артистической карьерѣ.

Курбскій удивленно на него посмотрѣлъ.

— Вы не одобряете моего намѣренія, Дмитрій Алексѣевичъ? спросилъ гусарь замѣтивъ молчаливое недоумѣніе собесѣдника.

— Хотите скажу откровенно мою мысль: мнѣ кажется что вамъ уже поздно начинать. Я не меломанъ и потому не могу

судить о стелени вашего музыкальнаго дара, но прежде чѣмъ сдѣлаться серьезнымъ артистомъ, такъ какъ полагаю вы стремитесь не къ разлѣванію каскадныхъ оперетокъ, вамъ придется вынести столько трудовъ, разочарованій, иттригъ что вы будете уже надломлены прежде чѣмъ вытоулите на сцену, безъ которой карьера лѣвца не имѣетъ смысла. Но и кромѣ воиъхъ этихъ трудностей тутъ, мой другъ, какъ и во всемъ въ жизни, нужна удача, а увѣрены ли вы что она придетъ... Впрочемъ, а, какъ вамъ не безызвѣстно, скелтикъ по ремеслу и потому прошу не придавать особаго значенія моимъ словамъ если сознаете свои силы, а главное вѣрите въ нихъ.

— Ваши заключенія вполнѣ основательны, послѣ небольшого раздумья возразилъ Ивченко,—я самъ повторалъ себѣ все это не разъ и даже почти уже отказался отъ своей мечты, но съ мѣсяцъ тому назадъ познакомился съ Перелекинымъ, знаете, сыномъ вашего дивизионнаго доктора, онъ прѣвѣжалъ на праздники изъ Милама гдѣ окончилъ курсъ въ консерваторіи и теперь ангажированъ. По его мнѣнію, мой голосъ изъ выдающихся.

— Въ такомъ случаѣ съ Богомъ, не теряйте времени, одобрилъ Дмитрій Алексѣевичъ,—жалѣю что въ этомъ трудномъ началѣ не могу вамъ ни въ чемъ быть полезнымъ по неизмѣною отношеній въ здѣшнемъ музыкальномъ мѣрѣ.

— Вы вѣрно знаете графиню Бергеймъ, робко замѣтилъ Ивченко, словно опасаясь отказа,—и можетъ могли бы замолвить ей за меня словечко; говорить, она особенно интересуется начинающими артистами?

Курбскій пронычески улыбнулся.

— Дорогой мой, отвѣчалъ онъ, медленно допивая большую рюмку марсааы,—вѣрите мнѣ что всѣ эти дамы ничѣмъ ровню искренно не интересуются, все у нихъ дѣло моды или самолюбія. Не говорю это лично о графинѣ которую почти не знаю, но чтобы предварить васъ о суетности подобныхъ лутей. Вы впрочемъ можете, добавилъ онъ какъ бы припомнивъ,—весьма легко получить къ ней доступъ чрезъ Настасью Александровну Древянскую или ея матушку, онъ тамъ свои люди.

— Настасья Александровна теперь въ Москвѣ, а матушки ея я совершенно не знаю, уныло проговорилъ Ивченко.

— Настасья Александровна теперь здѣсь, гоститъ у своей.

матушки на Кирочной (онъ называлъ номеръ дома). Я провелъ вчера съ нею вечеръ у графини Шлейцъ.

Отблескъ удовольствія скользнулъ въ чертахъ Ивченка, хотя онъ торопился замаскировать его повидимому равнодушными вопросамъ:

— Не знаю ловко ли мнѣ теперь явиться: мы уже три года не встрѣчались, и Настасья Александровна до всей вѣроятности обо мнѣ и забыла.

— Почему же! невозмутимо возразилъ Дмитрій Алексѣевичъ, протягивая деньги слугѣ.—Вѣдь вы же были съ ней знакомы въ Двурѣченскѣ; она еще вчера вспоминала про васъ, спрашивала женаты ли вы...

Татаринъ принесъ на подносикѣ счетную карточку вмѣстѣ со сдачей. Ивченко поднялся.

— До свиданья, Дмитрій Алексѣевичъ, я долженъ понабраться въ консерваторію, простилась онъ съ Курбскимъ;— вы вѣрно у Демута? если позволите, провожаю васъ на этихъ дняхъ.

— Угадали, только едва ли поймаете; я разчитываю въ четвергъ выѣхать за границу.

— А къ вамъ, въ Двурѣченскъ, когда же?

— Нѣтъ уже, улыбнулся блаженною улыбкой Дмитрій Алексѣевичъ,—полагаю что я ему въ своей жизни заллатилъ должную дань!

Ивченко вышелъ изъ ресторана и, повернувъ направо, задумчиво побрелъ по Ковышевой. У оковъ Чеснокова онъ машинально остановился поглазѣть на разложенныя фрукты и дорогія овощи, стараясь отгадать значеніе тарелочекъ со свѣжими крестами надъ которыми красовалась внушительная надпись „5 рублей.“ Выставка руанскаго фарфора Марсару также привлекла его вниманіе праздничнаго провинціала. Но ни кресты, ни руанскій фарфоръ не были въ состояніи разсѣять мысли молодого человѣка сосредоточившихся исключительно на вопросѣ о томъ: какъ-то теперь, послѣ трехъ лѣтъ разлуки, приметъ его Настасья Александровна. Правда, онъ поступилъ съ нею не совсѣмъ хорошо, слишкомъ явно отвернулся и пренебрегъ ея любовью для этой глупой „загѣи“ съ Недди, которая можетъ-быть къ лучшему такъ „ничѣмъ“ и не кончалась. Но что все это предъ вопрошающимъ свадѣй истиннаго чувства? „Самое лучшее, размышлялъ онъ,

показать видъ словно ничего не было, явиться въ качествѣ стараго знакомаго не упоминая ни словомъ о своей цѣли.⁴ Онъ почти не сомнѣвался что тотъ холодъ который могъ затаиться въ ея душѣ, если не сразу, то весьма скоро растаетъ при его появленіи, и она, улоенная и покорная, наведетъ разговоръ на прошлое. Тогда будетъ легко устроить желаемое не жертвуя самолюбіемъ, безо всякаго личнаго почина, будто поддаваясь только ея вліянію и указаніямъ. Дойдя до угла Невскаго, онъ порѣшилъ что откладывать далѣе нечего и вскочивъ на проходившую „конку“ очутился черезъ пять минутъ на углу Литейной. Добравшись отсюда тѣмъ же путемъ до Кировной, онъ безъ труда разыскалъ указанный Курбскимъ домъ гдѣ квартировала мать Настасья Александровны, Анна Николаевна Аладина, у которой та гостила. Опрятный швейцаръ, съ медалью за минувшую кампанію на статской ливрѣ, вѣжливо указалъ квартиру и на вопросъ „дома ли“ отвѣтилъ что и генеральша, и Настасья Александровна у себя и у нихъ ея сіятельство графиня Бергеймъ. Ивченко догадался кому принадлежала роскошная пара вороныхъ рысаковъ подъ темною сѣткой, примѣченная у подъязда. Сердце его сильно забилось. Казалось, сама судьба выступала на встрѣчу его намѣреніямъ. Его внезапная рѣшимость, вызванная случайною встрѣчей съ Курбскимъ, являлась какъ бы предопредѣленіемъ. Онъ нервно пробѣжалъ стулевы и преодолѣвъ невольную робость, прижалъ фарфоровую пуговку электрическаго звонка. Благовидный лакей въ бѣломъ галстукѣ съ гутталерчевымъ лицомъ, неопредѣленныхъ лѣтъ, показался на порогѣ и съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросилъ „кого угодно?“

— Настасья Александровна Древланская дома?

— Дома-съ, только не знаю могутъ ли принять. Какъ прикажете доложить? отвѣтилъ видимо смущенный и недоумѣвавшій слуга.

— Штабъ-ротмистръ Ивченко.

Лакей исчезъ за полулирипертою дверью, оставивъ Ивченка на порогѣ.

Настасья Александровна вмѣстѣ съ Анной Николаевной находилась въ гостиной, гдѣ графиня обсуждала музыкальную программу проектируемаго у нея концерта, когда вошедшій слуга почтительно доложилъ о прибывшемъ посѣтителѣ.

— Кто такой? еще разъ переспросила Анна Николаевна.

Настасья Александровна промолчала, словно не обративъ вниманія на докладъ, и усердно старалась отвлечь вниманіе великосвѣтской гостыи. „Штабъ-ротмистръ Ивченко!“ еще разъ повторилъ невозмутимый слуга.

— Что ему нужно? недоумѣвая, строго замѣтила Анна Николаевна.

— Они-съ къ Настасьѣ Александровнѣ.

Аладина вопросительно взглянула на дочь.

— Это дворъченскій знакомый, un officier de husards, то-ропачиво, словно извиняясь проговорила та.—Онъ вѣроятно случайно узналъ что я здѣсь и хотѣлъ что-нибудь разспросить о Максѣ...

— Vous le recevez?... многозначительно спросила Анна Николаевна.

— Mais non! равнодушно отвѣчала Настасья Александровна.—Скажите что очень извиняюсь! небрежно приказала она слугѣ и обращаясь къ графинѣ:—Que diriez vous de „la Habanera“ de Carmen, madame la comtesse?

ДМИТРІЙ ПОЗНЯКЪ.

Вильна. 1882.

ПОѢЗДКА ВЪ АХАЛЪ-ТЕКЕ

1880—1881.

I.

Судьба забросила меня за границу въ то время когда генералъ Скобелевъ готовился нанести Текинцамъ рѣшительный ударъ у Геокъ-Теле.

При формированіи экспедиціи я просилъ перевода въ одну изъ частей ея состава, но получилъ отказъ.

Читая въ иностранныхъ газетахъ про лихія дѣла нашихъ мблодцовъ, я всею душой рвался туда, а когда узналъ о томъ что составляло еще тайну въ Россіи: о рѣшительномъ движеніи къ Геокъ-Теле и ожидаемомъ обложеніи, я въ тотъ же день выѣхалъ изъ Парижа въ Россію.

Вернувшись на родину, я не зналъ еще что предпринять чтобы попасть въ передовой отрядъ, но когда была получена телеграмма объ обложеніи такъ дорого стоившей намъ текинской твердыни, я не медля обсудилъ, а чрезъ три дня привелъ въ исполненіе мелькавшій у меня планъ: ѣхать волонтеромъ въ Ахалъ-Теке и, съ разрѣшенія генерала Скобелева, принять участіе въ дѣлахъ либо какъ начальникъ части, либо какъ простой солдатъ.

Я высказалъ свою мысль нѣсколькимъ товарищамъ. Двое изъ нихъ рѣшились попытать счастье вмѣстѣ со мною: мой двоюродный братъ Тр., отставной штабъ-ротмистръ, послу-

жившій въ гвардіи, а затѣмъ въ Сибирскомъ казачьемъ войскѣ, и С. бывшій лицеистъ, сдѣлавшій Турецкую кампанію вольноопредѣляющимся въ 3й стрѣлковой бригадѣ и вышедшій затѣмъ въ отставку для поступления опять на службу по гражданскому вѣдомству. Тр. и С. ребята дюжіе, развитые, товарищи на которыхъ положиться можно смѣло.

Послѣ даннаго намъ въ городѣ Х. товарищами и близкими знакомыми роскошнаго прощальнаго обѣда, мы, 23 декабря 1880 года, веселые, счастливые и съ вѣрой въ успѣхъ нашего предпріятія сѣли въ вагонъ и помчались на югъ.

Не долго держалась въ насъ эта вѣра: на слѣдующій день мы вопреки ожиданіямъ вынуждены были остановиться въ Ростовѣ почти на сутки: оказалось что поѣздъ изъ города Х. въ Ростовъ шель по новому расписанію, а изъ Ростова во Владикавказъ по старому, вслѣдствіе чего нашъ поѣздъ пришелъ черезъ полчаса по отбытіи Владикавказскаго.

Во Владикавказѣ новое разочарованіе: мы думали здѣсь купить лошадей и слѣдовать безостановочно въ Петровскъ и далѣе въ Красноводскъ, полагая что между Петровскомъ и Красноводскомъ постоянныя сообщенія. Не думали мы что Закаспійскій отрядъ сообщается съ Россіей только два раза въ мѣсяцъ. Намъ передали что черезъ каждыя двѣ недѣли одинъ пароходъ отходить изъ Баку въ Красноводскъ и на обратномъ пути огибаетъ весь берегъ Персіи, другой идетъ изъ Баку на Рештъ, Астрабадъ, Чикишляръ и только черезъ недѣлю приходитъ въ Красноводскъ.

Мы надѣялись во Владикавказѣ получить свѣдѣнія о рейсахъ пароходовъ, о способахъ сообщеній, о томъ нужно ли пріобрѣсти лошадей здѣсь или можно найти таковыхъ въ Петровскѣ или въ Красноводскѣ. Увы, несмотря на любезность атамана, его начальника штаба и всѣми любимаго и уважаемаго полицеймейстера полковника Акимова, мы ничего положительнаго узнать не могли.

Мы телеграфировали комендантамъ Баку и Петровска, прося сообщитъ объ отправленіи пароходовъ въ Красноводскъ. Ждемъ день, другой, третій, наконецъ изъ Баку получаемъ отвѣтъ что пароходъ отходить 6 января изъ Баку въ Красноводскъ; изъ Петровска же намъ сообщаетъ завѣдующій передвиженіемъ войскъ что съ Красноводскомъ никакихъ сообщеній не имѣется. Рѣшились ѣхать въ Баку черезъ Темиръ-Хавъ-Шуру. Лошадей совѣтовали намъ купить въ Чечнѣ.

Въ эти три дня, проведенные противъ воли во Владикавказѣ, мы сварились окончательно; купили сѣдла, бурки, холодное оружіе, куржумы (переметныя сумы)—предметы необходимые для путешествія въ странѣ гдѣ кромѣ верховыхъ лошадей нѣтъ другихъ средствъ для передвиженій, а возможность встрѣчи съ непріателемъ необходимо имѣть въ виду. Владикавказъ пользуется заслуженною извѣстностью по своимъ шорнымъ издѣліямъ и буркамъ.

Начиная съ Владикавказа мы ознакомливались съ забываемымъ уже въ Россіи гостепріимствомъ: предупредительность, радушіе Кавказцевъ ставять даже въ неловкое положеніе человѣка привыкшаго къ сухимъ, эгоистическимъ отношеніямъ, проикшимъ съ цивилизованнаго запада, чрезъ наши столицы въ провинцію. Но легко привыкаешь ко всему хорошему, и въ скоромъ времени мы принимали какъ должное тѣ выраженія сочувствія которыя встрѣчали всюду на Кавказѣ и въ Закаспійскомъ краѣ; исключенія встрѣчались только между рѣдкими, прибывшими недавно изъ Россіи, начальниками.

С. встрѣтилъ Ингушей, бывшихъ одновременно съ нимъ въ Болгаріи, въ отрядѣ князя Дондукова-Корсакова; онъ передалъ имъ что мы намѣрены нанять горца для ухода за нашими лошадьми и вещами. Опороживъ нѣсколько бутылокъ кахетинскаго, Ингуши предложили намъ взять своего родственника нукеромъ (оруженосцемъ) для прислуживанія какъ въ частной жизни, такъ и въ бою. Мы согласились. Послали за Ужаховымъ, такъ звали нашего будущаго нукера, онъ не замедлилъ явиться. Ингуши церемонно передали намъ своего родственника со словами: „отдаемъ вамъ Ужахова какъ скотину“; единственнымъ условіемъ было чтобы мы дали ему возможность отпачиться въ дѣлахъ съ непріателемъ и привезли его живаго или мертваго въ родной аулъ когда сами вернемся изъ экспедиціи.

Ужаховъ—высокій, красивый брюнетъ лѣтъ девятнадцати; одѣтъ и вооруженъ щегольски; рыжая кабардинская лошадь очень хороша, сѣдло и уздечка богато отдѣланы кавказскимъ серебромъ.

29 вечеромъ, предъ тѣмъ какъ садиться на перекладную чтобъ ѣхать далѣе, пріѣхали къ С. два Ингуша съ которыми онъ покуначился въ Болгаріи. Они очень сожалѣли что такъ поздно узнали о прибытіи его во Владикавказъ и

согласились отлустить насъ только послѣ многочисленныхъ тостовъ и пожеланій намъ успѣха.

Насъ провожали также полковникъ Акимовъ и мой товарищъ по зимнему балканскому походу полковникъ Кр.

Несмотря на то что непріятно было потерять три дня во Владикавказѣ, пребываніе въ этомъ городкѣ оставило въ насъ самыя отрадныя воспоминанія благодаря радушію нашихъ старыхъ и новыхъ знакомыхъ. Мнѣ доводилось бывать въ этомъ городѣ раньше и тогда онъ произвелъ на меня такое же пріятное впечатлѣніе.

Въ восемь часовъ вечера мы выѣхали и быстро помчались по прекрасной шоссеиной дорогѣ, увы, превращающейся на двѣнадцатой верстѣ въ грязный проселокъ.

Ужахова съ его лошадей мы бросили въ Назрани, гдѣ у него жилъ отецъ, и наказали ему нагнать насъ на слѣдующій день въ Хасавъ-Юртъ.

Тяжело прошла для насъ ночь на перекладной, послѣ столь любезныхъ проводовъ: такъ и клонить ко сну, а заснуть нельзя, такъ какъ сидя на высоко нагроможденной клажѣ того и гляди свалишься подъ колеса.

Въ одиннадцать часовъ мы пріѣхали въ Грозное, распробовались немного, пообедали и покатали дальше.

Грозное — полугородъ, полудеревня; здѣсь пріютилось не мало Евреевъ. Костель, не дурной архитектуры, обращаетъ на себя вниманіе проезжихъ; синагога, грандіозныхъ размѣровъ для такого малозначущаго города, строится на одной изъ главныхъ улицъ; бульваръ, остатки крѣпостной стѣны, десятка два уличныхъ фонарей тускло горящихъ и мало освѣщающихъ, вотъ всѣ достопримѣчательности этого города, видѣвшаго въ недавнемъ прошломъ не одно кровопролитное дѣло.

Отъ Грознаго начинается Чечня. Между станціями въ караулкахъ живутъ казаки охраняющіе проезжихъ отъ нападенія Чеченцевъ. Часть лошадей засѣдана; съ вышки дежурный, съ вынутой изъ чахла винтовкой, зорко вглядывается въ стороны откуда можно ожидать нападенія Чеченцевъ, которые впрочемъ не одни занимаются разбоями; Иагуши имъ тоже не уступаютъ въ этомъ отношеніи: за день до нашего пріѣзда во Владикавказъ, на одной изъ главныхъ улицъ былъ заколотъ кивжаломъ кулець, еще до наступленія темноты. Ковныя шайки бродятъ по улицамъ, грабятъ и

безчинствуютъ, но и расправа съ ними коротка: въ прошломъ году на полковника Майделя возвращавшагося съ женой изъ Петровска во Владикавказъ, напали около Назрани четыре Ингуша, одивъ изъ нихъ нанесъ Майделю ударъ кинжаломъ, къ счастью не смертельный; тяжело раненый Майдель успѣлъ выхватить револьверъ, убилъ одного злоумышленника и ранилъ другаго, остальные бѣжали. Черезъ вѣсколько дней было поймано пять человѣкъ заложившихъ въ покушеніи на жизнь Майделя, и послѣ короткаго суда всѣ пятеро повѣшены. Въ Грозномъ въ томъ же году повѣшены знаменитый разбойникъ Али-бекъ и двѣнадцать Чеченцевъ составлявшихъ его шайку.

Въ Чечнѣ мѣстность становится болѣе пересѣченною—предчувствуются настоящія горы. Часто на пути встрѣчаются горныя рѣчки, мы ихъ переѣзжаемъ въ бродѣ, проламывая тонкій слой льда, въ карьеръ взбираемся на крутые берега и опять мчимся по волнистой дорогѣ, огибая отроги болѣе высокихъ горъ. Почтовые лошади вездѣ на Кавказѣ прекрасныя и везутъ по-курьерски.

Въ 10 часовъ вечера мы вѣхали въ Хасавъ-Юртъ, ящикъ показалъ намъ клубъ и прибывшій недавно циркъ, но приставница для проѣзжихъ намъ указать не могъ. Долго мы разѣзжали по улицамъ, спрашивая у каждаго освѣщеннаго окна не могутъ ли насъ помѣстить на ночлегъ. Наконецъ мы нашли одну комнатку, въ маленькой, конечно, грязной избѣ именуемой постоялымъ дворомъ.

Не разъ поминали мы добрымъ словомъ хозяина Европейской гостиницы въ городѣ X., Mr Andrieux, улетаая за обѣщаніе чудный лаштетъ, поднесенный имъ текинскимъ добровольцамъ, какъ насъ прозвалъ какой-то шутникъ. Послѣ ужина мы растянулись на импровизованныхъ постеляхъ и моментально уснули. Рекомендую прекрасное средство отъ бессонницы—провести ночь на перекладной въ дорогѣ.

31 декабря я вспомнилъ что въ этотъ день празднуется столѣтиелѣтній юбилей моего полка и послалъ поздравительную телеграмму.

Нашимъ близкимъ роднымъ и знакомымъ мы отправили пожеланія на Новый Годъ; такимъ образомъ телеграмма изъ Хасавъ-Юрта долетѣла и до Парижа.

Начальникъ округа подполковникъ Ш. явился ко мнѣ, вслѣдствіе полученной имъ телеграммы отъ наказнаго

атамана Терской области объ оказаніи намъ содѣйствія. Мы просили его помочь намъ въ присканіи лошадей. Подполковникъ Ш. прислалъ въ наше распоряженіе своего джигитамиліціонера, который въ тотъ же день представилъ двухъ лошадей, а на завтра обѣщалъ привести цѣлый табувъ. Приведенныя лошади оказались негодными для похода и дорогими.

Такъ какъ намъ было извѣстно что единственное сообщеніе между западнымъ и восточнымъ берегами Каспійскаго моря возобновится только 6 января изъ Баку въ Красноводскъ, то мы рѣшили купить лошадей въ Хасавъ-Юртъ, дожидаясь Ужахова и идти до Баку походомъ на своихъ лошадяхъ; но телеграмма, полученная въ 8 часовъ вечера, отъ завѣдующаго передвиженіемъ войскъ въ Петровскъ, измѣнила весь этотъ планъ: П. Э. насъ извѣстилъ что 2 января выходитъ изъ Петровска шхуна *Графъ Милотинъ* и прибудетъ 5го въ Баку, т.-е. наканунѣ отхода парохода въ Красноводскъ. Мы сейчасъ же рѣшили воспользоваться этимъ болѣе удобнымъ и вѣрнымъ средствомъ сообщенія, а такъ какъ на такомъ маломъ суднѣ едва ли можно было разчитывать на мѣсто для четырехъ лошадей, то отложили покулку лошадей до прибытія въ Баку. Впрочемъ, доставка лошадей изъ Хасавъ-Юрта въ Петровскъ—въ однѣ сутки была бы весьма затруднительна; не знали мы какъ поступить и съ лошадыю Ужахова, котораго ожидали въ ночь. Рѣшено было одному оставаться здѣсь до прибытія Ужахова, а другимъ ѣхать немедленно въ Петровскъ чтобъ уговориться относительно посадки на шхуну, которая будучи зафрахтована казною могла и не принять частныхъ пассажировъ.

Мигомъ вещи были уложены, послали за перекладной и, послѣ встрѣчи Нового Года за стаканомъ кахетинскаго, С. и Т. поѣхали впередъ, а я остался ожидать Ужахова.

1 января меня разбудили прибывшіе съ поздравленіями урядники-казаки и милиціонеры; я пожалъ протянутыя мнѣ руки, хотя немного удивился фамильярности которой дисциплина въ регулярныхъ войскахъ не долускаетъ. Хозяинъ дома отставной нижегородскій драгунъ зашелъ тоже со мной лоботать. Онъ разказывалъ что во время Турецкой войны, Кумыки, въ особенности землевладѣльцы, радовались услѣхамъ Турокъ и ежеминутно готовы были взяться за оружіе, для чего ожидали только поглаго нашего пораженія. Въ томъ же что

верхъ одержать Турки они ни мало не сомнѣвались. „Азіатская Турція—говорили они—въ шесть разъ больше Россіи, а Европейская Турція еще больше, такъ гдѣ же Русскимъ преодолѣть нашихъ единовѣрцевъ“. Чечня явно бунтовала.

Въ 10 часовъ пріѣхалъ Ужаховъ на страшно утомленномъ длиннымъ переходомъ конѣ, луститься на немъ даѣе въ дорогу я считалъ невозможнымъ и потому предложилъ Ужахову обмѣнять его на свѣжаго.

Привели къ намъ около десятка лошадей, изъ коихъ три было годныхъ, но цѣну назначали такую что и не подступайся: просили 60 руб. придачи къ лошади Ужахова (хотя утомленной, но прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ) для промѣна ея на посредственнаго маштачка. Предсказаніе начальника округа что при первомъ заявленіи о нуждѣ въ лошадяхъ цѣны подвигнутся вдвое—сбылось. Нечего было дѣлать, пришлось брать Ужаховскаго коня съ собой; сложивъ сѣдло на перекладную, мы привязали коня къ пристяжной и выѣхали со двора.

Поѣхали мы трускомъ чтобы не очень утомлять лошадь Ужахова, бѣжавшую рядомъ съ тройкой, но двухчасовой отдыхъ ее совсѣмъ освѣжилъ; она идетъ такъ бодро что трудно себя представить чтобы она совершила въ эти сутки сто верстъ перехода. Переправившись черезъ большой мостъ на рѣкѣ Сулакѣ мы подѣхали къ Чирь-Юрту, бывшему стоянкой Нижегородскаго драгунскаго полка, когда имъ командовалъ князь Дондуковъ-Корсаковъ.

За рѣкой начинается Дагестанъ. Встрѣчаемые здѣсь горцы совсѣмъ другаго типа нежели въ Чечнѣ: они выше и плотнѣе, носятъ большія палачи, за поясомъ виситъ громадный кинжалъ—спеціальность Дагестана. Лучшими клинками считаются старинные кинжалы Базалаа; лотомки его и телерь выдѣлываютъ прекрасные клинки. Отличаются они простотой отдѣлки, но вороненый клинокъ съ тамгой Базалаа не уступитъ знаменитымъ клинкамъ Толедо. Въ Чечнѣ всѣ встрѣчаемые нами Горцы были верхомъ, здѣсь же мы видимъ только лѣшихъ, часто сопровождающихъ арбы запряженныя волами.

Въ Чирь-Юртѣ я нанялъ извозчицью коляску чтобы ѣхать прямо, долиной, въ Петровскъ, до котораго этимъ путемъ всего 62 версты; почтовый же трактъ проходить чрезъ горы на Темиръ-Ханъ-Шуру, что составляетъ 90 верстъ. На

половина дороги мы услышали бушующее море—казалось отдаленные раскаты грома.

Въ полночь мы остановились въ аулѣ, гдѣ расположился на ночлегъ обозъ съ рельсами для Закаспійской желѣзной дороги. Зашли въ духанъ * выпить чайку пока выкармливали лошадей. Армянинъ духанщикъ разказывалъ что во время послѣдней войны Дагестанцы населяющіе аулъ пытались нѣсколько разъ ограбить духанъ иногда приходилось ему выдерживать правильную осаду. Духанщикъ не спалъ ни одной ночи, караула съ ружьемъ въ рукахъ у заставленной арбами и разнымъ хламомъ двери.

Въ три часа ночи мы увидѣли море и черезъ нѣсколько минутъ прибыли въ Петровскъ. Послѣ долгихъ поисковъ нашли гостиницу въ которой остановились мои слутники. Пока я потягивался на буркѣ, разостланной на полу, они мнѣ передали свои походы. Шхуна выходила изъ Петровска только на другой день вечеромъ, а потому торолиться было нечего, можно было еще выспаться.

Калитанъ шхуны *Графъ Милотинъ* согласился взять насъ и лошадь, но такъ какъ въ каютѣ всѣ мѣста были заняты, то намъ оставалось только размѣститься на палубѣ подъ открытымъ небомъ. Плотники пароходной компаніи устроили для лошади, на бакѣ, что-то въ родѣ клѣтки, и вечеромъ мы ее установили. Выходъ шхуны въ море отложенъ былъ до слѣдующаго утра по случаю дувшаго цѣлый день шторма, барометръ упалъ очень низко. Между пассажирами *Милотина* С. нашелъ товарища, служившаго съ нимъ въ Болгаріи майора Б. Хотя онъ прибылъ въ Петровскъ послѣ насъ, но успѣлъ добыть мѣсто въ каютѣ, благодаря ловкости интендантскаго чиновника солуетвовавшего ему изъ Владикавказа.

Отдохнувъ въ гостиницѣ, мы въ три часа ночи перебрались на шхуну. Вѣтеръ утихавшій ночью перешелъ на утро опять въ штормъ, и выходъ въ море былъ снова отложенъ на неопредѣленное время. Калитанъ говорилъ что при свѣжемъ сѣверномъ вѣтрѣ невозможно выйти изъ гавани, такъ какъ волной прибываетъ къ стѣнкѣ рейда, у которой проходъ въ открытое море очень узокъ. Мы вернулись въ гостиницу, пообедали и хотѣли было вздремнуть послѣ проведенной безъ сна ночи, но вдругъ насъ встревожилъ раздавшійся съ моря

* Трактиръ или постоялый дворъ.

свистокъ. Тотчасъ же вошелъ лакей съ объясненіемъ что свистокъ поданъ съ парохода для предупрежденія пассажировъ о скоромъ отходѣ. Мы послали Ужакова справиться въ чемъ дѣло; онъ вернулся съ извѣстіемъ что шхуна отходить чрезъ полчаса. Живо мы собрались и прикатили на приставь. Въ четыре часа отвалили, благополучно обогнали стѣнку и взяли курсъ на Ю.-В. Вѣтеръ немного стихъ, но зыбь не улеглась—шхуну сильно бросало. Почти всѣхъ укачивало. Тѣсно, грязно, холодно, скверно на палубѣ. Я расположился у штуръ-вала, болѣе нигдѣ свободнаго мѣста не было. Разложилъ я бурку, завернулся въ шубу и пробывалъ заснуть.

Къ холоду я уже почти привыкъ, но ощущеніе влаги спускающейся за воротникомъ по сливѣ заставило меня вскочить на ноги. Дѣло объяснилось тѣмъ что надо мною вытягивали лагъ-линь * изъ воды; съ троса скатывалась вода на палубу и на меня. Переимѣнить мѣсто было невозможно, такъ какъ каждый вершокъ былъ занятъ, и я поневолѣ опять улегся подъ холодною струей, которая чрезъ каждый часъ обдавала меня. Эту пытку называли въ Средніе Вѣка „la question de l'eau“. Къ счастью у меня хоть обувь была теплая. Кавказскіе зимніе чевяки, которые мы приобрѣли во Владикавказѣ, отслужили намъ за весь походъ хорошую службу. Днемъ вѣтеръ перешелъ на Nord, поставлены были паруса. Боковая качка, короткая, невыносимая, дѣлается слабѣе подъ парусами; притомъ, на ходу съ полутынымъ вѣтромъ, волны насъ провожали, а не качали какъ ночью, разбиваясь о бортъ судна. Мы повеселѣли. Доложили что обѣдъ готовъ, но, боги, что это былъ за обѣдъ! ни въ одномъ воспитательномъ заведеніи не кормятъ такъ отвратительно какъ на шхунѣ *графъ Милютинъ*; говорятъ что на другихъ зимнихъ судахъ Общества *Кавказъ и Меркурій* ѣдятъ еще хуже—возможно ли это? Каюта была набита биткомъ, и мы съ трудомъ протискивались къ обѣденному столу, за которымъ предавали калитанъ.

Послѣ обѣда я досталъ альбомъ и сталъ рисовать, С. записывалъ что-то. Въ каютѣ расположились еще кромѣ майора Б. и преданнаго ему, политичнаго интендантскаго чиновника, одинъ старый и трое молодыхъ Персіанъ возвращав-

* Лагъ, приборъ бросаемый въ воду на веревкѣ для измѣренія скорости хода судна.

шихся на родину. Старикъ красивой, симпатичной наружности, пользовался подобострастнымъ уваженіемъ своихъ единоплеменниковъ. Мы узнали что онъ представитель Персіянъ-торговцевъ въ Астрахани, очень богатъ и ведетъ крулыя дѣла со всею Россіей. Полюбилъ всѣмъ этотъ ласковый, чистоплотный, благообразный старикъ. Много разказалъ онъ намъ интереснаго про Персію, которую извѣздилъ вдоль и поперекъ, и приглашалъ къ себѣ въ Хорассанъ, обѣщая доставить всѣ удобства для совершенія этого путешествія труднаго и не безопаснаго, вслѣдствіе многочисленныхъ разбойничьихъ шаекъ. Свита нашего новаго пріятеля состояла изъ молодыхъ Персіянъ получившихъ европейское образованіе. Они мнѣ напоминали образованныхъ, то-есть лобывавшихъ въ Парижѣ Турокъ, Грековъ или Румынъ. Перенимаютъ они обыкновенно только жаргонъ, моды, хлыщеватую развязность и утонченный развратъ. Поверхностное образованіе, модный костюмъ, фатовство и надменный видъ, не способны скрыть дурныхъ инстинктовъ Востока: ненависть ко всему чужеземному, жадность на подачки и взяточничество между служащими. Они утрачиваютъ и тѣ качества коики справедливо славятся всѣ не цивилизованные народы: гостепріимство, честность, правдивость и трезвость.

Палубные пассажиры раскинулись въ живописныхъ группахъ отъ юта до бака. Здѣсь была воинская команда назначенная для укомплектованія частей въ Закаспійскомъ крайѣ и состоявшая изъ молоденькихъ, безусыхъ, видно недавно взятыхъ отъ сохи мужичковъ, плохо укрытыхъ въ тоненькихъ шинелькахъ. Жались они другъ къ другу отъ холода, добдая послѣднія крохи черстваго сахара. Вездѣ слышны самыя разнообразныя и иногда фантастическія разсужденія о томъ что ихъ тамъ ожидаетъ. Замѣчательно что солдаты избѣгаютъ называть непріятеля, смертоносные снаряды имъ посылаемые, вообще все что новичку можетъ казаться страшнымъ; такъ непріятель это—*онъ*, граната—*она*; слышатся выраженія слѣдующаго рода: „экъ его высыпало; ишь гдѣ *она* дошла“. И тутъ каждый понималъ что *тамъ* значить тотъ край гдѣ можетъ-быть придется сложить свои кости, сражаясь за Цара и Отечество, вдали отъ родины. Отъ времени до времени солдатикъ подходилъ къ машинѣ и подолгу стоялъ надъ нею, отогревая окоченѣвшіе члены. Раза два показывалась на палубѣ казачья палаха и снова скрывалась въ каютѣ помощника капитана; это начальникъ команды.

Армяне и Персіане, наполнявшіе остальное пространство грязной, скользящей палубы, завернутые въ яркія, полосатыя, ваточныя одѣяла, жевали полудежа сухеную рыбу, лаваша и кишъ-мишъ. Подъ вечеръ только зашевелились пассажиры магометане, когда настала часъ молитвы. Поочередно они растлали молитвенный коврикъ, становились на него, протирая руки вверхъ и въ стороны; закрывая то лицо, то уши, они клали частые поклоны.

Ночь была очень холодная, я старался не ложиться какъ можно долѣе, но наконецъ усталость взяла свое, я расположился опять у штуръ-вала и заснулъ несмотря на бѣготню и обливаніе ледяною водой, при бросаніи и вытаскиваніи лага и лота, что дѣлалось въ эту ночь еще чаще чѣмъ въ прошлую, въ виду приближенія къ Алшеронскому проливу.

Ночью мы должны были пройти проливъ, а часамъ къ одиннадцати утра прибыть въ Баку, но нашъ капитанъ рѣшилъ иначе: увидѣвъ въ полночь, сквозь туманъ, Алшеронскій маякъ, онъ нашелъ опаснымъ входить въ проливъ до свѣту; съ этимъ еще соглашаться можно, но чего никто изъ насъ понять не могъ, это то что онъ приказалъ рулевому взять обратный курсъ на Петровскъ, а самъ пошелъ спать, приказавъ себя разбудить только въ восемь часовъ утра. Когда онъ снова изволилъ выйти на палубу, шхуна отъ мѣта гдѣ мы были наканунѣ успѣла отойти за десять миль назадъ, то-есть потеряно было полдня въ совершенно лишнемъ маневрѣ. Слѣдовало бросить якорь тамъ гдѣ мы увидѣли маякъ, а когда стало свѣтать—войти въ проливъ.

Часовъ въ 11, когда мы обогнули Алшеронскій мысъ, сразу заштилѣло; аллетить появился у всѣхъ громадный, завтракъ былъ уничтоженъ до послѣдней крохи. Море защищаемое берегомъ отъ сѣвернаго вѣтра было гладко какъ зеркало; мы дѣлали до семи узловъ, что для шхуны *Милютинъ* составляетъ большой ходъ: она обыкновенно идетъ три или четыре узла * въ часъ.

Баку показался длинною полосой бѣлыхъ построекъ вырывающихся изъ моря на голубомъ фонѣ дальняго берега. Темнѣло уже когда мы вошли на рейдъ. Для того чтобы скорѣе съѣхать на берегъ, капитанъ велѣлъ отдать якорь, отложивъ на завтра подтягиваніе судна къ пристани. Только

* Узелъ—одна верста и три четверти.

что загремѣла цѣль, налетѣлъ шквалъ, жерешедшій лотомъ въ штормъ. Такъ какъ ни одна лодка не рѣшилась выйти за нами, то мы просили капитана слустить насъ на берегъ на своихъ гребныхъ судахъ, но онъ отказался, говоря что это не его обязанность и что мы должны дожидаться пока прибудутъ частыя лодки. Ему подали шляпку; мы опять обратились къ нему съ просьбой разрѣшить намъ воспользоваться шляпкой когда она придетъ обратно, обѣщая дать хорошее вознагражденіе гребцамъ. На это онъ согласился.

Насъ сильно качало на якоряхъ. Долго мы ждали капитанской шляпки, вглядываясь въ непроницаемую тьму; наконецъ она появилась на гребнѣ черного вала, исчезла какъ бы поглощенная разсвирѣлѣвшею стихіей, опять показалась, снова нырнула и очутилась внезапно у борта шхумы. Мы хотѣли въ нее слуститься, но боцманъ передалъ что капитанъ, сойдя на берегъ, приказалъ на этой шляпкѣ перевезти кулеванную имъ въ Петровскѣ для продажи въ Баку разную живность, пассажировъ же брать запретилъ. Мы предлагали боцману и командѣ значительную плату чтобы добратъся до берега, но они не рѣшались послушаться приказаній капитана, хотя ихъ очень соблазняла легкая нажива.

Страшно всѣ были озлоблены на капитана оставившаго насъ на качающемся суднѣ въ двухстахъ саженьяхъ отъ пристави. Въ Обществѣ *Кавказъ и Меркурій* капитанъ—хозяинъ судна отъ мѣста до мѣста въ лутц; пруда же на рейдѣ онъ тотчасъ съѣзжаетъ на берегъ, а въ управленіе судномъ вступаетъ агентъ Общества.

Чтобы сколько-нибудь утѣшить себя, мы придумывали достойное наказаніе нашему капитану за выкинутую съ нами штуку; но вотъ раздался плескъ весель, и между темными волнами показалась рыбацкая лодка вышедшая за пассажирами. Пробовала она подойти къ трапу съ наветренной стороны, но это оказалось невозможнымъ, такъ сильно разбивались волны о бортъ судна; съ подветренной же стороны трапа не было и спускъ въ лодку представлялъ не мало трудностей и оласности.

Пока мы собирали свои ложитки, лодку перелопутили пассажиры-Персіане, и она отвалила, обѣщая однакоже вернуться сейчасъ же за нами. Много времени прошло, казалось намъ; наконецъ опять подошли рыбаки, и мы поочередно начали

спускаться въ лодку, которую такъ подбрасывало что она была то на высотѣ борта, то уходила въ темную глубину; прыгая въ нее, я сблизъ съ ногъ одного изъ гребцовъ и чуть самъ не очутился въ водѣ. Кое-какъ мы всѣ успѣли и отвалили, оставивъ Ужахова при лошади на пароходѣ.

Легко вздохнули мы вступая на берегъ послѣ плаванія на самомъ скверномъ суденышкѣ русскаго коммерческаго флота. Несмотря на то что на шхунѣ *Графъ Милютинъ* мы пробыли все время на палубѣ, за неимѣніемъ мѣста въ каютѣ, съ насъ взяли какъ за второй классъ; перваго класса на шхунахъ вовсе не имѣется.

Оставивъ вещи въ гостиницѣ Германія, мы поѣхали въ азіатскую баню. Въ маленькихъ конурахъ, непривлекательныхъ на видъ, насъ мылъ и массируетъ рыжій Персіянинъ лѣтъ сорока съ выкрашенными въ красный цвѣтъ ногтями на рукахъ и ногахъ. Всѣ Персіяне въ простонародіи, мужчины и женщины, красятъ себѣ ногти, а иногда и татуируются. Извозничьихъ лошадей, преимущественно сѣрыхъ, тоже окрашиваютъ въ красную краску на ногахъ и подъ оголовкомъ.

Послѣ ужина, мы испытали великую роскошь въ походѣ: спать раздѣтыми въ постеляхъ съ чистымъ бѣльемъ.

На другой день мы купили трехъ лошадей персидской породы за двѣсти рублей; лошади рабочія, годныя и подъ верхъ и въ упряжъ, онѣ выносливы, но не красивы, и за исключеніемъ одной, доставшейся по жребію Тр., аллюры имѣютъ короткіе. Майору Б. помогая при покупкѣ лошадей начальникъ Бакинскій таможни, полковникъ Боголюбовъ; онъ былъ начальникомъ штаба у генерала Скобелева, но тяжелая рана, полученная въ Турецкую войну, вынудила его оставить свой завидный постъ. Въ числѣ лошадей приводимыхъ майору Б. были очень красивыя. Онъ приобрѣлъ прекраснаго, рослаго карабаха за девяносто рублей. Приводили еще воронаго жеребца персидской породы, очень красиваго, вершковъ двухъ; за него просили двѣсти рублей. Я охотно бы далъ и больше, но такъ какъ касса у насъ общая, то неудобно было брать изъ нея для своихъ личныхъ нуждъ сумму превышающую предвидѣнный расходъ: по видѣ одного, мы всѣ трое могли бы остаться безъ денегъ тамъ гдѣ банковъ нѣтъ, куда переводы не провикаютъ.

Благодаря продолжавшемуся шторму, шхуна *Графъ Милютинъ* не могла опшвартоваться у мола и въ этотъ день, а

потому нельзя было высадить на берег лошадь Ужахова; но подъ вечеръ, несмотря на сильное волненіе, С. съѣздилъ на пароходъ и привезъ Ужахова, которому нужно было дать немного отдыха. Онъ намъ разказалъ что наканунѣ вечеромъ, какъ только мы высадились на берегъ, на пароходѣ воцарилась полная анархія: воинская команда, которая во время сильной качки забыла о кормовыхъ деньгахъ и варкѣ пищи, почувствовала вдругъ голодъ; солдаты ничего не ѣли съ третьяго по пятое января. Приближеніе къ берегу вводило ихъ на мечты о вкусовыхъ жирныхъ щахъ, о рассычатой кашѣ, о сытномъ ржаномъ хлѣбѣ: вотъ сталъ пароходъ на якорь, рукой подать до этого давно желаннаго берега, вѣтеръ доносить алетитный запахъ кухни, но никто не думаетъ слутить команду съ парохода. Капитанъ укатилъ, ему и горя мало; а же полагалъ что позаботится о командѣ ея начальникъ, эсаулъ казачьей артиллеріи, но бѣда въ томъ что лучшимъ средствомъ отъ морской болѣзни онъ признавалъ водку и до сихъ поръ не могъ придти въ себя отъ настойчиваго, упорнаго лѣченія.

Бѣдныя солдатки, мучимыя голодомъ, видя что на берегъ ихъ не слускаютъ, а о прокормленіи никто не заботится, обратились къ буфетчику съ требованіемъ пищи; тотъ имъ съ усмѣшкой отказалъ. Тогда послѣдовалъ полный разносъ всего буфета.

Въ потемкахъ шарилъ солдаты по лалубѣ, ища чего-нибудь поѣсть. Выламывали ящики съ виномъ, съ консервами. Нѣсколько бутылокъ шампанскаго было вылито вмѣсто квасу; сардинки, послѣ долгихъ стараній, были добыты изъ заласанныхъ жестяныхъ коробокъ. Все что поладалось съѣдобное было моментально уничтожаемо.

Не на шутку перелугались пассажиры—Персіане, Армяне и Русскіе. Чтобы задобрить солдатъ, они сложились и роздали имъ денегъ, сахару и хлѣба. Ужаховъ, съ самаго начала безпорядка, предложилъ одному изъ самыхъ бойкихъ солдатиковъ кусокъ лаваша * и тѣмъ заручился ихъ расположеніемъ. Намъ передавали что эсаулъ пробовалъ восстановить порядокъ, но выслушавъ нѣсколько крѣпкихъ словъ, принужденъ былъ снова удалиться въ каюту.

Вѣтеръ стихъ, прояснѣло; солнце грѣло такъ что было жарко ходить въ лѣтнемъ пальто.

* Родъ лепешекъ.

Спускъ лошадей въ трюмъ парохода *Талара* занимаетъ много времени. Помочи, прикрѣпленныя къ талямъ подземной машины, пропускаются подъ брюхо лошади; по сигналу, конь взвивается на воздухъ и плавно опускается въ люкъ трюма. Строгимъ связываютъ заднюю ногу съ переднею того же бока, и удивленная неожиданностью и новизной своего положенія, лошадь, бессильно барахтаясь, поднимается надъ палубой, а затѣмъ, когда ее опустятъ въ трюмъ, развяжутъ и поставятъ рядомъ съ другими, то видя свое безсиліе самая строгая лошадь смиряется и стоитъ какъ вкопаная, дрожа всѣмъ тѣломъ у борта къ которому привязана.

Въ 5 часовъ полудни шхуна отвалила. Погода прелестная, качки никакой. На этотъ разъ у насъ для троихъ двухспальная каюта въ которой мы довольно удобно размѣстились. Вечеръ теплый, весенній, настраиваетъ къ хорошимъ, мирнымъ мечтамъ. Долго сидѣлъ я на палубѣ и глядѣлъ на бурную, пѣнящуюся струю, уносящую назадъ міриады брилліантовыхъ и жемчужныхъ искръ, высылаемыхъ изъ-подъ кормы шхуны. Вся жизнь моя, тревожная, безлокойная, полная часто избыточныхъ стремленій пронеслась предо мною какъ бы въ яркихъ, быстро мѣняющихся краскахъ калейдоскола. Къ чему все это?—чего я хотѣлъ, чего достигъ? Прошлое, какъ сонъ, блѣднѣетъ и меркнетъ въ воспоминаніи. Настоящее не удовлетворяетъ, да и оно—не то ли же прошлое? Каждая наступившая секунда уже далеко позади какъ и яркія блестящія появляющіяся и тускнѣющія въ водяномъ свѣдѣ оставляемомъ пароходомъ. Будущее... я вдругъ вспомнилъ что будущее это походъ, кровопролитныя дѣла, штурмъ, слава, а можетъ-быть близкая смерть. Эти картины такъ дисгармонировали съ окружающею тишиной и спокойствіемъ что чары ночи разсѣялись, и я счелъ лучшимъ идти спать.

Высоко стояло солнце надъ горизонтомъ когда мы проснулись. Мы все продолжаемъ идти далѣе по морю гладкому какъ озеро. Погода дивная. Живется легко, весело. Къ части пассажировъ пересѣвшихъ съ *Милютина* присоединились нѣсколько Армянъ и Персіанъ изъ Баку. Армяне очень важничаютъ предъ нами; они, какъ и Нѣмцы, относятся ко всему русскому съ презрѣніемъ, съ чувствомъ какого-то въ высшей степени комическаго превосходства. Привыкли Армяне на Кавказѣ къ пристрастной поддержкѣ своихъ единоплемениковъ достигшихъ власти. Правъ ли Армянинъ или

дѣло—дѣло всегда рѣшается въ его пользу, когда это зависитъ отъ соплеменнаго ему начальника.

Въ пять часовъ пополудни показались берега Туркменіи. Проходимъ мимо пустыннаго острова Челоканъ, гдѣ частная компанія инженеровъ добываетъ нефть для толки локомотивовъ Закаспійской желѣзной дороги и опрѣсчителей Михайловской бухты. Утесистый, обрывистый берегъ вырывается изъ общей синевы дальняго горизонта. Мы входимъ въ бухту окаймленную бахромой скалъ раскинутыхъ амфитеатромъ. Ночной локовь все болѣе и болѣе ступенываешь очертанія дали; надъ моремъ легла непроницаемая тьма. Суда, между которыми мы скользимъ тихимъ ходомъ, внезапно появляются и тотчасъ же теряются во мракѣ.

Въ 8 часовъ мы отшвартовались у мола.

Отговки отражающіеся въ подернутой мелкой рябью водѣ обличаютъ городъ пріютившійся у подножья обрывистаго гребня, чернѣющаго на звѣздномъ небосклонѣ. Мы горимъ нетерпѣніемъ скорѣе вступить на берегъ, къ которому мечты возбуждаемыя встрѣчаемыми препятствіями неотвязно насъ влекли. Пароходъ остановился; мы пробираемся между сложеными въ большія кучи тюками, по узкой эстакадѣ безъ перилъ, направленіе ея мы ощущывали ногами по рельсовому пути, служащему для своза на берегъ доставленнаго на судахъ груза. Вдругъ у насъ подъ ногами раздался отчаянный крикъ, нашъ проводникъ освѣтилъ фонаремъ черную бездну зиявшую въ двухъ шагахъ отъ мѣста гдѣ мы остановились. Изъ темной воды выплыла голова, зывая вновь о помощи. Брошень былъ конецъ, и чрезъ нѣсколько секундъ выкарабкался на эстакаду оступившійся работникъ съ баржи. Да и не мудрено поластъ въ море: такая темнота что не видно рядомъ идущаго челоука, не знаешь твердая ли почва подъ ногами или грозитъ паденіе въ море съ высоты двухъ саженъ.

Подшли мы къ большому зданію съ освѣщенными двумя, тремя окнами. Отъ проходившей мимо насъ тѣни узнали что это казарма; тѣнь оказалась солдатикомъ и очень услужливымъ, онъ взялся насъ проводить въ гостиницу.

Въ двухъ довольно большихъ комнатахъ гостиницы Кавказъ засѣдала компанія пирующихъ интендантскихъ чиновниковъ. Рѣчь у нихъ шла о большей или меньшей вѣроятности успѣха нашихъ войскъ подъ Геокъ-Теле. Чиновники считали дѣло потеряннымъ и не чувствовали себя въ

опасности даже въ Красноводскѣ. Извѣстіе о прибытіи нашего парохода до нихъ уже дошло, она угадали въ насъ прибывшихъ съ того берега, а потому начали хвастать предъ нами своимъ знакомствомъ съ военными дѣйствіями и участіемъ въ нихъ. Ужасныя по строенію и выговору французскія фразы раздавались въ одномъ углу... Избѣгая общества виноватныхъ интендантовъ, мы перешли уживаться въ номеръ—это третья и послѣдняя комната единственной въ Красноводскѣ гостиницы. Въ этомъ номерѣ имѣется кровать, но безъ матраца, да оно и лучше—меньше убѣжищъ для клоповъ.

Почевать мы перешли на пароходъ, гдѣ оставались наши вещи. На обратномъ пути, проходя мимо ярко освѣщеннаго Военнаго собранія, мы встѣтили капитана *Тажары*, который сообщилъ что сегодня въ клубѣ вечеръ и предложилъ зайти выпить стакавъ вина, но мы были такъ фантастически одѣты что не рѣшились показаться на глаза красноводскаго бомома.

II.

На утро мы перебрались въ гостиницу Кавказъ. Единственная кровать досталась по жребію Тр.; С. и я расположились на полу.

Завѣдующій передвиженіемъ войскъ, флигель-адъютантъ *Макаровъ*, къ которому мы обратились за содѣйствіемъ для отправления насъ на пароходъ въ Михайловскъ, принялъ насъ со свойственною всемъ морякамъ любезностью. Просьбы наши исполнены были съ быстротою встрѣчаемою только въ управленіяхъ не имѣющихъ большаго штата чиновниковъ и писарей. Съ героемъ-командиромъ *Константина*, капитаномъ II ранга Макаровымъ, я встрѣчаюсь раньше, на Одесскомъ рейдѣ, когда въ бытность нашего полка въ Одессѣ я имѣлъ въ своемъ распоряженіи яхту вице-командира Черноморскаго яхтъ-клуба *Н. М. Бухарина*. Мы были приглашены обѣдать въ пять часовъ къ Макаровымъ. Они жили въ домѣ командующаго войсками. Двухъэтажный, изъ тесанаго камня, съ чугуннымъ крыльцомъ и такими же балконами, домъ этотъ походилъ на маленькіе отели и жилища достаточныхъ Европейцевъ на Востокѣ. Большія залы съ паркетными полами уставлены растеніями; на столахъ альбомы, русскіе и иностранныя журналы и газеты, дорогія бездѣлушки, словомъ все отчего глазъ нашъ уже услѣлъ отвыкнуть; переносимся въ

другой отдаленный міръ, чуждый тревогъ боевой жизни; въ которыхъ детали обстановки обличаютъ присутствіе молодой, свѣтской женщины.

Я совершенно забылъ что нахожусь въ Закаспійскомъ краѣ, а не въ петербургскомъ салонѣ. Но не лучше ли здѣсь?—двери на балконъ открыты настежь; солнце грѣетъ; чудное, темносинее море уходитъ вдаль, блѣднѣя до слиянія съ небоскломомъ. За столомъ хозяйка дома разрѣзываетъ арбузы и дыни,—и это въ январѣ! Настала ночь, темная, ясная. Небо свѣтило зеленымъ бенгальскимъ огнемъ. Мы долго сидѣли на крылечкѣ гостиницы не рѣшаясь стяхнуть поэтическое настроеніе, невольно сообщаемое при созерцаніи чудесъ природы. Ночь на востокъ не есть тишина, безмолвіе сна всей природы. Жизнь дна, мелочная, тревожная, шумная смѣняется новою жизнью, беззаботною, возвышающею душу, вселяющею спокойствіе и возбуждающею ко всему хорошему. Вдали раздаются слабые звуки зурны, доносится лѣніе какого-то народнаго мотива. Эти звуки, этотъ мотивъ могли родиться только подъ впечатлѣніемъ этой чарующей ночи. Даже при совершенномъ безмолвіи носится въ воображеніи, словно въ воздухѣ, какая-то неуловимая мелодія, вспоминаются какъ во снѣ какія-то необычные ощущенія. Испытывалъ я это только въ необозримыхъ степяхъ нашихъ южныхъ окраинъ и на Востокѣ.

Насталъ ясный, теплый день, солнце грѣло какъ весной. На базарѣ появились Туркмены на рослыхъ, немного жидковатыхъ лошадяхъ, съ сухими головками, большими умными глазами и тонкими, востороженными, подвижными ушами. Лошади, несмотря на теплую погоду, покрыты нѣсколькими лопонами. Почти голыя, вислоухія борзые, тоже покрытыя козовыми лопонами, рыщутъ по базару.

Слухи самые разнорѣчивые ходятъ о смерти генерала Петрусевича; изъ болѣе вѣрныхъ источниковъ узнали мы слѣдующее: полковникъ Куропаткинъ занялъ почти безъ боя кшлакъ не вдалекѣ отъ Геокъ-Теле, захватилъ найденный тамъ залашъ саману и ячменя и вернулся обратно въ лагерь. Рассказываютъ между прочимъ что отставшіе по неизвѣстной причинѣ (вѣроятно для баранты *), два оренбургскіе

* Захватъ непріятельскаго имущества называется въ Туркестанскомъ краѣ барантой.

казака были застигнуты Текинцами и изрублены. Въ слѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ рѣшено было этотъ Кышлакъ опять занять и оставить на этотъ разъ за собою, для чего ночью былъ двинутъ маленькій отрядъ, съ которымъ вывѣлся идти генералъ Петрусевичъ. Стало свѣтать когда авангардъ казаковъ, подъ командой князя Голицына, подходилъ къ садамъ прилегающимъ къ калѣ. * Казаки слѣпились и осторожно подвигались впередъ, но подѣхавшій генералъ Петрусевичъ сталъ торопить наступленіе. Встрѣченные выстрѣлами изъ-за глянцовой стѣны, казаки обошли ее и открыли пальбу залпами по уходящимъ изъ первой ограды Текинцамъ, которые нѣсколько разъ поворачивались и бросались въ шашки, но безуспѣшно: они ложились десятками въ нѣсколькихъ шагахъ отъ смертоносныхъ казачьихъ берданокъ. Въ то время какъ казаки дрались у первой ограды, генералъ Петрусевичъ съ нѣсколькими драгунами отправился далѣе къ слѣдующей калѣ, въ которой не ожидалъ сопротивленія, но лишь только онъ вѣхалъ въ ворота, раздался заллъ, и храбрый генералъ улакъ съ лошади убитый наповалъ; одновременно были убиты два драгунскіе штабъ-офицера и нѣсколько нижнихъ чиновъ. Подослѣвшіе пѣхота и драгуны бросились на выручку, но уже поздно. Завязался ожесточенный бой, причемъ наши были три или четыре раза отбиты; такимъ образомъ тѣла убитыхъ переходили, при разныхъ фазисахъ боя, изъ рукъ въ руки. Когда Текинцы были наконецъ выбиты изъ калы, генералъ Петрусевичъ былъ найденъ подъ грудю тѣлъ убитыхъ.

Для общаго вьюка, то-есть для провизіи, котелка, чайника и фонаря, мы нашли нужнымъ купить ишака (осла). Я пріобрѣлъ ишака со вьючнымъ сѣдломъ за 12 рублей. Онъ сразу сдѣлался общимъ любимцемъ. Дѣйствительно, нѣтъ животнаго болѣе кроткаго, выносливаго и неприхотливаго на кормъ, какъ эти маленькіе ишаки. Какое-то дѣтское выраженіе глазъ, вѣчно подвижныя уши придаютъ имъ забавную миловидность.

Мы приглашены къ коменданту на стаканъ кахетинскаго. Обстановка у него совсѣмъ азіятская: вездѣ ковры, тахты, мутаки. Въ передней бѣгаютъ ручные фазаны; айва и другіе фрукты висятъ на веревкахъ протанутыхъ полерекъ комнаты, банки съ вареньемъ стоятъ на подоконникахъ. У

* Каала—укрѣпленіе состоящее изъ глянцовой стѣнки съ бойницами.

коменданта передается какъ базарный слухъ * что Геокъ-Теле занять нашими войсками безъ боя и Текинцы удалились въ Асхабадъ.

Установивъ лошадей и ишака на баржѣ подъ наблюдениемъ Ужахова и сложивъ наши вещи въ каютѣ парохода *Бекетова*, мы отправились провести вечеръ съ Макаровыми. На обратномъ пути темъ была такая что земли не видно подъ ногами. Проходя узкимъ паралетомъ вдоль берега моря, я остулился и спелъ съ довольно значительной высоты, но къ счастью не въ воду. Перелома костей не оказалось, но сильный ушибъ ноги едва позволялъ двигаться.

Вмѣсто того чтобъ отойти въ ночь, какъ это дѣлается обыкновенно, мы снялись съ якоря только въ восемь часовъ утра, вслѣдствіе того что нагрузка шпалъ и рельсовъ на баржи, которыя мы должны были буксировать, окончена была только подъ утро. Было ясно, тепло; на морѣ ни одной морщинки. Къ закату солнца мы подошли къ „Анненковскимъ девяти футамъ“, то-есть къ мѣсту гдѣ прежде была установлена генераломъ Анненковымъ пересадка съ большихъ морскихъ пароходовъ на рѣчной, мелко-сидящій, которому только и былъ доступенъ входъ въ старое устье Аму-Дарьи. Въ настоящее время морскія суда выгружаются въ Красноводскъ и оттуда на баржахъ, буксируемыхъ малыми пароходами, доставляется грузъ въ Михайловскій заливъ. Брошенъ былъ якорь, такъ какъ ночью трудно пробуксировать четыре громадныя баржи по узкому фарватеру залива.

12го на разсвѣтѣ мы вошли въ излучистый заливъ, среднею шириной около полуверсты, суживающійся до ста сажень въ крутыхъ изгибахъ. По берегамъ ни слѣда растительности. Отъ моря до Михайловска тянутся рядами скалистые или песчаные барханы **. Стайки чадаковъ *** и дикихъ утокъ поднимаются съ поверхности воды при приближеніи парохода и садятся снова немного дальше. Я стрѣлялъ по нимъ нѣсколько разъ изъ магазинки, но не попадалъ.

* Базарными слухами называютъ здѣсь свѣдѣнія получаемыя и передаваемыя на базарѣ. Они часто бываютъ вѣрны и доходятъ съ изумительною быстротой.

** Холмы, горы.

*** Нырець, гагара; изъ шкурки дѣлаются кошальки и другія мелкія издѣлія.

Въ пять часовъ вечера мы подошли къ Михайловску, бросили баржи у грузовой пристани, а сами отшвартовались у пассажирской. Михайловскъ существуетъ съ начала постройки желѣзной дороги. Военно-служащіе помѣщаются въ кибиткахъ. Немного позади, въ ряду жиденькихъ досчатыхъ барakovъ, Армяне и Персіане занимаются хлѣбolenіемъ и мелочною торговлей; есть и ресторана. Инженеры, строители желѣзной дороги, живутъ въ вагонахъ, обитыхъ внутри кошмой * и довольно удобно приспособленныхъ для жилья. Вагоны замѣняютъ собою также всѣ постройки необходимыя на конечныхъ пунктахъ желѣзныхъ дорогъ, какъ-то: станцію, телеграфъ и другія; въ вагонѣ помѣщается и офицерская столовая.

Лошади не могли быть сняты съ баржи ранѣе полуночи, вслѣдствіе того что на очереди стояли для разгрузки три другія баржи. На грузовой пристани работа идетъ всю ночь при электрическомъ освѣщеніи съ опрѣсчителя. ** Говорятъ, было предложено употреблять электрической свѣтъ во время ночныхъ вылазокъ Туркменовъ, бросая въ нихъ ослабительные лучи рефлекторомъ, но генералъ Скобелевъ не согласился, хотя и признавалъ что на полудикихъ Текинцевъ могло бы это навести панику.

Лошадей спущенныхъ съ баржи мы привязали у опрѣсчителя и пошли отдохнуть на пароходъ; но не на долго: въ четыре часа пришлось устанавливать лошадей въ вагоны, съ ними помѣстился Ужаховъ, мы же съ вещами помѣстились въ товарномъ вагонѣ, въ которомъ везли почту. Начальникомъ станціи — офицеръ желѣзнодорожнаго баталіона; его помощникъ, кондукторы, машинисты и всѣ рабочіе при поѣздѣ — нижніе чины того же баталіона. Съ непривычки странно видѣть поѣздъ управляемый солдатами при оружіи. Нужно однако отдать справедливость что ни суеты, ни безпорядковъ, неминуемыхъ на строящихся линіяхъ, гдѣ движеніе поѣздовъ неправильно, здѣсь не замѣчается.

Въ 7 часовъ поѣздъ въ тридцать вагоновъ тронулся. Мы идемъ среди однообразныхъ, песчаныхъ холмовъ, пересѣченныхъ солончаками. На крутыхъ перевалахъ, которые мало-по-малу раскалываются и уравниваются сотнями рабочихъ,

* Войлокъ.

** Въ Михайловскѣ два опрѣсчителя работаютъ день и ночь и опрѣскаютъ 11.000 ведеръ воды, которыя развозятся потомъ по линіи желѣзной дороги.

локомотивъ иногда вынужденъ былъ по нѣскольку разъ возвращаться назадъ чтобы съ разбѣга вытянуть нашъ черезчуръ тяжелый поѣздъ. На первомъ подъемѣ пришлось даже обратиться къ помощи втораго локомотива, который вышелъ для этой цѣли изъ Михайловска.

По пути мы останавливались на станціи Мала-Кары и на тѣхъ пунктахъ гдѣ рабочіе уравнивали полотно желѣзной дороги, раскапывая возвышенности и засыпая лощины, постепенно перекладывая рельсы на вновь насыпанное полотно. Рабочимъ раздавался хлѣбъ и вода. Водку запрещено продавать; рабочіе же достаютъ изрѣдка у солдатъ спиртъ, которымъ выдается въ отрядѣ, чарками, винная порція. За бутылку плохаго спирту платятъ не рѣдко до семи рублей.

Мясо получается рѣдко, полагается хлѣбъ и крупа. Часто случалось мнѣ видѣть что оборванные мужики покупали у маркитантовъ сардинки и высохшую, одеревѣлую колбасу за баснословную плату чтобы сколько-нибудь разнообразить выдаваемую имъ пищу. Если харчи скудны, за то денегъ остается много и ведется сильная картежная игра. Чернорабочіе проигрываютъ иногда до ста рублей. Рассказываютъ что одинъ изъ насъ выигралъ шесть тысячъ рублей, прикинулся больнымъ и былъ отвезенъ на тотъ берегъ, гдѣ открылъ лавочку и богатѣеть.

Въ часъ дня мы прибыли въ Балла-Ишемъ. Это лагерь изъ кибитокъ и палатокъ, окруженный канавой съ валомъ; у входовъ стоятъ часовые. Въ лагерь помѣщаются лавочки изъ лубковъ и досокъ, въ которыхъ продаются изъ сѣстныхъ припасовъ все тѣ же сардинки, колбаса, сыръ и чай; вмѣстѣ съ галантерейнымъ товаромъ можно найти кожи, лодковы и проч. Въ такихъ же баракахъ и въ товарныхъ вагонахъ живутъ чины желѣзно-дорожнаго баталіона служащіе при дорогѣ. Командиръ баталіона, полковникъ Барминъ, помѣщается отдѣльно въ вагонѣ, поднятомъ на столбахъ аршина на два надъ землей.

Намъ было разрѣшено заказать обѣдъ и воспользоваться помѣщеніемъ въ офицерской столовой желѣзно-дорожнаго баталіона; плата не высока, въ послѣдствіи намъ передавали что съ гостей она вовсе не взимается и что деньги были приняты отъ насъ служителями вѣроятно по недоразумѣнію.

Для дальнѣйшаго сѣдованія нужно было разрѣшеніе полковника Вармина, исправлявшаго должность начальника

Михайловской линіи, то-есть пути отъ Михайловска до Бама. Онъ былъ въ отсутствіи и ожидался вечеромъ того же дня въ Бала-Ишѣмъ. Неувѣренность въ томъ что мы будемъ пропущены впередъ сильно насъ тревожила. Хотя мы и рѣшились пробраться до Геокъ-Теле во что бы то ни стало, но все же легче и пріятнѣе было бы это исполнить слѣдуя по проложенному пути, вдоль телеграфной линіи, служащей руководящею нитью и пользуясь мочлегами на нашихъ станціяхъ, нежели бродить вдали отъ дорогъ, скрываясь отъ взоровъ комендантовъ и избѣгая остановокъ на бивуакахъ нашихъ войскъ. Залугали насъ въ Красноводскъ, сказавъ что необходимо предписаніе или разрѣшеніе генерала Скобелева для свободнаго проѣзда, безъ чего пролука де не будетъ. Это распоряженіе дѣйствительно было сдѣлано во избѣжаніе репортеровъ. Однако Барминъ не затруднился насъ отправить далѣе.

Мы вочуемъ подъ открытымъ небомъ у сложенныхъ въ кучу своихъ вещей, традиціонно завернувшись въ бурки съ сѣдлами подъ головами. Ночью поднимается страшная вьюга. Песокъ мететь по лицу, онъ проникаетъ всюду, засыпаетъ глаза какъ только высувешься изъ-подъ бурки. Перелугаяныя лошади сорвали коновязь и несутся съ нею по полю. Жеребецъ майора Б. грызетъ и бьетъ другихъ лошадей. Наслу поймали лошадей и установили олять коновязь.

Кромѣ майора Б. присоединился къ нашей компаніи еще одинъ слутвикъ до Бама—Дг. Кр—скій, симпатичный и вѣребовательный; такого товарища пріятно имѣть въ походѣ. Не дай Богъ слутника который вмѣсто того чтобы помогать другимъ и себѣ ничего онъ не умѣетъ или не хочетъ дѣлать: ухаживай за нимъ, выкорми, уברי и осѣдай ему лошадь; пока другіе таскаютъ топливо, варятъ пищу, или вьючатъ лошадей, онъ смотритъ сложа руки, отговариваясь слабостью здоровья и неумѣніемъ. Попаляса и намъ одинъ такой, но и онъ приносилъ намъ долю пользы: онъ, единственный изъ насъ, имѣлъ предписаніе и потому могъ требовать у комендантовъ овесъ и сѣно, а также хлѣбъ, мясо и крупу, которые безъ предписанія ни подъ какимъ видомъ не выдавались. Положимъ что у казаковъ и солдатиковъ всегда можно купить и фуражъ, и провіантъ, но для этого приходится вступать съ ними въ дипломатическіе переговоры, продолжающіеся иногда довольно долго, а

желудки, какъ наши, такъ и лошадей нетерпѣливо требовали пищи.

Долго мы собирались, укладывались, пригоняли вьюки, поправляли новыя сѣдельныя принадлежности, распредѣляли между собою общія вещи, снаряжали вьюкъ для ишака, и какъ всегда оказывается, предъ выступленіемъ въ походъ на вьюкахъ у насъ нашлось много совершенно лишнихъ вещей.

Въ Балла-Ишемѣ мы застали преображенскаго юнкера не выдержавшаго экзамена въ офицеры и ѣхавшаго въ передовую отрядъ, въ надеждѣ тамъ дослужиться до желанныхъ зплатъ. Не имѣя лошади, онъ долженъ былъ слѣдовать съ интендантскимъ транспортомъ шедшимъ подъ командою пѣхоты; онъ взялся наши лишнія вещи доставить въ Баку, гдѣ онъ могъ бы быть нуженъ еслибы мы остались въ Закаспійскомъ краѣ долѣе чѣмъ предполагали.

Такъ какъ поѣзда ходили впередъ до укладки рельсовъ, за 12 верстъ отъ Балла-Ишема, то мы этимъ воспользовались чтобы сложить и отправить наши вещи на платформѣ рабочаго поѣзда, а сами прошли это пространство налегкѣ. Рядомъ съ насылаемымъ полотномъ кладутся связанные поперечинами рельсы, служащія для подвоза различныхъ матеріаловъ и рельсовъ для пароваго пути. Къ маленькимъ платформамъ, окруженнымъ рѣшеткой, припрягается одна или двѣ лошади, которыя легко везутъ громадный грузъ. Конка эта прокладывается чрезвычайно быстро, она обгоняетъ постройку пароваго пути верстъ на пятнадцать и значительно способствуетъ ускоренію работъ по насылкѣ полотна и укладкѣ рельсовъ.

Въ то время какъ мы чистили, сѣдали и вьючили лошадей, майоръ Б. съ офицерами желѣзнодорожнаго баталіона остался обѣдать, разчитывая что на своемъ добромъ конѣ ему легко будетъ насъ нагнать. На первыхъ же испытаніяхъ его лошадь оправдала возлагавшіяся на нее надежды: ве даромъ она мнѣ такъ приглядѣлась еще въ Баку. Однако Б. нагналъ насъ только на укладкѣ, гдѣ мы переложили наши вещи на вагонетку (конную платформу), обязательно предложившую однимъ изъ бывшихъ тутъ инженеровъ, и поѣхали далѣе въ Айдино.

Майоръ Б. и я оставались при укладкѣ вещей, остальные проѣхали впередъ чтобы приготовить какое-нибудь убѣжище для ночлега и ужина. Не думая я что сопровожденіе ваго-

летки окажется такою трудною работой: чрезъ каждую версту она соскакивала съ рельсовъ вслѣдствіе какой-то неисправности въ ходу и опрокидывалась, причемъ багажъ разлетался во всѣ стороны. Мы устанавливали опять вагонетку на рельсы и складывали на нее вещи.

Было уже темно когда мы подошли къ Айдино. Этотъ переходъ всего 26 верстъ, но мы много потеряли времени при сборахъ и перекаладкахъ, а потому и прибыли такъ поздно. Чей-то голосъ окликнулъ насъ: „Кто идетъ?“ на нашъ отвѣтъ послѣдовало приказаніе остановиться и ждать прибытія дежурнаго, за которымъ послано было со сторожеваго поста. Мы попали уже въ сферу военныхъ дѣйствій. Эти предосторожности здѣсь не излишни: шайки Туркменъ бродятъ всюду и при малѣйшей опасности легко могутъ вырвать крошечный гарнизонъ укрѣпленія, то-есть площадки окруженной не глубокою траншеей. Минуть черезъ двадцать прибылъ дежурный и провелъ насъ къ воинскому начальнику, у котораго сидѣли уже за чаемъ Кр—скій, С. и Тр.

Кромѣ коменданта, молодаго капитана, георгиевскаго кавалера, Барщевскаго, сидѣли въ кибиткѣ еще три офицера. Они казались очень оживленными; за то С. и Тр. имѣли видъ людей опечаленныхъ — да и было отчего; послѣ первыхъ словъ привѣтствія, любезный хозяинъ сообщилъ намъ вновь прибывшимъ извѣстіе такъ различно подѣйствовавшее на сидѣвшихъ здѣсь. Два дня тому назадъ, то-есть 12 января, Геокъ-Теле былъ взятъ штурмомъ и Текинцы бѣжали частью въ Асхабадъ, частью въ лески.

Какъ не радоваться успѣхамъ русскаго оружія, но въ этомъ успѣхѣ мы никогда не сомнѣвались и вѣдали мы сюда только съ тѣмъ чтобы раздѣлить славу этого успѣха. Обидно было опоздать всего на какихъ-нибудь шесть-восемь дней. Съ этой минуты наша поѣздка теряла первоначальный интересъ и дѣлалась обыкновеннымъ путешествіемъ; оставалась только одна надежда: что мы послѣдемъ къ тѣмъ дѣламъ которыя могли быть у Асхабада и далѣе на пути къ Мерву, а также мы рассчитывали на встрѣчи съ немирными Текинцами. Въ этой послѣдней надеждѣ насъ поддерживала телеграмма Анненкова что Текинцы бѣжавшіе въ лески по всей вѣроятности будутъ нападать на наши сообщенія, чтобы заставить оттянуть часть войскъ изъ передоваго отряда и для возобновленія продовольственныхъ запасовъ. Приказано было

быть особенно бдительными по всей Михайловской и Атрекской линиямъ.

Ночью выпалъ снѣгъ, но на слѣдующій день оттаялъ. Гостеприимный комендантъ не согласился выпустить насъ безъ завтрака, а потому мы тронулись только въ двѣнадцать часовъ—да куда и отъйти теперь?—на штурмъ опоздали!

Офицеръ выстулившій ночью съ отрядомъ на встрѣчу транспорта разрѣшилъ намъ сложить въ идущую съ нами фуру вьюки, и мы опять вышли налегкѣ. Одинъ только шакъ понесъ переметныя сумы, куржумы съ провизіей и общими вещами. Оказалось однако что не соразмѣрили вѣсъ вьюка съ силой животнаго: шакъ вѣсколько разъ ложился, и только послѣ трехъ—пяти минутъ отдыха опять подымался и шелъ впередъ. Кромѣ чрезмѣрной тяжести и плохая пригонка вьюка мѣшала бѣдному животному рысить за ходою нашихъ лошадей: переметныя сумы, связанные слишкомъ длинными ремнями, болтались у него между ногами, не давали хода и набивали бока и спину. Предъ закатомъ мы подошли къ бивуаку полуроты Ставропольцевъ, прикрывавшихъ работы телеграфистовъ по замѣнѣ походнаго телеграфа—постояннымъ; здѣсь мы согласились переночевать. Котати и шакъ отсталъ далеко позади съ Ужаховымъ, которому онъ порученъ. Командиръ полуроты послалъ верблюда чтобы привезти вьюкъ, который шакъ едва, едва тащилъ.

Ночь холодная. Мы усѣлись у костровъ и слушали глѣсенниковъ. Я готовилъ ужинъ. Нашъ хозяинъ угостилъ насъ ведромъ воды, что составляетъ здѣсь большую рѣдкость и высоко цѣнится. Военскій начальникъ и офицеры телеграфнаго вѣдомства предложили намъ свои коламейки * для ночлега.

Разговоръ зашелъ вечеромъ о большей или меньшей вѣроятности нападенія Текинцевъ на постъ и о томъ какія мѣры предосторожности могутъ быть дѣйствительны. По всестороннему обсужденію этого вопроса, мы пришли къ заключенію что ни секреты, ни сторожевые посты такого малаго отряда не могутъ его предохранить отъ гибели въ случаѣ ночнаго нападенія значительнаго числа Текинцевъ. Это насъ усложнило совершенно; значить не о чемъ и заботиться: хоть охраняйся, хоть не охраняйся,—если нападутъ, все равно всѣхъ вырѣжутъ. На этомъ рѣшеніи мы и заснули сладчайшимъ сномъ.

* Магаа кубитка.

Чуть солнце показалось на горизонтѣ, мы выступили съ бивуака. Часть вьюка была положена на верблюда, уступленнаго намъ воинскимъ начальникомъ изъ такъ-называемыхъ дохлыхъ. Верблюды пристающіе при сдѣланіи транспорта бросаются на мѣстѣ; большинство погибаетъ тутъ же отъ измученія и недостатка воды и пищи; незначительная часть послѣ отдыха разыскиваетъ воду и если найдетъ, часто пропадаетъ отъ перелопа или слабости; оставшіеся въ живыхъ бредутъ въ мѣста поросшія колючкой, гдѣ и пасутся пока Туркмены или наши не воспользуются вновь ихъ услугами. Начальникъ поста въ Ахча-Куйме, такъ называется перевалъ черезъ невысокій кражъ въ трехъ верстахъ отъ бивуака отряда, собиравъ бродящихъ по степи верблюдовъ, поилъ и посылалъ на пастьбу; тѣ быстро поправлялись и дѣлались опять годными къ работѣ. Это дѣлалось изъ желанія помочь по мѣрѣ силъ и средствъ общей задачѣ.

Большая часть строевыхъ офицеровъ оставленныхъ на общеніяхъ тяготилась скучною, однообразною службой и искала работы; имъ нужна была кипучая дѣятельность чтобы забыть что они привимаютъ лассивное, а не активное участіе въ завоеваніи Края. Съ какимъ увлеченіемъ они берутся за все что ведетъ къ услугу общаго дѣла и даютъ имъ возможность быть полезными!

Не доходя полуверсты до вершины перевала оборвалась одна изъ переметныхъ сумъ навьюченныхъ на верблюда, мы остановились; легкими ударами нагайки по переднимъ ногамъ верблюда, Ужаховъ заставилъ его опуститься на землю. Кое-какъ мы перевязали сумы веревками, опять наложили на вьючное сѣдло и предложили верблюду встать, онъ не противился и бодро шагалъ впередъ. Пока мы возились со вьюками, докторъ проѣхалъ впередъ до вершины перевала, но чрезъ нѣсколько минутъ рысью вернулся назадъ. Поднявшись на гору онъ услышалъ четыре залпа въ направленіи нашего пути и послѣдилъ насъ объ этомъ извѣстить. Майоръ Б., который оставался около насъ, утверждалъ что онъ тоже слышалъ явственно залпы, а что звукъ этотъ онъ отличить всегда какъ бы далеко онъ не раздавался: долгое пребываніе на зеленыхъ горахъ у Скобелева сдѣлало его чуткимъ ко всему что происходило у непріятели.

Предположивъ что вѣроятно атакованъ Текинцами транспортъ ожидаемый въ этотъ день въ Ахча-Куйме и слышны

были заняты конвоирующей его лѣхоты, мы рѣшили идти впередъ и дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Начальство надъ нашимъ отрядомъ было передано мѣ. Насъ было шесть человекъ конныхъ, одинъ верблюды и шакъ. У С. и у меня были магазинки Винчестера и револьверы, у остальныхъ револьверы. Шашки у всѣхъ. На случай нападенія сильнѣйшаго непріятеля былъ отданъ слѣдующій приказъ: положить верблюда и сгруппировать около него забатованныхъ * лошадей и шака. Стрѣлять по очереди: сперва мѣ, потомъ С. изъ магазинокъ; затѣмъ, по приближеніи непріятеля на пистолетный выстрѣлъ начинать стрѣльбу изъ револьверовъ, также соблюдая очередь чтобы давать время заряжать оружіе, не прерывая огня.

Зарядивъ магазинки мы двинулись впередъ, выславъ въ авангардъ майора Б. у котораго былъ сильный бинокль. Чудная картина открылась намъ съ вершины перевала: утреннее солнце освѣщало косыми лучами обширную долину, искрившуюся отъ покрытыхъ блестящими солончаковъ; впереди и вправо къ западу горы, покрытыя еще не стаявшимъ вчерашнимъ снѣгомъ, освѣщались яркимъ карминомъ на лазури неба. Влѣво, за голыми, неприглядными холмами, простиралась до небосклона сылучая, песчаная пустыня. Дорога проходила версты три по долинѣ, затѣмъ скрывалась за холмомъ. Вглядываемся мы вдаль; не замѣтимъ ли гдѣ дыма отъ смышанныхъ залповъ, но нѣтъ—небо чисто. Однако что это у холма, тамъ впереди? Кустарникъ или люди? Въ этой мѣстности гдѣ самая жалкая растительность составляетъ рѣдкость, при появленіи вдали темныхъ очертаній вѣрнѣе предполагать что это живыя существа, а не деревья или кусты. Но вотъ изъ темной полоски выдѣляется одна фигура, потомъ другая, потомъ третья. Сомнѣнія нѣтъ—это люди; но кто такіе, наши или Текинцы? одни ли они или высланы они отъ части оставшейся за холмомъ? Да и полоска изъ которой они выдѣлались смотритъ какъ-то подозрительно.

Я рысью выѣхалъ впередъ на рекогносцировку, мои товарищи послѣдовали за мною шагомъ. Условлено что если я

* Батовать коней значитъ, поставивъ лошадей головами къ хвостамъ рядомъ стоящихъ, пропустить перекинутый поводъ подъ путащею сосѣдней лошади и закинуть на заднюю луку. Когда лошади, такимъ образомъ связанные, поставлены въ кругъ, то составляютъ хорошую защиту.

открою что это непріятель и притомъ въ превосходныхъ силахъ, то покачу назадъ. Это будетъ служить сигналомъ для приготовленія къ бою. Магазишка у меня на передней лукъ, шашка свободно ходитъ въ ножнахъ. Вотъ уже ясно видно идущихъ рядомъ трехъ всадниковъ; на головахъ у нихъ мохнатыя шапки не русской формы, въ рукахъ блеснуло оружіе—должно-быть Текинцы. Но отчего они идутъ впередъ такъ увѣренно, не обращая вниманія на приближеніе русского мундира, за которымъ выдается поддержка? Разстояніе между нами все меньше и меньше, а я все въ нерѣшимости Текинцы ли это или нѣтъ. Наконецъ, шагахъ въ пятидесяти я не вытерпѣлъ и крикнулъ „къмъ сизъ?“ (кто вы?)—„Джигите, ваше благородіе“, было мнѣ отвѣтомъ, и тогда только я узналъ что мнѣ на встрѣчу шли Киргизы служащіе при отрядѣ для доставленія почты и по другимъ порученіямъ мирнаго свойства, а не воинственные Текинцы. Конечно, опытному глазу невозможно было бы ошибиться и на значительномъ разстояніи, но я тогда еще не зналъ что Текинда въ малахатъ * и на маленькой киргизской лошаdkѣ не увидишь.

Подъѣхали наши. Мы спросили у джигитовъ слышали ли они заллы; тѣ пояснили что одинъ ихъ товарищъ стрѣлялъ по табуну дикихъ лошадей—кулаковъ. Его четыре выстрѣла, передаваемые эхомъ, показались доктору и Б. раскатами залповъ. При первомъ нашемъ появленіи на перевалѣ джигиты насъ тоже приняли за Текинцевъ, но ихъ зоркіе глаза открыли имъ что мы Русскіе прежде чѣмъ наши бивоклы обрисовали силуэты всадниковъ. На вопросъ зачѣмъ они держали наготовѣ винтовки подхода ко мнѣ, они отвѣчали что приготовились на всякій случай не зная навѣрно кто мы такіе.

Небо заволокло сѣрыми, тяжелыми тучами, поднялся сильный вѣтеръ, и температура сразу понизилась на нѣсколько градусовъ. Только бурка можетъ предохранить отъ проливающейся во всѣ швы вѣтра. Хотѣлось бы скорѣе добраться до мѣста ночлега, но насъ сильно задерживалъ верблюдь, котораго ничѣмъ не заставишь идти болѣе четырехъ верстъ въ часъ, да это еще сытый верблюдь, а слабый идетъ не болѣе трехъ, трехъ съ половиною верстъ.

На половинѣ дороги изъ Ахча-Куѣме къ Казанджику мы встрѣтили возвращающійся транспортъ. Вещи наши

* Лисья или овечья остроколючая киргизская шапка мѣхомъ внутри.

доставленные до этого мѣста на фурѣ отряда выстулившаго наканунѣ изъ Айдина были сданы джигитамъ для отправки въ Казанджикъ. За доставку двухъ людоевъ багажа, на разстояніе 15 верстъ, Киргизы взяли съ насъ 7 рублей.

На мѣстѣ бивуака транспорта мы сдѣлали привалъ; закусили неизбежными сардинками и выпили по стакану прекраснаго матрасинскаго вина. По сторонамъ вьючнаго сѣдла, на шпакѣ, висѣли бурдюки по ведру вмѣстимости, одинъ съ бѣлымъ кахетинскимъ, другой съ краснымъ матрасинскимъ виномъ. Не разъ на пути мы останавливали ишака и прикладывались къ деревянному соску бурдюка. Холодная, вкусная влага утоляла на время жажду возбуждаемую неизмѣнною соленою пищей—сардинками и сухою, колченою колбасою. Это мы называли доить бурдючекъ.

До Казанджика мы шли десять часовъ; еслибы не верблюды, можно было бы сдѣлать этотъ переходъ (сорокъ верстъ) въ шесть часовъ. Комендантъ отдалъ въ наше распоряженіе кибитку внутри укрѣпленія, построеннаго на вершинѣ крутаго холма. Въ немъ помѣщались, кромѣ нашей, служащей обыкновенно для проѣзжающихъ, кибитка коменданта и джудамейка для походнаго телеграфа. Стоявшіе въ углахъ укрѣпленія катки на колесахъ, для наматыванія телеграфной проволоки, имѣли издали грозный видъ орудіи. Можетъ-быть это было причиною того что Текинцы, часто бродившіе по сосѣдству, всегда держались на благородной дистанціи отъ Казанджикскаго укрѣпленія. Наша кибитка стоитъ на юру, дверью къ вѣтру, холодно ужасно. Костеръ болѣе дымитъ чѣмъ грѣетъ, только и надежды что на спиртъ и чай. Сегодня очередь доктора готовить уживъ, и онъ доказалъ на бараньей ляжкѣ что не безъ пользы слушалъ лекціи въ анатомическомъ театрѣ. Несмотря на большое число тулузовъ, спать было очень холодно, и мы вскочили по первому кличу будившаго насъ казака чтобы скорѣе погрѣться у костра. Комендантъ назначилъ намъ въ конвой пять казаковъ и столько же джигитовъ; эти послѣдніе за плату, и довольно высокую, разобрали часть нашихъ вещей и тѣмъ облегчили лошадей. Киргизы славятся зоркостью и служатъ при конвоѣ для предупрежденія о появленіи непріятеля; разчитывать же на нихъ какъ на бойцовъ нельзя: при первой опасности они бѣгутъ.

Холодный вѣтеръ не спадаетъ, мы забнемъ страшно; больше всѣхъ страдаетъ отъ стужи Ужаховъ, онъ съ завистью

смотреть на мою шубу и на зимніе чеваки, безъ которыхъ плохо пришлось бы вочуя на открытомъ воздухѣ, какъ это намъ предстояло въ эту ночь, да и въ кибиткѣ казанджикской было не тепло.

Верстахъ въ пятнадцать отъ Казанджика мы увидѣли первую текинскую калу, — это маленькій редутъ огороженный гашнявою стѣнкой въ аршинъ толщины; у входа, обращеннаго къ горамъ, возвышается небольшая башня съ бойницами и низкимъ входнымъ отверстіемъ. Казаки объясняли что башня служить для склада продовольствія, вершина же вышкой для часоваго.

Мы идемъ, имѣя съ правой стороны хребетъ Колеть-дагъ, придерживаемся какъ можно ближе къ подножію горъ, такъ какъ въ случаѣ нападенія большой шайки Текинцевъ легче будетъ защищаться имѣя въ тылу укрытіе, чѣмъ находясь въ открытомъ полѣ, доступномъ со всѣхъ сторонъ.

Два казака и одинъ джигитъ идутъ далеко впереди, оглядывая каждую балку, рывину, выемку. Отъ Казанджика до Ушака мѣстность на протяженіи сорока верстъ изрѣзана глубокими, извилистыми балками, удобными для засады или для скрытнаго движенія. Этимъ и воспользовались Текинцы мѣсяца тому назадъ. Къ транспорту шедшему изъ Кизилъ-Арвата въ Казанджикъ, подъ командой поручика Васильева, присоединился майоръ Х.... На половинѣ пути отъ Ушака, недалеко отъ источника Узунъ-су, джигиты донесли что партія Текинцевъ оказалась въ тылу, другая съ боку. Число непріятели все возрастало, онъ быстро приближался къ транспорту. Поручикъ Васильевъ не найдя возможнымъ отразить нападеніе въ растянутой колоннѣ, приказалъ строить вагенбургъ, то-есть положить верблюдовъ въ нѣсколько рядовъ, образуя каре, занявъ наименьшее пространство и затѣмъ обороняться до прибытія подкрѣпленія, если нападающій не отступитъ. Цѣлость транспорта лежитъ на отвѣтственности начальника его; однако майоръ Х..., не соглашаясь съ вышеизложеннымъ разумнымъ распоряженіемъ и пользуясь старшинствомъ чина, принялъ самъ начальство надъ транспортомъ и семьюдесятью солдатами конвоя и приказалъ прибавить шагъ въ надеждѣ достигнуть Казанджика, избѣгнувъ нападенія. Колонна въ полторы тысячи верблюдовъ какъ не старалась подтянуться, все же занимала по меньшей мѣрѣ полверсты (на этой мѣстности

верблюды могутъ идти въ нѣсколько рядовъ). Конвой же шелъ въ тылу, въ головѣ колонны и по бокамъ. Текинцы, численностью около тысячи коней, приблизясь на ружейный выстрѣлъ, бросились съ крикомъ въ атаку. Въ самое непродолжительное время они зарѣзали двадцать шесть солдатъ, заворотили верблюдовъ и погнали въ лески. Майоръ, захвативъ съ собою двадцать человекъ пѣшихъ въ авангардѣ, побѣжалъ къ горамъ, гдѣ, выбравъ удобную позицію, залегъ. Поручикъ Васильевъ, около котораго сгруппировались оставшіеся въ живыхъ, защищался уломно и заставилъ Текинцевъ отказаться отъ заманчиваго желанія вырѣзать головы этой горсти молодцовъ. Въ минуту нападенія, три джигита поскакали къ Казанджику за подкрѣпленіемъ; замѣтивъ это, Текинцы дустились за ними въ погоню. Двое были застигнуты и изрублены (Жиргизовъ верблюдовожатыхъ Текинцы не тронули), третій же доскакалъ до укрѣпленія, преслѣдуемый по латамъ Текинцами. Въ Казанджикѣ стояло два взвода пѣхоты и полсотни казаковъ. Услыхавъ въ чемъ дѣло, командиръ полусотни, сотникъ Алейниковъ, мигомъ поднялъ своихъ казаковъ и рысью двинулся къ мѣсту нападенія. Печальное зрѣлище представилось его глазамъ: убитые солдаты и лошади валялись то тутъ, то тамъ; оставшіеся въ живыхъ, окровавленные, изнуренные усиленнымъ маршемъ и неравнымъ боемъ, уныло смотрѣли на трупы товарищей. Транспортъ угнанный Текинцами уже исчезъ за горизонтомъ. Сотникъ Алейниковъ понялъ какъ тяжело можетъ отозваться на передовомъ отрядѣ потеря полсотни тысячи верблюдовъ и рѣшилъ пытаться вернуть отбитый транспортъ: понеслись казаки по широкому слѣду оставленному верблюдами; вотъ уже видать они двигающуюся впереди длинную полосу. „Что-то будетъ?“ мелькнуло не у одного въ головѣ, и дѣйствительно мало надежды на успѣхъ при столкновеніи съ противникомъ въ двадцать разъ сильнѣйшимъ. Но не даромъ говорить пословица: „смѣлымъ Богъ владѣетъ“. Текинцы, не предвидя преслѣдованія, раздѣлились и, оставивъ незначительный отрядъ при транспортѣ, двинулись впередъ болѣе широкимъ аллюромъ въ недоступные лески. Послѣ непродолжительной схватки, Текинцы конвоирующие транспортъ были частью перебиты, частью обращены въ бѣгство, и верблюды возвращены въ Казанджикъ. Генераль Скобелевъ, узнавъ объ этомъ дѣлѣ, созвалъ думу Св. Георгія, и крестъ этотъ былъ

присудить сотнику Алейникову, такъ славно его заслужившему.

Темнѣло когда мы подходили къ мѣсту гдѣ происходила бой. Небольшой курганъ образовался надъ братскою могилою гдѣ схоронены 26 убитыхъ солдатъ. Немного въ сторонѣ валяются изсохшіе труны трехъ Текинцевъ и нѣсколькихъ лошадей. Поздно ночью мы подошли къ холмамъ у склона Копеть-Дага; это Ушакъ. Останавливаются здѣсь на ночлегъ потому что есть колодезь. Отъ Казанджика до Кизиль-Арвата, на протяженіи семидесяти лати верстъ, имѣется вода только въ Узунъ-Су и въ Ушакѣ, да и то въ самомъ маломъ количествѣ. Когда мы слѣзали съ лошадей и стали устраивать костеръ изъ нарызанной по дорогѣ колючки, врача между нами не оказалось; окликнули его нѣсколько разъ, но никто не отвѣчалъ. Онъ ѣхалъ впереди и миновалъ вѣроятно Ушакъ, который находится въ сторонѣ отъ телеграфа вдоль котораго мы шли. Ночь темна и телеграфную проволоку не мудрено потерять, а тутъ можетъ-быть бродять по сосѣдству слѣдившіе за нашимъ малымъ отрядцемъ хищники Текинцы. Далеко ли до бѣды. Я разослалъ казаковъ и джигитовъ на поиски за медикомъ и на вершинѣ холма бѣлѣлъ разложить костеръ чтобы привлечь вниманіе доктора и указать наше сборное мѣсто.

Часъ прошелъ въ тревожномъ ожиданіи; наконецъ послышались голоса въ непроницаемой тьмѣ.

— Чтò, доктора нашли? крикнули мы всѣ разомъ.

— Нашли, послѣдовалъ отвѣтъ, и чрезъ минуту сидѣлъ уже за стаканомъ чая у костра нашъ милѣйшій докторъ, надѣлавшій намъ столько тревогъ своею разсѣянностью и безлечностью.

Мы сильно устали, такъ и клонило ко сну; было за полночь когда мы пришли на мѣсто, но холодъ не давалъ спать, да и голодно было, однимъ чаемъ не насытишься. Окверно мы провели эту ночь и долго будемъ поминать Ушакъ. Чуть забрезжилъ свѣтъ, мы тронулись далѣе въ походъ. Много дрофъ попадалось по дорогѣ, но онѣ стóрожки и ближе трехсотъ шаговъ не подпускали. Проходя кустами колючки, джигиты подвѣли волка и стали его кружить. Майоръ Б., который поскакалъ навстрѣчу, выстрѣлилъ четыре раза изъ револьвера и перебилъ заднюю ногу. Джигиты нагнали уходящаго на трехъ ногахъ звѣря и зарубили шашками.

Мы рано пришли въ Кизиль-Арватъ, бывшее мѣстопребываніе хана, нынѣ—укрѣпленіе на одинъ баталіонъ и нѣсколько орудій. Укрѣпленіе расположено на возвышенности, у подножія коей течетъ арыкъ свѣжей, прозрачной воды. Внизу размѣстались казаки и джигиты. Комендантъ намъ уступаетъ одну кубитку, а съ помощью предписанія мы получаемъ хлѣбъ и мясо для насъ и овесъ для лошадей, а то пришлось бы ограничиться однимъ чаемъ, который былъ и у насъ, да притомъ всегда предлагается проезжающимъ комендантами.

Ужаховъ разказываетъ что въ Казанджикѣ онъ ночевалъ въ кубиткѣ у Киргизовъ. Они на ужинъ отрѣзали кусокъ лавшаго и уже съ сильнымъ запахомъ верблюда и, изжаривъ на угольяхъ, ѣли съ аллетитомъ. Ихъ очень удивило что Ужаховъ брезгалъ этимъ лакомствомъ!

Два казака и пять джигитовъ давы намъ въ конвой до Бами. Дорогой казаки участвовавшіе въ рекогносцировкѣ Геокъ-Теле съ генераломъ Скобелевымъ 4 декабря разказывали что высыпало изъ талы конницы какъ комашекъ, а не подходятъ: залпа боятся, все кружатъ и кричатъ „ванлаа“.

Текинцы боятся нашей кавалеріи, считая ее отборнымъ войскомъ; на лѣхоту же они смотрятъ какъ на байгушей пролившихъ или потерявшихъ своихъ лошадей: для Текинца неммыслимъ воинъ безъ лошади.

Вечеромъ мы прибыли въ Бами и расположились у кубитокъ занимаемыхъ комендантомъ и его управленіемъ. Ночь теплая и спалось бы на дворѣ отлично еслибы не нарушали тишину вой волковъ и лай шакаловъ, задававшихъ концертъ къ которому мы еще не привыкли.

Хотя было темно когда мы подѣвжали къ Бами, но мы успѣли рассмотреть силуэты нѣсколькихъ деревьевъ: это были первая видѣнная нами за Каспіемъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. КВИТКА.

НА СВЯЩЕННОЕ КОРОНОВАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ *

I.

КО ДНЮ 10 МАЯ 1883 ГОДА

Гряди нашъ Царь лодъ кровъ священный
Принять и муро и вѣнецъ,
И, давъ обѣтъ Царю вселенной,
Надъ нами царствуй какъ отецъ,

Мы всѣ—Твоя семья родная.
У насъ съ Тобой однѣ судьбы.
Въ Царѣ намъ власть дама святая:
Цара мы дѣти, не рабы.

Нѣтъ у семьи добра чужаго:
Отцу свои мы, намъ онъ свой,—
И не признаемъ мы другаго
Начала власти надъ собой.

* Стихотворенія эти были напечатаны въ *Моск. Вѣд.*

Пуškai гордятся тѣ народы,
Гдѣ каждый самъ себѣ большой,
Гдѣ произволъ славой свободы
Вулканъ питаетъ подъ собой;

Гдѣ рознь корыстная открыла
Разгулъ широкій всѣмъ страстамъ,
Судьбы жь народовъ подчинила
Страстами набраннымъ толпамъ;

Пусть зданье ихъ блистаетъ златомъ,
Цвѣтами луть къ нему локрыть,
А подъ ковромъ цвѣтовъ богатымъ
Духъ разрушенія сокрыть,—

Мы не завидуемъ ихъ долѣ.
Народъ нашъ созданъ не мечомъ.
Семьей онъ началъ жить на волѣ,
Семьей и строился потомъ.

Семья жь отъ Бога: корень плодный
На доброй почвѣ росъ да росъ,—
И выросла семья свободна
Въ великій царственный колосъ.

Блюди жь семейную державу,
Отецъ! какъ встарь она была:
Твори намъ судъ, держи управу,
Одна чтобъ воля насъ вела.

Вѣка мы жили подъ царями,
Добыли славу, мощь, покой;
Народъ отцовскими дарами
Свободенъ сталъ подъ ихъ рукой,

Впередъ дорога намъ большая,—
И, подъ охраной старины,
Не страшна намъ вражда чужая,
Ни дома блудные сыны.

М. ЮЗЕФОВИЧЪ.

II.

15 МАЯ 1883 ГОДА.

Какъ солнце вешнее сіяя,
Въ лучахъ не даромъ Ты взомелъ
Во дни живительнаго мая
На прародительскій престолъ.

Горить алмазъ, блестать короны,
И вокругъ соборовъ и дворца,
Какъ юныхъ листьевъ миллионы
Обращены къ Тебѣ сердца.

О будь благословенъ сторицей
Надъ міромъ, Русью и Москвой,
И богоданной багрянцей
Отъ искушеній насъ укрой!

А. ФЕТЪ.

III.

КАНТАТА ИСПОЛНЯВШАЯСЯ ВЪ ГРАНОВИТОЙ ПАЛАТѢ ВО
ВРЕМЯ ЦАРСКАГО ОБЪДА

Съ мала ключика студёна лотекла рѣка,
Съ невелика зачиналась каменная Москва,
Наѣзжали тутъ князья тѣшиться,
По темнымъ лѣсамъ кабана ловить,
Въ тихихъ заведенъ лебедей стрѣлять.
Гой, не туча въ синемъ небѣ разстилается:
Злы Татары, валъ за валомъ, по Руси валяютъ ..
Не видать въ дыму красна солнышка,
Стономъ стонъ стоитъ по лицу земли,
Гдѣ не бьютъ людей, гонятъ полоны...
Подолжанички идутъ, другъ друга спрашиваютъ:
„Изъ которой веси ты, какого города?“

„Я изъ Кіева—изъ Чернигова—
 Я изъ Суздаля—изъ Владиміра—
 Ты прости на вѣки, милъ родимый градъ!“
 Ты ли, Господи, въ конецъ на Русь прогнѣвался!
 Ни лошады ей не будетъ, ни спасенія?...
 Въ людяхъ рознь идетъ, въ князьяхъ кóторы,
 Гдѣ ни глянь кругомъ—темна ночь лежитъ,
 Темна ночь лежитъ непроглядная..

* * *

То не звѣздочка
 Засвѣтилася
 Въ непроглядной тьмѣ;
 То зажглась свѣча
 Воску яраго
 Въ каменной Москвѣ;
 Зажигаль ее
 Тамъ святитель Петръ
 Да Московскій князь...
 Запримѣтили
 Люди русскіе
 Съ далека ее;
 Ободрился,
 На нее глядятъ,
 Богу молятся...
 А она горитъ,
 Разгорается,
 Свѣтитъ всей Руси;
 А Московскій князь
 Возвышается,
 Думу думаетъ...
 Думу думаетъ,
 Дѣло дѣлаетъ,
 Не торолится.

* * *

Чась ударилъ жданный радостный!
 Колокольный звонъ по всей Руси,
 И молебны по церквамъ поютъ!
 И по всей землѣ веселіе!
 Слово мутны воды вешнія
 Золота-Орда растаяла,
 Отъ святой Руси отхлынула,
 Прокеслися тучи черныя,

Вышло солнце изъ-за черныхъ тучъ:
 Засвѣтился имъ Московскій Кремль,
 Золотыя церковей маковки;
 А въ палатѣ узорчатой
 Всѣхъ свѣтлѣй сидитъ и радостнѣй
 На престолѣ самъ Московскій князь
 Самодержецъ всея Русіи,
 А не ханскій уже давничекъ:
 Его ноженькой растоптана
 Баема ханская тутъ валется,
 И бѣгутъ съ метлою конюхи
 Выметать ее на задній дворъ.

* * *

Ужъ какъ изъ лѣса, лѣса темнаго
 Богатырь выѣзжалъ въ поле чистое,
 Въ поле чистое, во великій свѣтъ.
 Погулять ему-бъ, да потѣшиться,
 Силой-удалью похвалиться...
 Да какъ вышелъ онъ во великій свѣтъ,
 Увидали его люди Божіи
 Ото всей страны, отъ восточныя,
 И взмолилися, громко плачутся:
 „Одолѣли насъ силы темныя!
 Церкви Божьи у насъ всѣ поруганы,
 Наши царства всѣ испровергнуты.
 Царство Сербское и Иверское,
 И Болгарское и великъ-престолъ
 Константинова Царя-города!
 Ты для всѣхъ теперь для восточныхъ странъ
 Что звѣзда взошла Виелеемская,
 Во своей святой каменной Москвѣ!
 Возлюбилъ тебя и избралъ Господь—
 Появлять тебѣ Константиновъ мечъ
 И вѣнчаться вѣнцомъ Мономаховымъ,
 Сирыхъ быть тебѣ да защитникомъ,
 Полѣнныхъ быть избавителемъ,
 Вѣры правыя быть лоборникомъ!
 О Москвѣ жь твоей се пророчество:
 „Пали два Рима—третій стоитъ,—
 А четвертому не быть.“

* * *

Мнѣ ли, Господи,
 Мнѣ ль по силамъ Ты
 Тяжкій крестъ даешь!
 Не достоинъ есмь
 Твоя любви!
 Развѣ Ты мнѣ дашь
 Силу крѣпкую...
 Умудришь меня
 Своей мудростью...
 Я какъ вѣрный рабъ
 Предаюсь Тебѣ,
 И готовъ въ огонь
 И во всяку скорбь,
 Ибо дорогъ мнѣ
 Не земной почетъ,
 А Христовъ вѣнецъ.

* *

По Руси пошелъ стукъ и громъ большой
 Чтобъ сковать себѣ броню крѣпкую,
 Броню крѣпкую—не себѣ одной,
 А что есть людей межъ пяти морей,
 Чтобы жить имъ всѣмъ за одну семью,
 За одну семью, подъ однимъ Вождемъ,
 Правды Божеской только ищущи
 И для ближняго не жалѣючи
 Во спасеніе сложить голову,
 Ибо выше нѣтъ какъ сія любовь...
 Ради славы той потрудилися
 Всѣ Цари ея благовѣрные
 И всѣ предки Твои, Царь возлюбленный,
 Днесь на царствіе намъ помазанный,
 Добродѣтелями изукрашенный,
 Божьей милостью намъ дарованный!

* *

И гради жь въ ихъ лѣтъ, Православный Царь!
 Да великимъ Твоимъ Царскимъ дѣланьемъ
 И смиреньемъ Твоимъ передъ Господомъ,
 О Тебѣ сердца Твоихъ подданныхъ
 Да возрадуются!
 И пройдетъ Твоя далеко въ людяхъ
 Слава!

* *

Слава Богу на небѣ, слава!
 Государю Нашему на сей землѣ—слава!
 Государынѣ Супругѣ Его—слава!
 Государю Наслѣднику Его—слава!
 Всему Царскому Дому Его—слава!
 И всему народу Его—слава!
 Его вѣрнымъ слугамъ—слава!
 Именитымъ гостямъ Его—слава!
 Чтобы правда была на Руси
 Краше солнца свѣтла—слава!

А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
 Хлѣбу честь воздаемъ—слава!
 Старымъ людямъ на утѣшенье,
 Добрымъ людямъ на услышанье—слава!
 Слава во вѣки вѣковъ—слава!

А. МАЙКОВЪ.

IV.

КРЕМЛЬ ВЪ ОГНЯХЪ.

Затеплилась Москва въ ликующихъ огняхъ!
 По тмѣ синѣющей, несмѣтными чертами,
 Картиной огненной рисуясь въ небесахъ
 Обозначался Кремль, обставленный зубцами...
 Въ горящихъ очеркахъ, ни кисти, ни перу
 Не поддающихся, ничѣмъ не описуемъ,
 По каждой профили, по каждому ребру
 Рукой невидимой внимательно рисуемъ,
 Онъ, зримо, возникалъ какъ бы изъ тьмы вѣковъ,
 Нетлѣнной жизни гость, явленье свѣтовое,
 Весь въ честной лампѣ преставившихся отцовъ,
 Въ общенъи съ вѣчностью, и въ царственномъ покоѣ...

Веѣ башни ожили, и рдѣя, и свѣтятся
 Гдѣ яркимъ лурлуромъ, гдѣ синими огнями;
 Какъ бы вступая вновь съ подлуннымъ міромъ въ связь,
 Отъ древнихъ оконъ ихъ, блестящими тесьмами,
 Свѣтлы какъ солнца блескъ и остры какъ мечи,

Какъ бы богатырей какихъ-то древнихъ взоры,
 По тмѣ полумночной рисуя вкругъ узоры,
 Скользили длинныя, подвижныя лучи!
 Толпа безчетная отвсюду прилиwała,
 Раскидывалась сплошь мятущимся ковромъ,
 Какъ море, что утесъ родной облюбовало,
 Толпа и ластилась и билась подъ Кремлемъ!

* *

Въ молчаніи глухомъ и на сердцѣ твердыни
 Стояли лишь одѣ соборныя святыни,
 И только трелетнымъ румянцемъ куполовъ,
 Какъ бы сочувствуя веселью отвѣчали!
 Казалось тѣ цари что мирно почивали
 За многимъ множествомъ промчавшихся годовъ,
 Отвѣтили толпѣ, облитой яркимъ свѣтомъ,
 Своимъ едва-едва зардѣвшимся привѣтомъ...

* *

И вдругъ надъ этимъ всѣмъ былъ сразу освѣщенъ
 Знакомый изстари столбъ древней колокольни!
 Онъ съ высоты взглянулъ на то чѣмъ окруженъ:
 На празднество толпы, на весь просторъ раздольный;
 Весь олояанный алмазами огней,
 Онъ гордо превознесъ старинную корону,
 И православный крестъ заискрился надъ ней
 По потемнѣвшему глубоко небосклону...

* *

Москва! Кто зрѣлъ тебя въ одеждѣ огневой,
 Кто эту ночь провелъ среди Первопрестольной,
 Тотъ много просвѣтлѣлъ, тотъ беззавѣтно твой,
 На жизнь или на смерть въ любви произвольной...

К. СЛУЧЕВСКИЙ.

ПѢСНЯ О ПОТЪШНЫХЪ.*

Дѣло было очень просто:
Жилъ первои солдатъ Бухвостовъ
Двѣсти лѣтъ назадъ;

Съ нимъ Петровская бригада
Народилась изъ наряда,
Става первой въ рядъ!

Непригожи были, малы,
Фузеи, да самопалы,
Увалень народъ!

Ну а все же съ тѣмъ народомъ
Вышли первыимъ походомъ—
Въ Кожуховъ походъ.

У стрѣльцовъ поднялись смѣхи
Отъ Кожуховской потѣхи,
Стрѣлецъ говорить:

Сочинитель всѣхъ затѣвъ
Бригадиръ Петръ Алексѣевъ—
Пусть его чудить!

И Потѣшные чудили:
Артикуль, уставъ учили,
Брали крѣпостцы,—

А какъ было все готово,
Очутились у Азова—
Вотъ такъ молодцы!

Стрѣльцы видятъ, осерчали,
Петру смертью угрожали,
Царь заговорилъ:

* Пѣлась на праздникъ Семеновцевъ 24 мая.

Ну-ка вы, моя лѣхота,
Вы лтвенцы, души забота,
Я ль васъ не любилъ!

Не пора ли кончить разомъ
Чтобы былъ шабашъ проказамъ
Съ ключкой старины!

Петръ сказалъ! Замолкли шапши...
Мало ль что видали башни
Кремлевской стѣны?!

Лиху было не до смѣха!
Росла царская потѣха,
Росла Божья рать!

И задумалъ король Швецкій
Ростъ потѣхи молодецкой
Русскій ростъ унять!

Самъ онъ былъ малоголовый,
Но прешустрый и толковый,
Далъ Полтавскій бой!

Лейбъ-гвардейцы были точны,
Гнали до Переволочны
Ихъ передъ собой...

Порѣшивъ Ништадкимъ миромъ,
Заялись гвардейцы миромъ—
Тому двѣсти лѣтъ!

Заварили браги -бражки
Въ честь Хмѣльницкаго Ивашки—
Праздникъ дѣлу вслѣдъ.

К. СЛУЧЕВСКІЙ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I.

Книги вышедшія въ послѣдній мѣсяцъ.

Въ Петербургъ:

Ко дню торжества Священнаго Коронованія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра III. Вѣчаніе и священное помазаніе царей на царство и его значеніе. Изданіе Н. Раллопорта. 32 стр. 16 д. л.

Die Heilige Krönungs-Feier in Moskau am 26 august 1856 von A. Mourawieff. Aus dem Russischen 19 s. in-8.

П. О. Вышеславцевъ. *О Священномъ Коронованіи русскихъ царей.* 16 стр. 8 д. л.

Сказаніе о дѣяніяхъ предковъ нашего Царя. 32 стр. 8 д. л.

Народныя чтенія. *Священное Коронованіе и помазаніе царей на царство.* Чтеніе И. И. Петрова. Съ портретами Ихъ Величествъ. 24 стр., 12 д. л.

Исаакіевскій соборъ 1858—1883. Изданіе старосты Исаакіевского собора Е. Богдановича. Съ рисунками. 84 стр. 8 д. л.

Лейбъ-гвардіи Болбардирская рота въ царствованіе императора Петра Великаго. Историческій очеркъ. Составилъ 4й батареи лейбъ-гвардіи 1й артиллерійской бригады капитанъ В. Гилліусъ. 362+48 стр. 8 д. л.

Исторія лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка 1683—1883. Составилъ: I и II томы адъютантъ Военнаго Министра, гвардіи

капитанъ А. Чичеринъ; III томъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка штабсъ-капитанъ С. Долговъ и пралорщикъ А. Аванасьевъ; IV томъ капитанъ Чичеринъ, штабсъ-капитанъ С. Долговъ, пралорщикъ А. Аванасьевъ. Томъ I, 1688—1725. 579 стр. 8 д. л.

Исторія лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Составилъ П. Диринъ. Томъ I. 448+VIII стр. Томъ II. 296+202+V. 8 д. л.

Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Выпускъ второй 575 стр. 8 д. л.

Очерки всеобщей исторіи музыки. Л. Саккетти. 280 стр. 8 д. л.

Памятники просвѣдательной дѣятельности святой благовѣрной великой княгини Ольги Россійской во Псковской странѣ. Изданіе Псковскаго Археологическаго Общества. 26 стр. 8 д. л.

Собраніе трактатовъ и конвенцій заключенныхъ Россіей съ иностранными державами. По порученію Министерства Иностраннхъ Дѣлъ, составилъ Ф. Мартенсъ. Т. VI. Трактаты съ Германіей 1762—1808 года. 489 стр. 8 д. л.

Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго. Составленный по поводу празднованія столѣтія со дня рожденія поэта Я. Б. Грота. 36 стр. 8 д. л.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Его личность и поэзія. Составилъ М. А. Орловъ. 81 стр. 8 д. л.

Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Томъ девятый со снимками портретовъ, нотами и указателемъ ко всѣмъ томамъ изданія. X+762 стр. 8 д. л.

Сочиненія А. Мицковича. Русскій переводъ В. Беледиктова, Н. Семенова и другихъ писателей подъ редакціей П. Н. Полеваго. Томъ II. 416 стр. 12 д. л.

Повѣсти и разказы Д. В. Григоровича. Четыре времени года. Повѣсть. Изданіе третье. 48 стр. 8 д. л. *Дотерейный балъ.* Повѣсть. Изданіе третье. 29 стр. 8 д. л.

Т. Г. Шевченко. *Збирникъ творивъ.* Томъ первый. Кобзарь. XIV+526 стр. 8 д. л.

Записки Степняка. Очерки и разказы А. Эртеля. Томъ первый. 227 стр. 8 д. л.

А. А. Цвѣтковъ. *Новѣйшіе русскіе писатели.* Опытъ критическаго періода русской словесности послѣ Гоголя. Для старшихъ классовъ гимназій и домашняго чтенія. Съ 27

портретами и краткимъ біографическимъ словаремъ 616 стр. 8 д. л.

Бесѣда о бытїи народномъ и изслѣдованіе дуа „Наказа“ Екатерины Великой. Григорія Бланка. 15 стр. 8 д. л.

Библіотека европейскихъ писателей и мыслителей, издаваемая В. В. Чуйко. *Дидро.* 149 стр. 8 д. л.

Альфонсъ Доде. *Элина Эбсенъ.* (L'Évangéliste.) Романъ. Переводъ А. Н. Плещеева. 231 стр. 8 д. л.

За другаго. Романъ Джемса Пена. Переводъ съ англійскаго. Съ иллюстраціями. 352 стр. 8 д. л.

Волненіе Маргариты. Оригинальный водевилъ въ одномъ дѣйствїи. Соч. П. К. Козьмина-Перваго. 15 стр. 8 д. л.

Между вѣжами по жизненному полю. И. А. Милютина. 54 стр. 8 д. л.

Для народнаго чтенія. *Сказка о томъ какъ правда съ землею пропала.* 16 стр. 16 д. л.

Изданіе С.-Петербургскаго Комитета Грамотности. *Прологій,* святочный разказъ. Сочиненіе Д. В. Грифоровича. Второе изданіе. 79 стр. 12 д. л.

Ядовитыя растенія. Общедоступное чтеніе для школъ и народа. Е. Бороздиной. Съ 27ю политипажамн. 52 стр. 8 д. л.

Миръ Божїй. Книжка I. Земля, воздухъ и вода. Для учащихся въ начальной школѣ. Составилъ А. Я. Гердь. 102 стр. 8 д. л.

Народныя чтенія. *Роковой кладъ.* Повѣсть А. Свѣтковой (Катенкамль). 69 стр. 12 д. л.

Сборникъ русскнхъ пословицъ съ картинками. О. Верховской. 143 стр. 8 д. л.

Народное чтеніе. Томъ второй. Составилъ священникъ Федоръ Поятовскій. 506 + VI стр. 8 д. л.

Рамайана, древняя индїйская поэма, обработанная для юношества М. Чистяковымъ. 71 стр. 8 д. л.

В. П. Авенариусъ. *Сказка о муравьѣ-богатырѣ.* Разказъ для дѣтей. 44 стр. 8 д. л.

Большакъ. Повѣсть для дѣтей. Соч. А. В. Круглова. 108 стр. 12 д. л.

П. Ершовъ. *Конекъ-горбунокъ.* Русская сказка. Изданіе одиннадцатое. 118 стр. 12 д. л.

Собраніе поздравительныхъ стихотвореній на русскомя, французскомя и нѣмецкомя языкахъ на Новый Годъ, Свѣтлое Христово Воскресеніе, Рождество Христово, день ангела и рожденія и на всѣ вообще случаи, съ которыми дѣти

привыкли поздравлять родителей, родственников, наставников и проч. Изданіе четвертое. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. 100 стр. 16 д. л.

Полное собраніе сказокъ Андерсена. Переводъ Петра Вейнберга. Со 120 картинами. Т. I. Изданіе пятое. 386 стр. 8 д. л.

Лондонъ. (Центры умственной жизни.) А. Вагина. Общественные и бытовые очерки. Съ иллюстраціями Г. Доре. 168 стр. 8 д. л.

Трясина. (Pot-Bouille.) Романъ Эмиля Золя. Переводъ съ французскаго. 339 стр. 8 д. л.

Земля и люди. Всеобщая географія. Элизе Реклю. V. Выпускъ второй. Европейская Россія. Съ 54 рисунками и картою. 512+VIII стр. 8 д. л.

Живописная Россія. Отечество наше въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи. Подъ общою редакціей П. П. Семенова. Томъ второй. Часть первая. Северо-западные окраины Россіи. Великое княжество Финляндское. Съ 73 рисунками въ текстѣ и 11 отдѣльными картинами, рѣзанными на деревѣ. 306+IV стр. 4 д. л.

Русскіе въ Финляндіи. I. Мѣновая торговля. II. Поморскіе промыслы въ Кибергѣ. Д. Н. Бухарова. 51 стр. 8 д. л.

Геологическое изслѣдованіе Крожскаго уѣзда, Орловской губерніи, произведенное подъ руководствомъ А. А. Иностранцева и Н. В. Кудрявцевыхъ и Н. А. Соколовыхъ. 107 стр. 8 д. л.

Дорожный указатель Граге. Спутникъ по главнымъ городамъ и лѣснымъ мѣстностямъ Россіи. XVI+192 стр. 12 д. л.

Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составленный и изданный учениками В. И. Ламанскаго по случаю 25лѣтія его ученой и профессорской дѣятельности. XX+489 стр. 8 д. л.

Исторія материализма и критика его значенія въ настоящее время. Фр. Альб. Ланге. Переводъ съ 3го нѣмецкаго изданія Страхова. Томъ второй. *Исторія материализма послѣ Канта.* VIII+487 стр. 8 д. л.

Статистическій вѣстникъ Россійской Имперіи. Изданіе Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Серія вторая. Выпускъ двадцатый. VII+359 стр. Выпускъ двадцать первый. VIII+357 стр. Выпускъ двадцать второй. XII+357 стр. 8 д. л.

Энциклопедія права. Лекціи читанныя въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1882 году Н. Каркуновымъ. 464 стр. 8 д. л.

Курсъ законовѣдѣнія. Составленъ Н. Бакшеевымъ. XII + 588 стр. 8 д. л.

Вѣды общаго пользованія по русскому законодательству. Историко-юридическое изслѣдованіе Э. Никольскаго. 154 стр. 8 д. л.

Сборникъ правительственныхъ распоряженій по дѣламъ до земскихъ учрежденій относящимся. За 1872 годъ. Т. VI. Изданіе Хозяйственнаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. XV + 334 стр. 8 д. л.

Латинскій синтаксисъ. Составилъ Н. Марковъ. 61 стр. 8 д. л.

Новый практическій способъ обученія французскому языку. Составилъ А. Бертранъ. 189 стр. 8 д. л.

Очерки и картины изъ географіи Азіи, Африки, Америки и Австраліи. Географическая хрестоматія. Составилъ Н. Мадлинъ. 468 стр. 8 д. л.

Собраніе ариѳметическихъ задачъ (по Грубе). Составилъ В. Воленсъ. Изданіе тринадцатое. 401 стр. 12 д. л.

Учебникъ ариѳметики. Отдѣлъ первый. Составилъ И. А. Григоровичъ. 59 стр. 8 д. л.

Для военныхъ школъ. *Задачникъ для механическаго упражненія съ первыми четвергью ариѳметическихъ дѣйствій.* Составилъ штабсъ-капитанъ Янушъ. 12 стр. 4 д. л.

Курсъ греческаго языка по Курціусу и Коху. Составилъ М. Григоровскій. Часть первая. Этимологія. Изданіе шестое. 192 стр. 8 д. л.

Русская грамматика. Младшій трехлѣтній курсъ. Составилъ А. Антоновъ. Изданіе пятнадцатое. 181 стр. 8 д. л.

Учебный курсъ теоріи словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. В. Савицкій. VII + 182 стр. 8 д. л.

Краткій учебникъ географіи. Курсъ IV. Географія Россійской Имперіи. Составилъ Я. Янчинъ. 246 стр. 8 д. л.

Vade mecum. Упраженія во французскомъ языкѣ, составилъ Ф. Бюиссонъ. переведенъ на русскій языкъ гжеи Тигерсонъ. 275 стр. 12 д. л.

Э. Люкасъ. *Математическія развлеченія.* Съ 55 фигурами. Перевелъ съ французскаго В. И. Обреимовъ. 202 стр. 8 д. л.

Курсъ дифференціального и интегральнаго исчисленій. И. А. Серре. Переводъ съ французскаго Р. В. Крюковскаго. Т. I. XIII + 544 стр. 8 д. л.

Новѣйшій и полнѣйшій самоучитель живаго французскаго слова, или руководство въ самое непродолжительное время

научиться безъ посторонней помощи хорошо читать, писать и говорить по-французски. Составилъ Е. Фурманъ. Шестое изданіе. 192 стр. 12 д. л.

Hints to mothers. Советы матерямъ и воспитателямъ. Съ англійскаго. Изданіе Н. Д. Р. 110 стр. 12 д. л.

Популярныя лекціи Джона Тиндала. *Тепло и холодъ. Матерія и сила. Сила.* Съ дополненіями по французскому изданію Муаньио. Переводъ подъ редакціей Э. С. Петрушевскаго. Съ 28 рисунками. Второе изданіе. 130 стр. 8 д. л.

Аналитическая химія. Н. Мешуткина. Пятое изданіе. XIV + 526 стр. 12 д. л.

А. Додезь-Портъ. *Очерки по анатоміи, физиологіи и исторіи развитія растений.* Переводъ съ нѣмецкаго. V+90 стр. 8 д. л.

В. В. Черняевъ. *Сельско-хозяйственныя машины на Всероссийской Промышленно-Художественной Выставкѣ и конкурсъ земледѣльческихъ машинъ и орудій въ Москвѣ 1882 года.* Со 140 рисунками въ текстѣ. 220 стр. 8 д. л.

Всероссійская Промышленно-Художественная Выставка 1882 года въ Москвѣ. *Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи.* Томъ I. Сельско-хозяйственныя произведенія, огородничество, садоводство и домашнія животныя. Горная и соляная промышленность. 8 д. л.

Электрическое освѣщеніе. Курсъ миннаго и офицерскаго класса. Составилъ Е. Тверитиковъ. Выпускъ I. X+247 стр. 8 д. л.

Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи. Изданъ подъ редакціей Д. А. Тимирязева. Т. II, выл. I. Издѣлія изъ волокнистыхъ веществъ. V+212 стр. 8 д. л.

Часть 2. *Питѣйное дѣло и акцизная система.* Барона Эд. Фед. Нольде. 167 стр. 8 д. л.

Сорго-сахарное производство. Выпускъ II. Машины и снаряды; выдѣлка патоки и твердаго сахара. М. Дукинъ-Барковского. 50 стр. 12 д. л.

Беспѣды по рыбоводству. О. Гримма. 54 стр. 8 д. л.

Машинное дѣло на желѣзныхъ дорогахъ. Сочиненіе инженера Ричарда Коха. Перевелъ съ нѣмецкаго А. Цитовичъ. Выпускъ II. Эксплуатація. V+189+443 стр. 8 д. л.

Курсъ разработки каменноугольныхъ месторожденій, составленный III. Деманъ. Перевелъ съ французскаго горный инженеръ I. Кондратовичъ. Часть первая. 265 стр. 8 д. л.

Крашмальное производство. Экономическое значеніе и мѣры къ поднятію его. К. К. Вебера. 44 стр. 8 д. л.

Мукомольное дѣло. Руководство къ устройству мукомольныхъ и крушавыхъ мельницъ при конныхъ, вѣтряныхъ, водяныхъ и паровыхъ двигателяхъ и производство мучныхъ продуктовъ. Составилъ инженеръ-технологъ К. Веберъ. Атласъ. 4 д. л.

Положеніе Центрального русскаго банка поземельнаго кредита и мѣры къ его улучшенію. Составилъ И. А. Гольберъ. Переводъ съ нѣмецкаго. 32 стр. 12 д. л.

Подарокъ молодымъ хозяйкамъ. Составила Елена Молоховецъ. Десятое изданіе. 8 д. л.

Труды съезда гг. членовъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества въ Москвѣ въ 1882 году, издаваемые подъ редакціей Л. П. Сѣмечкина. Томъ первый. XVII+306 стр. 8 д. л.

Труды С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей, издаваемые подъ редакціей секретаря Общества И. Бородинъ. Т. XIII. Выпускъ второй. 351+7 стр. 8 д. л.

Домашній лѣчебникъ. Наставленіе къ употребленію гомеопатическихъ средствъ въ отсутствіи врача. Составилъ П. В. Соловьевъ. Съ портретомъ доктора Гавемана. XXXXI+430 стр. 8 д. л.

Основы практической медицины Dr. К. Ф. Кунце. Переводъ съ нѣмецкаго В. П. Сукорскаго. XV+434 стр. 12 д. л.

Карманная книжка рецептовъ для практическихъ врачей. Изданіе третье. 303 стр. 16 д. л.

Учебникъ патологической анатоміи. Проф. Н. П. Ивановскаго. Выпускъ III. 321+480 стр., 8 д. л.

Dr. Рудокъ. *Спутникъ гомеопата (Vade mecum).* Руководство къ лѣченію болѣзней по способу гомеопатіи. Переведенъ съ девятаго англійскаго изданія А. I. Мальмъ и В. А. Гердъ, подъ редакціей П. В. Соловьева. XXII+636 стр. 8 д. л.

Ө. П. Ландцеръ. *О костно-мышечномъ снарядѣ въ прилженіи къ физическому воспитанію.* Шесть популярныхъ лекцій. Съ 57 рисунками. 103 стр. 8 д. л.

Изъ наблюденій надъ чаготочными. Попытка къ обеззараживающему лѣченію посредствомъ респиратора съ карболовою кислотой. Диссертация на степень доктора медицины Нила Воблаго. 83+XXVIII стр. 8 д. л.

Къ патологической анатоміи крупознаго воспаленія легкихъ. Гистологическое изслѣдованіе. Диссертация на степень доктора медицины М. Вознесенскаго. 51 стр. 8 д. л.

Материалы къ изслѣдованію роста, вѣса, окружности груди и жизненной емкости легкихъ дѣтскаго и юношескаго возрастовъ, основанныя на наблюденіяхъ сдѣланныхъ въ С.-Петербурѣ. Диссертация на степенъ доктора медицины А. Дика. 168 стр. 8 д. л.

Къ вопросу объ измѣненіи артерій при хроническихъ нефритахъ. Диссертация на степенъ доктора медицины Николая Кускова. 52 стр. 8 д. л.

О вліяніи лихорадочнаго состоянія и жаропонижающаго способа леченія на азотистый облігъ веществъ и на усвояемость азотистыхъ частей молока. Диссертация на степенъ доктора медицины Н. Засѣдкаго. 60 стр. 8 д. л.

Объ измѣненіяхъ въ печени и селезенкѣ при возвратномъ тифѣ. Гистологическое изслѣдованіе. Диссертация на степенъ доктора медицины С. Кривошеина. 31 стр. 8 д. л.

Материалы къ ученію объ отношеніи калибра нервовъ къ кожѣ и мышцамъ человека. Диссертация на степенъ доктора медицины И. Войшвилло. 58 стр. 8 д. л.

Новый эдѣометрическій способъ опредѣленія кислорода въ воздухѣ. Диссертация на степенъ доктора медицины лѣкаря Петра Прохорова. 39 стр. 8 д. л.

Свѣдобные грибы, опредѣленіе въ нихъ количества питательныхъ веществъ. Диссертация на степенъ доктора медицины К. В. Маргевича. 54 стр. 8 д. л.

Измѣненія лимфатическихъ сосудовъ серозной оболочки кишки и брыжейки при туберкулезѣ. Диссертация врача Н. Дьяченко. 31 стр. 12. д. л.

Къ патологіи бактерійнаго восходящаго нефрита. Диссертация врача В. Зембликова. 94 стр. 8 д. л.

Измѣненія спиннаго мозга при чумѣ собакъ. Диссертация на степенъ магистра ветеринарныхъ наукъ К. Мацулевича. 32 стр. 8 д. л.

О хондринѣ. Диссертация на степенъ магистра ветеринарныхъ наукъ М. І. Шварца. 22 стр. 8 д. л.

О патолого-анатомическихъ измѣненіяхъ центральной нервной системы при бешенствѣ. Гистологическое изслѣдованіе. Диссертация на степенъ магистра ветеринарныхъ наукъ С. А. Полова. 64 стр. 8 д. л.

О поджелудочной слезѣ въ различныхъ фазахъ ея дѣятельности. Диссертация на степенъ магистра ветеринарныхъ наукъ В. Соколова. 43 стр. 8 д. л.

Сборникъ свѣдѣній для первоначальнаго знакомства съ военною службой. Составилъ М. А. Цвѣтковъ. 144 стр. 12 д. л.

Бесѣды съ молодыми солдатами о военной службѣ. Собралъ капитанъ П. Троцкій-Семеновичъ. XV+224 стр. 8 д. л.

Отчетъ Главнаго комитета по устройству и образованію войскъ съ октября 1880 года по 1 января 1883 года. XVIII+246 стр. 8 д. л.

Адресъ-Календарь. Общая роспись начальствующихъ и прочихъ должностныхъ лицъ по всемъ управленіямъ въ Россійской Имперіи на 1883 годъ. Части I и II. 14+748+109+424+56 стр. 8 д. л.

Списокъ лицъ окончившихъ курсъ наукъ въ Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія Императора Александра I съ 1811 по 1882 годъ. 190+38 стр. 8 д. л.

Списокъ лицъ состоящихъ въ вѣдомствѣ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. По 1 апрѣля 1883 года. 258+XIX стр. 8 д. л.

Въ Москвѣ:

Высочайше утвержденный церемоніаль торжественнаго въѣзда въ первопрестольный градъ Москву и Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Александра Александровича Самодержца Всероссийскаго и Государыни Императрицы Маріи Феодоровны. 32 стр. 8 д. л.

Высочайше утвержденныя церемоніалы: 1) Торжественнаго въѣзда въ первопрестольный градъ Москву Ихъ Императорскихъ Величествъ. 2) Объявленія о днѣ Священнаго Коронованія. 3) Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. 31 стр., 8 д. л.

Три церемоніала: торжественнаго въѣзда въ первопрестольный градъ Москву; торжественнаго объявленія о днѣ Священнаго Коронованія и Митрополазанія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Александра Александровича Самодержца Всероссийскаго и Государыни Императрицы Маріи Феодоровны. 32 стр. 8 д. л.

Разказы о Царской Коронаціи съ приложеніемъ подробнаго плана Москвы и восьми замѣчательныхъ московскихъ видовъ. 36 стр. 12 д. л.

Коронаціи Русскихъ царей. Съ приложеніемъ рѣчей митрополита Филарета, сказанныхъ въ день коронаванія Импера-

тора Александра II и статьи о коронаціи у другихъ народовъ. Сост. Егоровъ (А. Г. Ш.). Съ рисунками. 72 стр. 8 д. л.

Церемоніалъ освященія Московскаго кафедральнаго Христа Спасителя собора. 16 стр. 8 д. л.

M. P. Fabricius. *Le Kremlin de Moscou, esquisses et tableaux. Autrefois et aujourd'hui.* Ouvrage orné de 76 dessins sur zinc d'après nature et de 14 photogravures. VIII+335 p. in 8°.

Русскія достопамятности. Томъ четвертый. Изданіе А. Мартынова. 192 стр. 8 д. л.

Преображенское или Преображенскъ. Московская столица достопамятныхъ преобразованій перваго императора Петра Великаго. Сочиненіе Ив. Забѣлина. 54 стр. 8 д. л.

Дворцовое царское село Измайлово, родовая вотчина Романовыхъ, мнѣ Николаевская Измайловская военная богадельня. 58 стр., 8 д. л.

Исторія Псковскаго пѣхотнаго генералъ-фельдмаршала князя Кутузова Смоленскаго полка. 1700—1881. Составилъ капитанъ Геніевъ. II+384+46 стр. 8 д. л.

Исторія Греціи. Эрвста Курціуса. Второй томъ. (До конца Пелопоннесской войны. Перевелъ А. Веселовскій. 650+LXVIII стр. 8 д. л.

Записки о Восточной Румелии (Южной Болгаріи). В. В. Яшарова. V+159 стр. 8 д. л.

Военныя письма Н. В. Волоцкаго. 32 стр. 16 д. л.

Народная бібліотека. *Индійскія повѣсти.* I. Наль и Дамаянти. 64 стр. 12 д. л.

Робинзонъ. (Для народныхъ училищъ.) Изъ Ясной Поляны графа Л. Н. Толстаго. Съ картинками. 84 стр. 12 д. л.

Четвертая русская книга для чтенія. Графа Л. Н. Толстаго. Изданіе восьмое. 76 стр. 8 д. л.

Народная бібліотека. *Сказки Андерсена.* 32 стр. 12 д. л.

И. Деркачевъ. *Колосъ.* Сборникъ народныхъ разказовъ съ рисунками. 32 стр. 16 д. л.

Сцены изъ народнаго быта. Сочиненіе Горбунова для разказовъ на театральной сценѣ и семейныхъ вечерахъ. Шестое исправленное изданіе. 289 стр. 8 д. л.

Разбойникъ Чуркинъ. Народное сказаніе. Стараго знакомаго (Н. И. Пастухова). Часть 2я. 8 д. л.

Каинъ. Мистерія Байрона. Переводъ П. А. Каменова. 130 стр. 12 д. л.

Герой. Переводъ съ англійскаго. Повѣсть для мальчиковъ. 120 стр. 12 д. л.

Изъ-за блазъ землиаъ. Драма въ 5 дѣйствіахъ. Сочиненіе С. К. Эфрона и А. Л. 106 стр. 16 д. л.

Знаменитыя фаворитки. Эмиля Габорио. Переводъ съ французскаго О. Н. Хмѣлевой. 301 стр. 8 д. л.

Ящикъ Пандоры. Романъ Е. Николаевой. 177 стр. 8 д. л.

Золотая свинья. Романъ Фортиюе де-Буагобъ. Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ французскаго. 567 стр. 8 д. л.

Album de Madame Olga Kozlow. 180 + V стр. 12 д. л.

Матеріалы для колжисіи по выработкѣ основаній для преобразованія Петровской Академіи. 227 стр. 8 д. л.

Очеркъ десятилѣтія Покровской лѣчебницы для приходящихъ больныхъ П. Г. Шеланпутина. Составилъ Н. П. Бочаровъ. 79 + 86 стр. 4 д. л.

Русская исторія для начальныхъ школъ. Составилъ Н. Горбовъ. 140 стр. 12 д. л.

Dr. А. Науманъ. Основныя ученія земли. Перевели съ нѣмецкаго С. Розенгардъ и I. Мандельштамъ. 295 стр. 8 д. л.

О свойствахъ зюира. В. Татарниова. Часть первая. 51 стр. 8 д. л.

Рациональныя функціи находящіяся въ связи съ теоріей приближеннаго извлеченія квадратныхъ корней. Н. В. Бугаева. 47 стр. 8 д. л.

Теорія теплоты I. Clerk Maxwell'я. Пер. М. Рудольфа. Выпускъ первый. 75 стр. 8 д. л.

Морскія купанья вообще и купанья на южномъ берегу Крыма въ особенности. Dr. И. Θ. Лебедева. 37 стр. 8 д. л.

Вліяніе прерывки сосудодвигательныхъ нервовъ на отдѣленіе лимфы и образованіе отека при воспаленіи и гидреміи. Б. В. Яковскаго. 73 стр. 8 д. л.

Записки Московскаго Общества Улучшенія Скотоводства въ Россіи. Выпускъ I. Изданы на средства предсѣдателя Общества князя А. В. Мещерскаго. 70 стр. 8 д. л.

Руководство для живописи на фарфоръ, фаянсъ, майоликъ и стекль для молодыхъ художниковъ и любителей. Составила Э. В. Радтке. 52 стр. 12 д. л.

Справочная книга для руководства чиновъ полиціи по исполнительній ихъ дѣятельности. Составилъ Ив. Чулковъ. 8 д. л.

Въ Одессѣ:

Одесса. Въ память дня Священнаго Коронованія и Метрополитанія Изъ Императорскихъ Величествъ Государя Импе-

ратора Александра Александровича и Государыни Императрицы Маріи Александровны. Май 1883 года. 16' стр. 12 д. л.

На память о днѣ Священнаго Коронованія и Метрополазанія Государя Императора Александра Александровича и Государыни Императрицы Маріи Феодоровны. Подробное историческое описаніе обрядовъ вѣнчанія на царство государей Всероссийскихъ. 33 стр. 12 д. л.

На память о днѣ Священнаго Коронованія и Метрополазанія Государя Императора Александра Александровича и Государыни Императрицы Маріи Феодоровны. Изданіе Одесскаго земства. Составилъ народный учитель А. П. Карюковъ. 12 стр. 8 д. л.

Юридическіе вопросы и задачи изъ нотаріальной практики и гражданскаго права съ ответами по рѣшеніямъ Кассационнаго Сената. Якова Гурлянда. 163 стр. 8 д. л.

Начальныя основанія начертательной геометріи. А. Маврейма. Перевелъ съ французскаго В. Лугинъ. 48 стр. 12 д. л.

Устройство метеорологической службы на югъ Россіи. А. Кюссовскаго. 14 стр. 8 д. л.

—
Въ Кіевѣ:

Философія XVII и XVIII вѣковъ въ сравненіи съ философій XIX вѣка и отношеніе той и другой къ образованію. (Изъ лекцій по исторіи философіи.) С. С. Гогоцкаго. Выпускъ второй. 158 стр. 8 д. л.

Народныя школы въ Кіевской губерніи. 44 стр. 16 д. л.

Путы литературнаго сепаратизма. 39 стр. 16 д. л.

Подробное наставленіе для ротныхъ капитанармусовъ. Составилъ капитанъ А. В. Дробязгинъ. 226 стр. 8 д. л.

По поводу взгляда М. Е. Салтыкова на Еврейскій вопросъ. П. Роковъ. 35 стр. 12 д. л.

Народныя листы Св. Владимірскаго Братства. №№ 1, 2, 3 и 4.

Закавказскій транзитъ и наша съ нимъ конкуренція по торговлѣ съ Персіей въ 1862—81 годахъ. Составлено Е. А. Тихоцкимъ. 37 стр. 4 д. л.

Ежегодникъ по сахарной промышленности Россійской Имперіи за 1881—82 годы. Составленный инженеръ-технологомъ М. А. Толпыгинымъ. 351 стр. 8 д. л.

—
Въ Харьковѣ:

Ротныя товарищаль. Фуражиревка за Вислой въ Польскую кампанію 1831 года. А. М. Дренякина. 29 стр. 12 д. л.

Въ Казани:

Книга персидско-русскихъ разговоровъ, составленная Мирза-Джафаромъ. 192 стр. 8 д. л.

Въ Ростовѣ:

Ростовская старина. Изданіе А. А. Титова. Выпускъ I. 140 стр. 12 д. л.

Въ Вольскѣ:

Свѣтовые явленія въ атмосферѣ. Составилъ С. И. Свастниковъ. 74 стр. 8 д. л.

Въ Саратовѣ:

158й пѣхотный Кутаисскій полкъ въ Русско-Турецкую войну 1877—1878 годовъ. Составилъ поручикъ Семашкевичъ. 109 стр. 8 д. л.

Во Псковѣ:

Памятная книжка Псковской губерніи на 1883 годъ. 8 д. л.

Въ Симферополѣ:

По поводу столѣтняго юбилея присоединенія Крыма. 23 стр. 8 д. л.

Въ Курскѣ:

Сборникъ описаній вещей и матеріаловъ употребляемыхъ войсками армейской пѣхоты, резервными и мѣстными. Книга X. Санитарныя принадлежности. Составилъ штабсъ-капитанъ Крамаревъ. 17 стр. 8 д. л.

Въ Гроднѣ:

Краткая исторія Ветхаго и Новаго Завета, съ приложеніемъ важнѣйшихъ молитвъ и краткаго катехизиса. Для учащихся въ школахъ римско-католическаго юности. Составлена ксендзомъ Іоанномъ Малышевичемъ. 91 стр. 12 д. л.

Въ Вильнѣ:

Знаки препинанія. Практическое руководство къ полному и всестороннему изученію правильнаго употребленія знаковъ препинанія. Составилъ учитель И. К. Гаяъ. 69 стр. 12 д. л.

II.

Новыя изданія Русскаго Историческаго Общества.

Мы имѣемъ предъ собой три новые тома *Сборника Русскаго Историческаго Общества* и—какъ уже приучили насъ всѣ прежнія изданія этого Общества, пользующагося заслуженнымъ и единодушнымъ уваженіемъ изслѣдователей, — въ каждомъ изъ вышедшихъ нынѣ томовъ заключается цѣнный матеріалъ для науки.

Прежде всего вниманіе наше останавливается тотъ изъ нихъ (XXXVIII), въ которомъ помѣщены памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Англіей за періодъ времени съ 1581 по 1604 годъ. Печатаніе его было начато покойнымъ Ю. В. Толстымъ и продолжалось подъ наблюденіемъ профессора Петербургскаго университета К. Н. Бестужева-Рюмина. Нельзя сказать чтобы вошедшіе сюда документы оставались неизвѣстными, — обширныя выписки изъ нихъ встрѣчаются у многихъ ученыхъ, — но до сихъ поръ они еще не были обнародованы вполнѣ за исключеніемъ посольства Писемскаго и статейнаго списка посольства Флетчера. Въ 1865 году Ю. В. Толстой издалъ весьма любопытную книгу подъ заглавіемъ: *Первые сорокъ лѣтъ сношеній между Россіей и Англіей*, содержащую цѣлый рядъ англійскихъ документовъ, коимъ онъ предпослалъ весьма обстоятельное изслѣдованіе. Сопоставляя его трудъ съ драгоценными свѣдѣніями которыя находятся въ появившемся нынѣ томѣ *Русскаго Историческаго Общества*, мы получаемъ возможность составить себѣ полное понятіе объ одномъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ въ нашей исторіи.

„Мы до сихъ поръ еще не отвыкли отъ мысли, говорить г. Бестужевъ-Рюминъ, считать нашихъ предковъ варварами и до сихъ поръ еще твердимъ о китайской стѣнѣ отдѣлявшей насъ вѣкогда отъ Европы... Нѣтъ, наши предки были если не образованы, то гораздо умнѣ чѣмъ мы ихъ себѣ представляемъ.“ Дѣйствительно, именно такое впечатлѣніе производятъ дипломаты и государственные люди временъ Ивана Грознаго, Федора Ивановича и Бориса Годунова, на

долю коихъ выпало вести переговоры съ одною изъ наиболее цивилизованныхъ странъ тогдашней Европы. Съ тѣхъ поръ какъ въ 1553 году Ченслеръ присталъ случайно къ усть-Двинѣ и завязалъ первыя сношенія съ Московскимъ правительствомъ, Англичане поставили себѣ цѣль которую преслѣдовали съ обычною своею энергіею и ловкостью, а именно хотѣли эксплуатировать невѣдомую имъ страну исключительно въ своихъ интересахъ, не допускать до морской торговли съ нею никакое другое государство. Задача ихъ была однако не легкая уже потому что имъ приходилось имѣть дѣло съ Иваномъ Грознымъ: обширный государственныи умъ указывалъ ему на пользу тѣсныхъ сношеній съ Англичанами которые почти постоянно и встрѣчали покровительство съ его стороны, но въ то же время необузданность его страстей, страшныя его требованія дѣлали часто положеніе ихъ крайне щекотливымъ. То былъ одинъ изъ наиболее мрачныхъ періодовъ въ царствованіи Ивана: онъ изощрялся въ казняхъ, безплощадно лилъ кровь и вмѣстѣ съ тѣмъ страшился за личную свою безопасность, ломышлялъ о томъ чтобы въ случаѣ нужды приискать себѣ убѣжище въ Европѣ и вдругъ явилась у него мысль что такимъ убѣжищемъ могла бы быть для него Англія. „Предположеніе это, говоритъ Ю. В. Толстой, объясняетъ многое: становится понятнымъ почему Иванъ въ грамотѣ посланной къ Елисаветѣ съ Дженкинсономъ (первымъ уполномоченнымъ прибывшимъ изъ Лондона въ Московское государство) требуетъ архитектора который умѣлъ бы строить крѣпости, башни и дворцы,—онъ соорудить для царя безопасное жилище; доктора и аптекаря—они будутъ блюсти его здоровье; мастеровъ для отысканія золота и серебра—они увеличатъ его казну. Невольно представляется воображенію какъ Иванъ подъ покровомъ ночи, самъ, скрытыми переходами, вводитъ Дженкинсова въ свой теремъ и тамъ въ присутствіи одного своего совѣтника даетъ ему тайный наказъ и предложеніе Елисаветѣ союза дружбы, но союза такого чтобы врагъ одного изъ нихъ былъ врагомъ другаго, чтобы невзгода каждая была невзгодой обоихъ, чтобы если одинъ покинетъ свое государство, то государство другаго было бы для него открыто какъ свое собственное владѣніе.“ Елисавета была готова на всякую угодливость Московскому царю, лишь бы подданные ея пользовались привилегированнымъ положеніемъ въ его государствѣ,

но притязанія его были такъ необычайны что она не могла согласиться на нихъ; не хотѣла она включить въ тайный договоръ условіе о томъ что и сама въ случаѣ нужды будетъ искать убѣжища въ Россіи, отказывалась утвердить договоръ такого рода крестнымъ дѣлованіемъ, подписью всѣхъ членовъ своего совѣта и привѣщеніемъ государственной печати: мнѣ не угрожаетъ никакой опасности, говорила она, и еслибы безо всякой причины стала я обнаруживать опасенія, то этимъ самымъ навела бы своихъ подданныхъ на злые умыслы. Отказъ Елисаветы страшно раздражилъ Ивана Грознаго. Мы думали, писалъ онъ ей, что ты въ своемъ государствѣ государыня, что ты имѣешь государскую власть и заботишься о своей государской чести; поэтому мы и хотѣли дѣлать съ тобой дѣла по-государски, но теперь видимъ что твоимъ государствомъ правятъ помимо тебя люди, да не то что люди, но „мужики торговые“, а ты „пробываешь въ своемъ дѣвическомъ чинѣ какъ-есть пошлая дѣвица...“. Гнѣвъ царя тотчасъ же отразился на англійскихъ купцахъ, у которыхъ заѣвачены были всѣ ихъ товары и не приказано было принимать ихъ жалобъ на неплатель имъ долговъ. Черезъ нѣсколько времени Иванъ Грозный однако смиловался, возобновилъ привилегіи Англичанъ хотя и не въ прежней силѣ, ибо вмѣсто совершенно беспошлинной торговли дозволено было имъ торговать не иначе какъ съ уплатой таможенныхъ пошлинъ, а въ 1582 году отправилъ къ Елисаветѣ посольство—дворянина Федора Писемскаго и при немъ подъячаго Елифана Неудачу Ховраева.

Документами относящимися къ этому посольству и начинается издаваемый нынѣ томъ *Сборника*. Хотя многое изъ нихъ уже извѣстно, но тѣмъ не менѣе они представляютъ значительный интересъ. Московскій царь не покидалъ мысли о заключеніи тѣснаго союза съ Елисаветой, но въ то же время задумалъ жениться на племянницѣ королевы Маріи Гастингсъ, несмотря на то что находился въ бракѣ съ Маріей Нагой. Мрачныя извѣстія приходили въ Англію и о немъ самомъ, и о томъ что творилось въ его государствѣ. Елисавета была повидимому очень заинтересована этими слухами, какъ видно изъ вопросовъ съ которыми обратилась она къ послу на первой же аудіенціи. „Какъ ваша Русская земля и Московское государство—по старому ли? спрашивала она. Нѣтъ ли въ людяхъ вашего государства

какой-нибудь шаткости?“. Писемскій и Неудача старались, разумѣется, представить положеніе дѣлъ въ благопріятномъ свѣтѣ. „Земля наша и государство Московское, слава Богу, по старому, и люди нашего государства у государя въ твердой рукѣ; а если въкоторые изъ нихъ и обнаруживали шаткость, то сознавъ свои вины били государю челомъ, просили у него милости и онъ имъ свою милость показалъ, а нынѣ они служатъ прямо и государь ихъ жалуетъ...“ Англійское правительство попрежнему домогалось чтобы право торговли на побережьи Бѣлаго моря принадлежало исключительно Англичанамъ, но встрѣчало твердый отпоръ со стороны уполномоченныхъ царя Ивана. „Возможно ли допустить, возражали они, чтобы доступъ ко всѣмъ холмогорскимъ пристанямъ былъ открытъ однимъ Англичанамъ? Пусть сами совѣтники королевы разсудятъ: согласились ли бы они чтобы Англія торговала исключительно съ русскими купцами и заперла бы свои гавани для всѣхъ другихъ чужеземныхъ товаровъ.“ Дѣло о бракосочетаніи съ Маріей Гастингсъ представляло тоже непреодолимая трудности. Въ инструкціи Писемскому было сказано чтобы онъ непременно постарался увидѣть эту дальнюю родственницу королевы: „И когда королева эту дѣвку Федору (Писемскому) показать велитъ, то пусть Федоръ высмотритъ ее накрѣпко,—какова ростомъ, облачьемъ, бѣла или смугла, и нарисавъ персону ее на доскѣ и на бумагѣ дали бы Федору; да и о томъ долженъ онъ разспросить совѣтниковъ—какого она удѣльнаго князя дочь, въ какомъ родствѣ съ Елисаветой, сколькоихъ она лѣтъ“ и т. л. Понятно что мысль отправиться къ такому жениху какъ Иванъ Грозный не представляла ничего привлекательнаго ни для Маріи Гастингсъ, ни для ея высокой покровительницы. „Любя брата своего, вашего государя, говорила королева Писемскому, я рада быть съ нимъ въ свойствѣ; но слышала я что государь вашъ любитъ красивыхъ дѣвицъ, а моя племянница не красива“. На томъ же основаніи не хотѣла она послать въ Москву и портретъ Маріи, тѣмъ болѣе что Марія незадолго предъ тѣмъ была больна ослон и только что оправилась отъ своего недуга. „Въ телерешнемъ ея положеніи, заявила она, нельзя лисать ея портретъ; хотъ давай мнѣ всего свѣта богатство, я не соглашусь на это“. Писемскій настаивалъ чтобы по крайней мѣрѣ доставленъ былъ ему случай видѣть Марію Гастингсъ, и свиданіе это скоро

оостоялось. Происходило оно у канцлера Томаса Бромлея. По разказу Писемскаго, въ назначенный день (17 мая) привезли его въ садъ канцлера, „а въ саду чердакъ (бесѣдка?) наряжень, и въ чердакъ поставлены два кресла обитыя бархатомъ золотымъ: на одномъ изъ этихъ сѣлъ московскій посолъ, на другомъ Бромлей; вскорѣ пришла супруга сего посѣдьяго въ сопровожденіи Маріи Гастингсъ и нѣсколькихъ дамъ и дѣвиць. „Высмотри хорошенько, говорилъ Томасъ Писемскому, королева приказала показать тебѣ свою племянницу не въ темномъ мѣстѣ, не въ комнатѣ, а на свѣту“. Послѣ того пошли гулять по саду, причемъ неоднократно встрѣчались съ Маріей, и Бромлей спрашивалъ: „хорошо ли высмотрѣлъ?“ Въ своемъ донесеніи царю Писемскій изобразилъ племянницу Елисаветы такими неопредѣленными чертами какія въ настоящее время у насъ помѣщаются въ паспортахъ: „ростомъ она высока, тонка, лицомъ бѣла, глаза сѣрые, волосы русые, носъ прямой, пальцы на рукахъ тонкіе“,—недостаетъ только обычнаго добавленія что „особыхъ примѣтъ не имѣется“. „Я полагаю, говорила королева послу на прощальной аудіенціи, что государь твой мою племянницу не полюбитъ, да и не только ему, но и тебѣ она вѣроятно не понравилась?“—„На мой взглядъ, отвѣчалъ Писемскій, племянница твоя красива; все зависитъ отъ воли Божіей; если твоей племянницѣ суждено быть за нашимъ государемъ, то онъ полюбитъ ее.“

Посольство Писемскаго вообще не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, и отпустивъ его отъ себя Елисавета отправила въ Москву для дальнѣйшихъ переговоровъ сэръ-Іеремію Бауса. Ему было поручено между прочимъ отклонить во что бы то ни стало сватовство за Марію Гастингсъ; чтобы достигнуть этой цѣли, онъ не пощадилъ юную княжну и наговорилъ о ней все что только могъ придумать худшаго,—что она вовсе не въ близкомъ родствѣ съ Елисаветой, что „рожа у нея не самая красная“, что есть у королевы другія племянницы, „до десяти дѣвокъ“, которыя „рожей красивѣе ея“. Вообще же Баусъ велъ дѣло очень не искусно,—раздражалъ и московскихъ сановниковъ, и самого царя неумѣстными притязаніями,—въ самый день представленія своего Ивану Грозному лошадь въ Кремль лѣшкомъ отъ того что приведенная ему подъ верхъ лошадь была, на его взглядъ, не столь хороша какъ та, на которой сидѣлъ

сопровождаяшій его бояринъ; хотѣлъ вручить королевскую грамоту самому царю, а не посольскому дьяку, какъ требовалъ церемоніалъ, и въ присутствіи царя сталъ прелираться съ дьякомъ, за царскимъ обѣдомъ не хотѣлъ сѣсть на указанное ему мѣсто и т. п. Нерѣдко раздражалъ онъ даже самого Ивана Грознаго, который говорилъ ему: „видно что ты не ученый человекъ и посольскаго дѣла не знаешь“, но вообще въ сношеніяхъ съ нимъ сдерживалъ порывы гнѣва и даже оказывалъ ему явную благосклонность. Тѣмъ счастіе ненавидѣли Баусъ сановники съ которыми приходилось ему вести дѣло, положеніе его стало критическимъ когда Иванъ внезапно умеръ и на престолъ вступилъ Феодоръ Ивановичъ. Баусъ былъ посаженъ въ темницу, гдѣ оставался болѣе двухъ мѣсяцевъ, послѣ чего выпроводили его изъ Россіи. Отношенія къ Англіи оставались натавутыми, хотя громаднымъ вліяніемъ при царѣ Феодорѣ пользовался Борисъ Годуновъ, который при всякомъ случаѣ оказывалъ покровительство англійскимъ купцамъ. Съ воцареніемъ его были окончательно устранены недоразумѣнія возникшія между двумя государствами.

Чрезвычайно любопытныя документы относящіяся къ посольству дворянина Григорія Ивановича Микулина, который отправился въ Англію вскорѣ по избраніи царемъ Бориса. Микулину были даны подробныя инструкціи, обозначающія до мелочей какъ онъ долженъ былъ дѣйствовать и что слѣдовало ему говорить. До Бориса дошли слухи что Англійское правительство поддерживало Турокъ въ борьбѣ ихъ съ императоромъ, — слухи которые были опровергаемы Елисаветой, и по этому поводу царь писалъ ей: „Наше царское величество тебѣ, сестрѣ своей любительной, объявляемъ: въ нашемъ государствѣ отъ многихъ людей, и отъ пословъ, и отъ посланниковъ разныхъ государствъ, и отъ купцовъ пріѣзжавшихъ къ намъ, былъ слухъ что ты Турку противъ христіанъ помогала; и мы тому подивились, ибо такъ христіанскимъ государямъ поступать негодится; а нынѣ, получивъ твою грамоту, мы вѣримъ тебѣ; а тебѣ бы, сестрѣ нашей любительной, впередъ съ басурманскими государями не соединяться, и не своситься, и не дружиться, и ничѣмъ имъ не помогать, — ни людми, ни казной, а радѣть и заботиться о томъ чтобы всѣмъ христіанскимъ государямъ быть между собою въ любви и союзѣ, и стоять противъ басурманъ заодно, чтобы

христіанская рука высилась, а бусурманская низилась“. Микулинъ былъ проникнутъ высокимъ помятиемъ о чести своего правительства и зорко слѣдилъ за тѣмъ чтобы не ума-лить ее; со своей стороны, Англичане оказывали ему самое изысканное вниманіе. Когда по Темзѣ прибылъ онъ въ Лунду (Лондонъ) и готовился выйти на берегъ, то состоявшія при немъ, по назначенію Елисаветы, лица говорили ему: „Въ этомъ мѣстѣ пристаётъ и выходитъ изъ судовъ сама королева, а помимо ея никто другой, ни князья, ни бояре, ни послы и посланники; королева, любя своего брата, вашего государя, велѣла вамъ въ томъ учинить почестъ предо всеми иноземцами.“ Въ Лондонѣ Микулинъ встрѣтился со старымъ своимъ знакомымъ Еремѣемъ Баусомъ, который значительно измѣнилъ свой тонъ, хотя и продолжалъ жаловаться на обиды будто бы причиненныя ему въ Москвѣ Шуйскими, Иваномъ Мстиславскимъ, Никитою Романовымъ и дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ. Онъ сопровождалъ Микулина и на аудіенціи къ королевѣ. Первая изъ нихъ происходила въ Ричмондѣ. Когда наступило время ѣхать туда, Еремѣй говорилъ послу: „если прикажешь мнѣ съестъ съ собой, то я готовъ, а если разсудишь иначе, то и это въ твоей волѣ“. Микулинъ не посадилъ съ собой Бауса. Послѣ того какъ представился онъ Елисаветѣ, получилъ онъ приглашеніе отправиться въ домъ къ лорду, хранителю государственной печати, чтобы тамъ вести переговоры. Посолъ энергически возсталъ противъ этого. „Въ королевскій дворецъ мы ѣхать готовы, объяснялъ онъ, а къ боярамъ въ боярскій домъ для царскаго дѣла намъ негодится“. Напрасно ссылались довѣренныя лица королевы что таковъ обычай въ Англіи, и что всѣ другіе послы подчиняются этому обычаю. „Намъ другіе чужеземные послы не образецъ, отвѣчалъ Микулинъ; они дѣлаютъ какъ хотятъ, а я посолъ царскаго величества и государь нашъ надъ великими и славными государями высочайшій“. И въ этомъ была сдѣлана уступка Микулину. Лордъ-меръ пригласилъ его и другихъ членовъ посольства на обѣдъ, причемъ было ему объяснено что самъ хозяинъ долженъ сидѣть на первомъ мѣстѣ „потому что онъ у насъ въ Лундѣ именуется въ королевино мѣсто, сидитъ въ Лундѣ во всѣхъ земскихъ расправахъ, а которые изъ иныхъ государствъ послы и посланники бывають у лорда-мера, то садятся ниже его“. Микулинъ отвѣчалъ отказомъ: „буде

лордъ-меръ похочеть насъ видѣть у себя и ему насъ чтить для царскаго величества имени и мы къ нему ѣдемъ; а буде ему чина своего нарушить и меня мѣстомъ выше себя почитать нельзя, мы къ нему не поѣдемъ.“ Елисавета нисколько не сѣтовала на эту щелетильность московскихъ пословъ; напротивъ, постоянно оказывала имъ расположеніе, приглашала ихъ на придворныя празднества, описаніе коихъ часто встрѣчается въ дневникѣ Микулина. Однажды по окончаніи придворнаго обѣда поданъ былъ ему серебряный рукомыльникъ для умовенія рукъ, но онъ уклонился отъ этого. „Государь нашъ, сказалъ онъ, называетъ королеву Елисавету своею любезною сестрой, а потому мнѣ, холоду его, умывать при ней руки негодится“. „И королева, рассказываетъ дневникъ, почала быть весела и Григорья за то похваляла что онъ ее почтилъ, рукъ при ней не умывалъ“.

Во время пребыванія своего въ Лондонѣ Микулинъ тщательно собиралъ свѣдѣнія о положеніи этой страны, а также о томъ что происходило въ другихъ государствахъ. Любопытность его въ этомъ отношеніи была безгранична. Между прочимъ при немъ случилось важное событіе—возстаніе бывшаго фаворита Елисаветы Эссекса. Вотъ какъ рассказываетъ о немъ Микулинъ со словъ находившихся при немъ Англичанъ.

„Былъ у королевы великій ближній человекъ, вотчинный князь, бояринъ конюшій, графъ Эссекскій въ опалѣ; и былъ онъ прежде сего подъ присмотромъ пристава, и отъ пристава освобожденъ; жилъ въ вотчинѣ и изъ вотчины безъ королевина вѣдома ѣздить ему было не велѣно; но недавно пріѣхалъ въ Лондонъ, и королевѣ учинилось вѣдомо отъ ближнихъ людей что хочетъ онъ сѣсть на Англійскомъ престолѣ королемъ, а съ нимъ въ заговорѣ многіе князья, дворяне и дѣти боярскіе. Королева послала къ нему на дворъ большихъ своихъ бояръ лорда-кипера съ товарищи и велѣла его поймать, но поймать себя онъ не далъ, а прибѣжалъ самъ въ городъ Лондонъ, понадеявшись что за него стануть лондонскіе посадскіе люди, потому что прежде сего, когда онъ у королевы въ великомъ жалованьи былъ, служилъ ей правдой, съ недругами ея бился и въ Испанскую землю воевать хаживалъ, то вездѣ славился великимъ богатствомъ, разумомъ, счастьемъ, и за то его во всей Англійской землѣ очень любили. Какъ скоро прибѣжалъ онъ въ Лондонъ, то королева

тотчасъ прислала туда близкаго своего дворянина, приказавъ ему всѣмъ лондонскимъ людямъ говорить чтобы никто за него не стоялъ и къ нему не приставалъ, потому что онъ измѣнникъ и замыслилъ противъ королевы убійство. И лондонскіе люди къ нему не пристали. Увидѣвъ это лордъ Эссекскій опять побѣждалъ къ себѣ на дворъ, а изъ князей которые были съ нимъ въ заговорѣ, многіе отъ него отстали. Былъ съ нимъ за одно и лордъ чефъ-джестисъ (Lord Chief Justice); отставъ въ Лондонъ отъ лорда Эссекскаго, онъ опередивъ его, прибѣжалъ на его дворъ и тѣхъ бояръ, лорда-килера съ товарищами, которыхъ графъ Эссекскій у себя въ палатахъ залеръ, выпустилъ, пришелъ съ ними къ королеви и повѣстидъ ей все объ умыслѣ Эссекса, за что королева отмѣнила ему наказаніе и его пожаловала. А лордъ Эссекскій послѣ того прибѣжалъ къ себѣ на дворъ и залерся на дворъ, а съ нимъ вмѣстѣ три князя вотчинные: графъ Соутгамлтонъ, графъ Рекаринъ и лордъ Сексъ и хотѣлъ биться на смерть. Королева прислала къ нему на дворъ боярина своего лорда-адмирала со многими людьми и съ нарядомъ, и лордъ-адмиралъ говорилъ ему: „Прислала меня королева и велѣла тебя взять и привести къ себѣ, и ты противъ государыни какъ стоишь?“—„Я противъ государыни своей королевы Елисаветы не стою и ей не измѣнникъ, а стою противъ своихъ недруговъ, противъ секретаря Роберта Сесила и его заговора что хотятъ меня убить; теперь же вижу что прислали отъ королевы великій бояринъ, и я тому вѣрю и противъ тебя не стою; волея надо мною Богъ и королева“. Снявъ свою саблю онъ положилъ ее предъ лордомъ-адмираломъ, то же сдѣлали и три князя которые съ нимъ сидѣли. Лордъ-адмиралъ, взявъ ихъ, привелъ на королевскій дворъ и королева велѣла лорда Эссекскаго и тѣхъ трехъ князей посадить въ вышгородъ въ тюрьму, а послѣ того приказала быть у себя въ сборѣ многимъ людямъ коннымъ и лѣшымъ потому что опасалась въ странѣ великой шаткости; городъ Лондонъ былъ залертъ около двухъ недѣль, а улицы замкнуты были цѣпами и лондонскіе люди ходили всѣ въ сборѣ на готовъ, въ дослѣхахъ, съ лицами, охраняя королеву“. Разказъ свой оканчиваетъ Микулитъ слѣдующими словами: „февраля 24 графъ Эссекскій казненъ въ вышгородѣ и послѣ того было по немъ въ Лондонѣ великое сѣтованіе и плачь великій во всѣхъ людяхъ“.

Другой изъ появившихся нынѣ томовъ *Сборника*, а именно XXXVI, содержитъ документы Екатерининской комиссіи по составленію Уложенія. Здѣсь помѣщено окончаніе дневныхъ записокъ Большаго Собранія, которое съ 15 по 29 сентября 1768 года занималось проектомъ о правахъ благородныхъ, а 9 октября приступило къ чтенію законовъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ. Вскорѣ послѣ того 18 декабря объявленъ былъ указъ о распущеніи Большаго Собранія по случаю предстоявшей войны съ Турками, но распущеніе это не касалось членовъ частныхъ комиссій, которые должны были продолжать свою работу попрежнему. Маршалъ имѣлъ право по соглашенію съ генералъ-прокуроромъ собирать когда нужно членовъ частныхъ комиссій въ общія засѣданія, но этимъ правомъ воспользовался только одинъ разъ, полтора года спустя послѣ распущенія Большаго Собранія, да и то вовсе не для обсужденія какого-либо вопроса. Въ приложеніи помѣщены подлинныя мнѣнія четырехъ депутатовъ по поводу законовъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ и проекты правъ низшихъ сословій, выработанныя частными комиссіями.

Въ томѣ XXVII находимъ мы продолженіе дѣлешъ прусскаго посланника графа Сольмса къ Фридриху Великому, начало коихъ обнародовано было Русскимъ Историческимъ Обществомъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ томѣ XXII. На ряду съ дѣлешами Сольмса помѣщены инструкціи къ нему короля, а также секретная переписка Фридриха съ его кабинетъ-министромъ Финкенштейномъ, извлеченная изъ дѣлъ Берлинскаго государственнаго архива. Документы эти касаются періода времени отъ начала 1767 по 1772 годъ и представляютъ значительную важность. Многие историки: Соловьевъ, Смитъ, Адольфъ Беръ, Макъ Дункеръ, Курдъ фонъ-Шлаццеръ старались освѣтить вопросы Восточный и Польскій, находившіеся тогда въ тѣсной связи, и хотя обильный матеріалъ собранъ какъ у нихъ, такъ и другихъ лицъ занимавшихся издавіемъ документовъ которые относятся къ упомянутой эпохѣ, свидѣнія находящіеся въ *Сборникѣ Историческаго Общества* существенно дополняютъ то что уже было извѣстно и не рѣдко проливаютъ на событія новый свѣтъ. Они выясняютъ главнымъ образомъ три вопроса: 1) отношеніе Прусскаго правительства къ диссидентамъ въ Польшѣ и предложенія объ измѣненіи формы государственнаго устрой-

ства этой страны; 2) первый раздѣлъ Польши, и 3) отношенія Пруссіи къ первой Турецкой войнѣ въ царствованіе Екатерины и къ перемѣнѣ политической системы Вѣнскаго двора въ Восточномъ вопросѣ. Нельзя не пожелать чтобы Русское Историческое Общество напечатало въ непродолжительномъ времени оставшіяя делешіи Сольмса, извлеченіе коихъ изъ Берлинскаго государственнаго архива возложено было имъ на извѣстнаго автора *Исторіи Россіи*, профессора Марбургскаго университета Э. Германа.

III.

La Révolution. 1789—1882. Par Charles d'Hericault.

Революція начавшаяся во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія продолжается ли и теперь? Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Не разъ возникалъ въ несчастной странѣ тотъ или другой порядокъ вещей съ которыми связаны были надежды что она выступила наконецъ на путь правильнаго и спокойнаго развитія, но революціонный потокъ снова подхватывалъ ее съ неотрицаемою силой и ни что не предвѣщаетъ чтобъ удалось ей когда-нибудь справиться съ нимъ. Задумавъ изобразить французскую революцію, г. Эрико имѣлъ слѣдовательно полное право довести свой разказъ до тѣхъ событій которыя совершаются въ его отечествѣ въ настоящую минуту. Главную часть труда принялъ онъ на себя, но нѣкоторые отдѣлы книги поручены были имъ другимъ лицамъ; такъ, между прочимъ, періодъ времени отъ единовластія Наполеона I до 1882 года изложенъ г. Викторомъ Пьеромъ, талантливымъ и основательнымъ историкомъ, который недавно обратилъ на себя вниманіе прекрасною своею книгой: *Histoire de la république de 1848*. Вообще задача исполнена какъ нельзя лучше, съ большимъ знаніемъ дѣла и въ томъ направленіи которому могутъ не сочувствовать только люди считающіе долгомъ восхвалять революцію прошлаго столѣтія, потому что и теперь проникнуты они революціонными замыслами и стремленіями.

Но одно изъ главныхъ достоинствъ книги г. Эрико—достоинство которое бросается въ глаза даже при бѣгломъ ея просмотрѣ—заключается въ ея многочисленныхъ иллюстра-

дѣлахъ. Это по истинѣ роскошное изданіе, рисунки коего должны въ высшей степени интересовать историка и даже вообще образованнаго читателя. Нѣкоторые изъ нихъ—сидишки съ извѣстныхъ всѣмъ картинъ, напримѣръ съ картины Миллера „L'appel des dernières victimes de la terreur“, находящейся въ Версаальскомъ музеѣ, но большая часть состоитъ изъ рисунковъ современныхъ революціи, хранящихся въ публичныхъ и частныхъ коллекціяхъ. Едва ли не самыя любопытныя доставлены были издателю г. Вивкь-д'Орпомъ, проживающимъ въ Брюсселѣ. Въ воображеніи нашемъ живо рисуется страшное время, когда какое-то изступленіе овладѣло цѣлою націей, когда всѣ ея помыслы сосредоточились на томъ чтобы свести съ лица земли все чтѣ было установлено вѣками, когда не давалось пощады не только учрежденіямъ обычаямъ, вѣрованіямъ, но даже зданіямъ, и парижская коммуна пресеріозно издавала декреты предписывавшіе, напримѣръ, „разрушить всѣ колокольни, ибо возвышаясь надъ другими зданіями они этимъ самымъ противорѣчатъ принципамъ равенства“. Разсматривая рисунки мы видимъ какъ горячка постепенно, но съ изумительною быстротой, охватывала сбитое съ толку общество. Въ первое время—*lune de miel* революціи—торжественное открытіе генеральныхъ штатовъ, король встрѣчаемый съ восторгомъ при появленіи своемъ въ Національномъ Собраніи и т. п.,—все какъ будто свидѣтельствуешь о благородномъ энтузіазмѣ, о чистыхъ помыслахъ, но на ряду съ этимъ уже вполнѣ ясно къ чему стремилась революціонная партія въ то время какъ газеты ея всячески разжигали страсти, и безчисленныя каррикатуры имѣли единственною цѣлю возбуждать чернь противъ высшихъ классовъ. Взгляните на одну изъ нихъ: расфранченная дама и монахиня сидятъ на спинѣ бѣдной крестьянки, которая, сгибаясь, едва влачитъ ноги подъ этою тяжкою ношей, а наверху надпись: „Le grand abus“. Любопытенъ также рисунокъ изображающій подготовительныя работы на Марсовомъ полѣ предъ празднествомъ федераціи: подъ обаяніемъ идей равенства и братства, казавшихся столь увлекательными, сюда собрались люди разныхъ сословій: вотъ знатная барыня везетъ телѣжку; какой-то щеголь, защищаясь зонтикомъ отъ солнечныхъ лучей, тащитъ на спинѣ корзину; усердно трудится даже монахъ, все это среди простыхъ рабочихъ и все это подъ звукомъ пѣсенки, которая начертана

въ разныхъ мѣстахъ картины: „Ah, ça ira, les aristocrates à la lanterne“. Медовый мѣсяцъ длился, какъ извѣстно, не долго и затѣмъ начинаются ужасы. Какое страшное впечатлѣніе производитъ набросанный кѣмъ-то скопомъ воцѣпленныхъ на лики головъ маркиза Деломе и Фулона; художникъ воспроизвелъ ихъ съ поражающимъ реализмомъ,—у Фулона одинъ глазъ закрытъ, другой остается открытымъ, во рту клокъ сѣна... Какъ и слѣдовало ожидать, въ разгаръ революціи люди того же сорта которые посвящали свое перо прославленію кроваваго террора дѣйствовали и карандашемъ. Понятно, какими произведеніями развлекали они публику; чувство состраданія было совершенно чуждо имъ; губа безжалостно свои жертвы, они еще издѣвались надъ ними; въ этомъ отношеніи особенно характерна возмущающая душу карриатура, приложенная къ 84й стр. книги г. Эрико, изображающая перемѣщеніе королевской фамиліи въ Тампль. Противники революціонеровъ старались клеймить ихъ звѣрскіе подвиги, но такъ какъ это было сопряжено съ большою опасностью, то нечего удивляться что и рисунковъ этой категоріи сравнительно немного. На одномъ изъ нихъ мы видимъ Робеспьера, который „послѣ того какъ гильотинировалъ всѣхъ Французовъ“, у подножія надгробнаго памятника съ надписью: „ci-gît toute la France“, гильотинируетъ собственноручно единственнаго человѣка оставшагося въ живыхъ—палача: авторъ этого рисунка былъ возведенъ на эшафотъ за свой отважный поступокъ. На другомъ рисункѣ представлены „дьяволъ и его подруга произведшіе на свѣтъ якобинцевъ“.

Многое относящееся къ печальной судьбѣ королевской семьи тщательно воспроизведено въ книгѣ г. Эрико. Такъ, напримѣръ, мы имѣемъ предъ собой fac-simile завѣщаній Людовика XVI и Маріи-Антуанеты. Когда королева находилась въ темницѣ, то сдѣлала попытку дать извѣстіе о себѣ одному изъ своихъ приверженцевъ, графу Ружвилю, тщетно старавшемуся освободить ее. Уколами булавки на небольшомъ клочкѣ бумаги начертала она слѣдующія слова: „Je suis gardée à vue, je ne parle à personne, je me fie à vous, je viendrai“. Залиска эта была перехвачена и сохранилась въ Национальномъ Архивѣ, но только недавно, въ 1876 году, удалось разобрать ее. Снимокъ съ нея приклеенъ къ одной изъ страницъ разбираемой нами книги совершенно въ томъ

видѣ, въ какомъ удѣлѣ оригиналъ. Удручающее впечатлѣнiе производитъ небольшое изображенiе Маріи-Антуанеты во весь ростъ въ ту минуту когда везли ее на эшафотъ: извѣстный художникъ Давидъ, смотрѣвшій на это зрѣлище изъ окна одного дома, мимо котораго проѣзжала страшная колесница, набросалъ нѣсколькими штрихами образъ королевы, и справедливо замѣчаетъ г. Эрико что „рисункъ этотъ неизмѣримо выразительнѣе чѣмъ всякія большія картины, всякія композиціи, всякія повѣствованія историковъ“. На стр. 132 и 133 мы видимъ фатальную фигуру башмачника Симо-на, къ которому помѣщенъ былъ на житье или вѣрнѣе сказа-ть на мученье малолѣтній дофинъ, а также портретъ это-го царственнаго ребенка, судьба коего не можетъ не тронуть даже самое черствое сердце. Викторъ Гюго, въ то время ког-да еще не утратилъ здраваго смысла, посвятилъ ему одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній:

Où donc ai-je régné? demandait la jeune ombre.
 Je suis un prisonnier, je ne suis point un roi.
 Hier je m'endormis au fond d'une tour sombre,
 Où donc ai-je régné? Seigneur, dites le moi.
 Hélas, mon père est mort d'une mort bien amère,
 Les bourreaux, o mon Dieu, m'ont abreuvé du fiel,
 Je suis un orphelin, je viens chercher ma mère,
 Qu'en mes rêves j'ai vue au Ciel.

Сохранился и единственный fac-simile царственнаго ребен-ка: неумѣлою рукой, почти каракулями, вынужденъ былъ онъ подъ угрозами окружавшихъ его изверговъ начертать свое имя подъ показаніемъ саужившимъ къ обвиненію его матери.

До сихъ поръ не разъ издаваемы были сочиненія о фран-цузской революціи съ иллюстраціями, въ которыхъ художни-ки давали полную волю своей фантазіи. Главною ихъ цѣлью было искусственное восхваленіе того что Французы привык-ли называть славною эпошеей своей исторіи. Теперь мы зна-емъ что это была за эпопея. Новѣйшія изслѣдованія про-лили на нее истинный свѣтъ, а печальное положеніе Фран-ціи показываетъ куда она привела эту страну. Книга г. Эрико, ищущая не прикрасъ, а правды, появляется слѣдовательно какъ нельзя болѣе кстати.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

Торжественный въездъ и дни предшествовавшіе Коронованію.—
День Священнаго Коронованія и помазанія св. мироу.—Царскія милости.—Празднества сѣдовавшія за днѣми Коронованія.—Народный праздникъ.—Обѣдъ водостнымъ старшикамъ; знаменательныя слова Государя Императора — Освященіе Храма Христа Спасителя.—
Отъездъ.

I.

Моск. Вѣд. №№ 127, 129, 130, 132.

8 мая, въ 6 часовъ пополудни, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Августѣйшими дѣтьми изволили прибыть по Николаевской желѣзной дорогѣ и по соединительной линіи на Московскую станцію Смоленской желѣзной дороги, а оттуда по шоссе прослѣдовали въ Петровскій Дворецъ.

10 мая свершился торжественный въездъ Ихъ Величествъ въ Москву.

Съ самаго ранняго утра все обширное пространство между Кремлемъ и Петровскимъ Дворцомъ было наполнено несметными, густыми толпами народа. Все двигалось къ Красной Площади, къ Твѣрской, къ Смоленскому вокзалу, къ Петровскому шоссе. На Ходынскомъ полѣ, противъ Петровскаго Дворца колыбалось море людей. По среднему шоссе,

съ девяти часовъ утра, стройно задвигались войска, располагаясь по дорогѣ ко Дворцу въ заранѣе опредѣленномъ порядкѣ.

Съ 10 часовъ утра, въ Петровскій Дворецъ стали съѣзжаться члены Россійскаго Императорскаго Дома, иностранные принцы, высшіе сановники, иностранные послы и представители населеній, сословія, обществъ и вѣдомствъ. Обширная сѣня Петровскаго Дворца наполнялись блестящими мундирами.

Со стороны Дворца, примыкающей къ Парку, были поданы и выстроились цугомъ золотыя кареты. Церемоній-местеры пригласили особъ, имѣвшихъ принять участіе въ процессіи, занять мѣста. Въ половинѣ втораго ко главному подъѣзду подана была парадная золотая карета Государыни Императрицы, запряженная восемью бѣлыми лошадьми въ золотой сбруѣ.

Въ часъ 50 минутъ министръ Двора доложилъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ что все готово. Дворецъ какъ бы замеръ въ ожиданіи выхода Государя и Государыни. Въ 1 часъ 55 минутъ Его Величество въ сопровожденіи Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Георгія Александровича изволилъ сойти внизъ. Его Величество былъ въ общегенеральскомъ мундирѣ. Тотчасъ затѣмъ вышла Государыня Императрица въ сопровожденіи Великой Княжны Ксеніи Александровны. Ихъ Величества, солутствуемые всѣми присутствующими, вышли на крыльцо. Государыня Императрица вмѣстѣ съ Великою Княжною Ксеніей Александровною сѣла въ карету. Государю Императору подали верхового коня бѣлой масти. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ сѣлъ тоже на лошадь, а Великій Князь Георгій Александровичъ помѣстился на маленькомъ пони.

Выждавъ когда Ея Величество и Ихъ Высочества заняли мѣста, и набожно перекрестившись, Государь произнесъ „съ Богомъ“, и, солутствуемый Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Георгиемъ Александровичемъ, въ сопровожденіи кареты Государыни Императрицы, направилась изъ Дворца. Въ два часа три минуты съ конной батареей стоявшей противъ Петровскаго Дворца грянули три выстрѣла: Его Величество показался въ воротахъ Дворца. Раздалось громовое ура войскъ, смѣшавшееся съ восторжен-

выми кликами народа бросившагося по бокамъ шоссе за Государемъ и Государыней. Многие набожно крестились, другіе издали крестили Царя и Царицу.

Отъ Новыхъ Триумфальныхъ воротъ по Тверской къ часовнѣ иконы Иверской Божіей Матери, торжественная процессія двигалась среди стоявшихъ по сторонамъ шпалерами войскъ, сопровождаемая неумокаемыми ура несмѣтной толпы народа тѣснившейся на тротуарахъ; окна и балконы домовъ украшенныхъ флагами, вензелями и коврами были переполнены зрителями. Всѣ переулки примыкающіе къ Тверской сплошь были заняты тѣснившимся народомъ, который не могъ помѣститься на тротуарахъ Тверской, но съ самаго ранняго утра стремился занять мѣста откуда можно было лучше видѣть Царя и Царицу. Задолго до полудня всѣ находившіяся на пути торжественнаго шествія площади и прилегающія къ нимъ мѣстности позади поставленныхъ шпалерами войскъ, сколько можно было окинуть взоромъ, были буквально залиты народомъ.

Часъ за часомъ, съ возрастающимъ оживленіемъ ожидалъ народъ минуты когда колокола Успенскаго собора возвѣстятъ начало шествія. Едва начался колокольный звонъ всѣ встрепенулись, всѣ головы обнажились, и всѣ какъ одинъ человекъ, осыпали себя крестнымъ знаменіемъ. Изъ находившихся на пути шествія церквей выступало во срѣтеніе Монарха духовенство въ золотомъ облаченіи съ церковными хоругвями. Весь народъ замиралъ въ ожиданіи, всѣ съ учащеннымъ біеніемъ сердца, съ напряженнымъ вниманіемъ устремляли взоры въ сторону откуда должно было появиться шествіе. При приближеніи торжественной процессіи головы обнажались; все превращалось въ зрѣніе столь напряженное что многіе, какъ послѣ разказывали, переставали слышать не прекращавшійся во все время шествія колокольный звонъ. Что-то особенно благоговѣнное и великое чувствовалось каждымъ. Декоративная пышность двигавшагося кортежа обращала на себя однако меньше вниманія чѣмъ можно было ожидать. Очевидно было что всѣ жаждали видѣть не церемонію, а самого Царя во всемъ величій подобающей ему обстановки. Когда, наконецъ, Онъ появлялся, сопровождаемый Своимъ Наслѣдникомъ, Великими Князьями и блестящею свитой, шалки летѣли вверхъ и раздавалось могучее, потрясающее воздухъ ура! Народъ проявлялъ волновавшее его чувство не

одними восторженными кликами, но и молитвами: многіе крестились, у многихъ на глазахъ были слезы. Съ тѣмъ же энтузіазмомъ была встрѣчена Государыня Императрица. Великолѣпна была ея драгоцѣнная, золотая карета, великолѣпны были лошади въ невиданно-роскошной упряжи, но многими онѣ почти совсѣмъ не были замѣчены, такъ все вниманіе было сосредоточено на томъ чтобъ уловить и залечатаѣть въ памяти черты Царицы.

Въ 3 часа 10 минутъ Государь Императоръ прибылъ къ часовнѣ иконы Иверской Божіей Матери. Здѣсь Его Величество сошелъ съ коня и остановился у входа въ часовню, ожидая Государыню Императрицу. Когда карета Ея Величества приблизилась къ часовнѣ и остановилась, Государь Императоръ возвелъ свою Августѣйшую Супругу на лалерть часовни. Здѣсь Ихъ Величества встрѣчены были преосвященнымъ Алексіемъ, еписколомъ Дмитровскимъ, архимандритами Знаменскаго и Перервинскаго монастырей съ братіей. Ихъ Величества, подѣловавъ св. крестъ и окропленные св. водой, принесли колѣнопреклоненную молитву предъ иконою Божіей Матери и приложились къ ней, затѣмъ, снова преклонивъ колѣна, молились и, приложившись ко св. кресту, поднесенному преосвященнымъ Алексіемъ, вышли изъ часовни. Государь снова сѣлъ на коня, а Государыня Императрица въ карету и шествіе двинулось дальше чрезъ Воскресскія ворота.

Могучео неударжимою волной понеслось изъ устъ присутствовавшихъ неумолкавшее *ура*, когда появился на Красной Площади Русскій Царь. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо на всемъ пути представлялось взору величественное, потрясающее душу и вмѣстѣ съ тѣмъ умиленное зрѣлище. У подножія Кремлевскихъ стѣнъ, предъ Покровскимъ и Казанскимъ соборами и предъ памятникомъ Минина и Пожарскаго, собралась многотысячная ликующая толпа.

На Красной Площади представляла особенно величественный видъ эстрада которая занимала все пространство между Никольскими и Спасскими воротами. Правая и лѣвая стороны ея были отведены для лубки. Вся средняя часть была занята оркестромъ и хорами преимущественно изъ воспитанниковъ и воспитанницъ различныхъ учебныхъ заведеній Москвы. Въ Москвѣ еще никогда

не было ничего подобного: *десять тысяч* исполнителей были сосредоточены на этой эстраде. Размеры хора и оркестра соответствовали размерамъ площади, величію и торжественности минуты. После исполненія народнаго гимна вся площадь и все безчисленное множество народа, сплошь занимавшаго Никольскую и Ильинку, сливалось каждый разъ въ новый, гигантскій хоръ непрерывнаго ура.

Въ Успенскій соборъ Августѣйшая Семья вступила южными дверями, гдѣ встрѣтилъ Ихъ Величества митрополитъ Исидоръ со св. крестомъ и святою водою, въ сопровожденіи всего бывшаго въ соборѣ духовенства. Посѣтивъ затѣмъ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, Ихъ Величества, сопровождаемые протопресвитеромъ Бажановымъ и духовенствомъ, шествовали по разостланному красному сукну ко Красному Крыльцу, на нижней площадкѣ котораго верховный маршалъ князь В. А. Долгоруковъ, президентъ и вице-президентъ Московской Дворцовой Конторы, и председатель Коронаціонной Комиссіи встрѣтили Ихъ Величества съ хлѣбомъ-солью.

Ихъ Императорскія Величества, сопровождаемые верховнымъ маршаломъ и прочими особами Двора, вступили въ Святые Сѣны, гдѣ, встрѣченныя духовенствомъ придворнаго Верхосласскаго собора, приложились ко кресту и были окроплены св. водою. Потомъ верховный маршалъ, ставъ во главѣ процессіи, проводилъ Ихъ Величества до внутреннихъ покоевъ Дворца.

Весь этотъ блескъ, это великолѣпіе и пышность и превосходящія всякое описаніе ликованія народа не могутъ вполнѣ ознаменовать все священное величіе предстоящаго событія. Государь, особымъ изволеніемъ Промысла призванный на престолъ своихъ предковъ, приходитъ освятить тайнодѣйствіемъ Церкви дарованную Ему самодержавную власть. Россія будетъ жива доколѣ не иссякнетъ ея вѣра въ благодатную силу этого дѣйствія, доколѣ Вѣнчаніе Русскаго Царя на царство будетъ сохранять въ православномъ мірѣ не только государственное, но и церковное значеніе. Русскій Царь есть не просто глава государства, но стражъ и радѣтель восточной Апостольской Церкви, которая отреклась ото всякой мірской власти и ввѣрила себя храненію и заботамъ Помазанника Божія.

Что имѣеть религиозное значеніе, то становится не только общественнымъ, но для каждаго изъ вѣрующихъ своимъ сердечнымъ дѣломъ. Будемъ же молиться не только при общественныхъ богослуженіяхъ, но и каждый въ кѣлти своей, чтобы Господь испослалъ возлюбленному Государю нашему благодатную силу для царскаго подвига. Нѣтъ на свѣтѣ жребія отвѣтственнѣе самодержавной власти Русскаго Царя. Будемъ молиться чтобы Помазанникъ Божій сохранилъ внимательность и чуткость къ движеніямъ своего сердца, и довѣрялъ имъ болѣе чѣмъ побужденіямъ извнѣ идущимъ.

Всякое сѣмя даетъ плодъ по роду своему. Мы можемъ послужить нашу службу человечеству лишь оставаясь послѣдовательными и вѣрными себѣ. Всего хуже смѣшеніе системъ. Все навѣянное со стороны, всѣ идеи выработанныя изъ чуждой жизни, могутъ только задерживать и болѣзненно смущать движеніе нашей собственной жизни.

Русское самодержавіе не имѣеть ничего общаго съ тѣмъ что рисуютъ себѣ люди судящіе о немъ по чужимъ повѣтіямъ. Поятое въ своемъ истинномъ смыслѣ, оно кажется лучшимъ и вѣрнѣйшимъ обезпеченіемъ всякаго блага, какимъ только можетъ дорожить человечество. Оно выражаетъ собою единую власть, ни отъ какихъ партій и отдѣльныхъ интересовъ не зависящую, надо всѣмъ возвышенную, чистую ото всякаго эгоизма, равную цѣлому. Не противъ, но на защиту свободы обнаженъ ея мечъ. Она не можетъ и не должна терпѣть никакой неподчиненной ей или не отъ нея исходящей власти въ странѣ, ни какого государства въ государствѣ.

Противоположность между нами и Западомъ въ томъ состоитъ что тамъ все основано на договорныхъ отношеніяхъ, а у насъ на вѣрѣ, и противоположность эта опредѣлилась первоначально положеніемъ какое Церковь приняла на Западѣ и какое приняла она на Востокѣ. Тамъ въ основаніи двоевластіе, у насъ единовластіе.

Церкви и съ ней всему народу свобода, а власть, полная и нераздѣльная Царю,—вотъ наша система.

Дай Богъ чтобы день 10 мая внесъ свѣтъ и успокоеніе въ робкіе и мятущіеся умы, чтобы онъ отрезвилъ и ободрилъ ихъ, чтобы помогъ имъ яснѣе видѣть и вѣрнѣе понимать окружающее. Безцвѣтнымъ украшеніемъ великолѣпнаго торжества былъ самъ народъ, среди котораго

оно совершалось. Тотъ духъ, который явился въ этихъ массахъ, нельзя было бы вызвать никакими способами если бы онъ не жилъ въ народъ. Что удивительнѣе крестнаго знаменія которымъ освѣтила себя сотня тысячъ людей на Ходынскомъ полѣ когда двинулся торжественный полкъ! Что можетъ лучше свидѣтельствовать о народномъ чувствѣ какъ не этотъ порывъ благословлять крестнымъ знаменіемъ Царя и Царицу? Сколько нѣжности сказалось въ этомъ движеніи которое не передавалось отъ одного къ другому, но свободно и само собою вырывалось изъ сердца! И при одушевленіи какая благоговѣйная сдержанность! Порядокъ охранялъ главнымъ образомъ самъ народъ. Вотъ характеристическій фактъ который мы имѣемъ изъ вѣрнаго источника: во все продолженіе этого дня въ Москвѣ былъ заявленъ только одинъ полицейскій случай, поимка вора забравшагося въ карманъ. Нигдѣ никакого буйства, никакой неурядицы, ни одного лязга. Вечеромъ этого дня по блиставшимъ огнями улицамъ народъ толпился несмѣтными массами, и ни малѣйшаго случая который могъ бы нарушить спокойствіе. Полиціи пришлось только въ двухъ мѣстахъ спасти отъ народа двухъ, возбудившихъ его подозрѣніе, какихъ-то молодыхъ людей, которые забыли обнажить головы во время шествія, хотя и вдалекѣ отъ него.

Этотъ ли народъ не заслуживаетъ заботы о его благѣ, заботы не тщеславія, но мудрости? Не слѣдуетъ ли избавить его отъ золъ которымъ онъ безвинно и напрасно подвергается? Не слѣдуетъ ли внять его мольбамъ и избавить его во что бы то ни стало отъ язвы кабака и еще отъ того что хуже кабака, отъ нашей растлѣвающей quasi-интеллигенціи которая тщится разбудить въ немъ звѣря? Не слѣдуетъ ли открыть ему щедрою рукой источники просвѣщенія подъ сѣнію Церкви, чего онъ такъ проситъ, о чемъ онъ такъ молить? Не слѣдуетъ ли озаботиться чтобы наши учрежденія, судебныя и другія, должныя поддерживать, охранять и возвышать народную нравственность, дѣйствительно соотвѣтствовали своему назначенію? Ради народа, въ видахъ его истиннаго блага, должно неукоснительно отрезать эти учрежденія, согласить ихъ, поставить на мѣсто и твердою рукой удалить изъ нихъ все фальшивое. Народный трудъ нуждается въ устраненіи напрасныхъ отъсненій, какова на примѣръ, устарѣвшая паспортная система, которая, ни

мало не стѣсняя негодяевъ, тяжкимъ гнетомъ давить честныхъ людей. Ни въ какихъ искусственныхъ, носящихъ пышныя имена учрежденіяхъ не найдемъ мы такой твердой опоры государственному порядку какъ въ духъ нашего народа. Да поможетъ намъ Богъ соблюсти это чудо любви, преданности и здравомыслія, которое зовется русскимъ народнымъ духомъ!

11 мая, происходило освященіе государственнаго знамени. При этомъ протопресвитеромъ Бажановымъ было сказано слѣдующее обращенное къ Государю Императору знаменательное слово:

„Благочестивѣйшіи государы! Да будетъ Хоругвь сія, небеснымъ благословеніемъ пріосвященная и освященная,—да будетъ она завітною святыней единства и нераздѣльности Царства Всероссійскаго! Да будетъ она всѣмъ врагамъ нашимъ страшна и ужасна, Тебѣ же крѣпость и утвержденіе и знаменіе помощи свыше. И да подастъ Тебѣ Господь Богъ благодать, во славу Всевышняго имени Его, путемъ православыя вѣры и благочестія, путемъ правды мужественно вести народъ Свой сквозь всѣ многочисленныя преграды къ благоденствію, величію и славѣ, да тако уразумѣваютъ вси языцы, яко съ нами Богъ.“

Скажемъ и мы: да поможетъ намъ Господь, подъ этимъ новоосвященнымъ знаменемъ, твердо и неуклонно идти путемъ „истинной правды“ во всѣхъ начинаніяхъ на пользу государства и для блага народа! Да избавимся отъ хитросплетеній тщеславія и да возвратимся къ простотѣ и искренности лобужденій и задачъ! Великое достигается простыми средствами, и не тщеславіе ведетъ ко славѣ.

За днемъ ликованій наступили дни молитвы и приготовленія ко Св. Таинству. Ихъ Величества, по освященію знамени, переселились въ тишину Александрійскаго Дворца.

12, 13 и 14 мая происходило въ разныхъ частяхъ Москвы всенародное объявленіе чрезъ герольдовъ о днѣ Священнаго Коронованія. О томъ же церемоніймейстеры, въ золотыхъ придворныхъ каретахъ, ѣздили извѣщать представителей иностранныхъ правительствъ.

Вся Европа соединилась теперь въ Москвѣ. Принцы царствующихъ домовъ и представители всѣхъ дворовъ собрались на торжество Россіи. Да послужитъ это всѣхъ соединяющее торжество ко всеобщему успокоенію! Да будетъ оно знаменіемъ прочнаго и честнаго мира, въ которомъ такъ нуждаются всѣ интересы! Никакой вражды, ничего затаеннаго не вносить Россія въ свои международныя отношенія. Съ одними находимся мы въ установившейся исторически и испытанной дружбѣ, взаимно необходимой и дбровой; съ другими — на пути къ сближенію, также взаимно цѣнному. Старыя соперничества теряютъ предметъ и почву, возникающія недоразумѣнія и разногласія ищутъ почвы для соглашенія. Правительства убѣждаются въ солидарности своихъ интересовъ гораздо болѣе существенныхъ и важныхъ для всѣхъ чѣмъ тѣ которые могутъ развить и ссорить ихъ.

Для Россіи этотъ своего рода конгрессъ имѣетъ еще особое значеніе.

Давно уже въ Европѣ съ величайшимъ интересомъ слѣдятъ за событіями нашей жизни, стараюсь усмотрѣть въ нихъ болѣе или менѣе ясныя симптомы той воображаемой болѣзни которою будте бы, какъ многіе до сихъ поръ полагали, зараженъ Русскій народъ. Въ послѣднее время, правда, стали раздаваться и за границей все чаще голоса выражавшіе сомнѣнія дѣйствительно ли Русскій народъ такъ разстроенъ, такъ глубоко пораженъ революціоннымъ недугомъ, какъ могло издали казаться, судя по возмутительнымъ явленіямъ которыхъ смысла никто не могъ понять; однако въ Европѣ до сихъ поръ еще съ безлокойствомъ поглядывали на Россію, и многіе изъ нашихъ гостей ѣхали въ Москву въ неизвѣстности придется ли имъ быть свидѣтелями народнаго торжества или революціи.

Праздникъ 10 мая былъ торжественнымъ опроверженіемъ клеветы на Русскій народъ и очевиднымъ для всѣхъ обличеніемъ обмана который смущалъ и своихъ, и чужихъ. Если у кого изъ иностранныхъ гостей нашихъ оставались сомнѣнія въ Русскомъ народѣ, то они теперь исчезли. Вечеромъ, 10 мая, пометѣли телеграммы во всѣ столицы Европы свидѣтельствовавшія о необычайномъ патріотическомъ энтузіазмѣ народа при торжественномъ вступленіи Государя Императора въ первопрестольную столицу.

Россия предстала предъ цѣлымъ міромъ въ своемъ истинномъ своеобразномъ видѣ, со всею преданностью народа самодержавному Царю, не нуждающемуся для упроченія своей верховной власти ни въ какихъ договорахъ со своимъ народомъ.

Всѣмъ становится теперь ясно что появившаяся у насъ злоумышленная организація есть дѣло чуждое Россіи и враждебное не только правительству, но и всему народу. Будемъ надѣяться что лица во власти почерпнутъ изъ убѣдительнаго опыта, совершающагося нынѣ предъ ихъ глазами, новую бодрость къ твердому, неуклонному и строго послѣдовательному образу дѣйствій во всѣхъ отрасляхъ управленія, сообразно съ дѣйствительными, а не фиктивными потребностями нашего народа.

II.

Моск. Вѣд. №№ 134, 137, 141.

Великое событіе совершилось. Въ первопрестольной Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЬ АЛЕКСАНДРЪ III возложилъ на Себя вѣнецъ Своихъ предковъ и воспріялъ Священное Мѣропомазаніе. Событіе великое, — и не для одной Россіи, ибо Русскій Царь есть всемірная сила. Совершилось при явномъ благословеніи Божиемъ, явномъ не только для русскаго сердца, но и для постороннихъ. Событіе благодатное и священное, которымъ залечатаѣвается неразрывный союзъ Русскаго Самодержавія съ Православною Церковію. Совершилось образомъ соединившимъ въ чувствѣ умиленія не только вѣрующихъ, но и чуждыхъ намъ по вѣрѣ. Невозможно было безъ сердечнаго движенія видѣть и слышать все нынѣ происходившее въ Успенскомъ соборѣ, — слышать какъ на приглашеніе служителя алтара исповѣдаться вѣру: „какъ вѣруешь“, раздался во храмѣ символъ вѣры произнесенный твердымъ и убѣжденнымъ голосомъ Царя; слышать какъ потомъ одинъ, колѣнопреклоненный, Царь произносилъ Свой обѣтъ Богу; видѣть какъ преклонила колѣна предъ Своимъ Державнымъ Супругомъ Царица, принимая отъ Него освященіе Его вѣнца и, какъ Государь, по возложеніи на Нее

короны и порфиры, залечатавъ лобзаниемъ Свое новое священное съ Нею въччаніе... Трудно было удержаться отъ слезъ, и молитва сама собою слагалась въ сердцѣ способномъ молиться.

Наполнявшій Кремль несмѣтный народъ, можно сказать, присутствовалъ въ соборѣ. Головы были обнажены, и при громѣ орудій возвѣщавшихъ моменты священнодѣйствія народъ крестился и молился.

Для народнаго вѣрующаго чувства все было въ этотъ день знаменательно. Когда появлялся Царь предъ народомъ являлось и солнце во всемъ блескѣ своихъ лучей. Скрывался Царь изъ глазъ народа, небо покрывалось облаками и шелъ дождь. Когда выстрѣлы орудій возвѣстили народу о совершеніи Таинства, облака мгновенно разошлись и солнце засіяло.

Наканунѣ незабвеннаго отнынѣ для Россіи дня 15 мая, въ 4 часа полудни, раздался съ колокольни Успенскаго собора торжественный благовѣсть, на который сразу отвѣтили колокола всѣхъ церквей первопрестольной столицы. Жители Москвы призывались во храмъ Божій присоединиться къ торжественному молебствію, благоженному Православною Церковью на дни Восшествія на Престолъ и Въччанія на царство. Церкви наполнились молящимися; велико было стеченіе народа въ кремлевскихъ соборахъ. Особую торжественностью отличалось молебствіе въ Успенскомъ соборѣ: здѣсь присутствовали всѣ находившіеся въ Москвѣ преосвященные и архимандриты московскихъ монастырей.

Въ 6 часовъ вечера, по третьему удару въ колоколь Успенскаго собора, снова начался единовременный благовѣсть во всѣхъ московскихъ церквахъ. Началось всеобщее бѣднѣе, которое совершалось въ Успенскомъ соборѣ высокопреосвященнымъ Іоанникіемъ митрополитомъ Московскимъ, въ Архангельскомъ соборѣ высокопреосвященнымъ Іоанномъ архиепископомъ Ярославскимъ, а въ Благовѣщенскомъ соборѣ высокопреосвященнымъ Θεогностомъ архіепископомъ Владимирскимъ. Ихъ Императорскія Величества, готовившіяся въ теченіе послѣднихъ трехъ дней къ принятію Св. Таинъ постомъ и молитвой въ удивеніи Александрійскаго Дворца въ

Нескучномъ, и прибывшіе наканунѣ торжества въ 5 часовъ вечера въ Николаевскій Кремлевскій Дворецъ, слушали всеобщую въ церкви Спась Золотая Рѣшетка, гдѣ богослуженіе совершалось протопресвитеромъ Бажановымъ при хорѣ синодальныхъ пѣвчихъ. Тутъ же, по окончаніи всеобщаго бѣднія, Ихъ Величества слушали правила къ причащенію.

Въ самый день Коронаванія, къ 7 часамъ утра прибыли въ Успенскій соборъ митрополиты Новгородскій, Кіевскій и Московскій; къ нимъ присоединились для совмѣстнаго совершенія молебствія и литургіи архіеписколы карталинскій и кахетинскій, экзархъ Грузіи Павелъ, архіеписколы Варшавскій Леонтій, архіеписколы Казанскій Палладій, архіеписколы Кишиневскій Сергій, архіеписколы Тверской Савва, архіеписколы Тульскій Никандръ, архіеписколы Ярославскій Іоаннъ, архіеписколы Владимірскій Феогностъ, архіеписколы Вологодскій Феодосій, архіеписколы Фаворскій Никодимъ, сба викарія Московской епархіи, епископы Дмитровскій Алексій и еписколы Можайскій Мисаилъ, управляющій придворнымъ духовенствомъ, главный священникъ гвардіи и гренадеръ Бажановъ, ректоръ С.-Петербургской Духовной Академіи Іоаннъ Янышевъ, ректоръ Московской Духовной Академіи протоіерей Сергій Смирновъ, намѣстникъ Троице-Сергіевой Лавры архимандритъ Леонидъ и настоятели монастырей Московской епархіи: Ново-Іерусалимскаго архимандритъ Веніаминъ, Заиконосласкаго архимандритъ Іосифъ, Андроньева архимандритъ Григорій, Златоустинскаго архимандритъ Аванасій, Покровскаго архимандритъ Веніаминъ, Высокопетровскаго архимандритъ Іосифъ, Даниловскаго архимандритъ Амфилохій, Знаменскаго архимандритъ Никодимъ, Срѣтенскаго архимандритъ Антонинъ, Высоцкаго Серлуховскаго архимандритъ Иннокентій, намѣстникъ Саввино-Сторожевскаго монастыря архимандритъ Галактіонъ; протоіереи: Рождественскій и Зерновъ, а также настоятели Покровскаго и Казанскаго соборовъ, протоіереи Надеждинъ и Кастальскій.

Ровно въ семь часовъ утра, загудѣлъ колоколъ Ивана Великаго, а съ Тайницкой башни раздались пушечные выстрѣлы, числомъ 21. По этому знаку Москва узнала что въ Успенскомъ соборѣ началось молебствіе о здравіи и многолѣтніи Ихъ Императорскихъ Величествъ. Въ соборъ стали собираться лица назначенныя въ разныя должности при совершеніи торжественнаго обряда Священнаго Коронаванія,

особы первыхъ двухъ классовъ не назначенныя къ участию въ коронаціонномъ шествіи и нѣкоторыя другія допущенныя къ присутствію при Священномъ Коронованіи, наконецъ иностранные послы и посланники съ ихъ сулругами.

По окончаніи молебствія, началось чтеніе литургійныхъ часовъ, которое окончилось къ 9 часамъ. Тогда преосвященные архіереи направились къ южнымъ дверямъ храма и выстуливъ изъ собора остановились на паперти для срѣтенія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы. Во главѣ архіереевъ стояли митрополиты Новгородскій, Кіевскій и Московскій, а при нихъ находились два сакелларія Успенскаго собора: одинъ со крестомъ, а другой со святою водою, три пресвитера съ запрестольными иконами и крестами и два иподіакона съ дикиріями и трикиріями.

При видѣ выстулившаго изъ собора духовенства, весь народъ находившійся на дворцовой площадкѣ набожно перекрестился. Воцарилось глубокое молчаніе.

Изъ собора вышелъ верховный церемоніймейстеръ, съ золотымъ жезломъ, и пройдя чрезъ площадку, поднялся по Красному Крыльцу для извѣщенія министра Императорскаго Двора о томъ что литургійные часы въ соборѣ прочтены. Министръ доложилъ о томъ Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу, который изволилъ подать знакъ къ началу шествія въ Соборъ.

Прежде всѣхъ спустились съ Краснаго Крыльца два церемоніймейстера съ жезлами; за ними слѣдовали камеръ-юнкеры, камергеры, вторые чины Двора, иностранные придворные кавалеры и первые чины Двора. Когда вся эта блестящая процессія, сверкавшая своими шитыми золотомъ мундирами, сошла съ Краснаго Крыльца, войска стоявшія шпалерами вдоль пути шествія взяли, по командѣ „ни караулъ“, барабаны загремѣли и громогласное *уръ* привѣтствовало появленіе Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, спускавшагося съ Краснаго Крыльца держа за руку Ея Величество Королеву Эллиновъ Ольгу Константиовну. За ними слѣдовали Великій Князь Георгій Александровичъ съ Великою Княжной Ксеною Александровною. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ были въ

мундирахъ Преображенскаго полка, въ Александровскихъ лентахъ съ Андреевскими цѣлами. Далѣе слѣдовали Герцогъ Эдинбургскій съ Эрцгерцогиней Маріей-Терезіей Австрійскою, Эрцгерцогъ Карлъ-Лудвигъ Австрійскій съ Великою Княгиней Маріей Павловною, Герцогиня Эдинбургская Великая Княгиня Марія Александровна, Великія Княгини Александра Иосифовна, Ольга Θεодоровна, Екатерина Михайловна съ дочерью Еленою Георгіевною, Герцогиня Виртембергская Вѣра Константиновна, Принцесса Баденская Марія Максимилиановна, Принцесса Ольденбургская Евгения Максимилиановна, Великій Князь Константинъ Николаевичъ и Августѣйшіе фельдмаршалы Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи съ сыновьями, Герцоги Лейхтенбергскіе Князья Романовскіе, Принцы Ольденбургскіе Александръ Петровичъ съ сыномъ, Принцъ Альбрехтъ Прусскій, Принцъ Карлъ Шведскій, Герцогъ Амедей Аостскій, Герцогъ Монахъ Ивфантъ Иславскій, Принцъ Арнульфъ Баварскій, Принцъ Карлъ Баденскій, Принцы Генрихъ и Александръ Гессенскіе, Князь Черногорскій Николай, Князь Болгарскій Александръ, Принцы Германъ и Бернгардъ Саксенъ-Веймаръ-Эйзенахскіе, Принцъ Фердинандъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій. Всѣ почти иностранные принцы были въ русскихъ мундирахъ и лентахъ. Шествіе Наслѣдника Цесаревича замыкали статсъ-дамы, камеръ-фрейлины, фрейлины Ея Величества, гофмейстерины и фрейлины Ихъ Высочествъ и наконецъ иностранныя придворныя дамы.

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ прошелъ, при восторженныхъ неумолкаемыхъ привѣтствіяхъ народа, чрезъ дворцовую площадку и подъялся на палерть Успенскаго собора. Встрѣченный здѣсь духовенствомъ со крестомъ и святою водою, Его Высочество вступилъ въ соборъ, и пройдя по правому боковому входу Троицкаго возвышенія (расположенному ближе къ южной стѣнѣ храма) сталъ на приготовленномъ для Него мѣстѣ, у передняго праваго столпа. Тутъ же вдоль южной стѣны помѣстались и всѣ особы принимавшія участіе въ шествіи Наслѣдника Цесаревича, за исключеніемъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, которые не оставаясь въ соборѣ прошли *стѣнными дверями* въ Синодальную Палату.

Между тѣмъ, на дворцовой площадкѣ, уже дѣлались приготовления ко второму, главному торжественному шествію. Изъ

Грановитой Палаты 32 штабъ-офицера перенесли великолѣпный, сіявшій золотомъ, украшенный перьями и увѣнчанный Императорскою короной балдахинъ къ нижней стулеви Краснаго Крыльца. Вслѣдъ за симъ вышли на Красное Крыльцо собравшіеся предъ тѣмъ въ Золотой Палатѣ 32 генералъ-адъютанта назначенные для несенія балдахина и привали его отъ штабъ-офицеровъ. Съ палерты Успенскаго собора сошелъ духовникъ Ея Величества ректоръ С.-Петербургской Духовной Академіи протоіерей Янышевъ въ сопровожденіи двухъ діаконовъ, несшихъ на золотомъ блюдѣ святую воду, и окропилъ ею весь путь торжественнаго шествія.

Верховный маршалъ, князь В. А. Долгоруковъ, положилъ Ихъ Величествамъ что все къ шествію готово. Тогда Ихъ Величества, выйдя изъ внутреннихъ покоевъ, изволили прибыть въ Тронную (Андреевскую) залу и возсѣсть тамъ на тронъ. Государь Императоръ былъ въ общегенеральскомъ мундирѣ со Владимірскою лентой и съ обыкновенною цѣлью ордена Св. Андрея Первозваннаго. Государыня Императрица въ бѣломъ газетовомъ гладкомъ платьѣ. Въ Тронной залѣ ожидали Ихъ Величества собравшіеся еще съ 8 часовъ члены Государственнаго Совѣта, статсъ-секретари и предводители дворянства. Отъ трона до дверей Александровской залы стояли шпалерами съ одной стороны дворцовые гренадеры, съ другой два взвода кавалергардовъ. Въ Александровской залѣ находилось дворянство, городскіе головы, представители различныхъ учреждений и городскія дамы первыхъ трехъ классовъ, шпалерами стоялъ взводъ кавалергардовъ со штандартомъ. Георгіевская зала была наполнена генералами, штабъ- и оберъ-офицерами, не находившимися въ строю, а также адмиралами и другими чинами флота; здѣсь же стояли взводы собственнаго Ея Величества конвоя и лейбъ-гвардіи Коннаго полка. Во Святыхъ Сѣняхъ стояли Кирасиры Ея Величества и Ея Величества полковъ, наконецъ во Владимірской залѣ находились четыре взвода кадетъ Московскихъ корпусовъ и рота Александровскаго Военнаго Училища.

По данному Ея Величествомъ знаку, зазвучали трубы и литавры на террасѣ противъ Андреевской Залы обращенной къ Москвѣ-рѣкѣ и на террасѣ выходящей къ Благовѣщенскому собору, близъ Краснаго Крыльца. Шествіе двинулось къ Красному Крыльцу.

Ровно въ 9¹/₂ часовъ спустился на дворцовую площадку взводъ статныхъ кавалергардовъ въ блестящихъ мундирахъ

и красныхъ супервестахъ; за ними шли 24 лажа и столько же камеръ-лажей въ своихъ красивыхъ шитыхъ золотомъ мундирахъ и въ каскахъ съ густыми бѣлыми султанами.

Два церемоніймейстера съ жезлами открывали собою нескончаемую процессію представителей волостей, городовъ и земствъ Россійской Имперіи. Особенно выдавались среди всей окружающей блестящей обстановки своимъ простымъ, но разнообразнымъ парадомъ, волостные старшины всѣхъ Россійскихъ губерній, гминные войты Царства Польскаго и староста Коробовскихъ бѣлопашцевъ. За ними шли городскіе головы всѣхъ губернскихъ городовъ, депутаты Великаго Благочества Финляндскаго и предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ.

Третью часть процессіи составляли представители различныхъ учрежденій первопрестольной столицы Москвы. Тутъ были члены Московскаго Биржеваго Комитета, члены Кулеческой, Ремесленной, Мѣщанской и Городской управъ, представители Совѣта Торговли и Мануфактуръ, Главной Складочной Таможни, Конторы Государственнаго Банка, Управленія Акцизными Сборами, Управленія Государственными Имуществами, Мѣстнаго Учрежденія Государственнаго Коннозаводства, Врачебнаго Управленія, Почтамта, Контрольной и Казенной Палаты. Далѣе шли Московскій Столичный Мировой съѣздъ, Коммерческій Судъ, Окружной Судъ, представители благотворительныхъ обществъ, Комиссія Построенія Храма Христа Спасителя, Цензурный Комитетъ, Московское Губернское Правленіе и Канцелярія Московскаго генералъ-губернатора, Управленіе Телеграфнаго округа, представители Московскаго округа Путей Сообщенія, Штабъ Московскаго военнаго округа, представители Московской Судебной Палаты, Сохранной и Судной Казны, Архивовъ Министерства Юстиціи и Иностранныхъ Дѣлъ, Межевой Канцеляріи, представители Московскаго Учебнаго Округа и Университета.

За представителями Москвы шли чины Министерства Императорскаго Двора, депутаты всѣхъ казачьихъ войскъ, представители дворянства Россійской Имперіи, оберъ-прокуроръ Іго Департамента Правительствующаго Сената, почетные олекуны, сенаторы, находящіеся въ Москвѣ генералъ-губернаторы, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, статсъ-секретари, главноуправляющіе отдѣльными частями, министры и члены Государственнаго Совѣта.

Съ напряженнымъ вниманіемъ всѣ присутствовавшіе слѣдили за этою длинною разнообразною вереницей, медленно двигавшеюся отъ Краснаго Крыльца къ Успенскому собору. Въ самый соборъ входили лишь начальствующія лица поменованныхъ выше учрежденій, тогда какъ остальные лица участвовавшія въ шествіи доходили лишь до южныхъ дверей собора, а затѣмъ обходили оный съ западной стороны и ожидали въ Синодальной Палатѣ обратнаго шествія. Для волостныхъ же старшинъ было отведено особое мѣсто близъ Краснаго Крыльца между Благовѣщенскимъ и Архангельскимъ соборами.

Но вотъ появились два коронаціонные оберъ-церемоніймейстера съ жезлами и верховный церемоніймейстеръ также съ жезломъ. Войска ввали на караулъ, загремѣлъ барабанный бой и раздался колокольный звонъ. Приближались Императорскія регаліи. Предъ ними шли два герольда въ своемъ нарядномъ средневѣковомъ уборѣ и унтеръ-офицеры роты дворцовыхъ гренадеръ со знаменемъ.

Большую корону Государя Императора несъ на бархатной, малиновой подушкѣ генералъ-адъютантъ графъ Л. Л. Гейденъ; при немъ были ассистентами сенаторы дѣйствительные тайные совѣтники: баронъ А. Ф. Гревеницъ и В. Г. Черноглазовъ.

Малую корону Государыни Императрицы несъ дѣйствительный тайный совѣтникъ В. П. Титовъ, при которомъ шли ассистенты его гофмейстеръ Б. А. Нейдгардтъ и сенаторъ П. И. Саломонъ.

Скипетръ несъ графъ Ф. Т. Барановъ, а *Державу* графъ П. А. Валуевъ. При первомъ изъ нихъ ассистентами были сенаторъ А. Н. Шаховъ и тайный совѣтникъ Ф. А. Брунь, при второмъ гофмейстеръ С. М. Сухотинъ и сенаторъ К. К. Петерсъ.

Затѣмъ слѣдовала *Порфира* Его Императорскаго Величества, несомая генералъ-адъютантами адмираломъ Ф. М. Новосильскимъ и графомъ А. В. Адлербергомъ и ассистентами ихъ гофмейстеромъ графомъ А. Н. Ламздорфомъ и тайнымъ совѣтникомъ П. Н. Батюшковымъ.

Порфиру Ея Императорскаго Величества несли генералъ-адъютанты графъ Ф. Л. Гейденъ и А. Е. Тимашевъ, съ ассистентами статсъ-секретаремъ А. А. Сабуровымъ и сенаторомъ И. И. Розингомъ.

Государственный мечъ несъ генералъ-адъютантъ графъ Д. А. Милютинъ, *Государственную печать* министръ Иностранныхъ

Дѣлъ Н. К. Гирсъ, а *Государственное званіе* генераль-адъютантъ князь Меншиковъ. При первомъ изъ нихъ ассистентами были генераль-адъютанты А. А. Свѣчинъ и К. Н. Мавзей, при второмъ гофмейстеръ баронъ К. Н. Корфъ и тайный совѣтникъ И. А. Зиновьевъ, а при третьемъ генераль-адъютантъ графъ А. И. Мусивъ-Пушкинъ и сенаторъ В. М. Маркусъ.

Наковецъ слѣдовала *ушь Ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго*, несомая министромъ Внутреннихъ Дѣлъ графомъ Д. А. Толетымъ, имѣвшимъ при себѣ ассистентами гофмейстера князя Н. П. Мещерскаго и состоящаго въ должности гофмейстера А. А. Васильчикова.

По сторонамъ регалій шли флигель-адъютанты, свиты Его Величества генераль-майоры и генераль-адъютанты.

Когда Императорскія регаліи приблизились ко дверямъ церковнымъ, все духовенство вышло на лапоть, и митрополитъ Новгородскій Исидоръ почтилъ оныя каженіемъ, а митрополитъ Кіевскій Платонъ кропленіемъ святою водою.

Вниманіе присутствующихъ достигло въ эту минуту высшей степени напряженности; всѣ взоры приковались къ Красному Крыльцу въ ожиданіи появленія Императорской Четы. Вдругъ грянуло стотысячное ура, подхваченное густыми, необозримыми толпами народа, наполнившими всѣ Кремлевскія площади и прилегающія къ Кремлю набережныя. Всѣ находившіеся на дворцовой площадкѣ оркестры военной музыки грянули гимнъ *Боже Царя храни*, и при этихъ несмолкаемыхъ восторженныхъ привѣтствіяхъ Его Императорское Величество Государь Императоръ спустился со ступеней Краснаго Крыльца, предшествуемый взводомъ кавалергардовъ, гофмаршаломъ, оберъ-гофмаршаломъ, наковецъ верховнымъ маршаломъ съ жезломъ. По сторонамъ Его Императорскаго Величества шли, въ качествѣ ассистентовъ при обрядѣ Священнаго Коронованія, Ихъ Высочества Великіе Князья Владиміръ Александровичъ и Алексій Александровичъ, а позади Государя Императора министръ Императорскаго Двора, Военный министръ генераль-адъютантъ П. С. Ванновскій, командующій Императорскою Главною Квартирой А. Б. Рихтеръ и дежурные: генераль-адъютантъ и генераль-майоръ свиты Его Величества, а также командующій кавалергардскимъ Ея Величества полкомъ генераль-майоръ Шиловъ съ облаченнымъ плашемъ.

Новые, усиленные клики ура приветствовали появленіе Государыни Императрицы. Ея Императорское Величество шествовала имѣя при Собѣ Своей двухъ ассистентовъ: Его Высочество Великаго Князя Сергія Александровича и принца Датскаго Вальдемара. Позади шли четыре статсъ-дамы и свитыя фрейлины Ея Величества.

Сойдя съ Краснаго Крыльца, Ихъ Величества вступили подъ багдахинъ, который понесли надъ Ихъ Величествами шестнадцать генералъ - адъютантовъ: Зиновьевъ, Половъ, Перелешинъ, графъ Шуваловъ 2й, Обручевъ, Софіано, князь Святополкъ-Мирскій 2й, князь Имеретинскій, Шереметевъ, Свистуновъ, князь Шаховской, князь Витгенштейнъ, Воейковъ, Шестаковъ, фонъ-Розенбахъ и Черевинъ. Шнуры багдахина держали слѣдующіе шестнадцать генералъ-адъютантовъ: Веригинъ, баронъ Бистромъ, графъ Лорисъ-Меликовъ, Яфимовичъ, Гурко, Раецкій, князь Голицынъ 1й, Костанда, Дрентельнъ, Исаковъ, графъ Игнатъевъ, Треловъ, графъ Левашовъ, Чертковъ 2й, Ребиндеръ и Стюрлеръ.

За багдахиномъ шли генералъ-адъютанты въ чинѣ полныхъ генераловъ и взводъ.

Торжественное шествіе замыкалось представителями Россійскаго дворянства и именитымъ московскимъ кулечествомъ и наконецъ новымъ взводомъ кавалергардовъ.

Когда Государь Императоръ и Государыня Императрица, шествуя подъ багдахиномъ, приблизились при возрастающихъ восторженныхъ кликахъ ура и торжественномъ колокольномъ звонѣ къ палерти Успенскаго собора, генералъ-адъютанты несшіе багдахинъ остановились, и Ихъ Величества по ступенямъ палерти подвигались къ южнымъ дверямъ собора. Клики, музыка и колокола смолкли, повсюду воцарилась благоговѣйная тишина. У дверей собора встрѣтилъ Ихъ Величества митрополитъ Московскій Іоанникій и обратился къ Нимъ со слѣдующею рѣчью:

„Благочестивѣйшій Великій Государь!

„Исполнилось заветное желаніе Твое и всѣхъ Твоихъ вѣрополадовавшихъ. Въ царственномъ величїи торжественно вступаешь Ты въ знаменитый храмъ Первопрестольной Столицы Твоей, воспріять, по примѣру благочестивыхъ предковъ Твоихъ, видимые знаки великаго, Богомъ предопредѣленнаго Тебѣ царственнаго служенія и священное помазаніе отъ Святаго, а съ нимъ и всѣ дары Духа Святаго, необходимые для прохожденія великаго къ Богу служенія Твоего.

„Милліоны Твоихъ вѣроподанныхъ, по всѣмъ градамъ и весамъ обширѣйшей въ мірѣ Державы Твоей, торжествуютъ и ликуютъ, сопровождая шествіе Твое молитвенными благожеланіями; Святая Церковь срѣтаетъ Тебя горячими молитвами о Тебѣ къ Царю царствующимъ.

„Вѣруемъ что съ сими видимыми молитвами соединяются незримыя, но болѣе нашихъ дѣйственыя молитвы Твоихъ благочестивыхъ предковъ, собирателей и устроителей земли Русской, и молитвы великихъ святителей, издавеча очами вѣры прозиравшихъ и предсказывавшихъ величіе Богомъ вѣренной Твоему водительству Державы.

„Держимъ со смиреніемъ уловать что горячія и смиренныя молитвы такого сонма вѣрующихъ проникнуть небеса, взойдутъ ко Престолу Царя царствующихъ и маведутъ чрезъ таинственное священнодѣйствіе Церкви благословеніе Всевышняго на Тебя и Богомъ вѣренную Тебѣ Державу.

„Господь Воодержитель, въ рукахъ котораго судьбы царей и царствъ, да соблюдетъ Тебя и царство Твое въ мирѣ и безопасности, да изліетъ на Тебя Духа премудрости и разума, во еже судити людямъ Твоимъ въ правду, Духа крѣпости и мужества, во еже устроить вся къ пользѣ врученныхъ Тебѣ людей и ко славѣ пресватаго имени Своего. Благословенъ градъ въ имя Господне!“

Митрополитъ Новгородскій Исидоръ подалъ Ихъ Величествамъ крестъ къ цѣлованію, а митрополитъ Кіевскій Платонъ окропчалъ Ихъ святою водою, послѣ чего Государь Императоръ и Государыня Императрица вступили въ древній храмъ, въ стѣнахъ котораго коронуются и помазуются на царство Русскіе Государи, въ предшествіи архіереевъ и прочаго духовенства и при пѣвѣи пѣвчими псалма *Милость и судъ возпою Тебѣ, Господи.*

Вступивъ въ соборъ, Ихъ Величества со Своими ассистентами приблизились къ Царскимъ Вратамъ и совершили троекратное Господу поклоненіе, а затѣмъ, приложившись къ мѣстнымъ иконамъ Спасителя и Богоматери, Ихъ Величества взошли на Троиное мѣсто.

Троиное мѣсто было устроено въ самой серединѣ собора между поддерживающими куполъ четырьмя столпами, на широкой площадкѣ, обтянутой алымъ сукномъ, къ которой вели отъ амвона двѣнадцать ступеней. Между двумя задними столпами поднималось обитое малиновымъ бархатомъ возвышеніе

на которомъ помѣщены были престолъ царя Михаила Теодоровича для Государя Императора и престолъ царя Алексія Михайловича для Государыни Императрицы. Оба престола стояли подъ своєю великолѣпнаго балдахина изъ машиноваго бархата съ золотыми украшеніями, орлами и коронами, поддерживаемого сверху цѣлью прикрѣпленною къ сводамъ храма. На той же площадкѣ, наѣтво отъ престоловъ, между двумя сѣверными столами, стоялъ длинный покрытый дорогою парчей столъ, приготовленный для Императорскихъ Регалій. Все тронное мѣсто окружено было изящными вызолоченными перилами. Вокругъ троннаго мѣста, Успенскій соборъ представлялъ величественный видъ. До высоты входныхъ дверей всѣ стѣны были затянуты алымъ сукномъ. Такимъ же сукномъ былъ обтянутъ помостъ занимавшій весь храмъ и на нѣсколько ступеней поднимавшійся надъ уровнемъ пола. Западныя двери за троннымъ мѣстомъ были совершенно закрыты и затянуты сукномъ, а для входа и выхода оставлены были лишь южныя и сѣверныя двери. На правой сторонѣ, къ Тронному мѣсту примыкала боковая площадка между южными столами храма, приготовленная для членовъ Августѣйшей Фамиліи и иностранныхъ принцевъ, а на лѣвой сторонѣ находилась другая площадка для генералъ - адъютантовъ. Далѣе, направо отъ трона, вдоль южной стѣны храма, находилось возвышающееся шестью ступенями мѣсто для статсъ-дамъ, фрейлинь и супругъ высокопоставленныхъ лицъ. Ближе къ алтарю на той же сторонѣ отведены были мѣста духовенству иныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. На противоположной сторонѣ собора наѣтво отъ Троннаго мѣста, вдоль сѣверной стѣны, стояли лица дипломатическаго корпуса и свиты иностранныхъ принцевъ. Наконецъ, мѣста находившіяся позади Трона, вдоль западной стѣны храма, были предоставлены сенаторамъ, дворянству, начальникамъ различныхъ учрежденій, нѣкоторымъ почетнымъ лицамъ не находившимся въ процессіи. Наверху эстрады помѣщались газетные корреспонденты числомъ двѣнадцать, между ними семеро отъ русскихъ газетъ.

Между тѣмъ какъ Ихъ Императорскія Величества, приложась ко святымъ иконамъ, изволили шествовать по ступенямъ Троннаго мѣста къ престоламъ, архіереи, архимандриты и прочее духовенство участвовавшее въ служеніи стали по обѣ стороны отъ ступеней Троннаго мѣста до Царскихъ Вратъ, а особы несшія Императорскія Регаліи возложили оныя на приготовленный столъ и стали въ слѣдующемъ порядкѣ:

Графъ Л. Л. Гейденъ, несшій большую Корону, помѣстился за столомъ на который она была положена. Дѣйствительный тайный совѣтникъ В. П. Титовъ, несшій малую Корону, сталъ также за столомъ при оной. Графъ Э. Т. Барановъ, несшій Скулетръ, сталъ на верхней площадкѣ Троннаго мѣста, справа, тогда какъ графъ П. А. Валуевъ, несшій Державу, помѣстился на той же площадкѣ, слѣва. Генералъ-адъютанты: адмиралъ Э. М. Новосильскій и графъ А. В. Адлербергъ, несшіе Порфиру Государа Императора, стали на первой ступени Троннаго мѣста справа, на той же ступени слѣва заняли мѣсто генералъ-адъютанты: графъ Э. Л. Гейденъ и А. Е. Тимашевъ, несшіе Порфиру Ея Императорскаго Величества. Далѣе, на второй ступени, справа, сталъ генералъ-адъютантъ графъ Д. А. Милютинъ, держа въ рукѣ Государственный Мечъ, а противъ него слѣва на той же ступени сталъ генералъ-адъютантъ князь Мезшиковъ съ Государственнымъ Знаменемъ въ рукахъ. Наконецъ, на третьей ступени Троннаго мѣста стали министры Иностранныхъ и Внутреннихъ Дѣлъ Н. К. Гирсъ и графъ Д. А. Толстой, несшіе Государственную печать и цѣль ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, первый—справа, второй—слѣва.

Геральды, предшествовавшіе Регаліямъ, стали по обѣимъ сторонамъ Троннаго мѣста на первой ступени снизу, ассистенты же при Регаліяхъ, пройдя по верхней площадкѣ Троннаго мѣста и сойдя по малой лѣстницѣ позади оного стали у сѣверной стороны собора, за духовенствомъ. Позади нихъ помѣстились между иконостасомъ и мѣстомъ занятымъ дипломатическимъ корпусомъ сопровождавшіе Регаліи флигель-адъютанты, свиты Его Величества генералъ-майоры и генералъ-адъютанты, а также 32 генералъ-адъютанта, несшіе бадахины надъ Ихъ Величествами и сдавшіе оныя у южныхъ дверей собора 32мъ штабъ-офицерамъ.

Пятая и седьмая ступени Троннаго мѣста были заняты съ обѣихъ сторонъ четырьмя кавалергардскими офицерами съ обнаженными палашами и касками въ рукахъ.

На девятой ступени стали два коронаціонные оберъ-церемоніймейстера.

У самаго востока на Тронное мѣсто, у церковныхъ столовъ помѣстились церемоніймейстеры, по два съ каждой стороны, лицомъ ко востоку, а между правымъ столомъ и востомъ у самыхъ перилъ Троннаго мѣста сталъ московскій губерна-

торъ В. С. Перфильевъ съ двумя ассистентами, московскимъ вице-губернаторомъ и председателемъ Окружнаго Суда для настланія въ назначенное время бархата и золотой ларчи.

Верховный маршалъ, оберъ-гофмаршалъ, верховный церемоніймейстеръ и гофмаршалъ, стоявшіе, пока Ихъ Величества прикладывались къ иконамъ, на первомъ у иконостаса уступѣ, близъ кляросовъ, лицомъ къ алтарю, сопровождали Ихъ Величества до верхней площадкѣ Троннаго мѣста и стали потомъ на второй площадкѣ онаго лицомъ другъ къ другу.

Между престоломъ Его Величества и столомъ для регалій помѣстились министръ Императорскаго Двора, Военный министръ, командующій Императорскою Главною Квартирой и дежурный генералъ-адъютантъ.

Командующій кавалѣргардскимъ Ея Величества полкомъ генералъ-майоръ Шоловъ, съ обнаженнымъ лашемъ и каской въ рукахъ, сталъ между обоими престолами, позади оныхъ. По сторонамъ его размѣстились оберъ-камергеръ графъ М. И. Хралтовичъ и оберъ-гофмейстеръ князь Г. Г. Гагаринъ, назначенные къ несенію концовъ порфирь Ихъ Величествъ, за ними егермейстеръ князь Б. Ѳ. Голицынъ, шталмейстеръ князь А. В. Мещерскій, гофмейстеръ князь Н. Б. Юсуповъ и гофмейстеръ князь И. М. Голицынъ, назначенные къ поддержанію порфирь у плечъ Ихъ Величествъ, и далѣе, у перилъ Троннаго мѣста—десять камергеровъ должностующихъ нести шайфы порфирь, шесть у Государя Императора (графъ А. С. Уваровъ, И. А. Всеволожскій, баронъ М. Н. Корфъ, Н. П. Балашовъ, князь В. С. Оболенскій и А. А. Араловъ) и четыре у Государыни Императрицы (В. В. Алраксизъ, И. П. Балашовъ, Е. К. Вейсъ и Р. У. Стааль фонъ-Гольштейнъ).

Взойдя на верхнюю площадку Троннаго мѣста, Государь Императоръ изволилъ возсѣсть на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича, а Государыня Императрица на престолъ царя Алексѣя Михайловича. У подножія перваго изъ сихъ престоловъ, выступла немного впередъ, стали ассистенты Государя Императора Ихъ Высочества Великіе Князья Владиміръ и Алексій Александровичи, а съ другой стороны, у подножія престола, на которомъ возсѣдала Государыня Императрица, помѣстились ассистенты Ея Величества, Его Высочество Великій Князь Сергіій Александровичъ и принцъ Датскій Ваальдемаръ.

Когда всѣ вышелоименованныя особы заняли свои мѣста, Успенскій соборъ представлялъ торжественное зрѣлище. Высоко поднимались между четырьмя исполинскими церковными столпами широкія, обтравутыя алымъ сукномъ ступени, ведущія къ верхней площадкѣ Троннаго мѣста, на вершинѣ котораго подъ балдахиномъ возсѣдала на прародительскихъ престолахъ Императорская Чета. По обѣимъ сторонамъ этой спускавшейся къ царскимъ дверямъ великолѣпной лѣстницы стояли въ роскошныхъ шитыхъ золотомъ мундирахъ придворные чины, кавалергарды и герольды. Далѣе до Царскихъ Вратъ тянулись два ряда высшаго духовенства въ новыхъ золотыхъ облаченіяхъ. На каирсахъ стояли придворные лѣвчиче въ полномъ составѣ, въ парадныхъ кафтанахъ. Вдоль южныхъ и сѣверныхъ стѣнъ стояли въ русскихъ костюмахъ, со множествомъ брилліантовъ и драгоценныхъ камней, придворныя дамы и дипломатическій корпусъ въ блестящихъ мундирахъ различныхъ національностей. Направо и лѣво отъ Троннаго мѣста стояли за золотою рѣшеткой на особыхъ площадкахъ Наслѣдникъ Цесаревичъ и прочіе члены Августѣйшей Фамиліи, иностранные принцы и высшіе военные чины въ блестящихъ золотомъ и орденами мундирахъ, и наконецъ у западной стѣны храма составляли какъ бы фонъ этой картины сенаторы, главные начальники всѣхъ учрежденій Россійской Имперіи, представители русскаго дворянства. Надо всѣмъ этимъ блестящимъ собраніемъ возвышались старинные своды заново-реставрированнаго собора и исполинскій иконостасъ, освѣщенные яркимъ огнемъ роскошныхъ лавикадилъ, лампадъ и свѣщниковъ, богато украшенныхъ золотомъ, жемчугомъ и драгоценными камнями.

Въ 10 часовъ начался торжественный обрядъ Священнаго Коронованія.

По ступенямъ ведущимъ къ Тронному мѣсту подымался медленною поступью маститый митрополитъ Новгородскій. Взойдя на верхнюю площадку, высокопреосвященный сталъ предъ Государемъ Императоромъ и обратился къ Его Величеству со слѣдующею по уставу рѣчью:

„Благочестивѣйшій Великій Государь нашъ, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій! Понеже благоволеніемъ Божиимъ, и дѣйствіемъ Святаго и Всеосвящающаго Духа, и Вашимъ изволеніемъ, имѣеть нынѣ въ семъ первопрестольномъ храмѣ совершиться Императорскаго Вашего Величества Коронова-

ніе и отъ Святаго Мѹра помазаніе: того ради, по обычаю древнихъ христіанскихъ монарховъ и Боговѣчныхъ Вашихъ предковъ, да соблаговолитъ Величество Ваше въ слухъ вѣрныхъ подданныхъ Вашихъ исповѣдать православно-каеоліческую вѣру, како вѣруеши?“

Митрополитъ поднесъ Его Величеству разгнутую книгу по которой Государь Императоръ громко и отчетливо прочелъ символъ православной вѣры, освѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ троекратно при произнесеніи святаго имени Бога Отца, Бога Сына и Духа Святаго. Это была одна изъ торжественнѣйшихъ минутъ священнаго обряда.

По прочтеніи Государемъ Императоромъ исповѣданія православной вѣры, митрополитъ Исидоръ возгласилъ: *Благодать Пресвятаго Духа да будетъ съ Тобою, аминь*, и сошелъ съ Троннаго возвышенія, а діаконъ, послѣ обычнаго начала, возгласилъ великую ектенію, въ которой въ прошеніи о *Благочестивѣйшей Самодержавнѣйшей Великолѣ Государь нашелъ Церковь* молится:

„О еже благословитися Царскому Его вѣнчанію благословеніемъ Царя царствующихъ и Господа господствующихъ.

„О еже укрѣплена быти скипетру Его десницею Вышняго.

„О еже помазаніемъ всесвятаго Мѹра пріяти ему съ небесе, къ правленію и правосудію, силу и премудрость.

„О еже получить Ему благопослѣшное во всемъ и долгодетственное царствованіе.

„Яко да услышитъ Его Господь въ день печали, и защитить Его имя Бога Іакова.

„Яко да послетъ Ему помощь отъ Святаго, и отъ Сіона заступитъ Его.

„Яко да подастъ Ему Господь по сердцу Его и весь советъ Его исполнить.

„Яко да подчиненныя суды Его немздоимы и велицепріятны сохранить.

„Яко да Господь силъ всегда укрѣпляетъ оружіе Его.

„О еже покорити подъ нозѣ Его всякаго врага и супостата.

„О еже благословитися царскому Его вѣнчанію и супруги Его благочестивѣйшей Государыни, Императрицы Маріи Теодоровны, благословеніемъ Его же Царя царствующихъ и Господа господствующихъ.“

По пролѣвіи тропаря: *Спаси, Господи, люди Твоя*, было чтеніе пророчества Исаіа:

(Для яснѣйшаго разумѣнія приводится текстъ на новѣйшемъ языкѣ сѣвуда синодальному преложенію).

„Радуйтесь небеса и веселись земля, и восклицайте горы отъ радости: ибо утѣшилъ Господь народъ Свой, и помилуе валь страдальцевъ Своихъ. А Сіонъ говорилъ: оставилъ меня Господь, и Богъ мой забылъ меня! Забудеть ли женщина грудное дитя свое чтобы не пожалѣть чадо чрева своего? Но еслибъ она забыла, то Я не забуду тебя. Вотъ, Я начертаю тебя на дланяхъ Моихъ; стѣны твои всегда предо Мною. Сыны твои послѣдуютъ къ тебѣ, а разорители и опустошители твои уйдутъ отъ тебя. Возведи очи твои и посмотри вокругъ,—все они (сыны) собираются, идутъ къ тебѣ. Живу Я! говоритъ Господь,—всѣми ими ты облечешься какъ убранствомъ, и нарядишься какъ невѣста. Ибо развалины твои, и пустыни твои, и разоренная земля твоя будутъ теперь слишкомъ тѣсны для жителей, и поглощавшіе тебя удалятся отъ тебя.“ (Исаи, 49, 13—19).

Затѣмъ по прокимнѣ: *Господи, силою твою возвеселятся Царь и о спасеніи Твоёмъ возрадуется зло* читано посланіе Св. Апостола Павла къ Римлянамъ, въ которомъ заключаетъ ся христіанское ученіе о повинновеніи властямъ какъ поставленнымъ отъ Бога:

„Братіе, всяка душа властемъ предержавшимъ да повинуется. Нѣсть бо власть аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть. Тѣмъ же противлаяйся власти, Божію повелѣнію противляется: противлajícíся же, себѣ грѣхъ пріемаютъ. Князи бо не суть боязнь добрымъ дѣломъ, но злымъ. Хочешь же ли не бояться власти? благое твори: и имѣти будешь похвалу отъ него. Божій бо слуга есть, тебѣ во благое. Аще ли злое твориши, бойся: не бо безъ ума мечъ носить: Божій бо слуга есть, отмститель въ гнѣвъ злое творящему. Тѣмъ же потреба повиноватися не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть. Сего бо ради и дани даете: служители бо Божіи суть во истое сіе пребывающе. Воздадите убо всѣмъ должная: ему же убо урокъ, урокъ; а ему же дань, дань, а ему же страхъ, страхъ; и ему же честь, честь“. (Римл. гл. 13, 1—7 ст.).

Засимъ слѣдовало чтеніе Евангелія отъ Матѳея:

„Во время оно, совѣтъ пріимше вси Фарисее на Іисуса, яко да оболъстятъ Его словомъ. И посылаютъ къ Нему ученики своя со Иродіаны, глаголюще: Учителю, вѣмы, яко истиненъ еси, и луты Божію во истину учиши, и верадиши на

о комъ же: не зриши бо на лице челоѡкомъ. Рцы убо намъ, что ти ся мнѣть? достойно ли есть дати кинсовъ Кесареви, или ни? Разумѣвъ же Иисусъ лукавство ихъ, рече: что мя искушаете, лицемѣри? Покажите ми заатицу кинсованую: ови же принесоша ему пѣнаязь. И глагола имъ: чїй образъ сей и написанїе? И глаголаша ему: Кесаревъ. Тогда глагола имъ: воздадите убо Кесарева Кесареви, и Божїя Богови. И слышавше дивншася, и оставльше Его отыдоша.“ (Мате. 21, 15—22).

По прочтенїи Евангелїа, на Трїонное мѣсто взошли митрополиты Новгородскїй Исидоръ и Кїевскїй Платонъ. Его Императорское Величество, снявъ съ себя обыкновенную цѣль ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, повелѣтъ соизволивъ возложить на Себя Императорскую порфиру, съ принадлежащею къ ней алмазною цѣлью сего ордена. Митрополиты поднесли Его Величеству порфиру на двухъ подушкахъ и возложили ее на Государя Императора при содѣйствиї ассистентовъ Его Величества, Великихъ Князей Владимїра и Алексїа Александровичей. При возложенїи порфиры митрополитъ Новгородскїй возгласилъ: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.*

По возложенїи порфиры Государь Императоръ преклонилъ главу. Митрополитъ осѣнилъ верхъ главы Государя крестнымъ знаменїемъ, возложилъ крестообразно руки на оную и прочелъ во услышанїе всѣмъ, по положенїю, слѣдующїа двѣ молитвы:

1. „Господи Боже нашъ, Царю царствующихъ и Господи господствующихъ, Иже черезъ Самуїла пророка избравый раба Своего Давида и помазавый его во царя надъ людемъ Твоимъ Израїлемъ: Самъ и нынѣ услыши моленїе насъ недостойныхъ, и призри, отъ святаго жилища Твоего, и вѣрнаго раба Твоего, Великаго Государя Александра Александровича, Его же благоволилъ еси поставити Императора надъ языкомъ Твоимъ, притяжанымъ честною кровїю Единороднаго Твоего Сына, помазати удостой елеомъ радованїа, одѣи Его силою съ высоты, наложи на главу Его вѣнецъ отъ камене честнаго, и даруй Ему долготу дней, даждь въ десницу Его скипетръ спасенїа, посади Его на престолѣ правды, огради Его всеоружїемъ Святаго Твоего Духа, укрѣпи Его мышцу, смири предъ Нимъ вся варварскїа языки хотящїа брани, всѣи въ сердце Его страхъ Твой, и къ послушнымъ состраданїе, соблюди Его въ вѣлорочной вѣрѣ, покажи Его извѣстнаго хранителя Свя-

тыя Твоя Каеолическія Церкви догматовъ, да судить люди Твоя въ правдѣ, и нищія Твои въ судѣ, спасеть сыны убогихъ и наслѣдникъ будетъ небеснаго Твоего царствія. Яко Твоя держава, и Твое есть царство, и сила во вѣки вѣковъ“.

II. „Тебѣ единому Царю человекѣвъ подклони выю съ нами Благочестивѣйшій Государь, Ему же земное царство отъ Тебе вѣрено: и молимся Тебѣ, Владыко всѣхъ, сохрани Его подъ кровомъ Твоимъ, укрѣли Его царство, благоугодна Тебѣ дѣяти всегда Его удостой, возсіяй во днехъ Его правду, и множество мира, да въ тихости Его кроткое и безмолвное житіе проживемъ во всякомъ благочестіи и честности. Ты бо еси Царь мира, и Слась душъ и тѣлесъ нашихъ, и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, выиѣ и присно, и во вѣки вѣковъ“.

По прочтеніи второй молитвы, Его Императорское Величество повелѣлъ подать Себѣ корону. На малиновой бархатной подушкѣ поднесена была большая Императорская корона, вся усыпанная драгоценными алмазами, ярко сіявшая подъ лучами церковныхъ огней. Митрополитъ принялъ корону и представилъ ее Его Величеству. Государь Императоръ, стоя въ порфирѣ предъ своимъ престоломъ, взялъ корону въ обѣ руки и возложилъ оную на главу Свою, причемъ митрополитъ возгласилъ: „*Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.*“

Послѣ сего, митрополитъ произнесъ предъ Его Величествомъ слѣдующую установленную рѣчь по книгѣ:

„Благочестивѣйшій, Самодержавѣйшій, Великій Государь Императоръ Всероссійскій!

„Видимое сіе и вещественное Главы Твоя украшеніе, явный образъ есть, яко Тебя Главу Всероссійскаго народа вѣнчаетъ невидимо Царь'славы Христосъ, благословеніемъ Своимъ благостыннымъ, утверждая Тебѣ владычественную и верховную власть надъ людьми Своими.“

За симъ Государь Императоръ повелѣлъ подать Себѣ Скипетръ и Державу. Митрополитъ подалъ Его Величеству въ десную руку Скипетръ, а въ лѣвую Державу съ возгласомъ: „*Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь*“—и произнесъ по книгѣ, слѣдующую рѣчь:

„О Богомъ Вѣнчанный, и Богомъ дарованный, и Богомъ Преукрашенный, Благочестивѣйшій, Самодержавѣйшій, Великій Государь Императоръ Всероссійскій! Прими Скипетръ

и Державу, еже есть видимый образъ даннаго Тебѣ отъ Вышняго надъ людьми Своими самодержавіа къ управленію ихъ, и ко устроенію всякаго желаемаго имъ благополучія.“

Его Величество принявъ Скипетръ и Державу возсѣлъ на престолъ.

Вскорѣ потомъ Государь Императоръ сложилъ сіи обѣ регаліи на подушки и изволилъ призвать къ Себѣ Государыню Императрицу. Ея Величество преклонила предъ Августѣйшимъ Супругомъ Своимъ колѣна на малиновую бархатную подушку, украшенную золотымъ позументомъ, а Монархъ, снявъ съ Себя Корону, прикоснулся ею ко главѣ Императрицы и снова возложилъ оную на Себя.

Затѣмъ поднесена была Его Императорскому Величеству меньшая корона, которую Государь Императоръ возложилъ на главу Своей Августѣйшей Супруги.

Послѣ сего поднесены были Его Императорскому Величеству порфира и алмазная цѣль ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго. Государь Императоръ, принявъ сіи регаліи, возложилъ оныя на Ея Величество при содѣйствіи ассистентовъ Государыни Императрицы Великаго Князя Сергія Александровича и принца Датскаго Вальдемара, а также приближившихся для сей цѣли къ Ея Величеству статсъ-дамъ.

Ея Величество изволила встать и подойти къ Государю Императору и Его Величество поцѣловала Свою Августѣйшую Супругу. Это было невыразимо трогательное мгновеніе. Многіе изъ присутствующихъ плакали отъ умиленія.

Когда Государыня Императрица возвратилась на Свой престолъ, Государь Императоръ снова пріялъ скипетръ и державу. Протодіаконъ возгласилъ полный титулъ Государя Императора (причемъ въ первый разъ произнесены въ титулѣ слова *Государь Туркестанскій*) и воскликнулъ многолѣтніе Государю Императору и Государыни Императрицѣ. Пѣвчіе пропѣли трижды *Многая лѣта*, и одновременно (въ 10 часовъ 35 минутъ) раздались выстрѣлы изъ орудій (числомъ 101) и колокольный звонъ, извѣщавшіе что Священное Коронованіе совершилось. Всѣ Кремлевскія площади оживились, необозримая толпа стоявшая до сихъ поръ въ благоговѣйномъ молчаніи огласила воздухъ восторженными кликами *ура*. Черезъ пять минутъ все снова смолкло.

Въ это время въ соборѣ духовенство и свѣтскія обоихъ пола особы, не оставая мѣстъ своихъ, привесомъ поздравле-

вѣя Его Императорскому Величеству, а Государыня Императрица и всѣ члены Августѣйшей Фамиліи привѣтствовали Государя Императора приблизившись къ Его Особѣ. Первымъ послѣ Ея Величества принесъ поздравленіе Государю Императору Великій Князь Владиміръ Александровичъ, причеиъ Его Величество и Его Высочество троекратно облобызались. За ними слѣдовали Великіе Князья Алексій и Сергій Александровичи, принцъ датскій Вальдемаръ, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ, Великая Княгиня Ксентіа Александровна, Великій Князь Павелъ Александровичъ, Великіе Князья Константинъ, Михаилъ и Николай Николаевичи, Великія Княгини Александра Иосифовна, Марія Павловна, Ольга Θεодоровна; Ея Высочество Марія Александровна, Герцогиня Эдинбургская, Ея Величество Ольга Константиновна королева Эллиновъ и прочіе члены Августѣйшей Фамиліи и иностранные принцы, въ томъ числѣ владѣтельные князья Черногоріи и Болгаріи.

По окончаніи сихъ поздравленій, когда умолкали колокола и лупки и всѣ присутствовавшіе снова заняли свои прежнія мѣста, Его Императорское Величество, возставъ съ престола и отдавъ скипетръ и державу, преклонилъ колѣна. Митрополитъ Исидоръ подалъ Его Величеству книгу и Государь Императоръ прочелъ колѣнопреклоненно слѣдующую установленную молитву:

„Господи Боже отецъ и Царю царствующихъ, сотворивый вся словомъ Твоимъ, и премудростію Твоею устроивый человека да управляетъ міръ въ преподобіи и правдѣ! Ты избралъ Мя еси Царя и Судію людямъ Твоимъ. Исповѣдую неизслѣдимое Твое о Мнѣ смотрѣніе, и благодаря, величеству Твоему поклоняюся. Ты же, Владыко и Господи Мой, настави Мя въ дѣлѣ, на неже послалъ Мя еси, вразуми и управи Мя въ великомъ служеніи семъ. Да будетъ со Мною присѣдающая престолу Твоему премудрость. Посли ю съ небесъ святыхъ Твоихъ; да уразумѣю что есть угодно предъ очима Твоима и что есть право въ заповѣдяхъ Твоихъ. Буди сердце Мое въ руку Твою, еже вся устроить къ пользѣ врученныхъ Мнѣ людей и ко славѣ Твоей, яко да и въ день суда Твоего не постыдно воздамъ Тебѣ слово: милостію и щедротами едиnorodнаго Сына Твоего, съ Нимъ же благословенъ еси со Пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ, во вѣки вѣковъ, аминь.“

Яснымъ, во дрожавшимъ отъ душевнаго волненія голосомъ, съ глубокимъ благоговѣнїемъ прочелъ Монархъ слова этой молитвы, и крупныя слезы умиленія катились по лавитамъ Самодержавнаго Государя, благодарившаго Царя царствующаго и молившаго о виспослаіи ему премудрости въ великомъ царскомъ служеніи. На присутствовавшихъ видъ колѣнопреклоненнаго, плачущаго и молящагося Царя произвелъ глубокое, неизгладимое на всю жизнь впечатлѣніе.

Государь, кончивъ молитву, сталъ предъ Своимъ сѣдалищемъ. Тогда митрополитъ Новгородскій опустился на колѣна, а за нимъ всѣ предстоявшіа духовныя и свѣтскія особы бывшіа во храмѣ, а также народъ стоявшій у лалерты собора. Митрополитъ прочелъ отъ лица всего народа слѣдующую молитву:

„Боже великій и дивный, неисловѣдимою благостию и богатымъ промысломъ управляяй всѣческая, Его же премудрыми, но неиспытанными судьбами, разнообразныя предѣлы жизни и сожительство человѣческое прїемлетъ, благодарѣ исповѣдуемъ: яко не по беззаконіямъ нашимъ сотворилъ еси намъ, ниже по грѣхомъ нашимъ воздалъ еси намъ. Согрѣшихомъ Господи, и беззаконновахомъ, и крайнаго Твоего отвращенія достойны сотворихомся. Ты же, о несчастная благостыня, милостивый и долготерпѣливый, и кайся о злобахъ человѣческихъ, Владыко, наказавъ насъ краткимъ бывшіа печали пощещеніемъ, се изобильно исполняеши радости и веселія сердца наша, оправдавъ надъ нами царствовать возлюбленнаго Тобою раба Твоего, Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Государя нашего Императора Александра Александровича всея Россіи: умудри убо и настави Его непопозволенно проходить великое сіе къ Тебѣ служеніе, даруй Ему разумъ и премудрость во еже судити людемъ Твоимъ въ правду, и Твое сіе достояніе въ тишинѣ и безъ печали сохрани, покажи Его врагомъ побѣдителя, злодѣемъ страшна, добрымъ милостива и благовадежна; согрѣй сердце Его къ призрѣнію нищихъ, ко прїятію странннхъ, къ заступленію налестуемыхъ. Подчивенныя же Ему правительства управляя на путь истинны и правды, и отъ лицепрїятія и мздоимства отражая, и вся отъ Тебе державѣ Его врученныя люди въ нелицемѣрной содержа вѣрности, сотвори Его Отца о чадѣхъ веселящагося, и да удивиши милости Твоя на насъ. Умножи днѣ живота Его въ верушимомъ здравіи и непремѣнаемомъ

благополучіи; даруй же во дни Его и всѣмъ намъ миръ, безмолвіе и благопослѣшество, благораствореніе воздуха, земли плодородіе, и вся ко временной и вѣчной жизни потребная. О премилосердый Господи нашъ, Боже щедротъ и Отче всякія утѣхи, не отврати лица Твоего отъ насъ, и не посрамя насъ отъ чаянія нашего, уловающе на Тя, молимся Тебѣ, и молящеся на щедроты Твоя уловаемъ: Ты бо единъ всѣхъ еже требуемъ, и прежде прошенія подаеши, и дарованія утверждаеши, и всякое даваніе благо, и всякъ даръ совершенъ свыше есть сходящій отъ Тебе Отца свѣтовъ. Тебѣ слава и держава со еднороднымъ Твоимъ Сыномъ, и всесвятымъ и благимъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ, и прино, и во вѣки вѣковъ.“

Послѣ сей молитвы митрополитъ Исидоръ обратился къ Государю со слѣдующею привѣтственною рѣчью:

„Благочестивѣйшій, Богомъ вѣнчанный, Великій Государь Императоръ!

„Торжественно совершившееся Священное Вѣнчаніе Твое на прародительскомъ Престолѣ привѣтствуемъ какъ благодатный даръ свыше, отъ Отца свѣтовъ, *спичающаго Тя милостію и щедротами* (Псал. 102, 4), *славою и честію* (Псал. 20, 6).

„Живъ Господь, изрекшій чрезъ пророка: *Возстаю пасть тыя овцама единого, и упасеть я,—раба Моего Давида, той упасеть я и упокоитъ* (Иезек. 34, 23).

„Въ лицѣ Твоемъ, Избранникъ Божій, зримъ того Царя *по сердцу Божію* котораго Всевышній поставилъ надъ людьми Своими и облекъ видимыми знаками Высочайшей власти, чтобы врученныя державѣ Твоей народы подъ сѣнію скилетра Твоего проводили *тихое и безмолвное житіе во всякомъ благочестіи и честности*, въ довольствѣ и радости, и чтобы возлюбленная Его Церковь, искуленная цѣною дражайшей крови Его, подъ Твоимъ покровительствомъ, охраняемая отъ всѣхъ навѣтовъ вражіихъ, мудростію и силою Твоею восходила *отъ силы въ силу и достигала въ мѣру возраста исполненія Христова*. (Ефес. 4, 13.)

„Подвигъ великій для котораго, можно сказать, не довлѣютъ никакія силы человѣческія, никакая мудрость, никакая любовь, какъ бы онѣ велики ни были! Но когда Самъ *Вышній, владѣющій царствомъ человѣческимъ*, внушаетъ Избранному Своему: *Довольствуй ти благодать Моя*. (2 Корин. 12, 9). *Предо мною еси прино*. (Иса. 40, 16). *Призови мя въ дни скорби*

шюва и изму тѣ (Псал. 49, 15): вѣруемъ и уповаемъ что по царственной молитвѣ Твоей и соединенной съ нею молитвѣ всѣхъ вѣрныхъ Твоихъ подданныхъ *послетъ Тебѣ Господь обѣщаніе Отца Своего, и облечетъ Тя силою свыше* (Лук, 24, 49).

„Тобою, Господи, Царіе царствуютъ (Притч. 8, 15). Твоею благодатию непоколебимъ Всероссійскій Престоль. Твоею милостию крѣпка Россія.

„Слава Тебѣ Богу, Благодателю нашему во вѣки вѣковъ!“

Пѣвчіе пропѣли Тебе Бога *славимъ*, и этимъ окончился чинъ Священнаго Коронованія.

Началась божественная литургія.

Его Величество снялъ съ Себя Корону и отдалъ ее для помѣщенія оной на столѣ приготовленномъ для регалій.

Литургію совершали высокопреосвященные митрополиты Новгородскій, Кіевскій и Московскій, въ сослуженіи протоіереевъ Бажанова, Янышева, Смирнова и Рождественскаго.

По прочтеніи Св. Евангелія, два архіерея поднесли оное къ чтюванію Ихъ Величествъ. При началѣ пѣнія кивоника отъ Императорскаго Трона до Царскихъ Вратъ посланъ былъ для Высочайшаго къ онымъ шествія московскимъ губернаторомъ и его двумя ассистентами малиновый бархатъ обложенный золотымъ позументомъ, а близъ самыхъ Вратъ Царскихъ до Престола церковнаго сверхъ бархата тѣми же лицами была поставлена ларча, конецъ которой въ алтарѣ разложили протодіаконы.

Послѣ пѣнія кивоника и по причащеніи совершавшихъ литургію священнослужителей, Царскія Врата отверзлись и изъ алтаря вышли съ протодіаконами два архіерея, изъ коихъ одинъ, преосвященный Павелъ экзархъ Грузіи, возвѣстивъ Его Императорскому Величеству что время Муроломазанія наступило, слѣдующимъ образомъ: „Благочестивѣйшій Великій Государь нашъ Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Вашего Императорскаго Величества Муроломазанія и Святыхъ Божественныхъ Тайнъ пріобщенія приближися время: того ради да благоволитъ Ваше Императорское Величество шествовать, сея Великія Соборныя Церкви къ Царскимъ Вратамъ.“

Государь Императоръ, передавъ шлагу свою ассистентамъ и сойдя съ Трона, направилася въ порфирѣ къ Царскимъ Вратамъ. За Его Величествомъ слѣдовала Государыня Императрица. Образовалась величественная процессія, торжественно

спускавшаяся по ступенямъ Троннаго мѣста къ Царскимъ Вратамъ.

Впереди шелъ верховный церемоніймейстеръ имѣя по сторонамъ коронаціонныхъ оберъ - церемоніймейстеровъ; оберъ-гофмаршалъ съ гофмаршалами; верховный маршалъ; три савоюка съ регалиями рядомъ. За ними шествовалъ Государь Императоръ, имѣя по сторонамъ Своихъ ассистентовъ и двухъ старшихъ, стоявшихъ на пятой ступени, кавалергардскихъ офицеровъ. За Его Величествомъ шли командующій кавалергардскимъ Ея Величества полкомъ съ обнаженнымъ лашемъ, министръ Императорскаго Двора, Военный министръ, командующій Императорскою Главною Квартирой и дежурный генераль-адъютантъ. За Государыней Императрицей шли ассистенты Ея Величества. Порфиры Ихъ Величествъ поддерживали назначенные для сего и поменованные выше первые и вторые чины Двора и камергеры. Савоюки весшіе другія Императорскія Регалии остались на своихъ мѣстахъ.

По приближеніи къ Царскимъ Вратамъ, Государь Императоръ сталъ на посланной золотой ларчѣ, а Государыня Императрица остановилась предъ амвономъ; всѣ же остальные особы, сошедшія съ Троннаго мѣста вмѣстѣ съ Ихъ Величествами, стали на опредѣленные имъ мѣста полукружіемъ отъ обохъ клиросовъ до мѣста гдѣ остановилась Государыня Императрица.

Митрополитъ Новгородскій, взявъ драгоценный сосудъ со Святымъ Муромъ, приступилъ затѣмъ къ Его Императорскому Величеству и, омоча приуготовленный для сего драгоценный сучецъ, совершилъ Св. Муроломазаніе на челѣ Его Величества, на очахъ, ноздрахъ, устахъ, ушахъ, персяхъ и рукахъ, глаголя: *Печать дара Духа Святаго*, а митрополитъ Кіевскій отеръ мѣсто помазанія.

Объ этомъ торжественномъ мгновеніи народъ былъ извѣщенъ колокольнымъ звономъ и 101 выстрѣломъ изъ пушекъ и отвѣтилъ громогласными кликами *ура*.

Принявъ Муроломазаніе, Государь Императоръ дозволилъ стать по правую сторону, противъ мѣстной иконы Спасителя. Тогда приступила къ Царскимъ Вратамъ Государыня Императрица, ставъ на ту же золотую ларчу. Митрополитъ Новгородскій помазалъ муромъ только на челѣ Ея Величества, произнеся также: *Печать дара Духа Святаго*; митрополитъ же Московскій отеръ мѣсто помазанія.

Послѣ Муромазанія Ея Величество изволила стать по лѣвую сторону противъ мѣстной иконы Божіей Матери, имѣя при себѣ своихъ ассистентовъ.

Тогда митрополитъ Новгородскій приблизился къ Государю Императору и ввелъ Его Величество внутрь алтара, причемъ сослужащіе протоіереи поддерживали бока порфиры. Его Величество становясь предъ святою трапезой на золотой ларчѣ причастился Св. Христовыхъ Таинъ по чину Царскому, какъ причащаются священно-служители, то-есть особо Тѣла и особо Крови Христовой.

По причащеніи Св. Таинъ, одинъ изъ архіереевъ поднесъ Его Величеству антидоръ и теллоту, а другой послужилъ къ умовенію устъ и рукъ.

Выйдя изъ алтара, Государь Императоръ изволилъ снова отойти къ иконѣ Спасителя, а Государыня Императрица приблизиться къ Царскимъ Вратамъ для принятія Св. Причастія, обыкновеннымъ порядкомъ, отъ митрополита Новгородскаго, причемъ два другіе архіерея послужили Ея Величеству въ поднесеніи антидора и теллоты и къ умовенію устъ и рукъ.

Послѣ Священнаго Муромазанія и Причащенія Св. Христовыхъ Таинъ, Ихъ Величества изволили выѣхать шествовать къ своимъ престоломъ. Вся процессія снова потянулась вверхъ по алымъ ступенямъ Троннаго мѣста въ томъ же порядкѣ какъ слѣдовала до Царскихъ Вратъ.

Когда Ихъ Величества возвратились къ своимъ престоломъ и прочія лица заняли свои прежнія мѣста, духовникъ Его Величества, протопресвитеръ Бажановъ, прочелъ предъ Ихъ Императорскими Величествами благодарственныя причастныя молитвы; при отлукѣ литургіи протодіаконъ возгласилъ многолѣтіе Государю Императору и Государыня Императрицѣ, а лѣвчіе пропѣли трижды *Многая лѣта*.

Въ заключеніе, къ цѣлованію Ихъ Величествъ былъ поднесенъ святой крестъ. Государь Императоръ, возложивъ на главу Свою корону, взялъ скипетръ и державу. Тогда всѣ, какъ духовныя, такъ и свѣтскія особы, учинили троекратнымъ поклономъ вселоднанныѣшее поздравленіе съ благополучнымъ совершеніемъ Коронованія и Св. Муромазанія.

По принятіи Ихъ Величествами поздравленія, Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, всѣ Августѣйшіе Члены Императорской Фамиліи и иностранныя принцы стали выходить изъ собора *южными дверями* и

возвратились во Дворецъ прежнимъ порядкомъ, предшествующіе придворными чинами и имѣя за собой придворныхъ дамъ.

Государь Императоръ и Государыня Императрица, сойдя съ трона, изволили выйти въ *сѣверныя двери* Успенскаго собора, имѣя по сторонамъ своихъ ассистентовъ, а позади министра Императорскаго Двора, Военнаго министра, командующаго Императорскою Главною Квартирой, дежурныхъ генераль-майора свиты Его Величества, флигель-адъютанта и командующаго Кавалергардскимъ Ея Величества полкомъ. Здѣсь у сѣверныхъ дверей уже стояли вышедшіе заранѣе изъ собора 32 генераль-адъютанта съ багдахиномъ. Ставъ подъ багдахинъ, Ихъ Величества изволили шествовать въ Коронахъ и Порфирахъ, а Государь Императоръ со Скипетромъ и Державой въ рукахъ въ Архангельскій соборъ, въ предшествіи лицъ участвовавшихъ въ шествіи Ихъ Величествъ изъ Кремлевскаго Дворца въ Успенскій соборъ и митрополита Новгородскаго.

Шествіе направилось по помосту обитому алымъ сукномъ за дворцовую рѣшетку мимо Чудова монастыря, колокольни Ивана Великаго и Царь-Колокола и снова вступило на дворцовую площадку къ палерти сѣверныхъ дверей Архангельскаго собора. Шествіе сопровождалось колокольнымъ звономъ и 101 лучечнымъ выстрѣломъ, стоявшія на парадѣ войска отдавали честь съ музыкой и барабаннымъ боемъ, а Кремль дрожалъ отъ кликовъ ликующаго народа, привѣтствовавшаго Коронованнаго и Муромъ помазаннаго Монарха, шествовавшаго въ ослаблительно сіявшей подъ яркими лучами солнца Коронѣ, въ Порфирѣ, со Скипетромъ и Державой въ рукахъ. За Его Величествомъ подъ серединой багдахина шествовала Государыня Императрица, также въ блистательной коронѣ и порфирѣ. Шествіе двигалось чрезвычайно медленно въ строгомъ чинномъ порядкѣ, такъ что народъ могъ вдоволь налюбоваться своими Царемъ и Царицей.

Приблизившись къ Архангельскому собору, Ихъ Величества выступили изъ-подъ багдахина, и поднявшись на ступени палерти были встрѣчены архіепископомъ Владимірскимъ Θεогластомъ со крестомъ и святою водой, который поднесъ крестъ къ цѣлованію Ихъ Величествъ, окропалъ Ихъ святою водой и потомъ предшествовалъ Имъ въ соборъ.

Его Величество, вошедъ въ соборъ, снялъ съ Себя Корону и отдалъ оную, а равно и Скипетръ и Державу савошникамъ,

несшимъ сію регаліи, которые приняла она на бархатныя подушки. Затѣмъ Ихъ Величества приложились ко святымъ иконамъ и мощамъ, и поклонились гробницамъ предковъ. Протодіаконъ прочелъ надлежащую по уставу ектенію, по окончаніи коей возгласилъ многолѣтіе. Тогда Его Величество снова возложилъ на себя Корону, взявъ въ руки скипетръ и державу и, выйдя изъ собора западными дверями, шествовалъ подъ балдахиномъ вмѣстѣ съ Государыней Императрицей въ Благовѣщенскій соборъ, при входѣ въ который Ихъ Величества были встрѣчены архіепископомъ Ярославскимъ Іонааномъ и духовенствомъ со крестомъ и святою водою. Войдя въ Благовѣщенскій соборъ, Его Величество изволилъ также снять Корону и отдать ее, а равно и скипетръ и державу сановникамъ несшимъ подушки отъ сихъ регалій. Затѣмъ Ихъ Величества изволили приложиться ко святымъ иконамъ, послѣ чего была прочтена надлежащая по уставу ектенія и возгласено многолѣтіе. Во время пребыванія Ихъ Величествъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ, генералъ-адъютанты несшіе балдахинъ продолжали держать оный у дверей собора до выхода Ихъ Величествъ.

Изъ Благовѣщенскаго собора Императорская Чета шествовала подъ балдахиномъ въ томъ же порядкѣ къ Красному Крыльцу, дойдя до котораго митрополитъ Новгородскій освятилъ Ихъ Величества Св. Крестомъ и отбылъ въ Успенскій Соборъ.

На нижней площадкѣ Краснаго Крыльца, Ихъ Величества изволили выйти изъ-подъ балдахина и поднялись вверхъ на Крыльцо въ предшествіи церемоніймейстеровъ, коронаціонныхъ оберъ-церемоніймейстеровъ, верховнаго церемоніймейстера, герольдовъ, Императорскихъ регалій и верховнаго маршала.

Взойдя на верхнюю площадку Краснаго Крыльца, Ихъ Величества троекратно, по древнему обычаю, поклонились народу. Ликованіе народа тогда достигло своего апогея, и не найдешь словъ чтобы выразить его.

По вступленіи въ Андреевскую залу, Его Величество изволилъ отдать скипетръ и державу сановникамъ несшимъ оныя и затѣмъ Ихъ Величества въ коронахъ и порфирахъ отбыли во внутренніе покои для отдохновенія и ожиданія обѣденнаго стола въ Грановитой Палатѣ.

Верховный маршалъ, принявъ другія Императорскія регаліи, возложилъ ихъ на приготовленный столъ по правую сто-

роу Троннаго мѣста, гдѣ поставленъ былъ почетный караулъ отъ роты дворцовыхъ гренадеръ на все время ихъ нахожденія въ Тронной залѣ.

Такъ короновались въ первопрестольной столицѣ Москвѣ, 15 мая 1883 года, Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ Александръ III и Государыня Императрица Марія Феодоровна.

—

Всегда възвѣчаніе Русскихъ царей на Царство было великимъ и священнымъ для народа торжествомъ. Но нынѣ, послѣ недавнихъ испытаній, оно имѣетъ особое благодатное значеніе, которое со всею силой чувствуется народомъ...

Въ 3 часа дня Ихъ Императорскія Величества, въ полномъ царскомъ облаченіи, вошли въ Грановитую Палату, гдѣ уже заблаговременно собрались всѣ особы имѣвшія быть на царскомъ обѣдѣ. Царь и Царица помѣстились на тронномъ мѣстѣ на поставленныхъ тамъ престолахъ за столомъ накрытымъ на два прибора. По правую и по лѣвую руку позади Ихъ Величествъ стали тѣ же ассистенты которые были при нихъ и во время Коронованія. За Ихъ Величествами стоялъ съ обнаженнымъ палашемъ командиръ кавалергардскаго полка. Послѣдовало поднесеніе Ихъ Величествамъ выбитыхъ въ память Коронованія медалей. Затѣмъ, по установленному церемоніалу, началось принесеніе яствъ на Высочайшій столъ. Государь снялъ съ Себя корону которая со скипетромъ и державой были положены на особо приготовленный для нихъ столъ. Во время обѣда, сопровождавшагося исполненіемъ нарочно для сего случая написанной кантаты, провозглашены были при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ установленные тосты. Послѣ обѣденнаго стола Государь Императоръ, вновь возложивъ на Себя корону и взявъ скипетръ и державу, направился вмѣстѣ съ Государыней Императрицей при лѣвнн хоромъ „Славы“ въ Андреевскую залу и оставивъ тамъ Свои регаліи удалился во внутренніе апартаменты.

—

Совершившееся торжество, въ той силѣ какъ оно совершилось, было для нашего отечества необходимостію. Оно должно подвѣять и обновить насъ. Оно должно обозначить грань между прошедшимъ и новою открывающеюся эрой въ жизни Россіи. Оно, мы вѣримъ и надѣемся, положитъ тѣ

начала которыми опредѣлится дальнѣйшій ходъ нашей исторіи. Что ожидаетъ насъ, то еще скрыто для разумѣнія; но мы хранимъ вѣру въ Промыслъ насъ ведущій. Такъ или иначе мы должны выйти изъ затрудненій оставленныхъ намъ прошедшимъ, воспользоваться его опытомъ и восполнить наши недостатки. Больше всего государственная жизнь наша страдала недостаткомъ единства въ правительствѣ, непоследовательностію и противорѣчіями въ его дѣйствіяхъ. Между разными вѣдомствами одного и того же правительства шла глухая, и нерѣдко явная борьба. Учрежденія дѣйствовали наперекоръ и въ подрывъ одно другому. Лица во власти нерѣдко относились другъ къ другу какъ бы вожди вражескихъ армій, употребляя между собою всякаго рода военныя хитрости. Вслѣдствіе этого, законодательныя и административныя мѣры выходили недостаточно соображенными съ потребностями ихъ вызывавшими, даже въ ущербъ имъ, и бывало такъ что въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же отношеніи, правительство говорило и *да*, и *нѣтъ*. Вслѣдствіе этого, порождалось въ странѣ чувство правительственнаго безвластія, призракъ анархіи, и всѣ озирались ища чѣмъ и какъ восполнить недостатокъ правительства. Личныя самолюбія брали верхъ надъ очевидностію факта, надъ убѣжденіями здраваго смысла, и хозяйничали въ дѣлахъ государственнаго интереса. Волющія несправедливости совершались во имя требованій правды. Противуправительственныя тенденціи поддерживались во имя правительственнаго авторитета. Печать стала органомъ всякой лжи и обмана, который даже не бралъ труда прикрывать себя. Школа стала предметомъ злоумышленной эксплуатаціи. Явился такъ-называемый ничилизмъ которымъ воспользовались враги Россіи чтобы создать ту революціонную мистификацію которая изумила міръ и причинила намъ столько зла. Прежде всего надо раздѣлаться съ этою язвой,—и мы избавимся отъ нея немедленно какъ только установится у насъ правительство совершенно солидарное, съ ясною программой, съ опредѣленными цѣлями, и взглянетъ на все единственно и исключительно съ точки зрѣнія государственной пользы, здраваго смысла и требованій своей, а не чужой жизни...

Телерь, благодаря нынѣшнимъ великимъ торжествамъ, и для постороннихъ стало ясно что русская революція есть призракъ. Сколько разъ свидѣтельствовали мы противъ этой

клеветы на Русскій народъ; сколько разъ обличали мы обманъ который старался увлечь наше правительство на пути крамолы, подъ видомъ удовлетворенія потребностей народа; сколько разъ приходилось намъ ославивать и своихъ и иностранныхъ политиковъ которые сознательно или бессознательно становились органами мистификаціи, убѣждая Россію отказаться отъ самой себя и примкнуть своей громадой къ чужой системѣ, что могло бы имѣть своимъ послѣдствіемъ только ея разстройство и паденіе! Теперь всѣ наперерывъ слѣдуютъ свидѣтельствовать о совершенномъ здоровьѣ Русскаго народа и могуществѣ Россіи.

Не только уличное мнѣніе въ Европѣ о Россіи измѣнилось, но и международныя отношенія къ этому времени поправились. Вотъ доброе знаменіе для будущаго. Даже Англія, которая всегда подозрительно относилась къ намъ и была нашимъ главнымъ противникомъ на Востоку, теперь предвидитъ возможность добраго соглашенія своихъ интересовъ съ вашими.

Но чтобы все это упрочилось, намъ необходимо ясно знать чего мы хотимъ и чего должны хотѣть. Это требуется какъ для международной, такъ и для внутренней политики нашей. Чтобы сохранять миръ и имѣть во всемъ успѣхъ надо не ослаблять требованій національной политики, но здраво разумѣть ихъ и бодро слѣдовать имъ.

III.

Моск. Вѣд., № 185.

Всемилоостивѣйшимъ Манифестомъ даннымъ 15 сего мая излиты милости на бѣдствующихъ и страдающихъ. Кроме прощенія и облегченія участи совершившихъ преступныя дѣянія лицъ, которые могутъ по самому свойству вины заслуживать снисхожденія, Манифестъ распространяетъ сію милость и на многихъ изъ числа болѣе тяжкихъ преступниковъ „кои смиреніемъ въ наказаніи, поведеніемъ и трудолюбивою жизнью обнаруживаютъ нравственное исправленіе“. Даже людямъ которые, отступивъ отъ святой клятвы вѣрности престолу, закону и отечеству, впади въ преступленія государственныя, открытъ Манифестомъ путь къ помилованію, при условіи проявленія ими искреннаго рас-

какия и возвращенія на стезю добра, закона и истиннаго долга. Определеніе поскольку таковыя лица могутъ подходить подъ означенныя условія предоставлено министру Внутреннихъ Дѣлъ, частью по соглашенію съ министромъ Юстиціи. Облегчая участь множества осужденныхъ, освобождая многихъ отъ тюремнаго заключенія, покрывая прощеніемъ и забвеніемъ многое содѣянное, слагая многоразличные штрафы, лени и начеты, Манифестъ имѣетъ своею главною цѣлію даровать облегченія массамъ трудящихся и нуждающихся населеній.

Сложеніе недоимокъ можетъ имѣть благотворныя послѣдствія для милліоновъ сельскаго люда если не укоснительно послѣдуютъ мѣры къ устраненію самой главной причины накопленія недоимокъ и всякаго расстройства въ крестьянскомъ хозяйствѣ—соблазновъ кабака.

Какъ Всемилостивѣйшій Манифестъ, такъ и примыкающій къ нему указъ касающійся помѣщиковъ и другія законоположенія не представляютъ собою какой-либо правительственной программы. Ими ничего не предвѣщается, но нуждающимся и удрученными по своей и не своей винѣ даруются милости и помощь, дабы никто, кому возможно оказать ихъ, не остался забытымъ во дни ознаменованные великимъ для всей Русской земли событіемъ.

Вслѣдъ за изданіемъ, въ день Священнаго Коронованія, Всемилостивѣйшаго Манифеста, обнародовано Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта „о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и по отправленію духовныхъ требъ“. Новымъ законоположеніемъ отнѣнены не имѣющія фактическаго смысла стѣсненія. Принадлежность къ расколу дѣлала людей не правоспособными занимать общественныя должности, влекла за собой иногда ограниченія въ правахъ и по полученію паспортовъ и по производству торговли и промысловъ. Ограниченія въ пользованіи гражданскими правами устранены. Раскольникамъ дозволено общественное богослуженіе съ возбраненіемъ лишь того что могло бы стать явнымъ соблазномъ для православныхъ; раскольники могутъ отнынѣ не только исправлять и возобновлять свои молебни, но и устраивать новыя гдѣ въ томъ представится надобность. Поводы къ жалобамъ на гоненія и притѣсненія устрат. слхт.

нены. О притѣсненіяхъ не можетъ быть отнынѣ и рѣчи, а развѣ о возможности случаевъ проявленія нетерпимости со стороны раскольниковъ и ихъ давленія на православныхъ. Дабы льготы дарованныя первымъ не обратились во вредъ послѣднимъ, въ законоположеніи между прочимъ оговорено что „въ томъ случаѣ когда въ волости, состоящей изъ православныхъ и раскольниковъ, въ должности волостнаго старшины утверждень будетъ раскольникъ, помощникъ его долженъ быть изъ православныхъ“.

Дарованіе льготъ раскольникамъ, расширеніе ихъ правъ, отмѣна прежнихъ по отношенію къ нимъ стѣсненій не значить однако отказъ отъ заботъ къ воссоединенію ихъ съ церковью. Къ этой цѣли, съ вѣщимъ противъ прежняго стараніемъ, должна быть направлена дѣятельность духовенства. Съ отмѣной полицейскихъ стѣсненій, духъ раздраженія долженъ мало-по-малу ослабѣвать; уши и сердца упорствующихъ въ отчужденіи должны стать болѣе доступными къ духовнымъ увѣщаніямъ не имѣющимъ въ себѣ ничего принудительнаго. Есть дверь черезъ которую старообрядцы удобно могутъ входить въ церковь на полное единеніе съ всю, не постулаясь обрядами съ коими свыклись, коими дорожатъ какъ святыней и которые доускаются церковью на ряду съ господствующими. Эта дверь, полагаемъ, должна быть растворена шире чѣмъ растворялась доселѣ. Съ единовѣрія долженъ быть снятъ наложенный на него на практикѣ отпечатокъ отчужденія, смущающій совѣсть единовѣрцевъ. Услѣхи единовѣрія, услѣхи обращенія раскольниковъ къ церкви затруднены тѣмъ что единовѣріе представляется чѣмъ-то среднимъ между расколомъ и православіемъ, только какъ бы шагомъ къ единенію съ церковью, хотя такой взглядъ противорѣчитъ церкви. Разница въ обрядѣ не касается существа ея, а потому съ ея точки зрѣнія единеніе должно быть полное. Различіе дѣлаемое между *единовѣріемъ* и православіемъ на практикѣ смущаетъ многихъ желающихъ приступить къ единовѣрію и даже многихъ изъ давно приступившихъ къ нему. Вотъ гдѣ, кажется, таится главное прелатство къ воссоединенію раскольниковъ съ церковью. Если пастыри церкви не погрѣшаютъ совершая богослуженіе и по тому, и по другому обряду, то нѣтъ повода прелатствовать и мірянамъ избирать тотъ обрядъ къ которому болѣе склоняется ихъ совѣсть.

Полное уравненіе православія съ единовѣріемъ было бы самымъ дѣйственнымъ средствомъ къ ускоренію столь жела-

тальнаго воссоединенія раскольниковъ съ церковью, прекращенію церковнаго раздора и восстановленію мира нарушеннаго болѣе двухъ вѣковъ тому назадъ. Медлить ли принятіемъ означенной, столь много обещающей и указуемой духомъ братолюбія, мѣры?

IV.

Моск. Вѣд. №№ 135, 136, 137, 138.

Вечеромъ, въ день Коронованія, городъ освѣтился огнями небывалой по великолѣлію и изяществу иллюминаціи. Дождь въ первый вечеръ повредилъ ея эффекту; за то въ слѣдующіе два вечера иллюминація горѣла во всемъ блескѣ. Городъ весь былъ залитъ огнями. Особенно поразителенъ былъ видъ съ Каменнаго моста на Кремль: огненные башни, огненные стѣны, огненный Иванъ Великій, величественные соборы въ переливающимся свѣтѣ, фонтанъ на площадкѣ близъ Тайницкихъ воротъ. Представьте себѣ десятокъ солнць дающихъ съ башенъ Кремля каждое свою широкую полосу свѣта алмазнымъ слѣдомъ на длинномъ пути пронизывающую воздухъ. Эти воздушные лучи, направляемые отъ яркихъ электрическихъ источниковъ подвижными рефлекторами, не оставались недвижны, а перемѣщались, скрещивались въ воздухѣ, какъ солнце ослѣпляла глаза тѣхъ на кого попадали и сіяющимъ покровомъ озаряли дальніе предметы.

Вечеромъ, 15 мая, въ Грановитой палатѣ былъ данъ балъ. Высокіе Царскіе гости, представители иностранныхъ державъ, блестящіе русскіе и иностранные мундиры, военные и статскіе, дамы въ роскошныхъ нарядахъ, представители Востока въ ихъ своеобразныхъ и яркихъ одеждахъ, наполняли Царскія палаты въ вечеръ 16 мая. А на дворѣ раскинулъ между тѣмъ свой покровъ удивительный майскій вечеръ. Сквозь раскрытыя окна лилось весеннее, ликующее тепло. Съ дворцовой террасы открывался чудный видъ на освѣщенные Кремлевскія стѣны и башни, на рѣку, на набережную, на чудную панораму Замоскворѣчья. Георгиевская зала, сплошь занятая военными, освѣщалась рядомъ громадныхъ люстръ и канделябровъ, равно какъ Андреевская и Владимірская залы. Въ Александровской залѣ, по среднему карнизу, тянулся рядъ свѣчъ, придававшихъ, въ совокупности

съ общимъ освѣщеніемъ, совершенно дѣшвой свѣтъ этой роскошной палаты. Андреевская зала представляла другое, совершенно своеобразное зрѣлище. Одна половина ея была сплошь занята длиннымъ рядомъ столовъ покрытыхъ бѣлыми скатертями, а на столахъ было расположено безчисленное множество золотыхъ и серебряныхъ блюдъ и солонковъ подвешенныхъ Государю отъ различныхъ русскихъ губерній и областей, городовъ, сословій и земскихъ учрежденій. Вещи эти поражали своею роскошью, художественностію, законченностію и тонкостію работы. На особомъ столѣ высилась высокая груда хлѣбовъ подвешенныхъ Царю и Царицѣ на этихъ блюдахъ.

Въ тотъ же день, 16 мая утромъ, въ Тронной (Андреевской) залѣ, Ихъ Величествамъ принесены были поздравленія отъ представителей дворянства, депутатовъ Великаго Княжества Финляндскаго, казачьихъ войскъ и азиатскихъ народовъ, предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и головъ войскъ губернскихъ городовъ; отъ членовъ Св. Синода и высшаго духовенства, отъ пословъ, чужестранныхъ министровъ и другихъ особъ дипломатическаго корпуса; отъ Государственнаго Совѣта, министровъ, статсъ-секретарей, Сената и почетныхъ олекуновъ. При принесеніи поздравленій отъ членовъ Св. Синода Его Величеству сказана была слѣдующая рѣчь высокопреосвященнымъ Платономъ митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ:

„Благочестивѣйшій, Богомъ вѣнчанный, Великій Государь Императоръ!

„Псаломлъвецъ Давидъ въ одной изъ вдохновенныхъ своихъ пѣсней взываетъ: *Сынове Сіона возрадуются о царѣ своемъ* (Псал. 149, 2). Внимая сему священному призыву къ радости и слѣдую влеченію сердець нашихъ, мы — *сыны новаго Сіона* православной Россіи, отъ души радуемся *имѣмъ о Царѣ своемъ* — о Тебѣ, возлюбленный Монархъ нашъ, и просимъ дозволенія выразить предъ Тобою причины нашей радости.

„Мы радуемся имѣмъ потому что видимъ въ Тебѣ Царя ло сердцу нашему — Царя кроткаго и милостиваго, правдушаго и благочестивѣйшаго, какъ это показываютъ безукорынная жизнь, преданность волѣ Божіей и добрыя дѣла Твои.

„Мы радуемся и потому что Ты сдѣлался Царемъ нашимъ не только по закону Царскаго престолонаслѣдія, но и по особому дѣйствию Промысла Божія, которое видно изъ того что по закону престолонаслѣдія надлежало быть Царемъ въ Россіи первородному Брату Твоему, бывшему до Тебя Наслѣдникомъ Всероссійскаго Престола; но Богъ, Который, по выраженію Премудраго, содержитъ въ рукѣ Своей власть земли и потребнаго воздвигаетъ во время на ней (Сир. 10, 4), судилъ иначе: Онъ призвалъ Сего Брата твоего въ Свои горнія обители и чрезъ это законно открылъ Тебѣ путь къ Русскому престолу. Значитъ, Онъ хотѣлъ чтобы Ты былъ Царемъ Россіи, и призналъ Тебя *потребнымъ* для ней въ настоящее время.

„Мы радуемся и тому что вчера благополучно совершилось Священнѣйшее Коронованіе Твое: ибо это показываетъ что оно угодно Господу и Богъ невидимо содѣйствовалъ совершенію его; въ противномъ же случаѣ, оно, при всемъ нашемъ желаніи, не могло бы совершиться, потому что люди, по свидѣтельству богопросвѣщенныхъ мужей, ничего не могутъ сдѣлать добраго безъ воли и помощи Божіей (Филипп. 2, 13, Псал. 126, 3).

„Мы радуемся и тому что въ таинствѣ Мүроломазанія, совершенномъ при Коронованіи Твоемъ, Духъ Божій невидимо сошелъ на Тебя и будетъ носиться надъ Тобою, какъ вѣкогда носился надъ Израильскимъ Царемъ Давидомъ (I Цар. 16, 1—13; 18, 12—14); значитъ Ты вошелъ въ ближайшее общеніе съ Богомъ и находишься подъ особымъ покровомъ Господа *силъ*, который, по слову Пророка, *будетъ охранять возшествіе и исхожденіе Твое отънынѣ и до вѣка.*—*Если же Богъ за насъ, кто противъ насъ* (Псал. 120, 4—8. Римл. 8, 31)?

„Наконецъ, мы радуемся нынѣ еще потому что Духъ Божій, сошедшій на Тебя въ Св. Мүроломазаніи, таинственно сообщилъ Тебѣ, по ученію нашей Церкви, различныя дары Свои, потребныя для Твоего великаго служенія, * дабы Ты при помощи благодатной *силы Божіей*, которая, по выраженію Апостола, *совершается въ немощи нашей*, могъ надлежаще исполнить трудныя царскія обязанности ко благу

* См. Докг. Богосл. преевзв. Макарія о таин. Мүроломаз. Т. IV, стр. 156, изд. 1852.

Россіи. Изъ сего видно что Господь печется не только о Тебѣ, Государь, но и о насъ, вѣролюбящихъ Твоихъ, — желаетъ устроить чрезъ Тебя благоденствіе нашего отечества.

„Имя столько причинъ къ радости въ настоящее время, мы, возлюбленный Монархъ, радостнѣе привѣтствуемъ Тебя отъ лица Православной Церкви и духовенства ея со священнымъ вѣнчаніемъ Твоимъ на царство; а кулю поздравляемъ съ симъ вождѣннымъ событіемъ и Благочестивѣйшую Супругу Твою, Которую Ты благоволилъ сдѣлать причастицею совершеннаго надъ Тобою священнодѣйствія. При этомъ мы отъ души молимъ и не преставемъ молить Господа, да хранитъ Онъ Тебя и Вѣденосную Супругу Твою въ совершенномъ здравіи и благоденствіи неисчетные годы и благословляетъ всѣ дѣла и начинанія Твои желаннымъ успѣхомъ; а за добрые подвиги Твои въ пользу Христовой Церкви и нашего отечества даруетъ Тебѣ *неувядаемый отънецъ славы*, не земной только, но и небесный—*Господи спаси Царя!*— А Ты, Царь Православный, уловай на Господа и мужественно носи крестъ возложенный на Тебя съ Царскимъ достоинствомъ. Ты не одинъ,—съ Тобою Богъ и Россія!“

17 мая, въ той же залѣ, Ихъ Императорскія Величества принимали поздравленія отъ генералитета, гвардіи, арміи и флота штабъ- и оберъ-офицеровъ, придворныхъ кавалеровъ, гражданскихъ чиновъ первыхъ четырехъ классовъ и волостныхъ старшинъ.

Въ половинѣ двѣнадцатаго Ихъ Императорскія Величества вступили въ Андреевскую залу и стали у подножія трона; по правую сторону Государя находились Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и всѣ Великіе Князья. По лѣвую сторону Ея Величества были Королева Элизовъ Ольга Константиновна и Великія Княгини. Государь Императоръ былъ въ общегенеральскомъ мундирѣ, а Ея Императорское Величество въ бѣломъ глазетовомъ платьѣ русскаго покроя. По принесеніи поздравленій военными и гражданскими чинами, Ихъ Величества изволили принимать поздравленія отъ волостныхъ старшинъ, сгруппированныхъ по губерніямъ. Во главѣ каждой группы находился губерскій предводитель дворянства. Государь Императоръ принималъ хлѣбъ-соль и прикладывался къ подносимымъ иконамъ. Депутаціи сибирскихъ губерній поднесли Ихъ Величествамъ, кромѣ хлѣба-соли, дра-

гощивые мѣха на серебряномъ блюдѣ. Въмѣстѣ съ русскими военными чинами, Ихъ Величества принимали представителей: двухъ прусскихъ, двухъ австрійскихъ и одного баварскаго полковъ, въ которыхъ Его Величество состоитъ шефомъ, а также военныхъ лицъ прибывшихъ въ свитѣ иностранныхъ принцевъ. Послѣ приѣма старшинъ, представлялись члены посольствъ хивинскаго и бухарскаго. Въ 2 часа 25 минутъ Ихъ Величества простившись съ присутствовавшими удалились во внутренніе покои.

Всѣхъ представлявшихся было болѣе двухъ тысячъ.

На слѣдующій день 18 мая Ихъ Императорскія Величества принимали поздравленія отъ придворныхъ дамъ и дамъ первыхъ шести классовъ, а равно отъ женъ и дочерей потомственныхъ дворянъ. Дамы были въ платьяхъ русскаго покроя. Костюмы многихъ были украшены шитьемъ старинныхъ узоровъ. Всѣхъ представлявшихся было до трехсотъ пятидесяти особъ. Приемъ начался въ 11 часовъ; въ четверть перваго Ихъ Величества удалились во внутренніе покои.

Вечеромъ былъ балъ у генералъ-губернатора.

Вечеромъ, 18 мая, въ Императорскомъ Большомъ Театрѣ былъ парадный спектакль.

Давали первый актъ *Жизни за Царя* и финалъ этой оперы. Затѣмъ шелъ новый балетъ *День и Ночь*.

Театръ былъ убранъ великолепно. Сѣни превращены были въ громадную оранжерею и покрыты прекрасными бархатными коврами. Фойе блистало золотомъ; находящійся въ немъ буфетъ уставленъ былъ фруктами въ дорогихъ вазахъ окруженныхъ большими серебряными канделябрами. Все фойе и слѣдующія за нимъ четыре залы обставлены были розами и другими растеніями въ цвѣту.

Роскоши и великолепію параднаго спектакля соответствовало поразительно торжественное убранство Театральной площади. Казалось что при выходѣ изъ театра вступаешь снова въ какую-то гигантскую открытую залу. Вездѣ сіяли электрическія союда, разноцвѣтные бенгальскіе огни бросали снопы мягкаго алаго и зеленаго свѣта въ яркое бѣлое сіяніе электрическаго освѣщенія. Густыя толпы народа обрамляли Театральную площадь, ожидая окончанія спектакля

чтобъ увидѣть Государя. Перекатною волной гремяо со всѣхъ сторонъ несмолкаемое ура на всемъ пути слѣдованія Царя.

19 мая былъ обѣдъ въ Грамовитой и Золотой палатахъ, а вечеромъ балъ дворянства, 20го—у германскаго посла.

V.

Моск. Вѣд. № 140.

Народное гулянье 21 мая представляло величественную картину. Болѣе полумилліона народа лобывало въ теченіе дня на отведенномъ для гулянья обширномъ пространствѣ Ходынского поля.

Народъ сталъ сходиться съ 5 часовъ утра. Между Ходынскимъ полемъ и Москвою, по двумъ направленіямъ отъ Тверской и Прѣсенской заставъ, народъ шелъ непрерывною и до того сплошною толпою что въ ней съ трудомъ могли двигаться экипажи. Въ то же время другая народная струя стремилась къ полю съ противоположной стороны, отъ Всѣхсвятской рожи. То были крестьяне пришедшіе изъ уѣздовъ Московской губерніи. Между крестьянами видѣлись многіе съ котомками за плечами и лосохами въ рукахъ. Начало гулянья было назначено въ 12 часовъ дня, но, вслѣдствіе сильнаго прилива народныхъ массъ, за черту гулянья стали впускать съ 10 часовъ утра. Народъ пробирался на гулянье проходами между палатками, изъ которыхъ каждому входившему подавались гостинцы, два пирога, фунтъ сластей и кружка или стаканъ. На кружкахъ государственный гербъ и подъ нимъ цифра: 1883.

На отведенномъ для гулянья пространствѣ Ходынского поля были выстроены четыре театра, циркъ, карусели, эстрады для лѣсенниковъ и музыкантовъ, мачты для лазанья на призы и т. п. Со стороны Петровскаго Дворца возвышались мѣста для зрителей, между которыми былъ расположенъ Царскій лавильонъ.

Ровно въ 12 часовъ дня, у Всѣхсвятской рожи раздались лучечные выстрѣлы, возвѣстившіе начало гулянья. Вся необозримая народная масса наполнявшая поле порывисто заколебалась. Тысячи людей пустились бѣгомъ въ направленіи къ Петровскому Дворцу, чтобы расположиться поближе къ Царскому лавильону и ожидать прибытія Нововѣчаннаго Государя. Скоро въ пространствѣ между зданіями театровъ и лавильономъ до того столпился народъ что негдѣ яблону было упасть. Въ началѣ третьяго часа раздавшееся у Пе-

тронского Дворца громовое ура возвѣстило слѣдованіе Ихъ Величествъ въ лавальномъ гдѣ услѣли собраться представители иностранныхъ державъ и придворные дамы и чины. Государь Императоръ вмѣстѣ съ Государыней Императрицей изволили выйти на балконъ лавальона. Невозможно описать взрывъ восторга съ какимъ народъ привѣтствовалъ Царскую Четву; сотни тысячъ голосовъ слились въ одинъ могучій кликъ, которому, казалось, и конца не будетъ. Представленія въ театрахъ и циркѣ мгновенно прекратились. Всѣ артисты, оркестры и хоры и исполнили народный гимнъ.

Когда народные клики стали затихать, изъ цирка тронулось грандіозное аллегорическое шествіе *Весна*, идеей котораго было образно представить постепенное развитіе этого всевоскрешающаго времени года, побѣду жизни и добра. За крылатыми герольдами слѣдовали жуки и кузнечики, царица пчель окруженная своимъ народомъ, колесница богатыря Микулы Селяниповича окруженная муравьями, русскіе богатыри и т. п. Шествіе заключилось медвѣдемъ, журавлемъ и русскимъ хоромъ съ лѣсками и плясками. Слуста мигнуть двадцать послѣ окончанія аллегорическаго шествія, лучевые выстрѣлы возвѣстили отбытіе Ихъ Величествъ съ народнаго гулянья.

Народъ разсыпался по всему полю слушать музыку и лѣсенниковъ, забавляться петрушками, лазаньемъ на мачты. Всюду видѣлись радующіяся, смѣющіяся лица; весельемъ звучали удалыя лѣсени разносившіяся по полю. Народъ собирался кружками около какого-нибудь виртуоза-запѣвалы; съ каждымъ мгновениемъ кружокъ росъ и росъ, и вотъ льются сильные звуки импровизованнаго хора „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“; залисные лѣсенники замолкаютъ на своей эстрадѣ и вслушиваются сами въ это народное исполненіе народной лѣсени.

Пиво и медъ лились рѣкой изъ сотни вагоновъ обращенныхъ въ буфеты. Здѣсь не обходилось безъ давки. Но по всему полю, несмотря на такое громадное стеченіе народа, соблюдался удивительный порядокъ. Замѣчательно что самъ народъ наблюдалъ за тѣмъ „чтобы въ Царскій праздникъ все было смирно и чѣйно“. Многие съ чувствомъ самодовольства передавали другъ другу изъ „вѣдомостей“ какъ весь міръ удивляется что Русскій народъ „такой порядокъ соблюдаетъ какого ни въ одной заграничной землѣ не видно“.

Гулянье кончилось блистательнымъ фейерверкомъ. Народъ возвращался съ гулянья почти до полумочи съ криками ура и пѣснями.

VI.

Моск. Вѣд. № 140, 142.

Въ тяжкое пережитое нами время дѣволъ ходилъ по Русской землѣ съя плевелы раздора и смуты. Богъ не далъ взойти проклятому посѣву. Крѣпкая вѣра Русскаго народа спасла его. Онъ устоялъ въ искушеніи. Злоумышленныя усилія потрясти общественный порядокъ и вооружить одно сословіе противъ другаго не имѣли успѣха. Но да избавитъ насъ Богъ отъ дальнѣйшаго искушенія. Нужно оградить народъ отъ козней обмана, который пользуется даже царскимъ именемъ чтобъ овладѣть безхитростными умами. Новая, открывшаяся эра, будемъ надѣяться, положить конецъ всякимъ неясностямъ и шатаваніямъ которыя были послѣдствіемъ быстрыхъ и недостаточно согласованныхъ нововведеній. Всего нужнѣе установить мирныя и добрыя отношенія между дворянствомъ и крестьянствомъ. Слова сказанныя Государемъ на обѣдѣ волостныхъ старшинъ опредѣляютъ тотъ характеръ отношеній который всего лучше можетъ обезпечить земскій міръ.

Въ тотъ же день, въ Петровскомъ Дворцѣ, былъ данъ царскій обѣдъ крестьянству въ лицѣ волостныхъ старшинъ прибывшихъ въ Москву къ торжеству коронаціи. Въ три часа Ихъ Величества, простившись съ народомъ, направились къ Петровскому Дворцу, гдѣ уже собраны были всѣ приглашенные къ обѣду волостные старшины. Государь, обратясь къ старшинамъ, почтительно стоявшимъ въ отдаленіи, изволилъ произнести: „Я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ, подойдите ближе“. И когда старшины собрались во кругъ Ихъ Величествъ, Государь изволилъ сказать:

„Я очень радъ еще видѣть васъ. Сердечно благодарю за ваше сердечное участіе въ торжествахъ нашихъ, къ которымъ такъ горячо отвеслась вся Россія. Когда вы разъѣдетесь по домамъ, передайте всѣмъ Мосе сердечное спасибо.

Слѣдуйте совѣтамъ и руководству вашихъ предводителей дворянства и не вѣрьте вздорнымъ и недѣльнымъ слухамъ и толкамъ о передѣлахъ земли, даровыхъ прирѣзкахъ и т. п. Слухи эти распускаются нашими врагами. Всякая собственность, точно также какъ и ваша, должны быть неприкосновенны. Дай Богъ вамъ счастья и здоровья.“

Государь Императоръ изволилъ, вскорѣ затѣмъ, сказать присутствовавшимъ тутъ же губернскимъ предводителямъ дворянства:

„Благодарю васъ за вѣрность. Я всегда былъ увѣренъ въ искреннихъ чувствахъ дворянства и твердо надѣюсь что оно какъ было такъ и будетъ опорой во всемъ хорошемъ для пользы Престола и Отечества. Дай Богъ намъ жить мирно и тихо. Благодарю васъ отъ души.“

Текоть Царскихъ словъ, на другой день послѣ обѣда старшинамъ, по распоряженію министра Внутреннихъ Дѣлъ, былъ напечатанъ во множествѣ экземпляровъ для раздачи волостнымъ старшинамъ, которые отвезутъ эти драгоценные листки въ свои уѣзды, такъ что весь сельскій людъ услышитъ, обращенный къ нему, добрый, ласковый и остерегающій голосъ Самого Государя. Все что простымъ людямъ было неясно, все что могло смущать ихъ, должно исчезнуть послѣ этихъ словъ, лицомъ къ лицу слышанныхъ народомъ отъ Царя. Всѣ недѣльные слухи о передѣлѣ полей и даровыхъ прирѣзкахъ, распространявшіеся между крестьянами, шли не изъ ихъ среды, но вносились въ нее врагами нашего отечества, общими врагами и царя и народа. Это сказалъ теперь самъ Царь. Не всѣмъ былъ ясенъ вражескій источникъ этихъ возбужденій, прикрывавшихся заботами о народномъ благосостояніи. Люди, хотя и доброжелательные, но легкомысленные и тщеславные, думали дѣйствительно способствовать благосостоянію народа, лотворствуя этимъ вражескимъ попыткамъ уклонить его на путь не къ добру ведущій. Къ добру ли можетъ вести возбужденіе въ людяхъ похоти живиться чужимъ добромъ? Доброе ли дѣло возбуждать въ людяхъ любовь къ даровымъ стяжаніямъ? Но именно въ эту сторону направлялись мнимыя заботы о народ-

номъ благосостояніи. У тебя мало, у сосѣда много — бери у сосѣда. Куда угодили бы мы еслибы каждый ждалъ и требовалъ „даровыхъ прирѣзокъ“ сколько кому понадобится? Сегодня понадобится десять, завтра понадобится двадцать десятинъ. Желаніямъ которыя несутся налегкѣ и безъ труда — нѣтъ предѣла. Почему не желать чтобы каждая крестьянская изба превратилась въ помѣщичьи хоромы, и чтобы у cadaго двора было по крайней мѣрѣ десятинъ по пятисотъ, со всеми принадлежностями и, еще лучше, чтобы каждый имѣлъ и даровыя рабочія силы которыя бы все за него дѣлали, а сами бы вѣсть не просили?...

„Новыя вѣянія“ пронесли надъ нашею страной не безъ послѣдствій. Они возбудили было движенія которыя клонятся не къ улучшенію народнаго хозяйства и труда, а къ возбужденію въ населеніяхъ недовольства и страсти къ переменамъ и приключеніямъ. Вдругъ, напримѣръ, показалось всѣмъ тѣсно въ Россіи. Понадобилось не только не стѣснять, что хорошо, но усиленно поощрять переселеніе крестьянскаго люда приманкой дароваго многоземелья въ отдаленныхъ мѣстахъ. Оказалось нужнымъ чтобы Европейская Россія, которая страдаетъ рѣдкостью своего населенія, слѣшила выбрасывать его избытокъ въ дальніе края. Въ населеніяхъ возбуждался духъ перекочевки, и вотъ многія семьи, распродавъ свои окарбы, лускаются въ далекій путь, сами не зная куда и зачѣмъ. По свѣдѣніямъ которыя получаютъ изъ разныхъ мѣстъ, положеніе многихъ такихъ переселенцевъ бываетъ крайне бѣдственное. Въ городахъ, лежащихъ на пути этихъ кочевыхъ движеній, власти не знаютъ что дѣлать и какъ помочь бѣдному, взбудораженному люду.

Другое зло, еще болѣе важное, семейные раздѣлы и вообще разложеніе вѣками сложившагося семейнаго быта народа. Наконецъ, кто истинно радѣеть о народномъ благосостояніи тотъ не можетъ не видѣть какую пагубой отзывается на крестьянскомъ хозяйствѣ неправильная постановка финансовой системы которая своимъ источникомъ имѣетъ кабакъ и требуетъ стѣсненія народнаго труда паспортною системой.

Теперь возбужденъ вопросъ о переустройствѣ нашего мѣстнаго управленія. Желательно чтобы при этомъ нашлась формула которая сдѣлала бы, сколько возможно, солидарными интересы двухъ сословій, нынѣ составляющихъ главный устой государства, дворянства и крестьянства. Когда волостные

старшины шли во Дворцѣ поздравлять Ихъ Величества, то представители крестьянства были огруллированы по губерніямъ и во главѣ каждой группы шелъ предводитель дворянства, а 21 мая, обращаясь къ крестьянамъ, Его Величество изволилъ въ то же время привѣтствовать Всемилостивѣйшимъ словомъ и находившихся тутъ предводителей дворянства, соединивъ въ одной мысли и то и другое сословіе. Этимъ символически обозначается связь этихъ двухъ сословій, которыхъ благосостояніе зависитъ отъ справедливаго и полезнаго имъ обоимъ соглашенія условій ихъ быта.

Оба сословія равно нуждаются, для своего благосостоянія, въ крѣпкомъ огражденіи собственности; оба живутъ земледѣліемъ; оба глубоко заинтересованы въ охраненіи общественной нравственности; оба нуждаются въ обезпеченіи законной свободы справедливою и сильною, до Царя восходящею властью. Изъ тѣснѣйшаго единенія обоихъ сословій, дворянство могло бы вынести себѣ обновленіе и оживленіе, а крестьянство найти въ немъ огражденіе отъ „кулаковъ“ и всякихъ вражескихъ попытокъ. Чѣмъ яснѣе каждое будетъ разумѣть свои собственныя выгоды, тѣмъ справедливѣе и доброжелательнѣе будетъ относиться къ другому.

22 мая Ихъ Величества, въ сопровожденіи многихъ членовъ Августѣйшей Семьи, посѣтили Свято-Троицкую Сергіеву Лавру.

23 и 24 мая происходило празднованіе двухсотлѣтняго юбилея русской гвардіи. Торжественное освященіе и раздача новыхъ знаменъ двумъ старѣйшимъ гвардейскимъ полкамъ, Преображенскому и Семеновскому, имѣли мѣсто въ первый день праздника въ слободѣ Преображенской, въ присутствіи Государа Императора. Кромѣ того на другой день въ Семеновской слободѣ былъ особый праздникъ Семеновскаго полка.

28 мая былъ во Дворцѣ большой балъ, а 24 обѣдъ.

VII.

Въ день Вознесенія, 26 мая, совершилось торжественное освященіе Храма Христа Спасителя, воздвигавшагося въ теченіе полустолѣтія, по обѣту императора Александра Благословеннаго, въ ознаменованіе его благодарности Всевышнему за спасеніе Россіи отъ гибели ей грозившей.

Моск. Вид. № 146.

Наконецъ совершилось освященіе Храма Христа Спасителя. Совершилось оно во дни освященія самодержавной власти Русскаго Царя. Исполненіе обѣта во славу и вѣчную память минувшему совпало съ началомъ новой эры въ жизни Россіи. За семьдесятъ лѣтъ предъ симъ, по избавленіи нашего отечества отъ непріятельскаго нашествія, данъ былъ обѣтъ воздвигнуть этотъ Храмъ. Сорокъ слишкомъ лѣтъ строился онъ на новомъ мѣстѣ послѣ неудачной попытки, и долго его громада высилась надъ Москвою, готовая и неготовая къ своему святому назначенію. Когда наконецъ внутри его все было оковчено, событія замедляли и отсрочивали день его освященія какъ бы для того чтобы Боговѣнчаный начинатель будущихъ судебъ нашего отечества былъ и совершителемъ священнаго завѣта. Да будетъ же это благимъ знаменіемъ для новаго царствованія! Вся сила въ томъ чтобы въ дальнѣйшемъ ходѣ нашей исторической жизни мы оставались вѣрны себѣ, чтобы мы блюли завѣты нашей исторіи, чтобы мы во всѣхъ нашихъ преобразованіяхъ не теряли своего существа, то-есть чтобы народъ нашъ остался въ живыхъ...

Двѣнадцатый Годъ — одна изъ самыхъ славныхъ и рѣшающихъ эпохъ нашей исторіи. Двѣнадцатый Годъ ознаменованъ великимъ подъемомъ нашего народнаго духа. Не съ этой ли поры начинается въ преобразованной Петромъ Россіи ея народное самосознаніе, пробуждается русская мысль, оживляется русское слово? Мы сказали: *начинается*. Теперь Богъ дастъ наступаетъ пора когда эти начатки должны войти въ силу и оплодотворить нашу жизнь. Что сказывалось въ торжественные моменты нашей исторіи, въ чемъ мы чувствуемъ святиню нашего народнаго духа, то должно стать яснымъ руководящимъ началомъ нашего государственнаго разумія и нашихъ стремленій. Какъ въ великую годину испытанія Христосъ Спаситель избавилъ наше отечество отъ вражескаго нашествія, такъ да избавитъ Онъ насъ и теперь отъ вражескаго нашествія лжи и обмана, которыя пытаются ввести смуту въ нашу жизнь. Та же сила спасетъ насъ и среди новыхъ испытаний переживаемыхъ нами и быть-можетъ предстоящихъ намъ. Испытанія для того и посылаются людямъ и народамъ чтобы они являли въ нихъ свой духъ.

Въ основу нашей исторіи положено начало единовластія. Къ нему все клонилось и на немъ должно все зиждиться. Въ немъ завѣтъ нашего прошлаго, въ немъ залогъ нашего будущаго. Единовластіе, не въ одномъ внѣшнемъ, но въ глубоко въ внутреннемъ смыслѣ этого слова, должны мы не только соблюсти, но и осуществить далѣе во всей полнотѣ и силѣ. Только здѣсь, только на этомъ пути, найдемъ мы руководящую норму нашему развитію. Все отсюда уклоняющее можетъ только вредить намъ и задерживать насъ.

Характеристическая особенность Русскаго народа и его государства опредѣляется положеніемъ той церкви которую принялъ Русскій народъ при самомъ вступленіи своемъ на свѣтъ исторіи. Существенное отлччіе православной церкви отъ ея Западной сестры состоитъ въ томъ что она отреклась ото всякой земной власти, а потому и не внесла въ нашу жизнь начала двоевластія, которымъ опредѣляется исторія Запада и въ которомъ заключается все его отлччіе отъ Востока.

Всѣ признаютъ теперь живое единеніе Русскаго Царя съ Его народомъ. Только то что совершается у насъ въ духѣ этого единенія, только то и прочно и плодотворно. Все что не изъ этого духа исходитъ вноситъ въ дѣла наши ложь и обиваетъ ихъ съ пути. Но это единеніе плодотворно и дѣйствительно только при полной взаимности.

Вѣрный и непоколебимо-преданный другъ Россіи, князь православной Черногоріи, свидѣтельствуя о своемъ единеніи со своимъ народомъ, сказалъ однажды: „Народъ мой любитъ мнѣ какъ оди́нъ человекъ, а я въ свою очередь повинуюсь во всемъ его духу, его чувству и другимъ цѣлямъ не имѣю какъ только служить ему.“

28 мая на Ходынскомъ полѣ былъ Высочайшій смотръ войскамъ. Въ строю было 86 баталіоновъ пѣхоты, 39 эскадроновъ, шесть сотенъ кавалеріи и 108 орудій. Въ тотъ же день, въ 7 часовъ вечера, Ихъ Величества изволили отбыть въ Петербургъ.

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

МОЙ ВКЛАДЪ. Статьи, записки, чтенія, замѣтки. Н. А. Любимова, профессора Московскаго Университета. Томъ I. Университетскій вопросъ. Москва, 1881 г. Цѣна 2 руб.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ. Бесѣды о революціи. Наброски и очерки въ разговорахъ двухъ пріятелей Вареоломея Кочнева. Цѣна: выпускъ первый 75 к., выпускъ второй 75 к.; I и II выпуски вмѣстѣ 1 р. 50 к., за пересылку прилагать 25 к.

НЮМА РУМЕСТАНЪ. Романъ Альфонса Доде. Переводъ съ французскаго. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ. Романъ Чарлаза Диккенса. Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

БОЛЬШІЯ ОЖИДАНІЯ. Романъ Чарлаза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА ИЛИ ЖИЗНЬ НЕГРОВЪ ВЪ НЕВОЛЬНИЧЬИХЪ ШТАТАХЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ. Романъ гжи Бичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго, изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78). ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. 1878. Ц. 2 р.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНІЙ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы Любена Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ

ВЪ ДВУХЪ НИЗОВЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ

I.

Намъ удалось ознакомиться съ результатами сенаторской ревизіи въ Саратовской и Самарской губерніяхъ, насколько они касаются крестьянскаго дѣла. Собранныя при ревизіи данныя, сами собою, такъ-сказать, наталкиваютъ на выводы до того любопытные что мы не можемъ не подѣлиться ими съ читателями *Русскаго Вѣстника*.

Объ названныя губерніи представляютъ несомнѣнный интересъ для изслѣдователей крестьянскаго дѣла. Обѣ онѣ, хотя въ неодинаковой мѣрѣ, принадлежатъ къ числу мѣстностей наиболѣе многоземельныхъ въ Россіи: при равномъ почти земледѣльческомъ населеніи (въ Саратовской 638.294 рев. душъ и въ Самарской 682.164 душъ) площадь всѣхъ крестьянскихъ надѣловъ въ первой равняется: 3.593.000 дес. и во второй—6.460.000 дес. *, что въ среднемъ выводѣ составляетъ около 6 дес. на ревизскую душу въ Саратовской губерніи и

* Вся площадь Саратовской губерніи равняется 7.491.000 дес. и Самарской 14 542.000 дес.

не много болѣе 9 дес. въ Самарской. Почва въ обѣихъ губерніяхъ почти вся хорошаго качества, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ принадлежитъ къ числу самыхъ плодородныхъ въ Россіи. Населеніе занято однимъ земледѣіемъ. Промыслы существующіе въ двухъ уѣздахъ Саратовской губерніи—въ Кузнецкомъ и Камышинскомъ—до того незначительны что на общіе заработки крестьянъ они вліянія не имѣютъ. Кустарнаго производства нѣтъ вовсе. Отхожаго промысла въ Самарской губерніи тоже нѣтъ, а изъ Саратовской губерніи онъ направляется исключительно въ Самарскую и то на время уборки полей. Такимъ образомъ обѣ эти губерніи представляютъ мѣстности гдѣ исключительно развито земледѣіе и притомъ въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Любопытно прослѣдить какъ эти условія отразились на бытѣ и на довольствѣ населенія.

Приведенныя нами цифры показываютъ что въ Самарской губерніи крестьянскому труду представляется вдвое болѣе простора чѣмъ въ Саратовской. Просторъ этотъ выражается не только въ размѣрѣ самыхъ надѣловъ, но и въ количествѣ казенныхъ и частныхъ земель сдаваемыхъ крестьянамъ въ аренду. Сообразно съ количествомъ этихъ земель и арендныя цѣны въ Самарской губерніи много ниже чѣмъ въ Саратовской. Такимъ образомъ обѣ эти губерніи можно разсматривать какъ двѣ послѣдовательныя ступени многоземельности. Причемъ Самарская представляетъ собою почти идеалъ земельного простора, такъ какъ 9 дес. на душу составляютъ въ среднемъ выводѣ по 27 дес. на дворъ, что уже конечно тѣснотой назвать нельзя.

Само собою разумѣется, однако, что огульныя среднія цифры не въ состояніи дать яснаго понятія о крестьянскомъ бытѣ, такъ какъ въ частности происходятъ весьма рѣзкія отклоненія отъ нихъ въ ту или другую сторону. Въ виду этого мы попросимъ у читателя позволенія представить ему здѣсь нѣсколько болѣе подробныя данныя о размѣрахъ надѣловъ какъ по отдѣльнымъ разрядамъ крестьянъ, такъ и по различнымъ мѣстностямъ помѣнутыхъ губерній.

Слѣдующая таблица показываетъ какъ раздѣляется крестьянское населеніе въ Саратовской и Самарской губерніяхъ по видамъ земельного устройства.

Саратовская губернія.

Самарская губернія.

Число душъ.	Число десятинъ надѣла.	РАЗРЯДЫ КРЕСТЬЯНЪ.	Число душъ.	Число десятинъ надѣла.
23.971	99.599	Временно обязанныхъ.....	5.676	24.037
156.317	608.203	Перешедшихъ на выкупъ....	46,054	215.416
107.920	123.980	Перешедшихъ на даръ.....	30.176	42.438
29.131	178.395	Удѣльныхъ.....	118.576	807.859
271.394	2.093.125	Бывшихъ государственныхъ...	406.732	4.313.883
47.770	484.406	Колонистовъ.....	53.239	721.881
		Выкупившихъ надѣлы безъ со- дѣйствія правительства.....	3.619	5.858
		Башкиръ.....	18.092	329.115
		Поселенныхъ на кулебякой уми землѣ.....	6.716	85.934

Съ перваго взгляда на таблицу бросается въ глаза рѣзкое различіе въ характерѣ населенія обѣихъ губерній. Въ Саратовской губерніи бывшіе помѣщичьи крестьяне составляютъ почти половину всего крестьянскаго населенія (около 45%).

Въ Самарской менѣе восьмой его части (около 12%). Одно это обстоятельство уже опредѣляетъ собою различіе земельного устройства крестьянъ въ обѣихъ губерніяхъ, такъ какъ надѣлы помѣщичьихъ крестьянъ ниже чѣмъ у всѣхъ остальныхъ категорій сельскаго населенія. По Положенію 19 февраля, высшій размѣръ надѣловъ для Саратовской и Самарской опредѣленъ слѣдующимъ образомъ:

Саратовская губернія.

Самарская губернія.

Въ уѣздахъ Кузнецкомъ и Саратовскомъ 4 д.
Въ степной части Камышинскаго 6.
Въ Царскомъ 3
Въ остальныхъ 4 $\frac{1}{2}$

Въ Ставропольскомъ 4 и 5 д.
Въ Самарскомъ, Бугульминскомъ и Бугурусламскомъ 5.
Въ Бузулудскомъ 5 и 6.
Въ Николаевскомъ 5, 6 и 8.
Въ Новоузенскомъ 8, 10, 12.

На самомъ дѣлѣ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на душу приходится менѣе, именно по 3,3 дес. въ Саратовской и 4,7 дес. въ Самарской: на среднюю цифру имѣютъ вліяніе не полные надѣлы. Она оказалась бы еще менѣе еслибы мы приняли въ расчетъ крестьянъ перешедшихъ на даръ. Въ обѣихъ губерніяхъ крестьянъ этихъ много. Въ Саратовской они составляютъ около 35% всего количества бывшихъ крѣпостныхъ, а въ Самарской около 37,5%, хотя въ послѣдней при незначительномъ вообще числѣ помѣщичьихъ крестьянъ (80.000 душъ) даровые надѣлы большаго

вліянія на крестьянское землевладѣніе не оказываютъ. Обиліе даровыхъ надѣловъ въ низовыхъ губерніяхъ объясняется многими причинами, изъ коихъ мы приведемъ здѣсь только двѣ главныя. Первою и наиболее существенно было убѣжденіе крестьянъ въ томъ что отказавшись отъ полнаго надѣла, они будутъ имѣть возможность снимать его въ аренду по цѣнѣ болѣе умѣренной чѣмъ подесятинаый оброкъ. При обнародованіи Положенія арендныхъ цѣнъ въ этой мѣстности стояли ниже правительственной оцѣнки. Быстрое ихъ повышение, начавшееся уже три года спустя, обмануло всѣ расчеты крестьянъ. Другую, болѣе частаую причину, слѣдуетъ искать въ томъ обстоятельствѣ что даровые надѣлы имѣются преимущественно въ большихъ торговыхъ селахъ, гдѣ зажиточные домохозяева, занятые торговлей, не нуждались въ надѣлѣ и потому старались убѣдить общество отъ него отказаться.

Всѣ остальные разряды крестьянъ имѣютъ надѣлы несравненно большіе чѣмъ у помѣщичьихъ: для удѣльныхъ средняя цифра получится въ 6,₁ для Саратовской и 6,₈ для Самарской; для государственныхъ 7,₇ для Саратовской и 10,₈ для Самарской, а для колонистовъ 10 и 13,₅. Въ отдѣльныхъ случаяхъ размѣры надѣловъ, какъ мы ниже увидимъ, значительно превышаютъ эти среднія цифры.

Совершенно такое же разнообразіе по отношенію къ размѣру надѣловъ представляютъ и отдѣльныя мѣстности въ каждой изъ разсматриваемыхъ нами губерній. И въ Саратовской, и въ Самарской густота населенія очень неодинаковая по отдѣльнымъ уѣздамъ: въ каждой изъ нихъ сѣверо-западная часть самая населенная; по направленію къ юго-востоку населеніе постепенно рѣдѣетъ, и мѣстность получаетъ характеръ все болѣе степной. Такъ уѣзды Саратовской губерніи представляютъ двѣ рѣзко отличающіяся группы: въ пяти западныхъ: Сердобскомъ, Кузнецкомъ, Петровскомъ, Балашовкомъ и Аткарскомъ населенность почти одинакова съ соседними уѣздами Тамбовской и Пензенской губерній и подобно тому здѣсь преобладаетъ общая всему чернозему трехпольная система. Пять восточныхъ приволжскихъ уѣздовъ: Хвалыинскій, Вольскій, Саратовскій, Камышинскій и Царицынскій имѣютъ населеніе гораздо болѣе рѣдкое, и здѣсь, постепенно усиливаясь по направленію къ югу, является уже переложная система культуры съ преобладаніемъ яровыхъ посѣвовъ надъ озимыми. Въ Самарской губерніи только два

сѣверо-западные уѣзда Самарскій и Ставропольскій какъ по населенности, такъ и по свойству хозяйства нѣсколько приближаются къ условіямъ чисто-земледѣльческой полосы; четыре средніе уѣзда: Бузулудскій, Бугульминскій, Бугурусланскій и Николаевскій, имѣютъ уже степной характеръ съ переложной системой культуры, но здѣсь хозяйственныя земли все еще занимаютъ большую часть площади. Наконецъ, крайній юго-восточный уѣздъ, Новоузенскій, носитъ еще отпечатокъ недавно заселенныхъ мѣстностей, въ которыхъ значительная часть земли осталась еще не початою. Пространство территоріи уѣздовъ находится въ обратномъ отношеніи къ ихъ населенности.

Само собою разумѣется что чѣмъ слабѣе эта населенность, тѣмъ большій просторъ имѣютъ крестьяне при наймѣ земель и тѣмъ ниже арендная цѣна. Наконецъ, почти повсемѣстно, въ наиболѣе густо заселенныхъ уѣздахъ значительнѣе число и помѣщичьихъ крестьянъ. Такъ въ Сердобскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, они составляютъ 72%, а въ Царицынскомъ 13%. Въ Самарской губерніи, гдѣ вообще помѣщичьихъ крестьянъ не много, число ихъ колеблется между 25% въ двухъ сѣверо-западныхъ уѣздахъ и всего 3% въ Новоузенскомъ. Вообще говоря, Сердобскій уѣздъ, съ одной стороны, и Царицынскій, съ другой, представляютъ для Саратовской губерніи наиболѣе рѣзкіе контрасты, такъ какъ въ первомъ населенность въ три раза гуще чѣмъ во второмъ. Такое же соотношеніе существуетъ въ Самарской губерніи между двумя сѣверо-западными уѣздами и Новоузенскимъ.

Мы прилагаемъ здѣсь таблицу представляющую въ процентахъ распредѣленіе крестьянъ сообразно размѣру отведенныхъ имъ надѣловъ.

Читатель наглядно увидитъ изъ нея какое мѣсто въ крестьянскомъ землевладѣніи этихъ двухъ губерній занимаетъ малоземеліе:

РАЗРЯДЫ КРЕСТЬЯНЪ ПО РАЗМѢРУ НАДѢЛОВЪ.		
Въ Саратовской.	Менѣе 1 дес. на душу получивш:	Въ Самарской.
6,1%	отъ 1— 2	1,2%
13,1%	„ 2— 3	3,7%
4,0%	„ 3— 5	0,8%
31,8%	„ 5—10	9,7%
40,8%	„ 10—20	49,1%
4,8%	„ 20—50	31,8%
„	„ выше 50	3,5%
„		0,1%

Изъ этой таблицы видно что собственно малоземельные крестьяне, то-есть получившие менѣе двухъ десятинъ въ на-дѣлъ, составляютъ сколько-нибудь значительный процентъ населенія въ одной лишь Саратовской губерніи (19,2%). Въ Самарской же число ихъ совершенно ничтожно. Крестьяне получившіе отъ 2 до 3 десятинъ—составляющіе большинство въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ—крайне немногочисленны. Отъ 3—5 десят. получали въ Саратовской губерніи немного менѣе одной трети крестьянъ, а въ Самарской $\frac{1}{10}$ ихъ часть.

Наконецъ, крестьяне получившіе свыше 5 десятинъ на душу, которыхъ, стало-быть, можно признать многоземельными, даже въ Саратовской составляютъ почти половину всего населенія (45%), въ Самарской же они представляютъ собою огромное большинство (84,5%). Въ отдѣльных мѣстностяхъ, впрочемъ, встрѣчаются значительныя отклоненія отъ этихъ цифръ, какъ потому что населенность уѣздовъ далеко не равномерна, такъ и вслѣдствіе случайнаго въ нѣкоторыхъ уѣздахъ накопленія крестьянъ получившихъ даровые надѣлы*.

Вслѣдствіе этого число малоземельныхъ крестьянъ сильно отклоняется отъ средней нормы. Такъ, получившіе въ надѣлъ менѣе одной десятины въ Саратовскомъ уѣздѣ составляютъ 21,1%, а въ Сердобскомъ и во всѣхъ уѣздахъ Самарской губерніи, кромѣ Ставропольскаго и Бузулуцкаго, ихъ менѣе одного процента. Для крестьянъ надѣленныхъ 1—2 десятинами максимумъ получится въ Волинскомъ уѣздѣ, а именно 29,2%, а минимумъ въ Новоузенскомъ, гдѣ ихъ всего 0,2%. Между этими двумя крайностями помѣщаются остальные уѣзды обѣихъ губерній, тоже въ этомъ отношеніи сильно отличающіеся другъ отъ друга.

Сердобскій уѣздъ, въ которомъ числится всего менѣе крестьянъ съ надѣломъ менѣе одной десятины, занимаетъ въ этомъ второмъ спискѣ видное мѣсто. Но земельный просторъ для крестьянъ измѣняется не одними надѣлами. Онъ во многомъ зависитъ и отъ предлагаемой имъ въ аренду земли. Это послѣднее условіе до того видоизмѣняется даже въ предѣлахъ одного и того же уѣзда что для статистики оно почти неуловимо.

* Ихъ особенно много въ уѣздахъ Аткаревскомъ, Саратовскомъ, Вольскомъ и Хвалынскомъ.

Вообще говоря, однако, густо населенные уѣзды, стало-быть самыя въ которыхъ всего болѣе помѣщичьихъ крестьянъ, находятся и относительно аренды земель въ положеніи наименѣе благопріятномъ.

Повинности, коими обложены различныя категоріи крестьянъ, еще усиливаютъ неравномѣрность ихъ экономическаго быта *.

Размѣръ обложенія у насъ, какъ извѣстно, почти обратно пропорціоналенъ пространству надѣловъ. У помѣщичьихъ крестьянъ оно выше чѣмъ у государственныхъ потому что выкупные платежи вездѣ превышаютъ оброчную подать, а такъ какъ надѣлъ у помѣщичьихъ крестьянъ, напротивъ, менѣе великъ чѣмъ у государственныхъ, то на каждую его десятину повинность ложится сравнительно тяжелѣе. Мы должны здѣсь оговорить только что всѣ попытки вывести среднее подесятинное обложеніе не могутъ дать точныхъ результатовъ: 1) потому что размѣръ надѣловъ не одинаковъ даже у всѣхъ селеній той же волости и 2) благодаря крайней неравномѣрности мірскихъ платежей. ** Крестьяне перешедшіе на даръ, съ точки зрѣнія подесятиннаго обложенія, поставлены въ условія еще болѣе тяжкія. У нихъ, правда, ни выкупныхъ, ни оброчныхъ платежей нѣтъ, но подушныя и мірскія повинности, ложась всего на 1 десятину надѣла, даютъ цифру еще болѣе высокую чѣмъ у остальныхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Все это, конечно, читателю давно извѣстно, и мы на этомъ особенно настаивать не будемъ. Насъ даже удивляетъ почему неравномѣрность подесятиннаго обложенія вызвала съ начала семидесятыхъ годовъ столько негодующихъ возгласовъ, какъ будто на этотъ счетъ было сдѣлано неожиданное открытіе.

* Общая сумма всѣхъ налоговъ лежащихъ на крестьянахъ по екладу 1879 года составляетъ для Саратовской губерніи 6.637.749 р., а для Самарской 6.412.618 р., то-есть около 10 р. съ ревизской души.

** Такимъ образомъ среднее подесятинное обложеніе, весьма интересное какъ статистическая цифра, не даетъ яснаго, а главное точнаго понятія о размѣрѣ повинностей лежащихъ на всѣхъ крестьянахъ данной мѣстности, ни даже на какомъ-либо одномъ разрядѣ этихъ крестьянъ. Въ дѣйствительности почти каждое селеніе будетъ уклоняться отъ средней нормы; и потому гораздо полезнѣе указать на предѣлы этихъ колебаній, чѣмъ на средній пропорціональный выводъ изъ нихъ.

Ни для кого не было тайной что высшіе размѣры надѣловъ установленныя Положеніемъ 19 февраля почти нигдѣ не равнялись тѣмъ которые отведены государственнымъ крестьянамъ. А такъ какъ въ свою очередь оброчная подать послѣднихъ ниже выкупныхъ платежей, то въ концѣ концовъ должно было получиться большее подесятинное обложеніе помѣщичьихъ крестьянъ. При этомъ упускалось изъ виду то обстоятельство что выкупной платежъ, строго говоря, вовсе не повинность и что въ немъ содержится погашеніе. Затѣмъ, конечно, нельзя не признать что положеніе крестьянъ перешедшихъ на даръ или даже получившихъ уменьшенный надѣлъ оказывается сравнительно болѣе тяжелымъ. Страннымъ кажется что тѣмъ у кого земли меньше приходится платить болѣе. Но подушныя и мірскія подати у насъ съ надѣломъ не связаны. А усадебная осѣдлость малоземельныхъ крестьянъ представляетъ собою цѣнность, при которой десятина уменьшеннаго надѣла не можетъ быть сравнена съ любой десятиной незастроенной земли въ той же мѣстности.

Мы не приведемъ здѣсь, по причинамъ нами выше указаннымъ, средняго подесятиннаго обложенія различныхъ категорій крестьянъ Саратовской и Самарской губерній. Неравномѣрность этого обложенія достаточно явствуетъ уже изъ того сколько изъ казенныхъ и мірскихъ повинностей, взятыхъ вмѣстѣ, ложится на одну десятину надѣла въ каждомъ изъ уѣздовъ этихъ губерній. Такъ въ Саратовской сумма этихъ повинностей колеблется между 2 руб. 70 кол. на 1 дес. въ Сердобскомъ уѣздѣ и 97 кол. въ Царицынскомъ; для всей губерніи цифра эта равняется 2 руб. Въ Самарской губерніи соответствующія крайнія цифры 1 р. 50 к. въ Ставропольскомъ уѣздѣ и 72 кол. въ Новоузенскомъ; а для цѣлой губерніи 99,7 кол. Такимъ образомъ обложеніе въ Самарской губерніи вдвое ниже чѣмъ въ Саратовской. Совершенно очевидно что такія колебанія могутъ объясняться только двумя причинами: сравнительнымъ числомъ помѣщичьихъ крестьянъ въ данномъ уѣздѣ и размѣромъ надѣла, зависящимъ отъ степени малоземельности уѣзда. Такъ Сердобскій уѣздъ, Саратовской губерніи, и Ставропольскій, Самарской, гдѣ сравнительно болѣе помѣщичьихъ крестьянъ и въ то же время населеніе наибольшее густо, обложены наиболѣе высоко.

Но приведенныя цифры не даютъ еще понятія о крайнихъ предѣлахъ обложенія въ ту и другую сторону. Въ каждомъ уѣздѣ имѣются крестьяне надѣлы которыхъ обложенъ въ размѣрѣ менѣе одного рубля на десятину и такіе у которыхъ подешатинное обложеніе достигаетъ шести рублей. Все различіе протекаетъ отъ сравнительнаго числа тѣхъ и другихъ въ каждой отдѣльной мѣстности. Такъ, напримѣръ, въ Царицынскомъ уѣздѣ 50% крестьянъ платятъ менѣе 1 р. съ десятины, а въ Кузнецкомъ такихъ крестьянъ нѣтъ вовсе. Наоборотъ, крестьянъ платящихъ болѣе 5 руб. съ десятины въ Царицынскомъ нѣтъ вовсе, а въ Саратовскомъ ихъ 15%. Вообще говоря, крестьянъ обложенныхъ высоко, то-есть отъ трехъ рублей и болѣе съ десятины, всего болѣе среди получившихъ даровой надѣлы. Затѣмъ послѣдовательно идутъ помѣщичьи крестьяне перешедшіе на выкупъ, удѣльные, государственные и, наконецъ, бывшіе колонисты, обложеніе которыхъ всего ниже.

Мы сообщили читателю данныя на основаніи которыхъ онъ можетъ составить себѣ ясное понятіе о двухъ коренныхъ условіяхъ, составляющихъ такъ-оказать главную основу крестьянскаго быта. Условія эти, съ одной стороны, размѣръ надѣленія землей и размѣръ лежащихъ на ней повинностей, съ другой. Первое изъ нихъ было опредѣлено уставными грамотами и владѣнными записями, и затѣмъ измѣненію не подвергалось. Второе въ значительной степени установлено этими же актами и также осталось неизмѣненнымъ до самаго послѣдняго времени: выкупные платежи подверглись сокращенію на 1 руб. съ души. Подушная подать была повышена въ 1863 году и съ тѣхъ поръ также не подвергалась измѣненію. Наиболѣе колеблющимся элементомъ обложенія являются такимъ образомъ мірокія и земскія повинности, которыя отъ правительства не зависятъ и имѣютъ постоянную склонность къ повышенію.

Всѣ эти данныя, вмѣстѣ взятыя, представляютъ такъ-оказать главную экономическую основу имущественнаго быта крестьянъ. Всѣ послѣдующія явленія этого быта: покупка и арендованіе земель, заработки и веденіе собственнаго хозяйства могли только развить въ ту или другую сторону давнее положеніе и служить показателями болѣе или менѣе благоприятнаго хода этого развитія. Къ этимъ явленіямъ мы теперь и обратимся.

Въ нашей литературѣ установилось убѣжденіе что указанныя нами два условія вполнѣ опредѣляютъ собою степень крестьянскаго благосостоянія. Что ими, и только ими, слѣдуетъ объяснять какъ улучшение въ бытѣ иныхъ крестьянъ, такъ и упадокъ его у другихъ. Съ этой точки зрѣнія приведенныхъ нами цифръ совершенно достаточно чтобы заранѣе предугадать что должно было произойти въ положеніи саратовскихъ и самарскихъ крестьянъ. Такъ какъ, вообще говоря, большинство ихъ надѣлено выше чѣмъ въ центральныя губерніи, то, принимая во вниманіе плодородіе саратовской и самарской почвы, благосостояніе крестьянъ должно бы быть здѣсь вообще нѣсколько выше чѣмъ въ центральной Россіи. При томъ въ Самарской губерніи, гдѣ надѣлъ вдвое обширнѣе, а повинности вдвое ниже чѣмъ въ Саратовской, должно бы замѣчаться сообразно тому и большее процвѣтаніе. Если мы затѣмъ сравнимъ между собою отдѣльныя разряды крестьянъ, въ особенности двѣ главныя ихъ группы: помѣщичьихъ и государственныхъ, то въ бытѣ послѣднихъ мы въ правѣ ожидать сравнительно болѣе отрадныхъ явленій. То же должно повториться если мы станемъ сравнивать уже не отдѣльныя категоріи земледѣльческаго класса, а цѣлыя уѣзды.

Самые малоземельные изъ нихъ, какъ напримѣръ Балашовскій, Кузнецкій и въ особенности Сердобскій, въ Саратовской губерніи, и два сѣверозападные уѣзда въ Самарской должны бы намъ были дать болѣе неутѣшительные выводы въ силу того что здѣсь у крестьянъ земли меньше и платятъ они за нее сравнительно болѣе. Напротивъ, такіе уѣзды какъ Царицынскій и Камышинскій, съ одной стороны, Николаевскій и Новоузенскій, съ другой, должны бы были намъ представить явленіе болѣе отрадное, то-есть большую обезпеченность крестьянскаго хозяйства и меньшее количество недоимокъ.

Посмотримъ насколько дѣйствительность оправдываетъ эти предположенія.

II.

Сенаторская ревизія собрала очень любопытныя данныя о покупкѣ и арендованіи земель крестьянами Саратовской и Самарской губерній. Любопытны они потому что не ограничиваются сообщеніемъ огульныхъ свѣдѣній о числѣ

кулачныхъ и арендуемыхъ десятинъ, а сообщаютъ послѣдовательный ходъ дѣла за двадцатилѣтній періодъ съ 1861—1881 годъ. Только при этомъ условіи конечно подобныя цифры могутъ служить основаніемъ для выводовъ.

Въ Саратовской губерніи въ означенный періодъ крестьянами всего куплено около 100.000 дес., а въ Самарской—478.000, причемъ на одинъ Новоузенскій уѣздъ приходится болѣе половины этого количества (254.000 дес.). Такая неравномѣрность покупокъ объясняется, съ одной стороны, сравнительною дешевизной земли въ Самарской губерніи, а съ другой, тѣмъ обстоятельствомъ что въ этой губерніи встрѣчается значительное число отдѣльныхъ очень зажиточныхъ домохозяевъ, рѣзко выдѣляющихся изъ общаго уровня крестьянскаго населенія.

Мы ниже увидимъ что послѣднее явленіе особенно замѣтно въ Новоузенскомъ уѣздѣ, въ которомъ и особенно значительны число и размѣръ покупокъ.

Но сами по себѣ эти цифры не даютъ еще права дѣлать изъ нихъ какіе-либо выводы. Вотъ почему мы попросимъ читателя вмѣстѣ съ нами подробнѣе вникнуть въ характеръ данныхъ собраныхъ при ревизіи. При этомъ окажется слѣдующее: какъ въ Саратовской, такъ и въ Самарской губерніяхъ размѣръ крестьянскихъ покупокъ въ теченіе двадцати лѣтъ прогрессивно возрасталъ. Въ первое десятилѣтіе, то-есть до 1872 года, куплено всего въ Саратовской губерніи около 33.000 десятинъ, во второе же десятилѣтіе ровно вдвое болѣе. При этомъ слѣдуетъ замѣтить что уѣзды въ которыхъ наиболѣе встрѣчается покупокъ принадлежатъ къ числу тѣхъ гдѣ земля всего дороже. Во главѣ ихъ стоитъ наиболѣе густо населенный уѣздъ Сердобскій, а затѣмъ слѣдуютъ Аткарскій и Саратовскій; наоборотъ, многоземельные уѣзды, какъ Царицынскій и Камышинскій, отличаются сравнительно малымъ числомъ покупокъ. Въ Самарской губерніи прогрессивный характеръ пріобрѣтенія крестьянами частныхъ земель еще поразительнѣе. Если разбить двадцатилѣтіе истекшее со времени освобожденія крестьянъ на четыре равныя періода, то окажется что въ каждое новое пятилѣтіе количество покупокъ постоянно возрастало, причемъ за послѣднія пять лѣтъ земли куплено вшестеро болѣе чѣмъ за время съ 1861 до 1866 года. Данные эти относятся только къ шести сѣвернымъ уѣздамъ губерніи, такъ

какъ Новоузенскій по объему крестьянскихъ покупокъ резко отличается отъ всѣхъ остальныхъ: здѣсь крестьянами приобретено болѣе земли чѣмъ во всѣхъ другихъ уѣздахъ взятыхъ вмѣстѣ. Впрочемъ, замѣченное нами явленіе повторяется и въ Новоузенскомъ уѣздѣ. За первое десятилетіе здѣсь куплено 71.000 десятинъ, за второе 183.000.

Такимъ образомъ, въ Самарской губерніи крестьянскія земельныя покупки наиболѣе замѣтны въ уѣздахъ слабо-населенныхъ. А такъ какъ въ Саратовской губерніи происходитъ какъ разъ обратное явленіе, то это противорѣчіе фактовъ, за неимѣніемъ точныхъ указаній на его причины, не даетъ возможности вывести какое-либо заключеніе о вліяніи густоты населенія на обиліе покупокъ. Но за то прогрессивное и быстрое возрастаніе покупокъ замѣчаемое на всей территоріи обѣихъ губерній несомнѣнно свидѣтельству-етъ о томъ что покупки средства у крестьянскаго сословія не ослабѣваютъ, а напротивъ сильно развиваются. Выводъ этотъ еще подтверждается тѣмъ соображеніемъ что самая цѣна покупаемыхъ земель за истекшее двадцатилѣтіе несомнѣнно возрасла и возрасла почти въ три раза. Такимъ образомъ мы встрѣчаемся съ очень страннымъ, повидимому, фактомъ: число покупокъ земли возрастаетъ по мѣрѣ ея вздорожанія; но выводъ этотъ будетъ не полнымъ если мы не обратимъ вниманія на другую сторону дѣла. Съ перваго же взгляда на цифры собранныя ревизіей нельзя не замѣтить крайней несоразмѣрности между покупками совершенными цѣлымъ обществомъ, съ одной стороны, и тѣми которыя были сдѣланы отдѣльными крестьянами и товариществами домохозяевъ. Такъ въ Саратовской губерніи изъ 100.000 десятинъ приобретенныхъ крестьянами, сельскими обществами куплено всего 7.300 десятинъ. Въ шести уѣздахъ Самарской губерніи изъ 224.836 десятинъ на долю сельскихъ обществъ приходится всего 11.198 десятинъ. Въ Новоузенскомъ уѣздѣ, правда, участіе обществъ въ покупкахъ оказывается значительно: ими всего приобретено 71.575 десятинъ, но и эта сравнительно крупная цифра составляетъ менѣе 30% всѣхъ купленныхъ въ уѣздѣ земель. Но это еще не все. Участіе сельскихъ обществъ въ покупкахъ не только значительно слабѣе участія въ нихъ отдѣльныхъ крестьянъ,—оно съ теченіемъ времени постепенно уменьшается даже въ Новоузенскомъ уѣздѣ, а если принять во вниманіе что одновре-

меню съ этимъ общее количество покупокъ возрастаетъ, то прогрессивный перевѣсъ частнаго крестьянскаго землевладѣнія надъ общиннымъ покажется еще болѣе несомнѣннымъ.

Фактъ этотъ, какъ бы на него ни посмотрѣли, имѣетъ очень вѣское значеніе. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ что внутри сельскихъ обществъ все болѣе растетъ неравенство ихъ членовъ. Еслибъ явленіе это примѣчалось въ одной Саратовской губерніи, гдѣ покупокъ сравнительно менѣе, то особенныхъ выводовъ изъ него пожалуй нельзя было бы дѣлать. Но, какъ мы видѣли, въ Самарской губерніи, гдѣ селенія круннѣе и потому, въ общей сложности, имѣютъ большія средства чѣмъ въ Саратовской, гдѣ притомъ размѣръ покулаемыхъ участковъ очень великъ, мы встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ.

Въ виду этого нельзя не признать что экономическое положеніе отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ идетъ все болѣе врозь и что тамъ гдѣ въ этомъ положеніи замѣтень успѣхъ — онъ не въ пользу развитія сельской общины. Къ этому выводу склоняетъ насъ и еще одно обстоятельство. Принимая во вниманіе число актовъ на покупки земель крестьянами и получая, такимъ образомъ, средній размѣръ такихъ покупокъ, мы должны признать что размѣръ этотъ вообще значителенъ и выходитъ за предѣлы такъ-называемаго мелкаго землевладѣнія. Въ Саратовской губерніи на каждый актъ покупки совершенной отдѣльными крестьянами или ихъ товариществами приходится по 90 десятинъ за первое десятилѣтіе и по 100—130 за второе.

Въ Самарской губерніи средній размѣръ участка купленнаго товариществами достигаетъ 600 десятинъ, а пріобрѣтеннаго отдѣльными крестьянами — 220. Цифры эти настолько велики что даже при переложной системѣ земледѣлія переходятъ за предѣлы самаго зажиточнаго крестьянскаго хозяйства. Отсюда ясно что въ средѣ самого крестьянства низовыхъ губерній образуется и растетъ классъ среднихъ и крупныхъ собственниковъ, зажиточность коего несравненно выше крестьянскаго уровня. Классу этому, какъ самородному, несомнѣнно предстоитъ развитіе и въ будущемъ.

Условія арендованія крестьянами земель въ Саратовской и Самарской губерніяхъ до того различны что каждую изъ этихъ губерній приходится рассмотреть отдѣльно. Въ Саратовской при ревизіи было подробно изслѣдовано 722

общества, составляющихъ по числу ревизскихъ душъ около $\frac{1}{2}$ всего населенія губерніи.

Въ этихъ 722 обществахъ крестьяне арендуютъ казенныхъ и частныхъ земель около $\frac{1}{2}$ милліона десятинъ. Стало-быть, допуская что остальные не исследованныя общества находятся въ условіяхъ болѣе или менѣе одинаковыхъ, позволительно думать что въ цѣлой губерніи крестьяне въ общей сложности арендуютъ до $1\frac{1}{2}$ милліона десятинъ, то-есть приблизительно половину того количества земли которая у нихъ состоитъ въ надѣлѣ.* Большая часть этого количества арендуется крестьянами сравнительно малоземельными, то-есть имѣющими не болѣе пяти десятинъ душеваго надѣла, и стало-быть преимущественно крестьянами изъ бывшихъ помѣщичьихъ.

Общій характеръ арендованія таковъ что по мѣрѣ увеличенія надѣльной земли сокращается количество арендуемой: цифры той и другой идутъ почти въ обратныхъ прогрессіяхъ.

Такъ какъ арендованіе земли въ Саратовской губерніи, подобно большинству черноземныхъ, составляетъ главный, если не единственный крестьянскій промыселъ, то понятно что потребность въ сѣмкѣ чужихъ земель особенно сильна у тѣхъ крестьянъ коихъ надѣлы невелики. Тѣмъ не менѣе, нельзя сказать чтобъ, арендуя чужія земли, крестьяне имѣли всегда въ виду достиженіе извѣстнаго, нормальнаго размѣра для своего хозяйства. Такъ, при надѣлѣ до двухъ десятинъ общая сложность земли надѣльной и арендуемой составляетъ 4—5 десятинъ на ревизскую душу. По мѣрѣ увеличенія надѣла цифра эта постепенно растетъ и достигаетъ девяти десятинъ на душу при надѣлѣ въ 5—10 десятинъ. Но такъ какъ при высокихъ надѣлахъ число крестьянъ арендующихъ землю сравнительно не велико, то выходитъ что по мѣрѣ возрастанія количества собственной земли у крестьянъ, арендованіе ея такъ-сказать сосредоточивается въ немногихъ рукахъ. Этотъ выводъ подтверждается тѣмъ что при низкихъ надѣлахъ преобладаетъ арендованіе цѣлыми обществами, и наоборотъ, по мѣрѣ возрастанія надѣловъ растетъ сравнительное

* Такъ какъ въ Саратовской губерніи казенныхъ земель вообще немного и крестьяне изъ нихъ арендуютъ всего 70.000 дес., то въ этой губерніи казенная земля не могутъ имѣть большаго значенія въ экономическомъ быту крестьянъ.

участіе въ арендованіи отдѣльных домохозяевъ и крестьянскихъ товариществъ. При надѣлахъ въ 5—10 десятинъ и это участіе является уже преобладающимъ.

Такимъ образомъ и въ арендованіи земель, точно также какъ въ ихъ покупкѣ, замѣчается одно и то же явленіе: тамъ гдѣ надѣлы крупны, нѣкоторые отдѣльные домохозяева особенно сильно развиваются, и неравенство среди крестьянъ того же общества становится особенно замѣтнымъ.

Арендованіе земель въ Саратовской губерніи не идетъ прогрессивно какъ идетъ ихъ покупка. Наоборотъ, съ каждымъ годомъ, несмотря на возвышеніе арендныхъ цѣнъ, земли предлагаются съемщикамъ все въ меньшемъ количествѣ.

Послѣ освобожденія крестьянъ, въ Саратовской губерніи, какъ и на всемъ черноземѣ, помѣщики луснулись на отдачу земель какъ на самый вѣрный и простой способъ полученія дохода. Они словно отчаялись въ возможности вести собственное хозяйство. Но съ теченіемъ времени, когда лавика миновала и мѣстныя цѣны на хлѣбъ возросли благодаря проведенію желѣзныхъ дорогъ, помѣщичьи хозяйства на черноземѣ опять стали разрастаться и крѣпнуть, а сообразно съ тѣмъ сократилось и количество отдаваемой въ аренду земли. Такому повороту способствовало и то обстоятельство что сдаваемая въ аренду земли обрабатываются вообще плохо и постепенно истощаются. Сокращая ихъ количество, помѣщики достигали разомъ трехъ выгодъ: большей доходности собственного хозяйства въ сравненіи съ отдачей въ аренду, сохраненія производительности земель и возрастанія самыхъ арендныхъ цѣнъ. Годовая, подешатинная плата въ Саратовской губерніи до того разнообразна что чрезвычайно трудно составить себѣ точное понятіе о ея средней нормѣ. Казенныя земли сдаются крестьянамъ по 1 рублю 60 коп. до 2 руб. 30 коп. за десятину, помѣщичьи—отъ 1 р. 50 к. за выгонныя и покосныя земли до 20 руб. за лашни. Последняя цифра составляетъ, впрочемъ, лишь крайній предѣлъ платы за хлѣбный посѣвъ. Аренда за пахотныя земли частныхъ владѣльцевъ большею частью колеблется между 8 и 14 руб. за десятину. Такая значительная несообразность между цѣнами платимыми за казенныя и за частныя земли объясняется между тѣмъ очень просто. Во первыхъ, казенныя земли сдаются всегда крупными участками съ соблюденіемъ обязательнаго передожнаго сѣвооборота, причемъ только половина всего

пространства находится подъ пашней, включая и паровое поле. Повторныхъ, плата за нихъ разчитывается на обыкновенную десятину (2.400 кв. саж.), между тѣмъ какъ для помѣщичьихъ земель принимается въ расчетъ хозяйственная десятина 3.200—3.600 саж. Наконецъ, при высокой платѣ за хлѣбный посѣвъ, не слѣдуетъ забывать что озимые хлѣба занимаютъ пашню въ теченіе двухъ лѣтъ и что поэтому за каждый годъ причисляется лишь половинная плата за озимую десятину. При такихъ условіяхъ оказывается что плата за пашню одинакова, какъ для казенныхъ, такъ и для частныхъ земель. Разница зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того что при отдачѣ помѣщичьихъ земель преобладаютъ недолгосрочныя аренды и потому на нихъ переложнаго хозяйства почти не производится. Въ общей сложности мы едва ли во многомъ ошибемся, допустивъ что средняя подешатинная плата для всей арендуемой крестьянами земли составляетъ въ цѣлой губерніи отъ 5—6 рублей за дес. Такимъ образомъ, если мы припомнимъ что крестьяне всего арендуютъ до полутора миліона десятинъ, то окажется что по одной этой статьѣ своего расхода они должны ежегодно тратить болѣе чѣмъ на все лежащія на нихъ повинности.

А между тѣмъ, почти не слышно жалобъ на ихъ неисправность при уплатѣ арендныхъ денегъ. Это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ что землю арендовать могутъ лишь исправные домохозяева, которые одни отвѣтственны за уплату. При уплатѣ же повинностей недоимки происходятъ отъ несостоятельности нѣкоторой части крестьянъ, а круговая порука (вопреки закону) влечетъ за собою не отвѣтственность богатыхъ за бѣдныхъ, а напротивъ уклоненіе первыхъ отъ уплаты въ виду неисправности послѣднихъ.

Въ Самарской губерніи, при земельномъ надѣлѣ почти вдвое большею чѣмъ въ Саратовской, крестьяне арендуютъ почти такое же количество земли какъ и въ послѣдней, то есть отъ 1.600.000 до 1.800.000 десятинъ: вполнѣ точныхъ цифръ по этой части ревизія добыть не могла, такъ какъ подробно изслѣдованы были въ Самарской губерніи всего 42 общества, а свѣдѣнія волостныхъ правленій оказались вполнѣ тождественными съ полученными при изслѣдованіи. Этой неполнотѣ нечего удивляться, такъ какъ волостныя правленія при всемъ желаніи не могутъ знать въ точности о всѣхъ арендныхъ контрактахъ заключаемыхъ отдѣльными

домохозяевами. Для цѣлей нашей работы, впрочемъ, точная цифра арендуемой крестьянами земли не имѣетъ большого значенія. Намъ достаточно знать что она близко подходитъ къ соответствующей цифрѣ въ Саратовской губерніи, что стало-быть значительно большій размѣръ надѣловъ Самарской отнюдь не влечетъ за собою уменьшенія количества арендуемыхъ земель. * Но вотъ что для насъ гораздо важнѣе. Изъ числа 632.000 десятинъ арендуемыхъ самарскими крестьянами у казны, менѣе $\frac{1}{3}$ находится въ рукахъ сельскихъ обществъ.

Всю остальную землю, и притомъ большею частію крупными участками, арендуютъ либо отдѣльные домохозяева, либо товарищества. Почти такое же отношеніе между этими двумя категоріями арендаторовъ мы получаемъ и для земель частнаго владѣнія. По свѣдѣніямъ волостныхъ правленій, изъ такихъ земель 356.000 арендуются сельскими обществами, а 547.000 отдѣльными крестьянами и ихъ товариществами. Въ этихъ послѣднихъ данныхъ и заключаются доля неточности свѣдѣній полученныхъ при ревизіи. Но такъ какъ эта неточность всецѣло относится къ арендованію отдѣльными домохозяевами, то обстоятельство это лишь придаетъ большее значеніе подмѣченному нами факту. Количество земли показанное здѣсь въ арендѣ у отдѣльныхъ крестьянъ и ихъ товариществъ ниже дѣйствительнаго, а потому слѣдуетъ признать что и при арендованіи частныхъ земель—у сельскихъ обществъ оказывается ихъ немногимъ болѣе одной трети. Здѣсь повторяется явленіе уже отмѣченное нами въ Саратовской губерніи и повторяется въ увеличенныхъ размѣрахъ: при болѣе крупныхъ надѣлахъ растутъ и доля участія отдѣльныхъ, болѣе зажиточныхъ крестьянъ въ арендованіи. Преобладаніе послѣднихъ особенно сильно въ Новоузенскомъ уѣздѣ, самомъ многоземельномъ въ губерніи, такъ какъ здѣсь изъ общаго числа 100.000 десятинъ арендуемыхъ крестьянами 90% находится въ рукахъ отдѣльныхъ домохозяевъ.

Казенныя земли въ Самарской губерніи имѣютъ для крестьянъ гораздо большее значеніе чѣмъ въ Саратовской, такъ

* Впрочемъ, указанное нами относится только до земель арендуемыхъ у частныхъ лицъ. На счетъ казенныхъ земель имѣются самыя полныя свѣдѣнія (именные списки арендаторовъ, въ Управленіи Государственныхъ Имуществъ).

какъ они составляютъ около $\frac{2}{3}$, всего количества арендуемой ими земли. Далеко, однако, не все пространство казенныхъ дачъ въ Самарской губерніи находится въ арендѣ у крестьянъ, именно 56,9%. Изъ числа остальныхъ земель большая часть, именно 34,4%, въ арендѣ у кулцовъ, причемъ послѣдніе въ качествѣ болѣе крупныхъ сьемщиковъ платятъ нѣсколько менѣе чѣмъ мужики. Послѣднія мѣры приватнаго Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ повліяли однако значительно въ смыслѣ обезпеченія выгодъ крестьянъ и увеличенія размѣровъ арендованія ими казенныхъ земель. Въ 1865 году, по свидѣніямъ мѣстнаго Управленія Государственныхъ Имуществъ, у крестьянъ было всего въ арендѣ 40,8% казенныхъ земель, у кулцовъ же 52%.

Замѣчательно однако что этотъ сравнительный успѣхъ пришелся на долю почти однихъ самостоятельныхъ арендаторовъ изъ крестьянъ: они подавались съ 25 до 39,2%; сельскія же общества только съ 15 до 17,7%. Стало-быть отдѣльные сьемщики изъ крестьянъ не только преобладаютъ надъ обществами, но это преобладаніе еще постепенно увеличивается. *

Мы уже сказали выше что въ низовыхъ губерніяхъ крестьянскіе заработки исключительно земледѣльческіе. Несмотря однако на эту односторонность ихъ, они представляются далеко не однообразными на всемъ пространствѣ разсматриваемаго нами района. Общая всему этому району черта заключается лишь въ томъ что изъ всѣхъ видовъ найма на земледѣльческія работы лоденный встрѣчается всего рѣже. Происходитъ это по весьма простой причинѣ. Во всей черноземной полосѣ, гдѣ въ короткій періодъ немногихъ недѣль требуется крайнее напряженіе рабочей силы, въ

* Арендная плата въ Самарской губерніи вообще гораздо ниже чѣмъ въ Саратовской. Для казенныхъ земель она колеблется между 2 р. 39 к. (Ставропольскій уѣздъ) и 84 к. (Бугуруславскій) съ десятины. По всей губерніи цѣна платимая отдѣльными домохозяевами ниже той которую платятъ цѣлыя общества. Для частныхъ земель колебаніе гораздо значительнѣе: она идетъ отъ 50 к. до 20 р. за десятину. При столь расходящихся цифрахъ нечего, конечно, и думать о среднемъ выводѣ, такъ какъ мы не знаемъ мѣры распространенія той или другой арендной платы. Исключительно высокіе ея размѣры встрѣчаются тамъ гдѣ крестьянамъ отдаются въ распашку цѣлныя, т.-е. ковыльные степи.

вышей степени неудобнымъ ставить свое хозяйство въ зависимость отъ невѣрныхъ условій найма подневныхъ рабочихъ. Вслѣдствіе сего тамошніе землевладѣльцы и прибѣгаютъ къ другимъ способамъ найма рабочихъ — по-десятинно, съ отдачей цѣлой деревнѣ или нѣсколькимъ домохозяевамъ всѣхъ работъ отъ вспашки до уборки хлѣба, или помѣсячно, съ наймомъ рабочаго на опредѣленный срокъ. Въ степныхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе рѣже, а потому во время уборки требуется еще большая слѣпность—это соображеніе становится еще болѣе вѣскимъ. Но здѣсь у крестьянъ имѣющихъ свои хозяйства является менѣе охоты наниматься на долгое время, либо въ качествѣ постоянныхъ рабочихъ, либо на короткую отработку столькихъ-то десятинъ пашни. Вслѣдствіе этого здѣсь установился особый видъ найма тоже по десятинному, но уже на производство отдѣльныхъ полевыхъ работъ—вспашки, бороньбы, уборки и т. д. На эти работы нанимаются преимущественно крестьяне не имѣющіе собственнаго хозяйства. Въ горячее лѣтнее время въ крупныхъ торговыхъ пунктахъ Саратовской и Самарской губерній преимущественно въ воскресные дни бываютъ настоящіе базары рабочихъ, на которые съѣзжаются мѣстные землевладѣльцы, и въ урожайные годы необыкновенно быстро набиваютъ другъ предъ другомъ цѣны. При такихъ условіяхъ, валомывающихъ торги, не удивительно что рабочая плата здѣсь подвержена необыкновенно сильнымъ колебаніямъ. Наконецъ, въ чисто степныхъ мѣстностяхъ, какъ Царицынскій уѣздъ Саратовской и большая часть Самарской губерній, гдѣ въ урожайные годы мѣстнаго населенія недостаточно на уборку хлѣба, стекаются въ началѣ іюля рабочіе изъ другихъ уѣздовъ Саратовской губерніи, а иногда и изъ мѣстностей болѣе отдаленныхъ. Усиленный спросъ на этихъ рабочихъ въ обильные годы и отсутствіе такого спроса вслѣдствіе неурожая влечетъ здѣсь за собою колебанія еще болѣе сильныя, часто губельно отзывающіяся на пришедшихъ издалека крестьянахъ.

Относительно производства сельскихъ работъ разсматриваемыя нами губерніи представляютъ три довольно рѣзко отличающіяся между собою мѣстности. Въ пяти западныхъ уѣздахъ Саратовской губерніи, близко подходящихъ къ условіямъ средней черноземной полосы, преобладаетъ система отдачи въ короткому; причемъ подесятинная плата на 50—100%

выше чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ, т.-е. доходитъ до 10 и 12 р. за десятину. Рядомъ съ этимъ порядкомъ хозяйства здѣсь примѣняется и система отдачи работъ по частямъ.

Система эта является господствующею и почти исключительно въ уѣздахъ Хвалынскомъ, Вольскомъ, Саратовскомъ и Камышинскомъ Саратовской губерніи и въ двухъ сѣверо-западныхъ Самарской. Наконецъ, въ уѣздахъ Царицынскомъ Саратовской губерніи и во всѣхъ остальныхъ Самарской на работы нанимается уже главнымъ образомъ не мѣстное, а пришлое населеніе; причемъ рабочіе явившіеся издалека принимаются только за лѣтнія работы, какъ сѣнокосъ и уборка; между тѣмъ какъ общій характеръ найма на работы по частямъ и по десятинно таковъ что ихъ берутся исполнить на своихъ лошадяхъ и со своими орудіями.

При такихъ разнообразныхъ условіяхъ предѣльныя цѣны за различныя полевые работы расходятся весьма сильно и достигаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ 4 и 5 р. за борону, 8 и 10 р. за пашню. Замѣчательно что обыкновенная плата за уборку немногимъ превышаетъ стоимость лѣноты, между тѣмъ какъ уборка—самая горячая и неотложная изъ сельскихъ работъ. Происходитъ это, главнымъ образомъ, отъ того что пришедшій издалека народъ находится въ бѣльшей зависимости отъ нанIMATEЛЯ чѣмъ крестьянинъ пріѣхавшій на своей лошади.

Конечно, все это далеко не безусловно, такъ какъ и въ числѣ сосѣднихъ крестьянъ идущихъ наниматься очень многіе, даже большинство, не имѣютъ лошадей и во многихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ конныя работы производятся на лошадяхъ владѣльца. Впрочемъ, плата за уборку въ особенно урожайные годы (какимъ былъ, на примѣръ, 1881) переходитъ далеко за предѣлы обычной нормы, и на примѣръ въ Самарской губерніи достигаетъ 15 или 18 р. за уборку одной десятины пшеницы.

Въ общей сложности слѣдуетъ признать что плата за отдѣльныя сельскія работы въ низовыхъ губерніяхъ сравнительно высока, и притомъ до того что предѣльная плата за лѣноту иногда превышаетъ нормальную плату за всю отработку десятины въ центральныхъ губерніяхъ.

Если мы теперь сравнимъ съ этими цѣнами плату подековымъ рабочимъ, то послѣдняя намъ покажется очень низкою. Въ самомъ дѣлѣ, она, во первыхъ, колеблется сравнительно

немного, а восторыхъ, почти не отличается отъ обычной поденной платы въ центрѣ Россіи; нельзя даже замѣтить особаго повышенія ея въ малонаселенныхъ степныхъ уѣздахъ, мы не видимъ никакого опредѣленнаго соответствія между ея размѣромъ и относительною густотою населенія. Это странное по видимому противорѣчіе объясняется рѣдкостью вообще найма на поденную работу, о чемъ мы выше уже сказали. Землевладѣльцы устраиваютъ вообще такъ чтобъ обходиться безъ лоденьщиковъ, и послѣдніе являются лишь какъ подспорье въ хозяйствѣ; вотъ почему рѣдкость населенія и происходящая отсюда высота рабочей платы не имѣетъ на поденные заработки ощутительнаго вліянія. Отсюда видно какъ ошибаются тѣ, которые, подобно господину Воропанову въ январьской книжкѣ *Вѣстника Европы*, смотрятъ на поденную плату какъ на мѣрило крестьянскихъ заработковъ.

Характеръ отхожаго промысла какой имѣетъ въ Самарской и отчасти Саратовской губерніяхъ земледѣльческій трудъ придаетъ этому труду совершенно несвойственную ему рискованность и цѣткость. Случайно высокая заработная плата въ года большаго урожая заманиваетъ на слѣдующій годъ въ заволжскія степи большое число крестьянъ. Зачастую они обманываются въ расчетъ, благодаря неравномѣрности урожаявъ и еще тому что являясь въ большемъ числѣ они сами для себя создаютъ конкуренцію. Такимъ образомъ заработная плата быстро понижается какъ разъ въ такое время когда въ ней крестьяне особенно нуждаются въ виду недостаточнаго урожая на собственныхъ поляхъ. Многие возвращаются домой не только безъ заработка, но и разоренные въ конецъ, такъ какъ собственные хозяйства были забрешены или сданы на чужія руки. Напротивъ, высокая трудовая плата въ урожайные годы, какъ всякій случайный, выходящій изъ нормы барышъ работника, рѣдко ему идетъ въ прокъ и не выкулаетъ повесенныхъ имъ потерь: барышъ этотъ идетъ какъ выигрышъ въ азартной игрѣ скорѣе на полошки чѣмъ на улучшение хозяйства.

III.

Мы рассмотрѣли двѣ главныя формы примѣненія свободнаго крестьянскаго труда въ низовыхъ губерніяхъ: арендованіе земель — этотъ единственный промыселъ низшаго

Приволья—и земледѣльческіе заработки. Намъ остается теперь уломануть о тѣхъ явленіяхъ которыя даютъ намъ вѣдннє признаки стелени крестьянскаго благосостоянія. Признаки эти троякаго свойства. Сюда относятся, волевыхъ, количество и распредѣленіе лошадей у крестьянъ; вовторыхъ, число домохозяйствъ прекратившихъ самостоятельное веденіе дѣла и наконецъ, втретьихъ, наличие и распредѣленіе ведемокъ. Намъ кажется что только этимъ путемъ мы можемъ судить о состояніи крестьянскаго быта въ данной мѣстности. Всѣ разсужденія о томъ какимъ долженъ быть этотъ бытъ при извѣстныхъ условіяхъ, всѣ разчеты касательно потребностей крестьянской семьи, ея нужды и доходовъ всегда останутся гадательными или шаткими. Дѣйствительность слишкомъ часто опровергаетъ всѣ подобныя разчеты и предположенія. Гораздо осязательнѣе и потому важнѣе для насъ тѣ цифровыя данныя которыя выражаются результаты крестьянскаго хозяйства, и которыя даютъ намъ возможность оцѣнить степень развитія въ этомъ хозяйствѣ отрицательныхъ и болѣзненныхъ явленій. Въ ряду такихъ явленій мы ядѣсь не упоминаемъ о такъ-называемыхъ безземельныхъ крестьянахъ. Число ихъ въ Саратовской и Самарской губерніяхъ очень невелико*. Но и независимо отъ своей малочисленности безземельные крестьяне вовсе не представляютъ настоящаго сельскаго пролетаріата: они, въ особенности бывшіе дворовые люди, почти всегда не только живутъ исправно, но и находятъ возможность ссужать деньги своимъ односельчанамъ владѣющимъ землей. Нерѣдки случаи когда они на самомъ дѣлѣ замѣняютъ собою: настоящаго домохозяина и держатъ его землю за извѣстную плату. Происходить же эта сравнительная обезпеченность отъ того что почти всѣ бывшіе дворовые люди знади какое-нибудь мастерство, преимущественно портняжное или ткацкое, и затѣмъ уже обучали ему своихъ дѣтей. Гораздо большее значеніе, уже въ силу ихъ многочисленности, слѣдуетъ признать за крестьянами не имѣющими собственнаго хозяйства.

Въ обѣихъ губерніяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, число ихъ почти одинаково**, а такъ какъ общая цифра всего населенія

* 3.742 ревизскихъ душъ въ Саратовской и 3.562 въ Самарской.

** Въ Саратовской губерніи 29.451 ревизскихъ душъ, въ Самарской 31.185 ревизскихъ душъ.

въ этихъ губерніяхъ тоже почти одинакова, они и въ Саратовской, и въ Самарской губерніяхъ составляютъ тотъ же процентъ тамошнихъ крестьянъ, а именно 11,4%. Но эта кажущаяся симметрия статистическихъ цифръ нарушается тѣмъ что въ Самарской губерніи крестьянскіе надѣлы болѣе обширны чѣмъ въ Саратовской, и что добавокъ въ первой изъ нихъ малоземельныхъ крестьянъ гораздо меньше, именно 15,5% (въ Саратовской 55%). *

Затѣмъ и въ той и въ другой губерніи то же явленіе замѣчается и въ отдѣльныхъ уѣздахъ: тѣ въ которыхъ населеніе рѣже даютъ въ то же время наибольшій процентъ крестьянъ бросившихъ свое хозяйство. А бросить хозяйство для крестьянина значитъ превратиться въ батрака, тѣмъ болѣе что передавая свой надѣлъ односельчанину разорившійся домохозяинъ очень рѣдко получаетъ за него настоящую цѣну. Большею частью плата за него является вынужденною и потому иногда вдвое ниже нормальной земельной ренты въ данной мѣстности.

Что бы ни дѣлалъ потомъ уходящій домохозяинъ, пойдетъ ли онъ промыслять вдали, или останется въ качествѣ батрака у односельчанина, у него уже мало шансовъ сдѣлаться когда-либо снова самостоятельнымъ хозяиномъ. По-вѣроятно что въ черноземныхъ и степныхъ мѣстностяхъ, откуда почти никто не идетъ на выгодные промыслы въ столицахъ и гдѣ уходящая часть населенія ограничивается сельскими заработками, шансы эти еще слабѣе и возможности поправиться нѣтъ почти никакой. Вотъ почему на крестьянъ не имѣющихъ собственнаго хозяйства мы въ правѣ смотрѣть какъ на сельскихъ пролетаріевъ. Между тѣмъ и въ Саратовской, и въ Самарской губерніяхъ развитіе этого пролетаріата съ поразительною правильностію идетъ параллельно увеличенію надѣла. Въ Саратовской губерніи во главѣ списка уѣздовъ оказывается Камышинскій съ 23,8% крестьянъ не имѣющихъ своего хозяйства. Между тѣмъ какъ въ малоземельномъ Сердобскомъ уѣздѣ ихъ всего 5,8%. Вся группа пяти приволжскихъ уѣздовъ, гдѣ всего 43,7% крестьянъ получившихъ менѣе пяти десятинъ надѣла, даетъ въ среднемъ выводѣ 14,8% такихъ крестьянъ которые своего хозяйства не ведутъ.

* Мы здѣсь подъ малоземельными крестьянами разумѣемъ тѣхъ у которыхъ менѣе 5 дес. душеваго надѣла.

Напротивъ въ пяти западныхъ уѣздахъ, съ гораздо бѣльшимъ сравнительно процентомъ малоземельныхъ крестьянъ (63,8%), число неимѣющихъ своего хозяйства падаетъ до 8%. Въ Самарской губерніи повторяется то же самое, хотя съ нѣкоторымъ уклономъ прогрессіи. Здѣсь особенно выдѣляется Новоузенскій уѣздъ, въ которомъ почти все населеніе получило большіе надѣлы и только 2,4% владѣютъ землею менѣе 5 десятинъ на душу; тѣмъ не менѣе число крестьянъ введущихъ хозяйства достигаетъ здѣсь 19,7%.

Остальные шесть уѣздовъ губерніи, несмотря на то что они далеко не однородны по населенности и размѣру надѣловъ, довольно мало отличаются другъ отъ друга по степени развитія сельскаго пролетаріата. Число крестьянъ бросившихъ хозяйство въ этихъ уѣздахъ колеблется между 9% (Бузулукскій уѣздъ) и 12,8% (Ставропольскій уѣздъ).

Число безлошадныхъ дворовъ должно бы приблизительно совпадать съ числомъ дворовъ введущихъ хозяйства. Въ Самарской губерніи оно и на самомъ дѣлѣ такъ. Но въ Саратовской числа тѣхъ и другихъ довольно сильно расходятся, а именно число безлошадныхъ дворовъ достигаетъ 41.826, или 16,8%. Если мы на крестьянскую семью, включая и дѣтей, положимъ среднимъ числомъ по пяти душъ обоего пола, то окажется что въ обѣихъ губерніяхъ насчитывается до 300 тысячъ душъ живущихъ однимъ трудомъ, а въ Саратовской еще сверхъ того до 50 тысячъ душъ неимѣющихъ рабочаго скота, хотя и не совершенно бросившихъ хозяйство.

Цифры эти уже очень почтенныя и невольно поражаютъ если не терять изъ виду что такого развитія за какія-нибудь 20 лѣтъ сельскій пролетаріатъ достигъ въ такой мѣстности гдѣ крестьянскіе надѣлы принадлежатъ къ числу наибольшихъ въ Россіи и гдѣ всѣ условія таковы что должны бы способствовать улучшенію крестьянскаго быта...

Распределеніе безлошадныхъ дворовъ по уѣздамъ идетъ почти въ совершенно той же прогрессіи, какъ и распределеніе дворовъ неимѣющихъ хозяйства. И здѣсь предѣльная цифра достигается въ Камышинскомъ (24%) и въ Сердобокомъ (7,8%). Изъ остальныхъ уѣздовъ два, именно Царицынскій и Кузнецкій, заключаютъ въ себѣ сравнительно большій процентъ безлошадныхъ дворовъ чѣмъ дворовъ неимѣющихъ хозяйства. Въ Самарской на первомъ мѣстѣ стоитъ опять Новоузенскій уѣздъ (21,1%). Остальные шесть уѣздовъ не

представляютъ большихъ колебаній, но изъ ихъ числа наиболее крупный процентъ является уже не въ Ставропольскомъ уѣздѣ (10,2%), а въ Бугульминскомъ (11,9%).

Такимъ образомъ и другой изъ внѣшнихъ признаковъ обѣдѣнія крестьянъ встрѣчается всего чаще въ мѣстностяхъ съ наиболее высокими надѣлами. Мы изъ этого вовсе не думаемъ заключать что многоземельность сама по себѣ ведетъ къ разоренію, что было бы очевидною неаѣлостію, хотя на эту неаѣлость какъ будто наталкиваютъ статистическія цифры. Мы ограничимся лишь указаніемъ на то что многоземельность не представляетъ также и никакихъ гарантій отъ усиленія пролетаріата.

То самое лугало обезземеленія отъ котораго хотятъ спасти наше крестьянство особенно ярко выступаетъ тамъ гдѣ крестьянству данъ наибольшій просторъ. Но заключать изъ этого объ общемъ обѣдѣніи крестьянъ того или другаго уѣзда мы не имѣемъ ровно никакого права. Значительный процентъ безлошадныхъ или даже заброшенныхъ дворовъ указываетъ лишь на размноженіе разоренныхъ семей среди этихъ крестьянъ. Остальная часть населенія можетъ при этомъ даже богать, и таково дѣйствительно положеніе дѣлъ въ наиболее многоземельныхъ мѣстностяхъ Россіи. Мы уже видѣли что и въ Саратовской, и въ Самарской губерніяхъ локулка и аренда земли крупными участками преобладаетъ и что это преобладаніе особенно замѣтно тамъ гдѣ населеніе всего рѣже. Мы тотчасъ увидимъ что въ этихъ же самыхъ мѣстностяхъ всего болѣе проявляется неравенства и въ количествѣ лошадей у отдѣльныхъ дворовъ.

Точныя свѣдѣнія о подворномъ распредѣленіи лошадей собраны управляющимъ Самарской казенной палаты по Новоузенскому уѣзду, самому многоземельному изъ 17 уѣздовъ въ двухъ разсматриваемыхъ нами губерніяхъ. Изъ этихъ свѣдѣній мы узнаемъ что параллельно размноженію обѣдѣвшихъ, безлошадныхъ дворовъ возрастаетъ благосостояніе зажиточныхъ домохозяевъ. Достатокъ послѣднихъ переходитъ далеко за предѣлы средняго уровня крестьянскаго хозяйства. Такъ если, какъ мы видѣли, въ Новоузенскомъ уѣздѣ имѣется 21% безлошадныхъ дворовъ, то съ другой стороны свыше 21% крестьянъ имѣютъ отъ 6—10 лошадей, а свыше 16% по 11 и болѣе. Такимъ образомъ около 40% всего крестьянскаго населенія въ уѣздѣ обладаютъ рабочимъ скотомъ въ размѣрахъ

превышающихъ крестьянское хозяйство, и развитію сельскаго пролетаріата соотвѣтствуетъ накопленіе богатства въ значительной части населенія.

Нельзя не признать вмѣстѣ съ покойнымъ княземъ А. И. Васильчиковымъ что число лошадей въ крестьянскомъ хозяйствѣ едва ли не самый важный признакъ степени его довольства. Совершенно подобное же неравенство оказывается при сравненіи всего имущественнаго инвентаря бѣдныхъ и богатыхъ дворовъ. Средняя цифра стоимости такого инвентаря для первыхъ опредѣляется во 190 р., а для вторыхъ саишкомъ въ 5.700 р., причемъ у нихъ же имѣется хлѣбныхъ запасовъ въ среднемъ выводѣ на сумму почти въ 2.000 руб. Есть, наконецъ, въ Новоузенскомъ уѣздѣ и такіе дворы которые держатъ болѣе 20 лошадей и инвентарь копѣхъ представляетъ цѣнность въ 7 тысячъ рублей и болѣе. Такимъ образомъ всѣ признаки большаго или меньшаго благосостоянія крестьянъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ указываютъ на одно и то же явленіе—на сильное неравенство между крестьянами, а такъ какъ и въ прочихъ многоземельныхъ уѣздахъ то же явленіе повторяется съ большою или меньшею силой, то мы въ правѣ заключить что многоземельность способствуетъ обогащенію одной части крестьянъ при совершенномъ упадкѣ хозяйства другихъ. И явленіе это вполне понятно: на большаго просторѣ борьба за существованіе разыгрывается съ большою силой.

Перейдемъ теперь къ третьему показателю имущественнаго крестьянскаго быта—къ недоимкамъ.

Цифровымъ даннымъ мы должны, однако, предположить краткое объясненіе нашего взгляда на значеніе недоимокъ. Намъ часто доводилось слышать что недоимки являются какъ результатъ нѣкотораго послабленія во взысканіи повинностей, что стало-быть онѣ въ прямой зависимости отъ большаго или меньшаго усердія полиціи. Такое мнѣніе отнюдь не приводится въ качествѣ сѣтованія на бездѣйствіе властей. Напротивъ, въ основаніи его часто лежитъ увѣренность что отсутствіе недоимокъ доказываетъ вовсе не сравнительное благосостояніе крестьянъ, а лишь безчеловѣчность мѣръ взысканія. Такимъ образомъ на общемъ фонѣ безотрадной картины крестьянскаго разоренія, причинаемаго де.тяжестью налоговъ и малоземеліемъ, картины такъ часто украшавшей нашу періодическую печать проявляются

случайные узоры большей или меньшей исправности крестьянъ, а эта исправность, въ свою очередь, объясняется случайною энергіей мѣстнаго исправника. Намъ кажется что такое мнѣніе плохо вяжется съ крайнею неравномѣрностію недоимокъ: въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ихъ всего по нѣскольку тысячъ руб., въ иныхъ по нѣскольку милліоновъ. Трудно объяснить такую разницу одною дѣятельностію господъ исправниковъ.

Но мнѣніе это можно бы, пожалуй, еще отстаивать еслибы недоимки ложились на различныя губерніи совершенно случайно, безо всякаго опредѣленнаго отношенія къ экономическимъ условіямъ этихъ губерній. А между тѣмъ выходитъ какъ разъ наоборотъ. Почти всѣ нечерноземныя губерніи имѣютъ сравнительно очень небольшія недоимки. Почти всѣ черноземныя, напротивъ, стоятъ во главѣ списка съ недоимками въ 1.000.000 рублей и болѣе. Въ Ярославской губерніи, какъ извѣстно, недоимокъ нѣтъ. Въ Костромской, Тверской, Владимірской, ихъ отъ ста до 250.000 руб. Въ губерніяхъ Западнаго края ихъ тоже почти нѣтъ вовсе. Напротивъ, въ Самарской губерніи, какъ мы тотчасъ увидимъ, размѣръ недоимки превышаетъ 6.000.000. Если мы теперь попробуемъ отыскать общую причину этого явленія, мы натолкнемся на то обстоятельство что въ губерніяхъ съ богатой почвой существуютъ промыслы, а въ черноземныхъ ихъ нѣтъ почти вовсе.

Исключенія изъ общаго правила только подтверждаютъ его.

Изъ нечерноземныхъ губерній лишь въ Смоленской недоимка высока. Наоборотъ, черноземныя губерніи, со смѣшаннымъ экономическимъ характеромъ, какъ Тульская, Нижегородская, Казанская, гдѣ на ряду съ земледѣіемъ есть и промыслы, имѣютъ сравнительно невысокія цифры недоимокъ. Наконецъ незначительность послѣднихъ въ западныхъ и въ прибалтійскихъ губерніяхъ можетъ быть приведена въ связь съ подворнымъ владѣніемъ земель, вслѣдствіе чего является личная, а не круговая отвѣтственность плательщиковъ. Если мы такимъ образомъ признаемъ что размѣръ недоимокъ почти вездѣ находится въ обратномъ отношеніи къ развитію промысловъ, то мы будемъ ужъ въ правѣ сказать что онъ нѣкоторымъ образомъ указываетъ на степенъ довольства населенія.

И Саратовская, и Самарская губернія даютъ намъ относительно казенныхъ и земскихъ недоимокъ съ крестьянъ* очень неутѣшительныя цифры, причемъ однако въ Самарской положеніе далеко хуже чѣмъ въ Саратовской. Въ первой изъ нихъ общая сумма казенныхъ и земскихъ недоимокъ 6.650.603 руб., а во второй 4.312.439 руб. сер.** Такимъ образомъ вдвое большому размѣру землевладѣнія соотвѣтствуетъ въ полтора раза бѣльшая недоимка.

Мы приведемъ здѣсь таблицу распределенія недоимокъ въ обихъ губерніяхъ по уѣздамъ, съ указаніемъ того въ какомъ размѣрѣ для каждаго уѣзда она ложится на одну ревизскую душу.

САРАТОВСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

УѢЗДЫ.	Число недоимокъ.	Населеніе въ ревизскихъ душахъ.	Количество недоимки на каждую ревизскую душу.
1. Хвалыинскій.....	998.351 р.	56.488	15 р. — к.
2. Камышинскій....	884.893 „	91.817	9 „ 60 „
3. Аткарскій.....	584.480 „	86.868	6 „ 14 „
4. Саратовскій.....	408.451 „	56.008	7 „ 25 „
5. Вольскій.....	365.945 „	51.494	7 „ 10 „
6. Балашовскій.....	360.782 „	71.208	5 „ 60 „
7. Куанецкій.....	320.255 „	49.737	6 „ 60 „
8. Петровскій.....	204.712 „	61.154	3 „ 30 „
9. Сердобскій.....	136.679 „	55.398	2 „ — „
10. Царицынскій.....	99.899 „	20.423	4 „ 85 „

САМАРСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

УѢЗДЫ.	Число недоимокъ.	Количество ревизскихъ душъ.	Недоимка на каждую душу.
1. Бузулуцкій.....	1.785.154 р.	134.306	13 р. — к.
2. Николаевскій.....	1.384.212 „	180.121	10 „ 60 „
3. Бугурусамскій....	958.973 „	102.550	9 „ — „
4. Новоузенскій.....	848.353 „	90.897	9 „ — „
5. Ставропольскій....	665.161 „	75.554	8 „ — „
6. Бугульминскій.....	648.164 „	69.019	9 „ — „
7. Самарскій.....	395.585 „	70.022	5 „ 55 „

Мы приводимъ здѣсь уѣзды Саратовской и Самарской губерній въ порядкѣ соотвѣтствующемъ понижающейся прогрессіи валовой недоимки въ каждомъ изъ нихъ.

* По мірскимъ повинностямъ обыкновенно нѣтъ недоимокъ, такъ какъ взимающій сборъ прежде всего удовлетворяетъ мірскіе и воюстные расходы.

** Къ 1 января 1881 года.

Читатель увидитъ что въ Саратовской губерніи количество недоимокъ по уѣздамъ до крайности неравномѣрно, въ Хвалынскомъ уѣздѣ оно въ десять разъ больше чѣмъ въ Царицынскомъ. Послѣдовательность въ которой здѣсь представляются уѣзды очень близка къ тому порядку въ которомъ они идутъ одинъ за другимъ по отношенію къ числу безлошадныхъ дворовъ. Въ обоихъ случаяхъ многоземельные привоажскіе уѣзды даютъ результатъ болѣе неблагоприятный чѣмъ остальные, сравнительно малоземельные.

Исключеніе составляютъ только, съ одной стороны, уѣздъ Аткарскій, занимающій третье мѣсто по валовой суммѣ недоимокъ и съ другой — Царицынскій, въ которомъ она менѣе чѣмъ во всѣхъ остальныхъ. Въ Самарской губерніи цифры недоимокъ расходятся гораздо менѣе. Во всѣхъ безъ исключенія уѣздахъ онѣ очень высоки, и въ Бузулуцкомъ уѣздѣ, стоящемъ во главѣ списка, размѣръ недоимки только въ четыре раза болѣе чѣмъ въ Самарскомъ, занимающемъ въ немъ послѣднее мѣсто. Впрочемъ и здѣсь, хотя не въ столь рѣзкой формѣ, примѣчается то же явленіе какъ и въ Саратовской, уѣзды сравнительно малоземельные отягощены недоимкой менѣе остальныхъ. Прогрессія эта будетъ въ нѣкоторой степени нарушена если мы возьмемъ уже не валовыя цифры недоимокъ, а раздѣлимъ ихъ на число ревизскихъ душъ, дабы получить среднее количество недоимки на каждую податную единицу. Какъ въ той, такъ и въ другой губерніи порядокъ уѣздовъ въ таблицѣ измѣнится въ виду неравномѣрности населенія на которое падаетъ недоимка. Такъ, напримѣръ, Царицынскій уѣздъ, для котораго валовая сумма всего выше, даетъ намъ 4 р. 80 к. недоимки на душу вслѣдствіе своей малонаселенности. Напротивъ того, Аткарскій займетъ въ списокѣ уже не третье, а шестое мѣсто. Особенно рѣзко выдѣляются, съ одной стороны, уѣзды Хвалынскій и Камышинскій, а другой — Петровскій и Сердобскій. Примѣняя то же вычисленіе къ Самарской губерніи, мы найдемъ что оно еще болѣе сглаживаетъ неравномѣрность въ уѣздахъ, почти не измѣняя того порядка въ которомъ они слѣдовали другъ за другомъ въ таблицѣ. Предѣльные цифры представляютъ намъ Бузулуцкій уѣздъ, съ 15 р. недоимки на ревизскую душу, и Самарскій (5 р. 55 к.).

Такимъ образомъ распределеніе недоимокъ по уѣздамъ даетъ намъ тѣ же результаты какіе мы нашли разсмотрѣвъ

одинъ за другимъ всѣ главные признаки имущественнаго положенія крестьянъ. Въ общей сложности и въ той, и въ другой губерніи недоимка очень высока и представляетъ собою максимумъ достигаемый гдѣ-либо у насъ въ Россіи.

Въ частности она особенно тяжело ложится на населеніе тамъ гдѣ земли всего больше и надѣлы сравнительно обширны. Само собою разумѣется что цифровые выводы, по каждому изъ разсмотрѣнныхъ нами вопросовъ, не всегда совпадаютъ: въ социальныхъ явленіяхъ насколько они выражаются въ статистикѣ — математической точности ожидать нельзя. Несомнѣнно однако что во всѣхъ сторонахъ крестьянскаго быта проходитъ одна общая черта — несоотвѣтствие между наружными признаками благосостоянія и земельнымъ просторомъ. Скажемъ болѣе, благосостояніе это также мало находится въ зависимости и отъ степени податнаго обложенія. Тѣ уѣзды, гдѣ мы замѣтили наиболѣе отрадные явленія, гдѣ не особенно выдѣляются богатые домохозяева, но зато гдѣ всего менѣе хозяевъ разоренныхъ, уѣзды, наконецъ, гдѣ всего слабѣе тяжесть недоимки, — тѣ самые гдѣ земельные надѣлы сравнительно малы, и вслѣдствіе того подесятинное обложеніе наиболѣе высоко.

Мы получили бы нѣсколько иные выводы елибы говоря о недоимкахъ мы разложили ихъ не на число ревизскихъ душъ, а на количество десятинъ крестьянской земли.

Такъ какъ надѣлы не равномерны ни въ Саратовской, ни въ Самарской губерніи, то само собою разумѣется что недоимка ложится на нихъ тѣмъ болѣею суммой чѣмъ менѣе ихъ размѣръ.

Отсюда ясно что при равныхъ прочихъ условіяхъ недоимка должна всего сильнѣе ложиться на десятину надѣла у крестьянъ перешедшихъ на даръ, а затѣмъ у состоящихъ на выкупъ; стало-быть этотъ подесятинный размѣръ недоимки долженъ быть сравнительно выше въ уѣздахъ гдѣ всего болѣе помѣщичьихъ крестьянъ. Мы знаемъ уже что это какъ разъ тѣ самые уѣзды гдѣ валовая сумма недоимки всего менѣе. Если мы произведемъ этотъ расчетъ, то окажется что найденная нами прогрессія для Саратовской губерніи не измѣнится вовсе. Уѣзды Хвалынской, Камышинской, Саратовской и Вольской попрежнему останутся наиболѣе отягощенными. Въ Самарской губерніи Ставропольскій уѣздъ, гдѣ валовая сумма недоимки сравнительно невысока, окажется

наиболѣе обремененнымъ ею при десятинномъ разчетѣ. Остальные же сохранять свои прежнія мѣста. Если мы затѣмъ рассмотримъ въ какомъ размѣрѣ недоимка падаетъ на равныя категоріи крестьянъ, то мы найдемъ что бывшіе помѣщичьи крестьяне отягощены ею сравнительно болѣе: въ числѣ этихъ крестьянъ встрѣчается меньшій процентъ съ недоимкой въ размѣрѣ до 2 р. на десятину чѣмъ у государственныхъ, удѣльныхъ и колонистовъ; но если мы примемъ въ разчетъ что крестьяне эти обложены податью въ гораздо болшемъ размѣрѣ чѣмъ три послѣдніе разряда, то мы должны будемъ признать что недоимка ложится на нихъ совершенно такъ же какъ и на прочихъ, находящихся въ лучшихъ условіяхъ относительно величины надѣловъ и размѣра обложенія. Мы должны будемъ это признать тѣмъ болѣе что тѣ немногіе крестьяне на которыхъ недоимки нѣтъ вовсе (44.000 рев. душъ въ Саратовской и 15.000 въ Самарской) встрѣчаются почти исключительно въ числѣ бывшихъ помѣщичьихъ.

Эти свободные отъ недоимки крестьяне составляютъ отъ 10—12% въ трехъ группахъ бывшихъ крѣпостныхъ, перешедшихъ на даръ, состоящихъ на выкупѣ и временно обязанныхъ.

IV.

Постараемся теперь собрать въ одну общую картину помѣщичья нами отдѣльными черты крестьянскаго быта въ Саратовской и Самарской губерніяхъ. Что въ этомъ бытѣ поражаетъ насъ съ перваго взгляда—это быстрый процессъ есаи не разложенія, то по крайней мѣрѣ переработки, происходящей внутри крестьянскаго населенія.

Реформы 60хъ годовъ, какъ за помѣщичьими такъ и за государственными крестьянами признали въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго общества совершенно одинаковое право на участіе въ пользованіи отведенною землею. Конечно, на практикѣ, и въ самый моментъ отвода надѣловъ по уставнымъ грамотамъ и владѣннымъ записямъ, полного равенства между отдѣльными домохозяевами не было. Каждый дворъ участвовалъ въ общемъ надѣлѣ, и въ дореформенное время, не вполнѣ соотвѣтственно числу наличныхъ въ немъ работниковъ. Но окружныя управленія и въ особенности помѣщичьи сѣдили за тѣмъ чтобы равенство въ пользованіи отдѣльныхъ

семеѣ землей, по возможности, не нарушалось. Вотъ почему общіе передѣлы крестьянской земли до 60хъ годовъ происходили гораздо чаще чѣмъ въ настоящее время; въ большинствѣ частыхъ имѣній они повторялись изъ году въ годъ. Всѣ изслѣдователи современной крестьянской общины признаютъ что передѣлы становятся теперь все болѣе рѣдкимъ явленіемъ. Приговоры обществъ устанавливающіе для нихъ болѣе или менѣе длинныя промежутки съ каждымъ годомъ становятся чаще: въ частности для Саратовской губерніи изслѣдованія г. Тригорова показали что въ большинствѣ тамошнихъ обществъ (около $\frac{2}{3}$) передѣлы повторяются лишь черезъ каждыя шесть лѣтъ или въ сроки еще болѣе продолжительныя. Многія селенія государственныхъ крестьянъ не производили вовсе передѣловъ со времени послѣдней ревизіи. Такимъ образомъ, тотъ естественный зародышъ неравенства который заключается, во первыхъ, уже въ нравственныхъ качествахъ хозяина, а во вторыхъ, въ большей или меньшей наличности взрослыхъ рабочихъ въ его семьѣ, долженъ былъ постепенно развиваться. И онъ развился съ поразительною быстротою. Едва минуло двадцать лѣтъ со времени освобожденія крестьянъ—и въ общинахъ Саратовской и Самарской губерній вѣтъ уже слѣда того равенства которое составляетъ основную черту общиннаго устройства; съ одной стороны, рѣзко выдѣляются такіе дворы, хозяйства которыхъ далеко переходятъ за предѣлы крестьянскаго и зачастую даже граничатъ съ крупнымъ землевладѣніемъ, съ другой—размножается число дворовъ совершенно бросившихъ хозяйство. Въ общемъ выводѣ послѣдніе въ Саратовской и Самарской губерніяхъ не вполнѣ еще достигли той цифры какую мы встрѣчаемъ въ большинствѣ среднихъ губерній. Они составляютъ пока еще 11,4% общаго числа дворовъ, а цифру эту слѣдуетъ признавать довольно скромною, въ виду того что въ большинствѣ черноземныхъ губерній безлошадные дворы составляютъ около 20%. Но въ нѣкоторыхъ уѣздахъ они представляютъ цифру уже довольно близко подходящую къ послѣдней, и страннымъ образомъ—это какъ разъ уѣзды самыя многоземельныя: Новоузенскій, Камышинскій и Царицынскій. Не слѣдуетъ забывать что въ слабонаселенныхъ мѣстностяхъ, каковы обѣ занимающія насъ губерніи, извозъ по необходимости продолжаетъ играть важную роль въ хозяйствѣ, тѣмъ болѣе что хлѣбный отпускъ отсюда направляется преимущественно

черезъ волжскія пристани, откуда многіе пункты этихъ губерній отстоятъ весьма далеко. Тѣмъ самымъ, конечно, сохранилось для здѣшняго крестьянства и важное побужденіе, по возможности, размножать лошадей.

И Саратовская, и Самарская губерніи принадлежатъ къ тѣмъ немногимъ гдѣ, по свидѣніямъ Департамента Земледѣлія, число лошадей за послѣднія 20 лѣтъ увеличилось. Вотъ почему размноженіе безлошадныхъ дворовъ въ этихъ губерніяхъ особенно знаменательно. Оно доказываетъ что приростъ лошадей исключительно падаетъ на болѣе зажиточныя дворы; и приведенныя нами выше цифры по Новоузенскому уѣздѣ свидѣтельствуютъ о томъ какъ сильно въ этомъ отношеніи расходятся хозяйственныя положенія отдѣльныхъ дворовъ. Этому факту мы находимъ подтвержденіе рѣшительно во всѣхъ проявленіяхъ крестьянскаго быта. Вездѣ повторяется одно и то же: прогрессъ замѣтенъ только въ ростѣ отдѣльныхъ домохозяйствъ далеко опережающихъ остальные, а община въ цѣломъ составѣ не выказываетъ жизненной силы.

Слабость ея участія въ покупкѣ частныхъ земель поразительна. Въ арендованіи крупныхъ участковъ она также отстаетъ отъ отдѣльныхъ домохозяевъ: это особенно замѣтно въ арендованіи казенныхъ земель въ Самарской губерніи, гдѣ, какъ мы видѣли, возрастающее участіе арендаторовъ-крестьянъ относится исключительно къ отдѣльнымъ сѣмщикамъ. При наймѣ частныхъ земель происходитъ явленіе обратное, такъ какъ земли эти все болѣе ускользаютъ изъ крестьянскихъ рукъ. Но и здѣсь (какъ впрочемъ на всемъ пространствѣ чернозема) сѣмка земель цѣлыми селеніями постепенно уступаетъ мѣсто сдачѣ ихъ отдѣльнымъ домохозяевамъ. Такое устраненіе общинъ въ цѣломъ составѣ, въ свою очередь, объясняется возрастающимъ числомъ несостоятельныхъ домохозяевъ, съ которыми помѣщики, при заключеніи условій, не желаютъ имѣть дѣла. Такимъ образомъ, экономическое развитіе крестьянскаго хозяйства все болѣе разрушаетъ тѣ рамы которыя созданы для него общиной. Несмотря на полное равенство условій въ какія были поставлены отдѣльные крестьяне при изданіи Положенія, естественное теченіе жизни услѣло въ двадцать лѣтъ испровергнуть это равенство. Несомнѣнно что дальнѣйшій ходъ дѣла еще усилитъ возникающую рознь. Можно этому радоваться,

можно это и оплакивать, но самого факта отрицать нельзя. Мы ограничимся здѣсь однимъ замѣчаніемъ. Какъ бы мы ни относились къ этому факту, онъ свидѣтельствуетъ о томъ что никакое земельное устройство, никакое обезличеніе надѣломъ не въ состояніи помѣшать тому естественному ходу развитія въ силу котораго одни крѣпнутъ и богатѣютъ, а другіе обречены на экономическій застои, приводящій мало-по-малу къ обезземеленію, даже при неотчуждаемости отведеннаго надѣла.

Еслибы мы теперь поставили вопросъ, указываютъ ли подмѣченныя нами явленія на развитіе крестьянскаго хозяйства или на его упадокъ, мы бы не были въ состояніи прямо отвѣтить на него.

Съ одной стороны, если возьмемъ все крестьянское населеніе Саратовской и Самарской губерній въ цѣломъ составѣ, мы должны будемъ признать что оно богатѣетъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ постоянно возрастающія покулки земель при несомнѣнномъ возрастаніи цѣны на эти земли. Но этотъ экономическій ростъ не одинаково распространяется на все населеніе. Рядомъ съ нимъ замѣтно размноженіе крестьянъ бросающихъ хозяйство и обращающихся постепенно въ батраковъ. Для послѣднихъ, очевидно, общій прогрессъ въ крестьянскомъ быту не имѣетъ значенія; они въ немъ не участвуютъ, и съ этой точки зрѣнія совершенно правы тѣ которые указываютъ на возрастаніе крестьянской бѣдности.

Жгучій вопросъ о крестьянскомъ обѣднѣніи совершенно неразрѣшимъ въ томъ видѣ какъ онъ поставленъ въ нашей литературѣ.

У насъ обыкновенно приводятъ отдѣльные факты и затѣмъ обобщаютъ ихъ на цѣлое крестьянское сословіе, какъ будто они въ равной мѣрѣ относятся ко всѣмъ его членамъ. Если бѣдность равносильна увеличенію сельскаго пролетаріата, то совершенно правы тѣ кто утверждаетъ что наше крестьянство приходитъ въ упадокъ; но въ свою очередь не менѣе правы и тѣ кто ссылается на развитіе благосостоянія отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ и утверждаетъ вслѣдствіе этого что наши крестьяне богатѣютъ. Подвести итогъ этимъ противорѣчащимъ фактамъ нѣтъ возможности, такъ какъ обогащеніе однихъ нисколько не помогаетъ ницетѣ другихъ.

Какъ бы то ни было, развитіе сельскаго пролетаріата само по себѣ явленіе крайне прискорбное, потому въ особенности что оно во многомъ зависитъ отъ неустройствъ въ средѣ крестьянскаго управленія и отъ происходящихъ отсюда злоупотребленій со стороны выборныхъ крестьянскихъ властей. Наша литература давно указала на путь спасенія и выразила его въ очень опредѣленной формѣ. Посмотримъ теперь насколько путь этотъ приведетъ къ цѣли. Вся бѣда, говорятъ намъ, заключается въ томъ что крестьяне обложены слишкомъ высоко и недостаточно обезпечены землей. Далѣе и въ томъ, и въ другомъ отношеніи отдѣльные разряды крестьянъ поставлены далеко не одинаково. Помѣщичьи крестьяне надѣлены землей гораздо въ меньшемъ размѣрѣ чѣмъ государственные, а повинности несутъ большія. При всемъ томъ, недостаточный надѣлъ далеко не вездѣ предоставленъ имъ въ такъ - называемомъ высшемъ размѣрѣ. Есть въ числѣ ихъ получившіе уменьшенный надѣлъ, есть и такіе которые болѣе или менѣе добровольно, какъ принято выражаться, перешли на даровой. Отсюда ясно что положеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ должно быть особенно тяжело, а изъ числа ихъ кому достались уменьшенные или даровые надѣлы должны особенно замѣтно выдѣляться своею нищетой. Такая постановка вопроса, поражающая своею ясностію, прямо указываетъ и на слободъ къ устраненію зла. Помѣщичьи крестьяне и относительно повинностей, и относительно землевладѣнія должны быть сравнены съ прочими. Повинности должны быть уменьшены, а для пріобрѣтенія лишней земли имъ должна быть оказана правительственная помощь. Наконецъ, тамъ гдѣ земли вообще мало или она черезчуръ дорога благодаря густотѣ населенія, правительству слѣдуетъ придти крестьянамъ на помощь слободствуя ихъ переселенію и отвода имъ на льготныхъ условіяхъ земли на южныхъ или восточныхъ окраинахъ

Такимъ образомъ у насъ родились два сильно занимающіе наше общество вопроса—устройство кредита на покупку земель и организація переселенія. Экономическій идеалъ восящійся въ воображеніи нашихъ публицистовъ заключается стало-быть въ такомъ земельномъ просторѣ при которомъ любой домохозяинъ изъ крестьянъ находилъ бы легко и за дешевую цѣну столько земли сколько онъ въ состояніи засѣять. Намъ кажется что положеніе крестьянскаго

дѣла въ Саратовской и Самарской губерніяхъ потому такъ и любобытно что здѣсь идеалъ этотъ почти осуществленъ.

Читатель помнитъ что мы привади за предѣлъ малоземельнаго душеваго надѣла пятидесятиный. Поступая такъ, мы къ разряду малоземельныхъ крестьянъ отнесли всѣхъ тѣхъ у кого не болѣе земли чѣмъ сколько крестьянская семья можетъ ее отработать безъ посторонней помощи при трехпольномъ сѣвооборотѣ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ на средній крестьянскій дворъ приходится по три ревизскія души, * то пятидесятиный надѣлъ даетъ по пятнадцати десятинъ земли на каждый дворъ; а больше этого количества крестьянская семья безъ наемныхъ рабочихъ воздѣлать не въ состояніи. Такимъ образомъ мы къ разряду малоземельныхъ крестьянъ отвесли всѣхъ тѣхъ землевладѣіе коихъ соответствуетъ ихъ рабочей силѣ и стало-быть раздвинули этотъ разрядъ далеко за предѣлы высшаго размѣра надѣла во всѣхъ центральныхъ губерніяхъ. Между тѣмъ, такіе крестьяне, какъ мы уже видѣли, даже въ Саратовской губерніи составляютъ лишь немного болѣе одной половины всего населенія. Въ Самарской же только 15,5%, а вся остальная масса крестьянъ владѣетъ землей въ размѣрѣ болѣе значительномъ. Намъ могутъ возразить что въ обѣихъ названныхъ губерніяхъ трехпольное хозяйство принято далеко не повсемѣстно, а что переложная система, существующая на ряду съ нимъ въ Саратовской губерніи и рѣшительно преобладающая въ Самарской, допускаетъ гораздо большіе размѣры землевладѣнія для каждой рабочей семьи. Вотъ почему крестьяне этихъ губерній и нуждаются въ большемъ земельномъ просторѣ чѣмъ населеніе тѣхъ мѣстностей гдѣ господствуетъ трехпольный сѣвооборотъ.

Намъ кажется однако что переложное хозяйство вовсе не составляетъ необходимаго условія для земледѣлія какого-либо края, что оно, напротивъ, влечетъ за собою хищническую и во всякомъ случаѣ рискованную обработку земли и въ концѣ-концовъ едва ли не есть главная причина часто повторяющихся неурожаевъ. А переложное хозяйство вызвано какъ разъ тѣмъ самымъ земельнымъ просторомъ который

* Статистическое изслѣдованіе восьми центральныхъ губерній, изданное въ 1880 году Главнымъ Статистическимъ Комитетомъ, даетъ въ среднемъ выводъ 2,9 душъ на крестьянскій дворъ.

признаютъ совершенно необходимымъ для степныхъ крестьянъ. Какъ бы то ни было, населеніе Саратовской и Самарской губерній относительно землевладѣнія поставлено въ условія исключительно благоприятныя. Не стоить доказывать что и денежныя ловивности, дрясь на большее пространство надѣловъ, даютъ сравнительно съ остальною Россіей меньшую цифру подесятиннаго обложенія. Обстоятельство это еще усиливается обиліемъ и доступностію съемочныхъ земель. Допустимъ однако что въ Саратовской губерніи, несмотря на такое обиліе (арендуемая земля равняются почти половинѣ надѣльныхъ), цѣны на нихъ довольно высоки, хотя и здѣсь въ общей сложности онѣ много ниже чѣмъ въ центральной черноземной полосѣ. Но въ Самарской губерніи цѣны эти стоятъ ниже подесятиннаго обложенія самаго надѣла, а для казенныхъ земель, составляющихъ здѣсь $\frac{2}{3}$ всѣхъ арендуемыхъ крестьянами, онѣ не достигаютъ и одного рубля за десятину. При такихъ условіяхъ хозяйственное положеніе крестьянъ должно бы, кажется, быть вполне обезпеченнымъ, въ особенности въ Самарской губерніи. Между тѣмъ что мы видимъ на дѣлѣ? За послѣднія двадцать лѣтъ нужда, неоднократно доходившая до голода, поражала эти мѣстности едва ли не чаще чѣмъ всю остальную Россію; и въ Самарской губерніи эта нужда была гораздо ощутительнѣе чѣмъ въ Саратовской. Количество недоимокъ въ свою очередь въ этихъ губерніяхъ больше чѣмъ гдѣ-либо, и опять Самарская губернія и въ этомъ отношеніи превзошла свою сосѣдку. Мы не выводимъ отсюда что населеніе этихъ двухъ губерній находится въ состояніи нищеты или даже просто обѣднѣнія. Но быть его во всякомъ случаѣ нельзя назвать обезпеченнымъ. Можно, сколько угодно, ссылаться на климатическія условія и приписывать имъ неурожаи, а на эти неурожаи въ свою очередь взваливать всю причину громадной недоимки; но, во первыхъ, случались въ этой мѣстности и высокоурожайные годы, какъковы были 1877 и 1881 годы, и все-таки дѣла не поправили, несмотря на то что крушый урожай при тамошнемъ хозяйствѣ, разчитанномъ на то чтобы сорвать, какъ въ азартной игрѣ, большой кушъ при удачѣ, несомнѣнно даетъ разомъ громадный барышъ; вовторыхъ, что сказать про хозяйство которое на благодарной черноземной почвѣ ведется какъ рискованное предпріятіе дающее хорошій результатъ

черезъ каждые три, четыре года и не въ состоянiи даже припасти сбереженiй на черный день? Развѣ въ полуголодный 1880 годъ не оказалось что вполнѣ достаточные хлѣбные запасы были собраны на волжскихъ пристаняхъ, а у населенiя все-таки не было средствъ на покулку продовольствiя, и средствъ этихъ не было потому что помимо земледѣлiя у него заработковъ нѣтъ, а стало-быть въ неурожайный годъ нѣтъ и денегъ. Но, можетъ-быть, тяжесть неоплатной недоимки ложится на ту часть населенiя которая все-таки даже въ этихъ губернiяхъ владѣтъ землей въ недостаточномъ количествѣ, а стало-быть и обложена тяжело? Мы знаемъ что число такихъ крестьянъ довольно значительно, что помимо получившихъ неполные надѣлы, перешедшихъ на даръ имѣется въ обихъ губернiяхъ около 140.000 ревизскихъ душъ. И здѣсь опять факты идутъ совершенно наперекоръ вѣроятiю. Волервыхъ, Самарская губернiя, будучи вдвое многоземельнѣ Саратовской, по всѣмъ отраслямъ крестьянскаго быта даетъ на этотъ вопросъ отвѣты гораздо болѣе неутѣшительные чѣмъ послѣдняя. Затѣмъ, въ частности, уѣзды болѣе населенныя и, стало-быть съ мельчайшимъ размѣромъ надѣла, тѣ самые гдѣ недоимка всего меньше. А такъ какъ, въ свою очередь, оказывается что въ этихъ уѣздахъ сосредоточены преимущественно бывшiе помѣщичьи крестьяне, то и нельзя утверждать что въ ихъ положенiи замѣтны признаки большаго отягощенiя. Даже крестьяне перешедшiе на даръ, хотя на нихъ и состоитъ недоимка нѣсколько большая чѣмъ на государственныхъ, представляютъ въ этомъ отношенiи—при разчетѣ на каждую десятину надѣла—такое незначительное различiе съ послѣдними что оно не можетъ сравниться съ тѣмъ различiемъ въ размѣрѣ самаго надѣла и подесятинаго обложенiя какое такъ рѣзко оказывается между ними и государственными крестьянами.

Во всѣхъ остальныхъ явленiяхъ крестьянскаго быта повторяется то же.

При болѣе высокихъ надѣлахъ, арендованiе земель переходитъ въ руки отдѣльныхъ сѣмщиковъ. Безлошадные дворы всего многочисленнѣе тамъ гдѣ надѣлы всего крупнѣе. Тамъ же встрѣчается и наибольшее число крестьянъ бросившихъ хозяйство. Словомъ, всѣ стороны крестьянской жизни отражаютъ на себѣ одинъ и тотъ же фактъ.

Обширные надѣлы нигдѣ не служатъ обезпеченiемъ уравнительнаго благосостоянiя.

Вездѣ, напротивъ, послѣдствіемъ ихъ является большее имущественное неравенство. Если человѣку незнакому съ приведенными нами статистическими данными задать нѣсколько вопросовъ о положеніи саратовскихъ и самарскихъ крестьянъ, сообщивъ ему только о размѣрахъ надѣловъ и десятиннаго обложенія въ каждомъ уездѣ, онъ не затруднился бы, основываясь на логикѣ, дать на нихъ самые правдоподобные отвѣты, а между тѣмъ отвѣты эти шли бы какъ разъ наперекоръ истинѣ. Не одинъ какой-нибудь фактъ, а цѣлый рядъ согласныхъ между собою цифръ повторяютъ одно и то же: ни величина надѣловъ, ни даже высота обложенія сами по себѣ не отражаются на крестьянскомъ быту.

Но если это въ самомъ дѣлѣ такъ, то намъ не мѣшало бы призадуматься надъ рѣшеніемъ экономическихъ задачъ которыя теоретически намъ кажутся такъ давно и такъ ясно рѣшенными.

Мы охотно воображаемъ что каждое пониженіе платежей тотчасъ же отзовется въ благопріятномъ смыслѣ на имущественномъ бытѣ крестьянъ. Мы думаемъ также что центральная Россія страдаетъ отъ избытка рабочихъ рукъ, и что стоить перенести ихъ въ малолюдныя, но плодородныя степи чтобы тамъ рѣки въ кисельныхъ берегахъ потекли медомъ. Саратовская и, въ особенности, Самарская губерніи даютъ, какъ намъ кажется, краснорѣчивый отвѣтъ на эти догадки. Онѣ представляютъ собою такъ сказать два послѣдовательные фазиса болѣе или менѣе осѣвшей колонизаціи. То, чего мы ищемъ для нашихъ будущихъ переселенцевъ по обѣ стороны Урала и вдоль Кубани, то есть уже въ настоящее время въ Самарской губерніи и сохранилось въ нѣкоторыхъ частяхъ Саратовской. Скажемъ болѣе: двѣ эти губерніи обладаютъ однимъ условіемъ несомнѣнно болѣе благопріятнымъ чѣмъ степи востока и юга: это условіе— близость и удобство сбыта; а между тѣмъ всѣ болѣзненные явленія крестьянскаго быта, подмѣчаемые въ центрѣ Россіи, повторяются и здѣсь. Мы здѣсь встрѣчаемъ и кулачество и, съ другой стороны, соответствующій ему пролетаріатъ. Мы видимъ что сравнительная дешевизна земли и не высокое ея обложеніе не спасаютъ отъ тяжести недоимокъ. И, страннымъ образомъ, эти явленія представляются въ болѣе крупныхъ размѣрахъ какъ разъ тамъ гдѣ всего больше простора, гдѣ мѣстность всего больше напоминаетъ недавно заселенную

колонію, какъ будто въ безпредѣльномъ *пространствѣ* степей расширится *дѣйствио* *экономическаго* зла; не доказываетъ ли это что мы готовы вступить на ложный путь относительно предполагаемыхъ реформъ?

Мы сдѣлали на этомъ пути лишь лервые робкіе шаги, но мы услѣли уже въ значительной степени *сбить съ толку* мнѣніе общества; и дока не пристулено еще къ осуществленію того что въ теоріи намъ кажется столь заманчивымъ, не мѣшаетъ намъ лишній разъ спросить у себя: не идемъ ли мы къ миражу, думая отыскать въ раздольѣ степей средство къ обезпеченію народнаго довольства и настойчиво увѣряя и себя и другихъ что надѣливъ всѣхъ и cadaго землей, мы тѣмъ оградимъ ихъ отъ послѣдствій собственной неумѣлости и неохоты къ труду.

К. ГОЛОВИНЪ.

Лондонъ, 19 февраля 1883 года.

ЗА УРАЛЬ!

РАЗКАЗЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О СИБИРИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

По узенькой тропинкѣ, которая почти незамѣтно извивалась въ чащѣ вѣковаго, непрогляднаго сибирскаго лѣса, вѣхали гусемъ двое верховыхъ, и приглядываясь къ свѣжимъ зарубкамъ, лестрѣвшимъ справа и слѣва на толстыхъ стволахъ лиственницъ и кедровъ, изрѣдка перекидывались односложными восклицаніями. По сторонамъ, высокою стѣной стоялъ лѣсъ, и ничего нельзя было разглядѣть въ его темныхъ вѣдрахъ.

Невозмутимая тишина нарушалась только шлепаньемъ лошадиныхъ копытъ по вязкому грунту, да по временамъ изъ лѣснаго сумрака доносились какіе-то странные, неопредѣленные звуки. Не то стонъ, не то ревъ, глухо вдругъ отдаваясь изъ далека, и лошади, чутко ловадя ушами, упирались, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, но ласковый окрикъ или ударъ нагайки выводилъ ихъ изъ раздумья. Узенькая полоска голубаго неба, сквозившая высоко-высоко надъ тропинкой, начинала темнѣть, и усталые кони замѣтно уменьшали размахистый шагъ

которымъ отличаются эти неизмѣнные товарищи и помощники тайговыхъ людей.

— Чтò, Иванъ, далеко до горълой сосны? спросилъ вѣхавшій позади, раскуривая трутомъ потухшую палироску.

— Не далеке, коли не обознались, ваше благородіе, отозвался передовой, какъ-то сомнительно вертя въ рукѣ тоже потухшую коротенькую трубочку, неумѣло вырѣзанную изъ куска березоваго корня, и соображая попросить ли у его благородія огня или выкресить его самому.

— Чтò, братъ, у тебя тоже потухла? разрѣшилъ его сомнѣніе молодой человекъ и протянулъ ему свою щегольскую сличечницу съ дымящимся трутомъ, залахъ котораго пріятно щекоталъ обоняніе въ лѣсной прохладѣ.

— А—гууу! Ого-го-гоо!.. раскатился по лѣсу звонкій окликъ.

— Ау! Аууу!.. весело отозвался Иванъ, отвѣщая на радостяхъ здоровенный ударъ нагайки своему гнѣдкѣ.

— Должно-быть близко?

— Еще версты полторы будетъ, отвѣтилъ Иванъ, и вновь его громкій крикъ огласилъ лѣсную тишину.

— Неужто такъ далеко слышно? недоувѣрчиво спросилъ его слугникъ, сдерживая коренастаго пиходца, который почуявъ растахъ порывался впередъ.

— Да вѣдь по тропѣ-то какъ по трубѣ деносить; далеке слышно коли кто здоровъ горло драть.

Послѣ гулкихъ звуковъ всколебавшихъ торжественную тишину, въ тайгѣ снова все замерло, и только мѣрно отдавались ускоренные удары колыть по липкой почвѣ. Прошло съ четверть часа, и предъ усталыми путниками, за однимъ изъ крутыхъ поворотовъ тропинки, выглянула небольшая поляна, отлого спускавшаяся къ неглубокой, но чрезвычайно быстрой рѣчкѣ, прозрачно струившейся по темному усыпанному разнороднѣйшими камнями руслу.

Посредствѣ поляны возвышалась громадная сосна, вся почернѣвшая, лишенная своихъ вѣчно зеленыхъ иголъ.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ ударъ молніи опалилъ дерево; еще больше, можетъ-быть не одно столѣтіе росла эта представительница громадныхъ деревьевъ которыя живутъ, умираютъ и рассыпаются во прахъ среди еще неизвѣданныхъ дебрей сибирской тайги. Сперва звѣровъщики, а затѣмъ и золотопромышленники выбрали эту полянку исходнымъ пунктомъ своихъ экскурсій, и опаленная

созна стала служить имъ начальною и конечною точкой тяжелыхъ и рѣдко удачныхъ поисковъ за краснымъ звѣремъ и за тѣмъ могучимъ двигателемъ, средствомъ къ достиженію всего прекраснаго, орудіемъ всего грязнаго и презрѣннаго, причиною радостей и бѣдствій человечества, за тѣмъ желтымъ порошкомъ который и не опытнымъ глазомъ съ разу узнается, и въ грязи блеститъ,—словомъ, за золотомъ.

На полянѣ высидся костеръ, накиданный изъ сучьевъ листовицы, и смолистое дерево весело горѣло, потрескивая и вслухивая отъ налетавашаго по временамъ вѣтра. У костра колошались десятка полтора рабочихъ, одѣтыхъ въ побурѣвшіе полушубки, обутыхъ въ дикую обувь, наломивающую истоптанный салогъ и лапти, извѣстную въ Сибири подъ характернымъ названіемъ *бродней*. Бродить, посмѣиваясь надъ лишеніями и нелогодой, невольный гражданинъ матушки Сибири, золотого дна, Богъ знаетъ откуда и по какимъ причинамъ занесенный въ тайгу, не знающій усталы бездомный поселенецъ, и только его выносливыя ноги свыкаются съ обувью которая и промокаетъ, и рвется чуть не по десяти разъ въ сутки.

— Здорово братцы! окликнули рабочихъ подѣхавшіе путники.

— Здраствуйте, баринъ! бывайте здоровы, Дмитрій Павловичъ! весело отвѣтилъ за всѣхъ рослый и статный малый, Павелъ по имени и Чижъ по прозванію, помогая Иваану разсѣдывать лошадей.

— А что, Павелъ, обратился къ рабочему Дмитрій Павловичъ, усаживаясь поближе къ костру и расправляя онемѣвшія отъ вѣды ноги,—гдѣ нашъ вожакъ?

— Да что, баринъ, надулъ онъ васъ, какъ лить далъ! По моему влѣпить бы ему дюжины двѣ нагаекъ, да лустить на всѣ на четыре, отозвался Павелъ,—того гляди пойдеть не настье, намъ-то съ лапа горя, а вы человекъ непривычный. Глядь заболѣте, такъ и намъ плохо будетъ.

— Ну заболѣть-то я не заболѣю, а времени потеряннаго жаль. Бить же его, братъ, не за что; я думаю онъ и самъ не меньше нашего злится.

— Это вы правду сказали баринъ, вмѣшался въ разговоръ одинъ изъ рабочихъ, который исправлялъ должность кашевара и что-то варилъ въ чугункѣ,—совсѣмъ опустился ларець. Сегодня, какъ узналъ отъ Павла что вы къ вечеру

подъѣдете, такъ просто бабой взвиль. Взялъ свою пищаля, да и побѣгъ. „Куда?“ говорю, а онъ эта рукой махнулъ да и ударился въ лѣсъ. „Скажите, говорить, барину что либо живымъ мнѣ не быть, либо я тропку найду“.

По лѣсу прокатился негромкій выстрѣлъ малопульной винтовки; всѣ встрепеуались, а Дмитрій Павловичъ, схвативъ лежавшее подлѣ него двухствольное ружье, живо выдернулъ его изъ чехла и бѣгомъ кинулся къ рѣчкѣ откуда послышался выстрѣлъ. Иванъ бросилъ лошадей и побѣжалъ за нимъ, держа въ рукахъ солдатское ружье и на бѣгу перемѣняя листовъ. Остальные не трогались со своихъ мѣстъ и только повернули головы въ эту сторону.

— Охотникъ баринъ-то?... не обращался ни къ кому въ особенности, сказалъ одинъ.

— Ему еще въ новинку послѣ Рассей-то.

— А крула-то! крула! засмѣялся Павелъ, — туда же!

— Это онъ, братецъ ты мой, по пословицѣ: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней, хладнокровно замѣтилъ кашеваръ, осторожно снимая съ огня котелокъ и ставя его на очищенное отъ травы мѣстечко. Запахъ жирныхъ щей разлился въ воздухъ и пріятно защекоталъ обоняніе рабочихъ.

— Глади изъ-за этой охоты щи простынутъ, замѣтилъ маленькій и коренастый рабочий, втягивая съ наслажденіемъ соблазнительный запахъ.

— Идолъ! безчувственный! укоризненно сказалъ ему кашеваръ, — вѣшто Дмитрій Павловичъ когда начнетъ ѣсть, коли мы не всѣ въ сборѣ.

— Это точно, началъ было Павелъ сочувственнымъ тономъ, но въ ту же минуту какъ изъ пушки хватилъ Иванъ изъ своего ружья въ какой-то невидимый еще рабочимъ предметъ... не успѣлъ замолкнуть раскатъ, какъ раздался еще выстрѣлъ, и большой глухарь кувыркомъ разсѣкши воздухъ тяжело стукнулся о-земь на полянѣ у самаго костра.

— Дорогонько обошлась птичка, сказалъ кашеваръ, подымая глухаря за лапки, — кто же стрѣльнулъ-то ее?

— Вѣстимо не крула, съ хохотомъ замѣтилъ Павелъ, — у нее пулей ружье-то заражено.

— Ваше благородіе, запальчиво обратился подходившій въ это время Иванъ къ Дмитрію Павловичу, — прикажите ему не ругаться, не то я за себя не отвѣчаю.

— А пусть онъ самъ, ваше благородіе, меня не обзываетъ чижомъ, такъ и о крулѣ помину не будетъ, отвѣтилъ Павель.

— Вы вотъ лучше садитесь ужинать, а то у Игната щи стывнуть, порѣшилъ Дмитрій Павловичъ и, подсѣвъ къ огню, принялъ изъ рукъ кашевара небольшую деревянную, лакированную китайскую чашку со щами.—Иванъ, раздай-ка водку, сказалъ онъ, и отвинтивъ крышку у привязанной къ сѣдлу флаги, налилъ въ нее и вылилъ порцію коньяку.

Замахали руки, кладя широкіе кресты, и замелькали ложки надъ котелкомъ. Наступило обычное молчаніе, съ которымъ русскіе люди приступаютъ къ ѣдѣ. Кашеваръ едва успѣвалъ кропать большой коровай хлѣба, и объемистые куоки быстро исчезали одинъ за другимъ. Наконецъ всталъ одинъ изъ рабочихъ, перекрестился на востокъ, отвѣсилъ молча поклонъ Дмитрію Павловичу, за нимъ другой, и скоро трапеза была окончена.

Кашеваръ собралъ хлѣбныя корки и уже хотѣлъ бросить ихъ въ котелокъ чтобы покормить остатками щей большую рыжую собаку, которая, настороживъ уши и судорожно выбивая дробь хвостомъ, не слускала съ него глазъ, когда изъ-за сосны показалась новая личность.

— А, Филиппъ! обратился къ пришедшему Дмитрій Павловичъ,—съ какими вѣстами?

— Нашель, нашель, баринъ! То-есть просто своими руками задушу эту шельму, Абдуаку; все его лакомсти. Ужь я вчера еще смекнулъ что окромя моихъ еще чьи-то зарубки есть, да не въ домекъ было назадъ пройти. Ну да и походилъ я, братцы мои, скороговоркой продолжалъ новолришедшій, обводя всѣхъ веселымъ взглядомъ и торопливо дѣлаясь своими впечатлѣніями.—Телерь хотъ глаза мнѣ завяжи такъ и то найду. Только перевалъ больно трудень, ваше благородіе, не знаю чтò съ лошадьми будемъ дѣлать. Подъемъ крутой, страсть! а коли въ обходъ, то верстъ восемь крюку дадимъ. Да телерь все едино, съ тропы не собьюсь, самоувѣренно добавилъ онъ, встрахивая волосами и обтирая крупный потъ выстулившій у него на лбу.

— А ты лошть и толкомъ разкажи, оказалъ Игнатъ, протягивая ему ложку.

— Чего лошть, у меня телерь все нуτρο отъ нетерпѣнія дрожитъ, отвѣтилъ Филиппъ, принимаясь тѣмъ же менѣе за ѣду весьма энергично.—Какъ пошелъ это я утромъ-то,

продолжалъ онъ,—думаю что жесто, барина я надулъ, себя осрамилъ, хоть не жить. Даже вотъ ремешекъ потянулъ, съ добродушною улыбкой говорилъ онъ, показывая тонкій ремешекъ служившій ему вмѣсто перевязи у ружья,—значить коли къ вечеру не оправлюсь, лорѣшу съ собой совсѣмъ. Иду это, а самъ все смотрю на зарубки: и моя-то, да не моя. Вдругъ я возьми влѣво, ая зарубки-то съ двухъ сторонъ! Я смотрѣть, а тамъ крестомъ насѣчка, значить поворотка должно-быть, а тѣ-то зарубки прямо идутъ. Я влѣво удариася, смотрю тутъ уже чисто мой топоръ ходилъ. „Эге! думаю, это ло моимъ зарубкамъ - то, ло первымъ кто-то гулялъ!“ Ну ужъ поладись мнѣ Абдулка, ребра не досчитаетъ. Это какъ святъ Богъ!

— Да почему ты Абдулку подозрѣваешь? спросилъ его Дмитрій Павловичъ.

— А то кому жъ? Теперь люди-то либо на промыслахъ, ло приискамъ, либо ло хозяйству дома. Кромѣ его, собаки, кто поидеть въ эту пору на звѣря? Это онъ, подлець, какъ у васъ въ городѣ былъ-должно быть провюхалъ что въ развѣдку поидемъ, ну и пошелъ. А вы ему еще пороку шельмѣ подарил. Ну да ужъ изувѣчу!

— Чтò жъ ты до мѣста дошелъ?

— Да версты съ полторы оставалось, думалъ было идти, но вспомнилъ: а какъ къ утру назадъ не поспѣю? Такъ и побѣгъ обратно.

— Ты что ли глухаря-то слугнулъ? спросилъ Павелъ, взрѣывая птицу чтобы выпотрошить.

— Какого гаухаря?

Кто-то въ лѣсу стрѣлялъ, объяснилъ Дмитрій Павловичъ,—да промахъ далъ. Онъ и сюда вылетѣлъ...

— У меня и ружье-то разряжено, а порохъ мой да пульки у Игната. Неужто это Абдулка коло насъ ходить? не то радостно, не то злобно спросилъ Филиппъ подымаясь съ мѣста.

— Ну ты объ Абдулкѣ на время забудь, остановилъ его Дмитрій Павловичъ, — а телерь, помолившись, ляжемъ - ка спать. Утромъ со свѣтомъ позавтракаемъ, да и въ луть.

Не многосложны приготоваенія ко сну у таежныхъ людей. Въ костерь подбавили дровъ, у лошадей осмотрѣли луты, прибрали въ одно мѣсто снятые вьюки, связки долатъ и домовъ, а затѣмъ закутавшись кто въ кошму, кто въ кожанъ

улеглись рабочіе, и скоро то здѣсь, то тамъ слышались громкія всхрипыванія. Только рыжій лось, свернувшійся клубкомъ у ногъ кашевара, поводилъ острыми ушами и всматривался въ темноту которая стѣной окружила мѣсто роздыха лартіи, да Дмитрій Павловичъ курилъ лалиросу за лалиросою и усиливаясь заснуть старался отогнать отъ себя массу воспоминаній о прошломъ, отдѣлаться отъ картинъ и образовъ которые быть-можетъ вслѣдствіе самой противоположности своей съ телерешнею обстановкой выступали особенно рельефно въ его воображеніи... Наконецъ и онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ усталаго человѣка.

II.

Длинною вереницею растянулась лартія изъ двадцати рабочихъ и пятнадцати лошадей по узкой тропинкѣ, которая съ каждымъ шагомъ становилась еще уже и изворачивалась какъ червякъ зацѣпленный крычкомъ неумѣлаго рыбакова. По мѣрѣ того какъ отходили отъ привала у горѣлой сосны, тайга становилась глуше и чаще. То и дѣло попадались громадные пни сваленныхъ бурей или подточенныхъ временемъ деревьевъ. Иногда толпоръ съ трудомъ просѣкалъ подобіе ступенекъ на лежащемъ поперекъ тропы гигантѣ-кедрѣ; иногда отъ прикосновенія колыта толстый пень превращался въ прахъ. На четверть и болѣе уходила нога въ мягкій мохъ и порой фонтанчикомъ была вода изъ-подъ придавленной вѣтки. Лошади карабкались по льямъ, перескакивали черезъ каменья и выдѣлывали совершенно спокойно такіе фокусы что будь это у Чивизелли весь циркъ задрожалъ бы отъ восторженныхъ рукоплесканій. Здѣсь же одинъ Дмитрій Павловичъ удивлялся ихъ ловкости, остальные зрители за малѣйшую олашность награждали коня тумаконъ подъ бокъ или нагайкой по сливѣ. Слѣва и справа была такая чаща, такое сплетеніе молодыхъ лиственничныхъ, сосновыхъ и кедровыхъ побѣговъ, кустовъ дикой смородины, сухаго хворосту и какихъ-то ползучихъ уже одеревнѣвшихъ и поблекшихъ травъ, что самая вертлявая бѣлка затруднилась бы проскочить въ нее. Кромѣ топота ногъ и людскаго говора, ни что не оживляло лѣсной тишины. Сибирскіе лѣса замѣчательны отсутствіемъ лѣвчихъ птицъ; дичь полагается часто, а того

множества личугъ которымъ населены прорубленные лѣса Европы въ нихъ вѣтъ. Порой поладается стая крохотныхъ, меньше воробья, сѣренькихъ личужекъ, но онѣ услыхавъ издали приближеніе шумной ватаги людей гурьбой вслархиваютъ съ кустарника и беззвучно рассылаются въ густыя вершины деревьевъ, гдѣ и самый зоркій глазъ ихъ не примѣтитъ.

Впереди партіи шелъ Филиппъ, широко шагая своими громадными ножищами и на ходу подправляя однимъ ловкимъ ударомъ топора наскоро сдѣланныя зарубки и крѣпко замазывая концы вѣтвей все съ одной стороны. Онъ съ неудовольствіемъ поглядывалъ на вѣхавшаго за нимъ Дмитрія Павловича, который ломалъ ихъ справа и слева, предохраняя лицо отъ хаесткихъ ударовъ.

— Филиппъ! крикнулъ Павелъ шедшій на хвостъ партіи, — смотри, крестъ прошелъ!

— А этта онъ самый и есть, огрызнулся вожакъ, — съ этого самаго мѣста я заллуталъ.

— Близко до перевала? спросилъ Дмитрій Павловичъ.

— Одначе версты двѣ добрыхъ будетъ, отвѣтилъ Филиппъ и вдругъ остановясь какъ вкопанный молча указалъ на большую листовницу которая стояла особнякомъ около тропинки.

Дмитрій Павловичъ почти моментально вынулъ ружье изъ чехла и взвелъ курокъ. Вся партія остановилась, и рабочіе, догадываясь о причинѣ остановки, начали оправляться, преимущественно обращая вниманіе на ремешки и веревочки которыми были подвязаны мягкія голенища бродней. Филиппъ, затаивъ дыханіе и сердито цыкая по временамъ на рабочихъ, указывалъ Дмитрію Павловичу на что-то скрывавшееся въ вершинѣ деревьевъ...

— Да стрѣлай хоть ты, сказалъ ему Дмитрій Павловичъ, отчаиваясь разсмотрѣть что-либо въ темной вершинѣ.

„Цѣ-эхъ!“ кракнулъ Филиппъ и, отойдя немного въ сторону, поставилъ свою длинную, тяжелую, перехваченную мѣстами мѣдными и желѣзными кольцами кремневую винтовку на придѣланную къ ней рогативку. Онъ сталъ на одно колено и, наведя какъ пушку свое непоротливое орудіе, спустилъ курокъ.

Чшекъ! сухо раздалась осычка.

Старикъ не торопясь досталъ деревянную пороховницу, подсыпалъ на полку и уже хотѣлъ выстрѣлить, но вдругъ

всталъ и перешелъ на другое мѣсто. Вновь навелъ онъ свое ружье и на этотъ разъ раздався выстрѣлъ немного громче комманднаго монте-кресто. По сучьямъ дерева что-то запрыгало, цѣпляясь и падая внизъ. Филиппъ, бросивъ ружье, подскочилъ къ дереву и на лету поймалъ еще живую бѣдку, которая оказалась виновницей остановки, придавилъ ей горло. Бѣдный звѣрокъ дрыгнулъ лапками и оскаливъ длинные зубки такъ и замеръ.

— Ну, братъ, если ты насъ будешь останавливать изъ-за всякой бѣдки, то мы не далеко уйдемъ! И на кой чортъ она тебѣ?.. съ досадою спросилъ Дмитрій Павловичъ вкладывая ружье въ чехолъ.

Въ его воображеніи рисовалась цѣлая россобаха, а тутъ вдругъ—лишняя бѣдка.

— А онъ эту мерзость встѣ, ваше благородіе, вмѣшался вѣхавшій сюда Иванъ.

— Коли не пробовалъ, такъ и не хай, пробурчалъ сковфуженный Филиппъ, кладя бѣдку въ парусиновый мѣшокъ замѣнявшій ему и охотничій агташъ, и солдатскій ранецъ.

Шествіе началось снова. Время близилось къ полудню, кое-гдѣ солнце пробивало густую чащу и золотило то тутъ, то тамъ верхушки молодыхъ деревьевъ, которыя пріютяся межъ корней старыхъ великановъ тоненькими стволами тянулись въ высь. Отъ лошадей валилъ паръ, люди расправляли ворота азамовъ, а нѣкоторые и совѣмъ ихъ сняли и безъ сожалѣнія къ навьюченнымъ четвероногимъ перекладывали черезъ вьюки свою одежду. Дмитрій Павловичъ видимо усталъ; ружье оттягивало ему плечи, ремень съ нацѣпленными на него револьверомъ и биноклемъ въ чехлахъ давилъ ему бока, нагрѣвшіеся высокіе салоги жали ноги, но онъ крѣпился, не желая просить у рабочихъ за нѣженку.

Наконецъ вдали мелькнула, сквозь чащу, какъ бы лента расплавленного серебра, и въ воздухѣ пахнуло рѣчною прохладою.

— Къ перевалу подходимъ! сказалъ черезъ плечо, все еще сковфуженный Филиппъ.

— Берегомъ пойдемъ али по руслу? спросилъ Иванъ.

— По руслу лошадьми надоть. Берегомъ кручь пойдетъ, не слустимся.

— Такъ вы, ваше благородіе, позвольте мнѣ ужъ передомъ-то цѣта, обратилъ Иванъ къ Дмитрію Павловичу, — тутъ споровка нужна, да и гнѣдко мой привычемъ.

Рабочіе надѣли аямы и вѣзли на лошадѣй. Тропинка еще разъ круто загнула въ сторону и уперлась отлогимъ скатомъ въ широкую и быструю рѣчку. Филиппъ замагаъ по водѣ, повернувъ по руслу вверхъ противъ теченія.

Рѣчка стремительно бѣжала по каменному руслу, и съ шумомъ катила и перекатывала круглые камушки, гальку, которые скользили изъ-подъ ногъ лошадей. Шагъ за шагомъ, какъ бы оцулывая дно, подвигались впередъ умныя животныя, не управляемыя, а только поддерживаемыя на уздечкахъ своими всадниками. То тутъ, то тамъ, вода кружилась на одномъ мѣстѣ и надъ этими мѣстами рѣвко выдѣлялись темныя пятна, показывавшія что тутъ глубина увеличилась. Оба берега круто и обрывисто возвышались болѣе пяти аршинъ надъ поверхностью воды и не представляли ни малѣйшей возможности взобраться на нихъ не только конному, но и лѣшему. Впрочемъ, это казалось только, непривычному къ тайгѣ, Термиу;—ни спутники его, ни лошади, ни мало не удивились когда Филиппъ, перейдя версты три по руслу, остановился у высокаго берега и, выразительно кракнувъ, началъ карабкаться на кручу. Черезъ нѣсколько минутъ, при помощи рабочихъ, два дерева на краю кручи были срублены и положены подъ угломъ къ берегу. На нихъ навалили трѣтєе и устроилось нѣчто въ родѣ брашпала. Въ это время остальные люди развьючивали лошадей и на веревкахъ ловытачили всю кладь на кручу.

Развьюченныя и разсѣдланныя лошади, отфыркиваясь и отчихиваясь, одна за другой начали карабкаться на крутой берегъ, поощряемая криками рабочихъ, которые веревками привязанными къ подругамъ и даже просто въ ручную, помогали имъ карабкаться чуть не по отвѣсному берегу. Не прошло и часу какъ пятнадцать лошадей были встѣнены на кручу, высотой не менѣе пяти аршинъ. Дмитрій Павловичъ диву дался и не безъ уваженія поглядилъ своего шеходца, который послѣднимъ продвѣалъ эту эквилибристику.

— Ну Филиппъ, обратился онъ къ жожаку,—послѣдемъ ли къ вечеру на мѣсто?

— Какое къ вечеру баринъ! коли ребята не сморились, да въ сухоматку пойдятъ, такъ куды до заката на мѣстѣ будемъ. Успѣемъ и шалашъ вашей милости срубить.

— Коли такъ—съ Богомъ! Гайда, ребята, закусимъ на ходу.

Вновь развернулась партія, снова зашлепали лошади по вязкому грунту. Первый услѣхъ удачнаго перехода ободрилъ рабочихъ, и густой баритонъ Павла весело зазвучалъ въ таежной тишинѣ:

Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль да по Казанкѣ
Стрый селезень навьетъ...

III.

Дмитрій Павловичъ Терминъ кончилъ курсъ въ университетѣ и затѣмъ поступилъ въ одинъ изъ блестящихъ кавалерійскихъ полковъ. Отецъ его, старый отставной генералъ, давно овдовѣвшій, не жилъ въ Петербургѣ, а кочевалъ изъ деревни за границу и обратно. Его большое имѣніе славились образцовымъ порядкомъ и доходностью. Когда сынъ пріѣхалъ къ нему показать свои эполеты, старикъ пригласилъ его съ какою-то сдержанною лаской, на другой день подарилъ молодому офицеру пятнадцать тысячъ на обзаведеніе и объявилъ что будетъ высылать ему по десяти тысячъ ежегодно. Не долго погостилъ Терминъ у отца, да тотъ и не удерживалъ. Страшнымъ показалось Термину что отецъ не посвящалъ его въ свои дѣла, не показалъ ему въ подробностяхъ своего хозяйства и на прощанье далъ ему только одинъ совѣтъ — искать богатую невѣсту.

Вернувшись въ Петербургъ, Терминъ нанялъ хорешенькую квартиру и началъ веселую жизнь молодого и богатаго гвардейца. Товарищи полюбили его и за добрый нравъ, и за хорошій столъ. Знакомые приглашали его на перерывъ, какъ не гулага собесѣдника, веселаго и красиваго танцора и возможнаго жениха.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Отецъ Дмитрія Павловича пріѣзжалъ на короткое время изъ-за границы въ Россію, видѣлся съ сыномъ лишь мимоходомъ, аккуратно выдавалъ назначенное содержаніе и каждый разъ повторялъ совѣтъ найти богатую невѣсту. До молодаго Термина доходили слухи что его отецъ играетъ на биржахъ съ переменнымъ счастьемъ, что у него есть семья на сторонѣ и что онъ уже заложилъ имѣніе. Въ одинъ прескверный, весенній день Дмитрій Павловичъ получилъ извѣстіе о смерти отца и о томъ что имѣніе покойнаго назначено къ продажѣ съ публичаго торго-

Старый другъ отца, крестный Дмитрія Павловича, сообщилъ ему что врядъ ли очистится что-либо отъ наслѣдства, и Терминъ съ ужасомъ увидѣлъ что онъ остается при одномъ казенномъ жалованьи, котораго едва доставало на разныя подлиски, обѣды и т. л. При письмѣ была приложена квитанція на полученіе какихъ-то вещей лежащихъ на храненіи въ банкѣ.

Хорошій товарищъ, Терминъ былъ любимъ въ полку почти всѣми сослуживцами, но друга между ними не имѣлъ. Друзей у него было двое не изъ товарищей по полку. Одинъ, Павелъ Ниловъ, былъ съ нимъ вмѣстѣ въ пансіонѣ, вмѣстѣ слушалъ лекціи, одновременно поступилъ на службу; дослужившись до штабсъ-капитана артиллеріи, онъ за годъ предъ крушеніемъ Термина, вслѣдствіе разныхъ семейныхъ и денежныхъ обстоятельствъ, вышелъ въ отставку и искалъ частной службы съ хорошимъ содержаніемъ. Другой былъ Розинъ, единственный изъ всѣхъ знакомыхъ который помнилъ мать Термина и приходился ей родственникомъ. Ни того, ни другаго не было въ городѣ, и Терминъ, отправивъ къ нимъ письма и телеграммы, съ нетерпѣніемъ ждалъ ихъ пріѣзда. Подавъ рапортъ о болѣзни, онъ нигде не выходилъ и никого не принималъ.

Первымъ пріѣхалъ Ниловъ. Еще въ Москвѣ, гдѣ онъ былъ проездомъ, возвращаясь изъ деревни гдѣ жила безвыѣздно его старушка мать, онъ узналъ о кончинѣ стараго генерала и о крахѣ.

— Бѣдный Дмитрій, сказалъ онъ, послѣ первыхъ привѣтствій,—не думалъ я что ты будешь въ моемъ положеніи. Что ты намѣренъ дѣлать? Остаешься въ полку?

— Не думаю. Я еще не знаю что у меня есть. Не могу же я отказаться отъ наслѣдства какъ бы опасаясь что придется платить долги отца.

— Конечно. Но развѣ долги не приведены въ извѣстность?

— Крестный пишетъ что отецъ какъ будто разчиталъ сколько онъ можетъ задолжать не переступая стоимости имѣнія.

— А твои личныя дѣла? есть ли у тебя деньги?

— Я недавно получилъ свое содержаніе изъ деревенской конторы, за полгода впередъ. Долговъ у меня не много, и ихъ всё-улачу легко, и если продамъ все, то у меня наберется нѣсколько тысячъ... Но что въ нихъ толку?

— Что? зависитъ отъ тебя. Ты еще не знаешь что я въздѣль проститься съ матушкой надолго. Я рѣшился покинуть Европу.

— То-есть эмигрировать что ли?

— Богъ съ тобой! развѣ я изъ красныхъ? живо перебилъ его Ниловъ.—Хочу просто исчезнуть съ петербургскаго горизонта и поискать счастья да пожить съ природой, куда молодость не ушла да есть колѣвка, другая.

— Я ничего не понимаю, Павелъ! удивился Термицъ,— „поискать счастья, пожить съ природой“—что это значитъ?

— Ничего особеннаго. Прошлою осенью я познакомился случайно съ однимъ Сибирякомъ. Его разказы о золотомъ дѣлѣ меня заинтересовали; я узналъ что искать, а въ особенности разрабатывать золотыя россыпи не Богъ вѣсть какая наука, а самое дѣло очень прибыльное. Главныя условія: небольшія наличныя деньги, немного знанія механики, котораго у насъ съ тобой болѣе чѣмъ достаточно, здоровье, энергія, умѣнье мириться съ небольшими лишениями, пожалуй не болѣе тѣхъ какія мы съ тобою испытывали во время польскаго мятежа и личный постоянный надзоръ; не малую роль играетъ случай и счастье.

— И ты рѣшился ѣхать въ Сибирь?

— Даже въ Восточную. Вчера узналъ что по моему прошенію, Горнымъ Департаментомъ послано уже увѣдомленіе генералъ-губернатору о выдачѣ мнѣ свидѣтельства на право заниматься золотопромышленностью. Развѣ Владиміръ тебѣ ничего не разказалъ?

— Розина, вслѣдъ за твоимъ отъѣздомъ, послали опять въ командировку, а его такъ и не видалъ. Что же онъ?

— Благословляетъ меня обѣими руками; даетъ мнѣ письма, совѣты. Еслибы, говорить, не семья, а бы еще разъ туда съѣзжалъ.

— Да, кто разъ бывалъ въ Сибири по собственному желанію, всѣ ее вспоминаютъ съ теплымъ чувствомъ и не хвалятся.

— И знаешь что онъ еще сказалъ? найдите, говорить, хорошаго кампаньйона. Одному вчетверо больше риску и тоски, а въ двоимъ, и отнюдь не болѣе какъ въ троимъ, шансовъ на успѣхъ въ десять разъ больше. Подумай-ка объ этомъ, Дмитрій.

— Это значитъ мѣнять петербургскій комфортъ на сибирскую примитивность; тонкое бѣлье—на отсутствіе такового; хорошую кухню—на варварскую стиральню; цивилизованныхъ людей—на пьяныхъ каторжниковъ и красивыхъ женщинъ—на Самоѣдокъ!

— Вопервыхъ, Самоѣдки живутъ не въ Сибири, а въ Архангельской губерніи; вовторыхъ, между каторжниками людей съ вѣрой, сердцемъ и совѣстью, говорятъ, больше нежели истинныхъ каторжниковъ, „de vrais galéniens“ между такъ называемыми порядочными людьми; кухня и вино у богатыхъ Сибиряковъ лучше той стиральни которую мы ѣдимъ въ ресторанахъ; что же касается тонкаго бѣлья, то оно и здѣсь часто замѣняется одними воротничками да рукавчиками. Шутки въ сторону, серьезнымъ тономъ заговорилъ Ниловъ, задумчиво облакачиваясь на столъ,—когда я съѣлъ послѣдній банковый билетъ полученный за послѣднія родовыя десятины, когда я подумалъ что только случайно благодаря не то что хорошему чувству съ моей стороны, а скорѣе моему калрису, матушка моя не отказалась отъ седьмой части и теперь имѣеть возможность коротать свой вѣкъ въ обломкѣ родоваго гнѣзда, мнѣ стало жутко. Замѣть: я не кутила, не игрокъ, не пьяница, считался образованнымъ и дѣльнымъ строевымъ офицеромъ: а между тѣмъ я въ пять лѣтъ прожилъ хорошее состояніе и пошатнулъ было желѣзное здоровье. Почему? Только потому что я былъ добрый малый и хорошій товарищъ, никогда не разстраивалъ компаніи, не имѣлъ характера отвѣтить: „это не по моимъ средствамъ.“ Зачѣмъ я поламъ, напимѣръ, въ ахтъ-клубъ? Даже не затѣмъ чтобъ этимъ хвастать, а чтобы проиграть сорокъ тысячъ князю X., который въ случаѣ проигрыша со своей стороны, награждалъ бы меня неразмѣннымъ векселемъ. Зачѣмъ я бывалъ у князя X., у графини Y., у барона Z. и т. д.? Развѣ у меня есть что-либо съ ними общее кромѣ виста, музурки, пиквика, карусели или любительскаго спектакля? Имѣя возможность отлично жить на свои восемь тысячъ дохода я незамѣтно, изо дня въ день, прожилъ сто тысячъ капитала.

— Но при твоихъ связяхъ ты можешь получить отащивое мѣсто и сдѣлать блестящую карьеру, замѣтилъ Терминъ.

— То-есть взяться за дѣло котораго не знаю и ѣхать въ гору на плечахъ труженниковъ и на буксирѣ дамскаго шлейфа или генеральскихъ фадъ.

— Тебѣ открыта военная карьера; ты знаешь на какомъ счету ты былъ, замѣтилъ Терминъ.

— Ты забываешь одно: мнѣ сдѣвалось скрыть крушеніе моихъ финансовъ, а этого я не хотѣлъ. Во всякомъ случаѣ нужно было перейти въ армію, удалиться въ провинцію и тамъ остаться. А ужь если въ провинцію, то чѣмъ дальше—тѣмъ лучше. Наконецъ, ты знаешь что я покрепко любилъ солдатъ и они меня любили, мнѣ хочется поближе пожить съ настоящими, съ простыми русскими людьми. Мнѣ хочется страхнуть петербургскую лѣтсень, обновиться и хоть немного возобновить заглохшія въ насъ потребности вѣрить и сознавать себя „русскимъ, православнымъ, простымъ человѣкомъ.“

Оставшись одинъ, Терминъ долго ходилъ по своимъ комнатамъ, какъ бы прощаясь съ ними; онъ собирался съ духомъ и рѣшался если не вѣхать съ Ниловымъ, то все-таки привести въ левость свои дѣла не откладывая.

Вскорѣ онъ сдалъ квартиру, отпустилъ прислугу, продалъ мебель, все лишнія вещи, расплатился съ долгами и когда подвелъ балагъ, у него оказалось налицо семь тысячъ рублей. Онъ вспомнилъ о квитанціи. Ему выдали изъ банка двѣ старинныя шкатулки, и въ нихъ онъ нашелъ вещи своей покойной матери. Онъ отобралъ всѣ тѣ которыя видалъ на ней, все старинное, и вновь отдалъ ихъ на сохраненіе не рѣшаясь ихъ трогать какъ реликвіи. Остальныя онъ продалъ и выручилъ еще тысячу пять.

Тѣмъ временемъ, не скрывая происшедшаго, Терминъ скоро началъ замѣчать какую-то неудовимую сразу перемѣну въ своихъ знакомыхъ. Два, три семейства остались попрежнему внимательными и любезными; остальные какъ-то жалась при приближеніи обѣдѣвшаго молодца. Уже не съ тою улыбкой, какъ бывало, посылались ему поклоны изъ колясокъ на Морской; не попрежнему, а какъ-то разсѣянно лаяли ему: „Vous vous oubliez!“ избѣгая приглашать на ликники и на обѣды. Свѣтскіе львы уже не говорили ему *mon très cher*, а лишь *mon bon*. Мамаши съ лалашами не кивали ему дружески и не жали рукъ, а лишь клаялись и протягивали концы пальцевъ. Оставаться въ полку, по его мнѣнію, не представлялось никакой возможности, а перейти въ армію мѣшало то пустое, мелочное самолюбіе которое незамѣтнымъ тлетворнымъ ядомъ заражаетъ самаго порядочнаго человѣка когда онъ долго дышетъ петербургскою атмосферой. Мелкіе уколы, поемногу накоплявшіеся, начинали зудить нестерпимо.

Термишъ самъ уже замѣчалъ что оны кисееть; его веселость пропала, желчь разыгрывалась... Нужно было рѣшиться на что-либо, и въ это-то время оны получили первое письмо отъ своего друга изъ Сибири. Два раза перечелъ Дмитрій Павловичъ это длинное посланіе; долго вертѣлъ оны въ рукахъ листы почтовой бумаги, олицетворявшіе голосъ друга, изъ невѣдомаго Петербуржца мѣра, который все еще пользуется репутаціей какого-то чистаища. Его другъ писалъ не увлекаясь, но отъ этой яркой картины лишений и трудовъ вѣяло чѣмъ-то необычнымъ, свѣжимъ, здоровымъ. Эта кочевая жизнь давала надежду на улыбку фортуны; изъ-за грязи, холода, непогоды, видѣлось въ туманной перспективѣ довольно добытое собственнымъ трудомъ.

Письмо было получено въ первыхъ числахъ іюня, а въ іюлѣ Дмитрій Павловичъ уже стоялъ предъ гранитнымъobeliskомъ съ двумя надписями на двухъ противоположныхъ сторонахъ: на одной „Европа“, на другой „Азія“. У подножія валялись двѣ разбитыя бутылки изъ-подъ шампанскаго, брошенные проѣзжими...

Промелькнувъ предъ Терминымъ чистенькій Екатеринбургъ, извѣдалъ оны прелесть путешествія по Барабинской мокрой степи; выкупался въ холодныхъ струяхъ Иртыша; подивился изобилію и благоденствію Евреевъ въ Томскѣ, и въ концѣ іюля его казанскій тарантасъ потрухивалъ по грязнымъ улицамъ грязенькаго городишки Золотимска. Нилова оны тамъ не засталъ, но пріятель оставилъ ему письмо въ которомъ совѣтовалъ, науки ради и въ ожиданіи друга, проѣхать на пріиски, присмотрѣться къ золотому дѣлу. „А не то возьми жоака который увѣряетъ что можетъ показать хорошій ключъ“, писалъ Ниловъ, „больше трехсотъ рублей не истратишь, мѣсто недалекое; людей найдешь въ деревнѣ, откуда жоакъ родомъ, лоходишь, лошурфуешь и лоохотишься, а тамъ и я лодежду“. Дмитрій Павловичъ такъ и сдѣлалъ.

IV.

По берегу одного изъ протоковъ громадной рѣки расположился невзрачный городокъ. Городъ весь деревянный, только соборъ да домъ старѣйшей золотопромышленницы на площади, составляютъ бросающееся въ глаза искаженіе. Среди

сѣрыхъ, бурыхъ, коричневыхъ и почти черныхъ деревянныхъ домовъ безъ стала и безъ наружныхъ украшеній, бѣлая, рѣзкія линіи собора съ его зелеными куполами и золотыми крестами, рельефно вырѣзаваются на общемъ фонѣ и форменная архитектура, казарменнаго вѣка, кажется чуть не Растреллиевскою. Ординарный, двухъэтажный замоскворѣцкаго лопиба каменный домъ, съ велико приставленною каменною же кладовою обращенною въ лавку, тоже благодаря отсутствію конкурентовъ для сравненія, такъ и проситъ на свой фронтонъ девиза: „на безлюдь и Ома дворяннѣ“. Весь городокъ какъ-то уютно съежился на небольшой полянѣ, и лишь блестящая, серебряная лента быстрогo потока, шириной въ большую рѣку, празднично окрашиваетъ убогую наружность маленькаго города. Весь онъ своими сѣрыми домиками, бѣлымъ соборомъ и свѣтлымъ протокомъ, напоминаетъ скромную и тихую старушку которая вернувшись съ богатыхъ именнѣхъ надѣла сѣренькій капотикъ, но забыла снять свой бѣлый, парадный челець съ большою лентой серебрястаго шелка.

Деревянные постройки въ Сибири, на пріѣзжаго изъ Россіи, производятъ своеобразное впечатлѣніе прочности и солидности. Видно что лѣсу не жалѣютъ и выбрать есть изъ чего. Бревна на подборъ, доски широкія, толстыя, длинныя; на жердь взято цѣлое дерево, на слегу цѣлое бревно. Не только ни одинъ домъ, но даже ни одна избушка не поставлена прямо на землю, а стоитъ или на каменныхъ столбахъ или на толстыхъ пняхъ „стульяхъ“, и всѣ дома обшиты тесомъ, у всѣхъ выведены трубы; у всѣхъ обширные дворы обнесены заборами изъ досокъ или тыномъ изъ бревенъ или изъ толстыхъ жердей. Когда топятся печи, а топятъ ихъ часто, то дымъ не тянется изъ трубъ тоненькою струйкой, а валитъ густыми клубами, наглядно показывая что въ домѣ есть и тепло, и варено. Некрасиво срублены сибирскіе дома, но зато тепло, сытно и чисто живутъ въ нихъ „умные“ и работающіе Сибиряки.

— Откуда у насъ дуракамъ быть? говаривалъ одинъ Сибирякъ,—охотой дуракъ къ намъ не поѣдетъ, а ошибкой поѣдетъ, назадъ уйдетъ. Изъ тѣхъ же кого къ намъ неволей везутъ, на соню одного дурака не приходится.

Въ одномъ изъ двухъэтажныхъ, не красиво, но зато прочно срубленныхъ, приземистыхъ домовъ, въ невысокой

кошатъ верхняго жилья, у отвореннаго окна сидѣло трое молодыхъ людей. Пузатый самоваръ то пыхивалъ отъ вырывававшихся струйками бѣлаго пара, то выводилъ тонкимъ фальдетомъ унылую лѣсенку, предсказывая неахотью и какъ бы съѣвтя пользоваться послѣдними горячими лучами жгучаго солнца.

Оживленная бесѣда Термина, Нилова и новаго ихъ знакомаго, кровнаго Сибирака Осипова, заняла ихъ настолько что они даже не замѣтили цѣлой кучки рабочихъ которые столпившись подъ окномъ старались привлечь вниманіе Нилова. Наконецъ, одинъ изъ рабочихъ не выдержавъ и рѣшился окликнуть.

— Павелъ Александровичъ! а Павелъ Александровичъ!

Собесѣдники вздрогнули отъ неожиданнаго окрика, и Нилонъ удивленно выглянулъ въ окно.

— Ты откуда Никита? спросилъ онъ рабочаго, который окликувъ шалку и добродушно улыбаясь смотрѣлъ на него во все глаза.

— Къ вашей милости. Артель подобрала да привезла предъвиться.

— А уговоръ знаютъ? Кромѣ плателей въ волость, задатку на руки ни колѣтки.

— Знаемъ, ваше благородіе, откликнулся высокій старикъ ларець въ новомъ армякѣ, щегольски накинутаго на синюю рубаху,—только мы, значить, фортель придумали, такъ хотимъ вашей милости доложиться. Такъ по нашему выходитъ чтобы и волки-то сыты были и коза цѣла.

— А ты изъ какихъ, братъ, будешь что меня въ козу призвелъ? спросилъ серьезнымъ тономъ Нилонъ.

Рабочіе перемигнулись и оглянули щеголя, который при вопросѣ Нилова снялъ шалку и ухарскую лозу перемѣнилъ на почтительную.

— Просимъ извиненія, баринъ, сболталось безъ умыслу, а такъ къ слову прибаутка пришла, поправился рабочій и помолчавъ продолжалъ:—Вашимъ благородіямъ наши порядки еще вновѣ. Мы теперь пойдемъ въ ровнекъ, больше мѣсяца не проходимъ; разчету придется самая малость; ну, скажемъ, съ одеждой и прочимъ, коли вновѣ очень зашибаться не будемъ, до зимняго Николая хватить, а тамъ вѣдь тоже лить, вѣсть нужно. Вотъ мы и надумали, не поставите ли вы, господа, теперь же амбаръ чтобы мы въ натурѣ, на клячку,

какая кому прелесть требуется забирали. Никите basta, вы ни на какую вещь больше десяти копѣекъ на рубль не хотите, а коли мы у здѣшнихъ аспидовъ забираемся ставемъ, то гривенникъ въ рубль векочить.

— Что же? обратился Ниловъ къ Дмитрію Павловичу, — мысль не дурна! Такъ вотъ что, братцы, васъ тутъ сколько?

— Да всѣхъ со мною двадцать человекъ, отвѣтилъ Никита, ревниве отстраняя щеголя.

— Получай на полведра, сведи ребятъ и угости. Къ пяти часамъ вечера приходишь сюда, и чтобы ни у кого ни въ единомъ глазѣ! Кто будетъ вылавши крѣпка, того въ шею и изъ списка вонъ. Тогда мы съ вами договоримся и дѣло кончимъ, а теперь айда! закончилъ Ниловъ, бросая деньги въ подставленную Никитой шапку.

Послышались благодарныя восклицанія; чей-то голосъ distinctly произнесъ: „Что говорить! баре настояціе, изъ старыхъ, заправскихъ!“, и вся толпа скрылась за угломъ дома.

— Извините, Павелъ Александровичъ, обратился Осиповъ къ Нилову, — если я позволю себѣ сдѣлать маленькое замѣчаніе. Какъ видно, вы съ Дмитріемъ Павловичемъ хотите вести золотое дѣло на новыхъ началахъ. Весь нашъ золотопромышленный людъ, отъ хояевъ до послѣдняго десятника, а управляющіе лучше всѣхъ смотрятъ на ваши дѣйствія съ особымъ интересомъ. Съ ними вы оба не сближаетесь, держитесь особнякомъ, а теперь хотите и коренные порядки затронуть. Вѣдь такимъ манеромъ вы ихъ обозлите и начнется вражда.

— Такъ что же изъ этого? отвѣтилъ Ниловъ, — не можемъ же мы грабить людей потому лишь что другіе ихъ грабятъ? Не будемъ же мы ставить рабочему на счетъ три рубля когда вещь стоитъ намъ девяносто копѣекъ. Да, наконецъ, въ чемъ выразится вражда? Ослетень мы не боимся никакихъ, кредитомъ пользоваться у нихъ не станемъ, личными сношеніями съ ними не дорожимъ.

— Такъ-то оно такъ, но все-таки, я полагаю, безъ столкновеній не обойдется.

— Не думаю, Иванъ Петровичъ, заговорилъ Терминъ, — имъ нѣтъ разчета начинать враждебныя дѣйствія. Мы не хотимъ проповѣдывать новыя начала въ отношеніяхъ хояевъ съ рабочими, не хотимъ подавать кому-либо примѣра, а просто поступаемъ такъ какъ намъ кажется справедливымъ

и выгоднымъ. Еслибъ у насъ съ Ниловымъ были средства оставить дѣло на большомъ масштабѣ, еслибы мы начинали нѣсколько сотъ рабочихъ, то ваши тузы и штыки бы основаніе опасаться нашихъ „новыхъ началъ“, но у насъ будетъ какихъ-нибудь пять, шесть десятковъ... каляя въ морѣ!

— Каляя каляя рознь, Дмитрій Павловичъ. Вы отбираете что ни на есть лучшихъ людей; обращеніе ваше съ ними у насъ не бывало; вы смотрите на нихъ чуть ли не какъ на товарищей и имъ отъ васъ обоихъ крѣпкое слово почитай что за ласку сходить. Недалеко ходить за примѣромъ: щеголь-то этотъ, что козу помянулъ, вѣдь это первый головорѣзъ, отчаянная голова и отличимый, знающій дѣло промысальщикъ. Я диву дался какъ онъ живо шалку смялъ когда Павелъ Александровичъ его осадилъ. Вѣдь одинъ такой Васюка Зарѣзъ дѣлои артели отбить. А Павелъ? а старикъ Филиппъ? За Филиппомъ всѣ управляющіе, всѣ прикащики какъ за губернаторомъ второй годъ ухаживаютъ. Онъ тайгу наскрозь прошелъ.

— Хорошо прошелъ! воскликнулъ Ниловъ,—привелъ къ ключу, а тамъ не то что золота, а и шалку не оказалось. Хорошо что на Дмитрія попалъ, а я бы ему таску задалъ.

— И дура бы сдѣлалъ. Филиппъ теперь задѣтъ за живое; я самъ слышалъ какъ онъ отзывался о Дмитріи Павловичѣ: „хоть бы обругалъ! такъ нѣтъ—посмотрѣлъ на меня укорительно, да и говоритъ: *стыдно, старикъ!* просто у меня все внутри перевернулъ!“ Я увѣренъ, продолжалъ Осиповъ,—что онъ не даромъ таки уговорилъ насъ взять Ивановскій приискъ. Гдѣ-нибудь по соседству у него есть мѣстечко на приискѣ.

— Вашими бы устами да медъ лить! шутило воскликнулъ Ниловъ,—а теперь господа намъ пора на завтракъ къ исправнику. Если мы и администрацію противъ себя возобновимъ, то тогда намъ не сдобровать; и то городничій на первыхъ порахъ звѣремъ поглядывалъ.

— Еще бы вы надъ нимъ такъ подшутили! Вы, Дмитрій Павловичъ, подробностей не знаете?

— Спрашивалъ, да развѣ отъ него узнаешь!

— Такъ я вамъ разкажу. Приходить въ управленіе Павелъ Александровичъ: въ поддевки, высокие сапогахъ, шалка въ рукѣ; отагъ у притолки и идетъ. Народу набралось много.

Является Рилрикъ, это городничій нашъ, начинаетъ принимать прошенія, разспрашивать; доходить до нихъ.—Ти што?—Хочу паспортъ прописать.—Да ти кто будешь?—Въ паспортѣ обозначено.—Отвѣчай, когда я спрашивай! затопалъ Рилрикъ,—какъ ты стоишь, какъ и съ кѣмъ каварись?!—Стою у притолки, говорю по-русски, съ Нѣмцемъ, да еще и съ горячимъ. Рилрикъ обома'лъ, глаза вылучилъ, схватилъ паспортъ и слова вымолвить не можетъ. Сунулъ паспортъ дежурному: „lesen sie!“ кричитъ. Дежурный читаетъ, „отставной капитанъ гвардейской артиллеріи Павелъ Александровичъ Ниловъ.“— „Was soll es bedeuten?“—Павелъ Александровичъ пресеріозно и замѣчаетъ: „Das bedénet: не спросась броду—не су'йся въ воду.“ Мы всѣ такъ и прыснули. Рилрикъ схватился за голову и вонъ. Минуть чрезъ пять прибѣгаетъ его хорошенькая Юленька, дѣлаетъ Павлу Александровичу книксенъ и лепечетъ: „Pars vous prie de passer chez lui, monsieur!“ Павелъ Александровичъ поклонился и отвѣчаетъ: „Mademoiselle, j'aurais l'honneur de lui faire ma visite à deux heures.“

— Ну и чѣмъ же кончилось?

— Кончилось тѣмъ, перебилъ Осилова Ниловъ,—что къ двумъ часамъ я явился къ Рилрику въ шармеровской парѣ, въ перчаткахъ gris perle, познакомился съ его милою семьей, былъ оставленъ обѣдать, отлично поѣлъ, выигралъ у милѣйшаго Нѣнца десять рублей въ лукетъ и мы теперь закадычные друзья.

— Егго все хорошо чтѣ кончается хорошо! Пора, господа, къ исправнику, уже половина двѣнадцатаго, сказала Термиль, отыскивая фуражку.

— Вотъ еще ваши военные фуражки, замѣтилъ Осилонъ,—какъ онѣ не нравятся нашимъ туземцамъ! Прежде кое-кто, а въ особенности новоиспеченный „потомственный не почетный“, какъ называютъ Креза-Уткина рабочіе, все въ дворянской фуражкѣ ходилъ, а теперь бросилъ.

— Мы-то при чемъ? да онъ себѣ хоть шлемъ носи.

— Рабочіе стали трунить: куда, говорятъ, конь съ копытомъ, туда жъ и утка съ носомъ. Услышалъ разъ, другой, и бросилъ.

V.

Тихо и безлюдно было на улицахъ Золотимска. Со стороны протока тянуло рѣчною прохладой, но сырости еще не чувствовалось. Издалека доносились, по временамъ, звуки хоровой пѣсни и мѣрно гудѣлъ соборный колоколъ, не призывая прихожанъ, большинство которыхъ въ будни церковь не посѣщало, а какъ бы только напоминая имъ что одинъ изъ трехъ соборныхъ священниковъ началъ служить вечерню. Около дома Горскихъ слышенъ былъ громкій говоръ дѣтей и въ открытыя окна вырывались на улицу трели и лерекрецивающиися звуки какой-то пѣсны Листа, исполняемой на свосномъ роялѣ мастерскими руками.

У воротъ дома, на маленькой скамеечкѣ, сидѣлъ высокій, худой, замѣчательно широкоплечый старикъ и, пользуясь послѣдними лучами заходящаго солнца, разбиралъ по складамъ старую, какъ самъ онъ, книгу. По временамъ онъ опускалъ ее на колѣна и одобрительно качалъ въ тактъ сѣдою головой, внимательно прислушиваясь къ доносившимся звукамъ.

— Ишь ты, точно ручеекъ въ тайгѣ по камешкамъ—буль! буль! буль!... а вотъ теперь какъ птаха—чивъ! чивъ! тррр!... Хорошо барышня! жаль, слушать-то тебя голубушку никому! громко говорилъ самъ съ собою старикъ.

— Кирилычъ, а Кирилычъ! раздалось изъ воротъ.—Кирилычъ! Глухой, старый, гадкій!

— Чего-съ? отзывался старикъ, вставая со скамейки.

— Чего-съ! чего-съ! передразнила его хорошенькая дѣвочка лѣтъ одиннадцати, одѣтая въ простенькое, но щегольски скроенное платьице изъ холстинки,—пять минутъ зову тебя, не дозовусь!

— Фу ты пропасть! я думалъ барыня.

— А я тебѣ развѣ не барыня? бойко спросила дѣвочка, схвативъ его за длинныя бакенбарды.

— Какая вы барыня? вы даже не барышня! вы Егорова Петровна. Развѣ прилично мушину за бакенбарды хватать?

— Волервыхъ, ты не мушину, а старикъ; вовторыхъ, ты даже не человекъ, а Кирилычъ; втретьихъ, ты очень радъ что я тебя за бакенбарды взяла... А теперь маршъ съ нами въ крокетъ играть! Вѣра какъ услышала что Ольга Петровна за рояль сѣла, такъ насъ и бросила.

— Охъ вы бабовница! бабовница! ласково проговорилъ старикъ, любуясь красивымъ ребенкомъ,—что съ вами подѣлалось? пойдѣмте. Паленька вѣдь не скоро домой будутъ?

На большомъ, отлично утрамбованномъ и обильно посыпавшемъ крупнымъ, рѣчнымъ пескомъ дворѣ трое дѣтей и трое взрослыхъ играли въ крокетъ.

Кучеръ въ красной рубахѣ и поваръ въ бѣлой курткѣ сидѣли въ сторонѣ на стульчикахъ галлерей соединявшей кухню съ домомъ. Во глубинѣ двора два конюха таскали изъ колодца воду и выливали ведро за ведромъ въ объемистую долбленную колоду, высоко подвѣную отъ земли; вода съ журчаніемъ сбѣгала по жолобу, который, проходя чрезъ весь дворъ, упирался въ трубу выдавшуюся изъ наружной стѣны дома.

Большой полутораэтажный домъ протягивался вдоль одной изъ сторонъ двора и выходилъ узкимъ фасомъ въ небольшую рошциду, обращенную въ вѣчто среднее между большимъ садомъ и маленькимъ паркомъ. Красный, кирпичный фундаментъ красиво вырѣзывался на зеленой полосѣ сѣянаго газона, который какъ зеленая лента обрамлялъ домъ со стороны двора. Со стороны сада къ дому примыкала большая, крытая лестрымъ тикомъ терраса, спускавшаяся въ садъ широкими стульями, уставленными кадками и горшками съ растеніями. Терраса соединялась со дворомъ небольшою лѣстницей въ два поворота. Два флигеля, амбаръ и каменная, крытая желѣзомъ кладовая, окружали дворъ съ двухъ сторонъ, а во глубинѣ между флигелями былъ оставленъ проходъ на второй дворъ, гдѣ были расположены конюшни, сараи и разныя калитки. Общій видъ всѣхъ построекъ напоминалъ отчасти помѣщичью усадьбу былыхъ временъ, отчасти хозяйство богатаго купца старовѣра приволжскихъ мѣстностей.

Изъ числа игравшихъ двое мальчиковъ были одѣты совершенно одинаково, въ суковныя блузы, перетянутыя широкими ремнями, въ высокіе сапоги и въ круглыя войлочные шалоочки. Старшій, Коля, высокій, сильный, со смуглымъ и сильно загорѣлымъ лицомъ, съ черными глазами и жесткими темными волосами, обстриженными подъ гребенку, съ сильно развитыми мускулами и съ темными мушкетерскими надъ верхней губой рѣзко очерченнаго рта, съ нежнымъ выдающимся скулами и со свѣтлымъ груднымъ густымъ волосомъ,

производилъ впечатлѣннѣе юрени лѣтъ семнадцати, а не четырнадцатилѣтняго мальника, какииъ она была въ дѣтствѣности. Второй братъ, Миша, свѣтлый блондинъ, съ красивыми карими глазами, въ природныхъ локонахъ окружавшихъ его красивую головку, былъ очень похожъ на свою хорошенькую сестру Сашу, которая привела Кирилыча изъ-за вѣроть, стараго буфетчика, дворецкаго и камердинера Горскихъ, ихъ бывшаго крѣпостнаго человека. Саша отличалась отъ брата необыкновенною бѣлизной и нѣжностью кожи, болѣе выразительными, чисто голубыми глазами и рѣдкими, желѣзными цвѣтомъ густыхъ и длинныхъ волосъ. Третій играющій мальчикъ былъ товарищъ и пріятель Коли и отличался своимъ сосредоточеннымъ, сумрачнымъ видомъ и оригинальнымъ кроємъ платья, напоминавшимъ польскій кунтушъ. Это былъ Стась, единственный сынъ сосланнаго Полака, извѣстнаго Дг. Вельша.

Изъ взрослыхъ двое были юные чиновники мѣстныхъ канцелярій, третій—изъ породы „странныхъ людей“. Семинаристъ, сынъ деревенскаго священника, онъ поступилъ въ одну изъ духовныхъ академій, и на второмъ курсѣ, неизвѣстно почему, скрылся изъ города. Это было во время польскаго мятежа. Небольшой пѣхотный отрядъ настѣлъ банду повстанцевъ; завязалась перестрѣлка. Наши солдаты ударили въ штыки и къ немалому изумленію увидѣли какъ при ихъ приближеніи одинъ изъ повстанцевъ съ крикомъ ура! кинулся крошить своихъ товарищей. Когда банда была разбѣяна, въ числѣ лѣвннхъ подвелъ къ начальнику отряда и нашего молодца, причемъ солдаты и офицеры рассказали что они видѣли. — Кто вы? спросилъ начальникъ. — Студентъ богословія N—ской духовной академіи Іеремія Іосифовъ Неблагодумный, отвѣтилъ лѣвнннй. — Какъ вы попали въ банду? — Не могу сказать. — Почему вы стали бить Поляковъ? — Русская кровь заговорила. — Дадете ли слово не бѣжать и слѣдовать за нами, если я оставлю васъ на свободѣ? — Даю и сдержу.

Онъ послѣдовалъ за отрядомъ, участвовалъ въ двухъ схваткахъ, былъ всегда впереди, дрался молодцомъ. Тѣмъ же мѣсяцемъ дѣло о немъ началось, и онъ былъ вытребованъ къ одному изъ главныхъ начальниковъ. На все вопросы онъ отвѣчалъ лишь одно: „не могу сказать“ или не отвѣчалъ вовсе. — Да знаете ли вы что васъ можно за это повѣсить? спросилъ разсерженный генералъ. — Знаю. За шеню можно, а Дани

вѣшаютъ и за ноги.—Чего же вы бы хотѣли?—Хотѣлъ бы въ Сибирь.—Зачѣмъ въ Сибирь?—Далеко и люди тамъ умнѣе.

Желаніе его было исполнено; его сослали въ Восточную Сибирь безъ лишенія правъ, и онъ проживалъ въ Золотомскѣ, зарабатывая средства для неприхотливой жизни уроками изъ древнихъ языковъ, русской словесности и лѣвня. Пѣлъ онъ хорошо и охотно, уроки давалъ хорошо и добросовѣстно, но въ бесѣды никогда, ни съ кѣмъ не вступалъ. Онъ страстно любилъ всякія игры съ дѣтьми, не требующія разговора, и готовъ былъ играть цѣлые вечера, безразлично съ дѣтьми ли Горскихъ въ крокетъ, или съ мальчишками, на окраинѣ города, въ бабки или городки. Онъ иногда нарочно проигрывалъ чтобы подзадорить самолюбіе дѣтей, и это былъ единственный случай когда онъ позволялъ себѣ кривить душой. По временамъ на него находила тоска, и тогда онъ увязывался за первымъ попавшимся охотникомъ, но ружья съ собою не бралъ, а лишь дубинку съ крючкомъ на концѣ, и исполнялъ добровольно должность собаки, привося убитую дичь. Если птица или звѣрь были только подстрѣлены, то онъ притаскивалъ ихъ крючкомъ дубинки, но никогда не доканчивалъ, предоставляя это самому охотнику. „Бери, говаривалъ онъ, жива еще!“ и самъ отходилъ подальше. Рыбу ловилъ часто, но или на хлѣбъ, или на искусственныя, собственноручно и хитро сдѣланныя, приманки. Нельзя сказать чтобъ его любили, но относились къ нему участливо и онъ пользовался безграничнымъ довѣріемъ.

Съ приходомъ Саша и Кирилыча игра, на время пріостановленная, возобновилась и разгорѣлась. Молоточки стукали, шары пролетали подъ дуги, и самая оживленная борьба завязалась между Кирилычемъ и Неблагодущнымъ. Іеремія игралъ вслѣдъ за Кирилычемъ и каждый разъ старательно угонялъ его шаръ какъ могъ дальше. Кирилычъ злился: „Нешто это игра? вѣтъ, скажите, господа, развѣ такъ играютъ? ты играй по правиламъ: надо — сыграй; надо — отбей. А то ва поди! трахъ да трахъ за версту“. Но Іеремія не внималъ, каждый разъ попадетъ въ шаръ Кирилыча и затѣмъ, подставивъ свой шаръ бокъ о бокъ и крѣпко нажавъ ногой, короткимъ сухимъ ударомъ по своему шару, отлратить шаръ Кирилыча въ дальній уголъ. Наконецъ Кирилычъ не выдержалъ и довольно громко проворчалъ: „ахъ ты Ляховъ братъ! переметчикъ!“ Неблагодущный измѣнился въ лицѣ и судо-

рожно стиснулъ молотокъ какъ будто хотѣлъ ударить не по шару, а по старику. Одно мгновеніе, и шаръ Кирилыча отлетѣлъ какъ пуля и скрылся, а ручка молотка Іереміи треснула въ двухъ мѣстахъ. И взрослые, и дѣти сконфуженно переглянулись, а Саша, подбѣжавъ къ Кирилычу, шепнула ему: „у! злой, три дня съ тобой говорить не буду!“ Сконфуженный старикъ пошелъ отыскивать свой шаръ, а маленькій Стась побѣжалъ къ коробкѣ, въ которой лежали запасныя принадлежности игры, выбралъ большой молотокъ и принесъ его Іереміи. Молчаливая ласка маленькаго товарища по несчастію тронула мрачнаго студента, и взявъ лѣвою рукой поданный ему молотокъ, онъ положилъ правую руку на плечо мальчика и какъ-то дружески его лотрясъ. Эта мимолетная сценка не укрылась отъ зоркихъ глазокъ Саши, и чрезъ нѣсколько минутъ, воспользовавшись ходомъ игры, она очутилась около Стаса. „Вы сегодня добрый, шепнула она ему, — и я буду добрая. Я вамъ подарю мой розовый отводокъ; одинъ бутонъ скоро раслустится“.

Глаза мальчика, подъ нависшими выступами бровей, загорѣлись и сверкнули.

— Дѣти! пора чай пить! раздался съ крыльца ласковый голосъ Анны Павловны Горской.

— Сейчасъ мамаша! отвѣтилъ за всѣхъ Митя, — Стась играть, и если онъ пройдетъ ворота, мы взяли партію.

— Ну, Стась, отличитесь, я буду смотрѣть, сказала Анна Павловна, намѣреваясь присѣсть на ступенькахъ.

— Мама! что ты дѣлаешь! уже сыро! простудишься! посыпались торопливыя восклицанія Коли, который, въ два прыжка, уже былъ на террасѣ, схватилъ складной табуретъ и прыгнулъ прямо съ террасы на землю. Эта смѣлая, при высотѣ около трехъ аршинъ отъ земли, акробатическая штука была продѣлана такъ быстро и такъ чисто что всѣ только ахнули. Анна Павловна укоризненно качнула головой, садясь на табуретъ, и ласково погладила по головкѣ и лодыжкамъ Митю, который подложилъ ей подъ ноги обрывокъ ковра, снятый имъ съ первой ступеньки лѣстницы.

Стась отличился. Его шаръ, какъ одушевленное существо, проходилъ ворота, математически вѣрно останавливался гдѣ слѣдуетъ и наконецъ, описавъ красивую кривую, ударился въ начальный пунктъ.

— Ура! Наша партія! закричалъ Митя, кидаясь собирать шары и вытаскивать изъ песку дуги. При помощи остальныхъ игроковъ, всѣ принадлежности игры были живо собраны въ ящикъ, который Коля одною рукою взбросилъ на плечо и пошелъ на террасу. Вся компанія направилась въ домъ.

По серединѣ дома Горскихъ, во всю его ширину, была расположена самая большая комната въ два свѣта. Четыре окна съ одного конца выходили въ садъ обхватывавшій домъ съ двухъ сторонъ; четыре выходили на улицу. Потолокъ поддерживался шестью столбами изъ лиственницы, съ которою была снята лишь кора. Скульпторы-самоучки изоощряли свое искусство, покрывая горельефными украшеніями столбы и нѣкоторыя изъ этихъ „пробъ рѣзца“ были не лишены своего рода оригинальной красоты. Изъ дерева выглядывали цвѣты, животныя, птицы, грифы, драконы, арабески. Между двухъ недурно вырѣзанныхъ виноградныхъ гроздій выглядывало неоконченное изображеніе Сатира, у котораго детально отдѣланъ былъ только верхъ головы съ козлиными рогами, лицо же представляло еще безформенную массу, съ зачатками носа и лба. Это было произведеніе рѣзца Иереміи, который все собирался его окончить.

Между столбами былъ укрѣпленъ на раздвижныхъ козлахъ большой дубовый столъ. Съ одной стороны его полированная поверхность служила для обѣда, чаю и завтрака, а другая была покрыта сукномъ, и когда столъ переворачивали, онъ могъ исправлять должность весьма своснаго билліарда. Надъ столомъ висѣла люстра о трехъ лампахъ и двадцати четырехъ свѣчахъ, а по всему потолку, который поддерживался нѣсколькими квадратными брусьями, были ввинчены крючья разной величины. Чего только не подвѣшивалось къ этимъ крючьямъ! Отлично набитыя чучела хищныхъ пернатыхъ, между которыми выдѣлялся большой орелъ съ распостертыми крыльями и бѣлая какъ снѣгъ сова державшая въ лапахъ большую куницу, казалось ларившіе надъ головами. Цѣлый подборъ комнатной гимнастики былъ подвѣшенъ и подобранъ такъ что ни одна веревка не болталась. Рыболовные снаряды, длинныя удилица съ намотанными лесами, большіе луки и самострѣлы и даже огромный бумажный змѣй, весь въ золотыхъ и серебряныхъ звѣздахъ по красному и голубому полю, лежали своеобразною мозаикою весь

пространный потолокъ. Стѣны тоже почти сплошь были покрыты всевозможными литографіями, картами, фотографіями, гравюрами и акварелями. Только въ расположеніи этихъ рисунковъ и изображеній замѣтна была система. Въ половинѣ комнаты обращенной во дворъ преобладали художественныя вещи и портреты, а въ половинѣ выходящей въ садъ были развѣшаны болѣе ученическія работы и картинки для нагляднаго обученія. Меблировка комнаты тоже была разнообразна: къ сторонѣ сада была разставлена исключительно деревянная, плетеная и буковая мебель, къ сторонѣ двора стоялъ большой рояль, маленькій гармоніумъ, мягкій диванъ, кушетка, нѣсколько мягкихъ стульевъ и старое вольтеровское кресло. Въ восточномъ углу висѣлъ большой старинный кіотъ съ четырьмя иконами: Спасителя, Божіей Матери, Св. Николая и Св. праведнаго Симеона Верхотурскаго. Предъ кіотомъ на серебряныхъ цѣпочкахъ висѣла большая, голубая, неугасимая лампада, свѣтъ отъ которой переливался и игралъ на золотыхъ и серебряныхъ ризахъ и на вѣщахъ украшенныхъ драгоценными камнями.

Все общество собралось вокругъ стола и начало усердно уничтожать наложенныя горой домашнія печенья и бутерброды, заливая кто чаемъ, кто молокомъ. Старшая дочь Горскихъ, лятнадцатилѣтняя, толстая, большая, коренастая дѣвушка, съ сѣрыми большими глазами и съ еще несформированными очертаніями невыравнявавшегося подростка, разливала чай и раздавала чашки и стаканы, быстро отдергивая свои красныя руки.

Анна Павловна не сѣла къ большому столу, а отошла къ роялю, за которымъ сидѣла молодая гувернантка и брала тихіе аккорды, видимо стараясь вспомнить ускользнувшій мотивъ.

— Чтò, милая Ольга, вы и чаю не хотите? спросила она музыкантшу.

— Дорогая, Анна Павловна, простите! Я дѣлаюсь непопозволительно разсѣянною! отвѣтила та вся вспыхнувъ и ловорно запирая крышку клавиатуры.—Повѣрите ли, я даже не слыхала какъ вся эта ватага вошла въ залу.

— Et comment se dit „ватага“ en français, mademoiselle? бойко спросилъ Митя, подставляя ей стулъ.

— Polisson! улыбулась ему Ольга Петровна, садясь къ столу.

— Сашенька, одолжите мнѣ кусокъ бумаги и карандашъ, обратилса Іеремія къ дѣвочкѣ, низко наклоняясь надъ столомъ. Даже подобная незначительная просьба была до того не въ обычаѣхъ студента что Саша, удивленно раскрывъ глазки, нѣсколько секундъ вопросительно смотрѣла на Іеремію, но слохватившись, взяла одно изъ рельефныхъ изображеній столба, около котораго она сидѣла и потянула его къ себѣ. Изъ столба выдвинулся ящичекъ, наполненный принадлежностями письма. Она выбрала очиненный карандашъ и оторвавъ листокъ отъ тетрадки, передала студенту. Іеремія началъ что-то старательно вырисовывать.

Чай былъ оконченъ. Гости простились съ хозяйкой, причемъ Стась и чиновники поцѣловали ее руку и пожали руки у мальчиковъ. Одинъ студентъ никогда и никому не протягивалъ руки, а руку Аннѣ Павловнѣ цѣловалъ раза два въ годъ. Дѣти простились съ матерью и разошлись, только Вѣра и Коля остались готовить урокъ.

VI.

Кириллычъ потушилъ лампы на люстрѣ, поставивъ предварительно маленькую лампу на покрытый столикъ. Въ дальнемъ углу, за учебнымъ столомъ, на простой скамьѣ, сидѣли Вѣра и Коля, слабо освѣщенные двумя свѣчами подъ абажурами Коливой работы. Анна Павловна прилегла на кушетку въ ожиданіи Ольги Петровны, которая пошла укладывать дѣтей и присутствовать при ихъ ночномъ туалетѣ. Изъ отворенной двери во внутренній корридоръ доносились по временамъ взрывы дѣтскаго смѣха, вслеки воды, ворчаніе старой няни и голосъ гувернантки, возстановлявшей порядокъ. Мало-по-малу и эти звуки затихли, и домъ погрузился въ невозмутимую тишину. Большой вентиляторъ въ стѣнѣ беззвучно крутился, то замедляя, то ускоряя свои обороты, и когда вѣтеръ усиливалъ его работу, движеніе воздуха подъ потолкомъ дѣлалось замѣтнымъ: комната, погруженная въ полумракъ, принимала фантастическій характеръ, казалось что подвѣшенные подъ потолкомъ предметы по временамъ оживаютъ, крылья у птицъ шевелятся. Отъ колебанія пламени у лампы тѣни ходили по предметамъ, и они

какъ будто двигались. У дверей чучело медвѣдя, стоявшее на заднихъ лапахъ съ подносомъ въ переднихъ, какъ будто наклонялось и выступало впередъ. Рельефныя фигуры на столбахъ то появлялись, то пропадали. Дорогіе каменья, украшавшіе вѣнцы иконъ, по временамъ, то загорались яркимъ блескомъ, то потухали. Анна Павловна сѣдила за игрой свѣта и тѣней, и подъ обаяніемъ полудремоты, овладѣвавшей ею по мѣрѣ того какъ замолкалъ дневной шумъ многолюдной семьи, мысли ея перемѣшивали настоящее съ прошедшимъ, дѣйствительность съ фантазіей. Память подсказывала воображенію забытыя картины и образы; время затушевывало мрачныя тѣни и наводило на нихъ свѣтаые блики. Веселыя и радостныя минуты прожитаго представлялись днями, тяжелые и скорбныя дни—мигновеніями. Настоящее довольство и душевный покой, которые давали ей возможность сладко отдыхать на любимой кушеткѣ, съ сознаніемъ что и безъ ея личнаго надзора все дѣлается въ порядкѣ, по желанію ея и ея мужа, казалось ей начались давно, давно... и будутъ продолжаться безконечно. А съ какимъ страхомъ покидала она Петербургъ, гдѣ цѣлый годъ прожила одна безъ мужа, съ четырьмя маленькими дѣтьми, разчитывая каждую копѣйку, сторонясь отъ знакомыхъ, никого не принимая, викада не выѣзжая!.. Съ какимъ замираніемъ сердца лустилаь она въ долгую, тяжелую дорогу, и послѣ трехмѣсячныхъ странствованій, пересаживаясь изъ вагона на пароходъ, съ парохода въ невиданный ею тарантасъ, пріѣхала на мѣсто и вошла въ этотъ домъ!.. Мрачнымъ, непривѣтливымъ, некрасивымъ показался ей этотъ такъ горячо теперь любимый, „собственный“ пріютъ... Сколько и крупныхъ и мелкихъ воспоминаній накопилось въ немъ и освятило его стѣны!.. Восемь лѣтъ пролетѣли какъ сонъ; еще одинъ ребенокъ прибавился къ семьѣ, и радостно было встрѣчено его появленіе: онъ не оказался тѣмъ „лишнимъ“, котораго такъ боялась Анна Павловна. Сталъ онъ на ножки, и новая гостыя пріѣхала съ далекаго Запада.

Дальняя родственница Николая Павловича Горскаго, Ольга Петровна Занъ, потеряла свою мать и похоронивъ ее въ Монтрѣ, обратилась къ нимъ съ предложеніемъ своихъ услугъ въ качествѣ гувернантки. Съ ея пріѣздомъ еще одинъ

солнечный лучъ освѣтилъ ихъ мирный уголокъ. Дочь севастопольскаго полковника, образованная, начитанная, привѣтливая, красивая безъ кокетства, умная безъ претензій, хорошая музыкантша, терпѣливая наставница, она своими маленькими бѣлыми ручками бралась за всякую, хотя бы грубую и трудную работу. Длинные пальчики ея съ одинаковою легкостью исполняли трудные пассажи музыкальной пѣсы и кроили холщевую рубаху бѣднаго старика. Дѣти ее горячо любили, прислуга носила на рукахъ, золотимскіе обыватели облажали головы едва завидѣвъ издали ея сѣрую мантилью или синюю шубку, а обывательницы бѣгали къ ней за совѣтомъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Кирилычъ съ гордостью говаривалъ что за четыре года она подала шестнадцать каретъ на вороныхъ желпошенымъ женихамъ.

Дремота Анны Павловны начала переходить въ сонъ, когда внезапный шорохъ привелъ ее въ сознаніе. Ольга тихо вошла въ комнату и сѣла около кушетки.

— Что, милая Оля, устали? спросила ее Анна Павловна.

— Нѣтъ, нисколько. Я сегодня почти не работала.

— Не работали? Впрочемъ, общій урокъ отъ девяти до двѣнадцати, да два музыки, по часу каждый, да одинъ Вѣръ сколько займется, какая это работа? шутиво замѣтила Анна Павловна.

— Если хотите, пожалуй, и это работа, но даю вамъ слово, а къ ней такъ привыкла что не замѣчаю ее.

— Я все хотѣла васъ спросить, сказала Анна Павловна, садясь на кушетку и ласково взявъ руку молодой дѣвушки, — какое впечатлѣніе произвели на васъ петербургскіе гости?

— Я видѣла только одного, и онъ такъ напомнилъ мнѣ ту среду въ которой я росла, а главное, такъ напомнилъ мнѣ моего отца что я сконфузилась какъ институтка и даже не слышала что онъ говорилъ.

— Какое было бы торжество для здѣшнихъ дамъ и какой ударъ для здѣшнихъ кавалеровъ еслибы они были свидѣтелями какъ „гордая и неуязвимая“ Ольга Петровна конфузится и краснѣетъ!

— Но я надѣюсь что этого больше не случится.

— Не случится быть-можетъ относительно Нилова, у котораго только славное лицо русскаго молодца и который кажется мнѣ un brave garçon, безъ претензій на роль героя

романа; но Терминъ ягода другаго поля. Вы знаете что я требовательна относительно мужской красоты. Я въ этомъ отношеніи избалована; мой отецъ, его братья и мой братъ были очень хороши собою, а Николай Павловичъ былъ извѣстнымъ красавцемъ, но Терминъ не уступитъ никому изъ нихъ. Онъ очень высокъ ростомъ, отлично сложенъ и его синіе глаза, при черныхъ какъ смоль волосахъ, при тонко очерченномъ ртѣ и замѣчательной бѣлизнѣ лица, вѣроятно у многихъ отняли и сонъ и покой. Настоящій Адописъ!

— По правдѣ, Анна Павловна, мнѣ подобныя Адописы надобны на водахъ за границей и въ Парижѣ. Я больше боюсь простыхъ, русскихъ, добрыхъ малыхъ.

— Право? та снѣге amie, я васъ совсѣмъ не узнаю, это цѣлое признаніе. Какъ я подтруниваю надъ мужемъ! засмѣялась Анна Павловна веселымъ, молодымъ смѣхомъ.

— Анна Павловна! голубушка! не говорите Николаю Павловичу. Онъ непременно начнетъ шутить при всѣхъ.

— Надъ вами-то?! вотъ ужъ никогда. Хотите лари что онъ не повѣритъ и скажетъ что я нарочно придумала.

— Мама, что ты придумала? громко спросила Вѣра чрезъ комнату. У бѣдной дѣвочки давно уже были ушки на макушкѣ, но такъ какъ старшія говорили вполголоса, то до нее долетали только отрывки словъ.

— А я придумывала, отчего вы съ Колей нейдете спать.

— Что ты, мамаша? вступился Коля;—вопервыхъ, еще нѣтъ десяти часовъ, а вовторыхъ, папа, въ день моего рожденія, сказалъ что я уже теперь большой, и если его нѣтъ дома то въ половинѣ одиннадцатаго долженъ осмотрѣть кругомъ домъ, обойти дворъ, и затѣмъ залереть всѣ двери.

— А еще что сдѣлать? спросила Вѣра, готовая поймать брата на разсѣянности.

— Думаешь забылъ главное! конечно, осмотрѣть бочки и бранспойтъ.

На дворѣ хлопнула калитка, и тотчасъ раздался лай, на разные тоны, который быстро перешелъ въ ласковое взвизгиванье. Коля кинулся къ двери и чуть не наткнулся на входившаго отца. Онъ взялъ у него шпалу и ладку, которую сейчасъ же поставилъ въ porte-sanne, уставленную коллекціей лалокъ, зонтиковъ, бичей и хлыстовъ, а шпалу повѣсилъ на отростокъ оленьихъ роговъ прикрѣпленныхъ у двери.

Николай Павловичъ крѣпко поцѣловалъ жену, пожалъ руку Ольгѣ, поглядѣлъ по головѣ подошедшую Вѣру и, перекрестясь на образа, усѣлся въ свое старое вольтеровское кресло.

Почти слѣдомъ за нимъ Кирилычъ принесъ маленькую миску горячаго супу и графинъ лѣвистаго, холоднаго квасу, которые и поставилъ на приготовленный столикъ.

— Коля! обратился Николай Павловичъ къ сыну, — возьми фонарь и прикажи при себѣ убрать рыбу на погребъ. Какая чудесная стерлядь попалась! сказалъ онъ жевъ, развертывая салфетку и заправляя ее за тонкій венakraхмаленный воротничекъ цвѣтной рубашки, — жаль, угостить будетъ некого.

— Ты, кажется, хотѣлъ пригласить къ обѣду новыхъ знакомыхъ?

— Не пришлось, они послѣ завтра уѣзжаютъ въ тайгу и пробудутъ тамъ до октября, отвѣтилъ Николай Павловичъ, аппетитно принимаясь за свой обычный ужинъ. Ольга Петровна олустила глаза. Анна Павловна взглянула на нее съ улыбкой, а Вѣра вслыхнула отъ удовольствія. Бѣдная дѣвочка обожала, не хуже завязатой институтки, свою гувернантку и ревновала ее ко всѣмъ. Для нея Ольга была недосыгаемый идеалъ, совершенство. Съ прїѣзда Ольги Вѣра вела новое дѣтосчисленіе; услѣхи ея по всѣмъ знаніямъ, которыя передавала ей наставница, были изумительны. Только въ музыкѣ она не шла дальше гаммъ, да и то лишь потому что природа окончателно обидѣла ее музыкальнымъ талантомъ. Она чувствовала музыку и любила ее, но не могла передать своихъ чувствъ ни голосомъ, ни пальцами. За то ея рисунки карандашемъ, перомъ и кистью, смѣло могли бы конкурировать съ произведеніями хорошихъ учениковъ академіи; она начинала свободно владѣть тремя иностранными языками и ея научныя знанія равнялись тѣмъ какія требовались въ то время на званіе домашней учительницы. Она мечтала что будетъ давать уроки дѣтямъ Ольги Петровны, но не могла помириться съ мыслию что для этого ея кумиру нужно выйти замужъ. Выйти замужъ это значитъ полюбить мужчину, уйти съ нимъ изъ ихъ дома, чего добраго уѣхать изъ Золотимска. Нѣтъ! на это она не согласна; тогда она „бѣдная Вѣра“ пропала! тогда ей останется одно: сейчасъ же умереть! Кому она нужна? кто ее любитъ? да и можно ли любить такую безобразную, красноалую, такую неуклюжую тумбу? До сихъ поръ она не

боялась Золотимскихъ претендентовъ, но эти... это совсѣмъ не то. Вѣра вообще не жаловала мушницъ, которые не баловали ее своимъ вниманіемъ, расхваливая на всѣ лады ея младшую сестру. Большинство она даже презирала за ихъ узкій кругозоръ, за ихъ лѣнь и тупеядство, за неумѣнье выбиться на просторъ, приобрести права; она не могла понять какъ могутъ слобобые изъ нихъ мириться съ жизнью въ Золотимскѣ, какъ при ихъ относительной свободѣ они хоть лѣшкомъ ийдуть туда, въ Россію, въ Москву, объ универститѣ которой она имѣла такое свѣтлое представленіе изъ разказовъ отца. А эти „новые“ какіе-то совсѣмъ другіе... Они говорятъ о Петербургѣ презрительно, они обращаются съ простыми людьми точно такъ какъ, по словамъ ея отца, нужно обращаться взрослымъ съ дѣтьми: никогда не лгать, относиться довѣрчиво, не бравить даромъ, не показывать своего превосходства. Вотъ и теперь пала ихъ хвалить, а хвалить онъ также рѣдко какъ и бравить. Въ головѣ у Вѣры шла усиленная работа мысли. Она видѣла обоихъ пріѣзжихъ сидя на берегу протока, незамѣченная ими; слышала ихъ откровенную бесѣду между собой и съ братьями Осиповыми, единственными молодыми и образованными людьми которыхъ Вѣра считала порядочными.

— Что значитъ, обратился Николай Павловичъ къ дѣтямъ,—никто изъ васъ не хочетъ попробовать моего супу?

Между Вѣрой и Колей, которые, какъ старшіе, пользовались привилегіей присутствовать при уживѣ отца, была установлена шутивая очередь участвовать въ отцовскомъ уживѣ.

— Сегодня очередь Вѣры, откликнулся Коля.

— Нѣтъ, Коля, голубчикъ, кушай ты; мнѣ не хочется.

Коля удивленно взглянулъ на сестру. Она очень любила покушать и вообще не баловала Колю ласкательными именами. „Единственный мушницъ“ (за исключеніемъ отца, который въ счетъ не шелъ) удостоивавшійся ея ласкъ и вѣжливаго обращенія, былъ самый младшій братишка, общій любимецъ Володя.

— Что же ты раньше не говорила, философски замѣтила Коля, принимааясь за супъ;—теперь онъ чуть теплый, а былъ горячій.

— Ольга Петровна! обратился къ ней Горскій.—Вамъ такъ и не удалось видѣть вблизи Термина. Мнѣ жаль что вы не можете сравнить съ нимъ его товарища.

— Знаешь, папа, сконфуженно проговорила Вѣра,—о его наружности Ольга можетъ судить по моему наброску.

— Какому наброску? удивленно перебилъ ее отецъ.

— Вѣра набросала акварелью портретъ Термина, и если я не могу судить о сходствѣ, то смѣло могу похвалить рисунокъ, замѣтила Ольга.

— Покажи, Вѣрокъ, покажи, это интересно, сказалъ Горскій, вставая съ кресла.

Онъ выпрямилъ свою немного сутуловатую, но все еще стройную фигуру и энергично трякнулъ головой покрытоу цѣлымъ снопомъ на половину сѣдыхъ кудрей. Анна Павловна, съ любовью глядя на старѣющую, но все еще красивую голову мужа, невольно проговорила: „точно Саша“. Изъ всѣхъ дѣтей одна Саша и лицомъ и манерами была вылитый портретъ отца.

Рисунокъ Вѣры пріятно удивилъ отца. Сходство было схвачено артистически; онъ долго смотрѣлъ на эскизъ и, не сдѣлавъ никакихъ замѣчаній, обратился къ Ольгѣ:

— Ольга Петровна! Я сегодня хорошо провелъ день; доставьте мнѣ возможность хорошо встрѣтить ночь. Неможко музыки, прошу васъ...

Нѣсколько аккордовъ изъ увертюры къ *Жизни за Царя* перешли въ полурри изъ старыхъ романсовъ Варламова. Ихъ замѣнили унылые малороссійскіе напѣвы, которые неожиданно перебилъ венгерскій чардашъ, въ свою очередь уступившій мѣсто мотиву „Gaudemus igitur.“ Съ послѣднимъ звукомъ всѣ встали, простились; Кирилъ заправилъ лампаду, потушилъ огни, и многолюдный домъ постепенно погрузился въ крѣпкій сонъ не даромъ бодрствовавшихъ людей.

VII.

Въ одномъ изъ большихъ каменныхъ домовъ широкой улицы, перпендикулярно улирающей въ Невскій Проспектъ, помѣщалась уютная квартира тайнаго совѣтника Алексѣя Никитича Петрова. Алексѣй Никитичъ принадлежалъ къ послѣднимъ представителямъ свѣтлой плеяды симпатичныхъ людей, молодость которыхъ совпала съ сороковыми годами

текущаго столѣтїа. Алексѣй Никитичъ по наружности нисколько не походилъ ни на военнаго, ни даже на статскаго генерала. Его маленькая, замѣчательно изящная фигура, съ разу не обращала на себя вниманїа, но стоило провести съ нимъ какіе-нибудь полчаса, хотя бы въ самомъ многолюдномъ обществѣ, чтобы выдѣлать его неволью изъ толпы. Его умныя, добродушно провинческіе глаза, улыбка, острое слово, мѣткое замѣчаніе, не могли ускользнуть отъ мало-мальски наблюдательнаго взгляда. Не карьеристъ, безъ малѣйшей лести или угодливости, въ обращенїи съ высшими или старшими онъ былъ внимателемъ и безконечно терпѣливъ съ младшими, съ подчиненными. Многіе ему льстили, многіе за нимъ ухаживали; старые и молодые, ученые и профаны, богатые и бѣдные шли къ нему за совѣтомъ, за помощью, за теплымъ словомъ участїа, и никто не уходилъ не удовлетвореннымъ, никто не возвращался не прибавивъ частицы знанїа, новой мысли, новаго взгляда въ свою память. Его трудно было обмануть или обойти, но онъ часто прикидывался обманутымъ и ободеннымъ, а затѣмъ, спустя долгое время, вдругъ снималъ маску и мистифировалъ мистификатора. Служба, въ которой онъ достигъ „до степеней извѣстных“, не была для него конечною цѣлью, а лишь подспорьемъ и дѣломъ привычки; онъ весь предавался изысканїямъ по одному изъ отдѣловъ любимой имъ науки. Прежде всего онъ былъ всею душой и всѣмъ сердцемъ простой русскій человекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ настоящій русскій баринъ, стоабовой дворянинъ. Черты отличающїа настоящаго барина отъ аристократа-космополита встрѣчаются все рѣже и рѣже. Настоящій баринъ живетъ въ деревнѣ не менѣе полугода; въ Бога вѣруетъ; за царя и за родину готовъ жертвовать не только достоянїемъ, но и жизнью. Онъ и въ церковь ходитъ, но ждать себя къ обѣднѣ не заставляетъ; надъ священникомъ не глумится, а полу не мирволитъ. Кулаковъ и мироѣдовъ держитъ въ страхѣ, кабаковъ не заводитъ, денегъ подъ неплатные проценты не даетъ, грамотности не боится, англійскимъ лордамъ не завидуетъ. Когда у мужика нужда, онъ потерями не попрекаетъ и въ помощи не отказывается. На войнѣ онъ терпитъ нужду вмѣстѣ съ солдатами, въ штабные не постуляетъ и съ подрядчиками и интендантами шампанскаго не льетъ, а за солдата готовъ лустить въ ходъ нагайку,

не боясь отвѣта или отвѣтственности. Исправника онъ не боится, предъ губернаторомъ не трепещетъ, по петербургскимъ переднимъ не шляется, камердиверамъ и дворецкимъ рукъ не протягиваетъ. Онъ съ гордостью носитъ свой некрасивый дворянскій мундиръ и на ордена не ладохъ.

Алексѣй Никитичъ, служа въ Петербургѣ, каждое лѣто проживалъ въ деревнѣ и соприкасаясь непосредственно съ народомъ, хотя отчасти сбрасывая ту пылью которая неизбежно покрываетъ даже лучшія натуры, осужденные постоянно дышать петербургскою физическою и моральною гадью. Его любимый трудъ тоже держалъ его въ постоянномъ общеніи со свѣтлыми русскими тѣнями славнаго прошлаго. Владѣя нѣсколькими языками, онъ въ подлинникахъ слѣдилъ за развитіемъ мысли и движеніемъ науки на Западѣ, но свое русское, если и не казалось ему выше и лучше, все-таки было ближе, дороже, роднѣе.

Часы, на одномъ изъ письменныхъ столовъ кабинета, пробили одиннадцать, когда Алексѣй Никитичъ вышелъ изъ сосѣдей, сверху до низу уставленной книгами на простыхъ ножкахъ, комнаты, которая представляла собою открытый, сплошной книжный шкафъ. Онъ поживался въ своемъ неизмѣнномъ бархатномъ сюртукѣ и потиралъ бѣлыя, мягкія руки. Почти одновременно человекъ подалъ ему письмо, а въ передней раздался звонокъ.

— Прикажете принимать?

— Это должно-быть Владиміръ Вячеславичъ Розинъ. Приси.

Въ комнату вошелъ человекъ лѣтъ тридцати лѣтъ, средняго роста, худощавый, съ густыми темными волосами, съ рѣзко очерченнымъ лицомъ, и дружески почтительно пожалъ радушно протянутую ему руку.

— Какъ видите, Алексѣй Никитичъ, я аккуратень, заговорилъ онъ, ставя шляпу на окно и снимая перчатку.

— Что вы аккуратны, къ этому я привыкъ, а вотъ что почта аккуратна, это диво. Распечатавайте, пока я заварю кофе, сказалъ хозяинъ, зажигая спиртъ.

— Ба! вѣсти съ дальняго Востока.... Какъ я радъ узнать что-нибудь о Терминѣ, о Ниловѣ, и о тѣхъ мѣстахъ которыхъ не могу забыть! воскликнулъ Розинъ, взрѣзывая конвертъ.

— Посмотримъ каково живетъ нашему общему пріятелю, сказалъ Алексѣй Никитичъ, подавая стаканъ съ кофеемъ.—

Ваши глаза помоложе, да и легкія покрѣпче, прочтите-ка вслухъ его письмо.

Розинъ пересѣлъ ближе къ свѣту и началъ:

„Многоуважаемый Алексѣй Никитичъ,—Вотъ я и въ Сибири, въ странѣ преступленій, pays des criminels, какъ непремѣнно выразился бы Французъ, а я скажу инос: въ странѣ хорошихъ людей, и хотя въ ней не были, но ваше русское сердце навѣрно сказало бы то же самое еслибы вы жили здѣсь. Не думайте что я полалъ въ такую идеальную страну гдѣ нѣтъ совсѣмъ мошенниковъ, гдѣ не крадутъ, не обманываютъ, не лгутъ. Все это и здѣсь продѣлывается преблагополучно, но продѣлывается просто, безъ громкихъ фразъ, безъ оправдательныхъ причинъ, безъ ссылокъ на нервы, на аффектъ, на болѣзненную раздражительность или нервную впечатлительность. Совралъ такъ совралъ; ударилъ такъ ударилъ, а не задѣлъ въ припадкѣ нервной раздражительности; убилъ такъ просто убилъ, потому что такъ пришлось, а не потому что нервный аффектъ, обусловленный зачатками наследственнаго лсихоза, затемнилъ нормальное отправленіе мозговыхъ центровъ. Главная хорошая сторона здѣшней жизни—та что люди больше заняты, больше работаютъ, больше думаютъ, ближе стоятъ къ природѣ и не разгорожены такимъ безчисленнымъ количествомъ разнаго рода перегородокъ, стѣнъ и брандмауэровъ. Здѣсь нѣтъ той безконечной іерархіи, того множества подраздѣленій, сообразно положенію, состоянію, образованію, табели о рангахъ, происхожденію, національности и т. д., а можетъ-быть (не во гнѣвъ будь сказано вашему превосходительству) отчасти и потому что тутъ почти нѣтъ генераловъ. Говорятъ, на всю нашу губернію, которая тянется на три тысячи верстъ по меридіану и на пять сотъ по параллели, приходится всего трое статскихъ генераловъ и двѣ звѣзды. А сколько такихъ на это разстояніе пришлось бы въ Россіи?

„Затѣмъ всѣ мы, живущіе подъ двумя лишь звѣздами, дѣлимся на четыре главные отдѣла: I) аборигены двухъ категорій: 1) потомки покорителей Сибири, добровольно здѣсь водворившіеся переселенцы и всѣ здѣсь родившіеся; вся эта группа называется Сибиряками, и 2) инородцы—потомки покоренныхъ, которые или вымираютъ, или сливаются съ Сибиряками; II) чиновники—овые веюду одной породы; III)

поселенцы—люди всякаго сорта привезенные сюда на казенный счет, и IV) старовѣры—частью волей, а частью и неволей поселившіеся здѣсь на вѣчныя времена.

„I и IV категоріи или лашутъ землю, разводять скотъ и занимаются звѣриннымъ и рыбнымъ промыслами, или торгуютъ; II категорія служить и измышляетъ способы учетверить, если не удесятерить, казенное жалованье сторонними поборами, а III или работаетъ на три первыхъ или проливаетъ заработанное и пакостить, покуда не найдетъ новой работы или не угодить въ острогъ.

„Съ перваго раза кажется что и тутъ люди подѣлились на касты, и если не раздѣлились стѣнами, то хоть окопались канавками. Отчасти такъ; но здѣсь есть одно дѣло которое всѣхъ связываетъ и если не уравниваетъ, то сближаетъ, ставить всѣхъ лицомъ къ лицу, ставить всѣхъ въ зависимость другъ отъ друга; это дѣло—золотопромышленность. Какъ только мы съ Ниловымъ приступили къ нему, такъ тотчасъ почувствовали эту зависимость. Для начала нужно разрѣшеніе, и мы перезнакомились со всѣмъ чиновнымъ людомъ. Затѣмъ нужно было обезпечить себя рабочими, и мы вошли въ близкія отношенія къ Сибирякамъ, выбрали изъ нихъ руководителей, при помощи которыхъ познакомились съ поселенцами и изъ этихъ уже выбрали рабочихъ. Наконецъ нужно было закупить, кромѣ краснаго и бакалейнаго товара, припасы разнаго рода, и мы вошли въ сношенія со старовѣрами, продавшими намъ муку, телѣги, сбрую. Наконецъ, необходимость обезпечить себя мясомъ, которое могло бы само передвинуться куда нужно, сблизила насъ съ ивородцами. Не прошло двухъ мѣсяцевъ какъ у насъ образовался маленькій кружокъ знакомыхъ, человекъ въ двѣста, которые всѣ отвеслись къ намъ радушно и честявѣ чѣмъ мы предполагали.

„Изъ отрывковъ моего дневника который я перешлю вамъ съ будущемою почтой вы познакомитесь съ нашимъ житьемъ-бытьемъ, съ нашимъ дѣломъ, съ нашими работами. Теперь же сообщу вамъ что въ здѣшней пустынѣ мы обрѣли оазисъ въ видѣ семейства вашего бывшего товарища по университету. Николай Павловичъ Горскій и его жена просятъ передать вамъ свой усердный поклонъ и дружескій привѣтъ. Вѣроятно ваше имя и наше знакомство съ вами послужило намъ

лучше всякой рекомендаціи. Что это за милое семейство! что за славная личность самъ Горскій! Въ Сибири, въ одномъ изъ самыхъ глухихъ уголковъ, онъ сумѣлъ поставить на ноги дѣлаю семью, вкоренить въ дѣтахъ на всю жизнь правила вѣры, чести, понятія о добрѣ и безграничную любовь къ роднѣ. Онъ пользуется здѣсь общимъ уваженіемъ, и еслибы города имѣли право выбирать генераловъ, то у насъ былъ бы четвертый генералъ въ губерніи. Еще вамъ кланяется одна ваша знакомая, которая просила не называть ея имени, а лишь наломнить вамъ что вы встрѣтились съ нею въ трибунахъ degli Uffizii во Флоренціи и поссорилась въ садахъ Boboli. Прошу поклониться Розину и передать ему вашу съ Ниловымъ искреннѣйшую зависть относительно тѣхъ часовъ которые онъ проводитъ у васъ.

„Простите за отрывочно-безсвязное письмо и вѣрьте глубочайшей преданности покорнаго слуги

Д. Термина.“

— Подождемъ другаго письма, промолвилъ Алексѣй Никитичъ. — Какъ видно, вашъ пріятель съѣзъ и написалъ съ маху. Я увѣренъ что когда онъ больше осмотрится, успокоится, войдетъ въ колею, письма его будутъ боѣе интересны и систематичнѣе; впрочемъ, спасибо и за это; нужно будетъ ему отвѣтить. А скажите-ка мнѣ, Владиміръ Вечеславичъ, не завидно вамъ будетъ если Терминъ и Ниловъ вернутся Крезами? перемѣнилъ онъ разговоръ, закуривая сигару и усаживаясь съ ногами на угловой диванъ.

— Изъ всѣхъ пороковъ присущихъ смертнымъ, я абсолютно не грѣшенъ только въ одномъ, именно въ зависти. Не могу понять этого чувства, не только относительно друзей, но даже враговъ. А за хорошее дѣло они принимаютъ, если его вести честно и не обижать бѣднаго люда, несущаго дѣйствительно каторжный трудъ. И замѣтите, продолжалъ Розинъ, оживляясь по мѣрѣ наплыва воспоминаній, — это единственное дѣло въ которомъ вы каждую минуту можете подвести итогъ и видѣть какъ вы работаете, съ барышемъ или въ убытокъ. Продуктъ вами добываемый не подверженъ ни модѣ, ни измѣненіямъ, ни колебаніямъ. Золото всегда останется золотомъ, поддѣлка немислима, цѣнность всегда одинакова.

— А курсъ? улыбнулся Алексѣй Никитичъ.}

— Курсъ есть неожиданный барышъ, а полумперіалъ никогда не будетъ стоить дешевле 5 р. 15 к.

— Отчего же такъ много разорившихся золотопромышленниковъ и такъ мало разбогатѣвшихъ?

— Оттого что на дѣло смотрятъ какъ на лотерею. „Проискать“ можно миллионъ и ничего не найта, а „проработать“ въ убытокъ нельзя если работаетъ самъ хозяинъ, а не управленіе и не прикащики. Конечно, если хозяинъ не пошлый дуракъ, а такихъ тоже не мало попадается, и не гонится за невозможными барышами, работа даже на брошенныхъ приискахъ даетъ легко отъ 20 до 50 процентовъ. Дѣло еще въ томъ что часто не слѣдуетъ затрачивать въ одномъ мѣстѣ болѣе тридцати, сорока тысячъ. Я говорилъ Нилову что если они на первое время удовольствуются небольшимъ дѣломъ, они получаютъ тысячъ по десяти въ годъ навѣрное; а пусть мнѣ укажутъ здѣсь такое дѣло, которое безо всякаго риска, за всѣми расходами даже на собственную жизнь, дало бы пятьдесятъ процентовъ.

VIII.

На пустынномъ берегу многоводной рѣки, которая быстро несется отъ темныхъ степей Небесной Имперіи и, прорѣзавъ твердыни Саянскаго хребта, катитъ свои бурныя волны въ Ледовитый океанъ, замѣтно было необычное движеніе. Первобытной постройки ларомъ уже въ третій разъ, скрипя и покачиваясь, подходилъ къ берегу, перевоза людей, лошадей и повозки, плотно нагруженныя и крѣпко увязанныя войлочными кошмами и просмоленнымъ брезентомъ. Нѣсколько цвородцевъ, съ почернѣвшими отъ грязи, загару и въѣвшейся копоти лицами, частью сидѣли на корточкахъ, частью стояли въ сторонѣ отъ мѣста разгрузки, и перекидывались гортанными звуками въ которыхъ слышались башкирскія, калмыцкія и своеобразныя искаженія татарскихъ и даже чисто-арабскихъ словъ. Переправлявшійся людъ не обращалъ на нихъ вниманія, весь занятый хлопотами о переправѣ.

— Сколько людей? спросилъ одинъ изъ цвородцевъ, сидѣвшій на корточкахъ и курившій маленькую трубочку, украшенную серебряными и мѣдными подвѣсками. Онъ не

обращался ни къ кому изъ своихъ единоплеменниковъ въ особенности, но всѣ они повернули головы въ его сторону, примолкли, и одинъ изъ нихъ подошелъ къ суетившемуся у переправы золотимскому мѣщанину.

— Сколька васа всѣхъ тутъ есть? обратился онъ къ мѣщанину.

— А ну ты къ шайтану! злобно огрызнулся тотъ, — нашелъ время спрашивать! Что ты, лѣшій, горный исправникъ что-ли?

— Не я спрашивай, Таркизь спрашивай, вразумительно объяснилъ ему ивородецъ.

— Князекъ ихній залюболытствовалъ, вмѣшался Васька Зарѣвъ, впрягая лошадь въ только-что вкаченную рабочими на крутой подъемъ берега тележку.—Что же ты, Никита, не уважишь его сіятельство?

— А коли Таркизь, такъ пусть господъ поспрашаетъ. Вотъ они ѣдутъ; какъ разъ къ нему упрутся.

Богатый ивородецъ Таркизь слышалъ отъ слова до слова отвѣты рабочихъ, но не показавъ виду, только не безъ злобы скосилъ свои узенькіе глаза на Никиту, и сильно затанувшись сплюнулъ въ его сторону. Затѣмъ онъ всталъ, отряхнулъ свой длиннополый лаисовый халатъ, засунулъ трубочку въ голенище мягкаго сапога и началъ спускаться къ рѣкѣ. Ивородцы остались на мѣстѣ, и лишь сидѣвшіе встали: всѣ съ люболытствомъ слѣдили за своимъ „князькомъ“. Ихъ видимо интересовало: поздороваются ли и какъ поздороваются подѣхавшіе къ берегу „господа“ съ ихъ старшиной.

— Это настоящіе Русскіе „бояръ“, заговорилъ одинъ изъ старыхъ ивородцевъ на своемъ языкѣ, когда Таркизь отошелъ подальше. — Таркизь говоритъ что у нихъ были свои рабы, свои деревни, свои мечети, оба съ самимъ царемъ Россійскимъ не разъ говаривали, и что у нихъ грамоты старыя, родъ старыи. Были бояре когда еще было наше царство; до Ермака еще бояре были. Эти у царя въ гвардіи, одинъ на лошади, другой при пушкѣ, служили, да деньги прожили. Сюда прѣхали золото мыть. Начальства никакого не боатся; нашъ окружной первый къ нимъ пошелъ.

— Токъ! возразилъ молодой ивородецъ съ энергичнымъ лицомъ, болѣе щеголевато одѣтый и державшій себя не безъ достоинства.— Не повѣрю чтобъ отъ такой жизни и военнаго

молодеческаго дѣла охотой сюда повѣхали. Развѣ у такихъ богатырей добычи военной мало?

— Не знаешь какъ тамъ войну ведутъ, оттого и говоришь, замѣтилъ старикъ,—у насъ одна война, въ Авролѣ другая. Одна сторона выставить двѣсти тысячъ солдатъ и тысячу пушекъ и другая столько. Мало покажется, еще постольку подведутъ; мало—еще. Ходятъ, мѣсто выбираютъ, большое сраженіе даютъ. Сейчасъ дрались, сейчасъ леремирие; начнутъ обниматься, другъ друга табакомъ, водкой, чаемъ угощать, а тамъ опять дерутся. *Христіанская* война называется: городъ возьмутъ—жень не тронь, дѣвокъ не тронь, дѣтей не обижай, а то разстрѣль.

— На смерти?

— На смерть. Сейчасъ сколько въ городѣ вина, хлѣба, мяса, табаку, все сами доставать, не хватаетъ—деньгами должны добавить. Денегъ не хватаетъ—начнутъ вещи продавать.

— А кто покупаетъ?

— Такіе „Жиды“ за каждымъ войскомъ ѣздятъ. На „фурахъ“, такая большая телега, навалить полную, домой отвезутъ, назадъ пріѣдутъ. Какъ большое сраженіе кончится, сейчасъ „милосердый“ мушкетеры и бабы по полю пойдутъ, кто живъ собираютъ; что свой, что чужой, все равно въ больницу отвезутъ.

— Глухая война! замѣтилъ молодой шворонецъ.—Да ты можешь—быть неправду говоришь?

— Зачѣмъ мнѣ лгать? что слышалъ, то говорю. Старъ я чтобы лгать. Молодъ былъ старикамъ вѣрилъ, а ты будешь старъ и тебя облаютъ.

— Я тебя не облаялъ! зачѣмъ обижаешь? можетъ тотъ кто говорилъ, тотъ лгалъ.

— Въ городѣ я былъ; гостинецъ отъ Таркиза молодымъ боярамъ возилъ, съ ихъ слугой говорилъ. Слуга недавно изъ Россіи пріѣхалъ, всякія вещи и запасы привезъ; тоже солдатъ былъ, крестъ у него серебряный Георгія Святаго за большую храбрость получилъ.

Покуда шворонцы вели свою бесѣду, къ берегу пристала лодка изъ которой вышли Терминъ и Ниловъ. Таркизъ какъ-то бокомъ подошелъ къ нимъ и не снимая шалки протянулъ руку.

— Будь здорова, молодой бояръ! сказалъ онъ, обращаясь къ обоимъ.

Молодые люди оглядѣли ивородца, и Терминъ спросилъ его:

— А ты кто такой?

— Таркизь, ивородецъ! гостинца вамъ посылааъ...

— А! Петръ Акимычъ! здравствуй! очень радъ познакомиться, сказалъ Терминъ, пожимая руку ивородца;—спасибо за гостинецъ. Я такой баранины въ жизнь не ѣлъ.

Таркизь весь просіялъ и съ самодовольствомъ оглянулся на своихъ и на рабочихъ. Было замѣтно что онъ боялся встрѣчи съ „настоящими бояръ“ и не зналъ какъ они съ нимъ обойдутся.

Ласковое обращеніе Термина сняло съ него большую тяжесть, онъ выпрямился и на время потерялъ свою напускную величавость и невозмутимость. Его свита съ любопытствомъ окружила выходившаго изъ лодки браваго утѣра, который собственноручно вытаскивалъ два большія сѣдла.

— Мой люди, мой работникъ! сказалъ Таркизь, указывая на рабочихъ,—коли нужно помощь, прикажи, все сдѣлають; лучшихъ отобралъ, у кого сила больша, ума больше. А это, продолжалъ онъ,—племянъ мой, умна паренъ, молодца паренъ. Въ уговь пойдетъ, въ воду поллыветь.

—Спасибо, Петръ Акимычъ, отвѣтилъ Ниловъ,—покуда своихъ людей хватаетъ; а вотъ лодку да паромъ на тотъ берегъ бы переправить...

— Айда! крикнулъ на своихъ Таркизь. Нѣсколько человекъ кинулись къ парому и начали стаскивать не тронутыя еще вещи.

— Нехристи! васъ кто звалъ! закричалъ на нихъ Никита, бросаясь отъ повозокъ къ парому.—Назадъ, Татарва! еще ненарокомъ стащите что-нибудь.

— Бояръ приказалъ, ты не бранись! что ты такая сердитая стала? добродушно крикнулъ ему Таркизь, забывъ недавнюю досаду. Онъ больше всего боялся что ему не протянуть руки, а тутъ не только оба „бояръ“ протянули ему руки, но еще и имя и отчество его знаютъ.—Покойна будь, Никита, моя за все порука...

Никита посмотрѣлъ вопросительно на господъ, но вида ихъ улыбающимися, прекратилъ свои восклицанія, и вмѣсто брани началъ тотчасъ навьючивать ивородцевъ, заставляя ихъ тащить на себѣ всю кладь на кручь. Ивородцы добродушно и съ шутками исполняли его приказанія, одинъ лишь молодой племянникъ Таркиза остался около дяди, во всѣ глаза

рассматривая прибывшихъ. Онъ тоже думалъ что и ему лѣзнуть руку, но этой чести не удостоился.

— Ко мнѣ прошу милости, обратился Таркизь къ Термину, котораго онъ почему-то ставилъ въ своемъ поватіи на одну ступень выше Нилова. По справкамъ онъ узналъ что они въ одномъ чинѣ, но бѣлая съ краснымъ околышкомъ фуражка Термина показалась ему старше черной фуражки Нилова; ростъ перваго и его болѣе сдержанная манера обращенія тоже приводили болѣе выгодное впечатлѣніе; въ глазахъ инокорда онъ казался важнѣе и положительнѣе.

— Спасибо, Петръ Акимычъ! только мы бы хотѣли сегодня версть тридцать сдѣлать, такъ боимся запоздать.

— Куда запоздать? удивленно спросилъ Таркизь:—до мой домъ въ самый разъ тридцать пять версть считай. Мой лаусъ на вашъ дорога стоитъ. Пулверста въ сторону брала, тутъ и мой домъ. Полтора часа ѣдешь; хочъ тарантась, хочъ верхомъ.

Молодые люди удивленно переглянулись: они еще не привыкли къ степной ѣздѣ инокордцевъ.

— А на чемъ ты самъ сюда пріѣхалъ, Петръ Акимычъ? спросилъ его Нилонъ.

— Мой на тарантась; я уже часъ больше здѣсь.

— Такъ ѣздъ лошади устали; какъ же мы не корма поѣдемъ?

— Зачѣмъ уставалъ? зачѣмъ кормить? лошадь добра, здоровъ лошадь, попоилъ и аѣда! У меня обѣда готовъ, чай готовъ, вина есть, постель есть; домъ—не юрта, какъ въ городѣ домъ.

— Отъ хлѣба-соли не откажемся, а только пожалуста ужъ ты прими насъ въ юртѣ. Дома мы знаемъ, а хорошей юрты не видали.

— Домъ мой—ваша домъ; юрта—вашъ юрта, не безъ достоинства отвѣтилъ Таркизь, въ тайнѣ обрадованный упоминаніемъ объ юртѣ. Мѣстные начальники въ юрту къ нему не любили заходить, предпочитая стулья и столы кошмамъ, коврамъ и насѣкомымъ инокордца.

— Ну, спасибо; мы только распорядимся людьми, сказалъ Нилонъ.—Ребята, все ли готово? обратился онъ въ сторону рабочихъ.

— Все готово, ваше всбродіе! отвѣтилъ бравый унтеръ, только что осѣдлавшій трехъ лошадей выгруженными изъ лодки сѣдлами.

Ребята! обратился Ниловъ къ рабочимъ,—помните: когда ни меня, ни Дмитрія Павловича валидо вѣтъ, вашъ начальникъ вотъ: отставной вахмистръ Андрей Гавриловичъ Стороженко. Слушаться его во всемъ какъ насъ самихъ. Вздору онъ не прикажетъ; если чего не знаетъ—у знающихъ спросить, а въ отвѣтъ за васъ онъ одинъ. Подручными у него Никита и Василій Зарѣвъ. Помните что онъ съ сотней царскихъ солдатъ справлялся, и его слушали и любили, такъ съ вами справиться сумѣетъ. Дастъ Богъ и вы его полюбите, а васъ онъ даромъ не обидитъ. Вожакомъ въ пути будетъ Филиппъ, а куда онъ не подѣвхалъ, кого-нибудь Петръ Акимычъ дастъ.

— Племянъ мой вожакомъ будетъ. Да тутъ дорога что стрѣлъ прямой.

— Вотъ и отлично. Ну теперь, братцы, съ Богомъ! трогай.

— А съ вашими лошадьми какъ прикажете, ваше вобродіе? спросилъ Стороженко.—Осмѣляю доложить, чемоданы притрочены и въ кабурахъ все на мѣстѣ.

— А лустъ впереди идутъ; насъ Таркизъ въ тарантасъ везетъ.

— Ну, ребята, осмотрись! диковинно громкимъ для Золотимцевъ, привычнымъ къ командованію голосомъ крикнулъ Стороженко,—не обрвилось ли что, не ослабли ли связки да веревки. Сбрую, оглобли, колеса, чеки осмотри, все ль исправно.

Непривыкшіе къ такимъ порядкамъ рабочіе переглянулись, но послушно исполнили команду. Оказалась одна суповъ не подтянута, одной чеки не хватало; все устроили живо.

— Теперь шалки долой! Господи благослови, въ добрый часъ! громко произнесъ Стороженко, когда увидалъ что всѣ исполнили его команду и сняли шалки.—Накройсь! съ Богомъ, ребята, маршъ!

Обозъ тронулся. Васька Зарѣвъ въ новомъ званіи подручнаго, которое онъ сейчасъ же передѣлалъ въ ефрейтора, осѣдлалъ одну изъ вьючныхъ лошадей и занялъ мѣсто въ хвостѣ.

— Можно и твой тарантасъ подавать, Таркизъ? оказалъ Терминъ,—тронемся и мы.

— Нельзя подавать, отвѣтилъ Таркизъ ухмыляясь, нужно вамъ самымъ садитса.

Тарантасъ Таркиза стоялъ въ сторонѣ, и залряженная въ него тройка лошадей дремала, понура головы. Пристѣжныя старались по временамъ щипнуть жидкую траву изъ-подъ ногъ и лѣзливо отмахивали хвостами надоедливыхъ мухъ. Лошади были сытыя, но казались вялыми и усталыми. Когда обовъ тронулся, онѣ подняли было головы и насторожили уши, но видя что верховыя, стреноженныя лошади ивородцевъ ласутся вблизи ихъ, безъ сѣдокъ, опять приняли понурыи видъ. Ивородцы, по знаку Таркиза, бросились къ тарантасу и каждую лошадь взяли подъ уздцы по два человека. Лишь только люди подошли къ лошадямъ, всѣ онѣ преобразились; пристѣжныя начали прастъ ушами, а коренная раскачивалась въ оглобляхъ, переступая съ ноги на ногу. Термивъ и Ниловъ, видя что нужно слѣдовать правилу „что страна то и обычай“, безпрекословно усѣлись на мягкіе подушки и ковры, которыми былъ до краевъ наложенъ тарантасъ и ждали что будетъ дальше. На козлы вскочилъ молодецкій ивородецъ, почти мальчикъ, живо разобралъ вожжи, и лишь только Таркизъ, садившійся въ то же время на свою лошадь, подобралъ поводья, какъ мальчикъ свиснулъ — и тарантасъ полетѣлъ съ мѣста скорѣе почтового желѣзнодорожнаго поѣзда. Вслѣдъ за нимъ съ гикомъ повеслась орава ивородцевъ съ Таркизомъ во главѣ. Весь поѣздъ, какъ ураганъ, пролетѣлъ мимо обоза, и чрезъ нѣсколько минутъ только столбомъ подымавшаяся пыль указывала направление по которому ускакали ивородцы.

— Важно покатали господа! замѣтилъ Стороженко, обращаясь къ Никитѣ.

— Таркизъ щегольнуть захотѣлъ, господа-то его приголубили, телеръ онъ имъ кунакъ; что спросятъ, то и сдѣлаетъ.

— Да что онъ у нихъ староста что ли, у своихъ-то ивородцевъ?

— Онъ въ родѣ своемъ старшина, ну а всѣ-то у него въ кабалѣ; почитай хуже какъ у помѣщиковъ крѣпостные были. Только и разницы что не по закону, а по обычаю. Хочеть — помилуетъ, хочеть — накажетъ. Кормить ихъ козиной, а не то и дохлятиной, поить что ни на есть прокислымъ кумысомъ; только и наждаются въ волю въ ихніе праздники, тогда и айрану, водка такая у нихъ изъ молока гонится, вдоволь напьются. Ты не смотри что у него халатъ засаленный да рожа скуластая, въ годъ мало на пятьдесятъ тысячъ

скота продасть. Большущій капиталъ у него въ банкѣ лежитъ, а самъ въ юртѣ живетъ. По капиталу, его дочка изъ первыхъ невѣстъ на всю округу.

— Дѣла! глубокомысленно замѣтилъ Стороженко и оглянулся на свою новую команду.

Команда была самая разношерстная и по костюмамъ, и по физиономіямъ, и по происхожденію, и по національностямъ. Казалось, со всѣхъ концовъ матушки Руси собрались эти представители безлокойныхъ и широкихъ натуръ, такъ или иначе выдвинувшіеся изъ общаго уровня. Еслибы каждый правдиво и откровенно разказалъ свою немудрую, но часто и драматическую біографію, не мало богатаго матеріала могли бы почерпнуть изъ этихъ разказовъ талавтаивые романисты. Великая, Малая, Бѣлая, даже Червоная Русь, привислинскія губерніи и Финляндія, большинство татарскихъ племенъ, выставили образцы современнаго „казачества“ въ дружину Стороженки. Старый сибирскій волкъ Никита мастерски подобралъ свою „артель“ на новыхъ, необычныхъ въ золотопромышленномъ мірѣ, началахъ. Слухъ объ этой „артели“ быстрѣ телеграфа облетѣлъ окрестности Золотимоска, и рабочіе на перебой добывались удачи поласть въ артель. Живо узналось что кормить будутъ по совѣсти, что припасы покупаются лучшаго разбора и „на наличныя“, что въ амбарѣ порядки будутъ новые, цѣны божескія. Самое назначеніе на ненавистную въ большинствѣ случаевъ должность прикащика — заслуженнаго, отказавшагося отъ офицерскаго званія, гвардейскаго вахмистра, льстило самолюбію рабочихъ и какъ бы возстановляло у большинства потерянныхъ ихъ гражданскія права. Наконецъ, личное присутствіе на работахъ самихъ хозяевъ, „настоящихъ господъ“, притомъ не бѣлоручекъ, строгихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтливыхъ и ласковыхъ, смотрящихъ на рабочаго безъ брезгливоста не какъ на преступника, а какъ на „бывшаго въ несчастіи“, все это подымало духъ и какъ бы обновляло людей.

Стороженко началъ разспрашивать Никиту о мѣстности въ которой находился брошенный приискъ, взятый господами въ аренду у казны, о способѣ работъ, о разныхъ подробностяхъ золотого дѣла и такъ ловко перемѣшивалъ разспросы съ собственными разказами о Петербургѣ, о службѣ, о господахъ, что умный Сибирякъ незамѣтно для себѣ далъ хитрому

уроженцу Харьковской губерні цѣлый урокъ золотопромышленнаго дѣла. Рабочіе, своими замѣчаніями и шутками, еще болѣе уясняли новому прикащику самую суть промысловыхъ порядковъ.

Покуда обозъ подавался потихоньку впередъ по желѣзной стелы, которая широко раскинулась на лѣвомъ берегу большой рѣки и наломивала уроженцамъ Новороссіи далекую родину, не только своимъ ровнымъ и гладкимъ просторомъ, но даже цѣлью такихъ же кургановъ, которые тянутся отъ края до края видимаго горизонта, — тарантасъ Таркиза несся съ легкостью и плавностію добраго иноходца. Пристажныя скакали во весь махъ, туго ватагивая постромки, коренникъ плавно отбивалъ размашистую иноходь, а кучерь ивородецъ молодецки присвистывалъ. Терминъ и Ниловъ, оба любители лошадей и молодецкой вѣзды, съ наслажденіемъ покачивались на мягкихъ подушкахъ и любовались лихостью стелныхъ скакуновъ Таркиза. Самъ ивородецъ, плавно сидя на высокому сѣдлѣ съ короткими стременами, держался все время рядомъ съ тарантасомъ, добродушно и самодовольно поглядывая на своихъ дорогихъ и давно жданныхъ гостей. Видя что они достали портсигары, онъ крикнулъ что-то одному изъ ивородцевъ, и тотъ, на всемъ скаку, выкрасилъ огня, зажегъ трутъ и держа его прямо на закрутой и мозолистой ладони, подалъ Нилову. Минуть сорокъ несся не останавливаясь и не уменьшая ходу оригинальный поѣздъ; лишь подѣвжая къ мелкой и широкой рѣчкѣ, кучеренокъ началъ сдерживать лошадей и, переведа ихъ на крупную рысь, съ размаху влетѣлъ въ свѣтлыя струи быстрой рѣчки.

— Хорошо насъ возить? весело спросилъ Таркизъ своихъ гостей.

— Лихо ѣдемъ, Петръ Акимычъ, славныя у тебя лошади.

— Мой дочка лошади, лучшая лошади по округу; никому ихъ не давалъ. Ты гляди, пота совсѣмъ малость.

Лошади дѣйствительно были почти сухія, и по ихъ ровному дыханію трудно было повѣрить что онѣ отмахали болѣе пятнадцати верстъ.

При вѣздѣ на противоположный берегъ стояла кучка коныхъ ивородцевъ, а невдалекѣ видѣлось десятка два небольшихъ юртъ и двѣ или три избы. Стая собакъ съ лаемъ кинулась на тарантасъ, и отъ кучки отдѣлились два вершника.

Одинъ изъ нихъ, въ новомъ лаисовомъ кафтанѣ, обшитомъ рыжеватою кунцей, въ мѣховой шалкѣ и въ красныхъ сапогахъ, направился къ Таркизу.

— Это мой родня, заговорилъ Таркизь, — будетъ къ себѣ въ гости звать.

— Какъ скажешь такъ и сдѣлаемъ, ты ужъ теперь нашъ хозяинъ, а мы хоть и въ тарантаѣ, все-таки твои гости, отвѣтилъ Терминъ.

— Запоздать будемъ, обѣдъ холодна, дочка ждетъ, какъ-то невѣжливо проворчалъ Таркизь.

Видно было что ему не хочется дѣлаться почетными гостями. Онъ что-то быстро проговорилъ подѣхавшему родичу и крикнувъ своимъ айда! выскочилъ махомъ на подъемъ берега. Весь поѣздъ снова повнесся вихремъ, и чрезъ часъ съ небольшимъ Терминъ и Ниловъ высаживались у подъезда довольно порядочнаго, одностажнаго дома, стоявшаго невдалекѣ отъ рѣки, у маленькаго жидковатаго лѣска. Домъ былъ окруженъ бревенчатымъ заборомъ и занималъ одинъ уголъ довольно большаго двора. Въ другомъ углу стояла большая круглая юрта изъ бѣлыхъ новыхъ кошмъ, на которыя, кое-гдѣ, были наброшены лошадиныя шкуры.

IX.

На крыльцѣ Таркизова дома толпились домашнiе. Впереди стояла дѣвочка въ ярко-малиновомъ штофномъ халатѣ, надѣтомъ сверхъ голубаго не то платья, не то распахнутаго капота. Верхнiй халатъ былъ обшитъ темнымъ соболемъ, который могъ бы служить опушкой пальто самой изящной щеголихи въ Петербургѣ. Между мѣхомъ и матерiей шелъ широкiй золотой позументъ, извивавшiйся по всѣмъ угламъ узорами. Платье было короче верхняго халата и стануто ниже талии серебрянымъ широкимъ кушакомъ, съ большою позолоченною пряжкой съ грубо всаженными кораллами и бирюзой. На головѣ небольшая шалочка, увѣшанная и обшита кораллами, бусами, бисерными кисточками, межъ которыхъ сверкали русскiя, турецкiя и персидскiя монеты, преимущественно золотыя; изъ-подъ шалочки спускались волосы, заплетенныя въ безчисленныя мелкiя косички. На шеѣ, въ нѣсколько рядовъ намотана золотая цѣпочка съ большимъ

золотымъ австрійскимъ дукатомъ, игравшимъ роль медальона. Смуглое личико дѣвочки, съ едва замѣтными противъ общаго тѣла инородокъ скулами, горѣло яркимъ румянцемъ и большіе, миндалевидные, черные глаза бойко и умно выглядывали изъ-подъ густыхъ черныхъ бровей и длинныхъ рѣсницъ. Широкія складки халатовъ скрадывали еще не сформировавшійся станъ и плечи, и она казалась не ребенкомъ четырнадцати лѣтъ, а взрослою, красивою дѣвушкой, котомированною шутки ради. Таркизъ съ гордостью подвелъ ее къ своимъ гостямъ.

— Дочка моя, Варынька! прошу жаловать, любить!

— Да она у тебя красавица! воскликнулъ Терминъ, подавая ей руку,—и умница должно-быть?

Дѣвочка прикрыла лицо широкимъ рукавомъ лѣвой руки, не отнимая правой которую держалъ Терминъ.

— Хорошій дочка, грамотный; писать умѣть, молитва знаетъ! Поспросай, на счетахъ и въ головѣ считать умѣть.

— А гдѣ же ея матушка? спросилъ Ниловъ.

— Матушка бульва! въ юрта особый лежитъ. Скоро родить будетъ. Бульва матушка.

Всѣ вошли въ домъ. Въ угловой, довольно большой, высокой и свѣтлой комнатѣ накрытъ былъ столъ на пять приборовъ. Въ переднемъ углу висѣлъ большой, въ серебряной ризѣ образъ Св. Варвары, предъ которымъ горѣла лампада. По стѣнамъ были развѣшаны дешевыя, раскрашенныя литографіи въ широкихъ рамахъ краснаго дерева. На двухъ простыхъ полкахъ, покрытыхъ расшитыми полотенцами, стояли нѣсколько серебряныхъ кубковъ, столъ, бокаловъ, чайниковъ, сахарницъ и небольшой серебряный самоваръ. На самой серединѣ неумѣло накрытаго стола въ видѣ украшенія высидя огромный судокъ накладнаго серебра, съ лустыми хрустальными графинчиками и баночками. Уксусъ подали отдѣльно, въ большой бутылкѣ съ ярко-раскрашеннымъ ярлыкомъ. Соль, перецъ и сахаръ были насыпаны горками на большихъ блюдцахъ, а вмѣсто горчицы стояла банка изъ-подъ помады съ наспаваннымъ, стертымъ въ порошокъ сухимъ хлѣбомъ. На отдѣльномъ столикѣ выдѣлялись разноцвѣтныя бутылки съ расписанными и раззолоченными ярлыками, большой кусокъ стараго рассылающагося честеру и нѣсколько селедокъ, накрошенныхъ большими кусками и пересыпанныхъ лукомъ въ объемистомъ фаясовомъ салатникѣ.

— Варынька, прикажи суль давать, а я домъ покажу, захлопоталъ Таркизь, самъ принимая изъ рукъ гостей фуражки.—Можетъ руки ломыть хочешь? заботливо оны обратилася къ Термину,—пудемъ, тамъ умывальника есть.

Домъ состоялъ изъ шести комнатъ. Во второй, немного отступя отъ стѣны, помѣщались широкій диванъ и нѣсколько креселъ обитые краснымъ триломъ; на срединѣ комнаты большой овальный столъ, подъ ярко синею шерстяною салфеткой, и у каждаго изъ трехъ оконъ по одному стулу съ высокими спинками. На стѣнѣ висѣли два большіе литографированные раскрашенные портрета Государя и Государыни подъ стекломъ и пониже ихъ портретъ какого-то архіерея. Въ слѣдующей комнатѣ стоялъ огромный старинный письменный столъ съ крошечною, мѣдною чернильницей по срединѣ, вокругъ которой звѣздочкой были разложены карандаши, ручки для перьевъ, палочки сургуча и стальныя бѣлыя и позолоченныя перья. Большія счеты съ красными и черными костяшками; нѣсколько дестей пищевой бумаги; новенькія дѣтскія прописныя тетрадки и нѣсколько замасленныхъ, грубо перелаетенныхъ конторскихъ тетрадей составляли все убранство стола. На маленькой этажеркѣ ютилось десятка три, четыре разнороднѣйшихъ книжекъ, изъ коихъ многія были сильно поистреланы. У окна длинная, широкая и низенькая кушетка, покрытая медвѣжьею шкурой и большое деревянное кресло толорвой работы.

— Тута мы съ Варынькой учимся и лышемъ, пояснилъ Таркизь.

Въ остальныхъ двухъ комнатахъ стояли по двѣ и по три кровати, покрытыя драповыми и байковыми одѣялами яркихъ цвѣтовъ, а въ послѣдней рядомъ съ передней, чрезъ которую гости вошли въ домъ, на стѣнѣ висѣлъ большой рукоомъникъ красной мѣди, съ тремя подѣмными прутиками и глубокимъ тазомъ. Около него, съ одной стороны, висѣли три полотенца, а съ другой на полочкахъ были уставлены три блюда съ тремя кусками казанскаго мыла. Въ простѣнкѣ между оконъ висѣло зеркало въ рѣзной рамѣ и подъ нимъ на столикѣ были разставлены: банка помады, отклявочка духовъ, двѣ щетки и два гребня сомнительной чистоты.

— За одна разъ тремъ человекамъ мыться можна, со смѣхомъ сказалъ Таркизь, указывая на умывальникъ.

— И мы съ удовольствіемъ помоемся, отвѣтилъ ему Ниловъ, растегивая кушакъ на которомъ былъ подвѣшенъ

короткій охотничій ножъ и револьверъ въ кабуръ.—Вотъ куда бы только оружіе наше повѣситъ.

— Въ кабинету, въ кабинету! суетливо захолопалъ Таркизь,—туда ни одна человѣкъ, кромѣ Варынька, входить не смѣетъ.

— А если она начнетъ разсматривать револьверы, замѣтилъ Термиъ,—они заряжены.

— Она знаетъ рувальворъ; сама заряжалъ, сама стрѣляла. У ней свой рувальворъ есть.

— Вотъ какая она у тебя храбрая!

— Изъ рувальворъ стреляйтъ, изъ ружье стреляйтъ, лошадь править, верхомъ ѣздитъ, похвалялся Таркизь.

— Да это будущая Бобелина, усмѣхнулся Ниловъ.

— Какъ говорилъ? подозрительно спросилъ Таркизь.

— Такая храбрая княжна была, успокоилъ его Термиъ.

— Княжонъ? нѣтъ, мой дочка княжонъ не будетъ. Инородка будетъ и, правда, храбрый будетъ.

Умывшись и смахнувъ лыль съ платъа маленькимъ вѣничкомъ изъ сухихъ травяныхъ стеблей, при помощи бывшаго кучеренка, гости велѣвъ за хозяиномъ перешли къ столу.

Варынька уже занимала хозяйское мѣсто и важно разливала куриный бульонъ большою, серебряною ложкой. Отказавшись, къ немалому изумленію Таркиза, отъ вторыхъ рюмокъ водки и предпочтя селедку честеру, гости съ аллетитомъ принялись за супъ и расхвалили артистически зажаренаго агненка, отъ котораго остались однѣ косточки. Все остальное что подъ разными названіями ставилось на столъ они только пробовали, и изъ всѣхъ разукрашенныхъ бутылокъ выбрали случайно попавшую, благодаря своей золотой осыли, бутылку кievской наливки. Таркизь, немного огорченный ихъ воздержностью, побѣждалъ осматривать свои заласы и пригласилъ еще двѣ такія же бутылки. Молодые люди, зная что инородцы легко хмѣлѣють, уговорили его распить эти бутылки когда онъ поведетъ ихъ въ свою юрту.

— А кофій будешь пить? спросилъ вдругъ Таркизь.—Кофій есть, и кофенмкъ, и мѣшокъ есть. Варынька варить умѣетъ; Ольга Петровна учила.

— Какая Ольга Петровна? съ удивленіемъ переспросилъ его Ниловъ.

— Горскаго знаешь? Перва человѣкъ, золото человѣкъ въ городу. Дѣтей у него учить и Варынька училъ.

— А ты любишь Горскаго?

— Николая Палыча? А кто его не любитъ? за человѣкъ, подла человѣкъ его не любитъ, а хорошая любитъ, крѣпко! очень любитъ. Правда, чества, хороша, тепла человѣкъ; кабы еслибы всѣ человѣкъ, всѣ царска слугъ былъ такой человѣкъ, вся округа счастлива была; вся губерня, вся Сибирь раю была бы; каторжникъ, разбойникъ—ангела была бы, вотъ что.

Узенькіе глазки Таркиза разгорѣлись; онъ весь оживился и видимо было что только плохое знаніе языка препятствовало ему высказать мысли которыя просились на языкъ. Онъ заговорилъ по-своему съ дочкой, прося ее быть переводчицей, но она покачивала головкой и упрямо шептала: „іокъ, іокъ!“

— Не хочеть, упрямая! ласково поглядывая на дочь, оказалъ Таркизъ.—Прощу: переведи что отецъ говоритъ, а она не хочеть; ну ступай кофій варить, мы въ юрта придемъ.

Во все время обѣда, который подавали двѣ молодыя и довольно чисто одѣтыя инородки, въ двери и окна заглядывали типичныя, скуластыя и узкоглазыя инородческія физиономіи, напоминая дворянъ былыхъ временъ, которая приходила глязѣть на вернувшихся изъ учебы молодыхъ господъ. Сперва Таркизъ сурово на нихъ поглядывалъ и даже раза два прикрикнулъ, но видя что гостей его не стѣсняетъ любопытство инородцевъ, предоставлялъ и имъ долю удовольствія.

Когда обѣдъ былъ конченъ, онъ предложилъ гостямъ сигары, которыя, къ немалому ихъ удивленію, оказались очень хорошими.

— Для Николая Палыча купилъ, гостинца хотѣлъ поднести, не взяла; говорить, у тебя буду курить, а себѣ не взяла.

Юрта Таркиза была сведена на рѣдкость. Гладко выструганная, тонкія, выкрашенная бѣлою и красною краскою отполила-отрѣблы, воткнутыя въ земаю правильнымъ кругомъ, въ діаметръ болѣе трехъ сажень, были ровво согнуты и сведены къ центру. На нихъ были уложены большія бѣлыя кошмы, съ наружной стороны прикрыты конскими необдѣланными кожами. Залавъ, закрывающій отверстие въ центрѣ, устроенное для выпуска дыму, былъ откинутъ совсѣмъ и свѣту было довольно. Среди юрты въ коланной, неглубокой ямкѣ горѣли дрова, и надъ ними на большомъ треножникѣ были подвѣшены нѣсколько котловъ, котелковъ и чайниковъ. Отъ самаго большаго, наглухо замазаннаго котла шла

мѣдная трубка пропущенная сквозь ушатъ съ холодною водою. Это былъ доморощенный перегонный кубъ, при помощи котораго ивородцы гонятъ свою молочную водку „айравъ“. Плотнo и гладко утрамбованный полъ былъ весь устланъ слерва кожами, затѣмъ кошмами, а на нихъ, съ восточной стороны, были постлавы два хорошіе бухарскіе ковра. Надъ этимъ мѣстомъ на висячей полочкѣ стояли нѣсколько иконъ безъ ризъ, украшенныхъ вѣточками изъ засушенныхъ цвѣтовъ. На противоположной сторонѣ помѣщались три сундука, обитые блестящими полосками жести, утыканными мѣдными гвоздиками, и раскрашенные яркими букетами алыхъ розъ съ голубыми листьями. На сундукахъ были наложены подушки въ ситцевыхъ, кумачныхъ, сафьянныхъ, шелковыхъ и даже бархатныхъ наволочкахъ. На нѣсколькихъ полкахъ жаромъ горѣли ярко вычищенные кострюли, тазы, самовары и чайники, десятка полтора чашекъ, стакановъ и китайскихъ лакированныхъ чашечекъ.

Когда Таркизъ отпахнулъ расшитую лестрыми шпурочками двойную кошму, замѣлявшую дверь, приглашая своихъ гостей пройти впередъ, изъ-за сундуковъ выползла маленькая старенькая ивородка, похожая болѣе на засушенную и прокопченную мумію чѣмъ на живое существо. Горбатый носъ и острый, обросшій сѣдыми волосами подбородокъ почти сходились вмѣстѣ; въ безгубомъ отверстіи, исполнявшемъ назначеніе рта, видѣлись мелкіе, ровные и къ удивленію довольно бѣлые зубы. Крошечные глаза горѣли и блестѣли какъ у молодой и казалось сосредоточили въ себѣ весь остатокъ жизни старухи. Она была закутана въ старый, вытертый бархатный халатъ подбитый желтою лисицей и надѣтый прямо на тѣло. Терминъ и Нилонъ съ нескрываемымъ любопытствомъ разсматривали это куріозное существо, которое приползало къ самому огню и раскуривало маленькую трубку, пристально разглядывая вошедшихъ.

— Это моя бабушка, застѣнчиво проговорила Варенька первую связную фразу съ пріѣзда гостей.—Она говоритъ по-русски, добрая, меня очень любить.

Бѣдная дѣвочка какъ будто боялась что гости начнутъ смѣяться надъ ея бабушкой. Молодые люди протянули старухѣ руки. Старуха взяла ихъ поочередно, и повернувшись ладонями кверху, внимательно разсмотрѣла.

— Умный человекъ, сказала она Таркизу на своемъ языкѣ, указывая на Термина,—большая голова, малое сердце, правдивое слово. А у этого, прибавила она указывая на Нилова,—ума меньше, сердце большое, слово твердо, горячки много. Трусости оба не знаютъ, маленькихъ людей не обижаютъ.

— Варенька, обратился Терминъ къ дѣвочкѣ, которая услѣла послѣ обѣда переодѣться изъ своего параднаго костюма въ простой ситцевый, темный халатикъ и казалась меньше и моложавѣе,—вы знаете что значить честное слово.

— Знаю, серьезно отвѣтила ему дѣвочка, наливая горячій кофе въ стаканъ.

— Такъ слушайте: если вы не переведете намъ слово въ слово, безъ утайки, все что сказала бабушка, мы уйдемъ безъ кофе и больше никогда не приѣдемъ.

— Говоры, Варенька, сейчасъ говоры. Не ты сказалъ, бабушка говорыла. Помнишь Ольга Петровна приказала: всегда правду скажи.

Дѣвочка покраснѣла, слезы блеснули въ ея хорошенькихъ глазкахъ, и она, сдѣлавъ надъ собою усилие, со стенографическою точностію перевела бабушкины слова.

— Бабушка молода была, въ Москвѣ была, Цыганками дружбу вела, много научилась, какъ бы въ поясненіе добавилъ Таркизъ.

— Бабушка красавица была, прибавила и отъ себя дѣвочка, наливая въ маленькую чашку кофе и подавая ее отцу.

Старушка безучастно сидѣла у огня на корточкахъ и курила свою трубку. Она была глуха, и только Варенька умѣла съ ней говорить.

— А спросите-ка у бабушки, Варенька, вернемся ли мы въ Россію? обратилась къ дѣвочкѣ Нилова, съ удовольствіемъ прилебывая отличо сваренный кофе.

Дѣвочка какимъ-то рѣзко произительнымъ дискантомъ стала кричать въ ухо старухѣ. Та искривила судорогой свой подбородокъ и что-то зашелтала; затѣмъ, достала изъ-за сундука мѣшечекъ съ камушками и бросила нѣсколько штукъ по направленію къ молодымъ людямъ, а на эти камушки плеснула изъ чашки кумысу. Внимательно посмотрѣвъ на камушки и на струйки расплывшейся жидкости, она заговорила по-русски, обращаясь къ Термину:

— Будешь здоровъ, найдешь сердце и золото; сердце бросишь, золото возьмешь, отсюда увидишь, никогда не вернешься. А ты, продолжала она, глядя на Нилова,—больнъ будешь.

Одну любовь забудешь, новую возьмешь; родину перемѣнишь, долго жить будешь. Въ Россію часто ѣдешь, а здѣсь живешь.

Старуха собрала камушки предъ Ниловымъ и бросила ихъ вверхъ, сквозь отверстіе для дыму; всѣ камушки вылетѣли. Когда она повторила то же съ камушками лежавшими противъ Термина, одинъ изъ нихъ ударился о стропила и упавъ обратно, прямо въ огонь, зашипѣлъ. Старуха достала его изъ зола и подавая Термину сказала: „носи его при себѣ. Такъ твой врагъ уладеть. Меня вспомнишь.“

Терминъ взялъ камушекъ и положилъ его въ кошелекъ.

Старуха, вновь раскуривъ свою трубочку, потухшую во время гаданья, уползла за сундуки. Варенька, съ любопытствомъ слѣдившая за гаданьемъ, обратилась къ Нилу.

— Бабушка на меня каждый день гадаетъ, да ничего мнѣ не говоритъ. Только и знаю когда дурно выйдетъ; тогда, ни за что, въ тотъ день, отъ себя не отпустить.

— А другимъ гадаешь? спросилъ Нилъ.

— Рѣдка, оченна рѣдка, вмѣшался Таркизъ.— Начальникамъ ни за что не захочетъ. Многие очень на меня сердилса.

— Бабушка только хорошимъ людямъ гадаетъ, сказала Варенька.—Я теперь васъ не боюсь, лукаво поглядывая на молодыхъ людей добавила она.

Съ той минуты какъ гости вошли въ юрту, въ нее входили и уходили ивородцы и ивородки. Нѣкоторые здоровались за руку съ Таркизомъ и присаживались на корточки къ огню; посидѣвъ нѣсколько минутъ и перекинувшись съ Таркизомъ или съ Варенькой двумя, тремя словами и затѣмъ простясь и оглядѣвъ пріѣзжихъ, молча удалялись. Другіе, не входя далѣе двухъ, трехъ шаговъ дальше порога, молча оглядывали юрту, мелькомъ осматривали гостей и уступали мѣсто другимъ. Ни Таркизъ, ни Варенька не обращали на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Нѣкоторые изъ ивородокъ пробирались къ сундукамъ и присѣвъ на кошмы перешелтывались, пересмѣивались и, какъ видно было, подшучивали надъ Варенькой, которая краснѣла и отвѣчала имъ вѣроятно остро, потому что другіе начинали громко хохотать. Одна изъ ивородокъ безъ церемоніи начала было заворачивать свой халатъ, надѣтый прямо на голое тѣло, и почесываться, но Варенька остановила ее какою-то шуткой, отъ которой всѣ

засмѣялись и разомъ залопотали по своему, а сконфуженная ивородка, какъ ошпаренная, выскочила изъ юрты.

— Обозъ пришла! громко провозгласилъ вѣхавшій кучеркомъ, вбѣгая въ юрту.

Таркизъ быстро заговорилъ что-то своимъ. Два ивородца побѣжали исполнять полученное приказаніе.

— Сегодня всѣ мой гость, какъ-то торжественно обратилса Таркизъ къ молодымъ людямъ. Другая разъ, ваши люди къ намъ много заразъ останавливался, не много девьга брать буду; одинъ, два человекъ, ничего брать не буду, а много возьму. Сегодня всѣ гость; сегодня мнѣ праздникъ.

— Только и къ намъ милости просимъ, Петръ Акимычъ, отвѣтилъ ему Ниловъ.

— Ваше вскродіе, прибыли благополучно; прикажете у Татаръ мяса купить? отралортовалъ вошедшій Стороженко и, увидавъ иконы на полочкѣ, снялъ фуражку и перекрестившись, остался въ недоумѣніи надѣвать ее или нѣтъ. Но замѣтя что господа въ фуражкахъ, онъ рѣшился послѣдовать ихъ примѣру.

— Сегодня хозяинъ насъ всѣхъ угощаетъ, отвѣтилъ ему Ниловъ.—только хлѣбъ свой раздать.

— Хлѣбъ у меня мало; правда, хлѣбъ немного, подтвердилъ Таркизъ, обрадованный этимъ добавочнымъ распоряженіемъ.

Скоро на широкомъ дворѣ Таркиза столпились разноводные представители сибирскаго населенія: съѣхавшіеся изъ дальнихъ улусовъ ивородцы; крестьяне съ ближайшей заимки; нѣсколько торговцевъ путешествующихъ безъ отдыха изъ округа въ округъ съ разною бракованною дрянью; два старца изъ сказочнаго „Бѣловодья“, маленькаго царства въ дебряхъ Саянскаго хребта, изъ-за Уса, куда еще ни одна російская власть не попадала и откуда тѣмъ не менѣе аккуратно присылаются подушныя съ двухъ тысячъ душъ; три сборщика на постросніе храма, прямымъ трактомъ, „прямо изъ Кіева“, на третій годъ „дошедшіе“ до Таркизовыхъ владѣній; нѣсколько „смирныхъ“ бродягъ. Вся эта характерная, разноплеменная толпа окружала сплошною, живою стѣной, разгулявшихся рабочихъ. Васька Зарѣвъ, ухарски присѣвшій на кончикъ бревна, лихо наигрывалъ на новой, ярко разукрашенной гармоникѣ, а Павелъ, живо перебирая самодѣльные струны на самодѣльной бандурѣ, какъ-то степенно выбивалъ

коваными каблуками мелкую дробь предъ хорошенькою „карымочкой“ *, которую обозъ нагналъ на дорогѣ и съ разрѣшенія Стороженка Зарѣвъ усадилъ на передовой возъ. Жарко разгорѣвшійся костеръ освѣщалъ, яркими полосами красноватаго цвѣта, смуглыя, некрасивыя лица инородцевъ, вырѣзывая то тутъ, то тамъ типичныя фисіономіи пришельцевъ. То выдѣлялась сѣдая борода странника, то блестящіе черные глаза и горбатый носъ уроженца Кавказа, то отличали кровью включенные волосы рыжого Чухонца, то бѣло-женственно красивое лицо Варшавянина.

Гопъ! гопъ! гопака!
Ходи, Мама, трепака!

Подпѣвалъ бархатнымъ густымъ баритономъ красивый Малороссъ Павелъ Чижъ, на цѣлую голову возвышаясь надъ окружающими и по временамъ ныряя подъ самыя ноги зрителей, лускаясь въ присядку.

Ходи живо, веселѣ! повора-чивайся!

звонкимъ фальдетомъ подхватывалъ Васька, судорожно перебирая лады своей гармоникѣ.

— Лихо! черти васъ ѣшь! не выдержалъ одинъ изъ рабочихъ и бросивъ на земь шалку и зилунъ, выскочилъ къ табующимъ.—Нужно хозяина уважить, онъ хотя и хрещеный инородецъ, а все Татаринъ. Абдулай, давай лезгинку попляшемъ!

Уморившійся Павелъ чмокнулъ, къ общему удовольствію, свою плясунью и присѣлъ на бревцо къ Васькѣ; къ нимъ присосѣдился одинъ изъ торговцевъ и вынулъ изъ ящичка кларнетъ. Инородцы съ любопытствомъ разглядывали новое, левиданное ими музыкальное орудіе. Кто-то уже услѣлъ смастерить треугольникъ изъ двухъ полосокъ желѣза, еще одинъ музыкантъ привесъ бубенъ, и импровизованный оркестръ началъ сыгрыватся. Павелъ давалъ тонъ, Васька добавлялъ варіаціи, и не прошло пяти минутъ какъ раздались довольно стройные звуки лезгинки. Къ зачинщику рабочему примкнули ссыльный Черкесъ и одинъ изъ крестьянъ, бывший терскій казакъ. Бурки были замѣнены мохнатыми кошмами и лезгинка очаровала Таркиза.

* Карышками называютъ дочерей отъ Русскаго и инородки.

— Эхъ, бѣда, бабы нѣту! Раньше бы знала, къ брату бы посылааь, говорилъ онъ Термину, — у брата три Черкешанка живутъ. Одна ухъ! больна красива.

Долго дрожала земля, долго разливались въ посвѣженшемъ воздухѣ то лихіе залихватскіе, то заунывные звуки. Ярко сверкали и переливали алмазами безчисленныя звѣзды на темномъ, далеко ушедшемъ въ высь, безоблачномъ небѣ. Только къ полуночи мало-по-малу затихъ улусъ Таркиза, и стройные голоса и музыкальные звуки какъ будто увеселись вверхъ къ трелетнымъ лучамъ мерцавшихъ созвѣздій. Ночная тишина нарушалась лишь отрывистымъ, короткимъ лаемъ сторожевыхъ собакъ, фырканьемъ стреноженыхъ лошадей и дальнимъ воемъ стелныхъ волковъ. Къ разсвѣту и эти звуки стихли, все спало.

Х.

На другой день, раннимъ утромъ, обозъ тронулся далѣе. Терминъ и Ниловъ дружески поблагодарили Таркиза за гостепрѣимство, поцѣловали Вареньку и взяли слово съ обоихъ посѣтить ихъ зимой въ городѣ. На приискъ они не приглашали, такъ какъ сами вѣхали на время сдѣлать распоряженія для работъ будущею весной и возобновить полуразрушенныя постройки. Приискъ не разрабатывался уже лѣтъ пять; бывшіе владѣльцы нашли невыгоднымъ вести работы и сдали приискъ въ казну. Вожакъ-Филиппъ уговорилъ молодыхъ людей сдѣлать изъ этого прииска ихъ резиденцію, доказавъ имъ промѣвкой пробъ на мѣстѣ что затративъ пять, шесть тысячъ они выручатъ не менѣе пятнадцать въ лѣто, и слѣдовательно въ убыткѣ не будутъ, „а Богъ вѣсть, добавляя онъ, — можетъ и до увалу доберемса, а тѣмъ часомъ развѣздочки то тутъ, то тамъ будемъ дѣлать.“ Ниловъ посовѣтовался съ Горскимъ, сѣздалъ на приискъ сперва одинъ, затѣмъ съ Терминымъ, и въ концѣ концовъ они порѣшили не только взять приискъ въ аренду, но даже нанять на всю зиму тридцать человекъ изъ шестидесяти отобранныхъ Никитой. Рабочіе съ радостію пошли на скромныя условія имъ предложенныя, такъ какъ иначе должны были бы зимой перебиваться съ корки на корку, а тутъ и харчи, и стакавъ водки по праздникамъ и возможность околотить за зиму десятокъ-другой рублешекъ и къ лѣту, противъ

обычаю, не только не провѣсть всю одежду, а одѣться и обуться заново.

Еще верстѣ тридцать сдѣлали путники по ровной, гладкой степной дорогѣ, оставляя въ сторонѣ улусы цинородцевъ и заимки свободныхъ переселенцевъ, и лишь къ вечеру, ровная степь начала уступать мѣсто холмамъ, покрытымъ рѣдкими деревьями. Съ одной изъ заимокъ Васыка Зарѣвъ, смѣнявшій свою гармонику Таркизову племяннику на кудую и поджарую немолодую, но выносливую лошадь, привезъ нѣсколько штукъ дынь и два арбуза. Стороженко, получившій на правахъ начальства одну изъ дынь въ презентъ, громко выражалъ свое удивленіе.

— Ну, сторожка! яблока или дули за гроши не купишь, равно какъ бы у насъ персикъ, а кавтаулы не хуже чѣмъ въ Херсонской губерніи.

— Это отъ заморозковъ весеннихъ, Андрей Гаврилычъ, пояснилъ ему Никита.—Фруктовыя деревья всѣ какъ есть расти могутъ, Нѣмцы пробовали,—и цвѣтъ богатый дадутъ, самъ видалъ, ну а завязи не даютъ. Овощи то они съ весны покрываютъ, тѣ и цѣлы, а дерево не покроешь. Говорятъ, Нѣмецъ одинъ, изъ лоловъ ихнихъ сосланныхъ, ластерь, такъ тотъ грунтовой сарай сдѣлалъ, три яблока дозрѣли. Рублей по тридцати штучка обошлась!

— Дорогой фруктъ, замѣтилъ Павелъ,—дороже литерскихъ апапасовъ.

— А ты бывалъ въ Питерѣ? спросилъ его Термишъ.

— Гдѣ я, сударь, не бывалъ! задумчиво проговорилъ Павелъ,—въ Питерѣ я три года у графа Нащокина въ поваряхъ старшихъ состоялъ.

— Такъ ты поварь?

— Никакъ нѣтъ-съ. Поварскому дѣлу, правда, обучался какъ подросткомъ былъ, въ Англицкій клубъ въ Москвѣ баринъ покойникъ меня отдалъ; оттуда я впервые и убѣгъ. Не люблю я поварскаго дѣла, не мужская—бабья эта работа. Въ кухнѣ-то чадно, отъ лаиты лышетъ, отъ дверей да оконъ студитъ. Во рту отъ специй да отъ пробъ разныхъ такая пакость дѣлается что покеводъ стаканчикъ, другой пролустить, ну и закурилъ человекъ. Опять чистота требуется для этого дѣла большая, а тутъ кучера да конюхи на кухню впадаютъ, отъ господъ грязной посуды натаскаютъ, кормилица съ леденками да обсосочками придетъ полоскаться.

Всѣхъ не прогонимъ, тоже свой братъ, а къ вечеру, гляди, кухня хлѣвъ хлѣвомъ станетъ, хоть свиней пусти такъ въ пору.

— Ну, Павелъ, обратился къ нему Ниловъ,—какъ ты себѣ хочешь, а на Святой ты намъ столъ приготовишь.

— Да я, сударь, не прочь. Изъ уваженія чего хорошему барину не сдѣлаешь, а только я теперь подрядился на пять рублей зимнѣ мѣсяцы и всякую работу оборудую, а скажите мнѣ поваромъ быть—за сорокъ цѣлковыхъ не соглашусь.

— Хотѣлъ бы я знать его биографію, обратился въ полголоса Терминъ къ Нилову,—да не рѣшаюсь спросить: кажетса, здѣсь это не въ обычаѣ.

— Боже тебя избави! живо заговорилъ Ниловъ,—это величайшій *lèse-étiquette*. Какъ можно спрашивать за чѣмъ человѣкъ сосланъ!? Захочетъ—самъ разкажетъ, а вѣтъ, такъ сейчасъ сочинить цѣлую исторію или романъ во вкусъ *Roupon du Terrail*.

— По правдѣ сказать, мнѣ и самому претить это моральное содириваніе быть-можетъ еще далеко не зажившей раны.

— Нашимъ свѣтскимъ людямъ можно было бы поучиться у бывшихъ каторжниковъ чувству деликатности. Ты замѣть до какой степени всѣ поселенцы чутко относятся къ дѣйствительному горю... Одинъ изъ нашихъ рабочихъ выдержалъ каторгу за убійство своей жены и страшно тоскуетъ; я наблюдалъ уже нѣсколько разъ что стоить ему подойти во время бесѣды о прекрасномъ полѣ, какъ тотчасъ всѣ примолкнуть и заведуть разговоръ на другую тему. Кто могъ прелодать имъ это деликатное отношеніе къ истинной скорби?

— Ваше вскбродіе! прикажете привалъ сдѣлать? спросилъ подвѣхавшій Стороженко.—Тутъ сейчасъ рѣчка будетъ; говорятъ, мѣсто хорошее.

— Пожалуй! прошли довольно, отвѣтилъ Ниловъ.

— Дальше тайга лойдетъ, вставилъ свое слово Никита,—и перевалы начнутся. Съ разсвѣтомъ тронуться нужно.

— А теперь еще часа два свѣтло будетъ, такъ мы съ тобой и поохотимся, сказалъ Терминъ, слѣзая съ лошади и отгараживая ружье въ чехлѣ.

— Идетъ! весело отозвался Ниловъ, слѣдуя его примѣру.— Кто изъ ребятъ охотился въ здѣшнихъ мѣстахъ? обратился онъ къ рабочимъ.

— Я-съ! выскочилъ Васька Зарѣвъ.

— У тебя, братъ, свое дѣло; ты не даромъ „ефрейторъ“, тебѣ отлучаться безъ дѣла отъ команды нельзя.

— Тогда позвольте мнѣ, сказалъ Павелъ,—я эти лалестны знаю. Въ бѣгахъ бывши здѣсь не разъ проходилъ.

— Экъ ты бѣгать-то гораздъ, язвительно замѣтилъ Васька, принимая отъ господъ лошадей.

— Въ одной партіи мы съ тобой впервые, хладнокровно отвѣтилъ Павелъ,—и изъ этой партіи не сбѣжимъ, а только, братъ, слухомъ земля полвится. Слыхалъ я какъ-то что клочки изъ шерсти даютъ. Вонъ меня Чижомъ дразнятъ, а чижь лица веселая; тебя же за убѣги, кажись, Зарѣзомъ прозываютъ?

— Эхъ! крикнулъ Стороженко,—чего вы шлитеесь? Нешто пріятно господамъ будетъ, коли вы отъ словъ да къ дракѣ перейдете.

— Какая драка?! у насъ это отъ „академіи“ у всѣхъ такая повадка языкъ точить, скакавалъ дружескимъ тономъ Зарѣзь.

— Какой академіи? удивился Стороженко.

— Начальство намъ академіи понастроило. Школы-то настоящей, можетъ, въ какомъ городѣ и нѣтъ, ну а наша академія на самомъ вѣздѣ безпрерывно торчитъ.

— Да ты это про острогъ, что ли?

— А вы, Авдрей Гаврилычъ, какъ бы думали? онъ самый насъ и грамотѣ, и ругани, и смѣлости, и законъ какъ обходить, всему отлично обучить. Вотъ Божескому закону да совѣсти, этому, извините, тамъ не обучаютъ.

Растянувшійся обозъ весь собрался у привала. Лошадей привязали къ повозкамъ, давая имъ остыть и передохнуть. Живо собранный костеръ затрещалъ, дымъ спирально поднялся вверхъ и полыхалъ красивымъ извивомъ надъ деревьями, маня издали усталыхъ таежныхъ людей. Рабочіе выбрали два, рядомъ стоявшія, молодые дерева, обрубали у нихъ нижнія вѣтки, до высоты человеческого роста, привязали къ нимъ полеречную слегу и на нее положили подъ угломъ нѣсколько жердей, на которыя густо насыпали, отчасти перелетая между собою, всѣ срубленные вѣтки. Образовался не то навѣсъ, не то открытая палатка, отверстиемъ къ костру. Трава была скошена во всей палаткѣ подъ самый корень, земля тщательно выметена, кочки и

владыны сглажены, и на землю были положены сперва просмоленный брезентъ, а ловерхъ двѣ кошмы и большой, лохматый, тюменьскій коверъ. Създа Термива и Нилова были вдвинуты въ самую глубь палатки, въ острый уголъ ската съ землей и послужили опорой для двухъ подушекъ. Палатка представила собою двухспальную, громадную постель съ пологомъ изъ зеленыхъ хвойныхъ вѣтвей.

— Важно господамъ спать будетъ! добродушно замѣтилъ хуленькій рабочій, похлопывая по мягкому коврау.

— Коли дождикъ не польетъ, такъ ладно будетъ, сказалъ Никита.—Андрей Гаврилычъ, пожалуйста взглянуть.

— Ладно смастерилц, братцы, да не совсѣмъ. Я бывало съ господами въ польское усмиреніе тоже такіе шалашики имъ устраивалъ, да только о скатѣ не забывалъ.

— О какомъ скатѣ, Андрей Гаврилычъ? спросилъ Зарѣвъ.

— Да о томъ, значить, куда земля уклонъ имѣеть. Видишь куда уклонъ идетъ. Вотъ по этой линіи колья лопаткой маленько выйдеть канавка. Дождь поидетъ, вода-то по ней шалашъ и обѣжитъ; глядь ковры-то и сухи.

— Вѣрно! одобрилъ Никита и, взявъ заступъ, живо прокопалъ канаву.

— Андрей Гаврилычъ, заговорилъ знакомый голосъ кашевара Игната,—локуда Чижь розговѣнье готовить будетъ а господамъ кулешъ сварю. Какое пшево хорошее мѣъ Татарченочка для господъ дала, чистое золото. Да и сало у насъ такое что любой чумакъ облизнулся бы.

— Доброе сало, гарное салце! одобрительно причмокнувъ Стороженко, колуляувъ ногтемъ желтое, провѣтрившееся сало, которое Игнать началъ крошить тоненькими жматочками.—Экая сторона чудная: дыни есть, яблоко въ диковину; пшевицу и пшево только сѣи да собирай, а ивородцы ковицу жрутъ, и хлѣбъ имъ за мѣсто пряника. Чудная сторона!

— Не даромъ говорятъ „Сибирь золотое дно“. Дно-то золотое, да мало кто до дна вырнуть хочеть. Покуда а Сибирь не видалъ, чегѣ-то про нее не наслушался: и морезы лютые, и болота невылазные, и люди дикіе, и холодно и голодно-то въ ней, а какъ посмотрѣлъ, такъ пожалуй половина Рассей сюда бы перебѣжала кабы знатье да воля, философствовавъ Игнать, помѣшивая въ своихъ чугунахъ.

По лѣсу прокатился выстрѣлъ, за нимъ другой и третій. Черезъ нѣсколько минутъ раздались еще два выстрѣла и,

всѣмъ за ними, громкій окрикъ Павла. Рабочіе, прижавшіеся за вѣду, повскакали съ мѣстою, но Стороженко съ разу ихъ успокоилъ.

— Смирно! Чего безъ команды засуетились! Эй, Зарѣвъ, возьми двухъ человекъ, захвати мое ружье и иди на голоса. Толоры съ собою прихватите, да веревку, либо арканъ. Живо! А ты.. какъ тебя?.. Беркувъ, возьми лошадь и пробуй верхомъ, а гдѣ въ поводу съ лошадью, до господъ пробираться. Не ровень часъ.

Васька Зарѣвъ живо исполнилъ приказаніе и уже скрылся со своими людьми въ чащѣ, громко и отрывистыми звуками подавая голосъ. Двѣ собаки, бывшія при обозѣ, кинулись за лошадью, только рыжіи лѣсъ Игната какъ-то нервнительно метался отъ своего хозяина къ лѣсу и обратно. Слышно было какъ перекликавшіеся голоса сближались. Съ четверть часа прошло въ ватянутомъ ожиданіи.

— Чтò бы то могло быть? не обращаясь ни къ кому сказалъ Никита.

— Ужь тамъ чтò бы то ни было, отъ нашихъ „ковическихъ“ далеко не убѣжить. Господа—стрѣлки на первый сортъ, лишь бы на прицѣлъ попало, а луделя не будетъ, какъ-то самодовольно усмѣхнулся Стороженко.

На опушкѣ показались охотники, Стороженко лобѣжалъ на встрѣчу.

— Стороженко, пошли-ка на подмогу, а то тамъ наши молодцы не справятся, крикнулъ ему Терминъ.

— Я и то четверыхъ отправилъ, ваше выскродіе..

— Мало, Гаврилычъ, еще столько же пошли, со смѣхомъ перебилъ его Ниловъ.—Мы цѣлую семейку лѣсовиковъ захватили.

Рабочіе, подыавшіеся съ мѣстою на встрѣчу хозяевамъ, какъ-то странно переглянулись. Одинъ изъ нихъ, съ мрачною физиономіей и плоче другихъ одѣтый, рѣшился спросить:

— Какіе же это лѣсовики будутъ? Лѣсовикъ лѣсовику рознь!

Терминъ замѣтилъ странное удивленіе рабочихъ, предположившихъ не подразумѣваютъ ли подъ лѣсовиками бродягъ.

— Это семья Михаила Иваовича Талтыгина на насъ набрела, только самъ въ отлучкѣ вѣрно, а самоё я уложилъ на мѣсто, пояснилъ онъ обращаясь къ Стороженкѣ.—Съ ней двое маленькихъ дѣтокъ было, да одинъ взрослый сынокъ,

такъ съ нимъ справиться не легко, а мы его живьемъ хотимъ взять. Онъ на деревѣ сидитъ.

Громкій взрывъ дружнаго смѣха былъ отвѣтомъ на его разказъ, и рабочіе всѣ было шарахнулись съ мѣста, но вновь были осажены Стороженкомъ.

— Сказано четверо, четверымъ и идти. Этакъ вы и обозъ, и лошадей безъ призору оставите, а какъ звѣрье приволокутъ, гляди кони-то всѣ бѣситься начнутъ.

— Ну, Дмитрій, ты точно въ рубашечкѣ родился, заговорилъ Ниловъ, усаживаясь на пенекъ и закуривая палиросу.— По первому выстрѣлу медвѣдицу уложить! Ну не счастье-ведь ли?!

— Покуда мы съ нея шкуры не сняли, еще неизвестно отъ чьей луди она легла, отвѣтилъ Термивъ, подсаживаясь къ огню.

— Да ты ей развѣ въ лапу цѣлилъ?

— Въ лапу не въ лапу, но по совѣсти скажу что не знаю куда цѣлилъ. Какъ только я ее увидалъ, у меня отъ радости круги предъ глазами замелькали, и только при второмъ выстрѣлѣ я помню что цѣлилъ въ правый глазъ; но вслѣдъ за моими былъ и твой выстрѣлъ, и только послѣ твоего она разомъ ослѣла.

Изъ лѣсу доносились крики, хохотъ, и на опушкѣ показалось торжественное шествіе. Впереди двое рабочихъ несли по маленькому медвѣжонку, которые то ворчали, то жалобно визжали. За ними четыре человѣка тащили, скрученнаго по всѣмъ четыремъ лаламъ, довольно почтеннаго мишеньку, ревѣвшаго и крутившаго головой. Шествіе замыкалъ Зарѣвъ, который велъ въ поводу хралѣвшую и улиравшуюся лошадь, къ сѣдлу которой были прилажены постромки изъ двухъ аркановъ, привязанныя къ переднимъ лаламъ убитой медвѣдицы. Павелъ, подхвативъ ее веревкой, тоже помогалъ лошади тащить тяжелаго звѣря. Рабочіе частью бросались къ лошадямъ начавшимъ метаться на ловодахъ, а частью пошли на помощь тащившимъ семью Михайлы Ивановича. Шутки, смѣхъ, веселыя восклицанія, сыпались со всѣхъ сторонъ.

— Пѣстунокъ-то ничего, тяжеленекъ, да и силенъ бестія; какъ мы дерево подрубили, здорово шлепнулся, а все нарывать лапой достать, разказывалъ Павелъ.

— А малыши-то, Михалъ-Михалычи, тоже дерутся. Отъ земли чуть подыался, а гляди укуситъ моровить.

— Нѣтъ, этотъ ласковый, смотри, лапцѣ сосеть.

— Это барышня. Чтò мохнатая мамзель, попалась! ты намъ теперъ тавценъ будешь дѣлать.

— Куда прикажете, ваше вскродіе, этого молодца пристроить? спросилъ Стороженко, показывая на молодого медвѣдя, которому рабочіе устраивали ошейникъ съ лошадиныхъ луть и мастерили нѣчто въ родѣ цѣпи.

— Его мы Таркизу въ гостинецъ пошлемъ, маленькаго возьмемъ на приискъ, а Машеньку въ городъ, къ Горскимъ, отправимъ.

— А вотъ, кстати, и племянникъ Таркиза. Онъ обѣщаль намъ баранины привезти на приискъ, такъ мы мясо-то по возамъ разложимъ, а ему звѣрье и сдадимъ.

— Пусть дядѣ доставить своего братца.

— Ваше благородіе, крикнулъ Беркунъ, который при помощи рабочихъ началъ пластать медвѣдицу.—Одна пуля въ головѣ, а другая легкое прошибла и въ станомѣ хребтѣ сидитъ.

— А третья? спросилъ съ любопытствомъ Ниловъ.

— Третьей нѣтъ. Она лишь лалу перешла. Черель тоже не пробить; пуля-то въ кости сидитъ, да такъ-то плотно, плотно!

— Вотъ видишь, Ниловъ, я правду сказалъ. Безъ твоей пули она бы еще пожалуй и не свалилась, замѣтилъ Терминъ.

— Братцы, держи! убѣгъ, лови его! крикнулъ рабочій, у котораго вырвался медвѣженокъ. Но прежде чѣмъ за нимъ кинулись, рыжій лесъ Игната поймалъ его за шиворотъ и потащилъ къ своему хозяину.

— Эхъ, прокусить! пусти рыжакъ, оставь! Погоди, вырастетъ, онъ тебя задушитъ, шутили рабочіе.

Долго не могли услокоиться рабочіе возясь съ медвѣжатами.

Кто жевалъ хлѣбъ и устраивалъ имъ дѣтскую соску; кто жертвовалъ кускомъ сахару изъ скуднаго запаса; нашелся у одного бурачекъ съ молокомъ приготовленнымъ въ видѣ сюрприза для господъ, и онъ былъ пожертвованъ неожиданнымъ лѣвникамъ, а когда подѣхавшій работникъ Таркиза вздумалъ было стегать большаго изъ нихъ „лѣвстунка“, на него сейчасъ накинулись: „За чтò бьешь? чтò онъ тебѣ сдѣлалъ? Думаешь ему сладко въ неволю-то попасть? Дай-ка я на тебя летлю накину, да хлестать начну!“ посыпалось съ разныхъ сторонъ.

Терминъ досталъ изъ чемоданчика у сѣла маленькій письменный приборъ, и при свѣтѣ костра написалъ двѣ записки, одну Варенькѣ, другую Горскому.

Пѣстунка заранѣе увязали въ повозку, рядомъ положили повернутую въ кошму Машеньку. Съ разсвѣтомъ обозъ тронулся далѣе, а барышня съ гувернеромъ, какъ называлъ ихъ Стороженко, поѣхали къ Таркизу. Кожа медвѣдицы красовалась, какъ трофей, на передней повозкѣ обоза.

В. РОМАНОВЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

РУССКАЯ ОБЛАСТЬ

ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ

I.

По изслѣдованію одного уважаемаго спеціалиста*, половина и даже большая половина выѣшнихъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній принадлежала вѣкогда ко Владиміръ-Волынскому княжеству. Оно простиралось въ эпоху Несторовой лѣтописи къ западу до бассейна Вислы, кривыякъ съ южной стороны къ выѣшной Галиціи (восточной, русской), откуда границу этого княжества съ польскими владѣніями составляли рѣки Быстрица и Влодава. Въ эпоху же еще болѣе древнюю, въ эпоху расселенія славянскихъ племенъ, племена вошедшія въ составъ Русскаго народа жили еще далѣе въ предѣлахъ выѣшняго Царства Польскаго; Дреговичи сѣли на водораздѣлѣ Буга и Нѣмана и оттуда колонизовали съ одной стороны лѣвый берегъ Буга, а съ другой—пространство между Нѣманомъ и Бобромъ, владѣя слѣдовательно сѣвѣрною частью Сѣдлецкой и частью Ломжинской губерній.

* Профессора Барсова *Очерки русской исторической географіи*. Варшава, 1873 года, стр. 103 и слѣд.

На основаніи спеціальныхъ изслѣдованій, рѣка Тросна (на нынѣшнихъ картахъ *Трѣсна*), берущая начало недалеко отъ Лукова и впадающая въ Бугъ ниже Бреста, была въ древнѣйшія времена западною границей русскаго населенія; Луковъ былъ построенъ Поляками (едва ли не въ XI вѣкѣ) какъ пограничное съ этой стороны укрѣпленіе.

Съ конца XIV вѣка Польское государство стало быстро выдвигать свою границу на востокъ и отхватывать у Россіи область за областью. Но это не измѣняло этнографической границы между русскимъ и польскимъ населеніями; на западномъ берегу Буга, равно какъ и на восточномъ жило русское населеніе, господствовалъ русскій духъ, слышался русскій языкъ, возвышались православные храмы; когда же частью изъ религіознаго фанатизма, частью по политическимъ соображеніямъ, Поляки начали утѣснять русскую народность и оскорблять ея религіозное чувство, Забужане поднялись противъ Поляковъ, точно также какъ Кіевляне, Сѣверяне, Волыняне и Галичане, какъ вся Украина. Въ первый же годъ возстанія въ 1648 году, Хмѣльницкій ходилъ въ Галицію (восточную) и въ Забужье, и какъ тамъ такъ и тутъ онъ былъ на Руси, дома, среди своихъ. „Переходя отъ Львова къ Замостью, говоритъ г. Костомаровъ, Хмѣльницкій былъ сопровождаемъ восторгомъ Русскаго народа.“* И здѣсь, какъ на берегахъ Днѣпра, доставалось не только Полякамъ-католикамъ, но и тѣмъ Русскимъ которые „себѣ головы голили (брили) по-польску, чулрину лускаючи на верхъ головы“. Современникъ, слова котораго приведены здѣсь, прибавляетъ что такъ поступали съ поляковавшими на всемъ пространствѣ отъ Замостья до Вислы, ** а г. Костомаровъ замѣчаетъ что нѣкоторые казачьи „загоны“ пробирались въ сѣверо-западную часть нынѣшней Сѣверской губерніи и жгли костелы и панскіе дворы вблизи самой Варшавы, *** доказательство что и здѣсь такъ же какъ на югѣ Люблинской губерніи, чуть не до Вислы жило населеніе сочувствовавшее Хмѣльничинѣ, слѣдовательно вѣроятно русское по происхожденію. Во всякомъ случаѣ, Хмѣльницкій

* *Богданъ Хмѣльницкій*. II, 33. (Спб. 1870 года) Костомарова.

** *Литюписъ Самовидца*. Кіевъ, 1878 года, стр. 15.

*** *Богданъ Хмѣльницкій*. I, 191.

послѣ первыхъ своихъ успѣховъ считалъ себя въ правѣ быть предъ польскимъ королемъ и панами Рады защитникомъ русской народности въ Русскомъ Забужьѣ, точно также какъ въ Кіевщинѣ, въ Галичинѣ и на Волини; въ такомъ смыслѣ начертанъ имъ былъ универсалъ 28 мая 1648 года, равно какъ инструкція данная послѣ Желтоводской побѣды посламъ коихъ Хмѣльницкій послалъ въ Варшаву. * Очевидно, слѣдовательно, что по понятіямъ какъ Украинцевъ вообще, такъ и мѣстнаго населенія, Забужье было русскою землей, населенною Русскимъ народомъ.

Но Хмѣльничина была послѣднимъ энергическимъ заявленіемъ русскаго національнаго духа въ Забужьѣ. Россія еще въ состояніи была въ это время принять всю обширность дара предложеннаго ей Богданомъ Хмѣльницкимъ, всей Украйны до Карпатъ и Вислы. Царь Алексѣй принималъ только малую часть этого дара, а именно Украйну лишь до Днѣпра. Такая умѣренность была можетъ-быть благоразумна со стороны „тишайшаго“ царя; но за то вся оставшаяся подъ польскою властью часть Украйны подверглась двойнѣзъ тяжкому гнету. Еще болѣе чѣмъ Варшавское правительство, польскіе паны и ксендзы преслѣдовали всякій признакъ національнаго духа, какъ между Днѣпромъ и Бугомъ, такъ и на лѣвомъ берегу Буга; унія съ каждымъ годомъ брала верхъ надъ православіемъ и въ свою очередь уступала католичеству часть своихъ завоеваній. Наступилъ XVIII вѣкъ; на русскомъ престолѣ воцарилась Екатерина. Сосѣди Польши начали дѣлать ее между собою. Россія перенесла свою границу съ Днѣпра на Бугъ, но далѣе за Бугъ перешагнуть не рѣшилась: этнографическія границы не принимались въ то время во вниманіе. Затѣмъ началась кройка земель за Бугомъ и Вислой, продолжавшаяся до 1815 года; то что отдавали сегодня Пруссіи, завтра уступалось Австріи, а затѣмъ Саксонскому курфюрсту. Въ концѣ концовъ, Забужье было включено въ предѣлы Царства Польскаго и вмѣстѣ съ нимъ признано „нераздѣльною частью Россійской Имперіи“.

Послѣ многовѣковаго отчужденія, нѣсколько сотъ тысячъ Русскихъ возвращались своему отечеству, становились подъ защиту своего природнаго государя. Къ несчастію,

* *Богданъ Хмѣльницкій*. I, 140.

Александръ I не призналъ въ нихъ своихъ родныхъ сыновъ и оставилъ ихъ въ непосредственной зависимости отъ Польскаго правительства, вопль самостоятельнаго въ то время въ Царствѣ Польскомъ. Во все царствованіе этого государя, да и во все время существованія польской автономіи, то-есть до 1831 года, ничего не было сдѣлано для охраненія русской національности въ русскомъ Забужьѣ; напротивъ, и Польское правительство, и польскіе помѣщики, и польское духовенство воспользовались для ополченія русскаго Забужья всѣмъ опытомъ предшествовавшихъ временъ, всѣми выгодами своего положенія и, наконецъ, нѣкоторыми новыми факторами общественной жизни. Еще съ начала XIX вѣка, или даже съ конца XVIII, забота о просвѣщеніи простонародья стала въ Западной Европѣ à l'ordre du jour. И вотъ, въ 1808 году, Варшавская эдукаціонная палата публикуетъ пламенное „воззваніе“, въ которомъ заявляется что въ Варшавскомъ герцогствѣ не только городъ или мѣстечко, но ни одна деревня не можетъ остаться безъ элементарнаго училища. * Но ни изъ этого „воззванія“, ни изъ регламентовъ и инструкцій за нимъ послѣдовавшихъ, не видно чтобъ учебная программа элементарныхъ училищъ для русскаго населенія была хоть сколько-нибудь приворована къ требованіямъ русской народности. *Правилами* для учительской семинаріи, единственной на все Варшавское герцогство, требовался отъ желающихъ поступить въ нее лишь *отечественный* языкъ, каковымъ конечно подразумѣвался не русскій, а *регламентомъ* для народныхъ училищъ постановлено было допускать въ иныхъ случаяхъ на учительскую должность лицъ и несимьющихъ желающихъ свидѣній „лишь бы кандидатъ зналъ польскій языкъ“.

Такимъ образомъ, съ перваго десятилѣтія нынѣшняго вѣка, школа сдѣлалась новымъ и очень важнымъ факторомъ въ дѣлѣ ополченія инородцевъ въ Варшавскомъ герцогствѣ. Характеръ правительственныхъ мѣропріятій въ этомъ отно-

* *Сборникъ административныхъ постановленій*. Варшава, т. I, 1866 года. Не слѣдуетъ однако полагать что всѣ города Варшавскаго герцогства мгновенно зацвѣли школами: въ концѣ 1830 года сельскихъ школъ въ Царствѣ Польскомъ было всего 329. См. *Situation de la Pologne au 1 janvier 1865*, par. Al. Moller. Paris 1865 p. 138.

шеніи ни мало не измѣнился и послѣ того какъ Царство Польское сдѣлалось „нераздѣльною частью Россійской Имперіи“. Современныя вѣявія были, правда, неблагопріятны старымъ шляхетскимъ понятіямъ, значеніе помѣщиковъ начинало по-видимому колебаться, но Польское правительство послѣдшило представить, а императоръ Александръ въ 1816 и 1818 годахъ—утвердить законы, изъ коихъ однимъ постановлялось что каждое помѣщичье имѣніе должно было образовывать *гмину* (волость), а по другому, каждый помѣщикъ дѣлался *de jure войтомъ* (старшиной) своей гмины. Такимъ образомъ къ обаянію богатства, знатности, образованія, привычекъ властвовать присоединилось значеніе агента правительственной власти; помѣщикъ имѣлъ возможность отнынѣ прикрывать свой личный произволъ авторитетомъ правительства, приказывать темному люду именемъ самого *Cezarza*. Что же касается русской части Царства, то-есть Забужья, то тамъ помѣщики получили несравненно большее значеніе: эти помѣщики сплошь иновѣрцы по отношенію къ народной массѣ, то-есть католики, были, на основаніи издавна существовавшихъ законовъ, патронами построенныхъ на ихъ земляхъ храмовъ, что давало имъ возможность не чинить православныхъ церквей, устраивать слишкомъ ревностныхъ поповъ-схизматиковъ, строить рядомъ съ разваливающимися церквами костелы и т. п. Каково же должно было стать ихъ вліяніе когда они сдѣлались и войтами, непосредственною административною властью! Со своей стороны, Холмскій уніятскій епископъ, естественно преданный болѣе католичеству чѣмъ уніи, издалъ еще въ 1815 году и притомъ на польскомъ языкѣ *Правила о порядкѣ богослуженія*, каковыми правилами онъ вводилъ въ богослуженіе уніатовъ многіе католическіе обряды и обычаи, какъ, напримѣръ, игру на органахъ, колокольчики и „тихую мшу“. * Этотъ епископъ допускалъ въ свою консисторію одинаково католиковъ и уніатовъ; а Холмскую уніятскую семинарію онъ наполнилъ католиками до такой степени что она, можно сказать, утратила свой уніятскій характеръ. Мало-по-малу переписка по дѣламъ уніятской епархіи стала производиться на польскомъ

* См. брошюру *Князь В. А. Черкасскій и холмскіе греко-уніаты*. Варшава, 1879, стр. 14—18. Эта брошюра составлена главнымъ образомъ на основаніи официальныхъ источниковъ.

языкъ; что касается перелиски по дѣламъ гражданскимъ, то она со временъ еще королевства Польскаго велась въ Забужьѣ не иначе какъ по-польски. Мѣстное польское правительство и мѣстныя польскія власти рѣшительно не признавали русскаго населенія въ Царствѣ Польскомъ, а въ Петербургѣ едва ли знали о его существованіи.

Не скоро вспомнили о немъ и послѣ 1831 года при составленіи устава для учебныхъ заведеній Царства; въ этомъ уставѣ, въ статьѣ о приходскихъ училищахъ, упоминается только о преподаваніи одного языка—польскаго; притомъ же этотъ уставъ отдавалъ начальныя училища подъ непосредственный надзоръ приходскихъ священниковъ (вышколевыхъ въ Холмской семинаріи) и ввѣрялъ оныя „просвѣщенной и заботливой объ общественномъ благѣ олекѣ помѣщикамъ“ * (хотя не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ они сражались противъ Россіи!). Можно представить себѣ съ какимъ злорадствомъ и съ какою настойчивостью вытравлялись въ Забужскомъ населеніи всѣ остатки національнаго чувства!

И все-таки эти чувства не были окончательно вытравлены. Ихъ вызвалъ къ жизни фактъ великой важности съ точки зрѣнія народности и религіи—возсоединеніе бѣлорусскихъ уніатовъ съ православіемъ. Въ 1837 году, когда въ Бѣлоруссіи движеніе въ духѣ этого возсоединенія уже начиналось, двадцать „благонадежныхъ“ уніатскихъ священниковъ изъ Забужья, —вѣроятно изъ окрестностей Бреста,—обратились къ митрополиту Іосифу Симашку съ прошеніемъ принять ихъ въ лоно православія, такъ какъ вышшее поведеніе холмскаго (уніатскаго) епархіальнаго начальства показываетъ де что „оно не только само себя, но и всю епархію усиливается обратить въ латинизмъ“. ** Въ высшей степени замѣчательно при этомъ что прошеніе, о коемъ мы говоримъ, написано по-польски и что просители не рѣшались подписать подъ нимъ свои имена ***, предоставляя преосвящен-

* Сборникъ административныхъ постановленій. Т. I.

** Кн. В. А. Черкасскій, 110 и слѣд.

*** Это прошеніе, напечатанное въ № 5 Холмско-Варш. Епарх. Вѣст. 1878 года, подписано такъ: „Благонадежныхъ двадцать священниковъ Холмской епархіи“... Оно осталось безъ послѣдствій. Преосвященный Симашко, представляя куда слѣдуетъ это прошеніе, выражалъ — и не въ первый какъ видно разъ—мнѣніе что было бы полезно присоединить Забужскихъ уніатовъ къ Литовской епархіи. Безъ послѣдствій осталось и это дѣльное мнѣніе.

ному, если онъ обратитъ вниманіе на ихъ ходатайство, войти въ сношеніе съ однимъ изъ ихъ единомышленниковъ, который одинъ только и названъ въ прошеніи. Очевидно, къ такой скрытности побудило ихъ опасеніе что объ ихъ поступкѣ узнаютъ какъ-нибудь уніятскія или —еще хуже— католическія духовныя власти, и отсутствіе вѣры въ мѣстную свѣтскую власть, въ ея готовность или умѣнье защитить національное русское чувство...

А дѣло было въ царствованіе императора Николая, энергическаго поборника православія, во время управленія краемъ князя Паскевича, который былъ облеченъ почти неограниченными полномочіями... Но есть извѣстія что князь Паскевичъ положительно не желалъ чтобы движеніе бѣлорусскихъ уніатовъ коснулось Забужья. * Не оказывалъ онъ покровительства и русскому языку не только въ Царствѣ вообще, но и въ русской его части. Подчиненные ему министры Внутреннихъ Дѣлъ и Исповѣданій въ Царствѣ, сначала Головицъ, а послѣ него Шиповъ, сдѣлали нѣсколько попытокъ къ восстановленію въ Забужьѣ правъ русскаго языка. Но намѣстникъ не поддержалъ этихъ попытокъ; назначенный министерскимъ распоряженіемъ въ Холмскую семинарію учитель русскаго языка почему-то „былъ вынужденъ преподавать свой предметъ по-польски“, да и на польскомъ же языкѣ и по католическимъ учебникамъ преподавалась катехизисъ уніатамъ; молитвы же на славянскомъ языкѣ обходились молчаніемъ. ** Варшавскій (православный) епископъ Антоній горько жаловался въ 1836 году что греко-уніатское юношество воспитывается доселѣ въ свѣтскихъ польскихъ училищахъ и слушаетъ уроки по Закону Божию у римско-католическаго духовенства. *** Но эти жалобы оставались безъ послѣдствій. Въ 1849 году обнародовано было наконецъ особое *Положеніе* о начальныхъ училищахъ для уніатовъ или, какъ называли ихъ тогда на официальномъ языкѣ,

* *Русскія школы въ Привислинскомъ краѣ* г. Крыжамовскаго, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1875. Май, стр. 4. Данныя этой статьи измечены изъ мѣстныхъ архивовъ.

** *Кн. В. А. Черкасскій*, 19.

***, *Русскія школы въ Привисл. краѣ*, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1875. Апрель, 254.

„Руссиновъ“. * Въ этихъ школахъ преобладала русская и церковно-славянская грамота. Но откуда же взять учителей русскаго и церковно-славянскаго языковъ? Мы видѣли какъ преподавался русскій языкъ въ мѣстныхъ, даже среднѣхъ учебныхъ заведеніяхъ и сквозь какую муштровку проходили предварительно уніятскіе священники. При такихъ условіяхъ, Положенію 1849 года очевидно предстояло остаться мертвою буквой. **

* *Сборникъ административныхъ постановленій.*

** Ближайшее знакомство съ административною дѣятельностью князя Паскевича очень разочаровываетъ на его счетъ. Онъ былъ повидимому или подъ славнымъ вліяніемъ мѣстной аристократіи и мѣстнаго духовенства, или гонялся за общественнымъ мнѣніемъ Западной Европы, и во всякомъ случаѣ былъ совершенно чуждымъ пониманію вопросовъ національныхъ, религіозныхъ и вообще культурныхъ. Мы привыкли считать его грознымъ, но и разумнымъ деспотомъ; изслѣдованія г. Крыжановскаго и автора брошюры о князѣ Черкасскомъ доказываютъ что его обманывали на каждомъ шагу и распоряженія его не исполнялись. Учебный уставъ 1833 года представлялъ огромное вліяніе на учебныя заведенія ксендзамъ, а затѣмъ отдѣльными распоряженіями министрука эта власть была постепенно расширяема, такъ что въ педагогическихъ совѣтахъ по вопросамъ педагогическимъ и нравственнымъ голосъ ксендза-законучителя слышался рѣшающимъ. Г. Крыжановскій прибавляетъ: „Ежедневно ксендзъ обходилъ квартиры учениковъ, повѣрялъ занятія ихъ, образъ мыслей, давалъ всѣмъ наставленія или приглашалъ къ себѣ для наставленій одиночныхъ, вступалъ въ сношенія съ родителями, въ особенности съ гувернерами“. И далее: „Первоначально, по уставу 1833 года, штатный законучитель назначенъ былъ только для учениковъ католическаго исповѣданія, о прочихъ исповѣданіяхъ въ уставѣ не упоминалось. *Всѣ ученики греко-уніятскаго исповѣданія обязаны были, безо всякаго впрочемъ офиціальнаго распоряженія, слушать уроки Закона Божья наравнѣ съ учениками-католиками*“. Наравнѣ съ ними они посѣщали и католическое богослуженіе. То что разказываетъ авторъ брошюры о князѣ Черкасскомъ, еще ярче рисуетъ или слабость князя Паскевича, или его непониманіе вопросовъ извѣстной категоріи.

II.

Результатомъ такого положенія дѣлъ въ Забужьѣ было быстрое его ополаченіе и переходъ его населенія изъ униі въ католичество; уніятскія церкви, никѣмъ не поддерживаемыя, разрушались, а прихожане приучились посѣщать католическіе костелы. По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ апрѣлѣ 1864 года изъ 344 приходскихъ и приписныхъ уніятскихъ церквей Забужья находились въ обветшаломъ видѣ 208, изъ коихъ 161 требовали безотлагательнаго исправленія, а всѣ вообще уніятскія церкви не имѣли не только приличной утвари, но и многихъ необходимыхъ предметовъ для богослуженія. * Во многихъ мѣстахъ богослуженіе совершалось въ избахъ и сараяхъ, ибо ближайшая церковь находилась въ разстояніи 10—15 верстъ, „а костелъ подъ бокомъ“.

Не станемъ удивляться этому; такое положеніе дѣлъ велось въ продолженіе 250 лѣтъ! Поэтому, пишетъ нѣкто ** посѣщавшій сѣверо-восточную часть Сѣдлецкой губерніи въ 1865 году, „вотъ мѣстечко Мукободы, вотъ деревня Креслинь въ которыхъ, по оставшимся ламатвицамъ, владѣльцы ихъ Ходкевичи обезличивали церкви и русскихъ священниковъ, учреждали школы,—вотъ мѣстечко Морды въ которомъ уніятская церковь сгорѣла въ 1773 году и отдѣльный уніятскій приходъ уничтоженъ въ 1819 году,—вотъ мѣстечко Коссовъ-русскій, деревни Бучинъ-русскій, Стокъ-русскій, вотъ Купятинъ—резиденція кн. Радзивилловъ, ревностныхъ покровителей православія въ этой околицѣ въ XVII вѣкѣ, вотъ большая деревня Нивиски составлявшая въ XVII вѣкѣ вмѣстѣ съ сосѣдними деревнями уніятскій приходъ,—во всѣхъ этихъ мѣстечкахъ и деревняхъ не было уже въ то время (въ 1865 году) ни одного уніята; всѣ жители были католики и привыкли считать себя Поляками! Вотъ Камянка-русская въ которой считалось тогда всего 7 уніатовъ на 245 католиковъ, Савице-русское въ которомъ было 18 уніатовъ на 167 католиковъ, Яблонна-русская съ 8 уніатами на 238 католиковъ. Въ этомъ уголкѣ русскаго Подлясья, на которомъ въ XV

* Кн. В. А. Черкасскій. 81.

** Кн. В. А. Черкасскій. 97.

и XVI вѣкахъ среди русскаго населенія стали появляться небольшіе поселки мазуровъ-католиковъ, уніаты оставались еще въ 82 селеніяхъ, но изъ нихъ въ 49 оставалось менѣе чѣмъ по десяти уніатовъ, въ нѣкоторыхъ считали по одному, по два и по три уніата, и только въ восьми поселеніяхъ число уніатовъ незначительно превышало число латинниковъ! Отъ этого угла, по направленію къ городу Лукову: деревня Русская Весь въ которой не было уже ни одного Русскаго, ни одного уніата, но всѣ жители исповѣдывали латинство и, сохранивъ еще въ значительной степени русское нарѣчіе и русскіе обычаи, уже привыкли называть себя Поляками; Русская Воля въ которой оставалось 60 уніатовъ на 493 католика. Отъ той же мѣстности по направленію къ Бресту: мѣстечко Лосице въ которомъ, по свидѣтельству самихъ уніатовъ, данному въ слѣдственной комиссіи въ 1865 году, и по церковнымъ спискамъ, съ 1840 года совращено въ латинство до 400 душъ; далѣе мѣстечко Константиновъ въ которомъ до 1863 года былъ священникомъ номинатъ Каливскій, не оставившій въ немъ послѣ себя ни одного уніата *; городъ Яновъ въ которомъ число совращенныхъ послѣ 1840 года считалось сотнями и т. д. Въ древнихъ русскихъ городахъ: Радивъ и Парчевъ въ то время считалось всего 5—7 душъ уніатскихъ... Въ деревнѣ Волоской Волѣ въ томъ же 1865 году мы видѣли дѣтей отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ которыя бойко читали по ламатіи славянскія, обычныя у простонародья молитвы, изучивъ ихъ со словъ родителей своихъ, но были, по словамъ ихъ, латинниками и Поляками („мы по-польску“), что подтвердилъ и мѣстный солтысъ. ** Оказалось что хотя въ этой деревнѣ имѣлась уніатская церковь, но епархіальное начальство не назначало священника уже около десяти лѣтъ, и всѣ требы исправлялъ въ ней сосѣдній ксендзь, который путемъ крещенія младенцевъ успѣлъ создать такое уродливое явленіе что отецъ и мать были уніатами, а ихъ малыя дѣти считались латинниками и Поляками. За то „въ 1864 году на пространствѣ Холмской (уніатской) епархіи было три епископскія латинскія кафедръ, три латинскія семинаріи и до 30 латинскихъ монастырей.“ ***

* То-есть переманившій всѣхъ въ католичество.

** Сетскій.

*** Кн. В. А. Черкасскій, стр. 97—99.

Въ городѣ Яновѣ, продолжаетъ цитируемый авторъ, уніатскій священникъ въ теченіе уже 15 лѣтъ долженъ былъ совершать богослуженіе въ костелѣ доминиканскаго монастыря, а въ мѣстечкѣ Пищацѣ—въ мѣстномъ костелѣ въ продолженіе 27 лѣтъ; въ обоихъ случаяхъ, потому что своихъ церквей не было. Но почему же ихъ не было? Вѣдь не касаясь того времени когда Царство Польское пользовалось автономіей, почти 35 лѣтъ уже краемъ управляли, и притомъ съ полномочіями почти безграничными, русскіе генералы, русскіе намѣстники!..

А изъ всего предшедшаго мы должны придти къ заключенію что площадь русскаго Забужья была нѣкогда обширнѣе нынѣшняго. Главное же населеніе этой площади, которое безъ сомнѣнія было въ прежнія времена сплошь русское и православное, теперь растворено огромнымъ процентомъ Поляковъ и Евреевъ. Во многихъ селеніяхъ, бывшихъ нѣкогда несомнѣнно русскими, теперь уже не услышишь русскаго слова... Размѣры утратъ понесенныхъ такимъ образомъ русскою народностью огромны; исчислить ихъ съ точностью невозможно, но приблизительное понятіе о нихъ даютъ цифры собраныя извѣстнымъ статистикомъ нашимъ Риттихомъ (*Материалы для статистики Царства Польскаго*). По свидѣніямъ его, собранымъ впрочемъ давно, въ началѣ 60хъ годовъ, на пространствахъ нынѣшнихъ Люблинской и Сѣдлецкой губ. числится:

По вѣрисповѣданіямъ:		По племенамъ:	
Православныхъ.....	6.629 0,25%	Русскихъ	457.098 45,22%
Уніатовъ (нынѣ правосл.)	213.546 21,16	Поляковъ	403.687 40,08
Старообрядцевъ.....	117 0,51	Нѣмцевъ	7.646 0,75
Католиковъ.....	640.423 63,51	Евреевъ	139.716 13,86
Протестантовъ.....	7.646 0,75	Татаръ	284 0,08
Иудеевъ.....	139.716 13,86		
Магометанъ.....	246 0,08		

Итакъ, *Русскихъ* — 457.000, то-есть 45 слишкомъ процентовъ общаго населенія, а *православныхъ* только 220.000, около 22%. Что это значитъ? Что до 237.000 Русскихъ съ теченіемъ времени утратили свою народную вѣру и свой народный языкъ, оставшись Русскими только съ исторической точки зрѣнія. Да еще вопросъ, въ какой степени надежны эти 220.000 нынѣшнихъ православныхъ...

Дѣло наше въ Забужьѣ однако не потеряно еще. Русская жидка продолжала биться тамъ хотя и слабо. Отъ времени до времени изъ среды уніятскаго духовенства возвышались голоса подобные голосу „20 благонадежныхъ“ священниковъ*, мѣстное правительство получало иногда прошенія цѣлыхъ сельскихъ обществъ объ открытіи настоящихъ русскихъ школъ. Въ началѣ 1864 года, когда въ средѣ Учредительнаго Комитета возникла мысль ввести въ Царствѣ Польскомъ сельскую стражу по примѣру Западнаго края, съ этою цѣлью вызваны были въ Варшаву начальники военныхъ отдѣловъ для совѣщанія. Они почти всѣ признали неудобнымъ давать оружіе сельскому населенію, за исключеніемъ лишь Люблинскаго отдѣла; начальникъ послѣдняго, генералъ Хрущовъ, заявилъ, между прочимъ, что сельская стража принялась особенно хорошо въ Грубешевскомъ уѣздѣ „между тамошними Русинами“. ** Словомъ, чувствовалось еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ что пульсъ національной жизни еще не пересталъ биться въ Забужьѣ, и подъ заботливою рукою кн. Черкаскаго и его друзей сотрудниковъ она начала быстро возобновляться. Не только по дѣламъ духовнымъ, но и по гражданскимъ, польскій языкъ былъ вытѣсненъ русскимъ, разрушавшіяся церкви были восстановлены; мало-по-малу основаны вполнѣ русскія школы съ полнымъ изытіемъ ихъ отъ вліянія католическаго духовенства. Нынѣ въ губерніяхъ Люблинской и Сѣдлецкой считается православныхъ церквей 268, а начальныхъ школъ въ коихъ преподаваніе производится на русскомъ языкѣ—346, населенія же русскаго и православнаго числилось къ 1 января 1881 года 320.751 человекъ на 1.424.690 душъ общаго населенія***.

Эти факты довольно утѣшительны. Русскія школы и православныя церкви имѣютъ въ данномъ случаѣ огромное значеніе, и съ политической точки зрѣнія сила ихъ не подлежитъ сомнѣнію. Но эта сила дѣйствуетъ

* Нѣсколько подобныхъ заявленій напечатано въ *Холмско Варш. Епарх. Вѣстн.* 1878 года, № 8.

** Отчетъ генер. полицейм. въ Царствѣ Польскомъ.

*** Число школъ и церквей заимствовано изъ особо собранныхъ официальныхъ данныхъ, а число жителей—изъ памятныхъ книжекъ на 1881 годъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній.

медленно, а время мы едва ли можемъ считать своимъ союзникомъ. Все богатое, вліяющее, притягивающее,—помѣщики, ксендзы, торговые и денежные люди,—всѣ мѣстныя общественныя силы противъ насъ. Вообразимъ себѣ что на сосѣднемъ ланскомъ дворѣ невѣстамъ-католичкамъ даютъ приданое, а православнымъ вѣтъ; что на оосѣдней фабриктѣ или экономіи для работниковъ изъ Русскихъ никогда вѣтъ свободныхъ мѣстъ; что на другой фабриктѣ или на другой экономіи Русскихъ хоть и принимаютъ, но ни директоръ или экономъ, ни большинство рабочихъ не говорятъ по-русоки, а за прогулъ въ православные праздники установлены значительные штрафы; вообразимъ себѣ что торговши-Евреи, съ которыми крестьяне имѣютъ дѣло въ городѣ и которые рыщутъ по деревнямъ, не говорятъ иначе какъ по-польски; что по поводу всякой бѣды или неудачи въ домѣ бывшего уніата сосѣдка-католичка назидательно внушаетъ: „это тебѣ за то что ты въ костелъ не ходишь, что отъ папы отрекся“; вообразимъ себѣ, наконецъ, что въ равномъ разстояніи отъ усадьбы русскаго мужика и маленькая, только что сооруженная правительствомъ православная церковь, и колоссальный, вѣка простоявшій костелъ, окруженный могилами десяти поколѣній, въ которомъ были крещены и вѣнчаны тоже десять поколѣній; прибавимъ къ этому что изъ костела ежедневно льются чистые звуки органа, а въ праздничные дни къ нему валомъ-валитъ лѣвшій народъ и мчится „вельможное ланство“ въ коляскахъ, тогда какъ изъ православной церкви едва доносится по воскресеньямъ до лалерти одинокій голосъ дьячка;—вообразимъ только себѣ все это, и одновременно съ тѣмъ мы рѣшимъ: можетъ ли священникъ, хотя бы и образцовый (а гдѣ взять 268 образцовыхъ священниковъ?), отстоять и соблюсти свою ланству и что тутъ подымаетъ земская полиція, хотя бы идеальная.

Только что изложенное приводитъ насъ къ заключенію что прежде всего и больше всего Забужье нуждается въ усиленіи въ немъ русскаго элемента, въ русской колонизаціи. Операция сложная, трудная, дорого стоящая, но за то и дѣйствуетъ она радикально. Громадное значеніе ея лежатъ въ нашихъ правительственныхыхъ сферахъ: по газетнымъ слухамъ, генералъ Черняевъ проситъ направить пересе-

ленцевъ въ Туркестанъ; въ Усурійскій край они уже направлены; неужели же менѣе важны причины требующія присутствія Русскихъ на лѣвомъ берегу Западнаго Буга? Неужели интересы Россіи здѣсь менѣе серіозны чѣмъ на берегахъ Сыръ- и Аму-Дарьи? А препроводить переселенцевъ на Бугъ несравненно легче и удобнѣе чѣмъ на берега Тихаго Океана или даже въ Среднюю Азію. За то, возразятъ намъ, тамъ обиліе свободныхъ земель, а гдѣ взять ихъ въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ? Правда, казенныхъ земель вообще очень мало въ Царствѣ Польскомъ. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ, за неразчетливою раздачею этихъ земель въ качествѣ майоратовъ, ихъ осталось во всей Люблинской губерніи 73 морга (36—37 десятинъ), а въ Сѣдлецкой не многимъ больше; за то въ этой послѣдней числится майоратныхъ земель 96.356, а въ Люблинской 51.270 морговъ. Всего же въ обѣихъ губерніяхъ кругомъ 147.000 морговъ или 75.000 десятинъ. Вотъ эти-то земли и должны доставить площадь для русской колонизаціи. Но предварительно надо сказать о майоратахъ пару пояснительныхъ словъ.

При раздачѣ майоратовъ въ тридцатыхъ, а потомъ въ шестидесятыхъ годахъ, имѣлось въ виду образовать въ Царствѣ Польскомъ крупное русское землевладѣніе, которое вмѣстѣ съ мѣстнымъ крестьянствомъ составило бы, какъ полагали, силу достаточно надежную на которую правительство всегда можетъ разчитывать, а въ случаѣ надобности и опереться. Цѣль эта и была бы вѣроятно достигнута еслибы майораты раздавались систематически, въ избранной съ политическимъ разчетомъ мѣстности и майоратъ возлѣ майората. Еслибы, напримѣръ, всѣ казенныя земли восточной части Люблинской и Сѣдлецкой губерній были въ началѣ тридцатыхъ годовъ обращены въ майораты, и притомъ съ непремѣннымъ условіемъ чтобы владѣльцы оныхъ, или хотя ихъ наследники, проживали въ нихъ постоянно, и еслибы майоратовъ было побольше хотя и не очень крупныхъ,—то майоратисты образовали бы корпорацію въ родѣ дворянской, связанную единствомъ вѣроисповѣданія, національности, политическихъ и матеріальныхъ интересовъ, корпорацію которая вѣроятно не допустила бы чтобы церковныя обряды иекажались въ духѣ католичества, чтобы холмскихъ семинаристовъ обучали Закону Божію на польскомъ языкѣ и по

католическимъ учебникамъ и чтобы русскій языкъ былъ изгнанъ изъ мѣстныхъ училищъ. Эта корпорація конечно не осталась бы безъ вліянія и на многое другое. Она можетъ быть приучила бы мѣстныхъ Евреевъ говорить по-русски, сдѣлала бы ихъ Евреями русскими изъ польскихъ, а Евреи составляютъ большинство городского населенія въ данной мѣстности. Такимъ образомъ въ Забужьѣ могло бы уже къ настоящему времени образоваться и земство съ надлежащею долей самоуправленія и способное подчинить себя если не ассимилировать ичородческіе элементы. При указанныхъ условіяхъ вѣроятно и воссоединеніе уніатовъ совершилось бы услѣшнѣе. Но, какъ при князѣ Паскевичѣ, такъ и при графѣ Бергѣ, майораты раздавались безо всякой системы. Ихъ разбросали по всему пространству Царства Польскаго, по границамъ Пруссіи и Австріи, въ мѣстностяхъ съ населеніемъ нѣмецкимъ и литовскимъ. Что же было результатомъ такого необдуманнаго разбрасыванія майоратовъ? То что какъ ни много ихъ роздано, они лопнули въ польскомъ морѣ. Значеніе ихъ, какъ крупнаго русскаго землевладѣнія, равно нулю, или даже отрицательной величины: лишущій эти строки видѣлъ зимой 1863—64 годовъ въ Варшавѣ сыновей нѣкоторыхъ майоратистовъ Паскевичаго времени родившихся и воспитавшихся въ Царствѣ и, какъ по языку такъ и по понятіямъ, болѣе походившихъ на Поляковъ чѣмъ на Русскихъ... Можетъ-быть такіе случаи сдѣлались невозможны въ наше время, но вопросъ о полезности майоратовъ отъ этого не измѣняется существенно. Всѣ эти майоратѣ, за ничтожными развѣ исключеніями, сдѣются въ аренду, а арендаторы (официально они именуются управляющими, экономами, ибо сдавать въ аренду майораты воспрещается)—натурально мѣстные уроженцы. Въ чьихъ же, сдѣдовательно, рукахъ дѣйствительно находятся майораты—въ рукахъ Русскихъ или Поляковъ? Способствуютъ ли владѣльцы этихъ майоратовъ усиленію хоть на волосъ правительственнаго вліянія Россіи и можетъ ли на нихъ опереться правительство? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Они не могутъ поручиться даже что съ ихъ земель не будетъ вноситься, въ случаѣ новаго повстанья, подать на это повстанье, что въ ихъ лѣсахъ не будутъ укрываться повстанскія банды, а въ садахъ ихъ не будутъ качаться на деревьяхъ трупы преданныхъ правительству чиновниковъ...

Грубую ошибку, сдѣланную княземъ Паскевичемъ и повторенную графомъ Бергомъ, слѣдуетъ исправить; а исправленіе указанной ошибки принесетъ неисчислимую пользу и будетъ важнымъ шагомъ къ разрѣшенію Польскаго вопроса. Для этого слѣдовало бы возвратить въ казну находящіяся въ русскомъ Забужьѣ, т.е. въ восточной части Сѣдлецкой и Люблинской губерній, майораты, владѣльцы коихъ, разумѣется, должны быть вознаграждены такъ или иначе. Эти майоратныя земли, какъ уже сказано, должны сдѣлаться приемниками прибывающаго въ край русскаго населенія. Но, прежде всего, не будетъ ли это нарушеніемъ собственности? Майораты дарованы: а) какъ награды за заслуги отечеству, б) въ виду известной государственной цѣли и в) въ собственность не полную, условную. А такъ какъ они послужили къ осуществленію этой цѣли и оказываются бесполезными въ данной мѣстности, то почему бы не дать теперешнимъ майоратамъ соответственныя майораты въ другихъ мѣстахъ, не вознаграждать ихъ деньгами по взаимному соглашенію, не обмѣнить майоратовъ, т.е. владѣній условныхъ, на владѣнія предоставляемая въ полную собственность и т. п.? А тѣ 75.000 десятинъ которыя доставили бы вышшіе майораты въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ (предполагая что земля сплошь годна подъ земледѣіе и что переселенцамъ назначались бы надѣлы равныя среднимъ мѣстнымъ, т.е. по четыре, пяти десятинъ на дворъ или семью)—эти 75.000 десятинъ представили бы площадь достаточную для водворенія 15.000 или болѣе русскихъ крестьянскихъ семействъ, или по крайней мѣрѣ 75 тысячъ душъ обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ. Но майоратныя земли не единственныя коими можно воспользоваться въ интересъ колонизаціи; къ нимъ можно присоединить остатки (ничтожныя, впрочемъ) казенныхъ земель, остатки имѣній подушковыхъ * и наконецъ тѣ изъ числа послѣднихъ которыя приобрѣтены частными лицами и не приносятъ пользы новымъ владѣльцамъ, вслѣдствіе ихъ неумѣнія хозяйничать, недостатка капиталовъ, отсутствія личнаго надзора и т. д. Мало того, если русская колонизація между Вислой и Бугомъ признана будетъ необходимою, то можно найти и еще средства для расширенія колонизаціи.

* Конфискованныхъ по поводу мятежа 1863—64 годовъ.

онной площади; безъ сомнѣнія, многіе крестьяне-собственники станутъ за порядочную цѣну продавать свои земли, особенно Нѣмцы * систематически пробирающіеся на Волынь; да будутъ продавать свои земли за хорошую цѣну и Поляки-крестьяне, хоть, безъ сомнѣнія, ихъ станутъ сильно отклонять отъ этого. Станутъ, вѣроятно, исподоволь продавать и Поляки-помѣщики: деньги большая сила.

Но, замѣтять намъ, есть ли вѣроятность что переселенческой потокъ пойдетъ изъ Россіи къ западу? Естественное его стремленіе—къ востоку. Намъ извѣстно изъ исторіи, однако, что вѣкогда народъ уходилъ и за „Литовскій рубежъ“—разумѣется изъ ближайшихъ губерній. Доказательства этому и теперь еще валяцо, какъ, напримѣръ, знаменитая въ раскольниковѣхъ мѣръ слобода Вѣтка, бывшая за „Литовскимъ рубежемъ“ еще во времена Пугачева. Доказательства этому и существующія въ Сувалкской губерніи раскольниковыя селенія. Поэтому можно думать что изъ Черниговской и Полтавской по крайней мѣрѣ губерній, въ которыхъ стремленіе къ переселенію въ послѣднее время обнаружено, оно можетъ быть безъ особыхъ усилій направлено на западъ. Полагать можно что и крестьяне Воронежской и Курской губерній, откуда народъ тоже претъ на востокъ, поймутъ что имъ легче и дешевле добраться до Буга чѣмъ до Усури, Амура и даже Иртыша. А впрочемъ, со стороны казны, надо быть готовымъ на нѣкоторыя, даже немаловажныя пожертвованія для этой цѣли. Вѣдь не безъ расходовъ же совершается заселеніе Усурійскаго края русскими крестьянами, и расходы эти конечно значительнѣе тѣхъ какіе нужны для заселенія Забужья, цѣль же отнюдь не важнѣе.

Но рѣчь теперь не о расходахъ, а о переселенческомъ движеніи и о личномъ составѣ колонизаціи. Если нельзя не

* Такъ какъ земля въ Царствѣ Польскомъ дешевле чѣмъ въ Пруссіи, то мелкіе прусскіе землевладѣльцы, продавъ свои земли, покупаютъ на вырученныя деньги гораздо большее количество земли въ западныхъ частяхъ Царства Польскаго; черезъ нѣсколько лѣтъ они продаютъ эти земли съ полнымъ на нихъ хозяйствомъ другимъ выходцамъ изъ Пруссіи, а сами перебираются за Висау, гдѣ земля еще дешевле; тутъ повторяется та же операція, и прусское переселеніе оканчивается на Волыни. Это фактъ официально заявленный бывшимъ кievскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ.

признать одностороннюю мысль о водвореніи здѣсь русскаго элемента привлеченіемъ въ среду мѣстнаго населенія крупныхъ русскихъ землевладѣльцевъ, дворянъ-самоуправляющихся, то не мѣше одностороннее было бы возлагать надежды и на одну крестьянскую колонизацію. Крестьяне, особенно составляющіе *мѣръ*, необыкновенно устойчивы: обезнародить ихъ чрезвычайно трудно; но въ настоящемъ случаѣ нужна не консервативная только, а и эксклавивная сила, нужны всѣ элементы общественной организаціи, представители всѣхъ сословій. Только при этихъ условіяхъ всѣ отправления общественной жизни будутъ русскими, хоть бы и въ немногихъ лишь мѣстахъ на первое время. Это условіе усложняетъ и затрудняетъ и безъ того сложную и трудную задачу колонизаціи. Задача эта однако разрѣшима. Начнемъ съ городского сословія. Большинство населенія городовъ Сѣдлецкой и Люблинской губерній—Евреи, огромная масса коихъ находится въ крайней нищетѣ. А такъ какъ эта нищета происходитъ не отъ лѣни, а отъ чрезмѣрнаго непропорціональнаго съ другими сословіями числа торговцевъ, то нѣтъ сомнѣнія что множество бѣдняковъ-Евреевъ съ радостію покинули бы свои нынѣшнія мѣста жительства въ Забужьи, еслибы имъ было разрѣшено переселиться въ Имперію. Полагать можно что часть ихъ переселилась бы безо всякаго пособія со стороны казны, а остальные удовольствовались бы даровымъ переѣздомъ по желѣзнымъ дорогамъ.* Что касается русскихъ переселенцевъ въ города Забужья, то кромѣ нѣкоторыхъ денежныхъ пособій при переселеніи, заботъ о помѣщеніи для нихъ на первое время и нѣкоторыхъ временныхъ льготъ полезно было бы оказать содѣйствіе образованію торговыхъ и промышленныхъ товариществъ изъ сихъ переселенцевъ, ибо безъ нѣкоторой организаціи и безъ вкладочныхъ капиталовъ имъ едва ли удастся выдержать конкуренцію съ мѣстными Евреями.

* Допущеніе Евреевъ выселяться изъ Царства Польскаго, по крайней мѣрѣ изъ Забужья, и изъ Западнаго края въ остальные части Имперіи есть настоятельная необходимость. Бѣдность ихъ нынѣшнихъ мѣстахъ ихъ осѣлости невообразима, и образу непропорціонально большой классъ торговцевъ, они по необходимости лежатъ тяжкимъ бременемъ на остальномъ населеніи, тогда какъ въ большей части русскихъ городовъ чувствуется недостатокъ въ промышленникахъ и предприимчивыхъ торговцахъ.

Что касается крупныхъ землевладѣльцевъ, то-есть помѣщиковъ, то этотъ элементъ, независимо и даже преимущественнѣе могущаго прибыть изъ Имперіи, могутъ доставить служащіе, военные и гражданскіе, Русскіе въ Царствѣ Польскомъ, которые пожелали бы получить земли въ Забужьѣ вмѣсто слѣдуемой имъ пенсіи, съ непрѣмѣннымъ притомъ обязательствомъ жить въ полученныхъ имѣніяхъ. Мысль о такой замѣнѣ денежныхъ пенсій земельными надѣлами не нова и очень популярна между русскими офицерами и особенно между гражданскими русскими чиновниками Царства Польскаго. Эту мысль, сколько извѣстно, имѣлъ покойный Н. А. Милютинъ, а еще ранѣе князь Паскевичъ, въ управленіе коего была выработана и проектъ для ея осуществленія. Къ несчастію, ее успѣла заслонить система майоратовъ, несравненно болѣе выгодная для вліятельныхъ лицъ, но не принесшая государству ни малѣйшей пользы. Напротивъ, самая живучесть и популярность мысли о замѣнѣ пенсіи земельнымъ надѣломъ говорить въ ея пользу. Въ самомъ дѣлѣ, человекъ прослужившій въ разныхъ мѣстахъ и въ томъ же числѣ въ Царствѣ Польскомъ десятка три лѣтъ и болѣе, если онъ не имѣетъ въ Имперіи значительныхъ недвижимостей, обыкновенно колеблется по окончаніи службы, возвратиться ли на родину. Родственные и иныя связи его тамъ съ теченіемъ годовъ ослабѣли, порвались; ни что туда не манитъ его. Напротивъ того, въ мѣстѣ долгаго своего служенія онъ нажилъ друзей, его дѣти тутъ около него; тутъ же и могилы нѣсколькихъ близкихъ ему людей, да и привыкъ онъ къ сравнительно пріятному климату привислискихъ губерній. Вотъ почему весьма многіе пенсіонеры наши остаются въ Варшавѣ и другихъ городахъ этого края. Но живутъ они безо всякаго дѣла, ни чему и ни кому не приносятъ пользы и верѣдко, къ сожалѣнію, утрачиваютъ свою національность. А между ними есть много людей еще не старыхъ, не лишившихся еще силъ и которые могли бы съ пользой для себя, для своихъ семействъ, а главное для общаго русскаго дѣла заняться сельскимъ хозяйствомъ и усилить русскій элементъ въ Забужьѣ. Они конечно не были бы великими агрономами, но могли бы однако хозяйничать не безъ выгодъ, пользуясь примѣромъ своихъ сосѣдей, ибо сельское хозяйство находится на весьма удовлетворительномъ уровнѣ

въ Царствѣ Польскомъ; заимствовать по этой части тамъ есть у кого и есть что. А для большей успѣшности въ этомъ отношеніи не бесполезно было бы организовать въ Забужь сельско-хозяйственное общество, устроить образцовыя фермы, издавать спеціальныя брошюры, а еще лучше газету посвященную интересамъ русскаго населенія въ Царствѣ Польскомъ.

Но, могутъ замѣтить, есть ли серьезное основаніе разчитывать что русское землевладѣніе, болѣе или менѣе крупное, улрочится, разовьется и принесетъ желаемую пользу въ виду печальной судьбы майоратовъ и (отчасти) подуховныхъ имѣній приобритенныхъ Русскими? Отвѣчать на такое возраженіе трудно. *Вопервыхъ*, какъ ни щедро раздавались майораты, все же ихъ не столько сколько можетъ быть роздано имѣній болѣе мелкихъ отставнымъ офицерамъ и гражданскимъ чинамъ, особенно если, развивая и расширяя мысль приписываемую князю Паскевичу, раздавать такіа имѣнія не только лицамъ окончившимъ службу въ Царствѣ Польскомъ, но и вообще выслужившимъ лемсію, лишь бы они были Русскими по происхожденію и православными; *вовторыхъ*, подуховныя имѣнія продавались вообще очень дорого; русскіе покупщики давали за нихъ на торгахъ безумныя цѣны, причемъ нѣкоторые, къ стыду нашему, были подставными лицами мѣстныхъ капиталистовъ, владѣющихъ фактически этими имѣніями въ качествѣ управляющихъ; а *третьихъ* (самое главное), какъ майораты такъ и подуховныя имѣнія, будучи разбросаны по всему Краю, не могли и не могутъ образовать никакой солидарности между русскими землевладѣльцами, не могли и не могутъ дать основанія для какой-либо организаціи этихъ землевладѣльцевъ. А въ ней-то именно, въ этой организаціи и заключается сущность дѣла. Вотъ почему мы такъ настаиваемъ на *систематической* русской колонизаціи, на водвореніи русскіхъ землевладѣльцевъ, мелкихъ и крупныхъ, бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ и притомъ въ мѣстности непосредственно примыкающей къ Имперіи и не совсемъ еще утратившей національный русскій характеръ. Русскій помѣщикъ въ этой мѣстности, начиная хозяйничать, не будетъ принужденъ какъ владѣлецъ подуховнаго имѣнія въ Калишской или Радомской губерніи научиться прежде всего говорить по-польски для того чтобы

его могли понимать его работники; онъ не будетъ привужденъ поддаиваться къ польскимъ возрвннмъ для того чтобы сосвди-помвщики, болве его опытные, не отказали ему въ соввтъ, чтобы приходскій ксвндъ не вооружилъ противъ него оксальныхъ крестьянъ. Въ русскомъ Забужь помвщикъ-пенсiонеръ и крестьянинъ-переселенецъ вострвтятся какъ земляки на чужбинв; они должны будутъ сблизиться между собою въ собственномъ интересв, и совокупное ихъ влннне неизбвжно отразится на мвствомъ, бывшемъ унiатскомъ населенiи. Они естественно сблизятся съ мвстнымъ священникомъ, а глядя на нихъ и бывшiй унiатъ перестанетъ его чуждаться; они пойдутъ въ церковь, а за ними поидетъ и бывшiй унiатъ. Вотъ результаты къ которымъ не приведутъ никакiя административныя мвры, которыхъ можетъ достигнуть только колонизацiя и которые радикально разрвшатъ въ данной мвственности Польскiй вопросъ. Можно надвяться, переселяя въ Забужье хоть по десяти тысячъ Русскихъ и при условiи что это двлъ будетъ приводиться въ исполненiе людьми глубоко проникнутыми важностью онаго, можно, говорю, надвяться что чрезъ 25 лтъ данная мвственность сдвлается не только вполне русскою, но отдвлитъ какъ бы несокрушимою ствной чисто польскiя мвственности отъ нашего Западнаго края, гдв полонизмъ—увь, еще весьма силенъ. Но въ Западномъ крав полонизмъ находится въ качествв паразита, а литается онъ соками приливающимъ къ нему изъ Польши русской, австрiйской и прусской. Уничтожьте непосредственную связь Польши съ Западнымъ краемъ, устраните литанiе этого паразита польскими соками, и вы много сдвлаете относительно утверждениа за Россiей Западнаго края. Образуйте широкую лолосу Русской земли съ русскимъ населенiемъ между Западнымъ краемъ и краемъ этнографически польскимъ, и вы сильно подрвжете крылья мечтамъ о „границахъ 1772 года“.

Въ послвднiе годы въ части нашей перiодической печати настойчиво проводится мысль что Поляки совершенно отказались отъ стремленiй возстановить Польшу въ ея предвлахъ до 1772 года, Польшу „отъ моря до моря“. Вврно то что Поляки отказались отъ мысли достигнуть этого путемъ вооруженнаго возстанiя; но чтобы самая мысль была ими оставлена, это болве чвмъ сомнительно. Напротивъ, никогда

съ такою настойчивостью и единодушіемъ не провозглашалась польскою зарграничною печатью солидарность всѣхъ частей бывшей Рѣчи Посполитой какъ нынѣ, и никогда эта солидарность не была настолько дѣйствительно существующимъ, реальнымъ фактомъ, ни даже во время существованія независимаго Польскаго королевства. Въ Силезіи, области отдѣленной отъ Польши пять вѣковъ тому назадъ и почти окончательно уже отмѣченной, въ 1879 году обнаружилась голодъ: подвигалась газетная агитація и вызвала во всѣхъ частяхъ бывшей Рѣчи Посполитой помощь голодающимъ; въ Силезію изъ Царства Польскаго отправлены значительныя денежныя суммы и массы муки, крулѣ, картофеля и т. п. Точно также когда въ слѣдующемъ году отъ разлива Вислы пострадала часть Царства Польскаго, помощь пострадавшимъ явилась изъ всѣхъ частей бывшей Рѣчи Посполитой. Въ юль 1881 года былъ въ Краковѣ съѣздъ педагоговъ, врачей и естествоиспытателей; на него собрались Поляки опять таки изъ всѣхъ частей бывшей Рѣчи Посполитой, и между прочимъ изъ Царства Польскаго въ числѣ 130 человекъ. Картины Матейка и Семирадскаго (окончательно признаванаго и признавашаго себя Полякомъ) послѣдовательно выставляются въ главнѣйшихъ городахъ Австрійской, Прусской и Русской Польши; на промышленныя выставки, на шерстяную армарку, на конскія скачки съѣзжаются въ Варшаву помѣщики изъ всего Западнаго края и присылаютъ туда произведенія своихъ фабрикъ и экземпляры своихъ конскихъ заводовъ и овчарень. Они присылаютъ своихъ дѣтей въ варшавскія учебныя заведенія, предпочитая ихъ кievскимъ, лодольскимъ и проч. Каждую зиму въ Варшавѣ краковскіе профессора читаютъ лубличныя лекціи, и каждое лѣто жители Царства Польскаго посѣщаютъ минеральныя воды Галиціи. Все касающееся какой бы то ни было части бывшей Рѣчи Посполитой находитъ широкое мѣсто въ газетахъ Австрійской, Прусской и Русской Польши, освѣщенное съ польской точки зрѣнія.

Мѣстная знать, умѣвшая сохранить видное положеніе въ край и завести связи въ Петербургъ, является дѣйствительною представительницею національныхъ стремлений и, говоря вообще, дѣйствуетъ въ тѣсномъ союзѣ съ духовенствомъ, громадное вліяніе коего достаточно извѣ-

отно и конечно не умалится вслѣдствіе уступокъ сдѣланныхъ нами Риму. Съ другой стороны, мѣстная печать, принявшая съ нѣкотораго времени огромные размѣры * и сдѣлавшаяся силой дѣйствительно могущественною не взирая на существованіе предварительной цензуры, умѣла овладѣть общественнымъ мнѣніемъ и съ замѣчательнымъ единодушіемъ направляетъ оное въ духѣ искачительно-національныхъ польскихъ интересовъ. Далѣе, Царство Польское покрылось цѣлою сѣтью всевозможныхъ обществъ и ассоціацій, — промышленныхъ, ученыхъ, художественныхъ, издательскихъ, благотворительныхъ, земледѣльческихъ, сильно содѣйствующихъ развитію указаннаго уже духа организаціи и дисциплины; наконецъ, едва ли не въ каждомъ городкѣ и городишкѣ Царства имѣется нынѣ своя „вольная пожарная команда“, облеченная въ форменную одежду, еженедѣльно упражняющаяся въ маневрированьи по командамъ ея же избранныхъ начальниковъ. Можетъ-быть при учрежденіи этихъ командъ не имѣлось, какъ полагають иные, въ виду сдѣлать изъ нихъ зародыши и кадры національной польской арміи; можетъ-быть вообще мысль о національной арміи не особенно занимаетъ польскихъ патриотовъ въ настоящую минуту; да мы и не желаемъ заглядывать въ душу этихъ польскихъ патриотовъ и угадывать сокровенные ихъ помыслы. Мы приводимъ факты доказывающіе что польское населеніе представляетъ въ настоящее время сильно организованную, компактную массу, сильно провикнутую польскимъ національнымъ характеромъ. Постараемся же по крайней мѣрѣ, пока еще не окончательно упущено время, не допустить чтобы къ этой національной польской группѣ прикнуло населеніе этнографически русское, населеніе русскаго Забужья. Горько видѣть какъ Поляки вытравляютъ русскій національный элементъ въ восточной Галиціи при сочувственномъ невниманіи къ этому Вѣнскаго правительства.

* Въ одной Варшавѣ выходитъ болѣе 60 разнаго рода періодическихъ изданій. Надо имѣть при этомъ въ виду что хотя часть этихъ изданій принадлежитъ Евреямъ, но и они не менѣе чисто польскихъ изданій проникнуты польскими національными стремленіями. Между мѣстною еврейскою интеллигенціей давно рѣшено что польскіе Евреи должны быть „Поляками Моисеева закона“.

Нѣчто подобное въ Россіи было бы позоромъ, чудовищностью, а устранить эту чудовищность въ Забужьѣ едва ли уже возможно безъ русской колонизаціи.*

П. ЦЕБАЛЬСКІЙ.

* Къ мысли о русской колонизаціи въ Забужьѣ примыкають нѣкоторыя другія, развивать которыя мы находимъ излишнимъ въ настоящее время, но о которыхъ упомянуть необходимо, а именно:

а) Русскую колонизацію вѣроятно оказалось бы нужнымъ распространить отчасти и за черту мыльшней (но не прежней) этнографической границы русскаго населенія. Русскимъ населеніямъ необходимо обезпечить всѣ желѣзнодорожныя линіи между Вислой и Бугомъ.

б) Весьма не бесполезно было бы основать русскія селенія близъ Ивиль-Городской и Варшавскихъ крѣпостей, подобно тому какъ это было сдѣлано при возведеніи Ново-Георгіевской крѣпости.

в) Надо имѣть въ виду что въ юго-восточной части Сувадской губерніи издавна водворились русскіе переселенцы, число коихъ доходитъ до 20.000 и что на лѣвомъ берегу Вислы существуетъ нѣсколько русскихъ деревень (населенныхъ выходцами отъ Пруссіи). Наконецъ,

г) Еще болѣе не слѣдуетъ терять изъ виду что большая часть Сувадской губерніи сплошь населена Литвой.

ЗЛОЙ ДУХЪ *

Р О М А Н Ъ

XXIX.

Зловѣщая тишина настала у Беклицевыхъ со дня ихъ неудачнаго бала. Никто почти у нихъ не бывалъ, и сами они куда не выѣзжали. Беклицевъ сидѣлъ безвыходно въ кабинетѣ или по цѣлымъ часамъ ходилъ изъ угла въ уголъ, и въ домѣ было такъ тихо что мягкій стукъ его шаговъ по ковру отдавался въ дальнихъ комнатахъ. Лариса, утомленная этою необычайною тишиной, иногда ѣхала къ матери или къ Ладожскимъ, но эти коротенькіе выѣзды еще больше дѣйствовали ей на нервы. Марья Ивановна находила что она блѣдна, и смотрѣла на нее такими печально-серіозными глазами что Ларисѣ становилось тяжело. Павелъ Платоновичъ хмурился и не зналъ какъ себя держать, а Анатоль ужасно волновался политическими вопросами и зналъ что его со времени войны оставляютъ безо всякаго дѣла, и что вездѣ сажаютъ новыхъ людей. Анна Всеволодовна хандрила и впадала въ несвойственный ей сентиментальный тонъ.

Дѣло въ судѣ о подложномъ векселѣ было назначено чрезъ недѣлю. Беклицевъ получилъ повѣстку. Онъ расписался,

* Окончаніе. См. Русск. Вѣст. 1881, №№ 4, 5, 7, 9, 10, 11, 1882, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8, 10 и 1883, №№ 1, 2 и 5.

заперъ ее въ столъ и до обѣда все ходилъ взадъ и впередъ по кабинету. Шумъ его шаговъ тоскливо отдавался въ комнату Ларисы. Она бросала книгу и начинала думать....

На другой день Беклицевъ, вздвигнувшись куда-то по дѣлу, вдругъ стремительно вошелъ къ ней, совершенно растерянный, блѣдный и съ такимъ выраженіемъ лица что Лариса невольно бросилась ему навстрѣчу.

— Ты еще не слыхала? Гоеударя убили! сказалъ онъ, и задыхаясь отъ скорой ходьбы и волненія, передалъ первыя схваченныя на лету подробности.

По мѣрѣ того какъ онъ разказывалъ, волненіе его все росло, голосъ звучалъ крикливѣе.

— Теперь уже нѣтъ смысла ни въ чемъ; теперь всѣ карты смѣшаны, все перевернуто... И въ какую минуту—когда меня отгѣснили, придавили... когда я не могу пошевеливаться!.. говорилъ онъ подымая и опускаая плечи и взмахивая руками.

Страшное событіе какъ будто потеряло для него свое собственное значеніе, зацѣпившись за маленькіе интересы наплеваявшіе его личную жизнь. Онъ такъ странно выражался, точно катастрофа входила въ приготовляемое для нея мѣсто въ огромной мрачной пьстригѣ занимавшей всю его мысль и центромъ которой онъ былъ самъ со своими интересами самолюбія и тщеславія. Лариса, еще не оломившаяся отъ потрясающей вѣсти, почти не обратила вниманія на болѣзненное возбужденіе мужа.

— Какой ужасъ, какой ужасъ! повторила она, сжимая руки.

Беклицевъ вдругъ замолкъ и принялся тихо ходить по ковру.

— Это конецъ! сказалъ онъ чрезъ минуту почти спокойно и повернулъ къ Ларисѣ лицо на которомъ теперь лежало какое-то отупѣлое выраженіе.

И онъ тѣми же тихими шагами прошелъ къ себѣ въ кабинетъ и легъ на диванъ.

Въ слѣдующіе дни онъ совсѣмъ не выходилъ оттуда, ничего не дѣлалъ и большею частію лежалъ подложивъ руки подъ голову, съ открытыми глазами и съ тѣмъ же выраженіемъ тулой окаменѣлости. Лариса наконецъ спросила его:

— Тебѣ развѣ не надо поѣхать? твое отсутствіе замѣтатъ.

Онъ промолчалъ, потомъ вдругъ злобно сверкнулъ глазами.

— Зачѣмъ я поѣду? съ чѣмъ? проговорилъ онъ и отвернулся.

У Пахтаевыхъ тоже было не весело. Роли генерала и его супруги взаимно какъ бы перемѣнились. Антоина Павловна,

сохраняла очень понравившійся ей видъ жертвы, начала однако нападать и притѣснять. Знаменитый докторъ, послѣ произведенныхъ имъ весьма сложныхъ изслѣдованій и измѣреній, объявилъ что для Додо полезнѣе всего деревенскій воздухъ. Это очень ободрило мать, такъ какъ она могла во всякое время снова уѣхать. Но уѣхать ей хотѣлось съ нѣкоторымъ истерическимъ эффектомъ, со слезами, съ ядовитыми словами и при всеобщемъ разстройствѣ нервовъ. Она находилась въ томъ свойственномъ только дѣтямъ и женщинамъ состояніи когда начинаешь находить удовольствіе въ самомъ несчастіи, потому только что можно стонать и жаловаться и терзать чьи-нибудь нервы.

Найдя привесенную въ отсутствіе мужа судебную повѣстку, она ее спрятала, и когда мужъ вернулся, сама торжественно привесла ее въ кабинетъ.

— Я за васъ расписалась... вотъ возьмите! произнесла она, оставаясь бокомъ въ нѣкоторомъ разстояніи и протягивая оттуда свою длинную съ острымъ локтемъ руку.

Пахтаевъ съ небрежнымъ видомъ принялъ повѣстку, прочиталъ и положилъ подъ преспалье ничего не сказавъ. Антоина Павловна тоже помолчала.

— Объясните мнѣ пожалуйста, правда ли, наконецъ, что меня тоже потребуютъ въ судъ какъ свидѣльницу! Я желаю знать чего мнѣ надо ждать, сказала она чрезъ минуту тономъ исполненнымъ мрачнаго отчаянія.

— Ничего не знаю, отвѣтилъ коротко Пахтаевъ.

Антоина Павловна сѣла.

— Но я думаю я должна знать! У меня уже вещи уложены, и я во всякомъ случаѣ уѣзжаю завтра въ деревню, продолжала она.

Пахтаевъ и на это ничего не сказалъ. Антоинѣ Павловнѣ было очень досадно: то что она намѣрена была сказать, ей хотѣлось сказать среди залапчивыхъ криковъ и раздраженія. А теперь она привуждена объясниться спокойно.

— Вы выразились что намъ не слѣдуетъ продолжать эту „ложь“, какъ вы назвали наши отношенія, заговорила она снова;—мнѣ тогда это показалось страннымъ, потому что я еще не знала какими неожиданностями вы меня тутъ встрѣтите. Но теперь я сама вижу что носить ваше имя становится слишкомъ скандально. Поэтому я совершенно раздѣляю ваше желаніе относительно развода.

Пахтаевъ обернулся, взглянулъ на нее и потянулъ усами.

— Это говорится только потому что вы сегодня такъ настроены, или же дѣйствительно пришли къ такому рѣшенію? спросилъ онъ.

Антолина Павловна приняла оскорбленный видъ.

— Вы можете убѣдиться взглянувъ на этотъ проектъ довѣренности который приготовилъ для меня извѣстный адвокатъ по такимъ дѣламъ, отвѣтила она и вытаснула изъ кармана сложенный листъ бумаги.

Пахтаевъ съ любопытствомъ и съ нѣкоторымъ волненіемъ прочиталъ.

— Что жь, это совершенно какъ вамъ угодно, сказалъ онъ.

— Я надѣюсь что это тоже какъ вамъ угодно, протворила съ проницескимъ удареніемъ Антолина Павловна.—Но я ставлю условіемъ чтобы дѣти навсегда оставались при мнѣ.

Пахтаевъ ничего не возразилъ.

— Это тѣмъ болѣе справедливо что, не говоря уже о нашемъ характерѣ и наклонностяхъ, у васъ даже средоты вѣтъ дать имъ воспитаніе и образованіе, прибавила Антолина Павловна, желая немедленно напомнить мужу невыгодную для него сторону развода.

Пахтаевъ и на это ничего сначала не сказалъ, а только вслыхнулъ. Положеніе его съ этой стороны дѣйствительно было просто ужасное: ничего кромѣ жалованья, да и то невѣрное, такъ какъ можетъ-быть ему придется оставить службу, и вдобавокъ очень ужъ значительные долги. Единственный разчетъ его былъ получить какое-то частное мѣсто и заняться „дѣлами“. Но послѣднее представлялось еще въ непроходимомъ туманѣ, такъ какъ онъ рѣшительно не могъ опредѣлить какими дѣлами можно заниматься и гдѣ ихъ взять. Преодолевая свое весьма щекотливое самолюбіе и стараясь скрыть смущеніе, онъ наконецъ рѣшился сказать:

— Денежный вопросъ потребуетъ еще нѣкоторыхъ объясненій и соглашеній, хотя вы повидимому полагаете что такъ какъ состояніе ваше, то дѣло рѣшается очень просто.

Антолина Павловна поджала на него удивленный взглядъ.

— Конечно, я смотрю очень просто; какъ же иначе? спросила она.

— А я смотрю иначе, возразилъ Пахтаевъ. — Вы, напримѣръ, требуете чтобы дѣти были при васъ. Я не спорю, вы

болѣе меня имѣете время заняться ими. Но работа о нихъ все-таки лежитъ на мнѣ, и я остаюсь естественнымъ олекумомъ ихъ. Почему я знаю какъ вы намѣрены поступить съ вашимъ состояніемъ? Оно столько же ваше сколько и нашихъ дѣтей. Вы женщина, васъ могутъ обмануть, вовлечь въ какую-нибудь рискованную спекуляцію; вы, наконецъ, можете выйти замужъ. Я считалъ бы болѣе справедливымъ чтобы вы если не лоловину, то ло крайней мѣрѣ значительную часть состоянія поручили моему олекуму и распоряженію. Тогда каждый изъ насъ со своей стороны будетъ спокоенъ за будущее дѣтей.

Антонина Павловна не перебивала его, а когда онъ кончилъ, расхохоталась рѣзкимъ, злораднымъ смѣхомъ.

— Отдаю справедливость вашей изобрѣтательности... ха-ха, ха! это очень остроумно, очень тонко... Вы желаете олекунуть отъ меня мои собственные деньги... Этого никогда не будетъ, Владиміръ Михайловичъ! я вамъ предлагаю разводъ безо всякой взятки, мнѣ уже довольно стоили ваши развлечения, отвѣтила она торжествующимъ тономъ.

Пахтаевъ не глядѣлъ на нее, и усы у него слегка подрагивали.

— Мнѣ любопытно въ такомъ случаѣ узнать какъ вы смотрите, на примѣръ, на долги которые я сдѣлалъ въ эти два года, принужденный платить и за эту квартиру, и вообще за сохраненіе всей семейной обстановки, которая мнѣ вовсе не нужна была, продолжалъ онъ съ нескрываемымъ раздраженіемъ.

— Я сосчитаю и возвращу вамъ... хотя и мнѣ все это было совсѣмъ не нужно, отвѣтила съ чувствомъ превосходства и почти великодушія Антонина Павловна.

Пахтаевъ вечеромъ поѣхалъ къ Полиѣ сообщить объ этомъ разговорѣ. Онъ хорошенько не зналъ радоваться ему или тревожиться. Во всякомъ случаѣ ему казалось что Полиа будетъ очень рада. Но онъ нашелъ ее въ состояніи самаго сильнаго раздраженія. Поутру у нея былъ полицейскій и вручилъ повѣстку: она тоже вызывалась въ судъ.

— Какъ же ты меня не предупредилъ: вѣдь я могла бы уѣхать! обратилась она къ Пахтаеву съ упрекомъ.

Ея гелось выражалъ отчаяніе. Она сжимала руки, бросалась на кушетку или бѣгала взадъ и впередъ по комнатѣ; швыряя попадавшіеся подъ руку вещи, говорила что она Богъ знаетъ что готова сдѣлать надъ собой и надъ всеми:

— Въдъ мужъ будетъ невѣроятная мерзости говорить на судѣ. Какъ вы могли допустить! Будто вы не знаете его! вторила она.

Пахтаевъ, желая отвлечь ея мысли на другой предметъ, передалъ свой сегоднешній разговоръ съ женой. Полина выслушала со скелтической гримасой на губахъ.

— И что жь, ты въ самомъ дѣлѣ думаешь разводиться съ женой? спросила она.

— Если она сама хочетъ! отвѣтилъ Пахтаевъ.

— Но чѣмъ же ты будешь жить?

Пахтаевъ пытался объяснить свои предположенія насчетъ частнаго мѣста и занятій „дѣлами“. Полина разсмѣялась.

— Полно пожалуста, на одни проценты по долгамъ тебѣ никакихъ частныхъ мѣстъ не хватитъ, сказала она.— Нѣтъ, оставь меня, у меня голова разболѣлась, добавила она сжимая руками виски. Уйди пожалуста, а не въ состояніи разговаривать.

Пахтаевъ, уже привыкшій ко внезапнымъ мигренямъ Полины, не ушелъ, а только пересѣлъ подальше и принялъ спокойное положеніе въ ожиданіи пока утихнетъ ея раздраженіе. Но Полина весь вечеръ оставалась зла. Какъ это часто бываетъ, новая мука заставила ее отнестись скелтически къ тому что еще недавно казалось несомнѣннымъ и близкимъ. Дергая свой батистовый платокъ и отгвчая пронически и коротко на смущенныя рѣчи Пахтаева, она думала о его безхарактерности, о неумѣнн найтись среди затрудненій, о его непривычкѣ жить безъ большихъ готовыхъ средствъ. „Все кончится тѣмъ что его прижмутъ и онъ опять будетъ проситься на содержаніе къ своей добродѣтельной супругѣ“, заключала она мысленно. „И кажется это лучшее что онъ можетъ сдѣлать. Есть люди которые не умѣютъ жить на свой счетъ“.

XXX.

Зала окружнаго суда уже задолго до начала засѣданія наполнилась народомъ. На мѣста для публики пускали по билетамъ, и оттуда долеталъ шелестъ дамскихъ платьевъ, неопредѣленный гулъ русскаго и французскаго разговора и смѣшанный запахъ духовъ; все это свидѣтельствовало что сегодня собралась та публика которая посѣщаетъ только

особенно интересные или пикантные процессы. Внутренность залы тоже все болѣе наполнялась. Собирались присяжные, адвокаты, явились кое-кто изъ тѣхъ что занимаютъ почетныя мѣста позади суда.

Свидѣтельская комната тоже представляла въ этотъ день не совсѣмъ обычное зрѣлище. Тамъ сидѣли нарядныя дамы съ опущенными вуалетками, съ нѣскольکو брезгливымъ и не совсѣмъ спокойнымъ выраженіемъ лицъ; онѣ презрительно оглядывались и узнавая знакомыхъ какъ бы обнаруживали въ первую минуту перѣшительность: кто знаетъ что собственно будетъ говорить на судѣ и какую каждый получить долю въ этомъ огромномъ скандалѣ, внезапно и тайнѣ для нихъ приготовленномъ въ сложной лабораторіи усовершенствованнаго правосудія? Въ человѣческой природѣ сохраняется известная стыдливость, которой судъ не признаетъ. Онъ приглашаетъ васъ обо всемъ говорить громко, во услышаніе многоголовой праздно толпы, собравшейся сюда именно потому что ей любопытно посмотреть и послушать какъ васъ заставятъ говорить вещи которыя вы не хотѣли бы говорить при ней. Судъ требуетъ отъ васъ нѣкоторой наглости, увѣщаетъ не стѣсняться что васъ услышатъ всѣ тѣ кому собственно никакого дѣла нѣтъ до васъ и для кого ваша обязательная откровенность представляетъ даровую потѣху. Учрежденіе охраняющее общественную нравственность немножко споспосбствуетъ тому что инстинкты стыдливости и целомудренности въ обществѣ мало-по-малу притупляются. И безъ сомнѣнія публика, собранная на нынѣшній разъ въ свидѣтельскую комнату, находилась подъ впечатлѣніемъ нѣкотораго готовившагося надъ нею нравственнаго насилія.

Полина, закрытая такою густою вуалеткой что ее можно было узнать только по ея изящной фигурѣ, стояла у окна, нетерпѣливо поглядывая на часы и теребя кружево измятаго батистоваго платка. Замѣтивъ вошедшаго въ комнату пристава, она быстро повернулась къ нему.

— Послушайте... объясните мнѣ пожалуйста... мнѣ кажется, по закону я могу отказаться... вѣдь жена не обязана свидѣтельствовать по дѣлу мужа... я не понимаю по какому праву меня вызываютъ... заговорила она тѣмъ раздраженнымъ и злѣвымъ какъ бы кокетливымъ тономъ, какимъ умѣютъ говорить только женщины.

Приставъ, рослый и толстый брѣнетъ, поправилъ огромными ручищами свою дѣль.

— Сударыня, я бы со всею готовностью... но это зависитъ отъ суда! отвѣтилъ онъ пріятнымъ басомъ.—Вы собственно вызываетесь не по дѣлу вашего супруга, а по дѣлу Елены Степковой. А генерала Беклицева все еще нѣтъ! вдругъ слохватилась онъ, отвѣчая что-то на листъ бумаги.

Въ эту минуту сторожъ отворилъ изъ коридора дверь и влутилъ Беклицева. Тотъ былъ совсѣмъ зеленый и гулялъ шею, такъ что высокая фигура его казалась скорбленною. Полина быстро отвернулась къ окну.

Приставъ радостно подбѣжалъ къ вошедшему и спросилъ съ легкимъ наклоненіемъ головы:

— Генералъ Беклицевъ? Ну, теперь слава Богу всѣ.

И онъ медленно обвелъ глазами собравшихся, въ сотый разъ мысленно пересчитывая ихъ.

Беклицевъ тихо прошелъ къ стѣнѣ, сѣлъ на диванъ и подперся локтемъ. Но замѣтивъ Пахтаева вдругъ всталъ, осторожными шагами подошелъ къ нему, взялъ его за руку и наклонился къ самому его уху.

— Ничего, ничего, не ладайте духомъ; я все обдумалъ и всѣхъ спасу, сказалъ онъ вполголоса, мигая свѣтлыми рѣсницами.

Пахтаевъ, удивленный, раскрылъ на него глаза. Онъ не только не понималъ что хочетъ сказать Беклицевъ, но совершенно не ожидалъ этого дружественнаго обращенія послѣ всѣхъ ихъ размолвокъ.

— Я здѣсь вѣдь являюсь истцомъ и только съ гражданской стороны; уголовное преслѣдованіе возбуждено уже помимо меня, сказалъ онъ.

Беклицевъ улыбулся и значительно подмигнулъ ему.

— Знаю, знаю; для меня вся эта закулисная сторона дѣла совершенно разъяснилась... васъ всѣхъ нарочно запутаю, подвели... отвѣтилъ онъ.—Этотъ вексель, эта Степкова—они нарочно нашли ее. Я знаю кто у нея за сливой. Но не бойтесь, это все объяснится.

И онъ отошелъ, оставивъ Пахтаева въ неописанномъ изумленіи.

Въ залѣ суда публика все прибывала. На скамьѣ подсудимыхъ показалась гжа Степкова, на этотъ разъ не безъ вкуса одѣтая во все черное, но не измѣнившая привычекъ

обильно украшать себя косметиками. За нею, небрежно вполоча длинные ноги, поднялся на возвышеніе Коко. О немъ можно было бы сказать что онъ сегодня превзошелъ самого себя. Трудно было бы представить себѣ болѣе изящнаго молодого человѣка. Нѣжно-желтое лицо его было тщательно выбрито и чуть-чуть тронуто лудрой Рашель; *mr Nestor*, по случаю равнаго визита, возился сегодня по крайней мѣрѣ полчаса, сдѣлалъ проборъ *à l'anglaise*, сдѣлалъ фиксажуромъ фетончики на вискахъ и далъ усамъ un *petit coup de fer*. Коко объяснилъ ему что желаетъ произвести впечатлѣніе; М-г *Nestor* отвѣтилъ любезностію и тотчасъ предложилъ громадный выборъ галстуковъ. Коко выбралъ самый изумительный, неопредѣленнаго золотистаго цвѣта, блестящій на свѣту и отливавшій бархатнымъ матомъ въ складкахъ.

Съ этою кюафюрой, съ этимъ галстукомъ, въ модѣйшемъ ридинготѣ *fantaisie*, изъ лодъ рукавовъ котораго торчали громадыя съ брилліантами заловки, Коко воссѣдалъ на грязной, затертой мужицкими сермягами скамьѣ и поминутно со стукомъ толкался носками и колѣнами въ перегородку. Губы его приняли брезгливое выраженіе, горловая косточка выляталась въ глубокомъ разрѣзѣ тугихъ воротничковъ. Онъ оглядывался, отыскивая знакомыхъ, но догадался не кланяться имъ.

Молоденькій адвокатъ, назначенный отъ суда, сѣлъ предъ нимъ.

— Всѣ ли свидѣтели явились? спросилъ его Коко.— Это скучно если отложить дѣло. Пожалуста не придвигайтесь такъ ко мнѣ, вамъ тамъ довольно мѣста въ углу, обратился онъ къ Стелковой.

— Вовсе я не придвигаюсь, а вы сами ѣрзаете по скамейкѣ, обидѣлась та и отвернулась совсѣмъ въ протіволожную сторону.

Приставъ, поправляя цѣль, выбѣжалъ изъ боковой комнаты.

— Судъ идетъ! прошу встать! возгласилъ онъ.

По залѣ пробѣжало обычное въ такія минуты волненіе. Адвокаты бросились къ мѣстамъ, присяжные столпились въ кучу. Нестужевъ, не докончивъ разговора съ Безбѣднымъ, шагнулъ въ загородку отведенную для стенографовъ и репортеровъ. Коко небрежно поднялся и поигралъ брелоками. Онъ еще разъ оглянулся на публику и какъ будто остался недоволенъ.

„Почему вѣтъ Карица?“ мысленно процѣдилъ онъ. „Это свинство. Я тогда просидѣлъ двое сутокъ на его процессѣ. Онъ долженъ былъ отдать мнѣ визитъ.“

Предсѣдатель баллотировалъ присижныхъ. Лицо Кoko сдѣлалось серьезно. Онъ очень внимательно оглядывалъ каждого, какъ бы заранее соображая шансы. Выкликались все больше кулцы и мѣщане. „Пс, много они поймутъ...“ думалъ Кoko, „впрочемъ, я знаю что имъ надо. Имъ главное показать что это не коммерческій вексель, а просто господа промежь себя бадовали. Разумѣется. Я всегда предполагалъ что у меня есть юридическія способности. Еслибы не надо было отолько учить всякаго вздору, я непременно сдѣлался бы адвокатомъ. Нигдѣ я такъ не чувствую себя въ своей сферѣ какъ на судѣ.“

Секретарь началъ чтеніе длиннаго обвинительнаго акта. Кoko принялъ непринужденный видъ, и наклоняясь къ Стелковой сказалъ довольно громко:

— Видите чего вы напутали.

Та вздрогнула и отодвинулась въ уголъ.

— Подсудимая Стелкова, вы обвиняетесь въ томъ что въ сообществѣ съ Луховецкимъ составили подложный вексель отъ имени генерала Пахтаева въ суммѣ десяти тысячъ и представили его ко взысканію, съ цѣлію воспользоваться упомянутыми деньгами. Признаете ли себя виновною?

— Я векселя не составляла, тихо отвѣтила Стелкова.— Этотъ вексель я получила отъ господина Луховецкаго и не знала что онъ подложный.

— Подсудимый Луховецкій, вы обвиняетесь въ томъ же самомъ какъ и подсудимая Стелкова; признаете ли себя виновнымъ? продолжалъ предсѣдатель.

Товкій станъ Кoko граціозно поколебался.

— Нѣтъ, не признаю, отвѣтилъ онъ.— Дѣло возникло изъ обстоятельствъ которыя я считаю необходимымъ объяснить суду. Я прошу слова.

Онъ произнесъ послѣднюю фразу такимъ непринужденнымъ и красивымъ тономъ, какъ будто выступалъ въ самой почетной и пріятной обстановкѣ.

— Можете объяснить что нужно, но прошу васъ не вдаваться ни въ какія постороннія дѣла обстоятельства, предложилъ предсѣдатель.

Кoko поклонилась однимъ глазами, съ выраженіемъ человѣка для котораго подобныя предупрежденія совершенно излишни.

— Я не позволю себѣ ни одного слова которое не отвѣсилось бы къ моему обвиненію и оправданію, началъ онъ;—но долженъ сказать заранѣе что мнѣ необходимо освѣтить дѣло въ некоторыми подробностями интимнаго, семейнаго характера. Суду извѣстно что вексель подписанъ именемъ Пахтаева, но генералъ Пахтаевъ не случайное лицо; это человѣкъ поставленный въ такіа отношенія ко мнѣ и... къ моимъ семейнымъ обстоятельствамъ... что возникалъ прямой интересъ залутать меня въ совершенно чуждое мнѣ дѣло съ цѣлью возвести на меня обвиненіе. Господинъ Пахтаевъ былъ принятъ у меня въ домъ какъ самое близкое лицо. Въ настоящее время, когда эта интрига для меня разъяснилась, я счелъ болѣе сообразнымъ со своимъ достоинствомъ переѣхать на отдѣльную квартиру. Но Пахтаевъ попрежнему тамъ принятъ, и сколько мнѣ извѣстно, это сопряжено съ предположеніями его развестись со своею женой, рожденною Беклицевой, съ которою впрочемъ онъ уже два года находится въ разлукѣ.

Юный адвокатъ, приставленный къ Коко, быстро повернулъ къ нему лицо, выражавшее почти комическое изумленіе. „Какже вы ничего этого не сказали мнѣ прежде? какую же это штуку вы сыграли со мной?“ было написано на этомъ до наивности выразительномъ лицѣ.

Коко олустилъ на него свисходительный взглядъ. „Очень мнѣ нужно было отдавать тебѣ свои козыри“, подумалъ онъ съ довольнымъ видомъ.

Предсѣдатель пошептался съ членами.

— Потрудитесь яснѣе формулировать то что вы хотите объяснить суду, обратилса онъ къ подсудимому.

„Пс, какъ я ихъ разохотилъ!“ подумалъ Коко и отвѣтилъ громко:

— Мнѣ кажется это ясно; такіа вещи всегда трудно называть по имени.

— Обратите вниманіе что такимъ образомъ вы возбуждаете обвиненіе въ злонамѣренной клеветѣ, которая сама по себѣ составляетъ преступленіе строго наказуемое закономъ, напомнилъ предсѣдатель.

— Я никого и ни въ чемъ не обвиняю, я только объясняю обстоятельства могущія освѣтить дѣло, возразилъ Коко.—Въ интересѣ собственнаго оправданія я считаю необходимымъ ввести судъ въ интимную обстановку дѣла. Воспользоваться такъ или иначе этимъ освѣщеніемъ будетъ зависѣть отъ провинцательности господъ присяжныхъ.

И Коко покачнулась, вылативъ горловую косточку и обвѣда присяжныхъ такимъ взглядомъ который какъ бы спрашивалъ: „а какъ вы это скушаете?“

Адвокатъ, стремившійся выйти изъ своего глулаго положенія, сообразилъ что можно сдѣлать прыжокъ на объясняющуюся ему позицію.

— Просту позволенія заявить суду что именно для разъясненія такъ-сказать закулисныхъ сторонъ дѣла защита настаивала на вызовѣ нѣкоторыхъ свидѣтелей: гжи Луговой, г. Беклицева... къ сожалѣнiю, ходатайство защиты о вызовѣ гжи Беклицевой не было удовлетворено.

Онъ раньше совсѣмъ не понималъ зачѣмъ Коко требуетъ чтобы были вызваны всѣ эти лица, но теперь сообразилъ и слышалъ забѣгать впередъ.

— Введите свидѣтеля Пахтаева, распорядился председатель.

XXXI.

Съ этой минуты усовершенствованное дѣйствіе правосудія приняло тотъ интересный характеръ который собралъ въ залу всю эту многочисленную публику. Зрители должны были остаться совершенно довольны безплатно предложеннымъ зрѣлищемъ. Судебное слѣдствіе продолжалось нѣсколько часовъ. Свидѣтели являлись одинъ любопытнѣе другаго, говорили вещи одну пикантнѣе другой. Но такъ какъ все это можно было объяснить безъ физиологическихъ терминовъ, то не было повода удалять публику. Слѣдствіе скользило по гладкой поверхности скандала, не задѣвая за всѣ его рогагыя подробности, и публика находила достаточно пикантный вкусъ просто въ томъ обстоятельстве что предъ ней проходили, такъ или иначе залутанныя въ дѣло, лица съ известнымъ именемъ и съ положеніемъ. Но самую острую пряность составлялъ тотъ какъ бы неосязаемый въ началѣ оборотъ дѣла, вслѣдствіе котораго судъ надъ составителями подложнаго векселя понемногу обратился въ судъ надъ свидѣтелями. О векселѣ какъ бы забыли; онъ поблѣкъ въ „освѣщеніи“ валущенномъ Коко. И самъ Коко какъ будто совсѣмъ забылъ что его судятъ; онъ вдругъ почувствовалъ что ему помогаютъ, толкаютъ, что онъ распоряжается чѣмъ-те любопытнымъ, возбуждающимъ общее вниманіе. Онъ

пересталъ повторять заготовленные раньше слова, выпустилъ себя изъ рукъ, сдѣлался самимъ собою. Онъ говорилъ безподобныя вещи, заставлявшія сдержанно фыркать отъ смѣху. вмѣстѣ съ односложными „пс!“ къ нему вернулось циничское остроуміе граничившее съ совершенно невѣроятною глупостью. Но именно потому что глупость была такъ невѣроятна и такъ цинична, она переставала казаться глупостью.

Пахтаевъ мучительно изнывалъ. На него сыпались вопросы. Въ каждомъ вопросѣ заключалось что-то нестерпимое, словно вонзавшееся въ живое мясо. Каждый отвѣтъ требовалъ отъ него противоестественнаго усилія, безъ котораго человѣкъ не можетъ исповѣдать во всеуслышаніе, предъ обѣжавшейся праздною толпою, того что составляетъ его интимный личный міръ. Волненіе все росло въ немъ, соединенное съ чувствомъ безгласности возбужденной до нервной боли. Онъ пробовалъ отвѣчать уклончиво; его переспрашивали, просили выразиться яснѣе. Кого совершенно подавлялъ его своею непреодолимою наглостью и лодозрѣваемой угрозой подогрѣтъ скандалъ до точки кипѣнія. Адвокаты подсудимыхъ, почувствовавъ какъ лочва лодъ ними неожиданно окрѣпла, набрасывались на него съ веселою алчностью. Пахтаевъ только вслухивалъ и блѣднѣлъ, и олять слышалъ.

— Введите свидѣтельницу Луховецкую, распорядился председатель.

Полина вошла, закрытая своей почти непроницаемою вуалеткой. Сотни глазъ жадно влились въ нее. Эта изящная женская фигура, этотъ исполненный обдуманной и дорого стоящей простоты туалетъ, это едва слышное шуршанье шелковыхъ складокъ по грязному войлоку, затолтанному мужицкими салогами, заключали въ себѣ ту особенную ликантность которую такъ цѣнятъ любители нравственной анатоміи и юридическихъ вивисекцій, совершаемыхъ въ судебной залѣ.

Председатель, пояснивъ почему она вызвана въ судъ, предоставилъ адвокату Кого предлагать ей вопросы. Тотъ радостно покачался на мѣстѣ и выдвинулъ впередъ подбородокъ лоресстій клочками волосъ.

— Вы хорошо знакомы со свидѣтелемъ Пахтаевымъ? началъ онъ.

Полина старалась придать своему голосу твердость.

— Это мой хороший знакомый, отвѣтила она.

— Такъ что онъ очень часто бывалъ у васъ въ домѣ?

— Часто.

— И ему случалось преимущественно бывать у васъ въ отсутствіе вашего мужа? продолжалъ адвокатъ.

Въ мѣстахъ занятыхъ публичной посылкой слышался сдержанный смѣхъ. Судебный приставъ строго повелъ взглядомъ и сталъ ближе.

Полина рѣзко повернулась къ адвокату, глаза ея сверкнули.

— Какое это имѣетъ отношеніе къ дѣлу? По какому праву вы предлагаете подобные вопросы? бросила она ему звѣвающимъ голосомъ.

— Потрудитесь, давая отвѣты, обращаться къ суду, напомнилъ предсѣдатель. — Сужденіе же объ умѣстности и неумѣстности вопросовъ принадлежитъ мнѣ.

У Полины губы и рѣсницы дрожали.

— У меня съ мужемъ не было условія чтобъ я не принимала безъ него своихъ знакомыхъ, отвѣтила она.

— Такъ-съ. Но съ женой генерала Пахтаева вы не были знакомы? продолжалъ адвокатъ.

— И на это тоже я должна отвѣтить? обратилась Полина къ предсѣдателю.

— Господи въ защитникъ, что вы имѣете въ виду предлагаемая этотъ вопросъ?

Адвокатъ сдѣлалъ значительное лицо и опять закачался впередъ и назадъ.

— Я имѣю въ виду что когда женатый человѣкъ хорошо принимать въ домѣ молодой женщины, но не знакомить съ нею свою жену, то это бросаетъ на ихъ отношенія нѣкоторый колоритъ... а для обстоятельства дѣла очень важно выяснить эти отношенія, отвѣтилъ онъ.

— Я была въ правѣ знакомиться или не знакомиться съ кѣмъ мнѣ вздумается, сказала Полина. — Мнѣ Пахтаева два года жила въ деревнѣ.

— Такъ что вы никогда даже не встрѣчались съ ней?

Полина подумала не хотѣть ли ее какъ-нибудь поймать на этомъ, и послѣ минутнаго колебанія отвѣтила:

— Я разъ встрѣтилась съ нею въ маскарадѣ.

Слово „маскарадъ“ очевидно произвело эффектъ. Всѣ насторожились, головы просунулись впередъ. Процессъ рѣшительно обѣщалъ принять романическій характеръ.

— Вы и гжа Пахтаева часто посѣщаете маскарады? пожелаю узнать адвокатъ.

Пахтаевъ вспыхнулъ и нервно дернулъ плечомъ. Какъ разъ подлѣ него стенографъ усиленно бѣгалъ перомъ по графленному листу бумаги, а Нестужевъ, раскрывъ на кофѣняхъ записную книжку, старательно отмѣчалъ въ ней что-то. „Газеты!“ тоскливо мелькнуло въ умѣ Пахтаева.

— Я бываю когда мнѣ вздумается, сказала Полина.

— Но если вы раньше не встрѣчались то почему же узнали другъ друга? продолжалъ адвокатъ.

— Она могла узнать отъ своего мужа, а я узнала потому что она мнѣ назвала себя, объяснила Полина.

— Слѣдовательно между вами тогда произошелъ разговоръ? не припомните ли какой именно? ухватилса адвокатъ.

— Это не относится къ дѣлу, отвѣтила Полина.

— Господинъ защитникъ, потрудитесь предлагать только вопросы которые прямо необходимы въ интересахъ вашего клиента, пригласилъ председатель.

— Но я считаю это обстоятельство чрезвычайно важнымъ, быстро привсталъ адвокатъ.—Для меня очевидно что эта встрѣча въ маскарадѣ имѣла серьезное значеніе, что между обими дамами произошло объясненіе, послѣдствія котораго отразились на дальнѣйшихъ отношеніяхъ господина Пахтаева къ госпожѣ Луховецкой и къ своей женѣ, а мой клиентъ заявляетъ что все настоящее дѣло возникло именно изъ этихъ отношеній.

— Потрудитесь, если можете, отвѣтить на вопросъ защитника, обратился къ Полине председатель.

— Я бы отвѣтила еслибъ обстоятельство касалось меня одной, но я не имѣю права передавать свой разговоръ съ постороннимъ лицомъ, разговоръ нисколько не относящійся къ дѣлу, произнесла Полина.

Кого сдѣлалъ движеніе.

— Пс, я былъ въ этомъ маскарадѣ и знаю какъ онѣ разцарались между собою, сказалъ онъ.

— Подсудимый, если вы желаете что-нибудь сообщить суду, то должны обратиться за разрѣшеніемъ, остановилъ его председатель.

— Я хочу сказать: пусть она прогуляется со своими церемоніями. Онѣ тогда безо всякихъ церемоній сдѣлились другъ съ другомъ, продолжалъ Кoko.

Въ публикѣ опять послышался сдержанный смѣхъ, оставленный внушительнымъ взглядомъ пристава.

— Скажите пожалуйста, известно ли вамъ что-нибудь о взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ Пахтаевыхъ? обратилась опять къ Полині адвокатъ.—Напримѣръ, не слышали ли вы отъ господина Пахтаева что онъ желаетъ развестись съ женой?

— Генералъ Пахтаевъ здѣсь, онъ можетъ самъ отвѣтить, сказала Полина, а Пахтаевъ слова вспыхнулъ и нервно дернулъ рукой.

— Значитъ вы уклоняетесь отъ вопроса?

— Я не желаю отвѣчать.

За судейскимъ столомъ переглянулись и пошептались.

— Введите свидѣтеля Беклащева! приказалъ предсѣдатель.

При этотъ имени, хорошо известномъ собравшейся здѣсь публикѣ, вниманіе залы достигло высшей стелени напряженія. Предвкушеніе скандала сдѣлалось всеобщимъ и нагнало на всѣ лица какое-то жадное и лакомое выраженіе. Нестужевъ такъ и окаменѣлъ на мѣстѣ, захлебнувшись радостнымъ любопытствомъ.

Беклащевъ вошелъ, преувеличенно выпрямаясь и высоко неся голову.

— Скажите, чтѣ вы знаете по настоящему дѣлу, обратилась къ нему предсѣдатель.

— Я все знаю! громко отвѣтилъ Беклащевъ.—Я провикъ во всю эту сложную интригу, раслутилъ всѣ хитросплетенныя нити. Я цѣлые часы просиживалъ, думалъ... мой мозгъ работалъ до изнеможенія... но наконецъ мнѣ все объяснилось, я ловилъ каждый ихъ шагъ, всѣ ихъ расчеты...

Онъ говорилъ все скорѣе, а голосъ его все понижался.

— Про кого и про чтѣ вы говорите? спросилъ съ ясно выраженнымъ недоумѣніемъ предсѣдатель.

— Вы спрашиваете кто они? вы хотите чтобъ я назвалъ ихъ? но ихъ нельзя назвать, ихъ слишкомъ много! отвѣтилъ Беклащевъ.—Я могъ бы дать вамъ два, три имени, но это ничего не объяснитъ. Не въ нихъ дѣло. За ними десятки, сотни лицъ... они всѣ цѣпляются другъ за друга, всѣ связаны общимъ интересомъ борьбы и интриги, изъ нихъ нельзя вырвать кого-нибудь на показъ. Я ихъ даже не знаю. Какое мнѣ дѣло ихъ знать? Но меня они знаютъ, я имъ стою поперекъ дороги, на моей сторонѣ шансы. Я давно обскакалъ

ихъ. Я пользуюсь довѣріемъ, у меня связи, имя... что-нибудь значитъ называться Беклищевымъ! Быть на балѣ у Беклищевыхъ—этого ищутъ, это уже даетъ положеніе. Развѣ они позволили бы себѣ манкировать приглашеніемъ?

По залѣ пробѣжалъ сдержанный шорохъ и шелоть. Головы поворачивались во всѣ стороны какъ бы ища отвѣта на общее недоумѣніе. „Что такое? что онъ говорить, что съ нимъ?“ спрашивали вполголоса другъ друга. За судейскимъ столомъ тоже переглядывались, ложили плечами, шелтались.

— Вы здоровы? подозрительно обратился къ свидѣтелю председатель.

— Я? я вѣдоровъ! отвѣтилъ Беклищевъ.

— Но вы вѣрно очень разстроены или взволнованы? Ваши слова невозможно понять. О какомъ балѣ вы говорите?

— О моемъ балѣ. Они мнѣ сдѣлали скандалъ, не пріѣхали. Это все шло у нихъ шагъ за шагомъ, давно уже. Но теперь обстоятельства заставили ихъ торолиться. Мы переживали такой моментъ который не повторится. На моей картѣ стоило... вы знаете что?

Беклищевъ вдругъ умолкъ и подозрительно оглянулся. Председатель въ смущеніи пожевалъ губами.

— Вы не можете ли усложниться и разказать только то что вамъ извѣстно касательно разбираемаго на судѣ дѣла о подложномъ векселѣ предъявленномъ ко взысканію съ геврала Пахтаева? произнесъ онъ съ особою разстановкой, какъ бы опасаясь что свидѣтель не разслышитъ или не пойметъ его.

— Но никакого векселя нѣтъ, вы просто введены въ заблужденіе, возразилъ Беклищевъ.—Они и меня сначала обманули, я повѣрилъ; но потомъ, когда я сообразилъ всѣ обстоятельства, всѣ нити этой дьявольской итриги, мнѣ все объяснилось.

— Пс, онъ помѣшался! какимъ-то глулымъ тономъ произнесъ со своего возвышенія Кoko.

За судейскимъ столомъ начался продолжительный разговоръ вполголоса. Наконецъ председатель возвѣстилъ:

— Въ виду ненормальнаго состоянія свидѣтеля Беклищева, судъ постановляетъ освободить его по настоящему дѣлу. Свидѣтель Беклищевъ, вы можете отправиться домой.

Затѣмъ онъ подозвалъ пристава и пошелталъ ему что-то.

XXXII

Беклицевъ вскинулъ глазами, поклонился и тихонько вышелъ. Всѣ разступались предъ нимъ, провожая его безмолвными, любознательными и какъ будто услуганными взглядами. Между публикой кто-то выразительно вскрикнулъ: „ахъ, Боже мой!“ Приставъ шелъ въ нѣсколькихъ шагахъ позади, слустался вмѣстѣ съ Беклицевымъ съ лѣстницы, накинулъ пальто и выйдя на улицу, подозвалъ извозчика.

— Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, невозможно проводить васъ, такъ какъ вы въ настоящую минуту очень разстроены, предложилъ онъ. — Вы гдѣ живете? вотъ доведемте къ вамъ на этомъ извозчикѣ.

И онъ слегка посадилъ генерала и вспрыгнулъ вслѣдъ за нимъ. Но Беклицевъ только ступилъ на дрожки и спокойно спустился съ другой стороны на мостовую. Приставъ очутился одинъ въ неожиданномъ и даже глупомъ положеніи. Онъ тоже соскочилъ съ дрожекъ и пустился вслѣдъ за Беклицевымъ, быстро удалявшимся серединой улицы.

— Вы хотите пѣшкомъ? лучше же доведемъ, право лучше, уговаривалъ онъ, забѣгая сбоку.

Извозчикъ не желавшій улустить сѣдоковъ подѣхалъ. Беклицевъ задумчиво оглянулся и снова влѣзъ на дрожки, приставъ за нимъ. Но тутъ повторилась прежняя проделка: генералъ только перешагнулъ чрезъ дрожки и спустился съ другой стороны. Приставъ на этотъ разъ окончательно оторопѣлъ и даже обидѣлся.

— Ваше превосходительство, какъ же вамъ не стыдно! произнесъ онъ укоризненно, слѣзая на мостовую.

Беклицевъ обернулся, засмѣялся и спокойно пошелъ дальше. Приставъ постоялъ въ нерѣшимости, посмотрѣлъ ему вслѣдъ и махнулъ рукой.

А Христось же съ нимъ! произнесъ онъ вслухъ и пошелъ обратно въ судъ.

Тамъ къ нему кинулся словно ошалѣлый Нестужевъ.

— Ну что? какъ? проводили? куда же вы его отвезли? присталъ онъ съ разспросами.

Приставъ, человѣкъ опытный и постоянно имѣвшій дѣло съ репортерами, сообразилъ что его разспрашиваютъ „для газеты“ и потому отвѣчалъ самымъ правдоподобнымъ тономъ:

— Да ничего... какъ вамъ сказать? посадилъ я его въ карету, онъ и поѣхалъ домой. Господь съ нимъ!

Нестужевъ записалъ...

Судебное слѣдствіе уже окончилось. Съ нимъ какъ-то поспѣшили, точно вдругъ замѣтили что оно совсѣмъ уклонилось отъ обвинительнаго акта. Прокуроръ и адвокаты были довольны что неожиданно собрали такой интересный матеріалъ. Великолѣпныя рѣчи уже складывались въ ихъ мысляхъ. Какая широкая канва и какъ удобно разбросать по ней эффекты краснорѣчія, облечь ее сатирическою желчью, пропитать густымъ растворомъ гражданскихъ чувствъ и соціальной морали... Прокуроръ, красивый мушкетеръ, съ едва сдвѣвающей русою бородкой, уже испытывалъ трепетъ вдохновенія и обводилъ публику такимъ выразительнымъ взоромъ съ какимъ байроническіе юноши прежняго времени декламировали изъ Лермонтова:

О какъ мнѣ хочется смутить веселье ихъ
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзныи стихи
Облитый горечью и злостью!

Онъ поднялся, обтянулъ мундирчикъ, оперся на поставленную ребромъ книгу, и рѣчь его полилась неудержимо. Это была неподобная импровизація, о которой слѣдовало пожалѣть что она появится мелкимъ шрифтомъ на послѣдней страницѣ газеты, тогда какъ могла бы составить блестящій фельетонъ. Онъ имѣлъ право не стѣсняться предѣлами обвинительнаго акта; онъ обязанъ былъ воспользоваться „освѣщеніемъ“ даннымъ судебнымъ слѣдствіемъ. Въ этомъ озаряющемъ пламени какъ бы исчезали блѣдныя фигурки подсудимыхъ. Цѣлое общество призвано было на судъ, весь раставшійся строй жизни, затрелетавшій подъ операционнымъ вожомъ представителя обвиненія. Затронуты были вопросы необычайной ширины и глубины, разъяснены были основы государственной и частной морали, сорваны были маски, по счастливому выраженію Нестужева въ его газетѣ. И Нестужевъ, слушая изъ-за своей загородки, оглядывался на публику съ оживленнымъ, торжествующимъ видомъ, какъ бы заранее приглашая ее прочесть что онъ завтра скажетъ объ этой рѣчи.

Защитники тоже умѣли воспользоваться сюжетомъ. Произошло даже замѣчательное совпаденіе: въ ихъ рѣчахъ

звучали почти тѣ же фразы что и въ рѣчи государственнаго обвинителя. Направляясь къ противоположнымъ цѣлямъ, обѣ стороны сдѣлали длинный обходъ одною и тою же дорогою. И повидимому встрѣтиться на этой дорогѣ было такъ пріятно что они не слѣзили разойтись. Разногласіе впрочемъ и не представлялось существеннымъ. Обвинитель, нарисовавъ мрачную картину общественнаго растлѣнія, считалъ что употребленныя имъ густыя краски усугубляютъ виновность подсудимаго. Защитники, стараясь еще болѣе подбавить густой копоти, находили что нельзя карать подсудимыхъ, пока остается безнаказанною создавшая ихъ среда. Очевидно центръ тяжести лежалъ не въ маленькихъ фигуркахъ подсудимыхъ, а въ грандіозной и сочной картинѣ общественныхъ язвъ. Затѣмъ открывалось широкое поле игры на нравственныхъ мотивахъ. Русская юстиція, какъ и русская литература, чрезвычайно искусна въ этой игрѣ. Защитникъ Степковой считалъ свою клиентку невмѣняемою. „Вы знаете, господа присяжные, печальную исторію ея сестры“, восклицалъ онъ. „Молодая, красивая, но къ сожалѣнію слишкомъ неопытная дѣвушка, довѣрилась одному изъ тѣхъ раззолоченныхъ хищниковъ большаго свѣта которые привыкли безнаказанно всюду искать жертвъ своему постыдному сластолюбію. Увлеченная его лицемѣрными искательствами, обманутая можетъ-быть его лживыми обѣщаніями, она отдала ему свое сердце, свою молодость, свою красоту. Несчастный ребенокъ, она не знала что у этихъ людей вѣтъ сердца, что они смотрятъ на женщину какъ на прихоть сластолюбія, что они вносятъ смерть въ ту здоровую, честную среду, въ которой имъ удается иногда находить свои жертвы. Она узнала это когда жизнь уже была испорчена, сердце разбито. Натѣшившись своею дешевою игрушкой—именно дешевою, потому что вы знаете какъ мало она стоила,—Пахтаевъ спокойно бросаетъ ее. Безъ жалобъ, безъ упрековъ, безъ притязаній, безъ отмщенія несчастная дѣвушка уѣзжаетъ изъ Петербурга чтобы скрыть свой позоръ и тяжелымъ, неблагодарнымъ трудомъ свискивать средства существованія. Но уѣзжая, она уноситъ смерть въ своемъ сердцѣ. Молодая натура сломана, разбитое сердце не можетъ жить. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она умираетъ, а въ рукахъ ея сестры, ея единственной родственницы, оказывается денежный документъ на челоуѣка безнаказанно разбиравшаго дорогую жизнь. Что это за

документъ? откуда онъ взялся? чья рука писала его? Господинъ Пахтаевъ признаетъ его подложнымъ, господинъ обвинитель доказываетъ что онъ составленъ самою Степковой въ сообществѣ Луховецкаго. Господа присяжные, я не знаю кто писалъ вексель. Я не знаю подложный онъ или вѣтъ, не хочу знать, мнѣ и не надо знать. Предо мной стоитъ неизвѣримо высшій нравственный вопросъ: признаете ли вы нравственный долгъ господина Пахтаева предъ двумя несчастными женщинами, изъ которыхъ одна покинута въ преждевременной могилѣ, а другая сидитъ предъ вами на скамьѣ подсудимыхъ? Вотъ этотъ высшій вопросъ вамъ предстоитъ рѣшить въ своей совѣсти. И потому что я знаю какъ вы рѣшите его, я остаюсь спокойенъ за участь моей клиентки.“

Адвокатъ Коко тоже понималъ какая благодарная вещь игра на нравственныхъ мотивахъ. Онъ постарался придать дѣлу необычайную сложность, изобразить въ какихъ запутанныхъ отношеніяхъ находились между собою дѣйствующія лица процесса, среди какихъ неудовимыхъ съ перваго раза коллизій стоялъ подсудимый. „Фактическая, матеріальная сторона дѣла почти не выяснилась, вопреки всѣмъ усиліямъ прокуратуры и защиты,“ указывалъ адвокатъ; „но за то выяснилась сторона нравственная, выяснилось то роковое сдѣлание обстоятельствъ которое должно было привести къ катастрофѣ. Почему катастрофа произошла именно въ этой формѣ, а не въ другой? Я не знаю; я знаю только что матеріальный фактъ, о которомъ судъ присяжныхъ произнесетъ свое рѣшеніе, не имѣетъ никакого значенія безъ связи съ другимъ несравненно большимъ фактомъ, не подлежащимъ суду человѣческому. Только завѣса сорванная съ этого неподсуднаго факта могла бы объяснить побужденія руководившія дѣйствующими лицами драмы, разграничить ложь отъ истины, клевету отъ обвиненія. Но этой завѣсы мы не въ силахъ сорвать, и ваша совѣсть, господа присяжные, принуждена дѣйствовать въ потемкахъ.“

„Пс, онъ у меня укралъ мою защиту“, подумалъ при этомъ Коко, очень недовольный такимъ посягательствомъ на его авторскую собственность. „Но все равно, я тоже скажу имъ что-нибудь“.

Онъ всталъ, поправилъ воротнички, повернулъ залонки въ манжетахъ.

„Не знаю зачѣмъ столько говорить; я все равно никогда не пойму почему меня притянули къ суду“, началъ онъ съ невѣроятною наглостью. „Это всякаго можно такъ притянуть. Кому-нибудь не хочется платить по векселю, онъ объявляетъ что вексель подложный. Почему я знаю, подложный онъ или нѣтъ? Вѣдь онъ не на меня выданъ, а на Степкову. Я дѣйствительно совѣтовалъ ей представить, потому что это подло не платить. Онъ ее сестру вчѣмъ не обезпечилъ. Развѣ я зналъ что меня за это будутъ судить? Ему очень удобно, онъ думаетъ разомъ отдѣлаться и отъ платежа, и отъ меня. Я имъ мѣшаю, очень просто. Это всякій такъ захочетъ, когда мужъ мѣшаетъ. Его самого надо судить, а не меня. Онъ можетъ заставить жену все что ему надо, по!“

Это выразительное „по!“ такъ чудесно закачивало рѣчь Коко что онъ не захотѣлъ продолжать и спокойно сѣлъ на мѣсто.

Судъ поставилъ вопросы, присяжные удалились.

Черезъ полчаса произительно ударилъ звонокъ. Приговоръ общественной совѣсти былъ подписанъ. Подлогъ—доказанъ, подсудимые—не виновны.

Изъ грязнаго ящика, въ которомъ сидѣлъ Коко, послышалось новое „по!“—торжествующее, насмѣхающееся, брезгливое.

Защитникъ потянулъ къ нему руки, какъ бы желая приять его въ свои объятія. Коко презрительно выкатилъ нижнюю губу.

— Ну, это очень недурно для васъ что вы могли у меня поучиться, процвѣдалъ онъ.—По крайней мѣрѣ свезите меня куда-нибудь обѣдать.

— Чтожь, хорошо... согласнася озадаченный адвокатъ.

XXXIII.

Беклицевъ спокойно вернулся домой и улыбаясь вошелъ въ комнату жены.

— Я отдѣлался въ нѣсколько минутъ.. Какъ они были поражены! сказалъ онъ довольнымъ тономъ.—Я имъ все объяснилъ, показалъ всѣ скрытыя пружины. О балѣ, обо всемъ. Онъ спрашиваетъ: какой балъ? Ха-ха-ха! Они дѣлали видъ что не знаютъ какъ къ намъ никто не прѣхалъ. Но я тоже

не показалъ будто ловимаю ихъ, и прижалъ ихъ къ стѣнѣ. Они меня тотчасъ отпустили.

Лариса глядѣла на него неподвижными, только все шире раскрывавшимися глазами. Ужасная, внезапная догадка сверкнула въ ея умѣ, восклицаніе замерло на дрогнувшихъ губахъ.

Беклицевъ вдругъ нахмурился, улыбка сбѣжала съ лица, онъ потеръ рукою лобъ.

— Что такое онъ мнѣ сказалъ? старался онъ припомнить. — Они кажется объявили меня больнымъ... въ ненормальномъ состояніи... Это что за фарсъ? Зачѣмъ они послали пристава? Ахъ, я не рассказалъ тебѣ, судебный приставъ хотѣлъ самъ отвезти меня на извозчикъ, но еслибы видѣла какъ я его надулъ...

И Беклицевъ, снова развеселившись, рассказалъ свою проделку. Лариса схватилась обѣими руками за спинку стула.

„Боже мой, такъ это правда?... я догадывалась...“ мысленно простонала она, дѣлая мечеловѣческое усиліе чтобы удержаться на ногахъ.

— Что они еще затѣлаи? они хотятъ признать меня сумашедшимъ? они можетъ-быть думаютъ посадить меня въ сумашедшій домъ, продолжалъ Беклицевъ, и лицо его дѣлалось все мрачнѣе, въ глазахъ сверкнуло бѣшенство. — Но я не отдамся имъ въ руки! Я довольно уже позволялъ надѣ собою тѣшиться!

Онъ схватилъ фарфоровый столикъ и съ силой швырнулъ его на полъ. Несмотря на толщину ковра, столикъ разбился въ дребезги.

— Я не дамъ въ руки! я убью! я горло перекушу! кричалъ онъ весь бурый, съ побѣлѣвшими губами.

Лариса выбѣжала въ корридоръ и наткнулась на горничную.

— Пошлите за докторомъ... скорѣе, сію минуту.. пусть найдутъ его гдѣ хотятъ!.. приказала она.

— Леонидъ, что ты дѣлаешь? зачѣмъ ты кричишь и швыряешь? посмотри, ты разбилъ мое плато... обратилась она къ мужу, и взявъ его за обѣ руки, близко взглянула ему въ глаза строгими глазами.

Этотъ взглядъ мгновенно успокоилъ его. Онъ сконфуженно потулился, присѣлъ на коверъ и сталъ собирать осколки фарфора. Буфетчикъ въ эту минуту приподнял лортьеру и доложилъ что кушать подаю.

— Пойдемъ обѣдать. И пожалуйста никогда больше такъ не волнуйся и не дѣлай гаупостей, сказала Лариса по-французски.

Беклащевъ повиновался, за столомъ держалъ себя довольно спокойно и ѣлъ очень много. Но когда онъ дотронулся до бутылки, Лариса остановила его:

— Нѣтъ, не пей, я прежде спрошу доктора можно ли тебѣ, сказала она.

— Развѣ я нездоровъ? спросилъ Беклащевъ.

— Разумѣется: у тебя жаръ.

Она дотронулась до его лба и олять строго взглянула на него.

— Ты прилягъ и отдохни у себя, я сейчасъ пришаю къ тебѣ нашего доктора, продолжала она.—Но если ты не согласишься его слушаться, я буду очень, очень сердиться.

Беклащевъ повиновался, ушелъ въ кабинетъ, разстегнулъ сюртукъ и прилегъ на диванъ.

Докторъ наконецъ явился, разспросилъ съ большимъ вниманіемъ Ларису и прошелъ къ больному. Онъ пробылъ съ нимъ почти часъ, и когда вернулся, лицо его было очень серьезно.

— Да, сильное психическое расстройство; хитрая машина испортилась, сказалъ онъ.

— Но вѣдь положеніе не безнадежно же! воскликнула Лариса.—Вѣроятно это только сильное нервное возбужденіе, вызванное нравственными причинами...

— Очень, очень возбужденное состояніе! подтвердилъ докторъ.

— Но скажите откровенно, не бойтесь испугать меня, я предпочитаю звать всю правду...

Докторъ поджалъ губы.

— Въ этихъ болѣзняхъ очень трудно сказать сразу что-нибудь определенное, отвѣтилъ онъ;—необходимо во всякомъ случаѣ обратиться къ специалисту. Я цѣлый часъ разговаривалъ съ вашимъ мужемъ и замѣтилъ очень невыгодное обстоятельство: его помѣшательство происходитъ отъ чрезвычайно развитаго честолюбія. Въ нынѣшнее время это самый уловный видъ маниі. Я бы предпочелъ наблюдать въ немъ какой-нибудь быстрый аффектъ—гнѣва, или горя, или, напримеръ, ревности; эти аффекты иногда уступаютъ наукѣ. Но помѣшательство честолюбивое даетъ очень небольшой процентъ выздоровленій. Не позволите ли привести къ вамъ профессора специалиста? Я могъ бы сейчасъ же захватить за нимъ.

— Да, пожалуста... проговорила почти машинально Лариса. Знаменитый психіатръ пріѣхалъ и подтвердилъ то же самое.

— Эти случаи все чаще и чаще наблюдаются въ настоящее время у людей преданныхъ политическому честолюбію, объяснилъ онъ.—Душевные болѣзни вообще тѣсно связаны съ характеромъ и направленіемъ элохи, и въ разные времена появляются поочередно различныя преобладающія и наиболѣе упорныя маніи. Когда-то большой процентъ давала алхимія, отысканіе философскаго камня и *perpetuum mobile*; былъ вѣкъ религіозныхъ помѣшательствъ, любовныхъ экстазовъ, сумашествій отъ торговыхъ и банкирскихъ спекуляцій; теперь психіатрія чаще всего имѣетъ дѣло съ политическимъ честолюбіемъ. Въ западныхъ странахъ перевороты и борьба партій, у насъ карьера и бюрократическая интрига. У насъ, я вижу, есть сила характера и потому рѣшаюсь сказать откровенно что случай не хорошъ.

Лариса слушала почти не переводя дыханія.

— Но что же дѣлать? вѣдь какую-нибудь помощь можетъ же дать наука? произнесла она волпросительно.

— Мой совѣтъ былъ бы помѣстить его въ заведеніе, сказалъ профессоръ;—нельзя поручиться что больной не обнаружитъ бѣшенства, и поэтому имѣть за нимъ надзоръ дома очень трудно.

— Въ сумашедшій домъ—какой ужасъ! воскликнула Лариса.

Она прислонилась къ стѣнѣ и сжала руки.

— Докторъ, вы не принимаете во вниманіе что въ этомъ положеніи бываетъ очень сильно нравственное вліяніе близкаго лица, продолжала она;—я замѣтила что онъ слушается меня, что я умѣю его усложить. Я думаю что я должна остаться при немъ.

Профессоръ внимательно взглянулъ на нее

— Да, конечно... это совершенная правда... но вы не подозреваете какого это требуетъ самоотверженія, самопожертвованія, сказалъ онъ.

— Ахъ, можно ли толковать о жертвахъ! воскликнула Лариса.—Я знаю что я могу сдѣлать больше чѣмъ десять постороннихъ людей. И я сдѣлаю.

Докторъ улыбнулся ей одними глазами.

— Не спорьте, повѣрьте мнѣ заранѣе что вашихъ силъ не станетъ, отвѣтилъ онъ.—Впрочемъ, кто говоритъ вамъ о

сумашедшемъ домѣ? Отвезите его въ Парижъ, тамъ есть превосходныя заведенія гдѣ вы можете жить вмѣстѣ съ больнымъ и гдѣ вамъ будутъ помогать и лучшіе спеціалисты науки, и опытная прислуга. Но везите какъ можно скорѣе. Я дамъ вамъ письма. Притомъ же у него и легкія ослабѣи, петербургская весна будетъ вредна для него. Въ Парижъ, въ Парижъ, тамъ вамъ можетъ-быть еще подадутъ надежду, добавилъ онъ ободряющимъ тономъ и пожалъ ей руку.

Тотчасъ по его уходѣ пріѣхала ничего не знавшая Марья Ивановна. Неописанный ужасъ изобразился на ея лицѣ когда дочь коротко сообщила ей обо всемъ.

— Господи, Создатель! Да отчего же? за что? восклицала она помертвѣвшими губами.—Вѣдь году еще нѣтъ какъ ты замужемъ!

— Надо намъ собираться, мама. Вы поѣдете?

Марью Ивановну всего больше поражаало это непонятное ей спокойствіе дочери. „И слезинки въ глазахъ нѣтъ... вѣдь такъ хуже!“ думала она.

— Что спрашивать, разумѣется поѣду, отвѣтила она.—Да какъ ты-то возиться съ нимъ будешь? Зачѣмъ тебѣ самой-то ѣхать? По моему, лучше бы съ какимъ-нибудь докторомъ отправить его. А потомъ, какъ станетъ поправляться, мы бы и пріѣхали.

— Что вы, мама! коротко возразила Лариса.—Такъ когда же? черезъ два, черезъ три дня соберетесь?

— Ну какъ же такъ скоро! вѣдь сколько распоряженій нужно сдѣлать...

— Такъ вы пока оставайтесь, распорядитесь за себя и за меня, а мы уѣдемъ, сказала Лариса.

— Боже мой, Боже мой, повторяла Марья Ивановна,—вѣдь какой былъ съ виду разсудительный, спокойный человекъ... и по службѣ какъ шелъ... еще немного, такъ пожалуй министромъ былъ бы.

— Да, въ этомъ вся и бѣда... проговорила Лариса.

Она прошла въ кабинетъ къ мужу. Онъ сидѣлъ предъ окномъ и разложивъ цѣлую груду разныхъ орденовъ, перетиралъ ихъ полотемцемъ, разглядывалъ на ладони, располагалъ въ различномъ порядкѣ. При видѣ жены онъ медленно подвѣлъ голову и улыбнулся.

— Знаешь, вотъ между этими двумя еслибы датскаго Давенброга... сказалъ онъ почти радостно.—Ну, а это все

лустаки, для счѣту только; славянщина разная... у каждаго армейскаго майора есть.

И онъ швырнулъ вѣсколько орденовъ на подоковникъ.

— А знаешь что теперъ легко достать? Почетнаго Легіона. У нихъ, при республикѣ, просто купить можно... заговорилъ онъ олятъ.—Вѣдь я уже былъ представленъ Грєви. Красная ленточка, это можно даже съ сюртукомъ носить.

— Что жь, поѣдемъ въ Парижъ... воспользовалась Лариса.—Мнѣ уже надоѣлъ Петербургъ. Тамъ весна такъ хороша, ты поправишь здоровье.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ты хочешь? оживился Беклицевъ.

— Я бы хотѣла, только поскорѣе; собираться такъ скучно!

— Поѣдемъ; я очень радъ. Я напомнимъ Грєви что былъ ему представленъ. Отыщу черезъ кого хлопотать. Ты знаешь, Légion d'honneur у насъ такая рѣдкость: почти ни у кого нѣтъ. Надо это все поскорѣе перечистить.

И онъ, нагнувшись, принялся торопливо тереть полотенцемъ.

Лариса ушла къ себѣ. Въ глазахъ у нея стояли слезы. Облокотясь на бронзовый шкалчикъ, она сжала виски руками, и блѣдное лицо ея отразило всю муку которая давила ей сердце.

Но, странно, среди этой муки она чувствовала себя правдивенно спокойною. Было что-то высшее въ ней самой, подавлявшее весь ужасъ положенія. Она понимала что предъ ней внезапно возникла новая, горестная, но вмѣстѣ ободряющая цѣль. Докторъ называлъ это самоотреченіемъ, самопожертвованіемъ. Для нея тутъ не было никакой жертвы. Если случилось такое несчастіе, она не могла для себя лично желать ничего другаго какъ посвятить все дни, все заботы больному мужу. Это давало ту высшую душевную ясность безъ которой человѣкъ въ такомъ положеніи бываетъ глубоко несчастливъ и жалокъ.

Удрученная горемъ, она безъ себялюбиваго ропота, безъ малодушваго сожалѣнія смотрѣла впередъ и оглядывалась назадъ. Какимъ-то жадымъ полетомъ мысли кружились въ разгоряченномъ мозгу, подводя безошадный итогъ, а ей не было страшно этого итога. Такъ вѣроятно умирающій, оглядываясь на ужасающую пустоту прожитой жизни, уже не лутается ея, можетъ-быть даже не жалветъ о ней...

Ей припоминалась первая встрѣча съ Клеопатрой Михайловною Хвоцевой, когда та объясняла ей что у нея есть то

что зовется искрой Божіей и что скорѣе надо назвать злымъ духомъ. И она въ самомъ дѣлѣ какъ будто видѣла предъ собой этотъ мрачно насмѣхающійся призракъ. Она точно размахнулъ надъ ней свои черныя крылья, и тѣнь отъ нихъ закрыла всю ея молодость.

А Глѣбъ Дмитриевичъ не угадалъ. Онъ предсказывалъ что она научится любить—научится и страдается... Какъ это далеко отъ ея теперешней муки и какъ эта мука безжалостнѣе того чего онъ боялся за нее!

Что сказалъ бы онъ еслибы теперь былъ подлѣ нея? Но она такъ давно не видала его, не слыхала о немъ... Гдѣ онъ? что онъ?

XXXIV.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ онъ? что онъ?

Торжественно шествуетъ весна по безпредѣльнымъ черноземнымъ раввинамъ, которыхъ даже орелъ съ высоты своего могучаго полета не окинетъ взглядомъ. Она идетъ не разбирая дороги, лодами и лѣсами, идетъ степями, шагаетъ черезъ широкія рѣки и глубокіе овраги; и подъ ея стопами тихо и радостно вздыхаетъ земля и клубится прозрачнымъ паромъ, ползетъ трава, наливаются яркая липкая почка, шумятъ потоки, задорно рѣветъ въ воздухѣ всякая птица.

Синѣтъ сошелъ, только кое-гдѣ въ глубинѣ овраговъ блестятъ еще на солдцѣ или синѣютъ въ тѣни доскутья раздраннаго зимняго савана. На оттаявшихъ поляхъ грѣются вывороченныя сохой влажныя глыбы земли. Съ подгнившихъ соломенныхъ крышъ съ непрерывнымъ шумомъ падаютъ прозрачныя крупныя капли, отражая въ себѣ и голубое небо, и сверкающій какъ расплавленное золото солнечный лучъ. Садъ еще весь сквозитъ окутанный теломъ паромъ и наполненный запахомъ почекъ, а между корнями уже бойко пробилась трава и ползетъ на неубранныя еще дорожки. Задумчиво и тихо бродитъ по этимъ дорожкамъ весна, вѣетъ влажнымъ теломъ и заглядываетъ въ окна стараго, словно еще больше почернѣвшаго за зиму дома. Отворите! отворите! кричитъ она радостными голосами рѣющихъ птицъ, свистомъ рѣзваго вѣтра, бьющаго въ окна обнаженными вѣтвями, и ворчливымъ ролотомъ надувшихся ручьевъ.

Глѣбъ Дмитричъ съ трудомъ отворилъ разбухшую дверь

и вышелъ на балконъ. Нагрѣтый и все еще свѣжій воздухъ охватилъ его ласковымъ трелетомъ, а солнце такъ и облило свѣтомъ, тепломъ, таинственнымъ напряженіемъ пробудившейся жизни. Онъ прислонился къ облупленной колонкѣ, за которую цѣплялись сухія нити прошлогодней зелени, и щурясь повелъ взглядомъ.

Не прошло нѣсколькихъ минутъ какъ въ растворенную настежь дверь осторожно вошла Уля. Она хотѣла что-то сказать, можетъ-быть что-то похожее на полное скрытаго лукавства извиненіе, съ которымъ она всегда входила къ Глѣбу Дмитріевичу, но солнце такъ рѣзко ударило ей въ глаза, а раздражающій воздухъ такъ радостно повѣялъ въ лицо, что она остановилась, зажмурилась и проговорила съ ощущеніемъ почти физическаго удовольствія:

— Ахъ, славно какъ!

Глѣбъ Дмитріевичъ оглянулся, улыбаясь.

— Весна, сказалъ онъ коротко.

Уля подняла голову, но ей просто больно стало отъ яркаго солнца, и она быстро поднесла руку къ глазамъ.

— Пора за работы приниматься, у меня нынче постройки будутъ, продолжалъ Зимовьевъ;—надо торопиться пока не началось горячее время.

— Въ домъ починки будутъ? спросила Уля.

— Нѣтъ, не въ домѣ... тутъ зачѣмъ? Будутъ плотину поправлять, мельницу, службы нѣкоторыя... отвѣтилъ Зимовьевъ.

Уля критически поглядѣла на облупленныя колонки и почернѣлыя стѣны.

— По-моему, надо бы обновить, такое ужъ все старое, сказала она.

— Можетъ-быть и надо бы, только я не люблю... мнѣ какъ-то странно будетъ когда здѣсь залахнетъ свѣжею краской, и вмѣсто этой лѣсени будетъ блестятъ охра и мѣдѣвка, отвѣтилъ Глѣбъ Дмитріевичъ.—Пусть ужъ все старое будетъ, на мой вѣкъ дотянетъ, не развалится.

Въ голосъ его внезапно прозвучала грусть. Уля быстро и зорко взмахнула на него рѣсницами.

— Чтò это вы выдумали? въ сорокъ-то лѣтъ? упрекнула она.

— Молодость не годами считаютъ, возразилъ Зимовьевъ;— да я и не записываюсь въ старики, а просто мнѣ о себѣ т. слх.

заботиться не приходить въ голову. Пожалуй противно бы стало еслибы вздумалъ домъ перестраивать... Съ какой стати? для чего? Точно къ свадьбѣ...

Онъ быстро повернулся къ Улѣ и улыбаясь взялъ ее за обѣ руки.

— У меня вотъ другая забота есть, и она меня очень и очень тревожитъ.. продолжалъ онъ;—я о васъ думаю.

Уля, сама не зная почему, вдругъ вся вспыхнула.

— Обо мнѣ? повторила она смущенно.

— Какъ же мнѣ о васъ не думать? Тутъ глушь, молодежи никакой нѣтъ, а вы уже совсѣмъ взрослая барышня, васъ замужъ выдавать надо, объяснилъ Зимовьевъ.

Яркая краска, вспыхнувшая на щекахъ Ули, также мгновенно сбѣжала, на рѣсницахъ что-то блеснуло.

— Нѣтъ, пожалуста объ этомъ не думайте... и не говорите мнѣ, прошу васъ... сказала она отнимая руки и отворачиваясь.

— Вѣдь надо же! улыбнулся Зимовьевъ.

— Совсѣмъ не надо... Нѣтъ, пожалуста, я васъ очень, очень прошу... не говорите никогда со мною объ этомъ, повторила она, не глядя на него.—Развѣ я вамъ надоѣла, стѣсняю васъ? Мнѣ такъ хорошо, спокойно... мнѣ въ голову не приходить что вы должны думать обо мнѣ, устраивать мою судьбу... Не хочу я этого, вовсе не хочу!

Она даже пристукнула ножкой по мокрому досчатому полу балкона. Зимовьевъ никогда не видалъ ее такою взволнованною.

— Какъ же вамъ не стыдно такіе пустяки говорить! Надоѣли мнѣ, стѣсняете? Меня просто беспокоитъ извѣстная отвѣтственность которая на меня ложится... сказалъ онъ.

— Не надо вамъ вовсе объ этомъ думать, и ничѣмъ вы не можете быть отвѣтственны предо мной, возразила съ тою же калпизною запальчивостью Уля.

И отвернувшись она принялась поправлять волосы на которые упало нѣсколько капель. Блѣдное лицо ея сохраняло возбужденное, опечаленное выраженіе.

На лицѣ Глѣба Дмитріевича, напротивъ, лежала задумчивая, но не грустная улыбка. Ему какъ будто нравились взволнованныя, рѣзкіе отвѣты Ули. Глаза его машинально слѣдили за ея движеніями, и такъ ему нравилось что она тутъ и что она именно такая...

Свѣжій весенній вѣтеръ рѣзво прошумѣлъ въ саду и хлопнулъ непритворенною дверью.

— А знаете, холодно, пойдѣте-ка въ комнаты, сказалъ Зимовьевъ.

Уля молча прошла за нимъ въ библіотеку, взяла книгу и сѣла подъ окномъ. На столѣ лежала только что привезенная почта. Глѣбъ Дмитріевичъ перебросилъ нѣсколько пакетовъ, и узнавъ на одномъ изъ нихъ руку князя Павла Платоновича, послѣшнѣо разорвалъ конвертъ и началъ читать:

„Пишу къ вамъ наскоро подъ угнетающимъ впечатлѣніемъ всего что здѣсь происходитъ“, такъ начиналось письмо. „Мы живемъ въ какомъ-то тяжеломъ снѣ. Всѣ придавлены, напуганы, всѣ робко и жадно озираются кругомъ, приглядываясь и прислушиваясь, и между тѣмъ ничего не видя и не слыша. Какое это невыносимое чувство когда вся страна, потрясенная скорбью и сомнѣніемъ, въ потемкахъ ждетъ свѣта въ могильной тиши, ждетъ вѣщаго слова, и дни идутъ за днями, томленіе измучиваетъ, руки олукаются, умъ слабѣетъ! Какая мука находится въ такое время посреди здѣшней суеты и жи!... Вы легко можете себѣ представить что говорится и дѣлается въ здѣшнихъ такъ-называемыхъ сферахъ, какія карты раскрываются въ ловкихъ рукахъ, какіе куши ставятся бойкими потерями на нашъ политическій банкъ!

„Повидимому мы переживаемъ одну изъ самыхъ рѣшительныхъ минутъ нашей исторіи. Какъ сказочный богатырь, мы стоимъ предъ тремя дорогами: по одной пойдешь, коня потеряешь, по другой—себя измучишь, по третьей—и коня потеряешь, и свою голову сложишь. Въ такіа минуты надо молиться...

„Но удивляйтесь или нѣтъ, а скажу вамъ что я чувствую себя бодро. Вопреки всему во мнѣ оживаетъ надежда. Я вѣрю что раздастся наконецъ вѣщее слово, и свѣжій вѣтеръ снесетъ всю эту лѣвну плывущую по взбудораженной поверхности. Какая невосполнимая потеря что васъ нѣтъ теперъ съ нами!

„Однако оставимъ политику. У меня есть прискорбная новость, которая поразитъ и можетъ-быть взволнуетъ васъ. Беклицевы неожиданно выѣхали въ Парижъ. Ихъ постигло ужасное несчастіе: Леонидъ Сергѣичъ помѣшался! Тутъ конца нѣтъ разнымъ толкамъ и догадкамъ, однѣ нелѣпѣ другихъ. Есть мерзавцы которые пользуются случаемъ

чтобы бросить грязью въ Ларису Григорьевну. Сколько я знаю и соображаю, помѣшательство Беклицева было подготовлено политическими причинами, его безмѣрнымъ честолюбіемъ и нервнымъ напряженіемъ въ которомъ это честолюбіе держало его въ послѣднее время. Это одна изъ жертвъ того Молоха которому здѣсь преимущественно поклоняются. Врачи думаютъ что нѣтъ никакой надежды. Бѣдная Лариса Григорьевна принуждена возиться съ нимъ какъ съ ребенкомъ. Безъ волненія нельзя видѣть съ какою спокойною покорностью она несетъ этотъ жребій, эту кару за непостижимую ошибку соединившую ихъ.

„Возвращаюсь опять къ тому же: зачѣмъ вы не здѣсь или скорѣе не тамъ?“

Зимовьевъ въ смятеніи олустилъ письмо, всталъ и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Уля изподлобья взглядывала на его взволнованное лицо, и ея собственныя черты все болѣе и болѣе выражали смущеніе, странная тревога овладѣвала ею, стукъ его шаговъ точно съ болью отдавался въ ея нервахъ. Зимовьевъ какъ будто совсѣмъ забылъ о ея присутствіи. Онъ присѣлъ къ столу, на которомъ валялись нераспечатанныя письма и газеты, облокотился и думалъ. Это было то тяжелое думанье которымъ рѣшается схватка съ самимъ собою, съ таинственною силой непобѣжденных воспоминаній и обманувшихъ, но еще не пережитыхъ очарованій...

Когда онъ поднялъ голову, лицо его было спокойно, только желтые обыкновеннаго, и въ глазахъ какъ будто залегло отраженіе только что выдержанной борьбы. Встрѣтившись съ вопросительнымъ, смущеннымъ взглядомъ Уля, онъ ласково улыбнулся ей.

— Простите что при васъ завялся письмами... очень нужное было, сказалъ онъ.

— Мнѣ показалось непріятное? робко спросила Уля.

— Да, лишутъ про одного больнаго... но такіе одинокіе и свободные люди какъ я привыкаютъ чувствовать себя въ сторонѣ отъ чужаго горя, отвѣтилъ съ непримѣтнымъ напряженіемъ Зимовьевъ. — Намъ надо своимъ дѣломъ заняться... простымъ, деревенскимъ. Я вамъ говорилъ: плотину починять, мельницу перестраивать... А домъ пусть ужъ такъ стоитъ... пусть чернѣетъ да морщится какъ старый дядька, который при холостомъ баринѣ остался... добавилъ онъ съ маленькимъ подозрительнымъ смѣхомъ.

Онъ снова прошелся по комнатѣ. Уля, притаясь, молча, все взглядывала на него изъ-подошья.

— Слѣшить надо, скоро въ поляхъ горячее время настанетъ. А мнѣ прежде всего нужно еще въ городъ съѣздить, сказалъ онъ дѣловымъ, даже суетливымъ тономъ.

Уля при этихъ словахъ еще больше побѣдѣла.

— Въ городъ? я не знала... На долго? спросила она.

— Такъ на недѣлку, я думаю. Сегодня же и поѣду.

Онъ дѣйствительно къ вечеру наскоро собрался.

— Такъ когда же вы назадъ? спросила Уля, когда онъ прощался съ ней.

— Черезъ недѣлю, черезъ недѣлю, отвѣтилъ съ маленькимъ признакомъ нетерпѣнья Глазбъ Дмитричъ.

— Но вы непременно вернетесь? вы не поѣдете прямо туда откуда письмо? съ несвойственною ей смѣлостью неожиданно спросила Уля.

Зимовьевъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Съ чего вы выдумали! возразилъ онъ.

И чрезъ минуту прибавилъ задумчиво, съ непроницаемостью челоуѣка слишкомъ занятого своими мыслями:

— Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, у меня всегда такъ устроено что я могу уѣхать хоть на край свѣта; всѣ распоряженія разъ навсегда сдѣланы, Семеновъ Матвѣевичъ привыкъ къ этому.

Онъ не замѣтилъ какъ Уля быстро и рѣзко выдернула руку и убѣжала по хлюпающимъ доскамъ въ свой флигелекъ.

XXXV.

У Глазба Дмитріевича дѣйствительно были дѣла въ городѣ, хотя и не такія слѣшныя чтобы тотчасъ собраться и ѣхать. Уля угадала—причина его везазнаго отъѣзда заключалась въ этомъ подозрительномъ письмѣ, которое она инстинктивно возненавидѣла всѣми силами души. Онъ похвально чтобы дать себѣ новое занятіе, движеніе, создать искусственный недостатокъ. Въ дорогѣ мысли невольно развлекались, обращались на другіе предметы; но даже и думать все объ одномъ же въ этой движущейся обстановкѣ было какъ будто легче.

На ближайшей станціи онъ пересѣлъ изъ коляски въ вагонъ и развернулъ не прочитанную еще газету. Въ другомъ

угау купе сѣлъ какой-то господинъ, высокій, желтый, съ неопрятно обросшимъ лицомъ и маленькими, но очень вызывающими глазками; дождавшись когда Зимовьевъ въ свою очередь наконецъ взглянулъ на него, провзжій обратился къ нему съ вопросомъ:

— Вы вѣроятно здѣшній помѣщикъ?

Зимовьевъ отвѣтилъ со свойственною ему холодною вѣжливостью.

— Очень радъ найти собесѣдника, продолжалъ незнакомый господинъ.—Я имѣю обыкновеніе пользоваться путешествіями чтобы переговорить съ представителями мѣстной интеллигенціи, узнать какъ на нихъ отражается то или другое явленіе нашей жизни, какіе интересы ихъ занимаютъ и волнуютъ, словомъ, такъ-сказать выщупать провинціального обывателя со всѣхъ сторонъ.

Онъ при этомъ выставилъ руку и сдѣлалъ пальцами движеніе какъ бы выражавшее усвоенный имъ приемъ выщупыванія.

Зимовьевъ взглянулъ на него, стараясь угадать что это за господинъ такой можетъ быть. Но тотъ самъ послѣдшилъ объяснить:

— Я пишу въ газетахъ, и настоящую лѣзвудку предпринимаю именно чтобы собрать матеріалъ. Миловановъ... вы вѣроятно встрѣчали мое имя въ печати?..

— Миловановъ... мнѣ это имя знакомо потому что тутъ у сосѣдей моихъ долго управлялъ имѣніемъ нѣкто Илья Петровичъ Миловановъ, припомнилъ Зимовьевъ.

— Въ Волчьемъ Долѣ? Это мой отецъ. А меня зовутъ Аполлонъ Ильичъ. Такъ вы вѣроятно Зимовьевъ? Я кое-что слышалъ отъ отца. Очень пріятно познакомиться, хотя, предполагаю, мы не легко сойдемся во взглядахъ. Но тѣмъ пріятнѣе поспорить. Для нашего брата, человѣка убѣжденныхъ, гораздо удобнѣе встрѣчаться съ людьми опредѣленнаго образа мыслей.

Зимовьевъ съ тою же сдержанною вѣжливостью дотронулся до шапка. Онъ подумалъ что судьба посылаетъ ему развлеченіе.

— Какъ у васъ земство? О народномъ образованіи въ вашей губерніи что-то мало слышно. Неужели все то же лютостыдное равнодушіе? продолжалъ Миловановъ, пересаживаясь поближе къ Зимовьеву.—И кажется очень немного сдѣлано

для борьбы съ дифтеритомъ? Вообще ваша сторона, въ Петербургѣ считается изъ отстающихъ. А между тѣмъ не гаушь, совсѣмъ не гаушь.

И онъ какъ бы одобрительно взглянулъ на черныя только что влаханныя поля и на зеленѣющія полосы озимей.

— Но какъ въ самомъ дѣлѣ со школами? Нынче вѣдь не то, правительство расположено идти рука объ руку съ земствомъ, не умолкалъ Миловановъ.—Я намѣренъ лично посѣтить нѣкоторыя школы, посмотрѣть учителей и ребятшекъ.

— Посмотрите, это любопытно, сказалъ Зимовьевъ:— услышите какъ мальчишкамъ объясняютъ что у коровы четыре ноги и хвостъ, а у лошади тоже четыре ноги и хвостъ; потому ихъ учатъ козлика лѣтъ.

— Мм, вы значитъ противъ современной методикѣ? отозвался Миловановъ.—Это теперь одинъ изъ пунктовъ нашего ретроградства. А по-моему все-таки лучше козлика лѣтъ чѣмъ аллауя. Но дифтеритъ? выписывали ли вы по крайней мѣрѣ нашихъ ученыхъ фельдшерницъ?

— Выписывали, только бабы ихъ дубьемъ прогнали, потому что онѣ вздумали жечь что попадется подъ руку. Народъ вѣдь въ дезинфекцію еще не вѣритъ, отвѣтилъ Зимовьевъ.

— Мало ли во что онъ вѣритъ и во что не вѣритъ; вотъ когда два, три поколѣнія пройдутъ черезъ школу, тогда это разчистится, возразилъ Миловановъ.—Вы думаете, мы безъ этого хлопотали бы такъ о школахъ? Впрочемъ, все это вздоръ, долга пѣсня. Намъ пока довольно надрессировать интеллигенцію. Имѣя ее въ рукахъ, можно и безъ народа обойтись.

— Я такъ всегда и понималъ, сказалъ Зимовьевъ.

— Мы нынче немного практичнѣе стали смотрѣть на эти вещи, продолжалъ журналистъ.—О народѣ мы вѣдь больше для виду болтаемъ; намъ прежде о себѣ бы позаботиться. Что такое народъ? Забываютъ—штыками усмирять. Настоящая-то сила въ интеллигенціи, вотъ о комъ надо хлопотать. Ну, а мы къ этой силѣ довольно вплотную подошли. Съ нею мы можемъ-быть сами лервую-то силу и составляемъ у насъ. Вотъ я теперь совершаю поѣздку по Россіи—такъ вѣдь меня чуть не съ колокольнымъ звономъ встрѣчаютъ. Триумфальное шествіе можно сказать!

— Такъ что вы должны быть очень довольны?

— Еще бы! Да вот не дальше какъ въ Бѣлозерскъ такой обѣдъ мнѣ задали... Земство, учебное вѣдомство, клубъ... Губернаторъ былъ и послѣ въ своей каретѣ въ вокзалъ меня отвезъ. А жандармскій полковникъ впереди скакалъ въ пролеткѣ съ пристяжкой. А какъ вы думаете чтò въ рѣчахъ-то говорили? Чтò всѣ сочувствуютъ, всѣ съ нами... развѣ это не сила?

— И чтò жь, вы этотъ обѣдъ опишете въ газетѣ? спросилъ Зимовьевъ.

— Послалъ уже, пусть тамъ прочтутъ и сообразятъ: это не бесполезно.

Разговоръ въ такомъ родѣ продолжался всю дорогу. При выходѣ на платформу Зимовьеву тотчасъ бросилась въ глаза знакомая фигура полицеймейстера, въ мундирѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, зорко всматривавшагося въ выходящую изъ вагоновъ публичку.

— Кто это съ вами? шелуль онъ, здороваясь.

— Нѣкто Миловановъ, корреспондентъ...

— Ахъ, батюшка мой, его-то я и караю! воскликнул полковникъ и бѣкомъ подскочилъ къ журналисту.

— Позвольте имѣть честь представиться, полицеймейстеръ Жолтышевъ... извѣщенъ былъ о вашемъ прїѣздѣ и счелъ долгомъ встрѣтить, чтобы не случилось какихъ-нибудь затрудненій въ незнакомомъ городѣ, отралпортовалъ онъ, искательно вливаясь глазами въ Милованова.

Тотъ благосклонно протянулъ руку и поблагодарилъ.

— Очень любезно съ вашей стороны; я дѣйствительно не знаю даже какая тутъ гостиница лучше... сказалъ онъ.

— Это ужь предоставьте... тутъ губернаторскій чиновникъ дожидается съ каретой, онъ васъ отвезетъ прямо въ номеръ: какъ можно вамъ самимъ безпокоиться!

— Очень, очень благодаренъ... прощѣдилъ сквозь зеленныя губы Миловановъ и вступилъ въ залу, гдѣ по знаку полицеймейстера къ нему дѣйствительно подлетѣлъ чиновникъ въ цилиндрѣ и франтоватомъ лалыто и расшаркался совершенно по балетному.

— Я думалъ онъ вреть, а вы его въ самомъ дѣлѣ чуть не съ колокольнымъ звономъ встрѣчаете, сказалъ пораженный всѣмъ этимъ Глѣбъ Дмитричъ.

Полицеймейстеръ встряхнулся, поймалъ какъ бы на лету подставленную ему рюмку водки и проглотилъ.

— Помилуйте, человекъ въ газетахъ лжетъ, пріѣхалъ матеріалъ собирать... Вдругъ не покажется что-нибудь—вѣдь такъ и хватить! оправдывался полицеймейстеръ.

— А все-таки я думалъ что онъ вретъ, повторилъ Зимовьевъ.

— Съ ними вѣдь не сообразишь, продолжалъ полковникъ:— не то чтобы что-нибудь по службѣ или насчетъ порядка, а представьте себѣ что такъ зря возьметъ да и опишетъ какъ я эту рюмку вонзилъ... ничего, кажется, а такую меланхолію можете навзвать что хоть въ воду кинуться. Нѣтъ-съ, такъ нельзя судить, тутъ трепеть чувствуешь. Я даже и того боюсь какъ бы не пересолить чтобы похвалить не вздумалъ: чортъ его знаетъ какъ еще выдетъ, пожалуй олепчатка какая-нибудь. Лишь бы ни гу-гу, вотъ вся моя молитва.

Вечеромъ у губернатора пришелся журъ-фиксъ, и Зимовьевъ могъ наблюдать мамоушное безстыдство съ какимъ мѣстная чиновная и земская интеллигенція ухаживала за его дорожнымъ спутникомъ. Даже самый составъ гостей былъ какъ будто другой: явились, напримѣръ, никогда не приглашаемые на губернаторскіе рауты учителя и классныя дамы, а къ редактору мѣстной газеты даже сама губернаторша написала очень любезную записочку. Но тотъ ловидимому не былъ этимъ тронутъ, и отвѣда Милованова въ сторону, объяснялъ ему:

— Губернаторъ скотина, а жена его воображаетъ себя придворною дамою, потому что была чѣмъ-то въ родѣ кастелянши... Это они меня сегодня для васъ пригласили, а то я у нихъ чашки чаю никогда не выпилъ. Вы столичный, вотъ они и ухаживаютъ за вами. Но вы не давайте себя обморочить, я вамъ такіе насчетъ нашей губерніи матеріальцы доставлю...

— Мм, ну нѣтъ.. надо все-таки цѣнить любезность, свисходительно отвѣтилъ на это Миловановъ.—Большая газета не можетъ заниматься всѣми этими домашними дразгами. Мы ищемъ идеи...

Начальникъ губерніи въ удобную минуту подѣлалъ къ Зимовьеву и спрашивалъ не говорилъ ли дорогой Миловановъ чего-нибудь особенно любопытнаго.

— Говорилъ что намѣренъ васъ всѣхъ въ руки взять, отвѣтилъ Глѣбъ Дмитричъ;—и потомъ очень хвалилъ обѣдъ какой ему задали въ Бѣлогорскѣ.

Губернаторъ задумался.

— А что вы скажете, вѣдь надо бы и намъ что-нибудь такое устроить, промодвилъ онъ.—Знаете, время нынче ужасно того... кажется они въ Петербургѣ очень сильны. Неприятно вѣдь, какъ хотите, если въ газетѣ вдругъ что-нибудь такое... А я почитывалъ его статейки — очень, очень бойко перомъ владѣеть. Охъ, право, какъ нанесетъ этакого — хуже сематорской ревизіи, ей Богу. Тамъ хоть какъ бы ни расплеки, а все не опельмуютъ печатно на всю Россію.

— Вотъ полицеймейстеръ вашъ боится даже какъ бы не похвалили его: вдругъ, говорить, опечатка какая-нибудь... сказалъ Зимовьевъ.

— И что жъ вы думаете, пренеприятная можетъ случиться опечатка, согласился губернаторъ.—Вотъ у насъ городской голова — прекрасный человекъ и даже современнаго направленія, а попробуйте въ его фамиліи одну букву перемѣнить, неприличіе выходить.

Глѣбъ Дмитріевичъ мысленно пожалъ плечами. Отъ губернатора, впрочемъ, ничего другаго и ожидать нельзя было; онъ былъ человекъ вѣсколько переспѣлый, и сознавая что „новыя вѣянія“ совсѣмъ обили его съ толку — держался съ олаской и заботился только объ одномъ: какъ бы кого не обидѣть и не нажить врага.

XXXVI.

Дѣла, какъ это обыкновенно бываетъ, задержали Зимовьева дольше чѣмъ онъ предполагалъ. Прошло уже дней десять, а онъ все еще жилъ въ этой самой гостиницѣ гдѣ такъ предупредительно устроили Милованова. А весна зеленѣла, сверкала, кричала и звала изъ горѣда.

Разъ, возвращаясь къ себѣ, онъ вдругъ встрѣтился въ корридорѣ съ Улей. Это было такъ неожиданно что онъ даже вскрикнулъ отъ изумленія.

Уля покраснѣлась, смѣшалась, длинныя рѣсницы ея быстро-быстро замигали.

— Мы съ Лизаветой Степановной пріѣхали... я ее упростила, мнѣ къ лѣту покупки надо сдѣлать... объяснила она.

Зимовьевъ недоувѣрчиво посмотрѣлъ на нее и вдругъ самъ слегка вслыхнулъ отъ внезапно сверкнувшей въ умѣ его мысли.

— Гдѣ же вы остановились? въ этой самой гостиницѣ? спросилъ онъ.

— Да, наверху... Лизавета Степановна о васъ спрашивала, но вы съ утра уѣхали, отвѣтила Уля.

— Теперь я дома, если ей надо меня видѣть, сказалъ Зимовьевъ съ какою-то невольно прозвучавшею сухостью.

Онъ вошелъ въ номеръ смущенный, съ неопредѣленною злостью на себя и на Улю. „Что за вздоръ!“ думалъ онъ, усиленно затягиваясь сигарой. „Вѣдь въ самомъ дѣлѣ дѣвочки къ лѣту нужны покулки, наряды... она выбрала время когда меня нѣтъ, это такъ естественно...“

Лизавета Степановна вошла тоже какъ будто смущенная и принялась, точно оправдываясь, объяснять почему имъ необходимо было прѣхать въ городъ.

— Для себя-то я пожалуй не поѣхала бы, а вотъ Уля какъ узнала что мнѣ нужно, и пристала: поѣдемъ да поѣдемъ. Я говорю: подождемъ какъ Глѣбъ Дмитриевичъ вернется, можетъ-быть отъ него кстати порученіе какое будетъ, а она, Богъ ее знаетъ почему, взяла себя въ голову что вы не вернетесь, а прямо въ Петербургъ или за границу поѣдете. Особенно какъ недѣля прошла, она лучше приставать стала — „вотъ видите, говоритъ, не вернулась... поѣдемъ скорѣе, можетъ быть еще застанемъ, такъ онъ вѣрно какія-нибудь порученія насчетъ дома дастъ.“ Ну, я вижу что ей поѣхаться хочется, думаю отчего въ самомъ дѣлѣ не взять ее...

— Меня немножко дѣла задержали, дня черезъ два хотѣлъ назадъ, сказалъ Зимовьевъ.

— А и намъ тоже нечего тутъ заживаться, по лавкамъ мы уже ходили... вотъ только отъ портнихи дожидаться....

Предъ вечеромъ Зимовьевъ поднялся на верхъ и постучался въ номеръ занимаемый Лизаветой Степановной.

— Кто тамъ? звонко окликнула Уля и въ ту же минуту растворила дверь. — Ахъ! вскрикнула она, радостно вспыхнувъ. — А Лизаветы Степановны нѣтъ, она ушла пить чай къ какой-то знакомой... тутъ близко, въ церковномъ домѣ. Я отказалась, что мнѣ тамъ!

— Но что же вы будете одиѣ дѣлать? Примите меня въ гости и извольте хозяйничать. Я тоже хочу чаю... сказалъ Зимовьевъ и улыбнулся.

Эта улыбка только вспыхнула въ глазахъ и на губахъ, а складка между бровями еще рѣзче прорѣзалась, и по лицу какъ будто бѣгали тѣни.

— Ну попробуемъ... я умѣю чай дѣлать. Только вамъ скучно будетъ! проговорила Уля. — Развѣ вамъ куда не надо?

— Извольте позвонить и спросить чаю, съ комическою строгостью отвѣтилъ Глѣбъ Дмитричъ.

Уля повизговалась и усадила гостя къ столу. Радостное смущеніе такъ и играло въ ея темныхъ глазахъ, въ улыбка, въ слабомъ румянцѣ щекъ едва загорѣвшихъ на весеннемъ воздухѣ. Она хлопотливо полоскала и вытирала чашки, звенѣла ложечками, подозрительно нюхала чай и осматривала сахаръ.

— Залыченный, право же залыченный! и чай Богъ знаетъ какой! говорила она съ отчаяніемъ.— Еслайбы дома, въ нашемъ флигелькѣ, вотъ тамъ я вамъ дала бы хорошаго...

— Почему вамъ представилось что я прямо отсюда уѣду въ Петербургъ или за границу? вдругъ спросилъ Глѣбъ Дмитричъ.

— А Лизавета Степановна разказала? вслыхнула Уля.— Но вы тогда сами говорили... что можете каждую минуту хоть на край свѣта... что всѣ распоряженія у васъ сдѣланы...

— Но не уѣду же я не простившись съ вами!

Уля наклонилась надъ чашкой и поболтала ложечкой.

— А вы... все-таки уѣдете? спросила она.

— Пока, нѣтъ... не собираюсь...

Уля медленно подняла рѣсницы.

— Я думала что васъ вызываютъ... въ этомъ письмѣ... проговорила она.

На лбу Глѣба Дмитриевича олять рѣзко обозначились складки.

— Нѣтъ, не вызываютъ, отвѣтилъ онъ.

Оба вдругъ замолчали, и оба думали объ одномъ и томъ же. Но губки Ули безлокойно шевелились, точно она хотѣла что-то сказать и не рѣшалась.

— А вамъ тяжело что васъ... не вызываютъ? спросила она наконецъ и быстро взглянула на него.— Ахъ, простите, это такое глупое любопытство! прибавила она тотчасъ, замѣтивъ пробѣжавшее по его лицу мрачное выраженіе.

Зимовьевъ съ усиліемъ улыбнулся.

— У меня есть только тяжелыя воспоминанія, а самъ я уже давно спокоенъ, отвѣтилъ онъ.

Но вопреки словамъ, голосъ его звучалъ неспокойно. Уля отодвинула чашку, встала, закрыла самоваръ. Во всѣхъ ея движеніяхъ тоже выразалось что-то неспокойное. Вдругъ она бросилась на диванъ и всплеснула руками.

— Господи, но какъ же это могло быть! воскликнула она. Зимовьевъ взглянулъ на нее не понимая.

— Вѣдь если вы... любили... если могли полюбить... Какъ это могло быть что вы были несчастны! проговорила она.

— Какъ и всякій другой... отвѣтилъ улыбувшись насильною улыбкой Глѣбъ Дмитричъ.

— Всякій другой могъ, но вы!... возразила Уля.—Развѣ можно чтобы та которую вы полюбили, которую выбрали изъ всѣхъ...

Она вдругъ остановилась, вся стыдливо и мучительно вслыхнувъ. То что она сказала было такъ просто, выражало такое повидимому для всѣхъ ясное соображеніе; но она вдругъ догадалась что ей нельзя этого говорить, что въ ея искренности заключается ужасная, непопозволительная наивность. Ее всю охватило нестерпимое чувство стыда, на глазахъ выступили слезы.

Глѣбъ Дмитричъ всталъ и взялъ ее за обѣ руки.

— Вы хотите сказать что я стою чтобы меня любили? произнесъ онъ съ прозвучавшимъ въ голосѣ волненіемъ.—Но видите, все складывалось такимъ образомъ чтобы разувѣрить меня въ этомъ... или увѣрить въ томъ что женщины умѣютъ любить только тѣхъ кто не стоить этого. А теперь ужъ поздно...

Горячія руки Ули дрожали въ его рукахъ. Не оборачиваясь къ нему она только отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ? переспросилъ Зимовьевъ;—не поздно?

Уля вырвала руки и съ выраженіемъ отчаянія схватилась ими за голову.

— Почему я знаю! съ какой стати вы меня спрашиваете! проговорила она измѣнившимся голосомъ.

Зимовьевъ сѣлъ подлѣ нея.

— Я спрашиваю потому... что если это такъ... если вы находите что меня еще можно немножко любить... тогда все ясно и просто, и намъ надо только поскорѣе вернуться домой чтобы уже никогда не разставаться... Уля, хотите быть моею женой?

Его голосъ весело дрожалъ, серьезные глаза улыбались. Она какъ будто со страхомъ откинулась на спинку дивана.

— Глѣбъ Дмитриевичъ, что вы такое говорите? какъ вамъ жениться на мнѣ? Я бѣдная, простая такая... развѣ я вамъ лара! проговорила она въ смятеніи.

— Мнѣ сорокъ лѣтъ, вы почти ребенокъ—вотъ что вы хотите сказать? переспросилъ съ мгновенно зацемявившею его тоскою Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Я хотѣла сказать то что я сказала. Развѣ я лгала когда-нибудь! отвѣтила Уля.

Она быстро встала, какъ-то растерянно потянула плечами и руками, отошла къ окну и оттуда, точно остерегаясь, искоса взглянула на него. Онъ опять подошелъ къ ней.

— Въ такомъ случаѣ я пропускаю ваше возраженіе какъ будто и не слышалъ его, сказалъ онъ весело, и наклонясь поцѣловалъ обѣ ея руки.—Уля, если я еще могу быть съ кѣмъ-нибудь счастливъ, то только съ вами. Вамъ одной я могу вѣрить и васъ одну любить. Ахъ, какой вы вздоръ сказали!... Вы простая? Вы меня узнали лучше тѣхъ которыхъ больше васъ видѣли, слышали, наблюдали...

Уля вся пылала, а слезы, непонятныя, нелѣпыя, такъ и катились по ея щекамъ.

— Господи, да что же это такое! мы точно съ ума оба сошли! опять всплеснула она руками, бросилась на диванъ и спрятала лицо.

Дверь быстро отворилась, и Лизавета Степановна, раскрасившаяся отъ ходьбы и отъ вылитого у полады чаю, вошла и остановилась въ изумленіи. Уля вскочила и порывисто бросилась къ ней.

— Спросите Глѣба Дмитріевича что онъ выдумалъ—житья на мнѣ хочетъ! проговорила она своимъ дѣтскимъ голосомъ.

— И узнайте отъ Ульяны Васильевны почему она отъ меня отказывается? прибавилъ Зимовьевъ.

Лизавета Степановна глядѣла то на одного, то на другого, не зная шутятъ они или въ самомъ дѣлѣ случилось то о чемъ она раньше всѣхъ задумала и чего она втайнѣ боялась—сначала за Глѣба Дмитріевича чтобъ онъ не увлекся, а потомъ за Улю чтобъ ея невысказанная страсть не извела ея неопытное сердце.

— А прежде всего поздравьте насъ обоихъ, и поцѣлуемся, добавилъ Зимовьевъ, и подойдя къ ней въ самомъ дѣлѣ обнялъ ее и поцѣловалъ.

Черезъ два дня всѣ вмѣстѣ вернулись домой, а еще черезъ мѣсяцъ Глѣбъ Дмитріевичъ и Уля опять стояли на балконѣ, и между ними шелъ дѣловой разговоръ, нѣсколько походившій даже на споръ:

— Годъ за границей, это какъ разъ только достаточно чтобы видѣть самое важное и интересное, и даю вамъ слово что вы не успѣете соскучиться, убѣждалъ Глѣбъ Дмитриевичъ.—Я не знаю ничего умнѣе какъ посвятить такому путешествію первый годъ счастья. Послѣ завтра, прямо изъ-подъ вѣзда въ карету, потомъ въ вагонъ, три дня въ Москвѣ, три дня въ Петербургѣ, и оттуда за границу.

— Но цѣлый годъ, это такъ много! сомнѣвалась Уля.—Я не соскучусь, объ этомъ и говорить нечего, но мнѣ кажется... все-таки мы меньше будемъ вдвоемъ чѣмъ здѣсь.

— Напротивъ, нигдѣ такъ не чувствуешь себя къ сторонѣ отъ цѣлаго человѣчества какъ за границей, настаивалъ Зимовьевъ.—Вы встрѣчаетесь только съ одними вѣшними впечатлѣніями, и это предоставляетъ ни съ чѣмъ несравнимую свободу интимному, внутреннему чувству.

— А все странно какъ-то цѣлый годъ то въ вагонѣ, то въ отеляхъ... угла своего не будетъ, возражала Уля.

— А въ ту минуту когда васъ потянетъ въ свой уголокъ, мы возьмемъ обратные билеты... улыбаясь окончилъ этотъ споръ Зимовьевъ.—Семень Матвѣевичъ къ тому времени приведетъ этотъ уголокъ въ порядокъ, такъ какъ вы не раздѣляете моего вкуса къ сельскимъ развалинамъ. Впрочемъ и мой вкусъ уже перемѣнился. Старое старому, новое молодому; а вѣдь насъ молодыми будутъ называть.

Черезъ день, въ темноватой деревенской церкви, которую въ это весеннее утро насквозь пронизывали яркіе солнечные лучи, тихо совершилось вѣнчаніе. По настоянію Ули, Зимовьевъ никого не пригласилъ изъ сосѣдей; пріѣхали только Василій Андреевичъ съ женой и съ Настей, да притащился незванный Зыбовъ, который вслѣдъ за Григоріемъ Никитичемъ потерялъ и другаго своего партнера, совсѣмъ окостенѣвшаго еще за-живо Конобѣва, и съ тѣхъ поръ рѣшительно не зналъ что съ собою дѣлать. Отъ скуки пробовалъ онъ впрочемъ возобновить дружескіе визиты къ Татьянѣ Ивановнѣ Полтаразовой, нуждавшейся въ утѣшеніи послѣ вѣроломства Коко, но очень скоро и Татьяна Ивановна, и самъ онъ, замѣтили что онъ уже старъ сталъ, и что новый лѣсничій изъ военныхъ гораздо моложе его.

Настя уже была знакома съ Улей, потому что Василій Андреевичъ бралъ ее иногда съ собой заѣзжая къ брату. Она, поздравляя, крѣпко-крѣпко поцѣловала ее, и на глазахъ ея невольныя и некстати выступили слезы.

— Не выходите безъ меня замужъ, я вернусь такъ сама выдамъ васъ, сказала ей Уля.

— Ну, я и думать объ этомъ перестала, отвѣтила съ напряженной улыбкой Настя.—А Глазъ Дмитричъ помолодѣлъ совсѣмъ! добавила она, взглянувъ на веселое лицо новобрачнаго.—Право, я такимъ еще не видала его... и не страшны совсѣмъ!

Уля смѣясь поцѣловала ее и обернулась къ мужу.

XXXVII.

Скриля по сырому леску, карета отъѣхала отъ крыльца стараго дома, куда молодые завернули на минутку чтобы вылить по бокалу шампанскаго, переодѣться и захватить нѣкоторыя вещи. Василій Андреевичъ съ женой, Настя, Семенъ Матвѣичъ и Лизавета Степановна стояли на стульяхъ и усердно махали платками; дворня бѣжала за ворота...

Еще двѣ-три минуты, и влажные прозрачныя тѣни уже зеленѣющаго лѣса обступили карету, а тамъ поля, опять лѣсъ, но уже отодвинутый въ глубокую даль, и надъ нимъ ярко зеленая крыша господской усадьбы, окруженная высокими трубами выбрасывающими черныи дымъ.

— Это фабрика? спросила Уля.

— Это Волчій Долъ... тутъ теперь Пустобрюховъ расползается... отвѣтилъ Зимовьевъ.

Уля быстро взглянула на него и на усадьбу, отъ которой кажется долеталъ немолчный шумъ паровыхъ приводовъ.

— Какъ странно!.. я не узнала совсѣмъ, сказала Уля.

— Да, перемѣнилось... прежняго ничего нѣтъ... проговорилъ Зимовьевъ и добавилъ съ мимолетною, спокойною грустью:—Что было—прошло, конечно, не воротится...

Онъ повернулся къ Улѣ и тихо привлекъ ее къ себѣ.

— Теперь новое... новая жизнь... Дорогая, ты вѣришь въ счастье? сказалъ онъ съ такою задумчиво-радостною лаской въ голосъ что Уля почти бессознательно уронила голову на его плечо и зажмурила глаза.

— Я не спрашиваю себя вѣрю ли я въ счастье; я просто чувствую что держу его въ рукахъ... что вотъ оно... отвѣтила она, и губы ея вздрогнули и замерли въ долгомъ поцѣлуѣ.

Колеса продолжали скрипеть по испрошенной еще дорогѣ. Мѣстность по обѣ стороны чѣмъ ближе къ станціи становилась разнообразнѣе: потанулиць хутора, посеаки, плодовые сады, огороды, всякая мелочь. Мелькнула хорошенькая, хозяйски обстроенная усадьба Василія Андреевича, а за ней, изъ-за кулы яблонь и черешень, выставилъ свою подгнившую кровлю флигелекъ гдѣ жилъ когда-то Извоевъ. Зимовьевъ и о немъ вспомнилъ, и опять мимолетная задумчивость легла на его лицо.

„Гдѣ-то онъ? что дѣлаетъ? пропалъ можетъ-быть совсѣмъ“?.. подумалъ онъ, и въ его памяти пробѣжали ихъ первыя встрѣчи, оживленныя спорами, упругимъ упрямствомъ выношенныхъ и выстрадаваемыхъ убѣжденій и задоромъ молодыхъ порывацій. Припомнилась и та странная встрѣча въ Петербургѣ, ночью, когда Извоевъ такъ таинственно прятался и такъ загадочно выражался.

„Пропасть, навѣрное пропасть“, мысленно повторилъ Глазбъ Дмитріевичъ.

А карета неслась, и съ каждымъ толчкомъ ея онъ все меньше думалъ о другихъ, постороннихъ, о томъ что „прошло и не возвратится“...

Какія бываютъ непостижимыя совпаденія! Въ ту самую минуту когда Глазбъ Дмитріичъ мысленно рѣшалъ судьбу Извоева, въ квартирѣ которую занималъ послѣдній на одной изъ маленькихъ улицъ залутовавшихся лозади Николаевского вокзала происходила кровавая драма.

Въ небольшой темноватой комнатѣ, тѣсно заставленной столами, станками, типографскими кассами и килами печатной бумаги, мы находимъ нашихъ давнишнихъ знакомыхъ. Самъ Извоевъ, въ короткомъ и лордочно засаленномъ пиджакѣ, возится надъ только-что набранною гранкой, правя корректуру прямо по набору; Федоръ Степановичъ, бывшій учитель въ Волчьемъ Долѣ, усердно отгискиваетъ форму, и станокъ чуть не трещитъ подъ его здоровенными руками. Сожительница его, Марья Яковлевна, тутъ же у станка подаетъ бумагу и складываетъ отгискутые листы. Работа идетъ медленно, рукъ мало, да и тѣ не очень умѣлыя; но всѣ спѣшатъ, всѣмъ кажется что они заняты нужнымъ и интереснымъ дѣломъ.

Въ сосѣдней комнатѣ, у окна съ вѣчно олуценою шторой, совсѣмъ молодой человекъ осторожно поворачиваетъ въ

рукахъ какой-то замысловатый снарядъ, объясняя Стышичу его устройство. На подоконникѣ стоятъ банки наполненныя чѣмъ-то сѣрымъ.

— Эту штуку я наскоро сладилъ для пробы; уже мы пойдемъ съ вами за городъ и испытаемъ, говорилъ молодой человекъ.

— Такъ вы тамъ и покажете, а теперь поставьте, пожалуй какъ-нибудь уроните еще, остерегалъ Стышичъ.—Завтра я вамъ еще ящикъ привезу, долженъ изъ Одессы получиться; тогда надо будетъ ложивше за работу приниматься чтобъ...

Онъ вдругъ остановился, вздрогнулъ и повелевалъ; гдѣ-то блавко, точно надъ самымъ ухомъ рѣзко прозвѣвалъ колокольчикъ.

— Полиція! вскрикнулъ молодой человекъ.

Стышичъ вскочилъ и бросился въ комнату гдѣ работали дилеттанты-тилографчики,

— Разведите огонь... жгите... рассыпайте наборъ! крикнулъ онъ.

Извоевъ разбилъ гранку, сгрѣбъ въ кучу и высыпалъ какъ попало въ кассу. Федоръ Степановичъ ударомъ кулака вышибъ весь наборъ изъ формы. Марья Яковлевна кинулась растапливать печку. Звонокъ повторился, затѣмъ посыпались глухіе удары въ дверь.

— Поскорѣе другимъ ходомъ! сказалъ Извоевъ, шара по всюду чтобы сыскать шалку. Стышичъ повернулъ его за плечо.

— Съ ума вы сошли, тамъ ждуть жандармы! сказалъ онъ.— Неужели вы думаете что насъ не окружили? Жгите все что есть, а мы будемъ защищаться.

Марья Яковлевна, услѣвшая развести огонь, кидала туда отпечатанныя килы бумаги и не найдя кочерги, мѣшала въ печкѣ зонтикомъ. Мокрая бумага горѣла плохо.

— Чортъ ли съ вашими прокламаціями, пускай найдутъ!.. записки, чертежи, вотъ что жгите! торопливо распорядилась Стышичъ, и схвативъ съ комода револьверъ, кинулся къ дверямъ.

Въ маленькой прихожей было совсѣмъ темно. Удары въ дверь сыпались все сильнѣе и сильнѣе. Наконецъ одна узкая лавка выпала. Стышичъ, оставаясь самъ въ темнотѣ, подошелъ къ образовавшемуся просвѣту и выстрѣлилъ. Кто-то вскрикнулъ на лѣвѣмъ и затѣмъ въ переднюю вѣстѣли три или четыре пули.

— Сюда, скорѣе! я одного уже убилъ! крикнулъ Стышичъ къ товарищамъ.

Федоръ Степановичъ вбѣжалъ въ переднюю, за нимъ Извоевъ и другой молодой человекъ. Всѣ четверо, держась около темной стѣны, выстрѣлили по нѣскольку разъ. Но тутъ уже съ трескомъ вылетѣла другая паявка, и пять или шесть рукъ выставились съ револьверами чрезъ взломанную дверь. Пули засвистали. Бывшій учитель со стономъ схватился за плечо.

— Отойдемъ, тутъ насъ всѣхъ перестрѣляютъ, сказалъ Стышичъ.

Извоевъ откочилъ вслѣдъ за нимъ въ комнату. Бывшій учитель шатаясь дошелъ до дивана и повалился.

— Плохо? спросилъ Стышичъ.

— Маму... Маму ломайте... простоналъ тотъ.

— Посмотрите все ли сожжено, а я тутъ буду... обратилась Стышичъ къ Извоеву.— Да скорѣе, они сейчасъ ворвутся, тогда дадимъ замлъ.

Извоевъ бросился въ сосѣдную комнату, шаря по столамъ и комодамъ и кидая въ печь все что попадалось подъ руку. Вдругъ онъ что-то вспомнилъ, растегнулъ жилетку, сорвалъ засѣвшій на груди портфельчикъ и тоже швырнулъ въ огонь.

„Любовная переписка!“ сказалъ онъ вслухъ, какъ-то странно покрививъ губами. На мгновенье красивый обликъ Клеопатры Михайловны проплылъ предъ его глазами и исчезъ въ разгорѣвшемся пламени, какъ будто тоже сгорѣлъ въ немъ...

— Миша! слышался словно придавленный голосъ Стышича.

Извоевъ бросился туда и остановился. Два жандарма уже держали Стышича, а полицейскій офицеръ, сорвавъ съ себя темлякъ, собирался вязать ему руки. Городовой боролся съ Марьей Яковлевной, которая кусала ему пальцы и царапалась.

— Застрѣли меня! крикнулъ Стышичъ.

Извоевъ подвѣлъ револьверъ, осмотрѣлъ... въ немъ оставался только одинъ зарядъ. Онъ всунулъ дуло себѣ въ ротъ и подавилъ собачку.

— Услѣлъ таки! вскрикнулъ полицейскій офицеръ, подбѣгая къ медленно грохнувшемуся на полъ тѣлу.

Спустя часа три послѣ этой катастрофы, Клеопатра Михайловна Хвоцева, выходя съ крыльца чтобы сѣсть въ

карету, увидѣла около подъѣзда своего дома какого-то господина, медленно прохаживавшагося по тротуару. Господишь этотъ очевидно поджидалъ ее и сдѣлалъ ей едва примѣтный знакъ. Хвоцева доѣхала до угла и остановила кучера. Неизвѣстный господинъ открылъ дверь и вскопчалъ въ карету. Лошади опять тронули.

— Вы не слышали еще? У Михаила Ивановича сейчасъ былъ погромъ, всѣхъ захватили, а самъ онъ застрѣлился, объявилъ неизвѣстный.

Клеопатра Михайловна любѣднѣла.

— Но бумаги, письма? спросила она.

— Все сожгли, наборъ разсылали и даже нѣсколько полицейскихъ переранено. Наши защищались отчаянно...

— Но письма, письма? Онъ носилъ ихъ на себѣ... какое роковое упрямство! заметалась Клеопатра Михайловна.

— Мыѣ передавали что вообще полиція ничего не нашла кромѣ динамитныхъ снарядовъ и оружія, успокоивалъ ее неизвѣстный господинъ.—А впрочемъ, если вы тревожитесь... у васъ есть разные способы разузнать все хорошенько.

Онъ крикнулъ кучеру и выпрыгнулъ изъ кареты.

Клеопатра Михайловна провела очень мучительную недѣлю. Наконецъ одинъ изъ чиновныхъ друзей сообщилъ ей самымъ достовѣрнымъ образомъ что ничего компрометирующаго ее не найдено и что даже самое имя и личность Извозова считаются для полиціи до сихъ поръ неизвѣстными. Хвоцева услокоилась и на минуту съ признательною грустью задумалась о Михаилѣ Ивановичѣ...

XXXVIII.

У Пахтаевыхъ тоже кое что произошло за это время.

Антонина Павловна не уѣхала въ деревню наканунѣ суда, потому что Додо сдѣлалось хуже, и она боялась везти его на полегченіе уѣздаго врача. Она ограничилась тѣмъ что не выходила изъ дѣтской и изъ своей комнаты, даже обѣдала тамъ, и когда мужъ заходилъ взглянуть на ребенка, принимала видъ внимательной неподвижности и отвѣчала на разспросы односложно, почти не разжимая губъ. О томъ что происходило на судѣ и чѣмъ все кончилось между ними не было сказано ни слова. Пахтаевъ нѣсколько разъ хотѣлъ

сообщить по крайней мѣрѣ о несчастіи съ Беклащевымъ, но такъ какъ жена не отходила отъ постели больного ребенка, то заговорить объ этомъ было неудобно.

Печальная новость обнаружилась на другой день изъ газеть. Антонина Павловна съѣздила на минутку къ брату, заплакала, поѣхала оттуда къ Таисіи Ивановнѣ, рассказала обо всемъ и прибавила что „Лариса какая-то совсѣмъ безчувственная и что это Богъ ихъ всѣхъ наказываетъ за то что у нихъ такъ мало родственнаго чувства.“ Со старухой сдѣлалось дурно, послали за докторами и уложили ее въ постель.

Прошло нѣсколько дней, а Антонина Павловна все хлопотала около ребенка и не разговаривала съ мужемъ, словно они были уже совсѣмъ чужіе люди. Пахтаевъ даже не зналъ навѣрное читаетъ ли она газеты, и какъ прежде отъ боли ея истерическихъ упрековъ, такъ теперь его раздражало что она можетъ совсѣмъ не говорить объ этомъ, точно ни суда, ни газеть, ни его самого вовсе не существовало для нея. У него не было такого уголка куда онъ могъ бы уйти. Полива была страшно раздражена и принимала его холодно, а дома къ нему начали безпрестанно являться разные господа по самымъ неприятнымъ денежнымъ дѣламъ. Миловановъ, Венделевичъ, вся эта компанія, два года снабжавшая его деньгами, вдругъ всполошилась, почувствовать что наступилъ моментъ раздѣлки. Скандальный процессъ налугалъ ихъ, потому что чего добраго Пахтаевъ могъ потерять службу, а тутъ еще проникли къ нимъ слухи о разводѣ и объ отказѣ Антонины Павловны оставить какой-нибудь капиталъ въ рукахъ мужа. Миловановъ лѣлъ, встряхивалъ платочкомъ и держалъ себя деликатно и мягко какъ съ барышней; но изъ-подъ руки напускалъ на генерала Венделевича, который сурово толорщилъ свои тараканьи усы и съ безплощадною краткостью отказывалъ во всякихъ отсрочкахъ. Пахтаевъ вслыхивалъ и блѣднѣлъ и приказалъ не пускать его; тогда вмѣсто Венделевича явился судебный приставъ и объяснилъ что для обезпеченія иска движимое имущество его имѣеть быть описано и опечатано.

Пахтаевъ по уходѣ его позволилъ и приказалъ сказать барынь что просить ее тотчасъ пожаловать въ кабинетъ, такъ какъ ему необходимо переговорить съ нею. Антонина Павловна явилась, предупреждая что Додо сейчасъ подадутъ бульйонъ и что ей необходимо быть при этомъ.

— Къ сожалѣнiю, есть обстоятельства важнѣе вашихъ будничныхъ, и я васъ покорнѣе прошу безо всякихъ граммъ вникнуть въ дѣло, съ досадою сказалъ Пахтаевъ.— Меня будутъ описывать, я полагаю что это гораздо хуже потревожить и васъ, и больного ребенка.

— Я думала что вы довольны уже описаны, уязвила Антолина Павловна, указавъ глазами на газеты.

— Очень плохая острота, я говорю вотъ о какой описи, объяснилъ Пахтаевъ и сунулъ ей судебныя повѣстки.

Антонина Павловна величественно отстранила ихъ рукой.

— Я говорила уже что принимаю на себя вашъ расходъ на квартиру и прислугу... вы можете получить когда вамъ угодно, сказала она.

— Но у меня не этотъ только расходъ былъ, мнѣ надо вообще раздѣлаться съ долгами, возразилъ Пахтаевъ.

— А, вы хотѣли бы чтобъ я оплачивала... ваши развлечения! произнесла Антонина Павловна съ язвительною улыбкой;—это сашкомъ дорого стоить, Владимиръ Михайловичъ... и не однимъ только деньгами... Вы напрасно на меня разчитывали.

Она повернулась и съ достоинствомъ вышла изъ кабинета. Пахтаевъ грызъ ногти и швырнулъ съ мѣста на мѣсто стоявшiя на столѣ вещицы.

Миловановъ навѣстившiй его въ этотъ день глѣзъ болѣе обыкновеннаго.

— И какъ это, ваше превосходительство, вы супругу вашу ожесточаете... удивительно мнѣ это, право. Такого успокоенiя себя лишаете... Вѣдь какъ жили-то, я слыхалъ! Готовое все, капиталное... семейственный покой, благопристойность... Супруга ваша вѣдь женщина добрая, ваше превосходительство, а что онѣ по любви къ вамъ оскорбляются, такъ это отъ чувствъ ихъ происходитъ. Это, по моему разсужденiю, дѣлать надо. И напрасно Полина Александровна эти дѣла лутаютъ. Ихъ положенiе конечно такое что хоть за чтѣ-нибудь ухватиться. Все, думаютъ, вѣрнѣе какъ у васъ никого кромѣ нихъ не останется; а по моему разсужденiю не хорошо это.

— Полину Александровну я не могу же на произволъ судьбы оставить, возразилъ Пахтаевъ.

— Развѣ же я этого не понимаю? возразилъ Миловановъ.— Однакоже надо такъ разсуждать что Полинѣ Александровнѣ,

ло ихъ привычкамъ, деньги большія нужны, а при нашемъ положеніи произойти должны одні неприятели, и никакъ я согласія между вами не ожидаю. Хоть бы взять на примѣръ: онѣ желаютъ сейчасъ за границу ѣхать, а намъ это совсѣмъ невозможно. Вы, ваше превосходительство, простите меня если я скажу свое стариковское слово: настоящая любовь такая не бываетъ. Въ наше время такъ смотрѣли что если женщина полюбила, такъ ужъ она этого... чтобы на счетъ денегъ... ни Боже утаси!

Пахтаевъ вечеромъ пріѣхалъ къ Полиѣ совсѣмъ злой, и когда она на его разказъ о судебныхъ повѣсткахъ угрюмо пожала плечами, онъ еще больше разошелся и сказалъ:

— Что дѣлать, я самъ чувствую что не заслуживаю больше вашего вниманія... Герой романа который не умѣетъ вывернуться изъ денежныхъ затрудненій долженъ представлять вовсе не интересную фигуру.

Полина довольно спокойно взглянула на него.

— Мнѣ кажется вамъ очень легко вывернуться изъ подобныхъ затрудненій, такъ какъ ваша жена богатая женщина... гораздо богаче вашей любовницы... сказала она.

Пахтаевъ вспыхнулъ.

— Вы отсылаете меня къ женѣ? спросилъ онъ тономъ вызова.

— Я даю вамъ дружескій совѣтъ какъ выйти изъ затрудненія, отвѣтила съ маленькимъ нервнымъ смѣхомъ Полина и, сложивъ руки, улеглась на кушеткѣ.

Пахтаевъ мрачно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ лучше бы желалъ чтобы Полина вслышала, сдѣлала бы горячую сцену. Хладнокровное проникновеніе въ его тайную мысль смущало и раздражало его. Онъ повернулся къ кушеткѣ и олустился на коверъ.

— Полина, объяснись откровенно... заговорилъ онъ съ волненіемъ имѣвшимъ видъ искренности.— Ты понимаешь что для меня лично денежный вопросъ не имѣетъ такого значенія. Мнѣ вовсе не трудно отстать отъ нѣкоторыхъ привычекъ, перемѣнить образъ жизни... мнѣ даже и безъ этого обстоятельства пришлось бы куда-нибудь уѣхать, спрятаться отъ петербургскаго свѣта. Для тѣхъ небольшихъ потребностей которыя можетъ имѣть человекъ въ моемъ положеніи нужно очень немного. Объ этомъ и безпокоиться не стоило бы. Но моя судьба связана съ твоею. Въ этомъ весь

трагизмъ моей безпомощности. Ужѣрать тебя въ своей любви, въ томъ что для моего счастья никого и ни чего кромѣ тебя не нужно—это звучало бы фразой. Я не притворался, не лгалъ. Я и теперь не лгу, а прямо и откровенно задаю тебѣ вопросъ: можешь ли ты примириться съ такимъ положеніемъ, достаточно ли ты любишь меня чтобы всѣ эти затрудненія, лишенія, неудобства имѣли бы для тебя также мало значенія какъ для меня?

Полина слушала его не шевелясь, только какая-то холодная, насмѣхающаяся тѣнь скользила по ея губамъ и рѣсницамъ.

— Зачѣмъ столько словъ? отвѣтила она вопросомъ.—Вы хотите предоставить себѣ почетное отступленіе, разыграть въ послѣдней главѣ нашего романа маленькую сценку благородства... Но вѣдь мы съ вами одни, насъ никто не слышитъ, и все это совсѣмъ напрасный трудъ. Могу васъ увѣрить что я ни кому не стану объяснять, тѣмъ или другимъ способомъ вы отъ меня отдѣлались...

И она нервно засмѣялась.

— Не понимаю почему моя откровенность должна вызвать столько злости, сказала Пахтаевъ. Я въ моихъ обстоятельствахъ не виноватъ, и все что я могъ сдѣлать...

— Полноте, не смѣшите пожалуйста, перебила Полина.— Будто я такъ гаула чтобы не понять васъ? Еслибы вамъ не хотѣлось сойтись съ женой, еслибы вамъ не было такъ трудно отказаться отъ богатства и положенія лично для себя, вы не пришли бы предлагать мнѣ ваши откровенные вопросы. Чувство чутко, Владиміръ Михайловичъ... Но оставимъ пожалуйста этотъ разговоръ; право, вамъ нѣтъ надобности во всей этой печальной комедіи. Вернитесь спокойно къ вашей женѣ, скажите что между нами все кончено, и она съ радостью примирится съ вами. Для романческаго существованія въ шалашѣ вы не созданы, и я не вижу васъ—клянусь вамъ. Есть люди которые немислимы внѣ известной обстановки. А обо мнѣ не безпокойтесь: у меня есть то что мнѣ нужно—свобода.

Губы ея при послѣднемъ словѣ какъ-то презрительно дрогнули. Она встала и протянула ему руку.

— И такъ какъ мы сказали другъ другу все что было нужно, то не будемъ таять этой сцены и разстраивать себя нервы, добавила она.—Прощайте, и если можете... не очень браните меня.

Она улыбкалась однимъ уголкомъ губъ, торопливо отжала руку и вышла изъ комнаты.

Пахтаевъ вернулся домой смущенный; ему было грустно и стыдно. На другой день онъ съ утра нѣсколько разъ все собирався объяснитьсь съ женой, но она то уѣзжала къ Беклицевымъ, то возилась съ ребенкомъ. Уже вечеромъ, зайдя въ дѣтскую когда Додо спалъ, онъ вдругъ сказалъ негромкимъ, но какъ бы раздраженнымъ тономъ:

— Вы можете торжествовать, вамъ всеми этими пошлостями удалось достигнуть того что я принужденъ можетъ быть еще раньше васъ уѣхать изъ Петербурга...

Антонина Павловна на это ничего не сказала и даже не взглянула на него.

— Я объ этомъ потому говорю что мнѣ больше некуда уѣхать какъ въ деревню... въ вашу деревню, подумалъ Пахтаевъ.

При этихъ словахъ Антонина Павловна быстро подняла глаза.

— Я на это не разчитывала, сказала она.

— Но я ничего другаго не могу сдѣлать! продолжалъ Пахтаевъ.—Вы меня оставляете безо всякихъ средствъ... съ долгами на шеѣ... не искать же мнѣ въ самомъ дѣлѣ занятій въ какой-нибудь конторѣ... или приготовить къ экзамену на вольноопредѣляющагося... Завтра здѣсь все опишутъ, наклеятъ печати...

Антонина Павловна щупала рукой лотную голову ребенка.

— Но какъ же вы вдругъ собрались уѣзжать? васъ здѣсь связываютъ такіе романтическіе интересы... сказала она пронычекски.

— Вамъ удалось и эти интересы разрушить! отвѣтилъ Пахтаевъ.

— Мнѣ? Я никогда объ этомъ не думала.

— Но другіе должны были подумать, возразилъ Пахтаевъ.—Развѣ женщинѣ удобно становиться въ такое положеніе когда на нее указываютъ какъ на причину семейной катастрофы и всей этой трагикомедіи?

Антонина Павловна маскшпавно взглянула на мужа.

— Право? произнесла она.—Впрочемъ, мнѣ все равно какъ вы объясняете себѣ вашъ разрывъ... вѣдь у васъ произошолъ разрывъ, сколько я васъ понимаю?

— Я вамъ отказалъ: можете торжествовать, радоваться! подтвердилъ Пахтаевъ. — Но я желаю спросить категорически: вы мнѣ разрешаете жить у васъ въ деревнѣ?

— Мнѣ кажется вы связаны службой, напомнила Антонина Павловна. — Если вы возьмете отгулъ, на дѣтское время... и Додо можно будетъ перевести... а конечно не могу препятствовать вамъ сопровождать большого сына...

И некрасивое лицо Антонины Павловны освѣтилось какою-то кислою радостью.

XXXIX.

Многолюдная толпа наполняла залы парижскаго *Palais d'Industrie*, заматаго обычною художественною выставкой. Настоящие, коренные Парижане уже успѣли перебыть; наступалъ сезонъ провинціаловъ и иностранцевъ. Толпа казалась еще пестрѣе отъ разнообразныхъ типовъ, оригинальныхъ туалетовъ и многоязычнаго говора.

Потолковшись въ залахъ, публика направлялась въ садъ, гдѣ среди тощей зелени бѣжали выставленные мраморы и свѣтилась на яркомъ солнцѣ бронза. Зимовьевъ, подъ руку съ Улей, тоже спустился въ садъ.

— Ты не устала еще? спросилъ онъ.

— Невозможно... Это вервь, у меня точно кружится голова отъ толпы и отъ такого множества картинъ. Я не понимаю какъ можно что-нибудь разсмотреть заразъ когда такъ много выставлено, отвѣтила Уля.

— Кто же заставляетъ заразъ? мы завтра опять вернемся, сказалъ Зимовьевъ. — Я велю подать стулья...

Онъ оглянулся, и взгляды его упали на знакомое, бѣдное и изящное лицо... Онъ прищурился, не довѣряя себѣ... Но вѣтъ, не могло быть никакого сомнѣнія: предъ мраморнымъ ликомъ Христа стояла, опираясь на руку матери, Дариса; обѣ были въ глубокомъ траурѣ.

Узнавъ Зимовьева, онѣ радостно вскрикнули.

— Ну что, я тебѣ говорила, обратилась къ дочери Марья Ивановна послѣ обмена первыиъ привѣтствій:—ужь я знала что Габъ Дмитричъ непременно въ Парижѣ. Я даже во снѣ видѣла.

Обѣ вопросительно смотрѣли на Улю, недоумывая кто бы это могъ быть. Зимовьевъ послѣшно представилъ ее:

— Моя жена.

Лариса дружески протянула руку.

— Это новость, мы ничего не знали. Поздравляю васъ.

Глаза ея опять обратились къ Улѣ, и обѣ молодыя женщины какъ-то невольнo улыбулись, выражая этою улыбкой что онѣ сразу понравились другъ другу.

— Но какъ вы живете? что дѣлаете? Мнѣ писали о бѣдѣнн вашего мужа... сказалъ Зимовьевъ.

— Мужъ умеръ, печально отвѣчала Лариса.—Мы еще остаемся здѣсь, потому что ѣхать никуда не хочется, да и некуда... Но какъ же вамъ не стыдно было не извѣстить что вы женились!

— Это такъ недавно произошло... и вамъ было не до меня, отвѣтилъ Глѣбъ Дмитричъ.

Но лицу Ларисы пробѣжала тѣнь.

— Да, такіе тяжелые были дни, сказала она.—Это такая ужасная смерть! Мы только что успѣли привезти его сюда какъ ему стало хуже... Доктора сразу объявили что нѣтъ никакой надежды.

— Вы здѣсь и похоронили? спросилъ Зимовьевъ.

— Здѣсь.

Всѣ замолчали, какъ будто призракъ смерти пролетѣлъ надъ ними и повѣялъ холодомъ.

— Хотите сѣсть? предложилъ чрезъ минуту Глѣбъ Дмитричъ и приказалъ подать стулья.

— И правда, устали ужасно: часа три тутъ ходимъ, сказала Марья Ивановна.—И ужъ сколько тутъ всего нагрожено, когда это они успѣваютъ дѣлать! А вы на долго? обратилась она къ Улѣ.

— Въ Парижѣ мы вѣроятно будемъ недѣли двѣ, а потомъ мужъ хочетъ свезти меня въ Лондонъ, отвѣтила та.

— А вотъ мы въ Лондонѣ и не были никогда, замѣтила Марья Ивановна.

Зимовьевъ, сидя подлѣ Ларисы, съ невольнoю задумчивостью взглядывалъ на ея блѣдное и какъ будто еще утомленное лицо, которому трауръ придавалъ выраженіе грустной серіозности.

— Но какъ дальше? Есть какіе-нибудь планы? на зиму опять въ Петербургъ? спросилъ онъ.

— Вѣроятно... куда же больше? отвѣтила Лариса.

— Ей, и въ Петербургѣ не нравится, и за границей не нравится, и сама не знаетъ чего ей хочется, встала Марья Ивановна.

— Нѣтъ, я напротивъ такъ спокойно отношусь къ этому... въ сущности вездѣ одно и то же, возразила Лариса.

— Волчій Долъ-то захотѣла тогда непременно продать, съ упрекомъ вспомнила мать.

— Ахъ, и туда я не поѣхала бы...

И при этихъ словахъ грустное смущеніе мелькнуло на лицѣ Ларисы.

— Вы не узнали бы теперь тѣхъ мѣстъ, сказалъ Зимовьевъ.—Пустобрюховъ хозяйничаетъ: фабрику построилъ, винокурню, часть сада вырубилъ...

— Вотъ сада жалко... проговорила Лариса.—Знаете, Габъ Дмитричъ, это печально когда такъ много воспоминаній: они мѣшаютъ жить. Но расскажите что-нибудь о себѣ. Вы спокойны, счастливы? Объ этомъ не надо впрочемъ и спрашивать...

И она съ одобрительною улыбкой взглянула на Улю.

— Я счастливъ, отвѣтилъ совершенно просто Зимовьевъ. Лариса поведла мечтательнымъ взглядомъ.

— Вы не были теперь въ Петербургѣ? Что ваши общіе друзья? Что Ладожскіе? спросила она.

— Мы три дня тамъ пробыли; Павелъ Платоновичъ ободрился и вѣрить въ лучшія времена, Анатолий напротивъ какъ-то потерялся ото всѣхъ послѣднихъ перемѣнъ, а Анна Всеволодовна хандрить и, говоря по секрету, на мой взглядъ дурить начинаетъ, объяснилъ Зимовьевъ.

— Полноте, я увѣрена что она еще долго останется хорошенькою, не повѣрила Лариса.

— А Пахтаевы? говорятъ, они примирились и переживаютъ вновь медовый мѣсяцъ? спросила Марья Ивановна.

— Видѣлъ его мелькомъ... не думаю чтобы медъ былъ очень сладокъ, отвѣтилъ Габъ Дмитричъ.—А впрочемъ они отлучко сдѣлали что опять сошлись.

Разговоръ становился все менѣе занимательнѣе. Зимовьевъ взглянулъ на часы.

— Можеть-быть еще увидимся? спросила Лариса.

— Заходите къ намъ пожалуйста пока въ Парижъ, пригласила Марья Ивановна и сообщила адресъ.

Глѣбъ Дмитричъ и Уля направилась къ выходу. Оба совѣмъ забыли что еще не обошли скульптурнаго отдѣла.

— Какая она прелесть! сказала Уля, и быстро взглянула въ лицо мужу.

— И какая неудачно сложившаяся жизнь, добавилъ Глѣбъ Дмитричъ.— Она такъ многого стоила и такъ мало получала.

— Но вѣдь она еще молода и свободна... она дождется! подумала вслухъ Уля.

— Пошли ей Богъ! сказалъ Зимовьевъ.

Дома они застали нѣсколько писемъ. Одно изъ нихъ, отъ князя Павла Платоновича, Глѣбъ Дмитричъ тотчасъ распечаталъ и сталъ читать. Письмо было длинное и почти восторженное. Старый князь сообщалъ о нѣкоторыхъ петербургскихъ новостяхъ и высказывалъ свои соображенія о поворотѣ въ дѣлахъ.

„Я вѣрю, я надѣюсь, я ожидаю, я молодѣю“, писалъ онъ на послѣдней страницѣ. „Мы переболѣли и находимся на пути къ выздоровленію. Свѣжій воздухъ широкою струей бьетъ къ намъ, слышны уже ободренные, окрѣпшіе голоса. Да, мы съ вами не напрасно вѣрили. Но вы, лѣнивцевъ, долго ли будете бродить въ сторонѣ отъ большой дороги? Выходите, вашъ часъ насталъ. Дѣло ждетъ, зоветъ. Слышите? Пріѣзжайте сюда, привозите вашу молодую жену, у которой я заочно цѣлую ручки, и принимайтесь за дѣло. Повторяю: вашъ часъ насталъ, торолитесь!“

Уля за сливой мужа читала письмо.

— Это тотъ самый листъ что тогда, въ деревнѣ, когда ты тотчасъ въ городъ поѣхала? сказала она.— Я по дочерку узнала. Онъ тебя въ Петербургъ зоветъ?— видишь, надо ѣхать.

— Почему же надо? улыбнулась Зимовьевъ.

— Потому что онъ хорошій, тотъ кто листъ... ужь его надо слушать... Вѣдь тогда, еслибы не его письмо, ты бы не уѣхала, и я бы не перепугалась, и ничего бы не было... Такъ поѣдемъ?

Глѣбъ Дмитричъ сложилъ исписанный кругомъ листъ.

— Подождемъ что будетъ, сказалъ онъ.— Струя свѣжаго воздуха вещь хорошая, но въ Петербургъ старый дурной запахъ слишкомъ въѣлся во всѣхъ. Подождемъ!

Широкая полоса солнечнаго свѣта, прорѣзавшая комнату, тронула край щеки Ули и защеконала ей рѣсницы. Она невольно зажмурила глаза и наклонила голову.

— Какъ хочешь... ты все знаешь, а вѣдь я... я только люблю тебя! проговорила она.

Гарбъ Дмитричъ ласково привлекъ ее къ себѣ. Ему припомнился ихъ разговоръ въ старомъ деревенскомъ домѣ когда она увидала портретъ его покойной жены и сказала что ему нужна такая женщина которая „вся уничтожилась бы предъ нимъ“.

„Подозрѣвала ли она какая властная сила въ такой любви?“ мелькнуло въ его умѣ.

А горячее, яркое солнце неотвязчиво било въ открытое окно и оваряло нестерпимымъ блескомъ ихъ обоихъ.

В. АВСѢНКО.

КОНЕЦЪ.

ПОЪЗДКА ВЪ АХАЛЬ-ТЕКЕ*

1880—1881.

III.

Мы предполагали въ Бами двеназь чтобы дать передохнуть лошадямъ, но комендантъ объявилъ что если мы не воспользуемся оказіей отправляемою въ то же утро въ Арчманъ, намъ придется прождать въ Бами можетъ-быть нѣсколько дней до слѣдующей оказіи. ** Безъ конвоя же, оныи въ какомъ случаѣ не соглашались насъ отпустить далѣе. Мы рѣшили ѣхать въ тотъ же день.

Часть нашихъ вещей, казавшихся необходимыми на мѣстѣ и найденныхъ лишними на походѣ, а сдаль сослуживцу въ округѣ, командиру 1й сотни № 5го Оренбургскаго казачьяго полка. Ишакъ былъ оставленъ здѣсь же.

Бами имѣеть тотъ же характеръ какъ и другія наши укрѣпленія, съ тою только разницею что въ немъ помѣщается больше войскъ, имѣется лазаретъ и рѣденькій садикъ

* Окончаніе. См. *Русск. Вѣстн.* № 5.

** Оказіей въ Туркестанѣ и здѣсь называютъ отряды составленные отъ времени до времени для конвоирования почты или префектовъ чинловиковъ.

окруженный стѣной, гдѣ стоятъ двѣ кибитки принадлежавшія генералу Скобелеву и отданныя имъ старшему уполномоченному Краснаго Креста. Есть тутъ и родъ базара, то-есть два ряда лавокъ въ которыхъ продается то же что въ Михайловскѣ и въ Балаа-Ишемѣ, но только вдвое дороже. Немного дальше расположены лѣкарни для изготавленія лавашей или чурековъ — длинныхъ, плоскихъ лепешекъ изъ пшеничной муки. Но гордость Бами составляютъ два ресторана, въ одномъ изъ коихъ имѣется билліардъ, то-есть воилюстый, досчатый столъ съ возвышенными краями, обставленный дыравымъ зеленымъ сукномъ. Ресторанъ этотъ состоитъ изъ огромнаго шатра, раставутаго надъ выкопанною, глубокою и обширною ямой. Парусина слабо предохраняетъ отъ дожда и еще меньше отъ вѣтра. Два длинные стола для посѣтителей и буфетъ за которымъ хозяйничаетъ Армянинъ, вотъ внутренняя обстановка этого заведенія. Закуски отличаются однообразіемъ, сухостью и страшною дороговизной; мени обѣда состоитъ изъ супа, говядины въ разныхъ видахъ и яицъ. О цѣнахъ можно судить по слѣдующему: 1 фунтъ сахару стѣитъ 2 руб., фунтъ свѣчъ — тоже, рюмка водки—60 коп., бутылка водки—2 руб. 50 коп., и 3 руб., бутылка шампанскаго—15 руб. Несмотря на эти цѣны, человекъ брезглавый можетъ-быть и не рѣшился бы ѣсть поданный намъ обѣдъ, но мы были очень довольны найти кусокъ жаренаго мяса и стакавъ вина, котораго мы были лишены уже два дня: послѣднія калачи были высосаны изъ бурдюковъ на Ушакѣ.

Оказія состоитъ изъ пяти казаковъ и трехъ джигитовъ везущихъ почту. Мы выступили въ часъ дня. Когда стемнѣло, посылаема конскій топотъ, казаки тотчасъ же замѣтили что это свои, и дѣйствительно чрезъ двѣ, три минуты появилась группа всадниковъ, которая остановилась при встрѣчѣ съ нами. Среди казаковъ выдѣлялась фигура въ офицерскомъ плащѣ. Майоръ Б. узналъ въ прибывшемъ генерала Гродекова, съ которымъ былъ знакомъ еще въ Туркестанѣ. Онъ смутитъ же представился и передалъ цѣль нашей поѣздки. Генералъ Гродековъ, начальникъ штаба въ передовомъ отрядѣ, удивился что коменданты не задержали насъ, такъ какъ было строжайше запрещено пропускать впередъ не имѣвшихъ предписанія или разрѣшенія отъ генерала Скобелева. Вѣроятно намъ удалось проскочить или потому что распоряженіе

это еще не дошло до комендантовъ, или потому что наша наружность внушала довѣріе. Генераль Гродековъ хотѣлъ насъ воротить въ Бама, но майору Б. удалось его смягчить, и онъ разрѣшилъ намъ продолжать луть, прибавивъ къ нашему конвою, который нашелъ недостаточнымъ, еще одного казака изъ своей свиты.

Было поздно когда мы подходили къ Арчману, и казаки боялись выстрѣла изъ нашихъ секретовъ или со сторожевыхъ постовъ. О движеніи своихъ отрядовъ дается знать впередъ комендантамъ; кромѣ того, во избѣжаніе недоразумѣній, приказано, подходя послѣ сумерекъ къ укрѣпленію, играть сигналы на трубѣ или высылать впередъ для предупрежденія одиночныхъ людей. Поэтому, для болѣе успѣшнаго отраженія нечаянныхъ нападений, приказано было ночью не окликать подходящія кучки людей, а прямо открывать по нимъ огонь. Я выслалъ впередъ одного казака, и мы скоро благополучно добрались до укрѣпленія.

Насъ помѣстили въ лазаретной палаткѣ. Теплая, сильно насыщенная щелочью вода въ Арчманѣ очень непріятна на вкусъ, и чай, наше главное средство питанія, выходилъ мутный и ни на что не похожій; за то умыванье въ теплой, мягкой водѣ доставляло большое удовольствіе.

У входа въ укрѣпленіе сидѣли подъ надзоромъ часоваго лѣвныя Текинцы; они были взяты въ горахъ отрядомъ посланымъ за лѣсомъ. Изъ пятнадцати захваченныхъ трое были съ оружіемъ, а потому, вслѣдствіе приказа по войскамъ, подлежали разстрѣлянію; они смотрѣли весело, хотя и знали свою участь. Глядя на насъ, одинъ что-то сказалъ, другіе разсмѣялись. Ужаховъ перевелъ намъ слѣдующее: „Сегодня эти собаки насъ убьютъ, а завтра придутъ наши батыры * изъ лесковъ и всѣмъ имъ головы срѣжутъ“. Нужно признаться что шутки у нихъ довольно мрачны. Вмѣстѣ съ ними были захвачены и женщины, въ томъ числѣ жена Кизилъ-Арватскаго хана, довольно красивая. Онѣ сидѣли на корточкахъ въ отведенной имъ палаткѣ и все время рыдали.

Мы выступили въ 8 часовъ утра съ верблюжьимъ транспортомъ, согласно приказанію генерала Гродекова, поставившаго непремѣннымъ условіемъ дальнѣйшаго слѣдованія чтобы мы

* Батыръ—воиъ, джигитъ-наѣздникъ, храбрець.

пользовались имѣющимися оказіями и отнюдь не позволяли себѣ ѣхать одни, или отрывать казаковъ отъ службы только для нашего конвоированія. Пришлось повиноваться, такъ какъ въ противномъ случаѣ намъ грозили высылкой изъ отряда.

Въ Арчманѣ мы узнали что Асхабадъ оставленъ Текинцами и занятъ нашими войсками безъ боя.

На пути изъ Арчмана попадаются сады по кишлакамъ *, но они по большей части вырублены нашими войсками. Для того чтобы погрѣться у огонька въ теченіе одного дня проходящимъ мимо войскамъ, вся полоса отъ Кизиль-Арвата до Геокъ-Теле лишилась своихъ тутовыхъ и фруктовыхъ деревьевъ. Въ этой мѣстности, гдѣ раскаленные, вертикальные лучи полуденнаго солнца грозятъ смертью тому кто хоть на минуту забудетъ объ этомъ Дамокловомъ мечѣ надъ его головой, каждый кустъ дающій тѣнь, каждая капля воды утоляющая страшную, мучительную жажду считаются святынями. Одно безъ другаго житч не можетъ: водаяная струя спускаясь съ горъ увлекаетъ сѣмя; выброшенное на равнину, оно тутъ же пріютится, зароется, пуститъ отростокъ, корни, а чрезъ нѣсколько лѣтъ будетъ манить къ себѣ истомленнаго солнцемъ странника. Арыкъ поддерживаетъ жизнь въ деревѣ, а корни его всасывающіе и сохраняющіе дождевую и ключевую воду образуютъ какъ бы резервуаръ—хранитель влаги, дающій новую силу водамъ арыка и не позволяющимъ ему иссякнуть. Порубите деревья—арыки орошавшіе прежде большія пространства равнины будутъ теряться у подножія горъ въ сылучей, ничѣмъ не связанной почвѣ.

Я ловялъ бы разореніе непріятельскихъ угодій какъ кару, какъ месть за понесенныя нами потери; но кара эта должна падать на насъ самихъ: нашимъ войскамъ придется мѣсяцами, а можетъ-быть и годами терпѣть отъ знойныхъ лучей палящаго солнца не находя нигдѣ благотворной тѣни, потому только что одному отряду пріятно было погрѣться разокъ у веселыхъ костровъ. Здѣсь даже нѣтъ мѣста гуманной отговоркѣ что нельзя было лишить тепла и дровъ для варки лица бѣдныхъ солдатъ измученныхъ походомъ, такъ какъ кострами и дровами пользовались не всѣ: на двухъ, трехъ привалахъ все сжигалось и на долю идущихъ вслѣдъ

* Ауазъ, деревня.

оставалось только любоваться обугленными остатками прежнихъ роскошныхъ садовъ.

Арыки съ прекрасною, хрустальной прозрачности, водою встрѣчаются часто. Въ нихъ попадаются крабы, ничѣмъ не отличающіеся отъ морскихъ; это вѣроятно потомки крабовъ обитавшихъ въ моряхъ, которыя покрывали во время оно всю эту плоскость. Многочисленные соловчаки свидѣлствуютъ о бытности здѣсь когда-то моря.

Повсюду гдѣ вода, спускаясь съ высоты горъ, прорывается въ арыки, устроены мельницы. Пользуясь стремительностью горныхъ потоковъ, Туркмены очень искусно направляютъ ихъ каменными жолобами вверхъ подъ угломъ десяти или пятнадцати градусовъ чтобы получить большую высоту паденія. Жернова, установленные внизу, приводятся въ движеніе силой паденія воды, которая затѣмъ олять собирается и поднимается нижестоящимъ жолобомъ до слѣдующей мельницы. Всѣ видѣныя мною были разрушены нашими солдатами, вѣроятно съ тою же цѣлью наказанія неприятеля.

Въ четыре часа мы пришли въ Дуррукъ или Оренбургское укрѣпленіе, названное такъ потому что Оренбургскіе казаки принимали участіе въ его занятіи. Всѣ пункты, занятые нашими войсками, получили названія различныхъ частей входившихъ въ составъ передоваго отряда: такъ Бама названо Таманскимъ укрѣпленіемъ, въ честь Таманскаго полка Кубанскаго казачьяго войска, Эгіанъ-Батырь-Кала — Самурскимъ укрѣпленіемъ.

Довольно большая мечеть приспособлена для лазарета. На крышѣ мечети стоитъ часовая, которому съ этой вышки открывается обширный горизонтъ. Внутри стѣнки расположены кибитки и палатки офицеровъ и нижнихъ чиновъ пѣхоты и артиллеріи; въ углахъ стоятъ орудія. Вечеръ ясный и теплый. Съ тѣхъ поръ какъ мы въ походѣ, намъ въ первый разъ достается имѣть такую пріятную стоянку для ночлега. За стѣнкой, гдѣ стоятъ казаки и джигиты, слышенъ стройный хоръ пѣсенниковъ, да какихъ! ни въ какой части нѣтъ такихъ пѣсенниковъ какъ у Кавказскихъ казаковъ: голоса дивные, да и репертуаръ у нихъ хорошъ: пѣсни боевыя, возбуждающія, раззадоривающія, смѣняются заунывными, мелодичными. Пѣсни полныя поэзіи, вѣги, пѣсни сложившіяся подъ теплымъ небомъ, среди роскошной природы...

И ужинъ былъ у насъ роскошнѣйшій: кулечныя у Армянна-маркитанта горныя курочки, застрѣленныя въ сосѣднихъ горахъ, составляли въ двухъ видахъ нашъ ужинъ. Пока Ужаховъ жарилъ курочекъ шашлыкомъ, я нѣсколько штукъ изжарилъ въ нашемъ котелкѣ, завернувъ ихъ предварительно въ сало, которымъ мы запаслись въ большомъ количествѣ въ Красноводскѣ. И тѣ, и другія были найдены чрезвычайно вкусными. Давно у насъ не было такой пирушки. А какъ хорошо спалось подъ звѣзднымъ небомъ! Неприятно было только когда дождикъ, начавшій моросить ночью, сталъ заливаться черезъ воротникъ за спину.

Кромѣ потниковъ, которые мы всегда складывали съ особенною заботливостью по снятїи съ лошади, во избѣжаніе ссадивъ и набивки слипъ, весь сѣдельный уборъ былъ мокрый, подруги скользили изъ озябшихъ рукъ при сѣдловкѣ. Мы выступаемъ рано съ лустыми одноколками, отправляемыми обратно въ Самурское, подъ конвоемъ полусотни казаковъ. Одноколки эти накануне привезли изъ передоваго отряда раненыхъ, отсылаемыхъ въ Бами. Съ ними прибылъ ординарецъ Скобелева, Абадзїевъ, Осетинъ беззавѣтной храбрости, раненый въ грудь и плечо, кажется при рекомандировкѣ Геокъ-Теле 4 декабря. Транспортъ раненыхъ сопровождаютъ графиня М. и сестра С. Во время осады онѣ подавали примѣръ мужества и самозабвенія; раненые говорили о нихъ со слезами умиленія. Говорятъ, сестра С. была ранена вскользь пулей въ грудь и осталась при исполненїи своихъ обязанностей.

Я слышалъ что обѣ получили за храбрость медали на георгиевской лентѣ. Награда вполне заслуженная.

День былъ жаркій, я вѣхалъ въ одномъ растегнутомъ мундирѣ и жалѣлъ что не имѣлъ съ собою кителя. Переходъ въ тридцать верстъ мы сдѣлали быстро, весело. Характеръ мѣстности все тотъ же; дорога идетъ полосой обнаруживающею слѣды оскѣдой жизни; по временамъ встрѣчаются кшлаки съ остатками садовъ; арыки пересѣкаютъ обработанныя поля; то тутъ, то тамъ видѣются каменные или глиняныя башеньки мельницъ. Справа тянется все тотъ же хребетъ горъ, къ которому мы подошли у Казанджика, и отъ котораго дорога до самаго Асхабада не удаляется болѣе пяти верстъ. А вальво — безпредѣльные сыпучіе пески,

лустыня голода, жажды, смерти! Только Текинецъ на своей птицѣ-лошади рѣшается удалиться въ глубь песковъ, не придерживаясь караваннаго пути: напоивъ лошадь, онъ легко проходитъ 80—100 и болѣе верстъ до слѣдующаго колодца. Какая сила у этихъ коней, какую продолжительную скачку они могутъ выдержать, непостижимо для незнакомаго съ текинскими лошадьми.

Зато же и холить хозяинъ своего коня: кормить онъ его зерномъ съ руки нѣсколько разъ въ день; лошадь, стоящую зиму и лѣто подъ пятью - шестью попонами, онъ чиститъ только вѣничкомъ, но это онъ продѣлываетъ безпрестанно, и въ шерсти лошади вы не найдете и пылинки. Текинцы не снимаютъ сѣдла съ лошади иногда по цѣлымъ недѣлямъ, а набитыхъ или ссаженныхъ сливъ у нихъ не найдете. Лошадь, привыкшая постоянно стоять подъ нѣсколькими попонами, не чувствуетъ на себѣ легкаго азиатскаго сѣдла.

Въ Самурскомъ комендантъ оказался моимъ старымъ знакомымъ; онъ приютилъ насъ въ хорошей юламейкѣ, рядомъ со своею кибиткой и разъ навсегда объявилъ что мы обѣдаемъ и ужинаемъ у него все время нашего пребыванія въ Самурскомъ. Я отправился въ лазаретъ навѣстить раненыхъ товарищей по гвардейской службѣ, графа Орлова-Девисова и князя Голицына. Первый былъ раненъ въ палецъ и бедро когда шелъ на штурмъ Геокъ - Теле впереди баталіона Алшеронцевъ; второй, много разъ отличившійся въ послѣднюю Турецкую кампанію и въ двухъ экспедиціяхъ къ Геокъ-Теле, былъ раненъ въ руку выше локтя при штурмѣ Великокняжеской Калы. Командуя баталіономъ Ширванцевъ, онъ первый вошелъ въ Калу въ которой отчаянно защищались Текинцы и тутъ же былъ раненъ. Оба эти офицера, явившіеся въ отрядъ фазанами *, въ скоромъ времени приобрѣли любовь и уваженіе всѣхъ. Между кавказскими войсками долго будутъ поминать двухъ героевъ, изъ коихъ одному не суждено, было вернуться на родину.

Хотя Орловъ и Голицынъ сильно страдали отъ ранъ, но старшій врачъ отряда Гейфельдеръ, производившій имъ перевязку, нашелъ что онѣ не опасны; онъ даже назвалъ ихъ

* Фазанами въ Средней Азіи называютъ переводимыхъ или командруемыхъ изъ Петербурга гвардейцевъ, обыкновенно имѣющихъ связи и протекцію.

„контузіонными ранами“, потому что лули имъ найдены не были.

Изъ Самурскаго виденъ курганъ давшій названіе текинской твердыни: Геокъ-Токъ, или Кукъ-курганъ, что значитъ синій курганъ; вокругъ него воздвигнуты высокія и прочныя стѣны крѣпости. До Геокъ-Теле всего одиннадцать верстъ. Густой, черный дымъ поднимается надъ курганомъ: это сожигаютъ трапье и другой хламъ оставшійся въ кибиткахъ внутри крѣпостной стѣны.

Удивительно какъ Текинцы не овладѣли Самурскимъ укрѣпленіемъ, въ которомъ находились лазареты и большіе склады, охраняемые только сотней Оренбургскихъ казаковъ, ротой лѣхоты и двумя орудіями. Лагерь осаждающихъ находился по ту сторону Геокъ-Теле и не скоро могъ подать помощь въ случаѣ нападенія. Каждый разъ какъ Текинцы дѣлали вылазку, они одновременно высылали свою конницу къ стѣнамъ Самурскаго, но та ограничивалась криками и малоэффективной стрѣльбой съ коней. Говорятъ, Текинцы очень храбры въ рукопашномъ бою пѣшкомъ, но будучи на коняхъ боятся огня нашей артиллеріи и берданокъ. Это объясняютъ страхомъ потерять лошадь которая составляетъ главное средство жизни этихъ степныхъ разбойниковъ. Текинцы каждый день джигитовали предъ Самурскимъ, и ни одна ночь не проходила безъ тревоги. Хотя и назначались дежурныя части на случай нападенія, но едва ли кто спалъ во время ночной тревоги. Каждый разъ какъ Текинцы дѣлали вылазки, генералъ Скобелевъ спрашивалъ гелиограммой „благополучно ли въ Самурскомъ?“

Гелиографъ, принесшій много пользы въ послѣднюю экспедицію, чрезвычайно простой конструкции: на каждой ставціи имѣется аппаратъ состоящій изъ зеркала которое измѣняетъ свое положеніе помощью рукоятки. Когда зеркало въ вертикальномъ состояніи—оно темно, когда же рукоятка приводится въ движеніе—зеркало становится подъ такимъ угломъ къ свѣтлу (солнце или луна) что лучи его отражаются по горизонтальной линіи на разстояніи до 25 верстъ и кажутся яркимъ, огненнымъ шаромъ. Удерживая въ такомъ положеніи зеркало или возвращая его обратно въ вертикальное, можно дать наблюдающему впечатлѣніе продолжительнаго свѣта или проблеска.

Въ первомъ случаѣ отиѣчается знакъ (—) во второмъ (.). Сопоставленіе тѣхъ и другихъ составляетъ азбуку, цифры и отдѣльныя слова, на подобіе знаковъ употребляемыхъ при электрическомъ телеграфѣ.

23 января было такъ тепло что я могъ выкулатъся въ арыкѣ. Орлову стало хуже, я подумалъ что онъ отходить, но къ полудню онъ опять оправился. Я предложилъ ему вылить шампанскаго, что подкрѣпило бы пришедшій въ совершенный упадокъ организмъ. Онъ согласился, и съ разрѣшенія врача я добылъ единственную бутылку имѣвшуюся у маркитанта. Орловъ съ удовольствіемъ выпилъ стаканъ вина, что очень его ободрило. Вспомнилось мнѣ какъ мы ливали съ нимъ это искристое вино при другой обстановкѣ.

Графъ Орловъ-Денисовъ, командовавшій Казачьимъ полкомъ, былъ назначенъ предъ штурмомъ Геокъ-Теле командующимъ того баталіона Алшеронскаго полка, который потерялъ свое знамя на вылазкѣ 4 января. Генералъ Скобелевъ давая ему это назначеніе сказалъ что ему выпадаетъ честь вернуть потерянное Алшеронцами знамя. Но не удалось ему это исполнить: онъ палъ сраженный двумя пулями прежде чѣмъ наши ворвались въ крѣпость. Знамя было взято обратно солдатомъ Ширванскаго полка у джюга Текинца который отдалъ трофей только лишившись жизни.

Ковры, серебряныя и золотыя украшенія найденныя въ кибиткахъ въ Денгли-Теле продавались солдатами и казаками за безцѣнокъ: коверъ во сто рублей отдавался за три, пудъ серебра за 15 рублей. Армяне и Персіане часто приобрѣтали ковры за шкаликъ водки. Они нагружали арбы нагруженными текинскимъ имуществомъ и отправляли для продажи въ Персію, до границы которой всего тридцать верстъ.

Въ Самурскомъ носились слухи что экспедиція не пришла еще къ концу, что рекогносцировочныя отряды посылаются впередъ и въ стороны отъ Асхабада. Ожидался походъ къ Мерву, а можетъ-быть и къ Герату. Я счелъ нужнымъ не откладывая ѣхать въ Асхабадъ чтобы просить прикомандированія къ передовому отряду, въ случаѣ еслибы дѣйствительно предвидѣлось бы продолженіе военныхъ дѣйствій.

Тр. и С. проводили меня до Денгли-Теле, которое они хотѣли осмотрѣть подробно. Майоръ Б. разстался съ нами въ день прибытія въ Самурское; онъ вскорѣ получилъ назначеніе по гражданскому управленію краемъ.

Въ лагерѣ подъ Геокъ-Теле мы явились къ коменданту, полковнику А., одни для получения пропуска въ крѣпость, а же для разрѣшенія ѣхать далѣе. Комендантъ нашелъ насъ почему-то подозрительными и допрашивалъ подробно. Въ счастію, свѣдѣнія данныя мною о моемъ родствѣ и мѣстѣ жительства могли быть проверены полковникомъ, который бывалъ на моей родинѣ и слышалъ мою фамилію; онъ убѣдился что я и мои товарищи не Англичане и не скрываемся подъ чужими паспортами. Ѣхать мнѣ предложено съ кулцомъ Громовымъ, котораго лошадь и джигиты стояли предъ кибиткой коменданта въ ожиданіи пакетовъ для генерала Скобелева.

Громовъ, бывшій прикащикъ извѣстнаго въ Москвѣ и знаменитаго въ Туркестанѣ кулца Хладова, въ настоящее время ведетъ самъ дѣла на милліоны. Зная языкъ, нравы и обычаи всѣхъ племенъ Средней Азіи, онъ лускается въ обширныя торговыя сдѣлки, которыя не подъ силу были бы мало знакомому съ этимъ краемъ. Громовъ большого роста, коса сажень въ плечахъ, рыжіе, коротко стриженные волосы, такая же рѣденькая бородка; маленькіе, но провидательные глаза придаютъ его наружности что-то особенное. Это безъ сомнѣнія человекъ не дюжинный. Про него разказываютъ много интереснаго. Сегодня у него милліонъ и самыя необычныя фантазіи ему ни по чемъ, завтра у него ни гроша въ карманѣ, но онъ не унываетъ зная что при смѣлости и предприимчивости въ одинъ день можетъ вернуть потерянное. Главная причина удачи его во всѣхъ предпріятіяхъ, это громадный кредитъ которымъ онъ пользуется въ Средней Азіи благодаря строгому исполненію обычаевъ мѣстныхъ торговцевъ. Слово у нихъ имѣетъ больше значенія чѣмъ письменное обязательство. За храбрость и непоколебимую силу Громовъ приобрѣлъ славу перваго джигита. Всѣ его знаютъ, боятся, и вѣрятъ слову болѣе чѣмъ векселямъ и распискамъ другихъ кулцовъ. Генералъ Скобелевъ выисалъ его въ Закаспійскій край для доставленія верблюдовъ и исполненія различныхъ порученій по части интендантской. Интендантство не могло снабдить отрядъ верблюдами къ назначенному сроку, потому что не рѣшалось выдать задатковъ неизвѣстнымъ людямъ, которые въ свою очередь не довѣряли однимъ обѣщаніямъ. Громовъ же выдалъ на руки тѣмъ же лицамъ болѣе пяти тысячъ рублей, получивъ отъ нихъ только слово что

дѣло будетъ исполнено, и дѣйствительно условіе было исполнено въ точности съ обѣихъ сторонъ.

Громовъ сидѣлъ на замѣчательно красивой лошади, покрытой роскошною красною пологой; онъ только что добылъ ее изъ Персіи и думалъ уступить генералу Скобелеву еслибъ она тому понравилась. Свѣтло-сѣрый жеребецъ вершковъ пяти, при замѣчательной красотѣ формъ, обладалъ всѣми качествами генеральскаго коня: карьеръ и ходу версть девять въ часъ. Я насилу послѣдовалъ за нимъ проѣздомъ. Наслушавшись разказовъ о поразительныхъ ударахъ которые Громовъ наносилъ Текинцамъ при преслѣдованіи ихъ нашею кавалеріей 12 января, я просилъ его показать мнѣ оружіе которымъ онъ рубился. Хорошей стали афганскій кльичъ зазубрился какъ пила о крѣпкія кости рослыхъ, могучихъ батырей.

Верстахъ въ пятнадцать мы нагнали транспортъ, который вскорѣ остановилсѣя для ночлега у высокой каалы, на берегу арыка. Мы рѣшили провести ночь тутъ же. Стреложенымъ лошадямъ подсылали саману *, большіе запасы котораго нашли въ ямахъ нарочно устроенныхъ для склада фуража. Сами расположились за вѣтромъ подъ стѣной каалы. Не услѣли мы заварить чай въ котелкѣ, какъ на Асхабадской дорогѣ показалось облако дыма, за которымъ мы вскорѣ узнали Осетивъ Скобелева, конвоирующихъ его адъютанта. Они остановились предъ только что разбитою юламейкой начальника транспорта. Узнавъ что Громовъ здѣсь, адъютантъ потребовалъ его къ себѣ и предложилъ ѣхать обратно въ Денглау-Теле для заключенія какого-то контракта. Громовъ уѣхалъ, а я остался одинъ на выбранномъ нами мѣстѣ для ночлега. Транспортъ расположился бивуакомъ немного далѣе у арыка. Со мною былъ кусокъ сыру, два, три чурека и четверть бутылки коньяку. Этого хотя и достаточно чтобъ утолить голодъ, но при видѣ зажженныхъ костровъ и пара изъ подвѣшенныхъ надъ огнемъ котелковъ, захотѣлось и мнѣ поѣсть чего-нибудь теплаго. Дождь сталъ моросить, сырость прохватывала кругомъ, а коньякъ я берегу на случай крайней необходимости. Пошелъ я на фуражировку къ лѣхотнымъ солдатакамъ, и мнѣ удалось добыть немного баранины и соли; въ мѣдномъ чайникѣ, неразлучномъ

* Рѣзка соломы.

товарищѣ, я сварилъ супъ, который у Дюссо и Бореля по-жалуй и не понравился бы, но мнѣ показался очень вкуснымъ. Стало темнѣть, а дождь все усиливался; съ наступленіемъ вечера стало холоднѣе, пришлось прибѣгать къ ковылку. Спать надо, усталъ за день, а лечь-то некуда — вездѣ вода. Наконецъ я выбралъ мѣстечко подъ самою стѣной, гдѣ казалось почти сухо. Положивъ сѣдло въ изголовье, я завернулся въ бурку и башлыкъ, и легъ. Я погрузился въ густую грязь, было мягко и пріятно: но вдругъ вода съ краю бурки влилась внутрь. Признаюсь, скверно было когда холодная вода стала проникать сквозь сукно по всему уже и безъ того продрогшему тѣлу. Я хотѣлъ встать и идти на поиски другого мѣста, но вспомнилъ что кругомъ стояли лужи, нигдѣ не найдешь и сухаго вершка. Дождь уже лилъ какъ изъ ведра, я остался. Къ довершенію горя, башлыкъ скоро промокъ, и я весь былъ облѣпленъ мокрымъ бѣльемъ и платьемъ. Правду говорятъ что нѣтъ такого дурнаго положенія къ которому нельзя было бы привыкнуть: вода въ которой я лежалъ начала нагрѣваться отъ тѣла; ковылокъ под-держивалъ внутреннюю теплоту. Усталость взяла свое, и я впалъ въ какое-то безчувственное состояніе, схожее съ ольгивніемъ отъ гашиша, испытаннымъ мною разъ въ Сиріи. Долго я маялся подъ звуки дожда барабанившаго по буркѣ. Казалось, конца этой ночи не будетъ, но вотъ я сталъ различать стоявшую около меня лошадь, значитъ скоро будетъ свѣтать. Я всталъ, повелъ лошадь къ арыку на водо-лой, а затѣмъ подвѣсилъ ей торбу съ ячменемъ. Потникъ лежалъ около меня завернутый въ бурку, но какъ я его ни берегъ, а все же и онъ подмокъ; однако нечего было дѣлать, пришлось сѣдлатъ. Обтеръ я полою мокрой бурки спину лошади и взвалилъ сѣдло, но подтянуть подпругъ долго не могъ: отъ холода пальцы у меня не дѣйствовали, а мокрыя подпруги выскальзывали изъ рукъ. Наконецъ все у меня готово; я вылилъ воду изъ салога, сѣлъ на коня и ори-ентировавшись по пройденному за вчерашній день пути, выѣхалъ въ сторону Асхабада. Мнѣ говорилъ Громовъ что до-рога идетъ прямо, верстахъ въ пяти, влѣво отъ горъ; на нихъ-то я и разчитывалъ чтобы не заблудиться.

Начало свѣтать когда я выѣхалъ изъ кишака у котораго ночевалъ. Въ травѣ замѣтны были слѣды орудіяго хода, но вскорѣ слѣды эти исчезли, и я продолжалъ путь на авось,

придерживаясь первоначально взятого направленія. Вдали показались постройки среди садовъ; судя по пройденному времени, это долженъ быть кишлакъ обозначенный на моей картѣ по Асхабадской дорогѣ; значитъ я въаъ върмо.

Дождь продолжаетъ идти, а продрогъ до костей, а коньякъ за ночь весь вышелъ, нечѣмъ согрѣться. Пробовалъ пройтись лѣвшкомъ, но въ намокшемъ пластьѣ, въ салогахъ на половину наполненныхъ водою, ступать по вязкой грязи оказалось крайне неудобно. До Асхабада должно-быть оставалось верстъ тридцать пять; всего же считаютъ отъ Девгли-Теле шестьдесятъ верстъ.

Подъѣзжая къ кишлаку я увидѣлъ выѣзжавшихъ изъ него двухъ Текинцевъ вооруженныхъ. Признаюсь, это меня немного смутило: я не зналъ ѣдутъ ли они въ Девгли-Теле сдавать оружіе, какъ это дѣлали многіе, или это немирные Текинцы желающіе воспользоваться представляющею добычей. Впрочемъ, и въ первомъ случаѣ, для нихъ все же былъ большой соблавъ безнаказанно убить глаура; вѣдь это считается у нихъ добродѣтельнымъ поступкомъ дающимъ право на входъ въ Магометовъ рай. Продолжая тѣмъ же шагомъ подаваться впередъ, я обдумывалъ какъ поступить. Непріятно было сомнѣніе: знай я что предо мною непріятель, я могъ бы ссадить ихъ съ коней изъ магазинки прежде чѣмъ они бы до меня доскакали; но въ данномъ случаѣ мнѣ не слѣдовало обнаруживать сомнѣнія въ ихъ миролюбіи чтобы не возбудить естественнаго стремленія противоудѣствовать угрожающимъ намѣреніямъ, въ особенности у людей разбойничьи инстинкты коихъ должны непремѣнно проявиться при видѣ одинокаго врага среди пустынной степи. Магазинка у меня за спиной, въ чахлѣ, а потому и думать нечего было ею воспользоваться. Растегнулъ я луговицу револьверной чушки, пододвинулъ впередъ шашку и рѣшился дешево жизни не отдавать. Шагахъ во ста Текинцы остановились, какъ будто обсуждая что имъ дѣлать; видя однако что я не готовлюсь ко враждебной встрѣчѣ, они двинулись впередъ. Когда мы развѣзжались, Текинцы приложили ладони правыхъ рукъ къ лалахамъ—поклонъ въ Средней Азіи, я отвѣтилъ тѣмъ же. Позади меня они олатъ остановились, но я не оборачивался чтобы не показать недовѣрія, хотя на сердцѣ у меня было далеко не спокойно: а ну какъ они выстрѣлятъ мнѣ въ спину, подумалъ я. Однако я доѣхалъ до кишлака благоло-

лучше, Текинцы же еще долго стояли на мѣстѣ о чемъ-то толкуя.

Проѣзжая по узкимъ улицамъ, образуемымъ глиняными стѣнками огородовъ и фруктовыхъ садовъ, преимущественно тутовыхъ, я встрѣчалъ оборванныхъ Текинцевъ-стариковъ, женщинъ и дѣтей роющихся въ разномъ хламѣ вываленномъ изъ саклей или кибитокъ. Они прятались какъ зѣри при моемъ появленіи, а если не успѣвали скрыться, то опускали ловинно головы, бросая изъ подлобья злобные взгляды въ мою сторону.

Черезъ каждыя шесть, восемь верстъ встрѣчались кшлаки, всѣ на одинъ образецъ: каменная или глиняная кала, три, четыре сакли съ плоскими крышами, сады и бакши огороженные низенькими стѣнками. На пути я встрѣчалъ еще группы вооруженныхъ Текинцевъ по пяти, по десяти человекъ, и каждый разъ повторялась описанная выше сцена: они останавливались, о чемъ-то сговаривались, потомъ опять пускались въ путь, прикладывая руку къ палахъ. Послѣ второй, благополучно прошедшей встрѣчи, у меня нервы притупились, и я потомъ уже равнодушно смотрѣлъ на приближеніе вчерашнихъ нашихъ враговъ. Между тѣмъ, въ послѣдствіи оказалось что опасность дѣйствительно существовала: черезъ нѣсколько дней послѣ моего возвращенія изъ Асхабада, одинъ переводчикъ и два джигита были схвачены Текинцами и отправлены въ Мервъ, гдѣ много мѣсяцевъ томилась въ лѣтну.

Одну минуту я не зналъ куда ѣхать: холмы которые должны были оставаться вправѣ исчезли въ туманѣ; впереди и влѣво видѣлась только равнина со скудно растущею кое-гдѣ травкой; солнце на ласмурномъ небѣ какъ будто и не подымалось надъ горизонтомъ въ этотъ печальный день. Ни одного слѣда, рѣшительно не по чемъ ориентироваться. Оглянулся я назадъ: на горизонтѣ видѣлось одинокое дерево стоявшее на краю кшлака который я недавно миновалъ. Прикинувъ на глазъ продолженіе пройденнаго мною пути, я рѣшилъ слѣдовать по нему. Наконецъ, послѣ часу тяжелого сомнѣнія въ вѣрности избраннаго мною направленія, я увидѣлъ немного въ сторонѣ сады обличавшіе присутствіе кшлака, и свернулъ туда. У вѣзда въ кшлакъ встрѣтилъ я арбу сопровождаемую Персіяниномъ, и на вопросъ гдѣ Асхабадъ, узналъ что нахожусь уже на мѣстѣ. Нашъ отрядъ стоялъ

на бивуакъ за садами на западной сторонѣ у высокой калы.

Я отправился къ коменданту. Сидѣвшіе у него салеры предложили помѣстить меня въ своей юламейкѣ; я съ радостью согласился, и тотчасъ приступилъ къ переодѣванію чтобъ явиться къ генералу Скобелеву. Несмотря на долгое пребываніе въ куржумахъ болтавшихся за моимъ сѣдломъ и подвергавшихся всѣмъ случайностямъ продолжительнаго странствованія, новый мундиръ, салогі, офицерскія вещи, бѣлье и даже крахмаленая рубашка оказались безъ одной складки: такъ искусно все было уложено.

Дождь не переставалъ лить. Переступая и перепрыгивая черезъ лужи жидкой грязи, я добралъ до ряда юламейекъ въ которыхъ обрѣтался штабъ генерала Скобелева; насупротивъ, за глиняною стѣной стояла одинокая кибитка покрытая сверху ковромъ; у входа часовые, щеголевато одѣтые несмотря на дождь. Тутъ же ожидаютъ приказаній Осетинъ изъ конвоя генерала Скобелева и камердинеръ въ ливрейной фуражкѣ съ широкимъ галуновымъ околышемъ. Значекъ въ чашѣ воткнуть у входа въ кибитку. Это жилище командующаго войсками.

Ординарецъ, маленькій артиллерійскій подпоручикъ, съ лядункой и пашкой поверхъ пальто, безпрестанно забѣгаетъ въ кибитку съ разными докладами;—онъ дежурный, я къ нему и обратился. Мнѣ отвѣтили что генералъ еще не вставалъ и начнетъ принимать лишь по прочтеніи полученныхъ недавно газетъ. Генералу Скобелеву, не досыпавшему ни одну ночь во время осады Геокъ-Теле, позволительно поинтересоваться немного послѣ блестящаго окончанія кампаніи. Въ ожиданіи пріема, я зашелъ въ юламейку ординарцевъ. Наконецъ меня позвали. Михаилъ Дмитріевичъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, въ шведской курткѣ съ нашитыми погонами. Послѣ перваго привѣтствія, онъ обратился опять къ бумагѣ которую дописывалъ, а я воспользовался этимъ чтобъ оглядѣть внутренность его помѣщенія. Тендюкъ * былъ закрытъ. Кибитка освѣщалась только свѣчами подъ абажурами. Полъ и стѣны убраны туркменскими коврами; на большомъ письменномъ столѣ стояли подсвѣчники и массивныя письменныя принадлежности изъ бронзы лежали

* Верхъ кибитки который открывается для свѣта и пропуска дыма.

русскія и иностранныя газеты, карты и кипа бумагъ. Наконецъ генералъ положилъ перо, поднялъ на меня глаза и спросилъ довольно жестко, съ какою цѣлью я пріѣхалъ въ отрядъ. Я сказалъ что пріѣхалъ съ дальняго Запада исключительно для того чтобъ еще разъ помѣриться со врагомъ, что, опоздавъ сравнительно на недалекомъ разстояніи отъ Геокъ-Теле, я хотѣлъ все-таки посѣтить эту знаменитую крѣпость, осмотрѣть ходъ нашихъ осадныхъ работъ и прослѣдить на мѣстѣ, по разказамъ происшедшія тамъ событія, что вмѣстѣ съ тѣмъ я считалъ своимъ долгомъ явиться командирующему войскамъ какъ начальнику края.

На вопросъ имѣю ли я какія-нибудь порученія изъ Главнаго Штаба или Военнаго Министерства, я отвѣчалъ что прібылъ какъ частное лицо, имѣя съ собою только заграничный паспортъ.

Повидимому, первое впечатлѣніе смѣнилось лучшимъ, и генералъ, смягчивъ томъ, перешелъ къ разпросамъ о томъ что говорятъ и пишутъ за границей про экспедицію. Это мнѣ дало возможность затронуть потомъ нѣсколько вопросовъ очень меня интересовавшихъ относительно военныхъ операцій въ Закаспійскомъ краѣ. Михаилъ Дмитріевичъ отвѣчалъ охотно, увлекаясь все болѣе и болѣе при воспоминаніи о славныхъ эпизодахъ этой героической кампаніи.

Генералъ Скобелевъ любезно предложилъ мнѣ провести нѣсколько дней при отрядѣ. Я благодарилъ, но передалъ что такъ какъ мой отлускъ приходитъ къ концу, то я вынужденъ отказать отъ лестнаго для меня предложенія. Пренебрегать же послѣдствіями просрочки, я рѣшился бы только въ томъ случаѣ еслибы предвидѣлось продолженіе военныхъ дѣйствій или еслибы генералу угодно было приказать мнѣ остаться. На этомъ разговоръ прекратился.

Я былъ страшно голоденъ, купить нигдѣ ничего нельзя, просить мнѣ не хотѣлось; я ожидалъ что кто-нибудь изъ моихъ новыхъ знаковыхъ предложитъ мнѣ обѣдать. Штабъ, несмотря на сравнительное обиліе припасовъ, не выказалъ однако гостепріимства. Это впрочемъ отличительная черта всѣхъ штабныхъ: гдѣ голодный стреевой офицеръ дѣлать съ гостемъ послѣднюю чашку чая, послѣдній сухарь, штабные забываютъ предложить не только постороннему, но даже и бывшему товарищу то что въ походѣ нужно

всего — пріютъ и чего-нибудь поѣсть. Часто приходилось мнѣ испытать это въ прошлую Турецкую кампанію; исключенія рѣдки. Я побрелъ назадъ къ салерамъ. Они накормили меня и предложили мѣсто въ тѣсной юламейкѣ.

Прошла ночь; дождь лилъ непрерывно; кибитки и юламейки стояли въ сплошной лужѣ. Тоска невыносимая, никакихъ надеждъ на движеніе впередъ. Несмотря на радушіе любезныхъ салеровъ я чувствовалъ что ихъ стѣсняю. Все это вмѣстѣ взятое влекло меня назадъ въ благоустроенный край.

Я пошелъ откланяться командиру войсками, но послѣ продолжительнаго разговора, генералъ предложилъ мнѣ остаться до завтра чтобы вмѣстѣ ѣхать до Бами, куда его вызывалъ только что прибывшій и заболѣвшій начальникъ штаба кавказскихъ войскъ для переговоровъ о дальнѣйшемъ дѣйствіи отряда подчиненнаго намѣстнику Кавказскому. Отказаться было невозможно.

Михаилъ Дмитріевичъ обворожительнъ. Разговоръ его испещренъ самыми неожиданными выводами; въ немъ проглядываетъ замѣчательная наблюдательность соединенная съ вѣрностью оцѣнки людей и явленій жизни. Военный, изъ разговора со Скобелевымъ, выносилъ всегда поучительныя указанія на встрѣчающіяся въ бою разнообразныя случайности. Несмотря на многотрудныя занятія сопряженныя съ постомъ командующаго дѣйствующими войсками, генералъ Скобелевъ находилъ возможность слѣдить за ходомъ событій какъ въ Россіи, такъ и въ западныхъ державахъ. Въ Асхабадѣ онъ былъ такъ же хорошо извѣщенъ о всемъ что дѣлается въ политическомъ мірѣ какъ еслибы находился въ одной изъ первоклассныхъ столицъ. Онъ считалъ что не въ далекомъ будущемъ неминуема война съ Австріей; для того же чтобы обратить всѣ свои силы на Западъ, нужно покончить съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ на Востокѣ, гдѣ Англія стремится изгнать насъ изъ-за Каспія, находя опаснымъ наше приближеніе къ ея владѣніямъ въ Индіи. Этого можно достигнуть только занятіемъ Герата, которое обезпечивало бы за нами всѣ вновь пріобрѣтенныя и прежнія владѣнія въ Средней Азій. Цѣлью экспедиціи былъ очевидно Герать; но хотя уже израсходовано четырнадцать милліоновъ для достиженія этой цѣли потребно будетъ еще вдвое болѣе.

Въ Асхабадѣ являлись депутаціи отъ Салоровъ и Сары-ковъ, желавшихъ принять подданство Россіи и при ея поддержкѣ снова занять Мервъ, изъ котораго они были вытѣснены Текинцами. Они теперь населяютъ мѣстность около Герата.

Тыкма-Сердаръ, главнокомандующій Текинцевъ или, какъ онъ самъ себя величаетъ, проводникъ всѣхъ аламановъ,* явился съ ловинною. Генераль Скобелевъ сказалъ ему что въ виду его чистосердечнаго раскаянія и обѣщанія преданности, онъ будетъ просить Государя о помилованіи. Текинцы являются толпами, сдаютъ оружіе, и затѣмъ особо назначенная коммиссія отводитъ имъ для поселенія прежніе ихъ участки. Однако Асхабадъ, гдѣ всего семь баталіоновъ и пять казачьихъ сотенъ, укрѣпляется: на западъ отъ камы, въ сторону Мерва, построено два люнета.

Если Скобелевъ достигъ полнаго умиротворенія края, то это только тою кровавою баней** которую онъ задалъ Текинцамъ 12 января. При мѣѣ жандармскій офицеръ докладывалъ что въ Геокъ-Теле и внѣ крѣпости скоронено шесть тысячъ тѣлъ и осталось еще столько же.

Сотни верблюжьихъ труповъ указываютъ, какъ маяки, путь слѣдованія транспортовъ. Я спросилъ Михаила Дмитріевича не отъ того ли такъ много пало верблюдовъ что требовали отъ нихъ непосильной работы; на это онъ возразилъ что верблюды приведенные изъ Оренбурга и кулленные въ казану несли по шести пудовъ груза и пропадали относительно въ такомъ же количествѣ какъ и верблюды Громова, которые несли по восемнадцати пудовъ. Итакъ, еслибы верблюдовъ болѣе форсировали, то могло быть доставлено втрое больше груза при одинаковой потерѣ въ верблюдахъ: запасъ артиллерійскихъ и другихъ припасовъ былъ доставленъ на три мѣсяца, при Громовской же системѣ имѣлось бы запаса на девять мѣсяцевъ.

IV.

27 января, узнавъ что Михаилъ Дмитріевичъ отложилъ поѣздку въ Бами на неопредѣленное время, я рѣшилъ ѣхать назадъ не дожидаясь довольно поздняго часа пріема, такъ

* Аламанъ—разбойники.

** Собственное выраженіе г. Скобелева.

какъ мнѣ нужно было къ вечеру послѣть въ Денгли-Теле, а если можно и въ Самурское. Я объяснилъ адъютанту для передачи генералу Скобелеву причину моего ранняго выѣзда и просилъ извиненія что лично не могъ откланяться. Распростился съ ординарцами и моими любезными хозяевами-салепрами и въ 11 часовъ утра выѣхалъ въ обратный путь.

Дорога убійственная; проѣздъ по углубленнымъ улицамъ кышлаковъ, въ размокшей глинѣ, а иногда и по брюхо въ водѣ, чрезвычайно затруднителенъ; лошадь вязнетъ или разѣзжается ногами по липкому, скользякому грунту. Желая скоротать путь, я свернулъ влѣво отъ дороги и попалъ въ какой-то кышлакъ совершенно затопленный водою, изъ котораго насилу выбрался. Въ немъ я замѣтилъ много жителей складывавшихъ свой скарбъ на арбы; у мушкетъ за спинами были мультуки (фитильныя ружья). Они провожали меня не очень дружелюбными взорами.

Въ половинѣ шестаго я былъ уже въ Денгли-Теле, проѣхавъ все время ходой и рысью. Предполагая на слѣдующій день ѣхать назадъ въ Россію, я хотѣлъ воспользоваться послѣднимъ часомъ свѣта чтобъ осмотрѣть крѣпость которая намъ стоила такихъ громадныхъ жертвъ.

Командантъ Денгли-Теле Верецагинъ, братъ знаменитаго художника, передалъ мнѣ что графъ Орловъ-Денисовъ умеръ въ тотъ день утромъ отъ зараженія крови. Сравнительно легкая рана не привела бы къ такому печальному исходу еслибы пуля, найденная прибывшимъ одновременно со мною въ Самурскѣ молодымъ хирургомъ, была извлечена въ первые дни послѣ раненія. У князя Голицына тоже оказалась пуля и расщепленіе кости руки. Можетъ-быть и онъ не вернулся бы на родину еслибы не прибылъ вовремя хирургъ вытребованный графиней Милютиной. Жалко мнѣ было стараго товарища погибшаго вдали отъ родныхъ и близкихъ. Тяжелы были его послѣднія минуты; много горькихъ думъ онъ передумалъ, много выстрадалъ!

Верецагинъ, съ которымъ я впервые познакомился въ Букурештѣ, въ Бранкованскомъ госпиталѣ гдѣ мы лежали, раненые оба въ памятный день 30 августа, предложилъ руководить меня въ подробномъ осмотрѣ крѣпости. Мы прошли сперва на мѣсто взрыва; изъ-за осыпавшейся земли и камня торчали головы, руки, ноги убитыхъ или засыпанныхъ при взрывѣ храбрыхъ защитниковъ. Между ними было много

женщинъ; особенно памятна мнѣ одна голова съ распущенными волосами; внезапная смерть не успѣла измѣнить выраженіе отваги на красивомъ лицѣ.

Взглянувъ сверху стѣны на алпроши, я не могъ повѣять какъ въ нихъ укрывались производившіе салпыя работы: алпроши такъ близки отъ стѣны что съ гребня видна ихъ внутренность. Осмотрѣли мы и артиллерійскую брешь, которую штурмовалъ полковникъ Козелковъ, въ то время когда полковникъ Куропаткинъ бросился во главѣ своей колонны на мѣсто взрыва, а полковникъ Гайдаровъ штурмовалъ сѣверо-восточный исходящій уголъ крѣпости. Велика заслуга минеровъ которые такъ искусно подвели мину подъ стѣну крѣпости и взрывомъ навели панику на ея защитниковъ. Неизвѣстно каковъ былъ бы результатъ штурма еслибы взрывъ не удался. Генералъ Скобелевъ не былъ увѣренъ въ непремѣнномъ и полномъ успѣхѣ боа. Онъ разчитывалъ въ первый день овладѣть только сѣвернымъ фасомъ и громить артиллеріей кибитки, многія изъ коихъ, засыпавшая пескомъ, составляли какъ бы траверзы. Кавалерія оставалась въ резервѣ, а не на пути отступленія непріателя, какъ это было у Ломакина, когда князь Долгорукій повелъ на штурмъ свой авангардъ, не подготовивъ успѣхъ артиллерійскимъ огнемъ. Когда донесли генералу Скобелеву что Текинцы толпами хлынули изъ южныхъ воротъ и бѣгутъ по направленію другой кааы стоявшей невдалекѣ, онъ самъ перевелъ туда артиллерію и бросилъ кавалерію въ атаку. На ея долю выпало довершить пораженіе, истребивъ тысячи Текинцевъ.

Длина крѣпости такъ велика что часовой стоящій на противоположной стѣнѣ едва замѣтенъ. Около кибитки коменданта стояла пушка, привязанная толстыми веревками къ большой колодѣ. Это единственное орудіе бывшее у Текинцевъ; на немъ имѣлось клеймо Остѣ-Индской Компаніи. Стрѣляли Текинцы изъ этой пушки каменными ядрами. Разказываютъ что какъ-то разъ такое ядро попало въ великокняжескую каау, оттуда рикошетировало въ бокъ къ охотничьей кааѣ и вторымъ рикошетомъ полетѣло обратно въ Деагли-Теле. Наши солдатики глядя на этотъ рѣдкій случай говорили: „ишь ловкій какой, воровить нашего брата помять, а потомъ и ядро воротить; вѣрно дороги у нихъ эти сварады.“

Въ стоявшей рядомъ кибиткѣ свазаны были муьтуки и клыччи * изъ плохого желѣза, но хорошо отточенные. Отбитыя у насъ, при вылазкахъ, берданки были передѣланы Текинцами на азіатскій манеръ, то-есть украшены серебромъ, а приклады обструганы и округлены. Женщины были большею частію вооружены привязанными къ древкамъ ножицами для стрижки овецъ. Верещагинъ мнѣ предложилъ взять муьтукъ и клыччи; я долго рылся, но не нашелъ ни одного порядочнаго клявца, а ихъ тутъ было нѣсколько сотенъ.

Было совсѣмъ темно когда я подѣзжалъ къ Самурскому. Я насвистывалъ казацкія лѣсни чтобы часовой или секретъ не подстрѣлилъ меня принявъ за Текинца. Но вотъ раздался обычный окликъ, я отвѣтилъ „казакъ“ и вѣхалъ въ укрѣпленіе. Въ нашей юламейкѣ С. и одинъ казацкій офицеръ пересматривали и приводили въ порядокъ бумаги и оставшіяся по смерти Орлова вещи. Тр. уѣхалъ въ Деагли-Теле чтобы достать жестяныхъ патронныхъ коробокъ, изъ которыхъ думали сколотить покрышку для гроба. Чтобы послѣтъ въ срокъ изъ отпуска, мнѣ слѣдовало попасть на пароходъ отходящій 6 февраля изъ Красноводска. Мѣшкать было нечего; а на другой день простился съ тѣломъ покойнаго Орлова, пожелаемъ скорого выздоровленія князю Голицыну и вѣхалъ изъ Самурскаго. С. и Тр. остались для отдаванія послѣдняго долга тѣлу графа Орлова-Денисова.

Взошла луна; при ея неясномъ свѣтѣ я часто принималъ отдѣльныя деревья и глыбы камня за мечеть Дуруна. Наконецъ показалось ясное очертаніе бѣлой постройки; я подѣхалъ ближе и увидѣлъ калу которой не встрѣчалъ прежде: значитъ заблудился. Кругомъ безмоловіе, ни души. Мнѣ казалось что я такъ давно ѣду что могъ бы быть уже въ Дурунѣ. Оставалось только прибѣгнуть къ смыслености моего коня: а бросилъ поводья. Хотя мнѣ и казалось что лошадь совсѣмъ не туда идетъ куда нужно, я не сопротивлялся, такъ какъ зналъ что во всякомъ случаѣ она привезетъ меня къ жилью. Проѣхалъ я около часу и сталъ подумывать не заночевать ли тутъ, стреноживъ коня, но вдругъ мелькнулъ впереди огонекъ, за нимъ другой, третій, и минутъ черезъ десять я

* Шамки.

въѣхалъ въ Дурунъ, гдѣ комендантъ накормилъ меня и отдалъ въ мое распоряженіе свободную юламейку.

На слѣдующій день, довольно рано, я прибылъ въ Арчанъ. День былъ очень жаркій, а ночью горячею струей задулъ вѣтеръ съ горъ.

30 января я въѣхалъ въ Бами триумфальными воротами приготовленными для встрѣчи генерала Скобелева. На транспарантѣ украшенномъ вѣнками и флаугерами написано было: „ура! побѣдителю Ахалъ-Теке, ура!“.

Жара стояла лѣтняя; я въѣхалъ въ одной рубашкѣ, вторичивъ мундиръ и пальто къ сѣдлу.

Когда я явился къ коменданту въ Бами, онъ мнѣ объявилъ что имъ только что получено отъ генерала Скобелева предписаніе задержать меня до его прибытія. Съ безропотностью фаталиста, я покорился судьбѣ. Я вѣселъ здѣсь товарища по Шажескому Корпусу подполковника Кузьмина-Караваева, только что вернушагося изъ миссіи въ Персію. Мы поселились вмѣстѣ въ предложенной намъ комендантомъ юламейкѣ. Вещи наши, переданныя въ Балаа-Ишемъ юнкеру Безобразову, прибыли благополучно въ Бама. Я выбралъ что было нужно, а лишнее раздалъ Оренбургскимъ казакамъ. Прибывшій ординарецъ генерала Скобелева сообщалъ что генералъ меня оставляетъ въ отрядѣ, а потому и велѣлъ задержать.

Вечеромъ налетѣвшій внезапно шквалъ опрокинулъ нѣсколько юламейекъ, несмотря на тяжелые камни подвѣшенные къ теньдюкамъ. Свою юламейку я отстоялъ, придерживая съ навѣтряной стороны веревкой.

Генерала Скобелева ожидали въ тотъ день, но онъ не прибылъ. Ординарецъ хоруажій Д. очень печалился что приготовленный для генерала и его свиты ужинъ пропадетъ даромъ. Мы выручили его изъ бѣды, предложивъ съѣсть ужинъ, что и было исполнено.

На другой день я былъ приглашенъ обѣдать къ уполномоченному Краснаго Креста князю Шаховскому. Симпатичный вообще, онъ мнѣ сдѣлался еще милѣе когда я узналъ что онъ послушалъ одного изъ представителей военно-врачебной части за внимательство въ дѣла и распоряженія Краснаго Креста, который одинъ работалъ впереди, имѣлъ хорошихъ врачей и средства, тогда какъ военно-врачебная часть при отрядѣ была въ печальномъ состояніи. Кибитка князя Шаховскаго убрала

была коврами и тахтами, нѣсколько тигровыхъ шкуръ лежали на землѣ. Обстановка сравнительно роскошная, да и мѣсто въ которомъ помѣщалась кибитка, было какъ бы terrain élevé: дворъ съ десяткомъ деревьевъ, огороженный стѣной; арыкъ протекаетъ посрединѣ, образуя въ одномъ мѣстѣ прудокъ въ которомъ можно кулаться. Кибитку-спальню и приемную соединяетъ съ кибиткой-столовой крытый камышомъ ходъ.

Вечеромъ мы любовались чудною картиной грозы въ горахъ: черныя тучи, безпрестанно освѣщаемыя пересѣкающимися молніями, спускались въ долины, поднимались, пресмыкались по гребнямъ горъ и охватывали вершины чтобъ опять спускаться въ глубокія ущелья и разостлаться по ихъ развѣтвленіямъ. Во время грозы играла музыка Ставропольскаго полка; особенный эффектъ производилъ маршъ подъ звуки котораго наши доблестныя войска шли на штурмъ Геокъ-Теле. Отдаленныя раскаты грома помогали воображенію вызвать впечатлѣніе боя. При штурмѣ музыканты, добѣжавъ не безъ потерь до крѣпости, остановились и, прижимаясь къ стѣнѣ въ мертвомъ пространствѣ, продолжали усердно играть. Говорятъ что музыка, во время осады и штурма, много содѣйствовала поддержанію духа въ войскахъ.

На горизонтѣ показалось движеніе колонны. Думали что это генералъ Скобелевъ. Орудія передовой батареи дали три сигнальные выстрѣла для предупрежденія гарнизона. Всѣ выбѣжали къ триумфальнымъ воротамъ, выстроились, но тревога оказалась ложною: то былъ транспортъ раненыхъ изъ Армава. И мы опять съѣли ужинъ приготовленный для генерала Скобелева заботливымъ ординарцемъ.

3 февраля за полдень прискакали джигиты съ извѣстіемъ что генералъ Скобелевъ ѣдетъ. Войска, съ офицерами при своихъ частяхъ, построились шпалерами впереди триумфальныхъ воротъ; музыка стала на правомъ флангѣ. Грянули пушечные выстрѣлы, и чрезъ нѣсколько минутъ поднялись изъ-за пригорка генералъ со свитой и конвоемъ Осетинъ. Большой значокъ развѣвался впереди развернутой части. У батареи генералъ Скобелевъ слѣзъ съ лошади, принялъ хлѣбъ-соль Армянъ-маркитантовъ и торговцевъ слѣдовавшихъ за отрядомъ; поздоровавшись съ людьми и офицерами, онъ прошелъ къ генералу Павлову, который встрѣтилъ его у своей кибитки.

Ежедневно собираются въ нашей юламетѣ ординарцы, устраиваются хоры; заливало у насъ прѣзжіи московскій адъютантъ, особенно мастерски подражающій Цыганамъ. „Англійскій клубъ“ (такъ названъ нашъ кружокъ) разъ удостоилъ посѣщенія Михаилъ Дмитріевичъ. Въ веселой, дружеской компаніи я ожидаю терпѣливо какое генералу Скобелеву угодно будетъ дать мнѣ назначеніе. 4го прѣзжаютъ С. и Тр. и останавливаются у Безобразова; они удивлены заставъ меня еще въ Баши.

Здѣсь я познакомился съ индійскимъ принцемъ Рамчардеромъ, присланнымъ въ отрядъ нашимъ военнымъ министерствомъ, отъ котораго онъ получалъ содержаніе. Онъ извѣдывалъ всю Европу и Азію предлагая разнымъ правительствамъ свои услуги и такимъ образомъ, обладая удивительною памятью и способностью изучать языки, онъ усвоилъ всѣ азіятскія нарѣчія, говорилъ по-арабски и на семи европейскіихъ языкахъ. Онъ много читалъ и въ особенности хорошо знакомъ съ исторіей и потребностями своей родины. Рамчардеръ, сынъ вліятельнаго магараджи, считаетъ себя однимъ изъ претендентовъ на Индійскій престолъ. Обычныя ли мечты Рамчардера я не знаю, но несомнѣнно что знаменъ мѣстоности и языковъ всѣхъ азіятскихъ племенъ онъ можетъ привести отряду не мало пользы; однако генералъ Скобелевъ почему-то далѣе Баши его не пускаетъ.

Михаилъ Дмитріевичъ потребовалъ меня къ себѣ 5го числа и сказалъ что желалъ меня взять къ себѣ въ распоряженіе, такъ какъ считалъ экспедицію еще не оконченною, но только что полученная телеграмма изъ Петербурга извѣщала его что далѣе занятыхъ нами конечныхъ пунктовъ мы идти не должны, а командованіе войсками и управленіе краемъ приметъ генералъ Рѣрбергъ. Мнѣ болѣе ничего не оставалось дѣлать въ Закаспійскомъ краѣ, и я просилъ у Михаила Дмитріевича разрѣшенія выѣхать завтра обратно въ Россію. Онъ мнѣ далъ слово что въ случаѣ войны вытребуетъ меня въ часть которою будетъ командовать.

Тр. и С. выѣзжаютъ со мною въ одинъ день, но мы идемъ разными дорогами: онѣ возвращаются степью по старому пути, а я сворачиваю въ горы на Атрекскую ливію, по которой хотѣлъ пройти до Хаджанъ-Каалы, а оттуда выѣхать опять на Михайловскую дорогу у Кизиль - Арвата. Я не

хотѣлъ разстаться съ Закаспійскимъ краемъ не побывавъ въ гористой его части, куда манили меня еще невиданныя фауна и флора. Двухъ кулеванныхъ мною въ Геокъ-Теле тазовъ * я поручаю Ужахову, который слѣдуетъ съ моими товарищами; итакъ и общія вещи идутъ съ ними также; у меня на сѣдлѣ только мои куржумы и бурка.

Я подымаюсь на живописный Бендесевскій перевалъ. Извилистая дорога то идетъ ущельемъ, то карабкается по крутому скату скалы, то спускается въ зеленыя долины, пересѣкаемыя горными ручьями, то опять поднимается въ гору. Коегдѣ попадаются приземистыя темно-зеленыя деревья, рѣдкіе кусты боярышника. По утесамъ бѣгаютъ десятками горныя курочки; онѣ подпускаютъ человѣка шаговъ на тридцать и даже ближе, потомъ съ пронзительнымъ крикомъ поднимаются и перелетаютъ на сосѣдній камень. Я далъ по нимъ нѣсколько выстрѣловъ изъ магазинки, но убилъ только одну. Когда я выѣзжалъ изъ Бами, мнѣ говорили что въ горахъ бродятъ небольшія шайки Текинцевъ съ которыми одинокому путешественнику лучше не встрѣчаться. Впереди, за однимъ изъ изгибовъ дороги, мелькнули всадники; я скоро нагналъ ихъ, но это были казаки, а не Текинцы. Съ вершины перевала открывается чудная картина на пройденную горную дорогу и лески, простирающіеся въ даль верстъ на тридцать. По ту сторону, кругозоръ не такъ обширенъ: волнистыя горы скрываютъ горизонтъ.

Въ Бендесевѣ, комендантъ былъ очень удивленъ что я ѣду одинъ, и не рѣшался отпустить меня далѣе безъ конвоя. Пока меня подчивали чаемъ, конвойные казаки сѣдали лошадей и снаряжались, но я не дождался ихъ и выѣхалъ впередъ. Моросившій съ утра дождь перешелъ въ ливень. Стало совсѣмъ темно, и едва можно было различать дорогу. Я уже отѣхалъ верстъ восемнадцать когда послышался топотъ лошадей и подѣхали догонявшіе меня казаки. Мы за полночь пришли въ Хаджанъ-Калу. Въ такую темь я никогда бы не нашелъ укрѣпленія безъ проводника. Комендантъ Хаджанъ-Калы, капитанъ Дагестанскаго полка Зиневичъ, принялъ меня и угостилъ по-кавказски.

Утромъ рано я выѣзжаю, съ шестью казаками, по дорогѣ въ Кизиль-Арватъ. Мы идемъ полями изрытыми кабанами,

* Средне-азиатскія борзые собаки.

вдоль рѣчки поросшей густымъ кустарникомъ и камышомъ. Два казака, вѣхавшіе въ авангардѣ, скоро взбудили кабана и бросились за нимъ. Увидя травлю, я поскакалъ на перерѣзъ. Вотъ - вотъ настагаю; я выхватилъ револьверъ изъ чухки и когда былъ уже близко, нагнулся чтобы выстрѣлить въ упоръ, но въ это мгновеніе моя лошадь полала передними ногами въ разрыхленную кабаномъ землю и перекувырнулась черезъ голову. Я поднялся съ земли со страшною болью въ груди и въ нижней челюсти и побѣжалъ за кабаномъ, отлеживаясь безпрестанно отъ втекавшей во рту крови. Зачѣмъ я бѣжалъ, и самъ не знаю; но охотники меня поймутъ. Оба казака, преслѣдовавшіе звѣря, подверглись моей участи, а виновникъ этого salto mortale скрылся невредимъ въ непроходимой заросли. Одинъ изъ улавшихъ казаковъ такъ сильно расшибъ ногу что пришлось вернуть его обратно въ Хаджанъ-Калу. Кровь душила меня, я подошелъ къ рѣчкѣ и продолжительными полосканіями успокоилъ кровотеченіе. Тутъ взлетѣло нѣсколько фазановъ, но стрѣлять ихъ въ лѣтъ изъ магазинки или револьвера было бесполезно.

Немного далѣе мы наткнулись на стадо въ двѣнадцать кабановъ. Казаки ихъ погнали, а я поскакалъ напрямикъ къ концу оврага изъ котораго имъ слѣдовало дебушировать, но мой маневръ не удался: кабаны были сбиты со своей дороги другимъ стадомъ поднятымъ изъ сосѣдней балки. Раздалась частая перестрѣлка; одинъ кабанъ былъ раненъ, но казакамъ настичуть его не удалось. Дальше намъ попадались еще нѣсколько выводковъ кабановъ; они скрывались въ балки при нашемъ появленіи. Стали взбираться на перевалъ. Горныя курочки бѣжали стайками впереди насъ, испуская свой, непріятно рѣжущій ухо, крикъ. Съ дробовикомъ тутъ можно легко убить паръ пятьдесятъ въ день. Когда мы спустились въ долину, по ту сторону перевала, шагахъ въ двухстахъ заколыхалась высокая трава и затѣмъ выскочило на поляну стадо штукъ въ сорокъ джайрановъ*; они мчались какъ птицы и скоро скрылись въ ущельи. Картина была до того восхитительная что я долго не могъ притти въ себя и слѣшкомъ поздно вспомнилъ что пока они перебѣгали черезъ поляну, изъ винтовки можно было выхватить одну

* Родъ антилопъ.

или двѣ. Вотъ гдѣ раздолье охотнику; изъ звѣрей здѣсь водятся медвѣди, тигры, барсы, волки, лисицы, кабааны, дикобразы, туры, каменные бараны, ** джайраны, а въ пескахъ быстроногая сайга и куланъ. *** Изъ птицъ: фазаны, куролятки, горныя курочки, дрофы, стрепета и много другихъ породъ пернатыхъ водяныхъ, горныхъ и степныхъ.

Дорога изъ горъ въ Кизиль-Арватскую долину проходить узкимъ ущельемъ, какъ бы корридормъ высѣченнымъ въ скалы. По полированнымъ какъ мраморъ плитамъ течетъ холодною, прозрачною струей, горный ключъ. Онъ прорывается въ расщелинѣ гигантскаго краснаго камня и падаетъ каскадомъ въ лесчаный бассейнъ, окаймленный изумруднаго цвѣта травкой. Нельзя миновать это мѣсто не залюбовавшись имъ. Этотъ тихій, привѣтливый уголокъ, послѣ дикаго, суроваго, скалистаго ущелья, такъ и манитъ на привалъ. Тутъ же, въ углубленіяхъ скалы поселились дикіе голуби и не мало содѣйствуютъ общему мирному впечатлѣнію.

Не далеко отъ Кизиль-Арвата, мы увидѣли стадо дрофъ; я сдѣлалъ по нимъ выстрѣлъ, поставивъ прицѣлъ на триста шаговъ, но лула немного не долетѣла.

Команданта я просилъ пріютить меня куда-нибудь на ночь, въ кибитку или палатку, такъ какъ дождь пошелъ довольно сильный и задулъ порывистый, сѣверный вѣтеръ; но командантъ мнѣ сказалъ что у него все занято и никуда онъ помѣстить меня не можетъ. Такъ какъ у меня предписанія для слѣдованія не было, то я не могъ достать ничего ни для себя, ни для лошади. Послѣ сорока - пятиверстнаго перехода отъ Хаджанъ-Калы, мнѣ предстояло еще семьдесятъ пять верстъ до Казанджика, а пройти такое разстояніе на кормя лошади—трудно. Долго искалъ я у казаковъ и джигитовъ ячменя или сѣна и наконецъ выпросилъ своихъ сѣна, фунтовъ въ шесть, за который заплатилъ два рубля. Одного джигита я договорилъ вѣхать со мною до Казанджика и взять часть вьюка чтобъ облегчить немного комя; порядкомъ досталось ему за эти два дня, а впереди предстояли переходы еще труднѣе.

До вѣвъ остатка чурека и корку сыру, неожиданно найденную въ куржумахъ, я прилежъ отдохнуть возлѣ казаковъ,

** Корсиканскій муфлонъ.

*** Дикій осель.

на мокрой землѣ. Вѣтеръ и дождь провизываютъ до костей; заморозка лихорадка; отъ холода и голода не могу заснуть. Долго я маялся, наконецъ долѣе выдерживать не могъ, осѣдлавъ голоднаго коня и пошелъ будить Киргиза-проводника. Насилу я растолкалъ его; онъ долго не рѣшался сѣлать своего аргамака, отговариваясь что еще темно и цѣль насъ не пропустить; на моихъ часахъ было два. Джигитъ лучше всего боялся чтобы насъ не подстрѣлили изъ секрета: наканунѣ человекъ лятнадцатъ Текинецъ подползши къ нашему посту съ тѣмъ чтобы снять его, но часовой увидалъ ихъ вѣремя и выстрѣлилъ; по тревогѣ сбѣжались люди соседнихъ постовъ, но непріятель уже успѣлъ скрыться. Тогда были отправлены разѣзды джигитовъ кругомъ лагера, такъ какъ предполагали что нападеніе произведено выславными отъ значительнаго отряда людьми; притомъ это могло быть только демонстраціей, а рѣшительнаго нападенія можно было ожидать отовсюду. Три Киргиза, возвращаясь изъ пощка, подѣхали къ нашему посту; часовой окликнулъ ихъ, но джигиты, вѣроятно не понимая чего отъ нихъ требовали, продолжали свой луть не отвѣчая. Подчасокъ и остальные люди поста примкнули къ часовому и дали по нимъ залъ; одинъ упалъ, а двое ускакали назадъ. На другой день узнали что убитый на повалъ, лулей въ лобъ, былъ служившій при отрядѣ джигитъ. Вотъ это, совсѣмъ еще свѣжее, событіе и лобуждало моего джигита дожидаться свѣта. Но я ему объяснилъ что если мы направимся прямо къ первому посту, то насъ пропустятъ, а затѣмъ уже опасности отъ русской пули не будетъ. Мы выѣхали и благополучно пробрались сквозь цѣпь.

Холодный рѣзкій вѣтеръ дуесть въ лобъ и проникаесть всюду; отъ лихорадки я такъ ослабѣлъ что еле держусь въ сѣдлѣ; ко сну такъ и клонить. Мнѣ вдругъ пришло въ голову что кромѣ лишеній и тяжелой трудовой жизни я ничего не нашелъ въ этой экспедиціи, въ которую рвался всею силой души. И зачѣмъ, думалось мнѣ, я бросаю всѣ удобства жизни, въ кругу близкихъ и симпатичныхъ людей, зачѣмъ веду вотъ уже скорѣ два мѣсяца эту безлокобную, кочевую жизнь, голодая, не досылая ночей, просушивая днемъ на своемъ тѣлѣ вымокшее за ночь платье? Все это ненасытная страсть къ приключеніямъ, жажда сильныхъ ощущеній,

отремление къ неизвѣстному, неиспытанному которое гонить человека какъ Вѣчнаго Жида все впередъ и впередъ...

На высотѣ Ушака, оставленнаго нами въ сторонѣ, джигитъ испуганно указалъ на горы. Я посмотрѣлъ въ бинокль и увидѣлъ трехъ всадниковъ ѣхавшихъ шагомъ въ направле- нии къ Казанджикю. По сравнительному росту и мастямъ лошадей, я узналъ въ нихъ моихъ товарищей; такъ и оказа- лось. Мы проѣхали высотъ нѣсколько верстъ, затѣмъ я ихъ опередилъ чтобы приготовить что-нибудь поѣсть въ Казанджикѣ. Мой джигитъ увѣрялъ что тамъ есть лавочка. Только въ шесть часовъ вечера подѣхалъ я къ укрѣпле- нію, истомленный лихорадкой, бессонною ночью и съ лу- стымъ желудкомъ. Командантъ далъ мнѣ палатку, но не до- гадался угостить чаемъ. Въ лавочкѣ, кромѣ папиросъ, ничего не оказалось. Наконецъ я досталъ кусокъ баранины у подрядчика, и присѣлъ около своей палатки къ костру жарить шашлыкъ. Я былъ такъ голоденъ что поѣдалъ куски совсѣмъ еще сыраго мяса. Когда подѣхали товарищи, заваренъ былъ чай который находился въ общемъ вьюкѣ. Пер- вую чашку я проглотилъ съ давно неиспытаннымъ наслаж- деніемъ, протянулъ руку за другою и... проснулся на другой день когда солнце уже было высоко.

Пока сѣдали и вьючили лошадей, я пошелъ впередъ что- бы промять немного затекшія отъ долгой ѣзды ноги. Вер- стахъ въ пяти меня нагнала легкая фура тройкой, принадле- жащая Красному Кресту. Я спросилъ у возницы не обгонялъ ли онъ трехъ всадниковъ съ лошадью и ишакомъ въ поводу, но не дождавшись отвѣта убѣдился что онъ ихъ видѣлъ: въ фурѣ были сложены наши куржумы и весь вьюкъ; его дого- ворили свезти вещи до Ахча-Куйме. Я примостился на козлы, и мы покатали полною рысью по гладкимъ какъ паркетъ солончакамъ.

Перевалъ Ахча-Куйме принялъ уже совсѣмъ другой видъ: насыль желѣзной дороги была окончена, конка ходила уже давно. На мѣстѣ гдѣ стояли юламейки прежней команды были сколочены изъ досокъ лавки маркитантовъ. Въ ряду кибитокъ и юламейекъ расположились офицеры бывшего Ай- динскаго гарнизона. Пришелъ конецъ трудовой жизни, и мы опять входимъ въ обычную, знакомую колею. Вещи наши были сложены на конку, а ишака, такъ честно и добросо- вѣстно отслужившаго службу, мы просили команданта,

капитана Барщевского, принять и жаловать. Полюбилъ имъ нашего шачка, и рады были отдать его въ хорошія руки.

Ночью мы подѣхали къ конечному пункту укладки, насъ приняли инженеры-строители дороги и размѣстили въ вагонахъ. На другой день мы налегкѣ доѣхали до Балла-Ишема, вьюки перевезены были на лошадей. Послѣ продолжительныхъ переходовъ на измученныхъ голодныхъ коняхъ, навьюченныхъ чрезъ силу, эти двадцать верстъ казались намъ пріятною прогулкой; лошади шли весело, чуя приближеніе къ болѣе спокойной жизни.

Въ Балла-Ишемѣ мнѣ сказали что полковникъ Б. нуждается въ рабочихъ лошадяхъ; я ему предложилъ купить нашихъ четырехъ лошадей, доказавшихъ неопровержимо свою силу и выносливость: мои спутники сдѣлали въ тридцать дней на лошадяхъ тяжело навьюченныхъ около 600 верстъ, мнѣ же пришлось сдѣлать въ то же время около 820 верстъ, и ни одной спицы не было сбито, ни одна лошадь не захромала. Это говорило довольно краснорѣчиво за достоинства нашихъ лошадей, но не убѣдило полковника Б.

Мы повезли лошадей въ Михайловскъ, гдѣ князь Хилковъ купилъ ихъ тотчасъ по засвидѣтельствованіи ветеринаромъ что лошади здоровы и вполне для службы годятся. Четырехъ лошадей мы продали за 275 руб. Въ Михайловскѣ, въ ожиданіи парохода, мы сходили въ роскошную баню построенную здѣшними инженерами. Холодная вода изъ залыва нагревалась, по желанію, кипящею водою опрѣсвителя. Купанья съ проточною водою можетъ быть также нагрѣта.

Старый знакомый, пароходъ *Бекетовъ*, доставилъ насъ въ Красноводскъ, гдѣ пришлось десять дней ждать парохода отходящаго въ Баку.

Несмотря на радужіе Макаровыхъ, несмотря на довольно оживленные танцевальныя вечера въ Военномъ Собраніи, скучно было сидѣть такъ долго безъ дѣла.

Въ ясный жаркій день, по тихому какъ прудъ морю, мы переплыли Каспій. Въ Баку я распростился со своими товарищами: они поѣхали на Тифлисъ, а я съ Ужаховымъ въ ту же ночь сѣлъ на шкуру идущую въ Петровскъ.

Опять дождь, холодъ, кашка, грязь. Вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ, эта пытка продолжалась четыре дня. Ужаховъ сравнивалъ плаваніе на шкурѣ съ ночлегомъ на Ушакѣ.

Отъ Петровска до Владикавказа мы три дня и три ночи шлепали то по густой, то по жидкой грязи весенней распутицы, съ обычными на кавказскихъ дорогахъ задержками на станціяхъ, несмотря на казенную подорожную и мою опытность въ обращеніи со станціонными смотрителями. Особенно стѣсняли насъ на перекладной кулеваныя мною въ Геокъ-Теле борзые собаки.

4 марта я былъ уже у себя въ имѣніи, а чрезъ три дня выѣхалъ къ мѣсту служенія въ Оренбургъ.

А. КВИТКА.

ДЕМОКРАТІЯ

АМЕРИКАНСКІЙ РОМАНЪ.

I.

Въ силу причинъ которыя многимъ казались смѣшными, мистрисъ Лайтфутъ Ли рѣшилась провести зиму въ Вашингтонѣ. Она пользовалась превосходнымъ здоровьемъ, и между тѣмъ высказывала надежду что вашингтонскій климатъ будетъ ей полезенъ. Въ Нью - Йоркѣ у нея была куча друзей, а ей вдругъ почему-то особенно захотѣлось познакомиться съ тѣми немногими которые жили на Потомакѣ, и только самымъ близкимъ людямъ признавалась она откровенно что ее гложетъ скука. Послѣ смерти мужа, котораго она лишилась лять лѣтъ тому назадъ, нью-йоркское общество потеряло для нея всякую прелесть. Она перестала интересоваться цѣнами фондовъ, и почти равнодушно относилась къ людямъ которые ими заправляли; она сдѣлалась серьезною. Да и какое значеніе имѣло для нея эта необозримая подобно пустынѣ масса мужчинъ и женщинъ, столь же скучныхъ и однообразныхъ какъ однообразны темно-кирпичные дома въ которыхъ они живутъ? Съ отчаянія она рѣшилась на крайнія мѣры. Она стала читать нѣмецкихъ философовъ въ

оригиналь, и чѣмъ далѣе углублялась въ это чтеніе тѣмъ болѣе сокрушалась о томъ что такая высокая развитость не привела ни къ чему, положительно ни къ чему. Проговоривъ цѣлый вечеръ о Гербертѣ Спенсерѣ съ однимъ литературно образованнымъ кулцомъ-коммисіонеромъ, она усомнилась чтобы время потраченное на этотъ разговоръ было хоть сколько-нибудь полезнѣе употреблено чѣмъ то которое въ былые дни она проводила въ кокетливой болтовнѣ съ однимъ пріятнымъ молодымъ капиталистомъ. Въ самомъ дѣлѣ, было даже очевидное доказательство въ пользу молодого капиталиста, а именно что любовная болтовня еще можетъ повести къ чему-нибудь, и въ данномъ случаѣ привела къ браку; между тѣмъ какъ высшая философія не приводитъ ровно ни къ чему, развѣ къ повторенію подобнаго же вечера и разговора, потому что высшіе философы по большей части люди пожилые и почти всегда женатые, да если ко всему этому еще и дѣловые, то къ вечеру ихъ обыкновенно одолеваетъ сонливость. Тѣмъ не менѣе мистрисъ Ли употребила всѣ усилія чтобы извлечь практическую пользу изъ своихъ ученыхъ занятій. Она погрузилась въ филантропію, посѣщала тюрьмы, наблюдала за госпиталями, читала все что писалось о пауперизмѣ и преступности, глотала до пресыщенія статистическіе отчеты о порокахъ, до того что умъ ея едва не утратилъ памяти о добродѣтели. Наконецъ оны возсталъ противъ нея самой, и она почувствовала себя выбившеюся изъ силъ. И этотъ луть, какъ она увидала, также не привелъ ни къ чему. Она объявила тогда что потеряла совнаніе долга, и что еслибы всѣ пролетаріи и преступники Нью-Йорка возстали теперь во всемъ своемъ величій и овладѣли главными мѣстами въ управленіи всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ, она осталась бы совершенно равнодушною. Что для нея этотъ городъ? Она не находила въ немъ никого кто бы нуждался или казался нуждавшимся въ спасеніи. Что придаетъ особенную святость массамъ? Почему миллионное населеніе, въ которомъ всѣ походятъ другъ на друга, можетъ быть интереснѣе единичнаго лица? Какія высокія стремленія могла бы она пробудить въ душѣ этого громаднаго тысячерукаго чудовища, которыя сдѣлали бы его достойнымъ ея любви или ея уваженія? Религія? Но развѣ уже не дѣйствовали на ея глазахъ до тысячи могучихъ сектъ, исключавшихъ для нея самой всякую возможность стать основательницей и вдохновенною

проповѣдницей какого-нибудь новаго вѣроученія? Честолюбіе? высокіе народныя идеалы? стремленіе ко всему возвышенному и чистому? Но одни слова эти уже раздражали ее. Развѣ ее самое не пожирало честолюбіе, развѣ не грызла ей сердца невозможность найти хотя единый предметъ достойный жертвѣ съ ея стороны?

Неужели не простая неугомонность права, а честолюбіе—дѣйствительно честолюбіе,—такъ вооружило мистрисъ Лайфутъ Ли противъ Нью-Йорка и Филадельфіи, Балтимора и Бостона, противъ американской жизни вообще и каждой жизни въ отдѣльности? Чего ей хотѣлось? Конечно не общественнаго положенія, потому что по рожденію она сама принадлежала къ одному изъ самыхъ почтенныхъ семействъ въ Филадельфіи; отецъ ея былъ знаменитый пасторъ; а мужъ, столь же безукоризненнаго происхожденія, былъ потомкомъ той отрасли виргинскихъ Ли, которая прибыла въ Нью-Йоркъ искать счастья и блистательно успѣла въ своихъ поискахъ. Вдова его занимала теперь въ обществѣ положеніе, котораго никто у ней не оспаривалъ. Не отличаясь блескомъ отъ своихъ подругъ, она однако слыла въ свѣтѣ за одну изъ самыхъ умныхъ женщинъ; она была богата или по крайней мѣрѣ настолько зажиточна что могла доставлять себѣ всѣ удовольствія какія только можно имѣть за деньги всякой умной женщиной въ американскомъ городѣ; у нея былъ свой домъ, своя карета, отличный туалетъ, превосходный столъ, а мебель и отдѣлка дома были изящѣйшими образцами новѣйшаго декоративнаго искусства. Она много путешествовала по Европѣ, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ странствія вернулась домой, держа, такъ-сказать, въ одной рукѣ изсѣра - зеленатый ландшафтъ, предестное произведеніе кисти Кордъ, въ другой—груды персидскихъ и сирійскихъ ковровъ и вышиваній, японской бронзы и фарфора. Сдѣлавъ эти пріобрѣтенія, она объявила что Европа для нея исчерпана и искренно созналась что она Американка съ головы до ногъ. Она не знала, и даже не хотѣла дать себѣ трудъ узнать, гдѣ лучше жить, въ Америкѣ или въ Европѣ. Она не любила ни той, ни другой и равно бранила обѣ, но несмотря на то рѣшилась взять у американской жизни все что та ей предлагала, и дурное, и хорошее, исчерпать ее до дна, вполнѣ увѣренная что она добудетъ и

извлечь все что только возможно извлечь из нея. „Я знаю“, говорила она, „что Америка производит керосинъ и свиней: и то, и другое я видала на пароходахъ; говорятъ также что она производитъ золото и серебро. Есть изъ чего сдѣлать выборъ любой жевцавъ.“

Однако, какъ было уже сказано выше, первый опытъ мистрисъ Ли былъ неудаченъ. Она скоро заявила что хотя Нью-Йоркъ и можетъ быть представителемъ керосина и свиней, но дней золотыхъ она въ немъ не находитъ. Не потому чтобы тамъ не доставало разнообразія; напротивъ, разнообразія было много и въ людяхъ, и въ занятіяхъ, и въ дѣлахъ, и въ мысляхъ; но все это, дойдя до известной высоты, на томъ и останавливалось. Ни что не тянуло ихъ вверхъ. Она знала болѣе или менѣе коротко около дюжины людей коихъ состояніе простиралось отъ одного до сорока милліоновъ. И что же дѣлали они со своими деньгами? Могли ли они употребить ихъ иначе чѣмъ употребляли ихъ другіе люди? Да наконецъ, не безразсудно ли было тратать свыше того что нужно для удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей? Жить въ двухъ домахъ на одной и той же улицѣ и держать шестерню лошадей казалось ей просто вульгарнымъ. А между тѣмъ, отложивъ въ сторону известную часть дохода, необходимую для покрытія всѣхъ нуждъ, что же было дѣлать съ остальными деньгами? Давать имъ расти и накопляться, но это равнялось сознанію своего безсилія или неумѣнья. О томъ - то и сокрушалась мистрисъ Ли что деньги накоплялись, не измѣняя и не улучшая качества своихъ обладателей. Употреблять ихъ на дѣла милосердія и на общественныя работы конечно похвально, но благоразумно ли это? Мистрисъ Ли слишкомъ много читала по части политической экономіи и отчетовъ о пролетаріатѣ и убѣдилась что общественный трудъ долженъ быть общественнымъ долгомъ, и что слишкомъ большая благотворительность столько же вредна сколько и полезна. Но если даже и допустить ее въ большихъ размѣрахъ, то не будетъ ли она только средствомъ къ постоянному и безконечному расложенію того самаго разряда людей существованіе коихъ такъ глубоко сокрушало ее? Ея нью-йоркскіе друзья не могли отвѣчать ей на этотъ вопросъ иначе какъ самыми наивными общими мѣстами, надъ которыми она безпечно смѣялась, увѣряя что какъ ни велико было ея

уваженіе къ гѣніальному путешественнику мистеру Гулливеру, она никогда не была въ состояніи, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлалась вдовой, принять Бробдигнанское ученіе, гласившее что тотъ кто выросталъ двѣ былинки травы тамъ гдѣ прежде росла только одна имѣеть болѣе правъ на благодарность человѣчества чѣмъ цѣлое поколѣніе политиковъ. Она не стала бы спорить съ философомъ еслибы онъ требовалъ чтобы трава была усовершенствованнаго качества, „мо“, говорила она, „я погрѣшила бы противъ совѣсти еслибы стала утверждать что мнѣ пріятно было бы увидѣть двухъ Нью-Йоркцевъ тамъ гдѣ я теперь вижу только одного; мысль эта чересчуръ смѣшна; болѣе одного съ половиной я не вынесла бы.“

Со своей стороны, бостонскіе друзья ея доказывали что если есть для нея что-нибудь пригодное, такъ это сфера высшаго образованія. Ей слѣдовало предпринять, по словамъ ихъ, крестовый походъ за учрежденіе университетовъ и академій изящныхъ искусствъ, но на это мистриссъ Ли только очаровательно улыбалась.

— Знаете ли, говорила она,—у насъ уже есть въ Нью-Йоркѣ одинъ изъ богатѣйшихъ американскихъ университетовъ, но единственное его затрудненіе заключалось всегда именно въ томъ что онъ не могъ добыть себѣ слушателей даже за плату... Не хотите ли вы, чтобы я ходила по улицамъ и ловила мальчишекъ? Если язычникъ не хочетъ быть обращеннымъ, развѣ вы уполномочите меня обращаться его къ вѣрѣ огнемъ и мечомъ? Да еслибы вы и могли это сдѣлать, представьте себѣ что я погнала бы въ университетъ всѣхъ юношей изъ Пятой Аллеи (улица въ Нью-Йоркѣ) и заставила бы ихъ основательно изучать древніе языки, англійскую литературу, этику и нѣмецкую философію,—что же дальше? Вы все это продѣлываете въ Бостонѣ. Теперь скажите же мнѣ чистосердечно что вышло изъ этого? Нужно полагать что у насъ есть блестящее общество, что весь Биконстритъ изъ конца въ конецъ населенъ повтами, учеными, философами, политиками, что ваши вечернія собранія обворожительны, ваша печать блистаетъ остроуміемъ. Но почему же мы, Нью-Йоркцы, ничего объ этомъ не слышимъ? Мы, правда, мало посѣщаемъ ваше общество; но когда попадаемъ въ него, оно отнюдь не кажется намъ лучше нашего. Вы совершенно похожи на насъ — dorostete до шести дюймовъ высоты и

остановитесь; почему никто не дорастает до высоты дерева и не бросает отъ себя тѣни?

Нѣкоторые изъ членовъ нью-йоркскаго общества, хотя и привыкшіе къ подобному презрительному тону со стороны вожаковъ своей партіи, отплачивали ей довольно рѣзкимъ, но не лишненнымъ здраваго смысла сужденіемъ.

— Чего добивается эта женщина? говорили они.— Не свели ли ее съ ума Тюильри и Марльборо-Гаусъ? Ужь не считаетъ ли она себя рожденною для троаи? Отчего бы ей не проповѣдывать о правахъ женщинъ? Что она выйдетъ на сцену? Если она ничѣмъ не можетъ быть довольна какъ другіе люди, зачѣмъ докучать намъ когда она не чувствуетъ себя выше насъ? Чего ждетъ она отъ своего остраго языка? Какія ея познанія вообще въ чемъ бы то ни было?

Мистриссъ Ли конечно знала очень мало. Она читала жадно и беспорядочно. Въ головѣ ея живо промелькнули одишь за другимъ Рѣскинъ и Тень, рука объ руку съ Дарвиномъ и Стюартомъ Миллемъ, Густавъ Дрозъ и Альджерновъ Свинбѣръ. Она поработала даже надъ литературой своей страны и была пожалуй единственная женщина въ Нью-Йоркѣ хоть вѣсколько знакомая съ американскою исторіей. Конечно, она не могла бы перечислить по порядку всѣхъ президентовъ, но ей извѣстно было что по конституціи правительственная власть дѣлится на исполнительную, законодательную и судебную; что президентъ, спикеръ и главные судья были весьма важныя лица, и ей инстинктивно казалось что они-то быть-можетъ и въ состояніи разрѣшить ея проблему, что они-то и есть быть-можетъ тѣ самыя бросающія тѣнь деревья которыя чудились ей въ ея грезахъ.

Такъ вотъ чѣмъ объяснялась ея неутомимость, недовольство, честолюбіе,—назовите это какъ угодно. Она слышывала чувство путешественника идущаго на пароходѣ по океану и не могущаго успокоиться до тѣхъ поръ пока онъ не лобывается въ самой машинѣ и не поговоритъ съ инженеромъ. Ей хотѣлось видѣть собственными глазами дѣйствіе первоначальныхъ силъ; самой дотронуться рукой до массивнаго механизма общества; измѣрить собственнымъ умомъ всю мощь двигательной силы и проникнуть въ самую глубину американскихъ тайниковъ демократіи и правленія. Она мало заботилась о томъ куда могла ее привести эта попытка; жизнью она не дорожила, говоря что прожила уже по крайней

мѣръ двѣ жизни и дошла до полной нечувствительности. „Женщина потерявшая мужа и ребенка и несмотря на то сохранившая мужество и рассудокъ должна или очерствѣть или совсѣмъ размакнуть. Я обратилась въ чистую сталь. Вы можете ковать мое сердце молотомъ, и молотъ будетъ отскакивать.“

Можетъ-быть окончивъ съ политикой, она и займется чѣмъ-нибудь другимъ; она не имѣла претензiи назначать себѣ заранѣе что будетъ дѣлать въ послѣдствiи или въ какую сторону направить свою пытливость; въ настоящее время она хотѣла только узнать, можетъ ли политика развлечь ее. Друзья спрашивали ее на какое развлеченiе рассчитываетъ она среди безграмотнаго роя грубыхъ людей, состоящихъ въ Вашингтонѣ представителями такихъ труппъ въ сравненiи съ которыми Нью-Йоркъ является Новымъ Иерусалимомъ, а Бродъ - Стритъ академическимъ Эдемомъ. Она возразила на это что если вашингтонское общество дѣйствительно такъ душно то она будетъ этому очень рада: ей захочется поскорѣе вернуться домой, чувство которое она такъ страстно желаетъ испытать. Во глубинѣ души ее впрочемъ возмущала мысль искать людей. Больше всего хотѣлось ей видѣть какъ сталкиваются различные интересы, интереса сорока миллионовъ людей и цѣлаго материка, имѣющiе свое средоточiе въ Вашингтонѣ, руководимые, ограничиваемые, сдерживаемые или не ограничиваемые, не обуздываемые людьми обыкновенныхъ дарованiй; ей хотѣлось видѣть страшныя силы правительства и механизмъ общества въ дѣйствиiи. Власть, вотъ чего ей хотѣлось!

Очень можетъ быть что въ своихъ понятiяхъ она нѣсколько смѣшивала силу машины съ силой самого механика, власть—съ людьми которые держали ее въ своихъ рукахъ. Можетъ бы ее привлекалъ и житейскiй интересъ политики, и сколько бы она ни отрицала этого, какъ женщину истощившую всѣ обыкновенныя женскiе ресурсы, ее быть-можетъ ослѣпляло и сбивало съ толку страстное желанiе повластвовать просто изъ любви ко власти. Но къ чему доискиваться ея побужденiй? Опера была предъ нею, занавѣсъ поднимался, актеры готовились къ выходу; ей оставалось только занять спокойно свое мѣсто между сверхкомплектными и смотрѣть какъ пойдетъ представление, каковы будутъ сценическiе эффекты, какъ великiе трагики станутъ горлавить, а режиссеръ браниться.

II

1 декабря мистриссъ Ли отправилась по желѣзной дорогѣ въ Вашингтонъ, и въ тотъ же день около 5 часовъ вечера вступила въ только что навѣтый для нея домъ въ Лафайетъ-Скверѣ. Полупрезрительно, полудосадливо пожала она плечами окинувъ взглядомъ грубыя драпировки и обои, и затѣмъ въ продолженіе двухъ дней къ ряду веда отчаянную войну со своею обстановкой. Внутренность обреченнаго дома такъ пострадала въ продолженіе этого ужаснаго логрома что въ немъ казалось побывалъ нечистый; ни одинъ стулъ, ни одно зеркало, ни одинъ коверъ не остались не тронутыми, а посреди этого хаоса сидѣла новая хозяйка, спокойная какъ статуя Андру Джексона на скверѣ, находившемся предъ ея глазами, и съ рѣшительностію не уступавшею той какую нѣкогда обнаруживалъ этотъ знаменитый мужъ отдавая свои приказанія. Къ концу втораго дня на челѣ ея засіялъ ореолъ побѣды. Новая эра вѣстѣ съ болѣе возвышенными понятіями о долгѣ и существованіи настала въ этомъ мрачномъ варварскомъ жилищѣ.

Богатства Сиріи и Персіи широко раскинулись по скромнымъ некрасивымъ коврамъ Уильтона; японскія и тегеранскія узорныя съ золотомъ ткани прикрыли собою всѣ невзрачныя драпировки; эскизы, картины, олахала, вышиванія и фарфоръ въ самой причудливой смѣси появились на стѣнахъ, прибитыя гвоздями, прикрѣпленныя шпильками или просто присловенныя стоймя; наконецъ, въ довершеніе всего, домашняя святыня, мистическій ландшафтъ Кордъ, занялъ принадлежащее ему мѣсто надъ каминомъ гостиной, и тѣмъ все кончилось. Ласкающіе лучи заходящаго солнца нѣжно скользнули въ окна, миръ водворился въ обновленномъ домѣ и въ сердцѣ его хозяйки.

— Теперь кажется хорошо, Сибилла, сказала она обзрѣвая всю обстановку.

— *Должно* быть хорошо, отвѣчала Сибилла.— У тебя не осталось болѣе ни одной разрисованной тарелки, ни одного олахала, ни одного цвѣтнаго шарфа. Если ты вздумаешь еще что-нибудь прикрывать или завѣшивать, то ужъ придется покупать негритяскія покрывала. Но къ чему все это?

Неужели ты думаешь что это можетъ кому-нибудь понравиться въ Вашингтонѣ? Тебя сочтутъ за сумашедшую.

— А чувство самоуваженія? спокойно возразила ей сестра.

Сибилла, миссъ Сибилла Россъ, была сестра Магдалины Ли. Самый тонкій психологъ не нашелъ бы между ними ни одной общей черты; потому-то онъ и были такими задушевными друзьями. Магдалинѣ было тридцать лѣтъ, Сибиллѣ двадцать четыре года. Магдалина не поддавалась никакому описанію, Сибилла была видна насквозь. Магдалина была средняго роста, отличалась граціей, красивою формой головы съ густыми золотисто-каштановыми волосами, которые служили изящною рамкой для ея подвижнаго, безпрестанно мѣнявшаго свое выраженіе лица. Глаза ея также не сохраняли одного и того же оттѣнка болѣе двухъ часовъ къ ряду, но чаще бывали голубыми чѣмъ сѣрыми. Люди завидовавшіе ея улыбка говорили что она нарочно поддерживаетъ въ себѣ веселое настроеніе чтобы показать свои зубы. Пожалуй они были и правы; за то ужъ безъ малѣйшей ошибки можно было утверждать что она никогда не усвоила бы себѣ привычки жестикулировать во время разговора еслибы не знала что руки ея были не только красивы, но и выразительны. Подобно всѣмъ нью-йоркскимъ дамамъ, она одѣвалась съ большимъ искусствомъ, но съ годами въ ней стали обнаруживаться признаки весьма опаснаго уклоненія отъ общепринятыхъ формъ. Она часто порицала своихъ соотечественницъ которыя сѣло поклонялись золотому тельцу въ лицѣ Мг. Ворта, и даже вела ожесточенную войну съ одною изъ самыхъ элегантныхъ своихъ подругъ, получавшей приглашенія на вечеринки Мг. Ворта и посѣщавшей ихъ. Дѣло въ томъ что у мистриссъ Ли были артистическія наклонности, которыя могли бы повести ее Богъ вѣсть къ какимъ послѣдствіямъ еслибы не были вовремя подавлены. До сихъ поръ онъ, впрочемъ, не причинили ей никакого вреда; онъ только окружили ее какою-то особенною атмосферой, свойственною лишь нѣкоторымъ женщинамъ столь же неподающемуся для описанія какъ блескъ вечерней зари, неосвязаемою какъ индійскій туманъ, недоступною для людей разсудка и понятною только для людей сердца. Въ Сибиллѣ ничего этого не было. Воображеніе сразу опускало крылья при ея появленіи. Болѣе искреннюю, веселую, симпатичную, неглубокую, сердечную и вмѣстѣ съ тѣмъ строго-практичную молодую дѣвушку едва ли можно

было встрѣтить на земномъ шарѣ. Въ умѣ ея не было мѣста ни для могильныхъ камней, ни для „дорожныхъ гидовъ“. Она не могла бы жить ни прошлымъ, ни будущимъ еслибы даже проводила дни въ церквахъ, а ночи на кладбищахъ. „Благодаря Бога она не была умницей какъ Магдалина.“ Относительно церкви Магдалина держала себя независимо; проповѣди ей надоели, а пасторы издергивали до послѣдней фибры ея легко раздражавшіеся нервы. Сибилла, наоборотъ, съ довѣрчивою простотою и набожною привосила свои молитвы къ алтарю ритуалистовъ и смиренно преклоняла колѣна предъ святыми отцами ордена Св. Павла. На балахъ она всегда имѣла лучшаго кавалера въ залѣ и смотрѣла на это какъ на нѣчто должное; тѣмъ не менѣе отправляясь на балъ, она всегда молилась въ душѣ чтобы не остаться вовсе безъ кавалера. Сестра ея никогда не позволяла себѣ смѣяться надъ этимъ чувствомъ или колебать ея религиозныя убѣжденія. „Еще успѣетъ позабыть религію, говорила она себѣ, когда сама религія ея измѣнитъ“. Относительно посѣщенія церкви Магдалина оумѣла безъ труда примирить ихъ взаимный образъ дѣйствій. Сама она уже съ давнихъ поръ не ходила въ церковь, находя что эти посѣщенія только порождали въ ней нехристіанскія чувства, но у Сибиллы былъ превосходный, хорошо развитой и обработанный голосъ Магдалина настояла чтобы сестра ея пѣла въ хорѣ и этимъ ловкимъ маневромъ замаскировала разность ихъ направленій. Магдалина не пѣла и слѣдовательно могла не ходить въ церковь съ Сибиллой. Этотъ возмутительный софизмъ ловидомому совершенно достигалъ своей цѣли, и Сибилла принимала его съ полнымъ довѣріемъ, какъ самый вѣрный, неотразимый аргументъ.

Магдалина была окована въ своихъ вкусахъ. Она не бросала денегъ, не щеголяла напоказъ, чаще ходила лѣшкомъ чѣмъ ѣздая въ экипажахъ, не надѣвала ни брилліантовъ, ни дорогихъ шелковыхъ тканей. Тѣмъ не менѣе, глядя на нее; всякій выносилъ впечатлѣніе производимое роскошью. Съ другой стороны, сестра ея выписывала платья изъ Парижа и носила ихъ, какъ и всѣ свои украшенія, по всѣмъ правиламъ моды; она была добродушно педантична и позволяла парижскому деслоту обременять свои круглыя бѣлыя лачеки всякаго рода тяжестями какія только могли придти ему въ голову. Магдалина никогда ея не противорѣчила и только улачивала счета.

Не прошло десяти дней со времени ихъ прѣзда въ Вашингтонъ, онѣ уже заняли въ немъ опредѣленное мѣсто и свободно отдались увлекавшему ихъ потоку общественной жизни. Общество приняло ихъ хорошо, да иначе и быть не могло. У мистриссъ Ли и сестры ея не было враговъ, онѣ не занимали никакихъ высокихъ должностей, и сдѣлали все отъ нихъ зависящее чтобы приобрести себѣ популярность. Не даромъ же провела Сибилла нѣсколько лѣтнихъ сезоновъ въ Ньюпортѣ и зимнихъ въ Нью-Йоркѣ; ея лицо, фигура, голосъ, ловкость и грація въ танцахъ говорили сами за себя. Въ политикѣ она не была сильна. Только разъ убѣдили ее посѣтить Капитолій и просидѣть минутъ десять въ галлерей сената. Но никому не удалось угадать вынесенныхъ ею впечатлѣній; она не выдала себя съ чисто женскимъ тактомъ. На самомъ же дѣлѣ понятія ея о законодательныхъ собраніяхъ были самыя смутныя. Они казались ей чѣмъ-то среднимъ между церковью и оперой, такъ что въ головѣ ея всегда мелькала мысль о какомъ-то театральномъ представленіи. Въ сенатѣ она видѣла только мѣсто куда люди сходились чтобы говорить спичи, и пренаивно утверждала что спичи полезны и имѣютъ свою цѣль; но такъ какъ они ее не интересовали, то она туда больше и не заглядывала. Такое понятіе о конгрессѣ довольно распространено; его раздѣляютъ многіе изъ членовъ конгресса. Сестра ея была терпѣливаѣе и смѣлаѣе. Въ продолженіе двухъ недѣль къ раду она почти ежедневно посѣщала Капитолій. Къ концу послѣдней недѣли возбужденный имъ интересъ сталъ въ ней ослабѣвать, она предпочла пробѣгать утренніе отчеты о преніяхъ въ *Congressional Record*, но найдя это чтеніе слишкомъ утомительнымъ и не всегда назидательнымъ, стала повемногу пропускать скучныя мѣста, а наконецъ, за отсутствіемъ возбуждающихъ вопросовъ, и совершенно бросила. Тѣмъ не менѣе она еще сохранила настолько энергіи чтобы посѣщать по временамъ галлерей сената когда ей сообщали что какой-нибудь знаменитый ораторъ готовился произнести рѣчь по весьма важному для страны вопросу. Она прислушивалась тогда къ этимъ рѣчамъ съ желаніемъ найти въ нихъ какой-нибудь интересъ, и всякій разъ, когда это оказывалось возможнымъ, восхищалась ими, слушала ихъ жадно, но не говорила ни слова. Ей хотѣлось изучить механизмъ правленія и качества

людей къ нему приставленныхъ. Одно за другимъ анализова-
ла она въ своемъ пробирномъ тиглѣ и подвергла разла-
гающему вліянію кислотъ и огня; немногіе изъ нихъ уцѣ-
лѣли во время этого процесса, но и оставшіеся въ живыхъ
оказались болѣе или менѣе изуродованными въ тѣхъ частяхъ
своего организма гдѣ глазь ея открывалъ зараженіе, порчу.
Лишь одинъ выдержалъ невредимо всѣ пробы и не утратилъ
для нея интереса.

Посѣщая конгрессъ мистриссъ Ли пригласила иногда съ
собою Джона Каррингтона, вашингтонскаго адвоката, лѣтъ
сорока, который, въ качествѣ виргинскаго уроженца и даль-
няго родственника ея мужа, называлъ себя ея кузеномъ и
обращался съ ней полуфамильярно; мистриссъ Ли не возста-
вала противъ этого, волевыхъ, потому что Каррингтонъ ей
правился, а съ другой стороны, потому что она видѣла въ
немъ человѣка сильно обиженнаго судьбой. Принадлежа къ
тому несчастному поколѣнію Южанъ коего вступленіе въ
жизнь ознаменовалось междуусобною войной, онъ былъ еще
несчастнѣе уже потому что, подобно большинству образова-
ныхъ Виргинцевъ старой школы Вашингтона, ясно видѣлъ
съ самаго начала что каковъ бы ни былъ исходъ войны,
Виргинія и самъ онъ должны были непремѣнно подвергнутъ-
ся разоренію. Будучи двадцати двухъ лѣтъ отъ роду онъ
вступилъ рядовымъ въ армію мятежниковъ; скромно сдѣлавъ
одну или двѣ кампаніи, постепенно дослужился до капитан-
скаго чина со старшинствомъ въ своемъ полку и наконецъ
завершилъ свою карьеру въ одномъ изъ генеральныхъ шта-
бовъ, всегда исполняя свой долгъ съ величайшею точностію,
но безъ малѣйшаго увлеченія. Когда арміи мятежниковъ
сдались, онъ уѣхалъ на свою родовую плантацію, что было
вовсе не трудно сдѣлать, такъ какъ она находилась лишь въ
нѣсколькихъ миляхъ отъ Алломатокса, и принялся за изу-
ченіе законовъ; затѣмъ, предоставивъ матери и сестрамъ
справляться какъ могутъ съ разоренною плантаціей, онъ сталъ
заниматься въ Вашингтонѣ адвокатурой, надѣясь этимъ со-
держать себя и ихъ. Труды его до нѣкоторой степени увѣн-
чались успѣхомъ, и будущее впервые показалось ему не абсо-
лютно мрачнымъ. Домъ мистриссъ Ли былъ для него настоя-
щимъ оазисомъ, и онъ къ удивленію своему чувствовалъ себя
почти веселымъ въ ея обществѣ. Конечно веселость его была
очень тихаго свойства, такъ что Сибилла, несмотря на свою

дружбу къ нему, признавалась что онъ невозможно скучивать, но это-то и производило чарующее впечатлѣнiе на Магдалину, которая была гораздо омытѣе Сибиллы и въ качествѣ знатока умѣла цѣнить букетъ стараго вина, неощутимый для молодежи съ ея неизощреннымъ вкусомъ. Каррингтонъ говорилъ довольно медленно, почти съ уныанiемъ, но въ немъ была какая-то важность (другiе называли это принужденностию) свойственная людямъ старой виргинской школы, а двадцать лѣтъ постоянной отвѣтственности и не исполнившихся надеждъ положили на лицо его печать озабоченности, близко походившей на грусть. Особенно нравилось въ немъ то что онъ никогда не говорилъ и повидимому даже не думалъ о самомъ себѣ. Мистриссъ Ли чувствовала къ нему инстинктивное довѣрiе.

— Это тиль, говорила она,—онъ воплощаетъ для меня образъ Джоржа Вашингтона, когда ему было тридцать лѣтъ.

Однажды утромъ въ декабрѣ Каррингтонъ вошелъ въ гостиную мистриссъ Ли около полудня и спросилъ ее, не желаетъ ли она ѣхать въ Капитолій.

— Вамъ представляется случай услышать сегодня быть-можетъ послѣднюю великую рѣчь нашего величайшаго государственнаго человѣка, сказалъ онъ,—и вамъ слѣдовало бы поѣхать.

— Великолѣпный образецъ туземнаго сыръя, сэръ? спросила она подъ впечатлѣнiемъ только-что прочтеннаго Диккенсовскаго изображенiя американскихъ государственныхъ людей.

— Совершенно вѣрно, сказалъ Каррингтонъ,—гиганта Пеонiи, любимаго сына Иллинойса; человѣка, которому прошедшею весной не достало только трехъ голосовъ чтобы быть избраннымъ въ президенты, и который не достигъ этого лишь потому что десять мелкихъ интригановъ ловчѣе одного большаго. Досточтимый Сила П. Ратклиффъ, сенаторъ изъ Иллинойса; онъ и опять будетъ баллотироваться на должность президента.

— Но что означаетъ буква П.? спросила Сибилла.

— Не помню хорошенько, слыхалъ ли я когда-нибудь его второе имя, сказалъ Каррингтонъ.—Быть-можетъ она означаетъ Пеонiю или Прерию, право не умѣю сказать вамъ навѣрное.

— Не тотъ ли это господинъ, наружность котораго такъ поразила меня когда мы были на прошлой недѣлѣ въ селѣ? Большой, дюжій мужчина, болѣ шести футовъ роста, съ важными видомъ, какъ подобаетъ сенатору, съ большою головою и довольно красивыми чертами лица? спросила мистриссъ Ли.

— Онъ самый, отвѣчалъ Каррингтонъ.—Во всякомъ случаѣ вамъ надобно послушать, какъ онъ говоритъ. Онъ настоящій камень преткновенія для новаго президента, которому не дадутъ покоя до тѣхъ поръ пока онъ не сойдется съ Ратклифомъ; всѣ полагаютъ что стелвому гиганту Пеонию предложить портфель министра внутреннихъ дѣлъ или финансовъ. Если онъ возьметъ что-либо изъ двухъ, то вѣроятно финансы, потому что онъ отчаянный политико-экономъ и пожелаетъ оказать вліяніе на будущій національный конвентъ.

Мистриссъ Ли съ восхищеніемъ слушала пренія, а Каррингтонъ наслаждался сидя и слушая ихъ подлѣ нея и перекидываясь съ нею замѣчаніями насчетъ рѣчей и самихъ ораторовъ.

— Встрѣчались вы когда-нибудь съ сенаторомъ? спросила она.

— Я нѣсколько разъ исполнялъ должность юрисконсульта въ его комитетахъ. Онъ отличный предсѣдатель, всегда внимательный и вообще говоря учтивый.

— Откуда онъ родомъ?

— Фамилія его изъ Новой Англіи и кажется весьма почетная. Самъ онъ прибылъ сюда откуда-то изъ Коннектикутской Долины, но изъ Вермонта ли, Нью-Гампшира или Массачузетса, право не знаю навѣрное.

— Что онъ хорошо образованъ?

Онъ получилъ въ нѣкоторой степени классическое образованіе въ одномъ изъ тамошнихъ училищъ, и какъ я полагаю, ровно настолько сколько ему нужно. Но вскорѣ по окончаніи курса, будучи тогда молодъ и весь проникнутый идеями этого питомника оболчионистовъ, онъ примкнулъ къ ихъ рядамъ въ Иллинойсѣ въ борьбѣ за уничтоженіе рабства и послѣ догаихъ усилій поддался вмѣстѣ съ волной. Теперь онъ этого не сдѣлалъ бы.

— А почему?

— Теперь онъ старше, опытнѣе. Сверхъ того ему некогда болѣе ждать. Видите вы его глаза отсюда? Я ихъ называю глазами Янки.

— Не оскорбляйте Янки, сказала мистриссъ Ли.—Я сама на половину Янки.

— Да развѣ это оскорбленіе? Развѣ вы намѣрены отрицать что у нихъ особенные глаза?

— Я готова допустить что у нѣкоторыхъ изъ нихъ особенные глаза, но Виргинцы не могутъ правильно судить объ ихъ выраженіи.

— Холодные глаза, продолжалъ онъ,—стрѣластые, маленькіе; если въ добромъ настроеніи, то пріятные, въ гнѣвѣ же—адскіе, а когда въ нихъ закрадывается подозрѣніе, они становятся еще страшнѣе; тутъ они глядятъ на васъ какъ на молодую гремучую змѣю, которую слѣдуетъ убить при первой возможности.

— Развѣ онъ не прямо гладитъ вамъ въ лицо?

— Гладитъ, да не совсѣмъ ласково; его глаза словно только и спрашиваютъ, какую пользу можно извлечь изъ васъ. А! вице-президентъ передалъ ему слово; теперь мы его слушаемъ. Жесткій голосъ, не правда ли? подобно его глазамъ. Жесткія манеры, подобно его голосу. Весь жесткій съ головы до ногъ.

— Какъ жаль что онъ смотритъ такимъ сенаторомъ! сказала мистриссъ Ли,—не будь этого, онъ мнѣ очень нравился бы.

— Вотъ теперь-то примется онъ за дѣло, продолжалъ Карригтонъ.—Глядите какъ онъ обходитъ всѣ прелатствія. Что значитъ быть Яки! Какой геній у этого человѣка чтобы руководить партіей! Замѣчаете вы какъ онъ все ловко обдѣлываетъ? Новый президентъ польщенъ и примиренъ; партія объединена и направлена. Теперь посмотримъ какъ поступитъ съ нимъ президентъ. Десять противъ одного за Ратклифа. А! вотъ встаетъ этотъ глухой оселъ изъ Миссури. Уйдемъ.

Слушавшись съ лѣстницы и выйдя на улицу, мистриссъ Ли обернулась къ Карригтону и какъ будто рѣшаясь на что-то, послѣ долгаго, глубокаго размышленія сказала:

— Мистеръ Карригтонъ, я желаю познакомиться съ сенаторомъ Ратклифомъ.

— Вы его увидите завтра вечеромъ на нашемъ сенаторскомъ обѣдѣ.

Нью-йоркскій сенаторъ, достопочтенный Шэйлеръ Клинтонъ, былъ давнымъ поклонникомъ мистриссъ Ли, а жена его доводилась ей дальнею кузиной. Пользуясь этими двойными правами, они послѣдили пригласить ее съ сестрой на торжественный обѣдъ который долженъ былъ имѣть всю важность и значеніе политическаго обѣда. Мистеръ Карриг-

товъ въ качествѣ ея родственника былъ также однимъ изъ приглашенныхъ, и изъ двадцати человекъ сидѣвшихъ за столомъ почти единственный у котораго не было ни должности, ни титула, ни даже представительства по выборамъ. Сенаторъ Клинтонъ привѣтствовалъ мистриссъ Ли и ея сестру съ вѣжливымъ восторгомъ, потому что обѣ онѣ были прелестными образцами его избирателей. Онъ пожималъ имъ руки и съ трудомъ удержался отъ желанія обнять ихъ, такъ какъ имѣлъ особенное пристрастіе къ хорошенькимъ женщинамъ и въ продолженіе полустолѣтія неизмѣнно ухаживалъ за всякою молодежькою дѣвушкой съ малѣйшею претензіей на красоту, появившеюся въ Нью-Йоркскомъ штатѣ. Въ то же самое время онъ шепотомъ извинялся предъ мистриссъ Ли что по необходимости долженъ лишить себя удовольствія вести ее къ обѣду. „Вашингтонъ“, говорилъ онъ ей на ухо, „единственный городъ въ Америкѣ гдѣ можетъ случиться подобный фактъ, и это потому что дамы здѣсь страшно стоятъ за этикетъ,“ но онъ находилъ грустное для себя утѣшеніе въ томъ что она отъ этого не проиграетъ, такъ какъ онъ назначилъ ей съ одной стороны сосѣдомъ британскаго посланника, лорда Ская, пріятнѣйшаго изъ людей и притомъ не женатаго, чего къ несчастію не могъ сказать о самомъ себѣ; „съ другой же стороны я позволилъ себѣ посадить подлѣ васъ сенатора Ратклифа изъ Иллинойса котораго превосходящую рѣчь, какъ я замѣтилъ вчера, вы слушали съ такимъ восторженнымъ вниманіемъ. Мнѣ казалось что вамъ пріятно будетъ съ нимъ познакомиться. Хорошо ли я поступилъ?“

Магдалина увѣрила его что онъ угадалъ ея сокровѣннѣе желаніе, послѣ чего онъ еще съ большею привѣтливостью обратился къ ея сестрѣ:

— Что же касается васъ, моя милая... милая Сибилла, скажите сами, чѣмъ могу я сдѣлать этотъ обѣдъ пріятнымъ для васъ? Если я далъ вашей сестрѣ лордскую корону, то вамъ охотно предложилъ бы діадему. Но я сдѣлалъ все что могъ. Васъ поведетъ къ столу первый секретарь русскаго посольства; прелестный молодой человекъ, моя милая Сибилла; а по другую сторону около васъ сядетъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ котораго вы уже знаете.

Такимъ образомъ чрезъ нѣсколько времени все общество размѣстилось за обѣденнымъ столомъ, и мистриссъ Ли

замѣтила на себѣ взглядъ сѣрыхъ глазъ сенатора Ратклифа въ то время когда они садилась.

Лордъ Скай былъ весьма пріятный собесѣдникъ, и въ другое время мистриссъ Ли нашла бы величайшее удовольствіе проговорить съ нимъ съ начала и до конца обѣда. Высокій, худой, лѣтшивый, неукажіи, готавшій слова какъ истый Британецъ, при всякомъ удобномъ случаѣ; остроумный наблюдатель, большею частію скрывавшій свое остроуміе; юмористъ, молчаливо смѣявшійся себѣ подъ носъ и довольствовавшійся своимъ собственнымъ юморомъ; дипломатъ съ эффектомъ носившій маску откровенности,—лордъ Скай былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей въ Вашингтонѣ. Всѣмъ и каждому извѣстно было что онъ безпощадно критиковалъ американскіе нравы, но онъ умѣлъ придать своимъ насмѣшкамъ столько добродушія что популярность его отъ этого еще возрастала. Онъ былъ яримъ локлошникомъ американскихъ женщинъ и хвалилъ въ нихъ все исключая ихъ голоса; онъ даже позволялъ себѣ иногда подсмѣиваться надъ національными оригинальностями своихъ соотечественницъ, что было несомнѣннымъ комплиментомъ ихъ американскимъ сестрамъ по племени. Съ какимъ удовольствіемъ посвящалъ бы онъ себя исключительно бесѣдѣ съ мистриссъ Ли еслибы чувство самой простой вѣжливости не лобуждало его оказати вниманіе хозяйкѣ дома, а онъ былъ слишкомъ хорошимъ дипломатомъ чтобы не исполнить этой обязанности относительно такой хозяйки дома мужъ коей былъ не только сенаторомъ, но и председателемъ комиссіи по иностраннымъ дѣламъ.

Лишь только онъ отвернулся отъ нея, мистриссъ Ли нагнулась на своего Пеонійскаго гиганта, который въ эту минуту трудился надъ рыбой, мысленно спрашивая себя, почему британскій посланникъ былъ безъ перчатокъ, между тѣмъ какъ самъ онъ сдѣлалъ уступку своимъ убѣжденіямъ, натянувъ пару бѣлѣйшихъ и длиннѣйшихъ французскихъ перчатокъ, какія только можно было приобрести за деньги въ Пенсильванской улицѣ. Его неможно уязвляла мысль что онъ не совсѣмъ въ своей тарелкѣ посреди людей свѣтскихъ и молныхъ, и ему казалось въ эту минуту что истинное счастье можно найти только въ кругу простыхъ, честныхъ труженниковъ и труженицъ. Въ груди каждаго американскаго сенатора, если онъ только настоящій демократъ, всегда таится въ которое чувство зависти къ британскому посланнику; потому

что демократія въ ея истинномъ значеніи есть не болѣе какъ управленіе народа самимъ же народомъ для выгоды сенаторовъ, и должно всегда оласаться что британскій посланникъ не пойметъ надлежащимъ образомъ этого политическаго принципа. Лорду Скаю угрожала опасность сдѣлать два большіе промаха: оскорбить сенатора изъ Нью-Йорка невниманіемъ къ его женѣ, а сенатора изъ Иллинойса поглощеніемъ вниманія мистриссъ Ли. Молодой Англичанинъ сдѣлалъ бы то и другое, но лордъ Скай хорошо изучилъ американскую конституцію. Жена нью-йоркскаго сенатора нашла его въ высшей степени пріятнымъ, а сенаторъ изъ Иллинойса въ то же самое время пришелъ къ убѣжденію что истинное достоинство даже въ суетныхъ свѣтскихъ кружкахъ никогда не можетъ остаться незамѣченнымъ; американскій сенаторъ есть представитель независимаго штата; огромный штатъ Иллинойсъ по величинѣ своей равняется Англій, за изъятіемъ Уэльса, Шотландіи, Ирландіи, Канады, Индіи, Австраліи и еще немногихъ материковъ и острововъ. Словомъ, сенатору Ратклифу стало ясно что лордъ Скай нисколько не опасенъ для него даже въ свѣтскомъ обществѣ, и сама мистриссъ Ли дала ему сейчасъ почувствовать что никакое положеніе въ мірѣ не можетъ стать въ уровень съ положеніемъ американскаго сенатора.

Черезъ какихъ-нибудь десять минутъ этотъ завзятый политикъ былъ уже у ногъ мистриссъ Ли. Она не безъ цѣли изучала сенатъ. Нелогичнымъ инстинктомъ угадала она одну общую всѣмъ сенаторамъ характеристическую черту—безграничную, искреннюю жажду лести, порождаемую ежедневнымъ еиміамомъ похвалъ со стороны политическихъ друзей или подчиненныхъ и дѣлающеюся потомъ для человѣка такою же необходимостью какъ чарка водки для пьяницы, которую тотъ глотаетъ съ тулою улыбкой неизреченнаго блаженства. Магдалинѣ достаточно было одного взгляда на лицо мистера Ратклифа чтобы рѣшиться льстить ему безъ зазрѣнія совѣсти; и лишь чувство уваженія къ себѣ самой, но отнюдь не къ нему, могло сдерживать ее до нѣкоторой степени въ примѣненіи этого чисто женскаго орудія.

Она повела свою атаку съ притворнымъ простодушіемъ, серьезно, олокойно и съ видимымъ сознаніемъ собственной силы, что дѣлало ее еще болѣе опасною.

— Я слушала вчера вашу рѣчь, мистеръ Ратклифъ, и очень рада что имѣю случай сказать вамъ какое сильное впечатлѣнiе она произвела на меня. Я нашла ее мастерскою. Неужели вы не находите что она произвела огромный эффектъ?

— Благодарю васъ, сударыня. Надѣюсь что она поможетъ мнѣ объединить партiю, но пока еще слишкомъ рано судить объ ея результатахъ. Нужно подождать еще нѣсколько дней.

Сенаторъ говорилъ своимъ сенаторскимъ тономъ, изысканнымъ, сплсходительнымъ и немного опасливымъ.

— Знаете ли, сказала мистриссъ Ли, обращаясь къ нему, какъ будто это былъ самый дорогой другъ ея и глубоко заглядывая ему въ глаза,—знаете ли, мнѣ всѣ говорили что я буду поражена уладкомъ политическихъ способностей въ Вашингтонѣ? Я не вѣрила этому, а съ тѣхъ поръ какъ услышала вашу рѣчь, нахожу что они положительно ошибались. Но вы сами, находите ли что въ конгрессѣ теперь менше способныхъ людей чѣмъ было прежде?

— На этотъ вопросъ довольно трудно отвѣчать, сударыня. Управлять въ настоящее время не такъ легко, какъ было прежде. Въ общественной жизни встрѣчаются теперь люди съ большими способностями и ихъ гораздо больше теперь чѣмъ въ прежнее время; сверхъ того самая критика стала гораздо рѣзче и критиковъ развелось больше.

— Согласны ли вы со мною что между вами и Давидомъ Вебстеромъ есть большое сходство въ манерѣ говорить? Вы оба кажетса изъ одного округа, не правда ли?

Митриссъ Ли затронула этимъ самую слабую струну Ратклифа; между нимъ и Вебстеромъ было действительно нѣкоторое сходство въ очертанiи головы, и онъ гордился имъ также какъ и своимъ дальнимъ родствомъ съ истолкователемъ конституцiи; митриссъ Ли показала ему въ эту минуту весьма умною женщиной.

Онъ скромно согласился съ ея мнѣнiемъ относительно найденнаго ею сходства, что подадо ей случай заговорить съ нимъ объ ораторскомъ краснорѣчiи Вебстера и затѣмъ перейти къ обсужденiю достоинствъ Клея и Келуна. Сенатору стало извѣстно тогда что его соседка, модная обывательница Нью-Йорка, изящно одѣтая, обладавшая соблазнительно вѣжливымъ, прiятнымъ голосомъ и манерами, читала рѣчи Вебстера и Келуна. Она конечно не сочла за нужное сообщить ему какъ она уговорила честнаго Каррингтона привести ей

эти книги и оти́твить въ нихъ всё мѣста достойныя ея вниманія, но старалась вести разговоръ, искусно и съ большимъ юморомъ критикуя слабыя пункты рѣчей Вебстера.

— Мое мнѣніе, г. сенаторъ, сказала она съ легкою усмѣшкой смотря въ его восхищенные глаза,—быть-можетъ равно ничего не стоить; но мнѣ кажется что наши предки саишкомъ много о себѣ думали, и пока вы не разубѣдите меня въ противномъ, я не перестану находить что то мѣсто въ вашей вчерашней рѣчи которое начиналось словами: „Наша сила заключается въ этой перелутанной и перемѣшанной массѣ изолированныхъ принциповъ, въ волосахъ этого полудремающаго гиганта-партіи“, по силѣ и образности выраженія не уступить любой рѣчи Вебстера.

Сенаторъ изъ Иллинойса потянулся за этою блестящею приманкой, подобно громадой латинудовой семгѣ. Его бѣлый жилетъ серебристо залоснился на груди въ то время какъ самъ онъ медленно волпылъ на поверхность и проглотилъ крючокъ. Ни разу не вырвавъ, не сдѣлавъ даже на малѣйшаго усилія чтобы вырвать изъ себя зубчатое орудіе, онъ кротко подплылъ къ ногамъ мистриссъ Ли и позволилъ вытащить себя на берегъ, какъ будто это было для него величайшимъ удовольствіемъ. Только жалкіе казуисты быть-можетъ спросятъ честно ли поступила въ этомъ случаѣ Магдалина; не укоряла ли ее совѣсть за такую грубую лесть и могла ли женщина такъ безсовѣстно лгать безъ чувства самоуниженія? Но она съ презрѣніемъ отвергла бы всякое подозрѣніе во лжи. Она сказала бы въ свое оправданіе что она гораздо больше лорицала Вебстера нежели хвалила Ратклифа и что она была совершенно искренна въ своемъ мнѣніи объ американскихъ ораторахъ старой школы. Однако ей нельзя было бы отрицать что она съ намѣреніемъ дозволила сенатору вывести изъ ея словъ заключенія совершенно противныя тому мнѣнію которое она дѣйствительно имѣла о немъ; ей нельзя было бы отрицать что она впередъ задумала лстить ему до извѣстныхъ предѣловъ, необходимыхъ для ея цѣли, и что она была довольна своимъ усѣхемъ. Еще не вышли изъ-за стола, какъ сенаторъ уже совершенно растаялъ; онъ говорилъ непринужденно, остроумно и съ некоторымъ юморомъ; разказывалъ ей цѣлыя истеріи объ Иллинойсѣ; чрезвычайно свободно выражался о своемъ политическомъ положеніи и изъявлялъ желаніе постъ-

тять мистриссъ Ли, еслибы могъ надѣяться застать ее когда-нибудь дома.

— Въ воскресенье вечеромъ я всегда бываю дома, сказала она.

Въ ея глазахъ онъ былъ великимъ жрецомъ американской политики, ему понятенъ былъ смыслъ ея таинствъ онъ имѣлъ ключъ къ политическимъ иероглифамъ. Черезъ него она надѣялась проникнуть въ глубину государственнаго быта и достать съ его тинистаго дна ту драгоценную жемчужину, которую она искала; то таинственное сокровище которое скрывалось гдѣ-то въ политикѣ. Эй хотѣлось узнать этого человѣка; вывернуть его наизнанку; произвести надъ нимъ опыты подобныя тѣмъ что молодые физиологи производятъ надъ лягушками и котатами; добиться полнаго пониманія этого человѣка, каковъ бы онъ ни былъ, дуракъ или хорошъ.

Пятидесятилѣтній вдовецъ, житель Залада, онъ занималъ въ Вашингтонѣ скромную квартиру со столомъ, вмѣсто мебели загроможденную только официальными документами и оживляемую единственно присутствіемъ заладныхъ политиковъ и искателей должностей. Лѣтомъ онъ удалялся въ удивительный бѣлый деревянный домъ съ зелеными ставнями, окруженный нѣсколькими футами заросшей газомомъ земли и белою оградой, внутренность котораго была еще печальнѣе: желѣзные печи, клеенчатая постилка на полу, холодныя выбѣлаемыя стѣны и единственная большая гравюра—изображеніе Авраама Линкольна—въ гостиной; во всемъ и вездѣ Пенсия, Иллинойсъ!

Равенъ ли былъ бой между ними? Какая надежда для него? Какой рискъ для нея?

А между тѣмъ Магдалина Ли имѣла вполнѣ равнаго себѣ солерника въ лицѣ мистера Силы П. Ратклафа.

III.

Мистриссъ Ли скоро сдѣлалась популярною. Ея гостиная стала любимымъ мѣстомъ сбора нѣсколькихъ мужчинъ и женщинъ обладавшихъ искусствомъ заставить хозяйку дома; искусство дававшееся не многимъ. Карриатонъ бывалъ у нея чаще чѣмъ кто-либо другой, такъ что на него стали смотреть почти какъ на члена ея семьи, и если Магдалинѣ

хотѣлось получить книгу изъ библіотеки или имѣть лишняго гостя за обѣдомъ, Каррингтонъ всегда умѣлъ услужить ей. Старый баронъ Якоби, болгарскій посланникъ, увлекавшійся почти каждымъ хорошенькимъ личикомъ и стройнымъ станомъ, до безумія влюбился въ обѣихъ сестеръ. Это былъ остроумный, циничный, потертый парижскій *roué*, жившій съ давнихъ поръ въ Вашингтонѣ, благодаря своимъ долгамъ и жалованью; постоянно ворчавшій на отсутствіе оперы и таинственно увѣжавшій по временамъ въ Нью - Йоркѣ; страстный почитатель французской и нѣмецкой литературы, преимущественно романовъ; знавшій почти всѣхъ замѣчательныхъ людей нашего столѣтія и носившій въ своей головѣ цѣлый запасъ самыхъ забавныхъ разказовъ; превосходный музыкальный критикъ, не боявшійся критиковать пѣніе Сибиллы; знатокъ въ старинныхъ вещахъ, смѣявшійся надъ сборными коллекціями Магдалины и приносившій ей иногда то персидскую тарелку, то какое-нибудь вышиванье которое, по его мнѣнію, было прекрасно и несомнѣнно должно было украсить ея гостиную; старый грѣшникъ вѣрилъ только въ испорченное и дурное, но подчинялся предрасудкамъ англосаксонскаго общества и былъ слишкомъ уменъ чтобы навязывать свои мнѣнія другимъ. Онъ охотнѣе желался бы на обѣихъ сестрахъ разомъ чѣмъ на какой-нибудь одной изъ нихъ, но, прибавлялъ онъ съ чувствомъ, „еслибъ я былъ на сорокъ лѣтъ моложе, *mademoiselle*, вы не лѣли бы предо мной такъ хладнокровно.“ Пріятель его, секретарь русскаго посольства, живой, умный, съ калмыцкими чертами лица, чувствительный какъ молодая дѣвушка и страстный любитель музыки, не отходилъ теперь отъ рояля Сибиллы; онъ принесъ ей русскіе романы которые съ нею разучивалъ и, по правдѣ сказать, страшно надоѣдалъ Магдалину которая взяла на себя роль дуэньи при своей младшей сестрѣ.

Совсѣмъ другаго рода посѣтитель былъ мистеръ С. С. Френчъ, молодой членъ конгресса изъ Коннектикута, желавшій играть въ политикѣ роль благовоспитаннаго джентльмена и облагородить тонъ общества. Онъ соединялъ принципы реформатора съ какою-то злополучною вычурностью въ обращеніи. Онъ былъ довольно богатъ, довольно уменъ, довольно хорошо образованъ, довольно честенъ и довольно вульгаренъ. Чувства преданности своей онъ дѣлилъ между мистриссъ Ли и ея сестрой, которую онъ страшно бѣсилъ, называя ее съ

какою-то покровительственною фамильярностью „миссъ Сибилла“. Онъ считалъ себя большимъ острякомъ и своими забавными, но чрезвычайно неловкими лолытками острить, положительно выводилъ изъ терпѣнія мистриссъ Ли. Находясь въ торжественномъ настроеніи духа, онъ говорилъ такъ, какъ будто предъ нимъ были школьники которыхъ онъ поучалъ объ обществѣ, что дѣлало его еще болѣе невыносимымъ для его слушателей; но со всѣмъ этимъ онъ былъ до нѣкоторой степени полезенъ, всегда имѣя на устахъ послѣднюю политическую новость и глубоко интересуясь шансами игры политическихъ партій.

Не таковъ былъ мистеръ Гартбистъ Шнейдекуловъ, гражданинъ Филадельфіи, жившій впрочемъ постоянно въ Нью-Йоркѣ, гдѣ его удерживали прелести Сибиллы, расположеніе которой онъ усиленно старался снискать себѣ, посвящая ее въ тайны вексельнаго курса и покровительственной системы, каковыми предметамъ отдава было все его вниманіе. Ради этихъ двухъ интересовъ своей жизни, а также и для ближайшаго наблюденія за благосостояніемъ миссъ Россъ, онъ прѣзжалъ отъ времени до времени въ Вашингтонъ, гдѣ совѣщался съ членами комитетовъ и давалъ роскошные обѣды членамъ конгресса. Мистеръ Шнейдекуловъ былъ богатъ, тридцати лѣтъ отъ роду, высокаго роста, худой, съ блестящими глазами, гладкимъ лицомъ, изящными манерами и отличался говорливостью. Въ свѣтѣ онъ составилъ себѣ репутацію человека дѣлающаго быстрые нравственные скачки частію для собственнаго развлечения, частію изъ желанія поразить публику. То онъ являлся артистомъ разсуждающимъ съ видомъ знатока о достоинствахъ своихъ собственныхъ картинъ; то литераторомъ пишущимъ съ филантропическою цѣлью книгу подъ названіемъ *Благородное существованіе*; то онъ предавался спорту, скачкамъ съ препятствіями, игрѣ въ поло, и заводилъ четверню лошадей кою самъ правилъ. Въ послѣднее время онъ въ интересахъ американской промышленности занимался изданіемъ въ Филадельфіи ежемѣсячнаго журнала *Protective Review*, который долженъ былъ служить ему ступенью по пути къ конгрессу, кабинету и президентству. Въ то же время онъ купилъ себѣ яхту, причемъ многіе изъ его друзей-охотниковъ держали огромныя пари о томъ что скорѣе въ его рукахъ погибнетъ: журналъ или яхта? Не взирая на всѣ эти эксцентричности, онъ былъ

премильшій, прелюбезный малый, политикъ-аматеръ, повързавшій мистриссъ Ли свои личныя мѣвнїя.

Гораздо болѣе типичный характеръ представлялъ собою мистеръ Натанъ Горъ изъ Массачузетса, красивый мущина съ сѣдою бородою, прамымъ острымъ носомъ и прекрасными провидательными глазами. Въ молодости овъ прославился удачными сатирами которыя въ свое время надѣлали много шума и до сихъ поръ еще не забыты благодаря ѣкости и остроумію нѣкоторыхъ стиховъ. Затѣмъ овъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Европѣ, серьезно занимааясь наукой, пока его знаменитая *Исторія Испаніи съ Америкъ* не поставила его сразу во главѣ американскихъ историковъ и сдѣлала его посланникомъ въ Мадридѣ, гдѣ овъ къ своему полному удовольствію оставался въ продолженіе четырехъ лѣтъ кряду, понавъ такимъ образомъ на кратчайшій для американскаго гражданина путь къ почестямъ и лексіи отъ правительства. Церембля правительства вывудила его возвратиться къ частной жизни, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ уединенія овъ появился теперь въ Вашингтонѣ съ цѣлію добиться прежняго мѣста. Каждый президентъ находитъ весьма почетнымъ держать у себя на службѣ хоть одного литератора, и потому мистеръ Горъ могъ надѣяться на достиженіе своей цѣли, имѣя дѣятельную поддержку большинства делегатовъ изъ Массачузетса. Овъ былъ до гадости себялюбивъ, страшно эгоистиченъ и порядочно тщеславенъ; но овъ былъ хитеръ: овъ умѣлъ держать свой языкъ на привязи, искусно льстить и научился избѣгать сатиры. Только наединѣ съ друзьями рѣшался овъ говорить свободно, но мистриссъ Ли еще не была съ нимъ на такой короткой ногѣ.

Таковы были мущины наполнявшіе ея гостиную, но и въ женщинахъ не было недостатка. Впрочемъ овъ лучше всякаго романиста могутъ описать себя сами.

Обыкновенно разговоръ сосредоточивался около двухъ центровъ—Сибиллы и Магдалины.

— Миссъ Россъ, сказалъ секретарь русскаго посольства, ведя за собою красиваго молодаго иностранца, — позвольте мнѣ представить вамъ моего другаго графа Орсини, секретаря итальянскаго посольства. Вы будете дома сегодня вечеромъ? Графъ Орсини также поетъ.

— Намъ весьма прїятно видѣть у себя графа Орсини, и вы хорошо сдѣлали что прїѣхали такъ поздно, потому что

я сію минуту только вернулась домой послѣ визитовъ къ министерскимъ дамамъ. Какія онѣ странныя! Я цѣлый часъ хотала до слезъ.

— Вы находите эти визиты смѣшными, спросилъ секретарь русскаго посольства серьезно и дипломатично.

— Конечно! Я ѣздила съ Юліей Шнейдекуловъ, ты знаешь Магдалина? вѣдь Шнейдекуловы считаютъ себя потомками всѣхъ царей Израиля и надменнѣе самого Соломона во всей его славу, а потому когда мы входили въ домъ какой-нибудь ужасной женщины, Богъ вѣсть какого происхожденія, вообразите себѣ что я должна была чувствовать, слушая такой разговоръ: „а какъ ваша фамилія, сударыня“? — „Моя фамилія Шнейдекуловъ“, отвѣчаетъ Юлія свысока и вся толорщась. — „Нѣтъ ли у насъ какихъ-нибудь общихъ знакомыхъ?“ — „Не думаю“, отвѣчаетъ Юлія строго. — „Ну! Я рѣшительно не могу припомнить, слыхивала ли я такую фамилію. Ну, да это все равно. Я все-таки люблю знать кто мнѣ дѣлаетъ визитъ.“ Со мной почти сдѣлалась истерика когда мы вышли на улицу, но Юлія не находила въ этомъ ничего смѣшнаго.

Графъ Орсини также не понималъ хорошенько въ чемъ тутъ заключалось смѣшное и потому онъ только прилично улыбулся, показавъ свои зубы. Въ дѣтски наивномъ тщеславіи и самомнѣніи никто не могъ сравняться съ двадцатилѣтнимъ секретаремъ италіянскаго посольства. Сознавая впрочемъ что постоянное молчаніе можетъ умалять обаятельную силу его красоты, онъ попробовалъ прошептать сквозь зубы: „не находите ли вы весьма страннымъ Американское общество?“

— Общество! засмѣялась Сибилла презрительно.— Въ Америкѣ столько же смѣшнѣе, какъ и въ Норвегіи, ничуть не болѣе.

— Смѣшнѣе, mademoiselle! повторилъ Орсини съ робкимъ видомъ человека еще не рѣшившаго идти ли ему по этому тонкому льду и пытающагося ступать какъ можно осторожнонѣе. — Смѣшнѣе! Право я готовъ былъ бы скорѣе назвать ихъ голубками.

Ласковый смѣхъ Сибиллы укрѣпилъ въ немъ надежду что онъ сказалъ какую-то остроту на этомъ незнакомомъ ему языкѣ. Лицо его просіяло; самоувѣренность возвратилась; еще разъ или два онъ тихо повторилъ про себя: „не смѣшнѣе, скорѣе голубки!“

Но чуткое ухо мистриссъ Ли уловило замѣчаніе Сибиллы и подмѣтило въ немъ какой-то свисходительный тонъ который ей не понравился. Безстрастная лица этихъ любезныхъ молодыхъ секретарей посольства имѣютъ такой видъ какъ будто они слишкомъ охотно соглашаются со мнѣніемъ что общества нѣтъ нигдѣ кромѣ Старого Свѣта. Она вмѣшалась въ разговоръ съ энергіей, раслугавшей всю голубяню.

— Американское общество? Увѣряю васъ что въ Америкѣ есть общество и даже очень хорошее; но оно имѣетъ свои законы которые рѣдко бываютъ понятны иностранцамъ. Я вамъ сейчасъ скажу въ чемъ дѣло, мистеръ Орсици, и вы никогда не владете въ ошибку. Общество въ Америкѣ составляютъ всѣ честныя, благоправныя, съ пріятнымъ голосомъ женщины и всѣ хорошіе, честные, незасосчивые мужчины, живущіе между Атлантическимъ и Тихимъ океанами. Каждое изъ этихъ лицъ имѣетъ свободный пропускъ во всѣ города и селенія, годный только для настоящаго поколѣнія, и отъ каждаго изъ нихъ зависитъ пользоваться или не пользоваться имъ, смотря по его или по ея фантазіи. Это правило не допускаетъ исключеній, и тѣ кто кичатся говоря: „мы происходимъ отъ Авраама“, конечно, даютъ лицу тому юмору который составляетъ главный продуктъ нашей страны.

Растерянные юноши положительно не понимали значенія этой демонстраціи и лытались изъяснить свое одобреніе глазами, между тѣмъ какъ мистриссъ Ли сердито взмахнула сахарными щипцами чтобы положить себѣ кусокъ сахара въ чашку, совершенно не сознавая безсмысла такого жеста, а Сибилла смотрѣла на нее въ изумленіи, рѣдко имѣя случай видѣть сестру въ такомъ отважномъ настроеніи духа. Но какъ бы ни думали о ней ея собесѣдники, мистриссъ Ли была слишкомъ занята своею мыслью чтобы замѣтить это или обратить вниманіе на что-либо другое кромѣ своихъ собственныхъ словъ. Когда она кончила, наступило минутное молчаніе, послѣ котораго разговоръ снова завязался на томъ мѣстѣ гдѣ прервала его насмѣшка Сибиллы.

Вошелъ Каррингтонъ.

— Что вы подѣлывали въ Капитолиі? спросила Магдалина.

— Голосовали! отвѣчалъ Каррингтонъ своимъ полусерьезнымъ юморомъ.

— Какъ, уже! воскликнула мистриссъ Ли, — а конгрессу нѣтъ еще и трехъ дней.

— Сударыня, возразилъ Каррингтонъ насмѣшливо, но самымъ невозмутимымъ голосомъ,—члены конгресса тоже что птицы небесныя, ихъ ловятъ только на раннаго червячка.

— Добрый вечеръ, мистриссъ Ли. Какъ поживаете миссъ Сибилла. Чье сердце пожирате вы телеры?

Таково было изящное привѣтствіе мистера Френча, которое ему угодно было называть *badinage*. Онъ также возвращался изъ Калифорія и заѣхалъ къ мистриссъ Ли чтобы выпить чашку чая и поразвлечься въ обществѣ. На лицѣ Сибиллы выразилось страстное желаніе нанести мистеру Френчу какое-нибудь серіозное оскорбленіе, но она сдѣлала видъ будто ничего не слышитъ. Онъ сѣлъ подлѣ Магдалины и спросилъ ее:

— Видѣли вы вчера Ратклифа?

— Да, сказала Магдалина;—онъ былъ у меня вчера вечеромъ съ мистеромъ Каррингтономъ и еще двумя другими.

— Говорилъ онъ что-нибудь о политикѣ?

— Ни слова. Мы говорили большею частію о книгахъ.

— О книгахъ! Да развѣ онъ что-нибудь въ этомъ смысляетъ?

— Спросите его самого.

— Однако мы всѣ находимся въ самомъ смѣшномъ положеніи. Никто ничего не знаетъ о новомъ президентѣ. Можно побожиться что всѣ ходятъ въ потемкахъ. Ратклифъ говорить что знаетъ не болѣе насъ; но это неправда: онъ саишкомъ старый политикъ чтобы не держать нитей въ своихъ рукахъ; еще на дняхъ одинъ изъ экзекуторовъ сената говорилъ моему товарищу Кэттеру что Ратклифъ отправилъ вчера письмо на имя Сама Гримза изъ Нортъ-Бенда, который, какъ всѣмъ извѣстно, принадлежитъ къ особеннымъ приверженцамъ президента.

— А! мистеръ Шнейдекулонъ! Какъ поживаете? Когда пожаловали?

— Благодарю васъ, сегодня утромъ, отвѣчалъ мистеръ Шнейдекулонъ, только-что входившій въ это время въ комнату.—Какъ я радъ снова видѣть васъ, мистриссъ Ли! Правится ли вамъ и вашей сестрѣ Вашингтонъ? Знаете ли что я привезъ съ собой на нѣкоторое время Юлію? Я думалъ найти ее здѣсь.

— Она только-что уѣхала отсюда. Онъ съ Сибиллой все утро дѣлали визиты. Она говорить что вы хотите заставить

ее чтобъ она вербовала здѣсь голоса въ вашу пользу. Правда ли это?

— Да, я имѣлъ это намѣреніе, отвѣчалъ онъ смѣясь, — но изъ нея не выйдетъ толка. Я пришелъ *сасъ* вставуть въ это дѣло.

— Меня.

— Да; вы знаете что всѣ мы ждемъ что сенаторъ Ратклифъ будетъ микротромъ финансовъ и потому для насъ весьма важно дать ему правильное понятіе о вексельномъ курсѣ и тарифѣ. Вотъ я и пріѣхалъ сюда затѣмъ чтобы войти съ нимъ въ болѣе цѣлѣныя отношенія, какъ выражаются дипломаты. Мнѣ хочется пригласить его обѣдать у Велькли, но зная что онъ весьма уклончивъ во всемъ касающемся политики, я не нахожу другаго средства замучить его къ себѣ, какъ сдѣлавъ этотъ обѣдъ дамскимъ, и потому привезъ съ собой Юлію. Попытаюсь завзвать также мистриссъ Шйлеръ Клинтонъ, а вы и сестра ваша надѣюсь поможете Юлію исполнить обязанность хозяйки дома.

— Мнѣ! быть на вербовочномъ обѣдѣ? Но развѣ это прилично?

— А почему же нѣтъ? Вы сами можете назначить гостей.

— Я никогда не слыхивала ни о чемъ подобномъ, но это конечно должно быть очень занимательно. Сибалъ не сдѣдуетъ ѣхать, но я быть-можетъ пріѣду.

— Извините; Юлія разчитываетъ на миссъ Россъ и безъ нея не поидеть къ отолу.

— Пожалуй, перѣшительно согласилась мистриссъ Ли, — если мистриссъ Клинтонъ дастъ вамъ слово пріѣхать и если сестра ваша будетъ тамъ... ну, а еще кто будетъ?

— Выбирайте кого угодно.

— Да я никого не знаю.

— О! какъ не знать; вотъ вамъ Френчъ, хоть и мало смыслайщій въ тарифѣ, но годный для того въ чемъ мы нуждаемся именно теперь. Потомъ мы можемъ пригласить мистера Гора; ему тоже хочется наточить свой маденькій топорикъ, такъ онъ охотно позоветъ вамъ наточить вашъ. Затѣмъ нужно еще не болѣе двухъ или трехъ человекъ, и у меня есть уже въ заласѣ одинъ или два лишніе гостя для пополненія комплекта.

— Пригласите сликера. Мнѣ хотѣлось бы съ нимъ познакомиться.

— Извольте, и Каррингтона, и моего левисльвааскаго сенатора. Это будетъ отлично. Такъ не забудьте же; въ субботу, въ семь часовъ вечера, у Велькли.

Между тѣмъ Сибилла лѣжа сидя за роялемъ; когда она кончила, Орсики уступая общимъ просьбамъ заняла ея мѣсто и сталъ показывать что можно лѣтъ безъ ущерба для красоты. Тутъ вошелъ баронъ Якоби и раскритиковалъ обоихъ, а маленькая миссъ Дэръ, слышавъ у мушницъ подъ именемъ бѣсенка - Дэръ и вѣчно шушукавшая съ какимъ-нибудь секретаремъ посольства, войдя въ комнату и увидавъ невзначай русскаго секретаря, удалилась съ нимъ въ уголокъ, въ то время какъ Орсики и Якоби терзали бѣдную Сибиллу и спорили между собой около рояля; каждый говорилъ не дожидаясь отвѣта, пока мистриссъ Ли не выгнала наконецъ всѣхъ словами: „Мы народъ тихій и всегда обѣдаемъ въ половинѣ седьмого“.

Сенаторъ Ратклифъ не преминулъ явиться къ мистриссъ Ли въ воскресенье вечеромъ. Несправедливо было бы сказать что они все время протоковали только о книгахъ, но въ чемъ бы ни заключался этотъ разговоръ, онъ еще усиливъ въ сенаторѣ Ратклифѣ восхищеніе чарующею мистриссъ Ли которая совершенно неумышленно разыграла съ нимъ роль еще болѣе опасную чѣмъ роль самой утонченной кокетки. Для усталаго политика ничто не могло быть привлекательнѣе пріятной тишины въ гостиной мистриссъ Ли, и когда Сибилла пропѣла ему два или три простые мотива (то были, по ея словамъ, иностранныя гимны, а сенаторъ считался человекомъ религиознымъ), сердце мистера Ратклифа исполнилось чувствомъ отеческой или братской любви къ этой прелестой молодой дѣвушкѣ.

Его сотоварищи сенаторы скоро стали замѣчать что колоссъ Преріи усвоилъ привычку часто логалдывать вверхъ на дамскую галерею. Однажды мистеръ Джонатанъ Андрусъ, спеціальный корреспондентъ нью-йоркской газеты *Sideraal System*, весьма дружественнаго органа, подошелъ къ сенатору Шейлеру Капитону съ весьма озадаченнымъ лицомъ.

— Не можете ли вы мнѣ сказать, спросилъ онъ, — что такое дѣлается съ Силою П. Ратклифомъ? Съ минутой тому назадъ я толковалъ съ нимъ у его скамьи о весьма важномъ предметѣ относительно котораго долженъ сегодня же вечеромъ послать его мнѣніе въ Нью-Йоркъ, какъ вдругъ онъ

остановился не договоривъ начатой фразы, всталъ и не глядя на меня вышелъ изъ залы сената, а сейчасъ я вижу его въ галлерей бесѣдующимъ съ незнакомою мнѣ дамой.

Сенаторъ Клинтонъ медленно поправилъ на носу свои золотые очки и взглянулъ на указываемое ему мѣсто: „А! мистриссъ Лайтфутъ-Ли! Мнѣ самому нужно сказать ей словечко“, и повернувшись слихой къ специальному корреспонденту, онъ съ юношескимъ проворствомъ любѣжалъ за сенаторомъ изъ Иллинойса.

— Чертъ возьми! пробормоталъ мистеръ Андрусъ,—рехнулся онъ что ли эти старые дураки?

И затѣмъ еще тише прибавилъ поглядывая на мистриссъ Ли, весьма серьезно говорившую въ эту минуту съ Ратклифомъ: „Ужь не послать ли мнѣ маленькій намекъ объ этомъ?“

Когда молодой мистеръ Шнейдекулонъ сдѣлалъ визитъ Ратклифу чтобы пригласить его на свой обѣдъ у Вельки, онъ нашелъ этого джентльмена заваленнымъ работой, какъ онъ утверждалъ въ послѣдствіи, и весьма не расположеннымъ къ разговору. Нѣтъ, онъ не ѣздитъ телеръ на обѣды. При настоящемъ положеніи общественныхъ дѣлъ онъ находитъ невозможнымъ уѣзжать время на подобныя удовольствія. Онъ сожалѣетъ о необходимости отвѣчать отказомъ на любезное приглашеніе мистера Шнейдекулона, но важныя причины заставляютъ его воздерживаться въ настоящее время ото всякихъ общественныхъ развлеченій; лишь однажды измѣнилъ онъ этому правилу, уступивъ настоятельной просьбѣ своего стараго друга сенатора Клинтона и то въ виду особенныхъ, исключительныхъ обстоятельствъ.

Мистеръ Шнейдекулонъ выразилъ свое глубокое сожалѣніе, прибавивъ что оно еще усиливается тѣмъ обстоятельствомъ что онъ надѣялся имѣть въ числѣ своихъ гостей мистера и мистриссъ Клинтонъ, равно какъ и еще одну прелестную молодую даму которая хотя рѣдко посѣщаетъ общество, но почти дала ему слово быть у него.

— Кто она? спросилъ сенаторъ.

Нѣкая мистриссъ Лайтфутъ-Ли изъ Нью-Йорка. Вѣроятно вы еще не настолько ее знаете чтобы восхищаться ею такъ какъ я ею восхищаюсь. Но я положительно нахожу ее самою умною женщиной какую мнѣ когда-либо случалось видѣть до сихъ поръ.

Холодные глаза сенатора остановились съ минуту на открытомъ лицѣ молодаго человѣка съ особеннымъ выраженіемъ недовѣрія. Потомъ онъ торжественно произнесъ своимъ густымъ сенаторскимъ басомъ:

— Въ мои лѣта, молодой другъ мой, люди интересуются кое-чѣмъ поважнѣе женщинъ, какъ бы ни были онѣ даровиты. Кого же вы еще къ себѣ ожидаете?

Мистеръ Швейдекуловъ перечислялъ своихъ гостей.

— Въ субботу вечеромъ, говорите вы?

— Въ субботу, въ семь часовъ вечера.

— Едва ли мнѣ можно будетъ прійхать, однако не отказываюсь наотрѣвъ. Быть-можетъ къ тому времени я и найду возможность явиться къ вамъ. Но во всякомъ случаѣ не рассчитывайте на меня,—не рассчитывайте. Прощайте, мистеръ Швейдекуловъ.

Швейдекуловъ былъ простодушный молодой человѣкъ, подобно большинству своихъ ближнихъ не умѣвшій загадывать въ тайники человѣческой природы и потому онъ ухалъ отъ Ратклифа, проклиная „дьявольское чванство которое налукаютъ на себя эти сенаторы“. Онъ считалъ своею обязанностью передать этотъ разговоръ мистриссъ Ли дабы избѣжать упрека въ томъ что онъ заманилъ ее къ себѣ ложнымъ обещаніемъ.

— Ужь таково мое счастье, сказалъ онъ ей,—принужденъ былъ назвать кучу гостей для одного человѣка, и этотъ самый человѣкъ говоритъ вамъ что онъ по всей вѣроятности не прійдетъ. Да почему же, а васъ спрашиваю, не могъ онъ мнѣ сказать навѣрное будетъ онъ или нѣтъ? Я знавалъ въ своей жизни вѣсколько дюжины сенаторовъ—и всѣ они такъ. Никогда ни о комъ не думаютъ кромѣ себя.

Мистриссъ Ли принужденно улыбнулась и принялась утѣшать его оскорбленное самолюбіе; она сказала что совершенно увѣрена въ успѣхѣ его обѣда, будетъ или не будетъ на немъ сенаторъ, что она во всякомъ случаѣ сдѣлаетъ все отъ нея зависящее чтобъ обѣдъ удался вполнѣ, и что Сибилла надѣнетъ самое лучшее и ковѣйшее изъ своихъ платьевъ. Но, говоря все это, она была немного серьезна. Мистеръ Швейдекуловъ объявлялъ ей что она настоящій козырь; онъ разказалъ ей какъ въ разговорѣ съ Ратклифомъ называлъ ее умѣйшею изъ всѣхъ когда-либо видѣнныхъ имъ женщинъ, а теперь даже могъ бы прибавить и самую обязательною, но

Ратклифъ при этомъ только смотрѣлъ на него какъ на зеленую обезьяну. Слушая все это, мистриссъ Ли добродушно смѣялась и послѣдила выводить его отъ себя какъ можно скорѣе.

Когда онъ ушелъ, она задумалась и стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Быстрая перемена въ тонѣ Ратклифа была ей понятна. Она отнюдь не сомнѣвалась въ томъ что онъ придетъ, какъ и въ причинѣ которая побудитъ его къ этому. И неужели она въ самомъ дѣлѣ начинаетъ кокетничать съ человѣкомъ двадцатью годами старше ея? съ политикомъ изъ Иллинойса? съ огромнымъ, тяжело-вѣснымъ, сѣроглазымъ, лѣшвымъ сенаторомъ, похожимъ на Вебстера, живущимъ въ Пеоніи? Мысль эта была слишкомъ нелѣпа чтобы можно было допустить ея вѣроятіе. А между тѣмъ вся эта проделка сама по себѣ была довольно забавна. „Почему же и сенаторамъ не высматривать на свой ладъ подобно другимъ мужчинамъ?“ заключила она въ концѣ концовъ. Она думала только объ его опасности и чувствовала къ нему что-то въ родѣ состраданія, размышляя о возможныхъ послѣдствіяхъ серьезной, всепоглощающей любви для человѣка его лѣтъ. Правда, совѣсть упрекала ее немножко, но за себя она ничуть не боялась. А между тѣмъ это несомнѣнный исторически-вѣрный фактъ что пожилые сенаторы имѣютъ особенную, странную привлекательность для молодыхъ красивыхъ женщинъ. Ужь и онъ не высматриваютъ ли также на свой ладъ? И которая изъ двухъ сторонъ нуждается въ наибольшемъ присмотрѣ?

Когда Магдалина и сестра ея пріѣхали къ Велькли въ слѣдующую субботу вечеромъ, онъ нашли бѣднаго Шнейдекулона въ весьма не подобающемъ хозяину расположеніи духа.

— Онъ не пріѣдетъ! Я вамъ говорилъ что онъ не пріѣдетъ! сказалъ онъ Магдалинѣ, вводя ее въ домъ.—Если я когда-нибудь сдѣлаюсь коммунистомъ, то единственно для того чтобы доставить себѣ удовольствіе убить сенатора.

Магдалина ласково утѣшала его, а онъ за слипой мистера Блайтона продолжалъ бранить сенатъ въ самыхъ оскорбительныхъ, неприличныхъ выраженіяхъ, и наконецъ позволивъ старшаго кельнера, рѣзко приказалъ ему подавать на столъ. Въ эту минуту дверь отворилась и высокая фигура сенатора Ратклифа показалась на порогѣ. Глаза его мгновенно встрѣтились съ глазами Магдалины, и она засмѣялась

вслухъ, увидавъ что костюмъ сенатора отличался самою несенаторскою щеголеватостью: онъ былъ безъ перчатокъ и даже съ цвѣткомъ въ петлицѣ!

Послѣ тѣхъ восторженныхъ выраженій въ которыхъ Швейдекуловъ описывалъ сенатору Ратклифу предести мистриссъ Ли, ему ничего болѣе не оставалось дѣлать какъ просить сенатора вести ее къ обѣду, что тотъ и исполнилъ безъ малѣйшаго замедленія. Это ли обстоятельство произвело на него такое необыкновенное вліяніе, шампанское ли, или какая-нибудь другая таинственная сила, только онъ казался помолодѣвшимъ на десять лѣтъ; лицо его сіяло, глаза горѣли; онъ какъ будто хотѣлъ доказать свое родство съ безсмертнымъ Вебстеромъ, соперничая съ нимъ блестящими свѣтскими качествами. Онъ пустился въ разговоръ, смѣялся, шутилъ, подтрунивалъ, разказывалъ цѣлыя исторіи на жаргонахъ Запада и Янки, и въ небольшихъ юмористическихъ очеркахъ передавалъ забавные случаи изъ своей политической практики.

— Въ жизнь свою никогда не бывалъ такъ удивленъ, прошепталъ черезъ столъ сенаторъ Креббсъ изъ Пенсильваніи Швейдекулову.—Вообразить себѣ не могъ чтобы Ратклифъ былъ такъ занимателенъ.

А мистеръ Клинтонъ, сидѣвшій съ другой стороны подлѣ Магдалины, прошепталъ ей на ухо: „боюсь, не вы ли виновница этого, моя милая мистриссъ Ли. Онъ никогда не говорилъ такъ въ сенатѣ.“

Мало того, Ратклифъ еще болѣе воодушевился, онъ разказалъ о смерти президента Линкольна съ чувствомъ, вызвавшимъ слезы на глаза присутствующихъ. Всѣ остальные гости предъ нимъ ступеваются. Спикеръ, не подавая признака жизни, молча жевалъ свою утку и лилъ свое шампанское въ одиночество. Даже мистеръ Горъ, которому не позволявшій затмѣвать себя, не пытался вступать въ состязаніе и восторженно рукоплескалъ бесѣдѣ сидѣвшаго насупротивъ его соседа. Злые языки могли бы пожалуй сказать что мистеръ Горъ видѣлъ въ сенаторѣ Ратклифѣ будущаго министра внутреннихъ дѣлъ; но какъ бы то ни было всѣ слышали какъ онъ совершенно явственно произнесъ, обращаясь къ мистриссъ Клинтонъ: „что за блескъ! Какой оригинальный умъ! Какое впечатлѣніе произвелъ бы онъ за границей!“ И въ самомъ дѣлѣ, помимо минутнаго эффекта его застольной бесѣды, въ

этомъ человѣкъ было что-то крупное: какаа-то особенно тонкая, практическая провицательность; смѣлая, свободная самоувѣренность; широта и размахистость въ изложеніи своихъ взглядовъ на предметы ему хорошо знакомые.

Карригтонъ одинъ изъ всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ смотрѣлъ на него безо всякаго увлеченія и даже критиковалъ его слова во враждебномъ смыслѣ. Впечатлѣніе производимое на него Ратклифомъ видимо отравлялось чувствомъ ревности, потому что онъ былъ въ особенно дурномъ расположеніи духа въ этотъ вечеръ и плохо скрывалъ свое раздраженіе.

— Еслибы только можно было довѣрять этому человѣку! пробормоталъ онъ Френчу, сидѣвшему лодѣ него.

Это злополучное замѣчаніе заставило Френча призадуматься о томъ нельзя ли какъ-нибудь поймать Ратклифа, и онъ началъ обычнымъ развязнымъ тономъ, въ которомъ самоувѣреніе смѣшивалось съ высокими принципами, подшучивать надъ сенаторомъ по поводу весьма щекотливаго вопроса о реформѣ гражданской службы, вопроса почти столь же опаснаго въ политическомъ разговорѣ въ Вашингтонѣ каковъ былъ нѣкогда вопросъ о работѣ до начала войны. Френчъ былъ реформаторъ и не упустилъ случая проводить свои взгляды; но, къ несчастію, онъ былъ слишкомъ невзначителенъ и манеры его были такъ смѣшны что даже мистриссъ Ли, тоже горячая реформатка, часто переходила на сторону его противниковъ когда онъ вступалъ въ разговоръ. Не успѣлъ онъ пустить свою маленькую стрѣлу въ сенатора, какъ этотъ хитрый человѣкъ, сразу увидавшій удобный случай, рѣшился доставить удовольствіе себѣ и публикѣ, прочувъ хорошенько мистера Френча.

Несмотря на то что она была страстная реформатка и что ее нѣсколько пугала безлощадная суровость Ратклифа, мистриссъ Ли не могла однако совершенно порицать колосса Преріи который, повергнувъ во прахъ бѣднаго Френча, заставлялъ его еще нѣсколько разъ окунуться въ грязь.

— Настолько ли вы хорошій финансистъ, мистеръ Френчъ, чтобы сказать мнѣ какими произведеніями преимущественно славится Коннектикутъ?

Мистеръ Френчъ скромно отвѣтилъ что наилучшими его произведеніями онъ считаетъ его государственныя люди.

— Нѣтъ, сэръ! даже и въ этомъ вы ошибаетесь. Каждый ребенокъ знаетъ что знаменитыя произведенія Коннектикута суть ничто другое какъ идея Янки: мускатные орѣхи сдѣланные изъ дерева, часы которые не ходятъ. Вотъ, напримѣръ, ваша реформа гражданской службы—вѣдь это также идея Янки; это тотъ же деревянный мускатный орѣхъ; тѣ же часы въ изящномъ футлярѣ, но безъ механизма внутри. И вы это знаете! Вы сами коннектикутскій разнощикъ старой школы. Вы разносили по домамъ ваши деревянные орѣхи пока не лолали наконецъ въ конгрессъ; теперь вы ихъ вытаскиваете изъ кармана и не только хотите чтобы мы брали ихъ по вашей цѣнѣ, но даже укоряете насъ въ грѣхахъ если мы ихъ не покупаемъ. Ну что жь! мы не мѣшаемъ вамъ дѣлать это у себя дома. Браните насъ сколько вамъ угодно предъ вашими избирателями. Добывайте себѣ столько голосовъ, сколько можете. Но не интригуйте здѣсь у насъ, потому что мы васъ коротко знаемъ: сами повеможку торговали деревянными орѣхами.

Сенаторъ Клайтонъ и сенаторъ Креббсъ громкимъ смѣхомъ одобряли этотъ злой урокъ, данный бѣдному Френчу, и находили его весьма остроумнымъ. Они сами, по словамъ Ратклифа, всё повеможку торговали деревянными орѣхами. Несчастный пытался отразить ихъ нападеныя; онъ увѣрялъ что его орѣхи неподдѣльные, что онъ продаетъ только гарантированный товаръ, и что именно этотъ товаръ дѣйствительно гарантированъ національными конвентами общаго политическыхъ партій.

— Стало-быть вамъ недостаетъ общаго школьнаго образованія, мистеръ Френчъ. Вамъ нужно неможко поучиться азбукѣ. Если не хотите мнѣ вѣрить, спросите у моихъ соотечественниковъ здѣсь присутствующихъ, будетъ ли у вашихъ реформъ какой-либо шансъ успѣха до тѣхъ поръ пока американскій гражданинъ останется тѣмъ что онъ есть.

— Въ моемъ штатѣ вы мало нашла бы утѣшенія, еслибы вамъ вздумалось туда лѣзть съ вашими пробамъ, насмѣливо проворчалъ сенаторъ изъ Пенсильваніи.

— Ну, ну, сказалъ благодушный мистеръ Шейлеръ Клайтонъ, ласково смотря чрезъ свои золотые очки,—не будьте строги къ бѣдному Френчу. У него добрыя намеренія. Быть можетъ онъ мыслитъ неблагоуразумно, но дѣйствуетъ хорошо. Мнѣ это болѣе извѣстно чѣмъ кому-либо изъ васъ, и

я не отрицаю что это дѣло не подходящее. Только, какъ говорить мистеръ Ратклифъ, все затрудненіе въ народѣ, а не въ насъ. Работайте же надъ нимъ, Френчъ, а насъ оставьте въ локоѣ.

Френчъ раскадался въ своей выходкѣ и удовольствовался тѣмъ что проворчалъ Каррингтону:

— Проклятые старые негодяи!

— А между тѣмъ они въ одномъ отношеніи правы, отвѣчалъ Каррингтонъ,—ихъ совѣтъ полезень. Никогда не просите ихъ ни о какой реформѣ; а если вы это сдѣлаете, то они васъ же самихъ переформируютъ.

Конецъ обѣда былъ также бластателевъ какъ и его начало, и Шнейдекуловъ былъ въ восхищеніи отъ своего успѣха. Онъ особенно угодилъ Сибиллѣ, повѣривъ ей всѣ свои надежды и опасенія насчетъ тарифа и финансовъ. Когда дамы вышли изъ-за стола, Ратклифъ сказалъ что не можетъ оставаться долѣе даже чтобы выкурить сигару, что онъ долженъ вернуться домой, гдѣ нѣсколько человѣкъ уже ожидаютъ его, и что онъ пойдетъ только проститься съ дамами. Но почти часъ спустя когда мужчины вернулись на верхъ, они нашли Ратклифа все еще прощающагося съ дамами, которыя были въ восторгѣ отъ его занимательнаго разговора; наконецъ онъ дѣйствительно собрался уѣзжать и уходя совершенно непринужденно сказалъ мистриссъ Ли:

— Вы по обыкновенію дома завтра вечеромъ, не правда ли?

Магдалина улыбнулась, утвердительно кивнула головой, и онъ удалился.

Возвращаясь вечеромъ домой, Магдалина была противъ обыкновенія особенно молчалива. Сибилла судорожно зѣвнула и какъ бы извиняясь сказала:

— Мистеръ Шнейдекуловъ премилый и предобродушный человѣкъ, но цѣлый вечеръ провести съ нимъ довольно скучно; а этотъ ужасный сенаторъ Креббсъ не говоритъ ни слова и такъ много пьетъ вина, хотя конечно это не можетъ сдѣлать его глупѣе чѣмъ онъ есть. Нѣтъ, я не люблю сенаторовъ. Потомъ, помолчавъ немного: — ну что же, Модъ? спросила она утомленнымъ голосомъ,—надѣюсь что тышла, чего искала; вдоволь, я думаю, наговорилась о политикѣ. А въ глубину великой американской тайны проникла?

— Мнѣ кажется что да, отвѣтила Магдалина почти про себя.

IV.

Въ воскресенье, вечеромъ, погода была бурная. Чтобы изъ любви къ обществу выйти изъ дома въ такой день, нужно было имѣть въ характерѣ порядочный запасъ восторженности. Тѣмъ не менѣе у мистриссъ Ли, по обыкновенію, собралось нѣсколько самыхъ близкихъ знакомыхъ. Тамъ былъ неизмѣнный секретарь русскаго посольства и миссъ Дэръ, забѣжавшая провести часокъ-другой со своею милою Сибиллой, чего ей впрочемъ не удалось исполнить, такъ какъ она цѣлый вечеръ просидѣла въ уголкѣ съ русскимъ секретаремъ. Пришли Каррингтонъ и баронъ Якоба, а Швейдекулонъ и сестра его, обѣдавшіе въ этотъ день у мистриссъ Ли, такъ и остались у нея послѣ обѣда, и Сибилла съ Юліей Швейдекулонъ занялись передачей другъ-другу своихъ наблюденій надъ вашингтонскимъ обществомъ. Мистеру Гору также пришла счастливая мысль что, живя въ двухъ шагахъ отъ дома мистриссъ Ли, гораздо лучше искать развлеченія у нея чѣмъ навѣрняка проскучать одному у себя въ комнатѣ. Наконецъ, въ надлежащее время появился и сенаторъ Ратклифъ, который усѣлся съ чашкой чая около Магдалины и скоро предался тихой бесѣдѣ съ нею, благодаря тому что остальные члены общества, какъ бы по взаимному соглашенію, предоставили ихъ самимъ себѣ, занявшись каждый со своимъ собственнымъ партнеромъ. Подъ шумокъ разговора мистеръ Ратклифъ скоро влалъ въ откровенность.

— Я пришелъ сказать вамъ что если вы желаете слышать интересныя пренія, то должны завтра ѣхать въ сенатъ. Мнѣ передали что Гаррардъ, изъ Луизіаны, намѣренъ возражать на мою послѣднюю рѣчь, и мнѣ вѣроятно придется отвѣчать ему. Имѣя васъ судьей, я буду говорить лучше.

— А развѣ я такой снисходительный судья?

— Мнѣ еще никогда не приходилось слышать чтобы снисходительные судьи были въ то же время и наилучшими; душой хорошей критики должна быть справедливость, и я прошу и жду отъ васъ только одной справедливости.

— Какую пользу приносятъ всѣ эти рѣчи? спросила она. — Приближаютъ ли они васъ хоть немного къ разрѣшенію всѣхъ вашихъ затрудненій?

— Ничего еще не знаю. Пока мы заштыли въ стоячей водѣ, но это не можетъ такъ продолжаться. На самомъ же дѣлѣ, — я не боюсь сказать вамъ это, хотя конечно вы не должны повторять моихъ словъ ни единому живому существу, — мы привали свои мѣры чтобы найти выходъ. Нѣкоторые джентльмены, въ томъ числѣ и я, написали письма, хотя не прямо адресованныя на имя президента, но разчитавныя на то чтобъ они попали въ его руки и вытянули изъ него хоть какое-либо заявленіе могущее указать намъ чего намъ ждать отъ него.

— О! засмѣялась Магдалина, — я знала объ этомъ еще недѣлю тому назадъ.

— О чемъ это?

— О письмѣ вашемъ къ Саму Гримсу изъ Нортъ-Бенда.

— Что же вы слышали о моемъ письмѣ къ Саму Гримсу изъ Нортъ-Бенда? немного отрывисто произнесъ Ратклифъ.

— О, вы еще не знаете какъ хорошо организована моя тайная полиція! сказала она. — Представитель Кэттеръ допросилъ одного изъ сенатскихъ экзекуторовъ и заставилъ его сознаться что онъ получилъ отъ васъ для отправки на почту письмо адресованное на имя мистера Гримса изъ Нортъ-Бенда.

— И конечно разказалъ объ этомъ Френчу, а Френчъ разказалъ вамъ. Знай я это раньше, Френчъ не отдѣлался бы отъ меня вчера такъ легко, потому что я предпочитаю самъ разказывать вамъ все безо всякихъ прикрасъ съ его стороны. Но я самъ виноватъ. Не слѣдовало довѣрять экзекутору. Здѣсь ни что не можетъ долго оставаться въ тайнѣ. Одного впрочемъ не узналъ мистеръ Кэттеръ, а именно что кромѣ меня многіе другіе писали письма одновременно и съ тою же цѣлью. Вашъ другъ мистеръ Клинтонъ писалъ; Креббсъ писалъ и еще одинъ или два члена.

— Быть-можетъ мнѣ не слѣдуетъ спрашивать о содержаніи этихъ писемъ?

— Можете. Мы условились держаться самого мягкаго примирительнаго тона и только убѣдительно просить президента чтобъ онъ далъ намъ нѣкоторыя указанія относительно своихъ будущихъ намѣреній, дабы мы не сдѣлали ему чего-либо наперекоръ. Я изобразилъ ему въ яркихъ краскахъ вліяніе настоящаго положенія дѣлъ на нашу партію и намекалъ что у меня лично нѣтъ никакихъ на него разчетовъ.

— Какого же результата ожидаете вы отъ этого?

— Я полагаю что намъ какъ-нибудь удастся сойтись съ нимъ, сказалъ Ратклифъ. Затрудненіе заключается лишь въ томъ что новый президентъ неопытенъ и подозрителенъ. Онъ думаетъ что мы собираемся связать его по рукамъ, и потому хочетъ напередъ намъ связать руки. Я лично его не знаю, но тѣ которые его знаютъ и могутъ быть хорошими судьями, говорятъ что, несмотря на узкость взглядовъ и упрямство, онъ довольно честенъ и современемъ сдастся. Я безъ сомнѣнія сумѣлъ бы поладить съ нимъ въ какой-нибудь часъ времени, но объ этомъ не можетъ быть и рѣчи чтобъ я пошелъ къ нему первый безъ приглашенія съ его стороны, а ему позвать меня къ себѣ значило бы прямо уже поладить.

— Но какая же оласность грозитъ вамъ?

— Та что онъ можетъ оскорбить всѣхъ главнѣйшихъ вожаковъ партій для того чтобы пріобрѣсти расположеніе маловажныхъ, пожалуй сантиментальныхъ, подобно вашему другу Френчу; и что онъ сдѣлаетъ безразсудныя назначенія не спросивъ ни у кого совѣта. Кстати, видѣли вы сегодня Френча?

— Нѣтъ, отвѣчала Магдалина;—онъ, я думаю, еще не оправдился отъ вчерашняго пораженія. Вы были съ нимъ слышкомъ жестоки.

— Нисколько, отвѣчалъ Ратклифъ;—эти реформаторы нуждаются въ урокахъ. Его вчерашнее нападеніе на меня было чистымъ вызовомъ. Я это видѣлъ по его манерамъ.

— Но неужели реформа дѣйствительно до такой степени невозможна какъ вы ее изображаете? Неужели она совсѣмъ безнадежна?

— Реформа въ томъ смыслѣ въ какомъ онъ ее требуетъ совершенно безнадежна и даже не желательна.

Мистриссъ Ли весьма серіозно продолжала настаивать на своихъ вопросахъ: „однако можно бы сдѣлать что-нибудь для прекращенія подкуловъ. Неужели намъ вѣчно оставаться во власти воровъ и отлѣптыхъ мошенниковъ. Неужели демократія не можетъ имѣть правительства достойнаго уваженія?

Ея пылая рѣчь привлекла вниманіе Якоби, и онъ заговорилъ съ ней съ другаго конца комнаты: „Что вы сейчасъ сказали на счетъ подкуловъ, мистриссъ Ли?“

Всѣ мужчины стали слушать и собираться вокругъ нихъ.

— Я спрашивала сенатора Ратклифа, сказала она,—что стается съ нами, если не пресѣкутъ подкулы!

— А смѣю я узнать отвѣтъ мистера Ратклифа? сказалъ баронъ.

— Мой отвѣтъ тотъ что ни одно представительное правительство не можетъ долго оставаться лучше или хуже того общества котораго оно служить представителемъ. Усовершенствуйте общество и вы усовершенствуете правительство; но попробуйте улучшать правительство искусственнымъ образомъ и вы только увеличите зло.

— Вотъ отвѣтъ истинно государственнаго человѣка! сказалъ баронъ Якоби съ церемоннымъ поклономъ, но въ тонѣ его сквозила насмѣшка. Каррингтонъ, слушавшій этотъ разговоръ нахмурясь, внезапно обернулся къ барону и спросилъ у него какое заключеніе выводитъ онъ изъ этого отвѣта.

— Ахъ! воскликнулъ баронъ съ самымъ злымъ изъ своихъ заѣвшихъ взглядовъ, на что вамъ мое заключеніе? Вы, Американцы, не признаете дѣйствія общихъ законовъ. Вы не ищете опыта. Я живу на свѣтѣ семьдесятъ пять лѣтъ и всю свою жизнь провелъ посреди испорченности. Я самъ испорченъ, только я имѣю мужество сознаваться въ этомъ, а вы этого мужества не имѣете. Римъ, Парижъ, Вѣна, Петербургъ, Лондонъ—все испорчено; одинъ Вашингтонъ чистъ! Прекрасно, однако я объявляю вамъ что въ продолженіе всей моей жизни, я ни въ одномъ обществѣ не встрѣчалъ столько элементовъ испорченности какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Дѣти на улицахъ уже испорчены и умѣютъ надувать меня. И большіе, и малые города, и провинціи, и законодательства и судьи—все здѣсь испорчено. Повсюду мы видимъ людей которые обманываютъ довѣріе какъ общественное, такъ и частныхъ лицъ, крадутъ, спасаются бѣгствомъ захвативъ общественныя фонды. Только въ сенатѣ не берутъ денегъ, и вы, господа въ немъ засѣдающіе, громко заявляете что ваши Соединенные Штаты, стоящіе во главѣ цивилизованнаго міра, не могутъ никогда и ни въ чемъ брать примѣра съ развращенной Европы. Вы правы, совершенно правы! Великіе Соединенные Штаты не нуждаются въ примѣрѣ. Я очень сожалею что не могу прожить еще сто лѣтъ, но еслибъ я могъ по прошествіи этого времени возвратиться снова въ этотъ городъ, я почувствовалъ бы себя весьма довольнымъ, гораздо довольнѣе чѣмъ теперь. Я всегда бываю доволенъ когда нахожу гдѣ-нибудь испорченность и та *parole d'honneur!* съ жаромъ воскликнулъ старикъ, дѣлая жестъ рукой,—Соединенные

Штаты будутъ тогда испорченныѣ Рима временъ Калигулы; испорченныѣ церкви при Львѣ X; испорченныѣ Франціи при Регентѣ!

Окончивъ эту маленькую тираду, направленную прямо противъ сенатора, баронъ имѣлъ удовольствіе замѣтить что всѣ присутствовавшіе хранили молчаніе и слушали съ глубокимъ вниманіемъ. Ему казалось доставляло наслажденіе злеть сенатора, и онъ былъ вполне удовлетворенъ видя что сенаторъ дѣйствительно разсердился. Ратклифъ сурово взглянулъ на барона и довольно отрывисто сказалъ что не имѣетъ основаній согласиться съ такими заключеніями. Разговоръ притихъ, и всѣ кромѣ барона вздохнули свободнѣе, когда Сибилла по просьбѣ Шнейдекулова съѣла за роуль чтобы слѣтъ одинъ изъ своихъ гимновъ, какъ она ихъ называла. Какъ только она кончила, Ратклифъ, котораго рѣчь барона повидимому совсѣмъ вышибла изъ сѣдла, тотчасъ удалился подъ предлогомъ весьма важныхъ дѣлъ ожидавшихъ его дома. Вскорѣ за нимъ поднялись и остальные гости; остались только Каррингтонъ и Горъ, который усѣлся подлѣ Магдалины и сразу былъ вовлеченъ ею въ разсужденіе о предметѣ сильно ее интриговавшемъ и въ настоящее время совершенно и неотразимо овладѣвшемъ ея умомъ.

— Баронъ совершенно разбилъ сенатора, сказалъ Горъ съ нѣкоторою нерѣшительностью,—и какъ это Ратклифъ позволилъ ему нанести такое поражение?

— Я желала бы чтобы вы объяснили мнѣ это, отвѣчала мистриссъ Ли:—скажите мнѣ, мистеръ Горъ,—вы представитель образованія и литературнаго вкуса въ нашемъ кружкѣ,—скажите мнѣ пожалуйста что я должна думать о словахъ барона Якоби? Кому и чему нужно вѣрить? Мистеръ Ратклифъ повидимому честенъ и уменъ. Развѣ онъ защитникъ подкула? Онъ вѣрить въ народъ или по крайней мѣрѣ говорить что вѣрить. Правду онъ говоритъ или нѣтъ?

Горъ былъ слишкомъ опытный политикъ чтобы полагать въ подобную западню. Онъ отвѣчалъ уклончиво.

— У мистера Ратклифа есть практическія обязанности; его задача—писать законы и подавать совѣты президенту; и онъ ее хорошо исполняетъ. Мы не имѣемъ другаго равнаго ему по достоинствамъ практическаго политика, и было бы несправедливо принуждать его еще сверхъ того къ роли рыцаря-крестоносца.

— Конечно, перебилъ Каррингтонъ сухо;—но ему не слѣдуетъ мѣшать крестовосцамъ, не слѣдуетъ толковать о добродѣтели и противиться наказанію порока.

— Онъ тонкій, практической политикъ, отвѣчалъ Горь,— и прежде всего чувствуетъ слабую сторону всякой вновь предлагаемой политической мѣры.

Печально вздохнувъ, Магдалина продолжала:

— Но кто же правъ? Можемъ ли мы все быть правы? Половина нашихъ мудрецовъ увѣряетъ что свѣтъ идетъ прямохошкой къ гибели; другая утверждаетъ что онъ быстрыми шагами приближается къ совершенству. Обѣ стороны не могутъ же быть правы. Въ жизни есть только одна вещь, продолжала она смѣясь,—которую я должна и хочу узнать прежде чѣмъ умру: я должна удостовѣриться, и именно теперь, права Америка или нѣтъ, а для того мнѣ нужно знать: вѣрить или не вѣрить въ мистера Ратклифа. Если я его выброшу за бортъ, то за нимъ нужно выкинуть и всѣхъ остальныхъ, потому что онъ только обрщикъ прочихъ.

— Почему же не вѣрить въ мистера Ратклифа? сказалъ Горь.—Я самъ вѣрю въ него и не боюсь говорить этого.

Каррингтонъ, которому Ратклифъ начиналъ теперь казаться духомъ зла, вмѣшался въ разговоръ, замѣтивъ что вѣроятно у мистера Гора есть и другіе руководители, гораздо болѣе надежные чѣмъ Ратклифъ, въ которыхъ онъ можетъ вѣрить; между тѣмъ какъ Магдалина, съ чисто-женскою догадливостью, нашла еще болѣе уязвимое мѣсто въ бронѣ мистера Гора и напрямикъ спросила его: вѣрить ли онъ въ то что представляетъ собою мистеръ Ратклифъ; считаетъ ли онъ демократическій образъ правленія наилучшимъ изъ всѣхъ и одобряетъ ли всеобщую подачу голосовъ.

Мистеръ Горь почувствовалъ себя прижатымъ къ стѣнѣ и съ энергіей отчаянія отвѣчалъ:

— О такихъ вещахъ я рѣдко говорю въ обществѣ; онѣ подобны ученію о Богѣ, о будущей жизни, объ откровеніи, о религіи,—предметамъ которые каждый бережетъ для размышленій про себя. Но такъ какъ вы желаете знать мои политическія вѣрованія, то я вамъ скажу ихъ, съ тѣмъ однако условіемъ что это будетъ только для васъ однихъ и что вы никогда и никому не повѣрите или не выдадите ихъ за мои собственныя. Я вѣрю въ демократію и принимаю ее. Я буду неизмѣнно служить ей и отстаивать ее. Я вѣрю въ

все потому что она есть неизбежное слѣдствіе того что ей предшествовало. Демократія подтверждаетъ фактъ что массы достигли теперь болѣе высокаго развитія чѣмъ прежде. Вся наша цивилизація стремится къ этой цѣли, и мы должны дѣлать все отъ насъ зависящее чтобы помогать ей въ этомъ. Мнѣ самому хочется видѣть ея результаты. Я допускаю что это опытъ, но это единственное направленіе по которому стоить идти обществу; единственное попятіе о лежащемъ на немъ долгѣ, и настолько широкое что можетъ удовлетворить его инстинктамъ; единственный результатъ для котораго стоить сдѣлать усиліе или подвергнуть себя риску. Всякій другой шагъ будетъ только движеніемъ назадъ, а я не желаю повторять прошлаго. Я радъ что общество ведетъ борьбу въ которой никто не можетъ оставаться нейтральнымъ.

— А если предположить что опытъ вашъ не удастся, сказала мистриссъ Ли,—что общество погубитъ себя всеобщей подачей голосовъ, продажною и коммунизмомъ?

— Я желалъ бы, мистриссъ Ли, чтобы вы побывали со мною когда-нибудь вечеромъ на обсерваторіи и посмотрѣли на Сиріуса. Наблюдали ли вы когда-нибудь неподвижную звѣзду? Астрономы, если не ошибаюсь, насчитываютъ ихъ до двадцати милліоновъ видимыхъ и допускаютъ существованіе безчисленнаго множества милліоновъ таковыхъ же невидимыхъ звѣздъ, изъ коихъ каждая есть солнце, подобное нашему, и можетъ имѣть своихъ спутниковъ, подобныхъ нашей планетѣ. Положимъ, вы видите какъ одна изъ этихъ неподвижныхъ звѣздъ вдругъ начинаетъ сверкать все ярче и ярче; вамъ говорятъ что на нее упалъ одинъ изъ ея спутниковъ который воспламенился, горитъ, уничтожается и оканчиваетъ свое существованіе. Любопытно, не правда ли? Но стоить ли объ этомъ думать? Не все ли это равно что мотылекъ сгорѣвшій у васъ на свѣчѣ?

Магдалина слегка вздрогнула.

— Для меня недоступна высота вашей философіи, сказала она: — вы блуждаете въ безконечныхъ пространствахъ, а я существую конечно.

— Вовсе нѣтъ! Но я вѣрую; если не въ старые догматы, такъ въ новые; я вѣрую въ человѣческую природу, вѣрую въ науку, вѣрую въ живучесть наиболѣе способныхъ къ борьбѣ за существованіе. Будемъ вѣрны нашему времени, мистриссъ Ли! Если нашему вѣку суждено быть любѣжден-

ыми, такъ умремъ въ рядахъ его бойцовъ; если же онъ долженъ восторжествовать, будемъ идти впереди всѣхъ, во главѣ колонны. Въ томъ ли, въ другомъ ли случаѣ не будемъ ни трусами, ни ворчунами. Ну-съ! обстоятельно ли я вамъ изложилъ свой катихизисъ? Но вѣдь вы хотѣли этого. Теперь сдѣлайте же мнѣ удовольствіе позабыть его. Я погубилъ бы свою репутацию между своими согражданами, еслибъ онъ сталъ извѣстенъ. Доброй ночи!

Мистриссъ Ли акуратно явилась на другой день въ Калиполій, такъ какъ иначе поступить послѣ ясно выраженного желанія Ратклифа было бы невозможно. Она отправилась одна, потому что Сибилла наотрѣзъ отказалась когда-либо приближаться къ Калиполію, а пользоваться услугами Карригтона мистриссъ Ли нашла на этотъ разъ не совсѣмъ удобнымъ. Но Ратклифу не пришлось говорить. Превія были неожиданно отложены. Онъ отыскалъ впрочемъ мистриссъ Ли въ галлерей, просидѣлъ около нея сколько ей было угодно ему позволить и сдѣлался еще откровеннѣе. Онъ сообщилъ ей что получилъ ожидаемый имъ отвѣтъ отъ мистера Гримса изъ Нортъ-Бенда со вложеніемъ письма адресованнаго вновь избраннымъ президентомъ мистеру Гримсу по поводу заявленій которыя были сдѣланы ему мистеромъ Ратклифомъ и его друзьями.

— Не особенно любезное письмоце, сказалъ онъ,—а одна часть его положительно оскорбительна. Мнѣ хотѣлось бы прочесть вамъ изъ него небольшой отрывокъ, чтобъ узнать ваше мнѣніе о томъ какъ слѣдуетъ отнестись къ нему.

Вынувъ письмо изъ кармана, онъ отыскалъ въ немъ одно мѣсто и прочелъ слѣдующее: „Я не могу также терять изъ виду того соображенія что эти три сенатора (онъ разумѣетъ Клинтонъ, Креббса и меня) повсемѣстно признаны самыми вліятельными членами такъ-называемой сенаторской клики, которая приобрѣла всеобщую извѣстность. Принимая съ должнымъ уваженіемъ всѣ ихъ сообщенія, я буду съ такою же свободой дѣйствию продолжать пользоваться указаніями и другихъ политическихъ совѣтниковъ, и во всякомъ случаѣ поставлю себѣ первою задачей слѣдовать желаніямъ народа, не всегда находящаго себѣ вѣрныи отголосокъ въ своихъ номинальныхъ представителяхъ.“

— Чтѣ вы скажете объ этомъ драгоцѣнномъ обращеніи президентской вѣжливости?

— Мнѣ по крайней мѣрѣ нравится его смѣлость, сказала мистриссъ Ли.

— Смѣлость сама по себѣ, а здравый смыслъ—самъ по себѣ. Это письмо есть обдуманное оскорбленіе. Ужь онъ выбилъ меня однажды изъ колеи. Теперь онъ намѣренъ повторить то же самое. Это прямое объявленіе войны. Что мнѣ дѣлать?

— Что полезнѣе для общественнаго блага, серьезно сказала Магдалина.

Ратклифъ посмотрѣлъ на нее съ такимъ непритворнымъ восхищеніемъ,—ошибиться въ выраженіи его глазъ или не замѣтить его было до такой степени невозможно что она невольно отодвинулась отъ него съ какимъ-то испугомъ. Она не ожидала такого явнаго признавія, но лицо его тотчасъ же приняло прежнее суровое выраженіе и онъ продолжалъ:

— Но что же полезнѣе для общественнаго блага?

— Это вамъ лучше знать, сказала Магдалина,—мнѣ же ясно только одно: если вы станете руководиться личными чувствами, вы сдѣлаете еще большую ошибку чѣмъ онъ. Теперь я увѣжаю, мнѣ нужно сдѣлать еще нѣсколько визитовъ. Въ слѣдующій разъ, когда я приѣду сюда, вы должны лучше держать ваше слово, мистеръ Ратклифъ.

Въ первый разъ какъ они снова встрѣтились мистеръ Ратклифъ прочелъ ей отрывокъ изъ своего отвѣта мистеру Гримсу, гласившій слѣдующее: „Судьба каждаго вожака партіи терлѣтъ наладенія и дѣлать ошибки. Президентъ правъ говоря что я не былъ исключеніемъ изъ этого закона. Будучи убѣжденъ что великихъ результатовъ достигаютъ только сильныя партіи, я постоянно жертвовалъ своими личными мнѣніями когда имъ не удавалось получить общаго одобренія. Я не переставу держаться того же образа дѣйствій и въ будущемъ, и президентъ можетъ съ полнымъ довѣріемъ разчитывать на мою безкорыстную поддержку всякихъ мѣръ принимаемыхъ партіей, еслибы даже ко мнѣ и не обращались предварительно за совѣтомъ.“

Мистриссъ Ли внимательно выслушала и потомъ спросила:

— Вы никогда не отказывались идти заодно съ вашею партіей?

— Никогда, твердо отвѣчалъ Ратклифъ.

Магдалина еще задумчивѣе спросила опять:—есть ли что нибудь выше чѣмъ вѣрность своей партіи?

— Только вѣрность цѣлой націи, еще тверже отвѣчалъ Ратклифъ.

V.

Привязать къ себѣ замѣчательнаго государственнаго чело-
вѣка и водить его за собою какъ ручнаго медвѣдя гораздо
пріятнѣе молодой жевщицѣ чѣмъ самой привязаться къ нему
и быть имъ повсюду выставляемою на показъ наподобіе жены
Индіанки. Это было первымъ великимъ политическимъ от-
крытіемъ Магдалины въ Вашингтонѣ, и оно было для нея
дороже всей ея германской философіи и полнаго изданія со-
чиненій Герберта Спенсера въ придачу. Она не сомнѣвалась
болѣе въ томъ что почести и высокія званія пріобрѣтаемыя
публичною дѣятельностью не въ состояніи вознаграждать за
сопряженные съ нею труды. Она вмѣнила себѣ въ ежеднев-
ную обязанность читать одну за другою біографіи и письма
американскихъ президентовъ и ихъ жень, если только ей
удавалось найти признаки существованія послѣднихъ, и ка-
кую печальную картину представляли они, начиная съ Джор-
жа Вашингтона и кончая послѣднимъ занимавшимъ этотъ
постъ! Сколько непріятностей, разочарованій, какія горькія
ошибки, какіе неодобрительные нравы! Кто изъ нихъ, стремив-
шихся къ высокимъ цѣлямъ, не испытывалъ противодѣй-
ствія, пораженій и даже надругательствъ! Какая мрач-
ная тѣнь лежала на чертахъ знаменитыхъ вождей: Келуна,
Клея и Вебстера, какія разнообразныя формы неудачъ и
неудовлетворенныхъ желаній, какое сознаніе собственной
важности и сенаторской велерѣчивости, какая жажда лести,
какое отчаяніе предъ приговорами судьбы! И несмотря на
все это чего достигли они?

А между тѣмъ это были практическіе люди! Имъ не нуж-
но было рѣшать никакихъ умственныхъ проблемъ, никакихъ
вопросовъ которые стояли бы выше уровня обыкновенныхъ
правилъ нравственности и будничнаго долга. И какъ они
умѣли затуманивать предметъ! Какія искусныя изящныя
постройки созидали они, постройки только заслонявшія со-
бою горизонтъ! Не лучше ли было бы странѣ обойтись безъ
нихъ? Могло ли ей быть хуже отъ этого? Могла ли бы от-
крыться подъ ногами націи болѣе глубокая проласть чѣмъ
та на край которой они привели ея?

Умъ Магдалины былъ утомленъ этими однообразными

ловѣствованіями. Она начала разсуждать объ этомъ предметѣ съ Ратклифомъ, и онъ откровенно сознался ей что прелесть политики заключалась въ обладаніи властью. Онъ допускалъ что страна могла бы совершенно обойтись безъ него.

— Но разъ ужъ я здѣсь, сказалъ онъ,—здѣсь я и намеренъ оставаться.

Жиденькимъ правоченіямъ онъ далеко не сочувствовалъ и, какъ государственный человѣкъ, съ презрѣніемъ относился къ философствованіямъ въ политикѣ. Онъ любилъ власть и хотѣлъ стать президентомъ. Этого было достаточно.

Въ умѣ Магдалины попеременно брала верхъ то трагическая, то комическая сторона вопроса, и часто она сама не знала плакать ей или смѣяться. Вашингтонъ болѣе всякаго другаго города въ мірѣ кишитъ мириадами простодушныхъ экземпляровъ человѣческой природы, совершенно невозможными мужчинами и женщинами, надъ которыми смѣяться было бы жестоко, а плакать—смѣшно. Наиболѣе жалкихъ субъектовъ, по счастью, рѣдко видятъ порядочные люди и только мелкія соціальныя явленія попадаютъ имъ иногда на глаза. Однажды мистриссъ Ли отправилась къ президенту на его первое вечернее собраніе. Такъ какъ Сибилла напрямикъ отказалась ѣхать въ толлу, а Каррингтонъ смиренно замѣтилъ что онъ не чувствуетъ себя достаточно приготовленнымъ чтобъ явиться со спокойнымъ духомъ предъ такими августѣйшими особами, мистриссъ Ли приняла услуги мистера Френча и въ сопровожденіи его отправилась лѣшкомъ чрезъ площадь, въ толпѣ стремившейся къ дверямъ Блага Дома. Они заняли свои мѣста въ линіи гражданъ и наконецъ постепенно достигли пріемной залы. Тутъ Магдалина очутилась между двумя повидимому механическими фигурами, не то деревянными, не то восковыми, судя по отсутствію въ нихъ всякаго признака жизни. Эти двѣ фигуры были президентъ и его жена; оцѣлѣныя, неловкіе, безъ малѣйшаго выраженія мысли на лицѣ, стояли они оба у дверей, механически протягивая свои правыя руки колоннаѣ посѣтителей, на подобіе куколъ съ пружинами.

Мистриссъ Ли начала было смѣяться, но смѣхъ замеръ на ея устахъ. Президенту и женѣ его было очевидно не до смѣха. Они стояли тутъ автоматами, представителями общества проходившаго мимо ихъ. Магдалина схватила мистера Френча за руку.

Проведите меня сейчас же куда-нибудь, откуда я могла бы смотреть на это. Вотъ сюда, въ этотъ уголокъ. Я не воображала чтобъ это было такъ ужасно!

Мистеръ Френчъ подумалъ что она разумѣетъ страннаго вида мушья и женщия, которые шумнымъ роємъ двигались по комнатамъ, и со свойственнымъ ему понятиемъ о юморѣ отпустилъ нѣсколько ласковыхъ шутокъ насчетъ проходившихъ мимо лицъ. Но мистриссъ Ли не расположена была ни отвѣчать ему, ни даже слушать. Она коротко оставила его:

— Ну, мистеръ Френчъ! Теперь уходите и оставьте меня здѣсь. Мнѣ хочется съ полчаса побыть одной. А потомъ, пожалуйста, опять приходите за мной сюда.

И она стояла, устремивъ глаза на президента и его жену, между тѣмъ какъ безконечная вереница людей тянулась мимо нихъ, пожимая имъ руки.

Какъ странно и торжественно было это зрѣлище и какими жгучими чертами залечатѣло оно въ ея умѣ свое смертоносное очарованіе! Какое страшное предостереженіе честолюбію! И между тѣмъ никто въ этой толпѣ, кромѣ ея одной, не находилъ этого представленія смѣшнымъ. Для всѣхъ остальныхъ этотъ приемъ составлялъ необходимую долю обязанностей президента, и въ этомъ не было для нихъ ничего смѣшнаго. Это комическое копированіе монархическихъ формъ они называли демократическимъ учрежденіемъ. Для нихъ смертная скука этого парада казалась столь же естественною и неизбѣжною какъ церемоніи Эскуриала царедворцамъ Филипповъ и Карловъ. Для мистриссъ Ли это былъ ночной кошмаръ, видѣнія вслѣдъ за приемомъ олиума. Она вдругъ почувствовала что таковъ будетъ конецъ американскаго общества, и мысленно застонала.

„Да! такъ вотъ онъ этотъ конецъ, я достигла до него! Мы сдѣлаемся восковыми фигурами и наши рѣчи станутъ походить на лискъ дѣтскихъ куколъ. Мы всѣ будемъ безконечно бродить вокругъ земнаго шара и пожимать другъ другу руки. Въ этомъ мірѣ ни у кого не будетъ никакой цѣли, а иного міра вовсе не будетъ. Это хуже всѣхъ адскихъ мукъ! Какое ужасное видѣніе вѣчности!“

И вдругъ какъ бы сквозь туманъ она увидала приближающееся къ ней меланхолическое лицо лорда Ская. Онъ остановился подлѣ нея, и его голосъ возвратилъ ее къ дѣйствительности.

— Забавляетъ васъ эта штука? спросилъ онъ ее разсѣянно.

— Мы забавляемся не весело, по обычаю нашего народа, отвѣчала она,—но это конечно интересуетъ меня.

Они постояли нѣсколько минутъ молча, слѣдя глазами за движущимися волнами демократіи, пока наконецъ онъ снова началъ:

— Кто по вашему этотъ длинный, тонкій мужчина, ведущій справа и слѣва отъ себя по длинной, тонкой женщинѣ?

— Это, отвѣчала она,—вѣроятно какой-нибудь вашингтонскій департаментскій писецъ или можетъ-быть членъ конгресса изъ Айовы съ женой и свояченицей. Что, онъ очень шокируетъ вашъ аристократизмъ?

Онъ поглядѣлъ на нее съ комическою покорностью.

— Вы хотите сказать что онъ ничѣмъ не хуже вдовствующихъ графинь? Я готовъ съ этимъ согласиться. Мой аристократическій духъ побѣждаетъ, мистриссъ Ли. Я даже приглашу ихъ къ себѣ на обѣдъ, если вы прикажете и сами пріѣдете ко мнѣ принимать гостей. Но знаете, недавно я позвалъ къ себѣ обѣдать одного члена конгресса, а онъ отвѣчалъ мнѣ на моемъ же конвертѣ карандашомъ что привезетъ съ собою еще двухъ друзей своихъ, весьма почтенныхъ избирателей изъ города Ягу * или что-то въ этомъ родѣ, аристократовъ натуры, какъ онъ выразился.

— Вамъ слѣдовало принять ихъ.

— Я такъ и сдѣлалъ. Мнѣ хотѣлось видѣть этихъ двухъ аристократовъ натуры, и я былъ увѣренъ что они окажутся гораздо пріятнѣе своего представителя. Они явились: очень приличные люди, одинъ въ голубомъ галстукѣ, другой въ красномъ, у обоихъ брилліантовыя залонки на груди, оба весьма тщательно причесаны. Они не сказали ни слова, въ мыло, пили еще меньше и гораздо лучше держали себя чѣмъ я. А уходя въ одинъ голосъ просили меня остановиться у нихъ, когда я посѣщу городъ Ягу.

— У васъ никогда не будетъ недостатка въ гостяхъ если вы будете всегда поступать такимъ образомъ.

— Не знаю. Можетъ-быть это было чистое невѣдѣніе съ ихъ стороны. Они не видали ничего лучшаго и казались довольно скромными. Мнѣ жаль только что я ничего не могъ вытянуть изъ нихъ. Желалъ бы я знать, насколько жены этихъ господъ интереснѣе своихъ мужей.

* Народъ въ *Путешествіи Гулливера* Свифта.

— А въ Англіи онъ интересны, лордъ Скай?

Онъ посмотрѣлъ на нее прищурясь и процѣдилъ сквозь зубы:

— Вамъ знакомы мои соотечественницы?

— Очень мало.

— Ну, такъ лучше давайте разсуждать о менѣ серіозномъ предметѣ.

— Охотно. Я ждала васъ чтобы спросить, почему у васъ сегодня такое печальное выраженіе лица?

— Вы не смѣтаете надо мной, мистриссъ Ли? Въ самомъ дѣлѣ я кажусь вамъ печальнымъ?

— Невыразимо печальнымъ. Я сгораю отъ любопытства узнать причину этого.

Британскій посланникъ холодно окинулъ глазами всю комнату, остановивъ ихъ нѣсколько долѣе на президентѣ и его женѣ, которые все еще продолжали машинально пожимать руки, потомъ опять посмотрѣлъ ей въ лицо и не сказалъ ни слова.

Она продолжала настаивать.

— Я требую у васъ рѣшенія этой загадки. Она меня дуть. Мнѣ не грустно было бы видѣть этихъ же самыхъ людей за работой или за игрой, если только они когда-нибудь играютъ; или въ церкви, или въ читальнѣ. Но почему здѣсь они тяготятъ меня какъ страшныя привидѣнія?

— Я не вижу тутъ никакой загадки, мистриссъ Ли.—Вы сами нашли отвѣтъ на вашъ вопросъ; дѣйствительно, они теперь и не работаютъ, и не играютъ.

— Такъ отвезите же меня пожалуста поскорѣе домой. У меня сдѣлается истерика. Видѣть этихъ двухъ страждущихъ у дверей наводитъ невыносимую тоску. У меня голова кружится глядя на эти механическія фигуры. Я сомнѣваюсь чтобъ онѣ были живыя. Мнѣ хотѣлось бы чтобы домъ загорѣлся, чтобы сдѣлалось землетрясеніе. Я желала бы чтобы кто-нибудь ущипнулъ президента или дернулъ за волосы его жену.

Мистриссъ Ли не повторила своего визита въ Бѣлый Домъ и даже много времени спустя продолжала весьма неслестно отзывать о должности президента. Она довольно энергично высказала свой взглядъ Ратклифу. Сенаторъ напрасно пытался доказать ей что люди имѣютъ право дѣлать визитъ своему главному правителю, и что онъ обязанъ принимать

ихъ; а разъ это такъ, какой же лучший способъ избрать для этого какъ не тотъ который уже принять.

— Но кто далъ этимъ людямъ такія права? спросила мистриссъ Ли.— Откуда они проистекають? Для чего они имъ нужны? Вамъ это лучше знать, мистеръ Ратклифъ! Нашъ главный правитель такой же гражданинъ какъ и всѣ остальные. И какъ могло войти въ его глупую голову перестать быть гражданиномъ и корчить изъ себя короля? Наши губернаторы никогда не дѣлають изъ себя посмѣшища. Почему бы этому несчастному не жить подобно всѣмъ намъ, думая только о своихъ дѣлахъ? Неужели онъ не знаетъ какъ онъ смѣшонъ?

Мистриссъ Ли объявила наконецъ что она желала бы стать женой президента единственно для того чтобы положить конецъ этой глупости; ничто въ мѣрѣ не заставляло бы ее продѣлать эту церемонію; а еслибъ общество осталось ею недовольно, конгрессъ могъ бы обвинить ее и отрѣшить отъ должности; все чего она попросила бы тогда, это права самой защищать себя предъ сенатомъ. Тѣмъ не менѣе общее мнѣніе въ Вашингтонѣ рѣшило что мистриссъ Ли ничего такъ не желаетъ какъ стать хозяйкой Бѣлаго Дома. Имѣя сравнительно небольшое число знакомыхъ и даже съ тѣми рѣдко говоря о предметахъ глубоко ее интересовавшихъ, Магдалина прослыла за умную интриганку имѣвшую свои особенныя дѣла. Правда что почти обо всѣхъ жителяхъ Вашингтона предполагають что они или занимають уже должность или мѣтять на нее; и если они не сознаются въ своихъ дѣлахъ, ихъ обвиняють въ попыткѣ—и весьма глупой—обмануть; есть впрочемъ небольшое число очевидныхъ исключеній, но и тѣ наконецъ подходятъ подъ общее правило. Мистриссъ Ли весьма справедливо считали кандидаткой на должность. Вашингтонцы рѣшили что она непременно должна выйти замужъ за Силу П. Ратклифа. Что онъ сочтетъ за счастье пріобрѣсти фешенебельную, умную жену съ двадцатью или тридцатью тысячами долларовъ въ годъ, это было не удивительно. Что она согласится на предложеніе перваго общественнаго дѣятеля своего времени съ лестною надеждою на президентство, человека сравнительно еще молодого и довольно красиваго, было также совершенно естественно, и въ этомъ предпріятіи сочувствовали ей всѣ благомыслящія вашингтонскія женщины изъ тѣхъ что не могли быть ей сопер-

лицами; ибо для нихъ жена президента имѣла еще большее значеніе чѣмъ самъ президентъ, — о, есаибъ Америка знала какъ близки онѣ къ истинѣ!

Были впрочемъ и такія которыя не раздѣляли этого добродушнаго, хотя и вѣсколько суетнаго взгляда на предполагаемый союзъ. Эти дамы строго осуждали поведеніе мистриссъ Ли и не колеблясь высказывали свое мнѣніе что она самая хладнокровная и честолюбивая плутовка изъ всѣхъ какихъ имъ удавалось видѣть. Къ несчастію, такого взгляда держалась и почтенная мистриссъ Шейлеръ Клинтонъ, не старавшаяся даже скрывать свое мнѣніе. Она справедливо негодовала на неприличную суетность своей кузины и на возможность ея будущаго возвышенія въ обществѣ.

— Если Магдалина Россъ выйдетъ за этого грубаго, ужаснаго, стараго иллинойскаго политика, сказала она своему мужу, — я никогда, никогда не прощу ей этого пока буду жива.

Мистеръ Клинтонъ пытался извинить Магдалину и даже намекнулъ что разница въ лѣтахъ между ею и Ратклифомъ не больше чѣмъ между ними самими; но жена безплощадно отвергла его доводъ.

— Во всякомъ случаѣ, сказала она, — я никогда не пріѣхала въ Вашингтонъ вдовой чтобы завлечь въ свои сѣти перваго кандидата на президентство и никогда не выставляла предъ публикой своихъ неприличныхъ полозновеній даже въ самыхъ галлерейхъ сената; мистриссъ Ли слѣдовало бы стыдиться самой себя. Она холодная, безсердечная, безстыдная кошка.

Маленькая Викторія Дэръ, вѣчно болтавшая какъ ручеекъ, мало обращающая вниманія на то съ кѣмъ и что она говорила, имѣла обыкновеніе передавать мистриссъ Ли самыя ликавтыя отрывки изъ этихъ слетень. Она постоянно притворялась зайкой, когда говорила что-либо особенно наглое и надѣвала на себя въ это время личину наивной простоты. Видѣть Магдалину обвиняемою въ привычныхъ ей самой грѣхахъ доставляло ей величайшее удовольствіе. Весь Вашингтонъ давнымъ давно записалъ Викторію въ число отплетыхъ; она безпрестанно оскорбляла приличія и скандализовала не одно благовоспитанное семейство въ городѣ, какъ совершенная негодница. Но никто не могъ отрицать что Викторія забавна и не лишена какого-то страшнаго обаянія; вслѣдствіе чего ее вездѣ теряли. Видѣть мистриссъ Ли

униженною до одного уровня съ собою было для нея чистымъ наслажденіемъ, и она тщательно передавала Магдалинѣ самыя интересныя отрывки изъ разговоровъ собраныхъ ею по дорогѣ.

— Ваша кузина, мистриссъ Клинтонъ, говоритъ что вы ко-ко-кошка, мистриссъ Ли.

— Я не вѣрю этому, Викторія. Мистриссъ Клинтонъ никогда не говорила ничего подобаго.

— А мистриссъ Маритонъ говоритъ: „это потому что вы поймали кры-кры-крысу, а сенаторъ Клинтонъ не болѣе какъ мы-мы-мышы!“

Само собою разумѣется что эта неожиданная огласка раздражала немного мистриссъ Ли, особенно когда стали появляться въ газетахъ изъ-подъ пера смѣлыхъ корреспондентовъ, иногда ее даже не видавшихъ, краткія, смутныя извѣстія, за которыми послѣдовали другія болѣе обстоятельно сообщавшія о брачныхъ намѣреніяхъ мистера Ратклифа и заключавшія въ себѣ описаніе ея самой. При видѣ первой изъ этихъ газетныхъ статей, Магдалина просто залакала отъ негодованія и досады. Ей захотѣлось на другой же день бѣжать изъ Вашингтона и самая мысль о Ратклифѣ стала ей ненавистна. Въ языкѣ этихъ газетъ было что-то до такой степени неумовимо вульгарное, необъяснимо возмутительное для чувства женской скромности что мистриссъ Ли содрогнулась какъ бы отъ прикосновенія ядовитаго паука. Но когда первое острое ощущеніе стыда прошло, она залыкала гнѣвомъ и поклялась продолжать начатый ею путь, не обращая вниманія на всю злобу и грубость обширныхъ Соединенныхъ Штатовъ. Ей было все равно идти или не идти за сенатора Ратклифа: ей нравилось его общество и льстило его довѣріе; она даже надѣялась не допустить его до формальнаго предложенія, а если это и должно было случиться, то по крайней мѣрѣ отдалить его до послѣдней возможности; но ее не могли залугать ни злобой, ни сплетнями и еслибъ она вздумала отказать ему, то конечно по другимъ болѣе сильнымъ побужденіямъ. Она дошла даже до такой отчаянной смѣлости что издѣваясь надъ своею кузиной, мистриссъ Клинтонъ, позволила ея почтенному супругу, даже поощряла его выказывать ей на глазахъ всего общества необыкновенное вниманіе и самыя страстныя юношескія чувства, которыя должны были привести въ ярость его достойнѣйшую половину.

Каррингтона болѣе чѣмъ кого-либо огорчалъ оборотъ принятый этимъ дѣломъ. Онъ не могъ болѣе скрывать отъ себя что влюбился, насколько можетъ влюбиться самовитый Виргинецъ. Съ нимъ во всякомъ случаѣ Магдалина не только не кокетничала, но даже никогда ему не льстила и не подавала надежды. Но Каррингтонъ въ своей одинокой борьбѣ съ судьбой нашелъ въ ней покреплаго друга, всегда готоваго на помощь когда помощь была нужна, щедро на деньги для всякаго дѣла за которое онъ могъ ей поручиться; полного сочувствія тамъ гдѣ сочувствіе было нужнѣе денегъ; полного находчивости и изобрѣтательности тамъ гдѣ ни деньги, ни сочувствіе ничего не могли бы сдѣлать. Каррингтонъ, узнавалъ ее лучше чѣмъ сама она себя знала. Онъ выбиралъ ей книги, приносилъ ей послѣднюю рѣчь или послѣдній отчетъ изъ Калиполія или департаментовъ; ему знакомы были ея сомнѣнія и причуды, и онъ всегда помогалъ ей разрѣшать ихъ, насколько понималъ ихъ самъ. Но Каррингтонъ былъ слишкомъ скромнень и быть-можетъ слишкомъ застѣнчивъ чтобы брать на себя роль явнаго обожателя, и притомъ слишкомъ гордъ чтобы дозволить кому-либо думать будто онъ желаетъ промѣнять свою бѣдность на ея богатство. И тѣмъ тревожнѣе становился онъ при видѣ несомнѣннаго вліянія, оказываемаго на нее сильною волей Ратклифа и его ничѣмъ не стѣснявшеюся энергіей. Онъ видѣлъ что Ратклиффъ настойчиво продолжаетъ свое искательство; что онъ льститъ слабости мистриссъ Ли относясь къ ней съ довѣріемъ и почтительностію и что въ самомъ непродолжительномъ времени Магдалина должна будетъ или выйти за него замужъ, или прослыть безсердечною кокеткой. Каррингтонъ не безъ причины составилъ себѣ дурное мнѣніе о сенаторѣ Ратклиффѣ, и намѣренъ былъ помѣшать этому браку; но онъ имѣлъ дѣло со врагомъ не легко устранимымъ съ дороги и способнымъ разбить цѣлый полкъ соперниковъ.

Ратклиффъ никого не боялся. Онъ завоевалъ себѣ положеніе для того чтобъ имъ пользоваться и хорошо зналъ цѣну холоднаго разсудка и упрямой самоувѣренности. Только благодаря своему здоровому американизму и сильной волѣ онъ миновалъ цѣлымъ и невредимымъ сѣти и западни общества мистриссъ Ли, гдѣ враги и соперники окружали его со всѣхъ сторонъ. Онъ чувствовалъ себя школьникомъ рѣшаясь иногда

выступать на ихъ почвѣ, но когда ему удавалось ихъ заманить на свою территорію практической жизни, то онъ почти всегда одолевалъ своихъ противниковъ. Вотъ этотъ-то практическій смыслъ и холодная воля и подчинили ему мистриссъ Ли, которая, какъ женщина, вполнѣ сознавала какими ценными дарами надѣлили ее граціи и была совершенно довольна если другой полъ признавалъ ея превосходство. Въ мужчинахъ она цѣнила лишь силу и способность ловить женщинъ. Сенаторъ много выигралъ бы еслибы могъ всегда влечь собою, но онъ находился теперь въ постоянномъ нравственномъ напряженіи и непрестанно усилія сдерживать себя въ политикѣ дѣлали его менѣе сдержаннымъ въ частной жизни. Молчаливая увѣренность мистриссъ Ли въ своей собственной высокой утомченности раздражала его и заставляла его иногда какъ бульдога показывать зубы съ опасностью получить отъ нея тотчасъ же быструю пощечину въ родѣ той которою благовоспитанная кошечка наказываетъ за чрезмѣрную фамильярность съ ней; пощечина невинная на взглядъ, но въ сущности кровавая. Однажды вечеромъ, будучи болѣе обыкновеннаго не въ духѣ, онъ просидѣлъ нѣсколько минутъ въ угрюмомъ молчаніи, потомъ, какъ бы очнувшись, взялъ книгу лежавшую на ея столѣ, взглянулъ на ея заглавіе и сталъ ее перелистывать. Это былъ какъ нарочно томикъ Дарвина, который мистриссъ Ли только-что взяла изъ библіотеки Конгресса.

— Понимаете вы что-нибудь въ этихъ вещахъ? внезапно спросилъ сенаторъ съ отѣвкомъ насмѣшки.

— Плохо, отвѣчала мистриссъ Ли довольно сухо.

— А для чего вамъ ловить это? настаивалъ сенаторъ.— Какая вамъ изъ этого польза?

— Быть-можетъ это научить насъ скромности, отвѣчала Магдалина, ларируя ударъ.

— Не потому ли что тутъ говорится будто мы происходятъ отъ обезьянъ? грубо возразилъ сенаторъ.— Вы вѣрите что произошло отъ обезьяны?

— А почему же не вѣрить? сказала Магдалина.

— Почему? съ грубымъ смѣхомъ повторилъ Ратклифф.— Мнѣ это родство не нравится. Не намѣрены вы ввести нашихъ дальнихъ родственниковъ въ общество.

— Они конечно внесли бы въ него гораздо болѣе интереса чѣмъ большинство его настоящихъ членовъ, возразила

мистриссъ Ли съ кроткою улыбкой въ которой чувствовалась угроза.

Но Ратклиффъ не воспользовался предостереженіемъ. Вызовъ мистриссъ Ли только взбѣсилъ его, а когда онъ терпѣть терпѣніе, то сейчасъ же становился сенаторомъ и Вебстериландцемъ.

— Подобныя книги, началъ онъ,—безчестятъ нашу цивилизацію; онѣ унижаютъ и матеріализуютъ нашу божественную природу; онѣ годятся только для азіатскаго деспотизма который ставитъ людей на одинъ уровень со скотами; что ихъ можетъ допускать человекъ подобный барону Якоби—это я понимаю: ему и господамъ его нѣтъ иного дѣла на свѣтѣ какъ полирять человѣческія права. Мистеръ Каррингтонъ конечно тоже одобритъ эти идеи. Онъ вѣритъ въ божественное происхожденіе доктрины сѣченія Негровъ розгами; но чтобы вы, проповѣдующая филантропію и свободныя принципы, могли идти рука объ руку съ ними—удивительно; невѣроятно, недостойно васъ.

— Вы очень строги къ обезьянамъ, почти сурово отвѣчала Магдалина когда сенаторъ кончилъ свою рѣчь.—Обезьяны не сдѣлали вамъ никакого зла; онѣ не принимаютъ участія въ общественной жизни; онѣ даже не избиратели; а еслибъ онѣ были ими, то вы пришли бы въ восторгъ отъ ихъ ума и добродѣтели. Во всякомъ случаѣ мы должны имъ быть благодарны; что дѣлали бы люди въ этомъ печальномъ мірѣ еслибъ они не наследовали отъ обезьянъ какъ веселость, такъ и ораторское искусство?

Нужно отдать справедливость Ратклиффу что онъ умѣлъ переносить наказаніе, особенно когда оно шло отъ руки мистриссъ Ли, и его случайные взрывы недовѣренія почти всегда смѣнялись удвоеннымъ послушаніемъ. Но если онъ позволялъ мистриссъ Ли исправлять свои недостатки, друзьямъ ея онъ никогда не далъ бы права учить себя и пользовался каждымъ случаемъ чтобъ имъ это высказать. Но на это его не всегда хватало. Оттого ли что у него было мало идей внѣ круга его собственной дѣятельности, или оттого что онъ не довѣрялся незнакомой ему почвѣ, только онъ повидимому всегда былъ вынужденъ изводить всякое разсужденіе до своего собственнаго уровня. Магдалина напрасно пыталась разгадать, дѣлалъ ли онъ это по неумѣнію дѣйствовать иначе, или для того чтобы скрыть свое невѣжество.

— Баронъ чрезвычайно позабавилъ меня разказами о бухарскомъ обществѣ, какъ-то сказала ему мистриссъ Ли.— Я никакъ не воображала чтобы такъ было тамъ весело.

— Я желалъ бы показать ему наше общество въ Пеови, отвѣчалъ Ратклифъ;— онъ нашелъ бы тамъ блестящій кругъ настоящихъ аристократовъ природы.

— Баронъ говорить что ихъ политики преостроумные малы, прибавилъ мистеръ Френчъ.

— О! будто въ Болгаріи есть политики? спросилъ сенаторъ, домыслія котораго о Румыніи и Болгаріи были весьма неопредѣленны; онъ воображалъ что обитатели ихъ живутъ въ палаткахъ, носятъ овечьи шкуры шерстью вверхъ и ѣдятъ творогъ.— О! такъ у нихъ есть политики! Желалъ бы я чтобы они показали свое остроуміе на Западъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказала мистриссъ Ли.— Вообразите себя Аттилу съ его ордой на какомъ-нибудь митингѣ въ Индіанѣ?

— Какъ бы то ни было, воскликнулъ Френчъ съ громкимъ смѣхомъ,— баронъ говорить что болѣе смѣлой шапки политическихъ лаутовъ чѣмъ его друзья не найти въ цѣломъ Иллинойсѣ.

— Онъ сказалъ это? сердито воскликнулъ Ратклифъ.

— Вѣдь онъ говорилъ это, не правда ли, мистриссъ Ли? Но я этому не вѣрю; а вы вѣрите? Какое будетъ ваше чисто-сердечное мнѣніе, Ратклифъ? Кому же лучше знать иллинойскихъ политиковъ какъ не вамъ. Думаете вы въ самомъ дѣлѣ что эти болгарскіе лауты не могли бы участвовать въ конвенціи штата Иллинойсѣ?

Ратклифъ не любилъ чтобы его дразнили, особенно по поводу этого предмета, но онъ не могъ сердиться на дерзость Френча, которая была лишь слабымъ возмездіемъ за деревянные мушкетные орѣхи. Главнѣйшею заботой его было отвлечь разговоръ отъ Европы, литературы, искусства и потому эта дерзость давала ему возможность ускользнуть.

Каррингтону хорошо было извѣстно что слабая сторона сенатора заключалась въ совершенномъ неповиманіи началъ нравственности. Онъ льстилъ себя надеждой что мистриссъ Ли замѣтитъ это и рано или поздно будетъ возмущена этимъ, а потому всего нужнѣе было заставить Ратклифа обнаружить себя предъ нею. Не теряя лишняго словъ, Каррингтонъ всегда билъ на то чтобы его вызвать на подобный разговоръ, но скоро

увидѣлъ что Ратклифъ превосходно понимаетъ эту тактику и что онъ, Каррингтонъ, вмѣсто того чтобы вредить ему только улучшалъ его положеніе. Смилость этого человѣка бывала иногда поразительна и даже когда Каррингтонъ считалъ его безнадежно залутавшимся, онъ безъ особеннаго усилія разрывалъ поставленныя ему сѣти и ускользалъ изъ нихъ болѣе смѣлымъ и опаснымъ чѣмъ когда-либо.

Но предъ обвиненіями мистриссъ Ли онъ склонялъ голову и откровенно признавалъ ихъ справедливость: „Въ томъ что вы говорите большая доля правды. Въ политикѣ много такого что возбуждаетъ отвращеніе и приводитъ въ отчаяніе; много грубаго и дурнаго. Я долускаю что въ ней есть, и безчестность, и испорченность. Но мы должны пытаться довести все это до наименьшихъ размѣровъ.“

— Вы могли бы кстату объяснить мистриссъ Ли, какъ нужно вѣяться за дѣла, оказалъ Каррингтонъ;—вы знаете это по опыту, и мнѣ кажется, я слышалъ даже что вы однажды вынуждены были принять весьма строгія мѣры противъ подкупа.

Ратклифу не понравилась этотъ комплиментъ, и онъ бросилъ на Каррингтона одинъ изъ своихъ холодныхъ взглядовъ, въ которомъ ясно свѣтилась злоба. Но онъ сейчасъ же принялъ вызовъ:

— Да, это правда, и я весьма сожалею объ этомъ. Исторія моя слѣдующая, мистриссъ Ли, ее знаетъ каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенокъ въ Иллинойсѣ, такъ что нѣтъ причины смягчать ее въ чемъ-либо. Въ наихудшій періодъ войны можно было съ увѣренностію сказать что мой штатъ будетъ увлеченъ партіей мира, и, какъ мы полагаемъ, посредствомъ обмана; однако былъ ли тутъ обманъ или нѣтъ, но мы обязаны были спасти его. Потеряи мы тогда Иллинойсѣ, мы потеряли бы и президентскіе выборы, а съ тѣмъ вмѣстѣ погубили бы вѣроятно и самый Союзъ. Во всякомъ случаѣ я держался того мнѣнія что отъ этого результата зависѣла судьба войны. Я былъ тогда губернаторомъ и на мнѣ лежала вся отвѣтственность. Мы имѣли полный контроль надъ сѣверными провинціями и ихъ выборами. Мы приказали докладчикамъ выборовъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ приостановить составленіе отчетовъ до тѣхъ поръ пока они не получатъ отъ насъ извѣстій, а когда мы собрали голоса всѣхъ живыхъ провинцій и съ точностію узнали какое именно

число голосовъ нужно намъ для того чтобъ имѣть на своей сторонѣ большинство, мы телеграфировали нашимъ докадчикамъ въ сѣверныхъ провинціяхъ чтобъ они показали въ своихъ округахъ такое-то количество голосовъ за насъ, оказывая такимъ образомъ противовѣсъ враждебной намъ партіи и удерживая штаты за нами. Все это было исполнено и такъ какъ я въ настоящее время состою сенаторомъ, то имѣю право предполагать что мои дѣйствія были одобрены. Я не горжусь этою продѣлкой, но снова поступилъ бы такимъ же образомъ и даже еще хуже еслибы находилъ что это можетъ спасти страну отъ смуты. Конечно я не разчитывалъ на сочувствіе мистера Каррингтона. Онъ проводилъ тогда кажется свои реформаторскіе принципы, дѣйствуя съ оружіемъ въ рукахъ противъ правительства.

— Да! сухо сказалъ Каррингтонъ,—и вы вдобавокъ одержали надо мною верхъ.

Каррингтонъ не попалъ въ цѣль. Человѣкъ совершившій преступленіе ради спасенія своей страны считается патриотомъ, а не злодѣемъ, даже если онъ получаетъ мѣсто въ сенатѣ какъ приходящуюся ему долю добычи, и нельзя требовать отъ женщинъ чтобы онѣ анализировали лобужденія патриота спасающаго свою страну и свои выборы во время революціи.

Впрочемъ, вражда Каррингтона къ Ратклифу была ничто въ сравненіи съ тою которую питалъ къ нему баронъ Якоби. Трудно было объяснить причину такого сильнаго предубѣжденія, но дипломатъ и сенаторъ всегда бываютъ естественными врагами между собою и притомъ Якоби, какъ всѣми признанный поклонникъ мистриссъ Ли, находилъ что Ратклифъ стоитъ на его дорогѣ. Этотъ беззавистенный старый дипломатъ презиралъ и ненавидѣлъ американскаго сенатора какъ тиль который въ его болѣзненно раздраженныхъ европейскіхъ глазахъ соединялъ въ себѣ назойливую самоувѣренность и надменный характеръ съ самымъ узкимъ образованіемъ и ничтожнѣйшею личною опытностью, какія когда-либо встрѣчались въ значительномъ правительствѣ. Такъ какъ страна барона Якоби не имѣла никакихъ особенныхъ сношеній съ Соединенными Штатами и ея посольство въ Вашингтонѣ было учреждено лишь для того чтобы создать мѣсто посланника для Якоби, онъ не имѣлъ причины скрывать свои личныя антипатіи и даже считалъ себя какъ бы предназначеннымъ прямо выка-

зывать то дипломатическое презрѣніе къ сенату которое его сотоварищи, еслибы даже они и чувствовали его, принуждены были таить. Онъ исполнялъ свои обязанности вполнѣ добросовѣстно, никогда не пропуская случая вознестъ остріе своей діалектической ралиры въ слѣпки грубаго толстокожаго сенаторскаго самолюбія. Онъ съ восхищеніемъ и большимъ искусствомъ раскрывалъ предъ Магдалиной все новыя стороны невѣжества Ратклифа и въ это время разговоръ его блисталъ историческими намеками, цитатами на нѣсколькихъ языкахъ, ссылками на хорошо извѣстные факты „подробности коихъ ускользали изъ памяти старика, но вѣроятно были хорошо знакомы досточтимому сенатору, который могъ сообщить ихъ безъ затрудненія“. И его вольтеріанское лицо вѣжливо передергивалось, между тѣмъ какъ онъ выслушивалъ отвѣтъ Ратклифа, изобличавшій полное незнаніе всеобщей литературы, искусства и исторіи. Но верхъ торжества его наступилъ однажды вечеромъ, когда Ратклифъ, соблазвившись какимъ-то намекомъ на Мольера, который показался ему помятымъ, упомаялъ о несчастномъ вліяніи этого великаго человѣка на религіозныя мнѣнія своего вѣка. Озаренный внезапнымъ вдохновеніемъ, Якоби угадалъ что Ратклифъ смѣшалъ Мольера съ Вольтеромъ и надѣвъ на себя личину необыкновенной мягкости, онъ прикрутилъ свою жертву къ позорному столбу и мучилъ ее притворными объясненіями и разспросами до тѣхъ поръ пока наконецъ Магдалина не вынуждена была прекратить эту сцену. Но даже когда сенаторъ не давался въ ловушку, онъ не могъ уйти отъ прямого нападена. Въ подобныхъ случаяхъ баронъ обыкновенно прорывался сквозь боевую линію и атаковывалъ Ратклифа на его собственной территоріи. Такъ, наприкладъ, однажды, когда Ратклифъ защищалъ свою доктрину о вѣрности партіи, Якоби заставилъ его умолкнуть чѣмъ-то въ родѣ слѣдующей насмѣшки: „вашъ принципъ непогрѣшимъ, господинъ сенаторъ. Я также нѣкогда, подобно вамъ, былъ вѣренъ своей партіи, то-есть партіи церкви; я былъ уагтрамонтаномъ. Система вашей партіи лохищена вами, какъ и многое другое, изъ нашей церкви: ваша національная конвенція это нашъ вселенскій соборъ; подобно намъ вы отрекаетесь отъ разума предъ ея приговорами; а сами вы, мистеръ Ратклифъ, вы кардиналъ. И вѣдь преслоспособные люди эти кардиналы; я знавалъ многихъ изъ нихъ и они были

нашими лучшими друзьями, но они не были реформаторами. А вы реформаторъ, г. сенаторъ?"

Ратклифъ начиналъ бояться и ненавидѣть старика, но его обыкновенная тактика оказывалась безсильною противъ этого непроницаемаго циника осьмнадцатаго столѣтiя. Если онъ прибѣгалъ къ приватому въ конгрессѣ обычаю застрашивать грозными взглядами и догматизмомъ, баронъ только улыбался и повертывался къ нему спиной или дѣлалъ какое-нибудь замѣчанiе по-французски, которое тѣмъ болѣе бѣсило его врага что, не понимая его самъ, онъ видѣлъ что Магдалина очень хорошо понимаетъ его и нѣтается сдержать улыбку. Сѣрые глаза Ратклифа становились все холоднѣе и жестче по мѣрѣ того какъ онъ начиналъ замѣчать что баронъ Якоби со злобнымъ искусствомъ приводилъ въ исполненiе задуманный имъ планъ выжить его изъ дома Магдалины, и онъ поклялся страшною клятвой что не дастъ побить себя этому иностранцу съ обезьяньею рожей. Но, съ другой стороны, Якоби мало надѣялся на успѣхъ: „что можетъ сдѣлать старикъ?“ сказалъ онъ съ пологою искренностью Каррингтону. „Будь я на сорокъ лѣтъ моложе, этотъ огромный болванъ не отвертѣлся бы у меня. Ахъ! еслибы мнѣ помолодѣть, да очутиться въ Вѣнѣ!“ изъ чего Каррингтонъ совершенно справедливо заключилъ что еслибы подобныя поступки были еще въ модѣ, почтенный дипломатъ прехладнокровно нанесъ бы личное оскорбленiе сенатору и лустилъ бы ему лулю въ сердце.

(Продолженiе слѣдуетъ.)

ПОЛИТИЧЕСКІЙ ПАМОЛЕТЪ НА ГР. М. Н. МУРАВЬЕВА

I.

Да, въ наши дни людей такъ трудно просвѣтить,
И я отчаялся ихъ даже возродить.

Фетъ.

О чемъ шумите вы, народные витии?

Пушкинъ.

Съ ноябрьской книжки прошлаго года редація *Русской Старины* не перестаетъ напоминать своимъ читателямъ о бывшемъ во время втораго польскаго мятежа вилекомъ генералъ-губернаторѣ Михаилѣ Николаевичѣ Муравьевѣ. Въ шести книжкахъ подъ радъ она удѣлила по нѣскольку страницъ воспоминаніямъ о немъ.

Редація начала печатаніемъ посмертныхъ *Записокъ графа Муравьева-Вилenskaго*. Такъ она впервые печатно назвала его, хотя въ обществѣ онъ давно былъ извѣстенъ подъ этимъ названіемъ. Первымъ главамъ его *Записокъ* она предпослала свой „взглядъ какъ на этотъ историческій памятникъ, такъ и на заслуги его составителя“. Такъ она выразилась въ апрѣльской книжкѣ, признавъ почему-то за нужное подновить этотъ „взглядъ“ въ памяти читателей.

Въ чемъ же важность „взгляда“ который понадобилось дважды высказать?

Первая его часть, имѣющая въ виду „историческій памятникъ“, ограничивается коротенькимъ, но откровенно высказаннымъ осужденіемъ графа Муравьева за то что *Записки* написаны имъ будто бы „желчно и пристрастно по отношенію къ некоторымъ современнымъ ему государственнымъ дѣтелямъ“. Такъ какъ это осужденіе ни на чемъ не основано, то, разчитывая прикрыть его несостоятельность легенькою фразой, редація только усилила свой произвольный приговоръ. „Главнѣйшее ихъ (*Записокъ*) значеніе уже то“, говоритъ редація, „что онѣ исходятъ непосредственно отъ графа М. Н. Муравьева“. Какой странный наборъ словъ! Какъ будто посмертныя записки графа Муравьева могли „исходить“ отъ кого-либо другаго. Редація ни однимъ словомъ однако не обмолвилась что *Записки* графа М. Н. Муравьева еще въ рукописныхъ экземплярахъ приобрѣли между русскими и не русскими читателями весьма важное историческое значеніе, что всѣ просвѣщенные и безпристрастные люди привыкли видѣть въ нихъ, съ одной стороны, историческій документъ, объясняющій государственную дѣятельность Муравьева во время втораго польскаго мятежа, а съ другой—перечень глубоко соображенныхъ государственныхъ мѣропріятій, которыя въ свое время, въ систематической полнотѣ, были вызваны высшими интересами нашего отечества. Мы увѣрены что мыслящіе люди въ Россіи и за границей придають *Запискамъ* графа Муравьева несравненно болѣе значенія нежели редація *Русской Старины*. Всѣ способные признать что въ своей организаторской дѣятельности въ Сѣверозападномъ краѣ въ 1863—65 годахъ графъ Муравьевъ заложилъ основы весьма важнаго всероссійскаго государственнаго дѣла совершенно ясно видятъ что въ *Запискахъ* своихъ онъ оставилъ и программу этого дѣла.

Редація *Русской Старины* какъ-то странно двоятся въ своихъ воззрѣніяхъ на графа М. Н. Муравьева: то называетъ его „вчинателемъ дѣлага ряда важныхъ государственныхъ мѣръ“ и видитъ въ немъ „одного изъ немногихъ государственныхъ мужей, вполне ясно и опредѣленно создавшихъ себѣ программу дѣйствій въ 1863 году... и не отступившаго ни на одну лядь при исполненіи этой программы“, то выражается о немъ какъ о такомъ государственномъ чловѣкѣ котораго самыя великія заслуги не позволяютъ ей мириться съ его жестокостію, иногда совершенно бесполезною

ло отношенію къ тысячамъ отдѣльныхъ лицъ.“ Предоставляемъ кому угодно вдумываться въ причины такихъ двоящихся воззрѣній редакціи. Со своей стороны замѣтимъ что въ глазахъ читателей, лично не знавшихъ графа М. Н. Муравьева, и въ особенности въ представленіяхъ учащейся молодежи, которой позволительно не имѣть никакаго понятія объ его истинномъ характерѣ и государственныхъ заслугахъ, такіе ни на чемъ не основанные и ничего опредѣленнаго не говорящіе отзывы тѣмъ легче могутъ получить видъ и значеніе беспорныхъ чѣмъ докторальнѣе высказываются въ ежемѣсячномъ изданіи называющемъ себя „историческимъ“. Уважающее себя историческое изданіе должно быть осмотрительно и безпристрастно. Эти ли качества слѣдуетъ признать за *Русскою Стариной*? Говоря о графѣ М. Н. Муравьевѣ, какъ о „вѣнчатель дѣлаго рада въ высшей степени важныхъ государственныхъ мѣръ“, она слѣдуетъ ограничить ихъ значеніе предѣлами одной Литвы и смежныхъ съ нею губерній. Кому же непонятно что „въ высшей степени важныя государственныя мѣры“ могутъ и должны быть таковыми при одномъ лишь условіи, а именно если вызываются жизненными потребностями всего государства и удовлетворяютъ имъ на всемъ его пространствѣ? Этому условію беспорно удовлетворяло все что задумывалъ и дѣлалъ и о чемъ ходатайствовалъ графъ Муравьевъ. Въ два, три мѣсяца подавилъ онъ мятежъ, и въ эти же два, три мѣсяца успѣлъ создать стройную политическую систему такихъ государственныхъ мѣропріятій которыя имѣли въ виду не только мѣстный интересъ, но и благо всей Россіи. Не могла же не знать этого редакція, печатавшая и *Записки* графа Муравьева, и часть предшествовавшей имъ официальной его переписки съ бывшимъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Изъ послѣдней ясно видно какъ глубоко соображалъ онъ свои мѣропріятія во внутреннемъ ему край съ заботами о „спокойствіи нашихъ внутреннихъ губерній“, объ „огражденіи ихъ отъ наплыва революціонныхъ идей распространяемыхъ польскими агитаторами“, отъ злоумышляемаго послѣдними „несомнѣннаго вреда для государства“, отъ „вмѣняемыхъ на будущее время бѣдствій“. Если послѣдовавшія затѣмъ событія доказали что заботы графа Муравьева были почти пророчествомъ и что въ нихъ ясно раскрывалась развитая въ немъ политическая предусмотрительность, то никто не имѣетъ права не признать его истинно

„государственнымъ мужемъ“, крупною „историческою личностью“ своего времени. Мы повторяемъ собственныя выраженія редакціи чтобъ оставить вниманіе ея и ея читателей на вопросъ: къ чему понадобились ей тѣ до невозможности мрачныя черты которыми она, вопреки своимъ словамъ, то-есть не боясь противорѣчить самой себѣ, старалась при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ характеризовать нравственный обликъ графа Муравьева въ примѣчаніяхъ къ тексту его *Записокъ*. Изъ этихъ примѣчаній мы, близко знавшіе его, впервые узнаемъ будто какая-то прирожденная ему „жестокость заставляла его увлекаться“, будто „это увлеченіе... ввергало его въ самыя лютыя (sic) издѣшества“, будто онъ настолько былъ мелокъ что могъ руководиться въ своихъ соображеніяхъ, рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ свойственнымъ всякому мелкодушію „самомнѣніемъ“. Все это навязывается крупной „исторической личности“ бездоказательно, безъ малѣйшихъ ссылокъ на факты. При этомъ редакція не затрудняется выражать свое недовѣріе къ сообщеніямъ Муравьева, и на примѣръ заявляетъ будто ей „трудно сказать, въ какой степени вѣрно *обличеніе* и валадки графа Муравьева на князя Суворова и другихъ.“ Совсѣмъ не такъъ ея тонъ когда рѣчь касается противниковъ Муравьева. Ревность о кажущейся ей правдѣ на ихъ сторонѣ доходитъ до того что она не можетъ удержаться чтобы не прервать текста его *Записокъ* своимъ примѣчаніемъ, и дѣлаетъ это дважды. Въ одномъ примѣчаніи * она почти не владѣетъ собою и владаетъ въ фельетонный тонъ, и думаетъ что обозвавъ графа Муравьева „суровымъ эксъ-диктаторомъ виленскимъ“, она почерпляетъ въ этихъ праздныхъ словахъ какое-то основаніе чтобъ „установить правильный взглядъ на сущность его (то-есть графа Муравьева) приговора о людяхъ.“ Если о графѣ Муравьевѣ редакція *Русской Старины* позволяет себѣ сказать что „самая рѣзкость его (то-есть его отзыва о противникѣ) изобличаетъ несостоятельность оцѣнки дѣлаемой Муравьевымъ“, то отнеся къ ней ея же слова, мы находимъ въ нихъ достаточное основаніе именно такъ квалифицировать достоинство ея отзывовъ о графѣ Муравьевѣ.

Нѣсколько ниже мы пригласимъ редакцію *Русской Старины* въ область вѣдѣмыхъ фактовъ, а пока скажемъ ей

* *Русская Старина*, апрѣль, 1883, стр. 145.

что въ своихъ примѣчаніяхъ, она пожертвовала существенными достоинствами историческаго изданія чтобы вызвать не историческую, а угодную ей критику политической системы графа Муравьева. Примѣчанія ея играли роль призыва на страницы *Русской Старины* всякой мерзости, и, надобно признаться, слишкомъ скоро достигли своей цѣли: уже въ апрѣльской книжкѣ услѣла она напечатать политическій памфлетъ на графа Муравьева. Иначе нельзя назвать „замѣтку и очеркъ“ сообщенные г. Бергомъ. Къ нимъ и перейдемъ теперь.

II

Смѣшенъ сей новый Гракъъ республики журнальной,
Который отъ чимовъ не прочь, но прочь они,
Когда начнетъ косить косою либеральной
Заслуги, родъ и честь и все что имъ сродни.

Кн. П. А. Вяземскій.

Въ апрѣльской книжкѣ *Русской Старины*, Н. В. Бергъ,— не Полакъ или иноземецъ Бергъ, а русскій литераторъ и православный тамбовскій помѣщикъ, да еще лекторъ русскаго языка въ Варшавскомъ университетѣ, выступилъ противъ исторической памяти графа М. Н. Муравьева съ самою безстыдною филиппикой. Неожиданность чего-либо подобнаго такъ велика и такъ несообразна со значеніемъ и достоинствомъ не только русскаго писателя, но и обыкновеннаго русскаго человека что вѣроятно и самъ г. Бергъ не сознавалъ что логически вытекаетъ изъ его грозной для него одного филиппики. Появилась она въ заграничной печати на русскомъ языкѣ, мы бы обошли ее молчаніемъ, но не можемъ умолчать когда она нашла мѣсто въ изданіи выдающемъ себя за „историческое“.

Филиппика г. Берга появилась въ двухъ видахъ: подъ видомъ „замѣтки“ озаглавленной: *Гр. Ф. Ф. Бергъ и М. Н. Муравьевъ* и подъ видомъ „очерка“ *Гр. М. Н. Муравьевъ, къ его запискамъ*.

Мы начнемъ не съ забавной „замѣтки“, а съ этого „очерка“. Во введеніи къ нему, г. Бергъ старается нанести графу Муравьеву ударъ въ самое не больное у него мѣсто и въ самое больное у всей Россіи. Г. Бергъ старается настоять на томъ что „въ М. Н. Муравьевѣ не было и тѣни гениальнаго адми-

вистратора“. Въ доказательство, г. Бергу пришлось увѣрить русскихъ читателей, будто имъ зачѣмъ-то „надо въ особенности воздерживаться ото всякихъ восхваленій господъ Муравьевыхъ.“ Самозванецъ въ роли общественнаго наставника не предвидѣлъ и не догадался, какъ могутъ понять русскіе читатели его фальшивое увѣреніе. Мы понимаемъ такъ: заговоривъ о покойномъ графѣ М. Н. Муравьевѣ въ хорошемъ или дурную сторону, нельзя не заговорить и обо всѣхъ русскихъ людяхъ. Г. Бергъ слишкомъ зажился въ Варшавѣ чтобы имѣть ясное понятіе о томъ что дѣлается и какъ живетъ въ Россіи. Онъ все еще думаетъ что и теперь, какъ было въ прежнее и недавнее время, русской либеральной печати можно и почти должно только и дѣлать что громить или, какъ принято у насъ выражаться, обличать все русское и, наоборотъ, обхлѣять все не русское, то оправдывая, то прикрывая молчаніемъ всякую измѣну и политическую интригу. Мы серьезно думаемъ что г. Бергъ полагаетъ что все еще полпрѣжнему не выгодно быть Русскимъ въ Россіи. Сквозь польскіи очки не тотчасъ увидишь что въ настоящее время Россія ни въ комъ не нуждается, кромѣ истинно-Русскихъ. Право, мы не шута думаемъ что г. Бергъ сдѣлался олицетвореннымъ анахронизмомъ. Отъ того ему и кажется будто можно запугать насъ увѣреніемъ что „въ насъ во всѣхъ есть довольно муравьевщины.“ Выразившись такимъ образомъ, онъ тотчасъ струнулъ какъ бы не стали мы тщеславиться „муравьевщиной“, а потому и послѣдилъ характеризовать ее „дикостью, грубостью“...

Задолго до появленія его филиппики наше общество прочтало книгу Карлова, и даже гимназистамъ старшихъ классовъ извѣстно въ наши дни что М. Н. Муравьевъ еще въ ранней молодости своей былъ профессоромъ въ Школѣ Колоновожатыхъ и по чистой математикѣ читалъ курсъ выше того какого по тогдашнимъ факультетскимъ требованіямъ держался въ Московскомъ Университетѣ извѣстный въ свое время профессоръ П. С. Щелкинъ. Не слѣдовало бы и г. Бергу забывать что, говоря о графѣ Муравьевѣ, онъ имѣетъ дѣло съ человекомъ выдѣлившимся изъ высшего круга отличными воспитаніемъ и образованностью. Нужно полнѣйшее равнодушіе къ собственному нравственному достоинству чтобы въ печати навязывать графу Муравьеву „массы дикихъ свойствъ и грубыхъ наклонностей.“ Если и до этого не додумался

г. Бергъ, то слѣдовало бы ему поломать что въ наше время можно встрѣтить множество живыхъ сверстниковъ, сослуживцевъ и бывшихъ подчиненныхъ графа, которые не откажутся свидѣтельствовать вмѣстѣ съ пишущимъ эти строки что М. Н. Муравьевъ не былъ способенъ „изгибаться въ три погибели“ предъ кѣмъ бы то ни было. Люди близко его знавшіе въ общественной и домашней жизни не откажутъ ему въ благовоспитанной деликатности. Чего бы ни надела на него польская цырига, люди лично его знавшіе не перестанутъ свидѣтельствовать что онъ не былъ ни завосчивъ, ни горделивъ, могъ вслыть чинъ разъ, но, какъ всякій благовоспитанный человѣкъ, никогда не позволялъ себѣ грубостей и дерзостей. Да и не нуждался онъ въ нихъ, будучи всегда увѣренъ что и безъ того сумѣетъ убѣдить и заставить дѣлать то и такъ что и какъ должно. Онъ всегда былъ одинаково и неумолимо строгъ къ себѣ, а потому и могъ сознавать свое право быть нелюбезнымъ, сухимъ, а подчасъ и суровымъ при случайныхъ встрѣчахъ съ вѣчно-праздными болтунами, но отнюдь не съ людьми достойными, серьезными и трудолюбивыми. Да, тяжелъ онъ былъ, но только тѣмъ что никого и ничего лустаго не терпѣлъ у себя и около себя. Этимъ его свойствомъ объясняется и то почему онъ немедленно высмалъ изъ Виленскаго генераль-губернаторства шесть или семь десятковъ негодныхъ чиновниковъ изъ числа присланныхъ къ нему бывшимъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Это „по-муравьевски“. За то и нелучшіе люди попавшіе въ то время въ Сѣверо-западный край, въ числѣ тысячи русскихъ чиновниковъ вызванныхъ или пріѣхавшихъ туда, знали что у Муравьева никому не было потачки, и что во вѣренномъ ему край нельзя было не вести себя съ достоинствомъ и не исполнять своихъ обязанностей.

Мы думаемъ что г. Бергъ самъ не зналъ что говорилъ или что хотѣлъ сказать своимъ приговоромъ, будто въ М. Н. Муравьевѣ „не было и тѣни геніальнаго администратора“. Дѣло не въ геніальности; но гдѣ и когда графъ М. Н. Муравьевъ не представилъ неотразимыхъ доказательствъ административнаго разумія, умія, характера и многосторонней опытности? Что другое кромѣ этихъ свойствъ, такъ блестятельно обнаружившихся въ его дѣятельности во время втораго польскаго мятежа, заставило населеніе бывшей въ то время Августовской губерніи просить его, чрезъ выбор-

ныхъ делутатовъ, чтобъ онъ принималъ ее въ свое управленіе, для чего вся ея часть до Ломжи была временно присоединена къ Виленскому генераль-губернаторству. Стало-быть не только Русскіе, но и Литва, а также благоразумные между Поляками не одинаково съ г. Бергомъ ловимали что значить управлять „по-муравьевски“.

Намъ не трудно опровергнуть фальшивый и лоридательный и раскрыть истинный и ясный смыслъ этого ходячаго выраженія. Муравьевъ никогда не брался за дѣло котораго не изучалъ и не зналъ; иначе сказать: онъ брался только за то и дѣлалъ то что хорошо зналъ. Въ этомъ тайна его изумительныхъ успѣховъ въ дѣлѣ не усмиренія мятежа, ибо эту часть своего дѣла онъ считалъ и называлъ пустою и легкою, а борьбы съ польскою политическою крамолой на мѣстѣ, въ Петербургѣ, да и во всей Россіи. Если г. Бергу неизвѣстно когда и какъ гр. М. Н. Муравьевъ успѣлъ изучить и выслѣдить духъ и развитіе этой крамолы, то мы можемъ подсказать ему что онъ изучалъ ее исторически и очень давно. Около времени перваго польскаго мятежа, Муравьевъ былъ въ должности сперва гродненскаго, а потомъ мѣнскаго губернатора и основательно изучилъ книгу Баятыша-Каменскаго, а во время втораго польскаго мятежа, будучи въ должности виленскаго генераль-губернатора, поручилъ бывшему полечителю Виленскаго учебнаго округа И. П. Корнилову перепечатать эту книгу въ Вильнѣ. Послѣ этого указація каждому не сбитому съ толку и непредубѣжденному человѣку понятво что польская политическая интрига боялась не „дикости и грубости“, а глубокой образованности такого впервые противопоставленнаго ей государственнаго дѣятеля. Не будь въ немъ столь рѣдкихъ нашей администраціи качествъ, не истощалась бы интрига во всяческихъ ухищреніяхъ чтобы слишкомъ скоро и рано для Россіи смѣнить не только его, но и его преемника,— послѣдняго единственно за то что имѣлъ доблесть не отступать отъ направленія даннаго его предмѣстникомъ. Скажутъ, пожалуй: не много ли мы приписываемъ гр. М. Н. Муравьеву и К. П. фонъ-Кауфману? Могутъ указать что мѣше чѣмъ черезъ полтора десятка лѣтъ послѣ смѣны ихъ не осталось и слѣда отъ многихъ блистательно ведевшихся ими дѣлъ. Но кому не понятво что крупныя въ жизни народовъ дѣла не совершаются въ два, три года. Для того только и доходила въ то время польская интрига до Геркулесовыхъ столбовъ

клеветы на все русское въ Северо-западномъ краѣ чтобы, заставивъ обоихъ генералъ-губернаторовъ оставить его ра-
внѣ времени, тѣмъ самымъ лишить и сотрудниковъ ихъ вся-
кой возможности продолжать начатое. При генералъ-адъ-
ютантѣ Потаповѣ сотрудники его предвѣстниковъ были съ
позоромъ изгнаны все тою же польскою интригой. Что же
мудренаго если множество дѣлъ начатыхъ Муравьевымъ и
Кауфманомъ такъ и погибли безъ конца? Но хотя всѣ пружины
польской интриги на мѣстѣ и въ Петербургѣ были приведены
тогда въ дѣйствіе, кто же не знаетъ что древнія восстанов-
ленные и вновь заложенные графомъ Муравьевымъ коренныя
основы русскаго дѣла въ Северо-западномъ краѣ остались
нетронутыми и оказались несокрушимыми. Этими основъ,
какъ непремѣннаго послѣдствія историческихъ судьбъ края,
и того возбужденія русскаго національнаго духа какое мощно
всплынуло во время втораго польскаго мятежа, не вырвать
съ корнемъ ни смѣны лицъ, ни всѣ ухищренія противогосу-
дарственной интриги.

Въ замѣткѣ напечатанной г. Бергомъ подъ названіемъ:
Графы Ѳ. Ѳ. Бергъ и М. Н. Муравьевъ авторъ characterizo-
вавшій въ ней двухъ государственныхъ людей ребячески
колобродить. Нельзя иначе выразиться о человѣкѣ ко-
торый свидѣтельство очевидца служившаго подъ началь-
ствомъ графа Муравьева отрицаетъ на такомъ шаткомъ
основаніи, каково его гаданіе будто „П. П. Карцовъ,
какъ надо думать... плохо зналъ характеръ намѣстни-
ка графа Берга“. Исходя отъ этого отрицанія, г. Бергъ
во всемъ содержаніемъ своей „замѣтки“ неопровержимо дока-
зываетъ что самъ онъ если не меньше всѣхъ зналъ, то
хуже многихъ другихъ умѣлъ понимать намѣстника. Если-
бы не такъ, то г. Бергъ безспорно могъ бы написать въ за-
щиту его что-нибудь посерьознѣе того что написано въ его
„замѣткѣ“. Не могъ же быть намѣстникъ столь „скорбень
главой“ чтобы смотрѣть на Муравьева такъ какъ смотритъ
г. Бергъ. Графъ Бергъ могъ не сочувствовать виленскому
генералъ-губернатору, или лично не любить, даже не уважать
его, но не былъ же такъ мелокъ чтобы разумѣть графа Му-
равьева какъ „человѣка во всѣхъ отношеніяхъ стоявшаго
ниже его.“ Только такихъ господъ какъ нашъ новый пам-
флетистъ нужно увѣрять что совсѣмъ не такъ, какъ онъ
предполагаетъ, могутъ считаться между собою два соперника

изъ среды государственныхъ людей: не стануть же они считаться „воспитаіемъ“, „службой“, или „лѣтами“. Самъ же памфлетистъ признаетъ графа Берга „обстрѣляемымъ и учтывимъ дипломатомъ“ и въ то же время навязываетъ ему немислимую въ подобномъ человѣкѣ мелочность и глупость. Памфлетистамъ видно все равно, все „какъ съ гуся вода“: имъ ни почемъ изображать графа Берга глупцомъ, навязывать графу Муравьеву „массу дѣкихъ свойствъ и самыхъ грубыхъ наклонностей“, „полную свободу дѣкихъ инстинктовъ“ или „фантазій“ въ дѣлахъ государственныхъ. Г. Бергъ пошелъ гораздо далѣе издателя *Русской Старины* въ подборѣ бранныхъ словъ по адресу покойнаго гр. Муравьева: „Какой ли на есть“, „мрачная фигура“, „грубый монгольскій типъ“, „крутой монгольскій деспотъ“, „последній Могиканъ“, „бульдогъ“, дѣйствующій „по-азиатски“ и распространяющій „грубый азиатскій терроръ“ и дикое „варварство“. Всѣми этими выходками характеризуется только грубость, не благовоспитанность и безтактность памфлетиста. Не въ домекъ было памфлетисту что укоряя графа Муравьева, а отсюда всѣхъ насъ монгольствомъ и азиатствомъ, онъ обличаетъ себя какъ легкомысленнаго и слѣдлага послѣдователя „лана Духинскаго“. Но у этого были свои, такія или иныя причины не гнушаться поддоговъ и лжи въ исторической области. У г. Берга нѣтъ основанія предполагать такія причины которыя обязывали бы его заявлять себя и апостатомъ русскихъ историческихъ воззрѣній, и апологетомъ польскихъ политическихъ тенденцій. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ не залодозрить его въ томъ и другомъ, когда читаемъ начало его памфлета. „Призывъ Муравьева къ служебной дѣятельности въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, считавшихся Россіей“, такъ начинается памфлетъ. Мы подчеркнули слово *считавшихся*. Пиши такъ Духинскій или другой Полакъ, насъ не удивила бы никакая фальсификація... Но когда такъ лишеть Русскій и притомъ „профессоръ“, какъ титулуетъ г. Берга редакторъ *Русской Старины*, то всакой честный русскій читатель самъ придастъ этимъ господамъ титулъ какого они заслуживаютъ.

Анахронизмомъ звучать въ нашихъ ушахъ такія фразы г. Берга въ которыхъ онъ имѣетъ смѣлость высказывать будто мѣры принятыя графомъ Муравьевымъ въ Сѣверо-западномъ краѣ „въ Европѣ считаются варварствомъ, грубымъ азиатскимъ терроромъ“. Кого удивить, или кого прель-

стить въ наши дни устарѣлое модничанье *европейство* ли? Даже между умственными недорослями нашихъ дней нельзя на эту фальшивую ассигнацію купить популярности. Представимъ себѣ самыхъ отчаянныхъ либераловъ и анархистовъ неизлѣчимо страдающихъ умственнымъ, нравственнымъ и политическимъ распадѣніемъ,—даже въ глазахъ людей съ большимъ интеллектомъ что могутъ значить подобныя приведеннымъ пустыя фразы г. Берга, когда даже большимъ людямъ извѣстно что немногимъ позже графа Муравьева, среди Европы, въ 1871 году, по распоряженію Тьера было сослано въ Каенну отъ 20 до 30 тысячъ и казнено не менѣе 10 тысячъ коммунаровъ. Бывшій у насъ посломъ и недавно умершій генералъ Шанзи ни отъ кого изъ петербургскихъ знакомыхъ своихъ не скрывалъ что на долю ему одному выпала необходимость разстрѣлять болѣе тысячи человекъ. Напрасно же г. Бергъ пугаетъ насъ Европой словно „жуеломъ“. Мы знаемъ подъ этимъ названіемъ одну изъ частей свѣта, половину коей занимаетъ наше отечество. Позвольте же, г. Бергъ, Россіи не страшиться Европы и считать себя въ правѣ быть и жить самой по себѣ. *Какъ смѣютъ думать о Европѣ когда есть святая Русь! Или мы ее переѣхали?* Такъ формулируетъ свой отвѣтъ на всяческое европейничанье генералъ-адъютантъ И. С. Ганецкій. Мы кажется первые даемъ печатную извѣстность этой простой, но мудрой формулѣ.

При всей своей „скрупулезности“ (sic) къ другимъ, г. Бергъ дерзостію выраженій и грубостію тона въ своемъ памфлетѣ доказалъ какъ „далеко не всѣ умѣютъ строго отдѣлять высокое отъ низкаго, грязное отъ чистаго.“

Какъ сладостно надъ всѣмъ ругаться смѣло!
Мертворожденный умъ такъ любить подходить
Къ своей же глупости и всѣмъ за это мстить.*

* Фетъ *Вечерніе огни*, стр. 143.

III.

Когда отъ хмѣлю преступленій
 Топа развратная буйна,
 Какъ * радъ влачить въ грязи злой геній
 Мужей великихъ имена.

Фетъ.

П. И. Бартеневъ раньше другихъ обличалъ г. Берга и осудилъ его „очеркъ“ какъ глумленіе надъ ламатью графа Муравьева. Г. Бартеневъ же впервые печатно маломнилъ обществу что эпитетъ: „трехпрогонный“ данъ былъ графу Муравьеву „неогляднымъ“ злорѣціемъ Герцена. Сдѣланное почтеннымъ редакторомъ *Русскаго Архива* разъясненіе скрывавшейся подъ этимъ хотя и вымышленнымъ, но язвительнымъ эпитетомъ клеветы можемъ и мы подтвердить со словъ и позволенія очевидца - свидѣтеля, генералъ - отъ - инфантеріи И. М. Гедеонова, который въ должности помощника управляющаго Межевымъ Корпусомъ былъ сослуживцемъ графа Муравьева, могъ знать истину и разказывалъ намъ и при насъ не разъ другимъ повторялъ то же что напечатано г. Бартевымъ.

Съ позволенія И. М. Гедеонова мы должны сослаться на его же свидѣтельство чтобъ опровергнуть давно переходящее изъ устъ въ уста и г. Бергомъ впервые въ нашей печати приписанное графу Муравьеву „азіатское выраженіе“. Г. Бергъ говоритъ въ примѣчаніи что это выраженіе „было сказано въ Гроднѣ“, но не указываетъ изъ какого устнаго или печатнаго источника заимствовалъ это свидѣніе. И. М. Гедеоновъ свидѣтельствуесть что въ свое время, по прочтеніи въ *Колоколѣ* заинтересовавшаго всѣхъ выраженія, онъ въ откровенной бесѣдѣ спросилъ графа Муравьева, было ли оно имъ когда-нибудь сказано, и получилъ въ отвѣтъ что самъ Михаилъ Николаевичъ никогда и никому не говорилъ ничего подобнаго, но не помнитъ отъ кого давно слышалъ это чье-то „красное слово“ на его счетъ. Намъ кажется что лично знавшіе графа Муравьева и представить себѣ не могутъ чтобы такой человѣкъ, не имѣвшій привычки говорить

* Извлекаемъ предъ уважаемымъ поэтомъ въ замѣнъ одного небольшого слова другимъ.

что-нибудь на вѣтеръ, могъ унизиться до ребяческаго щегольства чѣмъ-то въ родѣ удали въ жестокости.

По описанію г. Берга, „наружность графа Муравьева носила на себѣ печать вполне грубой (sic), необузданной воли“. Никто изъ докладывавшихъ ему по службѣ и при докладѣ не стѣснявшихся высказывать свои соображенія, а подѣ часть и возражать графу Муравьеву, не скажетъ чтобъ ему случилось видѣть или отъ другихъ слышать что-либо подобное проявленіямъ „*только* грубой, необузданной воли“ графа Муравьева. Онъ отличался образцовою опредѣленностью своихъ приказаній, доказательства его были неотразимы, а въ точномъ исполненіи своихъ приказаній со стороны подчиненныхъ, привыкшихъ къ его настойчивой требовательности, онъ былъ всегда увѣренъ. При такихъ рѣдкихъ свойствахъ у него не могло быть надобности въ грубыхъ проявленіяхъ необузданной воли. Необузданность вообще немыслима въ человѣкѣ такой силы какою обладалъ графъ Муравьевъ. Вотъ г. Бергъ видимо разбранился старчески и необузданно сравнилъ по наружности графа Муравьева съ „бульдогомъ“. Можно предполагать что г. Бергъ видалъ его не часто и не близко, а потому могъ забыть черты его лица и силался въ преувеличенной карикатурѣ списать его черты съ портрета, который и безъ того карикатуренъ, хотя и приложенъ къ историческому изданію *Русской Старины*. У лишущаго эти строки есть нѣсколько очень схожихъ портретовъ графа Муравьева, и ни на одномъ изъ нихъ г. Бергъ не увидитъ „круглыхъ тигровыхъ глазъ“. Кстати замѣтимъ что графу Муравьеву, какъ всѣмъ крупнымъ людямъ, рѣдко выпадали случаи „сердиться“; а если выпадали, то по всему вѣроятію весьма рѣдко такіе чтобы глаза могли „валиться кровью“.

Не обмолвился, а просто неправду сказалъ г. Бергъ когда называлъ графа Муравьева „забытою мрачною фигурой“ или „затерявшимся гдѣ-то дѣятелемъ“. До назначенія его въ Вильну и году не прошло съ тѣхъ поръ какъ престарѣлый, утомленный службой и почти не видѣвшій однимъ глазомъ, оставилъ онъ министерство. Собираясь лѣчиться за границей, онъ не слѣшилъ перебраться на частную квартиру и прямо съ казенной отправился по повелѣнію Монарха служить ему новую и быть-можетъ самую важную службу свою.

Плохимъ историкомъ, политикомъ и публицистомъ оказался г. Бергъ если и *post factum* могъ сказать: „помните въ

Литву другаго графа Берга—вотъ и все!“ Ради такого „вздора“ понадобилось ему и сравненіе графа Муравьева съ „докторомъ который вмѣсто того чтобъ отнять деликатнымъ (sic) скальпелемъ пораженный гангреной палецъ возьметъ топоръ и отхватитъ по локоть цѣлую руку.“ Сравненіе слишкомъ топорное по отношенію къ графу Муравьеву. Мы отказываемся понять, да и самъ Бергъ едва ли растолкуетъ кому-нибудь, что слѣдуетъ разумѣть подъ „отхваченною“ будто бы графомъ Муравьевымъ „цѣлою рукой“. Что-то оль должно - быть разумѣть и что-то сказать, но хорошо должно быть то что было сказано, если даже редакция *Русской Старины* предпочла замѣнить сказанное точками въ печати. Фактъ о которомъ вѣсколько ниже говорится у г. Берга, есть сожженіе двухъ шляхетскихъ околицъ за упорную невыдачу мятежниковъ, которые зѣвски терзали и перевѣшали вѣсколькихъ ни въ чемъ виновныхъ старообрядцевъ этотъ фактъ скорѣе „палецъ“ чѣмъ „цѣлая рука“ пяти большихъ бушевавшихъ мятежомъ губерній, не считая Августовской.

Не станемъ цитовать начало второй главы въ коротенькомъ „очеркѣ“ г. Берга. Пусть читатели обновятъ это начало въ своей памяти и по подлиннику убѣдятся какъ лукаво извивается нашъ авторъ чтобъ умалить и почти неизвестно до смѣшнаго значеніе тѣхъ каииковъ радости и торжества которыми ото всѣхъ сословій и со всѣхъ концовъ Россіи сопровождалось назначеніе М. Н. Муравьева въ Вильну. Въ этомъ мѣстѣ „очерка“ подъ перомъ посѣдѣвшаго въ писательствѣ чловѣка „иконы полетѣли“ наравнѣ съ письмами и адресами; въ этомъ же мѣстѣ и великій святитель русскій, митрополитъ Филаретъ называется „центральнымъ колоколомъ“, и всѣмъ Русскимъ навязывается польское „ладамъ до ногъ“, и приводятся ссылки на извѣстнаго политическаго ренегата князя П. В. Долгорукова, и даже художественно построенная, на деньги пожертвованныя со всѣхъ концовъ Россіи, часовня Архистратига Михаила при Свято-Никольской церкви, столь же художественно возстановленной изъ „мерзости залуствннн“, уничтожается подъ перомъ г. Берга. Вѣрится ли читателямъ что эта арлекинада клеветы написана писателемъ изъ Русскихъ и православныхъ? Нѣтъ, г. Бергъ, тѣхъ знаменательныхъ и торжественныхъ заявленій всей Россіи которыми сопровождалось и назначеніе

М. Н. Муравьева въ Вильну, и отозваніе его изъ Вильны, „тѣхъ наградъ которыя превосходятъ все что можетъ получить человѣкъ посвятившій себя на служеніе отечеству“, ни вы, ни издатель *Русской Старины*, да и никто на свѣтѣ не отниметь у графа Муравьева. Его „Богъ благословилъ счастіемъ которое превыше всѣхъ наградъ: его никто не можетъ ни дать, ни взять.“ *

„Приговоры подписывались за приговорами, одни другихъ суровѣе. Если начальникъ штаба при докладѣ старался иной разъ, вслѣдствіе разныхъ соображеній, смягчить рѣшеніе, Муравьевъ вырывалъ у него изъ рукъ бумагу и быстро подписывалъ. Слова: *погнѣсить, разстрѣлять* выходили у него всегда разборчивѣе другихъ, какъ будто бы писались съ особенною любовью“, пишетъ г. Бергъ, и тотчасъ въ примѣчаніи ссылка на начальника штаба и указаніе на „круглые тигровые глаза“. Не шута страшно становится за писателя способнаго въ подобномъ наборѣ словъ написать подобную ложь и нелѣплицу. На службѣ и по службѣ у каждаго свое дѣло, и не при графѣ Муравьевѣ можно было заниматься не своимъ дѣломъ. Не начальникъ штаба могъ, а аудиторъ обязанъ былъ докладывать графу приговоры осужденнымъ на смертную казнь; не графъ постановлялъ эти приговоры, а военасудныя комиссіи, писавшія ихъ по строгому соображеніи мѣры преступности (дознаною садовыми комиссіями) съ соотвѣтствующими статьями закона. Графъ Муравьевъ не имѣлъ ни случая, ни надобности изрекать смертные приговоры и писать слова: „*погнѣсить, разстрѣлять*“. По закону, присягѣ, долгу и совѣсти, графъ Муравьевъ, если не хотѣлъ измѣнить всему что есть и должно быть у человѣка святаго, не могъ не кассировать если приговоры были недостаточно соображены съ закономъ, или не утверждать ихъ если они были законны. При кассированіи онъ конечно могъ возвращать дѣла докладчику безо всякой подписи или надписать слово: „пересмотрѣть“, а при утвержденіи обязанъ былъ писать: „исполнить“ и скрѣплялъ это слово своею подписью. Кажется ясно что, подтверждая смертные приговоры, графъ Муравьевъ не только не имѣлъ ни надобности, ни обязанности писать *всегда разборчивѣе*, но

* *Записки графа Муравьева, Русская Старина, январь 1883, стр. 164 и 166.*

и обязанъ былъ вовсе не писать словъ: „повѣсить, разстрѣлять.“ Не сыгралъ ли кто-нибудь шуку съ г. Бергомъ шутку отъ имени начальника штаба?

Во всемъ своемъ „очеркѣ“ всего двѣ правды сказалъ г. Бергъ о графѣ Муравьевѣ: характеризовалъ его какъ человѣка изумлявшаго близкихъ къ нему сослуживцевъ и сотрудниковъ „энергіей и бодростію“, съ которыми „могъ работать съ ранняго утра до поздней ночи“,—и написалъ что съ прибытіемъ графа Муравьева въ Вильну „все въ Литвѣ затрепетало изъ конца въ конецъ; многія банды разсѣлись сами собою, другія перешли въ Царство“ и т. д. И эти двѣ правды не могъ г. Бергъ не пересылать, словно лукавкою приправой къ своимъ вздорамъ, ложью написавшю по поводу разговоровъ происходившихъ между графами Бергомъ и Муравьевымъ за обѣдомъ въ Вильнѣ. Мы разспрашивали одного изъ присутствовавшихъ на этомъ обѣдѣ, и хотя не уполномочены назвать его достойное и всѣмъ извѣстное имя, но со словъ его должны сказать что онъ не помнитъ ничего подобнаго словамъ: „сжечь монастырь и мусоръ сравнять съ землей“, или „если человѣкъ стоитъ веревки, то и вздернуть его поскорѣй“! Говорилось о необходимости закрывать католическіе монастыри замѣшанные въ мятежныхъ дѣствіяхъ или въ укрывательствѣ мятежниковъ. Какъ не вспомнилъ г. Бергъ что графъ Муравьевъ не ожегъ ни одного изъ упраздненныхъ католическихъ монастырей, но обратилъ большую часть ихъ въ приходскіе костелы, въкоторое число въ православные храмы, и едва ли одинъ десятокъ употребилъ на помѣщеніе войска. А между тѣмъ это послѣднее распоряженіе въ Царствѣ Польскомъ было принято за правило.

Нисколько не удивляетъ насъ увѣреніе г. Берга будто въ числѣ подчиненныхъ графу Муравьеву военачальниковъ были такіе „изверги“ которые систему разрушенія простерли до размѣровъ и формъ незнакомыхъ въ Европѣ. Къ такимъ де принадлежать въ особенности генералы Манюкинъ и Бакинъ. Первый оклеветанъ видно за то что при взятіи приступомъ Семятичей билъ укрывшихся тамъ мятежниковъ. Быть-можетъ современемъ мы прочтемъ у г. Берга что и Скобелевъ былъ „извергомъ“, когда при взятіи Геокъ-Тепе взрывалъ стѣны динамитомъ. Я. П. Бакалова нашъ авторъ причисляетъ къ извергамъ, а редакторъ *Русской Старины* не оговариваетъ такого искаженія истины.

Этотъ боевой генералъ былъ дѣйствительно суровъ и свирѣлъ на видѣ, и кажется любилъ немощко рисоваться своею кажущеюся свирѣлостію. Былъ ли онъ свирѣлъ въ душѣ, пусть судятъ читатели по слѣдующему разказу очевидца. Однажды, когда онъ былъ начальникомъ военного отдѣла въ Августовской губерніи, привели къ нему молодую женщину средняго польскаго круга, арестованную за то что не помня себя подъ аффектомъ только-что видѣнной ею смертной казни какого-то кинжалщика или жандарма-вѣшателя, она громогласно и публично изругала въ лухъ и прахъ военнаго начальника при военномъ положеніи, — случай подходящий чтобы не только щегольнуть свирѣлостію, но и разсвирѣлѣть въ самомъ дѣлѣ. Съ одной стороны, задыхающаяся отъ страха и рыданій женщина молить о помилованіи; съ другой, громадная фигура зычнымъ голосомъ грозить то штрафомъ разорить, то въ тюрьмѣ сгноить. Входитъ и падаетъ на колѣна отецъ виновной, достается и ему, зачѣмъ воспиталъ повстанку. Вскорѣ за ними вбѣгаетъ жена его съ двумя или тремя малютками-внучатами. Картина сразу измѣнилась: расхажившійся генералъ сразу епалъ съ тону, нагнулся къ малюткамъ, поласкалъ ихъ, погладилъ по головкамъ, потрелалъ ручищами по щекамъ, вѣжно приговаривая: „вишь, какой повстанецъ“, махнулъ рукой и велѣлъ всѣмъ идти домой. Кто же этотъ свирѣлый генералъ, представитель „системы разрушенія“, или добрый человекъ крикунъ?..

Г. Семевскій въ своей замѣткѣ, посвященной памяти Бакламова, * сказалъ что онъ „вовсе не отличался жестокостію, о какой протрубили въ тѣ годы всѣ иностранныя газеты“, а въ текущемъ году трубить и г. Бергъ. Однако тотъ же г. Семевскій сообщил на удивленіе всѣмъ намъ, лично и близко знавшимъ Я. П. Бакламова, будто „типическая наружность“ его „сильно смахивала на свирѣлаго кабана“. Не знаемъ видѣлъ ли этого звѣря г. Семевскій, но знаемъ и смѣемъ увѣрить читателей что въ цитованномъ нами „смахиваніи“ такъ же мало правды, какъ мало сходства въ приложенномъ къ *Русской Старинѣ* портретъ Бакламова. Въ былое время многіе изъ насъ ежедневно видали и конечно не могли забыть его; мы смотримъ на помѣщенный „историческимъ изданіемъ“ портретъ его лишь какъ на карикатуру.

* *Русская Старина*, мартъ, 1883, стр. 716.

О вырубкѣ лѣса на 50 сажень вдоль желѣзной дороги въ огражденіе ея отъ мятежниковъ, стрѣлявшихъ по поѣздамъ, г. Бергъ выражается словно Полякъ съ большимъ гореваніемъ: „сколько погублено такимъ образомъ отлучаго, вѣками береженаго лѣсу, погублено безтолково“. Ясно что онъ не зналъ, или не хотѣлъ въ толкъ взять когда и для чего это сдѣлано... А лѣсъ не „погубленъ“, потому что былъ отданъ на постройку домовъ подъ волостныя правленія и училища.

Верхъ вымысла, это заключительный разказъ въ „очеркѣ“ г. Берга объ одномъ изъ свиданій и разговоровъ графа Муравьева съ митрополитомъ Іосифомъ. Но объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

IV.

Не хвалитесь, ни ажите на пошту.

*Апостоль Іаковъ. **

Разказъ г. Берга о пререканіи между графомъ М. Н. Муравьевымъ и митрополитомъ Іосифомъ отъ слова до слова политически тенденціозная ложь. Обличить ее не трудно. На десятый день по пріѣздѣ Муравьева въ Вильну, такъ выходитъ у г. Берга, митрополитъ будто бы пріѣзжаетъ къ главному начальнику края чтобы просить „за приговореннаго къ разстрѣлянію“ мятежника-ксендза. Главный начальникъ края оказывается болѣе чѣмъ безцеремоннымъ: „рѣзкимъ тономъ“ говоритъ знаменитому іерарху „ты“, „возвысивъ голосъ“ отзывается въ просьбѣ и скелтически спрашиваетъ его о Богѣ „ты-то видѣлъ что ли“? Митрополитъ приглашалъ было начальника края „не кричать“, потому что „никого не боится“ кромѣ Бога, но послѣ обращеннаго къ нему „дивически-грубаго вопроса“, „когда разговоръ принимаетъ такое направленіе, я долженъ умолкнуть“, оказалъ Сѣмашко, взялъ шляпу и уѣхалъ. Буквально такъ оканчивается разказъ г. Берга.

Поводъ къ свиданію, содержаніе и тонъ разговора, все невозможно, не мыслимо при положеніи и извѣстныхъ всѣмъ личныя качествахъ и характерахъ обоихъ собесѣдниковъ**.

* Соборъ. Посланіе, гл. III, стр. 14.

** Никто, конечно, не повѣритъ г. Бергу на-слово, будто, какъ говоритъ онъ нѣсколько выше (стр. 226), графъ Муравьевъ писалъ „старому“ Сейненскому католическому епископу: „Суди въ Сейнахъ,

Прозрачная до безстыдства неабытность вымысла даетъ основаніе подозрѣнію что весь памфлетъ составленъ авторомъ со словъ дурнаго свойства Поляковъ. Только имъ выгодно пускать въ обращеніе такіе разказы, дающіе „клевветникамъ Россіи“ широкую канву для пересудовъ, въ данномъ случаѣ, на примѣръ, на тему: который изъ собесѣдниковъ въ разказѣ Берга мельче, грубѣе, невозможное на своемъ высокомъ посту? Однакоже и самые легкомысленные изъ слушателей не могутъ не догадаться что митрополитъ былъ не у себя въ саду и не на загородной дачѣ, а во дворцѣ начальника края, и стало-быть не могъ имѣть при себѣ шпалы. Потомъ, и самые легкомысленные замѣтятъ что г. Бергъ не безъ умысла же титулуется Іосифа Сѣмашко просто „еписколомъ“, тогда какъ этотъ іерархъ былъ единственнымъ въ текущемъ столѣтіи митрополитомъ Литовскимъ и Виленскимъ. Не понимаемъ, почему редакторъ *Русской Старины*, придирчиво оговорившій *Записки* графа Муравьева въ своихъ примѣчаніяхъ, не замѣтилъ и не оговорилъ такой замѣтной ошибки г. Берга. Опытный редакторъ *Русской Старины* долженъ былъ не хуже насъ видѣть что развязно надѣлывъ графа Муравьева постыдными нравственными свойствами и умысленно сведя знаменитаго митрополита двумя іерархическими степенями ниже, г. Бергъ внесъ въ „историческое изданіе“ политически-тенденціозную ложь и вмѣсто историческаго очерка составилъ политическій памфлетъ, которому всего приличнѣе было бы названіе *политическаго шантажа*.

Вотъ почему изъ-подъ уродливой на русскомъ памфлетистѣ маски глядитъ совсѣмъ не русскій человекъ. Русскій не способенъ такъ „развирѣлѣть“ на графа Муравьева. Только польскому революціонному рожду, его сателлитамъ и слѣпымъ жертвамъ можетъ быть свойственна залапчивая

пока чѣзъ!“ Писущій самъ видѣлъ съ какимъ почтительнымъ пріѣтомъ встрѣтилъ графъ Муравьевъ и пригласилъ пройти впередъ въ кабинетъ пріѣзжавшаго къ нему Самогитскаго епископа Воловчевскаго. Да и въ самомъ дѣлѣ зачѣмъ главному начальнику края было быть грубымъ съ кѣмъ бы то ни было? Тѣмъ менѣе можно вѣрить разказамъ о грубостяхъ въ его личныхъ или письменныхъ сношеніяхъ съ православными или инославными іерархами. Но будь онъ даже грубъ, не самъ же писалъ онъ свои предписанія, а у писавшихъ конечно ужъ не могло-быть желанія грубить во что бы то ни стало.

клевета на такихъ выдающихся государственныхъ дѣятелей какими были митрополитъ Іосифъ и графъ Муравьевъ. Самъ г. Бергъ неосторожно выдаетъ происхожденіе своихъ громовъ, высказывая не только безъ негодованія, но и безъ тѣхъ порицаній что „разсвирѣлѣвшее литовское отдѣленіе ржонда народоваго искало, *разумѣется*, всевозможныхъ способовъ избавиться отъ Муравьева путемъ террора“ и оцѣнило его голову въ 25.000 рублей. Мы подчеркнули слово: „разумѣется“. Въ цитованномъ мѣствѣ оно значитъ: „такъ и быть должно“ или „иначе и быть не могло“, т.-е. равняется почти одобренію избраннаго ржондомъ „пути террора“. Изъ этого „разумѣется“ само собою слѣдуетъ что г. Бергъ наравнѣ съ ржондомъ до расточительности щедръ на всаческія поруганія имени и дѣйствій графа Муравьева...

Мы знаемъ что при жизни графа Муравьева „литовскому отдѣленію ржонда“ не посчастливилось: путь террора былъ закрытъ. Двадцать лѣтъ спустя, т.-е. въ наши дни, кому можетъ придти на мысль мотать за то исторической памяти графа Муравьева? Кого можетъ соблазнять мечта, будто можно увѣрить Россію что „господа Муравьевы“ не нужны ей и надѣяться ласквилемъ на графа Муравьева смутить и запугать государственныхъ нашихъ дѣятелей?

Покоячимъ съ г. Бергомъ. Намъ остается противопоставить клеветамъ собранымъ въ его ламфлетѣ нѣкоторые бытъ-можетъ не всѣмъ извѣстные факты основанные на свидѣтельствѣ лицъ заслуживающихъ полнаго довѣрія. Мы назовемъ этихъ лицъ, у которыхъ не было и не могло быть никакого интереса тенденціозно лгать.

Прежде всего припомнимъ что митрополитъ Іосифъ и графъ Муравьевъ слѣшкомъ за тридцать лѣтъ до втораго польскаго матажа близко узнали другъ друга. Ни прежде, ни послѣ того они ни разу не измѣнили себѣ, а потому и не имѣли поводовъ портить свои взаимно-почтительныя отношенія. Въ 1863 году судьба вторично свела ихъ на давно знакомомъ имъ поприщѣ. Одинъ всецѣло отдавшій жизнь дѣлу возстановленія въ краѣ православія, другой поглощенный трудами и заботами о торжествѣ вѣрвеннаго ему государственнаго дѣла, оба стояли безмѣрно выше траты силъ и времени на праздные разговоры и пререканія. Никогда не щадившіе своихъ силъ и времени на свое дѣло, они были однакожь одинаково скулы на личныя между собою

свиданія. Графъ Муравьевъ всегда строго держался разъ установленнаго имъ распредѣленія часовъ и занятій. Тѣмъ не менѣе, нужно было видѣть съ какою послѣдностью бросалъ онъ всякое занятіе и не по лѣтамъ торопливо почти выбѣгалъ ко входной лѣстницѣ когда докладывали о пріѣздѣ митрополита. Не было возможности удержаться отъ напряженнаго наблюденія при видѣ этихъ двухъ государственныхъ дѣятелей. Всѣ бывало слѣдили съ захватывающимъ духъ вниманіемъ за каждымъ ихъ движеніемъ, за строгостію въ выраженіяхъ каждой черты лица у обоихъ. Очевидцы никогда не забудутъ какъ два маститые старца, шагъ за шагомъ, медленно подвигались къ рабочему кабинету графа между рядами представлявшихся ему и состоявшихъ при немъ лицъ. Присутствовавшіе почтительно наклоняли головы когда митрополитъ, едва поднимая ослабѣвшія и сильно дрожавшія руки почти мраморной бѣлизны, преподавалъ на обѣ стороны архипастырское благословеніе.

Не одни Поляки, но и Русскіе изъ лустозвоновъ устроили разнесли по свѣту мнѣніе о графѣ Муравьевѣ какъ о человѣкѣ холодномъ, безсердечномъ, суровомъ и жестокомъ. Тѣмъ смѣлѣе позволили себѣ гг. Семейскій и Бергъ клеветать на него, приписавъ ему и свирѣлость, и „круглые тигровые глаза“. Въ доказательство того что графъ Муравьевъ не имѣлъ и не обнаруживалъ этихъ свойствъ на службѣ предшествовавшей его назначенію въ Вильну, сошлемся на личное свидѣтельство одного изъ ближайшихъ его сотрудниковъ. Еще разъ, со словъ и позволенія И. М. Геденова, мы можемъ заявить что при декладахъ объ увольненіи неисправнаго чиновника отъ службы безъ прошенія, графъ Муравьевъ всегда осведомлялся есть ли у него семья, и при утвердительномъ отвѣтѣ всегда приказывалъ уволить по прошенію, чтобы не оставить семью безъ куска хлѣба. Въ весьма распространенныхъ разказахъ, мрачными чертами характеризующихъ графа Муравьева, справедливо только то что онъ былъ одинако немумолимо требователемъ къ себѣ и другимъ и, какъ начальникъ, не терпѣлъ ни нарушеній закона, ни небрежности въ исполненіи обязанностей. Служить подъ его начальствомъ значило неопустительно-честно исполнять законъ и обязанности: иначе у него нельзя было служить. Онъ самъ былъ образцомъ и олицетвореніемъ дисциплины, а потому и создавалъ за собою непререкаемое право требовать ея отъ

другихъ. Отъ того имя его сдѣлалось грознымъ, и его ревизіи надвигались словно грозовыя тучи на беззаботныхъ и несправныхъ чиновниковъ. Что онъ не пользовался для корыстныхъ цѣлей своимъ положеніемъ главнаго начальника по тремъ вѣдомствамъ, доказывается тѣмъ что онъ умеръ не оставивъ ничего кромѣ Высочайше пожалованнаго ему имѣнія. Достаточно сказать что по смерти его въ бюро его нащли не болѣе 35 руб. Узнавъ объ этомъ, въ Божѣ почившій Государь приказалъ отпустить на похороны графа Муравьева 5.000 рублей изъ суммъ своего Кабинета, и затѣмъ, получивъ свидѣніе что послѣ покойнаго остался долгъ въ 20.000 руб., повелѣлъ отпустить и эту сумму въ распоряженіе вдовы графа*. Не въ то время воспитался и выросъ онъ когда нашу страну обуялъ „духъ хищенія“, и напрасно г. Бергъ, не постыдившійся перенести въ русскую печать выдуманый Герценомъ эпитетъ, не справилась съ *Колоколомъ*: и въ немъ не нашелъ бы онъ ни одного факта который могъ бы сколько-нибудь оправдать злостное по отношенію къ графу Муравьеву прозваніе.

Другіе два изъ ближайшихъ сотрудниковъ графа Муравьева въ Вильнѣ, статсъ-секретарь С. Ѡ. Панютинъ и почетный олекулъ И. П. Корниловъ, позволили лишущему эти строки сослаться на ихъ свидѣтельство что во все время ихъ службы въ Виленскомъ генераль-губернаторствѣ при графѣ Муравьевѣ, ни разу они не видали и не слышали ни одного факта который сколько-нибудь оправдывалъ бы польскіе и не-польскіе вымыслы объ его жестокости. По словамъ этихъ свидѣтелей, графъ дѣйствовалъ въ Вильнѣ на высотѣ своего призванія. Государственная власть которой онъ былъ представителемъ не можетъ и не должна быть ни зыбкою, ни угодливою, ни пристрастною. За обѣдомъ и съ полчася послѣ стола,—единственное время когда графъ Муравьевъ на отдыхѣ отъ своей службы прислушивался къ общественнымъ разговорамъ и принималъ въ нихъ участіе,—поднимались иногда голоса о необходимости замѣнить природными Русскими всѣхъ польскихъ чиновниковъ бывшихъ на службѣ въ Северо-западномъ краѣ. Въ такихъ случаяхъ графъ всегда возражалъ, говоря что ему „все равно, Полякъ или Русскій, лишь былъ бы

* Эти подробности лично намъ разказывалъ зять покойнаго графа, С. С. Шереметевъ.

вѣреть долгу присяги". Таковъ былъ истинный девизъ на политическомъ и служебномъ знамени графа М. Н. Муравьева.

Выше мы говорили уже о словахъ: „повѣсить“, „разстрѣлять“, которыя будто бы графъ Муравьевъ „разборчивѣ другихъ“ писалъ, а на самомъ дѣлѣ вовсе не имѣлъ надобности писать. Здѣсь, кстати, съ позволенія генераль-адъютанта И. С. Ганецкаго, буквально передадимъ слышанный нами отъ него самого разказъ о разговорѣ, который имѣлъ онъ однажды съ покойнымъ княземъ А. А. Суворовымъ.

„Во время польскаго мятежа, когда я былъ начальникомъ военнаго отдѣла въ Гродненской губерніи“, такъ разказывалъ намъ И. С. Ганецкій, „пріѣхалъ я въ Петербургъ и встрѣтился съ княземъ Суворовымъ.—Откуда вы? громогласно спросилъ меня князь.—Изъ Вильны.—Ну, что вашъ вѣшатель?—Извините, ваша свѣтлость, говорю я ему также громко и съ досадою,—я незнакомъ ни съ кѣмъ изъ вѣшателей. Если вы говорите о М. Н. Муравьевѣ, то я ни отъ кого не слышалъ и никому не повѣрю чтобъ онъ кого-нибудь повѣсилъ. Во вѣренномъ ему крайѣ есть слѣдственныя и военно-судныя комиссіи. Онѣ дѣлають и должны дѣлать свое дѣло, какъ и мы съ вами свое, по закону. Слѣдственная комиссія раскрываетъ преступленія со всѣми сопровождавшими ихъ обстоятельствами и послѣдствіями. Военно-судная повѣряетъ слѣдствія по документамъ и постановляетъ приговоры на основаніи подлежащихъ статей закона. Если слѣдствіе ведено и статьи закона подобраны правильно, то по ясному предписанію закона и по долгу присяги не одинъ Муравьевъ, а вы, я и каждый начальникъ края не смѣетъ не подтвердить приговора. Кто же возьметъ на свою совѣсть и честь не исполнить закона?

„Не услѣлъ еще я кончить, князь повернулся спиной и послѣшво отошелъ отъ меня.“

На вопросъ о томъ слособенъ ли былъ гр. Муравьевъ до пріѣзда въ Вильну не опредѣлить системы предстоящихъ ему дѣйствій и могъ ли основать эту систему на „жестокости“, мы отыскаемъ свидѣтельство генерала-отъ-инфантеріи Э. К. Давыдовскаго, который былъ назначенъ въ Витебскую губернію мѣсяцемъ ранѣе назначенія гр. Муравьева въ Вильну. Желая лично отъ графа выслушать требованія, какія цѣлѣ онъ предъявлять военнымъ начальствамъ, Э. К. поѣхалъ къ нему въ Петербургъ. Разговорался о томъ какая анархія

царитъ въ краѣ, какъ и гдѣ живутъ польскіе помѣщики и что дѣлаютъ наши войска. При этомъ М. Н. Муравьевъ высказалась приблизительно въ такомъ смыслѣ: Одной вооруженной борьбы съ мятежемъ недостаточно; ея даже совсѣмъ не было бы нужно еслибы ранѣе умѣли не довести органы правительственной власти до полнѣйшей раслущенности, а край до анархіи и открытаго возстанія. Стычки войскъ съ шайками мятежниковъ не могутъ обойтись безъ убитыхъ и раненыхъ съ обѣихъ сторонъ. Все это законной борьбѣ съ польскимъ мятежемъ даетъ „ложный видъ напрасной междоусобной войны, напраснаго кровопролитія“. Не въ народныхъ массахъ задуманъ и начатъ мятежъ; организаторы, руководители и исполнители его вышли изъ меньшинства въ краѣ, состоящаго изъ мятежныхъ пановъ, ксендзовъ и шляхтичей; крестьяне одиночками шли въ шайки рѣдко по своей волѣ, чаще подъ гнетомъ лобоевъ, насилій, разграбленія и угрозъ не только жизни лишить, но и усадебныя постройки сжечь. Если угрозы въ разныхъ мѣстахъ были буквально исполняемы, если повстанцы здѣсь уводили лошадей, а тамъ насильственно отнимали одежду, обувь, оружіе и фуражъ, если кинжалщички и жандармы-вѣшатели безнаказанно предавали мученической смерти не только православныхъ крестьянъ и священниковъ, но и вѣрныхъ долгу присяги чиновниковъ и крестьянъ польскаго происхожденія, то нельзя и требовать чтобъ изъ массы крестьянъ не нашлось малодушныхъ которые ушли въ мятежъ. Только въ мятежныхъ прокламаціяхъ прикрывается оныя именемъ и желаніемъ народа, а на дѣлѣ терроризуетъ и разоряетъ народъ. Чтобы сразу положить конецъ всѣмъ буйствамъ анархіи, не народъ слѣдуетъ наказывать за мятежъ, а народъ избавить отъ мятежа. Для этого не такъ важно вооруженное преслѣдованіе шаякъ какъ такіа смѣлая и рѣшительныя административныя распоряженія которыя могли бы всѣхъ тѣхъ, кто предъ мятежемъ и во время его волей или неволей передался на служеніе революціоннымъ видамъ польскаго ржонда сразу поставить въ необходимость служить правительственнымъ силамъ и цѣлямъ. Не войска нужно мучить непрерывною погоней по лѣсамъ и болотамъ за вооруженными шайками, а правительственной власти слѣдуетъ смѣло выступить и вырвать самые корни мятежа, какъ видимые такъ и лотаенные. Надо организаторовъ мятежа и начальниковъ „мясть“ и бандъ сразу поставить въ безвыходную

необходимость изъ руководителей и жертвъ революціонной заги обратиться въ воольныхъ или невоольныхъ исполнителей закона и долга присяги. Отсутствие твердой правительственной власти довело край до того что состоявшіе и состоящіе на государственной службѣ члены мятежной организаціи, вопреки присягѣ формируютъ шайки вооруженныхъ чѣмъ попало мятежниковъ, а начальниковъ ихъ извѣщаютъ о составѣ и движеніи преслѣдуемыхъ ихъ войскъ; отнынѣ нужно поднятъ власть такъ чтобы всѣ враждебные ей элементы не могли не покориться и не извѣщать подчиненные ей органы о движеніи шаяекъ. До сихъ поръ всѣ члены мятежной организаціи участвуютъ въ мятежѣ сборомъ въ 20% со своихъ доходовъ; отнынѣ они должны вносить тотъ же сборъ въ государственныя учрежденія на усмиреніе мятежа и возстановленіе спокойствія въ край и Россіи. До сихъ поръ члены мятежной организаціи разорали низшій слой населенія своимъ хищничествомъ и не гнушались сожженіемъ усадебъ и терроромъ звѣрскаго умерщвленія вѣрныхъ присягѣ людей; отнынѣ правительственные исполнители закона должны секвестровать имѣнія у пособниковъ и конфисковать у организаторовъ мятежа, а уличенныхъ по слѣдствію князьщичковъ, жандармовъ - вѣшателей и убійцъ подвергать по суду и силѣ закона смертной казни. Помѣщики польскаго происхожденія сочувствующіе мятежу, но покинувшіе деревни и поселившіеся въ городахъ чтобы лучше наблюдать за ходомъ правительственныхъ распоряженій, должны немедленно выѣхать по деревнямъ, давъ предварительно подласки что подъ страхомъ секвестра и конфискаціи имѣній будутъ слѣдить за движеніемъ шаяекъ, доносить о нихъ и участвовать въ ихъ истребленіи.

Еще въ Петербургѣ графъ Муравьевъ полагалъ достигнуть всѣхъ этихъ цѣлей постепеннымъ, но основаннымъ на точномъ смыслѣ законовъ примѣненіемъ къ борьбѣ съ мятежемъ правительственной системы если не совѣмъ тождественной, то параллельною съ тою какою задумали до мятежа и со звѣрскою жестокостію во время его приводили въ исполненіе его организаторы. По прибытіи въ Вильну, онъ издалъ въ духѣ принятой имъ системы нѣсколько послѣдовательныхъ руководящихъ циркуляровъ, и при строгостяхъ военнаго положенія (введеннаго еще до его прибытія) сумѣлъ настоять на неукоснительномъ приведеніи своихъ распо-

раженій въ исполненіе со стороны подчиненныхъ. Такъ глубоко и такъ прямо въ дѣль пеладали задуманныя имъ репораженія что, по свидѣтельству даже памфлета г. Берга, „одинъ мѣсяцемъ позже прибытія Муравьева въ Вильну... многія банды разсѣлись сами собою, другія перешли въ Царство“..

Изь-за чего же г. Бергъ приводитъ на память читателямъ тѣ политическія слетни которыя во время назначенія графа Муравьева въ Вильну были лущены въ высшихъ правительственныхъ и общественныхъ кружкахъ въ Петербургѣ? Полаки съ тридцатыхъ годовъ знали и помнили что такое графъ Муравьевъ какъ администраторъ. Они не могли не бояться его и не подсказывать не-русскимъ въ Петербургѣ кружкамъ: „пошлите другаго графа Берга въ Литву, вотъ и все!“ Теперь, когда исполнилось двадцать лѣтъ со времени назначенія графа Муравьева въ Вильну, рѣшительно не понятво по какимъ соображеніямъ г. Бергъ могъ выдавать эти старыя, но все же политически-вредныя слетни, за какое-то серіозное будто бы мнѣніе лучшихъ въ Петербургѣ людей о графѣ Муравьевѣ. Не думаетъ ли г. Бергъ повторить роль г. Скарятина въ *Вѣсти*, или г. Киркора въ его *Новомъ Временѣ*? Если такъ, то пусть припомнитъ онъ какъ недолго пожилось этимъ завѣдомо-противогосударственнымъ органамъ въ нашей повременной печати.

Возражая г. Бергу, мы не имѣли въ виду и не могли бы въ короткой статьѣ характеризовать важнѣйшую сторону государственной дѣятельности графа Муравьева въ Вильнѣ, то - есть организаторскіе его труды при восстановленіи историческихъ русскихъ началъ въ край. Здѣсь мы можемъ только припомнить что менѣе чѣмъ въ два года, въ теченіе коихъ онъ былъ оставленъ въ Вильнѣ, онъ успѣлъ вызвать къ жизни и такъ прочно установить по крайней мѣрѣ самыя главныя изъ этихъ началъ что въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, когда всѣ такъ дѣятельно и дѣйствионо подкалывались подъ нахъ, они оказались несокрушимыми. Какъ же можно не признать его административныхъ способностей, если въ устроеніи всѣхъ сторонъ внутренней жизни въ цѣломъ крайъ онъ съ разу выступилъ во всеоружіи стройно направленной къ исполненію системы? И какъ забыть что и за эту важнѣйшую сторону своего государственнаго дѣла онъ принялся безотлагательно по прибытіи въ край и повелъ ее быстро? Припомнимъ что повѣрочныя комиссіи выѣзжали

во всемъ краѣ на свою плодотворную работу подъ казачьи-ми конвоями, нерѣдко на виду бродячихъ остатковъ мятежныхъ шаекъ. Матежъ еще не улегся, а вопросъ о національной народной въ краѣ школѣ уже былъ прямо и ясно поставленъ, и быстро, рѣшительно направленъ къ разрѣшенію. Въ то же время Церковь Русская смогла подняться изъ рабаки согбеннаго состоянія въ подобающемъ ей значеніи. Говорить ли о величій возстановленныхъ въ Вильнѣ и другихъ губер-скихъ городахъ православныхъ храмовъ и о постройкѣ множества новыхъ по селамъ и деревнямъ? Когда докладчики въ нерѣшимости позволяли себѣ высказывать что въ распоряженіи церковностроительныхъ комитетовъ едва достанетъ суммъ на закладку стоальныхъ храмовъ сколько было нужно ихъ построить, графъ Муравьевъ отвѣчалъ обыкновенно: „даль съ вами здѣсь не будетъ, а храмы достроить“.

Бросаютъ въ память Муравьева обвиненіе въ „жестокости“. Пусть же свидѣтельствуютъ въ его оправданіе цифровыя данныя. Не десятки и не сотни, а десятки тысячъ человекъ бушевали въ мятежѣ на пространствахъ семи губерній, и за все время усмиренія его во всемъ краѣ было:

Прощено и освобождено отъ взысканій.....	9.229 чел.
Выслано по суду.....	4.986 чел.
Выслано административнымъ порядкомъ... 3.205 „	

Итого выслано.... 8.191 чел.

А подвергнуто смертной казни всего.....	128 „
---	-------

тогда какъ кинжалыщики, жандармы-вѣшатели и начальники шаекъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи застрѣлили, повѣсили и мученическою смертію погубили 305 разнаго званія лицъ (не считая ограбленныхъ и безвѣсти пропавшихъ), въ томъ числѣ нѣсколько католиковъ и трехъ православныхъ священниковъ: отца Константина Проколовича (изъ Суража, въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ), отца Даниіла Кополасевича (изъ села Богумевичей, Игуменскаго уѣзда) и отца Романа Ролацкаго (изъ села Котры, Гродненской губерніи).

Н.

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ 'НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ'

ЗАПИСКИ НЕИЗВѢСТНОЙ

XXI.

Въ воскресенье (7 марта) мы ѣздили въ Сень-Клау по желѣзной дорогѣ. Погода была прелестна, мы всѣ наслаждались прогулкой и подробно осмотрѣли дворецъ; онъ не великъ, но очень красивъ какъ по внѣшней архитектурѣ такъ и по внутреннему убранству. ** Въ немъ, какъ повсюду во Франціи, смѣшаны воспоминанія о династіяхъ и разнаго рода правленіяхъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго: комнаты Лудовика XIV съ портретами Лаваллеръ и Генриеты Англіійской; тамъ спальня Наполеона, здѣсь письменный столъ Лудовика-Наполеона, тутъ разказываютъ о дофинѣ, о герцогинѣ Беррійской. Какое правленіе можетъ быть прочно тамъ гдѣ оно столько разъ измѣнялось и гдѣ почва до того расшатана что на ней ничто не можетъ утвердиться?

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 9, 10 и 11 1881 года и № 5 1882.

** Могли ли мы предвидѣть что этотъ милый дворецъ будетъ разрушенъ не Вандалами, не врагами Франціи, а самими же Французами, въ коммунистическомъ неистовствѣ не щадившими даже народныхъ памятниковъ! Стоило пролить столько крови, произвесть столько революцій чтобы дойти до такого нравственнаго униженія.

Филаретъ Шаль нѣсколько разъ былъ у насъ, но не заставалъ дома; наконецъ я имѣла удовольствіе его видѣть: онъ провезъ у насъ цѣлый вечеръ, говорилъ много и хорошо, хотя нѣсколько вычурно. Онъ высказалъ весьма справедливое мнѣніе о Франціи и находилъ что дѣла идутъ дурно.

— Чего можно ждать отъ народа, сказалъ онъ,—который пятидесятью годами революціи не приобрѣлъ правильнаго судопроизводства, добросовѣстныхъ присяжныхъ! Ихъ выбираютъ случайно и изъ того класса который выше всего ставить собственную нажитую тяжелымъ трудомъ. Взглядъ этихъ присяжныхъ чрезвычайно односторонень, посягательство на *собственность* они считаютъ величайшимъ изъ преступленій и обвиняя бѣдную женщину украшшую можетъ-быть изъ крайности, отъ голода, допускаютъ смягчающія обстоятельства въ отцеубійствѣ!

Кто-то изъ нашихъ сказалъ Филарету Шалю что нельзя однако не удивляться внѣшнему благоденствію Парижа и нѣкоторыхъ департаментовъ Франціи.

— Неужели вы называете счастьемъ, возразилъ онъ,—если у человека немного томыше сукно на платьѣ или если онъ повкуситъ ѣсть? Счастье состоитъ въ религиозномъ вѣрованіи, въ спокойствіи духа, а у насъ нѣтъ религіи, умы волнуются, всѣхъ и каждого одолеваетъ зависть.

Были два раза на лекціи Мицкевича. Въ теченіе всей зимы я добивалась этого, но никакъ не удавалось, не съ кѣмъ было ѣхать, а одна не рѣшалась. Наконецъ во вторникъ отправилась съ С. М. Соловьевымъ. Мнѣ прискорбно было видѣть что Мицкевичъ въ валадкахъ своихъ на Россію доходитъ даже до клеветы. Я узнала отъ людей близкихъ къ Мицкевичу что самыя жестокія клеветы писалъ не онъ, а какой-то другой Полякъ, и что ему только приписывали ихъ. Это мнѣ было очень пріятно узнать.

Давно я не наслаждалась такъ музыкой какъ въ концертѣ данномъ въ залѣ Герца всѣми артистами италіанской труппы. Инструментальной музыки вовсе не было, даже не было оркестра. Тадалини акомпанировалъ на фортепiano, гѣлы: Лаблашъ, Маріо, Віардо-Гарсіа (сестра Малибранъ), Гризи, Ниссенъ, Морели. О такихъ талантахъ отзывы измѣшны, можно только восхищаться и съ наслажденіемъ долго, долго вспоминать.

Въ четвергъ (11 марта), мы осматривали заведенія: Maison de la Providence и Maison des Enfants trouvés. До сихъ поръ

я не видала благотворительнаго заведенія лучше. Дома Промысленныя, находящагося подъ вѣдѣніемъ пяти сестеръ милосердія. Туда принимаются сироты безъ различія націи и религіи. Ихъ призрѣвается до 200, и онѣ раздѣлены на четыре класса. Ихъ учатъ читать, писать, французскому языку, первымъ правиламъ ариеметики и научаютъ работать въ такомъ совершенствѣ чтобъ онѣ могли зарабатывать себѣ хлѣбъ. Онѣ прекрасно шьютъ бѣлье и получаютъ заказы отъ магазиновъ. Къ дѣвочкамъ этимъ относятся съ любовью, онѣ кажутся такими счастливыми что на нихъ пріятно смотрѣть. Говорятъ что онѣ съ величайшимъ сожалѣніемъ оставляютъ заведеніе. Ихъ содержать очень просто, но чрезвычайно опрятно. Въ больницѣ тепло, воздухъ чистъ, кровати съ занавѣсками. Мы нашли тамъ вѣсколько дѣвочекъ тяжело больныхъ, а выздоравливающія сидѣли возлѣ страдающихъ, утѣшали ихъ, читали имъ. По всему видно что въ заведеніи этомъ господствуетъ любовь. Одна маленькая дѣвочка особенно тронула меня; мнѣ сказали что у ней грудная болѣзнь и что она безнадежна; страдаетъ ужасно, но не жалуется. Я подошла къ ней, она ангельски улыбулась. „Vous êtes bien malade, ma petite? спросила я. „Non, madame“, отвѣчала она кротко. Я взяла ее за ручонку, такую худенькую! Эта дѣвочка напомнила мнѣ моего мужа. Онъ также улыбался, у него была такая же чистая душа. Вѣроятно только подобныя существа такъ спокойно и радостно приближаются къ вѣчности. Я не могла удержаться отъ слезъ. Мнѣ жалъ было расстаться съ малюткой, и прощаясь съ ней я перекрестила ее. На дворѣ этого заведенія строится церковь знаменитымъ Ратисбономъ, обращеннымъ изъ Евреевъ, о которомъ такъ много говорили въ Парижѣ.

La Maison des Enfants trouvés не такъ обширенъ какъ наши Воспитательные дома въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ немъ принимаютъ только маленькихъ дѣтей и даютъ имъ временный пріютъ; больныхъ лѣчатъ, здоровыхъ отсылаютъ въ деревню и помѣщаютъ къ кормилицамъ. Когда они подрастутъ, ихъ пристраиваютъ въ разныя заведенія или отдаютъ въ ученье какому-нибудь ремеслу. Здѣсь также есть сестры милосердія, и потому Воспитательный Домъ содержится съ любовью какъ и всѣ заведенія въ которыхъ онѣ участвуютъ. Женщины которыя не знаютъ чтѣ имъ дѣлать въ жизни, у которыхъ нѣтъ семейныхъ связей, которыя скучаютъ,

жалуются, недовольны ни собою, ни другими, впадать жалкое существованіе, женщины эти должны были бы познакомиться съ сестрами милосердія, посѣтить Домъ Провидѣнія, и онѣ могли бы назначеніе женщины, убѣдись что всегда и во всякомъ положеніи можно быть счастливою счастливя другихъ.

Были въ Севрѣ. Отправилась туда въ каретѣ, Алексѣй Васильевичъ, Катя и я въ 11 часовъ, Александра Ивановна съ прочими членами семейства уѣхали гораздо ранѣе чтобъ имѣть время потомъ прогуляться. Сначала мы осмотрѣли производство фарфоровыхъ издѣлій, потомъ магазины. Есть чѣмъ любоваться. Какое изящество формъ, какой блескъ цвѣтовъ, какая чудная живопись! Но все такъ неприступно дорого что немногіе въ состояніи прибрѣтать эти прекрасныя вещи. Дешевле 40, 50 франковъ нельзя даже купить маленькую незатѣливую чашечку. Колія на фарфорѣ съ картинъ Рафаэля дороже самыхъ лучшихъ колій на холстѣ. Нѣтъ дешевле 20, 30 тысячъ франковъ. Очень любопытемъ музей гдѣ находятся образцы глиняныхъ произведеній всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ. Эта цѣлая исторія фарфороваго производства. Тамъ находятся также образцы произведеній всѣхъ существующихъ фаянсовыхъ, фарфоровыхъ и стеклянныхъ фабрикъ. Пріятно было видѣть вазу изъ Петербурга и нѣсколько вещей изъ Кіева. Позавтракавъ въ какомъ-то скромномъ ресторанѣ, мы отправились въ Медонъ, очень хорошенькій, загородный дворецъ, гдѣ есть нѣсколько картинъ Шефера, Ораса Верне и морскихъ видовъ Гюдена. Погода была прекрасная, и мы лѣшкомъ отправились въ Belle-Vue. Дорога шла паркомъ, откуда хорошій видъ на Парижъ. Сена прихотливо извивается и олоасываетъ огромный городъ, обнесенный телерь укрѣпленіями. Изъ Belle-Vue, по желѣзной дорогѣ, гдѣ прошлаго года случилось такое крупное несчастіе, мы доѣхали въ четверть часа до Парижа. У заставы дожидались омнибусы, мнѣ давно хотѣлось узнать какъ въ нихъ ѣздить, и мы за пять су съ человѣка благополучно, во тряско, доѣхали до Тюильрійскаго сада.

Въ понедѣльникъ (15 марта) была на лекціи Менете, который имѣетъ способность усыплять меня. Такъ какъ новаго ничего отъ его чтенія не ожидаешь, то вниманіе не возбуждено и клонить сонъ съ которымъ бороться очень непріятно. Но несмотря на дремоту я все-таки слышала какъ Менете разсуждалъ о Лопе де-Вега и Кальдеронѣ, нападалъ на романъ

тизмъ вообще и на этихъ знаменитыхъ писателей въ особенности. Онъ говорилъ о Кальдеронѣ такъ какъ могъ говорить только Французъ, не появившій ни его характера, ни смысла, ни поэзи его произведеній.

Была изъ любопытства на лекціи Рауль-Рашета. Онъ читалъ въ одномъ изъ кабинетовъ Королевской бібліотеки. Онъ говорилъ объ этрусскихъ древностяхъ. Надобно быть ученымъ чтобы судить объ его лекціяхъ. Мы, невѣжды, у него научиться ничему не могли, но однако было нѣсколько дамъ не дремавшихъ какъ я у Менете. Я пріѣхала на лекцію единственно для того чтобы посмотреть на Рауль-Рашета и послушать какъ выражаются французскіе ученые. Профессоръ говоритъ ясно и просто, что составляетъ большое достоинство подобныхъ лекцій.

Во вторникъ (16 марта) у графини Суккуръ познакомились съ другимъ ученымъ барономъ Экштейномъ, который пишетъ что-то объ Индіи. Онъ самъ офранцузившійся Нѣмецъ и вовсе не похожъ на ученаго; а какъ-то сомнѣваюсь въ его глубокой эрудиціи.

17 марта послѣ обѣды отправилась въ Collège de France, гдѣ Кине читалъ о Джордано Бруно, современникъ Кампанеллы, проповѣдывавшемъ философію въ духѣ Спинозы. Послѣ Кине читалъ Филаретъ Шаль о Гётѣ Берлихенгерѣ, о его запискахъ и объ драмѣ Гёте; въ заключеніе онъ справедливо сказалъ что не надобно быть одностороннимъ во мнѣніяхъ и думать что только классики вѣка Людовика XIV были великіе писатели, какъ думаетъ Менете и какъ онъ проповѣдуетъ съ французской точки зрѣнія.

По случаю именинъ Алексѣя Васильевича, у насъ обѣдали Гудовичи, Строгановы, графиня Разумовская. Трудно встрѣтить почти семидесятилѣтнюю старушку которая была бы такъ любезна и привлекательна какъ графиня Разумовская. Вотъ богатая русская натура. Жаль только что она такъ предана свѣту, странствуетъ, живетъ въ Парижѣ и ничего не дѣлаетъ для своего отечества. Вечеромъ была въ концертѣ въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія въ Гваделупѣ, который былъ данъ въ домѣ банкира Торна. Въ хорахъ участвовали пѣвцы и пѣвицы принадлежавшіе къ цвѣту парижской аристократіи. Соло пѣли Mlle Торна и еще какая-то особа, весьма прекрасная. Но все это не доставило бы большаго удовольствія еслибы въ числѣ испол-

нителей не было Марио, Лаблаша и Тальберга. Последний очаровал меня. Трудно вообразить какой неизъяснимо-гармоническій инструментъ дѣлаетъ онъ изъ фортепiano, вызывая звуки исполненные чувства, переливы мягкіе, уловительные какъ голосъ Гриси. На этомъ вечерѣ все сплособствовало очарованію: великолѣпная зала, нарядныя дамы, благоуханіе цвѣтовъ, уловительная музыка.

Въ это время просто разорялись на Гваделупу: пѣли для нея, танцовали, разыгрывали лотереи, давали спектакли, открывали подписки, дѣлали сборы. Похвально это рвеніе, во всему надобно знать мѣру. Нельзя обирать однихъ чтобы помогать другимъ. Притомъ же въ Парижѣ все до такой степени обращается въ моду что, по милости этого, и хорошія побужденія становятся приторными. Базаръ для Гваделупы, устроенный королевой и принцессами, вполнѣ удался. Среди бронзы, хрусталей, игрушекъ, тканей и цвѣтовъ блестяла кисть Энгера, картины Изобеля, морскіе виды Гюдена и Айзавовскаго и акварели многихъ извѣстныхъ художниковъ. Тутъ были музыкальныя произведенія Галеви, романсы Либара и Дасье, книги извѣстныхъ авторовъ. Тутъ въ первый разъ явилось произведеніе женщины рѣшившейся только для добраго дѣла выступить на литературное поприще: женщина эта—гжа д'Арбувиаль, написавшая три предестныя повѣсти имѣвшія огромный успѣхъ не только въ легитимистскихъ салонахъ, но и во всѣхъ гдѣ что-нибудь читають и о чемъ-нибудь говорятъ.

Итальянцы еще не увѣдали, хотя въ оперѣ уже не поють. На прощанье они пѣли *Stabat Mater*. По-моему, нельзя было лучше исполнить это превосходное произведеніе Россина. Марио восхитительно пропѣлъ первое соло. Его голосъ вливался въ душу. Пѣли Гриси и Тамбурины. Я воображала что имъ будутъ восторженно рукоплескать, шумно благодарить за наслажденіе которое они доставляли, осыпать ихъ вѣнками и букетами. Ничего не бывало. Имъ немного похлопали, бросили букета четыре, изъ которыхъ три одна русская дама, и лублика тихо разошлась безъ возгласовъ и изліаній.

Осматривали дворецъ Пале-Рояля. Тамъ есть нѣсколько очень хорошихъ картинъ Ораса Верне, Гюдена, Изобеля. Батальная живопись Верне давно была извѣстна мнѣ по литографіямъ, за то я нашла здѣсь одну картину Робера, кою вовсе не знала и котрая очень понравилась мнѣ: это плачущая

Неаполитанка. Облокотившись сидитъ она возлѣ своего ребенка, который безпечно играетъ въ корзинѣ. Она кажется ни на что не обращаетъ вниманія, даже на своего ребенка, и вся поглощена своимъ горемъ... Такъ-называемая Орлеанская галерея, представляющая исторію Орлеанскаго дома, не заманчива въ историческомъ отношеніи и не удовлетворительна по художественному исполненію; хотя надъ ней трудились лучшіе художники: Шеферъ, Верне и проч. и проч., но вѣроятно предметъ не вдохновлялъ ихъ. Правда и нечѣмъ было вдохновляться! Вопервыхъ, изображены сцены изъ жизни Анны Австрійской, матери родоначальника царствующей теперь династіи, потомъ воспроизведены событія въ которыхъ игралъ роль домъ Орлеанскій, нѣсколько эпизодовъ изъ революціи и наконецъ все семейство Людовика-Филиппа въ ту минуту когда приходятъ объявить объ избраніи его королемъ. Последняя картина хуже другихъ. Людовикъ-Филиппъ очень уменъ, хорошо образованъ, отличный семьянинъ, но онъ поступалъ не всегда безукоризненно и оказался большимъ интриганомъ. Да и вся его родня не заслуживаетъ особеннаго уваженія, за исключеніемъ развѣ третьяго герцога Орлеанскаго Людовика, отца Филиппа-Равенство (Philippe-Egalité).

XXII.

Внутреннія свойства всегда проявляются и въ наружныхъ формахъ: у человека — въ его приемахъ, привычкахъ, въ предметахъ окружающихъ его; у народа — въ его зданіяхъ, обрадахъ, обычаяхъ. Въ Парижѣ ни въ чемъ не замѣтно духовной жизни (кромѣ богоугодныхъ заведеній, но они въ глаза не бросаются и чтобъ узнать ихъ надобно ихъ отыскивать). Парижъ представляется городомъ совершенно языческимъ; его церкви, новыя, похожи на языческіе храмы; не слышно отраднато благовѣста какъ въ Россіи и Италіи. Театры открыты круглый годъ, магазины никогда не запираются (кромѣ ночи), фокусники, фигляры, эксплуататоры чужаго кармана не даютъ покоя. Въ половинѣ поста (mi-carême) праздникъ прачекъ: смѣшная процессія съ масками и всякаго рода вакханаліями, вовсе нехристіанскими. На Страстной недѣлѣ, когда православные постятся и благоговѣнно ходятъ въ церковь, Парижане стремятся на гулянье въ Елисейскія

люля, которое захватывает и прилегающія улицы. Щеголи вызываютъ въ новыхъ роскошныхъ экипажахъ или красуются на дорогахъ верховыхъ лошадяхъ, щеголихи показываютъ свои новыя шляпы и разныя весенніе наряды. Въ какой-то день Страстной недѣли, кажется въ четвергъ, бываетъ большее гулянье въ Longchamps, которое впрочемъ теперь не такъ блестяще какъ бывало прежде и число красивыхъ экипажей годъ отъ году уменьшается. Мы поѣхали изъ любопытства, и я была жизни не рада. Неимоверная скука тащиться шагъ за шагомъ и видѣть по большей части *ситадинки* * въ одну лошадь. Промышленность здѣсь неисчерпаема въ изобрѣтательности и изо всего умѣетъ извлекать выгоду. Напримѣръ, на Лоншанскомъ гуляньѣ, среди рядовъ экипажей, расхаживаетъ нагудренный, раздраженный маркизъ и бросаетъ вамъ въ карету маленькія книжки: *L'Echo Lyrique* и тому подобныя. Разумѣется ему даютъ нѣсколько су. Какой-то безрукій носитъ на головѣ корзину наполненную небольшими бумажками на которыхъ написаны разныя предсказанія, подходит къ каретамъ и убѣждаетъ узнать будущее. Повеюль возьмешь нѣсколько бумажекъ и дашь монетку. Предсказанія всегда обѣщаютъ много счастливаго. Только разъ въ годъ, въ Страстную Пятницу, театры бывають закрыты, но за то въ этотъ день бываетъ знаменитый концертъ въ консерваторіи, къ которому такъ долго готовятся. Очень трудно попасть туда, но намъ удалось. Инструментальное исполненіе доведено до высшей степени совершенства, вокальная часть не такъ хороша, хоры посредственны. Мы нашли что составъ концерта былъ не совсѣмъ удаченъ. Началось симфоніей Бетховена, исполненною великолѣпно. Послѣ того какойто господинъ игралъ лѣвою рукою на фортепіанахъ. Этотъ *tour de force* неумѣстенъ для концерта консерваторіи. Затѣмъ слѣдовала ораторія *Каициуса Давидъ* неизвѣстнаго композитора, въ которой звуки напоминали болѣе танцовальныя мотивы нежели покаянный вопль вдохновеннаго царя. Въ заключеніе была сыграна увертюра изъ *Оберона*, которую всегда слушаешь съ удовольствіемъ. Въ продолженіе всего концерта насъ смущали два старика, сидѣвшіе въ сосѣдней ложѣ, славшіе крѣпкимъ своимъ и даже громко хралѣвшіе, а напротивъ насъ въ партерѣ князь

* Извозицыи маленькія кареты.

Тюфаканъ, также дремавшій и еще болѣе склонившій свою и безъ того кривую шею. Мы не могли удержаться отъ смѣха, и на насъ косо поглядывали сосѣди въ ложѣ съ другой стороны, вѣроятно большіе меломаны.

Свѣтлое Воскресенье празднуется въ Парижѣ совсѣмъ не такъ какъ у насъ. Нѣтъ духовной радости, торжественнаго звона, христіанскаго лобзанія. Мы были въ церкви Св. Роха; намъ сказали что тамъ будетъ исполнена обѣда Лавасо-обра, которую мнѣ хотѣлось послушать, но въ церкви была такая тѣснота, безпрестанно входили и выходили, и при этомъ такъ спорили и бранились что я поскорѣе ушла и отправилась въ свою православную церковь. Въ этотъ же день мы были на кладбищѣ Отца-Лашеза. Даже и тутъ проявляется народный характеръ. Сколько изысканныхъ, надутыхъ фразъ въ эпитафіяхъ! Мнѣ показалось также неприличною выставка на памятникахъ предметовъ принадлежавшихъ усопшимъ. Мы видѣли букеты засохшихъ цвѣтотъ, гирлянды изъ искусственныхъ, на памятникахъ дѣтей ихъ кукавы, игрушки и разные colifichets. Смерть такъ торжественна, загробная жизнь такъ таинственна, что съ мыслію о нихъ не должны соединяться суетныя воспоминанія міра сего. Самая форма памятниковъ доказываетъ что Французскій народъ лишень эстетическаго чувства. Вовсе нѣтъ памятниковъ хорошихъ въ художественномъ отношеніи, за исключеніемъ памятника Казимиру Перье, исполненнаго изящно и господствующаго надъ обширною окрестностію. Гробница Абелара и Элоны проста и изящна, точно привезена изъ Италіи, страны искусствъ. Одинъ совсѣмъ незамѣчательный памятникъ глубоко тронулъ меня. На *Кладбищѣ Бюдыяль* есть простая могила приготовленная для двоихъ; на одной сторонѣ еще пустое мѣсто, на другой—положена мраморная доска съ надписью что тутъ погребена гжа Тиловъ и высказана въ простыхъ словахъ сердечная похвала ея семейнымъ добродѣтелямъ. Маленькій цвѣтичекъ окружаетъ эту могилу, его обрабатываетъ мужъ усопшей и, какъ намъ сказалъ кладбищенскій сторожъ, въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ ходитъ ежедневно, какова бы ни была погода, поклониться праху своей жены. Г. Тиловъ не болѣе какъ porte-faix (носильщикъ). Изумительное проявленіе любви и постоянства, особенно во Франціи.

Были раза три въ лапачѣ депутатовъ. Засѣданія не особенно интересны, но я съ удовольствіемъ тамъ бываю; раска-

знаюсь что не бывала (хотя могла бы быть) во время борьбы министерства съ оппозиціей, когда Ламартивъ, какъ поэтъ, создалъ новую систему правленія, а Гизо, какъ человекъ государственнй, стоявшій во главѣ правленія, энергично защищалъ то что, по его мнѣнію, составляло благодеиствіе и спокойствіе Франціи.

Были еще разъ въ палатѣ перовъ. Пренія господъ перовъ бывають очень скучны. Впрочемъ, баронъ Дюленъ—хорошій ораторъ, онъ говорилъ съ энергіей; маршалъ Суальтъ возражалъ слабо: храбрый полководецъ не краснорѣчивъ.

Такъ какъ палата перовъ находится въ Люксембургскомъ дворцѣ, то мы и воспользовались этимъ случаемъ чтобъ осмотрѣть Люксембургскую картинную галерею. Вездѣ и во всемъ Французы думаютъ только объ эффектѣ. Какое ложное направленіе въ ихъ искусствѣ! Люксембургская галерея служить подтвержденіемъ этой фальши: она вся исключительно состоитъ изъ новыхъ произведеній французской школы. Есть блескъ колорита, иногда смѣлость идеи, выразительность, но натянутая эффектность все портитъ. Напримеръ, въ картинѣ Герена, *Каинъ бѣгуций послѣ убіенія Авеля*, хороша группа испуганной жены прижимающей къ себѣ дѣтей своихъ, но театральная поза Каина и странное освѣщеніе портятъ картину и дѣлають ее неестественною. *Смерть Елизаветы*, королевы Англійской, Поля Делероша, также не нравится мнѣ. Французы находятъ что въ лицѣ Елизаветы, обезображенномъ старостью и болѣзью, искусно выражена еще не совсѣмъ угасшая любовь, но я ничего подобнаго не замѣтила и видѣла только отвратительную старуху, похожую на вѣдьму. Выше всѣхъ современныхъ французскихъ живописцевъ, по моему мнѣнію, Орасъ Верне. Кромѣ битвъ и сраженій, онъ любитъ изображать смуглыя лица Востока, и его загорѣлая Юдией съ черными волосами и блестящими глазами гораздо лучше многихъ Юдией блѣокурыхъ, нѣжныхъ, словно списанныхъ съ свѣтскихъ красавицъ. Есть въ Люксембургской галереѣ и мраморы, но ни одного замѣчательнаго. Погуляли въ Люксембургскомъ саду, украшенномъ распускающимися сиренями. Я не люблю ни французскихъ дворцовъ, ни французскихъ садовъ, вездѣ такъ и виденъ Ленотръ: сухая правильность и холодное однообразіе.

Были въ Академіи Художествъ, гдѣ такъ же какъ и у насъ учать безвозмездно ваянію, живописи, архитектурѣ. Прежде

всего насъ повели въ залы гдѣ находятся произведенія учениковъ, до крайности плохія, что не говорить въ пользу способа преподаванія. Въ скульптурномъ отдѣленіи мнѣ пріятно было взглянуть на копии съ нѣкоторыхъ моихъ любимыхъ статуй. Посреди двора Академіи стоитъ портикъ одного изъ дворцовъ Франциска I; архитектура его и статуи стоящія въ нишахъ изящны. Въ Академіи сохраняются также нѣкоторые остатки замка и калеллы которые Генрихъ II построилъ для Дианы де-Пуатье въ Ане (Anet) въ Нормандіи. Тамъ гдѣ въ зданіи Академіи предполагали устроить церковь, на главной стѣнѣ помѣщена копія со *Страшнаго Суда* Микель Анджело, которая мнѣ показалась очень хорошею. На заднемъ дворѣ Академіи находится полуротонда назначенная для собраній; ее недавно расписалъ фресками Поль Деларошъ.

Грустно было для меня приближеніе Свѣтлаго праздника. Такъ грустно какъ еще не бывало. Первое Свѣтлое Воскресеніе послѣ смерти моего мужа я была больна и въ такомъ состояніи что кромѣ моего горя не могла ничего ощущать. Прошлаго года мы къ празднику пріѣхали въ Римъ. Наслажденіе находится тамъ, сочувствіе ко всему тому что я видѣла, удовольствіе встрѣтиться съ нѣкоторыми знакомыми, сблизиться съ вашими художниками, все это развлекало меня, я менѣе тосковала хотя болѣе плакала, а нынѣшній годъ... какъ было тяжело! У заутрени въ нашей церкви было множество народа, въ томъ числѣ и Грековъ. Священникъ былъ нездоровъ и отслужилъ чрезвычайно скоро. Я уѣхала до окончанія обѣда чтобы не идти со всеми русскими разгавливаться у Киселева, къ которому я чувствую большую антипатію. Святая Недѣля ни чѣмъ особеннымъ не ознаменовалась, только въ воскресенье у насъ катали яйца. Александра Ивановна любитъ поддерживать старинные русскіе обычаи. Во вторникъ обѣдали ея родственники и короткіе знакомые: графиня Разумовская, Строгановы, Гудовичи, М. Я. Нарышкина. Въ среду мы и все это общество обѣдали у графини Разумовской. Мнѣ особенно было пріятно на вечерѣ у графини Сиркуръ. Я познакомилась съ г. Деларивомъ (De la Rive), извѣстнымъ ученымъ занимающимся естественными науками, сдѣлавшимъ важныя открытія въ физикѣ; во въ моихъ глазахъ выше его учености то что онъ, члѣнъ большаго общества, трудится единственно изъ любви къ наукѣ и преподаванію.

самъ химію бѣдвымъ ремесленникамъ. Вотъ высокое при-
мѣненіе знанія! Г. Деларивъ чрезвычайно пріятель. Я давно
не имѣла такого интереснаго, оживленнаго разговора какой
мы съ нимъ вели цѣлый вечеръ. Къ величайшему моему со-
жалѣнію, онъ на другой день долженъ былъ уѣхать въ Англію.
Есть люди съ которыми познакомишься въ нѣсколько часовъ
короче нежели съ другимъ въ цѣлый годъ, съ которыми
мысли быстро мѣняются, а рѣчи такъ и льются. Въ этомъ-то
и состоитъ симпатія. Я простилась съ г. Деларивомъ съ боль-
шимъ сожалѣніемъ. Грустно было думать что вѣроятно я его
болѣе не встрѣчу въ жизни. Онъ убѣдительно приглашалъ
меня пріѣхать въ Женеву, гдѣ постоянно живетъ; но въ
мои планы не входило распространять путешествіе и от-
давать срокъ возвращенія въ Россію, который былъ уже на-
значенъ. Въ послѣдствіи графиня Сиркуръ передала мнѣ что
ей сказалъ обо мнѣ Деларивъ. На другой день онъ принесъ
мнѣ книгу своего сочиненія. Признаюсь, мнѣ было это пріятно.
Я познакомила также съ гжею Свѣчиной, и еслибы не была
такою дикаркой и не чувствовала себя часто въ такомъ на-
строеніи при которомъ не должно выходить изъ своей ком-
наты, то часто ѣздила бы къ Свѣчиной. Она замѣчательно
умна. Давно уже оставила она Россію, поселилась въ Па-
рижѣ, приняла католичество, окружила себя людьми замѣ-
чательными, усердно занимается благотворительностію, ни-
куда не выѣзжаетъ, но каждый вечеръ привѣтливо принима-
етъ Русскихъ которыхъ все-таки считаетъ своими соотече-
ственниками. Разговоръ ея чрезвычайно интересенъ. Грустно
думать что анти-русское воспитаніе и ложное направленіе
отняли у Россіи и продолжаютъ отнимать столько богато
одаренныхъ натуръ которыя служили бы украшеніемъ отече-
ству и могли бы приносить ему величайшую пользу.

Послѣ Италіи церкви Франціи кажутся весьма некраси-
выми. Мы однако посѣщаемъ ихъ изъ любопытства. Храмъ
St. Sulpice, напримѣръ, снаружи кажется величественнымъ,
но внутри поражаетъ отсутствіемъ всякаго изящества. Не-
льзя и вообразить до какой степени плохи образъ и какъ
ужасно разрисованы стекла.

XXIII.

Были въ Ратушѣ (Hôtel de Ville), богатой историческими воспоминаніями: въ ней свирѣлствовалъ конвентъ, въ ней давались великолѣпные праздники Наполеону, привѣтствовали реставрацію въ лицѣ Людовика XVIII, въ ней пировалъ Карлъ X и наконецъ конституціонный король іюльской революціи возобновлялъ это зданіе и украсилъ произведеніями искусствъ и промышленности народной. Лучшіе живописцы расписали потолки и нѣкоторыя стѣны залъ. Богатыя драпировки изъ французскихъ тканей и роскошная мебель парижскихъ мастеровъ украсили комнаты; заблестѣли позолота многочисленныхъ украшеній, бронза изящныхъ люстръ и канделябровъ; словомъ, *Домъ Города* великолѣпенъ и достоинъ богатой, образованной націи. Въ немъ-то префектъ Сены угощаетъ представителей всѣхъ сословій, пріѣзжихъ изъ провинцій, иностранцевъ, артистовъ, литераторовъ. Балы ратуши чрезвычайно многолюдные и весьма разнообразны.

Двѣ новыя трагедіи надѣлали много шума. *Юдишь* гжи Э. Жирарденъ и *Лукреція* Понсара. Первая своимъ падевіемъ, вторая своимъ успѣхомъ. Мы вдвоемъ съ Александромъ Ивановной отправились въ Одеонъ смотрѣть *Лукрецію*. Театръ былъ биткомъ набитъ. Мы сѣдѣли на балконѣ, возлѣ какой-то дамы, которая имѣла много знакомыхъ между литераторами, показывала намъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, между прочими Жюль Жанена, сѣдѣвшаго позади насъ въ ложѣ. Онъ такой толстый и на видъ беззаботный что кажется жизнь не должна быть ему очень тяжела. Понедѣльные фельетоны, помѣщаемые ежедневно въ *Journal des Débats*, приносятъ ему по 1.000 франковъ; онъ такъ набилъ руку что они вѣроятно не стоить ему большаго труда. Притомъ же онъ много получаетъ за свои романы и слѣдовательно вполнѣ обезпеченъ. Французы превозносятъ *Лукрецію*, находятъ ее первокласснымъ произведеніемъ, un chef d'oeuvre... Признаюсь, я не нахожу ничего превосходнаго въ драмѣ Понсара. Стихи гладки, звучны, характеръ *Лукреціи* благороденъ, но нѣтъ драматическаго движенія, интересъ не сильно возбуждаетъ. Это не чтò иное какъ историческое происшествіе разказанное прекрасными стихами. Оскорбленія которымъ подвергаетъ

Брута Секста, его баизорукость въ отношеніи къ притворяющемуся юродивымъ заговорщику не естественны, характеръ Юліи неправдоподобенъ... Женщина разъ предавшаяся разврату не можетъ имѣть сильныхъ чувствъ къ мужу и изъ ревности умертвить себя. Длинныя разказы Лукреціи и предсказанія Сивиллы скучны и лопшны; наконецъ, раставуто и холодно дѣйствіе послѣ смерти Лукреціи, когда Брутъ созываетъ Римлянъ, заставляетъ ихъ клясться въ мщевіи и говорить длинныя рѣчи, а Лукреція (гжа Дорвалъ) все это время лежитъ *бездыханная*... Какъ должно быть трудно для актрисы! Почти въ одно время съ *Лукреціей* Понсара явилась на Французскомъ Театрѣ *Юдишь* гжи Э. Жирарденъ, и несмотря на сильную партію и многочисленныхъ приверженцевъ даровитой писательницы, трагедія ея потерпѣла фіаско. Въ этотъ вечеръ мы были у графини Сиркуръ. Ученый и остроумный баронъ Экштейнъ пріѣхалъ изъ театра. Всѣ обратились къ нему съ вопросами о *Юдишѣ*: „Совершенное паденіе!“—„А гжа Жирарденъ?“—„Она какъ Карлъ V присутствовала при своемъ погребеніи“. Несмотря на это несомнѣнное паденіе, мать Э. Жирарденъ, также извѣстная писательница Софи Ге разказывала всѣмъ и каждому о немаломѣрномъ успѣхѣ трагедіи ея дочери. По этому поводу передавали анекдотъ, рисующій французскій характеръ. Одинъ драматическій писатель пригласилъ своего пріятедя на второе представленіе своей піесы. Театръ былъ пустъ; пріятедь не утерпѣлъ чтобы не сдѣлать слѣдующаго замѣчанія автору: „*Mon cher, je ne sais où tout ce monde là s'est fourré!*“

Были на скачкахъ происходившихъ на Марсовомъ полѣ. Народу было множество. Пѣшеходы за то чтобы стоять въ серединѣ платили 10 франковъ съ человѣка. За кареты тоже платили, но сколько—не помню. Французы изъ всего умѣютъ извлекать пользу. Сидѣвшіе въ каретахъ и стоявшая толпа безмолствовали, незамѣтно было ни малѣйшаго оживленія. Въмѣсто сигнала развертывался флагъ, и мгновенно появлялись три или четыре лошади, въ экипажахъ всѣ приподнимались чтобы смотрѣть на нихъ. Одна кака-нибудь лошадь возьметъ призъ, и затѣмъ не слышно никакихъ возгласовъ, никакого одобренія. Послѣ этого всѣ усядутся и спокойно ждутъ болѣе получаса пока лоскачутъ другія лошади. Я очень люблю Алексѣя Васильевича, Лину и гжу Миклашевскую, но сидѣть en partie cartée, говорить о лошадяхъ,

составляющихъ интересъ минуты, смотрѣть на лошадей, и это въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, невыносимо! Послѣ третьей скачки я не выдержала и готова была пѣшкомъ бѣжать домой, но къ счастью у гжи Миклашевской была своя карета, которую она мнѣ предложила, и я въ ней уѣхала. Можеть-быть львамъ и львицамъ, сидящимъ въ трибунахъ, имѣющимъ какой-нибудь интересъ въ скачкахъ, держащимъ пари, было и весело, но намъ, сидящимъ на вѣтру и пыли, приходилось плохо.

1 мая (н. ст.) въ Парижѣ былъ большой праздникъ, именины короля. (Лудовикъ Филиппъ знаетъ что Парижане любятъ веселиться, не пропускаетъ случая увеличить свою популярность и старается всѣми средствами ублажить народъ, во главѣ котораго его поставили обстоятельства и его собственная воля. Уже въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль строились лавки и театры на Елисейскихъ Поляхъ. 1 мая въ два часа началось гулянье. Елисейскія Поля закипѣли народомъ, открылись лавки съ лакомствами и мелочными товарами, завертѣлись фортунки, закривлялись лаясы, загремѣла музыка, смѣльчаки полѣзли на мачту (*mat de cocagne*). На открытыхъ сценахъ начались представленія: изображали военныя эволюціи, сраженія Французовъ съ казаками... само собою разумѣется что первые всегда оказывались побѣдителями. Напротивъ этого воинственнаго театра былъ другой, гдѣ танцевали балетъ. Все это было оживлено, но не буйно. Посмотрѣли на все эти увеселенія и отправились домой.

Изъ нашего семейства были только Алексѣй Васильевичъ и Анна. У Кати и мальчиковъ корь. Александра Ивановна въ большомъ безпокойствѣ. У всѣхъ находящихся здѣсь Русскихъ также корь въ домахъ.

День былъ прекрасный; изъ оконъ нашихъ видны были толпы гуляющихъ, освѣщенныя заходящимъ солнцемъ. Когда смерклобъ, мы пошли въ Тюльрийскій садъ, хотѣли оттуда смотрѣть фейерверкъ, но побоялись тѣсноты. Между тѣмъ зажглась иллюминація, по аллеямъ и площадямъ сада стояли зажженные трехугольники. Впрочемъ иллюминація вообще была не великолѣпна. Мы погуляли немного и, возвратясь домой, забралась на самый верхній этажъ, на чердакъ Адели, — горничной убирающей наши комнаты; при этомъ случаѣ я полюбовалась какъ было чисто и мило въ крошечной комнаткѣ бѣдной дѣвочки которая цѣлый день работаетъ

убирая комнаты, не такъ какъ у насъ ихъ убирають, но ежедневно выколачивая мебель и вытряхая ковры. Это доказываетъ что во Франціи даже въ высшихъ классахъ развита потребность жить порядочно.

Въ десять часовъ мы опять пошли на Елисейскія Поля: тамъ было все то же что и полутру, только закрылись уже два большіе театра, а взамѣнъ ихъ открылись два публичныя бала. Мы посѣтили одинъ изъ нихъ съ выѣской *A la ville de Paris*; тамъ было множество народу; танцовали неблагообразныя личности, не было ни одной дамы въ шляпѣ: всѣ въ челпакахъ или въ прическахъ, несмотря на то что балъ происходилъ подъ открытымъ небомъ. Я по неаивности не замѣтила ничего неблагопрістойнаго, но намъ оказали потому что танецъ который танцовали очень неприличенъ и что мы напрасно были на этомъ балѣ. Мы впрочемъ остались тамъ всего нѣсколько минутъ. Надобно отдать справедливость Французамъ—они сдѣлались смиреннѣе. На этомъ праздникѣ все обошлось тихо.

Мы были съ Анной на соединенномъ засѣданіи пяти академій: 1) Академіи Наукъ, 2) Французской Академіи, 3) Академіи Надписей и Словесности, 4) Академіи Художествъ и, наконецъ, Академіи Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ. Засѣданіе происходило въ Институтѣ и открылось рѣчью Беньйо, не особенно занимательною; послѣ нея былъ прочтенъ отчетъ о преміи назначавшейся за лучшее сочиненіе по сравнительной филологіи и о предоставленіи ея г. Лафая, издателю французскихъ синонимовъ. Г. Бюрнуфъ читалъ о происхожденіи буддизма, но такъ монотонно что болѣе усыплялъ нежели возбуждалъ вниманіе. Г. Бюрнуфъ пользуется репутаціей первокласснаго ученаго, но все не смотритъ таковымъ. Его двѣтущее улыбающееся лицо свидѣтельствуетъ что наука не слишкомъ утомляетъ его. Рауль Рашетъ, членъ Академіи Художествъ, прочелъ очень хорошую статью о Пуссенѣ, въ которой, какъ это всегда водится, прилепелъ похвалы Франціи. Г. Бланки, членъ Академіи Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ, прочелъ отрывокъ изъ сочиненія о восточномъ многоженствѣ. Въ отрывкѣ этомъ ясно и краснорѣчиво выражалось религиозное чувство. Въ то время какъ онъ читалъ, я съ любопытствомъ смотрѣла на одного Египтянина, сидѣвшаго недалеко отъ насъ; видно было что чтеніе Бланки, затрогивавшаго

вопросъ близкій восточнымъ людямъ, произвело на него сильное впечатлѣнiе. Г. Анселъ, услуживый чтець плохихъ стиховъ, прочелъ отрывокъ изъ элической поэмы *Joanna d'Arès* Александра Суме (de l'Académie Française). Въ заключенiе, г. Бусенго (Boussingault) de l'Académie des Sciences долженъ былъ прочесть о золотыхъ и платиновыхъ рудахъ, но не знаю по какой причинѣ мы были избавлены отъ этого чтенiя. Изъ Академии мы отправились въ мастерскую Айвазовскаго. Онъ написалъ двѣ новыя большія картины. Какое огромное дарованiе, какое чувство природы! Жаль только что онъ не умѣетъ такъ же хорошо писать фигуры какъ море и воздухъ. Посмотрѣть на его картины италянскихъ береговъ Средиземнаго моря, словно побывать въ Италии. Въ заключенiе нашихъ утреннихъ странствованiй, мы были въ Булонскомъ лѣсу, который не представляетъ ничего замѣчательнаго и вовсе не соответствуетъ своей славѣ. У насъ называли бы его не лѣсомъ, а *лѣсоочкомъ*.

XXIV.

21 апрѣля Александра Ивановна была очень грустна для своихъ именинъ, дѣти все еще очень большыя, у нихъ все еще сильная корь, и она отъ нихъ не отходитъ. Мы повѣхали съ нею къ обѣднѣ, гдѣ ожидали найти большой парадъ по случаю тезоименитства императрицы, но кромѣ богомольныхъ дамъ рѣшительно никого не было; изъ официальныхъ лицъ—ни одного. Здѣшнее посольство не строго соблюдаетъ обычай своей страны, хотя чествованiе нѣкоторыхъ торжественныхъ дней должно бы входить въ обязанность представителя Россiи.

Послѣ нашей обѣднѣ мы отправились въ *Abbaye des Bois*, гдѣ преподается молодымъ дѣвушкамъ и мальчикамъ религиознае ученiе, *le cathéchisme de persévérance*, какъ оно называется. Я думала что это религозная бесѣда, толкованiе догматовъ вѣры, и съ преждевременнымъ сочувствiемъ отправилась въ *Abbaye des Bois*, но то что я увидѣла и услышала изумило меня своею неаппостiю. Въ одномъ изъ придѣловъ собираются молодыя дѣвушки и мальчики, они садятся на среднихъ скамейкахъ, родители ихъ и постороннiе слушатели по бокамъ. Толстый краснощекий аббатъ входитъ на кафедру, рассматриваетъ тетради своихъ ученицъ съ сочиненiями

на заданную тему, и тутъ же, при алтарѣ Божиѣмъ, не стыдится отпускать шуточки, осылать похвалами однихъ, порицать другихъ, возбуждать въ своихъ ученикахъ то смѣхъ, то самодовольную улыбку: такимъ ли способомъ должно преподаваться религиозное ученіе? Провозгласивъ имена налицавшихъ сочиненія, расхваливъ всѣхъ, толстый аббатъ сходитъ съ кафедры и остается въ церкви чтобы наблюдать за порядкомъ. Другой аббатъ, такой же толстый, взомель на кафедру и началъ проповѣдывать, но съ такими жестами, съ такою аффектаціей что конечно не могъ произвести благого впечатлѣнія своими словами. Послѣ проповѣди глѣли псалмы, потомъ послѣдній аббатъ опять взомель на кафедру, толковалъ о нѣкоторыхъ праздникахъ и увѣщевалъ посѣщать церковныя служенія. Я уѣхала въ большомъ разочарованіи. Въ этотъ же день мы были въ Мазариновской библіотекѣ, гдѣ не много видѣли, но много бесѣдовали съ Филаретомъ Шалемъ, директоромъ этой библіотеки. Каждый разъ какъ мы видимся, онъ говоритъ мнѣ столько комплиментовъ что приводитъ меня въ смущеніе. Въ этотъ разъ отпустилъ фразу надъ которой мы потомъ очень смѣялись; увѣрялъ меня „que je lui raigais être le type de la pureté slave“! Но не мотивировалъ, почему пришелъ къ такому заключенію. А онъ мнѣ кажется тиломъ настоящаго Француза.

На дняхъ Араго открылъ свой курсъ; онъ читалъ въ обсерваторіи, въ прекрасной залѣ въ два свѣта, потолокъ которой изящно украшенъ рѣзьбой и позолотой. вмѣсто кафедры возвышалась небольшая эстрада, обнесенная перилами, на которой стояли два стула и профессоръ свободно расхаживалъ, поучая своихъ слушателей, коихъ было многое множество; зала была биткомъ набита. Намъ едва могли найти мѣсто, и то по протекціи, во второмъ этажѣ у окна выходящаго въ залу. Мнѣ, по моему невѣжеству, астрономія кажется наукой нелостижимой, но когда говоритъ Араго, какъ будто все понимаешь: нельзя говорить яснѣе и краснорѣчивѣе. Я не многому научилась, но уѣхала съ убѣжденіемъ что слышала гениальнаго человѣка и превосходнаго профессора.

У Алексѣя Васильевича неодолима страсть все осматривать, и онъ повезъ насъ въ Сенъ-Жерменъ, къ сожалѣнію не по желѣзной дорогѣ, а въ коляскѣ. Мы тащились два съ половиною часа, потому что останавливались въ Мальмезонѣ, гдѣ импера-

трица Жозефина проводила лѣтніе мѣсяцы и гдѣ Наполеонъ наслаждался обществомъ любимой женщины которую такъ жестоко принесъ въ жертву своему честолюбію. Взглянулъ также на водопроводныя машины въ Марли, лампачикъ тщеславія Лудовика XIV, не останавливавшася ни предъ какою затѣей. Сенъ-Жерменскій дворецъ, гдѣ жилъ жалкій король Іаковъ II, гдѣ происходило много событій французской исторіи, теперь обращенъ въ военную тюрьму, въ которой заведены разныя мастерскія и преступники очень искусно работаютъ. Трудъ есть лучшее исправленіе; хорошо что это повали и что стараются этимъ воспользоваться. Въ пять часовъ возвратились по желѣзной дорогѣ, и этотъ маленькій переѣздъ былъ пріятіе всей прогулки.

На двѣхъ же были въ Версаи. Надобно много времени чтобы подробно осмотрѣть дворецъ; мы обѣжали его вмѣстѣ съ толпой, и все что мы видѣли поразило насъ своимъ великолѣпіемъ: комнаты Лудовика XIV блестятъ золотомъ и богатствомъ. Интересна галлерей портретовъ гдѣ собраны замѣчательныя лица нѣсколькихъ столѣтій, списанныя съ натуры. Мнѣ болѣе всего понравилась народная галлерей. Вся исторія Франціи изображена на стѣнахъ огромныхъ залъ кистью французскихъ художниковъ. Зала посвященная эпохѣ Крестовыхъ походовъ особенно отличается художественностію и тщательностію отдѣлки. Всѣ орнаменты взяты изъ той же эпохи. Въ корридорахъ, соединяющихъ залы, стоятъ статуи королей, великихъ полководцевъ и государственныхъ людей Франціи. Между ними красуется статуя Іоанны д'Аркъ, поэтическая какъ сама ваятельница которая ее произвела (Марія Виртембергская, дочь Лудовика-Филиппа) и такъ рано была похищена у искусства, семьи и всѣхъ умѣвшихъ ее цѣнить.

Честъ и слава Лудовику-Филиппу, по мысли котораго создана была эта галлерей. Галлерей эта была бы еще драгоценнѣе еслибъ исполненіе картинъ было удовлетворительнѣе. Всѣ произведенія Ораса Верне и нѣкоторыхъ извѣстныхъ живописцевъ прекрасны, но есть и чрезвычайно плохія, что вредитъ общему впечатлѣнію. Версальскій садъ величественъ, но однообразенъ. Маленькіе фонтаны били съ двухъ часовъ, большіе пускаютъ въ 4 часа, но на этотъ разъ опоздали часомъ. Безчисленное множество народа окружило бассейнъ Нептуна и съ нетерпѣніемъ ожидало появленія воды,

которая наконецъ показала въ разныхъ мѣстахъ, брызнула изъ вазъ окружающихъ бассейновъ, Нептунъ обвился каскадомъ, на которомъ отразилась радуга. Это было эффектное, фантастическое зрѣлище, но продолжалось не болѣе четверти часа и исчезло какъ сновидѣнiе. Версальскiе фонтаны похожи на театральную декорацию, ихъ нельзя сравнивать съ петергофскими фонтанами которые бьютъ непрерывно и на которые можно насмотрѣться сколько душѣ угодно. Обѣдали вмѣстѣ съ Миклашевскими въ Hôtel du Réservoir, столъ былъ отличный, по 6 франковъ съ персоны, обыкновенная цѣна хорошаго обѣда въ Парижѣ и окрестностяхъ. Послѣ обѣда лѣзла смотреть фейерверкъ и иллюминацию. Все это было очень незатѣливо; Французы не разоряются на огневыя потѣхи.

Всю недѣлю до 1 мая (стар. ст.) дни мои были чрезвычайно наполнены, тѣмъ болѣе что я считала приятною обязанностью долго сидѣть съ больною Катей и часто посѣщать нашихъ юношей, также больныхъ. У меня до того голова шла кругомъ отъ всѣхъ заботъ и развлеченiй что я едва могу послѣдовательно припомнить все что пережилось. Это невыгода усиленныхъ впечатлѣнiй: одно вредитъ другому, все обращается въ какой-то хаосъ и многое исчезаетъ изъ головы.

Были между прочимъ въ Шарантонѣ, гдѣ строится много новыхъ зданiй. Этотъ домъ умалишенныхъ будетъ замѣчательнъ по своей огромности и прекрасной архитектурѣ. Мы видѣли нѣкоторыхъ сумашедшихъ, но очень смиренныхъ. Въ Шарантонѣ принимаютъ только тѣ кто въ состоянiи платить. Вносящiе 1.600 франковъ въ годъ имѣютъ отдѣльныя комнаты. Одна старушка съ удовольствiемъ показывала намъ свою комнату и сказала: tout cela est très bien quand on n'a pas sa raison, mais quand on a sa raison il vaut mieux rester chez soi.

Въ среду отправились по обыкновенiю въ Collège de France слушать Кине и Филарета Шаля. Удивились очень, увидавъ въ залѣ необычайную толпу, ежеминутно увеличивавшуюся и наполнившую даже мѣста за перегородкой, назначенныя для дамъ. Въ числѣ слушателей былъ Мишле и еще нѣкоторые профессора. Не могли сначала понять что означала эта торжественность. Явился наконецъ Кине, чрезвычайно смущенный. Взойдя на кафедру и оправившись отъ внутреннего волненiя, онъ сказалъ: „Я долженъ начать, къ сожалѣнiю,

изъясненіемъ вовсе не касающимся моего предмета. На послѣдней лекціи моего почтеннаго товарища, профессора Мишле, пытались сдѣлать ему непріятность. Знаю что то же готовилось и мнѣ, но ни что не заставитъ меня перемѣнить образа мыслей. Никогда не буду признавать что спасеніе только въ одной католической вѣрѣ и всегда буду думать что несчастіе для государства если въ немъ водворилось братство Лойолы.“ Слова эти были покрыты неистовыми рукоплесканіями. Произошло величайшее смѣтеніе, толпа, кричала: „à bas les jésuites! à la porte les jésuites.“ У меня сердце замерло, я такъ и думала что произойдетъ если не кровопролитіе, то по крайней мѣрѣ свалка. Слава Богу, ничего не случилось. Не было даже посягательства сдѣлать какую-нибудь непріятность Кине. Онъ былъ осыпанъ единодушными и восторженными рукоплесканіями и прочелъ свою лекцію среди полнаго торжества. Не сумѣю передать всего что онъ говорилъ, но его цѣлью было доказать пагубное вліяніе іезуитовъ и необходимость независимости катедры (l'indépendance de la chaire). Кинэ словно переродился, лицо его выражало какую-то восторженность, онъ не заикался, не качался какъ обыкновенно это дѣлалъ, но говорилъ съ увлеченіемъ какъ превосходный ораторъ. Никогда не видала такого полнаго, такого безусловнаго успѣха. Я была слишкомъ взволнована и почти не слушала сладкорѣчиваго Филарета Шаля, читавшаго послѣ Кинэ. На этотъ разъ онъ говорилъ о народныхъ лѣсняхъ Германіи, но до нихъ ли возбужденной толпѣ которая только что слышала такой яркій протестъ противъ вліянія іезуитовъ, составившаго животрепещущій современный вопросъ!

Въ четвергъ, у Араго было опять множество слушателей. Почтенный профессоръ долго не могъ начать говорить отъ шума тѣснившейся толпы, и затѣмъ часто былъ прерываемъ возгласами стоявшихъ у дверей и порывавшихся войти въ залу. Араго говорилъ о движеніи звѣздъ, объ устройствѣ газа, о телескопѣ и пр. и пр., матерія для насъ довольно сухая, но мы слушали съ удовольствіемъ, какъ слушаемъ музыку Берліоза которую также не понимаемъ.

Была въ палатѣ депутатовъ. Говорилъ Берье. Не многое въ Парижѣ произвело на меня такое впечатлѣніе какъ эта рѣчь. Нельзя вообразить себѣ краснорѣчія болѣе логичнаго, болѣе яснаго, болѣе увлекательнаго, хотя дѣло шло о сахарѣ,

вопросъ чисто финансовый, о которомъ на дняхъ я слышала въ палатѣ длиннѣйшее разсужденіе министра финансовъ, толстаго, уродливаго господина. Что же должно быть когда знаменитый ораторъ возбуждаетъ вопросъ политическій, когда защищаетъ свою мысль и отстаиваетъ свои убѣжденія!..

На слѣдующей недѣлѣ во вторникъ, несмотря на ужаснѣйшую погоду, какая въ это время года рѣдко бываетъ даже въ Петербургѣ, я отправилась въ Люксембургскій дворецъ чтобы присутствовать въ засѣданіи историческаго конгресса, который уже девять лѣтъ постоянно собирается въ Парижѣ. Нынешній годъ онъ былъ открытъ длиною рѣчью, о просвѣщеніи XIX вѣка, Мартинеса де-ла-Роза, знаменитаго испанскаго поэта. Мы ее не слышали, но прочли о ней. Во вторникъ, когда мы были, нѣкоторые ораторы возражали противъ нее. Одинъ очень энергично доказывалъ что въ нашъ вѣкъ, особливо во Франціи, успѣхъ замѣчается только въ промышленности, что ничего не сдѣлано для нравственнаго улучшенія, что все вниманіе обращено только на вѣшность и на эффектъ, въ доказательство чего ораторъ прибавилъ: „Подите на художественную выставку, найдете ли вы тамъ успѣхъ въ искусствахъ? Достояна ли она великой націи? Подите въ театръ — и тамъ точно также одна изысканность, натаванность и эффектность? Въ литературѣ также нѣтъ ничего утѣшительнаго!“ Въ этомъ есть доля правды. Мартинесъ де-ла-Роза говорилъ немного, но очень хорошо. Онъ доказывалъ что прогрессъ несомнѣнно есть, но разсуждая о просвѣщеніи заключилъ слѣдующими словами: „И просвѣщеніе имѣетъ свою опасность, объ удаленіи которой надобно заботиться. Предостереженія необходимы, къ нимъ должно прибѣгать, подобно тому какъ у Римлянъ, при торжественныхъ процессіяхъ въ честь героевъ, изъ толпы народа слышались брань и оскорбительныя слова для того чтобъ указать гордость триумфаторовъ!“ Но вообще конгрессъ этотъ не занимателенъ.

Въ среду я присутствовала на замѣчательной лекціи въ Collège de France. Съ 12 часовъ зала была биткомъ набита, двери залерты; меня впустили по протекціи. Я шла возлѣ дочери Мишле, съ которою еще прежде познакомилась. Когда я пришла, слышенъ уже былъ шумъ, волненіе ежеминутно увеличивалось; на дворѣ, въ корридорахъ было множество народа. Раздавались требованія чтобы лекція чита-

лась въ большомъ амфитеатрѣ; на это возражали что должно читать тамъ гдѣ уже собралась публика. Смятеніе произошло необычайное, спорили, горячились, бѣгали, прыгали черезъ загородку гдѣ мы сидѣли. Я съ непривычки къ подобнымъ сценамъ перелугалась было, но Миле Мишле, уже обстрѣленная, успокоила меня. Кто-то сказалъ что Кинэ соглашается читать въ большомъ амфитеатрѣ, многіе бросились туда, находившіеся въ нашей залѣ еще болѣе зашумѣли и одержали побѣду: было объявлено что Кинэ будетъ читать здѣсь, всѣ двери растворили настежь, толпа стоявшая на дворѣ хлынула къ нимъ, и Кинэ явился на трибунѣ, окруженный дамами, многими литераторами и профессорами (между коими былъ и Мицкевичъ). Его встрѣтали оглушительными рукоплесканіями, но толпа, прижкнувшись къ дверямъ, шумѣла и не давала читать. Кинэ нѣсколько разъ принимался, но не могъ сказать болѣе двухъ словъ. Начиналось опять смятеніе, вѣшная толпа волновалась, кричала, покушалась проникнуть въ залу, внутренняя старалась усмирить и успокоить ее. Нѣсколько разъ пробовали затворять главную дверь, но въ нее безпощадно стучались и толкались, взлѣзали на окна, и когда одно въ дребезги разлетѣлось, то у меня задрожали руки и ноги; я такъ и думала что дѣло выйдетъ не на шутку, но, слава Богу, опять все обошлось безъ столкновеній. Приверженцы Кинэ рѣшились не отвѣчать на шумъ его противниковъ, просили профессора продолжать не обращая вниманія на попытки прервать чтеніе. Кинэ говорилъ опять о характерѣ иезуитовъ и въ заключеніе мастерски разказалъ жизнь Игнатія Лойолы. Онъ имѣлъ опять блестящій успѣхъ. Послѣ его лекціи немногіе остались слушать Филарета Шаля. Онъ и его супруга, особа не очень привлекательная, пригласили меня по окончаніи лекціи побесѣдовать въ профессорскую комнату, гдѣ всегда пылаетъ каминъ и гдѣ профессора принимаютъ своихъ друзей.

Въ четвергъ, съ лекціи Араго, который читалъ очень занимательно о движеніи звѣздъ и о созвѣздіяхъ, мы побѣжали въ Collège de France, гдѣ Мишле также возсталъ противъ иезуитовъ, но къ сожалѣнію не могли попасть въ залу, даже на дворѣ стояла такая толпа что не было возможности пройти сквозь нее. Мы отправились на историческій конгрессъ, собиравшійся въ засѣданія черезъ день. На этотъ разъ засѣданіе было изъ рукъ вонъ гауло. Толковали о рыцарскихъ

орденахъ, о вліяніи ихъ на человѣчество, но безцвѣтно и пошло. Конгрессъ этотъ просто комедія, на него можно было бы написать заую каррикатуру. На обширной трибунѣ засѣдали члены, президентъ въ серединѣ, предъ нимъ стоялъ столъ и на немъ колокольчикъ. По обѣимъ сторонамъ помѣщались стенографы. „Je demande la parole“, сказалъ одинъ изъ ораторовъ, сѣлъ на стулъ стоявшій впереди и началъ говорить такъ театралью, словно научился у какого-нибудь дурнаго актера. Другой, замѣтившій его, кричалъ во все горло. Третій съ большимъ умиленіемъ читалъ по тетрадкѣ. Я дала себѣ слово не пріѣзжать болѣе на историческій конгрессъ. Французы мастера надувать и величать громкимъ названіемъ то что не заслуживаетъ никакого вниманія.

На слѣдующей недѣлѣ, въ среду, опять слушала Кине. Онъ читалъ въ большомъ амфитеатрѣ; беспорядковъ никакихъ не было, раздавались только восторженныя рукоплесканія. Кине читалъ опять о независимости каведръ, о „лицемѣрии, коварствѣ, злочестіи“ іезуитизма который онъ называлъ ладеніемъ религіи, находилъ что іезуиты суть въ христіанствѣ то чѣмъ были фарисеи въ іудействѣ и указывалъ ихъ лагубное, мертвящее вліяніе. „Мы стремимся къ жизни духа, сказалъ онъ въ заключеніе, и должны любить Бога живаго, а не принимать доктрина вѣдущихъ къ ничтожеству“. Я познакомилась съ женой Кине, она по происхожденію Нѣмка и оказалась мнѣ очень доброю, сердечною и вѣжно любящею своего мужа.

Въ четвергъ попали наконецъ на лекцію Митле и нашли себѣ хорошія мѣста. Смятенія никакого не было, но у него всегда такая бурная аудиторія что спокойнымъ быть нельзя. За неимѣніемъ другаго предлога пошумѣть, слушатели придрались къ какому-то господину который сѣлъ среди дамъ за загородкой и не снялъ шляпы. Поднялся страшный шумъ. „Otez le chapeau! à la porte! c'est un jésuite, un burggrave!“ кричали, свистали, хлопали, а господинъ все-таки шляпы не снималъ и только пожималъ плечами. На него сыпалась насмѣшки и даже оскорбленія. „Il est muet!... Mais parlez donc! Vous avez la parole... Il n'ôte pas son chapeau puisqu'il craint de perdre sa perriquette“ и тому подобныя остроты. Не знаю чѣмъ бы все это кончилось еслибы какая-то догадливая дама не подошла къ нему и не попросила снять шляпы. Онъ, какъ вѣжливый Французъ, тотчасъ исполнилъ ея

желаніе; аудиторія закричала: „à la bonne heure“ и утихла. Французы не могутъ быть спокойны: для нихъ необходимы какое-нибудь зрѣлище или какой-нибудь скандалъ. Я видалъ что Мишле читалъ лучше обыкновеннаго, но все-таки слыш-комъ много говорилъ о себѣ и о Сисмонди, который, кажется, его конекъ: о чемъ бы онъ ни заговорилъ, а сведеть рѣчь на Сисмонди. Мишле въ свою очередь возставалъ противъ іезуитовъ, кдснулся и вообще католическаго духовенства, нападалъ на него, но говорилъ вообще болѣе въ духѣ примиренія. Сколько я могла уразумѣть изъ телерешаго направле-нія его лекцій, онъ старается проповѣдовать *царство любви*. Эта мысль высокая, но она такъ перелутана у него съ дру-гими посторонними мыслями, такъ заброшена побочными раз-сужденіями что ее едва можно уловить. Онъ въ этотъ разъ сказалъ: „La société humaine avait trois phases: la première présentait les esclaves, la seconde les hommes libres, la troisième les amis“. Хороши друзья которые продолжаютъ вести кро-вавья войны, уничтожать другъ друга и причинять одинъ другимъ всевозможный вредъ! Недосагаема еще эта третья фаза человѣчества и, къ несчастію, на свѣтѣ ничего такого не совершается что могло бы дать хотя надежду на осу-ществленіе этого высокаго идеала.

Филаретъ Шаль опять провелъ у насъ вечеръ. Съ нимъ не скучно, онъ говоритъ много и иногда остроумно, но у него такой страшный тонъ, въ немъ такое отсутствіе прав-ды что ему ни въ чемъ не вѣришь и не чувствуешь желанія съ нимъ сблизиться. Онъ хочетъ печатать въ Петербургѣ книгу о парижскомъ обществѣ и просилъ меня объ этомъ похлопотать.

Была на послѣдней лекціи Мишле. Пріѣхали довольно ра-но и до лекціи еще успѣли вдоволь наговориться съ Мисе Мишле и Мисе Киве, къ которой чувствую большое влече-ніе и съ которою мы уже обмѣнялись визитами. Мишле чи-талъ лучше нежели когда-нибудь, но все-таки не могъ удер-жаться чтобы не похвалиться. Доказывая необходимость предпріятого имъ и Киве похода противъ іезуитовъ, онъ сказалъ: „Мысльъ тому назадъ величались названіемъ іезуи-та, а теперь скрываютъ его.“ Нахожу что это преувеличено. Можетъ-быть его лекціи, особливо лекціи Киве, произвели впечатлѣніе, которое въ послѣдствіи отзовется, но теперь онъ еще не могли имѣть вліянія.

XXV.

Мы вдруг собрались ѣхать въ Руанъ и отправились троємъ: Алексѣй Васильевичъ, Анна и я. Желѣзная дорога устроена прекрасно, ѣздъ неспрѣтнаго сотрясеніа, которое чувствуется на другихъ дорогахъ, вагоны очень удобны. Мѣстность по которой ѣдетъ желѣзная дорога не живописна, берега Сены къ которымъ мы иногда приближались плоски и не цвѣтущи. Мы ѣхали пять часовъ; олоздали часомъ, потому что въ машинѣ оказалось какое-то поврежденіе. Руанъ не красивъ и не отличается чистотой. Онъ замѣчательнъ только своею торговлей, церквами, воспоминаніемъ связаннымъ съ именемъ Іоанны д'Аркъ и тѣмъ что считается главнымъ городомъ Нормандіи, поэтической страны породившей чудныхъ героевъ, которые изъ морскихъ разбойниковъ обратились въ храбрыхъ завоевателей, простерли свое владычество отъ сѣвернаго моря до южнаго, грабили Британію, дѣлали нападенія на Францію и Иславію, открыли Ферерскіе острова, проникли до Гренландіи и, какъ нѣкоторые полагаютъ, отважнѣйшіе изъ нихъ оттуда пустились на югъ и попали въ Америку, за пять или за шесть вѣковъ до Колумба. Вообще, Норманы были для нѣкоторыхъ народовъ такимъ же бичомъ какіе Гунны для Римлянъ, Татары для Россіи. Норманы ознаменовали свое господство не одними грабежами и кровопролитіемъ, въ нихъ было стремленіе къ осѣдлости и благоустройству. Они въ XI вѣкѣ основали королевство Обѣихъ Сицилій и новую династію въ Англіи. Остатки зданій въ Сициліи, церкви въ Руанѣ доказываютъ что они любили искусство, не только разрушали, но и создавали, тогда какъ Гунны и Монголы не оставили послѣ себя никакого памятника и пронесли по свѣту разрушительнымъ ураганомъ. Мы послѣдили еще до обѣда побывать въ соборѣ, прекрасномъ готическомъ зданіи, построенномъ въ стилѣ XIII вѣка. Кромѣ чудесной архитектуры, въ этомъ храмѣ замѣчательны еще: расписанныя стекла, картина Филиппа Шавляны *Поклоненіе пастырей* и памятники кардиналовъ Амбуазскихъ XVI вѣка: На кенотафѣ стоятъ двѣ молящіяся фигуры дяди и племянника бывшихъ архіепископами въ Руанѣ. Не ояъ ли подали Кановъ мысль *Климента XII и Пія VII*?

Въ барельефахъ находится шесть фигуръ, изображающихъ монашескія добродѣтели; одна изъ нихъ, *Правосудіе*, замѣчательно хороша. Между ними стоятъ маленькія фигурки монаховъ, весьма изящно сдѣланныя. Почти напротивъ этого памятника находится другой, также замѣчательный, работы Іоанна Гужона, считавшагося французскимъ Фидіемъ и погибшаго въ рѣзніѣ Варсоломеевской ночи. Памятникъ этотъ воздвигнуть Лудовику де-Брезе, мужу Діаны де-Пуатье, бывшему губернаторомъ въ Руанѣ. Фигура де-Брезе, изъ чернаго мрамора, лежитъ на гробницѣ; съ одной стороны отъ нея находится статуя кормилицы Брезе, съ другой—его жены, Діаны де-Пуатье. Изъ собора мы отправились въ церковь St. Оуенъ прекрасной готической архитектуры. Нѣкоторые предпочитаютъ ее даже собору. Видѣли площадь на которой была сожжена Іоанна д'Аркъ и башню въ которой она содержалась. Это былъ прежде домъ Бедфорта, теперь его занимаетъ шведское посольство. Жалѣли что мы не могли видѣть комнату въ которой провела послѣднія минуты освободительница Франціи. Но и снаружки домъ этотъ, съ башней, съ четырехугольнымъ дворомъ, очень любопытенъ и носитъ печать своего вѣка.

Въ одной съ нами гостиницѣ стояла Рашель. Вечеромъ она должна была играть. Ловкій курьеръ нашъ, котораго мы взяли съ собой въ Руанъ, досталъ намъ билеты, и мы имѣли удовольствіе видѣть знаменитую артистку въ *Мариѣ Стюартъ*. Хотя трагедія эта обезображена во французской передѣлкѣ, но все-таки она во сто разъ лучше приторныхъ французскихъ трагедій прошлаго столѣтія, бѣшеныхъ драмъ прошлаго десятилѣтія и незаслуженно прославленныхъ трагедій новыхъ гениевъ. У Рашели огромное дарованіе, всѣ ея движенія исполнены пластической красоты, но въ ней нѣтъ нѣжности; она не сумѣла передать истинный характеръ Маріи Стюартъ, въ ней все проявлялась суровая Герціона или неистовая Федра. Руанскіе актеры, игравшіе съ ней, были не дурны, не хуже парижскихъ ея товарищей. Зданіе театра очень плохо, на потолокъ огромное отверстіе въ которое видѣлась крыша и небо. Въ дождь невыгодно сидѣть въ партерѣ. Странно что городъ находящійся почти у воротъ Парижа все-таки имѣетъ провинціальныя отпечатки въ нарядахъ и приемахъ. Казалось будто мы попали на окраину государства.

На другой день поутру прогулялись по набережной, были въ прекрасной церкви Св. Викентія, также готической архитектуры, замѣчательной по своей легкости и красотѣ размѣровъ. Въ церкви много хорошо расписныхъ стеколъ. Насъ съ Анной очень занималъ этотъ родъ живописи, потому что мы обѣ брали уроки рисованія по стеклу. Много закупили гравюръ и видовъ Руана въ очень хорошемъ магазинѣ, гдѣ между прочимъ находилось нѣсколько картинъ лучшихъ современныхъ французскихъ живописцевъ. Картины эти продавались и отлускались для копированія. Были въ картинной галлерей, не очень замѣчательной, но доказывающей своимъ существованіемъ потребность въ искусствахъ, которой у насъ не проявляется ни въ одномъ губернскомъ городѣ. Въ одиннадцатъ часовъ отправились въ Парижъ и въ три были уже дома.

Забыла написать что мы на той же недѣлѣ были въ Тюильрійскомъ дворцѣ. Попасть туда очень трудно. Намъ дали билетъ вѣроятво только потому что мы подробно расписали громкіе титулы Алексѣя Васильевича и что нашъ maître d'hôtel Поль—мастеръ на всѣ дѣла. Намъ показали не только парадныя комнаты, но даже внутреннія. Въ первыхъ мнѣ понравилась только Зала Маршаловъ. Полководцы изображены во весь ростъ и нѣкоторые прекрасною кистью. Но вообще дворецъ мнѣ не понравился: мало картинъ, мало вкуса и мало великолѣлія. Частныя комнаты короля также не отличаются изяществомъ. Маленькій кабинетъ королевы наполненъ воспоминаніями о герцогѣ Орлеанскомъ, портретами ея дѣтей и внуковъ. Люди нравственно высокіе окружены какими-то ореоломъ, бросающимся всякому въ глаза: благородныя дѣйствія и добрыя дѣла составляютъ этотъ лучезарный ореолъ, и его не можетъ затмить никакая злоба, никакая клевета; насчетъ королевы Амаліи существуетъ одно только мнѣніе—что она святая. Лудовикъ-Филиппъ достоинъ всякой похвалы за то что умѣетъ цѣнить ее. Въ ихъ семейномъ счастьи есть что-то трогательное, примиряющее. Король и королева неразлучны. Ихъ спальня довольно велика, убрана не роскошно, но довольно изящно; въ ней также есть портреты и бюсты дѣтей ихъ. Надъ аналоемъ (prie-Dieu) королевы висѣли, съ одной стороны, портретъ герцога Орлеанскаго, съ другой—изображеніе принцессы Маріи, уноси-мой ангелами. Ужасныя испытанія перенесла въ свою жизнь

бѣдная королева! Близъ кровати на столѣ лежала шапка которую носилъ Лудовикъ-Филиппъ во время июльской смуты. Воспоминанія этого времени также должны быть тяжелы для королевы. Интересна мастерская принцессы Маріи, оставшаяся точно въ такомъ видѣ какъ была при ея жизни. Мастерская эта раздѣлена на двѣ половины деревянною перегородкой во вкусѣ Возрожденія; всѣ украшенія въ томъ же стилѣ; въ большомъ готическомъ окнѣ врызаны старинныя разрисованныя стекла. Говорятъ, вся эта комната устроена по рисункамъ самой принцессы Маріи и потому такъ изящна. Въ другой половинѣ находятся коліи изъ мрамора съ произведеній принцессы, ангелъ опирающійся на крылья, еще ангелъ молящійся, еще какой-то святой. Вѣроятно ее вдохновляли только святыя и ангелы. Не уважая сень-симонизма, я согласна съ одною его мыслью что *дарованіе есть власть, есть небесное отличіе*. Высоко цѣню я искусство: оно испослано на землю чтобы возвышать насъ до неба.

**

ПАМЯТИ МОЕГО СЫНА

I.

Ты сыночка въ слезахъ скоронила!
Все считаешь своимъ какъ онъ былъ!
Ты бѣ могилку въ себя приютила
Еслибъ воли на это да силъ!

*
*
*

Всю ея насаждаешь цвѣтами,
Орошаешь безмолвной слезой;
А уйдешь, такъ уносишь съ мечтами
Память мальчика всюду съ собой!

*
*
*

Ты его самого такъ носила,
Раньше, прежде... и началъ онъ жить...
Жилъ такъ мало... и ты скоронила,
Но не можешь вполнѣ скоронить!

*
*
*

И беретъ меня грусть и сомнѣнье,
И лопать не могу: гдѣ у васъ,
Мать и сынъ, происходить общенье,
Незамѣтное вовсе для глазъ?

*
*
*

Какъ могли вы такъ искренно сжиться,
Такъ сплотиться въ одно существо,
Что любви той ни гаснуть, ни скрыться,
И что мало ей — смерть одного...

II.

Не любить его — было невозможно!
 Позабить его — время помоги!
 Дѣтской жизни лучъ, ты свѣтилъ тревожно,
 Будто молвилъ намъ: гасну! береги!

* *

И поблекъ, погасъ... Зачѣмъ зажегся?
 Зачѣмъ мать дитя къ жизни родила?
 Ты могилкою, памятью остался, —
 Остальное все смерть себѣ взяла!

* *

Да еще въ груди у отца роднаго
 Рава новая рдѣеть и горить,
 И не легче ей оттого что слово
 О тоскѣ души часто говорить!

* *

Смерть питаемъ мы силами живыми,
 А зоветь насъ жить непонятный зовъ...
 Въ тьмѣ ничтожества сплется со святыми,
 Молча дремлетъ въ тишинѣ гробовъ!

* *

Мыслью сходимъ мы къ этимъ молчаливымъ
 И безтрепетнымъ, намъ роднымъ жальцамъ,
 Къ нимъ окончившимъ и совсѣмъ счастливымъ,
 Слящимъ въ кротости по своимъ гробамъ!

* *

Мысль, коснувшись ихъ въ тихій часъ общенья,
 Возвращается сдѣлавшись ивой,
 Позаимствовавъ ихъ услокоенья,
 Усмиренная сладкой тишиной!

К. СЛУЧЕВСКИЙ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги вышедшія за послѣдній мѣсяць:

Въ С.-Петербурѣ:

Sacra solemnia coronationis et inaugurationis. Carmen alcaicum. Auctore Christ. Frid. de Walter. Стихотвореніе на латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ. 24 стр. 8 д. л.

Въ память Священнаго Коронованія Ихъ Величествъ. Семь стихотвореній крестьянина М. В. Карасева. 8 д. л.

Нѣсколько словъ о состояніи православія и о православнои духовенствѣ въ Прибалтійскомъ краѣ. 55 стр. 8 д. л.

М. И. Семевскій. Очерки и разказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. *Царица Прасковья 1664—1723.* Изданіе второе, исправленное и дополненное. Съ приложеніемъ портрета, отпечатаннаго красками. 256 стр. 8 д. л.

Историческая хроника полковъ 37й пѣхотной дивизіи. (1700—1880). Составлена подпоручикомъ С. В. Грабовскимъ. 230+173 стр. 8 д. л.

Опись библіотеки находившейся въ Москвѣ, на Воздвиженскѣ, въ домѣ графа Дмитрія Николаевича Шереметева до 1812 года. 615 стр. 8 д. л.

Замѣтки по литературѣ и народной словесности. Академика А. Н. Веселовскаго. I. 95 стр. 8 д. л.

Николай Рей, польскій писатель XVI вѣка. Нѣсколько новыхъ данныхъ для его біографіи, собранныхъ С. Шташицкимъ. 22 стр. 8 д. л.

По поводу тонической теоріи въ славянскомъ народномъ творчествѣ. Федора Истомина. 15 стр. 8 д. л.

Сочиненія И. Лазеичникова. Т. II. 387 стр. 12 д. л.

Сочиненія В. И. Дала. Т. VII. 356 стр. 12 д. л.

Полное собраніе сочиненій Ф. М. Достоевскаго. Томъ четвертый. *Записки изъ Мертваго Дома.* 280 стр. 8 д. л.

Честный соръ. Изъ записокъ неизвѣстнаго. Разказъ Ф. М. Достоевскаго. 31 стр. 8 д. л.

Калейдоскопъ. Разказы и очерки изъ первой половины XIX столѣтія. 171 стр. 8 д. л.

Н. Лейкинъ. *Караси и щуки.* Юмористическіе разказы. 323 стр. 8 д. л.

Три разказа Бутовскаго и Тхоржевскаго. 48 стр. 8 д. л.

Нора. Драма Генриха Ибсена. Переводъ Петра Вейльберга. 86 стр. 8 д. л.

Эберсъ. *Слово.* Романъ. Переводъ Э. К. Ватсона. 300 стр. 8 д. л.

Жоржъ Зандъ. *Орасъ.* Романъ. Переводъ В. Крестовскаго (псевдонимъ). 341 стр. 8 д. л.

Статья 264. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ Казимира Зелевскаго. Перевелъ съ польскаго Иванъ Бургардтъ. 66 стр. 8 д. л.

Даніэль Юртъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ и двухъ картинахъ. Иосифа Векселя. Переводъ со шведскаго I. III—ко. 87 стр. 8 д. л.

Изданіе С.-Петербургскаго Комитета Грамотности. *Приключенія Робинзона Круза.* Второе изданіе. Составлено А. Н. Яковцовымъ. 139 стр. 12 д. л.

Ученье—свѣтъ. Книга для чтенія въ классѣ и дома. Средній и старшій возрастъ. Составилъ Петръ Вейльбергъ. II. 338 стр. 8 д. л.

О развитіи въ дѣтяхъ чувства народности. Педагогическая замѣтка А. А. Калиновскаго. 19 стр. 16 д. л.

Гербертъ Спенсеръ. *Воспитаніе умственное, нравственное и физическое.* Переводъ съ англійскаго Е. А. Сысоевой. Второе изданіе. 227 стр. 8 д. л.

Москва. Картина-путеводитель съ описаніемъ достопримѣчательностей города. Изданіе К. Котельникова и П. Дворковича. 48 стр. 12 д. л.

Третье путешествіе въ Центральной Азіи. *Изъ Зайсана чрезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки.* Н. М. Пржевальскаго. Съ 2 картами, 108 рисунками и 10 политипажами въ текстѣ. Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества на Высочайше дарованныя средства. IV + II + 473 стр. 4 д. л.

Польша. Библиографическіе матеріалы по исторіи, географіи, статистикѣ, этнографіи и экономическому состоянію Польши V II + X + 274 стр. 8 д. л.

Очерки путешествія въ Гималаи г. и гдѣи Верецагимыль. Часть первая, Сиккимъ. Съ рисунками. Изданіе второе. 86 стр. 12 д. л.

Путеводитель А. П. Верландера. *По Балтійской дорогѣ.* Ч. I. 247 стр. 12 д. л.

Климатическія условія Павловска и его окрестностей, въ особенности въ лѣтнее время. Составилъ О. Я. Мецъ 32 стр. 12 д. л.

Исторія открытія морскаго пути изъ Европы въ Сибирскія рѣки и до Берингова пролива. Составилъ Ф. Студитскій. Часть I. XV + 318 стр. Часть II. III + 288 стр. 8 д. л.

Матеріалы для пересмотра нашего уголовного законодательства. Т. VII. Сборникъ дополнительныхъ узаконеній къ французскому и германскому уголовнымъ уложеніямъ. Выпускъ первый. Французское законодательство. Изданіе Министерства Юстиціи. 556 стр. 8 д. л.

Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Ф. Мартенса. Т. II. XII + 563 стр. 8 д. л.

Общая разработка вопроса о необходимости кореннаго тюремнаго преобразованія въ Россіи. Составлено П. А. Кашкаровымъ 24 стр. 8 д. л.

Департаментъ Внутреннихъ Сношеній Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. *Сборникъ Норвежскихъ узаконеній, касающихся русскихъ подданныхъ по производству или торговли и промысловъ въ северной Норвегіи.* Составилъ А. Теттерманъ. 62 стр. 8 д. л.

Курсъ спеціального законодѣнія. Составилъ инженеръ-архитекторъ П. О. Сальмановичъ. 128 стр. 8 д. л.

Нѣмецкая грамматика изложенная сравнительно съ русскою. Составилъ А. Гюфманъ. Выпускъ первый. Этимологія. 154 стр. 8 д. л.

Учебникъ прямолинейной тригонометріи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Я. Блюмбергъ. Второе изданіе. 96 стр. 8 д. л.

Начальный курсъ географіи по американской методѣ Корнелла. 11е изданіе. 231 стр. 4 д. л.

Ариѳметика. Часть первая. Цѣлыя числа и дроби. Съ 1.800 примѣрами для вычисленій и 435 задачами. Составилъ О. П. Еленевъ. 52 стр. 8 д. л.

Руководство для учителей къ преподаванію ариѳметики. Часть первая. Составилъ О. П. Еленевъ. 92 стр. 8 д. л.

О среднихъ насекомыхъ и о важности охраненія насекомыхъ птицъ. В. Э. Иверсена. Второе изданіе. 32 стр. 12 д. л.

Хлѣбный жукъ (Кузька). Съ двумя рисунками. Чтеніе для народа. Составилъ баронъ Н. А. Корфъ. 16 стр. 12 д. л.

Объемъ веществъ и превращеніе энергіи въ растеніяхъ. А. Фаминцынъ. IV+816 стр. 8 д. л.

Учебникъ ботаники. А. Бекетова. Выпускъ 3й. Со 129 рисунками въ текстѣ. 601—911 стр. 12 д. л.

Краткій учебникъ низшей геометріи. Для студентовъ Института гражданскихъ инженеровъ. Составилъ Н. А. Богуславскій. VIII+264 стр. 8 д. л. Чертежи къ учебнику.

Н. Чистяковъ. *Учебникъ физики.* Курсъ среднихъ общеобразовательныхъ заведеній. Съ 14ю таблицами чертежей. VI+250 стр. 8 д. л.

Техническій учебникъ гистологіи, Л. Равье. Переводъ съ французскаго И. Р. Тарханова. Выпускъ шестой. 915—1.168 стр. 8 д. л.

Домашняя медицина. Учебникъ для народнаго употребленія, написанный ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета В. М. Флоринскимъ. Сочиненіе удостоено отъ ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія полной преміи императора Петра Великаго. Изданіе второе, исправленное. XXVIII+678 стр. 8 д. л.

Туберкулёзъ клѣтчатки какъ самостоятельная первичная болѣзненная форма. А. Е. Теохтистова. 68 стр. 8 д. л.

Какъ и чѣмъ кормить больныхъ страдающихъ желудкомъ. Dr. Wiel'я. Переводъ В. Сигриста. Съ предисловіемъ В. Маннасеина. Изданіе второе. 114 стр. 8 д. л.

Dr. Victor R. v. Haaker. *Руководство къ антисептическому лечению ранъ.* Переводъ А. Г. Корецкаго. 46 стр. 8 д. л.

Сокращенный повторительный курсъ по частной патологiи и терапiи. 359 стр. 12 д. л.

Къ вопросу объ измѣненiяхъ сосудовъ кишекъ при циррозѣ печени. Диссертация на степень доктора медицины. Н. Маливина. 24 стр. 8 д. л.

Къ вопросу о развитiи гужмозныхъ опухолей печени. Гистологическое изслѣдованiе. Диссертация на степень доктора медицины Константина Космина. 72 стр. 8 д. л.

О проницаемости почвы для воды. Материалъ для общественной гигиены. Диссертация на степень доктора медицины Я. Калустова. 53 стр. 8 д. л.

Къ вопросу о влiянiи сна на мышечную силу человека. Диссертация на степень доктора медицины М. Поварнина. 40 стр. 8 д. л.

Къ патологической анатомiи повального воспаленiя легкихъ. Диссертация на степень магистра ветеринарныхъ наукъ. Г. И. Свѣтлова. 28 стр. 8 д. л.

Материалы къ изученiю сибирской язвы. *Сибирская язва въ Новоладожскомъ уездѣ С.-Петербургской губернии лѣтомъ 1881 года.* Диссертация на степень магистра ветеринарныхъ наукъ А. Левицкаго. 126 стр. 8 д. л.

Изслѣдованiе какавказской нефти. В. Марковникова и В. Оглоблина. 79 стр. 8 д. л.

О топливѣ и его испытанiи на желѣзныхъ дорогахъ. А. Ягодзинскаго. 116 стр. 8 д. л.

Горнозаводская производительность Россiи въ 1881 году. Составилъ Л. Карпинскiй 1й. 142+47 стр. 8 д. л.

Главное Общество Россiйскихъ Желѣзныхъ Дорогъ. *Сборникъ статистическихъ свѣдѣнiй о движенiи по С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дорогѣ и о сношенiяхъ по взаимной передачѣ грузовъ съ дорогами состоящими съ ней въ прямомъ сообщенiи въ 1881 году.* 711 стр. 4 д. л.

Отчетъ о Всероссийской Художественно-Промышленной Выставкѣ 1882 года въ Москвѣ. Подъ редакцiей В. П. Безобразова. Т. II. III. Работы экспертныхъ комиссiй. 8 д. л.

Сборникъ правительственныхъ распоряженiй по Казачьимъ войскамъ. Т. XVIII. Часть II. Съ 1 iюля по 31 декабря 1882 года. 255—417 стр. 8 д. л.

Записки тактики для юнкерскихъ училищъ. Составилъ капитанъ Василевскій. 459 стр. 8 д. л.

Коста-Россети. Управление войсками въ бою. Собрание научно-обработанныхъ военно-историческихъ примѣровъ. Переводъ съ вѣмецкаго. 441 стр. 8 д. л.

Практическія указанія по обученію стрѣлковому дѣлу даннаго полка въ 12й пѣхотной дивизіи начальникомъ ея генералъ-лейтенантомъ Орановскимъ. Третье изданіе. 24 стр. 12 д. л.

Книжка для памяти и справокъ при строевомъ обученіи роты. Выпускъ первый. Составилъ генеральнаго штаба капитанъ Свидзинскій. 64 стр. 16 д. л.

Опытъ руководства конной службой для нижнихъ чиновъ. Составилъ поручикъ Федоровъ. 39 стр. 16 д. л.

Курсъ логикъ, составленный полковникомъ Н. Анкудиновымъ. Второе изданіе. 106 стр. 12 д. л.

Отчетъ С.-Петербургской городской управы за 1882 годъ. 4 д. л.

Сборникъ съдѣній по общественной благотворительности. Томъ второй. 198 стр. 8 д. л.

Народный еврейско-русскій календарь на 5644 годъ отъ сотворенія міра. Издалъ Г. И. Гурляндъ. 32 стр. 16 д. л.

Въ Москвѣ:

Свѣдѣніе о Коронованіи Императора Александра III и Императрицы Маріи Федоровны. 273 стр. 8 д. л.

Москва, 15 мая 1883 года. Величіе земли Русской. Коронація Императора Александра III. 15 стр. 8 д. л.

Подробнѣйшее описаніе Коронованія Имъ Императорскихъ Величествъ въ Москвѣ, 15 мая 1883 года. Сост. Н. Ф. 58 стр. 12 д. л.

Краткая исторія лейбъ-гвардіи Семёновскаго полка. Составилъ П. Диринъ. 55 стр. 8 д. л.

Императорскій Россійскій Историческій Музей. Указатель къ первымъ десяти заламъ. 133 стр. 8 д. л.

Торопецъ. Матеріалы для исторіи города XVII и XVIII столѣтій. 221 стр. 4 д. л.

Хлыстовщина и скопчество въ Россіи. Исследование священника Арсенія Рождественскаго. 242 стр. 8 д. л.

Донесеніе Августина Майерберга императору Леопольду I о своемъ посольствѣ въ Московію. Переводъ съ латынскаго съ предисловіемъ и примѣчаніями Е. В. Барсова. 54 стр. 8 д. л.

Исторія князей Орбелянъ. Извлеченіе изъ сочиненій Стефана Сювійскаго, армянскаго писателя XIII вѣка. Перевелъ съ армянскаго Х. Иоаннесовъ. 80 стр. 8 д. л.

Тикноръ. *Исторія испанской литературы.* Перевелъ съ 4го англійскаго изданія. Н. И. Стороженко. Съ біографическимъ очеркомъ Тикнора, примѣчаніями, бібліографическимъ указателемъ и т. д. Т. I. Изданіе К. Т. Солдатенкова LIII+435 стр. 8 д. л.

Разстрига. Романъ Эрнеста Додэ. 276 стр. 12 д. л.

Стихотворенія Евгенія Абрамовича Баратынскаго. 205 стр. 12 д. л.

Полный сборникъ юмористическихъ сценъ изъ еврейскаго и армянскаго быта. Сочиненіе Павла Вейнберга. Седьмое изданіе. 205 стр. 12 д. л.

Альфонсъ Додэ. *Евангелистка.* Романъ. Переводъ съ французскаго. 283 стр. 8 д. л.

Эмиль Золя. *Модный магазинъ.* 281 стр. 8 д. л.

А. Маттеи. *Мать дѣвушка.* Романъ. Съ французскаго. 294 стр. 8 д. л.

Гансъ Вахенгузенъ. *Только женщина.* Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго. 415 стр. 8 д. л.

Густавъ Эмаръ. *Сурикъ. 1756—1760.* Легенда о потерѣ Французами Канады. Переводъ съ французскаго. Т. I. 306 стр. 8 д. л.

Бракъ Лоти. Рараю. Романъ. Переводъ съ французскаго. 8 д. л.

Эмиль Франдозъ. *Борьба за право.* Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Т. I 280 стр. Т. II. 193 стр. 8 д. л.

Долби и сынъ. Диккенса. Сокращенный переводъ для дѣтей средняго возраста А. В. Архангельской. 157 стр. 12 д. л.

Медикотопографическое описаніе и статистическій очеркъ народонаселенія Бугульминскаго уѣзда, Самарской губерніи. Левъ Ѳ. Змѣевъ. 135 стр. 8 д. л.

Пятигорскія воды при леченіи сифилиса и меркуриализма. Др. В. С. Богословскаго. 37 стр. 12 д. л.

Наказныя болѣзни. Руководство составленное по проф. Гебръ, Калози и др. Др. Николаемъ Мансуровымъ. Т. II. Выпускъ V, VI и VII. Стр. 677—1.116+XV стр. 8 д. л.

Системы лѣръ. Леонидъ Ивановъ. 74 стр. 8 д. л.

Сборникъ необходимыхъ свѣдѣній для домовладѣльцевъ. Составилъ Н. Д. Струковъ. 35 стр. 8 д. л.

Алфавитный описокъ типографіи и т. п. заведеній подлежащихъ надзору инспекціи по дѣламъ печати въ Москвѣ. Изданіе московской инспекціи. 129 стр. 12 д. л.

Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго Московскаго Университета за 1882 годъ. 143 стр. 8 д. л.

Въ Кіевѣ:

Открытіе памятника въ Бозѣ почившему Государю Императору Александру II въ Кіевскомъ институтѣ. 13 стр. 16 д. л.

Этнографія по Адаму Бременскому. Исслѣдованіе Владимира Ляскоронскаго. 54 стр. 8 д. л.

В. Подвысоцкій (младшій). Кефиръ (бродило и валитокъ изъ коровьяго молока). Изданіе второе. 48 стр. 8 д. л.

Объ иннервации кровообращенія въ легкияхъ. Исслѣдованіе Ра-вы. 36+IV стр. 8 д. л.

Описаніе ускоренной отбѣлки и сушки сахара рафинада. По привилегированному способу П. Т. Литвиненко. 29 стр. 8 д. л.

Корнесловъ еврейскаго языка, составленный Платономъ Лукшевичемъ. 326 стр. 8 д. л.

Въ Казани:

Очеркъ В. Н. Витевского. В. А. Жуковскій въ своихъ письмахъ, какъ человекъ и наставникъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра II (1783—1883). 60 стр. 8 д. л.

В. А. Жуковскій (1783—1852). Первые годы его жизни и лѣгической дѣятельности (1783—1816). А. Архангельскаго. 51 стр. 8 д. л.

Критическій разборъ ученія не пріемлющихъ священства старообрядцевъ о церкви и таинствахъ. Н. И. Ивановскаго. 420 стр. 8 д. л.

Основанія философіи какъ спеціальной науки. П. Милославскаго. Т. I. 443 стр. 8 д. л.

Очеркъ науки о языкѣ. Н. Крушевскаго. 148 стр. 8 д. л.

Первый опытъ изъ стихотвореній В. Б—скаго, А. Слюзова, С. Кочергина, А. А. Плеткина, З. Н. Анисимова, А. Э—на и С. Жевакина-Арзамасскаго. 43 стр. 16 д. л.

Общепонятное описаніе венерической болѣзни. Составилъ врачъ В. Витевскій. 66 стр. 17 д. л.

Курсъ ветерическихъ болъзней. А. Ге. Изданіе второе. 512 стр. 8 д. л.

В. М. Флоринскій. *Курсъ акушерства.* Лекціи читанныя въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. IX + 397 стр. 8 д. л.

О чумѣ, повальномъ воспаленіи легкихъ рогатаго скота, овецъ оспѣ, сибирской язвѣ, ящури, бешенотѣ и сальтѣ. Составилъ ветеринарный врачъ М. А. Исаковъ. 51 стр. 12 д. л.

Исслѣдованіе естественныхъ смолъ разныхъ животныхъ. Флавиана Флавицкаго. 60 стр. 8 д. л.

Высочайше утвержденная магистральная линія Сибирской желъзной дороги. Записка составленная уполномоченными Казанскаго земства, думы и биржи города Казани. 58 стр. 4 д. л.

Въ Харьковѣ:

Сборникъ вводныхъ докладовъ по вопросамъ предложеннымъ къ обсужденію членами съезда оцееводовъ, шерстепромышленниковъ и фабрикантовъ въ городѣ Харьковѣ съ 5 по 15 іюня 1883 года. 77 стр. 8 д. л.

Въ Дерптѣ:

Русская престолатія. Составилъ Нигголь. 283 + 123 стр. 8 д. л.

Въ Одессѣ:

Къ геологіи Крыма. Изысканія въ окрестностяхъ Балаклавы. Н. Головкинскаго. 41 стр. 8 д. л.

Въ Варшавѣ:

Памятникъ древняго православія въ Люблинѣ, православный храмъ и существовавшее при немъ братство. 50 стр. 8 д. л.

Явленіе чудотворной иконы Богоматери въ Лѣонѣ, въ связи съ другими современными событіями на Руси. 39 стр. 8 д. л.

В. А. Богородицкій. *Введеніе въ изученіе русскаго вокализма.* 162 + XIII стр. 8 д. л.

Учебникъ церковно-славянской грамматики для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Анто́въ Будиловичъ. 91 стр. 8 д. л.

Уголовные законы дѣйствующіе въ Имперіи и Царствѣ Польскомъ. Изданіе Л. Ротванда и С. Шифера. 656 + XXII + 69 стр. 16 д. л.

Въ Полававъ:

Исторія священнаго коронованія русскыхъ государей. Ив. Матчевко. 55 стр. 12 д. л.

Жизнь Пресвятыя Богородицы. Составилъ Савва Гавриловъ. 80 стр. 8 д. л.

Въ Твери:

Лекции клинической терапіи, читанныя докторомъ Du Jardin-Beauchelz'омъ. Со 2го дополненаго изданія перевелъ М. Петрункевичъ. Выпускъ второй и третій. Лѣченіе болѣзней желудка и кишечника. IV + 297 + 923 + VIII стр. 8 д. л.

Въ Вяткѣ:

Краткое руководство къ собесѣдованію со книжками старообрядцами, отпадшими отъ Святой Церкви. Составилъ протоіерей Камшевскій. Изданіе третье. 62 стр. 8 д. л.

Въ Нѣжинѣ:

Учебникъ по русской грамматикѣ. I. Этимологія. Составилъ И. Бѣлоруссовъ. 57 стр. 8 д. л.

Въ Рыбинскѣ:

Стихотворенія: Минута отдохновенія. Въ часы отдохновенія. Сочиненія священника Александра Судьбинскаго. 58 стр. 8 д. л.

Въ Люблинѣ:

Высокопреосвященный Леонтій, архіепископъ Холмопскій и Варшавскій. Выпускъ первый. Управление высокопреосвященнаго Леонтія Подольскою епархіей. Сочиненіе Николая Страшкевича. 94 стр. 12 д. л.

Въ Архангельскѣ:

Адресъ - календарь Архангельской губерніи на 1883 годъ 171 стр. 8 д. л.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

Тоаки о „дворянской эрѣ“.—Рѣчь г. Чичерина.—Кахановская коммисія и реформа городского управленія.—Образцы нашего правосудія.—Католицизмъ и „польская справа“ въ Россіи.—„Культурная борьба“ во Франціи и Германіи.—Албанскія дѣла.—Наши текущіе экономическіе вопросы.

I.

Моск. Вѣд. №№ 154 и 167.

Послѣ праздниковъ — будни, и снова началось газетное вранье...

Петербургскія газеты, одна за другою, наперерывъ, съ неслыханнымъ безстыдствомъ, утверждаютъ свою лубянку будто *Московскія Вѣдомости*, во время коронаціонныхъ празднествъ, привѣтствовали открытіе какой-то *дворянской эрѣ* и прославляли какой-то *дворянскій принцъ*, и приводятъ эти величавыя выраженія во вносныхъ знакахъ, явно приписывая ихъ намъ. Ничего подобнаго ни по мысли, ни по выраженію въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* не было. Было сказано, по поводу Всемилоостивѣйшихъ словъ, обращенныхъ Государемъ Императоромъ къ волостнымъ старшинамъ, только то что сосѣдямъ слѣдуетъ жить ладно, и выражено желаніе чтобъ интересы

какъ мѣстнаго дворянства, такъ и крестьянства, для пользы обоихъ сословій, были сколь можно болѣе солидарны. Это принципъ столько же дворянскій сколько и крестьянскій.

Изъ какихъ же побужденій морочать свою публичку петербургскія газеты? Если онѣ не раздѣляютъ желанія чтобы помѣстное дворянство и крестьянство жили въ ладу, если есть люди которые старались и стараются сдѣлать раздоръ между нами,—то оправдывается ли этимъ ложь въ которой петербургскія газеты стараются пережеголатъ одна другую? Впрочемъ, мы очень хорошо понимаемъ что въ этомъ случаѣ служимъ только передаточнымъ пунктомъ.

Господа петербургскіе публицисты, протестуя противъ выдуманной ими самими „дворянской эры“, пустились было въ разсужденія о дворянствѣ. По мнѣнію этихъ господъ, отзывъ Монарха о Его вѣрномъ дворянствѣ относится не къ дворянству, а къ интеллигентнымъ людямъ вообще. При этомъ насъ поучаютъ что сила не въ происхожденіи, въ чемъ де состоитъ дворянскій принципъ, а въ заслугахъ. Но дворянское достоинство въ Россіи отнюдь не есть привилегія происхожденія. Всякій имѣетъ неотъемлемое право пріобрѣсти дворянское достоинство путемъ государственной службы. Въ прежнюю пору первый офицерскій чинъ давалъ право на дворянство. Въ послѣдствіи условія повысились, но принципъ остается тотъ же. Слишкомъ низкія условія пріобрѣтенія дворянства уронили бы его; слишкомъ высокій и трудный подъемъ къ нему испортилъ бы его духъ и оторвалъ бы его отъ народа. Тутъ, какъ и вездѣ, требуется средній путь. Кромѣ широкаго пути въ общемъ порядкѣ государственной службы, остается въ силѣ и другой способъ пріобрѣтенія дворянскаго достоинства, зависящій отъ изволенія верховной власти, не стѣсненнаго никакими условіями, но и не стѣсняющаго ни чьихъ правъ.

Другая существенная черта дворянскаго сословія состоитъ въ томъ что всѣ его члены юридически совершенно равны между собой. Послѣ отмены крѣпостнаго права и въ силу послѣдовавшихъ преобразованій, за дворянами не осталось никакихъ преимуществъ сравнительно съ другими неподатными сословіями. Удержалось только право дворянскихъ выборовъ, но оно принадлежит не дворянамъ поголовно, а только землевладѣльцамъ изъ дворянъ. Благодаря этому праву

которое есть болѣе тагло чѣмъ выгода, помѣстное дворянство продолжаетъ и при новыхъ условіяхъ служить государству. Избираемая помѣстнымъ дворянствомъ изъ своей среды лица служатъ одаимъ изъ весьма существенныхъ и цѣнныхъ элементовъ мѣстнаго управленія. Предводители дворянства несутъ много важныхъ обязанностей въ губернскихъ и уѣздныхъ дѣлахъ, несутъ безмездно и въ интересъ всѣхъ сословій. Въ организаціи помѣстнаго дворянства нѣтъ ни высшаго, ни низшаго дворянства. Вчера имматрикулированный дворянинъ совершенно равенъ съ потомкомъ рода ведущаго свою генеалогію отъ Рюрика, мелкій захолустный помѣщикъ съ великосвѣтскимъ бариномъ и титулованнымъ обладателемъ громадныхъ имѣній. Всякая попытка ввести рознь въ дворянскую организацію была бы равносильна попыткѣ разрушить его. Въ коронаціонныхъ церемоніалахъ встрѣчается выраженіе „знатное дворянство“. Мы не помнимъ употреблялось ли въ прежнюю пору это выраженіе при подобныхъ случаяхъ. Если употреблялось то развѣ только для красоты слога. Въ настоящее же время когда все подвергается вопросу и ко всему подкрадывается какая-нибудь тенденція, въ дворянской организаціи можетъ тревожно отзываться это выраженіе не имѣющее реальности, но подъ которымъ мѣние, подозрительно настроенное, готово видѣть затаенную затѣю. Что такое знатное дворянство? Потомки ли старинныхъ родовъ? Но это будетъ неправда. Много старинныхъ фамилій находятся въ захудаломъ состояніи и даже лишены права участія въ дворянскихъ выборахъ, а на вершинахъ, какъ общественныхъ такъ и государственныхъ, много лицъ недавняго происхожденія, тѣмъ не менѣе претендующихъ на знатность. Титулованные ли роды отнеси къ знатному дворянству? Но графскій или княжескій титулъ точно также не спасаетъ отъ захудалости какъ и происхожденіе отъ Рюрика, и рядомъ съ титулованными фамиліями и выше ихъ, какъ въ генеалогическомъ отношеніи такъ и по общественному положенію, стоятъ фамиліи нетитулованныя. Богатство ли, наковецъ, или хорошія манеры? Во всякомъ случаѣ, всѣ эти и другіе признаки, лорознь или выѣстъ взятые, могутъ давать преимущество въ обществѣ, но не въ государствѣ, въ великосвѣтскихъ салонахъ, но не въ залѣ дворянскихъ выборовъ. Пока русское дворянство остается русскимъ дворянствомъ, неся свою историческую службу, въ

немъ, повторимъ, вѣтъ ни знатаго, ни незнагаго дворянства. Права и честь дворянства принадлежать всѣмъ одинаково. Такъ-называемое высшее или *soi-disant* аристократическое общество не имѣетъ ничего общаго съ русскимъ дворянствомъ какъ законною организаціей. Общество волею принимаетъ въ свою среду тѣхъ или другихъ лицъ, но выборныя отъ дворянства лица могутъ вовсе не имѣть тѣхъ признаковъ какіе въ данный моментъ опредѣляютъ принадлежность къ замкнутому кругу общества титулюющаго себя аристократіей. Нельзя однако отрицать чтобы въ этомъ самозванномъ аристократическомъ обществѣ никогда не было затѣи выдѣлать изъ дворянства политически организованную и замкнутую олигархію. Такія олигархическія тенденціи враждебны не то что дворянству, но всему государственному строю. Съ этой стороны разрушеніе дворянской организаціи было бы только первымъ шагомъ къ захвату государственной власти. Таковъ былъ планъ такъ-называемыхъ верховниковъ, пытавшихся вырвать конституцію у императрицы Анны Іоанновны. Верховники встрѣтили энергической отпоръ именно въ дворянствѣ, благодаря которому, затѣя не удалась, принципъ самодержавія былъ спасенъ, а съ нимъ и судьбы Россіи. Можно представить себѣ что было бы если мнѣнія такъ-называемаго аристократическаго общества не только лутемъ интриги проникали бы въ дѣла, какъ теперь (отъ чего такъ и страдаютъ наши дѣла), но легально властвовали бы надъ нами,—куда угодили бы мы, и что случилось бы съ Россіей?

Что касается сближенія между крестьянствомъ и помѣстнымъ дворянствомъ, то оно желательно только на чисто-русской почвѣ,—тамъ гдѣ дворянство и крестьянство равно принадлежатъ Русскому народу, равно живыя силы Русскаго государства. Добрыя и обоюдво полезныя отношенія между обоими сословіями послужатъ при этомъ условіи въ пользу для государства. Но было бы ошибкой сближать сословія на почвѣ національности чуждой и враждебной государству. Наши либералы истощали свои усилія чтобы разрознить русское крестьянство съ русскимъ дворянствомъ. Заботливые доброжелатели крестьянъ предпочитали отдать ихъ въ олеку міроѣдамъ, кулакамъ, волостнымъ писарямъ, *аблакатамъ*, лишь бы не допустить какого-либо вліянія выборныхъ отъ дворянства лицъ въ дѣлахъ крестьянскаго управленія. Между обоими сословіями на русской почвѣ, въ силу этой либеральной

программы, должно быть непроницаемое средостѣіе, а вотъ въ Царствѣ Польскомъ не встрѣчалось затрудненій обличать шляхту съ хлолами. Польское крестьянство всегда было чуждо національной польской идеѣ, которая жила только въ шляхтѣ; теперь же, кто знаетъ, быть-можетъ, поправлена польская исторія, и польскіе хлолы быть-можетъ достаточно приобщились къ духу шляхты для того чтобы составить съ нею одно политически-національное цѣлое. Еще чудовищнѣе было бы подвергнуть чисто-русское и литовское крестьянство вліянію дворянства признающаго себя польскимъ. Тѣ органическія мѣры которыя были намѣчены правительствомъ для того чтобы избавить Западный край отъ призрака польской идеи, прелятствующей тамъ установленію правильныхъ соціальныхъ отношеній,—мѣры эти были лотомъ парализованы и извращены, и призракъ попрежнему носится надъ этимъ несчастнымъ краемъ столько же во вредъ Россіи сколько на лагубу самимъ Полакамъ. Пока „польская справа“ не вынуждена *силою вещей* отказаться отъ своихъ притязаній на западную Россію, всѣ толки о какомъ-то примиреніи Полаковъ съ Россіей будутъ грубою бессмыслицей...

Заговоривъ о русскомъ дворянствѣ, считаемъ не лишнимъ привести то что было нами сказано за два года предъ симъ по поводу послѣднихъ выборовъ московскаго дворянства (*Моск. Вѣд.* № 18, 1881 года).

Завтра (18 января) послѣдній день московскихъ дворянскихъ выборовъ. Мы сопровождали ихъ открытіе вопросомъ,—вопросъ носился въ воздухѣ; теперь, предъ ихъ закрытіемъ, скажемъ отвѣтное слово по своему разумѣнію.

Послѣ отмѣны крѣпостнаго права много было толковъ о нашемъ дворянствѣ. Одни находили что дворянство подлежитъ упраздненію; другіе полагали, напротивъ, что оно должно быть усилено, что утраченное право должно быть возмѣщено другими, которыя возвратили бы помѣстному дворянству въ цѣлой формѣ прежнее значеніе и вліяніе. И тѣ и другіе находили что дворянство утратило почву подъ собой, и одни видѣли въ томъ успѣхъ, другіе—ущербъ и опасность. Въ то время когда обдумывались у насъ земскія учрежденія возникалъ вопросъ о томъ не можетъ ли дворянская организація слиться съ новосоздаваемою земскою. Казалось возможнымъ внести въ существующую дворянскую организацію новые элементы и дать ей земское значеніе. Мы было высказывались въ пользу такого соединенія, но предположеніе это не состоялось, и мы не знаемъ жалѣть ли объ этомъ?

Дворянская организація осталась въ отдѣльности, рядомъ съ новообразованною земскою. Между ими, однако, установлена связь не лишняя значенія: предсѣдателями земскихъ собраній положено быть предводителямъ дворянства. Въ послѣднее время раздавались голоса требовавшіе, будто бы въ интересъ земскихъ учрежденій, чтобы предсѣдателями земскихъ собраній были лица ими самими избираемыя, а не предводители дворянства. Мы не видимъ какое существенное неудобство для земскихъ собраній въ томъ что предсѣдательство въ нихъ принадлежитъ дворянскимъ предводителямъ; но нельзя не видѣть значительнаго удобства въ томъ что предсѣдатель земскаго собранія не зависитъ отъ его большинства и можетъ безпристрастно относиться ко всѣмъ его партиямъ.

Жалѣть ли о томъ что дворянство перестало быть въ государствѣ тою громадною силой какою было оно при крѣпостномъ правѣ? Это право было, какъ свидѣтельствуется исторія, государственною необходимостію, чрезъ которую перешли всѣ народы; на немъ не могла остановиться исторія, и оно подействовало равно или лодию отмигивъ. Но исчерпывается ли этимъ правомъ все значеніе дворянства, какъ оно у насъ сложилось? Во владѣніи ли народными массами на правѣ частной собственности заключалось все призваніе дворянства? Въ этомъ ли его сущность, и терлется ли смыслъ его и всякая въ немъ надобность съ паденіемъ крѣпостнаго права? Конечно, нѣтъ. Эта историческая необходимость была ему навязана какъ временное назначеніе; его положеніе измѣнилось, но надобность въ немъ не миновала, и оно остается существенною функціей въ нашей народной жизни. Было бы во всякомъ случаѣ легкомысленно не принимать въ расчетъ силу которая проходитъ чрезъ всю исторію нашего государства и полагать что можно отбросить ее безъ существеннаго ущерба для цѣлаго.

Чѣмъ менѣе осталось въ дворянской организаціи привилегій стѣснительныхъ для свободы другихъ сословій, тѣмъ вѣрнѣе и прочнѣе положеніе дворянства. Съ утратой вѣншаго могущества оно становится болѣе внутреннею стихіей въ народѣ. Сила которая отъ него отошла не была его существомъ, и освободившись отъ ней оно стало болѣе собою. Если попытаться покончить съ нимъ, то принципъ который оно представляетъ возвратится въ другомъ видѣ и оживетъ въ другомъ тѣлѣ.

Но зачѣмъ была бы нужна такая попытка? И почему сталъ бы кто-нибудь желать другаго тѣла для той идеи которую представляетъ наше дворянство? Дворянская организація, какою создала ее русская исторія и какъ оставила ее реформы послѣдняго двадцатилѣтія, не заключаетъ въ себѣ ничего что въ какомъ бы то ни было уважительномъ интересѣ могло бы казаться подлежащимъ улраздненію. Она не имѣетъ ничего общаго съ кастами и аристократическими

классами другихъ странъ. Русское дворянство вынесло изъ всей нашей исторіи характеръ чисто служилого сословія, отнюдь не замкнутого, а напротивъ открытаго для всѣхъ кто служить государству. Служба государству, изъ которой оно произошло и откуда непрерывно пополняется, опредѣляетъ его значеніе. Дворянское общество есть общество по преимуществу политическое. Въ этомъ государственномъ, въ этомъ служиломъ характерѣ дворянства, заключается вся его особенность и его благородство. И пока оно остается вѣрнымъ этому своему характеру, пока живетъ въ немъ государственный духъ, оно стоитъ на высотѣ своего призванія. Оно отзывается на все что касается дѣла, чести, сохранности государства, и на все что способствуетъ его возвышенію, благоустройству и процвѣтанію. Благо странѣ въ которой исторически выработалась такая общественная организація! Прежде дворянство было крѣпостнымъ слугою государству и само держало въ крѣпости у себя народныя массы. Теперь дворянство свободно. Государство уже не нуждается въ его обязательной службѣ; но оно не можетъ не участвовать въ свободной поддержкѣ организованнаго общества которое всюю своею исторіей связано съ нимъ по духу и которое отъ него только беретъ свое значеніе и весь интересъ своего существованія. Говорятъ дворянство должно быть элементомъ по преимуществу консервативнымъ въ государствѣ; но консервативность и либеральность плохіе термины для того чтобъ опредѣлить характеръ историческихъ формаций. Эти отвлеченности, истертые, тупые, незрѣлые, ничего не разясляютъ, а напротивъ сбиваютъ людей съ толку. Русское дворянство не есть отвлеченная формула, ни консервативная, ни либеральная; оно живая принадлежность Русскаго народа, то сословіе его которое находится въ тѣснѣйшей связи съ его государственною жизнью. Въ дворянствѣ отпечаталась вся исторія Русскаго государства отъ начала до сего дня, всѣ ея имена и всѣ преданія. Прежде всего и съ особенною силой отзывается въ русскомъ дворянствѣ то что полезно и что вредно Русскому государству. Каждое изъ прочихъ сословій составляющихъ народную организацію представляетъ собою какой-либо частный интересъ; дворянство же тѣмъ болѣе соотвѣтствуетъ своему призванію чѣмъ менѣе имѣетъ своего отдѣльнаго, чѣмъ менѣе представляетъ какой-либо частный интересъ. Отдѣльныя лица или отдѣльныя группы въ немъ могутъ руководиться какими угодно воззрѣніями и интересами, но оно само не можетъ представлять собою ничего иного какъ мѣстное выраженіе великаго дѣла. Вотъ почему функція дворянства не ограничивается только веденіемъ своихъ дѣлъ, которыя очень немногосложны и вовсе не требуютъ особой организаціи. Оно служитъ дѣятельнымъ органомъ мѣстнаго управленія и живою связью между государственною администраціей и общественными учрежденіями. Представляя собою дорогой принципъ

самоличнаго участія и полнаго равенства въ пользованіи правами своего сословія, оно выбираетъ изъ своей среды дѣятелей которые не только вѣдаютъ его дѣла, но и призваны къ участию почти во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ дѣлахъ,—къ участию которое можетъ быть только полезно,—къ дѣятельности направляющей, помогающей, контролирующей. Предводители дворянства несутъ на себѣ многія и тяжелыя обязанности, представляя собою съ тѣмъ вмѣстѣ принципъ безмезднаго служенія общему дѣлу изъ одной чести. Эти органы мѣстнаго управленія, выставляемые дворянствомъ, незамѣнимы. Мы привыкли смотрѣть по сторонамъ, судить о своихъ дѣлахъ съ чужой точки зрѣнія и прилагивать свои дѣла къ цѣленимъ не имѣющимъ съ ними ничего общаго, и потому недостаточно цѣнимъ то что выработала намъ своя исторія.

II.

Моск. Вѣд. № 163.

Во время коронаціонныхъ торжествъ какая-то рѣчь, говорятъ, была сказана московскимъ городскимъ головой. Хорошо что озаботились привезти въ Москву иностранныхъ корреспондентовъ на наши торжества. Безъ этихъ гостей цѣлое событіе исчезло бы для исторіи, и мы остались бы въ кругомъ о немъ невѣдѣніи. Благодаря австро-венгерскимъ газетамъ, всегда такъ заботливо пекущимся о нашемъ благосостояніи, узнали мы что эта никому въ Москвѣ неизвѣстная рѣчь, не то что рѣчь, но „декларация человѣческихъ правъ“, die russische Declaration der Menschenrechte, какъ свидѣтельствуемъ мадыарскій органъ, *Pester Lloyd*, декларация отдѣланная выборнымъ отъ Москвы человѣкомъ предъ самымъ трономъ. По свидѣтельству иностранныхъ гостей нашей казны, все величіе и весь блескъ торжествъ минувшаго мая, это народное одушевленіе, эти ликовавія распространявшіяся на всю Россію и отзывавшіяся во всѣхъ уголкахъ ея, все это оказывается поддѣлкой, а правда вся въ той таинственной рѣчи. „Итакъ“, восклицаетъ мадыарскій другъ нашъ (*Pester Lloyd*), „даже въ Москвѣ, въ этомъ притонѣ „русского духа, Царь не безопасенъ. Правда, благодаря сотнѣ „тысячъ полицейскихъ служителей, не произошло покушенія, но открылся болѣе опасный врагъ, политическое общество въ Россіи. Въ рѣчи московскаго бургомистра, прямо „предъ Царемъ заговорившаго о конституціи, высказалась „опозиція которая никогда прежде такъ смѣло и благородно

„не высказывалась“ (какъ пріятель долженъ быть такой похвальный и сочувственный отзывъ отъ заклятыхъ враговъ Россіи!). „Либеральная партія въ Россіи открыто, при дневномъ свѣтѣ у ступеней самаго трона, требующая конституціи, вотъ явленіе до сихъ поръ небывалое. Знаменательно именно то что это измѣнническое (sic!) дѣло предпринялъ именно московскій голова. Въ Петербургѣ во время коронаціи былъ бунтъ только на улицахъ, въ Москвѣ же бунтъ, предъ трономъ, вмѣстѣ съ хлѣбомъ-солью подалъ декларацію правъ. Не свидѣтельствуетъ ли это о надломленномъ положеніи дѣла въ Россіи? Въ прежнюю пору человѣка который оказался бы виновнымъ въ подобномъ дѣлѣ устранили бы тотчасъ же. Теперь же приходится не только терпѣть его, но оказывать ему почести.“ „Изъ среды московскаго городского представительства“, ловѣствуетъ въ свою очередь *Neue Freie Presse*, „съ такого мѣста откуда всего мѣнѣе можно было ожидать того, раздался голосъ который напомнилъ о потребностяхъ страны... Все что находится во власти подозрительной полиціи было сдѣлано чтобы не допустить никакой докучной струи воздуха, никакого неприятнаго слова на праздникъ единовластія (sic! Alleinherrschaft). Посреди тройной цѣли штыковъ развивался хорошо дрессированный энтузіазмъ народа, и намордникъ цензуры не позволялъ газетамъ никакого намека несовѣстнаго съ торжествами. Въ продолженіе минувшихъ трехъ недѣль въ Россіи ни о чемъ нельзя было говорить какъ о государственномъ и церковномъ блескѣ, о банкетахъ, приемахъ и т. д. Но могущество полиціи, также какъ и дрессировка умовъ, имѣютъ предѣлъ... Въ думѣ города Москвы раздался голосъ правды, который на время коронаціоннаго торжества повсюду въ Россіи былъ полиціей замурованъ будто въ восточной сказкѣ, и никто иной какъ голова московскій всталъ предъ Царемъ и заявилъ предъ нимъ о правахъ народа“...

Продолжать ли выписывать? Вѣвская газета сообщаетъ даже текстъ знаменитой рѣчи. Московскій городской голова будто бы сказалъ: „власть уже не тамъ гдѣ была до сихъ поръ; она уже принадлежитъ намъ, представителямъ народа“. Тѣмъ же у кого до сихъ поръ была власть московскій голова будто бы предоставляетъ только удовольствіе быть зрителями спектакля. По свидѣтельству *Neue Freie Presse*, московскій городской голова будто бы назвалъ свое отечество „храмомъ

въ развалинахъ“ (Tempel in Ruinen). Выходитъ будто бы г. Чичеринъ, способствовавшій постройкѣ Храма Христа Спасителя въ Москвѣ, надѣется стяжать себѣ благодарность потомства восстановленіемъ развалившейся Россіи. Можетъ ли быть пріятно московскому головь то сочувствіе которое оказываютъ ему въ Вѣнѣ и Пештѣ, и не есть ли самая рѣчь г. Чичерина просто выдумка этихъ корреспондентовъ, съ бляхами развѣзжавшихъ по Москвѣ въ казенныхъ каретахъ?

Во всякомъ случаѣ, едва ли московскій голова сказалъ именно то что эти господа ему приписываютъ. Если дѣйствительно произнесена имъ, во время коронаціонныхъ торжествъ, при какомъ-либо случаѣ, рѣчь политическаго содержанія, то это не первая его рѣчь. При вступленіи своемъ въ должность городского головы, въ прошломъ году, онъ держалъ весьма пространную рѣчь въ Думѣ; но онъ оставлялъ власть на ея мѣстѣ, и даже обѣщалъ идти о бокъ съ ней и не дѣлать ей безъ нужды прелатствій. Въ нынѣшнемъ году, въ Татьянинъ день, въ именины Московскаго Университета, 12 января, онъ также держалъ застольную рѣчь, но во имя консервативныхъ началъ, и самымъ рѣзкимъ образомъ протестовалъ даже противъ необходимыхъ, задуманныхъ правительствомъ реформъ, какова напримѣръ реформа неотложно требуемая жалкимъ положеніемъ нашихъ университетовъ. И потомъ, могъ ли онъ выставить себя какимъ-то „представителемъ народа“? Не говоря ужъ о томъ что по русскимъ понятіямъ есть только одинъ истинный представитель Русскаго народа, его Государь,—г. Чичеринъ ни по какимъ понятіямъ не могъ бы считать себя „народнымъ представителемъ“. Ему самому, лучше чѣмъ кому-либо, извѣстна исторія его избранія въ головы. Это дѣло нѣсколькихъ друзей его. Находя что должность московскаго головы служить наиблизайшимъ эталомъ къ занятію высшаго правительственнаго положенія, друзья г. Чичерина, съ другой стороны, полагали что онъ призванъ къ широкой политической дѣятельности, и что поэтому его нужно продвигать впередъ. Когда мѣсто головы стало вакантнымъ, они предприняли въ Москвѣ электоральную агитацію въ пользу г. Чичерина. Провести его въ головы было однако дѣломъ не легкимъ. Всѣ отношенія г. Чичерина къ Москвѣ ограничивались тѣмъ что онъ когда-то учился въ Московскомъ

Университетъ и потомъ, въ продолженіе пяти или шести лѣтъ, былъ въ немъ преподавателемъ. Имя его было извѣстно только въ университетскихъ и литературныхъ кружкахъ. Массо московскихъ избирателей онъ былъ извѣстенъ не болѣе чѣмъ всякій кандидатъ на подобную должность въ Парижѣ или Берлинѣ. Оставивъ профессуру, г. Чичеринъ и Москву оставилъ, и не только никогда не участвовалъ въ ея городскихъ дѣлахъ, но въ продолженіе двѣнадцати или пятнадцати лѣтъ почти не жилъ въ ней и не имѣлъ въ ней никакой собственности. Чтобъ явиться кандидатомъ на городскіе выборы ему приходилось купить ad hoc домъ въ Москвѣ. Что же было предъявлено московскимъ избирателямъ въ подкрѣпленіе его кандидатуры? Между городскими избирателями распространенъ былъ слухъ что выборы г. Чичерина на должность московскаго головы былъ бы особенно угоденъ Государю Императору. Московскіе избиратели, подавая голоса за неизвѣстное имъ лицо, хотѣли стало-быть выбрать не трибуна, а человѣка лично извѣстнаго Государю и пользующагося Его довѣріемъ, что не могло не казаться наилучшимъ обезпеченіемъ полезной, хотя и скромной, дѣятельности въ сферѣ городского хозяйства первопрестольной столицы, особенно въ виду приближавшейся коронаціи. И что же? Именно человѣка выбраннаго по такому мотиву, эти наглые корреспонденты съ торжествомъ выставляютъ представителемъ какой-то революціонной партіи готовой ослабить верховныя права Государя!

III.

Моск. Вѣд. № 161.

Въ газетахъ съ нѣкотораго времени появляются разныя свѣдѣнія о работахъ комиссіи состоящей подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Казакова и имѣющей своею задачею изготовить проектъ преобразованія мѣстнаго управленія въ Россіи. Между прочимъ, комиссія занята также реформой городского управленія, которая, какъ говорятъ, устранить органическія неудобства лежащія въ основаніи этого учрежденія.

Давно бы пора. Говорятъ что Казаковская комиссія наша секретъ какъ превратить городскія думы изъ клубовъ въ

собранія дѣловыхъ городскихъ хозяевъ. Газеты сообщаютъ даже въ чемъ состоитъ этотъ секретъ: предполагается „раздѣлить на будущее время обязанности председателя думы и управы, то-есть предоставить городскому головѣ председательство въ управѣ, а для думы выбрать особаго председателя, который могъ бы быть избираемъ изъ среды гласныхъ или на каждое засѣданіе или на цѣлый годъ“. Затѣмъ предполагается „дѣйствіе закона воспреещающаго городскому головѣ и членамъ управы входить въ подряды и поставки по предметамъ городского хозяйства распространить и на гласныхъ думы“, наконецъ, „во избѣжаніе злоупотребленій и неправомерностей, предполагается также освободить управы отъ взиманія въ пользу казны и земства налога съ недвижимыхъ имуществъ, такъ какъ оказывается что управы позволяютъ себѣ пользоваться этими суммами и употребляютъ ихъ на удовлетвореніе городскихъ нуждъ“.

Все это, безспорно, хорошія мѣры; но достаточны ли онѣ? Если городской голова не будетъ въ одно и то же время председателемъ думы и управы, развѣ это значить что ни онъ, ни прочіе гласные не будутъ уже разыгрывать словообильную роль политическихъ дѣятелей, а останутъ серьезно заботаться о томъ чтобы бойни и свалки не окружали города міазматическимъ кольцомъ, распространяя среди жителей заразу? Развѣ не достаточно одной управы съ председателемъ во главѣ для веденія хозяйства, при необходимой свободѣ дѣйствія и сопряженной съ нею серьезной отвѣтственности? Зачѣмъ же еще о-бокъ многогласная дума, у которой много дѣла не будетъ кромѣ болтовни, пререканій и интригъ? Въ чему же это многочисленное собраніе людей не несущихъ никакой отвѣтственности? Для контроля надъ дѣйствіями управы? Но для ревизіи достаточно собраться гласнымъ одинъ разъ въ году.... Если гласные не будутъ открыто входить въ подряды по предметамъ городского хозяйства, гдѣ гарантія что они не будутъ дѣлать этого черезъ подставныхъ лицъ и что они примутся дѣлательно за городское хозяйство, избавятъ городъ отъ дефицитовъ и будутъ зорко наблюдать чтобы энергически работали состоящія при думѣ безчисленныя коммиссіи дабы скорѣе одарить городъ обильнымъ водоснабженіемъ, правильною канализаціей, хорошими мостовыми? Если, наконецъ, управа не будетъ тратить на городскія нужды не принадлежащихъ ей казенныхъ денегъ, это еще не ручательство

что она найдетъ возможность уменьшить хоть нѣсколько налоги лежащіе тяжелымъ бременемъ на домовладѣльцахъ, а слѣдовательно и на всѣхъ городскихъ обывателяхъ и поступающіе ежегодно въ бездонную бочку Давадъ.

Мы не знаемъ насколько эти сообщенія достоверны, но едва ли можно сомнѣваться что для избавленія нашихъ городовъ отъ существующаго вынѣ управленія нужны болѣе серіозныя преобразованія.

Главный недостатокъ Городоваго Положенія 16 іюня 1870 года состоитъ въ томъ что управленіе городскими дѣлами поручено учрежденію составленному по шаблону говорильнѣ и отличающемуся общимъ характеромъ всѣхъ подобныхъ учрежденій, *безотѣтственностью правителей*. За веденіе городского хозяйства отвѣчаютъ *все*, а слѣдовательно *никто*. Кто тратитъ безъ пользы городскія деньги? Кто губитъ здоровье и жизнь многихъ сотенъ городскихъ обывателей? Это конечно дума, которая все сваливаетъ на управу, и управа, которая все сваливаетъ на думу. Припомнимъ недавнее и извѣстное всѣмъ Москвичамъ Сокольничье дѣло. Прекрасная старинная Сокольничья роща оставалась цѣла и невредима пока не имѣла несчастія попасть въ руки городского управленія. Въ короткое время лучшая часть рощи оказалась вырубленною. Убытки понесенныя городомъ были большіе. Началось громкое дѣло, но не въ судѣ, а въ стѣнахъ думы. Полились потоки краснорѣчія, и въ результатъ городской голова, лично невнимовый, принужденъ былъ оставить свой постъ, да сверхъ того изъ управы съ гражданскимъ достоинствомъ удалились два, три члена. Тѣмъ все дѣло и кончилось.

Думскіе гласные, не неся никто никакой фактической отвѣтственности за небрежное управленіе городскими дѣлами, естественно не чувствуютъ ни малѣйшаго интереса серіозно и неумолимо заниматься нелегкимъ и многосложнымъ дѣломъ городского хозяйства. Большинство ихъ или вовсе не являются на думскія засѣданія, или присутствуютъ на нихъ только физически, безусловно повинуваясь, при рѣшеніи вопросовъ, нѣсколькимъ ководамъ, которые много шумятъ, ратуютъ не за городскіе, а развѣ за свои интересы. Думскіе говоруны, не зная и не понимая технической стороны городского хозяйства, воображаютъ себя великими общественными дѣятелями, призванными управлять не хозяйствомъ городскимъ, что слѣшкомъ трудно и скучно, но цѣлымъ

государствомъ, что конечно гораздо легче и веселѣе, а потому они кстати, и въ особенности не кстати, стараются хвастнуть предъ отечественными и заграничными цѣнителями обширностью своихъ политическихъ взглядовъ, не находящихъ себѣ примѣненія на почвѣ городскихъ интересовъ, угрожаемой всякаго рода мелкими вопросами о свалкахъ нечистотъ, бойняхъ, заразныхъ болѣзняхъ, водоснабженіи, канализаціи и дефицитѣ, которые можетъ-быть очень важны для города, но вовсе не интересны для его управителей.

Созданіе строго отвѣтственнаго управленія городскими дѣлами, вотъ та реформа которая одна только можетъ положить конецъ празднословію нашихъ эдиловъ, этой жаакой игрѣ въ парламентъ, и обезпечить серіозное веденіе городского хозяйства.

IV.

Моск. Вѣд. № 153.

Въ Первомъ Департаментѣ Правительствующаго Сената разбиралось недавно дѣло характеризующее сбивчивость воззрѣній въ нашихъ судебныхъ сферахъ. Случай этотъ тѣмъ примѣчательнѣе что дѣло разбиралось въ *Первомъ* Департаментѣ Сената, который есть учрежденіе административно-судебное, но по своему положенію и отчасти по составу мало разнится отъ чисто судебныхъ департаментовъ Сената. Подробности дѣла мы заимствуемъ изъ петербургскихъ такъ-называемыхъ „либеральныхъ“ газетъ, которыя вдвойнѣ ликуютъ по этому поводу, вопервыхъ, потому что рѣшится объ обложеніи комтрибуціей *православнаго* монастыря (католическія церкви и монастыри западнаго края пользуются сочувствіемъ нашихъ либераловъ), а вовторыхъ, потому что Сенатъ сталъ въ оппозицію съ совокупнымъ мнѣніемъ министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ, бывшаго главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи и оберъ-прокурора Св. Синода.

Вотъ въ чемъ заключается это дѣло, на основаніи тенденціознаго изложенія петербургскихъ газетъ: Саровская пустынь, въ Темниковскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи, выдѣлетъ въ этомъ уѣздѣ дачей строеваго дѣса, примосащенъ обители значительный доходъ. Въ 1865 году, Темниковская уѣздная управа затребоваала отъ настоятеля пустыни

свѣдѣнія о томъ на какихъ документахъ основано право собственности монастыря, и усмотрѣвъ изъ оныхъ что лѣсная дача принадлежитъ монастырю „по кулчимъ крѣпостнымъ, дарственнымъ записямъ и уступнымъ актамъ, *Всочайше утвержденнымъ* за Саровскою пустынью еще въ 1730 году“, сочла себя въ правѣ внести эти земли въ смѣту раскладки земскихъ повинностей на 1865 годъ, и съ тѣхъ поръ вносила это монастырское имущество въ свои смѣты ежегодно, причемъ раскладка ни разу не была опротестована губернаторомъ. За то монастырское начальство настойчиво отвергало законность предъявленнаго къ нему требованія именно потому что обложенное имущество утверждено за нимъ правительствомъ на содержаніе монастыря, а такое имущество по закону (прилож. къ ст. 55 Уст. о земскихъ повинностяхъ) земскому обложенію не подлежитъ. Земская же управа мотивировала свое требованіе тѣмъ что земли принадлежащія монастырю „не принадлежатъ *исключительно* къ числу дарованныхъ правительствомъ“, хотя по межевымъ актамъ земли значатся данными отъ казны. На этомъ основаніи управа обложила земскимъ сборомъ *все* земли Саровской пустыни. Такъ дѣло тянулось въ теченіе пятнадцати лѣтъ: земство ежегодно облагало монастырскія земли, а тамбовскій губернаторъ не протестовалъ; настоятель же пустыни отказывался подчиниться требованію земскаго собранія, признавая оное противозаконнымъ, и наконецъ, въ 1879 году, посаждаемый полиціей, которая настойчиво требовала уплаты накопившейся за пятнадцать лѣтъ недоимки, обратилась съ жалобой къ министру Внутреннихъ Дѣлъ, прося приостановить взысканіе съ обители неправильно насчитанной на нее недоимки. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ овесся предварительно съ министромъ Финансовъ, съ главноуправляющимъ Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи и съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, и на основаніи единогласнаго заключенія всѣхъ этихъ правительственныхъ лицъ призналъ что земли Саровской пустыни не должны подлежать обложенію земскими сборами, и что стало-быть не можетъ быть никакой недоимки; вслѣдствіе чего министръ предписалъ тамбовскому губернатору, а сей послѣдній губернскаму правленію, недоимку сложить.

На это распоряженіе министра Внутреннихъ Дѣлъ, Темниковская уѣздная земская управа привнесла, чрезъ одного изъ

петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, жалобу въ Первый Департаментъ Сената. „Гг. сенаторы Перваго Департамента“, сообщаютъ торжествующимъ тономъ петербургскія газеты, „единогласно заключили: распоряженіе тамбовскаго губернатора во исполненіе сообщенія министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 9 марта 1879, по вопросу объ обложеніи земскихъ сборовъ земель Саровской лустыни и опредѣленіе Тамбовскаго губернскаго правленія о приостановленіи взысканія недоимки земскаго сбора за время съ 1865—1880 годъ, какъ неправильныя, отмѣнить.“

Не думайте однако что неправильность оказалась по существу дѣла, то-есть что Первый Департаментъ, вопреки мнѣнію четырехъ правительственныхъ лицъ, призналъ монастырское имущество подлежащимъ обложенію по закону. Нѣтъ, вопросъ этотъ, „какъ не дошедшій до разрѣшенія Правительствующаго Сената въ установленномъ порядкѣ“ оставленъ безъ разсмотрѣнія. Распоряженіе министра Внутреннихъ Дѣлъ отмѣнено Сенатомъ лишь на томъ основаніи что мѣстный губернаторъ въ свое время не протестовалъ противъ обложенія монастырскихъ земель земскимъ сборомъ „а потому онъ должны быть признаны полученными согласіе губернатора и вошедшими въ законную силу“.

Въ силу этого возрѣнія, извѣстное распоряженіе, какъ бы оно ни было само по себѣ неправильно, становится не преложнымъ и обязательнымъ потому только что оно „вошло въ законную силу“, не бывъ опротестовано тѣмъ правительственнымъ органомъ коему такой протестъ предоставленъ. *Судебное рѣшеніе* вступаетъ „въ законную силу“ когда оно не обжаловано тою или другою стороною въ установленный срокъ. Въ силу юридической факціи, оно становится формальною, для всѣхъ обязательною истинною, хотя бы даже противорѣчило существу истины. Но на данный случай факція эта никакъ простираться не можетъ. Если частное лицо обратилось къ суду по своему дѣлу или подпало суду и не воспользовалось предоставленнымъ ему правомъ перенести дѣло на пересмотръ высшей инстанціи, то предполагается что это частное лицо удовлетворено рѣшеніемъ суда и принимаетъ оное за истину. Но если земское собраніе пользуясь властью облагать извѣстными тягостями различные классы населенія, перейдетъ предѣлы предоставленныхъ ему правъ, то можно ли утверждать что такая несправедли-

вооть можетъ превратиться въ актъ законный и справедливый на томъ лишь основаніи что мѣстный губернаторъ, ко- ему закономъ предоставленъ контроль надъ земскими рас- кладками, плохо исполнилъ свою обязанность и пропустилъ безъ вниманія требованіе земства? Такой случай уже пото- му нельзя сравнивать съ вошедшимъ въ законную силу судеб- нымъ приговоромъ что тотъ на кого падаетъ неправильная раскладка земства отнюдь не обязанъ нести отвѣтственность за улученія губернатора.

Въ данномъ случаѣ, очевидно, вопросъ могъ обсуждаться не иначе какъ по самому существу его; подлежатъ ли или не подлежатъ земскому обложенію монастырскія имущества утвержденныя правительствомъ за монастырями какъ источ- никъ для ихъ содержанія. Мы знаемъ что относительно зе- мель Саровской пустыни высшіе представители власти вы- сказались противъ притязаній земства и въ пользу пусты- ни. Требованіе земскаго собранія признано незаконнымъ. А незаконное распоряженіе земскаго собранія *ни для кого не обязательно*. Это ясно выражено въ самомъ законѣ. Ст. 14 приложения къ ст. 84. Положенія о земскихъ учрежденіяхъ (правила о порядкѣ производства дѣлъ въ земскихъ, дворян- скихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собрані- яхъ) гласить такъ: „Постановленіе сословнаго или обществен- наго собранія противное законамъ не подлежитъ, какъ не- дѣйствительное, ни исполненію, ни дальнѣйшему производ- ству.“

Такимъ образомъ, если постановленіе Темниковскаго зем- скаго собранія о привлеченіи Саровской пустыни къ зем- ской раскладкѣ противно законамъ (что признано высшими органами правительства и не опровергнуто Сенатомъ), то оно, въ силу приведеннаго, специально до земства относяща- гося закона, было *недѣйствительно* съ самаго начала и не могло получить законную силу лишь потому что къ этому нарушенію земствомъ закона прибавилось улученіе губер- ватора.

А между тѣмъ Первый Департаментъ Сената, если вѣрить петербургскимъ газетамъ, высказался именно въ этомъ по- слѣднемъ смыслѣ, примѣнивъ къ дѣлу чисто судебное помя- тие о *res judicata*.

Впрочемъ, рѣшеніе Перваго Департамента Сената по ука- занному дѣлу еще само по себѣ не „вошло въ законную

силу", такъ какъ, по словамъ тѣхъ же гаветь, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода съ этимъ рѣшеніемъ не согласился, вслѣдствіе чего оно подлежитъ пересмотру общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ и департаментовъ Герольдіи.

Моск. Вѣд. №№ 158, 159, 161, 164 и 172.

Недавно саратовскіе присяжные оправдали одного портяго, Поляка Медвицкаго, обвинявшагося въ троеженствѣ и вступившаго въ новые браки при живыхъ женахъ на основаніи подложныхъ документовъ. *Новости*, ставшія двойникомъ *Голоса*, требуютъ (№ 63) чтобъ этотъ справедливый приговоръ присяжныхъ считался „выразителемъ общественнаго мнѣнія“. „Оправдывая обвиняемыхъ“, учить петербургская газета, „судъ вмѣстѣ съ тѣмъ осуждаетъ законы, устарѣвшіе и несоответствующіе современнымъ условіямъ жизни“. Такими законами являются де существующіе у насъ законы о бракахъ, „заковавшіе человѣческую волю въ такіа цѣли, разорвать которыя возможно лишь путемъ преступленія“. Дабы сдѣлать эти преступленія легальными, *Новости* требуютъ „свободы развода“. „Разводъ“, проповѣдуетъ органъ петербургскихъ хлыщей, „является единственнымъ (!) средствомъ урегулированія супружескихъ отношеній.“ (!?) „Полневольное брачное сожительство въ тѣхъ случаяхъ когда мужъ и жена не сходятся характерами или по другимъ причинамъ не могутъ составить прочнаго союза, является корнемъ зла.“ Считая бракъ простымъ юридическимъ „договоромъ“, *Новости* не признаютъ за нимъ значенія религіознаго и высказываютъ такой выводъ: „Нерасторжимость брака, какъ принципиальное условіе брачнаго союза, не находитъ себѣ оправданія даже въ требованіяхъ религіи, на которую обыкновенно ссылаются защитники существующаго порядка вещей.“ Въ виду всего этого петербургская газета требуетъ „радикальнаго переворота въ этой сферѣ гражданской жизни“. Нельзя упрекнуть петербургскихъ „либераловъ“ въ недостаткѣ откровенности. Ясное требованіе разгрома семьи и соціальной революціи невозможно.

Вотъ сущность дѣла подавшаго поводъ къ такимъ сужденіямъ и выводамъ:

Проживавшій въ городѣ Саратовѣ и содержавшій тамъ портяжную мастерскую вѣкій шляхтичъ Михаилъ Медвицкій

27 октября 1881 года сочетался бракомъ съ Аделаидой Пучковской. Въ началъ ихъ, по обряду римско-католическому, каноникъ Рафаиль Флекъ, несмотря на то что по поводу оглашенія этого брака одна изъ прихожанокъ почетнаго патера заявила ему что Медвицкій уже женатъ, что онъ подложно называетъ себя настоящею фамиліей, что зовутъ его собственно Стефаномъ-Михаиломъ-Раймондомъ Саламонскимъ, и что законная жена его, Леонія Саламонская, проживаетъ въ Варшавѣ по указанному адресу. Патеръ Флекъ, хотя и послалъ, вслѣдствіе этого, телеграмму въ Варшаву, но, не дождавшись отвѣта, послѣдовалъ обвинять Медвицкаго съ Пучковской. Получивъ же на другой день уведомленіе отъ Леоніи Саламонской что она дѣйствительно здравствуетъ, счелъ уже излишнимъ нарушить миръ и блаженство сопряженныхъ имъ „молодыхъ“, и не заявилъ объ этомъ никому.

Вскорѣ однако Саратовское полицейское управленіе получило изъ Кіева, отъ тамошней духовной консисторіи, запросъ не живетъ ли въ Саратовѣ Михаилъ Медеицкій, *жена котораго Палагея Семенова подала просьбу о разводѣ, сомнамась на то что мужъ въ ужьс десять лѣтъ какъ пропалъ безъ вѣсти.*

Такимъ образомъ обнаружилось что мнимый Медвицкій проживаетъ уже давно по подложному виду, и кромѣ новобрачной жены своей, Пучковской, имѣетъ еще двухъ женъ, одну въ Кіевѣ, а другую въ Варшавѣ. Улики налицо, и Медвицкій-Саламонскій, 25 мая, предсталъ въ Саратовскомъ окружномъ судѣ предъ присяжныхъ засѣдателей.

Корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*, въ № 148 этой газеты, слѣдующимъ образомъ живописуетъ все происшедшее въ этомъ засѣданіи:

Саламонскій, подъ фамиліей Медвицкаго, явился въ Саратовъ лѣтъ десять тому назадъ, открылъ портновскую мастерскую и въ короткое время успѣлъ сдѣлаться самымъ моднымъ портвымъ въ городѣ; потому понятна съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ ожидали чѣмъ окончится его дѣло, начавшееся полтора года тому назадъ. За часъ до начала засѣданія зала суда была уже биткомъ набита публикой, и часть любопытныхъ за неимѣніемъ мѣста тѣснилась на лѣстницѣ, въ корридорахъ и даже у подъѣзда суда. Первые три ряда стульевъ были заняты исключительно дамами... На вопросъ предсѣдателя признаетъ ли подсудимый себя виновнымъ въ троеженствѣ и проживатель-

ствѣ по подложному виду, Саламонскій далъ утвердительный отвѣтъ и довольно подробно разказалъ всю исторію своей жизни. Отца своего подсудимый не знаетъ вовсе, такъ какъ родился отъ богатой и знатной дѣвицы Саламонской, предки которой были даже сенаторами.. Злополучная мать отдала ребенка на воспитаніе въ чужую семью, заплатила впередъ за его содержаніе до совершеннолѣтія и даже оставила небольшой капиталъ для выдачи ему въ половинствѣ на обзаведеніе. Воспитатель выучилъ его портновскому мастерству, но никогда не говорилъ ни слова о его происхожденіи, изъ боязни чтобъ онъ отъ своихъ родныхъ не узналъ о капиталѣ оставленномъ матерью. Въ 1858 году Медвицкій отправился въ Варшаву, гдѣ началъ самостоятельную жизнь. Здѣсь онъ скоро сошелся съ дѣвицей Анной Леоніей, работавшею на табачной фабриктъ Кромбергера, и въ февралѣ 1858 года женился на ней. Супружеская жизнь подсудимаго съ молодою женой вышла однако, по его словамъ, крайне неудачна и мерзостна. Жена, подобно всѣмъ ея фабричнымъ подружкамъ, вела слушкомъ вольную жизнь, имѣла много молодыхъ пріятелей. Проживъ такимъ образомъ около года, Саламонскій случайно узналъ о своемъ незаконномъ происхожденіи и былъ крайне огорченъ насмѣшками и прозвищами которыми у насъ имѣютъ обыкновеніе награждать незаконнорожденныхъ. Это обстоятельство, въ связи съ неудачей супружеской жизни, заставило его покинуть родину и искать счастья за границей. Въ 1861 году онъ досталъ у одного товарища паспортъ на имя австрійскаго подданнаго Михаила Медвицкаго, перешелъ границу и направился въ Краковъ, гдѣ жилъ братъ его матери, въ расчетѣ что тотъ приметъ его какъ родственника. Но дядя даже не допустилъ племянника до себя, и молодой человекъ, перебиваясь кое-какъ черною работою, пошелъ странствовать по свѣту. Дойдя до Пешта, онъ по совѣту встрѣтившихся тамъ Поляковъ, поступилъ въ австрійскую военную службу въ гусарскій полкъ. Въ это время его начала сильно мучить тоска по родилѣ, и онъ бѣжалъ изъ полка, переодѣвшись въ крестьянское платье, но скоро былъ пойманъ и принужденъ преслужить еще семь лѣтъ въ уланскомъ полку. Въ 1869 году онъ наконецъ получилъ свободу и возвратился въ Варшаву, видѣлся со своею женою, пробовалъ даже вмѣстѣ жить, но опять такъ же неудачно, почему расстался съ нею окончательно и перѣхалъ въ Кіевъ. Здѣсь дѣла его пошли очень бойко: въ два года онъ, кромѣ мастерской, имѣлъ еще магазинъ готового платья и началъ чувствовать неудобство холостой жизни, почему и рѣшился второй разъ жениться на дочери чиновника, 30лѣтней дѣвицѣ Пелагеѣ Семеловнѣ Иваловской, съ семействомъ которой онъ успѣлъ познакомиться. 19 мая 1872 года состоялось этотъ новый бракъ въ Кіевѣ, оказавшійся еще болѣе неудачнымъ чѣмъ первый. Послѣ десяти дней брачной жизни Медвицкому встрѣтилась надобность выѣхать изъ Кіева на нѣсколько

дней, и когда онъ возвратился, то нашелъ магазинъ распроданнымъ, мастерскую уничтоженною, а молодую жену въ объятіяхъ какого-то казачьяго офицера, ея стараго пріятеля. Пришлось снова отправиться вправо съ носомъ своимъ и искать новаго пристанища. На этотъ разъ судьба закупила Саламонскаго, все съ тѣмъ же австрійскимъ паспортомъ Медвицкаго, въ Саратовъ. Явившись сюда безъ средствъ, онъ поступилъ закройщикомъ къ портному Мейендорфу, а чрезъ два года открылъ свою собственную мастерскую, скоро перецеголявшую все старыя прославленныя фирмы. Весной 1881 года, Медвицкій познакомился съ Юліей Деметіевной Пучковской и ея дочерью Аделаидой, въ то время только-что сошедшею со шксовой скамьи. Пучковскіе страшно нуждались въ деньгахъ, бродили по ульямск. ночамъ по бульварамъ и увеселительнымъ заведеніямъ, куда не принято появляться порядочнымъ збвенцинамъ. Медвицкій помогалъ имъ деньгами и, збелая счастья днечушкѣ отъ позбббббб, предложилъ имъ переѣхать въ гостиницу и жить за его счетъ; предложеніе было принято. Въ концѣ 1881 года Пучковская прямо предложила Медвицкому жениться на ея дочери, и когда послѣдній заявилъ что онъ уже женатъ, то сказала что это ничего не значитъ, никто объ его прежней женитьбѣ не узнаетъ. Послѣ недолгихъ колебаній Медвицкій согласился и женился въ третій разъ 27 октября 1881 года.

Такъ разказываетъ свою жизнь подсудимый. Судебное свѣдѣствіе ограничилось затѣмъ допросомъ, волевыхъ, каноника Флека въ качествѣ свидѣтеля, который публично подтвердилъ свою вину, сознавшись что онъ вѣнчалъ Медвицкихъ имѣя свѣдѣнія о томъ что женихъ состоитъ въ законномъ бракѣ съ другою женщиной; во вторыхъ, депросомъ послѣдней жены подсудимаго, которая уже родила ему сына. Она утверждала что ей не было извѣстно о прежнихъ брачныхъ союзахъ ея супруга и разрыдалась на судѣ, такъ что допросъ ея долженъ былъ прекратиться.

Въ опроверженіе романической автобіографіи подсудимаго были прочтены письма его къ первой женѣ Леоніи Саламонской изъ-за границы, Кіева и даже изъ Саратова, въ которыхъ „онъ проситъ ее вновь съ нимъ сойтись, называетъ ее честною труженицей и упрашиваетъ не открывать властямъ его настоящаго имени“.

Тронутые похождениями этого авантюриста и быть-можетъ сочувствуя его подвигамъ, саратовскіе присяжные оправдали Саламонскаго.

Русскія Вѣдомости, печатая эту корреспонденцію, не сопровождаетъ ее никакимъ замѣчаніемъ, но, по всему вѣроятію, довольны исходомъ дѣла. Въ томъ же 148 номерѣ этой газеты помѣщенъ отчетъ о другомъ дѣлѣ разбиравшемся въ Казанской судебной палатѣ, заимствованный ими изъ газеты *Новости*, о бывшемъ самарскомъ городскомъ головѣ Бурѣевѣ и членѣ городской управы Горинѣ, обвинявшихся—первый въ небрежномъ надзорѣ за дѣйствіями членовъ управы и ея чиновниковъ, въ нѣкоторыхъ ревизіяхъ денежной отчетности и суммъ, отчего произошло расхищеніе послѣднихъ, а второй—въ растратѣ ввѣренныхъ ему по службѣ 11.132 рублей, которыхъ онъ не пополнилъ, и въ подлогахъ по книгамъ для сокрытія растраты. Эксперты, допрошенные на судѣ, подтвердили что книги и отчетности Самарской городской управы за десять лѣтъ хозяйничанья подсудимыхъ представляютъ совершенный хаосъ, такъ что по нимъ невозможно учесть правильность поступленія и расходования общественныхъ суммъ. Подсудимые по этому поводу заявили что книги и отчеты велись ими только для „проформы“; завѣдывали же они дѣлами „на взаимномъ довѣрїи“.

Новая дюжина гражданъ которые на сей разъ были призваны явиться на судъ, сверхъ тѣхъ 6 миліоновъ которые по расчету *Русскіихъ Вѣдомостей* до настоящаго времени уже исполнили эту священную обязанность, нашли „хаосъ“ самарскихъ денежныхъ книгъ въ порядкѣ вещей и оправдали гг. Бурѣева и Горинова.

Но и это сопоставленіе двухъ поразительныхъ оправдательныхъ приговоровъ, повидимому, казалось недостаточно эффектнымъ. *Русскіихъ Вѣдомостямъ* понадобилось еще доказать что въ нашихъ судахъ царствуетъ не только *милость*, какъ въ дѣлахъ Саламовскаго и Бурѣева, но и *примѣрная строгость*, какъ въ слѣдующемъ примѣрѣ перепечатанномъ тою же газетою все въ томъ же № 148 изъ *Саратовскаго Дневника*: Въ городѣ Сердобскѣ, такъ гласитъ *Дневникъ*, предъ мировымъ судьей обвинялись *землеуладельцы дворянинъ* (sic) А. Ив. Берновъ и два его служителя въ слѣдующемъ дѣланіи: Г. Берновъ былъ на охотѣ и, недалеко отъ себя, въ полѣ, оставилъ доху и двѣ шубы. Черезъ нѣкоторое время онъ и его служители замѣтили что эти вещи исчезли и, отправившись разыскивать ихъ, догнали человека у котораго

ихъ собственность оказалась въ саяхъ. Вещи у него отняли, а молодецъ подалъ жалобу на навесенные ему при этомъ лобои, и г. Берновъ приговоремъ мировымъ судьей къ аресту на одинъ мѣсяцъ, а его служители на двѣ недѣли.

Но если Саламонскій и члены Самарской управы вышли изъ суда оправданными, то г. Берновъ тѣмъ паче не заслуживалъ кары, есаибъ овъ и слишкомъ энергически домогался возврата своихъ вещей, которыхъ овъ пожалуй никогда и не получилъ бы путемъ суда...

Въ длинномъ спискѣ удивительныхъ приговоровъ нашихъ судовъ займетъ видное мѣсто приговоръ недавно произнесенный Киевскимъ окружнымъ судомъ по дѣлу вѣского Оминскаго и Шлигеля. Предъ судъ, по словамъ *Киелянина*, предсталъ молодой человекъ начавшій свою карьеру писцомъ въ одной торговой конторѣ съ 30 рублями ежемѣсячнаго содержанія. Человекъ этотъ потомъ приобрѣлъ довѣрие своего хозяина и, ставъ у него бухгалтеромъ, получалъ 1.200 р. годоваго содержанія. Воспользовавшись довѣриемъ хозяина, Оминскій въ теченіе двухъ лѣтъ положилъ въ свой карманъ, посредствомъ подложныхъ переводовъ, до 25.000 руб. хозяйскихъ денегъ которыя растратилъ на ужины и подарки актрисамъ, на ликвику и устройство бенефисовъ. Менторомъ этого молодца во всѣхъ его „переводныхъ“ операціяхъ и кутежахъ былъ, по показанію обвиненія, ювелиръ Шлигель. Ловкій бухгалтеръ сознался предъ судомъ во всѣхъ своихъ продѣлкахъ, но представлялъ себя несчастнымъ, слабымъ волей и духомъ; сообщникъ же его, противъ котораго свидѣствіемъ не найдено достаточныхъ уликъ, не сознался на судѣ. Присяжные тому и другому вынесли оправдательный приговоръ. Хотя приговоръ этотъ, говоритъ *Киелянинъ*, не первый по такого рода дѣламъ, но при каждомъ случаѣ подобныхъ рѣшеній „общественной совѣсти“ любопытно подвергать анализу причины ихъ. Причины эти, по мнѣнію газеты, заключаются или въ неудовлетворительномъ составѣ самихъ представителей этой „общественной совѣсти“ и въ непониманіи ими своихъ обязанностей, или въ ошибкахъ при веденіи дѣла. Такъ, напримѣръ, говоритъ газета, по извѣстному дѣлу дѣвицы Островлевои, обвинявшейся въ ограбленіи извозчика, выяснилось что присяжные вынесли оправдательный приговоръ поневолѣ, потому что признавали въ

поступкѣ Островской не грабежъ, а кражу, а судъ не желалъ видѣть въ ея дѣланіи кражу и не поставилъ желательнаго присяжнымъ вопроса, несмотря на заявленія ихъ. Что же касается дѣла Омичскаго, то прочтя отчетъ по этому дѣлу, говорить *Кислякинъ*, можно не колеблясь сказать что Омичскаго оправдалъ главнымъ образомъ обвинитель его, то-есть прокуроръ, по имени г. Извѣковъ. Кто такой, по опредѣленію прокурорскаго надзора, этотъ Омичскій который, пользуясь довѣріемъ хозяина и своимъ положеніемъ, поддѣлываетъ довѣренности, посылаетъ подложныя телеграммы, „переводитъ“ по частямъ въ теченіе двухъ лѣтъ изъ заграничныхъ торговыхъ домовъ въ свой карманъ золотыхъ денегъ 25.000 руб. и спускаетъ ихъ на ужины, букеты, бенефисы и дѣвныя поднесенія актрисамъ? Онъ „заодѣй“ (то-есть не мошенникъ), возглашаетъ г. Извѣковъ съ прокурорской трибуны; „онъ умный даровитый человѣкъ“, труды котораго однако „оплачиваются очень скудно“ (1.200 р. въ годъ молодому человѣку изъ писцовъ только что начавшему свою карьеру!), „которому на роскошномъ паре природы (sic) нѣтъ мѣста“: оборотъ рѣчи которому могли бы позавидовать гг. Александровы и Пржевальскіе. Онъ не заодѣй, а „слабый человѣкъ“, увѣряетъ далѣе г. прокуроръ, „преступленіе шло ему на встрѣчу“, потому что „онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ“. „Слабый человѣкъ не устоялъ“, даровитый человѣкъ „не можетъ тянуть такую ламку“ и „долженъ теперь за это расплачиваться“. Словомъ, Омичскій, по мнѣнію г. прокурора, Фаустъ попавшій въ руки Мефистофела, несчастный „мотылекъ“ залутавшійся въ паутину; „у него, то-есть у Омичскаго, нѣтъ высшей сферы гдѣ онъ могъ утолить жажду живою водою (!), нѣтъ у него инстинктивной нравственности которая должна входить въ плоть и кровь человѣка“.

Сѣтовать ли на приговоры присяжныхъ при такой обстановкѣ судовъ?

Въ Кіевскомъ окружномъ судѣ оправданъ по суду Омичскій, похитившій подложными переводами у своего хозяина 25.000 рублей. Въ Нижегородскомъ окружномъ судѣ произнесенъ оправдательный приговоръ по дѣлу человѣка который, желая поживиться на счетъ чужаго кармана, въ ноябрѣ прошлаго года пришелъ къ нѣкому г. Невзорову, отрекомендовавша ему чиновникомъ особыхъ порученій при мѣст-

номъ губернаторѣ, причемъ въ подтвержденіе рекомендаціи предъявилъ ему якобы довѣрительныя бумаги, объявилъ г. Невзорову пріятную новость что тотъ назначается поставщикомъ дровъ для придворнаго вѣдомства въ Москвѣ и Нижнемъ, заставилъ г. Невзорова расписаться на „довѣрительныхъ бумагахъ“, въ концѣ концовъ выманилъ у него якобы на канцелярскіе расходы по дровяному дѣлу 55 руб. и скрылся. По наведеніи справокъ, г. Невзоровъ убѣдился что введенъ былъ въ заблужденіе, и хотя потомъ, при помощи полиціи, нашелъ мнимаго губернаторскаго чиновника, которымъ оказался нѣкто „уже неоднократно замѣченный въ мошенническихъ продѣлкахъ“ кровштадтскій мѣщанинъ Колубейко, но возвратитъ всѣхъ выманившихся денегъ уже не могъ. Тотъ же самый Колубейко, тоже подъ видомъ губернаторскаго чиновника, чрезъ нѣсколько дней потомъ, намѣревался обмануть точно такимъ же образомъ еще нѣкоторую крестьянку Мошкову, но на этотъ разъ обманъ не удался, овъ былъ арестованъ, и 7 іюня предсталъ предъ Нижегородскій окружный судъ. На судѣ мнимый губернаторскій чиновникъ, какъ сообщаетъ *Нижегородскій Биржевой Листокъ*, призналъ себя во всемъ выписанномъ вполнѣ виновнымъ; но присяжные засѣдатели, несмотря на это, вынесли ему оправдательный вердиктъ, а судъ, „на основаніи 1 п. 771 ст. уст. уг. суд., опредѣлилъ признать его, Колубейко, по суду оправданнымъ“, принявъ всѣ издержки по его дѣлу „на счетъ казны“.

Во всѣхъ низшихъ, среднихъ и высшихъ сферахъ нашихъ судебныхъ учрежденій, въ камерахъ мировыхъ судей, въ мировыхъ сѣздахъ, на предварительныхъ слѣдствіяхъ, въ прокурорскомъ надзорѣ, въ окружныхъ судахъ, въ судебныхъ палатахъ, наконецъ даже въ департаментахъ Сената—постоянно наталкиваемся на явленія которыя вызываютъ горькій вопросъ: чѣмъ же все это кончится?

Всего печальнѣе то что мы поневолѣ привыкаемъ къ этимъ явленіямъ и уже смотримъ на нихъ болѣе или менѣе равнодушно какъ на неизбѣжное зло. Мы уже не удивляемся если мировые судьи „либеральничаютъ“. Мы примирились съ небрежнымъ, а иногда и пристрастнымъ веденіемъ предварительныхъ слѣдствій, не замѣчаемымъ ни прокурорскимъ надзоромъ, ни судебными палатами и обнаруживающимся лишь во время судоговоренія, когда уже бываетъ поздно поправить

допущенныя олашности, а когда приежымъ приходится пошевоаъ произносить свой вердиктъ съ боае или менше полнымъ незнаемъ дѣла. Еще боае свыкаись мы съ безправственностью адвокатуры которая, несмотря на свою молодость, у насъ перещеголяла наглостью и цинизмомъ своихъ пожилыхъ собратьевъ въ Европѣ.

Кіевскому окружному суду суждено было положить начало новому виду судебныхъ куріозовъ, который, безъ сомнѣнія, вскорѣ найдетъ себѣ ревностныхъ послѣдователей. 31 мая товарищъ прокурора произнесъ обвинительную рѣчь какоу подавился бы икой изъ нашихъ неразборчивыхъ присажныхъ повѣренныхъ. Читатели уже знакомы съ этою рѣчью. Прокуроръ называетъ кутлау уличеннаго въ мошенничество, воровствѣ и подлогахъ бѣднымъ „мотылькомъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ „умнымъ и даровитымъ человѣкомъ, очарованнымъ мелодіями жизни (sic! см. *Новости* № 67, Судебный отдѣлъ), которому не было ни мѣста на роскошномъ лиру природы, ни высшей сферы гдѣ онъ могъ бы утолить жажду живою водою и которому само преступленіе шло на встрѣчу!“

Кто могъ бы повѣрить что мы двадцать лѣтъ послѣ судебной реформы доживемъ до того что *правительство* будетъ идеализировать мошенничество? Ибо прокуроръ есть представитель правительственной власти, мы это не должны забывать. Во Франціи онъ называется *prosecuteur de la République* (прежде *prosecuteur du Roi*), въ Германіи и Австріи *Staatsanwalt*, т. е. представителемъ или радѣтелемъ правительства, охранителемъ государственныхъ интересовъ; у насъ только почему-то онъ носитъ названіе „прокурора“ безъ дальнѣйшаго обозначенія: не этимъ ли отчасти объясняется что наши прокуроры зачастую забываютъ что ихъ устами должно говорить правительство, что они должны всегда и во всемъ защищать общіе интересы государства, а не гоняться за дешевыми лаврами уличной популярности...

Наши прокуроры не на шутку пустились соперничать съ адвокатами въ „либеральной“ казуистикѣ. Вотъ новѣйшій случай этого рода, обнародованный въ *Новостяхъ* (№ 77).

10 іюня, въ Саратовскомъ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло нѣкоего Михаила Куна, поселанина колоніи Либенталь, Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи, обвинявшагося въ покушеніи на кражу. Самый фактъ покушенія не подлежалъ никакому сомнѣнію. Изъ дѣла видно что поселанка Магдалина

Витманъ, возвращаясь 2 февраля въ двѣнадцатомъ часу ночи домой, замѣтила, когда входила въ калитку дома своего отца, что изъ сѣней какой-то человекъ выноситъ мѣшокъ со пшеницей. Закричавъ о помощи, она бросилась къ этому человекъ, узнала въ немъ поселенца Куна и начала отнимать у него пшеницу. Засыпавъ бѣжавшаго на крикъ Магдалины человекъ, Кунъ бросилъ мѣшокъ на землю и скрылся. Самъ Кунъ на судѣ не отрицалъ этого факта. Тѣмъ не менѣе прокуроръ *отказался отъ обвиненія* въ локушеніи на кражу на томъ основаніи что Кунъ не имѣлъ де при этомъ корыстной цѣли, а желалъ только *отомстить* владѣльцу пшеницы Витману за то что этотъ послѣдній предложилъ одному своему пріятелю жениться на его падчерицѣ, вдовѣ Роккеръ, съ которою Кунъ находился въ близкихъ отношеніяхъ. Присяжные послѣ этого конечно оправдали Куна.

Итакъ, *мсть* чувство законное, подъ эгидой котораго можно безнаказанно совершать преступленія! Жаль что *Новости* не приводятъ имени остроумнаго прокурора придумавшаго этотъ новый видъ невмѣняемости.

Есть еще наивные люди которые полагаютъ что наши глумливые суды служатъ лучшею, идеальною школою нравственности для народа! Съ ужасомъ подумаешь объ этой плодотворной педагогической дѣятельности!

Но наша скандальная судебная неурядица не имѣла бы и половины своего развратительнаго вліянія на общество если бы не находила тенденціозной поддержки въ нашей такъ называемой „передовой или интеллигентной прессѣ“. Чѣмъ безобразнѣе какое-нибудь явленіе на судѣ, тѣмъ болѣе оно восхваляется и превозносится газетною „интеллигенціей“. Всѣ еще помнятъ какими либеральными розами были осыпаны дѣвѣцы Засуличъ и Островлева, какіе пышные вѣнки были возложены на главы адвоката Александра и слѣдователя Лихарева, и какому поруганію были преданы гг. Пейчъ, Скарятинъ, Зографъ и другія жертвы судебного произвола.

Еще возмутительнѣе тѣ правоученія которыя подчасъ дѣлаетъ „пресса“ по поводу разныхъ судебныхъ скандаловъ. Недавно мы приводили ученіе *Новостей* о томъ что судъ, оправдывая преступниковъ, тѣмъ самымъ „осуждаетъ законы, несоотвѣтствующіе современнымъ условіямъ жизни“, ибо приговоръ присяжныхъ долженъ считаться „выраженіемъ общественнаго мнѣнія“. А такъ какъ саратовскіе присяжные

оправдали троюженца Полака Саламовскаго (или, по подложнымъ документамъ, Медвицкаго), то сѣдуетъ де отрицать существующіе у насъ законы о бракахъ и провозгласить „свободу развода который является единственнымъ средствомъ урегулированія супружескихъ отношеній“.

Казалось бы что это уже Геркулесовы столбы петербургскаго абсурда. *Петербургскіе Вѣдомости*, совершенно въ послѣднее время ошалѣвшія, сумѣли пройти еще дальше. Вотъ что онѣ говорятъ по поводу оправданія саратовскаго троюженца:

„Саратовскіе листки передаютъ два мѣстные процесса, затрагивающіе самые важные вопросы не только права и быта, но и религіи. Нѣкто Скворцовъ, молодой человекъ, обвинялся въ двоеженствѣ... Присяжные засѣдатели оправдали двоюженца. Затѣмъ, нѣкто Медвицкій судился уже не за двоеженство, а за троюженство, но и его тоже оправдали. Было бы весьма хорошо еслибы кто изъ саратовской интеллигенціи далъ полный очеркъ объ (sic) этихъ процессахъ, особенно о психологической, общественной и половой ихъ сторонѣ. Вотъ мнѣніе что для *мормонизма*, проявленіе котораго мы несомнѣнно видимъ въ этихъ двухъ фактахъ, есть свое мѣсто въ самой природѣ человѣка. Затѣмъ разказанные процессы еще разъ ставятъ на видъ необходимость пересмотра нашего брачнаго законодательства“ (*С.-Петербургскіе Вѣдомости*, № 153).

Итакъ, покоряясь саратовскимъ присяжнымъ, мы должны ввести у себя не только свободу развода, а уже прямо свободу многоженства!

Неужели все это явленія нормальныя на которыя можно глядѣть спокойно не опасаясь систематическаго развращенія не только нашего такъ-называемаго „интеллигентнаго“ общества, котораго мы не сумѣли уберечь отъ заразы, но и народа который еще крѣпокъ, но противъ котораго непрестанно со всѣхъ сторонъ ведется атака политическихъ развратчиковъ? И при этомъ-то требуютъ конституціи; хотять чтобы такой-то интеллигенціи дать законодательную власть!... Только этого недостаетъ!

Русскія Вѣдомости на дняхъ (№ 156) доказывали что во Франціи можно пріостановить несмѣляемость судей, а у насъ въ Россіи нельзя, ибо „что общаго между нашими судьями и французскими?“ Французскіе судьи не скрываютъ своихъ враждебныхъ чувствъ къ вышнему государственному строю Франціи. А у насъ, видите ли, этого нѣтъ; у насъ, стало-быть,

скрываютъ. „Переодова“ московская газета не утверждаетъ чтобы русскіе суды относились симпатично къ настоящему государственному строю Россіи; это конечно, по ея мнѣнію, было бы клеветой на нашу мнѣющую себя либеральною магистратуру. Она доказываетъ только что Французское правительство можетъ смѣнить судей, такъ какъ не оно само ихъ назначало, а другое правительство; Русское же правительство не властно смѣнить даже простаго судебного слѣдователя, такъ какъ оно своею собственною властью его назначило. Значить, чужую ошибку поправить можно, а свою нельзя. Какова логика!

V.

Моск. Вѣд. № 171.

Въ шестидесятыхъ годахъ, во время славной памяти польскаго возстанія, Русское правительство тяжко провинилось предъ святѣйшимъ Римскимъ престоломъ. За то что польское духовенство оказывало энергическую поддержку храбрымъ жандармамъ-вѣшателямъ, одобряя и благословляя ихъ на убійства, Русское правительство не посоветствовалось положить конецъ этимъ героическимъ подвигамъ и подвергло отвѣтственности католическихъ епископовъ, вѣрно служившихъ польскому дѣлу. Многія епархіи были лишены своихъ епископовъ, власть епископовъ была стѣснена цѣлымъ рядомъ правилъ, и въ довершеніе всего четыре епископа, составлявшіе гордость „польской sprawy“ и оказывавшіе ей ничѣмъ незамѣнимую поддержку явными и тайными путями, знаменитые мовсиѣдоры Феливскій, Красивскій, Боровскій, Ржевускій, подверглись административной высылкѣ во внутреннія губерніи нецивилизованной Россіи. Въ послѣднее время изъ двѣнадцати епархій только въ четырехъ находились епархіальныя епископы, три управлялись суффраганами, а остальные пять священниками-администраторами, не имѣвшими епископскаго сана. Это, правда, нисколько не мѣшало католическому населенію Россіи мирно молиться въ своихъ храмахъ, а духовенству исполнять церковныя требы, но „польская справа“ не имѣла достаточныхъ слобобовъ фанатизировать католическія населенія и поддерживать въ нихъ ненависть къ Россіи посредствомъ достойнаго награжденія и повышенія священниковъ разжигавшихъ эту неа-

висть и строгаго каранія измѣнниковъ которые, подобно отцу Жилинскому, старались согласовать свои церковныя обязанности съ гражданскими.

Такимъ образомъ, отсутствіе правильно организованной польской іерархіи имѣло невыгодныя для „польской sprawy“ послѣдствія.

Впрочемъ, „польская справа не дремала. Она воспользовалась обстоятельствами чтобы приготовить въ Россіи политическій крахъ въ грандіозныхъ размѣрахъ. Польская карбонарская сѣть была наполнена русскими школьниками, ад hoc испорченными идеями социализма, выродившагося за нимѣніемъ содержанія въ простой вигилантизмъ; разверзались хляби безмысленнѣйшаго либерализма; со всѣхъ сторонъ потребовалось самоотреченіе правительственной власти, бездѣйствіе правительства, конституція въ какомъ бы то ни было видѣ, хотя бы въ видѣ никогда не существовавшего будто бы древняго русскаго учрежденія, именованнаго „земскимъ соборомъ“. Тѣ самые кто и слышать не хотѣли въ 1863 и 1864 годахъ объ организаціи русскаго общественнаго мнѣнія, патріотически настроеннаго, для поддержанія правительства въ его борьбѣ съ польскимъ мятежомъ и съ наступавшею на насъ Европой, вдругъ ни съ того, ни съ сего стали отъявленными требователями представительства. И *аблакать*, и журналисты, и земцы, и городскіе головы, даже министры, и такъ-называемые либералы, и такъ-называемые консерваторы, приступили къ Россіи съ ножомъ къ горлу чтобы она непременно зачѣмъ-то нарядилась въ американскій костюмъ какой бы то ни было конституціи, какъ Турція при концѣ царствованія султана Абдуль-Азиса. Пянургово стадо заблѣло всѣми голосами противъ всеподвляющей дѣятельности государственной власти, между тѣмъ какъ эта бѣдная власть такъ спряталась и притаилась что Россія очутилась непосредственно подъ Божьимъ управленіемъ. И благодаря единственно Богу всероссійскій крахъ не нослѣдовалъ; но дѣло не обошлось безъ дорогихъ жертвъ и тяжкаго горя... Крахъ не нослѣдовалъ, но деморализація и бездѣйствіе власти все еще длятся.

Между тѣмъ русская политика давно уже обнаружила несомнѣваемые признаки раскаянія въ серіозныхъ мѣрахъ вызванныхъ польскимъ мятежомъ. Были преданы поруганію тогдашнія дѣйствія правительства и ихъ исполнители; всѣ

начинали против „польской sprawy“ предприятия были превращены; все существенное въ нихъ было парализовано; остались мелкія безполезныя придирки которыя только ропаютъ авторитетъ правительства, осталось какъ бы свидѣтельство безсилія Россіи. Въ расказахъ нашихъ не могла, наконецъ, сомнѣваться и папская камарилья, особенно когда русскій канцлеръ, безо всякаго побужденія со стороны Ватикана, явилъ небывалое въ исторіи великодушіе, пожертвовавъ свободой нашихъ дѣйствій во время Турецкой войны для того только чтобы соглашеніемъ съ Германіей не повредить папѣ въ его борьбѣ съ эмергическою политикою князя Бисмарка. Его святѣйшество по достоинству оцѣнилъ заискиванія Россіи, и понявъ что время для возстановленія польской іерархіи наступило, оны въ 1879 году обратилася чрезъ своего нунція въ Вѣнѣ съ соответствующими предложеніями къ русскому тамъ послу. Русское правительство тотчасъ же изъявило согласіе на веденіе примирительныхъ переговоровъ, которые были начаты въ Вѣнѣ, а затѣмъ окончены въ Римѣ. Въ настоящемъ году состоялось соглашеніе подписанное представителями обѣихъ договаривающихся сторонъ и обнародованное на дняхъ въ *Прагматическомъ Вѣстникѣ* (15 іюля).

Интересы „польской sprawy“ требовали прежде всего, какъ *conditio sine qua non*, офіціального признанія высокихъ заслугъ оказанныхъ ей четырьмя высланными подъ надзоръ полиціи епископами Фелицкимъ, Красинскимъ, Боровскимъ и Ржевускимъ. Ничего не могло быть опаснѣе для успѣха польскаго дѣла какъ колебаніе католическихъ іерарховъ, призванныхъ руководить этимъ священнымъ дѣломъ. У всѣхъ предъ глазами должны быть высокіе, поучительные примѣры великихъ мучениковъ за польское дѣло, четырехъ сосланныхъ, а затѣмъ возвеличенныхъ епископовъ, оставшихся до конца вѣрными агентами ржондъ и заклятыми врагами Россіи. Это законное требованіе ржондъ исполнилось: четыре непокорные епископа освобождены съ почетомъ; троемъ изъ нихъ назначены высокія пенсіи, а одинъ получилъ опять епархію. Такимъ образомъ участь этихъ мучениковъ теперь обезпечена, и они съ триумфомъ вышли изъ своей ссылки въ назиданіе врагамъ и друзьямъ Россіи.

Другое необходимое условіе для поддержанія строгой дисциплины въ рядахъ польской іерархіи состоитъ, конечно,

въ томъ чтобъ епископы имѣли полную свободу смѣнять всѣхъ неудобныхъ имъ священниковъ въ томъ случаѣ если бы тѣ оказались преданными Россіи или съ недостаточною энергіей раздували бы ненависть польскихъ патріотовъ Россіи. Русское правительство обязалось „по собственному побужденію“ приостановить дѣйствіе § 18 указа 14 (26) декабря 1866 года о свѣтскомъ римско-католическомъ духовенствѣ въ Царствѣ Польскомъ, стѣсняющаго власть епископовъ относительно устраненія отъ должности священниковъ. Но уже и до формальной приостановки названнаго параграфа отставленъ отъ должности и вынужденъ привести публичное покаяніе одинъ изъ такихъ священниковъ какъ Жилинскій. Благодаря этой, въ высшей степени важной, уступкѣ теперь нечего опасаться что польскіе священники будутъ такъ важны чтобы промѣнять служеніе польскому всемогущему рожду на служеніе Русскому правительству...

Весьма важенъ былъ также вопросъ о выборѣ новыхъ епископовъ на вакантныя каѳедры. Необходимо было замѣнить ихъ лицами вполнѣ преданными польскому дѣлу, представителями чистокровной шляхты. Восторгъ съ которымъ Польша приняла новыхъ епископовъ Гинтовта, Попеля, Козловскаго, Гривевицкаго, служить достаточнымъ ручательствомъ что его святѣйшество не ошибся въ ихъ преконовизаціи. Они, по всему вѣроятію, будутъ достойными преемниками монсеньйоровъ Фелипскаго, Красивскаго и Ржевускаго, не говоря уже о Боровскомъ, который получаетъ каѳедру.

Россія, сверхъ того, обѣщаетъ подвергнуть пересмотру всѣ издавныя въ 1866 году дополнительныя правила къ вышеупомянутому указу, дабы предоставить необходимую свободу дѣйствій польскому духовенству.

Получивъ отъ Россіи столь значительныя уступки по важнѣйшимъ для „польской справы“ вопросамъ, отъ которыхъ зависитъ весь будущій успѣхъ ея, Римская курія въ свою очередь согласилась сдѣлать уступку Русскому правительству. Благодаря этой уступкѣ русскій языкъ, литература и исторія будутъ преподаваться въ римско-католическихъ духовныхъ семинаріяхъ учителями „назначаемыми съ преварительнаго согласія правительства“, причемъ правительству предоставляется право надзора за семинаріями наравнѣ съ прочими учебными заведеніями Имперіи. Что же касается направленія въ преподаваніи каноническихъ предметовъ и

внутренней дисциплины въ заведеніяхъ, то оно вполнѣ представляется безконтрольному, благоусмотрѣнію епископовъ, дабы они могли принять нужныя мѣры для противодѣйствія неученію правительственныхъ преподавателей русскаго языка, литературы и исторіи, въ томъ случаѣ если эти преподаватели осмѣлились бы въ самомъ дѣлѣ преподавать какія-нибудь идеи не согласныя съ интересами „польской sprawy“.

Таково обнародованное соглашеніе между Римскою куріей и Русскимъ правительствомъ... Теперь слѣдовательно необходимая сценическая обстановка для новаго представленія „польской sprawy“ уже готова; актеры стоятъ на мѣстахъ и уже слышатся звуки настраивающаго свои инструменты оркестра...

VI.

Моск. Вѣд. № 154.

Недавно, одна изъ нашихъ такъ-называемыхъ либеральныхъ газетъ трусила надъ княземъ Бисмаркомъ не сумѣвшимъ де справиться съ католическимъ клерикализмомъ; тогда какъ Французская республика гораздо услѣпнѣе ведетъ войну съ Ватиканомъ. „Римская курія, сказано въ этой газетѣ, безсильная въ борьбѣ съ государственною властью ставшею на защиту человѣческихъ правъ и широкой гражданской свободы, оказывается нелобѣдиною тамъ гдѣ ей приходится имѣть дѣло съ административно-полицейскимъ насиліемъ, гдѣ ея духовному абсолютизму противопоставляется абсолютизмъ чиновничьей власти (*Русскія Вѣдомости* 31 мая, № 147).“

Изъ этихъ словъ читатель долженъ вывести то правоученіе что со внутренними врагами государства можетъ услѣпно бороться лишь правительство связанное парламентскими партіями и дѣйствующее посредствомъ „широкой гражданской свободы“, безъ помощи администраціи и полиціи, не прибѣгая ни къ какимъ вынужденіямъ и „насиліямъ“. Можетъ-быть дѣйствительно найдутся наивные читатели которые попадутся въ эту грубую ловушку и выведутъ желаемое газетой правоученіе; но всякій знакомый съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ во Франціи и Германіи сразу разглядитъ фальшь.

Князь Бисмаркъ дѣйствительно идетъ теперь въ Каноссу: 24 мая онъ ввезъ въ Прусскій парламентъ законопроектъ

отмѣняющій существенныя положенія майскихъ законовъ 1874 и 1875 годовъ. Но что тому причиной? Система ли „административно-полицейскаго насилия и абсолютизма чиновничьей власти“? Нѣтъ, всякому извѣстно что германскаго канцлера вынуждаетъ на уступки клерикаламъ процвѣтающій въ Пруссiи парламентаризмъ, съ которымъ волей-неволей приходится ему считаться. Поставленный въ необходимость набирать себѣ въ парламентъ *большинство* для проведенія тѣхъ мѣръ какія требуются интересами Германской имперiи, князь Бисмаркъ долженъ былъ поневолѣ сообразоваться съ тѣмъ составомъ депутатовъ который выходилъ изъ избирательной лотереи съ фальшивымъ званiемъ „представителей народа“. Канцлеръ искусною рукой составлялъ себѣ *большинство* то изъ національ-либераловъ, то изъ консервативовъ, относясь совершенно равнодушно къ тому *кто* принималъ его законы; лишь бы они дѣйствительно были приняты. Не будь онъ связавъ своею говорильней, онъ вѣрнѣе достигалъ бы своихъ цѣлей нежели теперь, когда ему то и дѣло приходится натаакиваться на мелкiя интриги партiй или на упорство доктринеровъ, и откладывать свои законопроекты. Въ настоящемъ парламентѣ князь Бисмаркъ можетъ составить себѣ большинство только изъ консервативной партiи и партiи центра; но послѣднюю изъ этихъ партiй, состоящую изъ католиковъ-клерикаловъ, необходимо чѣмъ-нибудь подкупить, дабы сдѣлать ее послушнымъ орудiемъ въ рукахъ правительства; подкупъ этотъ можетъ совершиться только посредствомъ отмѣны майскихъ законовъ, и вотъ князь Бисмаркъ, не имѣя возможности обойтись безъ парламентскаго большинства, привужденъ начать отступление съ позицiи занятой имъ десять лѣтъ тому назадъ въ „культурной борьбѣ“. Сталъ ли бы онъ отступать еслибы дѣйствительно былъ свободенъ въ своихъ дѣйствiяхъ? Не будь въ Пруссiи доктринерской конституцiи, сужденiе московской газеты о князѣ Бисмаркѣ имѣло бы нѣкоторое основанiе; теперь же оно само себя уничтожаетъ.

Еще несообразнѣе сужденiе высказанное относительно Францiи. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, „Римская курiя потому безсильна въ борьбѣ съ государственною властью“ во Францiи что эта власть „стала на защиту человѣческихъ правъ и широкой гражданской свободы“? Неужели весь секретъ пораженiя клерикализма во Францiи заключается въ этой пусто-звонной фразѣ?

Въ данную минуту, власть въ Франціи находится въ рукахъ партіи враждебной церкви не только Римской, но всякой. Та или другая политическая партія, захвативъ верховную власть въ свои руки, старается извлечь наибольшія выгоды изъ своего первенствующаго положенія и по возможности обезсилить своихъ противниковъ. Такъ поступили и французскіе антиклерикалы: наполнивъ своимъ людьми парламентъ, они выдѣляли изъ своей среды министровъ, которые и провели цѣлый рядъ законовъ лишившихъ Римскую церковь возможности бороться съ правительствомъ. Во многихъ другихъ вопросахъ оказывались несогласія между министрами и депутатами, министерства падали къ великому ущербу какъ внутренней такъ и международной политикѣ государства, но въ борьбѣ съ церковью каждое новое министерство было всегда солидарно съ большинствомъ парламента и фанатически изгоняло клерикализмъ изъ арміи, изъ школъ, изъ больницъ, даже изъ храмовъ. Въ тому же Французское правительство нисколько не стѣснялось равными соображеніями обязательными для германскаго канцлера. Князь Бисмаркъ велъ борьбу единственно съ римско-католическимъ духовенствомъ, религія же оставалась для Германскаго правительства неприкосновенною; поэтому и удары римско-католическому духовенству можно было наносить лишь съ величайшею осторожностью, дабы не задѣть религіозной совѣсти населенія. Совѣтъ швое дѣло было во Франціи. Тамъ не дѣлалось различія между притязаніями римскаго духовенства и религіей, тамъ все выбрасывалось за бортъ. Французское правительство нисколько не церемонилось въ своей борьбѣ съ духовенствомъ и дѣйствовало самымъ радикальнымъ и сокрушительнымъ образомъ не стѣняясь никакими насиліями. Администратія и полиція, тщательно подобранныя въ этомъ смыслѣ, были его орудіемъ и дѣйствовали съ великимъ усердіемъ и фанатическою энергіей. Причемъ же тутъ „государственная власть, ставшая на защиту человѣческихъ правъ и широкой гражданской свободы“, которая, по увѣренію московской газеты, побѣдила Римскую курію? Не ясно ли что имѣло во Франціи-то Курія и побѣждена „административно-полицейскимъ насиліемъ и абсолютизмомъ чиновничьей власти“.

Не усматриваютъ ли *Русскія Вѣдомости* защиту человѣческихъ правъ и широкой гражданской свободы и въ томъ

законъ который на дняхъ былъ принятъ Французскою палатою депутатовъ 357 голосами противъ 129, и которымъ приоста-навливается и доктринерскій принципъ о несмѣняемости судей, съ тою цѣлю чтобы дать возможность министру юстиціи смѣнить всѣхъ враждебныхъ существующему правительству судей и замѣнить ихъ людьми преданными правительству? Противниками этого закона оказались только депутаты открыто враждующіе противъ существующаго порядка: легитимисты, бонапартисты, интрансигенты. Партія поддерживающая правительство отдала магистратуру ему въ руки, находя невозможнымъ чтобы государство встрѣчало оппозицію и вѣрломную измѣну въ своихъ агентахъ потому только что они называются судьями.

Какой бы крикъ подняли наши „прогрессисты“ еслибы у насъ всесильное правительство вознамѣрилось хоть немного очистить судебный персоналъ?

Очень можетъ быть что французскій сенатъ, въ которомъ засѣдаютъ многочисленные противники правительства, затормозитъ законъ о смѣняемости судей; но это не уничтожитъ значенія того факта что господствующая во Франціи партія не останавливается предъ рѣшительною мѣрой для огражденія существующаго государственнаго порядка, нисколько не заботясь о *теоретической* „защитѣ“ чловѣческихъ правъ и широкой гражданской свободы“, о которой болтаютъ наши „либералы“, забывающіе что *на дѣлѣ* истинная гражданская свобода тогда только и возможна когда она энергически поддерживается сильною государственною властью, дѣйствующею неуклонно и послѣдовательно.

VII.

Моск. Вѣд. № 164.

Въ Албавіи вотъ уже болѣе мѣсяца идетъ ожесточенная борьба между регулярными турецкими войсками и племенами Готтовъ, Грудовъ, Кастратовъ и пр. Телеграфъ постоянно сообщалъ о кровопролитныхъ схваткахъ, стоившихъ жизни сотнямъ людей, и о соженіи цѣлыхъ городовъ. Потомъ, со стороны турецкой, сообщено было офиціозное извѣстіе будто между командующимъ турецкими регулярными войсками и мятежниками состоялось соглашеніе; но, по дальнѣйшимъ извѣстіямъ, кровопролитіе не прекратилось и до

сихъ поръ; вѣдскія же газеты сообщаютъ, что албанскіе источники, что албанскіе нотабли отправляются въ Вѣну „хлопотать о вступленіи Австріи въ албано-турецкую распрю“.

Но изъ-за чего разыгралась опять албанская траги-комедія? Кому интересъ поджигать эти разбойничьи племена, которыя еще такъ недавно кичились своею преданностью падишаху? Если судить по наружности, то Албанцы оказываются и на этотъ разъ болѣе турецкими нежели самъ султанъ, и вѣдлись за оружіе дабы оказать сопротивленіе Турецкому правительству въ исполненіи того постановленія Берлинскаго трактата коимъ увеличивается Черногорская территория, постановленія такъ урѣзаннаго послѣ удорнаго сопротивленія оказаннаго тѣми же Албанцами совокупному „вмѣшательству“ Европы при Дульциньо. Нѣкоторыя австрійскія газеты стараются даже убѣдить Турцію что она „усердствуетъ не въ мѣру“, и что ей нѣтъ никакой надобности хлопотать въ пользу Черногоріи и проливать кровь своихъ подданныхъ ради исправленія Берлинскаго трактата. Пусть де Черногорія сама позаботится о томъ чтобы добыть себѣ ту часть побережья Скутарійскаго озера которая ей присуждена Европой. Турція можетъ де быть совершенно спокойна: Европа не прибѣгнетъ вторично къ коллективному вмѣшательству въ родѣ морской демонстраціи предъ Дульциньо. Все это конечно пустыя слова, ибо кто же повѣритъ что Турція о томъ только хлопочетъ чтобъ оказать „доляною“ исполнительницей Берлинскаго трактата?

Венгерскія газеты, которыя вообще „откровеннѣе“ прочихъ, подходятъ къ разрѣшенію вопроса совсѣмъ съ другой стороны. Онѣ тоже спрашиваютъ, въ чемъ смыслъ телерешнаго албанскаго возстанія? И *Пейтскій Ллойдъ* отвѣчаетъ что Албанцевъ подстрекаетъ не кто иной какъ сама Черногорія! Подражая Россіи, она свѣтъ де раздоръ въ турецкомъ лагерѣ дабы имѣть поводъ обратиться къ заступничеству Европы. Органъ венгерскаго министерства пользуется впрочемъ этою бессмысленною инсинуаціей лишь для того чтобы прочесть строгую нотацию всѣмъ славянскимъ народностямъ Балканскаго полуострова, рекомендуя имъ не только быть смиренными и не мечтать ни о какихъ перемѣнахъ въ ихъ телерешномъ положеніи, но и остерегаться всякихъ попытокъ ко взаимному сближенію; ибо этого

одного будетъ де достаточно чтобъ Австрія, опирающаяся на новый тройственный союзъ, распорядилась иже по своему. „Въ тотъ моментъ“, замѣчаетъ мадарская газета, „какъ балканскія государства, кои достигли своего теперешняго положенія сдѣланіемъ несамыхъ случайностей, выступить изъ оваго и, не довольствуясь дарованною каждому изъ нихъ независимостью, попытаются войти въ тѣснѣйшее взаимное сближеніе, ихъ независимости будетъ положенъ конецъ. Ни Россіи, ни какой бы то ни было федераціи находящейся подъ покровительствомъ Россіи, не предостратить коренныхъ перемѣнъ которыя наступить тогда съ роковою необходимостью.“

Но и эта выходка мадарскихъ шовинистовъ также мало разъяснила смыслъ совершающихся въ Албаніи событій какъ и увѣреніе будто Турція только о томъ хлопочетъ какъ бы поскорѣ исполнить наложенное на нее по отношенію къ Черногоріи обязательство.

Но есть и третье объясненіе. О немъ проговорила *Всеобщая* (бывшая аугсбургская) *Газета*, которою, по объясненію *Крестовой Газеты*, часто пользуются австрійскіе дипломаты не у дѣлъ. По словамъ этой газеты, настоящее движеніе въ Албаніи имѣетъ весьма искусныхъ, хотя и невидимыхъ, руководителей. Албанцы располагаютъ де обширными складами отличнаго оружія и расслачиваются за все наличными дельгами. „Весьма вѣроятно“, сказано далѣе, „что Албанцамъ оказываетъ матеріальную помощь какое-либо правительство, ибо наличныхъ денегъ у Албанцевъ никогда въ изобиліи не имѣется. Какъ бы то ни было, но теперешнее движеніе не такъ скоро окончится. Территоріальная уступка Черногоріи будетъ стоить много крови, ибо албанскія племена будутъ этому противиться съ бѣльшимъ единодушіемъ чѣмъ когда-либо прежде. Власть султана надъ Албаніей доживаетъ свои послѣднія минуты.“

Названная газета находитъ что съ точки зрѣнія австрійскихъ интересовъ такой оборотъ дѣлъ весьма желателенъ, ибо для Австріи очень де выгодно если на Балканскомъ полуостровѣ возникнетъ независимое Албанское государство, половина населенія котораго исповѣдуетъ католическую вѣру. Оно послужитъ де противовѣсомъ православному славянскимъ государствамъ. *Всеобщая Газета* сомнѣвается только сумѣютъ ли де австрійскіе дипломаты, нынѣ управ-

лящіе дѣлами, уразумѣть эту выгоду и воспользоваться ею надлежащимъ образомъ.

Такимъ образомъ, изъ словъ австрійскихъ же органовъ явствуется что спокойствіе на Балканскомъ полуостровѣ нарушено въ настоящее время ни въ чьихъ иныхъ какъ въ интересахъ самой же Австріи, и перемены которыя предвидятся, перемены сопряженныя съ новымъ ограниченіемъ верховныхъ правъ султана, должны послужить опять-таки на пользу одной Австріи.

Берлинская *Крестовая Газета*, возражая противъ одной изъ нашихъ статей о дѣлахъ Востока, старается насъ убѣдить что Австрія поставлена Европой „стражемъ міра“ на Балканскомъ полуостровѣ, и что если Россія будетъ пользоваться своимъ вліяніемъ на тамошнія народности дабы помогать Австріи въ этой задачѣ, то найдетъ въ ней не противника, а самаго стоворчиваго и доброжелательнаго сосѣда.

Послѣднія событія въ Албаніи и таинственная помощь оказываемая тамошнимъ инсургентамъ противъ Турціи доказываютъ, во всякомъ случаѣ, что Австрія или не умѣетъ или не желаетъ исполнить свою официальную миссію „стража міра“.

Но мы вообще не видимъ никакой разницы между взглядомъ *Крестовой Газеты* на политику Австріи на Востокѣ и взглядомъ *Всеобщей Газеты*, противъ которой насъ предостерегаетъ органъ прусскихъ консервативовъ. Мюнхенская газета откровенно проводитъ тотъ взглядъ что Австріи предназначено полное и исключительное господство на Балканскомъ полуостровѣ, и что главнымъ орудіемъ для укрѣпленія этого господства должна служить католическая пропаганда и борьба противъ православія. На дѣлѣ мы видимъ что программа эта исполняется съ большимъ усердіемъ въ томъ единственномъ славянскомъ государствѣ коего правительство подчинилось австрійскому вліянію. Будущее покажетъ насколько Сербское правительство служить этому дѣлу міра или напротивъ счесть глубокую смуту въ собственной странѣ.

Крестовая Газета ничего не говоритъ о католической пропагандѣ Австріи и о борьбѣ противъ православной церкви. Но и она выставляетъ Австрію какъ единственную руководительницу будущихъ судебъ Балканскаго полуострова и признаетъ стремленіе тамошнихъ народовъ къ самобытности

лишь насколько этимъ не нарушаются задачи Австріи какъ господствующей державы. Это есть дѣло безповоротнаго рѣшенія, а потому Россія хорошо де сдѣлаетъ если будетъ содѣйствовать укрѣпленію этого убѣжденія среди Славянъ Балканскаго полуострова.

Вліяніе Россіи на Славянъ Балканскаго полуострова обуславливается не дипломатическими актами. Почтенная берлинская газета не хуже насъ понимаетъ что никакое искусственное созданіе дипломатіи не разрушить и не переживетъ исконной связи Россіи съ Востокомъ. Поэтому и не можетъ быть такого политическаго положенія при коемъ Россія имѣла бы надобность употреблять свое вліяніе для дѣлъ прямо противныхъ этой исторической связи.

VIII.

Моск. Вѣд. № 157.

Ознаменованійся Священнымъ Коронованіемъ, минавшій май мѣсяць привезъ русскимъ рабочимъ населеніямъ цѣлый рядъ облегченій. Въ дополненіе къ рѣшенному еще прежде пониженію выкупныхъ платежей, состоялось почти полное прощеніе всѣхъ накопившихся выкупныхъ недоимокъ, а равно недоимокъ по податамъ и налогамъ замѣняющимъ выкупные платежи у бывшихъ государственныхъ крѣстьянъ. Выстъ съ тѣмъ прощены всѣ недоимки по подушной подати и соотвѣтствующимъ ей сборамъ, а затѣмъ понижены самыя оклады подати. Распространенное на всѣхъ плательщиковъ, это пониженіе, конечно, не могло быть для всѣхъ одинаковымъ. Подушные оклады у насъ весьма различны, смотря по мѣстностямъ и по разряду плательщиковъ въ одной и той же мѣстности. Такъ, на примѣръ, для удѣльныхъ крѣстьянъ подушный окладъ колеблется между 30 коп. (Чериковскій и Каимовицкій уѣзды Могилевской губерніи) и 2 р. 93 к. съ души (въ Саратовской губ.); для помѣщичьихъ крѣстьянъ— между 1 р. 28 коп. (Опочецкій, Торонецкій и Хоумскій уѣзды Поковской губ.) и 2 р. 93 коп. (Козловскій и Моршанскій уѣзды Тамбовской губ.); для государственныхъ крѣстьянъ отъ 1 р. 45 коп. (Кемскій уѣздъ Архангельской губ.) до 4 р. 53 коп. (Бендерскій, Аккерманскій и Хотинскій уѣзды Бессарабской губ.); для некоторыхъ же плательщиковъ,

например для ямщиков Московской губернии, подушный окладъ доходитъ до 14 руб. 10 коп. съ души. Вся эта неравномерность окладовъ была результатомъ стремленій соразмѣрить ихъ со средствами плательщиковъ, не одинаковыми въ разныхъ мѣстностяхъ и при различныхъ условіяхъ быта. Та же цѣль соблюденія возможной соразмѣрности между средствами плательщиковъ и тягостью обложенія не могла быть улущена изъ виду и при опредѣленіи различныхъ степеней облегченія подушной подати.

Особенно тяжело должна была ложиться подушная подать на два класса населенія: во-первыхъ, на безземельныхъ крестьянъ приписанныхъ къ сельскимъ обществамъ безъ приемныхъ приговоровъ, во-вторыхъ, на бывшихъ фабричныхъ и заводскихъ крестьянъ. Что касается первыхъ, то на практикѣ выходило одно изъ двухъ: или люди ни въ чемъ и ничѣмъ не обезпеченные должны были вести на себѣ такую же долю тягости какая падала на крестьянъ обезпеченныхъ земель, или же, при совершенной несостоятельности этихъ приписанныхъ безземельныхъ людей, они становились тягостнымъ бременемъ для сельскихъ обществъ къ которымъ приписались помимо ихъ желанія. Затѣмъ, что касается такъ-называемыхъ бывшихъ заводскихъ и фабричныхъ крестьянъ, то условія обезпеченности ихъ быта, чего вѣдь не признать, сложились менѣе благопріятно чѣмъ для многихъ другихъ сословій. Вслѣдствіе перемѣнъ въ таможенной политикѣ, частію предшествовавшихъ эманципации, частію сопровождавшихъ ее, фабрики и заводы, къ которымъ прежде причислялись эти крестьяне, частію закрылись, частію должны были переустроиться, причемъ не могли уже въ прежней мѣрѣ служить обезпеченіемъ быта бывшему приписному заводскому населенію, мало способному перейти къ другимъ видамъ труда отъ того къ которому приобыкли съ дѣтства. Крѣпостныя отношенія прекратились для обѣихъ сторонъ, освобожденные отъ обязательнаго труда, заводскіе рабочіе лишились и обязательной поддержки со стороны заводчиковъ которымъ было только самимъ до себя въ тяжкую годину подрыва и погрома заводской промышленности причиненнаго чрезвычайными льготами какія давались привозу иностранныхъ металловъ. Въ послѣдніе годы горная промышленность обратила на себя вниманіе, кое-что въ ея интересахъ уже сдѣлано и, быть-можетъ, наконецъ она очутится въ надлежащихъ усло-

вѣяхъ способыныхъ прочю обезпечить ея развитіе. Но въ ожиданіи пока такимъ образомъ откроются виды на увеличеніе заработковъ заводскаго населенія, необходимо было помочь ему теперь же, тѣмъ болѣе что часть его можетъ остаться въ сторонѣ отъ тѣхъ мѣстностей гдѣ заводская дѣятельность обѣщаетъ оказать серіозные успѣхи. Отсюда понятнo почему, относительно льготъ по платежу подушной подати, не обезпеченные постоянною работою бывшіе заводскіе и фабричныя крестьяне приравнены къ крестьянамъ безземельнымъ приписавшимся къ сельскимъ обществамъ. Тѣ и другіе, съ 1 января 1884 года, совсѣмъ освобождаются отъ платежа подушной подати; по отношенію къ нимъ допущена полная отгѣна оной.

Затѣмъ, принимая во вниманіе что въ среднемъ выводѣ земельныя надѣлы бывшихъ государственныхъ крестьянъ нѣсколько крупнѣе земельныхъ участковъ состоящихъ во владѣніи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, причемъ послѣдними выкупные платежи превосходятъ своими размѣрами оброчную подать и другіе сборы которыми обложены государственные крестьяне взамѣнъ выкупныхъ платежей, естественно было, въ видахъ уравниванія тягости какою ложится подушная подать на тѣхъ и другихъ крестьянъ, дать болшую льготу бывшимъ крепостнымъ крестьянамъ. Такъ и сдѣлано: съ 1 января будущаго года оклады подушной подати со всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ всѣхъ губерній и областей уменьшены на половину. Такое же уменьшеніе вдвое вышѣшнихъ подушныхъ окладовъ распространено вообще на всѣхъ плательщиковъ подушной подати въ нѣсколькихъ губерніяхъ и уѣздахъ, гдѣ это признаано необходимымъ во вниманіе къ особымъ мѣстнымъ условіямъ. Именно эта исключительная льгота распространена на Чердынскій уѣздъ Пермской губерніи, на Варнавинскій и Ветлужскій уѣзды Костромской, на Мгливскій и Суражскій уѣзды Черниговской, на Торопецкій, Великолуцкій и Холмскій уѣзды Псковской, почти на всю Новгородскую губернію (за исключеніемъ Боровицкаго и Череловецкаго уѣздовъ) и наконецъ на всю Смоленскую и на всю Самарскую губерніи. Во всѣхъ прочихъ мѣстностяхъ, для всѣхъ прочихъ плательщиковъ подушной подати не подходящихъ подъ вышеупомянутые разряды, оклады ея повышаются съ 1 января на десять процентовъ.

Послѣ всѣхъ этихъ льготъ, вошедшія въ обычай жалобы на чрезвычайную обременительность прямыхъ податей должны, полагаемъ, прекратиться. Можно, конечно, желать отгнать всѣхъ прямыхъ личныхъ податей и замѣны ихъ косвенными налогами когда къ тому представится возможность, но нѣтъ болѣе основаній указывать на подушные сборы какъ на причину крестьянскаго обнищанія, какъ на тормазъ въ улучшеніи быта сельскаго населенія. Разоряетъ крестьянъ, разстраиваетъ весь сельскій бытъ, вноситъ въ него всяческую неурядицу, пьянство кабацкое и мірское, вольное и невольное. Вотъ коренное зло, противъ котораго требуются рѣшительныя мѣры если серьезно имѣть въ виду подъемъ народнаго благосостоянія. Если въ этомъ отношеніи оставить дѣла цѣли такъ какъ шли они до сихъ поръ, трудно ожидать чтобы всѣ дарованныя льготы повели къ тѣмъ добрымъ для крестьянъ послѣдствіямъ какія несомнѣнно имѣлись въ виду при дарованіи ихъ. Съ крестьянъ снято тяготившее ихъ бремя недоимокъ, размѣры подушныхъ окладовъ спьяно понижены, но это не даетъ гарантіи въ томъ что пониженные подати будутъ поступать безнедоимочно, что недоимки вновь не накопятся. И до пониженія подушныхъ сборовъ не столько высота и обременительность ихъ вели къ накопленію недоимокъ, сколько тягость страшнаго кабацкаго налога который держитъ сельскій людъ въ состояніи хроническаго безденежья, при которомъ затруднительны и затрата необходимая въ хозяйственномъ быту, и уплата податей и сборовъ, какъ крупныхъ такъ и пониженныхъ. Для облегченія сельскаго населенія казна списала со счетовъ не одинъ десятокъ милліоновъ рублей числившихся въ долгу за недоимщиками и вмѣстѣ съ тѣмъ отказалась отъ полученія нѣсколькихъ милліоновъ рублей. Не подвергайся народъ на каждомъ шагѣ кабацкимъ соблазнамъ, ему, конечно, все это пошло бы въ пользу. Не много ли выиграетъ онъ если прощенье и не взятое казной поступить полностью, а пожалуй и съ лихвой, въ мощну кабацкиковъ? Не ясна ли до очевидности необходимость какъ можно скорѣе покончить съ кабакомъ и освободить народъ отъ этой язвы парализующей и обращающей почти въ ничто всякое даруемое народу благодѣяніе?

Нужно покончить съ кабакомъ, но не въ меньшей мѣрѣ необходимы мѣры и противъ мірскаго пьянства, которое подорывается есѣдствомъ кабака, но крѣпко держится даже

и тамъ гдѣ кабакъ отсутвуетъ. Присмотритесь къ деревенскому быту: что вы увидите? Установился такой порядокъ что ни волостные, ни сельскіе сходы, на которыхъ судятся и рѣдятся всякія крестьянскія дѣла, безъ водки почти обойтись не могутъ. Ведро водки сдѣлалось какъ бы зерцаломъ крестьянскаго самоуправленія, все только предъ нимъ и во имя его вершится и постановляется. На крестьянскомъ судѣ привошеніе водкой требуется и отъ истца, и отъ отвѣтника, штрафы съ виновныхъ во многихъ случаяхъ взимаются также водкой. И сельскій людъ волей-неволей долженъ подчиняться этому пьяному суду и терпѣть это не могущее держаться на ногахъ правосудіе. Спросите людей пившихъ возможность дѣлать действительно и серьезно, а не мимоходомъ и съ чужихъ словъ, ознакомиться съ бытомъ крестьянъ и ихъ самоуправленіемъ,—спросите ихъ чего только не дѣлается помощью водки, какихъ только приговоровъ не постановляютъ подлюенные сходы въ угоду подлюившему? Это хорошо знаютъ всѣ кабачники и другіе кулаки особенно услѣшно играющіе на этой струнѣ; это должно быть извѣстно и вообще всѣмъ кому приходилось имѣть дѣла съ крестьянскимъ міромъ. Пьявальное мірское пьянство до того вошло въ обычай что когда не съ кого потребовать водки ледъ какимъ-нибудь предлогомъ, міръ ставитъ себѣ водку на счетъ общественныхъ мірскихъ суммъ, или забираетъ ее у кабачника въ долгъ, кредитуясь отъ имени сельскаго общества. Много говорятъ о крестьянскомъ малоземельѣ, о недостаточности въ крестьянскомъ пользованіи угодій. Но всѣ ли знаютъ какъ то одна, то другая полоса земли, какъ то одинъ, то другой клочокъ этихъ угодій проливается міромъ? Это дѣлается въ видѣ сдачи съемщикамъ, большею частью кому-нибудь изъ своихъ же одвосельчанъ, разныхъ якобы лишнихъ, неудобныхъ для раздѣла клочковъ покоса, пашни и т. д. Сколько извѣстно, ни одна изъ подобныхъ мірскихъ сдѣлокъ не обходится безъ доброй мірской попойки, на что и уходятъ получаемыя отъ съемщика деньги, изъ которыхъ рѣдко что перепадаетъ въ мірскую кассу. Пьянство на такихъ мірскихъ попойкахъ изъ вольнаго обращается въ невольное; проливается при этомъ мірское добро, и каждый участникъ выпиваетъ въ немъ свою долю. Съ этихъ мірскихъ пооекъ жены и дочери уводятъ домой пьяными людей обычно трезвыхъ и способныхъ даже не поддаваться кабацкимъ соблазнамъ.

Все эти пьяные порядки практикуются не годъ, не два, а уже цѣлыя десятилѣтїя, и можно лишь удивляться что все еще у насъ въ сельскомъ быту подъ дѣйствиємъ ихъ окончательно распяталось. Но пора бы наконецъ перестать смотрѣть сквозь пальцы на эту лагубу, необходимо избавить народъ отъ этой пьяной неурядицы со всѣми ея печальными нравственными и матеріальными послѣдствїями. Требуется наложить строгій законодательный запретъ на мірское пьянство. Зло, конечно, не исчезнетъ сразу, но мѣстамъ мірское пьянство будетъ повторяться и послѣ запрета, но уже одно то что оно стало бы менѣе явнымъ и наглымъ, и повторялось бы рѣже и въ меньшихъ прїемахъ, было бы немалымъ услѣхомъ. Въ запретъ мірскаго пьянства нашла бы себѣ опору лучшая часть міра которая желала бы противодѣйствовать пьяному теченію, но теперь не въ силахъ этого дѣлать не зная на что и на кого опереться.

Моск. Вѣд. № 170.

Главная цѣль отиѣны Закавказскаго транзита заключается въ огражденїи Закавказья и соседнихъ прикаспійскихъ и среднеазиатскихъ рынковъ отъ наплыва иностранной контрабанды вытѣсняющей оттуда товары русскаго производства. Цѣль эта однако не можетъ быть достигнута вполнѣ если, затворивъ одну дверь чрезъ которую водворалась контрабанда, мы оставимъ отворенною другую чрезъ которую контрабанда проникаетъ въ край съ наименьшимъ удобствомъ. Эта другая дверь — Батумское порто-франко. Роль какую играетъ Батумъ въ его качествѣ „вольной гавани“ хорошо извѣстна русскому торгово-промышленному міру. Эта роль такова что, благодаря ей, самое присоединеніе Батума къ Россїи, вмѣсто важныхъ выгодъ какія могло бы получать народное хозяйство отъ этой прекрасной, одной изъ лучшихъ въ Черномъ Морѣ, гаваней, сдѣлалось для него фактомъ отрицательнаго значенїя, не подкрѣпляющаго его, а ослабляющаго силой. Вмѣсто того чтобы служить исключительно русскимъ интересамъ, Батумъ служитъ преимущественно интересамъ чужеземнымъ; это какъ бы форпостъ иностранной промышленной и торговой конкуренціи поставленной на русской территорїи и широко во всѣ стороны распространяющій свое вредное, подрывающее русскихъ конкурентовъ вліанїе. По своему положенію, Батумъ

предоставляетъ всѣ удобства для водворенія чрезъ него контрабанды не только въ Закавказья, но и въ европейскіе порты нашего Черноморскаго побережья. Какъ вольная гавань, Батумъ одинаково служитъ складочнымъ пунктомъ для русскихъ и для иностранныхъ товаровъ; тѣ и другіе легко могутъ быть сгнѣшиваемы въ немъ въ общую массу и при дальнѣйшемъ направленіи оттуда въ Закавказье или въ Азовскіе и Новороссійскіе порты легко могутъ быть выдаваемы одни за другіе, такъ что иностранныя ткани, сахаръ и другіе товары могутъ проникать изъ Батума въ наши предѣлы подъ видомъ и на правахъ русскихъ продуктовъ. Строго изслѣдовать въ каждомъ данномъ случаѣ происхожденіе каждаго тюка въ каждой партіи товара идущаго изъ Батумскаго порто-франко на практикѣ невозможно. Пресѣчь батумскую контрабанду можно было бы развѣ лишь установленіемъ правила что всякій товаръ идущій изъ Батума, какого бы происхожденія онъ ни былъ, долженъ въ русскихъ таможахъ оплачиваться пошлиной какъ иностранный; но это значило бы совсѣмъ отнять Батумъ у русской торговли, лишить ее возможности пользоваться удобствами этой гавани увеличившимися со времени постройки Батумской желѣзной дороги. Въ русскихъ интересахъ затрудненія могутъ быть устранимы гораздо проще отнятіемъ порто-франко и приравненіемъ Батума ко всѣмъ другимъ русскимъ портамъ. Лишь при такомъ условіи Батумъ, купленный русскою кровью и устроенный на русскія деньги, сталъ бы русскимъ, а не чужимъ достояніемъ. Какія могутъ быть прелестствія къ отнятію Батумскаго порто-франко? Пятьдесятъ девятая статья Берлинскаго трактата! Но въ этой статьѣ выражено не формальное международное обязательство, а лишь намѣреніе Россіи сдѣлать Батумъ вольною гаванью, существенно торговою. Намѣреніе это исполнено. Но при измѣнившихся обстоятельствахъ и при обозначившихся отъ вольной гавани невыгодахъ для Россіи, одно намѣреніе можетъ уступить мѣсто другому. Выгодная и необходимая для Россіи отнятія Батумскаго порто-франко, быть-можетъ, вызвала бы неудовольствіе со стороны иностранныхъ фирмъ которымъ оно на руку. Но въ большей ли мѣрѣ важны для насъ выраженія такого неудовольствія чѣмъ, напримѣръ, для Румыніи, которая, нисколько не стѣсняясь чужестранными протестами, отняла недавно порто-франко въ своихъ четырехъ портовыхъ городахъ? Или

можетъ-быть Россія меньше властна на своей территоріи чѣмъ Румынія на своей? Къ тому же простая отгѣна порто-франко нѣсколько не помѣшала бы Батуму оставаться гаванью „существенно торговою“.

Вопросъ о Батумскомъ порто-франко уже сталъ предметомъ сужденій и споровъ. Высказываются два главныхъ мнѣнія: одно—что эта вольная гавань находится въ прямомъ противорѣчій съ русскими интересами, причиняетъ имъ большой вредъ и потому чѣмъ скорѣе будетъ упразднена тѣмъ лучше; другое, что возбужденный вопросъ о Батумѣ не имѣетъ серьезнаго значенія, что его порто-франко, выгодное для самого Батума, не представляетъ собой невыгодъ для Россіи ни въ какихъ отношеніяхъ, а стало-быть нечего и толковать объ его упраздненіи по меньшей мѣрѣ въ теченіе пяти или десяти лѣтъ.

Въ этомъ разномысліи, въ признаніи или отрицаніи невыгодъ батумскаго вольнаго торговаго пункта для Россіи, заключается вся суть спора; политическая, международная сторона вопроса не вызываетъ серьезныхъ пререканій. Замѣчаютъ, правда, что „порто-франко въ Батумѣ было намъ навязано“ и что сѣдовательно „уничтоженіе или сохраненіе его есть вопросъ болѣе политическій нежели экономическій“. Но тѣ самые кто говорятъ это соглашаются что ст. 59 Берлинскаго трактата, установившая порто-франко въ Батумѣ, „не есть какое-либо обязательство, вынужденное у Россіи силой оружія, а простое обѣщаніе нашего правительства, которое оно не обязано исполнять безконечно и имѣетъ право взять всегда назадъ, разъ признаетъ это для интересовъ Россіи необходимымъ“, и что изъ участниковъ трактата „объ исполненіи такой лусташной статьи какъ батумское порто-франко никто бы и разговаривать не сталъ, тѣмъ болѣе что за означенную статью дѣйствительно слѣдуетъ смотрѣть не какъ на любезность Россіи по отношенію къ иностранной торговлѣ, а не какъ на безсрочное ограниченіе державныхъ правъ Русскаго государства на вновь завоеванный городъ“. Такимъ образомъ, дѣло не въ препятствіяхъ съ чьею-либо стороны къ отгѣнѣ порто-франко, а въ томъ что отгѣна его не нужна де намъ самимъ, что мы ничего отъ нея не выиграемъ и, „нарушивъ Берлинскій договоръ изъ-за лустака“, повредимъ де только своему же Батуму.

Очень хорошо что споръ ставится такимъ образомъ на надлежащую почву, въ зависимость только отъ русскихъ

интересовъ; это много упрощаетъ вопросъ. Батумъ, со времени его присоединенія, есть русскій городъ, и никому кромѣ Россіи вѣтъ дѣла—въ тѣ или иные условія процвѣтанія будетъ онъ поставленъ, будетъ ли онъ развиваться какъ вольная гавань, или же будетъ жить и расти такъ же какъ Таганрогъ, Севастополь, Дибавъ и прочіе русскіе порты. Чтò лучше для Россіи, то ли чтобы Батумъ былъ такимъ же русскимъ портомъ какъ и всѣ прочіе, или чтобы онъ стоялъ въ исключительномъ положеніи и былъ на Русской землѣ межеумкомъ, полурусскимъ, полуиностраннымъ городомъ? Какія могутъ быть выгоды и невыгоды отъ приведенія Батума въ то или другое положеніе, вотъ чтò должно быть разъяснено для правильнаго пониманія вопроса, при какомъ только и возможно правильное его рѣшеніе.

Развитіе Батума безъ сомнѣнія желательно, но желательно какъ и развитіе Севастополя, Дибавы и другихъ нашихъ портовъ. Давать Батуму то чего не предоставляется другимъ портовымъ городамъ вѣтъ никакихъ основаній. Его торговая будущность обезпечена безо всякаго порто-франко: онъ обладаетъ лучшею гаванью на всемъ восточномъ побережьи Чернаго Моря, онъ соединенъ желѣзною дорогою и съ центромъ Закавказья, Тифлисомъ, и съ Каспійскимъ моремъ. Благодаря этимъ исключительно выгоднымъ условіямъ, Батумъ представляетъ собою естественный центральный складочный пунктъ и для всѣхъ русскихъ и иностранныхъ товаровъ которые могутъ идти Чернымъ Моремъ въ Закавказье и далѣе чрезъ него въ Каспійское море, и также для всѣхъ товаровъ которые въ обратномъ направленіи могутъ идти въ русскіе черноморскіе порты и за границу изъ Закавказья и черезъ него съ Каспійскаго моря. Вопросъ быть или не быть Батуму такимъ складочнымъ пунктомъ сколько не зависитъ отъ того будетъ ли этотъ городъ вольною или обыкновенною гаванью, то-есть будутъ ли нѣ будутъ 3.479 душъ составляющихъ мѣстное городское населеніе покупать лично для себя иностранные товары безъ оплаты ихъ таможенными пошлинами. Не въ силу своего порто-франко, а по естественной выгодности своего положенія, Батумъ убилъ Потійскій портъ, на устройство котораго такъ долго и напрасно тратились милліоны, и съ отгнѣной порто-франко ничто въ этомъ отношеніи не переживается: торговое движеніе, покинувшее Потю и направившееся на Батумъ

какъ только построилась Батумская желѣзнодорожная вѣтвь, не бросить новой дороги и не вернется на старую. Всѣ выгоды этого торговаго движенія, вся масса закатій и заработковъ какіе оно можетъ давать въ своемъ центральномъ передаточномъ пунктѣ закрѣплены за Батумомъ помимо всякаго порто-франко, и одною приманчивостью этихъ выгодъ достаточно обезпечивается возрастаніе численности батумскаго населенія.

И торговое значеніе, и возрастаніе Батума обезпечены во всякомъ случаѣ, но безъ порто-франко онъ будетъ развиваться не во вредъ, а на пользу всей странѣ, въ связи съ другими ея частями. При порто-франко, Батумъ будетъ жить особою, отдѣльною отъ страны жизнью, представляя изъ себя по отношенію къ ней вѣчто въ родѣ вреднаго чужакаго нароста. Безъ порто-франко, Батумъ есть естественный центръ правильной, законной торговли; при порто-франко, Батумъ неизбѣжно есть центръ торговли неправильной, контрабандной. Какъ порто-франко, Батумъ есть складочный пунктъ всякихъ товаровъ безразлично, и русскихъ, и западныхъ, и европейскіихъ, и азіатскихъ, пунктъ откуда любые изъ этихъ товаровъ могутъ одинаково идти и направо и налево, и въ Закавказье и далѣе на Востокъ, и въ наши черноморскіе порты и далѣе на сѣверъ. Избѣжать чтобы въ обѣ эти стороны, подъ видомъ русскихъ, не провозились безплатно иностранные товары, по отзывамъ свѣдущихъ практическихъ людей, невозможно. Массы иностранныхъ товаровъ будутъ постоянно притекать въ Батумъ не на потребу его небольшого населенія, а прямо затѣмъ чтобы проникнуть въ русскіе предѣлы подъ видомъ товаровъ русскаго происхожденія: выдать же ихъ за таковыя для контрабандистовъ дѣло нетрудное. Одинъ изъ корреспондентовъ *Новаго Времени* (№ 2615) представилъ обращикъ того какую роль играетъ Батумское порто-франко по сбыту въ Россію турецкихъ фруктовъ подъ видомъ закавказскихъ. Въ Батумъ въ прошломъ году, лишеть онъ, было ввезено изъ Турціи фруктовъ 600.000 пудовъ. На мѣстное потребленіе вышеупомянутыхъ трехъ съ половиною тысячъ душъ такое количество фруктовъ пойти не могло, иначе вышло бы что каждый изъ Батумцевъ, со включеніемъ грудныхъ младенцевъ, сѣдаетъ фруктовъ болѣе чѣмъ по 150 пудовъ въ годъ. Ясно что турецкіе фрукты только прошли чрезъ

Батумъ для продажи въ Россіи. Но законнымъ путемъ съ оплатой пошлины вывезено въ Россію изъ всего упомянутого количества только 2.306 пудовъ, все остальное прошло безпошлинно какъ товаръ будто бы русскаго происхожденія. То же что въ данномъ случаѣ съ фруктами можетъ продаваться, да и продвывается, съ любыми другими товарами. Въсѣтъ съ дѣйствительно русскими продуктами и подъ ихъ прикрытіемъ могутъ удобно переходить черту Батумскаго порто-франко не платя пошлины и заграничный сахаръ, и миткаль, и ситцы, и шерстяныя и шелковыя ткани, и сѣчи, и мыло, и металлическія и всякія шныя издѣлія. Контрабандный промыселъ въ Батумѣ, благодаря порто-франко, является не только прибыльнымъ, но и безопаснымъ дѣломъ, которымъ выгодно заниматься въ большихъ размѣрахъ, учреждая для того особыя товарищества и конторы. Пустяки или не пустяки для русскихъ интересовъ такой контрабандный промыселъ? Терлѣтъ ли и поощрять ли его, оставая въ силѣ Батумское порто-франко на пять, на десять и болѣе лѣтъ, или пресѣчь этотъ промыселъ и сколько возможно ограничить его размѣры закрытіемъ порто-франко?

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТОМА СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЯТАГО.

М А Й.

	Стр.	
Противъ теченія. Очерки французской революціи. <i>Н. А. Любимова</i>	5	*
Злой духъ. Романъ. Часть четвертая. Гл. XVI—XXVIII. <i>В. Г. Асѣенка</i>	65	✓
Религіозная жизнь въ Сѣверной Америкѣ. <i>Е. К. С.</i>	139	✓
Въ чуждой средѣ. Повѣсть. <i>Дмитрія Позняка</i>	207	✓
Повздка въ Ахаль-Теке. 1880—1881. Гл. I—II. <i>А. В. Квитки</i>	258	✓
На священное коронованіе. Стихотворенія <i>А. Н. Майкова, А. А. Фета, М. В. Юзефовича, К. К. Случескаго</i>	292	
Пѣсня о потѣшныхъ. <i>К. К. Случескаго</i>	300	
Библиографія. Книги вышедшія за послѣдній мѣсяць.— Библиографическія замѣтки. Новыя изданія Русскаго Историческаго Общества. <i>La Révolution. 1789—1882. Par Charles d'Hericault</i>	302	✓
Современная лѣтопись. Торжественный въѣздъ и дни предшествовавшіе Коронованію.—День Коронованія.— Празднества.— Обѣдъ волостнымъ старшинамъ и знаменательныя слова Государя Императора.—Освященіе Храма Христа Спасителя.....	329	

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Изъ лещеръ и дебрей Индостана. *Радда-Бай.*

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

МОЙ ВКЛАДЪ. Статьи, записки, чтенія, замѣтки. Н. А. Любимова, профессора Московскаго Университета. Томъ I. Университетскій вопросъ. Москва, 1881 г. Цѣна 2 руб.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ. Бесѣды о революціи. Наброски и очерки въ разговорахъ двухъ пріятелей Варволомея Кочнева. Цѣна: выпускъ первый 75 к., выпускъ второй 75 к.; I и II выпуски вмѣстѣ 1 р. 50 к., за пересылку прилагать 25 к.

НЮМА РУМЕСТАНЪ. Романъ Альфонса Доде. Переводъ съ французскаго. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ. Романъ Чарлза Диккенса. Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 кол.

БОЛЬШІЯ ОЖИДАНИЯ. Романъ Чарлза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА ИЛИ ЖИЗНЬ НЕГРОВЪ ВЪ НЕВОЛЬНИЧЬИХЪ ШТАТАХЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ. Романъ гжи Бичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго, изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78). ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. 1878. Ц. 2 р.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНИЙ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы Любена Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

О ПОДПИСКѢ

на

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

1883 года.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1883 году, стоить въ Москвѣ безъ доставки ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП., съ доставкой на домъ въ Москвѣ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на углу Большой Дмитровки и Страстнаго Бульвара.

Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву:

Въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 18 р.

Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Редакція покорнѣше просить гг. подписчиковъ имѣть въ виду слѣдующее:

1) Гг. иногородные подписчики благоволятъ ПИСАТЬ свой адресъ ЧЕТКО, съ точнымъ обозначеніемъ имени, отчества и фамиліи, а также и того почтоваго МѢСТА куда должно адресовать журналъ, съ указаніемъ губерніи и уѣзда или станціи желѣзной дороги, присоединявъ и названіе этой дороги.

2) При перемѣнѣ адреса гг. подписчики благоволятъ сообщать редакціи вмѣстѣ съ новымъ адресомъ по которому желаютъ получать журналъ и СТАРЫЙ АДРЕСЪ.

3) Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается прямо въ редакцію съ приложеніемъ УДОСТОВѢРЕНІЯ мѣстной почтовой конторы въ томъ что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторой.

4) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала тѣмъ лицамъ которыя подписались помимо редакціи. Съ жалобами въ таковыхъ случаяхъ гг. подписчики благоволятъ обращаться въ то мѣсто гдѣ подписались.

5) За перемѣну адреса городского, иногороднаго и заграничнаго на иногородный или заграничный взимается 10 коп. Кроме того, при перемѣнѣ городского адреса на иногородный и заграничный, взимается разница въ подписной цѣнѣ.

ОТЪ СОВѢТА

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА.

5 апрѣля 1885 года исполнится 1.000 лѣтъ со дня блаженной кончины первоучителя Славянъ св. равноапостольнаго Меѳодія.

Считая священнымъ долгомъ взять на себя починъ въ дѣлѣ чествованія этого дня, С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество въ общемъ собраніи, состоявшемся 27 марта 1883 года, постановило:

1) Издать къ 5 апрѣля 1885 года общедоступное жизнеописаніе свв. Кирилла и Меѳодія въ размѣрѣ одного листа убористой печати, въ количествѣ 100.000 экземпляровъ, для бесплатной разсылки во всѣ православныя церкви и для раздачи народу.

2) Для составителей этого жизнеописанія назначить конкурсъ съ двумя, за лучшіе труды, преміями, одною въ 300 р. и другою во 150 руб.

3) Предоставить совѣту Общества сдѣлать объявленіе объ этомъ конкурсѣ съ соблюденіемъ обычныхъ условій.

Во исполненіе этого постановленія совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества симъ объявляетъ что желающіе принять участіе въ соисканіи вышеозначенныхъ премій приглашаются составить исторически достоверное, ясно и просто изложенное жизнеописаніе свв. Кирилла и Меѳодія на русскомъ языкѣ, въ размѣрѣ одного листа убористой печати и доставить свой трудъ въ совѣтъ Общества (въ С.-Петербургѣ, на площади Александринскаго театра, въ домѣ Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, № 7), въ полное его распоряженіе, не позже 1 сентября 1884 года, безъ обозначенія имени автора, только съ номеромъ или девизомъ. Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны номеръ или девизъ рукописи.

По присужденіи, по докладу совѣта, общимъ собраніемъ за лучшія сочиненія премій, таковыя будутъ выданы соискателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами, въ торжественномъ собраніи гг. членовъ Общества 14 февраля 1885 года.

Отъ священно- и церковно-служителей православнаго исповѣданія въ девяти западныхъ и во всѣхъ православныхъ и прибалтійскихъ губерніяхъ принимается подписка по уменьшенной цѣнѣ, на сроки: 10 руб. въ годъ и 6 руб. за полгода.

Редакція проситъ иногородныхъ подписчиковъ присылать адреса ТОЧНО и ЧЕТКО написанные, съ обозначеніемъ ближайшей почтовой станціи или станціи желѣзной дороги (присоединяя названіе желѣзной дороги на которой стоитъ станція) въ которыхъ раздаются газеты подписчикамъ, а при перемѣнѣ адреса сообщать прежній адресъ или бандероль подъ которою высылается газета и прилагать 10 коп.

Гг. подписчики выписывающіе газету съ разсрочкой при уплатѣ слѣдующихъ за газету денегъ должны или присылать вмѣстѣ съ деньгами печатный адресъ, или точно обозначать за что слѣдуютъ посылаемые деньги.

Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку газеты тѣмъ лицамъ которыя подписались помимо конторы редакціи въ виду того что подписныя суммы таковыхъ лицъ часто передаются въ редакцію не своевременно. Съ жалобами въ таковыхъ случаяхъ гг. подписавшіеся благоволятъ обращаться въ то мѣсто гдѣ подписались.

Въ виду сократившейся до ничтожныхъ размѣровъ особой подписки на казенныя при *Московскихъ Вѣдомостяхъ* объявленія, таковая подписка на нынѣшній годъ отмѣняется, и всѣ казенныя объявленія съ наступившаго года будутъ помѣщаться въ текстъ газеты для всѣхъ подписчиковъ, безъ увеличенія подписной цѣны и на основаніи общаго, ежедневно печатаемаго во главѣ каждаго нумера, тарифа объявленій.

— Отставьте вы, ради Бога, отъ меня съ вашими глупостями. Какой тамъ медиумъ? Вы знаете что я не вѣрю въ духовъ...

Получивъ отпоръ съ моей стороны, она бросилась къ бабу, который къ удивленію всѣхъ молчалъ и прислонясь къ борту разсѣянно глядѣлъ вдаль...

— Но кто же, кромѣ отшедшихъ духовъ (*esprits desincarnés*), кромѣ души бывшаго артиста могъ нарисовать этотъ фантастическій видъ? вопрошала она, разинувъ ротъ.

— Чортъ! бракнулъ ей въ отвѣтъ бабу:—Развѣ ваши соотечественники не давно уже порѣшили что мы, Индусы, поклоняемся чертамъ? Ну вотъ одинъ изъ нашихъ боговъ и напустилъ мистеру У*** туману.

Еслибы въ эту самую минуту ларомъ управляемый людьми Такура (ларомщикѣвъ вовсе не было) не подѣзжалъ къ острову, быть бы тутъ споръ между ними. Къ счастью, мы причалили, и Бенгалецъ выскочилъ на берегъ.

— *Il est positivement mal-honnête, ce Nègre là*, прошептала разъяренная дѣва, пустивъ ему вслѣдъ лареванскою стрѣлой.

— Ну, мать моя, замѣтила я ей, выходя за прочими,—такіе *Nègres* стоять одинъ десяти вашихъ Джонъ-Буллерей...

XXI.

Островокъ былъ маленькій, весь поросшій высокою травой, и имѣлъ издали видъ плавающей среди голубаго озера пирамидальной корзинки зелени. За исключеніемъ нѣсколькихъ лучковъ широкихъ, тѣнистыхъ *манго* и смоковницъ, на которыхъ при нашемъ появленіи страшно засуетилась цѣлая колонія обезьянъ, онъ былъ повидимому необитаемъ. Въ этомъ дѣвственномъ лѣсу густѣйшей травы нигдѣ не было замѣтно и слѣда ноги человѣческой. Читая слово „травя“ и здѣсь не слѣдуетъ забывать что я говорю объ *индійской* травѣ, а не о европейскомъ подстриженномъ подъ гребенку газонѣ и даже не о *русской* травѣ: трава *подъ* которою мы стояли какъ букашки подъ долухомъ высоко развѣвала свои перистыя, разноцвѣтныя вершины не только надъ нашими головами, но даже и надъ бѣлыми *nèggers* Такура и Нараяна:

первый изъ коихъ стоялъ по общеупотребительному англійскому выраженію „шесть съ половиною футовъ въ чукахъ“, а второй былъ развѣ на вершкѣ ниже. Эта трава показалась намъ съ паромъ тихо волнующимся моремъ черныхъ, бѣлыхъ, желтыхъ, голубыхъ, преимущественно же розовыхъ и зеленыхъ цвѣтовъ. Выйдя на берегъ, мы нашли что то былъ большею частью обыкновенно растущій отдѣльными группами бамбукъ, перемѣшанный съ гигантскою травой *сирки*, потрясающе разноцвѣтными перьями своихъ верхушекъ почти въ уровень съ магновыми и другими высокими деревьями.

Невозможно себя представить что-либо красивѣе и граціознѣе *сирки* и бамбука. Изолированные букеты бамбуковой травы, колоссальной, но все же не болѣе какъ травы, начинаютъ при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка развѣвать въ воздухѣ свои зеленыя головы, словно разукрашенные страусовыми перьями. Отъ пяти часто до восьми верхковъ въ діаметрѣ у корня, каждый стволъ тростника вырастаетъ отъ 50 до 60 футовъ въ высоту, съ колѣнами на разстояніи двухъ, трехъ футовъ одно отъ другаго, каждое съ густою бахромою длинныхъ тонкихъ листьевъ. Отъ времени до времени, при каждомъ порывѣ вѣтра, слышался легкій металлическій шелестъ въ тростникѣ; но въ хлопотахъ устраивавья ночевки мы не обратили на это особаго вниманія.

Пока наши *кули* и слуги возились, приготовляя намъ ужинъ и палатку, да прочищали кругомъ дорогу, мы пошли познакомиться съ обезьянами. Уморительнѣе мы еще ничего не встрѣчали. Безъ преувелченія ихъ было штукъ до 200. Собираясь на локоп, макашки вели себя очень прилично: каждое семейство выбирало себѣ вѣтку и защищало ее отъ нападенія другихъ квартирентовъ на деревѣ, но защищало безъ сраженія, довольствуясь лишь угрожающими гримасами. Между ними было не мало матерей съ младенцами на рукахъ; нѣкоторыя изъ нихъ нянчили дѣтеныша нѣжно и осторожно, со всѣми свойственными людямъ приемами; другія, выбирая вѣтку, перескакивали съ одного дерева на другое съ ребенкомъ ловившимъ на концѣ материнскаго хвоста; третья бѣгали на четверенькахъ съ прицѣпленными къ животу насѣдниками, чего-то суетась, о чемъ-то толкуя и поминутно оставалась для перебранокъ,—картина ссорящихся на базарѣ кумушекъ животнаго царства. Холостяки предавались

вечернему увеселенію—гимнастикѣ на вѣткахъ на самомъ кончикѣ хвоста. Мы замѣтили одного раздѣлявшаго забаву между *sauts périlleux* и надобнаиѣмъ почтенному дѣду который важно сидѣлъ подъ деревомъ, обнявъ двухъ маленькихъ обезьянъ. Раскачиваясь онъ бросался на него со всего размаху, корчилъ рожи, кусалъ его за ухо и стрекоталъ во все горло... Мы переходили отъ одного дерева къ другому осторожно и тихо, боясь ихъ слугнуть. Но видно что много лѣтъ проведенныхъ съ факирами (которые очистили островъ только въ прошломъ году) приучили обезьянъ къ людямъ. То были священныя обезьяны, какъ мы узнали, и онѣ не проявляли ни малѣйшаго страха при нашемъ приближеніи. Онѣ допускали насъ совсѣмъ близко, и принявъ привѣтствіе, а нѣкоторыя такъ и кусочекъ сахарнаго тростника, смотрѣли на насъ съ высоты своихъ древесныхъ трюмовъ спокойно, чolorидъ скрестивъ ручки и даже съ нѣкоторымъ важнымъ презрѣніемъ въ умныхъ, карихъ глазкахъ.

Но вотъ зашло солнце, и все мигомъ всполошилось на деревьяхъ. Насъ стали звать ужинать. *Бабу*, преобладающею страстью коего было (по помятіямъ ортодоксальныхъ Индусовъ) „покощувствовать“, залѣзъ на дерево, откуда перенимая всѣ позы и жесты своихъ сосѣдей, къ благочестивому ужасу нашихъ *кули*, отвѣчалъ на угрожающія гримасы обезьянъ еще безобразнѣйшими; затѣмъ онъ спрыгнулъ съ вѣтки и заторопалъ насъ „домой“.

Съ послѣднимъ, исчезнувшимъ за горизонтомъ золотымъ лучомъ вся окрестность будто разомъ подернулась свѣтло-фіолетовою прозрачною дымкой. Съ каждою минутой сгущались тропическія сумерки: постепенно, но быстро утрачивали онѣ свой мягкій, бархатистый колоритъ, дѣлались все темнѣе и темнѣе. Словно невидимый живописецъ накладывалъ на окружающіе насъ лѣса и воды одну тѣнь за другою, тихо, но непрерывно работая гигантскою кистью своею по чуднымъ декораціямъ на фонѣ нашего островка... Уже слабые фосфорическіе огоньки зажигались вокругъ насъ: блестяя противъ черныхъ древесныхъ стволовъ и величественныхъ бамбуковъ, они исчезали на ярко перламутровыхъ серебристыхъ просвѣтахъ вечерняго неба... Еще минуты двѣ-три, и тысячи этихъ волшебныхъ живыхъ искръ, предвѣстники царицы ночи, залылали, заиграли кругомъ, то вспыхивая, то потухая,

сыпалась огненнымъ дождемъ на деревья, кружась въ воздухѣ надъ травой и надъ темнымъ озеромъ... А вотъ и сама ночь. Неслышно спустившись на землю, она вступаетъ въ свои верховныя права. Съ ея приближеніемъ все засыпаетъ, все успокоивается; подъ ея прохладнымъ дыханіемъ утихаетъ вся дѣятельность дня. Какъ нѣжная мать, она убаюкиваетъ природу, бережно окутывая ее своимъ легкимъ, чернымъ покровомъ; а усиливъ, стоитъ на сторожѣ надъ усталыми, дремающими снами до первой зари...

Все спитъ въ природѣ; не спитъ въ этотъ торжественный вечерній часъ одинъ человекъ. Не спали и мы. Сюда вокругъ костра, мы разговаривали почти шепотомъ, словно боялись пробудить эту уснувшую природу. У*** и миссъ Б*** давно улеглись, да ихъ никто и не удерживалъ. А мы, то есть локковникъ, четыре Индуса, да я, забившись подъ эту пятнадцатисаженную „травку“, не могли рѣшиться проспать такую чудную ночь. Къ тому же мы ожидали обѣщаннаго намъ Такуромъ „концерта“.

— Имѣйте терпѣніе, говорилъ намъ Гулабъ-Лааль-Сингъ, — предъ восходомъ луны явятся и наши музыканты...

Мѣсяцъ восходилъ поздно, почти въ десять часовъ ночи. Предъ самымъ его появленіемъ, когда уже воды озера стали бѣднѣть на другомъ берегу, а небосклонъ замѣтно свѣтлѣлъ, постепенно переходя въ серебристо-молочный цвѣтъ, вдругъ засвѣжѣло и поднялась вѣтерокъ. Забурлили было уснувшія волны, залескались и зашуршали онѣ у подножія бамбуковъ и затрелетали кудрявыя вершины великановъ, зашептали будто передавая другъ другу приказанія... Вдругъ, среди общаго молчанія, мы услышали тѣ же самые странные музыкальные звуки какіе подслушали подѣзжая къ острову на паромѣ. Слово со всѣхъ сторонъ вокругъ насъ и даже надъ головами настраивались незримые духовые инструменты, звякали струны, пробовались флейты. Минуты черезъ двѣ съ новымъ порывомъ пробивающагося сквозь бамбукъ вѣтра, раздались по всему острову звуки какъ бы сотенъ Золовыхъ арфъ... И вотъ разомъ началась дикая, страшная, неумолкающая симфонія!..

Она гудѣла по окружающимъ озеро лѣсамъ, наполняла воздухъ невыразимой мелодіей, очаровывала даже нашъ избалованный европейскій слухъ. Грустны, торжественны были ея

протяжныя ноты: онѣ то плавно звучали похороннымъ маршемъ, то вдругъ, перейдя въ дрожащую дробь, заливались трелью соловья, гудѣли словно сказочныя гусли-самогуды, и наконецъ, съ протяжнымъ вздохомъ, замирали... Здѣсь они напоминали протяжный вой: заунывный, грустный, какъ осиротѣвшей волчицы, утратившей дѣтенышей; тамъ—онѣ звенѣли какъ турецкіе колокольчики, звучали веселою, быстрою тарантеллой; дадѣе, раздавалась заунывная пѣснь будто человѣческаго голоса, неслись плавныя звуки виолончели, заканчиваясь не то рыданіемъ, не то глухимъ хохотомъ... А всему этому вторило изъ лѣсу со всѣхъ четырехъ сторонъ насмѣшливое эхо, будто голосъ сотни аукающихъ лѣшихъ внезапно разбуженныхъ въ своихъ зеленыхъ дубравахъ, откликающихся на призывъ этого дикаго музыкальнаго шабаша!..

Полковникъ и я переглядывались, обезумѣвъ отъ удивленія. „Что за прелесть!“ „Что за чертовщина!“.. раздались наконецъ въ унисонъ наши два восклицанія. Индусы посмѣивались и молчали; Такуръ покуривалъ свой *сѣрсѣри* такъ же безмятежно какъ еслибъ онъ внезапно оглохъ. Но вотъ послѣ минутнаго интервала и пока у насъ невольно мелькалъ въ головѣ вопросъ: ужь не волшебство ли опять какое? невидимый оркестръ разыгрался, расходился лучше прежняго, и на минуту совершенно насъ было оглушилъ. Поились звуки, понеслись словно неудержимою волной въ воздухъ и снова приковали наше вниманіе. Ничего и никогда не слышали мы подобнаго этому непонятному для насъ диву... Слышите? Будто буря на морѣ, свистъ вѣтра въ снастяхъ, гулъ бѣшеныхъ, опрокидывающихъ другъ друга волнъ! Ужасная въ глухой стелѣ метель и вьюга...

То какъ звѣрь она завоетъ,

То заплачетъ какъ дитя!

А вотъ загремѣли величественныя ноты органа... Его могучіе звуки то сливаются, то расходятся въ пространство, обрываются, перемѣшиваются, лугаются какъ фантастическая мелодія во время лихорадочнаго сна, музыкальное видѣніе вызванное завываніемъ и визгомъ вѣтра на дворѣ.

Но чрезъ нѣсколько минутъ эти вначалѣ чарующіе слухъ звуки начинаютъ будто ножомъ рѣзать мозгъ. И вотъ намъ представляется будто лальцы незримыхъ артистовъ брацаютъ уже не по невидимымъ струнамъ, дуютъ не въ

заколдованныя трубы, а скрипятъ по нашимъ собственнымъ вервамъ, вытягиваютъ жилы и затрудняютъ дыханіе...

— Ради Бога перестаньте, Такуръ! довольно, довольно!... волить полковникъ, затыкая обѣими руками уши.— Гулабъ-Сингъ... прикажите имъ перестать!..

При этихъ словахъ трое Индусовъ локатываются со смѣху и даже сфинксообразное лицо Такура озаряется веселою улыбкой...

— Честное слово, вы меня, кажется, не шута принимаете если не за великаго Парабраму, то по крайней мѣрѣ за какого-то генія, за Марута, владыку вѣтра и стихій, говорить онъ намъ весело смѣясь.— Да развѣ въ моей власти остановить вѣтеръ или мгновенно вырвать съ корнемъ весь этотъ бамбуковый лѣсъ?.. Просите чего-нибудь полегче!..

— Какъ остановить вѣтеръ? Какой бамбукъ?.. Развѣ мы это слышимъ не подъ психическимъ вліаніемъ?..

— Вы скоро помѣшаетесь на психологіи и электро-біологіи, мой дорогой полковникъ. Никакой тутъ нѣтъ психологіи, а просто естественный законъ акустики... Каждый изъ окружающихъ насъ бамбуковъ — а ихъ вѣдь вѣсколько тысячъ на островѣ — скрываетъ въ себѣ природный инструментъ, на которомъ нашъ всемірный артистъ, вѣтеръ, прелетаешь пробовать свое искусство послѣ солнечнаго заката, особенно въ послѣднюю четверть луны.

— Гм! вѣтеръ?.. да... Но вѣдь это начинаетъ переходить въ ужасный шумъ... Очень неприятно... Какъ бы этому помочь? освѣдомляется нашъ немного сконфуженный президентъ.

— Ужь право не знаю... Ничего, чрезъ пять минутъ вы къ нему привыкнете, отдыхая въ тѣ промежутки когда вѣтеръ минутами затихаетъ...

И вотъ мы узнаемъ что такихъ природныхъ оркестровъ много въ Индіи; что они хорошо извѣстны браманамъ, которые называютъ этотъ тростникъ *вина-дву* (гитарой боговъ) и, спекулируя народнымъ суевѣріемъ, выдаютъ эти звуки за божественныя оракулы. Къ этой особености тростника*

* На этотъ родъ бамбука постоянно нападаетъ маленькій жучокъ, который пробуравливаетъ въ очень скоромъ времени большія дыры въ совершенно лустомъ стволѣ тростника, гдѣ и задерживается вѣтеръ.

факиры идолопоклонническихъ сектъ прибавили и собственное искусство. Вслѣдствіе этого островъ на которомъ мы находились считается особенно священнымъ.

— Завтра утромъ, говоритъ намъ Такуръ,—я вамъ покажу съ какимъ глубокимъ знаніемъ всѣхъ правилъ акустики наши факиры просверлили различныхъ величинъ дыры въ тростникахъ. Смотра по объему ствола, въ каждомъ колѣнѣ этихъ лустыхъ трубокъ они увеличиваютъ выдѣнные жучками отверстія, придавая имъ то круглую, то овальную форму. На эти усовершенствованные ими природные инструменты можно по справедливости смотрѣть какъ на превосходнѣйшіе образцы примѣненія механики къ акустикѣ. Впрочемъ удивляться тутъ нечему: наши древнѣйшія санскритскія книги о музыкѣ подробно описываютъ эти законы, упоминая о многихъ нынѣ не только забытыхъ, но даже совершенно неизвѣстныхъ намъ инструментахъ... А теперь, если это слѣшкомъ близкое сосѣдство распѣвающаго тростника безпокоитъ ваши нѣжныя уши, я васъ, пожалуй, поведу на поляну у берега—подальше отъ нашего оркестра. Послѣ полуночи вѣтеръ стихнетъ, и вы уснете спокойно... А пока пойдемте посмотрѣть какъ загораются „священные костры“. Какъ только окрестные жители слышатъ далекіе голоса „боговъ“ въ тростникахъ, они тотчасъ же начинаютъ сходиться цѣлыми деревнями на берегъ, зажигаютъ костры и совершаютъ „пуджу“ (поклоненіе острову).

— Но неужели же браманы въ состояніи поддерживать такой очевидный обманъ? Вѣдь самый глухой человѣкъ, и тотъ долженъ наконецъ догадаться къѣмъ и какъ просверлены тростники и отъ чего происходятъ звуки!... освѣдомляется удивленный полковникъ.

— У васъ въ Америкѣ—быть-можетъ, но никакъ не у насъ въ Индіи. Покажите даже и полуобразованному туземцу какъ это сдѣлано, расскажите и объясните... На это онъ вамъ отвѣтитъ что онъ и безъ васъ знаетъ что эти дыры просверлены жукомъ и увеличены факиромъ. Но что же изъ этого? То не простой жучекъ сверлилъ, а *воплотившійся изъ настоятелемъ изъ этой цѣли одинъ изъ боговъ*, а факиръ, святой мученикъ, дѣйствовалъ по приказанію этого бога. Вотъ все чего вы отъ насъ добьетесь. Вѣками вѣзвѣвшійся въ массы народа фанатизмъ и суевѣріе сдѣлались какъ бы необходимою

частью его физиологическихъ потребностей. Искорените въ немъ это чувство, и у него откроются сами собою глаза, и онъ узритъ истину, но не прежде. Что же касается брамановъ, то счастлива была бы Индія есаибъ эти вѣковые лауты не дѣлали ничего худшаго... Пусть себѣ народъ поклоняется музѣ и духу гармоніи, это еще не страшно.

Въ Дехра-Денѣ (разказывалъ намъ *бабу*) такіе бамбуки посажены съ обѣихъ сторонъ центральной улицы и тавутся болѣе чѣмъ на милю. За зданіями вѣтеръ не можетъ свободно дѣйствовать, и потому звуки слышатся лишь въ вечера когда онъ дуетъ съ востока, что бываетъ чрезвычайно рѣдко. Но въ прошломъ году, когда нашъ Суами Дайанадъ прибылъ на лѣтнюю кочевку и его осаждала каждый вечеръ толпа послѣдователей, бамбуки, какъ разъ послаѣ его проповѣди въ которой онъ громилъ суевѣріе, вздумали расплѣтаться. Въ это самое время утомленный продолжительною проповѣдью и немного нездоровый Суами олустился на коверъ и закрывъ глаза сидѣлъ неподвижно. Толпа вообразила тотчасъ же что душа Суами, покинувъ тѣло, вошла въ тростники и изъ нихъ ведетъ разговоръ съ богами. Многіе, желая изъяснить тѣмъ свое благоговѣніе учителю и вѣроатно доказать въ какой полнотѣ воспріяли они его ученіе, бросились творить предъ налѣвавшимъ тростникомъ „луджу“...

— И что жь Суами... что онъ сказалъ на это?...

— Ничего не сказалъ... Вы его видно еще не знаете. Не говоря ни слова, онъ вскочилъ и, сломавъ первую бамбуковую трость по дорогѣ, задалъ ею *пуджникамъ* такой „европейскій *бакшишъ*“ * по спинамъ что толпа мгновенно разбѣжалась. А Суами, безпощадно колота по чѣмъ ни попаало, гвался за ними цѣлую милю, затѣмъ плянулъ и уѣхалъ далѣе. Онъ ужасный силачъ, нашъ Суами, и разговаривать долго не станетъ, смѣялся *бабу*.

— Но вѣдъ такимъ образомъ вмѣсто того чтобъ обратить ихъ на путь истины онъ только разгоняетъ толпу? замѣтилъ полковникъ.

— Вотъ и выходитъ что вы нашъ народъ знаете такъ же

* Ударъ тростью здѣсь зовется народомъ „европейскій бакшишъ“ или „бамбуковый бакшишъ“; посаждае слово въ повсемѣстномъ употребленіи въ Азіи.

мамо какъ и вашего союзника Суами... Не услѣлъ онъ при-
быть въ *Патны* (мѣстечко въ 35 или 40 миляхъ отъ Дехра-
Дена) какъ толпа человекъ въ 500 привалила депутаціей отъ
города, кланаясь ему въ ноги и умолая вернуться. Между
главными просителями были тѣ у кого вся спина оказалась
въ синякахъ. Они привезли Суами назадъ съ самыми тор-
жественными церемоніями, на словѣ, усылая всю дорогу
цвѣтами... Онъ тотчасъ же устроилъ *самаджу* (общество), и въ
этой „Аріа-Самаджъ“ Дехра-Дена теперь двѣсти членовъ, ко-
торые навсегда отказались отъ идолопоклонства и суевѣрія.

— А при мнѣ, разказывалъ Мульджи, — онъ въ Бенаресѣ
два года тому назадъ разбилъ палкой до ста идоловъ на
базарѣ и поколотилъ брамана. Последняго онъ вытащилъ
изъ-за просверленной спины огромнаго идола Шивы, изъ-за
которой тотъ велъ разговоръ за своего бога, требуя денегъ
на новую одежду для Шивы...

— И не заплатилъ онъ за это?

— Браманъ потребовалъ его въ судъ, но явилось столько
заступниковъ за него что судья былъ принужденъ его оправ-
дать, присудивъ лишь заплатить штрафъ за разбитыхъ идо-
ловъ. Одно не хорошо: браманъ въ ту же ночь умеръ отъ хо-
леры; и противники Суами громко кричали что онъ умеръ
вслѣдствіе *дждаду* (колдовства) Дайананда Сарасвати.

— А вы, Нараянъ, знаете что про суамиджи?... Прини-
маете ли вы его за своего „гуру?“ спросила я.

— У меня одинъ *гуру* и одинъ богъ, на землѣ, какъ и на
небѣ, нехота отвѣтилъ Нараянъ,—и никогда не будетъ дру-
гаго....

— Кто же этотъ *гуру* и кто вашъ богъ?... тайна развѣ?...

— Такуръ Саубъ, конечно!... огорошилъ его бабу.—Оба у
него сливаются во едино...

— Ты говоришь гаупости, бабу, холодно замѣтилъ Гулабъ-
Сингъ.—Я не признаю себя достойнымъ быть чѣмъ бы то
ни было гуру, тѣмъ менѣе богомъ. Прошу тебя не кощун-
ствовать. Но вотъ мы и пришли. Сядемъ здѣсь на берегу,
добавилъ онъ, указывая на привесенные ковры и явно желая
замять разговоръ.

Мы пришли на небольшую поляну у озера, шаговъ за
двѣсти, триста отъ бамбуковаго лѣса. Теперь звуки волшеб-
наго оркестра доносились до насъ слабо и урывками. Мы
сидѣли противъ вѣтра, и они долетали лишь какъ полный

гармоніи шепотъ, совершенно уже напоминая тихое гнѣис Эоловой арфы и не имѣя въ себѣ болѣе ничего непріятнаго или рѣзкаго. Напротивъ, эти звуки придавали еще болѣе поэтической колоритъ этой сценѣ.

Мы разсѣлись на разостланныхъ для насъ коврахъ, и отъ усталости, такъ какъ я была на ногахъ съ четырехъ часовъ утра, мною сильно овладѣвалъ сонъ. Мушкетеры продолжали разговаривать о Суахи и о „луджѣ“, а я крѣпко задумалась, и мало-по-малу, какъ это всегда случается, разговоръ сталъ долетать до меня лишь урывками...

— Проснитесь!... расталкивалъ меня полковникъ. — Вотъ Такуръ говоритъ что вамъ не слѣдуетъ засыпать подъ луннымъ свѣтомъ...

Совсѣмъ я не засыпала, хотя дѣйствительно сонъ сильно одолѣвалъ меня, а просто задумалась. Но я даже и не отгѣчала, до такой степени лѣнь овладѣваетъ человѣкомъ подъ подобнымъ небомъ...

— Да ради Бога, проснитесь же! надобно мнѣ полковникъ. — Вы только взгляните на эту луну... на картину вокругъ насъ. Видали ли вы что-либо великолѣпнѣе этой панорамы? Смотрите...

„Вотъ взошла луна золотая...“

завертѣлось у меня въ головѣ. Воистину то была „луна золотая“. Въ эту минуту она испускала цѣлые потоки золотистаго свѣта, обливала каскадами волнующееся у нашихъ ногъ озеро, осыпала на огромное пространство золотомъ пылью каждую травку, каждую былинку и камешекъ. Ея желто-серебристый шаръ быстро скользилъ вверхъ по темноголубому, усыпанному мириадами огромныхъ, блестящихъ звѣздъ небу, сіяя надъ нашими головами. Сколько бы лунныхъ ночей ни пришлось видѣть въ Индіи, каждый разъ найдутся новые и неожиданные эффекты... Подобныхъ картинъ не описываютъ; ихъ невозможно изобразить ни на полотнѣ, ни словами; ихъ можно только *чувствовать*. Но что за невыразимое величіе и красота! Въ Европѣ, даже на югѣ, обыкновенно полная и яркая луна гаситъ вокругъ себя на большое пространство звѣзды, и наибольшія изъ нихъ меркнутъ въ ея сіяніи. Здѣсь совершенно напротивъ: словно громадная жемчужина осыпанная кругомъ брилліантами катится она по небесному, точно изъ синяго бархата своду. При этомъ лунномъ

сияніи можно не только читать мелко написанное письмо, но и свободно различать всѣ тѣни окружающей зелени, что въ Европѣ немислимо. Взгляните на деревья, на статныя пальмы съ ихъ раскинутыми вѣтеромъ верхушками во время полной луны! Съ самой минуты восхода мѣсяца его лучъ начинается ползти сверкающею серебряною чешуей по обращенной къ нему сторонѣ дерева отъ верхушки все ниже и ниже, пока не зальетъ всего растенія моремъ свѣта. Безо всякихъ метафоръ, вся поверхность листы кажется всю ночь утоляющею подъ переливающимися дрожащими волнами серебра, въ то время какъ исподъ листьевъ является чернѣе и мягче чернаго бархата. Но горе неосторожному новичку, горе заглядѣвшемуся на луну съ непокрытою головою смертному! Опасно не только что уснуть, но даже и слишкомъ долго зазѣваться на цѣломудренную индійскую Діану. Припадки ладучей болѣзни, безуміе, часто смерть, вотъ наказанія посылаемыя ея коварными стрѣлами современному Актеону осмѣлившемуся лицезрѣть жестокою дочеръ Латоны въ ея полной красѣ. Оттого здѣсь ни днемъ, ни ночью, ни Европейцы, ни туземцы не снимаютъ на дворѣ своихъ *топи* и *пѣгѣри*. Даже нашъ бабу прохладившійся цѣлме дни съ непокрытою головою подъ солнцемъ надѣвалъ ночью во время луны бѣлую шалочку.

Огни, какъ намъ предсказалъ Такуръ, зажгались одинъ за другимъ на материкѣ, и давно уже мелькали вдали черные силуэты локловниковъ. Ихъ дикія священныя лѣсны и громкіе возгласы — *Хѣрри, Хѣрри, Маха-део*, * — доносились до насъ съ того берега громко и отчетливо. А тростники, подъ напоромъ вѣтра, раскачивая свои стройныя стволы, отвѣчали имъ вѣжными музыкальными фразами... Становилось жутко на душѣ, чувствовалось какое-то странное ольянѣіе при этой обстановкѣ, и идолопоклонство въ этихъ погрязшихъ въ вѣковомъ невѣжествѣ, но глубоко лѣстическихъ страстныхъ натурахъ являлось менѣе оттакавающимъ, казалось помятаѣе. Индусъ — прирожденный мистикъ, а чарующая природа его страны содѣлала изъ него яраго лавтеиста.

Гдѣ-то далеко въ лѣсу заиграла *альгуджа*, родъ индійской свирѣли, съ семью отверстиями. При этихъ звукахъ мигомъ возбуждалось и встрепелулось цѣлое обезьянье семейство,

* *Хѣрри* — одно изъ именъ Шивы, а „*Маха-део*“ — великій богъ.

спавшее въ листвѣ сосѣдняго дерева. Двѣ-три макакшки тихо спустились на землю и стали оглядываться какъ бы поджидая кого...

— Это у васъ что же за Орфей чарующій и людей? освидомились мы.

— Факиръ вѣроятно: *альгуджа* обыкновенно призываетъ священныхъ обезьянъ къ лицѣ. Нѣкогда жившая на этомъ островѣ коммуна факировъ теперь переселилась въ старую лагуду, неподалеку отсюда въ лѣсу. Тамъ имъ болѣе поживы отъ прохожихъ; оттого они и бросили островъ...

— А можетъ отъ того что оглохли, выразила невинное мнѣніе проснувшаяся и подошедшая къ намъ между тѣмъ миссъ Б*.

— Кстати объ Орфее, спросилъ Такуръ, — извѣстно ли вамъ что лира этого греческаго героя-полубога была далеко не первою которая обладала способностью очаровывать и людей, и звѣрей, и даже самыхъ рѣки? Нѣкій китайскій „музыкальный артистъ“ (какъ ихъ зовутъ въ Англіи) *Кюи*, * жившій за тысячу лѣтъ до предполагаемой учеными эры Орфея, выражается такъ: „когда я играю на моемъ *кинъ*, то всѣ дикіе звѣри сбѣгаютъ, и очарованные моею мелодіей, строятся въ ряды предо мною“...

— Это вы гдѣ же читали?

— Могъ бы вычитать даже въ сочиненіяхъ вашихъ западныхъ ориенталистовъ, такъ какъ это свѣдѣніе находится и тамъ. Но собственно я нашелъ это въ древней санскритской рукописи (переводъ съ китайскаго) втораго столѣтія до вашей эры; оригиналъ же находится въ древнемъ сочиненіи, извѣстномъ подъ именемъ „Хранитель пяти главныхъ добродѣтелей“ — родъ хроники или трактата о музыкальномъ развитіи въ Китаѣ, написанный по приказанію императора Хоангъ-ти за нѣсколько сотъ лѣтъ до вашей эры.

— Да развѣ Китайцы когда что понимали въ музыкѣ? разсмѣялся полковникъ. — Я слышалъ и въ Калифорніи, и въ другихъ мѣстахъ заѣзжихъ артистовъ изъ Небесной Имперіи... Ихъ музыкальная какофонія способна съ ума свести человека на мѣсть...

— То же самое многіе изъ васъ, западныхъ музыкантовъ,

* Какая случайность! *Кюи*—има извѣстнаго петербургскаго музыканта; только на звѣря, на люди не играютъ подъ его музыку.

говорятъ и про нашу какъ древне-арійскую, такъ и современную музыку Индусовъ. Но вопервыхъ, понятія о мелодіи—вещь совершенно условная; а вовторыхъ, есть большая разница между знаніемъ музыкальной техники и примѣненіемъ этого знанія къ развитію мелодій доступныхъ всякому какъ образованному, такъ и необразованному уху. Въ техническомъ отношеніи музыкальная піеса можетъ быть превосходна, а сама мелодія являться вполнѣ непонятною и даже непріятною для непривыкшаго къ ней уха. Ваши самыя извѣстныя оперы, напримѣръ, кажутся намъ, Индусамъ, какимъ-то дикимъ хаосомъ, каскадомъ непріятно рѣзкихъ, перепутанныхъ звуковъ, въ которыхъ мы ровно ничего не смыслимъ, а только получаемъ, слушая ихъ, головную боль. Я бывалъ не разъ и въ Лондонской и въ Парижской оперѣ, слушалъ Россини и Мейербера; а желалъ отдать себѣ отчетъ въ моихъ впечатлѣніяхъ и слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ. Признаюсь, я предпочитаю наши простые туземныя мелодіи всѣмъ произведеніямъ вашихъ лучшихъ художниковъ въ Европѣ. Первые мнѣ вполнѣ доступны, а вторыхъ я вовсе не понимаю, и онѣ также мало меня трогаютъ какъ и ваши національныя налѣвы васъ. Но оставляя всякіе „налѣвы“ въ сторонѣ, скажу вамъ что не только наши предки, но даже и предки Китайцевъ, конечно не уступаютъ вамъ, Европейцамъ, если не въ инструментальной техникѣ, то въ музыкальной „технологіи“ и особенно въ отвлеченныхъ понятіяхъ о музыкѣ.

— Арійскіе народы древности быть-можетъ и не уступаютъ намъ, но допустить то же самое въ Туранской расѣ Китайцевъ трудно, спорилъ нашъ президентъ.

— Но музыка природы была вездѣ первою ступенью къ музыкѣ искусства. Мы предпочитаемъ первую, и поэтому держимся ея вѣками. Наша музыкальная система есть величайшее искусство, если—извините этотъ кажущійся парадоксъ—избѣгать всего искусственнаго; то-есть она отвергаетъ въ своихъ мелодіяхъ всѣ звуки не входящіе въ реестръ *жизненныхъ* голосовъ въ природѣ. Китайцы именно этого-то и не дѣлаютъ. Китайская система, напримѣръ, содержитъ въ себѣ восемь главныхъ звуковъ звучащихъ какъ бы камертономъ для всѣхъ другихъ происходящихъ отъ главнаго звука тоновъ, которые и классифицированы подъ именами ихъ родоначальниковъ. Эти восемь звуковъ суть: *металлъ, камень,*

шелкъ, балбукъ, тыква, глиняная посуда, кожа, дерево. Поэтому у нихъ являются: металлическіе, деревянные, глиняные, тыквенные, кожаные, каменные, бамбуковые и деревянные тоны. Такимъ образомъ и мелодіи у нихъ не можетъ быть никакой, а выходитъ одинъ сумбуръ: ихъ музыка состоитъ изъ перелутанныхъ серій отдѣльныхъ нотъ. Ихъ императорскій гимнъ, напримѣръ, есть рядъ однихъ длинныхъ, безконечно вытягиваемыхъ звуковъ въ унисонъ. Но у насъ все своеобразно и самобытно; мы, Индусы, обязаны нашею музыкой одной живой природѣ, а не неодушевленнымъ предметамъ. Мы, въ высшемъ значеніи этого слова, пантеисты; поэтому и музыка наша, такъ-сказать, *пантеистическая*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она и въ высшей степени научная. Съ самой колыбели человечества аріискіе народы, вышедшіе первыми изъ младенчества, стали прислушиваться къ голосамъ природы и нашли что объ, мелодія и гармонія, соединяются лишь въ одной нашей великой матери. Въ ней нѣтъ ни фальшивыхъ, ни искусственныхъ нотъ, и вотъ человѣкъ, вѣнецъ ея созданія, пожелалъ подражать ея звукамъ. Въ совокупности всѣ эти звуки (по единодушному показанію нашихъ же физиковъ) сливаются въ *одинъ тонъ*, который мы слышимъ, когда умѣемъ прислушиваться, въ неумолкаемомъ шелестѣ листвы большихъ лѣсовъ, въ журчаніи водъ, въ ревѣ океана и бури, и даже въ отдаленномъ гулѣ большихъ городовъ. Этотъ тонъ—средній F, основной тонъ во всей природѣ. Въ нашихъ мелодіяхъ онъ намъ служитъ исходною точкой которую мы воспроизводимъ съ первой ноты и вокругъ которой группируются всѣ прочія. Замѣтивъ что верхнія, нижнія и среднія ноты имѣютъ каждая своего типическаго представителя въ животномъ царствѣ; что козелъ, лавианъ, быкъ, полугай, лягушка, тигръ, слонъ и т. д. имѣютъ, каждый изъ нихъ, свою особенную ноту, наши предки стали прислушиваться, и нашли что всякая изъ этихъ нотъ соотвѣтствуетъ одному изъ *семи главныхъ тоновъ*. Такъ была открыта и основана *октава*. На подраздѣленія же и размѣръ ихъ навели сложные звуки тѣхъ же животныхъ.

— О вашей древней музыкѣ, отвѣтилъ полковникъ,—о томъ, изобрѣлъ ли что въ музыкѣ ваши предки или нѣтъ я конечно ничего не знаю. Но признаюсь, слушая гдѣ-то вашихъ современныхъ Индусовъ, я никакъ бы не могъ залодозрять ихъ въ знакомствѣ съ какою бы то ни было музыкой.

— Это потому что вы еще никогда не слышали настоящаго лѣвада. Пользайтесь въ Пуру и посѣтите „Гайанъ-Самаджъ“ *, и только тогда мы возобновимъ этотъ разговоръ. До тѣхъ поръ напрасно спорить...

— Музыка древнихъ Аріѣвцевъ, внезапно вмѣшалась бабу за честь своей родины,—растекіе долготное и почти исчезнувшее изъ Индіи, но все же достойное большаго вниманія и изученія. Это вполне доказано теперь моимъ соотечественникомъ, раджей Сурендранафъ-Тагоромъ **, который, по сознанію лучшихъ музыкальныхъ критиковъ Англіи, твердо установилъ права древней Индіи „считаться матерью музыкальной науки“. Каждая школа—итальянская, нѣмецкая и древне-арійская—родилась въ свой особенный періодъ, развилась въ своемъ исключительномъ климатѣ и при совершенно различной обстановкѣ. И какъ всякая изъ этихъ школъ имѣетъ свою особенность, а для своихъ послѣдователей и прелесть, такъ и наша школа не представляетъ собою исключенія. Только въ то время какъ вы, Европейцы, приучены къ мелодіямъ запада и хорошо знакомы съ вашими школами, наша музыкальная система, какъ и многое что другое въ Индіи, вамъ еще совершенно неизвѣстна. Поэтому, осмѣливаюсь заявить что вы, полковникъ, и судить о ней не имѣете права...

— Не горячись, бабу. Всякій имѣетъ право если не судить, то разспрашивать о незнакомомъ ему предметѣ, иначе онъ никогда и не узнаетъ истины... Еслибы, продолжалъ Такуръ,—музыка Индусовъ принадлежала (какъ говоритъ бабу) къ столь же мало отдаленной отъ насъ элохѣ какъ и европейская, соединяя въ себѣ притомъ, какъ послѣдняя, всѣ выработанныя въ разныхъ элохи и различными музыкальными системами достоинства, то быть-можетъ знатоки и любили бы и лучше оцѣнили бы ее. Но наша музыка принадлежитъ къ доисторическимъ временамъ. За исключеніемъ развѣ древнихъ Египтянъ (которые, если судить по двадцати-струнной арфѣ найденной Брюсомъ въ одной изъ Фивскихъ

* По всей Индіи устраиваются теперь музыкальные общества для возрожденія національной древней музыки. Одно изъ нихъ Гайанъ-Самаджъ (*Gaian-Samaj*) въ Пулѣ.

** Раджа Сурендранафъ-Тагоръ—докторъ музыки, кавалеръ великаго множества почетныхъ орденовъ, между прочимъ, отъ короля Португальскаго и императора Австрійскаго, за свое сочиненіе „О музыкѣ Аріѣвцевъ“.

гробницъ, были тоже посвящены въ музыкальныя таинства гармоніи), мы, Индусы, являемся единственнымъ знакомымъ съ музыкой народомъ въ тѣ еще времена когда всѣ другія націи на земномъ шарѣ боролись со стихіями за одно право своего существованія. Мы обладаемъ сотнями санскритскихъ рукописей о музыкѣ, никогда еще не переведенныхъ даже и на туземные языки. Въ глубокою древность этихъ трактатовъ (отъ 4.000 до 8.000 лѣтъ) мы Индусы, несмотря на всѣ отрицательные доводы вашихъ ориенталистовъ, вполнѣ вѣримъ и будемъ упорствовать въ этой вѣрѣ, ибо мы ихъ читали и изучали, а европейскіе ученые ихъ пока и въ глаза не видали. Такихъ трактатовъ написанныхъ въ разныя и самыя отдаленныя эпохи у насъ много, и всѣ они согласуются въ своихъ показаніяхъ доказывая намъ яснѣе для что *въ Индіи музыка была уже извѣстна и приведена въ систему когда современныя цивилизованныя націи жили еще на западѣ Европы какъ дикія племена*. Но все это не даетъ намъ однако права требовать чтобы вамъ, Европейцамъ, нравились наша музыка къ которой не пріучены ваши уши и духа коей вы не слобобны пока еще понять... Мы можемъ до нѣкоторой степени объяснить вамъ ея технику, дать вамъ нѣкоторое понятіе о ней какъ о наукѣ; но создать въ васъ то что Аріиды называли *Рактмъ*, или слобобность человѣческой души воспринимать и очаровываться совокупленіями различныхъ звуковъ въ природѣ—альфа и омега нашей музыкальной системы—никто не можетъ, какъ не могутъ заставить и насъ уливаться мелодіями Беллини.

— Но почему же? горячился полковникъ:—и что это за тайная сила такая въ вашей музыкѣ которую слобобны понять одни вы, Азіаты? Если мы съ вами разнимся въ цвѣтѣ кожи, то вѣдь за то нашъ органическій механизмъ одинъ и тотъ же. Другими словами, та физиологическая конструкторія костей, крови, нервъ, жилъ и мускуловъ изъ которой состоитъ Индусъ, имѣеть столько же частей связанныхъ одна съ другою по совершенно такому же плану или модели какъ и живой механизмъ извѣстный подъ именемъ Американца, Англичанина или всякаго другаго Европейца. Оба являясь на свѣтъ изъ одной и той же мастерской природы имѣють одно начало, какъ одинъ и тотъ же конецъ; физиологически говоря, мы дулацкаты другъ друга...

— Физиологически — да, и даже психологически, еслибы

только не вмѣшивалось между нами воспитаніе которое, что вы говори, выворачиваетъ природу человѣка въ ту или другую сторону, измѣняя не только умственное, но и душевное направленіе его: въ иныхъ случаяхъ совершенно логашая въ немъ божественную искру, въ другихъ—раздувая и даже превращая ее въ неугасимый маякъ, служащій путеводною звѣздой его умственныхъ способностей на всю жизнь.

— Такъ. Но все же это едва ли можетъ имѣть такое сильное вліяніе на физиологію уха.

— Ошибаетесь опять. Если въ физическомъ или скорѣе въ физиологическомъ отношеніи разсматриваемый какъ человѣческая машина Индусъ ничѣмъ не разнится отъ Европейца, то, вслѣдствіе совершенно своеобразнаго воспитанія, въ умственномъ и психическомъ, особенно въ психическомъ отношеніи, оба діаметрально отличаются одинъ отъ другаго, представляя какъ бы два различные вида въ природѣ. Вспомните лишь насколько цвѣтъ лица, сложеніе, способность къ произрожденію, жизненность и всѣ наследственныя качества чисто физическихъ отправления измѣняются со временемъ вслѣдствіе климатическихъ условій, лица и обиходной обстановки человѣка (новѣйшая научная маска вашихъ матеріалистовъ, если не ошибаюсь, для удобнѣйшаго игнорированія болѣе отвлеченныхъ тайнъ бытія), и вы получите отвѣтъ на вашъ вопросъ. Примѣните этотъ самый законъ постелепнаго перерожденія уже не къ физическому, а чисто психическому элементу въ человѣкѣ, и вы узрите тѣ же результаты. Измѣняя воспитаніе души, вы измѣняете ея способности. Тамъ гдѣ она прежде наслаждалась усматривая въчто вполне недоступное иначе воспитанной душѣ, она уже не чувствуетъ ничего кромѣ скуки и предъ нею является одинъ хаосъ... Вы, напримѣръ, вѣрите, — и вѣрите лишь на основаніи доказаннаго вѣковымъ опытомъ,—что гимнастика, укрѣпляя мускулы, не только развиваетъ тѣло человѣческое, но и способна какъ бы переродить его; мы же, Индусы, идемъ одною ступенью выше: мы вѣримъ, вслѣдствіе тысячелѣтнихъ опытовъ и объективныхъ демонстрацій, что существуетъ гимнастика и для души какъ для тѣла. Это наша тайна, тайна униженныхъ, порабощенныхъ одною животною силой Индусовъ, и проникнуть въ эту тайну мы не довоздимъ никому, кромѣ горсти избранныхъ, но она можетъ быть доказана вамъ въ свое время..

Что постепенно одаряетъ глазъ моряка зрѣніемъ орла, акробата ловкостью и силой обезьяны, бойца — желѣзными мускулами? Упражненіе и одинъ навыкъ, скажете вы. Такъ почему же не предположить такую же способность и въ душѣ человѣка какъ въ его тѣлѣ? Развѣ только потому что современная наука или совсѣмъ отвергаетъ душу, не допускаетъ и не признаетъ въ ней отдѣльной отъ тѣла личности?...

— Полно, Такуръ. Вы-то ужь должны бы знать что я вѣрю какъ въ душу, такъ и въ ея безсмертіе...

— Мы вѣримъ въ безсмертіе *духа*, а не души... Впрочемъ это неидетъ къ дѣлу. Итакъ, вы должны согласиться что упражненіемъ всякая дремлющая въ душѣ человѣческой способность можетъ быть доведена до высшей точки своей силы и дѣятельности, равно какъ вслѣдствіе неупотребленія и отвычки каждая такая способность можетъ и заглохнуть, и даже окончательно исчезнуть. Природа такъ ревнива къ своимъ дарамъ что въ нашей власти систематически развивать или убивать въ нашихъ потомкахъ—и даже въ продолженіе весьма немногихъ поколѣній—какой угодно физическій или умственный даръ, просто вслѣдствіе одного упражненія или полного пренебреженія...

— Но вѣдь этимъ вы все-таки не объясняете мнѣ тайной прелести вашихъ національныхъ мелодій.

— Къ чему входить въ подробности когда вы сами должны видѣть что мое объясненіе есть общій ключъ къ разрѣшенію не только вашего вопроса, но и міриады другихъ задачъ? Ухо Индуса пріучено вѣками схватывать одинъ родъ комбинацій слуховыхъ волнъ или атмосферическихъ вибрацій, а ухо Европейца привыкло къ другому роду; поэтому гдѣ душа перваго наслаждается, тамъ душа послѣдняго не чувствуетъ ничего, а уши страдаютъ. Я могъ бы на этомъ и остановиться, такъ какъ объясненіе кажется столь же просто какъ оно и понятно; но желаю пробудить въ васъ вѣчто болѣе чувства удовлетвореннаго любопытства. То что я вамъ сказалъ разъясняетъ тайну лишь съ ея физиологической стороны. Оно является столь же понятнымъ какъ и фактъ что мы, Индусы, безнаказанно вѣдимъ напримѣръ каждый день цѣлыми горстями пряности, отъ одной крошки коихъ у васъ могло бы сдѣлаться чуть не воспаленіе въ кишкахъ. Наши слуховые нервы, въ началѣ времяя тождественные въ своихъ

способностяхъ съ вашими, переродились вслѣдствіе вѣковаго упражненія и сдѣлались столь же отличными отъ вашихъ какъ и цвѣтъ нашей кожи и наши желудки. Прибавьте къ этому что глазъ вашихъ кашмирскихъ ткачей, мущинъ и женщинъ, отличается способностью различать ровно 300 тѣнями болѣе нежели глазъ Европейца,—это по показанію вашихъ ученѣйшихъ физиковъ и лѳонскихъ фабрикантовъ,—и всякій пойметъ какъ легко разъясненіе кажущейся проблемы. Навыкъ, законъ наслѣдія, все что угодно... Но вы, прибывъ изъ Америки изучать Индусовъ и ихъ религію, никогда не поймете послѣдней, если прежде не научитесь знать какъ тѣсно, какъ почти неразрывно связаны всѣ наши науки не съ современнымъ, конечно, ортодоксальнымъ, невѣжественнымъ браманизмомъ, а съ философіей нашей первобытной религіи Ведъ.

— Но что же, напримѣръ, музыка имѣетъ общаго съ Ведами?...

— Многое—почти все. Какъ то было у древнихъ Египтянъ и Китайцевъ, такъ и у насъ: всѣ звуки въ природѣ, а потому и музыка находилась въ прямой связи съ астрономіей и математикой, то-есть съ планетами, знаками зодіака, съ солнечнымъ и луннымъ теченіемъ и съ числами; а особенно съ тѣмъ въ самомъ существованіи чего ваши ученые еще не совсѣмъ увѣрены, съ *аказой* или эфиромъ пространства. Ученіе о „музыкѣ сферъ“ родилось здѣсь, а не въ Греціи, или Италіи, куда его ввезъ Пифагоръ лишь по окончаніи своихъ занятій съ гимнософистами Индіи. И конечно лучше кого бы то ни было, и до, и послѣ него, звалъ этотъ великій философъ—единственный изъ западныхъ мудрецовъ, открывшій до Коперника и Галилея геліоцентрическую систему міру—насколько малѣйшій звукъ въ природѣ зависитъ отъ *аказы* и ея соотношеній. Одна изъ четырехъ Ведъ, „Самма Веда“, вся состоитъ изъ лѣній. Это—собраніе гимновъ и *мантръ* лѣтыхъ во время жертвоприношеній „богамъ“, то-есть стихійнымъ силамъ. Понятно что при знакомствѣ съ естествознаніемъ (а наши древніе жрецы если и не были знакомы съ естественными науками по новѣйшимъ методамъ химіи и физики, за то звали много такого до чего современные ученые еще не добрались), жрецы подчасъ и заставляли стихійныхъ „боговъ“ или слѣпыхъ силы природы отвѣчать ихъ молитвамъ различными знаменіями.

Въ этихъ *дамтрахъ* каждый звукъ, малѣйшій переходъ рачитанъ и имѣеть свое значеніе; а имѣла причинность, долженъ имѣть конечно и свое дѣйствіе. „Ученіе о звукѣ, говоритъ профессоръ Лесли, есть безспорно самое неуловимое, тонкое и сложное изъ всей серіи физическихъ наукъ“. А если кто когда уловилъ въ полномъ совершенствѣ это ученіе, то конечно это древніе „риши“, наши философы и святые, оставившіе намъ въ наслѣдство Веды...

— Я телерь начинаю лучше понимать откуда взялось начало всѣхъ миеологическихъ сказокъ греческой древности, задумчиво проговорилъ полковникъ.—Басни о свирѣли бога Пана и его „сиринксѣ“, семи-тростниковой дудкѣ, о фавнахъ, сатирахъ и даже о лирѣ самого Орфея... Я знаю что древніе Греки имѣли мало понятія о гармоніи, и, конечно, не ихъ ритмическія декламаціи въ драмахъ (вѣроятно, никогда не доходившія даже до высоты современнаго, самаго простаго речитатива), поддерживаемыя слабою лирой да свирѣлюю Пана, могли когда-либо внушить имъ мысль о всечарующей лирѣ Орфея. Я сильно начинаю склоняться ко мнѣнію многихъ изъ нашихъ извѣстныхъ филологовъ и ученыхъ. Подозрѣваю что Орфей, самое имя коего *ὄρφος* или *ὄρφνός*, то есть темнокожій, свидѣтельствуеть что даже между смуглыми Греками онъ считался еще смуглѣе ихъ самихъ,—выходецъ изъ Индіи. Таково было мнѣніе Лампріера и нѣсколькихъ другихъ...

— Ваше подозрѣніе быть-можетъ перейдетъ и въ дѣйствительность когда-нибудь. Нѣтъ никакаго сомнѣнія что самый высокій и чистый изъ музыкальныхъ стилей древности принадлежитъ Индіи. У насъ всѣ наши легенды приписываютъ магическое вліяніе музыкѣ, какъ дару и наукѣ прямо ниспосланнымъ на землю богами. И хотя мы вообще приписываемъ всѣ искусства небесному откровенію, но музыка стоитъ во главѣ всѣхъ прочихъ. Изобрѣтеніе *винны*, инструмента въ родѣ вашей гитары, принадлежитъ Нарадѣ, сыну Браммы. Вы будете очень смѣяться если я вамъ скажу, напри- мѣръ, что наши древніе *ундгатри* (лѣвчіе жрецы), обязанностью коихъ было служить при *адаяи* (жертвоприношеніи), знали кое-что изъ невѣдомыхъ тайнъ естества въ такомъ совершенствѣ что посредствомъ извѣстныхъ имъ комбинацій производили, безо всякаго фокуса, замѣтите, явленія которыя во времена невѣжества принимались за проявленіе сверхъ-

естественной силы. Явленія производимыя „удгатри“ и „радъ-йогами“ для посвященныхъ *только естественныя*, сколько бы они ни казались чудесными непосвященнымъ.

— Но развѣ вы... совсѣмъ, такъ-таки совсѣмъ не вѣрите въ нашихъ духовъ? приставала къ нему миссъ Б***. Она сильно лобавлялась Такура.

— Если позволите, *совсѣмъ* не вѣрю.

— А... въ медиумовъ?...

— Еще менѣе, уважаемая леди. Но въ медиумизмъ, для котораго у насъ существуетъ исконовъ вѣка другое названіе— *бхута-дакъ*, въ буквальномъ переводѣ „постоялый дворъ для чертей“ *, вѣрю, какъ и во всякую другую психическую болѣзнь. О настоящихъ медиумахъ сожалью: стараюсь имъ помочь, когда могу; а шарлатановъ глубоко презираю, рѣдко пропуская случай изобличать такихъ...

Предо мною промелькнула сцена въ притокѣ вѣдьмы у „мертвaго города“, катящійся съ горы пойманый браманъ-оракулъ и бѣгство старухи. Теперь для меня стало ясно то чего я прежде не понимала: Нараянъ дѣйствовалъ по приказанію Такура...

— Наши *анга-тигне*, продолжалъ послѣдній,—или „одержимыя“ этою невѣдомою для непосвященнаго „силой“, въ которой спириты видятъ духовъ, суевѣрные видятъ чорта, скептики—фокусъ и обманъ, а настоящіе ученые—не открытую еще наукой силу природы, всегда почти слабыя женщины или дѣти. Вы стараетесь еще болѣе развивать въ такихъ ихъ страшную душевную болѣзнь, мы же ищемъ спасти ихъ отъ этой „силы“ о которой вы ничего не знаете и о которой поэтому не стоить теперь разсуждать... Мы, сыны Индіи, десять вѣковъ находимся въ неволѣ у разныхъ и часто не стоющихъ насъ народовъ... Но покорившія насъ націи покорили только наши тѣла, не насъ самихъ. ** Съ

* Слово „дакъ“—трактиръ, постоялый дворъ, а „бхута“ злая душа умершаго челоука которой вслѣдствіе ея грѣховъ преграждена дорога въ *локшу*—небесную обитель—и которая присуждена скитаться на землѣ. Въ философіи Индуевъ нѣтъ „чертей“ или падшихъ ангеловъ.

** *Ведантинны* или послѣдователи философской системы *Санкара-чарин*, говоря о себѣ, рѣдко употребляютъ слово „я“, а говорятъ наприимѣръ: „это тѣло мое“, „эта рука моя“ и т. д., во всемъ

нашими душами имъ никогда не справиться! *Маява-рупа* * настоящего Ариу—свободна какъ самъ Брамъ; скажу болѣе: для насъ, въ нашей религиіи и философіи онъ—вашъ духъ—и есть самъ Брама, выше котораго стоитъ одинъ невѣдомый, вездѣсущій и всемогущій духъ Парабрама. Нашей „маява-рупы“ не покорить ни Англичанамъ, ни даже вашимъ „духамъ“. Ей никогда не быть рабой... А теперь пойдемте спать.

касающемся физическихъ или автоматическихъ дѣйствій человека. „Я“, „онъ“ употребляется ими лишь касательно умственныхъ отправленій. „Я думаю“, „я желаю идти“ и пр. Тѣло въ ихъ глазахъ—одна шелуха, наружная оболочка внутренняго, невидимаго человека, который и есть настоящій „я“.

* „Маява-рупа“ буквально—тѣло плавленію или *Майя*, настоящій его; „Кама-рупа“—тѣло желанія или *саги*, произвольно созданное нашимъ сильнымъ желаніемъ (обладающимъ творческою силою по понятіямъ Индусовъ)—двойникъ нашъ, который и является тамъ куда желаніе посылаетъ его. При жизни такихъ внутреннихъ тѣлъ у человека де столько же сколько въ луковичѣ кожцы—каждое рѣзится и толще, и каждое носитъ свое особенное названіе, какъ обладающее полною независимостью отъ тѣла. Послѣ де смерти, когда земной жизненный принципъ умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, всѣ эти внутреннія тѣла соединяются во единое тѣло и, смотря по заслугамъ, либо поставлены на столбовую дорогу къ *мокиш*, на которой до окончательнаго освобожденія отъ оковъ матеріи бесчисленное множество „станцій“, и тогда такая душа зовется *дева* (божественною); или же она дѣлается *баута*—заюмъ душой, и мучится на землѣ между скитаніемъ въ невидимомъ мірѣ и трансмиграціей въ разныхъ мечистыхъ животныхъ. Въ первомъ случаѣ,—*дева* не станетъ сообщаться съ живыми. Единственная нить связывающая ее съ землей—загробная привязанность къ тѣмъ кого она любила и надъ кѣмъ она простираетъ свое вліаніе и покровительство и послѣ смерти. *Любовь* переживаетъ всѣ другія земныя чувства, и *дева* можетъ являться любимымъ людямъ во снѣ, или плавленіей (*Майя*) на секунду, и не плаче, такъ какъ тѣло *девы* начинаетъ постепенно, съ минуты освобожденія изъ земныхъ оковъ, измѣняться: съ каждымъ переходомъ изъ одной сферы въ другую она теряетъ кое-что изъ своей объективности, дѣлаясь все неуловимѣе. Она де родится, живетъ и умираетъ въ каждой новой сферѣ или *локи*, которая становится все субъективнѣе и чище; а въ переходныхъ состояніяхъ она „дремлетъ въ акашѣ“—въ эфирѣ. Наконецъ, освободясь отъ послѣдняго земнаго помышленія и грѣха—она становится *мечьям* въ вещественномъ смыслѣ. Она потухаетъ какъ пламя, и слившись въ одно съ Пар-

XXII.

Оставивъ Мальву и „независимую“ (?) территорію Холькара въ сторонѣ, мы вскорѣ опять очутились въ чисто британскихъ владѣніяхъ, на желѣзной дорогѣ къ Джалельпuru и Аллахабаду. Въ первомъ городѣ мы останавливались, всего на

брамой живетъ въ вѣчности живию духа, о которой ни наши матеріальныя концепціи, ни языкъ не въ состояніи создать себѣ представленія. Но „вѣчность“ Парабрамы не есть „вѣчность“ души. Псалмдьяя, по выраженію Веданты, есть вѣчность въ *вѣчности*. Насколько ни была бы жизнь души святою, но такъ какъ она имѣла свое начало и свой конецъ, то и заслуги, какъ и грѣхи ея, не могутъ награждать или наказывать „вѣчностью Парабрамы“. Это было бы противно справедливости, „несоразмѣрно“—говоритъ философія Веданты. „Одинъ духъ живетъ въ вѣчности, не имѣетъ ни начала ни конца, ни окраинъ, ни границъ, ни центральной точки“. Дева живетъ въ Парабрамѣ, какъ капля воды въ океанѣ, до будущаго возрожденія міра изъ *пралаяи* (периодически наступающей хаосъ, разрушеніе или скорѣе исчезновеніе всѣхъ міровъ изъ области объективности). Съ новымъ великимъ цикломъ—*маавиуеъ*, она отдѣляется отъ „вѣчнаго“, притягиваемая живию въ объективныхъ мірахъ, какъ капля воды притягивается солнцемъ и коагулируется по обратной дорогѣ на землю, изъ сферы въ сферу, пока слова не олуцится въ грязь нашей планеты, и пройдя малый циклъ, слова не начнетъ подыматься на противоположной сторонѣ круга. Такъ она вращается въ *вѣчности* Парабрамы, переходя отъ одной концепціональной меньшей вѣчности въ другую. Каждая изъ этихъ „человѣческихъ“, то-есть доступныхъ уму, вѣчностей состоитъ де изъ 4.320.000.000 лѣтъ объективной и столько же субъективной жизни въ Парабрамѣ (гдѣ индивидуальность души, по ученію Веданты, все не исчезаетъ, какъ то полагаютъ нѣкоторые европейскіе ученые), то-есть всего 8.640.000.000 лѣтъ. Эта цифра достаточна, по ихъ понятіямъ, какъ для искупленія самыхъ ужасныхъ грѣховъ, такъ и для пожинаія плодовъ добрыхъ дѣлъ такого скоропреходящаго періода какъ жизнь человѣческая. Однѣ души *бхутосъ*, когда въ нихъ угасаетъ послѣдняя искра раскаянія и желанія загладить грѣхи, *встаряютъ* подъ конецъ. Тогда ихъ божественный, неумирающій духъ, отдѣляясь отъ души навсегда, возвращается къ своему перво-бытному источнику, душа разсѣивается на свои примордіальные атомы и *Его* погружается во мракъ вѣчнаго безсознанія. Ея личность пропадаетъ. Такова философія Веданты касательно духовнаго челоуѣка. Поэтому Индусы и не вѣрятъ въ возвратъ духовъ на землю, кромѣ случаевъ *бхутосъ*.

нѣсколько часовъ, взглянуть на знаменитыя „мраморныя скалы.“ Не желая потерять цѣлый день, мы отправились на лодкѣ, выѣхавъ въ два часа ночи, избѣгнувъ такимъ образомъ жары и совершивъ великолѣпную прогулку на рѣкѣ за десять миль отъ города.

Джабельпуръ (на территоріи Саугора и Нербудды, въ 222 миляхъ отъ Аллахабада), городъ находившійся когда-то на махратской, а теперь на британской землѣ, отнять Англичанами у Махратовъ въ 1817 году. Какъ и всегда, они получили его скорее хитростью нежели силой. Хотя они и хвастаются въ своей „исторіи Индіи“ будто въ день 19 декабря 1817 года генераль Гардеманъ, во главѣ только 1.000 человекъ Англичанъ, разбилъ на голову 10.000 войска Махратовъ—армію раджи Наглурскаго, убивъ у нихъ *семь тысячъ человекъ*, отнявъ девять пушекъ и захвативъ весь лагерь, тогда какъ у Англичанъ оказалось убитыхъ *всего два человека и десять раненыхъ*; * во преданіе разказываетъ дѣло иначе. Подъ предлогомъ переговоровъ, вожди Махратовъ были приглашены Англичанами на пиръ; офицеры подложили имъ какимъ-то зельемъ, въ то время какъ солдаты совершали ту же операцію надъ рядовыми непріятеля. Такимъ образомъ они успѣли ихъ перебить полусонныхъ, и завладѣли городомъ. Эта исторія, за правдивость коей не поручусь, такъ какъ она является уже слишкомъ неправдоподобною и мерзкою, была намъ передана полукастикомъ Португальцемъ (Eugasian), отецъ коего, по его словамъ, былъ очевидцемъ оной. Она была имъ разказана не въ видѣ охулки на Англичанъ, но съ нѣкоторою даже гордостью, какъ бы въ видѣ хвалебнаго гимна своимъ *компатриотамъ* „Европейцамъ“, которые, какъ я уже не разъ упоминала, презираютъ полукастиковъ еще сильнѣе нежели Индусовъ, а послѣдніе возвращаютъ имъ презрѣніе съ жидовскими процентами.

Окрестности Джабельпура прелестны и представляютъ величайшій интересъ для любителей естествознанія. Предъ геологомъ и минераломъ здѣсь является обильнѣйшее поле для ученыхъ изысканій въ необыкновенномъ разнообразіи формаций горъ, доставляющихъ всевозможные роды гранита, а длинный рядъ скалистыхъ горъ способенъ удовлетворить

* См. исторію территорій приобретенныхъ Остъ-Индскою Компаніею Ed. Thornton.

сотню Бювье, задавъ имъ работы на цѣлую жизнь. Известнаковыя пещеры Джабельлура—настоящій костякъ допотопной Индіи: онѣ переполнены остовами чудовищныхъ, вынѣ вымершихъ звѣрей.

Но далеко въ сторонѣ отъ прочихъ хребтовъ и совершенно особнякомъ стоятъ „мраморныя скалы“—игра природы какихъ въ Индіи не мало. На довольно ласкомъ, поросшимъ густымъ кустарникомъ берегу Нербудды, ни съ того ни съ сего, какъ бородавка на гладкой щекѣ матери-природы, вдругъ вырастаетъ странной формы длинный рядъ бѣлоснѣжныхъ скалъ. Но какія это скалы!.. Бѣлыя и чистыя, словно отшлифованныя въ капризную форму свою рукой человеческою, онѣ прихотливо громоздятся одна на другой, скорѣе походя на колоссальный прессъ-пальце съ этажерки Титана нежели на скалы. Уже съ подороги, при извилистыхъ поворотахъ рѣки, онѣ стали минутами появляться намъ, то выглядывая, то снова скрываясь, дрожа въ предразсвѣтномъ туманѣ какъ далекій обманчивый миражъ на небосклонѣ пустыни, пока наконецъ совсѣмъ не скрылись. Но вотъ предъ самымъ восходомъ солнца онѣ снова и совершенно неожиданно явились нашимъ очарованнымъ глазамъ, явились вдвойнѣ, на берегу и въ рѣкѣ. Подобно заколдованному замку, вызванному по мановенію волшебнаго жезла кудесника, онѣ вдругъ выросли словно изъ-подъ земли на зеленомъ берегу Нербудды, отражаясь какъ въ зеркалѣ во всей своей дѣйственной красѣ на спокойной поверхности лѣнивыхъ, сонныхъ водъ рукава рѣки, вѣя на насъ и тѣнью, и прохладою... А какъ дорого каждое мгновеніе предразсвѣтной прохлады въ Индіи—знаютъ лишь тѣ кто любывалъ, да пожилъ въ этой огненной странѣ.

Увы! какъ ни рано отправились мы въ путь, но по прїѣздѣ къ скаламъ намъ не долго пришлось наслаждаться ихъ прохладою. Едва услѣли мы причалить къ волшебному берегу, предлагая среди этой поэтической обстановки прозаически налить чаю, какъ взошло солнце и разомъ стало словно стрѣлять своими огненными лучами и по лодкѣ, и по нашимъ злополучнымъ головамъ; преслѣдуя насъ изъ угла въ уголъ, оно наконецъ выгнало насъ даже изъ-подъ нависшей надъ водой скалы. Изъ свѣжно-бѣлыхъ мраморныхъ красавицъ превратились въ золотисто-пурпуровыхъ, осылая рѣку огненными брызгами, раскаляя прибрежный песокъ и

осаждая намъ глаза... Не даромъ преданіе указываетъ, а народъ видитъ въ нихъ не то жилище, не то превращеніе самой *Кали*, самой жестокой изъ богинь индійскаго пантеона. Въ теченіе уже многихъ *шугговъ* злобная супруга Шивы ведетъ ожесточенную войну со своимъ благовѣрнымъ, который подъ видомъ „Трикутишвары“ (трехголоваго Ливги) представляетъ незаконныя права на скалы и рѣку, патронессой коихъ состоитъ его богиня, Кали.

Потому-то, вѣроятно, каждый разъ какъ дерзновенная рука ни въ чемъ неповинныхъ, работающихъ въ правительственныхъ каменоломняхъ кули (Индійцевъ) отсѣчетъ кусокъ бѣлаго бедра богини, тотчасъ раздаются откуда-то словно поднимаемые крики. И вотъ злополучный каменьщикъ дрожитъ и колеблется между боязвью надсмотрщика и ожиданіемъ мести кровожаднаго божества. Кали, патронесса не только скалъ, но и *эксъ-тѣговъ*—удавителей, которые еще недавно наводили ужасъ на всѣхъ одинокихъ лутниковъ. Много безкровныхъ жертвъ принесли эти *тѣги* на мраморномъ алтарѣ Кали; страна изобилуетъ леденящими кровь разказами объ ихъ страшныхъ подвигахъ, совершенныхъ будто бы въ честь богини. Эти разказы, еще слишкомъ свѣжіе въ памяти людской чтобы перейти въ разукрашенные легенды, совершенно правдивы, тѣмъ болѣе что они вполне подтверждаются официальными документами судебныхъ и слѣдственныхъ комиссій.

Если Англія когда-нибудь оставитъ этотъ край (а она сдѣлаетъ это не прежде чѣмъ кость будетъ совершенно обглодана), то между немногими оказанными ею странѣ услугами на первомъ планѣ должно будетъ поставить полное искорененіе *тѣизма*. Подъ этимъ названіемъ, какъ всѣ еще вѣроятно помнятъ, практиковался въ продолженіе болѣе 200 лѣтъ самый хитрый и ужасный родъ челоуѣкоубійства въ Индіи. Какъ дозволились наконецъ въ сороковыхъ годахъ, то было разбойничество ради грабежа. Извращенныя понятія о значеніи Кали являлись лишь ловкимъ предлогомъ: въ этомъ случаѣ богиня служила злодѣямъ одною ширмой. Иначе какимъ же образомъ объяснить присутствіе столькокихъ мусульманъ въ средѣ ея поклонниковъ—Индусовъ? Большинство между „рыцарями *рулама*“ или священнаго плѣтка, коимъ удавливали жертвъ, явились въ день расправы нагометане; самыми знаменитыми между ихъ вождями были не Индійцы, а сыны пророка, какъ напримѣръ Ахмедъ, такъ

что въ числѣ послѣднихъ тридцати семи переловленныхъ полиціей *тѣговъ* находились *двадцать два* мусульманина. По-вѣрно что религія послѣднихъ, не имѣя ничего общаго съ богами Индіи, не играла въ этомъ случаѣ никакой роли: побудительною причиною былъ попросту грабежъ. Правда, окончательный обрядъ посвященія въ *тѣгизмъ* * былъ совершаемъ въ дѣсахъ предъ ужаснымъ, покрытымъ четками изъ человѣческихъ череповъ цоломъ Бавани. ** До того времени *тѣгъ* проходилъ курсъ ученія, состоявшій въ преподаваніи особенно труднаго приема набрасывать на шею невѣдущей своей судьбы, и заранѣе отгнѣченной жертвы румаль и душилъ человѣка такъ чтобъ онъ умеръ мгновенно, не испустивъ и малѣйшаго стога. Въ этомъ обрядѣ посвященія, роль которую приписывали богамъ обозначалась извѣстными символами, въ родѣ тѣхъ которые во всеобщемъ употребленіи у франмасоновъ: какъ на-примѣръ, облаженный кивжалъ, черепъ и даже воскрешаемый „гросмейстеромъ“ ложи трулъ убитаго Гирама Абифа, „сына вдовы“. Каки служила не болѣе какъ сценическаю обстановкой для другихъ цѣлей. *Тѣгизмъ* былъ тѣмъ же франмасонствомъ, съ особенными знаками взаимнаго распознаванія, паролемъ и своимъ неловатымъ непосвященному жаргономъ—только съ преступною цѣлью; между тѣмъ франмасонство въ нашъ вѣкъ есть совершенно безвредное (кромѣ развѣ для кармановъ самихъ масоновъ) время препровожденіе. Какъ масонскія „ложи“ принимаютъ безразлично атеистовъ и христіанъ, такъ и тѣги принимали воровъ и разбойниковъ всѣхъ націй, и даже говорятъ будто между ними бывали Англичане и Португальцы.

Бѣдный, поэтическій Шива, несчастная Бавани! Какую гнусную роль изобрѣло для нихъ народное невѣжество, олицетворивъ эти глубоко философскіе, полные познана и познанія природы, тилы! Шива, въ своемъ первобытномъ значеніи—въ одно и то же время всеокушающая и всевозмещающая сила природы. Триада Индусовъ—аллегорическое представленіе главныхъ стихій: огня, земли и воды. Всѣ трое: Брама, Вишну и Шива, въ своихъ различныхъ фазисахъ, попеременно изображаютъ эти стихіи; но Шива богъ огня

* Слово „тѣгъ“ (*thug*) означаетъ просто воръ или разбойникъ.

** Другое имя той же богини тѣги звали ее *Васми*.

гораздо болѣе чѣмъ Вишну: онъ сожигаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очищаетъ, возрождая какъ фениксъ изъ пепла новыя, полныя свѣжей жизни формы. Шива-*Сумкарена* разрушитель и Шива-*Ракшакка*—возродитель. Онъ представляется съ пламенемъ на лѣвой ладони и съ жезломъ умерщвленія и вѣхотѣ воскресенія (*Сулайютвалъ*) въ правой рукѣ. Его поклонники носятъ на лбу, между бровами, его знакъ: три параллельныя горизонтально проведенныя линіи, и рисуютъ его распущенною въ водѣ золою (остатки перегорѣвшихъ въ огнѣ веществъ), называемою у нихъ *сйбутти* (очищенное вещество). Цвѣтъ кожи Шивы желто-розовый, переходящій въ пламенно-красный, а его шея, голова и руки обвиты змѣями—эмблемами вѣчности и вѣчнаго возрожденія. „Какъ змѣя вылезаетъ изъ старой кожи и является въ новой, такъ и человекъ умирая появляется въ другомъ, болѣе чистомъ тѣлѣ“, говорятъ *Пураны*... Въ свою очередь, жена, Кали—аллегорическое представленіе земли Шивы—оплодотворяемой пламенемъ солнца. Если поклонники ея позволили убѣдить себя въ томъ что она должна любить человѣческія жертвы, то это только потому что земля любитъ де органическую тѣльн удобряющую ее и помогающую ей возрождать изъ стараго отжившаго пепла новыя и свѣжія силы. Шиваиты, сожигая своихъ поклошниковъ, ставятъ у головы костра Шиву; но собравъ пепелъ и рассылая еный по водѣ и землѣ, они призываютъ увѣчанную черелами Кали, дабы богиня приняла въ нѣдра свои очищенный священнымъ огнемъ пепелъ и развила въ немъ новыя зародыши жизни. Но какой истинны не указать подъ конецъ грубое суетвѣріе невѣжества! И вотъ такимъ-то образомъ извращенная эмблема пала на въ руки разбойниковъ—тѣговъ. Но, по ихъ понятіямъ, богиня треба чело-вѣческихъ жертвъ, въ то же время ненавидитъ кровь: они рѣшили убивать—не лачкая рукъ.

Мы посѣтили одного древняго старика, бывшаго тѣга. Отбывъ свой срокъ на Андаманской каторгѣ, онъ всаѣдствіе искреннихъ сознаний и какихъ-то услугъ правительству былъ прощень. Вернувшись въ родную деревню, онъ теперь безмятежно кончаетъ дни занимаясь веревочнымъ мастерствомъ, профессія выбранная имъ вѣроятно въ силу пріятныхъ воспоминаній объ удалствѣ юности. Онъ посвятилъ насъ въ искусство „тѣгизма“, сперва въ теорію, а затѣмъ любезно предложилъ, если мы купимъ ему барана, показать намъ

свою ловкость и на практикѣ. Онъ желалъ доказать намъ, говорилъ онъ, какъ легко, менѣ чѣмъ въ три секунды, отправить на тотъ свѣтъ живое существо: вся тайна искусства заключается въ ловкой и быстрой игрѣ суставами пальцевъ правой руки. Чуть бывало раздастся условный и роковой крикъ совы (птица посвященная Бавани-Кали), будь тамъ хоть двадцать ловко заманенныхъ въ западную лутайковъ—за каждымъ изъ нихъ стоялъ уже тѣгъ. Одна секунда, и *ружаль* уже на шеѣ жертвы, а привычные желѣзные пальцы тѣга крѣпко держатъ оба конца „священнаго платка“; еще мгновение—суставы пальцевъ, сдавливая шейную кость, совершали извѣстный артистическій поворотъ—и жертва падала бездыханною! Ни стога, ни крика... Тѣги поражали съ быстротой молніи. Задушеннаго тотчасъ же уносили въ заранѣе приготовленную въ лѣсу, часто подъ русломъ ручьевъ или временно высыхающихъ рѣкъ, глубокую яму и зарывали ее. Слѣдъ такъ и простывалъ. А тридцать лѣтъ тому назадъ, когда еще не было ни настоящихъ желѣзныхъ дорогъ, ни системы управленія кинѣшной, кто зналъ или безлокоился объ исчезновеніи отправившагося въ путь мусульманина, либо Индуса, кромѣ развѣ самыхъ близкихъ къ нему людей? Къ тому же, страна наполнена тиграми, какъ видно предназначенными судьбой отвѣчать за свои и за чужіе грѣхи. Кто бы ни исчезъ, бывало все одинъ отвѣтъ: „тигры съѣли!“

То была удивительно искусно организованная система! Ловкіе сообщники, браманы, рыскали по всей Индіи, заѣзжая преимущественно въ большіе города, разспрашивая и разузнавая на базарахъ—этихъ общественныхъ клубахъ азіатскихъ народовъ—когда и куда кто отправляется въ путь; стращали лутайковъ тѣгами и совѣтовали вѣхать съ такой или другой партіей—переодѣтыхъ тѣговъ конечно. Услѣвъ заманить несчастныхъ, они предупреждали разбойниковъ и получали за эту комиссію смотря по заработку. Долго эти неуловимыя, невидимыя шайки, разсыяныя по всей странѣ и работающія партіями отъ 10 до 60 человекъ, гуляли на волѣ, но наконецъ попались. Слѣдствіе открыло ужасныя, отвратительныя тайны: къ этимъ шайкамъ принадлежали богатые банкиры, браманы-жрецы, мелкопомѣстные раджи и даже вѣскольکو английскихъ на государственной службѣ чиновниковъ. За эту услугу Остъ-Индская Компанія во истину заслуживаетъ народной благодарности въ Индіи.

Барана мы старому разбойнику не купили, а денегъ ему дали. Изъ благодарности онъ предложилъ было подковнику показать, на собственной его американской шеѣ, всѣ преимущества ощущенія *ружала*, обѣщая конечно избавить его отъ послѣдней, знаменитой „подвертки“. Но нашъ президентъ великодушно отказался..

На обратномъ пути мы остановились возлѣ „Муддунъ-Махала“ — другаго безпричиннаго куріоза: это домъ построенный неизвестно кѣмъ и для чего, на огромномъ округленномъ валунѣ. Этотъ камень (должно-быть съ родни *кромлехалъ* кельтійскихъ друидовъ) при малѣйшемъ къ нему прикосновеніи *качается во всю сторону*, вмѣстѣ съ домомъ и тѣми кто въ него полюболытствуетъ залѣзть. Мы конечно полюболытствовали, и только благодаря бдительности ходившихъ за нами какъ нѣжныя няньки Нараяна, бабу, да Такура, сохранили въ цѣлости наши носы...

Удивительный народъ эти туземцы! Не думаю чтобы нашлось въ природѣ такая штука на которой бы они не могли усидѣть съ величайшимъ комфортомъ, только предварительно и слегка лобалансировавъ. Вспрыгнетъ Индусъ на колышекъ, на желѣзную перекладину немногимъ толще телеграфной проволоки, подогнетъ подъ нее всѣ десять пальцевъ цѣлкихъ и длинныхъ какъ у обезьянъ ногъ, присядетъ на корточки, да и сидитъ себѣ по цѣлымъ часамъ...

— Саламъ, Саабъ! говорю я разъ сидѣвшему на подобіе вороны на какой-то жердочкѣ, у взморья, почтенному нагому старичку. — Что покойно тебѣ сидѣть, дяденька?... И не боишься свалиться?...

— Зачѣмъ валиться?... серіозно отвѣчалъ „дяденька“, сплунувъ въ сторону кровавый фонтанъ разжеваннаго бетела. — Вѣдь я не дышу, Мэмъ Саабъ...“

— Какъ не дышешь? Да развѣ можетъ человекъ не дышать? вопрошала я, немного ошеломленная такимъ свидѣніемъ.

— Нѣтъ... не дышу теперь. А вотъ минуту черезъ лѣтъ какъ стану снова набирать воздухъ въ легкія, такъ тогда и попридержусь рукой за столбъ... А затѣмъ я снова стану сидѣть спокойно и не дыша...

На этомъ необыкновенномъ физиологическомъ заявленіи мы съ нимъ тогда и расстались. Ничего не добились мы болѣе отъ почтеннаго старинны, а только ушли съ внутреннимъ

убъжденіемъ что онъ могъ бы зарабатывать большія деньги на любомъ театрѣ Европы какъ акробатъ. Но этотъ случай разомъ перелуталъ всѣ наши „научныя“ соображенія.

Мы недавно слышали что *йоги* и другіе практиканты *гунтасидхи* (тайной священной науки) въ Индіи славятся тѣмъ что открыли секретъ не дышать отъ 21 до 43 минутъ сразу и—все-таки не умирать! Нѣкоторые изъ нихъ, годами ежедневной, постоянной практики, приобретаютъ такъ-сказать свойство *гибернизации*: владеютъ какъ нѣкоторые животныя въ спячку и, оставаясь въ такомъ положеніи безъ дыханія и даже малѣйшихъ признаковъ жизни, позволяютъ зарывать себя въ землю на нѣсколько недѣль, даже мѣсяцевъ, а затѣмъ—оживаютъ!.. Мы наконецъ сами увидѣли подобную штуку; но во дни куріознаго отвѣта полученнаго мною отъ старика мы были знакомы съ этимъ явленіемъ только по книгамъ и разказамъ очевидцевъ - путешественниковъ, да нѣкоторыхъ изъ нашихъ туземныхъ знакомыхъ. Правда, по показанію одного англійскаго хирурга Котопа (*Coathope*), долго не вѣрившаго этой способности прекращать на время дыханіе, но наконецъ сдавшася, какъ онъ выражается, „предъ фактомъ“,—одинъ такой, лично ему извѣстный *йогъ* могъ оставаться безъ дыханія отъ семи до двѣнадцати минутъ. А вѣдь физиологія положительно учитъ что даже у здоровыхъ арабскихъ и синагезскихъ водолазовъ удушеніе наступаетъ не позднѣе какъ черезъ полторы, много двѣ минуты полнаго пребыванія тѣла подъ водой. Затѣмъ, хотя нѣкоторые изъ насъ вѣрили въ существованіе природныхъ, но затаенныхъ въ человѣкѣ силъ, вызываемыхъ только вслѣдствіе особеннаго „режима“, о которыхъ наука, имѣвшая доселѣ чрезвычайно поверхностное знакомство съ *йогами* и индійскими „заклинателями“, знать еще не могла; другіе, какъ миссъ Б***, вѣрили въ спиритизмъ, а третьи, какъ У***, не вѣрили ни во что;—но всѣ мы какъ вѣрующіе, такъ и невѣрующіе протестовали противъ такого страннаго заявленія. Неужели же намъ вѣрить въ подобныя глупости? разсуждали мы. До сихъ поръ мы наивно воображали что только одинъ осетръ съ К^о догадался, съ цѣлью удобнѣйшаго выльбыванія на поверхность воды, дѣлаться относительно легче наглатываясь сколько возможно болѣе воздуха и наполняя имъ не только брюхо, но въ добавокъ и плавательный пузырь. Осетру это возможно, но человѣку!.. Да если, поло-

жимъ, и для человѣка существуетъ въ исключительныхъ случаяхъ такая возможность дѣлать воздушные заласы, то все же это рѣдко и трудно приобретаемый даръ: употреблять же его для сидѣнія на жердахъ по-птичьи—просто ни съ чѣмъ несообразная гаупость!.. Мы рѣшили что старецъ прихвастнулъ, вѣроятно чтобы посмѣяться надъ „бѣлыми саабами“. Но необходимый процессъ для такого оригинальнаго сидѣнія, какъ мы узнали позднѣе, онъ описалъ вѣрно.

Въ тѣ дни, однако, мы даже немного обижались подобными объясненіями, принимая ихъ за насмѣшку. Но вотъ опять, и на этотъ разъ въ Джабельлурѣ, намъ пришлось увидать явленіе еще „лучше.“ Проходя по берегу рѣки, вдоль такъ-называемой „факирской аллеи“, Такуръ намъ предложилъ завернуть во дворъ лагоды. Это мѣсто священно, и Европейцевъ туда не пускаютъ какъ и мусульманъ. Но Гулабъ-Сингъ поговорилъ съ главнымъ браманомъ, и мы вошли. Дворъ былъ полонъ поклонниковъ и аскетовъ, и между прочими мы замѣтили трехъ, совершенно голыхъ и весьма древнихъ факировъ. Черные, сморщенные, худые какъ скелеты, съ сѣдыми какъ лунъ шильфонами на головахъ, они сидѣли или скорѣе стояли въ самыхъ, какъ намъ показалось, *невозможныхъ* позахъ. Одинъ изъ нихъ, опираясь *буквально одною правою ладонью въ землю*, стоялъ перпендикулярно вытянувшись головой внизъ и ногами вверхъ: тѣло его было такъ же неподвижно какъ еслибы вмѣсто живаго человѣка онъ былъ сухимъ древеснымъ сучкомъ. Голова не касалась земли, но приподымаясь немного вверхъ въ самомъ ненормальномъ положеніи, закатывая глаза, таращила ихъ прямо на солнце. Не знаю, правду ли или нѣтъ говорили словоохотливые, подошедшіе къ нашей компаніи городскіе обыватели, увѣрявшіе будто этотъ аскетъ проводитъ въ подобной позѣ всѣ дни жизни своей отъ полудня до солнечнаго заката. Но знаю одно: мы провели съ факирами ровно *часъ и двадцать минутъ*, и во все это время факиръ не пошевелилъ ни однимъ мускуломъ!..

Другой стоялъ на одной ногѣ, на кругломъ, верхка въ три въ діаметрѣ камешкѣ, называемомъ ими „священнымъ камнемъ Шивы,“ поджавъ другую ногу подъ животомъ и выгнувъ все тѣло назадъ дугой; онъ тоже таращилъ глаза на полуденное солнце. Обѣ руки были сложены ладонями вмѣстѣ и воздвигались какъ бы въ молитвѣ... Онъ казался

приклееннымъ къ своему камешку. Почти невозможно было вообразить себѣ какимъ способомъ человѣкъ могъ дойти до такой эквилибристики...

Наконецъ, третій сидѣлъ поджавъ подъ себя ноги; но какъ онъ могъ сидѣть—было столь же непонятно. Сѣдалищемъ ему служилъ каменный *лингаль*, вышиной съ уличную тумбу, но толщиной не болѣе окружности камешка Шивы, то есть вершка въ три, много четыре въ діаметрѣ. Руки сидѣвшаго были переплетены пальцами за шей, а ногти глубоко вросли въ верхнія части рукъ.

— Этотъ никогда не измѣняетъ позы, говорили намъ.— Онъ сидитъ въ этомъ положеніи уже лѣтъ семь...

— Но какъ же онъ ѣсть? спрашивали мы въ недоумѣніи. Ему приносили ѣсть—или скорѣе пить—молока, разъ въ 48 часовъ, изъ лагоды, вливая оное ему въ горло посредствомъ бамбука. Его ученики (всякій такой аскетъ имѣетъ своихъ добровольныхъ слугъ, кандидатовъ на святость) снимаютъ его въ полночь и полощутъ въ тѣнкѣ; а обмывъ, *ставятъ* назадь на тумбу, какъ неодушевленную вещь, ибо онъ болѣе не разгибается.

— Ну, а эти? спрашивали мы, указывая на двухъ другихъ.— Вѣдь они должны постоянно падать? Малѣйшій толчокъ долженъ опрокинуть ихъ?..

— Попробуйте... посоветовалъ намъ Такуръ:—пока человѣкъ находится въ состояніи *саммади* (религіозный трансъ) его можно разбить, разломать на куски какъ глинянаго идола, но сдвинуть съ мѣста его нельзя...

Дотрогиваться до аскета во время трансъ считается Индусами за святотатство; но видно Такуръ былъ хорошо знакомъ съ исключеніями „не въ примѣръ прочимъ“. Онъ опять вступилъ въ переговоры съ нахмуреннымъ сопровождавшимъ насъ браманомъ, и окончивъ быстрое совѣщаніе, объявилъ что изъ насъ никому не дозволяется трогать факира, но что онъ получилъ позволеніе, и покажетъ намъ то что еще болѣе удивитъ насъ. Съ этими словами приблизясь къ факиру на камешекъ и, осторожно взявъ его за костлявыя бедра обѣими руками, онъ приподнялъ его и поставилъ на землю немного въ сторонѣ. Въ тѣлѣ аскета не пошевелился ни одинъ суставъ, словно вмѣсто живаго человѣка то была бронзовая или каменная статуя. Затѣмъ онъ поднялъ камешекъ и показалъ намъ его, прося однакоже не дотроги-

ваться—дабы не оскорбить присутствующихъ. Камень былъ, какъ уже сказано, круглый, лаосковатый и довольно неровный. Лежа на землѣ, онъ раскачивался при одномъ прикосновеніи лаалыда...

— Вы видите насколько не солиденъ этотъ избранный факиромъ пьедесталъ? И, однакоже, подъ тяжестью аскета камень остается неподвижнымъ, какъ бы вросая въ землю.

И взявъ снова факира на руки, онъ переставилъ его на прежнее мѣсто. Тотъ, несмотря на законъ тяготѣнія которое по всей очевидности должно было увлечь его далеко перегибающееся назадъ дугой туловище и голову, какъ будто мгновенно и вмѣстѣ съ камнемъ приросъ къ землѣ, не измѣнивъ положенія ни на одну линію. Какъ это они умудряются достигать такого искусства, про то знаютъ лишь они одни. Я заявляю фактъ, а объяснять ничего не берусь.

У воротъ лагоды мы снова надѣли нашу обувь, которую намъ велѣли снять у входа, и вышли изъ этого *святѣйшаго* вѣковыхъ тайнъ смущенные болѣе чѣмъ до входа въ него. Въ „Аллеѣ факировъ“ мы нашли ожидающихъ насъ Нараяна, Мульджи и Бабу, которыхъ не влустили съ нами. Всѣ трое давно вырвались изъ желѣзныхъ когтей касты и открыто шли и шли съ нами, за какое преступленіе ихъ и считали „отлученными“, презирая гораздо болѣе нежели самихъ Европейцевъ. Ихъ присутствіе въ лагодѣ оскверняло бы навсегда ея святость, тогда какъ оскверненіе внесенное нами было лишь временное: оно испарилось какъ капля грязной воды подъ лучомъ солнца, въ смрадѣ зажженного по выходѣ нашимъ коровьяго навоза—этого обычнаго у брамановъ „еиміама очищенія“.

Индія страна неожиданностей; даже для обыкновеннаго наблюдателя все въ ней съ точки зрѣнія Европейца происходитъ шиворотъ на выворотъ: отъ мотанья головой которое вслду понимается какъ жестъ *отрицанія*, а здѣсь означаетъ полное *утвержденіе*, до обязанности хозяина выпроваживать самаго пріятнаго гостя, который, иначе, просидитъ цѣлую недѣлю на своемъ мѣстѣ и пожалуй даже умретъ съ голоду, но не уйдетъ безъ приглашенія,—все здѣсь противорѣчитъ нашимъ западнымъ идеямъ. Спрашивать, напримѣръ, о здоровьѣ жены, даже если она и знакома съ вами, или сколько у человѣка дѣтей, и есть ли у него сестры,—верхъ оскорбленія. Здѣсь, когда вы находите что гостю время уходить, вы

кролите его розовою водою, и повѣсивъ ему на шею гираанду цвѣтовъ, любезно указываете на дверь приговаривая: „Теперь я прощаюсь съ вами... Заходите опять!“ Странный, оригинальный народъ вообще; но еще страннѣе и непонятнѣе ихъ религія... За исключеніемъ нѣкоторыхъ отвратительныхъ обрядовъ извѣстныхъ сектъ, да злоупотребленій со стороны брамановъ, религія Индусовъ должно-быть имѣеть въ себѣ нѣчто глубоко и непонятно привлекательное, если она способна совращать съ пути истинны даже Англичанъ. Вотъ что, напримѣръ, случилось здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ:

Появилась одна интересная и чрезвычайно ученая, хотя по содержанію своему переворачивающая вверхъ дномъ всю современную науку, брошюра. Она была написана по-англійски и напечатана въ небольшомъ изданіи полковымъ докторомъ медицины и хирургіи Н. С. Полемъ въ Бенаресѣ. Слава Поля какъ ученаго специалиста по физиологіи была велика между его соотечественниками Англичанами: онъ одно время считался авторитетомъ въ медицинскомъ мірѣ. Брошюра трактовала о видѣнныхъ докторомъ между аскетами примѣрахъ „слачки“, продолжавшейся въ одномъ случаѣ восемь мѣсяцевъ, о *саммади* и другихъ явленіяхъ производимыхъ *югами*. Появившись подъ заглавіемъ „Трактатъ о философіи *Югг-Видьи*“, эта брошюра разомъ взбудоражила представителей европейской медицины въ Индіи и возбудила яростную полемику между англо-индійскими и туземными журналистами. Др. Поль провелъ 35 лѣтъ въ изученіи невѣроятныхъ, но для него совершенно несомнѣнныхъ фактовъ „югизма“. До *радъж-югосъ* онъ никогда не могъ добраться, и съ большимъ прамодушіемъ и видимымъ сожалѣніемъ сознается въ этомъ; но онъ вошелъ въ дружбу съ факирами и *сѣтскими* югами, то-есть тѣми которые не скрываютъ своего сана и иной разъ соглашаются сдѣлать и Европейца свидѣтелемъ нѣкоторыхъ феноменовъ. Др. Поль не только описалъ самые странныя свершавшіяся на его глазахъ факты, но даже и объяснилъ ихъ. *Левитація*, напримѣръ, нѣчто идущее совершенно въ разрѣзъ съ признанными законами тяготѣнія и противъ чего такъ возставалъ астрономъ Бабине, объясняется имъ научно. Но главное что помогло ему проникнуть въ нѣкоторыя, считавшіяся доселѣ непроницаемыми, тайны, это его горячая

дружба съ капитаномъ Сеймуромъ. Послѣдній, лѣтъ 25 тому назадъ, произвелъ въ Индіи, особенно въ арміи, безпримѣрный скандалъ: капитанъ Сеймуръ, богатый и образованный человекъ, принялъ браманскую вѣру и пошелъ въ *юг*! Его конечно объявили сумашедшимъ и поймавъ насильно отправили въ Англію. Сеймуръ бѣжалъ изъ Англіи и снова явился въ Индію, въ одеждѣ *самнъли*. Его схватили во второй разъ, посадили на пароходъ, привезли въ Лондонъ и заперли въ домѣ умалишенныхъ. Черезъ три дня, несмотря на заноры и часовыхъ, онъ исчезъ изъ заведенія. Его потомъ снова встрѣтили знакомые въ Бенаресѣ, а губернаторъ получилъ отъ него письмо изъ Гималайскихъ горъ. Въ письмѣ онъ объявлялъ что никогда не былъ сумашедшимъ, не взирая на то что былъ посаженъ въ больницю; онъ совѣтовалъ генералу не мѣшаться болѣе въ его частныя дѣла и говорилъ что никогда уже не вернется въ цивилизованное общество. „Я *юг* (писалъ онъ) и надѣюсь умереть не ранѣе какъ достигнувъ цѣли моей жизни: сдѣлаться *радѣсъ-югомъ*“. Генералъ не повалъ, но махнулъ рукой. Съ тѣхъ поръ никто изъ Европейцевъ уже не видалъ его, никто кромѣ Др. Поля, который, говорятъ, переписывался съ нимъ до самой своей смерти и даже два раза ѣздилъ въ Гималаи—*ботанизировать*. Главный инспекторъ медицинскаго департамента, взирая на сочиненіе Поля какъ „на прямую лощечину наукъ въ лицѣ физиологіи и патологіи“, приказалъ скупить по дорогой цѣнѣ отъ частныхъ лицъ всѣ вышедшіе экземпляры и принести ихъ въ жертву этой наукѣ предавъ публичному сожженію. Брошюра вслѣдствіе этого стала рѣдкостью. Изъ нѣсколькихъ спасенныхъ книгъ, одна находится въ библіотекѣ махараджи Бенаресскаго, а одинъ экземпляръ Такуръ подарилъ мнѣ.

Поездъ въ Аллахабадъ отправлялся въ 8 часовъ вечера, и намъ приходилось провести всю ночь и до 6 часовъ утра въ дорогѣ. Хотя у насъ былъ свой десятиместный вагонъ I класса, въ которомъ не было мѣста для постороннихъ лицъ, однако, по разнымъ причинамъ, я была увѣрена что не усну во всю ночь. Поэтому заранѣе запасшись свѣчами для ручнаго фонаря, я приготовлялась преступить желѣзнодорожный законъ и читать всю ночь интересовавшую меня брошюру Др. Поля. Часа за полтора до отъѣзда мы отправились всѣ гуртомъ отобѣдать за общимъ столомъ въ *Refreshment*

Roots, то-есть въ буфетъ дебаркадера. Наше появленіе произвело видимое впечатлѣніе: мы занимали съ четырьмя Индусами весь край стола за которымъ находилось человекъ лятьдесятъ первоклассныхъ пассажировъ таращившихъ на насъ удивленные, полные нескрываемаго презрѣнія, глаза. Европейцы братающіеся съ Индусами!.. Индусы обѣдающіе съ Европейцами!.. Сдержанный шепотъ сталъ переходить въ громкія восклицанія, и одна важная леди даже не вытерпѣла: встала изъ-за стола и ушла. Еслибы не внушительное присутствіе несомнѣнно роднаго тѣла: Англичанъ У*** да миссъ Б***, и полковника котораго всѣ принимали за англійскаго офицера, навѣрно случился бы скандалъ. Къ Такуру подошли два Англичанина и пожавъ ему руку—тоже рѣдкостное происшествіе—отвели его въ сторону какъ будто для дѣла, но въ сущности для удовлетворенія любопытства: они оказались его старыми знакомыми. На другихъ Индусовъ никто не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. Здѣсь мы узнали въ первый разъ что за нами слѣдитъ полиція. Такуръ, указавъ на розоваго, съ длинными бѣлокурыми усами капитана въ бѣломъ кителѣ, быстро шепнулъ мнѣ: „остерегайтесь“... То былъ агентъ тайвой полиціи изъ политическаго департамента, посланный вслѣдъ за нами изъ Бомбея. Услыхавъ это пріятное для насъ извѣстіе, полковникъ расхохотался на всю залу, что еще болѣе взволновало кушавшихъ Альбионцевъ. Мы узнали позднее что всѣ слуги отеля *обязаны* шпіонить. Но въ Индіи обычай—водить за собой всюду собственныхъ слугъ, даже на званые обѣды: поэтому и за нашими стульями торчало по одному Индусу, а за Такуромъ находились его четыре щитоносца и двое слугъ. Непріятель былъ такимъ образомъ совершенно отрѣзанъ этою арміею голоногихъ зашитниковъ, и отельнымъ шпіонамъ оставалось мало шансовъ подслушать наши разговоры; да намъ къ тому же и нечего было скрывать. Но признаюсь на меня это извѣстіе подѣйствовало очень скверно. Наконецъ, этотъ непріятный обѣдъ кончился. Устроившись на ночь въ вагонъ, я принялась за свою брошюру...

Между прочими интересными вещами, Др. Поль обстоятельно и весьма научно объясняетъ тайну періодически прекращаемаго *йогами* дыханія и нѣкоторыхъ другихъ, по видимому совершенно невозможныхъ феноменовъ, которые онъ наблюдалъ неоднократно собственными глазами. Его теорія „дыханія“ вкратцѣ слѣдующая:

Йоги открыли тайну и приобрѣли способность хамелеона присваивать себѣ поочередно всѣ видимыя или кажущіяся условія полноты и худобы. Это животное, какъ извѣстно, наполнивъ легкія воздухомъ, то является весьма толстымъ, то вдругъ, освободясь отъ наполняющаго его воздуха, чрезвычайно щедушнымъ. Многія изъ пресмыкающихся ползаютъ, этимъ же способомъ надуванія тѣла, возможность, по мѣрѣ являющейся надобности, переплывать большія рѣки, а посредствомъ остающагося, по окисленію крови, излишка воздуха, приобретаютъ чрезвычайную живость вообще, какъ на сушѣ такъ и на водѣ. Способность запасаться большимъ количествомъ воздуха нежели то необходимо есть характеристическая черта всѣхъ животныхъ подвергающихся *гибернаціи* или *спячкѣ*. Древніе Индусы-философы, подмѣтивъ эту способность, воспользовались ею и усовершенствовали ее. Приѣмъ употребляемый *йогами*, извѣстный подъ именемъ „баштрика кумбхарка“, состоитъ въ слѣдующемъ:

Йоги желающіе приобрести этотъ даръ удаляются въ подземныя пещеры, гдѣ атмосфера однороднѣе и влажнѣе нежели на земной поверхности, и гдѣ, по тому, и лозывъ на лицу гораздо слабѣе. Аллетить человека пропорціоналенъ количеству углекислоты выдыхаемой въ извѣстный промежутокъ времени. Поэтому *йоги* никогда не употребляютъ соли, а живутъ однимъ молокомъ, питаюсь имъ разъ въ сутки по ночамъ, а дни проводятъ въ полукаталептическомъ состояніи. Двигаются они весьма медленно дабы какъ можно рѣже дышать: движеніе увеличиваетъ количество выдыхаемой углекислоты; и вотъ философія *йоговъ* предписываетъ имъ *избѣгать движенія*.

Количество выдыхаемой углекислоты увеличивается при громкомъ и оживленномъ разговорѣ и уменьшается при тихомъ: *йоги* учатъ говорить медленно и тихо, и часто заставляютъ давать обѣтъ молчанія. При *физическомъ* трудѣ количество углекислаго газа также возрастаетъ, а при *умственномъ* оно убываетъ: поэтому *йоги* проводятъ жизнь въ созерцаніи и размышленіи. *Йоги* практикуютъ два рода методовъ: *падмазанна* и *сиддхазанна*, для возможно болѣе рѣдкаго дыханія. Вотъ что говоритъ „Шика-Деву“: *

* Извѣстный *йоги* и чудодѣй II столѣтія до Р. X.

„Скрести обѣ ноги; выпрями крѣпко спину и шею, положи ладони на колѣни, зажми ротъ и начни сильно выдыхать воздухъ чрезъ обѣ ноздри. Затѣмъ вдыхай и выдыхай съ возможною быстротою, пока не почувствуешь дурноты: тогда начни вдыхать въ себя воздухъ чрезъ правую ноздрю, и наполнишь онаѣмъ легкія, тотчасъ же останови дыханіе и старайся смотрѣть на кончикъ носа. Затѣмъ выдыхай воздухъ чрезъ лѣвую ноздрю, послѣ этого вдыхай снова чрезъ правую. Останови опять дыханіе; прекративъ его начинай снова весь процессъ чрезъ правую ноздрю“, и проч.

„Получивъ даръ практиковать вышеупомянутыя созерцательныя позиціи въ продолженіе двухъ часовъ кряду“, говоритъ Поль, „йоги начинаютъ практиковать *пранаяму* — степень самопроизвольнаго столбняка (*trance*), характеризуемаго обильною испариною, дрожаніемъ всѣхъ членовъ и чувствомъ необычайной легкости во всемъ организмѣ. Затѣмъ йоги практикуютъ *пратнагару* — степень самопроизвольнаго транса въ коемъ происходитъ полное бездѣйствіе (*suspension*) всѣхъ пяти чувствъ. За этою степеню йоги изучаютъ процессъ *дхараны* — степень произвольнаго столбняка въ которомъ не только ихъ физическія чувства, но даже и всѣ умственныя способности замираютъ: человекъ погружается въ полную каталепсію ума и тѣла. Этотъ столь обильный физическимъ страданіемъ и требующій самой твердой рѣшимости пріемъ доводитъ йоговъ до *дхьяны* — состоянія „полнаго невыразимаго блаженства“. По ихъ словамъ, они плаваютъ въ океанѣ вѣчнаго свѣта или электричества акашы (*Анакта Дхьянти*, на который они и указываютъ какъ на „Душу Вселенной“). Въ состояніи *дхьяны* йоговъ дѣлается ясновидящимъ. *Дхьяна* йоговъ — то же что *турія - авастха* ведантистовъ, къ которымъ принадлежать *радхѣ-йоги*.

„*Самадди* — послѣдняя степень (продолжаетъ Поль). Въ этомъ состояніи йоговъ, подобно летучей мыши, ежу, сурку пріобрѣтаетъ даръ переносить отсутствіе атмосферическаго воздуха и лишеніе лица и воды. Я лично наблюдалъ, въ продолженіе 25 лѣтъ, три случая *самадди*: первый случай въ Калькуттѣ, второй въ Джессельмирѣ, а третій въ Пенджабѣ. Всѣ три йога погрузились въ состояніе кажущейся смерти, герметически затыкая языкомъ своимъ горловое отверстіе. Какимъ образомъ Пенджабскій факиръ (о которомъ пишетъ Др. Макъ - Грегоръ, ругаясь за

достоверность случая коего онъ былъ самъ очевидцемъ) могъ прожить безъ пищи 40 дней и ночей, зарытый въ стеклянномъ ящикѣ въ землю, это удивляло много ученыхъ людей въ Европѣ; но я видѣлъ случаи еще страннѣе. На основаніи *лагимы* и *гаримы* (запаса воздуха въ легкихъ, на матеръ хамелеона), одинъ мадрасскій браманъ въ моемъ присутствіи держался на воздухѣ пять разъ отъ 4½ до 12 минутъ... Но все это лишь физическіе феномены производимыя *хатти-югами*. Каждый изъ нихъ подлежитъ изслѣдованію естественныхъ или физическихъ наукъ, и всегда интересовалъ меня гораздо менѣе феноменовъ изъ области психологіи. И со всѣмъ этимъ мнѣ въ этомъ отношеніи не повезло въ Индіи. Изъ числа трехъ встрѣченныхъ мною въ теченіе 35лѣтней моей карьеры въ Индіи *радхъ-юговъ*, ни одинъ не рѣшился открыть мнѣ малѣйшей изъ приписываемыхъ имъ великихъ тайнъ природы, не взирая на ихъ ко мнѣ расположеніе. Одинъ напрямикъ отказался отъ приписываемаго ему могущества; другой откровенно сознался что обладаетъ такимъ могуществомъ и даже не разъ доказывалъ мнѣ оное на дѣлѣ, но отказался отъ всякаго по этому поводу объясненія. Наконецъ, третій согласился кое-что объяснить мнѣ если я ему поклонюсь никогда и никому не объявлять того что отъ него узнаю, даже и на смертномъ одрѣ. Такъ какъ въ этомъ случаѣ моею единственною цѣлью было желаніе просвѣтить погрязшій въ невѣжествѣ и атеизмѣ міръ, то, признаюсь, я отказался. А даръ *радхъ-юговъ* несравненно интереснѣе и въ тысячу разъ важнѣе для міра нежели феномены *хатти-юговъ*. Этотъ даръ чисто психическій: *радхъ-юги* къ знанію *хатти-юговъ* присоединяютъ всю скѣлу умственныхъ феноменовъ. Приписываемые имъ дары, по крайней мѣрѣ въ священныя книги, слѣдующіе: 1) даръ пророчества и предвидѣнія грядущихъ событій; 2) пониманіе всѣхъ незнакомыхъ имъ языковъ; 3) цѣленіе недуговъ; 4) искусство читать чужія мысли; 5) слышать разговоры и все происходящее за нѣсколько тысячъ миль; 6) пониманіе языка звѣрей и птицъ; 7) *прокамія*—способность останавливать руку времени, сохраняя юношескую наружность въ продолженіе долгаго, почти невѣроятнаго періода времени; 8) способность оставлять собственное тѣло и переходить въ другое; 9) *вазита*—даръ укрощать и даже убивать самыхъ дикихъ звѣрей *однимъ взглядомъ*; и наконецъ, самое ужасное—месмерическая

сила вполнѣ подчиняющая себѣ людей и однимъ дѣйствиємъ воли заставляющая ихъ безсознательно повиноваться невыраженнымъ приказаніямъ йоговъ.“

Нѣсколько изъ уломявутыхъ феноменовъ Поль видѣлъ и убѣдился въ ихъ объективной реальности; дѣйствительности же другихъ,—„видѣвъ такъ много столь же непонятнаго“, по его словамъ, если не вѣрить, то и не отрицаетъ. Но за то онъ вполнѣ ручается, это за то что *йогъ* можетъ по желанію прекращать и задерживать дыханіе до 43 минутъ и 12 секундъ...

О наука!.. Неужели и ты, какъ все прочее, одна суета суеть? Физиологія, въ лицѣ Дг. Лесевра и цитующаго его другаго доктора медицины, члена Королевскаго Общества и въ добавокъ вице-президента Королевскаго Общества Медиковъ, ученаго Сюзан Тейлора, увѣряетъ насъ что „еще ни одинъ живой водолазъ, кто бы онъ ни былъ, не выдерживалъ полнаго затопленія тѣла болѣе *двухъ минутъ сразу*“. А самъ авторъ добавляетъ что пока человѣкъ не рыба, совершенно немислимо чтобъ онъ могъ выдержать въ водѣ даже *полминутую долѣе* *.

Стало-быть тутъ разсуждать нечего: наука рѣшила, и не намъ легковѣрнымъ профанамъ противорѣчить ей. Но несомнѣнно что въ Европѣ ровно ничего еще не знаютъ ни о пріемахъ *йоговъ*, ни о средствахъ употребляемыхъ съ самыхъ древнихъ временъ философами Индіи для постелевнаго такъ-сказать „перерожденія“ всего человѣческаго организма. Стало-быть, въ этомъ по крайней мѣрѣ случаѣ, все что наши ученые физиологи имѣютъ право заявить ограничивается приблизительно слѣдующимъ: „Явленія жизни которыя мы изучали, изслѣдуя ихъ подъ *известными* намъ, такъ-называемыми нормальными и ненормальными условіями, мы изучили хорошо и вполнѣ ручаемся за правильность нашихъ выводовъ...“ Однако почему бы, кажется, имъ тутъ же не прибавить: „Но, не имѣя претензіи увѣрять міръ въ нашемъ полномъ знакомствѣ со всѣми неизвѣстными какъ и известными силами природы, существующими или же могущими развиться при неизвѣстныхъ еще намъ условіяхъ, мы не имѣемъ поэтому и права преграждать кому-либо стремленія

* The Principles and Practices of medical jurisprudence by A. Swaine-Taylor, M. .D F. R. S. etc. Vol II, 1873, p. 5.

къ болѣе смѣлымъ изслѣдованіямъ въ области до которой мы сами по великой нашей осторожности (а подчасъ и нравственной трусости) еще не дошли, стремленія къ открытію высшихъ, хотя и рѣдкихъ явленій въ человѣческой природѣ. Не осмѣливаясь утверждать будто человѣческій организмъ совершенно неспособенъ къ развитію въ немъ трансцендентальныхъ способностей проявляющихся лишь при особенныхъ, часто и неизвѣстныхъ еще наукъ условіяхъ, мы не желаемъ и ограничивать нашихъ изслѣдователей одними нашими научными открытіями...“

Произнеся столь благородную и вмѣстѣ скромную рѣчь, гг. физиологи (не исключая и нашего зубастаго Dr. Карлентера) разомъ заслужили бы благодарность потомства. Ихъ ученые коллеги, не оласаясь болѣе прослыть (не взирая на всѣ предшествующія великія ихъ заслуги въ наукѣ) за невѣняемыхъ, влвшихъ въ дѣтство, легковѣрныхъ субъектовъ, принялись бы изслѣдывать всѣ таковыя явленія серьезно и безпристрастно, а не „подъ шумокъ“, какъ это дѣлается теперь иными, изъ боязни чтобъ ихъ не накрыли на мѣстѣ преступленія. Всѣ феномены „спиритизма“ перешли бы тогда изъ области матеріализующихся „тещей“ и „бабушекъ“, да бабьяго гаданія, въ область чисто психо-физиологическихъ наукъ, и пресловутые „духи“ по всей вѣроятности испарились бы. Нетлѣнный же и ужь конечно „не отъ міра сего“ духъ сталъ бы и болѣе доступнымъ, и болѣе понятнымъ человѣчеству. Оно лишь тогда уяснило бы себѣ гармонию дѣлаго, усмотрѣвъ какъ тѣсно, неразрывно связанъ міръ видимый съ міромъ невидимымъ. Но, какъ весьма глубоко выразился одинъ изъ уважаемыхъ русскихъ ученыхъ, профессоръ Бутлеровъ, „все это подлежитъ знанію, увеличеніе же массы знанія можетъ только обогащать, а не упразднять науку. Нужно чтобъ это совершилось въ силу строгаго наблюденія, изученія, провѣрки опытомъ, чтобы пришли къ нему руководясь *положительными научными методами*, также какъ приходятъ къ признанію каждаго явленія природы. Мы зовемъ не къ слѣпому вѣроятію, по примѣру давно прошедшихъ лѣтъ, а къ знанію; не къ отреченію отъ науки, а къ расширенію ея области...“

Тогда и Геккель съ эволюціонистами, и Алфредъ Россель Уоллесъ со спиритуалистами, оба изъявили бы полное удовольствіе. Ибо что же въ самомъ дѣлѣ мѣшаетъ человѣку

имѣть два принципа въ своемъ началѣ: одинъ чисто-духовный, другой чисто-животный принципъ? Право, не подобаешь даже и вамъ, великіе ученые, стараться остановить „вліяніе Плядъ“, предлагая себѣ въ путеводители хотя-бы даже „*Актурію* съ сыновьями“. Неужели никогда не случилось вамъ примѣнить къ вашей собственной умственной гордости вопросы вѣкогда предлагавшіеся „голосомъ изъ вихря“ много-страдальному Іову? Хотя вы и умудрились поймать *левіаѳана* въ лучивъ морской, прѣдернувъ ему крючокъ въ носъ, во все же, говоря словами Книги Іова, „развѣ вы присутствовали при построении основъ міра сего, и отверзались ли когда предъ вами врата смерти“ чтобы такъ увѣренно утверждать что *здѣсь*, а не *тамъ*... „обитель вѣчнаго свѣта“?...

— Аллахабадъ!.. Алла-ха-бадъ!.. раздался крикъ кондукторовъ. Было шесть часовъ утра когда нашъ поѣздъ шила и раскачиваясь, съ грохотомъ подошелъ къ великолѣпному дебаркадеру Остѣ-Индской желѣзной дороги, и разомъ разсѣялъ мои думы. Всѣ мои спутники проснулись и засуетились, всѣ кромѣ Такура, который имѣлъ обыкновеніе исчезать на станціяхъ, словно проваливаться сквозь землю. Но мы уже свыклись съ его оригинальными выходками и даже не осѣдомились о немъ. На станціи насъ ожидалъ профессоръ санскритскаго языка—ландитъ Сѣндеръ Лалалъ-Баттачарія, въ домъ коего мы всѣ и были приглашены. Красивый, породный мужчина, съ мускулистыми голыми ногами, гордо драпирующійся въ красную расшитую золотомъ кашмировую шаль, и съ аркимъ *пѣггери* на длинныхъ черныхъ волосахъ; таковъ былъ нашъ хозяинъ. Здѣсь тиль совершенно измѣняется. Не видать болѣе бритыхъ махратскихъ головъ, увѣнчаныхъ племообразными тюрбанами. Длинные волосы, черныя бороды и дорогія шали накинута на подобіе римскихъ тогъ, да шарфы на головахъ безо всякой опредѣленной формы бенаресскихъ ландитовъ перемѣшивались съ черными кафтанами à la François I простоволосыхъ Бабу и бѣлыми шалочками сѣверныхъ Индусовъ. На дебаркадерѣ снова калитанъ-шліонъ, принимавшій насъ въ свою очередь за *русскими* шліоновъ и воображавшій вѣроятно что надѣвъ синіе очки онъ сталъ неузнаваемъ. Но мы не обратили на него вниманія и тотчасъ же уѣхали въ приготовленныхъ коляскахъ домой.

Въ самомъ центрѣ туземнаго или „чернаго“ * Аллахабада, среди лабиринта улицъ, переулковъ и садовъ находится домъ лангита Сэндеръ-Лаала-Баттачарии, куда онъ насъ всѣхъ и пригласилъ. Было всего восемь часовъ утра. Домъ исчезалъ въ роскошной зелени густыхъ тиковыхъ деревьевъ, и лучъ солнца, казалось, никогда не добирался до внутреннихъ обширныхъ и темныхъ комнатъ. Со всѣмъ этимъ, намъ разомъ стало невыносимо жарко. Въ началѣ апрѣля, до полудня, стояла 120градусная (по Фаренгейту) жара въ тѣни! Знаю въ Северо-Западныхъ провинціяхъ, какъ и въ Раджистанѣ, совершенно отличенъ отъ жары бомбейской: въ центральной Индіи лоть льется градомъ съ человѣка, въ этой влажной горячей атмосферѣ чувствуешь себя словно въ русской банѣ; но въ Аллахабадѣ испарины не бываетъ, и этотъ городъ кажется созданнымъ самою природою для всемірной сушильни, начиная отъ муміелодобныхъ аскетовъ усѣивающихъ берега Ганги и Джумны и кончая саженымъ, испепеляющимся при малѣйшемъ прикосновеніи руки ковылемъ. Тамъ восемь мѣсяцевъ въ году стоитъ сухой, какъ бы огненный жаръ, сожигающій вамъ всё внутренности, обжигающій съ каждымъ вдыханіемъ гораю, иссушающій человѣка какъ палящій вѣтеръ пустыни до мозга костей его; во время такой жары остается лишь сидѣть не шевелясь и избѣгать всякаго движенія. Всѣ двери и окна на верандѣ и самыя веранды заставлены ставнями изъ сильно пахучей травы *kēs-kēssa*, обильно поливаемыми снаружи каждыя пять или десять минутъ водою. Комнаты затемнены до захода солнца, и заниматься чѣмъ-либо днемъ немислимо Европейцу. ** Тотчасъ по пріѣздѣ мы устлали на коврахъ, и полулежа на мягкихъ подушкахъ изъ пальмоваго листа, боялись пошевелиться. Минутами вѣтерокъ, прорываясь сквозь мокрую ткань *kēs-kēssa*, вѣялъ намъ въ лицо ароматическою прохладою, а

* Всѣ города Индіи гдѣ только живутъ Англичане дѣлятся на *черный* и на *бѣлый* городъ. Въ послѣднемъ Индусамъ жить не дозволяется.

** До такой степени проникнуты Англичане мертвою буквой формалистики своихъ національныхъ вѣковыхъ обычаевъ что съ самыхъ первыхъ временъ своего устройства въ Индію до 1869 года они даже и не подумали, сообразуясь съ климатическими

панки *, раскачиваясь безостановочно надъ нашими головами, раскаляли душный воздухъ, позволяя намъ хоть минутами вдыхать вмѣсто раскаленной атмосферы глотки искусственнаго воздуха..

Мы провели три дня въ Аллахабадѣ. Ровно въ три часа ночи мы отправлялись осматривать городъ и окрестности, и возвращались къ семи часамъ утра завтракать; затѣмъ бросались въ общей темной залѣ на ковры, подъ панки, и спали до четырехъ часовъ полудни. Налпившись чаю „со льдомъ“, отправлялись снова рыскать, изучая древности и являясь домой только въ десятомъ часу вечера *обѣдать*. Ночью мы не спали, а садились *дышать* въ саду до зари..

Городъ расположенъ на юго-восточной окраинѣ *Дэаба*— „земли двухъ рѣкъ“, на песчаномъ, образовавшемся вслѣдствіе слиянія Ганги и Джумны мысѣ. Джумна вытекаетъ изъ группы горъ „Джумнатри“, изъ источника просачивающагося сквозь увѣчаннаго вѣчными слѣгами скалы на высотѣ

условіями, приноровить къ посажденнымъ хотя вѣтшию обстановку судопроизводства: судьи и адвокаты принуждены были сидѣть въ этой палатѣ атмосферѣ въ огромныхъ напудренныхъ парикахъ! Наконецъ, однажды лѣтомъ 1869 года, главный судья въ Аллахабадѣ, чувствуя что съ нимъ дѣлается обморокъ, порывисто сбросилъ съ себя парикъ.. Въ одну секунду всѣ другіе парики полетѣли вслѣдъ за судейскимъ. При этомъ не было произнесено ни слова. Зная что измѣненіе вѣковыхъ порядковъ немислимъ, они какъ бы сговорась молчали и до сихъ поръ молчатъ. Законъ о парикахъ не отмѣненъ; но входя въ залу суда, при открытіи засѣданія, всѣ безмолвно снимаютъ парики, и за давностью нововведеніе дѣлается въ свою очередь закономъ.

* *Панка*—общій вѣеръ. Ихъ устраиваютъ въ каждой комнатѣ, особенно въ спальняхъ, иначе можно задохнуться. Это толстая, стеганая на ватѣ подотница, растянута во всю ширину комнаты подъ потокомъ, иногда въ нѣсколько рядовъ; они приводятся въ движеніе веревками продвѣаемыми сквозь стѣну на веранду. За стѣной сидятъ день и ночь *панкавалли* (кули), которые смѣняются каждые два часа и неустанно раскачиваютъ эти *панки*. Писать невозможно во время ихъ движенія: все летаетъ по комнатѣ; панки производятъ постоянный ураганъ въ миниатюрѣ, и иногда во время испарины спавно простужаютъ.

10.849 футовъ надъ моремъ. Здѣсь, въ Аллахабадѣ, обѣ рѣки почти одинаковой ширины, но Ганга глубже и ея воды здоровѣе водъ Джумны. Дружно текутъ онѣ по общему руслу, сливаясь, но не смѣшиваясь, такъ что волны послѣдней проталкиваются синею лентой по желтымъ водамъ Ганги. Туземцы зовутъ это мѣсто *Три-вени* (три рѣки), такъ какъ тамъ же течетъ подземная рѣка Сарасвати—потерянная бѣгавка, внезапно исчезающая изъ Сирхиндской пустыни. Оросивъ корни священнаго древа растущаго въ подземныхъ пещерахъ (въ „Катакомбахъ, Форта“), она внезапно прорывается на свѣтъ Божій изъ-подъ башни Аллахабадской крѣпости и словно пристыженная такимъ поведеніемъ, быстро утекаетъ въ сторону; затѣмъ образовавъ островокъ, она соединяется со своими двумя сестрами уже далеко за городомъ. Легенда въ одной изъ древнѣйшихъ книгъ *Пуранъ* *, разказывая біографію рѣки, увѣряетъ что то дѣйствительно краснѣющая отъ стыда, вслѣдствіе собственной неосторожности, *Сарасвати*, супруга Брами и „богиня знанія и тайныхъ наукъ“. Въ одинъ прекрасный день, она, медленно прогуливаясь въ пустынѣ съ книгой въ рукѣ, до того углубилась въ свое чтеніе что и не замѣтила какъ ее съ шумомъ и гикомъ окружила толпа демоновъ. Устыдясь своей одлошности, богиня тутъ же погрузилась въ песчаная нѣдра пустыни и, исчезнувъ съ земной поверхности, вывырнула лишь въ Праягъ (древнее названіе Аллахабада), гдѣ и потекла возлѣ своихъ болѣе свѣтскихъ сестеръ.

„Бѣлый городъ“ (мѣстопребываніе Европейцевъ) расположенъ вдали и въ сторонѣ отъ „Чернаго“ города туземцевъ. Онъ состоитъ изъ огромныхъ, широкихъ, пересѣкающихъ другъ друга аллей, съ великолѣпнѣйшими деревьями, по которымъ прыгаетъ множество бѣлокъ. Въ большихъ, совершенно закрытыхъ садовыми стѣнами дворахъ расположены бѣглоу Англичанъ, похожіе скорѣе на богатые загородныя виллы чѣмъ на городскія жилища. „Бѣлый городъ“ такимъ образомъ вовсе и не городъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ прекрасныхъ площадей, Аллахабадъ просто гигантскій паркъ, имѣющій

* *Пурана* значитъ само по себѣ „древнія“ или „старинныя“. Это собраніе самыхъ древнихъ религиозныхъ легендъ страны, весьма почитаемое туземцами.

32 мили въ окружности, симметрически устроенный на разстояніи четверти мили одна отъ другой загородными дачами. Здѣсь чолорная колонія Британцевъ, вздыхая по своей туманной родинѣ, старается создать вокругъ себя искусственный Лондонъ. Здѣсь этикетъ царствуетъ неумолимымъ деспотомъ. Дамы, съ утра затахнутыя въ корсетъ, проводятъ время дѣлая другъ другу церемонные визиты; два раза въ недѣлю назначена великосвѣтская „пуджа“—официальный приемъ. Церемоніальные обѣды между коротко знакомыми называются обѣдами „запросто“; но на эти дружескія трапезы мужчины являются во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, а дамы въ баальныхъ платьяхъ и брилліантахъ. И все это при 120° тепла!.. Обѣдаютъ въ 8 часовъ, разъѣзжаются около десяти вечера, такъ какъ здѣсь всѣ встаютъ въ 5 часовъ утра. Жизнь интеллектуальная во всѣхъ отношеніяхъ... Во время нашего перваго визита въ Аллахабадъ никто изъ насъ не счелъ нужнымъ оставить свою карточку у здѣшней богини-патронессы провинцій—леди Кулеръ; поэтому на нашу партію стали взирать еще съ большимъ подозрѣніемъ. Кто же кромѣ „русскихъ шпіоновъ“ осмѣлился бы выказать такое неуваженіе къ представительницѣ въ Северо-Западныхъ провинціяхъ самой императрицы Индійской?..

Въ первый день мы отправились (получивъ на то съ большимъ затрудненіемъ позволеніе отъ начальства) осматривать крѣпость. Вѣроятно оласаясь чтобы мы не сняли лаана крѣпости, Англичане отправили вслѣдъ за нами съ подоживы шпіоновъ: за нами какъ тѣни слѣдовали полицейскіе (мусульмане), а вдали выглядывалъ нашъ пріятель—бѣлокуро-розовый шпіонъ *en chef*, капитанъ Ленгъ. Овъ могъ бы и не безлокоиться: предъ этими останками древней, нѣкогда величественной Праяги, столицы Индіи браманской, затѣмъ будистской и наконецъ мусульманской, — мы всецѣло углубились въ прошлое и совершенно забыли о настоящемъ...

Праяга-Аллахабадъ, одно изъ самыхъ древнихъ мѣстъ Индіи, тѣсно связанное съ ея прошлою туманною исторіей. Здѣсь, Риши періода Ведъ—великіе патріархи Индіи, вдохновляемые поэзіей, впервые складывали свои браманскія толкованія. Одушевляемые ревнивымъ религіознымъ усердіемъ, по своимъ послѣдствіямъ всегда для потомства оласывымъ, ибо тщательно оберегая отъ нескромнаго ока неловятыхъ

невѣжественнымъ массамъ философскія истины, оно отстраиваетъ отъ нихъ народъ, предоставляя ему довольствоваться собственными умозрѣніями,—Рити эти были первыми сѣтелями злокачественныхъ сѣменъ язычества въ Индіи. Скрывая подъ лѣстическою оболочкою аллегорій и эмблемъ абстрактныя, ими одними въ безпредѣльномъ міросозерцаніи урѣзаемыя качества Божества, они, въ своихъ стараніяхъ, содѣлать эти отвлеченныя качества доступными массамъ не профанируя ихъ, превратили вскорѣ каждый атрибутъ въ отдѣльнаго бога и богиню. Владѣствіе этого народъ и „создатель себѣ кумиры“. И сталъ онъ съ тѣхъ поръ прозрѣвать истину во лжи, и одинокъ обманъ—въ истинѣ; послѣдняя же осталась всецѣло въ ревнивыхъ рукахъ древняго и ученаго духовенства. Такъ было въ древности въ Египтѣ, такъ было въ Греціи, въ Халдеѣ, вездѣ. Недаромъ Сарасвати, богиня тайныхъ наукъ природы, глубоко скрывается въ своемъ подземномъ теченіи отъ глазъ демоновъ матеріализма: она является лишь тѣмъ кто неумоимо и неуклонно преслѣдуетъ ее, докалываясь до чистыхъ источниковъ ея живою водою; на землѣ же и предъ очами легковѣрныхъ массъ она развѣзжается на чванливомъ лавинѣ, стоглазый хвостъ котораго распуцены на солнцѣ, а глаза слѣпы къ сіянію дня... И только первыхъ, жаждущихъ ея ученія она голубитъ и поитъ, утоляя лаяющую жажду своихъ вѣрныхъ поклонниковъ, усложняя ихъ вѣчное стремленіе къ невѣдомому и для всѣхъ прочихъ недосягаемому. Но увы! прямыхъ наследниковъ Ритей Индіи и іерофантовъ древняго Египта мало; а недостойнымъ, якобы „посвященнымъ“ има—легіонъ.

Преданіи Раджистана указываютъ на Праягу какъ на древнѣйшую крѣпость Раджпутовъ. Здѣсь, арійскіе кшатрии, съ чисто военнымъ инстинктомъ, соорудили укрѣпленіе которое и упрочило за ними всѣ ихъ послѣдующія завоеванія въ верхнихъ долинахъ Джумны и Ганги, и въ продолженіе долгихъ вѣковъ держало въ трепетѣ всю нижнюю Бенгалію. Во времена Македонской имперіи, Праяга стояла на этомъ самомъ мѣстѣ, при сіяніи двухъ рѣкъ. „Празу—потомки Пуру изъ Пуруаги (Праяги)—принимали посла Селевка, Мегасеена, отправленнаго заключать договоръ съ Сандрокотомъ (Sandrocottus), царемъ Празіи, въ его древней столицѣ“, гласитъ старинная аѣтопись Джессальмерской княжеской фамиліи Яду.

Боле тысячи лѣтъ послѣ этого происшествія, въ VI столѣтіи, уломивается исторіей лиръ данный Шиладитъей (Sylanditya) * китайскому путешественнику и набожному буддисту Хвель Тхоангу. Въ тѣ дни буддизмъ, изгнавшій было всѣхъ боговъ изъ Индіи, уже находился въ полномъ упадкѣ, и векоръ за лиромъ послѣдовало всеобщее возрожденіе современнаго браманизма или скорѣе индуизма. Но съ самыхъ дней періода Ведъ и до вышеуломанутой эпохи, когда благочестивый китайскій путешественникъ олакивалъ быстрое паденіе буддизма, Праяга никогда не переставала быть священнѣйшимъ послѣ Бенареса мѣстомъ Индіи, „ложемъ счастья“, гдѣ мѣдная дельта вдовицы въ видѣ поданной милостыни считалась дѣломъ столь же благимъ какъ и принесеніе въ жертву цѣлаго *лакка* ** золотомъ. Знаменитый обелискъ или лаъ (lath) царя Азоки, который воздвигнулъ его за 250 лѣтъ до Р. X., стоитъ доселѣ посреди крѣпости. Тамъ же, шагахъ въ двухстахъ отъ него, чернѣетъ входъ въ подземныя пещеры, въ одной изъ коихъ растетъ толстое дерево, скорѣе лень, съ нѣсколькими высохшими вѣтвями. „Эти вѣтви цвѣтутъ лишь одинъ разъ въ годъ, въ праздникъ Вишну“, увѣряютъ индусскіе авгуры.

Когда мы подъѣзжали къ гласису крѣпости, намъ указали на груду камней. На этомъ мѣстѣ стояла нѣкогда знаменитая во всей Индіи мечеть *Джѣ ама-Мастѣсидъ*, выстроенная еще при шахѣ Джаганѣ. Насильно отнявъ ее у мусульманъ, безо всякой къ тому причины, Англичане обратили ее сперва въ казармы, потомъ отдали подъ лавку маркитанта, а по уходѣ полка совершенно срыли ее вслѣдствіе какихъ-то таинственныхъ стратегическихъ соображеній. „Самымъ постыднымъ, незаслуженнымъ образомъ мы лишили нашихъ магометанскихъ подданныхъ дорогой имъ святыни, не предложивъ имъ за нее даже и одной руліи вознагражденія“, пишетъ полковникъ Кинъ въ своемъ сочиненіи *Могольскія имперія*. Аллахабадъ сдѣлавъ столицей Сѣверо-Западныхъ провинцій лишь по усмиреніи мятежа 1857 года. Онъ сталъ резиденціей властей послѣ того какъ ихъ перерѣзали въ Агрѣ.

* Придерживаясь фонетической системы, пишу имена такъ какъ они выговариваются, а не пишутся.

** *Лакка*—100.000 рупій.

Далѣе, на сѣверъ отъ крѣпости, лежатъ развалины такъ называемаго стараго „бѣлаго города“. Тамъ 5 июня 1857 года вспыхнулъ мятежъ между силами бѣо Бенгалскаго туземной пѣхоты полка. Услыжавъ крики и дикія угрозы, завтракавшіе въ то время въ общей столовой офицеры выскочили на плацъ-парадъ. Ихъ тутъ же всѣхъ перестрѣляли, кажется, 23 человекъ. Затѣмъ мятежники разграбили полковую казну, ворвались въ острогъ и выпустивъ изъ него всѣхъ преступниковъ, сожгли всѣ дома въ „бѣломъ городѣ“ и зарѣзали около 100 Европейцевъ. Остальные успѣли спастись въ крѣпость, гдѣ 400 человекъ всегда вѣрныхъ своему слову Сикковъ защищали ихъ противъ своихъ же и спасли гарнизонъ, женщинъ и дѣтей отъ вѣрной смерти. Признавал Сикковъ самымъ храбрымъ народомъ Индіи (за исключеніемъ Раджпутовъ), Англичане, въ благодарность вѣроятно, вслѣдствіи стараются съ тѣхъ поръ обезоружить ихъ, да только не смѣютъ. Они никакъ не могутъ помириться съ идеей что есть кто-нибудь честнѣе ихъ самихъ и что есть народы чуждіе свое честное слово...

Алахабадскій фортъ и укрѣпленный въ немъ замокъ построены великимъ императоромъ Акбаромъ, около 1575 года нашей эры, на развалинахъ древняго города буддистскихъ Индусовъ. Какъ выше сказано, Праяга древнѣйшая столица Дунной (или *Салаванги*) династіи Кшатрій. Отъ архитектурныхъ красотъ временъ Акбара, отъ высокихъ башенъ, величественнаго купола надъ ажурной работы галлереей, отъ аркадъ и расписныхъ стѣнъ и балкошчиковъ видѣнныхъ и описанныхъ еще Геберомъ, ото всего того чѣмъ елисколь такъ восхищаеся едва шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ—ровно ничего не осталось. Рука истиннаго ваддала—Англичанина на службѣ Остъ-Индской Компаніи—снесла балконы, зашпилила, замазала и сравняла мавританскую рѣзьбу на стѣнахъ внутреннихъ и наружныхъ, и скрываетъ все это подъ безобразнѣйшимъ слоемъ простой штукатурки. Въ крѣпости остался одинъ лишь все искулающій предметъ, простоявшая уже слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ колонна Азоки.

Есть колонны величественнѣе, выше и красивѣе этой, хотя бы въ Египтѣ, но нѣтъ ни одной интереснѣе для археолога и для филолога. Надписи на ней предъ терпѣливымъ криптографомъ и азыковѣдомъ открываютъ цѣлую панораму древняго, столь мало еще извѣстнаго намъ міра. По

этимъ надписамъ мы можемъ изучать самыя задушевныя мысли царственныхъ вождей, слѣдить за постепеннымъ измѣненіемъ идей и лоятіи и въ продолженіи слишкомъ двадцати вѣковъ присутствовать при борьбѣ народовъ различныхъ исповѣданій, отъ начала исторіи сражавшихся брать противъ брата и заливавшихъ земной шаръ своею кровью—каждый во имя того что для него самого казалось святою истиной, а для его брата—грѣшнымъ заблужденіемъ.

Высота этой колонны всего 42 фута, исключая подвожіе; форма ея коническая, постепенно суживающаяся къ верхушкѣ: три фута четыре вершка въ діаметръ у фундамента и два съ верхкомъ у заостреннаго конца. Три изъ многочисленныхъ надписей принадлежать тремъ различнымъ эпохамъ, царямъ: Азоку, Самудра-Гуптѣ и Джахангиру, то-есть буддисту, полу-браманисту и мусульманину. Азока воздвигъ ее съ цѣлю увѣковѣчить указы издаанные имъ въ видахъ распространенія буддизма. Самудра Гупта воспользовался ею во II вѣкѣ нашей эры чтобы начертать на колоннѣ роспись своихъ обширныхъ владѣній въ Индіи простиравшихся отъ Непала къ Деккану и отъ Гуджерата до Ассама. Наконецъ упавшая и забытая было колонна очищена отъ вѣкового сора и восстановлена на прежнее мѣсто Могольскимъ императоромъ Джахангиромъ, повелѣвшимъ начертать на ней годъ своего востшествія на престолъ (1605). Кромѣ этихъ надписей на ней находятся сотни другихъ: имена вельможъ, пилигримовъ, обращенныхъ въ буддизмъ брамановъ и разныхъ путешественниковъ, начиная отъ I вѣка христіанства до прошлаго столѣтія.

Надписи Царя Азоки рѣзко отличаются отъ другихъ надписей на колоннѣ, во первыхъ, тѣмъ что частыя повторенія ихъ находятся и на другихъ памятникахъ и, во вторыхъ, тѣмъ что всѣ онѣ начинаются стереотипною фразой: „*Деванамапія Піадази ладджа хевалъ-ага...*“ или „Возлюбленный боговъ-раджей Піадази царь...“ По исторіи, царь этотъ—Девана Піадази—наслѣдовалъ престолъ своего отца въ Цейлонѣ 236 лѣтъ послѣ рожденія Гаутамы (Будды). Пламенный буддистъ, онъ уговорилъ царя Индійскаго Дхармазоку, отца нашего царя Азоки, такого же ревностнаго буддиста какъ и самъ онъ, послать своего втораго сына Махианду и дочь Сангамитту, въ обществѣ другихъ монаховъ и монахинь, лаомниками по Индіи для

проповѣданія буддизма. По словамъ Махаваллы, * рвеніе къ новому ученію до такой степени овладѣло старымъ царемъ и его сыновьями что даже главная и любимая супруга Дхармазоки, царица *Амула*, отправилась по совѣту царя проповѣдывать религію истинны, вмѣстѣ со своими подданными *бикшу* (нищенствующими монахами), и наконецъ сама поступила въ *бикшунни* (монахини). Азока, взирая вѣроятію на царя Пиадазу какъ на апостола Будды, постоянно приводитъ его имя въ надписяхъ: „Такъ гавголетъ царь Девамамалія Пиадази...“—родъ sacramentalной вступительной фразы при каждомъ параграфѣ.

Привожу нѣсколько извлеченій изъ самымъ замѣчательныхъ между этими надписями на колоннѣ:

„...На 27 году моего помазанія ** (sic) я повелѣлъ дабы сей религіозный указъ былъ издавъ письменно. Сознаюсь и каюсь предъ моими... (*народами?*) въ доселѣ гнѣздившихся въ сердцѣ моемъ прегрѣшеніяхъ. Мысль о религіи и любовь къ религіи должны (*съ этого времени*) постоянно увеличиваться... и мои народы, какъ и *грихаста* (духовенство), словомъ, всѣ смертные, станутъ отъ этого неразрывно связанными ею (*религіей*), и побѣдивъ въ себѣ земныя страсти и грѣхи, достигнутъ всѣ они великой мудрости. Ибо въ одной религіи пребываетъ истинная мудрость. Въ религіи главное достоинство; а религія вся состоитъ изъ достохвальныя дѣла: воздержанія отъ дурныхъ поступковъ, милосердія, кротости, любви къ ближнему, нравственной чистоты и цѣломудрія. Для меня все сіе составляетъ помазаніе посвященія. *** Къ немощнымъ и скорбящимъ, къ двуногимъ и четвероногимъ, къ птицѣ небесной и твари движущейся въ водахъ, отвесавсь тогда (со времени посвященія?) обильныя дѣянія мои... Для

* Turnour—переводчикъ съ языка Пали этой безусловно древнѣйшей изъ всѣхъ рукописей Цейлона—„Исторіи буддизма, Махаваллы“.

** Для проверки прошу сравнить мой переводъ съ переводомъ въ журналѣ *Asiatic Society*. (Vol. 6, part 2. 1837 года.) Разница небольшая.

*** *Журналъ Азіатскаго Общества* тоже переводитъ: „anointment of consecration“. Буддистскій первосвященникъ въ Цейлонѣ, Сумалгага, объясняетъ мнѣ въ письмѣ эту фразу тѣмъ что Пиадази первый приказалъ слова помазать себя при принятіи буддизма во имя этихъ главныхъ семи добродѣтелей.

сего самаго и провозглашеніи сей указъ. Да внемлютъ оному всѣ. Да пребудетъ онъ въ полной силѣ въ вѣка грядущіе, и всякій кто только послѣдуетъ оному долженъ будетъ несомнѣнно достигъ вѣчнаго блаженства и соединиться съ *Сугатой* (Буддою)“...

Далѣе слѣдуетъ перечень девяти грѣховъ. Эти девять грѣховъ извѣстны подъ названіемъ *азинава*, и по ученію Гаутамы Будды ихъ слѣдуетъ избѣгать: „гнѣвъ, жестокосердіе, воровство, гордость, зависть, уныніе, пьянство, прелюбодѣланіе, убійство.“ На западной сторонѣ колонны начертаны разныя правила объ отношеніяхъ аскетовъ къ прихожанамъ и „всеобщемъ во имя Будды отлученіи наказаній и прощеніи преступникамъ въ спеціальныя три дня“. Въ какіе дни именно, не сказано. На южной сторонѣ находится наименованіе звѣрей и птицъ которыхъ грѣхъ лишать жизни; затѣмъ, самая интересная, какъ проливающая яркій свѣтъ на жизнь этого царственного аполстола буддизма, надпись въ которой говорится слѣдующее:

„...На двѣнадцатомъ году моего помазанія былъ по моему повелѣнію изданъ ради удовольствія и пользы народовъ указъ. Истребивъ *сей* (указъ?) и взирая на мою бывшую религію (идолопоклонство) какъ на великій грѣхъ, я нынѣ, ради блага всего міра, возвѣщаю о семъ событіи (то-есть объ отиѣвѣіи закона). Въ то же время, я молюсь различными молитвами за тѣхъ кто развѣтсѣ со мною въ моей вѣрѣ, дабы они всѣ, послѣдовавъ моему примѣру, содѣлались достойными достигъ вѣчнаго спасенія... Но какимъ образомъ дѣйствовать дабы религія истинны и свѣта постоянно распространялась среди человѣчества? Истинно говорю, лишь посредствомъ обращенія въ оную всѣхъ низкороденныхъ (въ вѣ касты), убогихъ и неимущихъ можетъ наша религія содѣлаться всеобщей... А если вслѣдствіе обращенія таковыхъ (низкороденныхъ) возрастеть она, то насколько быстрѣе распространится наша религія чрезъ обращеніе въ нее высокороденныхъ, тѣхъ между коими пребываетъ *имя Божіе*... * Истинно сія есть религія (то-есть буддизмъ) и ею одною умножаются добродѣтели“.

* Присутствіе имени *Бога* въ буддистской надписи послужило санскритологамъ обильнымъ матеріаломъ для диспутовъ: „Буддисты—атеисты; они не вѣруютъ ни въ Бога, ни въ безсмертіе души человеческой“, говорятъ многіе. „Это выраженіе Пиадаси: *воспомяніе предвѣней религіи*—неправильное выраженіе“. Позволяю себѣ

Въ этомъ случаѣ „има Божіе“ есть синонимъ „Нирваны“, смыслъ коей (не взирая на Бюрнуфа, Бартедеми - Сентъ-Илера и К° и даже на профессора Макса Мюллера) постоянно ускользалъ отъ санскритологовъ и толкователей буддизма. Никто еще до сей поры не понималъ его правильно, а судили и редили о немъ по одной *мертвой буквѣ*.

Противъ этихъ разнородныхъ теорій возстаютъ самыя ученые буддистскіе священники Цейлона, Бирмы и Сіама. Въ Бога какъ въ личность отдѣльную отъ вселенной, какъ въ вѣчто индивидуальное, буддисты дѣйствительно не вѣрятъ. Но ихъ *Summum bonum*, или *Нирвана*, то же что *Motus brahmanovъ*. Это—окончательное соединеніе безконечно малой и, въ раздѣленіи, ограниченной *частицы* съ безпредѣльнымъ и безграничнымъ *цѣлымъ*; это вѣчная сознательная жизнь души въ квинтъ-эссенціи божественнаго духа; душа же есть временно отдѣленная искра привлекаемая и вновь погружающаяся въ безбрежный океанъ пламени *Мировой Души*—первобытный источникъ *всего*. Но такое окончательное поглощеніе индивидуальной, очищенной ото всего земнаго и грѣховнаго души „душою вселенной“ (*anima mundi*) еще не означаетъ исчезновенія или „полнаго истребленія“ души человѣческой. Объясняя намъ эту теорію, молодой Сивгамезецъ Даммаладжоти, весьма ученый монахъ, раздавилъ наполненный ртутью стеклянный шарикъ и рассылавъ его на блюдечкѣ сталъ раскачивать. Капли живаго серебра отдѣлялись, рассыпались и едва дотронувшись другъ до друга снова сливались вмѣстѣ. „Вотъ Нирвана и души“, сказалъ онъ намъ.

— Такъ почему же считается столь труднымъ достигъ Нирваны? спросилъ кто-то изъ насъ.—При существующемъ взаимномъ притяженіи всякая душа, уже въ силу одной своей

высказать полную увѣренность въ томъ что это мнѣніе совершенно ошибочно. Буддистъ если онъ только образованъ и знакомъ съ *Сутрами*, чистотою философіей Будды, вѣруетъ какъ въ божество—правда, безличное,—такъ и въ загробную жизнь. Мое убѣжденіе основано не на собственномъ умозрѣніи, а на пятнадцатилѣтней постоянной перепискѣ съ учеными буддистами Цейлона и Бирмы, членами Теософическаго Общества. Вина не буддизма если до сей поры наши ученые не могли понять ни его тонкой метафизику, ни отвлеченностей послѣдней.

однородности съ *мировою душой*, должна, разъ освободившись отъ оковъ земныхъ, слиться съ Нирваной.

— Конечно; но это взаимное протяженіе существуетъ лишь при совершенной чистотѣ частицы. Взгляните что случится телеры!..

И, посылавъ другое блюдечко пепломъ и пылью, онъ обкаталъ шарики ртути въ этой грязи, замѣсивъ ее вдобавокъ каллею масла... Живые дотолѣ крупинки, подъ толстымъ слоемъ грязи, лежали телерь на двѣ блюдечка неподвижно. Напрасно было прикатывать ихъ къ главной каллѣ чистой ртути—онѣ не сливались уже съ родною каллею...

— Вотъ послѣдствіе земной грязи, похитилъ намъ Даммаладжоти. — Пока душа не очищена отъ послѣдняго земнаго атома—не попасть ей въ Нирвану, не жить живію вѣчною, среди божественной эссенціи...

— Стало-быть, вы вѣруете въ загробную жизнь?

Даммаладжоти засмѣялся—и какъ казалось немного прерзительно.

— Вѣримъ, конечно, но стараемся избѣжать продолжительности оной, какъ величайшаго, хотя и справедливаго несчастія, какъ наказанія за наши грѣхи. Жить—значитъ чувствовать и страдать; не жить, но находиться въ Нирванѣ—есть синонимъ вѣчнаго блаженства...

— Но вѣдь такъ выходитъ что вы добиваетесь *уничтоженія души*?..

— Нисколько; мы только добиваемся уничтоженія страданія нераздѣльнаго съ частною живію; мы ищемъ достигнуть безусловнаго блаженства въ соединеніи съ верховною міровою душой. Одно цѣлое безконечно и совершенно; въ раздробленіи своемъ каждая частица дѣлается и конечною, и полною несовершенствъ и изъява...

Дальнѣйшее поясненіе предоставляется метафизикамъ. Моя цѣль доказать одно: наши величайшіе авторитеты играютъ пока философіей буддизма въ потемкахъ. Вотъ доказательство. Въ первомъ томѣ своихъ лекцій: *Щетка изъ нѣмецкой мастерской* (1857 года, стр. 276 и слѣд.), профессоръ Максъ Мюллеръ, въ гнѣвномъ отвѣтѣ противнику, въ статьѣ „О значеніи Нирваны“, на основаніи того что слово *Нирвана* означаетъ нѣчто исчезающее, потухающее какъ лампа догорѣвшей свѣчи, старается доказать что одно это выраженіе уже безусловно разъясняетъ вѣру буддистовъ. „Они вѣрятъ

въ *уничтоженіи* индивидуальной души, говоритъ онъ, и добиваются лишь одного: *перестать когда-нибудь существовать*. Въ этой статьѣ М. Мюллера, Будда является не то „атеистомъ“, не то „эгоистомъ“ (въ метафизическомъ смыслѣ слова). „Онъ училъ о блаженствѣ—погрузиться на вѣки въ то что есть ничто кромѣ самого себя“. * Но къ великому удивленію и даже огорченію своихъ послѣдователей, уже свыкшихся было авес le mot d'ordre имевшаго учителя что всѣмъ буддисты „атеисты и нигилисты“, почтенный филологъ вдругъ совершаетъ неожиданный volte-face. Въ 1869 году, на публичной лекціи въ Килѣ, на одномъ изъ митинговъ „ассоціаціи Берлинскихъ филологовъ“, Максъ Мюллеръ предъ огромнымъ собраніемъ публики объявляетъ свое „давно де уже выраженное мнѣніе“ что *атеизмъ не имѣетъ ничего общаго съ ученіемъ Будды* и что подождительно большая ошибка думать будто *Нирвана* значитъ *уничтоженіе индивидуальной души*. **

Кто же послѣ этого не согласится съ нами что „великіе ученые“ весьма часто злоупотребляютъ своимъ авторитетомъ? А профессоръ Максъ Мюллеръ въ 1857 году былъ такимъ же авторитетомъ, по части филологіи и древнихъ религій какъ и въ 1869 году. Чтобы догматически утверждать что древніе вѣрили такъ, а не иначе, слѣдуетъ прежде всего вникнуть въ глубину мысли этихъ древнихъ, понимать не только ихъ языкъ, но и своеобразную метафизику; достигнуть же этого возможно только путемъ сравненій между *стѣмъ* древними философіями, такъ какъ будучи изолированы одна отъ другой философіи эти являются совершенно непонятными... „Да такъ (пожалуй скажутъ намъ) поступаютъ и наши языковѣды съ профессоромъ М. Мюллеромъ во главѣ.“ Да, но къ несчастію они до сихъ поръ услышно сравнивали лишь одну мертвую букву; животворящій же духъ въ этой туманной, спертой атмосферѣ современнаго матеріализма постоянно ускользалъ отъ нихъ... Одно лишь тщательное изученіе *Шутры* (Sûtras)—речи Гаутамы Будды (книга I *Трипитаки* или „Трехъ корзинъ“), а затѣмъ III книги этого же сочиненія „Система метафизику“ Казіаны,

* Nothing but itself, говоритъ профессоръ.

** См. Trubner's American and Oriental Literary Record (October 16, 1869).

друга и ученика Будды (сочиненіе проливающее свѣтъ на ученіе Будды и какъ бы дополняющее его), слособно освѣтитъ эти лотемки, извѣстная лодъ названіемъ буддизма, или „Философіи Будды“. Въ *Шутрахъ* дѣйствительность объективнаго міра называется обманомъ чувствъ; дѣйствительность формы и всякаго вещества выставляется опасною иллюзіей; даже дѣйствительность самого индивида или я отвергается. Но то именно противъ существованія чего возстають всѣ наши современные матеріалисты, то что они стараются стереть съ лица земли, увѣряя что все это однѣ лишь бредни, ни на чемъ не основанныя умозрѣнія, то *шутры* и признають „единственною дѣйствительностью въ мірѣ иллюзіи“, а „метафизика Казіалы“ объясняетъ почему именно оно такъ. Эта дѣйствительность—*духовное я* челоуѣка, Его вполне отдѣльное и отличное отъ матеріи, хотя бы самой сублимированной. Одна *причинность* есть дѣйствительность, ибо эта причинность безъ начала какъ и безъ конца, не имѣетъ ни прошлаго, ни будущаго, но всегда существуетъ въ настоящемъ; а всѣ ея дѣйствія суть однѣ лишь временныя и второстепенныя явленія, „блескъ молніи въ океанѣ электричества“. Все проходитъ, все измѣняется въ своей объективной формѣ, и поддаваясь раздѣленію времени и исчисленію все есть иллюзія; но *причинность* всего безгранична какъ и безконечна, и не можетъ быть исчислена; стало-быть *она-то и есть дѣйствительность*.

Нирвана *ничто*, потому что она *вог*. Парабрама—безъ сознанія и воли, ибо Парабрама есть *абсолютное* „міровое сознаніе“ и *безусловная воля*. Безконечная, безначальная и безпричинная *монада* Пиеагора—*первопричинность* всего; по сотвореніи *тріады*, „обитающая во мракѣ и молчаніи“ *монада* возвращается въ свою невидимую и неосязаемую обитель. И однакоже, по Проклу, она и есть „вѣчный Богъ“ и вся вселенная тяготѣетъ вокругъ *монады*. Еврейскіе каббалисты также указываютъ на своего *Энъ-Зофа* какъ на вѣчто безсознательное и не обладающее волей, ибо *Энъ* или *Айнъ-зофъ* есть *самопричинность*, а слово *Айнъ* въ буквальномъ переводѣ означаетъ отрицаніе послѣдующаго слова—*ничего*. „Духъ не имѣетъ образа, и поэтому о немъ нельзя говорить что онъ существуетъ“, учитъ книга буддистовъ *Праджна Парамита* (Совершенство мудрости).

— Что такое Нирвана? спрашиваетъ царь Милинда браhma (святаго) Нагадена.— Почему плоды ~~четыре~~ путей добродѣтели приводятъ къ Нирванѣ? Въ чемъ состоитъ причинность ея существованія?

— Путь ведущій къ Нирванѣ можетъ быть указанъ, но причинность ея представленія никому неизвѣстна, отвѣчаетъ мудрецъ.

— Почему?

— Потому что она и есть сама причинность. То что составляетъ Нирвану—внѣ всякаго исчисления... это есть такая недосыгаемая *она ея самой*... умомъ человеческимъ. Ея ни глазъ не видить, ни ухо не слышитъ, ни носъ не обоняетъ, ни языкъ не вкушаетъ, ни тѣло не чувствуетъ.

— Стало-быть Нирвана не существуетъ, о, Нагадена?

Великій царь! она *не существуетъ*, но Нирвана *есть*...

Пора однако вернуться къ міру „палавий“ и снова занять-ся колонной Азоки...

XXIV.

У такихъ памятниковъ, какъ колонна Азоки, обыкновенно находятся старыя пилалы (*Ficus religiosa*), прямые потомки *Боддрума* („древо познанія“) столь излюбленнаго, по преданіямъ, основателемъ буддизма. Находилось такое дерево когда-то и у колонны, но его ужъ болѣе нѣтъ: оно было срублено Англичанами, безо всякой къ тому причины, какъ и всегда. За то въ пещерѣ показываютъ *Акуай Батъ* („неумирающій баніанъ“). Хвостъ Тхсангъ видѣлъ его въ началѣ VII столѣтія; но въ тѣ дни дерево уже перешло изъ рукъ буддистовъ, а катакомбы, послѣ вѣковаго молчанія, снова огласились кликами шиваитовъ и опять стали театромъ кровавыхъ обрядовъ бога-разрушителя. Во дни буддистскаго пилигрима, баніанъ былъ огромнымъ деревомъ съ далеко раскинувшимися зелеными вѣтвями, и стоялъ у входа въ главную пещеру подземнаго храма. А теперь отъ него уцѣлѣлъ лишь старый, почернѣвшій лень, съ нѣсколькими сухими вѣтками, стоящій въ четвертой залѣ подземелья. Браммы увѣрили насъ что дерево было пересажено сюда самимъ богомъ Шивою: отломавъ верхнюю половину ствола, онъ раздѣлялъ его на двѣ части—одну посадилъ будто бы въ Гайъ, а другую въ Джагернатъ.

Мы спустились въ подземныя пещеры по скользкой, поросшей мхомъ каменной лѣстницѣ. Гордо потрясая бритою головою, голый браминъ шелъ впереди насъ, освѣщая намъ дорогу смраднымъ факеломъ, а по обѣимъ сторонамъ отуленией неподвижно сидѣли и стояли въ равныхъ позахъ факиры, съ вчесанными по годамъ и закрученными въ шивайонъ длинными волосами, грязные, отвратительные. Настоящіе аскеты никогда не сидятъ въ людныхъ мѣстахъ, но пребываютъ или въ удивленіи лѣсовъ, или же въ далеко сокрытыхъ отъ равнодушныхъ глазъ дворахъ храмовъ, какъ напр. въ Джабельпурѣ. Посреди первой залы, низкой и съ колоннами, стоялъ громадный, украшенный вѣтками великолѣпныхъ розъ лимба; по сторонамъ—ниши съ разставленными въ нихъ идолами и ихъ живописными изображеніями. Каменные идолы были покрыты сыростью, и крупная капля просачивающейся воды, сады подземной рѣки Сарасвати, орошала дочерившія стѣны. При слабо-мерцающемъ свѣтѣ факела невозможно было различить надписи. Такъ какъ всѣ уцѣлѣвшіе отрывки переведены, то мы и не особенно интересовались ими. Есть сильное подозрѣніе что эти подземныя залы находились еще въ VII столѣтіи на одномъ уровнѣ съ землей; но частью вслѣдствіе сырости, частью по причинѣ вѣтками накопившагося слоя мусора, онѣ осѣли и теперь находятся подъ землей. „Безсмертное дерево“ *Ашвай-Батъ* упоминается какъ Хвель Тхсангомъ такъ и историками Решидъ-Уддиномъ и Абу-Раханомъ, которые и указываютъ на него какъ на древнѣйшее дерево въ Индіи.

Мы прошли залъ двадцать, но кромѣ „дерева“ ничего интереснаго не видали. За нимъ въ стѣнѣ зѣлетъ большое отверстіе ведущее, по словамъ брамана, до Бенареса. „Всѣ святые“, говорилъ онъ, отправлялись этимъ ходомъ молиться во священный городъ. По дорогѣ они „бесѣдовали съ Сарасвати...“

Тайному ходу мы предпочли мостъ черезъ Джумну, и перѣхали по немъ на другой берегъ рѣки. Этотъ мостъ одинъ изъ великихъ подвиговъ англо-индійскаго инженернаго искусства. Мостъ въ два яруса перекинутый черезъ широчайшее мѣсто, надъ самымъ слияніемъ двухъ рѣкъ, имѣетъ 3.331 футъ длины по прямой линіи. Экипажи и гнѣхходы проѣзжаютъ и переходятъ по нижнему, а поѣздъ желѣзной дороги проходитъ по верхнему ярусу. Мы попали какъ разъ подъ поѣздъ и чуть было не огаолали.

Недалеко отъ вокзала желѣзной дороги возвышаются старинныя ворота со сводомъ, ведущія въ прелестный, отлично содержимый садъ. Наружныя стѣны густо покрыты ползучими растеніями и великолѣпными розами. Въ *Кушру-Багъ* (садъ Кушру) находятся могила и ламатникъ прица этого имени, его матери Шахъ-Бегумы и многихъ другихъ историческихъ лицъ. Кушру былъ внукъ великаго царя Акбара и сынъ Раджпутки, дочери махараджи Амберскаго, славившейся на всю Индію своею красотой и колдовствомъ,—послѣднее быть-можетъ потому что она обворожила сына Акбара, Салима, мусульманина, и прогнавъ другихъ его женъ была всю жизнь его единственною женой. Какъ бы то ни было, но къ Кушру-Багу, послѣ заката солнечнаго, не подойдетъ на полверсты ни мусульманинъ, ни Индусъ. Все потомство Акбара съ самимъ царемъ (хотя онъ похороненъ въ Агрѣ) собирается по ночамъ держать заgrabный *дурбаръ*...

Удивительно страшна исторія всего этого царственнаго семейства, начиная съ самого императора Акбара. Потомокъ Парсовъ, которыхъ ни въ какія времена исламиты-завоеватели не успѣвали вполнѣ омусульманить, Акбаръ былъ мнѣе чѣмъ номинально магометаниномъ. Судя по его біографіи, онъ даже ненавидѣлъ религію Пророка; сдѣлавшись императоромъ Индіи, онъ постоянно старался ослабить вліяніе магометанства и ввести хотя нѣкоторые изъ главныхъ элементовъ огнепоклонничества. Имена выбранныя имъ для внуковъ доказываютъ это. Кушру или „Хозрой“ („Красивое лицо“) древнее имя Ахеменидскихъ царей Персіи, то же что и „Кіаксаръ“ или „Ціаксаръ“ классиковъ-Грековъ и „Асуеръ“ Библии. Это столь любимое послѣдователями Зороастра имя стало наследственнымъ у потомковъ Акбара. Салимъ, въ послѣдствіи императоръ съ титуломъ Джахангира, былъ начальникомъ Алахабадскаго форта при послѣднихъ годахъ жизни Акбара. Страстно привязанный къ женѣ, принцессѣ Амберской, и сыну своему отъ нея Кушру, онъ находился вполнѣ подъ вліяніемъ ея брата (по усыновленію), знаменитаго въ исторіи раджпутскаго раджи Манъ-Синга. Послѣдній задумалъ возвести на престолъ своего племянника Кушру помимо Салима. Послѣдовало ужасное кровопролитіе, во время котораго Салимъ, съ помощью другаго сына (отъ наложницы) Кхурама, завладѣлъ трономъ. Тогда Шахъ-Бегумъ, жена его и мать Кушру, наложилъ страшное проклятіе на

мужа и всѣхъ потомковъ его, отравилась. Бхурамъ, царствовавшій въ Декканѣ, зарѣзалъ въ послѣдствіи брата Кушру въ 1616. Проклятіе состояло въ томъ что разорвавъ надъ головой императора витку жемчуга, Шахъ-Бегумъ воскликнула: „Да превратится каждое зерно въ годъ страданія, слезъ и смерти!... да погибнетъ послѣдній изъ потомковъ твоихъ чрезъ столько лѣтъ, сколько падаетъ зеренъ въ эту минуту на твою проклятую голову“!.. Жемчуга оказалось 252 зерна. Это было въ 1605, и ровно черезъ 252 года, въ 1857 году, погибали разстрѣленные въ Дельхи Англичанами послѣдніе два принца этой фамиліи, какъ разказываютъ, вымазанные палачами до экзекуціи свинымъ саломъ. А послѣдній императоръ Дельхи, Абу-Зафаръ, поэтъ, лѣсни коего славятся по всей Индіи, прозванный индійскимъ Хафизомъ, отправлялся въ тотъ же годъ въ изгнаніе и каторгу на мысъ Доброй Надежды, гдѣ онъ и умеръ, конечно не своею смертью. Не мудрено что народное суевѣріе населило могилы Шахъ-Бегумы и ея сына ужасными призраками.

Могилу Кушру, котораго отецъ и братъ отбѣжавшись отъ него возвели въ мученика, великолѣпное мраморное зданіе съ кулоломъ наломивающимъ Таджъ-Махаль въ Агрѣ. Сама могила подъ землей, а кенотафъ, высокій и изящный памятникъ, покрытъ стихами. Далѣе четырехъугольное въ два яруса, странной архитектуры строеніе, мавзолей Шахъ-Бегумы колдувыи. Напротивъ—домъ и памятникъ „Тамболи-Бегумъ, то-есть *Истамбули-бегумъ*, христіанской принцессы вывезенной изъ Константинополя и задушенной ея соперницей. Все это густо покрыто розанами и киларисами, а тѣнистыя дорожки сада слывуть прохладѣйшимъ мѣстомъ въ Аллахабадѣ.

На другое утро мы отправились осматривать „Ложе Ханумана“, на берегу Ганги и другіе куріозы Аллахабада. „Ложе“ это оказалось открытою, четырехъугольною и вымощенною гранитомъ комнатою, вырытою футовъ на двадцать въ землѣ. Надъ ней возвышается кулолъ на четырехъ гранитныхъ столбахъ, на 10 футовъ надъ поверхностью земли, и безъ стѣвъ, дабы удобнѣе было толпѣ заглядывать со всѣхъ четырехъ сторонъ внизъ, любуясь на слащаго бога-обезьяну. Нѣсколько широкихъ, мрачныхъ ступеней ведутъ внизъ, но по нимъ спускаются лишь одни охраняющіе покой идоловъ — брамавы. Любопытнѣе всего, даже самого идоловъ,

огромная и многоорѣчивая надпись отъ муниципалитета на трехъ языкахъ: англійскомъ, хинди и урду (языкъ магометанъ). Эта надпись строго запрещаетъ христіанамъ и особенно мусульманамъ „совершать надъ этою святыней Индусовъ *Idols*—либо кощунства; какъ-то: бросать камни въ святилище, подходить къ нему въ салогахъ, громко смѣяться, дѣлать непристойныя, слособныя огорчить чувства покаянниковъ *бога* замѣчанія или же изъяснять *гадливостъ* (*equivatishness*).“ (Я перевожу этотъ отрывокъ слово въ слово.) Не смотря на запрещеніе, на угрозы штрафомъ и даже тюрьмой, мы, давъ дежурному браману одну рупію, преспокойно подошли къ самымъ колоннамъ, не снявъ даже обуви. Мы заглянули внизъ: цдолаъ громадныхъ размѣровъ, футовъ въ 20 величины, ярко-краснаго цвѣта и съ короной на обезьяньей головѣ, почивалъ на сплѣтѣ, растолыривъ приподнятыя колѣна, свернувъ хвостъ калачикомъ и положивъ щеку на ладонь лѣвой руки, когда какъ другая держала скипетръ. Надъ его носомъ болталась лампада, и онъ былъ весь устланъ цвѣтами. Полюбопытствовавъ узнать изъ какого матеріала сдѣланъ цдолаъ, и получивъ отвѣтъ отъ брамана что онъ „сдѣланъ изъ ничего“, но есть притомъ „живое тѣло бога“, мы не удовольствовались такимъ загадочнымъ отвѣтомъ. Какъ быть? Съ перваго дня какъ Хануманъ заснулъ въ своей ямѣ, никто кромѣ посвященныхъ брамановъ никогда не сходилъ внизъ. Бросить въ спящее божество камешкомъ и судить по звуку—преступленіе предусмотрѣнное муниципалитетомъ, могущее повлечь за собою штрафъ во 100 рупій. Тутъ-то нашъ президентъ, какъ истый изобрѣтательный Янки, явился на высотѣ дилеммы; вынувъ горсть мѣдныхъ и мелкихъ серебряныхъ монетъ и опустивъ руку за перила, онъ, въ видѣ эксперимента, но какъ будто нечаянно выровилъ *анну* (3 колѣйки) на животъ богу, все время не слуская глазъ съ зорко сабдившаго за нимъ брамана, который тотчасъ же хитро освѣдомился не приведетъ ли ее навадъ „сабу“?—Нѣтъ, отвѣтилъ президентъ,—все что упадетъ внизъ пусть останется привошеченіемъ Хануману. Ободренный этимъ, подковникъ бросилъ другую монету, уже цѣлась. Полавъ прямо въ носъ божеству, но безъ ожидаемаго звука, онъ сталъ затѣмъ кидать все сильнѣе и чаще, пока, наконецъ, послѣ паденія съ дюжины монетъ, одна не звякнула какъ бы ударась о нѣчто металлическое. Когда онъ остановился, довольный этимъ

открытіемъ, браманъ предложилъ ему бросить еще нѣсколько монетъ въ рыло Хануману, умиленно повторяя что подобная игра весьма пріятна *déu*...

Отъ Ханумана мы пошли поклониться „бабѣ Сандасси“. Во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, слѣшу замѣтить что баба Сандасси не русская „баба“, а индуской „дѣдъ“, и даже суда по его возрасту, весьма почтенный. Увѣраютъ будто ему 250 лѣтъ, а самъ онъ говоритъ что родился такъ давно что забылъ когда именно. Какъ бы то ни было, но „баба“ этотъ лицо историческое и весьма уважаемое даже Англичанами, которые, къ удивленію народовъ Индіи, оказались хоть разъ благодарными за оказанныя имъ услуги. Правда, ихъ благодарность ограничилась тѣмъ что они пока не стрѣляли еще „бабой“ изъ душки, ни разу не повѣсили его и даже не засадили въ тюрьму; но вѣдь и это ужъ чего-нибудь да стѣбитъ въ Индіи. Они даже подарили ему квадратный камень въ полтора арда длины и ширины, на которомъ онъ сидитъ не вставая уже ровно 53 года; и тотъ же муниципалитетъ великодушно снабдилъ его дощечкой съ надписью. Дѣло въ томъ что память о „бабѣ-дѣдѣ“ у Британцевъ тѣсно связана съ памятью о мятежѣ. Въ тѣ тяжелые для нихъ дни онъ многимъ Европейцамъ спасъ жизнь, пряча ихъ въ пустое отверстіе подъ камнемъ съ котораго онъ не сходитъ и въ которомъ скрываетъ свои талисманы и лѣкарства. Два раза его самого чуть не убили; но онъ не выдалъ прячущихся...

Баба Пенджабецъ и Сиккъ—послѣдователь Наваки. Нелюбимъ отъ стѣнъ форта, на палацѣмъ берегу Гангеса сидитъ этотъ нынѣ совершенно слѣпой и бѣлый какъ лунъ старецъ. Гордо драпируя голое тѣло въ кусокъ бѣлой кисеи, онъ со своими серебристо-бѣлыми длинными волосами въ тихіе, безвѣтренные дни проходить скорѣе на мраморное изваяніе чѣмъ на живое существо. Вотъ что слово въ слово написано на великодушно прибитой городскимъ начальствомъ дощечкѣ, шагахъ въ шести отъ дѣда:

„Баба Сандасси, родомъ изъ Пенджаба. Человѣкъ опытный и строгой честности, неспособный къ обману. Оказалъ много услугъ правительству. Сидитъ на семъ камнѣ съ 5 іюля 1827 года. Осѣдлъ въ 1839 году лишившись зрѣнія вслѣдствіе постоянного сидѣнія на осѣдлѣ и отраженія лучей въ водѣ. Прохожимъ запрещается тревожить его. Желающіе съ нимъ бесѣдовать обязаны снимать башмаки

и сапоги. По приказанію Аллахабадскаго муниципалитета, октября, 1868 года.“

Снявъ обувь, мы подошли къ старику и привѣтствовали его словами: „да пребудетъ раджа Нанакъ съ благословеніемъ божіимъ во *swargh!* (раю)“. Такуръ, котораго свѣпецъ къ удивленію нашему узналъ еще за десять шаговъ и громко привѣтствовалъ благословеніемъ, тотчасъ же вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Мы узнали что свѣцой Сиккъ ѣсть и встаетъ съ мѣста лишь разъ въ сутки, въ глухую полночь: при помощи своихъ учениковъ, онъ сначала погружается въ священныя воды Ганги, а затѣмъ, омывшись, съѣдаетъ горсть рису на молокѣ, и надѣвъ на плечи новый кусокъ кисеи, снова садится на мѣсто до свѣдующей полуночи. Подъ лалающимъ соловьемъ, подъ грозой и дождемъ мунсула сидитъ такимъ образомъ голый старецъ день и ночь, съ непокрытою головою, не имѣя даже и куска кисеи между теменемъ и ребомъ. По увѣренію учениковъ его, онъ никогда не спитъ; по крайней мѣрѣ никогда и никто изъ нихъ не видалъ его лежащимъ; а если онъ и спитъ (чего ученики его впрочемъ не допускали), то спитъ съ открытыми глазами и сидя, не имѣя возлѣ себя и жерди на что бы облокотиться. Куски кисеи, которые онъ никогда не носитъ на плечахъ болѣе одного дня, продаются иногда за большія деньги жителямъ крѣпко вѣрующимъ въ ихъ цѣлебное свойство послѣ того какъ они лобыли цѣлыя сутки на тѣлѣ Сикка. Вырученныя деньги постулаютъ въ сиротское заведеніе которое Сиккъ содержитъ единственно на собственный счетъ; въ это заведеніе принимаются безразлично дѣти всякаго вѣроисповѣданія; ихъ бываетъ иногда до 300. Туда же постулаютъ и всѣ другія приношенія деньгами и вещами щедро расточаемыя на аскета, потребности коего состоятъ ежедневно въ рисѣ, молокѣ, да въ пяти аршинахъ бѣлой кисеи. Часто послѣ продолжительнаго самосозерцанія онъ обращается къ тому или другому изъ учениковъ и посылаетъ его иногда за нѣскольکو миль въ лѣса за извѣстными предметами, какъ-то: за корнемъ какого-либо растенія, за цвѣткомъ или камешкомъ, снабжая его при этомъ подробнѣйшими инструкціями. Такъ одинъ разъ, когда жена коллатора, заболѣвъ злокачественнымъ вередомъ на ногѣ, совсемъ уже умирала и англійскіе врачи собирались было рѣзать ей ногу, угрожая въ противномъ случаѣ гангреной и

смертью, большая въ отчаяніи прислала мужа посоветоваться съ „дѣдомъ“. Супругъ былъ атеистъ и скептикъ, и Сикку вѣрилъ не болѣе чѣмъ своему пастору. Однако пошелъ, отправясь къ нему, какъ новый Никодимъ—ночью. Не успѣлъ онъ даже начать объясненія въ чемъ дѣло, какъ „дѣдъ“ прервалъ его, посылая назадъ домой: „Твоей „мэмъ-саабъ“ сдѣлалось хуже, ты долженъ тотчасъ же слѣзть къ ней (говоришь слѣпой) и дать ей нюхать цѣлую ночь до утра вотъ эту траву; а рано утромъ на другой день ты получишь отъ меня (Сикка) мазь которая и вылѣчитъ ногу твоей жены.“

Озадаченный коллекторъ взялъ траву, какой-то сухой, вы, моченный тутъ же въ Гаагѣ лучекъ, и вернувшись нашелъ весь домъ въ смятеніи: его жена умирала, если уже не умерла. Забывъ весь скептицизмъ, коллекторъ поднесъ ей подъ носъ траву и коллекторша очнулась, а къ утру спокойно уснула. Между тѣмъ „дѣдъ“ подозвалъ старшаго ученика (который и разказывалъ намъ это происшествіе), приказалъ ему перейти въ бродъ рукавъ Джумны, войти въ лѣсъ, направо, слѣдуя по третьей тропинкѣ, сосчитать двадцать три манговыхъ дерева и подъ двадцать четвертымъ къ югу и у самаго корня дерева *искать*. Тамъ, верхка на два подъ землей, въ локунутомъ муравейникѣ, онъ найдетъ тигровый коготь, который и долженъ принести. Ученикъ отправился и, сдѣлавъ все какъ было приказано, принесъ коготь учителю. Сиккъ велѣлъ сперва обуглить коготь на огнѣ, затѣмъ истолочь въ мелкій порошокъ и прибавивъ разныхъ травъ, сдѣлалъ изъ него мазь и послалъ къ коллектору съ инструкціями. Черезъ недѣлю „мэмъ-саабъ“ пришла сама благодарить сдѣлаго старика.. *

Всѣ съ кѣмъ мы только ни говорили о Сиккѣ, отзывались о немъ съ величайшимъ уваженіемъ, а Индусы и даже мусульмане—съ благоговѣйнымъ страхомъ.

XXV.

Народы Индіи не дѣлаютъ ничего въ половину: они или величайшіе фанатики, или же безусловные атеисты. Ихъ любовь какъ и ненависть безгранична, и когда Индусъ называлъ васъ безъ принужденія „братомъ“ или „другомъ“, то это не

* Это происшествіе намъ было подтверждено сестрой коллекторши, Черезъ три дня рано, не поддававшаяся никакимъ извѣстнымъ наукамъ лѣкарствамъ, зажила совершенно.

лустая фраза. Всѣ наши слутники быди „реформаторами“ (какъ ихъ здѣсь называютъ) и давно порвали всѣ связи съ браманами и сектами, но за то всѣ до одного были мистики, вѣрующіе въ высшее духовное развитіе человѣка, убѣжденные что такое развитіе способно поставитъ послѣдняго почти на уровень съ божествомъ, если только онъ того достоинъ. Но вмѣстѣ съ грубыми фанатиками и образованными, въ высшей степени экальтированными (подобно Нараяну) мистиками къ толлѣ „свободныхъ мыслителей“ (какъ они себя величаютъ) съ каждымъ годомъ изъ рядовъ учащейся молодежи прибавляются новобранцы школы Чарлза Брайда и Луиса. За послѣднее десятилѣтіе подъ „благодѣтельнымъ“ вліаніемъ (скорѣе чисто англійскаго нежели западнаго) воспитанія происходитъ нѣчто феноменальное: все учащееся въ городскихъ школахъ и коллегіяхъ юное поколѣніе выпускается изъ оныхъ безвозвратно атеистическимъ. Исключенія чрезвычайно рѣдки.

Политика Англіи—никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не мѣшались въ чисто религіозные вопросы завоеванной страны. Можно, конечно, подозрѣвать что такое правило является слѣдствіемъ скорѣе трусливости чѣмъ либерализма правительства; но въ одномъ отношеніи оно оказывается весьма разумнымъ: оно до нѣкоторой степени служитъ „бальзамомъ“ для наболѣвшихъ политическихъ ранъ страны. Подъ разными вариантами англо-индійскія газеты, съ *Pioneer* во главѣ, постоянно напоминаютъ читателямъ что „Британское правительство совершенно неспособно когда-либо ввести элементъ религіознаго ханжества въ область своей твердо обрисованной политики.“

Слѣдуя золотому правилу, а также быть-можетъ и для того чтобы не оскорбить „христіанскихъ чувствъ“ своихъ самовниковъ, всѣ мѣста президентовъ, директоровъ и „принципаловъ“ туземныхъ коллегій отдаются тщательно выбираемымъ съ этою цѣлью, отъявленнымъ матеріалистамъ. Такъ какъ по своему серіозному и отвѣтственному значенію такіа должности всегда и важны и доходны, то повятно что ихъ приберегаютъ единственно для Англичанъ; туземцу, будь онъ въ тысячу разъ ученѣе своего принципала, такое положеніе недоступно.

Съ другой стороны, миссіонерамъ разныхъ сектъ, имя которымъ здѣсь легіонъ, не дозволяется входъ въ коллегіи. Вслѣд-

отвѣе вышесказанной политики они возвращаются въ самыхъ лодкахъ общества, между ларіями и недопускаемыми въ браманскія секты *мангали*. Въ постоянной борьбѣ и ссорахъ между собою, они, дабы насолить другъ другу, буквально *покупаютъ* обращенныхъ: ларіи и манги, всѣ до единого или чертополоховники или безо всякой религіи, обратятся за деньги, а часто и изъ-за куска хлѣба во что угодно. Можно навѣрное сказать что нѣтъ ни одного обращеннаго въ христіанство Индуса, который бы не былъ воромъ, мошенникомъ, горькимъ пьяницей, а подъ часъ и убійцей. Миссіонерство въ Индіи—величайшая профанадія христіанства. Ни одно европейское семейство ни за какія блага не найметъ въ услуженіе *обращенныхъ*. Миссіонеры открываютъ свои собственныя школы, но эти школы какъ и результаты оныхъ—однѣ только фарсъ. Падкіе на даровое ученіе, Индусы посылаютъ къ *падри* своихъ дѣтей только отъ пяти до семи, много до восьмилѣтняго возраста; послѣ этого, едва выучившихся читать дѣтей обыкновенно женятъ или выдаютъ замужъ; разъ вступившихъ въ брачное состояніе, юныхъ сулруговъ конечно трудно заманить назадъ въ школы. Надежды на добровольное обращеніе разлетаются въ прахъ...

Еще безотраднѣе постановка этого дѣла у католиковъ. Основанная на собственныя средства, богатая іезуитская коллегія Св. Ксаверія въ Бомбей, вмѣсто того чтобы просвѣщать народъ, разсѣивать мракъ невѣжества и поучать юныхъ язычниковъ, окончательно сбиваетъ ихъ только съ толку. Воспитанники пресловутой коллегіи выходятъ изъ нея, правда, съ лояльшимъ презрѣніемъ къ вѣрѣ и обычаямъ своихъ предковъ—обыкновенная система и хорошо извѣстная уловка сыновъ Лойолы; но за то они питаютъ еще сильнѣйшую, если возможно, ненависть къ римско-католической, если не къ христіанской вѣрѣ вообще. Не находя возможности прибѣгать въ Англійской Индіи къ столь излюбленнымъ ими насильственнымъ обращеніямъ, отцы іезуиты являютъ здѣсь подъ такою циническою, отвратительною оболочкою, такъ грубо извращаютъ и безъ того шаткаго понятія туземныхъ мальчиковъ о правдѣ и чести что подъ ихъ якобы *христіанскимъ* управленіемъ въ итогѣ получаютъ еще худшіе результаты чѣмъ подъ вольнодумною дирекціей такихъ ученыхъ атеистовъ какъ „принципалы“ на примѣръ Бомбейской и Лагорской коллегій. Въ прошломъ

году одинъ изъ нихъ постоянно внушалъ своимъ дамо уже свихнувшимся на Гѣкли и Тиндалѣ воспитанникамъ замѣнитѣе изреченіе профессора Клаиффорда: „Если справедливо называть какую-нибудь доктрину безирравственною, то какъ на самую безирравственную справедливѣе всего указать на ту которая признаетъ что провидѣніе или судьба внѣ насъ самихъ можетъ преодолѣть человѣка“ * или, другими словами, признаетъ какую-либо силу выше силы самого человѣка. Критики попроворливѣе другихъ старались объяснить напирание профессора на эту фразу политическою цѣлью. „Англичаве (говорилъ мнѣ одинъ юноша, ядовито улыбаясь) задумали хитрую штуку; они видимо желаютъ внушить намъ идею что они, и только они одни—провидѣніе и всемогущая, всеокрушающая какъ и вновь создающая дѣлать, управляющая судьбами нашихъ народовъ. Отъ нашихъ боговъ какъ и отъ Бога *надри* намъ видимо ожидать нечего“...

Поэтому съ психологической точки зрѣнія Индія представляетъ необычайно интересное зрѣлище. За искаженіемъ горсти „реформаторовъ“, она раздѣляется на два враждебные другъ другу лагеря: *фанатиковъ* и *ультра-скептиковъ*. Первые, полные религіознаго суевѣрія, видятъ божество во всемъ: въ тигрѣ, въ коровѣ и ея хвостѣ, въ деревѣ, воронѣ и во всякой гадимѣ; вторые, не менѣе полные того что позволяю себѣ называть *суевѣріемъ научнымъ*, отрицаютъ все кромѣ матеріи. То что ихъ предки считали за бессмертную душу, въ томъ „юная Индія“ видитъ лишь результатъ взаимодействия, углерода, водорода, кислорода и азота; нѣчто существующее лишь вслѣдствіе комбинацій этихъ элементовъ и исчезающее съ исчезновеніемъ причинъ, то-есть газовъ. Человѣкъ—дита *космическаго газа*, „огненнаго облака“, вторають они за Тиндалемъ; въ немъ „не только болѣе грубые образы бытія, не только восхитительный и чудный механизмъ человѣческаго тѣла, но даже самъ человѣческій разумъ, умъ, воля и всѣ ихъ явленія... вся наша философія, вся наша поэзія, вся наша наука и все наше искусство, Платонъ, Шекспиръ, Ньютонъ, Рафаэль—все это находилось въ немъ, въ сокровенномъ и потенциальномъ состояніи“... **

* *Fortnightly Review*, December 1874, p. 730.

** *Scientific use of the Imagination*, by prof. Tyndall.

„Чудны творенія твои, о, Тивдааль!“ хоромъ восклицаютъ юные Индусы, поклоняясь этому свѣтилу науки.

Но со всѣмъ этимъ обѣ партіи, какъ ортодоксальная, такъ и атеистическая, глухо враждебны своимъ правителямъ. Партія арихъ, до безумія экзальтированныхъ браманами *фанатиковъ*, само собою разумѣется, никогда не помирится въ душѣ съ правительствомъ, которое даетъ имъ въ собственной ихъ странѣ лишь отрицательныя преимущества надъ миссіонерами ненавистной имъ религіи. Лагерь *материалистовъ*, ежегодно лодкрѣпляемый цѣлыми партіями блистательно кончившихъ курсъ Индусовъ, выброшенныхъ въ океанъ житейскій этими университетами и коллегіями буквально безъ лады и компаса, безъ надеждъ въ этой жизни,—вольготвѣе устранивающей ихъ ото всякаго участія въ управленіи страной политики и безъ надеждъ на жизнь будущую, въ которую наши азіатскіе поклонники европейскіхъ „ало-столовъ разума“ стыдятся вѣрять (какъ то дѣлали ихъ „гаулые предки“). Имъ остается въ жизни—нуль. Поэтому мы ихъ и застаемъ въ послѣдней четверти XIX вѣка перифразирующими на всѣ лады извѣстное изреченіе эликурейцевъ: „Станемъ вѣтъ, лить и веселиться... ибо завтра—всѣ мы превратимся въ угольную кислоту, воду и аммиакъ!“

Позволяя себѣ это предисловіе, я не отступаю отъ моего разказа. Я только желаю представить русскимъ читателямъ Индію такою какою ее сдѣлала Англія, и приготовить ихъ этимъ самымъ къ высѣшему пониманію разсужденія въ которое мы не разъ вступали съ учеными пандитами*. Узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, эти пандиты и туземные философы стали приходять къ намъ цѣлыми партіями; нѣкоторые изъ нихъ пріѣхали нарочно для свиданія съ нами изъ Бенареса. Всѣ они говорили превосходно по-англійски; всѣ, подобно нашему другу Шамрао, начитались Молешота и Бюхнера, знали на память и, главное, понимали Герберта Спенсера, Лунса и Джона Стюарта Милля; бредили Гѣксли и Тивдалемъ, и поклонялись Дарвину въ лицѣ его пророка Геккеля.

Они не сумѣли, какъ нашъ наивный Шамрао, выбрать изъ этого ученаго сумбура наиболѣе подходящія къ древнимъ философіямъ своей родины идеи, отбросить все остальное и

* Пандитъ—ученая степень въ Индіи, соответствующая степени доктора философіи.

остаться при собственномъ мнѣнїи. Они не сохранили даже искры той неугасимой и несокрушимой вѣры которой не потушить никакимъ Бюхнерамъ: вѣры въ верховную силу и загробную жизнь. Какъ ни искажаема подъ часъ эта вѣра, какъ ни смѣшонъ лорой бѣдливый, недоучившїйся и вмѣстѣ переучившїйся какой-нибудь Шамрао, величающїй свой выигреть изъ Ману и Геккеа „новѣйшею религіозною философіей“, но слушая ученые бредни алахабадскихъ и бенаресскихъ пандитовъ, мы не разъ въ душѣ дѣлали сравненіе, и конечно не въ пользу послѣднихъ.

Вернувшись отъ Бабы Сандасси, мы нашли у профессора Батачарїи огромное общество пандитовъ. Они просидѣли съ нами въ саду далеко за полночь. Мы прїѣхали изъ Америки изучать философію ихъ древнихъ и современныхъ религій, а они пришли таращить съ мелодѣльнымъ изумленїемъ глаза на „западниковъ“ имѣющихъ глупость и безуміе предпочитать Капила и Патанджали—Гѣксли и Тиндаля, философію Ману и буддизмъ—позитивизму Огюста Конта. Отказавшись отъ всякой вѣры, они однакоже не посмѣли отказаться отъ касты и ея требованій. Стыдась носить даже затаянный образъ какого-либо божества въ глубинѣ сердца, они беззащитно выставляли половые символы Шивы и Вишну красною и бѣлою краскою на лбахъ. Они смѣялись надо всѣмъ божественнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страшались людей и общественнаго мнѣнїя. Не такъ ли зачастую бываетъ и у насъ въ Европѣ?..

Разговоръ конечно зашелъ объ ихъ древней философіи, о Риши, іогахъ и аскетахъ. Пандиты вполне расположились и съ гордостью достойною лучшаго дѣла стали раскрывать предъ нами всѣ нравственныя язвы нанесенныя, а затѣмъ постоянно разстраиваемыя въ нихъ одною и тою же искусною рукою ихъ англійскихъ „принципаловъ“. Неужели насъ могли интересовать бредни древнихъ метафизиковъ и богослововъ? спрашивали они. Бюто же кромѣ ханжей, факировъ, да полоумныхъ аскетовъ можетъ еще видѣть какое-либо значеніе напр. въ тройномъ божествѣ? Баба Сандасси старый дуракъ, а факировъ лѣзущихъ для очищенїя отъ грѣховъ въ Гангу и остающихся подъ водою, рискуя въ ней утониться, пока они трижды не прочтутъ *мантры*, правительству слѣдовало бы засадить въ рабочій домъ...

Наши доводы и противорѣчія ужасно раздражали нѣкоторыхъ изъ нихъ. Одинъ статный Индусъ, драпированный въ бѣлую съ золотомъ шаль, съ золотыми кольцами на всехъ пальцахъ ногъ, огромнымъ знакомъ Вишну на лбу и въ золотомъ *pinse-pez* (!) обратился наконецъ ко мнѣ уже съ прямымъ вопросомъ: „Неужели я, проживъ такъ долго въ Америкѣ, родинѣ Томаса Пена, вѣрю еще въ какое-либо божество?“

— Признаюсь вѣрю, и вовсе не каюсь въ такой невѣжественной слабости, послѣдовалъ мой отвѣтъ.

— И въ „душу“ человѣка? переспросилъ онъ со сдержанною усмѣшкой.

— Да, и въ душу; и какъ ни удивительно, даже въ *безсмертный* духъ...

Юный магистръ, нервно заигравъ кольцами на ногахъ, обратился съ новымъ вопросомъ, довольно на этотъ разъ оригинальнымъ:

— Стало-быть, по вашему, Гѣкслай шарлатанъ и глупецъ? Въ свою очередь мнѣ пришлось вытаращить глаза.

— Это почему же?... осведомилась я у *pinse-pez*.

— Потому что или онъ, признаваемый всѣми авторитетъ, знаетъ о чемъ онъ говоритъ, или же онъ шарлатанъ, разсуждающій о томъ чего не понимаетъ...

— Гѣкслай, сказала я,—какъ натуралиста, физиолога и ученаго не только признаю, но и преклоняюсь предъ его знаніемъ, уважая въ немъ одинъ изъ величайшихъ авторитетовъ нашего времени, то-есть во всемъ касающемся чисто физическихъ наукъ; но какъ о философѣ имѣю о немъ весьма невысокое мнѣніе.

— Но вѣдь противъ логическихъ выводовъ основанныхъ на *фактахъ* трудно идти... Вы читали его статью въ *Fortnightly Review* объ „автоматизмѣ человѣка“?

— Кажется, читала... и кой-что запомнила изъ его удивительныхъ софизмовъ... Но что жь о ней?

— Вотъ что. Профессоръ въ ней *неоспоримо* доказалъ что человѣкъ не болѣе какъ сознательный и сознающій себя *автоматъ* *, добавляя къ этому въ своихъ *Lay Sermons* что человѣкъ—„хитрѣйшій изъ часовыхъ приборовъ природы“ **, но не болѣе.

* *Fortnightly Review*. November. 1874, p. 577.

** *Lay Sermons*, p. 164.

Мнѣ немного начиналъ надобдѣть этотъ споръ; я взглянула на Гулабъ-Лалабъ-Синга. Тотъ сидѣлъ нахмуривъ брови, не мѣшаясь до этого времени въ разговоръ. Зная его презрѣніе къ современному матеріализму, мнѣ захотѣлось втѣнуть и его въ споръ. Какъ бы ловявъ мою мысль, онъ тутъ же поспѣшилъ мнѣ на помощь.

— Позвольте мнѣ отвѣчать вамъ за нашу гостью, ладить саибъ. Я прочелъ упоминяемую вами статью очень недавно, и у меня можетъ-быть сохранились свѣжѣе въ памяти ученые софизмы Гѣксли; я готовъ привести вамъ самыя рѣзкіе изъ нихъ. Дѣйствительно, Гѣксли называетъ человѣка „автоматомъ“ и „часовымъ приборомъ природы“... Но дѣло не въ самомъ выраженіи, а въ томъ, успѣлъ ли онъ доказать то что говоритъ? Я говорю и докажу что не только не успѣлъ, но что онъ самымъ ребяческимъ образомъ противорѣчитъ своимъ словамъ...

„Pince-nez“ просто подскокнлъ при такомъ кощунствѣ противъ науки. Какъ? гдѣ?... великій Гѣксли противорѣчитъ себѣ?... Укажите и объясните...

— Если позволите, объясню и укажу, и право это не будетъ стоить большаго труда. Вы забываете что сокрушивъ достоинство человѣка эпитетомъ „автомата“, быть-можетъ изъ сожалѣнія къ недозрѣвшей до его великихъ идей публикѣ, къ малелькимъ слабостямъ меньшей и не ученой братіи, то-есть тѣхъ которые (говоря языкомъ Герберта Спенсера) „не послѣдуютъ за современнымъ быстрымъ движеніемъ завоевателей на почвѣ естественной исторіи и поэтому отстаютъ отъ физическихъ наукъ“—Гѣксли тутъ же самоходительно добавляетъ нѣчто весьма странное. Называя человѣка „автоматомъ“, онъ между тѣмъ великодушно допускаетъ что эта машина „одарена до известной степени свободной волей, такъ какъ во многихъ случаяхъ человѣкъ способенъ поступать согласно съ собственными желаніями...“ * Не такъ ли, если помните?...

— Кажется такъ... смущенно заявляетъ pince-nez.

— А если такъ, то мы должны думать что эта оговорка является лишь ради общаго предрасудка, и подносится профессоромъ публикѣ въ видѣ сахара на горькой пилюлѣ; потому что вѣдь иначе выходитъ что нашъ Гѣксли, величайшій

* *Fortnightly Review*, *ibid*, стр. 577.

изъ современныхъ ученыхъ, просто противорѣчить самъ себѣ... И однако даже и вы должны согласиться что человекъ одаренъ свободою волей?..

— Конечно. Но въ чемъ же вы видите тутъ такое великое противорѣчiе?..

— Неужели же вамъ не совершенно ясно что этимъ добавленiемъ, этою повидимому простою оговоркою Гѣксли, въ родѣ японскаго самоубiицы, самъ накладываетъ на себя какъ и на свою теорiю руки, и что такъ ловко придуманное имъ выраженiе „автоматъ“ является черезъ эту несчастную для него оговорку чистою нелѣпностью?... Сперва, по его увѣренiю, человекъ въ буквальной смыслѣ, и не менѣе лягушки и кролика, есть не что иное какъ не обладающiй никакою собственною волей „автоматъ“; затѣмъ допускается что этотъ автоматъ въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ поступать по собственному усмотрѣнiю, и наконецъ что его „воля“ должна приниматься во вниманiе какъ условiе влiяющее на теченiе дѣлъ.“ (*Physical Basis of Life.*) Въ итогѣ получается то что человекъ остается, послѣ этого ученаго объясненiя, тѣмъ же чѣмъ всегда былъ, то есть *мыслящимъ и одареннымъ свободою волей существомъ*. Этотъ одаренный свободною волей „автоматъ“ является интересною и конечно неожиданныю новостью въ области физическихъ наукъ, какъ замѣтилъ его оппонентъ Дг. Эламъ. Потому что вѣдь ни скептику, ни вѣрующему, никогда не можетъ придти въ голову что свободная воля есть что-либо иное кромѣ простаго свойства поступать по собственной волѣ!... Такимъ образомъ „автоматъ“ разсылается въ прахъ, и мы видимъ что Гѣксли не дуракомъ было бы поучиться логикѣ у нашего Канады и другихъ философовъ которыхъ вы такъ презираете.

— Прекрасно... положимъ что въ этомъ вы правы... бормоталъ огорошенный магистръ.—Но вотъ возьмемъ другой примѣръ... Тиндалъ, который говоритъ существенно то же самое: „Матерiя и только одна матерiя содержитъ въ себѣ всѣ обѣщанiя, все могущество земнаго бытiя!“ объявлялъ онъ въ 1874 году предъ отборнѣйшею и ученѣйшею публикой въ мiрѣ, на Бельфастскомъ собранiи. Это счастливое выраженiе: „In matter I discern the promise and potency of all terrestrial life“, вызвавъ на Тиндала злобу всѣхъ отсталыхъ фантазеровъ, облетѣло телерь весь свѣтъ... оно сдѣлалось настоящимъ лозунгомъ физики!..

— Но только совершенно напрасно привело въ трепеть ужаса весь вѣрующій міръ—можете добавить. Подобно Гѣкслю, Тиндалъ въ другой лекціи самъ опровергаетъ свое „счастливое выраженіе“. Не угодно ли вамъ заглянуть въ его *Scientific Materialism*, отвѣтъ на критику (Dr. Мартино) этого самаго, поднявшаго міръ на дыбы, выраженія. Тамъ онъ совершенно ясно сознается въ томъ что наше „внутреннее сознаніе“ (*consciousness*) принадлежитъ „совершенно къ другому классу явленій, соотношеніе коего съ физическою наукою *нелмыслимо*“ (!) и тутъ же, раздѣляя явленія природы уже на два, а не на *одинъ* классъ, почтенный матеріалистъ начинаетъ разсуждать о той (между обоими классами) безднѣ, перешагнуть которую невозможно и которая такъ и „останется навѣки *непроходимю* въ умственномъ смыслѣ... (*intellectually impassable*)...“ Увы! гдѣ же оно теперь? Куда дѣвалось это пресловутое всемогущество его матеріи?...

Павидиты переглядывались. Видно было что наша коса на камень. Слышать какъ двухъ такихъ патріарховъ науки, каковы Гѣксль и Тиндалъ, обвиняютъ въ томъ что они сами еще не знаютъ того чему желаютъ учить другихъ, и не быть въ состояніи заступиться за этихъ пророковъ положительныхъ наукъ, и грустно и обидно. Наша партія торжествовала...

— А теперь, продолжалъ Такуръ,—позвольте и мнѣ, въ мою очередь, цитировать слова другаго не менѣе ученаго и столь же извѣстаго какъ и тѣ два ученые натуралиста—въ подтвержденіе шаткости ихъ теорій. Вспомните что говоритъ Дюбуа-Реймонъ о явленіи сознанія: „Совершенно и на вѣки остается непостижимымъ чтобы данное количество атомовъ углерода, водорода, азота и кислорода могли являться наука иначе какъ безусловно пассивными (*indifferent*) къ своему положенію и движеніямъ и это—въ прошломъ, настоящемъ какъ и въ будущемъ“. Эти слова, въ добавокъ, цитируются самимъ же Тиндалемъ. * И къ вамъ уже въ собственныхъ словахъ онъ добавляетъ слѣдующее: „Непрерывность (*continuity*) между молекулярными процессами и явленіями сознанія... *скала* на которой матеріализму суждено неминуемо разбиваться при каждой его претензіи считаться лозною философій человеческого мышленія“... И несмотря на такое покое сознаніе въ одной статьѣ, онъ, въ другой

* *Fortnightly Review*, November 1875, p. 585.

статьѣ „О научномъ матеріализмѣ“ (стр. 419), не записавшись разсуждаетъ объ „отношеніяхъ физики къ сознанию“ какъ о чемъ-то „неизмѣнномъ“ и положительномъ...

— Въ этомъ его поддерживаютъ всѣ другіе авторитеты науки... уже робко ввернули слово ландиты, — и Вирховъ тоже...

— Далекое не всѣ, перебилъ полковникъ спорщиковъ, — а только нѣкоторые, да и тѣ въ умѣренномъ числѣ.

— И право, требуется не болѣе самаго поверхностнаго знакомства съ физиологіей и патологіей, добавилъ Гулабъ-Лалль-Сингъ, — чтобы придти къ убѣжденію что не только „неизмѣннаго“, но даже и исключительнаго отношенія очень мало найдется между чисто физикою и даже физиологіей, а не только что между чисто психическими явленіями... Что же касается Вирхова, то онъ, отдавая *Дитропоемію* Геккеля, въ то же время (хотя и косвенно) отдавая и тѣхъ кто такъ горячо поддерживали это сочиненіе при его появленіи.

— Очень жаль, буркнулъ ландитъ въ *pinse-nez*, — потому что въ такомъ случаѣ Вирховъ идетъ противъ авторитета одного изъ величайшихъ мыслителей своей родины, именно противъ Бюхвера. А вѣдь самъ же Бюхверъ говоритъ въ *Kraft und Stoff* (стр. XXVII. Предисловіе): „натуралисты всѣ давно *dokazali* что за исключеніемъ силъ физической, химической и механической, *нѣтъ другихъ силъ въ природѣ*“.

— Не сомнѣваюсь что Бюхверъ это говоритъ, какъ и въ томъ что у васъ отличная память, насмѣшливо отвѣтилъ Такуръ.— Да то ли еще онъ говоритъ! Вотъ, напримеръ, онъ какъ бы повторяетъ слова нашего Ману: „Матерія—начало всего существующаго; всѣ естественныя и умственныя силы природы присущи ей (стр. 32). Природа всезарождающая и вселожирающая есть собственное начало и конецъ, рожденіе и смерть. Она произвела человѣка собственнымъ могуществомъ и беретъ его къ себѣ назадъ...“ (стр. 88). Но Ману, говоря то же самое,* однимъ простымъ заявленіемъ что все

* „Изъ собственной его (Брамы) эссенціи сгущается мировой эфиръ—материализация его воли, видимая и невидимая, осязаемая и неосязаемая матерія, разлагающаяся по его дунуенію на *огонь, воду, землю и воздухъ*. Изъ паровъ земныхъ (дыханіе Брамы) зараж-

видимое зараждается отъ *невидимой*, но *сознательной* силы, стоитъ въ отношеніи логики какъ и философіи стократъ выше всѣхъ Бюхнеровъ прошлыхъ и будущихъ. Что нѣкоторые естествоискусники и такъ-называемые философы *уверяютъ* насъ будто кромѣ этой тройной матеріальной силы нѣтъ другихъ силъ въ природѣ, то это всякому извѣстно. Но чтобы они когда-либо *доказали* свои гипотезы прямымъ подтвержденіемъ науки, это я положительно отвергаю...

— Но неужели же намъ въ XIX столѣтіи предпочитать Бюхнеру и Гѣкслю—Ману?

— Если Ману въ сущности учить тому же что и западные современные ученые, такъ почему бы и нѣтъ? Вы не можете не согласиться что Ману *предупреждаетъ* въ своемъ ученіи почти все то что проповѣдуютъ теперь свѣту гг. эволюціонисты—„апостоламъ разума“, выдавая свои теоріи за нѣчто совершенно новое. Если же Ману услѣдуетъ еще и въ томъ на чемъ обрываются эти апостола матеріи и поэтому отрицаютъ оное, то-есть если онъ логически доказываетъ необходимость связи между духомъ и матеріей и устами Патанджали * подтверждаетъ эту связь экспериментальными демонстраціями надъ самою двойкою природою человѣка—этого высшего тайника духа и матеріи,—то я положительно утверждаю что Ману стоитъ несравненно выше современной науки, но крайней мѣрѣ во всемъ касающемся какъ чисто духовной природы, такъ и физиологіи человѣка.

даются всѣ твари и вещества органическія и неорганическія, изъ семени брешеннаго въ землю, оплодотвореннаго божественнымъ духомъ и зародившагося изъ его собственного безкомечнаго и безначальнаго вещества—всемірнаго семени.“ (*Шлока*, XV)... „Давъ міру время развиться по законамъ перерожденія (эволюціи) верховный властелинъ, оплодотворяющій послѣ каждой *пратали* (периодическаго міроваго разрушенія, или правильнѣе, исчезновенія міра изъ объективнаго въ субъективныи) лучезарное яйцо природы, по оказаніи своихъ перерожденій (трансформаций) снова погружается въ душу вселенной—Парабраму“ (*Ману*, книга 1).

Брама—мировое воплощеніе Парабрамы, богъ въ образѣ природы. Невидимый и безо всякаго образа духъ оживотворяетъ лишь лучезарное чрево (яйцо), изъ котораго и появляется двуполый Брама, или творческая сила Парабрамы, при началѣ каждаго новаго цика.

* Патанджали—основатель системы *йогема* и психологическаго развитія человѣка посредствомъ постепеннаго измѣненія его физической природы.

— Вы намъ, кажется, совѣтуете вернуться къ идолопоклонству? послѣдовалъ пролическій вопросъ.

— Нисколько. Наши древніе философы никогда не учили насъ поклоняться 'идоламъ. Къ тому же и совѣтовать вамъ это было бы напрасно, когда вы и безъ того воздаете честь Вишну и Шивъ и другимъ богамъ, до сихъ поръ еще не стережъ ихъ знаковъ съ вашего лица... Если ужъ вы рѣшили разъ откинуть всѣ обычаи старины, то почему же вы не разстаетесь и съ этими языческими знаками?

— Это... это обычай касты... и не имѣть ничего общаго съ вѣрой въ идоловъ, бормотали перековфуженные лавдиты.

— Какъ не имѣть? Неужели вы забыли или никогда и не знали что касты, по ученію брамановъ, основаны самими богами; что боги первые подчиняются кастѣ, и лица идоловъ украшаются ежедневно каждое знаками-своей особенной секты? неумолимо преслѣдовалъ ихъ Такуръ.

— Но вѣдь и наши лучшіе философы, спорили лавдиты,— вѣроятно носили эти знаки... Если мы вѣримъ Дарвина и Геккелю, то быть-можетъ лишь потому что эти ученые дополняютъ и окончателно развиваютъ матеріалистическія воззрѣнія Калилы и Ману. *Санкія* Калилы, налпримѣръ, не менѣе атеистическая философія нежели Геккелевская *Антропогенія*.

— Вы вѣроятно забыли ученіе Калилы... Тамъ гдѣ Геккель видитъ силу и творчество въ одной матеріи, Калила считаетъ немислмымъ что-либо приписывать *пракриту* * безъ содѣйствія *пуруши* **. Онъ сравниваетъ ихъ: „пракриту“ съ человѣкомъ со здоровыми ногами, но безглазого и безголового, а „пурушу“—съ существомъ съ глазами и мозгомъ, но безъ ногъ и движенія. Для того чтобы міръ могъ развиваться и произвести наконецъ человѣка, *пуруша* (духъ) долженъ былъ сѣсть на шею безголовой *пракриту* (матеріи), и только тогда она стала одарена сознаніемъ жизни и лмысла, а *пуруша* получилъ способность двигаться ея ногами и заявить о своемъ существованіи. Если *пуруша* безсиленъ въ своихъ заявленіяхъ и есть какъ бы одна не существующая

* *Пракрита*—пластическая матерія, природа въ своемъ хаотическомъ и неясномъ состояніи.

** *Пуруша*—духъ неосязаемый и не проявляющійся въ природѣ иначе какъ чрезъ пракриту или матерію которую онъ оживляетъ.

абстракція безъ помощи объективной формы *пакрмты*, то послѣдняя и того хуже. Безъ содѣйствія духа и его животворящаго вліянія она лишь куча безжизненнаго навоза...

— Мы слышали что васъ также занимаетъ и древній зоорастріаннизмъ, приставаль ко мнѣ другой лавдитъ.—Какое ваше мнѣніе о солнцѣ какъ о божествѣ—о *Сурью*?

— Лучше, по-моему, вѣрить даже въ *Сурью* нежели ни во что. Солнце которое насъ грѣетъ и кормитъ давая жизнь всей земной природѣ куда лучше Бюхнера и членовъ Королевскаго Общества, предъ которыми вы творите какъ предъ какими-то божествами „луджу“...

— Но если вѣрить въ *Сурью*, такъ почему же разокъ не вернуться къ вѣрѣ во всѣ тридцать три милліона нашихъ древнихъ боговъ — въ Кали, Кришну и даже *Хану-мана*?

— Да я вамъ вовсе и не совѣтую вѣрить въ того или другаго, защищалась я.— Я говорю сравнительно, и повторяю что по моему лучше вѣрить *даже* въ *Хану-мана* чѣмъ, на примѣръ, въ *Bathubius Naeskelii* или въ мистическаго безхвостаго антропоида, котораго Геккель намъ жалуешь въ предки...

— Онъ доказываетъ то что говорить... Геккель начинаетъ эволюцію бытія съ первыхъ атомовъ и логически развиваетъ постепенную трансформацию отъ первородной протоплазмы...

— Такъ лускай и развиваетъ на здоровье. А по-моему *лукусъ* и всѣ протоплазмы гг. Окена и Геккеля ничуть не умнѣе первобытной тины и чудовищъ которыми Берозій застаетъ эту тину въ своей древней сказкѣ о сотвореніи міра...

Лавдиты наконецъ ушли, унося съ собою полное убѣжденіе въ томъ что мы невѣжественные ретрограды.

— Ну, хороша же ваша ученая „юная Индія“! говорил полковникъ.—У меня положительно разболѣлась голова отъ ихъ бредней...

— За это благодарите Англичанъ, отвѣчалъ Такуръ;—а съ насъ несправедливо взыскивать за чужіе грѣхи.

XXVI.

Мы снова въ темныхъ, душныхъ вагонахъ. Черезъ пять минутъ поѣздъ съ оглушающимъ грохотомъ промчитъ насъ черезъ длинный мостъ на Джумнѣ, а черезъ шесть часовъ мы будемъ въ Каунпурѣ, гдѣ Англо-Индія перевернула самую кровавую страницу своей исторіи. Насъ провожаютъ наши голоногіе друзья лавдиты въ шитыхъ золотомъ шалахъ; къ нимъ присоединились нѣсколько бенгальскихъ бабѹ, въ бѣлосѣбныхъ кисейныхъ тогахъ и всѣ до одного простоволосые. Вдали мелькаетъ „оберъ-шпіонъ“; мы видимъ какъ онъ садится въ сосѣдній съ нами вагонъ, въ сопровожденіи большой корзинки наполненной бутылками водки и содовой воды и ящичка со льдомъ. Такуръ уѣхалъ съ Нараяномъ на кануѣ приготовить для насъ такое мѣсто куда еще „никогда не ступала нога Англичанина—и не ступитъ“ (говорилъ онъ). А пока мы должны удовольствоваться этимъ общаіемъ и даже не спрашивать его объ этомъ, особенно въ присутствіи мистера У*** и миссъ Б***, которые хотя теософы и наши друзья, но все же Англичане. Можно положительно сказать что въ Индіи никто изъ этой націи не будетъ прозведенъ во святые....

Всѣ окна вагона съ темнозелеными стеклами, иначе пассажиры могли бы ослабнуть. Когда ихъ спускаютъ, то на ихъ мѣсто подымаются подвижныя ставни изъ кускуса на шалверахъ. Вдѣланныя по обѣ стороны оконныхъ рамъ въ стѣнахъ вагона гидравлическія машины, при каждомъ поворотѣ колесъ поѣзда обливаютъ ставни водой, отчего они вертятся какъ вентиляторы въ форточкахъ и якобы пропускаютъ разсѣваемый поѣздомъ прохладный воздухъ. Но увы! не отѣхали мы и двухъ миль какъ пощупавъ ставень рукой, а чуть было не обожгла себѣ пальцы: вода на солнцѣ сдѣлалась совершенно горячею. Въ прошломъ году, въ іюнѣ (разказывалъ намъ за нѣсколько минутъ до отѣзда содержатель Келлеровскаго ресторана на Аллахабадскомъ вокзалѣ, Французъ Монкутѣ), съ полуденнымъ поѣздомъ пріѣхало семейство одного полковника. Когда пассажиры стали выходить на платформу, то изъ вагона полковника выскочили два мальчика крича и плача... Въ вагонѣ неподвижно лежали

полковникъ—мертвецки пьяный и жена его, болѣзненная женщина лѣтъ двадцати двухъ,—мертваа. Доктора рѣшили что смерть приключилась вслѣдствіе алоплексіи отъ жары. У самого Монкутье умерли въ одинъ день его два сына (двадцати и четырнадцать лѣтъ) выбѣжавъ только на пѣсколко минутъ на солнце. Бѣдный Французъ со слезами рсказывалъ намъ про смерть своихъ сыночекъ, суетясь въ то же время за прилавкомъ, гдѣ онъ втрюдорога продалъ намъ илпиросы, постоянно притомъ предлагая намъ un verre d'absinthe ou de vermont. — „Ah, le gremlin de pays! повтoралъ онъ захлебываясь слезами при вослиминаніи о дѣтяхъ: Un vrai enfer, quoil... Et puis, pas un de ces cochons d'Anglais qui sache un mot de français. Oh, que je voudrais donc voir un jour les Russes ici!“...

Мы засмѣялись, но сочли за лучшее не принимать участія въ его опасныхъ пожеланіяхъ. Обернувшись, мы увидали за слиной нашего бѣакураго шпіона, которому лакей наливаетъ „прохладительное“ питье изъ бутылки рома. На этотъ разъ бѣдный Монкутье должно-быть срѣзася въ своихъ свиданіяхъ о не говорящихъ по-французски Англичанахъ. Возвращаясь въ Бомбей едва черезъ мѣсяць послѣ того, мы уже не застали Француза за прилавкомъ, подрядчикъ Келлеръ смѣшилъ его и услалъ на другую и дальнюю станцію за „болтовню“.

Наканувъ отъѣзда Такуръ принесъ намъ пучокъ свѣжихъ листьевъ и предложилъ попробовать ихъ. Вкусомъ они напоминали щавель, оставляя во рту прохладное какъ послѣдствіе ощущение. Онъ взялъ съ насъ формальное обѣщаніе держать по маленькому кусочку этихъ листьевъ во рту во все время переѣзда до Канпура и вообще днемъ во время жары. „Пока вы ихъ будете жевать какъ бетель, жара не будетъ имѣть на васъ вреднаго вліанія (сказалъ онъ намъ), и вамъ подчасъ даже будетъ слишкомъ прохладно“. И дѣйствительно, мы съ тѣхъ поръ будто не чувствовали зноя. Но намъ не удалось уговорить У*** держать эту траву во рту, а миссъ Б*** постоянно ее выплевывала, и оба чуть было не заболѣли. Искренно сожалѣю что не имѣю права ни описать этого растенія, ни послать его въ Россію для изслѣдованія: Индусы странный народъ, и даже самъ Такуръ, лучший и благороднѣйшій изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ Индусовъ и нашъ преданнѣйшій другъ, не свободенъ отъ этихъ странностей.

Она какъ будто скрываетъ познанія своей родины, особенно такіа на которыя современная наука взираетъ какъ на нѣчто сказочное. На наши вопросы: почему бы ему не обогатить и западную науку лишнимъ открытіемъ, столь полезнымъ въ этой знойной странѣ, она какъ-то загадочно улыбулася, замѣтивъ что эта трава растетъ только въ Индіи, да и то встрѣчается весьма рѣдко, и что всѣхъ де не спасетъ. „Наука на Западѣ богата и безъ нашихъ крохъ, и вы, которые у насъ все взяли, оставьте намъ хоть эти крохи“, добавилъ она.

Каунпуръ—мѣсто безо всякой исторіи, и пока Англичане не избрали его въ 1777 году передовымъ постомъ для своихъ гарнизоновъ въ Индіи, оно оставалось въ полной неизвестности. Станція желѣзной дороги находится за городомъ, и мы уже собирались взять двѣ разволоченныя *гары* на волахъ, когда слуга Такура объявилъ намъ что его *мава саабъ* (великій господинъ) выслалъ намъ европейскій экипажъ. Это былъ обитый арколунцовымъ бархатомъ, четырехмѣстный ландо, съ двумя висѣвшими позади какъ двѣ круныя калаи крови *саисами*, въ красныхъ съ золотомъ кафтанахъ и такихъ же тюрбанахъ, и съ четырьмя такими же саисами въ дивреяхъ, долговязыми и быстроногими скороходами, бѣжавшими впереди ландо. Прибавьте къ этому четырехъ конныхъ Раджлутовъ, тѣлохранителей Гулабъ-Лаалъ-Синга, и вы поймете почему полковникъ, садясь въ карету, замѣтилъ: „Перенесись мы какимъ-либо волшебствомъ въ Нью-Йоркъ, насъ навѣрно приняли бы за продающихъ зубной элексиръ и магическіе порошки пріѣзжихъ шарлатановъ“. Но мы были въ Индіи, и народъ встрѣчаясь съ нами чуть не бросался на землю предъ такимъ яркимъ величіемъ.

Первое бросившееся намъ въ глаза строеніе была лустая, изъ темнокраснаго кирпича, огромная церковь безъ оконъ и дверей, съ высокою острокопечною колокольней. Это зданіе въ продолженіе слѣшкомъ трехъ недѣль служило слабою крѣпостью перерѣзанному въ послѣдствіи гарнизону, засѣвшему въ немъ по открытіи мятежа 6 іюня 1857 года.

Что было первою причиною этого кроваваго мятежа? Европа читаетъ реляціи Англичанъ и воображаетъ что читаетъ исторію. Ей даже и въ голову не приходитъ спросить, есть ли между многими исторіями бунта хоть одна написанная вѣрно и безпристрастно. Индусовъ никогда и никто не спра-

шивалъ сколько въ показаніяхъ ихъ завоевателей истины, которая изъ двухъ сторонъ виновна въ большихъ преступленіяхъ и кто совершилъ болѣе звѣрскихъ жестокостей: образованный ли, гуманный Европеецъ, или дикій, доведенный до изступленія Азіатецъ? По этому поводу мы собирали *факты* не отъ одного, а отъ многихъ, отнюдь не стоворивавшихся между собою людей. Ихъ показанія въ главныхъ чертахъ согласуются вполнѣ, потому мы и вѣримъ имъ болѣе нежели всѣмъ „исторіямъ“ мятежа 1857 года взятымъ вмѣстѣ. „Смазаные свиннымъ саломъ патроны“, причина бунта *мусульманъ*, и „ремни“ изъ коровьей кожи возмутившіе *Индусовъ*—не что иное какъ послѣдняя, переполнившая сосудъ горечи капля..

За нѣсколько времени до мятежа, въ Битхлурѣ, большомъ мѣстечкѣ на правомъ берегу Гангу, въ 12 миляхъ отъ Каулура, проживалъ Индусъ изъ стариннаго и гордаго рода, по имени Дундху Пунтъ, болѣе извѣстный подъ прозвищемъ Нана-Сауба. Онъ былъ усыновленнымъ наслѣдникомъ послѣдняго „лейшва“ (царственнаго главы Махратской конфедераціи) Баджи-Рао и по смерти послѣдняго получалъ въ наслѣдство всѣ его помѣстья, сокровища и имѣнія. Нѣкоторые Англичане, подобросовѣстнѣе, сознаются въ томъ что этотъ молодой человекъ, двоюродный братъ махараджи Сунди, имѣлъ полное право ненавидѣть правительство. Въ своемъ официальномъ рапортѣ полковникъ Шереръ пишетъ, напимѣръ, слѣдующую многозначительную фразу: „Этотъ человекъ имѣлъ къ намъ претензію на которую мы, Бритты, съ обычнымъ всѣмъ преуслѣвающимъ господамъ десимпатическимъ обхожденіемъ, не обратили никакого вниманія.“ Усыновленный въ 1832 году, еще ребенкомъ, Нана-Саубъ выросъ въ полной увѣренности что онъ наслѣдуетъ титулъ и положеніе „лейшвы“—честь въ сущности, благодаря Англичанамъ, болѣе номинальная чѣмъ дѣйствительная, во все же льстившая самолюбію того кто имѣлъ на нее право. За пять лѣтъ до бунта, старый Баджи-Рао умеръ, а вслѣдъ за его смертью тогдашнее правительство лорда Дальгузи тотчасъ же и безо всякаго повода объявило что званіе „лейшвы“ упразднено и что принцъ Дундху наслѣдуетъ лишь частныя помѣстья и собственность отца. Вслѣдствіе этого, получаемый старымъ раджей пенсіонъ былъ прекращенъ; арміи приказано не отдавать чести наслѣднику, и даже нѣсколько старыхъ,

давно негодныхъ артиллерійскихъ орудій, великодушно оставленныхъ свергнутому съ престола принцу, которыми бѣдный узникъ тѣшилса на старости лѣтъ, отняты у Нана-Сауба. Въ продолженіе четырехъ слишкомъ лѣтъ юный принцъ разорялся въ напрасныхъ усиліяхъ заставить директоровъ Компаніи отменить несправедливое рѣшеніе. Въмѣсто того чтобы твердо, но ласково обратить его вниманіе на тщетность его хлопотъ, дирекція показала ему на дверь грозя отнять у него даже его частное наслѣдіе. Между тѣмъ у Нана-Сауба были двѣ сестры, двѣнадцати и тринадцати лѣтъ; старшая красавица, и обѣ замужемъ. Поѣхавъ однажды съ кормилицей и слугами на богомолье, онъ подвергся нападенію льяныхъ офицеровъ, которые ворвались въ передній дворъ пещернаго храма, когда тѣ только что сошли раздѣтыя въ священный тапкъ, и... обезчестили обѣихъ. Единогласное показаніе увѣряетъ будто Нана-Саубъ убилъ обѣихъ дѣвочекъ собственною рукою и *по ихъ же неотступной просьбѣ*; а убивъ выпилъ по калѣ крови каждой и поклонился на ней отмытить женамъ и дочерямъ Англичанъ, или же умереть самому. У Нана-Сауба былъ довѣренный и любимый имъ другъ, Индусъ насильно обращенный въ мусульманство, который, бѣжавъ изъ Хайдерабада и получивъ пріютъ и защиту у Нана-Сауба, вернулся къ индійской вѣрѣ. Англичанамъ Индусъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Азимъ-муллы-хана. Этотъ Азимъ былъ правою рукою и секретаремъ Нана-Сауба. Въ началѣ 1855 года, Азимъ былъ посланъ своимъ господиномъ въ Англію искать защиты въ парламентъ. Теперь Англичане представляютъ его какимъ-то низкимъ лакеемъ и поставщикомъ для гарема Нана-Сауба, хотя послѣдній по смерти отца былъ посвященъ въ званіе *брамачаріи*, то-есть свѣтскаго монаха, и не только никакого гарема, но и жены не имѣлъ. Англичане въ своихъ „исторіяхъ“ жалуются на Азима, называя его „тигромъ въ человѣческомъ образѣ“, обвиняютъ его въ томъ что онъ будто бы шпіоновилъ за ними подъ Севастополемъ и, провѣдавъ объ ихъ слабостяхъ, превеличилъ де оныя въ глазахъ своихъ соотечественниковъ, которые поэтому и осмѣлились взбунтоваться; наконецъ, Азимъ-мулла-ханъ вошелъ будто бы „въ заговоръ со врагами Великобританіи въ Турціи и даже тайкомъ ѣздилъ въ Россію“. Но во дни пребыванія Азимъ-муллы въ Англіи, его живелисьные костюмы, брилліанты, шали и драгоценности

очаровывали не однихъ сходившихъ по немъ съ ума англійскихъ леди, но даже важныхъ сановниковъ. Онъ былъ приятель въ высшемъ обществѣ Лондона и Брайтона, всѣ газеты расхваливали изящество его манеръ и образованія... Какъ же теперь называть его „подлымъ лакеемъ“? Нѣсколько знатныхъ леди уже собирались исполнить данное ему въ Лондонѣ обѣщаніе—навѣстить его господина, принца Наму въ его помѣсть Битхлуръ, когда преждевременно вспыхнулъ давно подготовленный мятежъ, и планы Нана-Саиба рушились.

Можно навѣрное сказать что Нана-Саибомъ, какъ и всеми главными заговорщиками, гораздо болѣе руководило чувство мести и ненависти къ Англичанамъ чѣмъ надежда на политическій переворотъ. Конечно, еслибы планы Нана-Саиба удались, то въ Индіи снова водворилась бы Могульская и Махратская имперія. Но чувство ненасытной мести, страстное желаніе обезчестить Англію въ лицѣ ея знатнѣйшихъ женъ и дочерей, обезчестить такъ чтобы (по словамъ передававашаго намъ эти подробности) „безчестіе это сдѣлалось историческимъ, и преданіе страны вослѣствовало бы справедливую мечь Махратскаго принца до будущей *пралайи*“, было главнымъ и первымъ его лобужденіемъ. Такъ ловко сыгралъ свою роль Азимъ-мулла-ханъ что не менѣе 14 знатнѣйшихъ дамъ при Лондонскомъ дворѣ (какъ сказано выше), очарованныя этимъ азіатскимъ дипломатомъ, готовы были добровольно посѣтить договеще сторожившаго ихъ звѣря, и ихъ пріѣздъ въ Битхлуръ долженъ былъ послужить сигналомъ къ общему возстанію. Слѣлая судьба—*кисметъ*—спасла конечно ихъ, но не спасла ихъ англо-индійскихъ сестеръ.

Девизомъ Нана-Саиба сдѣлалось изреченіе лобъжденной богини Виргилія. И дѣйствительно, онъ, по выраженію его біографовъ, „выдвинулъ весь адъ“, созвавъ вдобавокъ всѣхъ демоновъ восточной мести къ своимъ услугамъ...

Насоливъ ему со всѣхъ сторонъ, лишивъ его сначала сестеръ, а затѣмъ званія, почестей, пенсіи, Англичане съ довѣрчивостью невинности и чистой совѣсти, вслѣдствіе нѣсколькихъ ловко придуманныхъ и заданныхъ имъ Нана-Саибомъ пировъ, вообразили себѣ что наслѣдникъ „лейшвы“ ихъ величайшій другъ. Ежедневно ожидая что силаи его полка послѣдуютъ примѣру своихъ товарищей и взбунтуются, генералъ Уиллеръ еще 26 мая вызвалъ Нана-Саиба изъ Битх-

пура „помощь ему услокоить силаевъ и предупредить мятежь“. Нана явилася немедленно и привелъ съ собою двѣсти изъ своихъ латисотъ вооруженныхъ тѣлохранителей и три или четыре оставшіяся у него пушки. Его назначили охранять казначейство, и онъ поселился въ собственномъ домѣ въ Навабгуджѣ. Ему были извѣстны всѣ переговоры между гражданскими и военными властями, и онъ, вмѣстѣ съ Англичанами, приготовлялъ „убѣжище“ женщинамъ и дѣтямъ...

Когда 6 іюня взбунтовались силаи и вмѣсто того чтобы по обыкновенію своему перерѣзать офицеровъ, разграбили полковую кассу, а затѣмъ отправились по дорогѣ къ Дельхи, желая присоединиться къ корпусу главныхъ мятежниковъ, то Англичане, укрьпившись въ церкви и провіантскихъ баракахъ, великодушно передали въ руки клявшагося имъ въ „вѣчной дружбѣ“ Нана-Сауба арсеналъ, пороховой магазинъ, паркъ и все что оставалось отъ казны, поручая своему „вѣрному союзнику“ защищать ихъ отъ народа. Тогда Нана, сбросивъ наконецъ маску, вернулъ силаевъ съ дороги, и на другой же день, то-есть 7 іюня, открылъ было по своимъ „друзьямъ“ огонь, но тотчасъ же опять прекратилъ его: адская мысль озарила Махрата. Смерть мгновенная и не дающая времени страдать—не наказаніе. Какъ кошка съ мышью привыкъ онъ играть со своими лѣвниками: онъ зналъ сколько было въ баракахъ провіанту и началъ морить ихъ голодомъ... Черезъ двѣ недѣли изъ 250 человекъ вошедшихъ въ укрьпленіе гарнизона оставалось только 150, а изъ 380 женщинъ и дѣтей на половину менѣе. Трупы гнили почти на поверхности земли, предъ глазами пережившихъ. То была долгая, страшная агонія...

Наконецъ Нана рѣшился покомчить съ ними. 26 іюня онъ послалъ имъ сказать что если они доверятся ему, то онъ спасетъ оставшихся въ живыхъ. Гарнизонъ, предпочитая скорую расправу мукамъ голодной смерти, согласился. Тогда диванный престола принцъ велѣлъ заготовить лодки, обѣщая своимъ лѣвникамъ выгрузить ихъ въ Аллахабадъ, и на утро 27го часть ихъ была размѣщена на тридцати баркасахъ. Какъ только они были размѣщены, лодчики зажгли соломенные навѣсы лодокъ, а силаи стали стрѣлять въ лѣвниковъ. Изъ тридцати лодокъ только двѣ успѣли потушить огонь и отплыть на средину рѣки, которая въ томъ мѣстѣ имѣетъ цѣлую милю ширины. Одна изъ этихъ двухъ лодокъ

пробитая ядрами скоро потонула, другая спаслась какимъ-то чудомъ; но изъ 28 человекъ только четверо пережили это утро, попрытавшись въ тростникъ. Не утопившихъ вытащили и привели обратно на берегъ. Во все это самъ Нана не вмѣшивался. Говорятъ будто утромъ того дня онъ объявилъ что предоставляетъ лѣвниковъ въ руки судьбы и народа: кто спасется—благо тому, а кому погибнуть—того даже и самъ онъ сласти не въ состоянiи; притомъ онъ добавилъ чтобы ни одинъ „бѣлый“ который избѣгаетъ смерти больше не попадался ему въ руки, а то будетъ казненъ. Всѣхъ спасшихся изъ воды мушкетъ перестрѣляли; а женщинъ и дѣтей посадили въ другое зданiе называемое „Савади Котти“, не далеко отъ вокзала, и оставили дней на десять въ живыхъ. Быть-можетъ Нана и даровалъ бы имъ жизнь, но случилось слѣдующее: 10 iюля, проѣзжая мимо Битхлуря съ сильною партiей обоего пола бѣглецовъ изъ Фатсагара, полковникъ Смитъ былъ замѣченъ на рѣкѣ часовыми. Лодку схватили, и человекъ сличкомъ пятьдесятъ, включая женщинъ и дѣтей, были взяты въ лѣвѣ. На утро ихъ погнали, по ужасной жарѣ, лѣшкомъ, въ Кауулуръ и представили Нана-Саибу. Въмѣсто того чтобы молчать и покорясь своей участи ждать жизни или смерти, Анганчама (по разказамъ) стали страшно оскорблять Нана-Саиба, называя его, между прочимъ, „незаконнымъ сыномъ“—оскорбленiе ваекущее за собою у гордыхъ брамановъ смерть. Тогда мушкетъ повели на плацъ-парадъ и разстрѣляли, а женщинъ и дѣтей присоединили къ прежнимъ лѣвникамъ. Весь этотъ страшный перiодъ покрытъ мракомъ таинственности. Вообще никто изъ лѣвниковъ не остался въ живыхъ чтобы разказать что именно происходило, но должно - быть произошло нѣчто ужасное, неслыханное...

Вѣроятно, еслибы Нана - Саибу посчастливилось, онъ не казнилъ бы ни женщинъ, ни дѣтей, которыхъ, какъ извѣстно, онъ оставилъ въ живыхъ до послѣдней минуты своей власти. Но 15 iюля, при Аундѣ, онъ проигралъ сраженiе и долженъ былъ скрыться. Въ минуту безумнаго бѣшенства, въ послѣднюю ночь своей власти и пребывания въ Кауулурѣ, онъ отступилъ, говорятъ, за своихъ сестеръ: онъ впустилъ толпу опоевныхъ оліумомъ и баголтъ сипаевъ (мусульманъ и Индусовъ) въ домъ гдѣ содержались европейскiя женщины, за нѣсколько часовъ до ихъ смертной казни. Разказываютъ также

что четверо мушницъ, судья Торригалъ, полковникъ Смитъ и двое другихъ, были нарочно оставлены въ живыхъ дабы сдѣлать ихъ свидѣтелями этого національнаго безчестья. Назаръ мушницъ вытащили на улицу и зарѣзали, а также 250 женщинъ и дѣтей. Тѣла ихъ бросили въ глубокой и знаменитый съ тѣхъ поръ „колодезь“.

Продолжать повѣствованіе напрасно, ибо вся Европа знаетъ остальное. Добавлю лишь нѣкоторыя подробности о которыхъ она никогда не слыхала. Когда Каунпуромъ снова овладѣли Англичане и въ немъ водворилась тишина (что случилось вечеромъ того же дня), Нана-Саиба уже тамъ не было: онъ исчезъ безслѣдно. Какъ извѣстно, Англичане долго показывали въ желѣзной клѣткѣ узника, котораго, за неимѣніемъ оригинала, хотѣли выдать за принца Дундуху, но принуждены были наконецъ выпустить этого человѣка, такъ какъ вся Индія хохотала надъ этимъ. Между тѣмъ, Нана-Саибъ, говорятъ, живъ, и до сихъ поръ есть люди еще не потерявшіе надежды увидѣть его въ Индіи. О пѣвчихъ же коллекторѣ, полковникъ Шереръ, разказываетъ слѣдующее:

„Подѣхавъ къ дому убійства и рѣзни, мы нашли въ немъ на шесть вершковъ глубины залекшейся крови... Мы заглянули въ колодезь, и предъ нами мелькнула вся ужасная истина: сплать было уже некого. Предъ нашими глазами открылась та ужасающая картина при одной мысли о которой еще теперь въ далекой Англій осиротѣвшія сердца обливаются кровью... Колодезь былъ глубокъ, но узокъ; заглянувъ въ него, мы нашли его наполненнымъ до краевъ мертвыми и совершенно нагими тѣлами.“ Всѣхъ труповъ насчитали 253.“

Вотъ что разказываетъ Англичанинъ и очевидецъ. Но онъ умалчиваетъ о томъ какъ на другое утро спояли жителей Каунпура и разстрѣливали *каждаго десятаго* человѣка; умалчиваетъ о томъ что схвативъ между ними нѣсколько сотенъ людей (вѣроятно большею частью невинныхъ) ихъ заставляли *смазывать запящуюся въ комнатахъ кровь*; умалчиваетъ о томъ что эту кровь *смазывали*, не вставая, человѣкъ до пятисотъ въ продолженіе сорока восьми часовъ, что двѣ трети изъ нихъ умерли отъ рвоты, а остальную треть Англичане добили прикладами; умалчиваетъ наконецъ о томъ что не нѣсколькими десятками мятежниковъ заряжали пушки (какъ утвѣряютъ англійскіе разказы), а что такую смертью погибло ихъ *нѣсколько тысячъ*.

Лордъ Каннингъ приказалъ всѣ *бѣлые* трупы, не трогая ихъ, оставить въ колодцѣ и засыпать землей и извѣстью. Площадь превратили въ садъ, а надъ колодцемъ построили знаменитый „Memorial monument“, памятникъ 1857 года.

Прямо съ желѣзной дороги мы поѣхали въ этотъ садъ. Садъ тѣнистъ, наполненъ кипарисами, плакучими ивами и другими превосходными растеніями и цвѣтами; но ни архитектура, часовни, ни стѣны сада, ни самый памятникъ надъ колодцемъ не соотвѣтствуютъ ни великому трагическому событію, ни суммамъ пожертвованнымъ на исполненіе задуманной Каннингомъ идеи. Статуя представляетъ какого-то вульгарнаго на видъ ангела, съ распростертыми ладонями внизъ руками, точно ему холодно и онъ ихъ гребетъ надъ камнемъ. Статуя работы барона Марокетти и по его идѣе представляетъ „Ангела милосердія“. Но почему эта поза именно *милосердія*, а не чего-либо другаго, опредѣлить трудно. Статуя помѣщена внутри гранитной, четырехугольной ограды съ чугунною рѣшеткой на гребнѣ; съ фасада мраморныя ступени ведутъ къ калиткѣ вдѣланной въ этой рѣшеткѣ, что еще смѣшнѣе, такъ какъ въ зданіи безъ крыши, казалось бы, и калиткѣ дѣлать нечего, тѣмъ болѣе что она словно виситъ между небомъ и землей. Желаящему приблизиться къ подошю статуи приходится снова спускаться по такимъ же ступенямъ внизъ, внутрь ограды; и только тогда, очутивъ въ квадратной ямѣ съ памятникомъ по срединѣ, прямо противъ пьедестала, „прохожій“ можетъ остановиться, но далеко не умилиться. Предъ нимъ, по розовому полю, бѣлыми рельефными буквами красуется вокругъ всего подножія легенда мятежа. Легенда эта—чистый куріозъ. Она есть какъ бы соединеніе всѣхъ отборнѣйшихъ, *непечальныхъ* ругательствъ и проклятій азычниковъ... Ограбленный, выгнанный изъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній принцъ Дуаду-Пунтъ (Нана-Саибъ) предается въ ней „огню вѣчному“ какъ „рабъ презрѣнный и мятежный, осмѣлившійся вступиться противъ законныхъ властелиновъ *избраннаго Богомъ народа*“. Англичане—„избранный Богомъ народъ“! Вся омпалія, все глубокое сожалѣніе къ столь незаслуженному страданію, къ этимъ погибшимъ мученической смертью несчастнымъ дѣтямъ и матерямъ,—все это исчезаетъ при чтеніи непристойно ругательной, до приторности высокомерной, налиценной эпитафии. Мученической прахъ покоящійся подъ нею

забывается; остается предъ глазами лишь высокомерная надпись, изъ которой такъ и бьетъ въ носъ фарисейство гордыхъ и жестокихъ отцовъ, братьевъ, сыновей! Во всемъ саду между многими десятками надгробныхъ надписей ни одной, положительно ни одной изъ Новаго Завѣта. Духъ древне-израильской нетерпимости, мстительности, духъ завлѣдѣи: „око за око, зубъ за зубъ“ деспотически царствуетъ въ этомъ саду смерти и луританства. Но ужь если такъ, то соболѣзая о невоинныхъ мертвыхъ, нельзя въ этой ужасной трагедіи не видѣть справедливаго „закона возмездія“: „что посеешь, то и пожнешь“, слышалось мнѣ въ шелестѣ каждой плакучей ивы надъ каждою могилою, въ далекомъ журчаньи ручья. Велики и ужасны прегрѣшенія Нана-Сауба. Но кто осмѣлился утверждать что его постулками не руководили кровавыя слезы и стоны двухсотмилліоннаго населенія, народа полираемаго ногами завоевателя, народа олеваннаго, издыхающаго съ голоду сотнями тысячъ въ продолженіе послѣдняго долгаго вѣка? И повѣрятъ ли христіане-читатели что чья-то рука начертила на множествѣ надгробныхъ ламатниковъ слѣдующее, столь подходящее къ святымъ мѣста размышленіе: „Оправдана гордость расы кричащей во слѣдъ каждому Азіатцу: *Nis niger est, hunc tu, Romane, caveto*“.

Полковникъ, гуманнѣйшій изъ либераловъ, проливавшій когда-то кровь за освобожденіе настоящихъ *негровъ* (за „Хамово племя“, какъ ихъ въ то время называли въ Америкѣ проловѣдники), просто выходилъ изъ себя. Мы наткнулись наконецъ на ламатникъ какому-то убитому сержанту съ надгробною надписью: „О Господи! Ты далъ мнѣ нечестивыхъ азычниковъ въ наслѣдіе, такъ сокруши же ихъ, разбей съ лица земли, и да погибнуть *проклятые* Филистимляне; а Ты, Господи, прославь *свой* народъ!“ Всѣ эти надписи, въ своемъ напускномъ смиреніи, казались мнѣ до того гнусно іезуитскими, до того пошлыми затаеннаго лицемѣрія что я послѣдшнею отошла въ сторону и стала звать нашихъ слутниковъ Англичанъ вонъ изъ сада. Я положительно чувствовала что еще минута—и я не выдержу: выскажу предъ сторожемъ свое мнѣніе объ Англичанахъ, о живыхъ какъ и о мертвыхъ, и валущусь вдобавокъ на „бѣлокураго шлона“ слѣдовавшаго за нами какъ неотвязная тѣнь. Мы уже были подготовлены къ раздраженію съ первой минуты нашего

приближенія къ памятнику: пропустивъ насъ, — Европейцевъ, намъ объявили что наши друзья бабу и мульджи должны оставаться въ саду за воротами, которыя имъ и захлопнули подъ носомъ. Въ отвѣтъ на наши протесты старый сторожъ молча указалъ намъ прибитую къ воротамъ доску. На ней большими буквами объявлялось запрещеніе „Индусамъ, язычникамъ какъ и магометанамъ, приближаться къ оградѣ“.

Миссъ Б*** проливала горькія слезы и сморкалась надъ каждымъ памятникомъ. Съ большимъ трудомъ мы оттащили ее отъ двухъ перелетевшихъ надъ двойною могилой мраморныхъ любовниковъ, „духъ“ коихъ, по ея убѣжденію, „витаѣтъ въ эту минуту“ надъ ея *топи* и размокшею отъ слезъ вуалью. Она ужасно огорчилась и даже обидилась когда я ей сказала что, по-моему, ничего здѣсь не витаѣтъ кромѣ „духа чванства да британскаго высокомернаго фарисейства“...

— Ma chère, воскликнула Англичанка, — vous n'avez vraiment pas de coeur...

— Быть-можетъ, отвѣчала я, — но у меня за то есть то чего у васъ видимо нѣтъ: j'ai du nez...

И мы вернулись къ нашимъ Индусамъ.

XXVII.

Миляхъ въ четырехъ отъ Каунпура, на скалистомъ, правомъ берегу Гангеса, въ темномъ и почти дремучемъ лѣсу, находятся замѣчательныя руины. То остатки нѣсколькихъ огромныхъ древнихъ городовъ, построенныхъ одинъ на развалинахъ другаго. Отъ послѣдняго остались одни лишь колоссальныя куски стѣнъ, бойницъ, храмовъ, да развалины когда-то величественныхъ дворцовъ, отъ которыхъ тамъ и сямъ уцѣлѣло по одной, много по двѣ комнаты, скорѣе стѣны бывшихъ покоевъ. Надъ этими стѣнами бѣдные поселяне начали устраивать крыши изъ лисья и селиться въ нихъ, пока мало-по-малу не превратили древняго города Джаджмоу въ деревню. Но развалины тянутся на много миль, а новое поселеніе скучилось кое-какъ, оставивъ прочія руины въ полное владѣніе обезьянамъ. Объ этихъ городахъ исторія (Англичанъ) умалчиваетъ, отвергая преданія летописей Индіи что Джаджмоу стоитъ на мѣстѣ родной сестры и соперницы своей, Асгарты — города солнца. Асгарта, по словамъ древней

дѣтолиси въ Пуранахъ, построена сынами солнца, два вѣка спустя по взятіи царемъ Рамою острова Ланки, то-есть за 5.000 лѣтъ до Р. Х. по дѣтосчисленію Брамановъ. А прошлое Джаджмоу, нѣсколько разъ разореннаго набѣгами изъ-за Гималайскихъ горъ, совершенно неизвѣстно европейскимъ историкамъ. Разъ только уломинается этотъ таинственный, нынѣ „ве помнящій родства“ городъ,—это въ автобіографіи Бабера (Загирь-Эддиль-Магомета), Могульскаго императора, жившаго въ началѣ XVI вѣка. * Въ одной изъ его многочисленныхъ кампаній противъ Афганцевъ, послѣдніе искали убѣжища и пожелали укрѣпиться въ *древнемъ* городѣ Джаджмоу—пшетъ султанъ. Но Хумайюнъ, его сынъ, разбилъ ихъ. Такимъ образомъ, эти развалины одно изъ многихъ мѣстъ совершенно неизвѣстныхъ Англичанамъ, ни въ прошломъ своемъ, ни, добавимъ, въ настоящемъ.

Дорога къ Джаджмоу—ужасная. Мы вѣхали на словахъ, и только благодаря твердой поступи этихъ умныхъ животныхъ, не полетѣли нѣсколько разъ въ глубокіе овраги, какъ и не повисли новыми Авессаломами за волосы на вѣткахъ. Тихо и осторожно ступали слоны по карнизамъ обрывовъ, оставаясь предъ каждымъ низко висящимъ сучкомъ и раздробивъ его на щелки хоботомъ прежде чѣмъ сдѣлать хоть шагъ далѣе. Собственно имъ, словамъ, вѣтки и не мѣшали: но они уже такъ приучены, и относятся къ вѣдокамъ необычайно понятливо. Мы вѣхали мила три по скаламъ и лѣсу, прежде чѣмъ доѣхали до первыхъ разваливъ, и почти все время по узкимъ тропинкамъ, по которымъ не проѣхать даже и туземной скорлупѣ на быкахъ, называемой „эшкой“. Наконецъ, мы стали проходить предъ жилими зданіями, изъ одного оврага въ другой, изъ ямы въ провалы, и окончательно лопавъ на что-то въ родѣ широкой тролы, оглянулись вокругъ. И оглянувшись—ошѣмѣли! Ни одного человеческого существа кругомъ, но за то не было той развалины, куска стѣны или повалившейся колонны, на которой

* Императоръ Баберь, литературная знаменитость въ Индіи, племянникъ Самаркандскаго султана и прямой потомокъ Тамерлана; онъ завоевалъ Кабулъ въ 1504; затѣмъ, въ 1519 завоевалъ Пенджабъ, а въ 1526—Делли. Онъ первый устроилъ сообщеніе и почту между Агрой и Кабуломъ и написалъ свою біографію или *мемуары*, знаменитые въ Индіи изобиліемъ историческихъ свѣдѣній.

бы не возсѣдало нѣскольکو десятковъ обезьянъ. Ихъ было безъ преувеличенія нѣскольکو тысячъ. Жители жалуются что онѣ воруютъ у нихъ послѣднюю провизію; что какъ далеко ни припрятать просо или кукурузу, или какую либо зелень,—эти лѣсные „даконы“ непременно украдутъ ее ночью. И однакоже, ни въ одну изъ нихъ туземецъ не осмѣлится бросить камнемъ: то священныя, какъ и всюду, обезьяны, „дева-саабы“, или въ буквальномъ переводѣ „господа-боги“. Жители умираютъ съ голоду, за то мартышки жирѣютъ.

У самой опушки лѣса протекаетъ Гангесъ и на правомъ его берегу еще доселѣ видѣются гигантскіе остатки мраморныхъ стульевъ, ширина коихъ какъ бы предназначалась, во времена оны, для великамовъ. Весь песчаный берегъ на протяженіи многихъ миль, весь лѣсъ, покрыты глубоко осѣвшими въ землю обломками колоннъ, разбитыми рѣзной работы пьедесталами, идолами и барельефами. Рисунокъ рѣзбы, архитектурные остатки, самый размѣръ развалинъ представляютъ нѣчто грандіозное, неожиданное даже для тѣхъ кто любывалъ въ Пальмирѣ и въ египетскомъ Мемфисѣ. Непонятно почему эти развалины никѣмъ еще не описаны, тѣмъ болѣе что онѣ подъ самыми стѣнами Кауапюра. Въ пространномъ сочиненіи *О территорияхъ приобрѣтенныхъ Отъ-Индскою компаніей* сказано о нихъ всего два слова „Джаджмѳу—бывшій городъ, нынѣ деревня, съ пустымъ развалившимся базаромъ. Какъ говорятъ мѣстные лѣтописцы, онъ построенъ на развалинахъ двухъ городовъ. Разстояніе отъ Калькутты 620 миль, шир. 26° 26', долг. 80° 28'.“ Вотъ и все! И однакоже, подъ Джаджмѳу похороненъ древнѣйшій городъ древней Индіи... Для прямого доказательства его древности достаточно слѣдующаго примѣра. Не много лѣтъ тому назадъ, во время сильнаго урагана, нѣскольکو толстыхъ и старыхъ баньяновъ были сломаены грозой, а нѣкоторые такъ совсѣмъ вырваны съ корнями. На концахъ послѣднихъ были найдены куски изваяннаго мрамора, въ которыхъ корни совсѣмъ вросли. Стали копать глубже, и арда на четыре подъ землею найдены вершины развалинъ громаднхъ зданій. Но дѣло теперь не столько въ этихъ зданіяхъ какъ въ томъ сколько вѣковъ потребовалось, вопервыхъ, для такого выноса на берегахъ Гангеса чтобъ уровень земли пришелся наконецъ не только въ уровень зданій (нѣкоторыя изъ нихъ въ 300 ф.

высоты), но чтобъ онъ даже покрылъ ихъ на четыре арда земель; а ввоторыхъ, сколько промежуточнаго времени прошло между этимъ событіемъ и временемъ когда нынѣ 1.200лѣтніе бабьяны стали лускать корни въ эту наносную землю? По концентрическимъ кругамъ стволовъ * было доказано что этимъ бабьянамъ не менѣ двѣнадцать вѣковъ, а есть въ лѣсу деревья старѣе и этихъ. Особенно одна группа этихъ *Ficus indica* поразила насъ своимъ ростомъ, развѣ немногимъ менѣ знаменитаго бабьяна на берегу Нербудды, возлѣ Броча и называемаго въ народѣ „Кабиръ-Баръ“. Это послѣднее дерево—историческое. Ему было 700 лѣтъ уже тогда когда Александръ Македонскій отдыхалъ подъ тѣнью его со всею своею арміею. Теперь оно состоитъ изъ 356 толстыхъ стволовъ и около 3.000¹⁾ меньшихъ, а еще 200 лѣтъ тому назадъ другая семитысячная армія отдыхала подъ его сѣнью.

Мы кочевали въ лѣсу цѣлые три дня. Такуру были извѣстны всѣ закоудки и тропинки, и онъ сдержалъ свое слово. Онъ повелъ насъ туда куда дѣйствительно не заходила еще нога Англичанина: въ темное подземелье на глубину 140 саишкомъ футовъ подъ землей. Мы отправились туда до зари, когда еще всѣ спали. Такуръ кромѣ насъ взялъ съ собою лишь одного Нараяна, да довѣреннаго слугу, стараго, сѣдаго Раджлута который сопровождалъ насъ отъ самаго Бомбея. У* и миссъ Б* оставались въ Джаджмѣу съ Бабу и Мульджи, и даже не знали когда и куда мы ушли. Это подземное путешествіе осталось для меня, какъ и для полковника, самымъ интереснымъ событіемъ нашего путешествія — вѣроятно вслѣдствіе его необычайной таинственности...

Болѣе часу намъ пришлось идти лѣсною чащей, спугивая еле продравшихъ глаза обезьянъ, кидавшихъ въ насъ нелепачатыми продуктами. Словно стая лѣсныхъ демоновъ карликовъ, они щолкали на насъ зубами, сверкая хитрыми глаз-

* Какъ извѣстно, лѣсныя деревья увеличиваются въ объемъ слоями нарастающими снаружи, и каждый новый слой образуетъ родъ кольца вокругъ дерева, такъ что считая ихъ можно придти къ довольно вѣрному заключенію о лѣтахъ онаго. Адамсонъ нашелъ баобабъ возлѣ Горей которому между 5 и 6.000 лѣтъ. Гумбольдтъ, говоря о немъ, называетъ его древнѣйшимъ въ мірѣ деревомъ. Въ объемъ нѣкоторые баобабы имѣютъ отъ 90 до 100 футовъ.

ками изъ-за каждаго куста. Наконецъ мы вступили въ узкое, заросшее кустарниками ущелье—не то природное, не то искусственное, разбирать было некогда. Впереди шелъ Такуръ, за нимъ я, за мною Нараянъ, потомъ полковникъ со слугой Раджлутомъ въ замкѣ. Пробираясь гуськомъ, мы шли въ глубокомъ молчаніи, такъ какъ путь становился труденъ и было не до разговоровъ. Наконецъ мы стали слускаться по крутымъ извѣстнымъ ступенькамъ, у подошвы коихъ вышла на маленькую поляну. Направо, у одинокой скалы стояла лачуга въ которую мы и вошли. Если не свѣтло было въ дѣсу такъ какъ не совсѣмъ еще разсвѣло, то въ этой извѣсткѣ, освѣщенной густыми баьянами и присловенной въ упоръ къ скалѣ, которая такимъ образомъ служила ей задней стѣной, царилла полная темнота. Раджлутъ высѣкъ огня и зажегъ глухой фонарь который и подавалъ Такуру. Тогда, взявъ въ одну руку фонарь, а другою мою руку, послѣдній прошелъ со мною, какъ мнѣ показалось, въ этой египетской темнотѣ прямо сквозь стѣну. Новость ли необычайнаго положенія или просто слѣдствіе постоянно возбужденныхъ нервовъ, но признаюсь, при вступленіи въ эту неизвѣстную остальному міру подземную область, меня стало сильно коробить: однако любопытство и стыдъ превозмогли, и я молча послѣдовала за нимъ. Фонарь слабо освѣщалъ нашъ путь, бросая рѣзкую полосу свѣта лишь подъ самыя ноги; кругомъ царилла непроницаемая мгла, а меня неудержимо увлекала впередъ мощная, одѣтая вся въ бѣломъ фигура гавта, лицо котораго мнѣ казалось теперь темнѣе самой ночи... Онъ быстро и не колеблясь шелъ впередъ. Всѣ молчали, и даже наши шаги беззвучно падали на ровный, мягкій грунтъ прохода, словно мы ступали по толстому ковру. Не смотря однако ни на торжественность шествія, ни на Радклифовскую обстановку, полковникъ и тутъ не утерпѣлъ чтобы не побалагурить. „Великолѣпная *темная камера* для вызыванія духовъ... Жаль что между нами нѣтъ медиума!“ неожиданно раздались трубящія слова. Несмотря на выраженіе шутливости, звукъ его голоса въ этой злобѣщей тишинѣ заставилъ меня, да кажется и его самого, сильно вздрогнуть. Какъ-то глухо, словно надорванный, и вмѣстѣ съ тѣмъ протяжно прозвучалъ онъ, словно сверху, и повесился далеко, далеко впередъ пробуждая по дорогѣ сонное эхо...

Вдругъ Такуръ остановилса, крѣпко сжавъ мнѣ руку.

— Что это?.. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ и серьезно... *трусите*? неожиданно спросилъ онъ меня, презрительно подчеркивая послѣднее слово.— Рука ваша дрожить какъ въ лихорадкѣ!..

Я почувствовала какъ вся кровь мнѣ хлынула въ лицо при этой *заслуженной* обидѣ; но сдѣлала то что всякій другой сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ: внутренно „поднялась на дыбы“ и попробовала оправдаться.

— Я не трушу... да и бояться мнѣ нечего... пробормотала я, чувствуя въ темнотѣ влѣваемый въ меня взглядъ Гулабъ Синга.— Я просто устала...

— Жен-щи-на..., тихо и какъ бы про себя прошепталъ съ какою-то свисходительною горечью въ голосъ Такуръ, но пошелъ тише.

Не имѣя въ рукахъ достаточно вѣскихъ доказательствъ противнаго, и не отрицая этого новаго какъ мнѣ самой, такъ и моему полу оскорбленія, я проглотила свое и смолчала. Такъ шли мы съ четверть часа, если не долѣе, по ровной, немного покатою и мягкой дорогѣ и, какъ мнѣ казалось, необыкновенно высокому проходу, мой старый пріятель не выпуская моей руки, полковникъ уже начиная громко лытѣть, а я внутренно злая на собственную слабость и посрамленіе. Но вотъ наконецъ Такуръ снова остановился и высоко поднявъ фонарь, разомъ открылъ всѣ его глухія стѣнки. Предъ нами явилась гладкая и ровная стѣна изъ скалы. Ни одной трещины не было видно на ней.

— Вотъ взгляните, обратился Гулабъ Сингъ къ полковнику,— и убѣдитесь какія чудеса совершали наши механики предки, незнакомые, по мнѣнію Европейцевъ, съ науками. Держу пари на что угодно что явись сюда всѣ лучшіе механики Залада, имъ никогда не открыть секрета этой... двери! Я вамъ теперь хочу доказать что это — дверь, а не скала...

Нашъ любознательный президентъ, получившій когда-то медаль за лучшее сочиненіе о механикѣ, въ Ранселаровскомъ (Rensselaer) Технологическомъ Институтѣ Трои (Нью-Йоркъ), сталъ зорко изслѣдовать стѣну. Его старанія увѣчались полнымъ *fiasco*. Ни постукиванье, ни ощупыванье владивъ ни къ чему не привели. Между тѣмъ, пользуясь полнымъ свѣтомъ открытаго фонаря, я разглядѣла мѣстность. Родъ полукруглой комнаты, со скалистыми стѣнами

и терпящимся на огромной высотѣ потолкакомъ; грунтъ словно усмлавъ чернымъ порошкомъ.

— Если вѣрите мнѣ на-слово, замѣтилъ наконецъ Такуръ, терпѣливо слѣдившій за изслѣдованіями полковника,—то я могу васъ увѣрить что этотъ ходъ прорытъ и устроенъ много тысячъ лѣтъ тому назадъ. Какъ видите, добавилъ онъ, дотрогиваясь и нагирая плечомъ на уголъ скалы,—„сыны Солаца“ были хорошо знакомы съ закономъ рычага и подъема, а также и съ правилами центра тяжести еще до Архимеда. Иначе какъ бы они могли придумать вотъ это?..

И когда онъ наперъ сильнѣе и повернулъ какой-то незамѣтный въ стѣнѣ штифтъ, предъ нимъ неслышно и тихо образовалось отверстіе фута въ два шириной и во весь его ростъ въ высоту,—точно одна изъ новомодныхъ дверей въ американскихъ домахъ воля до замка ускользающая въ стѣну. Но здѣсь дверной ручки не было; не видно было и продолговатой дверной стѣны...

Мы всѣ вошли, и Такуръ снова неувловимымъ движеніемъ и давленіемъ на *что-то* задвинулъ стѣну. Не взирая на любпытство полковника и его безконечные разспросы, онъ отказался выдать секретъ прохода. „Довольно того что я доказываю вамъ что эти тайные подземные ходы существуютъ уже много тысячъ лѣтъ въ Индіи“, говорилъ онъ намъ, „и еще болѣе тысячъ народа нашли здѣсь въ разныя времена спасеніе черезъ тѣхъ кто посвященъ въ тайну ихъ существованія. Теперь такихъ уже не много осталось“, добавилъ онъ, какъ мнѣ послышалось, съ нотой грусти въ голосъ.— „И не успѣли они спасти противъ ея воли одну изъ храбрѣйшихъ, благороднѣйшихъ женщинъ Индіи, послѣднюю изъ великихъ героинь нашей „матери!“... * Черезъ нѣсколько минутъ мы садимъ отдохнуть, и тогда я вамъ разкажу эпизодъ изъ послѣдняго матажа. Въ Европѣ онъ почти, если не совсемъ, неизвѣстенъ“...

Теперь мы шли по широкому, высокому корридору со сводомъ. По всей вѣроятности послѣдній сообщался, такъ или иначе, съ поверхностью земли, ибо воздухъ въ подземельѣ, хотя и немного сырой былъ однакоже чистый, не взирая на его 140 футовъ глубины подъ землей. Впрочемъ, дорога шла все время покато, немного подъ гору, и только къ концу

* Говоря о родинѣ, Индусы всегда называютъ Индію „матерью“.

третьяго корридора изъ пещеры—которую тотчасъ опишу—шла незамѣтно въ гору. Очевидно, часть этихъ проходовъ была уже подземельемъ въ то время когда Асгарта еще находилась въ числѣ другихъ городовъ, процвѣтая на земной поверхности. По обѣимъ сторонамъ корридора намъ попадались бездверныя отверстія, продолговатыя квадраты, ведущіе въ другіе боковые ходы; но Такуръ насъ туда не водилъ, замѣтивъ только что они ведутъ въ жилья, то-есть иногда *занимаемые* локоа. Что подземелье посѣщалось еще весьма недавно, въ этомъ мнѣ служила порукой находка стараго измятаго конверта, съ какими-то іероглифическими знаками, но совершенно современнаго покроа, и съ клеємъ подъ запечатанною стороною. Весь этотъ проходъ, то-есть корридоры, насколько мы могли судить, длиною верстъ въ пять или шесть. Пройдя миля три, считая отъ потаенной двери, то-есть почти на серединѣ между двумя ходами, мы очутились въ природной и огромной пещерѣ, съ небольшимъ озеромъ въ центрѣ и искусственными вырубленными изъ скалъ скамьями кругомъ бассейна. Въ водѣ, посреди озера, стоялъ высокій гранитный столбъ, съ пирамидальною верхушкой и толстою заржавленною цѣпью обмотанною вокругъ него. Уже идя по корридору, мы замѣчали что временами темнота почти разсѣивалась и слабый, словно сумерочный свѣтъ озарялъ насъ въ такіа минуты сверху; въ пещерѣ же—вѣроятно самая низкая мѣстность подземелья—было темно какъ въ Гизехской пирамидѣ. Но тутъ Такуръ приготовилъ намъ сюрпризъ. Онъ далъ старому Раджлуту приказаніе на непонятномъ для насъ діалектѣ, и тотъ, словно снабженный глазами кошки, тотчасъ отправился куда-то въ темнотѣ, пошарилъ въ углу и тутъ же началъ зажигать одинъ за другимъ факелы, вставляя ихъ въ придѣланные къ стѣнамъ желѣзные кольца. Скоро вся пещера освѣтилась яркимъ блескомъ. Тогда, уставшіе и крѣпко проголодавшіеся, мы разѣстались на окраинѣ озера и принялись за корзину съ провизіей.

А теперь постараюсь вкратцѣ разказать исторію какъ пещеры, такъ и обѣщанный Такуромъ эпизодъ изъ мятежа 1857 года. Послѣдній принадлежитъ прямо исторіи, хотя Англичане и старались исказить оный какъ исказили и даже *скрыли* многіе изъ фактовъ этой позорной для нихъ эпохи.

Услыхавъ о немъ впервые отъ Гулабъ-Лалъ-Синга, мы въ послѣдствіи узнали касающіяся этого случая интересныя подробности отъ многихъ старыхъ Индусовъ, изъ коихъ нѣкоторые были даже очевидцами въ этомъ дѣлѣ; а въ одномъ случаѣ и отъ Англичанина, стараго англо-индускаго офицера.

О древнемъ городѣ Асгартѣ и его печальномъ концѣ *Пурани* разказываютъ слѣдующую легенду. Судаза-Риши былъ священнымъ главой духовенства „браматмой“, * а его братъ Агасти — маханъ - кшатріей (великимъ царемъ - воиномъ) Асгарты. Въ отсутствіе обоихъ, царствомъ управляла махарани (великая царица), бывшая нѣкогда *кумарикой* (Дѣвой Солнца) во храмѣ *Сурья-Нари* (Солнца-Природы). Ея красота плѣнила царя; и вотъ въ самый моментъ ея привошенія себя въ жертву на алтарѣ огня (то-есть религіознаго самосожженія), онъ, воспользовавшись древнимъ обычаемъ дававшимъ право царямъ спастись индійскихъ весталокъ отъ смерти, потребовалъ ее себѣ въ жены. До него уже разъ явился другой претендентъ на ея руку, царь Гиммавата, но она отказалась отъ предложенія предпочитая смерть въ пламенныхъ объятіяхъ супруга-бога, священнаго огня. Оскорбленный за - гималайскій царь поклялся отомстить. Много лѣтъ спустя, когда Агасти-царь былъ на войнѣ въ Ланкѣ (Цейлонѣ) его побѣжденный соперникъ, воспользовавшись его отсутствіемъ съ войсками, сдѣлалъ набѣгъ на Асгарту. Царица защищала свой городъ съ храбростью отчаянія; но наконецъ онъ былъ взятъ приступомъ. Тогда, собравъ всѣхъ „дѣвъ Сурьи“ изъ храмовъ, женъ и дочерей своихъ подданныхъ и собственныхъ дѣтей, всего 69.000 женщинъ, включая *кумарикъ*, царица залеплась въ громадныя подземелья храма Сурьи-Нари, и приказавъ построить священныя кстры вдоль всего подземелья, сожглась на нихъ вмѣстѣ съ другими женщинами и всѣми сокровищами города, предоставляя въ распоряженіе побѣдителей лишь пустыя зданія.

Вернулся царь и найдя на мѣстѣ дворца, царицы и дѣтей лишь лепель, бросился догонять побѣдовосную армію. Настигнувъ ее, онъ разбилъ ее совершенно и захвативъ вмѣстѣ съ царемъ ея 11.000 плѣнныхъ, вернулся къ развалинамъ Асгарты. Здѣсь онъ заставлялъ плѣнныхъ выстроить на

* „Душа Браммы“, высшій духовный санъ.

пепелищъ погибшаго новый и еще болѣе богатый городъ, и затѣмъ, когда онъ былъ оконченъ, соорудить посреди города, предъ храмомъ Нарі, костеръ способный вмѣстить въ себѣ 11.000 человекъ. На немъ и Гиммаватскій царь, и его воины, среди проклятій и поруганій со стороны всего народа Асгарты, были сожжены живыми въ отмщеніе за погибшую царицу.

По преданію и древнимъ лѣтописямъ, уже пройденное нами подземелье какъ и то которое намъ оставалось пройти, по другую сторону пещеръ, есть то самое подземелье храма въ которомъ сожглась царица. Этотъ мягкій грунтъ, принятый мною за червыи и мельчайшій песокъ, есть пепель 69.000 женщинъ и *кумарикъ*, то-есть дѣвственницъ!

Это—легенда; а теперь слѣдуетъ быть. Всего двадцать два года прошло съ того времени, и въ Пунѣ, какъ и въ Гвальборѣ всѣ подробности этой эпической трагедіи еще свѣжи въ памяти людской.

По дорогѣ отъ Агры къ Сагору расположена территорія Джанши (Jhansi). Теперь она находится въ британской провинціи Бунделькуда, но въ 1854 году принадлежала независимымъ лейшвамъ Махратскимъ. Раджъ Джанши состоитъ изъ двухъ частей раздѣленныхъ лишь одною узкою полосой земли, принадлежащею къ территоріи туземнаго раджи или такура Техри. Къ сѣверу западная часть Джамши обрамлена Гвальборомъ и Дуттеей, къ востоку—Техри, къ югу и къ западу—слова Гвальборомъ. Въ 1832 году, по статистикѣ Остъ-Индской Компаніи въ этомъ раджѣ было 956 деревень и 286.000 населенія разбросаннаго на пространствѣ 2.922 квадрат. миль. Давало оно круглымъ счетомъ 28 *лакъ* рупій дохода*. Часть владѣнія Урхскаго раджи изъ фамиліи принцевъ Бунделлы, она была имъ уступлена еще при Сиваджи лейшвамъ, которые и послали туда управлять своихъ *субадаровъ* (губернаторовъ). Въ 1804 году Англичане заключили съ однимъ изъ нихъ, въ качествѣ данника лейшвы, оборонительный союзъ; а въ 1817, когда друзья и союзники отняли по своему обыкновенію у лейшвы всѣ права, и онъ *уступилъ* (!!) имъ между прочимъ и право владѣнія Бунделькудомъ, Компанія заключила съ субадаромъ Джамши другой договоръ, по которому она признавала его независимымъ раджей „съ правомъ передачи наслѣдія дѣтямъ, а если не будетъ тако-

* 2.800.000 рупій.

выхъ—ближайшимъ наследникамъ“ за плату Компаніи 74.000 рупій въ годъ. Въ 1832 году, принцъ Рамъ-Рамчундъ-Рао былъ формально признанъ раджей. Но въ 1838 онъ умеръ безъ прямого наследника мужского пола, оставивъ престолъ внуку, недѣльному ребенку его дочери, съ тѣмъ чтобы выбранный для нея мужъ наследовалъ престолъ. Но Компанія, не смотря на договоръ и не только противъ желанія народа, а даже и противъ самаго закона о престолонаслѣдіи въ Индіи,—закона запрещающаго прокаженнымъ царствовать,—выбрала дядю умершаго раджи Ругоната-Рао. Прокаженный, полубезумный и болѣзненный раджа умеръ три года спустя. Компанія только этого и ждала. Подъ тѣмъ предлогомъ что изъ туземцевъ никто не умѣетъ управлять своимъ домомъ и дѣлая видъ все время что они ищутъ приличнаго для Джамши наследника, Англичане, назначивъ пенсію Лакшми-Бай, замужней внучкѣ (прямой наследницѣ) и ея мужу Гунгадару-Рао, овладѣли раджемъ въ 1843 году. Въ 1854 году, за три года до мятежа, Гунгадуръ Рао, мужъ Лакшми-Бай умеръ, оставивъ вдову и сына, который имѣлъ всѣ права на престолъ правды и матери. Но Англичане объявили ребенка *незаконнымъ* сыномъ и даже отняли у Лакшми-Бай пенсію. Ей было тогда 16 лѣтъ. Ее-то Такуръ и назвалъ величайшею героинею современной Индіи.

Махарани Лакшми-Бай была двоюродною сестрой какъ Махараджи Синдіи Гвальѣорскаго, такъ и Наны-Сауба. При самомъ началѣ возстанія, когда послѣдній сбросилъ маску, она открыто приняла его сторону и, успѣвъ собрать двадцатидвухтысячную армію въ Джамши, приготовилась поддерживать Нану-Сауба до конца. Говорятъ будто Нана-Саубъ успѣлъ привлечь на свою сторону не только войско Гвальѣора, но и самого Синдію. Но на слѣдствіи Махараджа вполнѣ оправдался, гдѣ и доказалъ что обвиненіе шло отъ его враговъ. Получивъ извѣстіе что войско Синдіи готово, по соглашенію съ Наной-Саубомъ, Махарани во главѣ своей арміи направилась на Гвальѣоръ, столицу Синдіи, гдѣ ожидала по прибытіи своемъ найти ворота крѣлости отпертыми, а войско и народъ приготовленными объявить свою независимость. По предварительному соглашенію, эта индійская Юанна д'Аркъ должна была, вступивъ въ Гвальѣоръ, завладѣть городомъ во имя Наны-Сауба, а затѣмъ уже, при счастливомъ окончаніи дѣла, возвратить Синдіи его владѣнія. Но

вышло иначе. „Деванъ“ (первый министръ), на котораго надѣялись что онъ все приготовить и предупредить народъ какъ и армию, оказался измѣнникомъ общему дѣлу. Махараджи Сивдii тогда не было дома—онъ былъ съ Англичанами. Въмѣсто того чтобъ отпереть ворота города Лакшми-Бай и ея армию, „деванъ“ залерся и послалъ предупредить Англичанъ, угрожая все время своимъ солдатамъ местию махараджи и его союзниковъ Компанii. Солдаты колебались и, услыжавъ ночью условленные знаки, не знали что имъ дѣлать. Между тѣмъ „царица Джамши“*, видя что ей не отпираютъ ворота и подозрѣвая измѣну, ворвалась въ городъ съ другой стороны, взявъ его положительно приступомъ. Разказываютъ будто ей отперли другой, потайной ходъ.

Тогда началось царство ужаса и продолжалось въ городѣ цѣлую недѣлю, пока не послали на помощь Англичае. Лакшми-Бай перерѣзала большую часть армию Сивдii, умерщвляя всякаго кто только колебался присоединиться къ ней. Деванъ успѣлъ открыться.** Когда англійская армія прибыла на помощь Гвальбору, вѣкій *Брамачаріа* одѣтый въ платье *санньязи* (аскета) предложилъ ей спастись, увѣряя ее напередъ что иначе она погибнетъ. Онъ умолялъ ее послѣдовать за нимъ съ сыномъ въ окрестности Каулгура, гдѣ въ подземельѣ Джаджмоу она найдетъ друзей и полную безопасность. Но Лакшми-Бай гордо отвергла предложеніе, увѣряя его что смерти не боится и предпочитаетъ ее даже жизни, въ виду униженія ея родины. Тогда началась возлѣ городскихъ воротъ и внѣ крѣлости, которую наша героиня не успѣла взять, памятная на долгіе годы въ странѣ битва. Махаражи сама повела своихъ солдатъ на бой, верхомъ на бѣшеной лошади. На минуту произошла въ ихъ рядахъ паника, и большая часть непривыкшихъ къ регулярной службѣ новобранцевъ бросились бѣжать. Одна, съ горстью приверженцевъ, она защищала свою позицію, съ мужествомъ отчаянной рѣшимости, въ продолженіе трехъ часовъ, противъ непріятеля втрое ея сильнѣе. Замѣтивъ наконецъ что ея силы слабѣютъ, она приказала своимъ приближеннымъ тутъ же воздвигнуть костеръ и приготовить все необходимое, дабы зажечь его тотчасъ же какъ раздастся ея приказаніе. „Братья“

* Такъ зовутъ ее въ народѣ.

** Онъ еще живъ и подучаетъ отъ Англичанъ огромную пенсію.

воскликнула она, по словамъ очевидца, „клянусь тѣвью всѣхъ лавшихъ въ честномъ бою предковъ моихъ умереть прежде нежели коснется одной нитки моего *sari* рука *баллахи*. Поклонитесь и вы, коли мнѣ суждено здѣсь пасть, съечь мое тѣло, не позволяя врагу прикоснуться даже и до праха его!“ Всѣ поклонились, и Лакшми-Бай ринулась верхомъ въ самую густую толлу сражающихся. Говорятъ будто еще и въ эту торжественную минуту тотъ же таинственный аскетъ снова предложилъ ей спасенье, но она снова отвергла его. Все увеличивающая народная молва увѣряетъ будто она собственноручно убила *нѣсколько сотъ* Англичанъ! Но что она убила многихъ такъ же вѣрно какъ и то что Англичане тщательнѣе скрываютъ это постыдное для нихъ событіе. Наконецъ ея лошадь, чего-то испугавшись, рванулась такъ бѣшено что Махарани выпустила поводья изъ рукъ. Въ нѣсколько скачковъ обезумѣвшій конь отнесъ ее назадъ подъ городскія стѣны, гдѣ сраженный непріятельскою пулей пасть, сбросивъ съ себя наиздвигу. Махарани не была однако убита. Она была въ полной памяти и только обѣ ноги ея, вѣроятно, были сломаны. Ее посадили у стѣны, и она продолжала отдавать приказанія. Но замѣтивъ что нѣсколько Англичанъ, видя ея паденіе, слѣзили къ ней съ цѣлью овладѣть ею и уже перерѣзывали ея приближенную дорогу къ костру, она мигомъ рѣшилась и отдала послѣднее приказаніе. Пока часть ея вѣрныхъ товарищей удерживала приближеніе непріятеля, другая, положивъ Махарани на сѣно и наваливъ на нее цѣлую кучу соломы и хвороста, мгновенно зажегъ ее. Затѣмъ и они кинулись отражать наступленіе Англичанъ, позволяя имъ рубить и рѣзать себя одного за другимъ, лишь бы дать огню время довершить свою работу, а Махарани превратиться въ лепель...

— Этотъ благородный лепель, вполне достойный смѣшаться на вѣки съ лепломъ царицы Асгарты, покоится здѣсь, и его ужъ никто и никогда не потревожитъ, такъ кончилъ нашъ собесѣдникъ.

Мы вышли изъ пещеры другимъ корридормъ, и этотъ узкій проходъ повелъ насъ въ гору. Дорога шла отлого; ноги также утолали, какъ и въ первомъ, словно въ мягкомъ коврѣ. Наконецъ, круто повернувъ вправо, она привела насъ къ такой же глухой стѣнѣ какъ и первая. Единственная между двумя разница состояла въ томъ что залпавшая отверстіе

скала, вмѣсто того чтобъ уходить въ боковую стѣну, при открытіи опускалась внизъ, оставляя низкую фура въ полтора стѣнку, которую намъ и пришлось перешагнуть. За этою стѣной, въ небольшой пещерѣ находится глубокой колодезь. Здѣсь кругомъ насъ, на 16 миль въ квадратѣ, погребены развалины давно усопшаго города Асгарты.

Чтобы выбраться снова на землю, намъ пришлось всходить три раза сряду по безчисленнымъ ступенямъ. Еще нѣчто въ родѣ двери—камень между двумя скалами, поворачивающійся на чемъ-то неизвѣстномъ мѣстѣ,—и мы снова въ какой-то пещерѣ; свѣтъ, хотя и слабый, осѣпляетъ насъ послѣ восьми часовъ темноты. Выйдя на чистый воздухъ, мы почувствовали какъ должны чувствовать себя человекъ вышедшій изъ прохладнаго погреба и залѣзшій въ духовую печь. Жара стояла невыносимая. Все слало въ лѣсу и, кромѣ неумолкаемой трескотни кузнечиковъ, не слышно было ни шороха. Даже обезьяны дремали въ листьѣ... Былъ полдень, и намъ пришлось, подъ страхомъ алоплексіи, выждать въ тѣни пока не спадетъ полуденный зной. Шагахъ въ десяти стоялъ старый, разрушенный храмъ, отъ котораго остался одинъ *гомаралъ*, ворота съ комнатою или двумя внутри зданія. Тамъ мы скрылись отъ этого ужаснаго, невыносимаго зноя, спугнувъ по дорогѣ сотни разноцвѣтныхъ полугаевъ, сверкавшихъ словно подвижная радуга предъ нами своими блестящими крыльями на солнцѣ... Мы вернулись на кочевку къ вечернему чаю.

Говорить подробнѣе о подземномъ путешествіи не приходится по многимъ причинамъ, изъ коихъ главная та что эта мѣстность совершенно никому неизвѣстна; да и многое изъ видѣннаго и слышаннаго нами такъ странно что вѣроятно у меня не достало бы и словъ для болѣе точнаго описанія. Есть и другія подземелья, напримѣръ въ Амберѣ, возлѣ Джейлтура, въ которыхъ не былъ еще кромѣ насъ ни одинъ Европеецъ; также подземный, ведущій далеко подъ море ходъ изъ Элефанты, гдѣ, забравшись миль на двѣ въ его глубину, мы чуть было не задохлись, вмѣстѣ съ сопровождавшими насъ Парсами. Но про эти ходы извѣстно и Англичанамъ, хотя никто изъ послѣднихъ еще не посѣщалъ ихъ. Про подземелья же въ Джаджмоу, къ удивленію своему, сколько я ни спрашивала Англичанъ, никто ничего не знаетъ. Не даромъ нашъ другъ, Такуръ, взявшій съ насъ честное слово,

никогда не намекаетъ о дорогѣ ведущей къ нимъ, такъ спокоемъ насчетъ ихъ откритія Англичанами. Индусы—народъ скрытный и загадочный вообще; * а изъ всѣхъ Индусовъ Такуръ загадочнѣе всѣхъ ихъ взятыхъ вмѣстѣ. Недавно, собираясь описывать эту ловздку, спрашиваю его:

— Вы ничего не имѣете противъ моего описанія для русской публики вашего подземелья въ Джаджмѳу?

— Ровно ничего, говоритъ,—когда надѣетесь на свою память.

— Въ памяти я увѣренъ. Но вы говорили что Англичанамъ самое даже существованіе этого мѣста неизвѣстно? А если они, которые съ жадностію читаютъ всѣ русскія газеты, немедленно переводя все сколько-нибудь касающееся Индіи и вообще Азіи, прочтутъ мое описаніе да примутъ къ свѣдѣнію?

— Что жъ изъ этого? Пусть привимаютъ.

— А если пойдутъ искать, да и отыщутъ его?

Гулабъ-Сингъ какъ-то странно прищурился и посмотрѣлъ на меня не то пытливо, не то немного презрительно.

— Что же въ моихъ словахъ такого страннаго? Кажется предположеніе весьма естественное?

— Весьма... подчеркнул Такуръ,—только съ точки зрѣнія Европейцевъ, а не съ нашей. Извиняясь заранѣе въ смѣлости, осмѣливаюсь предположить что я быть-можетъ немного болѣе васъ изучилъ не только Англичанъ, но и человѣческую природу вообще. А изучивъ ее, скажу вамъ напередъ

* Они до того загадочны что, при всѣхъ стараніяхъ полиціи вообще и тайной полиціи въ особенности, Англичане до сей поры не могутъ сообразить саждающаго: „какъ могли во время матажа 1857 года, безъ телеграфовъ и железной дороги, передаваться съ такою быстротою новости съ одного конца Индіи на другой? Едва что случалось въ Калькуттѣ, какъ за 2.000 миль оттуда гдѣ-нибудь на сѣверѣ Индіи, черезъ нѣсколько часовъ уже знали на базарѣ объ этомъ, а Англичане узнавали только чрезъ медѣлю. Серъ-Джонъ Кей, въ своемъ сочиненіи *Sepoy War 1857—8*, въ подробной исторіи о матажѣ, замѣчаетъ этотъ странный „необъяснимый для правительства фактъ“. „Когда былъ вырванъ нашъ штабъ въ Аллахабадѣ, пишетъ капитанъ Морель, я былъ въ то время въ Мадрасѣ. На другое утро, 8 іюня, является ко мнѣ знакомый браманъ и разсказываетъ о случившейся катастрофѣ. Не вѣра, а бѣгу въ домъ губернатора. Тамъ ничего не знаютъ. Мы офиціально узнали объ этомъ, лишь чрезъ шесть дней!“ (*A few Days in 1857 in India*).

сѣдующее: девять шансовъ изъ десяти что, прочитавъ это описаніе, всякій Англичанинъ приметъ вашъ разказъ за сочиненную вами сказку. Они народъ слишкомъ гордый и чванный чтобы допустить что есть такіа мѣста въ ихъ владѣніяхъ о которыхъ они еще никогда не слышали и куда не ставили еще своихъ часовыхъ...

— Ну, а если билетъ вывется какъ нарочно съ десятимя нумеромъ... что тогда?

— Тогда они пойдутъ на поиски и—ничего не отыщутъ.

— Да какъ же вы можете такъ навѣрное ручаться?.. Вѣдь подземелье существуетъ... Не исчезло же оно съ лица земли?..

— Именно потому что оно существуетъ въ действительности, они и не найдутъ его. Вотъ еслибы вы выдумали его, то они наши бы его непременно, еслибы даже имъ пришлось для того прорыть его самимъ... Они бы сдѣлали это, хоть бы для того чтобы задать намъ, туземцамъ, острастку и вмѣстѣ показать дома—вотъ какіе мы въ Индіи тонкіе молодцы: ничто не ускользаетъ отъ нашего всевидящаго ока!.. Вѣдь сочиняли же они подложныя политическія корреспонденціи и ловили мнимыхъ политическихъ преступниковъ, подкупая для этого воровъ изъ острога; и все это только для того чтобъ оправдать ими же сочиненные и посланные самимъ себѣ допросы...

— Последнее предположеніе. Они, то-есть всѣ власти и ихъ шпіоны, знаютъ что вы были съ нами въ Каунпуръ и Джаджмৌ... Вѣдь я опишу дѣло какъ оно было... Если они пристанутъ къ вамъ показать имъ гдѣ это подземелье,—извините меня,—если они вздумаютъ *заставить васъ* открыть имъ эту тайну... что вы тогда станете дѣлать?..

Такуръ засмѣялся тѣмъ тихимъ, неслышимъ смѣхомъ отъ котораго меня всегда бросало и въ жаръ, и въ холодъ.

— Успокойтесь, этого никогда быть не можетъ. Но въ случаѣ еслибы они вздумали „приставать“, то предупреждаю васъ напередъ что съ, а не я увидите себя въ фальшивомъ положеніи. Повѣрьте что я даже и слова не вымолвлю въ такомъ случаѣ, а предоставляю защиту коллектору моего округа и всѣмъ знающимъ меня жителямъ. А коллекторъ мистеръ В. донесетъ что съ 15 марта по 3 іюня 1879 я не связывалъ изъ своего „раджа“ и что онъ посѣщалъ меня два раза въ недѣлю, а жители, между прочимъ, всѣ Англичане, подтвердятъ это...

Съ этими словами онъ всталъ и, сѣвъ на свою лошадь, простился и уѣхалъ, бросивъ мнѣ на прощаніе сѣдующее немного насмѣшливое замѣчаніе.

— Почему вы знаете... быть-можетъ у меня есть братъ *близнецъ*, о которомъ міру также мало извѣстно какъ и о подземельѣ?.. Вотъ запишите и это; не то и ваши земляки примутъ васъ, вмѣстѣ со всѣмъ нашимъ Теософическимъ Обществомъ, за дополненное изданіе барона Мюнхгаузена.

И навѣрное примутъ.

Подобное событіе уже разъ случилось съ Такуромъ. Его всѣ видѣли въ Пулѣ, гдѣ онъ открыто показывался въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Когда же его захотѣли замѣшать въ одно политическое дѣло, коллекторъ, магистратъ и *два миссіонера* показали что Гулабъ-Лалль-Сингъ не выѣзжалъ изъ своего помѣстья болѣе шести мѣсяцевъ. Заявляю *фактъ*, отказываясь, какъ и всегда, объяснить оный. Еще не прошло и года какъ оно случилось.

XXVIII.

И вотъ мы въ Дельи—великомъ градѣ Могуловъ. Если другіе города и мѣста Индіи держали насъ, словно очарованныхъ, лодъ вліяніемъ волшебнаго сна съ его мимолетными грезами о всемъ что когда-либо являлось прелестнаго въ архитектурѣ, то Дельи осталася навѣки запечатлѣннымъ въ нашихъ воспоминаніяхъ какъ воплощеніе на видъ несокрушимаго и все же лобъденнаго гиганта, уснувшаго Сампсона оставившаго свои густыя пряди въ рукахъ предательской Далилы. Нигдѣ, во всей разоренной Индіи, не найдете вы столько свидѣтельствъ о могуществѣ мусульманской имперіи, нигдѣ не почувствуете себя столь вынужденными съ благѣговніемъ преклониться предъ памятью великихъ мастеровъ создавшихъ „Надиръ-Шахъ Москъ“, башню Кутабъ, дворецъ Делійскій, а главное, *Таджъ Магалъ* въ Агрѣ.

Дельи вынырнулъ предъ нами изъ-за пригорка, за нѣскольکو минутъ до солнечнаго заката, и мигомъ вызвалъ во мнѣ воспоминаніе о золото-жемчужной столицѣ Магометова раа, по разказамъ Пророка. Во время одной изъ своихъ духовныхъ экскурсій въ эту вновь открытую имъ небесную область, поэтъ-пророкъ имѣлъ случай видѣть и подробно описать намъ одного ангела, нижняя половина тѣла коего

состояла изъ пламени, а верхняя изъ прозрачнаго льда: оба враждебные другъ другу элемента превосходно уживались нисколько не вредя другъ другу. При первомъ взглядѣ на древнюю столицу Шахъ-Джегана мнѣ припомнился образъ этого ангела. Предположивъ что Магометъ пророчески узрѣлъ Дельи въ далекомъ будущемъ и при такомъ солнечномъ закатѣ, его „огне-ледяной“ ангелъ является лишь восточною и весьма вѣрною метафорой этого города. Забитая багрово-золотистымъ пламенемъ заходящаго солнца, вся нижняя часть дворцовъ, мечетей, минаретовъ Дельи, построенная безъ исключенія изъ краснаго песчаника, казалась громаднымъ горящимъ костромъ, изъ нѣдръ котораго высоко воздымалась теряясь въ прозрачной и уже потухающей синевѣ вечерняго воздуха верхняя часть строений — глыбы еслѣпительной бѣлизны мраморныхъ куполовъ, минаретовъ, башень... А надо всѣмъ этимъ, словно туловище и голова „ангела“, водруженная на скалистомъ пригоркѣ, столь высокою что платформа, на коей она построена стоитъ на 30 слишкомъ футовъ надъ уровнемъ самыхъ высокихъ крышъ Дельи — возвышалась Джумма-Мусжидъ, главная мечеть города. Съ ея лѣсомъ башень, отвѣсныхъ зубцовъ и минаретовъ, надъ полосатою изъ чернаго и бѣлаго мрамора головой о трехъ куполахъ, эта мечеть — самая замѣчательная по своей оригинальности, если не по красотѣ въ Индіи *. Зрѣлище было величественное и вырвало у всѣхъ насъ единадушный крикъ удивленія.

Древній городъ, на развалинахъ коего Шахъ-Джеганъ построилъ въ XVII столѣтіи Дельи, назывался въ исторіи Индіи Индрапрештой, а затѣмъ Индерпутомъ. Основателемъ онаго былъ царь Юдиштира, смерть котораго по древнимъ лѣтописямъ брамановъ послѣдовала въ 3101 году до Рождества Христова. До христіанской эры исторія этой столицы покрыта непроницаемымъ мракомъ, среди котораго изрѣдка являются бѣглые проблески событій, историческая вѣрность коихъ подтверждается исторіей другихъ народовъ.

* Джумма Мусжидъ была заложена и начата Шахъ-Джеганомъ на четвертомъ году его царствованія (въ 1683) и окончена на десятомъ. Она стоила около 100.000 фунт. стерл. на англійскія деньги за одинъ матеріалъ, такъ какъ постройка ея и рабочіе были конечно даровые.

Лѣтопись Индралута отъ самаго его основанія и до конца существуетъ конечно; но она въ рукахъ брамановъ и скрывается ими, какъ и многое другое, подъ тѣмъ предлогомъ что пока будетъ продолжаться *Кали-югъ* (черный періодъ) Аріицы не должны открывать своей исторіи „бѣлымъ“ врагамъ. А такъ какъ до конца этого и до начала будущаго „Сатья-юга“ остается ждать 42.721 годъ, то до тѣхъ поръ наши ученые оріенталисты успеютъ и состарѣться, и не нашему поколѣнію будутъ открыты великія тайны древней исторіи Индіи. Европейскіе ученые мстятъ за это браманамъ, отвергая ихъ показанія и историческую достовѣрность даже того немнлагого что туземные историографы соглашались имъ повѣдать... А что помимо ихъ извѣстно и принято всѣми — можетъ быть разказано въ нѣсколькихъ словахъ. Даже это представляетъ необычайный интересъ, благодаря словно сказочнымъ событіямъ...

Пропустивъ цѣлыя столѣтія, мы находимъ Индерлутъ выбираемый столицей своей царемъ Ануугпаломъ за нѣсколько сотъ лѣтъ до Рождества Христова. За этимъ опять длинный антрактъ. Брамавы не пускаютъ профановъ за кулисы, но разказываютъ друзьямъ и врагамъ о необычайныхъ богатствахъ и цивилизаціи этой столицы сѣверо-западной Индіи и переводятъ цѣлыя страницы изъ древнихъ рукописей.

Около 980 года нашей эры раджа Индерлутскій являлся членомъ и союзникомъ туземной конфедераціи, сперва побѣжденной Пенджабскимъ раджей Себектеганомъ, а затѣмъ — Махмудомъ изъ Гѣззи въ 1008 году. Наконецъ, и лишь по вторженіи въ Индію Магометъ-Шахабъ-Удина Гхорскаго, въ 1191 году, мы находимъ Индерлутъ одною изъ четырехъ великихъ державъ Индіи, переименованною въ 1193 году Шахабъ-Удиномъ въ имперію Дельи. Мусульманскій историкъ Феришта увѣряетъ будто султанъ Гхорскій отнялъ эту имперію у Притви-Раджи, раджлутскаго принца, который, несмотря на кавалерію изъ 300.000 всадниковъ и 3.000 слоновъ, проигралъ сраженіе. Но эти „историческія“ яко бы событія до того запутаны и неясны что въ лѣтописяхъ Аджира говорится, напротивъ, что не Притви-Раджа палъ, а сей послѣдній побѣдилъ Магометъ-Шахабъ-Удина и, отрѣзавъ ему голову, сдѣлалъ изъ нея чучело, которое и сохранялось многія столѣтія въ оружейной раджлутскихъ царей. Но за то тѣ же лѣтописи повѣствуютъ что нѣсколько лѣтъ спустя,

вслѣдствіе ссоры между конфедератами, Кутбъ-О-Динъ, генералъ гхорскій, дѣйствительно побѣдилъ защитниковъ Индерлута и затѣмъ основалъ въ немъ независимую магометанскую династію, извѣстную между восточными историками подъ именемъ Дельи, или „рабыни Гхорскихъ султановъ“. Съ тѣхъ поръ эту несчастную имперію перекидывали изъ рукъ въ руки какъ мячикъ. Въ 1288 году, Кхильджи, „племя искателей приключеній“ изъ Афганистана (по словамъ той же летописи), зарѣзавъ владѣтеля Дельи Кейкобада, передалъ страну своему предводителю Джелдаль-Удину и основали династію Кхильджи, правившую до 1321 и прекратившаяся съ убійствомъ султана Мобарика. За этимъ имперія перешла въ руки Гхейль-Удина Тоглука, основавшаго Тоглуцкую династію. Потомъ ворвался въ Индію Тамерланъ и, проникнувъ въ 1398 году въ Дельи, ознаменовалъ свой подвигъ тѣмъ что перерѣзалъ 100.000 лѣвныхъ Индусовъ. „Высокія башни были построены изъ головъ убитыхъ и тѣла ихъ преданы хищнымъ птицамъ“, говоритъ историкъ. Промелькнувъ всеразрушающею грозой по всему горизонту Индіи, Тамерланъ тотчасъ же бросилъ Дельи, предавъ страну забвенію. Въ продолженіе 50 лѣтъ въ городѣ, гдѣ не осталось по его уходѣ ни одного живаго существа, царствовало гробовое молчаніе, тишина смерти и таѣнія... Только въ 1450 году, Бехламъ, глава Патановъ (Афганское племя Лоди), снова завладѣлъ покинутымъ городомъ и страной. Его внукъ Ибрагимъ былъ побѣжденъ и убитъ въ сраженіи при Панилутѣ знаменитымъ въ исторіи султаномъ Баберомъ, въ 1526 году. Съ тѣхъ поръ водворилась и царствовала послѣдняя династія Бабера, называемая ладшахами, а городъ переименовался затѣмъ, въ честь своего послѣдняго основателя, изъ Дельи въ Шахджеганабадъ. Но не знала и эта злополучная династія покоя. Сынъ Бабера, султанъ Хумайанъ, былъ побѣжденъ въ 1540 году и изгнанъ изъ Индіи Ширъ-Ханомъ Патанскимъ и только благодаря помощи Персіи вернулъ свое царство въ 1554. Одинъ императоръ Акбаръ, сумѣвшій возвести свое Индійское царство на высшую точку могущества тѣмъ что могъ одно время выставить 4.400.000 солдатъ,* удержалъ для себя и потомства великую имперію Дельи, дававшую

* См. исторію Эльфинстона, со словъ историка Абулфазла.

ему 37.724.615 ф. ст. ежегоднаго дохода, до 1707 года. Съ этого времени до 1803, то-есть въ продолженіе болѣе столѣтій, эта несчастная страна была театромъ постоянныхъ войнъ. Великіе могулы ея подвергались всевозможнымъ злоупотчціямъ. Поочереди Патаны и Сикки, Науабы, Махраты и Раджпуты дѣлали набѣги, выкалывали царямъ глаза, сожигали ихъ живыми и то захватывали, то снова терли Дельи. Наконецъ сердобольная Остъ-Индская Компанія, сжалясь надъ несчастными, пожелала сласти эту династію *даже противъ воли ея*. Съ достохвальнымъ и безпримѣрнымъ въ исторіи самоотверженіемъ, генералъ Локъ отправился въ 1803 году подъ стѣны Дельи. Тамъ, воспользовавшись не то доврчивостію, не то олаопшностію вѣскоаго авантюриста Француза Луи Бурксева, главнокомандующаго Махратской арміи, онъ съ большимъ безпристрастіемъ потопилъ въ рѣкѣ Джумпѣ какъ осаждавшихъ городъ Французовъ, Махратовъ и Патанъ, такъ и защищаемыхъ имъ Могуловъ, на помощь коимъ онъ якобы явился; а затѣмъ, овладѣвъ городомъ, навѣки прибралъ его къ рукамъ. Съ тѣхъ поръ бѣдныя Баберяне ползали „изъ огня да въ полымя.“ Не сталъ для нихъ великій *diez iras* и дашася онъ до 1857 года, когда, вслѣдствіе мятежа, послѣдній изъ номинальныхъ „великихъ могуловъ“ Магометъ-Бахадуръ отправился наконецъ изъ мѣста изгнанія и заключенія на землѣ.. въ высшія райскія сферы своего Пророка. Такъ мы по крайней мѣрѣ надѣемся, ради бѣднаго, разжалованнаго Могула. Онъ довольно выстрадалъ дабы получить хоть эту одну изъ столькихъ обѣщанныхъ ему привилегій.

Ничто не можетъ сравниться съ прелестію не только завѣтныхъ уголковъ и историческихъ памятниковъ полуразрушеннаго Дельи, но и вообще окрестностей и даже городского вала. Эти еще грозныя на видъ стѣны, осѣняемыя густою бахромой акацій и финиковыхъ лалымъ, краснорѣчиво напоминаютъ туристу о прежнемъ ихъ величіи и о тѣхъ славныхъ рыцарскихъ временахъ когда на укрѣпленныхъ валахъ проаживались часовые нелобѣдимыхъ султановъ—Акбара и Аарунгузаба. Теперь, обрамленные траурною тѣнью темной *сальвадоръ*, остались одни разбросанныя по гласису минареты могилъ, гробницы да одинокіе памятники на вѣки уснувшихъ героев... И долго не забыть намъ увялой, таинственной долины Кутаба! По этой долинѣ, раста-

гивалась непрерывною полосой въ семь миль ширины и болѣе чѣмъ на тридцать миль въ длину, вдоль берега Джумны, разбросаны развалины не одного, а *несколькихъ* древнихъ и новѣйшихъ городовъ. Это цѣлая элолея изъ гранита и мрамора, эллическая ловма славнаго прошлаго безчѣтныхъ поколѣній героевъ!.. Отъ самаго сада Шахлимара, у городскихъ воротъ, почти до поддороги къ Агрѣ, вся долина усѣяна развалинами циклопическихъ построекъ и разрушающимися зданіями болѣе современной эпохи: когда-то грозныхъ крѣпостей царей Раджпутскихъ; дворцовъ, мраморныя стѣны коихъ точно изваяны руками фей; изразцовыхъ башенъ, гранитныхъ бастіоновъ и странной, невиданной формы зданій. Вотъ обширная (какъ цѣлые храмы гробницы) съ гигантскими воротами и входными арками, словно латимиліонная армія Ксеркса хоронила съ военными почестями каждаго локойника; разваленныя обелиски—останки массивной Патавской архитектуры; уцѣлѣвшія комнаты отъ царскихъ дворцовъ (нынѣ превращенныхъ въ жижины, въ даровыя квартиры ларій), стѣны коихъ сооружены изъ кирлича покрытаго сплошь драгоцѣнною эмалью и прелестнѣйшею мозаикой; древніе золоченыя куполы, изъ трещинъ коихъ ловырастаютъ цѣлыя лѣса кактусовъ; куски стѣнъ сквозныхъ какъ дорогое венеціанское кружево и развалины старинныхъ языческихъ храмовъ, посвященныхъ неизвѣстнымъ богамъ, съ жертвенниками живопись на коихъ доселѣ еще представляетъ ослѣпительно яркіе цвѣта и свѣжесть будто вчера намазанныхъ красокъ!.. Что ни шагъ, то новая руина; куда ни взглянешь—опрокинутыя стѣны, упавшія статуи, разбитыя колонны... И среди этого чуднаго, диковиннаго міра какъ бы животрепещущихъ развалинъ царить и день и ночь мертвенная тишина. Что за дикая сцена залуствія! Когда мы очутились въ этой мѣстности, намъ почудилось будто мы попали въ сказочное царство „спящей красавицы“...

Недавно еще, не болѣе четверти вѣка тому назадъ, эта долина отъ города и до самой башни Кутабъ-Минара (выговаривается впрочемъ, *Катъбъ-Минара*), стоящей за 9 миль отъ ближайшихъ къ ней городскихъ воротъ, была обителью роскоши, наслажденія и могущества. Она еще была усѣяна загородными дачами богатыхъ вельможъ и придворныхъ Великаго Могула. А нынѣ она превратилась въ обитель полнаго тлѣнія и не даромъ зовется въ народѣ Долиною Смерти. Ея избѣгаетъ какъ лѣшеходъ, такъ и всадникъ: одни

туристы рискуютъ еще вступать на проклятую почву. Ея когда-то великолѣпные чертоги повалились, мозаичныя стѣны потрескались и стонутъ задыхаясь въ объятіяхъ дикаго кактуса. Только благодаря цѣлкимъ вѣтвямъ этого растенія онѣ еще не совершенно рухнули, но стоятъ словно приговоренные къ смерти мученики... Здѣсь каждый императоръ могучихъ династій Патавовъ, Раджпуровъ и Могуловъ увѣковѣчилъ себя какимъ-либо ламатникомъ. Можно слѣдовать по какому угодно направленію на 25 миль кругомъ и все еще не видать предъ собою конца этому необычайному, диковинному міру разваливъ!..

Пять дней мы бродили по нимъ. Уходя изъ дома съ разсвѣтомъ, мы и завтракали и обѣдали среди этой обстановки пропавшихъ вѣковъ, возвращаясь только къ вечеру. Какимъ-то грустнымъ, тоскливымъ чувствомъ сжимается сердце при входѣ въ эту пустынную долину, гробищу столькожъ лѣтнѣй! Все кругомъ тихо, мертвенно, безмолвно... Ни малѣйшаго звука не доносится даже съ далекихъ городскихъ стѣнъ, гдѣ угрюмо торчатъ среди ламатниковъ и минаретовъ тяжелые англійскіе бастионы и гдѣ, слѣдя за нами, точно вражья глаза, чертятъ на каждомъ изъ нихъ по девяти лушекъ направленныхъ на проходящихъ. Изрѣдка лишь что-то шарахнется подъ ногами, и встревоженный непривычными людскими шагами дикобразъ, взбѣсивъ иглы во все стороны и фыркая какъ услужливая кошка, откатывается клубкомъ въ сторону; пролетитъ стая лавачковъ, затемняя на секунду дорогу и блестя дождемъ разноцвѣтныхъ искръ; лавъ пугливо выгянетъ изъ-за темной зелени алая, да проскользнетъ въ травѣ проворная ящерица, сверкая радужною сливой на солныцѣ. Кругомъ ни единого отголоска. Развѣ только отъ времени до времени, среди этого тяжелого безмолвія, раздастся еще различаемый ухомъ шорохъ, а вслѣдъ за нимъ легкій стукъ какъ бы оторвавшася камешка: то рука неумолимаго времени непрестанно производитъ работу разрушенія надъ „Долиною Смерти“, отрывая кирпичъ за кирпичемъ, камень за камнемъ отъ мозаичныхъ стѣнъ древнихъ чертоговъ: словно крупныя мраморныя слезы роняютъ онѣ на свои красныя какъ алая кровь подвожія. И ладаютъ онѣ вѣкъ за вѣкомъ, пока наконецъ и чертоги, и самыя стѣны не превратятся во прахъ...

Да, палъ гордый Дельци, но палъ какъ ладаютъ одни гиганты: какъ палъ Сампсонъ жертвой измѣны и собственной

довѣрчивости. Онъ уснулъ въ объятіяхъ Далилы, которую ужъ столько лѣтъ онъ холилъ и озолочивалъ и въ честь которой онъ имѣлъ глулость вѣрить. Поэтому, вѣрная своему „историческому призванію“, Остъ-Индская Компанія и поступила какъ настоящая Далила. Она не только потворствовала ему въ его сластолюбіи, но сама увлекала его на пути бѣшенаго разврата. Въ послѣдніе годы своей *самостоятельной* жизни, подъ крылышкомъ Далилы, Дельи перещегоолялъ древній Римъ въ распутствѣ и извѣженности... И вотъ, воспользовавшись его временною слабостью, Далила окарнала безпомощнаго великана, а затѣмъ, выколовъ ему глаза, предала въ руки Филлистимлявъ. А ужъ какъ казалось любили они другъ друга! Какая вѣчная дружба связывала Англію-Далилу и Индо-Могульскаго красавца! До какой степени первая кокетничала съ послѣднимъ, можно судить изъ слѣдующаго примѣра. Полковникъ Скивнеръ, герой временъ Остъ-Индской Компаніи, прожилъ безвыѣздно сорокъ лѣтъ въ Индіи. Поселился въ Дельи, онъ тотчасъ же забылъ всякую разницу между религіями, преобразовался въ настоящаго мусульманина, женился на нѣсколькихъ женахъ и, только-что отказавъ въ выдачѣ небольшой казенной суммы на постройку христіанской церкви, соорудилъ съ огромными издержками, якобы на *собственный счетъ*, богатую мечеть, а затѣмъ и храмъ для Индусовъ. Сооруженіе церкви въ Дельи, пишетъ онъ въ донесеніи, „справедливо оскорбило бы чувство Великаго Могула и его народа“. Кромѣ того, намъ показывали въ Дельи десятка два мечетей и языческихъ храмовъ, въ которыхъ находились богатые бронзовые колокола, серебряные идолы и художественной отдѣлки дорогія люстры и лампы и даже жертвенники съ именами жертвователей. Всѣ эти предметы до одного были „благодарственные дары“ и добровольныя приношенія вслѣдствіе *обѣтовъ* „за избавленіе отъ тяжкихъ болѣзней“ и другихъ невзгодъ, *поднесенные Англичанами идоламъ и Магомету!!*. Имена жертвователей всѣ европейскія.

Но теперь все это измѣнилось. Лицемѣріе болѣе не у мѣста, и вмѣсто лукулловскихъ празднествъ и кокетничанья, Альбіонъ-Далила наступила на Дельи, какъ и на всѣхъ сосѣдей его, тяжелою ступлей своею—и мусульманскій городъ задохся. Великій Могуль исчезъ; исчезли и всѣ извѣженные вельможи его. Les arragences sont sauvées, а больше ничего и не требуется. Могулы не умѣли управлять народомъ, какъ

не умѣли и науѣбы Аудскіе и *какъ не умѣетъ мнѣ злополучный Тейбо*—король Бурмы*. Филиантропія Ангаіи не дозволила ей, какъ и никогда не дозволить, гладнокровоно видѣть какъ страдаетъ подъ гнетомъ деспотическаго управленія чей бы то ни было народъ. Вѣдь она Богомъ посланная спасительница азіатскихъ народовъ, другъ страждущаго человечества.

По дорогѣ ведущей къ долинѣ Кутаба, на старомъ памятникѣ, у древней крѣпости Ферозъ-Шаха, я начертила карандашомъ извѣстный стихъ Данта, надпись надъ воротами ада, какъ нельзя лучше подходящій къ унылой долинѣ и ведущему къ ней пути...

Per me si va nella città dolente,
Per me si va nell' eterno dolore,
Per me si va tra la perduta gente... **

Едва отошли мы на нѣсколько шаговъ, какъ я обернулась и предо мною мелькнули желтые усы и румяное лицо нашего высокоблагороднаго пліона, капитана Л. Онъ стоялъ предъ памятникомъ съ начертаннымъ на немъ стихомъ и чесалъ въ затрудненіи затылокъ. Затѣмъ вынулъ карандашъ и бумагу и тщательно списалъ мою надпись: Данте будетъ еще разъ прочитанъ лордомъ Литтономъ, а быть-можетъ и самимъ Беконсфильдомъ...

Какой-то путешественникъ выразился о гробницахъ магометанскихъ вельможъ въ Индіи слѣдующихъ образомъ: „Если вы желаете получить вѣрную идею о нихъ, то представьте

* Не разъ приходилось намъ разговаривать на счетъ извѣстныхъ ангаійскими журналистами на короля Бирманскаго „преступленій“ и „ужасовъ“ съ только что вернувшимися оттуда буддистскими монахами. На наши вопросы всѣ до одного увѣрили что ничего подобнаго не слышали. Эти буддисты—миролюбивые ангаійскіе подданные съ острова Цейлона; чрезвычайно довольные управленіемъ ихъ страной и даже весьма преданные Ангаичанамъ, что носилъ деспотическихъ, кровожадныхъ и особенно фанатичныхъ Голландцевъ и Португальцевъ и весьма попятно. Но эти буддисты газетъ не читаютъ и поэтому не могли вникнуть въ хитрую политику своихъ правителей, девизомъ которой слѣдовало избрать извѣстную французскую пословицу: „*Quand on veut tuer son chien on dit qu'il est enragé.*“

** Мой путь ведетъ во градъ мученья,
Мой путь ведетъ на вѣчное страданье,
Мой путь ведетъ средь проклятыхъ людей.

себѣ лондонскую церковь Св. Павла превратившуюся въ храмъ и перенесенную въ огромный садъ со всѣми пресловутыми воротами стараго Йорка вмѣсто калитки, или же цѣлую массу кулоловъ, покрытыхъ инкрустаціями изъ черепицъ, разрисованныхъ воцѣванными красками невозможныхъ и самыхъ блестящихъ металлическихъ оттѣнковъ—зеленыхъ, голубыхъ, золотистыхъ, бронзово-фіолетовыхъ... и все это собраніе кулоловъ на высокихъ, граціозныхъ пилястрахъ и аркахъ, дѣйствиительно-прекрасныхъ и столь же совершенныхъ какъ и въ тотъ день когда они вышли изъ-подъ рѣзца скульптора"... А подобныя зданія буквально ислещраютъ окрестности Дельи. Работа на нѣкоторыхъ изъ такихъ гробницъ до того ажурная и изящная что при заходѣ солнца мраморныя стѣны сквозятъ какъ алебастровый абажуръ на лампѣ...

Подивясь „посоху Ферозъ-Шаха“ (огромный изъ красного песчаника столбъ, который, несмотря на то что при паденіи ушелъ на двѣ трети своей величины въ землю, все еще имѣетъ 37 фут. длины и десять въ объемѣ на заостренномъ концѣ), мы отправились къ памятнику султана Хамайюна, видъ котораго такъ часто красуется на многознаменитыхъ дѣлійскихъ брошкахъ. Онъ стоитъ на мраморной платформѣ въ 200 футовъ въ квадратъ, покоясь со всѣхъ четырехъ сторонъ на аркадахъ, къ которымъ ведутъ три высокіе яруса ступеней изъ гравита. Каждая арка четырехъ аркадъ служитъ навѣсомъ для нѣсколькихъ гробницъ; а высоко надъ ними возвышается императорскій мавзолей, величественное зданіе изъ красного камня, выложенное бѣлымъ мраморомъ. Стиль архитектуры чисто сарацинскій. Внутри мавзолея круглая комната, посреди которой стоитъ мраморный саркофагъ. Съ плоской крыши памятника открывается чудный видъ на много миль кругомъ; мы привесли съ собою телескопъ и превосходно рассмотрѣли въ него, не теряя дорогого времени, памятникъ Низамъ-Уддину, святому прожившему долгую жизнь на навозѣ и покоящемуся послѣ смерти среди драгоценнаго мрамора и порфира; мавзолей принцессы Джаханары, дочери несчастнаго Шахъ-Джегана (о которой ниже съ цѣлою поэтической легендой относящеюся къ ней и ея памятнику) и послѣднее роскошное жилище Сафдаръ-Янга, великаго визиря имперіи въ XVIII вѣкѣ и предка послѣдняго злополучнаго короля Аура. Цѣлые города мавзолеевъ и саркофаговъ изъ драгоценнѣйшаго

мрамора—вотъ все что осталось отъ нѣкогда богатѣйшей изъ мусульманскихъ имперій! „Эти бѣдующіе вдали ламатники“, говорилъ мнѣ недавно одинъ болѣе другихъ откровенный Англичанинъ судья, „положительно производятъ на меня какое-то нервное, непонятное чувство страха, когда я сижу одинъ по вечерамъ на балконѣ... Точно армія покойниковъ въ бѣлыхъ саванахъ, пришедшая требовать отчета въ судьбѣ своихъ потомковъ“...

Въ „Чаанди-Чокъ“ красуется императорскій дворецъ, описанный еписколомъ Геберомъ какъ одна изъ самыхъ величественныхъ царскихъ резиденцій когда-либо видѣнныхъ имъ, „далеко оставляющая за собою Кремль, но въ нѣкоторыхъ деталяхъ уступающая Виндзору.“ Наивное національное хвастовство! Въ нашихъ глазахъ, т.-е. во мнѣніи даже Англичанъ артистовъ и архитектора У., этотъ дворецъ далеко превосходитъ всѣ европейскіе дворцы, древніе и современные, какъ своею оригинальною красотой, такъ и прочностью. Одна готическая арка въ центральномъ дворѣ большой башни, арка за которою слѣдуетъ длинное крыло со сводомъ, на подобіе крыла въ готическихъ соборахъ, приводитъ знатоковъ въ восторгъ. Арка за аркой тянутся подъ сводомъ, улобляя этотъ проходъ скорѣе длинному тоннелю нежели пристройкѣ... Въ самомъ центрѣ крыла—открытый восьмиугольный дворикъ изъ гранита, каждый вершокъ коего покрытъ инкрустаціями мельчайшей, почти мозаичной работы цвѣтовъ и фруктовъ изъ разноцвѣтнаго мрамора и камней. „Девани-Хасъ“ (комната императорскаго совѣта), бѣлый мраморный лавильонъ подъ кулонами изъ того же матеріала, съ арками и колоннами превосходнѣйшей рѣзьбы и весь покрытый золотыми арабесками, цвѣтами изъ перламутра, сердолика, малахита и надписями изъ Корана персидскими буквами самой изящной работы. Богатая листва изъ чистаго серебра, нѣкогда украшавшая потолокъ, отобрана побѣдителями, и прелестный лавильонъ нынѣ служитъ резиденціей совамъ и летучимъ мышамъ. Въ этомъ же вкусѣ и восьмиугольный лавильонъ среди залуценнаго великолѣпнаго сада, и „Моти-Мѣсжидъ“—родная сестра другой „Моти-Мѣсжидъ“ (*жемчужной мечети*) въ Агрѣ—придворная капелла императоровъ; и даже „зала аудіенцій“, она же тронная зала великихъ моголовъ, съ престоломъ во глубинѣ, мозаика коего выложена въ видѣ лавинаго хвоста. Этотъ тронъ только недавно

очищенъ отъ голубиного навоза, густо покрывавшаго престольное сѣдалище...

Проѣхавъ мимо красивой мечети съ цѣлою рощей минаретовъ, заглядывающихъ цѣлый день въ прозрачныя воды залива рѣки, мы остановились возлѣ „Джуммы-Мѣсжидъ“, великой мечети. Ея громадный фундаментъ изъ краснаго песчаника составляетъ четырехугольникъ, а стѣны словно предназначены для крѣпости. На каждомъ углу этой террасы по башнѣ, мраморныя кулолы коихъ покоятся на тонкихъ красныхъ колоннахъ. Съ трехъ сторонъ невѣроятна широкая мраморная ступени ведутъ къ тремъ главнымъ воротамъ. Это цѣлое лутешествіе въ гору; крыши всего города находятся подъ ногами туриста на послѣдней ступени. Что касается центральныхъ, четвертыхъ воротъ, обращенныхъ къ востоку, то они считаются до того священными что къ нимъ не дозволено даже и близко подходить. Эти трое воротъ ведутъ во дворъ—скверъ въ 450 футовъ съ открытыми аркадами, окруженный съ трехъ сторонъ колонадами красныхъ столбовъ и съ большимъ мраморнымъ бассейномъ посрединѣ, наполняемымъ особеннымъ механизмомъ изъ нѣсколькихъ источниковъ въ долинѣ. На западной сторонѣ, обращенной къ востоку, т.е. къ Меккѣ, возвышается мечеть—„Красавица востока“. Весь фасадъ покрытъ толстыми плитами изъ бѣлаго мрамора, а вдоль карниза разстилаются надписи—стихи изъ Корана, буквами изъ чернаго мрамора съ золотомъ въ четыре фута длины каждая. Три огромныя бѣлыя кулола исполосованы такимъ же чернымъ мраморомъ, а высокія минареты—краснымъ и бѣлымъ. Каждая изъ башенокъ являлась чудомъ изощества.

Была пятница и къ тому же какой-то праздникъ, и на дворѣ, способномъ вмѣстить 12.000 народа, толпились правобѣрные. Наши Индусы не пошли съ нами, а остались внизу у знакомаго, одного изъ несмѣтныхъ кумовей Бабу́. Мы же оставались въ самой мечети всего нѣсколько минутъ, такъ какъ къ великому афронту У. его и полковника заставили разуться и, по ихъ увѣренію, вслѣдствіе этой прогулки по холоднымъ мраморнымъ плитамъ оба схватили насморкъ. Полъ самой мечети представляетъ подобіе шахматной доски изъ бѣлыхъ и черныхъ плитъ...

Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ городской стѣны находится обсерваторія, громадная какъ и все остальное. Какъ и

нѣсколько другихъ обсерваторій и по тому же плану, она была выстроена знаменитымъ раджей Джейлурскимъ, Джей-Сингомъ, ученымъ астрономомъ и астрологомъ въ началѣ XVIII столѣтія, тѣмъ самымъ астрологомъ что по желанію императора Магометъ-шаха преобразовалъ мѣстный календарь. Кромѣ громаднхъ солнечныхъ часовъ, мы нашли на этомъ пространномъ какъ цѣлая площадь дворъ „азимутные круги“, какъ ихъ представилъ намъ Гулабъ Сингъ, какой-то удивительной формы столбы для измѣренія высотъ и тому подобныя ужасныя орудія астрономіи. Весь этотъ дворъ заведенъ и застроенъ кривыми стѣнами, каменными трехугольниками со ступенями ведущими въ пустое пространство, странными геометрическими фигурами изъ гранита „для мѣстныхъ астрологовъ“, какъ мы узнали, и все это покрытое непонятными намъ знаками, ужасъ наводящими абракадабрами, цифрами, среди которыхъ одинъ Такуръ былъ какъ дома, а мы бѣдные профаны совершенно сконфузились и ушли домой съ головою болью...

„Кутбъ-Минаръ“, башня въ девяти миляхъ отъ города, считается высочайшею колонной въ нашемъ мірѣ, даже и теперь, когда она глубоко осѣла и верхнюю часть ее отбилъ молніей. Эта колонна, въ настоящее время 349 футовъ высоты, по мѣстнымъ преданіямъ служила придворнымъ магикамъ для ихъ пріятельскихъ совѣщаній съ „планетарными“ духами. Дѣйствительно, судя по высотѣ башни, можно съ достовѣрностью предположить что эти стихійные жители часто слотыкались объ оную и рвали себѣ крылья на ея острыхъ зубахъ. Быть-можетъ они для того и направили молнію чтобы сокрушить послѣдніе?... Отъ фундамента башня заостряется до верху, гдѣ, когда крышу еще не разгромило, умѣщались 12 маговъ, каждый съ 12 фоліантами „заключеній“. Ея стѣны покрыты куфическими надписями и гигантскими буквами выдолбленными на нѣсколько футовъ глубины. Красная снизу до верху, высоко ларя подъ облаками, „Кутбъ-Минаръ“ кажется издали какимъ-то чудовищнымъ, кровавымъ восклицательнымъ знакомъ, поставленнымъ надъ „Долиною Смерти“...

Вокругъ башни жмутся сотни лагастровъ, арокъ и колоннъ. Каждый изъ этихъ обломковъ въ иномъ отъ прочихъ стилѣ и часто не въ мусульманскомъ, а во вкусѣ Индіи, что одно доказываетъ ихъ древность и сколько времени

должно было пройти между каждымъ стидемъ. Немного въ сторонѣ, распластавшись какъ грибокъ широко раскинутыми террасами, стоитъ особнякомъ и подъ куполомъ пирамидальное, состоящее изъ четырехъ ярусовъ, замѣчательное строеніе. То „коллегія Акбара“, знаменитая необычайною красотой своей рѣзбы и построенная имъ для сходокъ „мудрецовъ“, нарочно приглашавшихся изъ всѣхъ странъ свѣта для „религіозныхъ диспутовъ“. * Совершенно сквозное въ нижней террасѣ, со стѣнами покрытыми живописью, мозаикой, барельефами съ инкрустаціями всякаго рода, нишами съ выпуклою работою на золотомъ фонѣ и бесконечною вереницей геометрическихъ узоровъ и надписей, это зданіе какъ бы служить великолѣпнымъ преддверіемъ къ башнѣ-великану..

Пять дней прошли какъ одинъ день, и мы увѣзжали въ тотъ вечеръ въ Агру, древнюю столицу Акбара. Прощаясь, быть-можетъ навсегда, съ долиной Кутаба, мы отправились отдохнуть въ послѣдній разъ подъ тѣнью гигантской башни. Никто не знаетъ когда, кѣмъ и для чего именно она была построена. Черные мраморные полы четырехъ олеясывающихъ ее балкошчиковъ покрыты тѣми же странными знаками какъ и ступени ея внутренней витой лѣстницы. Ея четыре комнаты—одна въ каждомъ ярусѣ—ведутъ черезъ низкую дверь на наружную галлерейку, и находились охотники подниматься по ней. Но мы отказались отъ подобаго путешествія подъ облака: я по причинамъ о которыхъ изъ самолюбія умолчу, остальные просто изъ лѣни или скорѣе пресыщенія. Дѣйствительно, мы всѣ начинали чувствовать признаки болѣзни которую можно было бы назвать „индигестіей руинъ“. У насъ начинали являться по ночамъ кошмары въ видѣ башень, дворцовъ и храмовъ; видѣнія во время которыхъ быстроногіе минареты гонялись за нами, а черные мраморные саркофаги отплясывали на насъ тавецъ смерти... Но Такуръ отправился съ Нараяномъ-Крившарау на верхъ, оставивъ насъ подъ кровительствомъ тезки послѣдняго, Бабу Нараяна Дасъ-Сена, а Бабу тотчасъ же началъ пугать миссъ Б. разказами

* Известно что императоръ Акбаръ никогда не былъ *правосърымъ* мусульманникомъ, но цѣлую жизнь отыскивая истину во всѣхъ религіяхъ постоянно колебался между христіанствомъ, мусульманствомъ и религіями парсовъ и брамановъ. Онъ былъ великій астрологъ своего времени.

о привидѣніяхъ и духахъ посѣщающихъ Кутбъ-Минарскую башню.

Вѣроятно и нашъ махратскій Геркулесъ увидалъ въ таинственной башнѣ нѣчто очень страшное; потому что когда оба сошли черезъ полчаса внизъ, Такуръ казался серьезнѣе и суровѣе нежели когда-либо, а смуглая щеки Нараяна совсѣмъ сдѣлались земляного цвѣта и губы его нервно дрожали.

— Смотрите, шепнулъ въ полголоса миссъ В. неудержимый Бенгалецъ,—смотрите, бьюсь объ закладъ что Такуръ-Саабъ вызывалъ для Нараяна одного изъ своихъ предковъ... на бѣднѣягѣ лица нѣтъ!...

Что-то глубоко-страдальческое и вмѣстѣ съ тѣмъ зловѣщее блеснуло въ черныхъ глазахъ брамина... Но онъ тотчасъ же опустилъ глаза и сдѣлавъ видимое надъ собою усиліе смолчалъ...

Я хотѣла вмѣшаться и разомъ оставовить неумѣстная поддразниванія Бабу, но Такуръ предупредилъ меня. Не перемѣняя разговора, онъ незамѣтно отвелъ наши мысли отъ этого щекотливаго предмета, давъ имъ совершенно другое направленіе...

— Ты правъ, Бабу, задумчиво отвѣчалъ онъ, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на очевидную иронию Бенгальца,—нѣтъ во всей Індіи мѣстности болѣе подходящей къ вызыванію памяти о событіяхъ великаго прошлаго *момента* раджпутскихъ предковъ чѣмъ эта башня!... Здѣсь, продолжалъ онъ указывая на Дельи,—полководцы и владѣтельные принцы Раджистана были въ концѣ XVII столѣтія въ послѣдній разъ лишены престола по праву принадлежащаго имъ царства, достоинства ихъ отцовъ... Здѣсь фанатическіе, жестокіе Могулы, водворясь на тронѣ завоеванномъ ими лишь хитростью, перевернули произвольно послѣднюю, кровавую страницу исторіи великой независимой Індіи!... Да! вдругъ произнесъ онъ, сверкая блестящими словно разгорающіеся угли глазами и какъ бы въ дотогѣ сдержанномъ, но тѣмъ болѣе ужасномъ порывѣ внутренняго бѣшенства,—да!... Одинъ развратъ да извѣженность этой небомъ проклятой расы широко раскрыли дверь европейскимъ завоевателямъ!... То Могулы, одни они, логубили нашу Індію! Не поселись это локолатіе гаремовъ на нашей родинѣ, не было бы сегодня ни одного Англичанина на нашей землѣ!...

У* нахмурилъ брови и повернувшись къ стѣнѣ казался чрезвычайно занятымъ разсматриваніемъ куфическихъ надписей. Но миссъ Б. съ патріотическимъ жаромъ, достойнымъ лучшаго дѣла, оцѣтенилась какъ кошка и разомъ ринулась въ битву.

— О-о-о!... иронически прогнусила старая дѣва на всѣ тоны національной дисгармоніи, — Гей-гей!... неужели вы хотите этимъ сказать что мы не сумѣли бы справиться даже и съ вами, Раджлутами?... Насъ, Англичанъ, еще *никто* и *никогда* не побѣждалъ; и мы никогда еще не уступали разъ полпраной нами территоріи!...

Мнѣ сдѣлалось положительно страшно за эту глуую женщину. Ничего и никогда не случалось мнѣ видѣть въ человѣческихъ глазахъ подобнаго тому злобѣщему, мрачному огню который зажегся въ широко раскрытыхъ зрачкахъ гордаго Такура. Но онъ молчалъ и только глядѣлъ на нее. Такъ долженъ былъ глядѣть на будущую жертву свою Сфинксъ— до рѣшенія загадки..

Къ счастью, полковникъ нашелся и разомъ выручилъ насъ всѣхъ, учинивъ счастливую диверсію въ свою сторону.

— Васъ-то, Англичанъ, *никогда* не били? переспросилъ онъ, добродушно подсмѣиваясь.—Кромѣ насъ, Американцевъ, добавьте... Вспомните какія трелки мы, янки, задавали вамъ съ 1775 до 1783 года, когда мы на вѣки прогнали васъ съ нашихъ береговъ... А затѣмъ въ 1812, когда на одного Американца приходилось *сооимъ* убитыхъ Англичанъ!... Не слѣдуетъ, любезнѣйшая миссъ Б., не слѣдуетъ забывать исторію даже изъ патріотизма.

Полковникъ не ошибся въ своемъ великодушномъ разчетѣ. Этихъ простыхъ словъ оказалось достаточно чтобы навлечь на него бурю, окончившуюся, какъ и всегда, потокомъ истерическихъ слезъ. Англичанка дѣлалась намъ съ каждымъ днемъ противнѣе..

Неоднократно уже полковникъ въ качествѣ президента Теософическаго Общества собирался серіозно пригласить ее вернуться въ Бомбей, гдѣ среди болѣе родственной и симпатичной ей сферы разбогатѣвшихъ бакалейщиковъ и гордыхъ англійскихъ эскъ-салошниковъ она могла бы себя чувствовать и спокойнѣе, и счастливѣе. Но я всегда протестовала. Какъ ни несносно намъ было ея общество, но какъ Англичане, она и У. были намъ несомнѣнно полезны въ виду

гаулѣйшихъ подозрѣній и преслѣдованія насъ тайною полиціей. А это шпіонство, неуклюжее и грубое, старавшееся да не умѣвшее оставаться тайнымъ, дѣлалось намъ день ото дня тяжелѣе. Присутствіе двухъ Англичанъ, и ярыхъ патріотовъ къ тому же, среди нашего кружка не только могло пригодиться въ послѣдствіи, но и выставляло Англо-Индійское правительство въ самомъ гауломъ видѣ...

По обыкновенію своему, Такуръ, проводивъ насъ до желѣзной дороги, простился и общалъ встрѣтить насъ, *быть-можетъ*, въ Агрѣ, во всякомъ случаѣ въ Бертпурѣ. Мы разстались.

Въ дорогѣ Нараянъ былъ неузнаваемъ и находился какъ бы подъ гнетомъ невыносимаго бремени или печали. Бабу вертѣлася какъ бѣсъ предъ заутреней; Мульджи по обыкновенію молчалъ; У* дулся за свою соотечественницу, которая сушила во всю дорогу свои кыки на солнцѣ; полковникъ хралѣлъ въ углу кареты; а я думала, думала до одурѣнія... Чтѣ такое происходитъ между Такуромъ и Нараяномъ?.. Чтѣ это за тайна?.. Кто знаетъ!..

Какъ при нашемъ взѣздѣ въ Дельи, солнце и теперь садилось, утопая въ раславленномъ золотѣ облаковъ, а далеко на горизонтѣ видѣлся величественный „Кутбъ-Минаръ“, уже до половины окутанный въ темнофіолетовыя ночныя тѣни; верхняя часть башни еще горѣла какъ огненный столбъ въ золотисто-оранжевомъ сіяніи заходящаго солнца...

Императоръ Акбаръ, Царь-Соломонъ Индіи, по великой премудрости своей, величайшій какъ и любимѣйшій изъ могульскихъ повелителей Индіи и единственный изъ нихъ память котораго дорога взравилъ какъ магометанамъ, такъ и Индусамъ. Послѣдними онъ еще болѣе можетъ-быть любимъ, такъ какъ всегда выказывалъ пристрастіе къ нимъ. Акбаръ Великодушный, Благословенный, Акбаръ любимецъ боговъ и „Краса престола міра“, вотъ прилагательныя къ его имени. Между туземцами городъ Агра до сей поры носитъ его имя и называется въ народѣ *Акбарабадъ*. Числомъ женъ Акбаръ превзошелъ царя Соломона. Какое значеніе могутъ имѣть 800 законныхъ и 300 незаконныхъ супруговъ въ сравненіи съ 5.000 женъ Акбара? Туземная дѣтопись увѣряетъ будто императоръ обязанъ своимъ могуществомъ единственно этимъ дамамъ. Разъ рѣшась завладѣть всюю Индіей, великій падишахъ, дабы двойнѣ привязать къ

себѣ союзниковъ, женился поочередно на дочеряхъ каждаго изъ нихъ. Какъ только онъ узнавалъ что у такого-то раджи или сосѣдняго принца есть дочь или дочери, то посылалъ тотчасъ же предложеніе. А такому жениху какъ императоръ Акбаръ возможно ли было отказать? Такимъ образомъ, благодаря арміи тестей-союзниковъ, онъ заранѣе ограждалъ себя отъ войнъ, а государство отъ вторженій. Жены были довольны и счастливы, и никому изъ нихъ не было завидно. Каждая имѣла свою комнату во дворцѣ и свои особенныя права. Отъ этого фамильнаго дворца остались однѣ развалины.

Акбаръ считался четвертымъ въ поколѣніи пророка Магомета; поэтому ему много и прощалось правотѣрными, хотя онъ много грѣшилъ противъ вѣры. Особенно оскорблялъ ихъ императоръ своими сомнѣніями и вѣчною погоней за истиной: „какъ будто вся божественная истина не сосредоточилась въ нашемъ благословенномъ Пророкѣ!“ разсуждаетъ одинъ изъ его историковъ. Онъ имѣлъ страсть къ изученію философіи и питалъ глубокое благоговѣніе къ древнимъ рукописямъ, назначая огромныя преміи за самыя старинныя лѣтописи „шести великихъ вѣръ Востока“: христіанской, магометанской, іудейской и вѣръ брамановъ, буддистовъ и ларсовъ. Онъ почиталъ всѣ шесть и не принадлежалъ ни къ одной. * Говорятъ, будто послѣ него осталась кила автографныхъ рукописей и, чему еще труднѣе вѣрится, будто онъ еще уцѣлѣли. Родившись въ 1542 году, онъ умеръ въ 1605, процарствовавъ около полустолѣтія. Не могу промолчать объ одной странной, переданной мнѣ исторіи—легендѣ быть-можетъ или просто вымышленной баснѣ. Но такъ какъ она находится въ тѣсной связи съ исторіей Россіи, совершенно совпадаетъ съ числами ея самыхъ крул-

* Акбаръ, хотя мусульманскіе его подданные взирали на него какъ на святаго чудотворца, далеко не покровительствовалъ магометанской религіи; часто, нуждаясь въ деньгахъ, онъ очень хладнокровно обиралъ мечети и грабилъ ихъ казну въ пользу Кавамеріи. Но и христіанскіе миссіонеры не были счастливые исламскихъ муллъ. Не только императоръ поклонялся солнцу и молчалъ свѣтлу четыре раза въ день, но и требовалъ покаенія самому себѣ какъ боже-ству. „Онъ изучалъ магію и окружалъ себя людьми предавшимися сатанѣ,—людьми которые именемъ и съ помощью нечистой силы творили разныя нечестыя чудеса“ (изъ записокъ миссіонеровъ Гоа) (*Murray's Discoveries*).

ныхъ историческихъ событій и называетъ одну извѣстную русскую княжескую фамилію, то передаю, какъ слышала, продавая за то за что сама купила.

Какъ и всѣ въ Индіи, Акбаръ слѣло вѣрилъ въ астрологию и магію. Еще будучи принцемъ онъ пристрастился къ одному бѣлолицему юношѣ, въ одно прекрасное утро таинственно приведенному къ нему во дворецъ. Затѣмъ юноша исчезъ, и одинъ принцъ зналъ кто и гдѣ онъ. Но, по востествіи Акбара на престолъ, тотъ снова явился и совершенно завидѣлъ императоромъ. Никто не зналъ его настоящаго имени и откуда являлся оба раза таинственный чужеземецъ, хотя при дворѣ, гдѣ толпились сотни иностранцевъ, „мудрецы съ Востока, Запада, Юга и Сѣвера“, никто не обращалъ сперва на юношу особеннаго вниманія; но вскорѣ завистники стали коситься на него и подкалываться подъ царскую милость. Разказывали будто юноша, презрѣнный рабъ, лѣтѣвникъ съ далекаго Сѣвера, былъ подаренъ Акбару латанскимъ полководцемъ изъ Афганистана. Интрига противъ этого чужеземца достигла наконецъ того что жизнь его стала не въ безопасности. Императоръ испугался, и юноша въ одно прекрасное утро также таинственно и во второй разъ исчезъ какъ и появился. Острастки ради и въ видѣ внушенія, Акбаръ притворился будто не знаетъ куда его фаворитъ пропалъ; приказалъ его врагамъ предстать предъ свои грозныя очи, и въ то утро нѣсколько головъ свалилось съ плечъ. Только чрезъ двѣнадцать лѣтъ, человекъ еще молодой и въ которомъ старожилы придворные, не взирая на переѣзды, скоро узнали пропавшаго юношу, снова появилась при дворѣ. Но возмужалый, важный и сосредоточенный, онъ былъ представленъ самимъ императоромъ всѣмъ придворнымъ какъ ученый астрологъ и *гуру* (учитель), и дворъ повергся предъ чужеземцемъ во прахъ на этотъ разъ искренно и съ сердечнымъ трепетомъ, ибо слава молодого астролога предшествовала его появленію въ Агрѣ и о немъ говорили шепотомъ и со сдержаннымъ страхомъ. „Пандитъ Васинти Аджаубаху“ * изучалъ сокровенныя науки—„джаду“ и „югъ видью“ (то-есть черную и бѣлую магію), у самихъ *джинновъ* въ нѣдрахъ Гималая, возлѣ Бадринаба, и самъ великій императоръ выбралъ его своимъ *гуру*. Великъ Аллахъ! Чуже-

* *Аджаубаху*—прозвище состоящее изъ двухъ санскритскихъ словъ: *Аджабу*—„длинныя“ (до ладвей) и *баху*—„руки“.

земецъ обладаетъ перствомъ самого Сулимена (Соломона), владыки всѣхъ *джинновъ* (духовъ). Правовѣрные, берегитесь оскорбить ладита⁴¹!

Хроника увѣряетъ будто ладитъ Васшти Аджанубаху оставался при Акбарѣ до самой смерти послѣдняго, а затѣмъ, хотя самъ уже былъ въ глубокой старости, неизвѣстно куда исчезъ. Уходя, онъ будто бы собралъ своихъ учениковъ и сказалъ имъ слѣдующія знаменательныя слова: „Васшти Аджанубаху уходитъ и скоро исчезнетъ изъ этого дряхлаго тѣла; но онъ не умретъ, а появится въ тѣлѣ друго Аджанубаху, болѣ великаго и славнаго, который положитъ конецъ Могульскому владычеству... * Аджанубаху II отмститъ за Аджанубаху I, *отечество коего было унижено и разграблено ненавистными сынами же-пророка.*“ Сказавъ эту святотатственную въ глазахъ учениковъ рѣчь—старый, колдунъ исчезъ—„будь его имя проклято“, набожно добавляетъ мусульманскій авторъ. **

Прошучитателя держать въ памяти какъ подчеркнутую мною фразу, такъ и хронологию событій. Сдѣланное нами недавно открытiе быть-можетъ и ничего не значить, но совпаденiя и имена многозначительны. Во всякомъ случаѣ оно представляетъ болѣе чѣмъ простой интересъ для *русскихъ* читателей. Легендъ на счетъ ладита Васшти что деревьевъ въ лѣсу дремучемъ; но я выбрала лишь эту, прямо относящуюся къ дѣлу. Что этотъ ладитъ былъ Русскій, взятый мальчикомъ въ лѣвiя Татарамъ во время побѣды Иоанна Грознаго въ 1552 надъ Золотою Ордою, при Казани, то это не представляетъ для меня теперь ни малѣйшаго сомнѣнiя. А что касается вопроса: кто именно таковъ былъ этотъ легендарный „ладитъ“ и что онъ имѣлъ общаго съ княжескими русскими фамилiями, то предоставляю это на разрѣшенiе самихъ читателей. Наша лѣсна еще впереди, и самое странное изъ

* Спаджи, герой и покоритель Могуловъ, основатель Махратской имперiи, родившiйся во второй четверти XVII и вступившiй на престолъ *пейшемъ* въ 1664, получалъ прозвище „Аджанубаху“, такъ какъ имѣлъ очень диккыя руки. Преданiе утверждаетъ что Спаджи былъ воплощенiемъ нѣкаго сильнаго и могущественнаго „чудотѣи съ далекаго сѣвера“. Онъ родился 17 лѣтъ спустя по смерти Акбара—кажется въ 1622 году.

** *Легенды о Могульской Имперiи.* Собрание преданiй переведенныхъ съ языковъ урду и махратскаго.

этой страшной исторіи еще не сказано, хотя конечно одно имя *Адѣанубаму* ничего еще не значитъ. Это прозвище дается здѣсь вообще всѣмъ аделтамъ „тайныхъ наукъ“. Народная молва увѣряетъ будто особа предназначенная судьбой сдѣлаться „владыкой тайныхъ силъ природы“ родится съ весьма длинными руками... Возвращаемся къ исторіи.

Во время взятія Дельи приступомъ въ 1857—58 году, когда Англичане ворвались наконецъ въ городъ, произошло слѣдующее историческое событіе: городъ былъ взятъ, но старый король исчезъ, и его нигдѣ не могли отыскать. Наконецъ, какъ и всегда при такихъ затрудненіяхъ, нашелся и между Могулами Иуда-предатель. За мѣшокъ золота, да щедрыя обѣщанія прощенія и пенсіи, самъ тестъ наследнаго принца, мирза Эллахи-Буктъ, съ помощью нѣкоего Руджиб-Али, „муши“ (учителя), предалъ Великаго Могула въ руки авантюриста Ходсона, а вмѣстѣ съ нимъ и четырехъ принцевъ Делійскаго дома, — *шамзада*. Короля нашего спрятаннымъ тамъ гдѣ его бы никогда не открыли, и еслибы не это предательство, то онъ успѣлъ бы уйти за Гималаи. Разували что онъ уже успѣлъ передать нѣкоторый ящикъ съ драгоценностями и бумагами принцамъ, и капитанъ Ходсонъ—одно имя коего заставляетъ краснѣть отъ стыда не легко красивую англійскую армію—бросился въ логово за принцами. Ихъ нашли спрятанными въ окрестностяхъ Дельи въ одномъ изъ тайниковъ гробницъ „Долины Смерти“. Живыми ихъ взять было трудно, такъ какъ всѣ они со всѣми сопутствующими имъ домочадцами приготовлялись взорвать себя на воздухъ, а Ходсонъ желалъ овладѣть и получить въ сохранности если не самихъ принцевъ, то находящіяся при нихъ драгоценности. Онъ пошелъ на хитрость. Обѣщая имъ *отъ имени правительства* прощеніе, дарованіе жизни и полное помилованіе, онъ ихъ уговорилъ сдать и ихъ повезти въ городъ. Стоитъ лишь прочесть *Войну сипаевъ* сэръ-Джона Кая, * очевидно описываемыхъ имъ событій, чтобъ узнать въ подробности что затѣмъ произошло. Послѣ всѣхъ своихъ обѣщаній, подлецъ Ходсонъ приказалъ остановить лагакінъ принцевъ, а имъ самимъ выйти и стать предъ нимъ на серединѣ дороги, гдѣ онъ ихъ ожидалъ верхомъ. Предчувствуя предательство, принцы вышли одни, оставивъ одного изъ щито-

* *Sepoy War*, by Sir John Kay. Vol. II.

носцевъ съ ящикомъ и небольшимъ древнимъ серебрянымъ ларчикомъ у паланкина. Тогда, притворясь будто онъ желаетъ съ ними переговорить, Ходсонъ началъ съ ними разговоръ, а между тѣмъ его солдаты, по условленному знаку, перерѣзали четырехъ принцевъ и ихъ свиту какъ барановъ. Затѣмъ онъ бросился къ паланкину; но ни ящика съ драгоценностями, ни ларчика, ни человѣка оставленнаго тамъ уже не было. Во время свалки и этой ужасной рѣзки силой исчезъ, и о немъ никогда не слышали болѣе. Что случилось съ сокровищами—не берусь сказать. Но ларчикъ съ бумагами оставилъ по себѣ слѣды. По крайней мѣрѣ, по разказамъ, одинъ изъ свитковъ пергамента находится у нѣкоего воеводы Сѣверо-Западныхъ провинцій. Рукописи написаны частью по-персидски, частью на языкѣ хинди, и каждая бумага носитъ на себѣ собственную печать императора. Это замѣтки, записки, документы кои въ цѣломъ составляютъ какъ бы записную книжку императора Джелалъ-Уддина Акбара. Узнала же я о существованіи ихъ и содержаніи одного изъ пергаментовъ слѣдующимъ куріознымъ мамеромъ. Одинъ изъ членовъ нашего Теософическаго Общества, близкій родственникъ обладающаго таинственнымъ сверткомъ, пожелалъ узнать отъ меня вѣтъ ли въ числѣ русскихъ княжескихъ фамилій имени и фамиліи „Васишти Аджанубаху“.

— Нѣтъ, никогда не слышала, говорю.—Есть у насъ имя Василій, но не Васишти, а про „Аджанубаху“ не слышала. Это что же за имя такое? *Аджанубаху* въ переводѣ съ санскритскаго кажется „длинныя руки“ (*аджану*—длинныя, *баху*—руки). Такъ прозывался Сиваджи, великій вождь Махратовъ и основатель ихъ царства? О немъ что ли идетъ дѣло?..

— Нѣтъ, говорить,—не совсѣмъ. Ну, а имя *Лонгиманусъ* есть въ Россіи?

— И того вѣтъ; а есть фамилія Долгорукихъ, если буквально перевести съ латайскаго *Лонгиманусъ* и санскритскаго *Аджанубаху*.

— Ну вотъ и добралось, замѣчаетъ мнѣ мой собесѣдникъ,—теперь для меня все ясно...

— А для меня такъ стало еще темнѣе!..

Тогда я узнала отъ него легенду о ландитѣ Васиштѣ и Акбарѣ и только что разказанный мною эпизодъ при Дельи. Записки Акбара интересовали его уже съ давнихъ поръ. Хорошо знакомый съ языками, онъ изучилъ замѣтки императора и, зная о легендѣ астролога Васишти въ Агрѣ,

тотчасъ же смекнулъ что одна изъ записей въ нихъ касается этого таинственнаго незнакомца. На всѣ мои просьбы показать мнѣ бумаги, онъ долженъ былъ отказать мнѣ, такъ какъ онъ хранятся въ тайникѣ известномъ одному ихъ обладателю, старшему брату его. Но тутъ же обѣщавъ перевести слово въ слово акбаровскую записку, которую онъ списалъ для себя. Онъ сдержалъ слово. Вотъ она какъ была написана, по лѣтосчисленію мусульманъ, въ 988 году эгиры.

Перевожу съ англійскаго перевода сдѣланнаго изъ разбросанныхъ замѣтокъ въ документахъ Акбара.

Замѣтка 1а. „Въ началѣ полнолунія, мѣсяца Морана 935 года (1557) приведенъ быль изъ Гхѣзни Патаномъ Асафъ-Ханомъ, отъ „уламама“ (?), молодой *Московъ*. Взятъ и порабощенъ въ Килчакъ-Ханатъ (Золотая орда) при *дервентъ* Казани (?), въ тѣ дни когда шейтанъ въ образѣ московскаго царя, говорятъ, разбилъ хановъ... Зовутъ молодого *Москова* въ переводѣ на нашъ языкъ *хинди* (то-есть санскритскій) *Косръ Васиштѣ Аджанубаху*, * также—*Донгимануос* на языкѣ Португаловъ *падри* (миссіонеровъ). Онъ сынъ стараго *Косра* (князя) убитаго въ Килчакъ-Ханатъ... *Васишта* говорить такъ: „Языкъ свой, московскій, знаю; также языки Ирана и Патана. Учился астрологіи и *мудрости* въ Гиланѣ (при Каспійскомъ морѣ). Оттуда повезли меня опять въ Иранъ, гдѣ служилъ царю Тамасту. Падшахъ разсердился за дурной совѣтъ и подарилъ меня Асафъ-Хану. Хочу учиться премудрости *суфій* и самановъ... (вѣроятно шамановъ или шамановъ, буддистовъ)... и хочу получить *шастъ* (цѣль, но въ этомъ смыслѣ талисманъ) съ Великимъ Именемъ на немъ“... „Пусть учится“. А далѣе: „Отосланъ въ Кашмиръ“.

Замѣтка 2а. ...„Вернулся для совѣщаній, получилъ *Аллаху Акбаръ*. ** *Васишти* отыскалъ Великое имя *Хэ* *** и посвящаетъ Суфіевъ благословенной Рабіи.“ ****

* А съ этого въ переводѣ на русскій языкъ—князь (коосръ) *Васишта* (или *Василій*) *Длинные Руки* или *Долгорукій*!!

** Символическій девизъ Акбара, вырѣзанный на талисманѣ и который Акбаръ жаловалъ лишь признаваемымъ магикамъ и астрологамъ для ношенія оного на тюрбанѣ, какъ знакъ ихъ достоинства.

*** *Хэ*, *Нем*, въ переводѣ—Онъ, то-есть Богъ.

**** *Рабіа* была основательницей мистической секты *суфъ* и жила въ первомъ столѣтіи эгиры. Поэтъ персидскій *Хафизъ* принадлежалъ къ этому братству.

ИЗДАНИЯ ЮРГЕНСОНА:
КОРОНАЦИОННЫЙ МАРШЪ

П. ЧАЙКОВСКАГО,

исполненный 23 мая 1883 года на военномъ праздникѣ
въ Сокольникахъ въ Царскомъ павильонѣ.

Издание для оркестра: партитура 2 руб.
голоса 4 „

Для фортепiano: въ 4 руки 1 руб.

„ 2 руки (автора) 60 к. Упрощенн. изд. 50 к.

МОСКВА,

кантата **А. Майнова,**

МУЗЫКА П. ЧАЙКОВСКАГО,

исполненная 19 мая 1883 года во время обѣда въ ГРА-
НОВИТОЙ ПАЛАТѢ.

Издание для хора (соло, меццо-сопрано и баритонъ) съ форте-
пiano 2 руб. Хоровые голоса 2 руб.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ МАРШЪ
ПО СЛУЧАЮ СВЯЩЕННОЙ КОРОНАЦИИ.

Для фортепiano въ двѣ руки, Ф. ЛАНГЕРА, 40 коп.

1812 ГОДЪ.

Торжественная увертюра по случаю освященія ХРАМА
СПАСИТЕЛЯ 26 МАЯ 1883 ГОДА.

МУЗЫКА П. ЧАЙКОВСКАГО.

Издание для оркестра: партитура..... 3 руб.

голоса..... 8 „

Для фортепиано въ 4 руки 2 руб., въ 2 руки 1 р. 25 к.

РОССІЯ.

ОРКЕСТРОВОЕ СОЧИНЕНІЕ А. РУБИНШТЕЙНА,

исполненное въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Ве-
личествъ въ концертномъ залѣ музыкальнаго отдѣла
Выставки 1882 года.

Издание для оркестра: партитура..... 3 р. 50 к.

голоса..... 8 „

Для ф.-п. въ 4 руки 2 р. 50 к., въ 2 руки 1 р. 50 к.

МОСКВА,

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

У П. ЮРГЕНСОНА,

У І. ЮРГЕНСОНА,

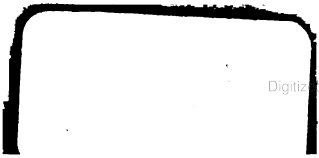
10, Неглинный Проуздъ (уголъ
Кузнецкаго Моста),

Бол. Морская, 9.

и у всѣхъ музыкальныхъ торговцевъ Россіи.

Каталогъ дешевыхъ изданій (5.800 номеровъ) Юрген-
сона высылается бесплатно. П. 5.133.

APR 18 1937

LEATHER — FULL CHROME

Digitized by Google

